Томасъ Карлейль.

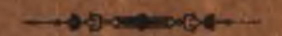
ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

ИСТОРІЯ.

Съ 104 портретами и 68 рисунками.

Переводъ съ англійскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе В. И. Яковенко.
1907.

Томасъ Карлейль.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

ИСТОРІЯ.

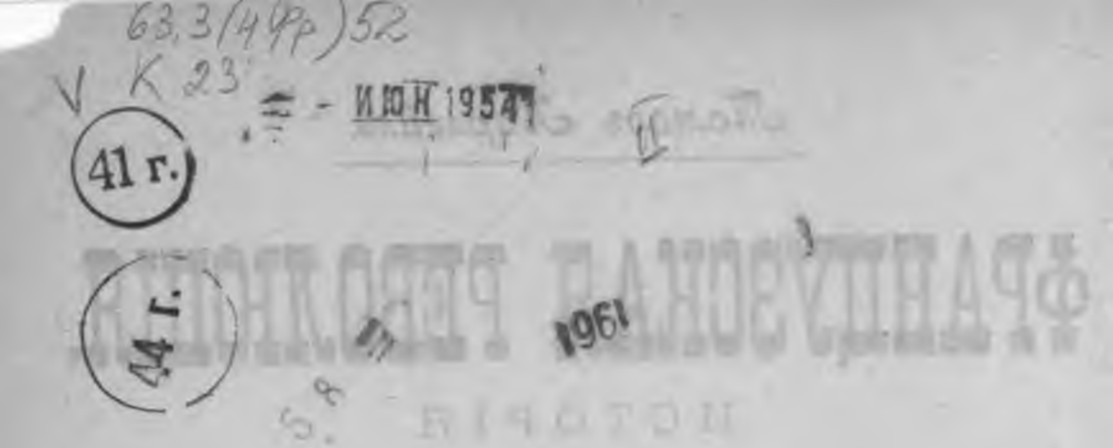
Съ 104 портретами и 68 рисунками.

Μέγα ὁ ἀγὼν ἔστι, θεῖον γὰρ ἔργον ὑπὲρ βασιλείας, ὑπὲρ ἐλευθερίας, ὑπὲρ εὐροίας, ὑπὲρ ἀταραξίας. Arrianus.

Δόγμα γὰρ αὐτῶν τίς μεταβάλλει; χωρὶς δὲ δογμάτων μεταβολῆς, τί ἄλλο ἢ δουλεία στενόντων καὶ πείθεσθαι προσποιουμένων.
Antoninus.

Переводъ съ англійскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе В. И. Яковенко.
1907.

Типографія М. Меркушева, Невскій просп., № 8.

III

Оглавленіе.

Книга VI. Упроченіе основъ.

Книга VII. Возстаніе женщинъ.

Часть I. Конституція.

Книга I. Праздникъ Пикъ.

Книга II. Нанси.

Книга III. Тюльери.

Книга IV. Вареннъ.

Книга V. Первый парламентъ.

Книга VI. Марсельцы.

Часть III. Гильотина.

Книга I. Сентябрь.

Книга II. Цареубійство.

Книга III. Жирондисты.

Книга IV. Терроръ.

Книга V. Торроръ въ порядкѣ дня.

Книга VI. Термидоръ.

Книга VII. Вандемьеръ.

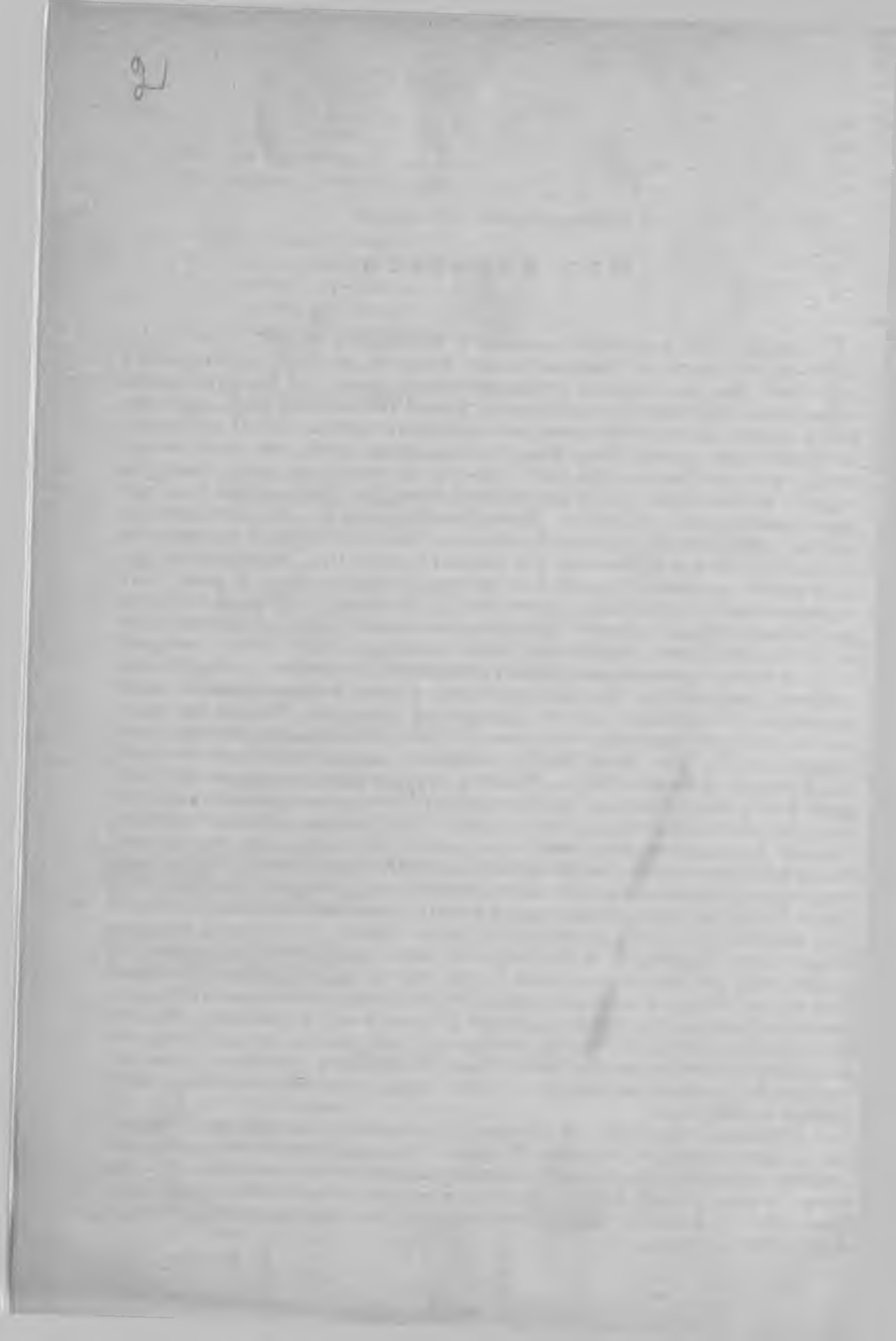
после VI 1

Отъ издателя.

„Французская революція" написана Т. Карлейлемъ въ 1837 году. Слѣдовательно, этой книгѣ уже семьдесятъ лѣтъ. Возрастъ для книги весьма и весьма почтенный, такъ какъ средняя продолжительность жизни для книгъ, не считая нѣсколькихъ десятковъ изъ нихъ, гораздо короче, чѣмъ средняя жизнь человѣка. Книга живетъ не тогда, когда она, разъ изданная, стоитъ на полкахъ библіотекъ въ теченіе даже сотенъ лѣтъ. Книга живетъ тогда, когда она переиздается, когда она на протяженіи лѣтъ истрачивается, разсасывается, такъ сказать, на потребу человѣческаго духа и вновь нарождается. Къ такого именно рода книгамъ принадлежитъ Карлейлева „Французская революція". Въ Англіи она выдержала много изданій, дорогихъ и дешевыхъ, стереотипирована и постоянно переиздается, никогда не выбывая изъ книжнаго рынка. Она переведена на другіе европейскіе языки и отъ поры до времени появляется вновь и вновь. Такъ одновременно съ тѣмъ, какъ я приступилъ къ печатанію этой книги по-русски, въ Германіи начало выходить отдѣльными выпусками новое роскошное изданіе ея по-нѣмецки. Итакъ, Карлейлева „Французская революція" стойко выдерживаетъ испытаніе времени, и не только времени, но и испытаніе громадной конкуренціи, такъ какъ съ тѣхъ поръ появилась и вновь появляется масса талантливыхъ и безталанныхъ исторій французской революціи. Секретъ долговѣчности этой книги заключается въ томъ, что это „геніальное произведеніе", какъ призналъ то въ свое время Милль, геніальное художественное произведеніе. Это, говоритъ историкъ Фроудъ, Эсхилова драма, содержаніе которой до малѣйшаго факта взято изъ самой дѣйствительности и въ которой еще разъ появляются на нашей прозаической землѣ фуріи и потрясаютъ своими страшными змѣями. Это цѣльное, органическое произведеніе, вышедшее какъ бы изъ рукъ самой природы, въ немъ ничего нельзя прибавить или исключить. Передъ вами тянутся безконечной вереницей вполнѣ живые люди, съ плотью и кровью. Карлейль умѣетъ вызвать ихъ изъ праха разныхъ мемуаровъ и документовъ, и они неизгладимо запечатлѣваются въ вашей памяти. Необычайная драматическая сила соединяется у Карлейля съ такою же любовью къ истинѣ, составляющей для него нравственный долгъ. Онъ не щадилъ труда и съ нѣмецкой обстоятельностью изучалъ всякую мелочь. Но все это попадаетъ предварительно точно въ гигантское пылающее горнило и оттуда уже бьетъ могучей струей чистаго металла. Таковы особенность и достоинство этого произведенія этой единственной въ своемъ родѣ исторіи французской революціи, и мнѣ незачѣмъ объяснять болѣе, почему я издаю теперь по-русски эту книгу, написанную въ 1837 году.

Переводъ съ англійскаго сдѣланъ Л. Раковской, К. Жихаревой и С. Ивановой и пересмотрѣнъ А. Каррикъ. Рисунки и портреты взяты изъ альбома рисунковъ времени французской революціи, изданнаго Armand Dayot: „La Révolution Française. Constituante—Législative—Convention—Directoire. D'apres des peintures, sculptures, gravures, medailles, objets du temps".

В. Яковенко.

ЧАСТЬ I.

БАСТИЛІЯ.

щеніе о болѣзни короля, на ряду съ другими новостями. Нельзя же не держать пари по этому поводу... Болѣе того: „Иные осмѣливаются громко говорить на улицахъ"... [1]) А надъ зеленымъ полемъ и надъ колокольнями города майское солнце сіяетъ, майскій вечеръ гаснетъ и люди занимаются своими полезными или безполезными дѣлами, какъ будто никакому Людовику не грозитъ смерть.

Г-жа Дюбарри, та, дѣйствительно, могла бы молиться, еслибъ обладала способностью къ тому; равно и герцогъ д'Эгильонъ, Мопу и парламентъ Мопу: эти-то господа, на своихъ высокихъ постахъ, съ взнузданной Франціей подъ ногами, отлично знаютъ, чѣмъ они держатся. Смотри же, д'Эгильонъ, смотри пристально, какъ ты смотрѣлъ изъ Сен-Кастской мельницы на Киберонъ и на вторгающихся англичанъ, — ты, герой, „покрытый если не славой, то мукой!" Извѣстно, что счастье непостоянно, и каждому улыбается только разъ.

Покинутый герцогъ д'Эгильонъ влачилъ уже нѣсколько лѣтъ жалкое существованіе, покрытый, какъ мы сказали, мукой, нѣтъ кое-чѣмъ еще худшимъ. Ла-Шалоте, членъ бретонскаго парламента, обвинялъ его не только въ трусости и тираніи, но даже и въ лихоимствѣ (оффиціальномъ расхищеніи денегъ),—обвиненія, которыя легче „прекращать" подпольными вліяніями, чѣмъ отвѣчать на нихъ; еще труднѣе заставить замолчать мысль, или хотя бы людской языкъ. Такимъ образомъ, печально помрачалась слава этого внука великаго Ришелье, неуважаемаго людьми, презираемаго, а то и совсѣмъ позабытаго рѣшительнымъ суровымъ и гордымъ Шуазелемъ. Ему не оставалось другого выхода, какъ скрыться въ Гаскони, заняться тамъ перестройкой своихъ замковъ [2]) и умереть безславной смертью, охотясь за дичью. Однако, въ 1770 году, одинъ молодой солдатъ, по имени Дюмуріе, возвращаясь съ Корсики, „съ огорченіемъ видѣлъ, въ Компіени, какъ престарѣлый король Франціи, стоя съ обнаженной головой около великолѣпнаго фаэтона, почтительно раскланивался, передъ лицомъ всей своей арміи, съ Дюбарри" [3]).

д'Эгильонъ.

Какъ много это означало! Прежде всего, благодаря этому, д'Эгильонъ могъ отложить перестройку своего замка и заняться снова устройствомъ своего счастья. Упрямый Шуазель не хотѣлъ видѣть въ Дюбарри ничего, кромѣ ослѣпительно разряженной куртизанки, и шелъ своимъ путемъ, какъ будто ея не существовало. Это было невыносимо и служило источникомъ вздоховъ, слезъ, вспышекъ и капризовъ, не прекращавшихся до тѣхъ поръ, пока „Франція" (La France, какъ называла Дюбарри своего царственнаго лакея) не собрался съ духомъ, и не вызвалъ къ себѣ Шуазеля, съ „дрожащимъ подбородкомъ" (tremblement du menton), какъ и естественно въ подобномъ случаѣ [4]),—онъ пробормоталъ ему отставку, отставку послѣдняго дѣльнаго человѣка, но за то умиротворилъ свою фаворитку. Такимъ образомъ д'Эгильонъ возвысился снова и на этотъ разъ достигъ вершины. А съ нимъ возвысился и Мопу; Мопу, разгонявшій парламенты и посадившій одного строптиваго президента „въ Кроэ, въ Комбрайлѣ, на самую вершину крутой скалы,—куда можно было взобраться лишь при помощи искусственныхъ приспособленій", чтобы дать ему тамъ время одуматься. Выдвинулся

[1]) Mémoires de M. le Baron Besenval (Paris, 1805) II. 59—90.

[2]) Arthur Young: Travels during the years 1787—88—89 (Bury St. Edmund's, 1792) I, 44.

[3]) La Vie et les Mémoires du Général Dumouriez (Paris, 1822) I, 141.

[4]) Besenval, Mémoires, II, 21.

и аббатъ-Терре, распутный финансистъ, платившій восемь пенсовъ за шиллингъ, такъ что какіе-то остряки, во время давки передъ театромъ, воскликнули: „Гдѣ же аббатъ Терре, онъ сократилъ бы насъ на двѣ трети!" Вся эта компанія (поистинѣ, посредствомъ черной магіи) устроила себѣ волшебное „царство Дюбарри", настоящій дворецъ Армиды, гдѣ и зажила припѣваючи; канцлеръ Мопу „играетъ въ жмурки" съ волшебницей, или галантно даритъ ей карликовъ-негровъ, а христіаннѣйшій король наслаждается безмятежнымъ покоемъ въ своихъ аппартаментахъ, не заботясь о томъ, что дѣлается за ихъ стѣнами. „Мой канцлеръ бездѣльникъ, но я не могу обойтись безъ него", [1]) говоритъ онъ.

Мопу.

Прекрасенъ дворецъ Армиды; обитатели его живутъ заколдованной жизнью, убаюканные сладкой музыкой лести, осыпанные всѣми великолѣпіями міра, — и тѣмъ не менѣе, онъ словно чудомъ, виситъ на волоскѣ. Что, если христіаннѣйшій король умретъ, или только серьезно испугается смерти! Увы, развѣ не пришлось высокомѣрной красавицѣ Шатору, изгнанной угрюмыми монахами, въ слезахъ и съ пылающимъ гнѣвомъ въ сердцѣ, бѣжать некогда изъ Меца, во время горячки короля? Ей едва удалось вернуться, когда монахи и горячка отступили уже на задній планъ. А когда Дамiенъ „слегка ранилъ его величество подъ пятое ребро", и нашъ отъѣздъ въ Тріанонъ происходилъ среди совершенно ненужныхъ криковъ и безумнаго маханья факелами, сама Помпадуръ была принуждена уложиться и приготовиться къ отъѣзду; однако тогда до разлуки дѣло не дошло, такъ какъ рана оказалась не отравленной. Вѣдь, его величество — человѣкъ вѣрующій; онъ вѣруетъ, по крайней мѣрѣ, въ дьявола. А теперь надвинулась третья опасность, и, кто знаетъ, чѣмъ она разрѣшится! Доктора что-то серьезны, спрашиваютъ по секрету, была ли у его величества когда-нибудь оспа, и опасаются, что если была, то не настоящая. Да, Мопу, хмурь свои зловѣщія брови и гляди въ оба лукавыми крысьими глазами: дѣло оказывается сомнительнымъ. Несомнѣнно одно: что человѣкъ смертенъ, и что вмѣстѣ съ жизнью одного смертнаго безвозвратно разобьется чудеснѣйшій талисманъ, и все царство Дюбарри съ грохотомъ рухнетъ въ безпредѣльное пространство, а вы, по обычаю явленій подземнаго міра, исчезнете совершенно, оставивъ послѣ себя лишь запахъ сѣры!

Эти люди и приспѣшники ихъ могутъ молиться Вельзевулу, или кому бы то ни было, кто захочетъ внимать имъ. Но остальная Франція, какъ мы сказали, молитвъ не возноситъ, или же слышатся молитвы противоположнаго рода, „открыто выражаемыя на улицахъ". Замки и дворцы, гдѣ просвѣщенная философія занимается изслѣдованіемъ множества вещей, не склонны къ молитвамъ; побѣды, въ родѣ побѣды при Росбахѣ, финансовыя мѣры Терре и „шестьдесятъ тысячъ Lettres de cachét" (дѣло Мопу) тоже не располагаютъ къ нимъ. О, Гено! Молитвы? Какихъ молитвъ можно ожидать отъ Франціи, пораженной (посредствомъ черной магіи) чисто египетскими казнями и лежащей теперь, въ мукахъ и позорѣ, подъ пятой распутницы? Или эти истощенные и голодные хищники, накинувшіеся на Францію и проникшіе во всѣ отрасли ея жизни, будутъ молиться? Или же молиться будутъ эти отупѣвшіе милліоны, изводящіеся въ мастерскихъ или на поляхъ въ вѣчномъ колесѣ труда, подобно лошади на топчакѣ, которая, если слѣпа, то тѣмъ спокойнѣе работаетъ? Или, можетъ быть,

[1]) Dulaure, Histoire de Paris (Paris, 1824) VII, 328.

это будутъ дѣлать тѣ несчастные, которые лежатъ въ госпиталѣ Бисестра „по восьми на одной постели“, въ ожиданіи своего избавленія? Головы ихъ помрачены, сердца пусты, въ нихъ замерла жизнь, великій государь извѣстенъ имъ, главнымъ образомъ, какъ великій скупщикъ хлѣба. Услышавъ о его болѣзни, они отвѣтятъ равнодушно „Tant pis pour lui“, тѣмъ хуже для него, или спросятъ: „Онъ умретъ?“.

Да, умретъ ли онъ? Для всей Франціи теперь это важный вопросъ и надежда, только благодаря этому болѣзнь короля и возбуждаетъ еще хоть какой нибудь интересъ.

ГЛАВА II.

Осуществленные идеалы.

Такъ-то измѣнилась Франція, и такъ-то измѣнился Людовикъ. Дѣйствительно, измѣнились и болѣе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Око исторіи, во всякомъ случаѣ, видитъ теперь въ комнатѣ больного Людовика многое такое, чего присутствовавшіе придворные не видѣли. Гдѣ-то вѣрно сказано, что „во всякомъ предметѣ заключается неисчерпаемое значеніе, но глазъ видитъ лишь то, что доступно его зрительнымъ способностямъ“. Какимъ различнымъ представляется міръ для Ньютона и для Ньютоновой собаки, Алмаза, хотя изображеніе его на сѣтчатой оболочкѣ у обоихъ, весьма вѣроятно, одинаково! Пусть же читатель попытается заглянуть въ эту комнату больного Людовика и духовнымъ окомъ.

Было время, когда люди могли (такъ сказать) изъ извѣстнаго человѣка, питая и украшая его надлежащимъ образомъ и до надлежащей степени, дѣлать себѣ короля почти такъ, какъ это дѣлаютъ пчелы; и, что еще болѣе соотвѣтствовало цѣли, они лояльно повиновались созданному ими королю. Такимъ образомъ вскормленный и наряженный человѣкъ, отнынѣ именуемый королемъ, дѣйствительно, господствуетъ и управляетъ; про него, напримѣръ, не только говорятъ, но и думаютъ, что „онъ совершаетъ завоеванія во Фландріи“, тогда какъ онъ просто дозволяетъ везти себя туда, какъ багажъ. И багажъ не легкій, занимающій дорогу на цѣлыя мили, такъ какъ онъ везетъ съ собой свою безстыдную Шатору съ картонками и банками румянъ и при каждой остановкѣ, между ихъ покоями, устраивается деревянная галлерея. Кромѣ того, онъ везетъ, не только свою Maison-Bouche и безчисленную Valetaille, но и труппу актеровъ, съ картонными кулисами, бочками для грома, котлами, скрипками, костюмами, переносными кухнями (и неизбѣжными ссорами и дрязгами); все это нагружено въ повозки, фуры, второклассные экипажи и вполнѣ достаточно, если не для завоеванія Фландріи, то для истощенія человѣческаго терпѣнія. Съ такимъ-то ворохомъ гремящихъ и шумящихъ принадлежностей король передвигается съ мѣста на мѣсто, совершаетъ свои завоеванія во Фландріи. Изумительное зрѣлище! И, однако, такъ оно было и осталось. Иному одинокому мыслителю такіе факты могли казаться странными, но даже и онъ находилъ ихъ неизбѣжными и естественными.

Міръ нашъ весьма пластиченъ, а человѣкъ самое пластическое изъ существъ. Міръ неопредѣлимъ, неисповѣдимъ! Неисповѣдимое Нѣчто, что Не мы, но надъ чѣмъ мы можемъ орудовать, среди чего мы живемъ, что мы можемъ чудеснымъ образомъ формировать въ нашемъ чудесномъ существѣ, и что мы называемъ міромъ. Но если, по ученію метафизики, даже скалы и рѣки, строго говоря, созданы нашими внѣшними чувствами, то тѣмъ болѣе созданы внутренними чувствами всѣ явленія духовнаго порядка: достоинства, авторитеты, святое, несвятое! Внутреннія чувства къ тому же не постоянны, подобно внѣш-

нимъ, а непрерывно растутъ и измѣняются. Развѣ черный африканецъ не устраиваетъ себѣ изъ искуснаго соединенія палокъ и стараго платья (вывезеннаго, можетъ быть, съ какого нибудь лондонскаго базара) идола (видимое Нѣчто), не называетъ его Мумбо-Джумбо, и не молится ему, устремивъ на него глаза, исполненные робкой надеждой? Бѣлый европеецъ смѣется надъ этимъ; но лучше бы ему поразмыслить и посмотрѣть,—не можетъ ли онъ въ подобныхъ же случаяхъ у себя дома поступать нѣсколько умнѣе.

Такъ было, говоримъ мы, при завоеваніяхъ во Фландріи, тридцать лѣтъ назадъ; но теперь это уже не такъ. Увы, теперь боленъ не одинъ Людовикъ, боленъ не только французскій король, но и все французское королевство; и оно сломилось отъ долгихъ слезъ и потрясеній. Весь міръ измѣнился: многое, что казалось сильнымъ и здоровымъ, свалилось отъ дряхлости, многое, чего не было, начинаетъ появляться!—Что это за звуки, глухіе и грозные, новые для нашихъ вѣковъ, доносятся съ той стороны Атлантики, до слабѣющаго слуха Людовика, короля Милостью Божьею? Бостонская гавань почернѣла отъ неожиданнаго настоя. Смотрите, собирается пенсильванскій конгрессъ, и вскорѣ, въ Бункеръ Гиллѣ, подъ смертоносные ружейные залпы и звуки Yankee-doodle-doo, Демократія, развернувъ звѣздное знамя, возвѣститъ о своемъ рожденіи и о томъ, что она, подобно смерчу, охватитъ весь міръ!

Умираютъ правители, и рушатся троны, какъ умираетъ все, ибо все временно и представляетъ лишь „призракъ времени, мнящій себя, однако, дѣйствительностью!“ Короли Меровинги, съ длинными, развѣвающимися волосами, медленно двигавшіеся на запряженныхъ волами повозкахъ по улицамъ Парижа, всѣ ушли далеко—въ вѣчность. Карлъ Великій спитъ въ Зальцбургѣ съ опущеннымъ жезломъ и только легенда сулитъ его пробужденіе. Гдѣ теперь грозный взглядъ, повелительный голосъ Карла Мартеля и Пипина Короткаго? Ролло и его косматые норманны не покрываютъ уже Сены своими кораблями; они уплыли въ болѣе далекое путешествіе. Волосы Пеньковой Головы (Tête d'étoupes) не нуждаются болѣе въ гребнѣ; Крушителю желѣза (Taillefer) не перервать и паутинки; сварливыя Фредегонда и Брунгильда покончили свой горячій жизненный споръ и лежатъ безмолвно: пылающее неистовство ихъ остыло. Съ черной Нельской башни уже не бросаютъ ночью въ воды Сены завязанное въ мѣшокъ тѣло осужденнаго на смерть поклонника; владѣлица Нельскаго замка не жаждетъ болѣе любовныхъ наслажденій и не боится злыхъ языковъ; она сама уже перешла въ безмолвіе ночи. Всѣ они ушли, погрузились глубоко, глубоко, со всѣмъ шумомъ который они производили, и все новыя и новыя поколѣнія съ топотомъ и грохотомъ проходятъ надъ ними; но они не слышатъ и никогда не услышатъ ихъ.

Однако, развѣ, ничего не было осуществлено? Посмотрите хотя бы на эти огромныя каменныя зданія и на то, что въ нихъ заключается! Грязный городъ пограничныхъ жителей (Lutetia Parisiorum или Barisiorum) вымостился, распространился на всѣ острова по Сенѣ, и вширь, и вдаль, по обоимъ берегамъ и становится городомъ Парижемъ, который хвастливо называетъ себя иногда „Аѳинами Европы“ и даже „Столицей міра“. Тысячелѣтнія, посѣдѣвшія отъ старости каменныя башни мрачно высятся въ небесахъ; въ этомъ городѣ есть соборы, и въ нихъ вѣра (или память о вѣрѣ); есть дворцы, и государство, и законъ. Видишь ли эти облака дыма, какъ бы непрерывное дыханіе живого существа? Тысячи рабочихъ молотовъ ударяютъ о наковальни, и въ то же время совершается безъ шума еще болѣе чудесная работа,—работа не рукъ, а мысли. Во всѣхъ областяхъ могучія головы и сильныя руки могучихъ работниковъ покорили своей власти четыре стихіи; они запрягли вѣтры въ свои морскіе экипажи, сдѣлали даже звѣзды своимъ морскимъ хронометромъ; они — написали и составили Bibliothèque du Roi, въ числѣ книгъ которой находится и книга Евреевъ! Какой изумительный рядъ твореній! Вотъ это осуществлено, — и съ какимъ искусствомъ! Не называйте же прошлаго, со всѣми его заблужденіями и бѣдствіями, потеряннымъ временемъ!

Замѣтьте, однако, что изъ всѣхъ земныхъ владѣній и пріобрѣтеній человѣка наиболѣе благородными являются его символы, божественные или кажущіеся таковыми, опираясь на которые, онъ вступаетъ въ жизненную борьбу съ увѣренностью въ побѣдѣ; эти символы могутъ быть названы его осуществленными идеалами. Остановимся только на двухъ изъ нихъ: на церкви, или духовномъ руководительствѣ, и на королевской власти, или руководительствѣ мірскомъ. Церковь! Что это было за слово! Цѣннѣе Голконды и всѣхъ сокровищъ міра! Въ глубинѣ отдаленнѣйшихъ горъ возвышается маленькая церковь; вокругъ нея, подъ бѣлыми надгробными плитами, спятъ покойники „въ ожиданіи блаженнаго воскресенія". О, читатель, ты былъ бы совсѣмъ безчувственнымъ, если бы такая церковь никогда (даже въ тоскливую полночь, когда она, какъ призракъ, высится въ небѣ, и все сущее поглощено мракомъ) не говорила тебѣ того, чего нельзя выразить словами, но что проникало бы до самыхъ нѣдръ твоей души. Силенъ былъ тотъ, кто имѣлъ церковь,—то, что можно назвать церковью; благодаря ей, онъ, хотя „и въ центрѣ безпредѣльностей, при сліяніи вѣчностей", безстрашно стоялъ передъ лицемъ Бога и людей; невѣдомая, безбрежная Вселенная становилась для него надежнымъ убѣжищемъ, знакомымъ домомъ. Вотъ какая сила заключалась въ вѣрѣ, въ этомъ словѣ: „В ѣ р у ю", сказанномъ съ убѣжденіемъ. Понятно, что люди прославляли свою вѣру, строили для нея величественные храмы, учреждали почитаемыя іерархіи и отдавали ей десятую часть своего имущества. Такая вѣра стоила, чтобы для нея жить и за нее умирать.

Значителенъ былъ и тотъ моментъ, когда вооруженные дикари впервые подняли на щиты самаго сильнаго изъ своей среды и, гремя оружіемъ, съ бьющимися сердцами, торжественно сказали: „Будь ты нашимъ признаннымъ Сильнѣйшимъ!" Какой символъ засіялъ имъ въ лицѣ этого признаннаго Сильнѣйшаго (называемаго королемъ—Kon-ning, человѣкъ, который можетъ)—символъ, имѣвшій огромное значеніе для судебъ міра! Символъ надежнаго руководительства въ отвѣтъ на любовное повиновеніе, въ сущности составляющій первую потребность человѣка невѣдомо для него самого. Символъ, который можно бы назвать святыней, такъ какъ есть своего рода святость въ уваженіи къ тому, что лучше насъ. Поэтому-то и можно было утверждать, что на признанномъ Сильнѣйшемъ почіетъ божественное право, и всякій Сильнѣйшій, признанный или нѣтъ, могъ, по отношенію къ тому, кто его таковымъ сдѣлалъ, разсчитывать на признаніе за собой божественнаго права. Такимъ образомъ, среди смутъ и противорѣчій (какъ и всегда при ростѣ чего нибудь), образовалась королевская власть и, окруженная лояльной преданностью, стала расти таинственнымъ образомъ, подчиняя и захватывая въ себя все (ибо въ ней было жизненное начало) до тѣхъ поръ, пока не охватила всего міра и не сдѣлалась однимъ изъ главныхъ факторовъ нашего современнаго существованія. Такой, напримѣръ, фактъ, что Людовикъ XIV могъ отвѣтить на жалобы магистрата знаменитымъ „L'Etat c'est moi" (Государство — это я), не встрѣтивъ иного возраженія, кромѣ молчанія и опущенныхъ взоровъ, показываетъ, до какой высоты довели королевскую власть случай и предусмотрительность. Людовики Одиннадцатые съ оловянными богородицами на лентахъ шляпы, а подъ ногами у нихъ—колеса для пытокъ и коническія oubliettes (въ которыхъ заживо погребаются люди). Генрихи Четвертые, провозвѣстники соціальнаго золотаго вѣка, „когда у каждаго крестьянина будетъ въ супѣ курица,"—и вся вообще плодотворность этого плодотворнѣйшаго существованія, въ которомъ есть, и Добро и Зло. Изумительно! Развѣ нельзя сказать и по этому поводу, что въ огромной массѣ зла, которая клубится, нарастая, заключена и частица добра, стремленіе къ освобожденію и побѣдѣ?

Если міровая исторія чему нибудь учитъ, то она должна объяснить намъ, какимъ образомъ осуществляются эти идеалы, какимъ чудомъ вырастаютъ они изъ безсвязнаго, вѣчно-колеблющагося хаоса дѣйствительности; какъ, послѣ долгаго, бурнаго роста, достигаютъ высшей степени расцвѣта и зрѣлости;

а потомъ быстро увядаютъ (пора цвѣтенія коротка), печально сохнутъ и превращаются въ прахъ, исчезая съ шумомъ или безшумно. Пора цвѣтенія такъ коротка; она не продолжительнѣе цвѣтенія столѣтняго кактуса, который послѣ цѣлаго вѣка ожиданій красуется всего нѣсколько часовъ! Такъ, съ того дня, когда суровый Хлодвигъ, на глазахъ у всей своей арміи, разсѣкъ на Марсовомъ Полѣ сѣкирой голову грубому франку, произнеся гордыя слова: „Вотъ такъ ты разбилъ священный сосудъ въ Суассонѣ (Св. Реми и мой)“, и до Людовика Великаго съ его L'Etat c'est moi, мы насчитываемъ около тысячи двухсотъ лѣтъ; а теперь слѣдующій за нимъ Людовикъ лежитъ на смертномъ одрѣ, и многое умираетъ вмѣстѣ съ нимъ!

Но что сказать о тѣхъ временахъ упадка, когда идеалы не растутъ и не цвѣтутъ, когда вѣра и лояльность исчезли, и остались отъ нихъ лишь тѣнь и лживый отголосокъ; когда все торжественное превратилось въ напыщенное, и вѣра людей во власть сдѣлалась или глупостью или макіавелизмомъ? На такія времена міровая исторія не можетъ обращать вниманія; они будутъ все болѣе и болѣе сжиматься и въ концѣ концовъ будутъ вычеркнуты изъ лѣтописей человѣчества, какъ не существенныя,—какими они дѣйствительно и были. Несчастныя времена; родиться въ такое время — несчастіе, если вообще это можетъ быть несчастіемъ. Родиться, чтобы изъ каждаго преданія и примѣра узнавать, что Божій міръ есть міръ діавола и лжи, что „верховный шарлатанъ“ есть въ то же время и верховный іерархъ людей! Но развѣ мы не видимъ, что цѣлыя поколѣнія (два, а иногда и три подрядъ) живутъ въ этой безотраднѣйшей вѣрѣ—или воображаютъ что живутъ—и исчезаютъ безъ надежды на возвращеніе?

Въ такой періодъ упадка, или быстраго приближенія къ нему, родился, нашъ злосчастный Людовикъ. Надо признаться, что, если французскому королевству по самой природѣ вещей оставалось недолго жить, то изъ всѣхъ людей именно Людовикъ былъ наиболѣе способенъ ускорить дѣло природы. Подобно цвѣтку кактуса, французское королевство разцвѣло съ изумительною пышностью. Въ тѣ мецскіе дни оно еще сохраняло всѣ свои лепестки, хотя и начинало уже увядать въ рукахъ регентовъ-Орлеанскихъ и безнравственныхъ министровъ и кардиналовъ; но теперь, въ 1774 году, мы видимъ, что лепестки уже всѣ облетѣли и что жизненная сила почти вся ушла изъ него.

Дѣйствительно, печальный видъ являютъ самые эти „осуществленные идеалы“, всѣ до одного! Церковь, которая, въ пору своего расцвѣта, семьсотъ лѣтъ тому назадъ, могла заставить императора простоять три дня въ снѣгу, босикомъ, въ власяницѣ, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ видѣла свое паденіе и принуждена, забывъ о прежнихъ цѣляхъ и враждѣ, соединитѣ свои интересы съ интересами королевской власти, пытаясь найти въ этой болѣе молодой силѣ поддержку въ своей слабости и упадкѣ; отнынѣ обѣ эти силы будутъ стоять вмѣстѣ, и вмѣстѣ падутъ. Увы, Сорбонна по прежнему засѣдаетъ на своемъ старомъ мѣстѣ, но бормочетъ что-то несуразное и не руководитъ уже болѣе совѣстью людей; не Сорбонна, а Энциклопедія, Философія и, Богъ вѣсть, какая безымянная толпа бойкихъ писателей, нечестивыхъ поэтовъ, романистовъ, актеровъ, полемистовъ и памфлетистовъ, взяли теперь на себя духовное руководительство міромъ. Утрачено и дѣйствительное управленіе государствомъ; и оно перешло въ руки того же смѣшаннаго общества. Гдѣ тѣ люди, которыми управляетъ теперь король (Ableman, называемый также Roi, Rex—правитель)? Его собственные охотники и псари, когда не предполагается охоты, говорятъ: „Le Roi ne fera rien“ (Король сегодня ничего не будетъ дѣлать) [1]. Онъ влачитъ свою жизнь, потому что живетъ, и никто еще не наложилъ на него руку.

Дворяне тоже почти перестали править или неправить и, подобно своему владыкѣ, превратились въ декоративныя фигуры. Много времени прошло съ тѣхъ

[1]) Memoires sur la Vie privee de Marie-Antoinette, par Madame Campan (Paris, 1826). I, 12.

норъ, какъ они избивали другъ друга, или своихъ королей; рабочій людъ, покровительствуемый и поощряемый трономъ, давно построилъ города, обнесенные стѣнами, и занимается въ нихъ своими ремеслами; онъ не позволитъ уже хищнымъ баронамъ жить разбоемъ и держитъ наготовѣ висѣлицы для нихъ. Уже со времени Фронды дворянинъ смѣнилъ свой боевой мечъ на придворную шпагу и сопровождаетъ теперь лояльно короля, какъ услужливый сателлитъ, добиваясь участія въ дѣлежѣ добычи не силой и убійствомъ, а низкопоклонствомъ и хитростью. Люди эти называютъ себя опорой трона, — странныя вызолоченныя каріатиды изъ картона въ странномъ зданіи! Впрочемъ, ихъ привилегіи во всѣхъ направленіяхъ теперь сильно урѣзаны. Законъ, позволяющій вельможѣ, по возвращеніи съ охоты, убить двухъ—но не болѣе—крѣпостныхъ, чтобы освѣжить свои ноги въ ихъ теплой крови и внутренностяхъ, совершенно вышелъ изъ обычая и кажется даже невѣроятнымъ; мы, по крайней мѣрѣ, отказываемся вѣрить, что онъ могъ существовать, хотя депутатъ Лапуль и требуетъ отмѣны его [1]). За послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ, никакой Шаролуа, какимъ бы ни былъ онъ любителемъ стрѣльбы, не обнаруживалъ привычки стрѣлять въ кровельщиковъ и маляровъ, чтобъ полюбоваться зрѣлищемъ ихъ паденія съ крыши [2]); каждый довольствуется теперь тетеревами и куропатками. При ближайшемъ изслѣдованіи, дѣятельность и призваніе вельможъ заключаются теперь въ томъ, чтобы изящно одѣваться и имѣть пышный столъ. Ихъ развращенность и испорченность могутъ сравниться развѣ только съ нравами временъ Тиверія и Коммода. Тѣмъ не менѣе, можно отчасти согласиться съ супругой маршала, сказавшей: „Повѣрьте, сэръ, Богъ призадумается, прежде чѣмъ отправить въ адъ человѣка такого ранга“ [3]). Въ старину, люди эти, несомнѣнно, имѣли свои достоинства, были полезны; иначе они не существовали бы. Впрочемъ, одна добродѣтель требуется отъ нихъ и сейчасъ (смертный не можетъ обходиться безъ совѣсти): это постоянная готовность драться на дуэли.

Таковы пастыри народа. Посмотримъ теперь, каково самое стадо? Со стадомъ дѣла, неизбѣжно, обстоятъ плохо, и становятся все хуже: его не пасутъ, его только регулярно стригутъ. Оно высылается на барщину, платить налоги, его заставляютъ удобрять поля сраженій (называемыя „ложемъ чести“) своими тѣлами, въ распряхъ, которыя ему чужды; руки и трудъ его принадлежатъ всякому, тогда какъ ему самому принадлежитъ немногое, или совсѣмъ ничего. Томиться въ безпросвѣтной темнотѣ, грязи, нищетѣ и лишеніяхъ, изнывать отъ невѣжества, горя и голода,—таковъ удѣлъ милліоновъ; это—peuple taillable et corvéable a merci et miséricorde [4]). Въ Бретани, когда впервые устроили башенные часы, народъ взбунтовался, думая, что это имѣетъ какое-нибудь касательство къ Gabelle (соляному налогу). Парижъ требуетъ періодической чистки полиціей; шайки изголодавшихся бродягъ высылаются въ пространство—на время. „Однажды, во время такой чистки, говоритъ Лакретель, въ маѣ 1750 года, полиція придумала забрать дѣтей нѣкоторыхъ почтенныхъ лицъ, въ надеждѣ вынудить за нихъ выкупъ. Матери наполняютъ площади криками отчаянія; толпа растетъ, приходитъ въ возбужденіе; множество женщинъ бѣгаютъ, какъ безумныя, и увеличиваютъ смятеніе среди народа, изъ устъ въ уста передается отвратительная и нелѣпая басня, будто врачи прописали одной высокой особѣ ванны изъ дѣтской крови, для возстановленія своей собственной, испорченной развратомъ. Нѣкоторые изъ мятежниковъ“, хладнокровно прибавляетъ Лакретель, „были повѣшены въ слѣдующіе дни“. Полиція продолжала дѣйство-

---

[1]) Histore de la Revolution Francaise par Deux Amis de la Liberte (Paris, 1792), II, 212.

[2]) Lacretelle: Histoire de France pendant le XVIII-e siecle (Paris, 1819), I, 271.

[3]) Dulaure, VII, 261.

[4]) Народъ, подлежащій податямъ и барщинѣ по усмотрѣнію и милости владѣльца.

вать въ томъ же духѣ [1]). О, бѣдные, голые несчастливцы! Не вашъ ли это нечленораздѣльный вопль къ небу, похожій на стонъ безсловеснаго, замученнаго животнаго, жалующагося изъ глубины глубинъ своей муки и униженія? И не будетъ ли откликомъ на этотъ вопль только эхо подъ холоднымъ хрустальнымъ сводомъ голубого неба? Не отвѣтятъ ли вамъ лишь „повѣшеніемъ въ слѣдующіе дни?"—Нѣтъ, не такъ и не всегда! Небо слышитъ васъ. Придетъ и отвѣтъ—въ ужасѣ великаго мрака, въ потрясеніяхъ всего міра, въ чашѣ страданій, которую съ трепетомъ должны будутъ испить всѣ народы.

Замѣтьте, между тѣмъ, какъ изъ развалинъ и мусора этого всеміраго распаденія формируются новыя силы, соотвѣтствующія новому времени и его задачамъ. Наряду со старымъ дворянствомъ, потомками воиновъ, появляется новое, чиновное дворянство, празднующее именно теперь свое торжество; появляется еще непризнанная торговая аристократія, весьма сильная своимъ туго набитымъ кошелькомъ; появляется, наконецъ, и самая сильная изо всѣхъ, хотя наименѣе признаваемая аристократія ума, безъ шпаги на боку, безъ золота въ кошелькѣ, но съ „великой, чудотворной силой мысли" въ головѣ. Народилась французская философія,—какъ много заключается въ этомъ короткомъ словѣ! Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ собственно и лежитъ главный симптомъ всей широко-распространившейся болѣзни. Вѣра исчезла; на смѣну ей явился—скептицизмъ. Зло растетъ и накопляется, но ни у кого нѣтъ настолько вѣры, чтобы противустоять ему, исправить его, или начать съ исправленія самого себя; оно должно накопляться все больше. Что достовѣрнаго въ этомъ мірѣ, кромѣ того, слишкомъ достовѣрнаго факта, что пустота и слабость—удѣлъ высшихъ, а нищета и тупость—удѣлъ низшихъ, и всеобщее несчастье неизбѣжно? Въ ложь нельзя вѣрить! Философія только это и знаетъ; другое же ея вѣрованіе сводится, главнымъ образомъ, къ тому, что въ духовныхъ, сверхчувственныхъ дѣлахъ вѣра невозможна. Какое несчастіе! И все же, въ самомъ несогласіи съ ложью уже заключается нѣкоторый родъ вѣры; но если будетъ сметена и ложь съ ея противорѣчіемъ, то что же останется? Останутся пять ненасытныхъ чувствъ, и шестое ненасытное чувство—тщеславіе; останется вся демоническая природа человѣка. Дикая сама по себѣ, но вооруженная всѣми орудіями цивилизаціи, она будетъ слѣпо неистовствовать безъ узды и закона; зрѣлище новое въ исторіи.

Въ такой-то Франціи, похожей на пороховой складъ, окутанный столбами дыма отъ тлѣющаго, непотушеннаго и теперь уже не поддающагося тушенію огня, Людовикъ XV готовится отойти въ вѣчность. Благодаря разнымъ Помпадурамъ и Дюбарри, королевскія лиліи были съ позоромъ разбиты во всѣхъ странахъ и на всѣхъ моряхъ; бѣдность подбирается даже и къ королевской казнѣ; откупщики не могутъ уже ничего больше выжать; двадцать пять лѣтъ ведется споръ съ парламентомъ; всюду нужда, безчестье, невѣріе, и,—въ качествѣ спасителей отечества,—пылкіе полузнайки. Это зловѣщій часъ.

Вотъ, что видитъ око исторіи въ комнатѣ больного короля Людовика; но все это невидимо для находящихся въ ней придворныхъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, на Рождествѣ, лордъ Честерфильдъ написалъ слѣдующія достопамятныя слова, заключающія въ себѣ итогъ всѣхъ его наблюденій надъ Франціей того времени: „Короче говоря, всѣ признаки, предшествующіе, какъ учитъ исторія, крупнымъ переменамъ и переворотамъ въ жизни государствъ, существуютъ теперь во Франціи и умножаются съ каждымъ днемъ" [2]).

---

[1]) Lacretelle, III, 175.

[2]) Chesterfield's Letters, декабря 25-го, 1753.

ГЛАВА III.

Послѣднее напутствіе.

Однако, въ настоящее время, главнымъ вопросомъ для правителей Франціи является слѣдующій: не слѣдуетъ ли совершить соборованіе,—надъ Людовикомъ, а не надъ Франціей—или вообще какое нибудь духовное таинство?

Серьезный вопросъ! Потому что, если совершить таинство, или даже только заговорить о немъ, то волшебница Дюбарри должна исчезнуть и, пожалуй, не возвращаться болѣе, хотя бы Людовикъ и выздоровѣлъ? Съ нею исчезнетъ и герцогъ д'Эгильонъ съ компаніей, и весь ихъ Армидинъ дворецъ, хаосъ снова поглотитъ все, не оставивъ ничего, кромѣ сѣрнаго запаха. Но, съ другой стороны, что скажутъ приверженцы дофина и Шуазеля? Что скажетъ и самъ коронованный страдалецъ, если будетъ уже при смерти, но безъ потери сознанія? Сейчасъ онъ еще цѣлуетъ руку Дюбарри,—мы видимъ это изъ прихожей; ну, а потомъ, чтобы ни говорили врачебные бюллетени, составляемые по приказу, но все же это—„сливная оспа“, которою, какъ передаютъ шопотомъ, больна и недавно столь цвѣтущая дочь привратника; а Людовикъ XV не такой человѣкъ, чтобы позволить шутить съ его причащеніемъ. Не онъ ли имѣлъ обыкновеніе читать мораль даже своимъ дѣвушкамъ въ Parc-aux-cerfs, и молиться съ ними и за нихъ, чтобы Господь помогъ имъ сохранить свою вѣрность вѣрѣ? [1]) Фактъ странный, но не безпримѣрный,—вѣдь, нѣтъ животнаго страннѣе человѣка.

Пока еще все шло бы хорошо, еслибъ можно было заставить архіепископа Бомона зажмурить одинъ глазъ! Увы, Бомонъ самъ охотно бы сдѣлалъ это, ибо—какъ это ни странно—церковъ и всѣ будущія надежды іезуитовъ держатся теперь за фартучекъ извѣстной неназываемой женщины. А „сила общественнаго мнѣнія“? Какъ можетъ строгій Христофоръ де Бомонъ, проведшій всю свою жизнь въ преслѣдованіи истерическихъ янсенистовъ и невѣрующихъ противниковъ исповѣди, или даже, за неимѣніемъ лучшаго, ихъ мертвыхъ тѣлъ,—какъ можетъ онъ теперь раскрыть двери рая и дать разрѣшеніе отъ грѣховъ, когда самое Corpus delicti у него и сейчасъ передъ глазами? Нашъ милостынный священникъ, Рошъ-Эймонъ, разумѣется, не станетъ торговаться съ царственнымъ грѣшникомъ изъ за поворота ключа въ замкѣ, но есть, вѣдь, и другіе священнослужители, духовникъ короля, напримѣръ, безумный аббатъ Мудонъ; фанатизмъ и понятія о приличіи еще не совсѣмъ вымерли. Вообще, что же дѣлать? Пока хорошенько охранять двери, исправлять врачебные бюллетени и, какъ водится, во многомъ надѣяться на время и случай.

Двери бдительно охраняются, ни одно непризванное лицо не можетъ войти. Да не многіе и желаютъ этого: гнилостная зараза распространилась даже на Oeil de Boeuf, такъ что „болѣе пятидесяти человѣкъ заболѣло, и десять умерло“. Королевскія принцессы, движимыя дочернимъ чувствомъ, однѣ остаются у вызывающей отвращеніе постели больного. Три принцессы Graille, Chiffe, Coche (Ворона, Тряпка, Свинья, какъ онъ обычно называетъ ихъ) не покинули его даже тогда, когда всѣ бѣжали. Четвертая принцесса, Loque (Отрепье) уже въ монастырѣ и можетъ только молиться. Бѣдная Graille, бѣдныя сестры, вы никогда ни знали отца: дорогой цѣной покупается величіе! Онѣ могли появиться только при debotter (когда его величество снималъ сапоги); „подобравъ свои огромные кринолины, обмотавъ вокругъ таліи длинный шлейфъ“, онѣ величественно входили „каждый вечеръ въ шесть часовъ“ въ полномъ парадномъ костюмѣ, закутанныя до самаго подбородка въ черныя шелковыя мантіи, и получали королевскій поцѣлуй въ лобъ, а затѣмъ такъ же величественно уходили къ своимъ вышиваньямъ, мелкимъ сплетнямъ, молитвамъ и праздности. Если его величество приходилъ къ нимъ иногда утромъ съ чашкой кофе собственнаго

---

[1]) Dulaure (VIII, 217); Besenval и др.

приготовленіи и посп҄ѣшно выпивалъ ее съ ними, въ то время, какъ собакъ спускали со своры для охоты, то это принималось, какъ особая милость Божія [1]). Бѣдныя отцвѣтшія старушки! Въ суровыхъ буряхъ, ожидающихъ ваше хрупкое существованіе, прежде чѣмъ оно будетъ совершенно раздавлено и сломлено; во время вашего бѣгства черезъ враждебныя страны, черезъ бурныя моря, когда вы едва не попадетесь въ плѣнъ къ туркамъ; среди санкюлотскаго катаклизма, когда вы едва сумѣете отличить лѣвую руку отъ правой, пусть это доказательство любви къ отцу остается точкой опоры въ вашихъ воспоминаніяхъ, такъ какъ поступокъ этотъ выражалъ доброту и любовь! Для насъ тоже онъ представляетъ маленькое солнечное мѣстечко среди этой ужасной, унылой пустыни, гдѣ мы едва ли найдемъ такой же другой.

Однако, что же дѣлать безпартійному, осторожному придворному? Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, когда вопросъ идетъ не только о жизни или смерти, но и о совершеніи или несовершеніи таинства, легко споткнуться даже и самому ловкому человѣку. Не многимъ везетъ такъ, какъ герцогу Орлеанскому и принцу Конде, которые, запасшись летучими солями, сидятъ въ прихожей короля, и въ то же время посылаютъ своихъ храбрыхъ сыновей (герцога Шартрскаго, будущаго Egalite, и герцога Бурбонскаго, впослѣдствіи тоже Конде, знаменитѣйшаго изъ фатовъ) ухаживать за дофиномъ. Для немногихъ другихъ уже все рѣшено: jacta est alea [2]). Старикъ Ришелье, — когда архіепископъ Бомонъ, побуждаемый общественнымъ мнѣніемъ, наконецъ, рѣшается войти въ комнату больного,—хватаетъ его за полу, отводитъ въ уголъ, и тамъ, съ своимъ увядшимъ лицомъ бульдога, слезно проситъ, а судя по измѣненію въ цвѣтѣ лица Бомона, и убѣждаетъ, „не убивать короля напоминаніемъ о примиреніи съ Богомъ“. Герцогъ Фронсакъ, сынъ Ришелье, слѣдуетъ примѣру своего отца: когда версальскій кюре бормочетъ что-то о Святыхъ дарахъ, Фронсакъ грозится „вышвырнуть его въ окно, если онъ заикнется о чемъ либо подобномъ“.

Этихъ можно назвать счастливыми, но для остальныхъ, колеблющихся, развѣ такое положеніе не мучительно? Кто хочетъ уяснить себѣ, до чего дошелъ теперь католицизмъ и многое другое, и какимъ образомъ самые священные символы превратились въ игралище низкихъ страстей и расчетовъ, тотъ пусть прочтетъ описаніе этого дня у Безанваля, Сулави и у другихъ придворныхъ хроникеровъ того времени. Онъ найдетъ, что версальскій Млечный Путь разсѣялся и разбился на группы новыхъ, вѣчно-измѣняющихся созвѣздій. Онъ увидитъ тамъ кивки и многозначительные взгляды, увидитъ скользящихъ, шурша шелками, вдовъ, съ улыбками для той звѣзды, со вздохомъ для этой. Трепетъ отчаянія или надежды живетъ во многихъ сердцахъ. Здѣсь, блѣдную, скалящую зубы тѣнь смерти церемонно вводитъ другая осклабляющаяся тѣнь, этикетъ; отъ времени до времени слышится ревъ церковныхъ органовъ механическая молитва машины, возглашающій какъ бы съ адскимъ хохотомъ, что все суета суетъ!

ГЛАВА IV.

Людовикъ Незабвенный.

Бѣдный Людовикъ! Для этихъ лицъ все это лишь пустая фантасмагорія въ которой они, подобно актерамъ, фальшивыми звуками изображаютъ горе и печаль по найму; но для тебя это дѣло ужасающей серьезности.

Для всѣхъ людей смерть ужасна; изстари она зовется Царицей Ужасовъ. Маленькое, ограниченное жилище нашего бытія, въ которомъ мы, несмотря на

[1]) Campan, I, 11—36.

[2]) Жребій брошенъ

всѣ наши жалобы, чувствовали себя такъ уютно, исчезаетъ послѣ страшной агоніи, въ невѣдомой разлукѣ, уходитъ на чужбину, въ безпредѣльную возможность. Языческій императоръ спрашиваетъ свою душу: въ какія мѣста ты теперь отправляешься? Католическій король долженъ отвѣтить: „предъ судилище Всевышняго Бога!“ Да, это расчетъ за всю жизнь, послѣдній итогъ и признаніе „всѣхъ совершонныхъ во плоти дѣяній“; они совершены теперь, совершены неизмѣнно, и принесутъ плоды, долгіе, какъ сама вѣчность.

Людовикъ XV всегда имѣлъ самое королевское отвращеніе къ смерти, въ противоположность богомольному герцогу Орлеанскому, дѣду Egalité (многіе изъ членовъ этой фамиліи обнаруживали признаки безумія), который искренно вѣрилъ, что смерти не существуетъ! Если вѣрить придворнымъ хроникерамъ, онъ однажды, побагровѣвъ отъ негодованія, обрушился на своего злополучнаго секретаря, который нечаянно произнесъ: feu roi d'Espagne (покойный испанскій король). „Feu roi, Monsieur?“ — „Monseigneur“, поспѣшно отвѣтилъ дрожащій, но находчивый секретарь, „c'est un titre qu'ils prennent“ (это принятый ими титулъ [1]). Людовикъ, какъ мы сказали, былъ не такъ счастливъ; но онъ дѣлалъ, что могъ. Онъ не терпѣлъ, чтобъ при немъ говорили о смерти, избѣгалъ вида кладбищъ, памятниковъ и всего, что напоминало смерть. Это—способъ страуса, который, настигаемый охотниками, прячетъ свою глупую голову въ песокъ, не соображая, что все остальное его тѣло не видно только ему самому. Но иногда, по какому-то истерическому противорѣчію, проистекавшему въ сущности изъ того же чувства, король, желая идти на кладбище, останавливалъ свои придворныя кареты и посылалъ узнать, „сколько прибавилось сегодня новыхъ гробовъ“, хотя его бѣдная Помпадуръ испытывала при этомъ сильнѣйшую тошноту. Можно представить себѣ мысли Людовика въ тотъ день, когда онъ, въ королевскихъ охотничьихъ доспѣхахъ, наткнулся, при крутомъ поворотѣ въ лѣсу Сенарта, на оборваннаго крестьянина съ гробомъ. „Для кого это?“ — Гробъ предназначался для такого же бѣднаго раба, котораго его величество часто видѣлъ въ этихъ мѣстахъ на барщинѣ. „Отчего онъ умеръ?“ — Отъ „голода“. — Король пришпорилъ коня [2]).

Помпадуръ.

Но представимъ себѣ его мысли теперь, когда смерть неожиданно, неумолимо, твердой рукой хватается за его сердце! Да, бѣдный Людовикъ, смерть нашла тебя! Ни стѣны твоего дворца, ни лейбгвардейцы, ни роскошные гобелены, ни золоченая пышность строжайшаго этикета не могли помѣшать ей войти; она здѣсь, у самаго дыханія твоей жизни, и хочетъ погасить его. Ты, чья жизнь до сихъ поръ была лишь химерой и театральнымъ представленіемъ, становишься, наконецъ, реальностью: роскошный Версаль рушится подобно сну, въ зіяющую Безпредѣльность; время пришло, и всѣ подмостки времени падаютъ съ ужасающимъ грохотомъ вокругъ твоей души: блѣдное царство тѣней отверзто и ты долженъ войти въ него, нагой, обнаженный отъ всей твоей царственности, и ожидать того, что тебѣ предопредѣлено! Несчастный! Какія мысли терзаютъ тебя въ то время, когда, въ смертельной агоніи, ты ворочаешься на своемъ одрѣ? Впереди чистилище и адскій пламень теперь, увы, слишкомъ возможные; а позади—что сдѣлалъ ты такого, чему бы не лучше было остаться несодѣяннымъ? Какому смертному оказалъ ты великодушную помощь? На чью печаль ты отозвался съ милосердіемъ?

[1]) Besenval, I, 199.

[2]) Campan, III, 39.

Быть можетъ, „пятьсотъ тысячъ“ духовъ, съ позоромъ павшихъ на столькихъ поляхъ сраженія отъ Росбаха до Квебека, чтобы твоя наложница могла отмстить за эпиграмму,—толпятся вокругъ тебя въ этотъ часъ? Или твой постыдный гаремъ, проклятія матерей, слезы и позоръ дочерей? Презрѣнный человѣкъ! ты „дѣлалъ зла сколько могъ“, все твое существованіе кажется однимъ отвратительнымъ выкидышемъ и ошибкой природы; смыслъ и польза его неизвѣстны. Не былъ ли ты сказочнымъ дракономъ, пожиравшимъ всѣ людскія дѣянія и ежедневно таскавшимъ дѣвушекъ въ свою пещеру, не покрытъ ли ты, какъ и онъ, чешуей, которой не могло пронзить ни одно копье, кромѣ копья смерти? Да, драконъ, но не сказочный, а реальный. О, Людовикъ, эти минуты должны быть ужасны для тебя!—Но не будемъ стараться проникнуть глубже въ ужасы смертнаго часа грѣшника.

Однако, это не должно служить бальзамомъ утѣшенія для чьей-либо души. Людовикъ былъ монархомъ, но развѣ ты не монархъ? Его обширная Франція, если посмотрѣть на нее съ неподвижныхъ звѣздъ (которыя сами еще не безконечность) не больше маленькаго поля, на которомъ ты добросовѣстно или недобросовѣстно работалъ. Человѣкъ, „Символъ Вѣчности, заключенной во Времени“, не дѣла твои, которыя всѣ смертны, безконечно малы, и самое великое изъ которыхъ не больше самаго малаго, а только духъ, во имя котораго ты работалъ, имѣетъ цѣну и длительность.

Подумайте, однако, какую задачу поставила жизнь передъ бѣднымъ Людовикомъ, когда онъ всталъ со своего болѣзненнаго одра въ Мецѣ уже въ качествѣ „Возлюбленнаго“. Какой сынъ Адама могъ бы внести гармонію въ такую дисгармонію? Могъ ли сдѣлать это онъ, котораго только слѣпая фортуна вознесла на поверхность этого хаоса; онъ плаваетъ въ немъ, будучи столь же мало способенъ управлять имъ, какъ мало способна щепка управлять разбушевавшимся океаномъ. „Что я сдѣлалъ, чтобы заслужить такую любовь?“—сказалъ онъ тогда; а теперь онъ можетъ сказать: Что я сдѣлалъ, чтобы заслужить такую ненависть? Ничего ты не сдѣлалъ, бѣдный Людовикъ! Твоя вина въ томъ и заключается, что ты не сдѣлалъ ничего. И что же могъ бы онъ дѣлать? Умыть руки и отречься отъ престола—въ пользу перваго, кто захотѣлъ бы взять его! Другого, яснаго и мудраго, выхода для него не было. При данномъ же положеніи вещей, онъ, нелѣпѣйшій изъ смертныхъ (воплощенная ошибка), стоитъ въ нерѣшительномъ сомнѣніи, глядя на нелѣпѣйшій житейскій хаосъ; и въ заключеніе, единственное, что кажется ему вѣрнымъ, это то, что онъ, воплощенная ошибка, обладаетъ пятью чувствами, что есть летающіе столы (Tables Volantes, исчезающіе сквозь полъ и возвращающіеся нагруженными яствами) и есть Parc-aux-cerfs.

При этомъ мы снова встрѣчаемся съ историческимъ курьезомъ: человѣческое существо, въ своеобразномъ положеніи, пассивно плаваетъ въ безбрежной стихіи, направляясь къ цѣлямъ, отчасти сознаваемымъ. Вѣдь, Людовикъ не былъ лишенъ нѣкоторой прозорливости. Такъ, когда новый морской министръ, или кто другой, возвѣстилъ ему о наступленіи новой эры, Дюбарри услышала за ужиномъ изъ устъ его величества такія слова: „Да, онъ разложилъ свой товаръ, какъ всѣ другіе, и обѣщаетъ чудеснѣйшія вещи въ мірѣ, но ни одна изъ нихъ не исполнится, онъ не знаетъ этой области; вотъ онъ увидитъ“. Или въ другой разъ: „Я въ двадцатый разъ слышу все это, я убѣжденъ, что у Франціи никогда не будетъ флота“. Какъ трогательно звучатъ, напримѣръ, слѣдующія слова: „Еслибъ я былъ полицейскимъ поручикомъ, я запретилъ бы парижскіе кабріолеты“ [1]),

Вотъ смертный, на которомъ тяготѣетъ проклятіе! Развѣ не проклятіе—быть воплощенной ошибкой? Новый Roi Fainéant, король — лѣнивый и съ новымъ страннымъ маіордомомъ; это уже не кривоногій Пипинъ, а все тотъ

[1]) Journal de Madame du Hausset, p. 293.

же вздымающійся къ облакамъ, огнедышащій призракъ Демократіи, несоизмѣримый, окутывающій весь міръ! Значитъ ли это, что Людовикъ былъ не хуже любого частнаго празднолюбца и обжоры, которые, какъ мы часто видимъ, подъ именемъ бонвивана, отягощаютъ трудящееся творенье Божіе? Да, но онъ былъ несчастнѣе. Несообразность его жизни съ отвращеніемъ видѣлъ и чувствовалъ весь міръ; безконечное забвеніе не можетъ поглотить и втянуть его въ безпредѣльную глубину—по крайней мѣрѣ впродолженіе одного или двухъ поколѣній.

Однако, какъ бы то ни было, а мы не безъ интереса замѣчаемъ, что „вечеромъ четвертаго числа", г-жа Дюбарри выходитъ изъ комнаты больного „съ замѣтно разстроеннымъ лицомъ". Это происходитъ четвертаго мая, вечеромъ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1774. Какой шопотъ поднимается въ Oeil-de-Boeuf! Значитъ, онъ умираетъ? Все, что можно сказать, это то, что Дюбарри, повидимому, укладывается; она со слезами бродитъ по своимъ раззолоченнымъ будуарамъ, какъ бы прощаясь съ ними. Д'Эгильонъ и компанія дошли уже почти до послѣдней карты, но все еще не хотятъ бросить игры. Что же касается до спора о причащеніи, то онъ можетъ считаться улаженнымъ, не будучи и поднятъ. Людовикъ посылаетъ въ слѣдующую ночь за аббатомъ Мудономъ, исповѣдуется ему, по утвержденію нѣкоторыхъ, „въ теченіе семнадцати минутъ", и самъ требуетъ причастія.

Дюбарри.

А въ тотъ же день, послѣ обѣда, наша волшебница Дюбарри, прижавъ къ глазамъ носовой платокъ, садится въ экипажъ герцога д'Эгильона и уѣзжаетъ въ объятіяхъ утѣшающей ее герцогини. Она уѣхала и болѣе не вернется. Исчезни, ложная волшебница! Скройся въ пространствѣ! Напрасно ты останавливаешься въ сосѣднемъ Рюэлѣ; твое время миновало. Ворота королевскаго дворца заперлись для тебя навѣки. Пройдутъ годы прежде, чѣмъ ты появишься еще разъ, подъ покровомъ ночи, въ черномъ домино, и, подобно ночной птицѣ, нарушишь концертный вечеръ прекрасной Маріи Антуанетты въ Паркѣ; всѣ райскія птицы разлетятся передъ тобой, и пѣніе смолкнетъ [1]). Ты, нечистое, но не злобное, не недостойное сожалѣнія существо. Какая жизнь была тебѣ суждена, начиная съ первой твоей жалкой кровати, на которой, въ слезахъ, родила тебя мать отъ безвѣстнаго отца! Судьба повела тебя потомъ, черезъ глубочайшіе низы, до самыхъ яркихъ солнечныхъ верховъ распутства и мошенничества, — и привела къ топору гильотины, скосившему твою голову, тщетно молившую о пощадѣ. Покойся же, непроклинаемая, а только погребенная и забытая; да и что же иное подобаетъ тебѣ?

Между тѣмъ, Людовикъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ причастія и нѣсколько разъ посылаетъ къ окну посмотрѣть, не идутъ ли со Святыми дарами. Успокойся, насколько можешь, Людовикъ, ихъ уже несутъ. Около шести часовъ утра является милостынный священникъ, кардиналъ Рошъ-Эймонъ, въ епископскомъ облаченіи, со своими сосудами и дарохранительницами; онъ приближается къ королевской подушкѣ, поднимаетъ облатку и бормочетъ, или дѣлаетъ видъ, что бормочетъ что-то. Такимъ образомъ (по достовѣрному описанію аббата Жоржеля) Людовикъ принесъ свою „amende honorable" Богу; такъ, по крайней мѣрѣ, толкуетъ это нашъ іезуитъ.—„Wa, wa", простоналъ дикій Кло-

---

[1]) Campan, I, 197.

таръ, разставаясь съ жизнію, „великъ тотъ Богъ, который отнимаетъ силу у могущественнѣйшихъ королей!" [1]).

„Amende honorable", эту установленную самозащиту Людовикъ принесъ, если хотите, передъ Богомъ, но не передъ людьми, поскольку это зависѣло отъ Эгильона. Дюбарри все еще живетъ у себя въ Рюэлѣ, а пока длится жизнь, есть и надежда. Поэтому милостынный священникъ Рошъ-Эймонъ (бывшій, повидимому, въ стачкѣ съ ними), едва уложивъ Святые дары и свои принадлежности, величественно удаляется, какъ будто задача его кончена. Но духовникъ короля, аббатъ Мудонъ, выступаетъ впередъ, хватаетъ его за рукавъ и съ озабоченнымъ кислымъ лицомъ шепчетъ что-то ему на ухо. Бѣдному кардиналу приходится вернуться и заявить во всеуслышанье, „что его величество кается во всѣхъ своихъ поступкахъ, которые могли вызвать соблазнъ, и намѣревается, съ Божьей помощью, избѣгать всего подобнаго въ будущемъ!" При этихъ словахъ лицо стараго бульдога Ришелье темнѣетъ, и онъ громко отвѣчаетъ „эпитетомъ", котораго Безанваль не рѣшается повторить. Старый Ришелье, завоеватель Минорки, товарищъ на оргіяхъ Летающихъ Столовъ, пробивавшій стѣны въ спальняхъ [2]), быть можетъ, пробилъ и твой часъ!

Увы, сколько ни играли бы органы въ часовняхъ, сколько ни поднимали бы раку святой Женевьевы,—все напрасно. Вечеромъ весь дворъ съ дофиномъ и дофиней присутствуютъ въ капеллѣ; священники охрипли отъ „сорокачасовыхъ молитвъ", и мѣха органа стонутъ тяжело. Въ церкви почти жутко! Небо потемнѣло, дождь льетъ потоками, раскаты грома почти заглушаютъ голосъ органа, а электрическій блескъ молніи заставляетъ блѣднѣть свѣчи у алтаря. По окончаніи службы, большинство присутствующихъ поспѣшно расходятся, какъ говорятъ „въ сосредоточенномъ настроеніи (recueillement)" и почти молча [3]).

Такъ продолжалось недѣлю съ лишнимъ. Дюбарри уѣхала уже около недѣли тому назадъ. Безанваль говоритъ, что всѣмъ хотѣлось, чтобы все это поскорѣе кончилось que cela finit, чтобъ бѣдный Людовикъ покончилъ съ этимъ. Наступило 10 мая 1774 года. Онъ скоро покончитъ.

Сумрачно падаетъ дневной свѣтъ 10-го мая на отвратительную постель больного, но никто не замѣчаетъ этого, потому что тѣ, кто смотрятъ въ окно, сами мрачны: колодезное колесо со скрипомъ вращается на своей оси; жизнь, подобно замученному боевому коню, хрипя, приближается къ своей цѣли. Въ отдаленныхъ аппартаментахъ стоятъ дофинъ и дофина, готовые къ пути; грумы и конюхи, всѣ уже въ сапогахъ и шпорахъ, ждутъ только знака, чтобы бѣжать изъ зачумленнаго дома! [4]) Чу! что это за звуки доносятся изъ Oeil-de-Baeuf?—„страшные, безусловно похожіе на громъ?" Это весь дворъ, стремится, на перебой привѣтствовать новыхъ властителей: „Да здравствуютъ ихъ величества!" Дофинъ и дофина стали королемъ и королевой! Охваченные противорѣчивыми чувствами, они бросаются на колѣни и, заливаясь слезами, восклицаютъ: „О, Боже, направи, защити насъ! мы слишкомъ молоды, чтобы царствовать!" — Дѣйствительно, они слишкомъ молоды.

---

[1]) Gregorius Turonensis. Histor. lib. IV, гл. 21.

[2]) Besenval, I, 159—172. Genlis; Duc de Levis etc.

[3]) Weber, Memoires concernant Marie Antoinette (London, 1809, I, 22).

[4]) Весьма сожалѣемъ, что принуждены загасить театральную свѣчу, которую мадамъ Кампанъ (I, 70) зажгла по этому случаю и погасила въ моментъ смерти. Какія свѣчи были зажжены или потушены въ такомъ большомъ зданіи, какъ Версаль, ни одинъ человѣкъ на такомъ большемъ разстояніи не могъ утверждать съ опредѣленностью. Такъ какъ въ это время было 2 часа дня, и королевскія конюшни отстояли на 500—600 шаговъ отъ комнаты Людовика XV, то «свѣча», какъ намъ ни жаль, грозитъ погаснуть. Въ ея фантазіи она, во всякомъ случаѣ, продолжаетъ горѣть, проливая свѣтъ на многое въ ея Мемуарахъ.

Но, какъ бы то ни было, „съ шумомъ, подобнымъ грому", пробили Часы Времени,—и старая эра канула въ вѣчность. То, что было Людовикомъ, лежитъ, покинутое, какъ кучка внушающаго отвращеніе праха, предоставленное „нѣсколькимъ бѣднякамъ и священникамъ Chapelle-Ardente", которые торопливо кладутъ его „въ два свинцовыхъ гроба, обильно заливая виннымъ спиртомъ". Новый Людовикъ со своимъ дворомъ ѣдетъ въ Шуази въ этотъ лѣтній день; королевскія слезы еще текутъ, но слово, неправильно произнесенное монсеньоромъ д'Артуа, заставляетъ всѣхъ разсмѣяться, и слезы прекращаются. Легкомысленные смертные, вы танцуете беззаботно свой жизненный менуэтъ надъ бездонной пропастью, отдѣленной отъ васъ лишь тонкой пленкой!

Власти чувствуютъ, что похороны не могутъ быть слишкомъ торжественны, и Безанваль находитъ, что они были совсѣмъ не торжественны. Двѣ кареты съ двумя дворянами изъ придворныхъ чиновъ и версальское духовенство, около двадцати конныхъ пажей, штукъ пятьдесятъ конюховъ, съ факелами, даже не въ трауръ, выѣзжаютъ на второй день, вечеромъ, изъ Версаля, сопровождая свинцовый гробъ. Они ѣдутъ крупной рысью, не умѣряя шага, такъ какъ парижскіе скалозубы (brocards), выстроившіеся двойными рядами по дорогѣ къ Сен-Дени, „даютъ волю своему характерному французскому остроумію, и не внушаютъ желанія замедлить процессію. Около полуночи своды Сен-Дени принимаютъ свою дань: никто не проливаетъ слезъ, кромѣ развѣ бѣдной Loque, заброшенной дочери покойника, монастырь которой находится поблизости.

Съ нетерпѣливой поспѣшностью опускаютъ гробъ и закапываютъ его въ землю, а съ нимъ и эру грѣха, позора и тираніи. Наступила новая эра, и будущее будетъ тѣмъ свѣтлѣе, чѣмъ постыднѣе было прошедшее.

КНИГА II.

Бумажный вѣкъ.

ГЛАВА I.

Astraea Redux.

Одинъ философъ, любитель парадоксовъ, доводя до крайности афоризмъ Монтескье: „Счастливъ народъ, исторія котораго скучна“, сказалъ: „Счастливъ народъ, который совсѣмъ не имѣетъ исторіи“. Развѣ въ этихъ словахъ, какъ бы странны ни казались они, не заключается зерна истины? Вѣдь, написано, что „Молчаніе божественно“ и имѣетъ небесное происхожденіе; такъ и во всѣхъ земныхъ вещахъ молчаніе бываетъ иногда лучше всякихъ словъ. Всматриваясь ближе, мы видимъ, что всякое событіе, всякое явленіе, о которомъ можно говорить, можно вспоминать, представляетъ, собственно говоря, нарушеніе, раздѣленіе цѣпи непрерывности. Даже радостное событіе заключаетъ въ себѣ перемѣну, потерю (активной силы) и уже поэтому представляетъ въ прошедшемъ или въ настоящемъ неправильность, болѣзнь. Истинное наше блаженство заключалось бы въ полнѣйшей неизмѣнности, еслибъ можно было избѣжать перемѣщенія и перерыва.

Безмолвно растетъ въ лѣсу дубъ впродолженіи тысячи лѣтъ, и только на тысячномъ году, когда приходитъ лѣсникъ съ топоромъ, по пустынному лѣсу разносится эхо: дубъ гулкимъ трескомъ возвѣщаетъ, что онъ п а д а е т ъ. Безмолвно совершился и посѣвъ жолудя, оброненнаго какимъ нибудь порывомъ странствующаго вѣтра! Даже когда нашъ дубъ цвѣлъ, или одѣвался листвой (радостныя событія для него), возглашалось ли объ этомъ радостными кликами? Развѣ только словомъ признанія изъ устъ внимательнаго наблюдателя. Это потому, что вещи эти не с л у ч а л и с ь, а медленно с о в е р ш а л и с ь, и не въ одинъ часъ, а въ теченіе многихъ дней. Что же можно было говорить о нихъ? Каждый часъ казался похожимъ на предшествовавшій, и такимъ же долженъ былъ быть и слѣдующій.

Поэтому-то вездѣ глупая молва болтаетъ не о томъ, что было сдѣлано, а о томъ, что сдѣлано плохо или совсѣмъ не сдѣлано, и глупая исторія (являющаяся, въ большей или меньшей степени, сжатымъ изложеніемъ молвы) знаетъ мало о томъ, что однако трудно было не знать. Вторженія Аттилы, крестовые походы Вальтера Неимущаго, Сицилійская вечерня, тридцатилѣтнія войны были несчастіями и грѣхами, не дѣяніями, а препятствіями къ дѣятельности. А во все это время земля ежегодно зеленѣла и золотилась благословенными жатвами; рука работника, голова мыслителя работали безъ устали; и такимъ образомъ, послѣ всего и вопреки всему, мы имѣемъ этотъ чудный, цвѣтущій подъ небеснымъ сводомъ міръ, глядя на который бѣдная исторія, пожалуй, изумленно

спроситъ: Откуда это взялось? Объ этомъ она знаетъ мало, за то много знаетъ о томъ, что препятствовало процвѣтанію и что могло бы сдѣлать его невозможнымъ. Таковы, тѣмъ не менѣе, ея правила и привычки, по необходимости или по неразумному выбору; и поэтому парадоксъ: „Счастливъ народъ, не имѣющій исторіи" не лишенъ доли истины.

Однако, слѣдуетъ отмѣтить, что бываетъ спокойствіе не безпрепятственнаго роста, но пассивной инертности, признакъ неизбѣжнаго распаденія. Молчатъ какъ побѣдитель, такъ и побѣжденный. Изъ двухъ враждебныхъ силъ слабѣйшая сдается; сильнѣйшая идетъ впередъ, безшумно, но быстро, неудержимо: паденіе и переворотъ будутъ шумны. Все растетъ, и имѣетъ, подобно колосьямъ въ полѣ, опредѣленный періодъ жизни, годъ, столѣтіе, тысячу лѣтъ. Все растетъ и умираетъ сообразно своимъ собственнымъ чудеснымъ законамъ, своимъ собственнымъ чудеснымъ способамъ; чудеснѣе же всего ростъ и смерть явленій духовнаго порядка. Они остаются непроницаемыми и для самаго мудраго, не могутъ быть ни предсказаны, ни поняты. Если дубъ стоитъ въ пышномъ нарядѣ, то вы знаете, что сердцевина его здорова: но не такъ по отношенію къ человѣку, а тѣмъ менѣе къ обществу людей, или къ народу. Про нихъ можно сказать даже, что внѣшній видъ, что внутреннее ощущеніе полнаго здоровья обыкновенно предвѣщаютъ дурное. Дѣйствительно, церкви, королевства, соціальныя учрежденія чаще всего умираютъ отъ апоплексіи, отъ полнокровія, слѣдствія неподвижнаго состоянія тѣла. Прискорбно, если такое неподвижное учрежденіе, склонное къ апоплексіи, скажетъ самому себѣ: Покойся; у тебя достаточно скоплено богатствъ. — Оно уподобится евангельскому безумцу, которому было отвѣчено: Безумецъ! въ эту же ночь у тебя отнимутъ жизнь!

Король Людовикъ XVI.

Здоровый ли, или зловѣщій миръ царитъ во Франціи въ слѣдующіе за смертью Людовика десять лѣтъ? Историкъ съ легкимъ сердцемъ можетъ обойти это время, не останавливаясь; событій въ немъ нѣтъ, еще меньше дѣлъ. Время лучезарнѣйшей тишины, — назовемъ ли мы его тѣмъ, чѣмъ его считали всѣ — новымъ Золотымъ Вѣкомъ? Назовемъ его, по крайней мѣрѣ, вѣкомъ Бумажнымъ, такъ какъ бумага во многихъ случаяхъ замѣняетъ золото: банковыя бумаги, на которыя можно покупать, когда уже нѣтъ золота, книжная бумага, блещущая теоріями, философіями, изліяніями чувствъ—прекрасное искусство выражать мысль, но и скрывать недостатокъ ея! Бумага дѣлается изъ отребьевъ вещей, когда-то существовавшихъ, бумага имѣетъ множество преимуществъ. Могъ ли бы даже мудрѣйшій изъ философовъ въ этотъ ясный и безмятежный періодъ предсказать то событіе изъ событій, которое приближалось, чреватое мракомъ и смятеніемъ? Какъ землетрясенію предшествуетъ ясная погода, такъ надежда ведетъ за собой революцію. Черезъ пят-

Королева Марія-Антуанетта.

надцать лѣтъ, также 5-го мая не старый Людовикъ пошлетъ за Святыми дарами, а новый Людовикъ, его внукъ, со всею торжественностью, передъ опьяненной радостью и изумленіемъ Франціей, созоветъ Генеральные Штаты.

Царство Дюбарри съ ея д'Эгильонами отошло въ вѣчность. У Франціи теперь молодой, еще внемлющій ей и преисполненный лучшихъ намѣреній, король и молодая, прекрасная и добрая, преисполненная лучшихъ намѣреній королева; съ ними молодѣетъ и сама Франція. Мопу и его парламентъ исчезаютъ во мракѣ ночи; почтенные люди, популярные въ народѣ, хотя бы потому, что они были противниками двора, спускаются теперь свободными „съ крутыхъ утесовъ Кроэ въ Комбрайлѣ“ и въ другихъ мѣстахъ, и возвращаются во свояси съ хвалебными гимнами; старый парижскій парламентъ снова принимается за работу Вмѣсто расточительнаго банкрота аббата Терре, у насъ теперь, въ качествѣ генеральнаго контролера финансовъ, добродѣтельный философъ Тюрго, у котораго уже созрѣлъ въ головѣ планъ реформы всей Франціи. Онъ исправитъ — на сколько возможно,—все, что неладно въ финансовой и другихъ отрасляхъ управленія. Развѣ не похоже на то, что теперь сама мудрость засѣдаетъ и имѣетъ голосъ въ Королевскомъ Совѣтѣ. Тюрго, принимая свой постъ, высказался съ благороднѣйшей смѣлостью въ этомъ смыслѣ, и король слушалъ его съ благороднѣйшимъ довѣріемъ [1]). Правда, король замѣчаетъ: „Говорятъ, что онъ никогда не ходитъ къ обѣднѣ“; но свободомыслящая Франція не относится изъ-за этого къ Тюрго холоднѣе; она возражаетъ: „Аббатъ Терре всегда ходилъ къ обѣднѣ“. Либералы впервые видятъ на высокомъ посту свободомыслящаго (даже философа) и съ восторгомъ готовы во всемъ помогать ему; даже легкомысленный старикъ Морепа не станетъ мѣшать, если сможетъ.

Тюрго.

И какъ „смягчаются“ нравы: порокъ „утрачиваетъ все свое безобразіе“, становится приличнымъ (какъ установившіяся вещи, сами себя регулирующія), почти своего рода „мягкой“ добродѣтелью! Интеллигенція въ избыткѣ блещетъ остроуміемъ и искусствомъ вести разговоръ. Въ роскошныхъ салонахъ поумнѣвшаго богатства весело засѣдаетъ свободомысліе, сами аристократы гордятся честью сидѣть рядомъ съ философами и проповѣдуютъ, пренебрегая всѣми Бастиліями, о грядущемъ золотомъ вѣкѣ. Патріархъ Вольтеръ шлетъ свой привѣтъ изъ далекаго Фернея; ветераны Дидро, д'Аламберъ дожили до этого дня; они, и болѣе молодые Мармонтели, Морелли, Шамфоры, Рейнали вносятъ веселье на изысканныхъ обѣдахъ богатой вдовы или философствующаго откупщика. О, эти ночи и ужины боговъ! Давно доказанная истина осуществилась: „Вѣкъ революцій приближается“ (писалъ Жанъ-Жакъ), но революцій счастливыхъ, благословенныхъ. Человѣкъ пробуждается отъ долгаго духовнаго сна, прогоняетъ призраки, которые осаждали и держали его въ плѣну. Смотрите, на востокѣ занимается новая заря; летите прочь, лживые призраки, отъ лучей свѣта! Пусть все нелѣпое, лживое бѣжитъ подальше, покинетъ навсегда нашу землю! Отнынѣ будутъ царить истина и Astraea Redux (въ лицѣ философіи). Для какой иной цѣли былъ созданъ человѣкъ, какъ не для того, чтобы быть „счастливымъ“? Благодаря побѣдоносному анализу и усовершенствованію видовъ, его ожидаетъ теперь счастье въ избыткѣ. Короли могутъ дѣ-

---

[1]) Письмо Тюрго отъ 24 августа 1774 г. Condorcet, Vie de Turgot (Oeuvres de Condorcet, t. v.) p. 67.

латься философами, а философы -королями. Пусть только общество сначала правильно организуется—на основаніи побѣдоноснаго анализа. Пустой желудокъ наполнится, сухая глотка оросится виномъ. Самая работа будетъ уже отдыхомъ и радостью, а не тяжелой повинностью. Правда, невоздѣланныя поля не принесутъ пшеницы, а люди не захотятъ пачкаться и утомляться,— но можно ввести машины. Портные и содержатели ресторановъ во всякое время будутъ безвозмездно служить всякому, неизвѣстно только, какъ это все устроится. Но если всякій, согласно закону доброжелательности, будетъ заботиться обо всѣхъ, то, конечно, никто не останется обездоленнымъ. Кто знаетъ, можетъ быть, побѣдоносному анализу удастся „продлить человѣческую жизнь до безконечности", тогда человѣчество избавится и отъ смерти, какъ оно избавилось уже отъ дьявола? Мы будемъ тогда счастливы наперекоръ смерти и дьяволу. Такъ проповѣдуетъ велерѣчивая философія свое Redeunt Saturnia regna.

Вольтеръ.

Пророческая пѣснь Парижа и его философовъ отчетливо проникаетъ въ Версальскій Oeul-de-Boeuf и Oeul-de-Boeuf, занятый, главнымъ образомъ, болѣе близкимъ счастьемъ, въ лучшемъ случаѣ отвѣчаетъ вѣжливымъ: „Почему нѣтъ?" Старый добрякъ Морепа—слишкомъ веселый премьеръ министръ, чтобы омрачать всеобщую радость: довлѣетъ дневи злоба его. Веселый старикъ отпускаетъ свои шутки, живетъ безпечно, стараясь держать носъ по вѣтру и, по возможности, угождать всѣмъ. Скромный молодой король, котораго Морепа и подумать не можетъ обезпокоить дѣлами, удаляется во внутренніе аппартаменты молчаливъ, нерѣшителенъ, хотя иногда съ вспышками раздражительности; наконецъ, онъ рѣшается заняться немножко слесарной работой и учится дѣлать замки у нѣкоего сэра Гамена (котораго впослѣдствіи ему не за что будетъ благословлять) [1]. Кромѣ того, оказывается, что король знаетъ кое что по географіи и умѣетъ читать по-англійски. Злополучный молодой король, его дѣтское довѣріе къ глупому старику Морепа заслуживало бы другой награды, но врагъ и другъ, судьба и самъ онъ, соединились на его погибель.

Тѣмъ временемъ прекрасная молодая королева разгуливаетъ по параднымъ покоямъ, какъ богиня красоты, привлекая взоры всѣхъ; она еще не вмѣшивается въ государственныя дѣла, не думаетъ о будущемъ, и всего менѣе страшится его. Веберъ и Кампанъ [2]) описали ее среди роскошной обстановки ея прелестныхъ будуаровъ, въ ваннѣ, пеньюарахъ, въ парадномъ и домашнемъ туалетѣ, среди цѣлой толпы блестящихъ царедворцевъ, почтительно ловящихъ ея взглядъ. Прекрасная юная дочь времени, что-то готовитъ тебѣ будущее? Подобно лучезарнѣйшему явленію земли, она движется, исполненная граціи и окруженная всѣмъ земнымъ величіемъ; она дѣйствительность, но въ то же время и волшебное видѣніе; вѣдь, оно скроется въ глубокомъ мракѣ. Мягкое молодое сердце усыновляетъ сиротъ, даетъ приданое добродѣтельнымъ дѣвушкамъ, радуется, помогая бѣднымъ,—бѣднымъ, которыхъ живописно разставляютъ на ея дорогѣ,—и вводитъ благотворительность въ моду; потому что, какъ мы сказали, наступило царство доброжелательности. Съ герцогиней Полиньякъ и съ принцессой Ламбалль ее связываетъ даже нѣчто въ родѣ дружбы. Послѣ семи долгихъ

---

[1]) Campan, I, 125.

[2]) Campan, I, 100—151. Weber I, 11—50.

лѣтъ у нея родится ребенокъ, а скоро она будетъ и матерью дофина; она счастлива со своимъ мужемъ, поскольку это дано королевамъ.

Событія? Великими событіями являются только благотворительные праздники нравственности (Fêtes des moeurs) съ раздачей премій и рѣчами; съ процессіей рыбныхъ торговокъ къ колыбели дофина; но первое мѣсто занимаютъ любовныя похожденія, ихъ возникновеніе, развитіе, охлажденіе и конецъ. Бѣдняки, которымъ королева дала топливо въ суровую зиму, ставятъ въ честь ея статуи изъ снѣга. Устраиваются маскарады, спектакли; украшаютъ Малый Тріанонъ; покупаютъ и реставрируютъ Сен-Клу; переѣзжаютъ изъ лѣтней резиденціи въ зимнюю. Бываютъ ссоры и размолвки съ сардинскими невѣстками (принцы теперь тоже женаты), мелкія вспышки ревности, умѣряемыя придворнымъ этикетомъ; словомъ, искры самой поверхностно-беззаботной, безсодержательной, но искусно рафинированной жизненной пѣны, которая подобно пѣнистому шампанскому, была бы пріятна, еслибъ не стоила такъ дорого.

Графъ д'Артуа.

Monsieur, старшій братъ короля, имѣетъ претензію на остроуміе и склоняется въ сторону философовъ; монсеньоръ д'Артуа срываетъ маску съ лица одной дерзкой красавицы и дерется изъ-за этого на дуэли — почти до пролитія крови [1]). Онъ носитъ панталоны новаго, фантастическаго фасона. „Четыре высокихъ лакея", говоритъ Мерсіе, какъ будто видѣвшій это, „поднимали его на воздухъ и спускали затѣмъ въ панталоны, чтобы не образовалось ни малѣйшей складочки; а вечеромъ тѣ же четыре лакея такимъ же способомъ, но съ нѣсколько большимъ усиліемъ, освобождали его изъ этого тѣснаго плѣна" [2]). Человѣкъ этотъ, судьба котораго кончилась вмѣстѣ съ Тремя Днями, сидитъ теперь въ Горитцѣ отжившимъ, покинутымъ старикомъ [3]). Такъ играетъ бѣдными смертными судьба, бросая ихъ то въ ту, то въ другую сторону.

ГЛАВА II.

Петиція въ іероглифахъ.

Не все благополучно и съ рабочимъ народомъ. Къ несчастію! Потому что этого народа насчитывается отъ двадцати до двадцатипяти милліоновъ, которые мы сваливаемъ, впрочемъ, въ одну кучу, въ особаго рода смутное сокращенное цѣлое, чудовищное, но не ясное, представляющееся намъ по большей части въ въ видѣ canaille или, гуманнѣе говоря, въ видѣ „массы". Это дѣйствительно масса, и тѣмъ не менѣе, если усиліемъ воображенія вы захотите прослѣдить ее по всей широкой Франціи, если представите ее себѣ въ ея землянкахъ, на чердакахъ и въ шалашахъ, то вся эта масса окажется—странно сказать — состоящей изъ единицъ. И каждая изъ этихъ единицъ имѣетъ свое собственное сердце и свое горе, каждая стоитъ предъ вами покрытая своей собственной кожей и, если вы проколете эту кожу, то потечетъ кровь. О, вы, одѣтые въ пурпуръ величества, святѣйшества, или преподобія! Ты, напримѣръ, наряженный въ почетное

---

[1]) Besenval, II, 282 — 330.

[2]) Mercier: Nouveau Paris, III, 147.

[3]) A. D. 1834.

плюшевое облаченіе, кардиналъ—милостынный священникъ. Сила находящихся въ твоихъ рукахъ денегъ и должностей высоко поднимаетъ тебя надъ людьми и ставитъ предъ лицомъ Бога,—подумай только: каждая единица этой массы — точь въ точь такое же дивное существо, такой же человѣкъ, какъ и ты самъ, человѣкъ, борющійся слѣпо или сознательно за свое безконечное царство (за свою жизнь, которую онъ получаетъ одинъ лишь разъ въ теченіе вѣчности) и хранящій въ себѣ божественную искру, которую ты называешь безсмертной душой!

Печально, уныло борятся эти люди за жизнь въ своихъ темныхъ закоулкахъ; скудна ихъ пища, безрадостны ихъ очаги. Для нихъ заря надежды не занимается въ этой жизни, да едва ли брежжитъ и въ будущей, если не считать надежды на мрачный отдыхъ могилы, такъ какъ вѣра ослабѣваетъ также и въ ихъ средѣ. Голодное, невѣжественное безгласное поколѣніе! Его голосъ—нечленораздѣльный крикъ. У него нѣтъ ораторовъ, ни въ королевскомъ совѣтѣ, ни на публичномъ форумѣ, нѣтъ представителей, внушающихъ довѣріе. Изрѣдка (какъ и теперь въ 1775 году) люди „массы" вдругъ бросаютъ свои заступы и молотки и, къ величайшему изумленію мыслящаго человѣчества [1]), собираются въ толпы, опасныя, безсознательныя, кидающіяся туда и сюда, и доходящія даже до Версаля. Тюрго вводитъ измѣненія въ условія хлѣбной торговли, отмѣняетъ самые нелѣпые изъ ея законовъ, но хлѣбъ повышается въ цѣнѣ. Если даже эта дороговизна и „создана искусственно", то это не измѣняетъ дѣла,—недостатокъ хлѣба несомнѣнно реаленъ. И вотъ, 2-го мая 1775 года, громадная толпа появляется предъ Версальскимъ замкомъ и въ своей безмѣрной нищетѣ съ болѣзненной блѣдностью истощенныхъ лицъ, въ грязныхъ рубищахъ, представляетъ собою живую „петицію объ обидахъ", четко написанную іероглифами. Ворота замка запираются, но король появляется на балконѣ и говоритъ толпѣ нѣсколько словъ. Она видѣла лицо короля; если и не прочли ея петицію, то все же на нее взглянули. Въ отвѣтъ—двоихъ вѣшаютъ на „новыхъ висѣлицахъ вышиною въ сорокъ футовъ"; остальныхъ загоняютъ обратно въ ихъ берлоги,—на время.

Ясно, что имѣть дѣло съ этими массами представляетъ затруднительный „пунктъ" для правительства, вѣрнѣе сказать, это единственный пунктъ, единственная задача, въ сравненіи съ которой всѣ остальные пункты являются лишь случайными причудами, поверхностными явленіями, лоскутьями, развѣваемыми вѣтромъ! Вѣдь, что бы ни говорило право, какъ занесенное въ хартіи, такъ и обычное, что бы ни вѣщали законы общіе и спеціальные, несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что масса состоитъ изъ милліоновъ единицъ, созданныхъ, по всѣмъ видимостямъ, тѣмъ же Богомъ, которому, какъ говорятъ, принадлежитъ и вся наша земля. А, съ другой стороны, народъ не чуждъ свирѣпости, и въ его средѣ есть озлобленные люди съ сильными мышцами. Посмотрите только, какой праздникъ видѣлъ въ тѣ годы сварливый, старый другъ людей, маркизъ де-Мирабо, изъ окна своего жилища на купаньяхъ въ Mont d' Or: „Дикари потоками спускаются съ горъ; нашимъ людямъ запрещено выходить со двора. Викаріи въ стихаряхъ и эпитрахиляхъ, судьи въ парикахъ, военная стража съ саблями, охраняютъ площадь, пока не заиграютъ волынки. Черезъ четверть часа танцы прерываются дракой; раздаются крики, плачъ дѣтей и слабыхъ людей; другіе присутствующіе натравливаютъ дерущихся, какъ дѣлаетъ обыкновенно чернь, когда грызутся собаки. Страшные это люди, или вѣрнѣе страшные дикіе звѣри, одѣтые въ камзолы изъ грубой шерсти съ широкими кожанными поясами, утыканными мѣдными гвоздями; люди гигантскаго роста, увеличиваемаго еще ихъ толстыми деревянными башмаками. Они еще поднимаются на носки, чтобы лучше видѣть драку, топаютъ ей въ тактъ ногами и толкаются локтями. Длинные сальные волосы свѣшиваются на ихъ блѣдныя, истощенныя лица, искажаемыя судорож-

[1]) Lacretelle, France pendant le 18-e siecle, II 455. Biographie Universelle § Turgot (par Durozier).

нымъ кровожаднымъ смѣхомъ и выраженіемъ своеобразно-звѣрскаго нетерпѣнія. И такіе-то люди платятъ налоги! И вы еще находите нужнымъ отнимать у нихъ соль! Вы не знаете тѣхъ существъ, которыхъ обдираете или—выражаясь вашимъ языкомъ которыми управляете; вы ихъ не знаете и воображаете, въ своемъ подломъ, холодномъ равнодушіи, что всегда сможете однимъ росчеркомъ пера безнаказанно заставлять ихъ голодать. Всегда! До катостpофы!—Ахъ, сударыня, при такой игрѣ въ жмурки, вмѣсто управленія, безпрестанное спотыканіе окончится всеобщимъ паденіемъ (culbute générale)" [1]).

Не сомнѣнно, это очень мрачныя черты на фонѣ Золотаго Вѣка—вѣка надеждъ и бумаги, во всякомъ случаѣ. О, ворчливый другъ людей! не смущай насъ пока своимъ зловѣщимъ карканьемъ: мы не разъ уже слыхали подобныя пророчества, а между тѣмъ старый міръ все еще продолжаетъ плестись по своей старой дорогѣ.

ГЛАВА III.

Сомнительно.

Или самъ вѣкъ надежды только обманчивый призракъ, какимъ слишкомъ часто оказывается надежда? Не облако ли это съ раскинувшейся по немъ красивой радугой, манящее глазъ, привлекающее къ себѣ, но парящее надъ Ніагарскимъ водопадомъ? Если это такъ, то „побѣдоносному анализу" предстоитъ большая задача.

Увы, да! Если бы только онъ могъ разсмотрѣть ее: но эта задача не для него! Нужно бы передѣлать цѣлый міръ, такъ какъ все испортилось, все распадается, какъ во внутренней духовной области, такъ и во внѣшней экономической; голова и сердце одинаково больны. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдствія всякаго рода болѣе или менѣе сродни между собою и обыкновенно приходятъ вмѣстѣ, а въ частности, вѣдь это старая истина, что тамъ, гдѣ существуетъ громадное физическое зло, его породило предшествовавшее ему пропорціонально столь же громадное зло нравственное. Для того, напримѣръ, чтобы 25.000.000 тружениковъ въ странѣ, называющей себя христіанской, а людей братьями, пріобрѣли тѣ „истощенныя лица", на которыя смотритъ теперь старый Мирабо,—сколько, и въ теченіе сколькихъ временъ нужно было всевозможнымъ духовнымъ и свѣтскимъ правителямъ и хранителямъ этой страны накоплять невыразимой, почти безконечной безчестности (способности казаться и не быть). И безчестность будетъ все расти,—болѣе того, она дойдетъ до своего кульминаціоннаго пункта, потому что первое изо всѣхъ благихъ возвѣщенныхъ намъ ученій заключается въ томъ, что ложь не можетъ продолжаться вѣчно.

Дѣйствительно, если мы проникнемъ за розовые пары сантиментализма филантропіи и „праздниковъ морали", то увидимъ самое печальное зрѣлище. Спрашивается: какія узы изъ тѣхъ, которыя благополучно — или хотя какъ-нибудь — соединяютъ человѣческія общества, дѣйствуютъ здѣсь? Это невѣрующіе люди; у нихъ есть предположенія, гипотезы и пышныя системы „побѣдоноснаго анализа", но вся ихъ вѣра заключается лишь въ томъ, что наслажденіе пріятно. Они алчутъ всего сладкаго, и у нихъ есть законы для удовлетворенія этой алчности; но другихъ законовъ, ни въ нихъ, ни надъ ними, собственно нѣтъ никакихъ!

Ихъ король, со своимъ правительствомъ Морепа, поворачивающимся, какъ флюгеръ, по направленію вѣтра, превратился въ простую куклу короля. Бога надъ собой они не видятъ, да и вверхъ-то не смотрятъ, иначе какъ для астрономическихъ наблюденій. Церковь, правда, еще существуетъ, но покоренная, почти

---

[1]) Mémoires de Mirabeau, écrits par lui-même, par son Pére, son Oncle et son Fils Adoptif (1834—5) II, 186.

прирученная философіей, и это въ самое короткое время, такъ какъ часъ ея пробилъ. Какихъ нибудь 20 лѣтъ тому назадъ, архіепископъ Бомонъ не позволяетъ хоронить по христіанскому обряду даже безобидныхъ янсенистовъ, а Ломени Бріеннъ (человѣкъ начавшій пріобрѣтать извѣстность, съ которымъ мы еще встрѣтимся) могъ требовать, отъ имени духовенства, „выполненія" закона, осуждающаго протестантовъ на смертную казнь за проповѣдь ихъ ученія [1]). А теперь, увы, нельзя сжечь даже атеизма барона Гольбаха, развѣ лишь совершенно частнымъ образомъ, отрывая отъ его книги по листку для закуриванія собственной трубки. Церковь стоитъ теперь взнузданная, нѣмая какъ волъ,—ничего не любя, кромѣ корма (десятины), совершенно довольная тѣмъ, что имѣетъ его, и тупо равнодушная къ своей будущей судьбѣ. А рядомъ 20 милліоновъ „истощенныхъ лицъ", съ „висѣлицей въ 40 футовъ вышины" въ качествѣ единственнаго руководства въ ихъ тяжелой борьбѣ за существованіе. Странный золотой вѣкъ съ его „праздниками морали", съ его мягкими манерами и столь же мягкими учрежденіями (institutions douces), заботящимися лишь о мирѣ между людьми!—Миръ? О, философскій сантиментализмъ! что у тебя, порожденнаго Мегерою, можетъ быть общаго съ миромъ? Гнилой продуктъ еще болѣе гнилого, разлагающагося общества, ты обреченъ раздѣлить его судьбу. Удивительно, однако, какъ долго тѣло, уже совершенно прогнившее, можетъ оставаться въ цѣлости, если не хватать его грубыми руками. Поколѣніе за поколѣніемъ продолжаетъ оно стоять предъ нами, выказывая „отвратительное подобіе жизни" послѣ того, какъ жизнь и правда давно отлетѣли отъ него. Такъ трудно людямъ покинуть свой старый путь и, побѣдивъ безпечность и инерцію, рискнуть пойти по новому! Громадна, правда, существующая дѣйствительность: это то, что поднялось изъ бездонной глубины теоріи и возможностей, и стоитъ тутъ, какъ опредѣленный, безспорный фактъ, при которомъ работаютъ и живутъ или нѣкогда жили и работали люди. Они поступаютъ разумно, прилѣпляясь къ существующему, пока оно держится, и съ сожалѣніемъ покидая его, когда оно подъ ними рушится. Будь остороженъ, горячій поклонникъ новизны! Взвѣсилъ ли ты то громадное значеніе, которое имѣетъ въ нашей жизни привычка? Подумалъ ли о томъ, что всѣ наши знанія и все нами сдѣланное чудеснымъ образомъ виситъ надъ безконечной пропастью невѣдомаго и несодѣяннаго;—что все наше существованіе проходитъ надъ бездной, прикрытой тонкимъ сводомъ привычки, точно хрупкой, съ трудомъ слѣпленной коркой?

Но, если, по словамъ одного писателя, въ „каждомъ человѣкѣ таится сумасшедшій", то что же сказать объ обществѣ, которое, даже въ простѣйшемъ своемъ видѣ называется „постояннымъ чудомъ этого свѣта!" „Безъ этой коры, безъ этой системы привычекъ, продолжаетъ нашъ писатель, словомъ — безъ установившагося образа дѣйствій, мыслей и вѣрованій, общество не могло бы существовать, а при всемъ этомъ, худо ли, хорошо ли, но оно существуетъ. Здѣсь же, въ этой системѣ своихъ привычекъ, обрѣтенныхъ или сохраненныхъ,—считайте какъ хотите,—общество имѣетъ свой истинный кодексъ законовъ и конституцію; тотъ единственный кодексъ, которому нельзя отказать въ повиновеніи, хотя онъ и не писанъ. Вещи же, которыя мы называемъ письменными кодексами, конституціями, формами правленія и проч.,—что все это, какъ ни миніатюрный снимокъ, или торжественно изложенный перечень неписанныхъ законовъ? Вѣрнѣе,—увы! они должны бы быть такими снимками, но не бываютъ ими, сусуществуетъ лишь постоянная тенденція въ этомъ направленіи, и безконечная борьба, вытекающая изъ противорѣчія двухъ кодексовъ". Прибавимъ, придерживаясь того же сравненія, что пусть только, по несчастной случайности „безконечной борьбы", ваша тонкая „земная кора" дастъ трещину, и кипящіе въ глубинѣ ключи забьютъ вверхъ огненными фонтанами, затопляя и низвергая все окружающее. Ваша земная кора окажется взломанною, поглощенною и вмѣсто

[1]) Boissy d'Anglas: Vie de Malesherbes. I, 15—22.

зеленаго, цвѣтущаго міра, предъ вами будетъ дико колыхаться безбрежный хаосъ,—которому въ борьбѣ и сумятицѣ предстоитъ снова выработать изъ себя міръ.

Съ другой стороны, слѣдуетъ признать, что всюду, гдѣ ты находишь угнетающую тебя ложь, ты долженъ ее уничтожать. Ложь на то только и существуетъ, чтобы быть уничтоженной; она ждетъ, она громко требуетъ уничтоженія. Но, обдумай, въ какомъ духѣ долженъ ты вести борьбу съ нею: не въ духѣ ненависти, не съ безудержанностью личной злобы, а съ чистымъ сердцемъ, со святымъ жаромъ, почти съ жалостью. Вѣдь, ты не хочешь замѣнить старую ложь новою, плодомъ твоей собственной несправедливости, который породилъ бы новыя лжи! Иначе конечный результатъ всего дѣла оказался бы хуже начала.

Какъ бы тамъ ни было, въ нашемъ мірѣ, которому одинаково присуща, какъ неискоренимая надежда на будущее, такъ и неискоренимыя привязанности къ прошедшему, новое и старое вынуждены вести между собою, по мѣрѣ силъ и возможности, безконечную и непрерывную борьбу. Несомнѣнно, что при этомъ „демоническій элементъ", скрывающійся въ всемъ человѣческомъ, можетъ иногда,—хоть разъ въ тысячелѣтіе—вырваться на поверхность! Но не достойно ли сожалѣнія, что борьба, которая, въ концѣ концовъ, подобно классической битвѣ между „пылающими ненавистью амазонками и героическими юношами", приводитъ къ о б ъ я т і я м ъ,—что такая борьба обыкновенно ведется спазмодически? И это потому, что консервативный элементъ, поддерживаемый сильнѣйшимъ изъ нашихъ свойствъ, нашей лѣностью, остается долгіе годы не побѣдоноснымъ только—это его право,—а неподвижно тираническимъ. Онъ держитъ своихъ противниковъ въ состояніи какъ бы полнаго уничтоженія, и такой противникъ, подобно погребенному Энцеладу, вынужденъ колебать всю Тринакрію съ ея Этной, чтобы добиться самой ничтожной свободы.

Поэтому мы отнесемся въ общемъ съ должнымъ уваженіемъ также и къ бумажному вѣку. Онъ былъ вѣкомъ надежды! А въ страшномъ процессѣ возстанія Энцелада, когда задача, за которую добровольно не возмется ни одинъ смертный, становится повелительно-неизбѣжной,—развѣ не ласка благой природы, что она манитъ насъ впередъ, выполнимыми или невыполнимыми, но всегда радостными обѣщаніями? Благодаря имъ, жизнь цѣлаго поколѣнія, погруженнаго въ тьму Эреба, становится свѣтлой эрой надежды! „Человѣка поддерживаетъ надежда; у него въ сущности нѣтъ ничего своего, кромѣ надежды; земля, имъ обитаемая, называется „обителью надежды" и это вѣрно сказано.

ГЛАВА IV.

Морепа.

Изъ французскихъ надеждъ данной эпохи едвали не самой основательной была надежда стараго Морепа, разсчитывавшаго, что ловкость его поможетъ ему остаться министромъ. Изворотливый старикъ, имѣющій на всѣ случаи жизни легкую шутку въ запасѣ, всегда всплыветъ, какъ пробка, на поверхность изъ самой худшей передряги. Ему нѣтъ дѣла до „совершенствованія", до „прогресса человѣческаго рода" и до „Astraea Redux". Добро для него заключается въ томъ, что онъ, сообразительный человѣкъ, приближающійся къ 80 годамъ, занимаетъ вліятельное положеніе, позволяющее ему чувствовать свое значеніе между людьми. Должны ли мы, какъ дѣлалъ это въ былые годы надменный Шатору, называть Морепа господиномъ „Faquinet" (уменьшительное отъ слова: бездѣльникъ)? Теперь, на языкѣ придворныхъ онъ „Несторъ Франціи"; и ей приходится довольствоваться такимъ правящимъ Несторомъ.

Тѣмъ не менѣе можно бы прійти въ нѣкоторое затрудненіе, если бы понадобилось указать, гдѣ именно находится теперь правительство Франціи. Въ

Версальскомъ замкѣ мы имѣемъ Нестора, короля, королеву, министровъ и клерковъ съ кипами бумагъ, перевязанныхъ тесемками,—но правительство ли это? Вѣдь, правительство—это нѣчто правящее, руководящее, а въ случаѣ необходимости и принуждающее. Такого видимаго правительства во Франціи нѣтъ въ эту пору. Но, съ другой стороны, это направляющее нѣчто существуетъ, хотя невидимое и неосязаемое: оно существуетъ въ философствующихъ салонахъ, въ галлереяхъ Oeil-de-Boeuf; на языкахъ болтуновъ, на перьяхъ памфлетистовъ. Ея величество появляется въ оперѣ и ей рукоплещутъ, она возвращается, сіяя отъ радости. Однако, вскорѣ рукоплесканія рѣдѣютъ; можно опасаться, что они прикратятся совсѣмъ, и королева возвращается домой съ тяжелымъ сердцемъ, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ. Королевское достоинство словно превратилось въ воздушный шаръ, увеличивающійся въ объемѣ и поднимающійся, когда въ него дуетъ вѣтеръ популярности, и опускающійся плашмя на землю, какъ только этотъ вѣтеръ спадаетъ. Долгое время во Франціи господствовалъ „деспотизмъ, смягченный эпиграммами"; теперь эпиграммы взяли, повидимому, верхъ надъ деспотизмомъ.

Молодой „Людовикъ Желанный" былъ бы радъ осчастливить Францію, если бы только это не было слишкомъ затруднительно, и если бы онъ зналъ, какъ это сдѣлать. Но вокругъ него кипятъ безконечныя распри, слышатся безчисленныя требованія и вопли, совершается чистѣйшее столпотвореніе, котораго онъ не можетъ ни упорядочить, ни прекратить, что было бы подъ силу лишь болѣе мудрому и сильному человѣку. Держаться кое-какъ среди всего этого можетъ только увертливый Морепа, для котораго все служитъ лишь предметомъ шутки. Вольнодумство требуетъ новой эры, подразумѣвая подъ этимъ многое. И голосъ его при этихъ требованіяхъ крѣпнетъ, такъ какъ Франція, въ общемъ, остававшаяся до сихъ поръ нѣмою, теперь тоже начинаетъ говорить, и говоритъ въ томъ же смыслѣ. Громадный, многозвучный голосъ, пока еще отдаленный, но уже выразительный. Съ другой стороны, самый близкій и поэтому самый слышный, пронзительный голосъ, исходящій изъ Oeil-de-Boeuf, запальчиво требуетъ, чтобы монархія по прежнему оставалась рогомъ изобилія, изъ котораго лояльные придворные будутъ тянуть все, что имъ требуется—для поддержанія трона. Пусть вводятъ, если хотятъ, новую эру и либерализмъ, лишь бы не урѣзывали подачекъ изъ королевской казны. А именно это послѣднее условіе и оказывается, увы! совершенно невыполнимымъ.

Какъ мы видѣли, вольнодумство получило должность генеральнаго контролера для своего Тюрго и разсчитывало поэтому на длинный рядъ реформъ. Къ несчастію, Тюрго могъ продержаться только 20 мѣсяцевъ. Съ волшебнымъ „кошелькомъ Фортуната" въ кассѣ, его дѣятельность могла бы быть продолжительнѣе; такимъ кошелькомъ долженъ бы запастись всякій генеральный контролеръ, желавшій дѣйствовать успѣшно въ эти дни. Но не замѣтна ли и въ этомъ случаѣ заботливость природы о сохраненіи надежды? Одинъ человѣкъ за другимъ довѣрчиво подходятъ къ Авгіевымъ конюшнямъ, какъ будто именно онъ можетъ ихъ вычистить, радостно тратитъ на это все свое небольшое искусство и, если онъ честенъ, то кое что и дѣлаетъ. У Тюрго много прекрасныхъ качествъ: честность, глубина мысли, геройская воля; но волшебнаго кошелька у него нѣтъ. О, сангвиническій генеральный контролеръ! Въ головѣ мыслителя могла созрѣть полная схема мирной французской революціи; но кто же будетъ платить безчисленныя „вознагражденія", которыя потребуются? Увы, далеко до этого: съ первыхъ же шаговъ Тюрго предлагаетъ, чтобы духовенство, дворянство и даже парламенты были обложены налогомъ, подобно народу! Дружный крикъ негодованія и изумленія пронесся по всѣмъ галлереямъ замка. Понадобилась изворотливость Морепа; бѣдный король, еще недавно писавшій Тюрго: „Il n'y a que vous et moi qui aimions le peuple (только вы, да я и любимъ народъ)", принужденъ теперь подписать его отставку [1]) и предоставить революціи совершаться самой

[1]) Въ маѣ 1776 г.

мирно или немирно, какъ можетъ. Стало быть, надежда отложена? Отложена—да, но не уничтожена. Она просыпается, напримѣръ, по случаю пріѣзда патріарха Вольтера, послѣ долгаго отсутствія, посѣтившаго Парижъ. Съ высохшимъ въ кулачокъ лицомъ, „въ огромномъ парикѣ à la Louis Quatorze, изъ подъ, котораго видна только пара сверкающихъ какъ угли глазъ“, старикъ появляется въ столицѣ [1]). Какой взрывъ энтузіама! Насмѣшливый Парижъ внезапно сдѣлался почтительнымъ, способнымъ на поклоненіе героямъ. Дворяне переодѣвались трактирными слугами, чтобы посмотрѣть на Вольтера. Красивѣйшія женщины готовы были, кажется, устлать его путь своими волосами. „Его карета представляетъ собою ядро кометы, хвостъ которой наполняетъ цѣлыя улицы“. Его вѣнчаютъ въ театрѣ лаврами при нескончаемыхъ кликахъ и, наконецъ, „душатъ подъ розами“. Его нервы не выдержали и старый Ришелье посовѣтовалъ ему принять опіумъ; невоздержанный патріархъ принялъ слишкомъ большую дозу. Сама королева подумывала послать за нимъ, но ей отсовѣтовали. Тѣмъ не менѣе, поразмыслить обо всемъ этомъ ихъ величествамъ слѣдовало бы. Цѣлью жизни этого человѣка было изсушить, уничтожить все то, на чемъ держалось до сихъ поръ величество и поклоненіе; и какъ же міръ оцѣнилъ его дѣятельность? Ему создали апоѳеозъ: люди признали его своимъ пророкомъ, своимъ глашатаемъ, который мудро высказалъ то, что всѣ жаждали высказать! Къ этому слѣдуетъ прибавить, что обожаемаго, задушеннаго подъ розами патріарха нельзя было похоронить иначе, какъ украдкой. Замѣчательное обстоятельство. Франція, несомнѣнно, находится въ интересномъ положеніи („въ доброй надеждѣ“, какъ называютъ это положеніе нѣмцы): пожелаемъ же ей счастливаго разрѣшенія и благословеннаго плода.

Бомарше тоже довелъ теперь до конца свои судебные мемуары [2]), не безъ результатовъ, какъ для себя, такъ и для всего свѣта. Каронъ Бомарше (или де-Бомарше, т. к. онъ получилъ дворянство) родился бѣднякомъ, но бѣднякомъ честолюбивымъ, полнымъ силъ, одаренпымъ талантами, смѣлостью, ловкостью и прежде всего талантомъ интриги; это былъ гибкій и, въ то же время, непреклонный, неукротимый человѣкъ. Удача и ловкость открыли ему доступъ къ клавикордамъ нашихъ добрыхъ принцессъ Loque, Graille и проч. Еще лучше было то, что придворный банкиръ, Пари Дюверніе, отнесся къ нему съ довѣріемъ, даже до порученія ему денежныхъ операцій. Однако, наслѣдникъ Дюверніе, человѣкъ съ положеніемъ, не только не унаслѣдовалъ этого довѣрія, но даже обнаружилъ какъ разъ обратное. Отсюда возникъ процессъ, въ которомъ упрямый Бомарше, потерявшій деньги и репутацію, былъ безнадежно побитъ, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію судьи, докладчика Гёцмана, парламента Мопу и всего равнодушнаго свѣта; но никакъ не по мнѣнію самого Бомарше. Воодушевленный негодованіемъ, которое вызываютъ, если не стихи, то сатирическіе судебные мемуары, бывшій учитель музыки начинаетъ борьбу за свое, потерянное въ глазахъ свѣта, дѣло съ докладчиками, съ парламентами и всякими властями, вооруженный остроумной насмѣшкой и ясной логикой. Съ ловкостью, съ неистощимыми рессурсами и упорствомъ, онъ борется предъ публикой, какъ избранный гладіаторъ, искусство котораго приковываетъ къ нему теперь глаза всего міра. Три долгихъ года длится борьба съ перемѣннымъ успѣхомъ. Послѣ трудовъ, которые можно сравнить лишь съ двѣнадцатью подвигами Геркулеса, нашъ непобѣдимый Каронъ, наконецъ, торжествуетъ: выигрываетъ всѣ свои процессы; стаскиваетъ съ докладчика Гёцмана его судейскую горностаевую мантію, и взамѣнъ навсегда одѣваетъ его въ костюмъ клеветника; а по отношенію къ парламенту Мопу (уничтоженію котораго онъ содѣйствуетъ), ко всевозможнымъ парламентамъ и ко всему строю французскаго правосудія возбуждаетъ въ умахъ безконечныя критическія раз-

---

[1]) Февраль 1778 г.

[2]) 1773—6 г. См. Oeuvres de Beaumarchais, гдѣ они приведены и разсказана ихъ исторія.

мышленія. Такимъ-то образомъ, велѣніемъ судебъ, сухой французскій Геркулесъ, Бомарше, сошелъ въ подземное царство и побѣдоносно укротилъ тамъ адскихъ псовъ. Съ тѣхъ поръ и онъ также принадлежитъ къ знаменитостямъ своего поколѣнія.

ГЛАВА V.

Astraea Redux безъ денегъ.

Взгляните, развѣ тамъ, по ту сторону Атлантическаго океана, не загорѣлась заря новаго дня? Тамъ родилась демократія и, опоясанная бурей, борется за жизнь и побѣду. Сочувствующая Франція ликуетъ за права человѣка; во всѣхъ салонахъ слышится: что за зрѣлище! Взгляните на Дина, на Франклина, американскихъ уполномоченныхъ, лично явившихся просить помощи [1], на этихъ сыновей саксонскихъ пуританъ съ старосаксонскимъ темпераментомъ, съ староеврейской культурой, на благочестиваго Силу, на благочестиваго Веніамина, выполняющихъ такую миссію среди легкомысленныхъ дѣтей язычества, монархіи, сентиментализма и падшихъ женщинъ. Это дѣйствительно — зрѣлище, о которомъ могутъ радостно болтать въ салонахъ, хотя спрошенный объ этомъ императоръ Іосифъ и далъ совершенно неожиданный для философа отвѣтъ: „Сударыня, я по ремеслу — роялистъ“. (Mon métier a moi c'est d'être royaliste).

Франклинъ.

То же думаетъ и легкомысленный Морепа; но вѣтеръ философскихъ ироній и сила общественнаго мнѣнія повернутъ его вокругъ оси. А между тѣмъ посылаются самыя лучшія пожеланія, частныя лица тайкомъ вооружаются. Поль Джонсъ экипируетъ свой „Bon homme Richard“; контрабандой провозятся оружіе, боевые припасы (если только ихъ не отбираютъ англичане), причемъ смутно выступаетъ великій Бомарше, въ видѣ гиганта-контрабандиста, наполняющаго свой собственный тощій карманъ.

---

[1]) 1777. Динъ нѣсколько раньше. Франклинъ оставался до 1785.

Но Франція, во всякомъ случаѣ, должна имѣть флотъ. И развѣ не наступила теперь удобная пора для этого,—теперь, когда гордая владычица морей завалена дѣлами? Конечно, обѣднѣвшая казна не можетъ строить кораблей, но разъ поданъ знакъ (Бомарше утверждаетъ, что это онъ далъ его), то одинъ или нѣсколько вѣрныхъ портовъ и торговыхъ камеръ построятъ и преподнесутъ ихъ королю. Великолѣпныя суда уже прыгаютъ въ воду; между ними и „Ville de Paris"—Левіафанъ кораблей.

И теперь, когда подаренныя трехпалубныя суда съ развѣвающимися вымпелами стоятъ на якорѣ, а свободолюбивая лжефилософія дѣлается все шумливѣе, какому нибудь Морепа остается только поворачиваться по вѣтру. Эскадры уже переплываютъ океанъ; Гэтсы, Ли, суровые генералы-янки, „въ шерстяныхъ колпакахъ подъ шляпой", отдаютъ честь блестящему рыцарству Франціи, а новорожденная демократія не безъ удивленія видитъ „деспотизмъ, умѣряемый эпиграммами", сражающимся въ ея рядахъ. Да, все это—такъ. Королевское войско и геройскіе добровольцы вродѣ: Рошамбо, Буйе, Ламета, Лафайетта, обнажили шпаги въ этой святой борьбѣ за человѣчество, и скоро они опять обнажатъ ихъ при другихъ, странныхъ обстоятельствахъ.

Съ Ушанта доносится громъ морскихъ орудій. А что дѣлалъ въ это время нашъ молодой принцъ, герцогъ де Шартръ? „Прятался ли онъ въ трюмѣ", или своимъ активнымъ героизмомъ фактически содѣйствовалъ побѣдѣ?" Увы! Изъ второго изданія газеты мы узнаемъ, что не было никакой побѣды, или что она досталась англичанину Кеппелю [1]). Въ оперѣ, вмѣсто аплодисментовъ, нашего бѣднаго молодого принца встрѣчаютъ насмѣшливымъ зубоскальствомъ; онъ не можетъ сдѣлаться адмираломъ, что становится для него источникомъ нескончаемыхъ горестей.

Горе также и „Ville de Paris", Левіафану кораблей! Британецъ Родней взялъ его и увелъ къ себѣ со всѣми остальными; такъ успѣшенъ былъ его „новый маневръ прорыванія непріятельской линіи!" [2]) Кажется, Людовикъ XV былъ правъ, сказавъ, что „у Франціи никогда не будетъ флота". Храбрый Сюффренъ вынужденъ возвратиться изъ Гайдеръ-Али и изъ индійскихъ водъ съ ничтожнымъ результатомъ, но съ большою славой отъ „шести" не пораженій, что, дѣйствительно можетъ считаться геройствомъ, принимая во вниманіе ту поддержку, которую онъ имѣлъ. Но оставимъ прославленнаго Франціей стараго морскаго героя отдыхать въ своихъ родныхъ Севеннахъ и выпускать не пороховой дымъ, а просто кухонный чадъ изъ старыхъ трубъ замка Жалесъ, который въ одинъ прекрасный день и въ другихъ рукахъ пріобрѣтетъ иную славу. Храбрый Лаперузъ скоро снимется съ якоря и предприметъ филантропическое путешествіе съ цѣлью открытій, такъ какъ король знаетъ географію [3]). Но, увы, и это не удается. Смѣлый мореплаватель уѣзжаетъ и не возвращается; изслѣдователи безуспѣшно ищутъ его въ далекихъ моряхъ. Онъ исчезъ безслѣдно въ громадномъ голубомъ пространствѣ, и только печальная и таинственная тѣнь его долго еще живетъ во всѣхъ умахъ и сердцахъ.

И Гибралтаръ не хочетъ сдаваться, пока тянется война, хотя тамъ присутствуютъ и Крильонъ, и Нассау-Зигенъ съ самыми искусными изъ существующихъ изобрѣтателей, и на помощь къ нимъ спѣшатъ принцы Конде и д'Артуа. Удивительныя плавучія баттареи съ кожаными палубами, спущенныя на воду по Французско-испанскому семейному договору, предъявляютъ великодушныя требованія сдачи, на которыя Гибралтаръ, однако, отвѣчаетъ, какъ Плутонъ, потоками раскаленнаго желѣза, словно скала Кальпе превратилась въ жерло ада и произноситъ такое громовое нѣтъ! что всѣ должны повѣрить ему [4]).

---

[1]) 27-го іюля 1778.

[2]) 9-го и 12-го апрѣля 1782.

[3]) 1-го августа 1785.

[4]) Annual Register (Dodsley), XXV, 258—267. Сентябрь, октябрь, 1782.

Этимъ громкимъ взрывомъ завершился шумъ войны. Можно было надѣяться, что наступитъ вѣкъ благожелательности. Наши благородные добровольные борцы за свободу возвратились домой, чтобы стать ея миссіонерами. Лафайетъ, какъ первый человѣкъ своего времени, блистаетъ въ версальскомъ Oeil de Boeuf'ѣ; въ парижской ратушѣ поставленъ его бюстъ. У себя, въ Новомъ Свѣтѣ, демократія стоитъ непреодолимая и неизмѣримая, и занесла уже ногу по направленію къ Старому Свѣту; а наши французскіе финансы, которымъ такое положеніе вещей мало помогаетъ, находятся на плохомъ пути.

Что дѣлать съ финансами? Вотъ, что составляетъ большой вопросъ. Эту черную точку на горизонтѣ не заслонить блескомъ всеобщихъ надеждъ. Мы видимъ, что, за неимѣніе волшебнаго кошелька, Тюрго съ криками удаляютъ съ мѣста главнаго контролера. Но такъ же мало былъ способенъ устроить дѣла и де Клюньи. Онъ умѣлъ только брать свое жалованье и занялъ „мѣсто въ исторіи", какъ мелькающая безполезная тѣнь; дѣла же были предоставлены самимъ себѣ. Ну, а женевецъ Неккеръ, обладалъ ли онъ такимъ кошелькомъ? Во всякомъ случаѣ, онъ обладалъ ловкостью и честностью банкира, кредитомъ всякаго рода, такъ какъ писалъ академическіе трактаты на преміи, боролся въ пользу индійскихъ компаній, задавалъ обѣды философамъ и „составилъ состояніе въ теченіе двадцати лѣтъ". Сверхъ того, онъ обладалъ молчаливостью и торжественностью, свойственными глубокомыслію или глупости. Селадону Гиббону, отецъ котораго не хотѣлъ и слышать о бракѣ его съ дѣвицей Кюршо, должно быть, было очень странно встрѣтить эту покинутую имъ особу на самой вершинѣ большого свѣта, женою министра, „вовсе не ревниваго Неккера" [1]).

Еще одна молоденькая дѣвушка, которой предстоитъ сдѣлаться знаменитой въ качествѣ г-жи Сталь, пока еще играетъ на колѣняхъ автора „Упадка и Распаденія". Тѣмъ временемъ, леди Неккеръ основываетъ больницы, задаетъ торжественные обѣды философамъ, чтобы развлечь утомленнаго главнаго контролера. Странныя бывали вещи благодаря крикамъ лжефилософіи, управленію маркиза де Пезе и бѣдности, которая подавляетъ даже королей! Однако, Неккеръ, подобно Атласу, въ теченіе пяти лѣтъ несетъ бремя финансовъ [2]), безъ всякаго вознагражденія, такъ какъ онъ отъ него отказался, поддерживаемый только общественнымъ мнѣніемъ и помощью своей благородной жены. Нужно предполагать что въ головѣ его было множество идей, но онъ былъ слишкомъ робокъ, чтобы обнаружить ихъ. Его напечатанный съ разрѣшенія короля отчетъ—новое знаменіе новой эры—являетъ чудеса; только одинъ геній Атласа-Неккера способенъ предотвратить превращеніе этихъ чудесъ въ несчастія. Въ головѣ его также заключалась цѣлая система своего рода мирной французской революціи, и въ то же время въ этой молчаливой, тупой глубинѣ, или глубокой тупости скрывалось довольно много честолюбія.

Жакъ Неккеръ.

А пока, увы! Его волшебный кошелекъ мало чѣмъ отличается отъ старой системы мелочной бережливости. Сверхъ того, онъ составилъ планъ распредѣленія налоговъ: обложеніе налогами духовенства и дворянства; планъ провинціальныхъ собраній и все прочее, какъ у Тюрго! Умирающій Морепа долженъ былъ еще разъ повернуться по вѣтру, а Неккеръ уходитъ, оставляя за собою сожалѣнія.

Великій, въ своемъ положеніи частнаго человѣка, Неккеръ смотритъ на все съ извѣстнаго разстоянія, выжидая своего времени. Восемьдесятъ тысячъ экземпляровъ его новой книги, которую онъ назвалъ: „Управленіе финансами"

[1]) Письмо Гиббона отъ 16 іюня 1777.

[2]) До мая 1781 года.

распродаются въ нѣсколько дней. Онъ ушелъ, но онъ вернется, и не одинъ разъ, и вся нація будетъ привѣтствовать его. Странный генеральный контролеръ финансовъ, бывшій нѣкогда писцомъ въ Телюссонскомъ банкѣ!

ГЛАВА VI.

Мыльные пузыри.

Такъ идутъ дѣла въ этомъ бумажномъ вѣкѣ, въ эту эру надеждъ. Они идутъ не безъ препятствій; бываютъ взрывы войны, но, доносясь къ намъ съ такого разстоянія, они похожи на веселую музыку марша. Но что было бы, если бы вдругъ заигралъ этотъ темный, живой хаосъ невѣжества и голода въ двадцать пять милліоновъ силъ, который находится подъ вашими ногами!

А въ данную минуту, взгляните на Лоншанъ: теперь конецъ поста и, согласно обычаю, въ эти дни здѣсь развертывается ежегодно все великолѣпіе Парижа и Франціи, и развертывается не для того, чтобы присутствовать на всенощномъ бдѣніи, а для того, чтобы погрѣться на солнцѣ, показать себя и привѣтствовать молодую весну [1]).

Многочисленная, разноцвѣтная, сверкающая золотомъ толпа въ Булонскомъ лѣсу растянулась длинными, пестрыми рядами, похожими на длинныя гряды живыхъ цвѣтовъ, тюльпановъ, георгинъ, лилій; толпа эта въ заново-раззолоченныхъ каретахъ, какъ цвѣты въ движущихся вазонахъ; наслажденіе для глазъ и гордость жизни! И процессія катится и танцуетъ, въ спокойной увѣренности, что подъ нею почва изъ адаманта и основы міра, а не простой геральдическій пергаментъ, подъ которымъ тлѣетъ огненное озеро. Танцуйте, безумцы! Вы не искали мудрости, и не нашли ея. Вы и ваши отцы сѣяли вѣтеръ, и вы пожнете ураганъ. Вѣдь, давно написано: „Воздаяніе за грѣхъ—смерть!“

Въ Лоншанѣ, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, мы замѣчаемъ, что каждую даму и каждаго кавалера сопровождаетъ особаго рода интимное существо, называемое жокеемъ. Это—маленькій эльфъ, или гномъ, молодой еще, но уже увядшій, съ увядшей наружностью ранняго порока и хитрости, со всѣми свойствами эльфа; онъ годится на многое. Названіе жокей перешло съ англійскаго, да и само это существо воображаетъ, что оно явилось изъ Англіи. Наша англоманія, дѣйствительно, значительно выросла и является пророчествомъ многаго. Если Франція должна быть свободной, то почему же ей теперь, когда безумная война утихла, не любить сосѣдней свободы? Образованные мужи, герцоги де-Ліанкуръ, де-Ларошфуко, восхищаются англійской конституціей, англійскимъ національнымъ характеромъ, и хотѣли бы ввести изъ этого во Франціи что можно.

Удобнѣе всего ввести то, что легче, что легко, какъ вѣтеръ. Не-адмиралъ герцогъ де-Шартрскій (еще не д'Орлеанъ и не Egalite) летаетъ взадъ и впередъ черезъ каналъ, вводя англійскія моды, въ качествѣ близкаго друга принца Уэльскаго, онъ вполнѣ годится для этого занятія. Вводятся англійскіе кареты и сѣдла, сапоги съ отворотами и рединготы, или, какъ мы ихъ называемъ: riding-coats, вводится даже въ моду англійская манера верховой ѣзды; теперь каждый человѣкъ, стоящій на уровнѣ своего времени, будетъ ѣздить à l'anglaise, приподнимаясь на стременахъ, и презирать старую посадку, ту, съ какой, по выраженію Шекспира, яйца и масло ѣдутъ на рынокъ. Нашъ храбрый герцогъ умѣетъ быстро ѣздить, въ Парижѣ нѣтъ болѣе проворнаго и болѣе мѣткаго бича, чѣмъ не профессіональный бичъ монсеньера.

---

[1]) Mercier, Tableau de Paris II, 51. Louvet: Roman de Faublas.

Мы видѣли жокеевъ-эльфовъ: теперь мы видимъ настоящихъ іоркширскихъ жокеевъ и животныхъ, которыхъ они тренируютъ: англійскихъ скаковыхъ лошадей для французскихъ скачекъ. И этимъ тоже мы обязаны монсеньеру (да провидѣнію дьявола). Принцъ д'Артуа также держитъ скаковую конюшню. Кромѣ того, у него служитъ страннѣйшій изъ ветеринаровъ: многотерпѣливый мечтатель, швейцарецъ изъ Невшателя, по имени — Жанъ-Поль-Маратъ. Загадочный кавалеръ д'Эонъ, появляясь то въ панталонахъ, то въ юбкѣ, также загадоченъ въ Лондонѣ, какъ и въ Парижѣ, и служитъ предметомъ многихъ пари и героемъ процессовъ. Прекрасные дни международнаго общенія! Мошенничество и негодяйство протянули другъ другу руки черезъ каналъ и обмѣниваются привѣтствіями. Глядите, на скачкахъ въ Венсеннѣ и Саблонѣ, въ англійскомъ фаэтонѣ четверней, между принцами и сволочью, ѣдетъ славный англичанинъ, докторъ Доддъ [1]), котораго слишкомъ рано поглотили галеры.

Герцогъ Шартрскій былъ многообѣщающимъ молодымъ принцемъ, какъ часто бываютъ принцы; къ несчастію, эти обѣщанія не оправдались. Обладая громадными имѣніями Орлеановъ и имѣя тестемъ герцога Пантьевра, онъ долженъ сдѣлаться въ одинъ прекрасный день (такъ какъ молодой шуринъ его Ламбаль умеръ отъ излишествъ) богатѣйшимъ человѣкомъ во Франціи. А пока „всѣ его волосы вылѣзли, кровь его совершенно испорчена" раннимъ развратомъ; прыщи усѣиваютъ его лицо, какъ темные гвозди на фонѣ потемнѣвшей мѣди. Этотъ юноша являетъ собою образецъ явнаго паденія. Матерія въ немъ преждевременно сгорѣла; осталось только немного вонючаго дыма и пепла умирающей чувственности; все, что могло быть мыслью, знаніемъ, даже характеромъ, превратилось, или быстро превращается въ темную путаницу, прерываемую смутными проблесками свѣта, сумасшедшими выдумками и дѣйствіями, которыя можно назвать полубредовыми, полугальваническими! Парижъ явно смѣется надъ его кучерской маніей, но онъ не обращаетъ на это вниманія.

Съ другой стороны, совсѣмъ не смѣшонъ былъ тотъ день, когда онъ, ради наживы, угрожалъ наложить святотатственную руку на сады Пале-Рояля! [2]) Цвѣтники должны быть срыты, каштановыя аллеи должны пасть, освященныя временемъ рощи, въ тѣни которыхъ блуждали оперныя дріады, не непреклонныя для смертныхъ, должны исчезнуть. Парижъ громко стонетъ. Филидоръ, изъ оконъ своего Café de la Régence, не будетъ больше любоваться зеленью. Гдѣ будутъ теперь слоняться праздные и павшіе люди этого міра? Но всѣ стенанія тщетны. Топоръ блеститъ; священныя рощи съ шумомъ падаютъ, такъ какъ монсеньеръ дѣйствительно совсѣмъ безъ денегъ; оперныя дріады съ криками разлетаются. Не кричите, дріады! или, по крайней мѣрѣ, не плачьте такъ безутѣшно! Принцъ окружитъ вашъ садъ новыми зданіями и площадями; садъ будетъ снова насажденъ, хотя и въ уменьшонномъ видѣ, и будетъ украшенъ фонтанами и пушкой, изъ которой въ полдень стрѣляетъ солнце; въ немъ будутъ такіе вещественные и умственные предметы, какихъ еще и не воображалъ человѣкъ; и Пале-Рояль снова, и больше нежели когда либо, сдѣлается шабашемъ вѣдьмъ и обиталищемъ сатаны на нашей планетѣ. Чего не пытается сдѣлать человѣкъ? Братья Монгольфье отправляютъ изъ далекаго Аннонэ, въ Виваре, свой

Луи-Филиппъ Жозефъ, герцогъ Орлеанскій.

---

[1]) Аделунгъ, Исторія человѣческой глупости, § Доддъ.

[2]) 1781—82 (Dulaure, VIII, 423).

бумажный куполъ, наполненный дымомъ отъ сгорѣвшей шерсти. [1]) Провинціальное собраніе въ Виваре отложило на этотъ день свое засѣданіе; члены собранія апплодируютъ при кликахъ собравшейся толпы. Неужели побѣдоносный анализъ въ самомъ дѣлѣ заберется на самое небо?

Парижъ услыхалъ объ этомъ съ живѣйшимъ удивленіемъ; скоро онъ увидитъ это чудо. Воздушный корабль Монгольфье поднимается изъ писчебумажнаго магазина Ревельона (извѣстная фирма) въ улицѣ Сенъ-Антуанъ. Утки и куры взлетаютъ къ небу, а теперь будутъ взлетать и люди [2]). Химикъ Шарль напалъ на мысль о водородѣ и о непроницаемомъ шелкѣ. Химикъ Шарль самъ поднимается изъ Тюльерійскаго сада; Монгольфье торжественно обрѣзаетъ канатъ. Клянусь небомъ, этотъ Шарль поднимается, а съ нимъ еще другой человѣкъ! Десятью-десять тысячъ сердецъ трепещутъ; всѣ языки онѣмѣли отъ удивленія и страха, пока, наконецъ, крикъ восторга, подобный рокоту моря, не покатился вслѣдъ безумно-смѣлому воздухоплавателю. Онъ паритъ, онъ поднимается въ воздухъ, кажется просто блестящимъ кружкомъ, напоминающимъ табакерку Тюрготинъ, которую мы называемъ „Turgotine - platitude“, или молодой мѣсяцъ при дневномъ свѣтѣ! Но вотъ онъ спускается; всѣ радостно встрѣчаютъ его. Герцогиня Полиньякъ со своей компаніей ждетъ его въ Булонскомъ лѣсу, несмотря на очень суровый зимній холодъ; на дворѣ 1-е декабря 1783 г. Все французское рыцарство, съ герцогомъ Шартрскимъ во главѣ, галопомъ несется на встрѣчу смѣльчаку [3]).

Великолѣпное изобрѣтеніе, красиво поднимающееся къ небу безъ всякаго кормчаго! Оно—эмблема многаго, и, между прочимъ, самаго нашего вѣка надежды, который точно такъ же величественно поднимется со своей удѣльной легкостью и упадетъ тамъ, гдѣ захочетъ судьба. Хорошо, если онъ не взорвется, подобно шару Пилатра, чтобы спуститься еще болѣе трагически! Точно такъ же и люди на мыльныхъ пузыряхъ поднимаются въ эмпиреи.

Взгляните на доктора Месмера въ его обширныхъ магнетическихъ залахъ. Въ своей длинной эпитрахили, возводя взоръ къ небу, какъ бы въ общеніи съ божествомъ, онъ выступаетъ, внушая благоговѣніе, какъ древній египетскій Гіерофантъ, перенесенный въ новый вѣкъ. Раздается сладкая музыка, едва нарушающая священную тишину. Вокругъ магнетическихъ таинъ, представляющихся глазу просто въ видѣ наполненныхъ водою чановъ, сидятъ, затаивъ дыханіе, съ палочками въ рукахъ кружки модныхъ красавицъ, изображая каждымъ кружкомъ какъ бы живой страстоцвѣтъ, и ждутъ магнетическаго наитія и появленія новаго рая на землѣ. О, мужчины! О, женщины! Велика ваша изувѣрская вѣра! Мы видимъ здѣсь членовъ парламента: Дюпора, Бергасса, д'Эпремениля; здѣсь же и химикъ Бертолле, но посланный герцогомъ Шартрскимъ.

Лишь бы не вмѣшалась Академія наукъ со своими Бальи, Франклинами, Лавуазье! Но она вмѣшалась. [4]) Месмеръ, набивъ карманы деньгами, можетъ удалиться. Пусть теперь онъ, молча, гуляетъ по берегу Боденскаго озера близъ стариннаго города Констанца, и предается размышленіямъ. Великая старая истина начинаетъ обнаруживаться и подъ самой странной новой одеждой (такъ какъ никакая одежда не можетъ скрыть ея),—та истина, что человѣкъ—удивительное созданіе, съ удивительной властью надъ себѣ подобными, и, въ цѣломъ, съ такой жизнью внутри себя и такимъ міромъ вокругъ, которыхъ побѣдоносный анализъ со своими физіологіями, нервными системами, физикой и метафизикой, никогда не сможетъ вполнѣ опредѣлить, а еще менѣе—объяснить. Поэтому всегда, во всѣ времена будутъ являться шарлатаны за полученіемъ своей доли.

---

[1]) 5 іюня 1783 г.

[2]) Октябрь и ноябрь 1783.

[3]) Lacretelle, XVIII вѣкъ, III, 258.

[4]) Августъ 1784 г.

ГЛАВА VII.

Общественный договоръ.

При такой-то смѣнѣ странныхъ призматическихъ цвѣтовъ, когда пурпуръ за пурпуромъ одѣваютъ горизонтъ, эра надежды, разсвѣтая, стремится къ своему осуществленію. Но она еще остается вопросомъ. Да и какъ бы иначе, когда эра надежды, покоющаяся на всеобщей любви къ людямъ, на побѣдоносномъ анализѣ, на освобожденіи пороковъ отъ ихъ безобразія, опирается въ то же время на 25 милліонахъ темныхъ, дикихъ, голодныхъ и усталыхъ людей, взирающихъ на свой Ecce signum съ разстоянія въ 40 футовъ глубины?

Если мы вѣрно читали писанное, то порокъ былъ, есть и будетъ во всѣ времена родоначальникомъ нищеты. Эта страна называется христіаннѣйшей, въ ней есть кресты и соборы, но главный жрецъ ея—какой-нибудь Рошъ-Эймонъ, или кардиналъ ожерелья, Луи де Роганъ. Голосъ бѣдняка, въ теченіе многихъ вѣковъ, слышится въ ней нечленораздѣльно, то въ жакеріяхъ, то въ голодныхъ бунтахъ, какъ жалобное эхо безконечнаго стона; онъ не привлекаетъ вниманія земли, но его слышитъ небо. Тамъ, гдѣ милліоны живутъ въ нищетѣ, тысячи угнетены и несчастны,—только отдѣльныя единицы могутъ процвѣтать или, вѣрнѣе, разоряются послѣ другихъ. Промышленность, связанная по рукамъ и по ногамъ, какъ дичь, за которою охотятся и которою лакомятся могущественные охотники этого міра, кричитъ своимъ хорошо оплачиваемымъ покровителямъ и вождямъ не: — „руководите мною", а наоборотъ „laissez faire", избавьте меня отъ вашего руководства! Да и какой рынокъ можетъ найти промышленность въ такой Франціи? Предложеніе и спросъ могутъ существовать только на двѣ категоріи товаровъ: на самые грубые сорта земледѣльческихъ продуктовъ,—такъ какъ и милліоны, вѣдь, хотятъ жить, и на тонкіе сорта предметовъ роскоши, для самыхъ разнообразныхъ вкусовъ, отъ оперныхъ арій до скаковыхъ лошадей и куртизанокъ, такъ какъ единицы хотятъ забавляться. Въ сущности такое положеніе вещей—безуміе.

Жанъ-Жакъ Руссо.

Правда, у насъ есть побѣдоносный анализъ, чтобы исправить и передѣлать все это. Честь и слава побѣдоносному анализу! Однако, что же онъ сумѣлъ сдѣлать, кромѣ лавки и лабораторіи? Онъ, главнымъ образомъ, разоблачалъ противорѣчія, уничтожалъ нелогичности. Сомнѣніе во всѣ времена было волшебникомъ только на половину. Оно вызываетъ духовъ, которыхъ не можетъ потомъ заставить исчезнуть. У насъ есть „безконечныя бездны пѣнящейся логики", въ которыхъ кружатся и исчезаютъ сначала слова, а потомъ и вещи. Замѣтьте, напримѣръ, что вѣчное теоретизированіе о человѣкѣ, о человѣческомъ духѣ, о философіи государства, о прогрессѣ видовъ, составляющее теперь мыслительное содержаніе любой головы и считающееся основой надежды, въ сущности, есть предвѣстникъ отчаянія. Время и его глашатаи, разные Монтескье,

Мабли и проч., открыли безчисленное множество вещей; а, кромѣ того, развѣ Жанъ-Жакъ не обнародовалъ свое новое Евангеліе общественнаго договора, въ которомъ онъ объясняетъ всю тайну управленія, и то, какъ оно договаривается и торгуется ко всеобщему удовлетворенію? Теоріи управленія! Онѣ всегда были и будутъ во времена упадка. Нужно принимать ихъ только за то, что онѣ есть: это—естественныя явленія, ступени въ процессахъ природы, которая ничего не дѣлаетъ напрасно. Какая теорія вѣрнѣе той, что всѣ онѣ, какъ бы ни были серьезны, съ какимъ бы трудомъ ни были выдуманы и выработаны,—неполны, сомнительны и даже невѣрны, и должны быть таковыми по самой своей сущности? Знай, что эта вселенная есть то, чѣмъ она кажется, и чѣмъ хочетъ быть: нѣчто безконечное. Не пытайся поглотить ее для логическаго перевариванія, будь доволенъ, если, поставивъ одинъ или два прочныхъ столба въ этомъ хаосѣ, ты помѣшаешь ему поглотить тебя. Тотъ фактъ, что новое, молодое поколѣніе измѣнило своему скептическому невѣрію, выражавшемуся вопросомъ „Чему я долженъ вѣрить?", для страстной вѣры въ евангеліе Жанъ-Жака составляетъ дальнѣйшій шагъ въ этомъ дѣлѣ и означаетъ многое.

Да будетъ же благословенна также и надежда; всегда, съ давнихъ временъ существовали пророчества о золотыхъ вѣкахъ: о золотомъ вѣкѣ святости, напримѣръ; но замѣчательно, что никогда не было пророчества просто о вѣкѣ покоя и изобилія, и что такое пророчество появилось только въ новыя времена. О, друзья мои, не вѣрьте этимъ пророчествамъ о странѣ лѣни, счастья, благоволенія и порока, исцѣленнаго отъ своего безобразія! Человѣкъ—не такое животное, которое бы заслуживало названія счастливаго; его аппетитъ къ сладкой пищѣ такъ громаденъ. Какъ найдетъ бѣдный человѣкъ въ этой безконечной, смутно угрожающей, обуревающей его вселенной,—уже не говорю счастье, но просто возможность существовать, прочную почву, куда поставить ногу, если онъ не закалитъ себя для постоянныхъ усилій и терпѣнія? Горе ему, если въ его сердцѣ не живетъ благочестивой Вѣры, если слово Долгъ потеряло для него свой смыслъ. Что касается до слова сентиментализмъ, такого удобнаго, когда нужно проливать слезы надъ романами, или вообще въ патетическихъ случаяхъ, то при всѣхъ другихъ обстоятельствахъ оно по истинѣ не годно ни къ чему. Здоровое сердце, сказавшее самому себѣ: „какъ я здорово!" впало уже въ самый роковой видъ болѣзни. Развѣ сентиментальность не близнецъ лицемѣрія, если не вполнѣ тождественна съ нимъ? А развѣ лицемѣріе не есть materia prima дьявола, изъ которой вытекаетъ всяческая ложь, глупость, гнусность, отъ которой не можетъ произойти ничего истиннаго. Потому что лицемѣріе само по себѣ есть дважды дистиллированная ложь, ложь въ квадратѣ.

А если теперь въ него впадаетъ цѣлая нація? Въ такомъ случаѣ, я утверждаю, что она неизбѣжно выйдетъ изъ такого положенія. Жизнь не есть хитро придуманный обманъ, или самообманъ; то, что ты живешь, что у тебя есть желаніе и потребность, все это великая истина; а эти желанія и потребности не могутъ существовать и удовлетворяться иллюзіями, они удовлетворяются только фактами. А къ факту, повѣрьте, мы возвратимся, къ такому факту, благословенному, или проклятому, который допускается степенью нашей мудрости. Самый низкій, наименѣе похвальный изъ извѣстныхъ фактовъ, вызываемыхъ потребностями нуждающагося человѣчества, это примитивный фактъ каннибализма: „я могу пожрать тебя". Что, если мы (съ нашими усовершенствованными методами) возвращаемся именно къ этому примитивному факту и снова начнемъ съ него?

ГЛАВА VIII.

Печатная бумага.

Теорія совершенствованія можетъ гласить, что ей угодно, но въ такой практической странѣ, какъ Франція, не можетъ быть недостатка въ недовольныхъ. Ваша обѣщанная реформа такъ необходима и, однако, она не приходить; кто начнетъ ее—съ самого себя? Недовольство тѣмъ, что вокругъ насъ, и еще больше тѣмъ, что надъ нами, идетъ, наростая, постоянно ища новыхъ исходовъ. Намъ нѣтъ надобности говорить ни объ уличныхъ пѣсняхъ, ни объ эпиграммахъ, съ давнихъ поръ умѣрявшихъ гнетъ деспотизма. Мы не говоримъ и о рукописныхъ газетахъ (Nouvelles à la main). Башомонъ и его поденщики и послѣдователи могутъ закончить свои „тридцать томовъ подслушиванія у дверей", и прекратить это ремесло; потому что, если не существуетъ свободы печати, то существуетъ распущенность печати. Памфлеты могутъ тайкомъ продаваться и читаться въ Парижѣ, хотя бы даже на нихъ стояло: „Напечатано въ Пекинѣ". За эти годы у насъ есть „Courrier de l'Europe", регулярно издаваемый въ Лондонѣ нѣкіимъ де Морандъ, котораго еще не пожрала гильотина. Тамъ же нашелъ возможность выпустить въ свѣтъ свои хриплыя жалобы и „Разоблаченную Бастилію" („Bastille devoilée") нелегальный и еще не гильотинированный Лингетъ, для котораго его отечество сдѣлалось слишкомъ жаркимъ и котораго выгнали братья адвокаты. И болтливый аббатъ Рейналь, наконецъ, достигаетъ таки желаемаго: его Философская Исторія (составленная, какъ говорятъ, всею лжефилософіей, хотя подъ именемъ и во славу одного только аббата) со всѣми ея „сальностями", запутанными и громкими рѣчами, сожжена обыкновеннымъ палачомъ, а самъ онъ отправляется путешествовать, выставляя себя мученикомъ. Его книга была издана въ 1781 году и, кажется, была послѣднимъ, заслуживающимъ вниманія сочиненіемъ, на долю котораго выпало такое огненное блаженство, такъ какъ палачъ замѣтилъ, что это ни къ чему не ведетъ.

Съ другой стороны, какіе признаки встрѣчаются всюду, гдѣ можно бросить взглядъ въ домашнюю жизнь: въ судахъ, съ ихъ денежными и бракоразводными процессами! Парламенты Безансона и Э во всеуслышаніе для всей Франціи оглашаются исторіями любви и судьбы молодого Мирабо, который, подъ опекой „друга людей", „въ теченіе двадцати лѣтъ учился противустоять деспотизму", людей, да, увы! и боговъ также, то въ государственныхъ тюрьмахъ, то въ пѣхотныхъ полкахъ, то въ голландскихъ мансардахъ и въ другихъ обстановкахъ. Итакъ, подъ розовымъ флеромъ всеобщаго благоволенія и возвращенія Astraea Redux, „святилище" семьи часто представляетъ печальную пустоту, или мрачный, переполненный ссорами адъ на землѣ! Старый „другъ людей" такъ же ведетъ бракоразводный процессъ, и по временамъ „вся его семья, за исключеніемъ одного" сидитъ подъ замкомъ. Онъ много писалъ о реформахъ и объ освобожденіи міра, а для одного только собственнаго употребленія ему понадобилось шестьдесятъ lettres de cachet. Впрочемъ, онъ—человѣкъ дальновидный, обладаетъ рѣшимостью и даже мужественною вѣрностью принципамъ; но все это перемѣшано съ такими внутренними и внѣшними элементами, что нерѣдко онъ не можетъ управлять собой и почти теряетъ разсудокъ; его хорошія качества перемѣшаны съ жадностью, съ хищничествомъ—качествами, прямо противоположными нѣжнымъ сердечнымъ чувствамъ! Безумцы вы, ожидающіе цвѣтущаго вѣка любви и изобилія, ручьевъ, текущихъ виномъ, и вѣтровъ, звучащихъ музыкой, тогда какъ корни и основа вашего существованія погружены въ грязь чувственности, и эта грязь становится все глубже и глубже; скоро у нея не будетъ дна, какъ у бездны!

Взгляните только на это неизъяснимое дѣло съ брилліантовымъ ожерельемъ. Здѣсь и носитель красной камилавки, кардиналъ де Роганъ, и сициліанскій висѣль-

никъ, Бальзамо Каліостро, и модистка, г-жа Ламоттъ, „довольно пикантной наружности“ и высочайшіе сановники церкви вальсируютъ въ вальпургіевой пляскѣ со лжепророками, отрѣзывателями кошельковъ и съ публичными женщинами; здѣсь раскрытъ весь невидимый міръ сатаны, и его непрестанная работа совершается при дневномъ свѣтѣ, и дымъ этой работы поднимается къ небу. Тронъ былъ приведенъ къ скандальному столкновенію съ исправительнымъ домомъ. Цѣлые десять мѣсяцевъ удивленная Европа оглашается этой тайной и видитъ ложь, разоблачающуюся въ ложь; развращеніе высшихъ и низшихъ, жадность, легковѣріе, глупость; силенъ только голодъ. Плачь, прекрасная королева, твоими первыми слезами безпримѣснаго горя! Твое прекрасное имя затемнѣно нечистымъ дыханіемъ, затемнѣно непоправимо, до конца твоей жизни. Никогда больше небудутъ любить и жалѣть тебя живыя сердца, пока не родится новое поколѣніе, а твое собственное сердце будетъ уже покоиться холоднымъ сномъ могилы, излеченное отъ всѣхъ огорченій.—Эпиграммы становятся уже не острыми и горькими, а жестокими, непередаваемыми. Уже 31 мая 1776 года, при выходѣ изъ Бастиліи этого жалкаго милостыннаго священника, кардинала Рогана, толпа привѣтствуетъ его криками; онъ не любимъ и не достоинъ любви, но дворъ и королева—его враги, поэтому его значеніе поднялось [1]). Какъ потускнѣла наша свѣтлая эра надежды! Все небо потемнѣло отъ предвѣстниковъ урагана и землетрясенія! Это—осужденный міръ. Исчезло все „повиновеніе, дѣлавшее людей свободными“; почти исчезло и повиновеніе, „дѣлавшее ихъ рабами“, по крайней мѣрѣ, рабами другъ друга. Теперь они — только рабы собственныхъ похотей, и останутся ими. Они—рабы грѣха, и, неизбѣжно, рабы скорби.

Графъ Каліостро (Іосифъ Бальзамо).

Кардиналъ де Роганъ.

Взгляните на всю эту разлагающуюся массу чувственности и лжи, вокругъ которой такъ глупо играетъ слабый свѣтъ сентиментальности, который самъ по себѣ—только испорченная фосфоресценція; надъ всѣмъ этимъ, какъ кіотъ со скрижалями завѣта, возвышается сѣрая висѣлица „въ 40 футовъ вышины“, которая сама уже почти сгнила. Прибавьте къ этому, что французская нація больше всѣхъ другихъ отличается возбуждаемостью, со всѣми хорошими и гибельными сторонами, свойственными такому характеру. Слѣдовало опасаться возмущенія, взрыва неизмѣримыхъ размѣровъ. Честерфильдтъ писалъ: „Здѣсь налицо всѣ симптомы, которые я когда либо встрѣчалъ въ исторіи“.

Итакъ, мы скажемъ: Горе лжефилософіи, уничтожившей религію и говорившей, что сдѣлать это, значитъ—„écraser l'infâme“ [2]). А въ особенности горе тѣмъ, кто сдѣлалъ изъ святого—постыдное, такое, что можетъ быть раздавлено! Горе

[1]) Fils adoptif, Mémoires de Mirabeau, IV, 3, 25. См. Карлейль, Biographical essays, § Diamond Necklace, § Count Cagliostro.

[2]) Раздавить постыднаго.

всѣмъ людямъ, живущимъ въ такое время мірового ужаса и мирового уничтоженія! Нѣтъ, возражаютъ придворные, это — вина Тюрго, „въ этомъ виноватъ Неккеръ со своими безумными нововведеніями; виновато отсутствіе этикета у королевы; это вина его, ея, вотъ этого. Друзья! Это—вина каждаго негодяя, который жилъ и шарлатански увѣрялъ, что онъ что-то дѣлаетъ, а на самомъ дѣлѣ только ѣлъ и дѣлалъ зло; это—вина всѣхъ шарлатановъ, во всѣхъ областяхъ жизни, начиная съ чистильщика сапогъ и кончая могущественнымъ сеньоромъ; это—вина всѣхъ обманщиковъ со временъ Карла Великаго и раньше; каждый виноватъ въ разной степени. Все это скопилось въ теченіе тысячелѣтій (такъ какъ, будьте увѣрены, никакая ложь не погибаетъ безслѣдно, всякая оставляетъ сѣмя, дающее ростокъ), а теперь насталъ день расплаты. И сурово будетъ рѣшеніе, произнесенное гнѣвомъ, накопленнымъ для этого дня! О, братъ мой! Не будь же и ты обманщикомъ! Умри лучше, если хочешь послѣдовать моему совѣту; умираютъ только разъ и ты расплатишься навсегда. Это ремесло проклято и несетъ съ собою проклятіе на долгіе, долгіе годы; и послѣ того, какъ ты умрешь, и плата, которую ты получалъ за него, будетъ давно растрачена, проклятіе все еще будетъ тяготѣть надъ тобою; древніе мудрецы говорили, что оно будетъ часто преслѣдовать человѣка цѣлую вѣчность, точно вписанное въ долговую книгу Бога.

Отсрочка надежды отзывается болью въ сердцѣ. А между тѣмъ, мы, вѣдь, сказали, что надежда только отсрочена, а не уничтожена; она—не уничтожаема. Замѣчательно и трогательно, что эта самая надежда свѣтитъ французской націи во всѣхъ ея суровыхъ судьбахъ. И мы находимъ постоянно надежду свѣтящей то кроткимъ призывомъ, то гнѣвомъ и угрозой; она свѣтилась, какъ кроткій небесный свѣтъ; она свѣтится теперь, какъ красное зарево пожара; она еще блеститъ, какъ сѣрно-голубое пламя въ самыя темныя времена террора, и не угасаетъ вполнѣ, такъ какъ самое отчаяніе есть родъ надежды. Такимъ образомъ, наша эра еще можетъ быть названа эрой надежды, хотя и въ самомъ печальномъ смыслѣ,—въ такомъ, когда, кромѣ надежды, не остается ничего.

Но если кто нибудь хочетъ знать въ общихъ чертахъ, что за ящикъ Пандоры предстоитъ еще открыть, то онъ долженъ обратиться къ тому, что по самой природѣ своей есть симптомъ изъ симптомовъ: къ пережившей эту эпоху литературѣ. Едва сказалъ с в о е слово аббатъ Рейналь своимъ напыщеннымъ слогомъ, приправленнымъ сальностями, а спѣшащее впередъ поколѣніе дастъ отвѣтъ уже на другое. Взгляните на „Женитьбу Фигаро“, сочиненіе Бомарше, которая теперь (въ 1784 г.) послѣ многихъ затрудненій появилась на сценѣ и переживаетъ „сто ночей“, вызывая всеобщее восхищеніе. Читатель нашихъ дней способенъ скорѣе удивиться, не понимая, какою заслугой, или внутренней силой, обусловливался такой успѣхъ; но тѣмъ яснѣе пойметъ онъ, что эта піеса затрагивала какое нибудь зудящее мѣсто своего времени, что она высказывала то, что всѣ чувствовали и страстно желали высказать. Въ этомъ „F i g a r o“— мало содержанія; мелкія, натянутыя интриги: мелкія, натянутыя чувства и сарказмы; въ общемъ сухая и бѣдная вещь, но которая ловко вращается въ сумасшедшемъ мірѣ и съ тонкимъ чутьемъ заставляетъ каждаго видѣть въ ней самого себя, свое положеніе, свои дѣйствія—видѣть такъ ясно, какъ если бы ему прямо на это намекали; въ этомъ весь ея великій секретъ. И пьеса идетъ сто вечеровъ, и вся Франція ходитъ смотрѣть ее, смѣяться и аплодировать. Когда цирюльникъ, въ монологѣ, спрашиваетъ: „Что сдѣлали вы, сеньоръ, чтобы добыть все это?“ и находитъ только одинъ отвѣтъ: „Вы дали себѣ трудъ родиться“, то никто не можетъ удержаться отъ смѣха, и веселое дворянство, преданное англоманіи и лошадинымъ скачкамъ, хохочетъ громче всѣхъ. Развѣ въ маленькихъ книгахъ можетъ заключаться большая опасность? спрашиваетъ господинъ Каронъ, и воображаетъ, что эта жидкая эпиграмма можетъ быть чѣмъ то вродѣ аргумента. Бомарше, завоеватель золотато руна посредствомъ гигантской контрабанды, приручитель адскихъ псовъ въ парламентѣ Мопу, и, наконецъ, увѣнчанный

Орфей французскаго театра, достигъ вершины и соединяетъ въ себѣ аттрибуты нѣсколькихъ полубоговъ. Мы встрѣтимъ его еще разъ во время его упадка.

Еще знаменательнѣе двѣ книги, вышедшія наканунѣ самого вѣчнопамятнаго взрыва и жадно читавшіяся цѣлымъ свѣтомъ: „Павелъ и Виргинія“ Сенъ-Пьера и „Кавалеръ Фобласъ“—Луве. Книги эти заслуживаютъ быть отмѣченными; ихъ можно разсматривать, какъ послѣднее слово старой феодальной Франціи. Въ первой какъ будто слышится мелодическая жалоба умирающаго міра: повсюду здоровая природа въ неравной борьбѣ съ больнымъ, предательскимъ искусствомъ; природа не можетъ укрыться отъ него въ самой скромной хижинѣ, на самомъ далекомъ островѣ океана. Разрушеніе и смерть должны поразить возлюбленную, и, что всего знаменательнѣе, смерть —и здѣсь — не по необходимости, а изъ-за этикета. Что за міръ похотливаго разложенія проявляется подъ этимъ высочайшимъ цѣломудріемъ! Однако, въ общемъ нашъ добрый Сенъ-Пьеръ—музыкантъ, поэтиченъ, хотя въ высшей степени болѣзненъ; мы назовемъ эту книгу лебединою пѣснью старой умирающей Франціи.

Что касается до Луве, то въ его книгѣ никто не найдетъ гармоніи. Въ самомъ дѣлѣ, если этотъ несчастный Фобласъ есть предсмертное слово, то это—слово, произнесенное подъ висѣлицею нераскаяннымъ преступникомъ. Эта книга — к л о а к а, неглубокая, даже и какъ к л о а к а! Какая „картина французскаго общества!“ Собственно говоря - картина, не отражающая ничего, кромѣ того мозга, который создалъ ее и выдалъ за нѣчто, вродѣ картины. И однако, она — симптомъ многаго, и прежде всего —того міра, который могъ питать себя ею.

КНИГА III.

Парижскій парламентъ.

ГЛАВА I.

Протестованные векселя.

Въ то время, какъ несказанный хаосъ бушуетъ внутри, и черезъ множество трещинъ сѣрный дымъ выходитъ на поверхность, представляется вопросъ: черезъ какую трещину, черезъ какой изъ старыхъ кратеровъ и трубъ произойдетъ главное изверженіе? Или оно сразу откроетъ для себя новый кратеръ? Въ каждомъ обществѣ есть такія трубы, такія учрежденія, которыя могутъ служить для этого. Даже Константинополь не лишенъ предохранительныхъ клапановъ; тамъ недовольство находитъ себѣ выходъ въ настоящемъ огнѣ: по числу ночныхъ пожаровъ или повѣшенныхъ булочниковъ правящая власть можетъ читать знаменія времени и, сообразно этому, измѣнять свою тактику.

Можно несомнѣнно предсказать, что французское изверженіе сначала перепробуетъ всѣ старыя предохранительныя учрежденія; потому что черезъ каждое изъ нихъ есть, или, по крайней мѣрѣ, было сообщеніе съ внутренней глубиной; поэтому они и считаются національными учрежденіями. Если даже они стали учрежденіями личными и, такъ сказать, отклонились отъ своего первоначальнаго назначенія, тѣмъ не менѣе, препятствіе должно быть здѣсь всетаки меньше, чѣмъ гдѣ-либо. Черезъ какія же изъ нихъ произойдетъ изверженіе? Наблюдатель можетъ это самъ угадать: черезъ судебные парламенты и, прежде всего, черезъ Парижскій парламентъ.

Какъ бы ни были люди обременены почестями, они всетаки не могутъ оставаться недоступными вѣяніямъ своего времени, въ особенности, если эти люди ведутъ дѣловую жизнь и при всякомъ движеніи, сдѣланномъ хотя бы и съ судейскаго кресла, приходятъ въ столкновеніе съ дѣйствительной жизнью. Можетъ ли являться другомъ обскуратизма на философскихъ вечерахъ и въ изящныхъ салонахъ совѣтникъ парламента, или самъ президентъ его, купившій свое мѣсто за наличныя деньги для того, чтобы ближніе смотрѣли на него снизу вверхъ? Между судейскими тогами Парижа найдется не одинъ Малербъ, взявшій себѣ за правило совѣсть и общественное благо, не одна горячая голова, вродѣ д'Эпремениля, въ смутныхъ мысляхъ котораго громкая репутація Брута представляется славной; а разные Лепелетье и Ламуаньоны обладаютъ титуломъ и богатствомъ: и всетаки при дворѣ ихъ называютъ только: „судейскимъ дворянствомъ". А Дюпоры со своими глубокомысленными проектами, Фрето, Сабатье, съ необузданнымъ языкомъ,—всѣ они болѣе или менѣе вскормлены молокомъ „Общественнаго договора". Да развѣ для всей корпораціи эта патріотическая оппозиція не является борьбой за собственную жизнь?

Возстань же, Парижскій парламентъ, возобнови долгую борьбу! Парламентъ Мопу былъ разогнанъ съ позоромъ: но теперь тебѣ нечего бояться Людовика XIV съ хлопающимъ хлыстомъ и съ олимпійскими взорами; теперь нѣтъ больше ни Ришелье, ни Бастиліи,—и вся нація за тобою. Ты самъ (о, небо!) можешь сдѣлаться политическою властью, и сотрясаніе твоихъ париковъ изъ лошадиныхъ волосъ можетъ сотрясать монархіи и династіи, какъ сотрясеніе кудрей Юпитера, уснащенныхъ амврозіей.

Къ концу 1781 г. легкомысленный старикъ Морепа застылъ въ объятіяхъ смерти. „Никогда болѣе,—говоритъ добродушный Людовикъ—не услышу я его шаговъ надъ потолкомъ моей комнаты!“ Кончены его легкія шутки и повороты по вѣтру! Нельзя больше прикрывать надоѣдливую дѣйствительность веселой шуткой и ловко отодвигать на завтра зло сегодняшняго дня. Завтра уже настало! И теперь среди скучныхъ фактовъ засѣдаетъ, какъ пунктуальный писецъ (которымъ онъ и былъ раньше) только солидный, флегматичный Вереннъ, признавая то, чего нельзя отрицать, и предоставляя помощи являться, откуда ей вздумается. Отъ него самого нечего ждать ея: онъ можетъ дать только свойственное писцу „отправленіе дѣлъ“ по рутинѣ. Бѣдный король, который сталъ старше, но едва ли опытнѣе, долженъ теперь со всей своей наличной неспособностью управлять самъ. Развѣ только королева окажетъ ему помощь. Блестящая королева съ ясными взорами и быстрыми порывами,—свѣтлыми и даже благородными, но слишкомъ поверхностными, слишкомъ легкомысленными для такого дѣла! Но задача состоитъ въ томъ, чтобы управлять Франціей, а теперь стало трудно управлять даже Oeil de Boeuf'омъ, такъ какъ, не только несчастный народъ кричитъ, но еще слышнѣе кричитъ обобранный дворъ. Для придворныхъ остается непонятнымъ: какимъ образомъ, въ такой богатой Франціи, рогъ изобилія могъ изсякнуть; развѣ богатства не текутъ изъ него постоянно? Тѣмъ не менѣе, Неккеръ, — этотъ бережливый педантъ-финансистъ со своими сбереженными доходами, „уничтожилъ болѣе 600 придворныхъ должностей“, прежде чѣмъ дворъ успѣлъ устранить его. А потомъ военный педантъ Сенъ-Жерменъ, со своими прусскими маневрами и прусскими понятіями, что заслуги, а не гербъ, должны рѣшать повышеніе, возбудилъ противъ себя все военное сословіе; мушкетеры и многое другое были уничтожены, такъ какъ и онъ тоже былъ однимъ изъ разрушителей и, перемѣшивая и перемѣщая, сдѣлалъ много зла Oeil de Boeuf'у. Посыпались жалобы, появились нужда и заботы. Oeil de Boeuf совершенно измѣнился. Безанваль говоритъ, что уже въ эти годы (1781) при дворѣ царила такая меланхолія (такая tristesse) сравнительно съ прошлыми годами, что видъ его приводилъ въ полное уныніе.

Неудивительно, что Oeil de Boeuf испытываетъ меланхолію, когда вы уничтожили его должность. Ни одной должности нельзя уничтожить, не облегчивъ чьего нибудь кошелька и не отяготивъ нѣсколькихъ сердецъ; вѣдь, люди, занимающіе эти должности, даютъ занятіе рабочимъ классамъ, ремесленникамъ обоего пола, изготовляющимъ кружева, духи, вообще предметы удовольствія и все, что служитъ къ удовольствію. Жалкая экономія, которой 25 милліоновъ даже и не почувствуютъ! Однако все продолжаетъ идти такимъ образомъ, и конца еще не видно. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и будутъ уничтожены волчьи и медвѣжьи своры, соколиная охота; должности будутъ отпадать, какъ осенніе листья. Герцогъ де-Полиньякъ доказываетъ, зажимая уста министерской логикѣ, что должность его не можетъ быть уничтожена, а потомъ, галантно обращаясь къ королевѣ, подаетъ ей свою отставку, такъ какъ ея величество желаетъ этого. Герцогъ де-Куаньи проявляетъ меньше рыцарскаго духа, но не съ большимъ успѣхомъ: „Мы дошли до настоящей ссоры, Куаньи и я,—сказалъ король Людовикъ,—но если бы даже онъ ударилъ меня, я не могъ бы порицать его“ [1]). Относительно такихъ дѣлъ можетъ быть только одно мнѣніе. Ба-

[1]) Besenval, III, 255—58.

ронъ Безанваль, съ искренностью, отличающей независимаго человѣка, прямо увѣряетъ ея величество, что это ужасно (affreux): „ложась спать, вы не увѣрены, что не встанете завтра бѣднякомъ; въ Турціи—не хуже". Это, дѣйствительно собачья жизнь.

Удивительна эта постоянная нужда королевской казны! И однако, это фактъ безспорный, хотя и кажется невѣроятнымъ. Это печальная истина, камень преткновенія, о который спотыкаются одинъ за другимъ всѣ министры, — и падаютъ. За недостаткомъ ли финансоваго генія, или вслѣдствіе какого нибудь другого недостатка, налицо оказывается ощутительнѣйшая разница между приходами и расходами, а дефицитъ въ доходахъ необходимо „заполнять" (combler), иначе онъ поглотитъ васъ. Это—суровая задача, и, повидимому, такая же безнадежная, какъ квадратура круга. Контролеръ Жоли-де-Флери, замѣнившій Неккера, ничего не могъ съ этимъ подѣлать; онъ могъ только предлагать займы, покрытіе которыхъ запаздывало, и вводить новые налоги, приносившіе мало денегъ и много криковъ и недовольства. Столь же мало—если еще не меньше—могъ сдѣлать и контролеръ д'Ормессонъ. Если Жоли продержался дольше года съ днемъ, то д'Ормессонъ оставался у власти всего нѣсколько мѣсяцевъ, до тѣхъ поръ, пока король не купилъ Рамбулье, не спросивъ его совѣта. Д'Ормессонъ принялъ это за указаніе удалиться. Такимъ образомъ къ концу 1783 года дѣла угрожаютъ дойти до полной остановки. Вся человѣческая изобрѣтательность кажется безсильной. Тщетно боролись съ дефицитомъ новоучрежденный „Совѣтъ финансовъ", управители финансовъ, генеральный контролеръ финансовъ,—къ несчастью, контролировать нечего: финансовъ нѣтъ. Роковой параличъ останавливаетъ общественное движеніе, облака затемнѣнія и ослѣпленія обволакиваютъ насъ; ужъ не летимъ ли мы, наконецъ, въ страшную бездну національнаго банкротства?

Банкротство налицо—великое банкротство: это бездонная пропасть, куда падаютъ, и гдѣ исчезаютъ всѣ неправды, и общественныя, и частныя; онѣ съ перваго же появленія на свѣтъ были осуждены на исчезновеніе, такъ какъ природа есть истина, а не ложь. Вы не можете ни произнести, ни сдѣлать ни одной лжи, которая не возвратилась бы къ вамъ послѣ болѣе или менѣе долгаго обращенія, какъ вексель, выданный на дѣйствительную природу и представленный ко взысканію, съ отвѣтомъ: No effects—недѣйствителенъ. Жаль только, что ложь часто такъ долго остается въ обращеніи, что настоящій поддѣлыватель векселя рѣдко несетъ на себѣ окончательную расплату. Ложь и тяжесть зла передаются, переносятся со спины на спину, отъ одного сословія къ другому, и останавливаются, наконецъ, на самомъ низшемъ нѣмомъ классѣ, который и киркой, и заступомъ, и больнымъ сердцемъ, и пустымъ кошелькомъ, постоянно приходитъ въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью и не можетъ передавать обманъ далѣе.

Однако, посмотрите, какъ, по закону уравненія, ложь съ ея тяжестью (въ этомъ запутанномъ жизненномъ водоворотѣ), съ одной стороны, спускается все ниже и ниже, а съ другой, причиненное ею зло поднимается все выше и выше. Въ результатѣ, послѣ долгаго страданія и полуголода этихъ двадцати милліоновъ, между герцогомъ де-Куаньи и его величествомъ происходитъ „настоящая ссора". Таковъ законъ справедливой Природы, послѣ долгихъ промежутковъ времени приводящей вещи къ точкѣ ихъ отправленія, хотя бы путемъ банкротства.

Однако, сколько времени можетъ существовать почти всякая неправда, если у нея есть волшебный кошелекъ въ карманѣ! Ваше общество, вашъ семейный очагъ, все ваше матеріальное или духовное устройство лживо, несправедливо, оскорбительно для глазъ Божіихъ и человѣческихъ. И, тѣмъ не менѣе, очагъ тепелъ, кладовая полна, и безчисленные привратники неба готовы окружить ихъ съ чувствомъ прирожденной вѣрности, и доказывать и памфлетами и мушкетами, что все это—истина, если не безпримѣсная (неземная, невозможная) истина, то даже нѣчто лучшее: умѣренная истина (какъ вѣтеръ для стри-

женыхъ овецъ) и дѣйствующая хорошо. Но, какъ все измѣняется, если кладовая и кошелекъ пустуютъ! Если вашъ образъ жизни такъ правдивъ, такъ согласенъ съ путями Природы, то, скажите, ради Бога, какимъ же образомъ Природа, съ ея безконечной благостью, допустила появленіе у васъ голода? Каждому мужчинѣ, каждой женщинѣ, каждому ребенку неоспоримо ясно, что вашъ образъ жизни былъ л ж и в ъ. Честь и слава банкротству, которое, въ общемъ, всегда справедливо, хотя и жестоко въ подробностяхъ! Оно безостановочно подкапывается подъ всякую ложь. Пусть ложь возвысится до неба и покроетъ цѣлый свѣтъ, и всетаки настанетъ день, когда банкротство разрушитъ ее и освободитъ насъ отъ нея.

Г Л А В А II.

Контролеръ Калоннъ.

Въ подобныхъ обстоятельствахъ, среди печали, пріостановки дѣлъ и болѣзненной слабости, когда раздраженному двору казалось, что финансовый геній отлетѣлъ отъ людей, ничье появленіе не могло быть болѣе желаннымъ, чѣмъ появленіе де Калонна. Калоннъ—человѣкъ безспорно геніальный, даже и въ финансовомъ отношеніи болѣе или менѣе; онъ опытенъ и въ управленіи финансами, и въ управленіи парламентами, такъ какъ былъ интендантомъ въ Мецѣ и Лиллѣ, и королевскимъ прокуроромъ въ Дуэ. Это человѣкъ съ вѣсомъ, имѣющій связи съ денежными классами; человѣкъ съ незапятнаннымъ именемъ, если не считать одного грѣшка (показанія письма одного кліента) съ устарѣвшимъ и уже почти забытымъ дѣломъ д'Эгильонъ Лашалоте. У Калонна есть родные съ полнымъ кошелькомъ, который они туго набили на биржѣ. Наши Фулонъ и Бертье ведутъ для него сложныя интриги; старый Фулонъ, которому теперь больше нечѣмъ заниматься, кромѣ интригъ, извѣстенъ, какъ мошенникъ, но страшно богатъ; онъ былъ писцомъ въ коммиссаріатѣ, а теперь, говорятъ, можетъ питать надежду сдѣлаться при удачѣ министромъ.

Вотъ какія у Калонна поддержки и зацѣпки; да, кромѣ того, какими качествами онъ обладаетъ! Надежда сіяетъ у него на лицѣ, языкъ его одаренъ силою убѣдительности; у него находятся средства противъ всевозможныхъ затрудненій, и онъ можетъ заставить дѣла идти, какъ по маслу. Съ 3-го ноября 1783 г. Oeil de Boeuf не нарадуется на своего новаго генеральнаго контролера. Однако, и Колонну предстоятъ испытанія, и онъ, какъ Тюрго и Неккеръ, своимъ способомъ подвинетъ впередъ разрѣшеніе задачи и, проливъ лучъ свѣта на нашу свинцово-сѣрую эру надежды, приведетъ ее, наконецъ, къ выполненію.

Какъ бы то ни было, а радость Oeil de Boeuf'а велика. Бережливость улетѣла изъ королевскихъ жилищъ; Безанваль можетъ идти спать со спокойной увѣренностью, что проснется неограбленнымъ. Смѣющееся изобиліе вернулось, какъ по магическому слову, и проливаетъ довольство изъ своего снова наполненнаго рога. А какая мягкость манеръ! Сладкая улыбка не сходитъ съ лица нашего контролера; онъ выслушиваетъ всѣхъ съ видомъ участія и даже предупредительности; объясняетъ каждому его собственное желаніе и исполняетъ его, или, по крайней мѣрѣ, даетъ обѣщаніе исполнить. „Я боюсь, что это создастъ затрудненія“, сказала ея величество. „Мадамъ, — отвѣчаетъ контролеръ — если это только трудно, то это уже сдѣлано; если же это невозможно, то будетъ сдѣлано.“

Кромѣ того, это такой „податливый“ человѣкъ. Никто съ большей охотой не принимаетъ участія въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій; наблюдая его, можно спросить себя: когда же онъ работаетъ? Однако, мы уже видѣли, что работа его никогда не запаздываетъ, и плодомъ ея являются прежде всего наличныя деньги. Кажется, все дается этому человѣку невѣроятно легко: дѣйствія, рѣчи, мысли:

философская глубина ихъ брызжетъ изъ него въ видѣ остроумія и блестящей веселости, и все это облекается такою мягкой убѣдительностью; на вечерахъ ея величества онъ,несущій на своихъ плечахъ бремя цѣлаго міра, восхищаетъ и мужчинъ, и женщинъ. Какимъ волшебствомъ дѣлаетъ онъ всѣ эти чудеса? Единственнымъ настоящимъ: волшебствомъ генія. Его называютъ просто „министромъ“; и въ самомъ дѣлѣ, развѣ былъ когда нибудь другой такой? Онъ превращаетъ кривизну въ прямоту, изрытыя мѣста—въ ровныя. Oeil de Boeuf теперь залитъ солнечнымъ свѣтомъ, не поддающимся описанію.

Нѣтъ, серьезно, не позволяйте никому говорить, что у Калонна нѣтъ генія,—генія убѣдительности, по крайней мѣрѣ, для заключенія займовъ. Ловко и разсчетливо орудуя секретными фондами, онъ поддерживаетъ биржу въ цвѣтущемъ состояніи, такъ что займы одинъ за другимъ пополняются немедленно. Повидимому „компетентные счетчики“ подсчитали, что онъ тратитъ на экстренные расходы до милліона ежедневно [1]), что составляетъ около пятидесяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ; но, вѣдь, этой цѣной покупается нѣчто чрезвычайно важное: міръ и благоденствіе въ настоящемъ. Лжефилософія ворчитъ и каркаетъ; она раскупаетъ, какъ мы уже сказали, 80.000 экземпляровъ новой книги Неккера; но несравненный Калоннъ, котораго въ аппартаментахъ его величества окружаетъ блестящая свита герцоговъ и герцогинь и просто веселыхъ и восхищенныхъ лицъ, можетъ спокойно предоставить лжефилософіи свободу каркать.

Однако, несчастье въ томъ, что такое положеніе не можетъ продолжаться! Дефицитъ не покрывается ни расточительностью, ни займами, такъ же, какъ пожары не заливаются масломъ, а только ослабляются временно. Самъ Несравненный, будучи не лишенъ проницательности, все время смутно сознавалъ, а по временамъ и видѣлъ ясно, что его образъ дѣйствій -временнаго свойства и съ каждымъ днемъ становится все труднѣе, и что въ ближайшемъ будущемъ предстоятъ неисчислимыя перемѣны. Помимо финансоваго дефицита, міръ теперь въ совершенно новомъ расположеніи духа; все срывается со старыхъ основъ и стремится къ новымъ путямъ и сочетаніямъ. Перемѣна замѣчается въ каждомъ карликѣ-жокеѣ, въ каждой остриженной à la Brutus головѣ, въ каждомъ скачущемъ, стоя на стременахъ, наѣздникѣ-англоманѣ.. Ну, такъ что-же? Сегодняшній день, во всякомъ случаѣ, проходитъ пріятно; а что касается до завтрашняго, если онъ настанетъ, то посмотримъ. Разъ поднявшись до милостей Oeil de Boeuf'a, короля, королевы, биржи, и насколько возможно, всего свѣта, благодаря своей щедрости, дару убѣжденія и волшебству генія, несравненный контролеръ можетъ разсчитывать, не меньше всякаго другаго, пережить неизбѣжное; только еще неизвѣстно, какимъ средствомъ.

Какъ бы то ни было, а за эти три чудесные года извороты накоплялись одинъ на другомъ и теперь ихъ накопилось такое множество, что столбъ началъ опасно колебаться. А чудо свѣта, брилліантовое ожерелье, явно довело его шаткость до послѣдняго предѣла. Въ этомъ направленіи геній ничего больше не можетъ сдѣлать; нужно идти впередъ, все равно, высоко или не высоко мы поднялись. Едва бѣдный Роганъ, кардиналъ ожерелья, успѣлъ невредимо удалиться въ горы Оверна, едва г-жа де Ламоттъ (не невредимо) очутилась въ Сальпетріерѣ, и это печальное дѣло замолкло, какъ нашъ пылкій контролеръ снова началъ дивить міръ. Онъ предложилъ средство, неслыханное за послѣдніе сто шестьдесятъ лѣтъ, и убѣдилъ принять его (потому что его дерзость, самоувѣренность и краснорѣчіе неотразимы); это средство—созваніе нотаблей.

Пусть почетныя лица, дѣйствительные или фиктивные правители областей, съѣдутся въ Парижъ со всѣхъ концовъ Франціи; пусть имъ будетъ въ убѣдительной формѣ представленъ вѣрный докладъ относительно патріотическихъ плановъ его величества и несчастныхъ матеріальныхъ препятствій къ осуществленію ихъ; и затѣмъ пусть будетъ поставленъ вопросъ: что намъ дѣлать?

[1]) Besenvall, III, 216.

Конечно, принять мѣры для спасенія; тѣ мѣры, которыя укажетъ волшебная сила генія; а разъ они будутъ освящены нотаблями, то всѣ парламенты и весь свѣтъ должны будутъ, охотно или нѣтъ, подчиниться имъ.

ГЛАВА III.

Нотабли.

Вотъ это, дѣйствительно, знаменіе и чудо, видное всему свѣту; оно—пророчество многаго. Oeil de Boeuf жалобно ропщетъ: „Развѣ нехорошо было намъ раньше, когда мы гасили пожаръ масломъ?“ Конституціонная лжефилософія трепещетъ отъ радостнаго удивленія и нетерпѣливо ждетъ результатовъ. Государственный кредиторъ, государственный должникъ, вся думающая и недумающая публика получаетъ разнообразные сюрпризы: радостные, или печальные. Графъ Мирабо со своими матримоніальными и другими процессами, закончившимися болѣе или менѣе хорошо, работаетъ теперь среди самого темнаго элемента Берлина, компилируя „Прусскія Монархіи“, и памфлеты „Каліостро“; составляя за плату,—но не за почетную извѣстность,—безчисленныя депеши для своего правительства, онъ чуетъ, или угадываетъ издали, болѣе богатую добычу. Подобно орлу, или коршуну, или смѣси обоихъ, онъ расправляетъ крылья, чтобы летѣть домой [1]).

Калоннъ протянулъ надъ Франціей Аароновъ жезлъ—чудесно; но онъ вызываетъ вещи, которыхъ никто не ожидалъ. Дерзость и надежды у него смѣшаны съ боязнью, но горячая и смѣлая сторона его беретъ верхъ. Онъ то пишетъ своему близкому другу: „мнѣ жаль самого себя“ (Je me fais pitié à moi-même), то приглашаетъ какого нибудь присяжнаго поэта воспѣть и „это собраніе Нотаблей, и готовящуюся революцію“ [2]). Революція, дѣйствительно, подготовляется и составляетъ достойный предметъ для воспѣванія, не прежде однако, чѣмъ мы увидимъ ее и ея результаты. Можетъ ли быть связано Калонномъ, хотя бы и съ помощью алхиміи нотаблей, все то, что такъ долго шаталось и разлагалось въ глубокомъ, скрытомъ волненіи? Сумѣетъ ли онъ найти новые источники дохода? Или, наоборотъ, онъ окончательно разорветъ все, чтобы не было больше ни шатанія, ни разложенія, а явились бы столкновеніе и борьба?

Какъ бы тамъ ни было, но въ эти короткіе, темные дни, мы видимъ людей вліятельныхъ и съ вѣсомъ, стремящихся, каждый по своей линіи, со всѣхъ сторонъ Франціи къ Версальскому замку, куда они созваны de par le roi [3]). 22 февраля 1787 г. они собрались и водворились тамъ въ числѣ 137, если считать ихъ поименно [4]); а съ прибавкой еще семи принцевъ крови получилось круглое число нотаблей. Это люди шпаги, люди тоги, перы, духовные сановники, президенты парламентовъ; они раздѣлены на семь бюро подъ предсѣдательствомъ семи принцевъ крови: Monsieur, д'Артуа, Пантьевръ и другихъ; не забудемъ въ ихъ числѣ нашего новаго герцога Орлеанскаго (такъ какъ съ 1785 г. онъ не Шартрскій болѣе). Еще не сдѣланный адмираломъ, онъ перевалилъ уже за сорокъ, съ испорченой кровью и будущимъ, полупресыщенный міромъ, который, въ свою очередь, пресыщенъ имъ больше, чѣмъ на половину; будущее Монсеньера въ высшей степени сомнительно. Онъ живетъ, перевариваетъ пищу, не просвѣщаясь и не знакомясь съ настоящей жизнью даже при заревѣ занимающагося пожара, а окруженный „дымомъ и пепломъ сгорѣвшей чувственности“. Пышность и скупость, мстительность, пресыщеніе жизнью, честолюбіе, не-

---

[1]) Fils adoptif: Mémoires de Mirabeau, t. IV, b. 4 & 5.

[2]) Biographie universelle, § Calonne (Guizot).

[3]) Волей короля.

[4]) Lacretelle, III, 286. Montgaillard, I, 347.

вѣжество, разложеніе и—выраженныя въ стерлингахъ: триста тысячъ въ годъ—если бы при такихъ условіяхъ этотъ бѣдный принцъ сорвался со своего придворнаго якоря,—въ какія области, въ среду какихъ явленій могъ бы онъ пуститься! Къ счастью, онъ еще „любитъ ежедневно охотиться“ и предсѣдательствуетъ въ своемъ бюро съ тупымъ лицомъ, съ тупыми стеклянистыми глазами, какъ будто это причиняетъ ему только скуку.

Мы видимъ, наконецъ, что графъ Мирабо, дѣйствительно, пріѣхалъ; онъ пріѣзжаетъ изъ Берлина прямо на сцену дѣйствія, бросаетъ блестящій, какъ солнце, взглядъ и замѣчаетъ, что для него здѣсь ничего нѣтъ. Онъ надѣялся, что нотаблямъ понадобится секретарь,—и дѣйствительно онъ понадобился имъ, но они остановили свой выборъ на Дюпонъ де Немурѣ, человѣкѣ съ не столь громкой, но лучшей репутаціей, который, правда, жалуется—какъ часто слышатъ отъ него его друзья,—на не совсѣмъ обычную обязанность „поддерживать переписку съ пятью королями“ [1]). Перу Мирабо не удалось стать офиціальнымъ; тѣмъ не менѣе оно остается перомъ. За неимѣніемъ мѣста секретаря, онъ начинаетъ обличать ажіотажъ, по своему обыкновенію заявляя громкимъ шумомъ о своемъ присутствіи и дѣятельности до тѣхъ поръ, пока, предупрежденный своимъ другомъ Талейраномъ и, подъ рукой, даже самимъ Калонномъ, что противъ него можетъ быть выпущено „семнадцатое lettre de cachet“, не улетаетъ своевременно за границу.

Итакъ, въ величественныхъ королевскихъ апартаментахъ засѣдаютъ наши сто сорокъ четыре нотабля, какъ ихъ изображаютъ картины того времени,—засѣдаютъ, готовые слушать и размышлять. Контролеръ Калоннъ ужасно запоздалъ со своими рѣчами и приготовленіями; но „проворство въ работѣ“ этого человѣка намъ извѣстно. По свѣжести стиля, ясности, уму, широтѣ взглядовъ, его рѣчь при открытіи собранія была верхомъ совершенства; если бы только содержаніе ея не было такъ ужасно. Дефицитъ показывается въ отчетахъ различно, даже отчетъ самого контролера подверженъ сомнѣнію; но всѣ счета представляютъ его „громаднымъ“. Такова сущность всѣхъ затрудненій контролера; а каковы его средства? Просто на просто тюрготизмъ (подражаніе Тюрго), на которомъ, повидимому, приходится остановиться; провинціальныя собранія, новые налоги, наконецъ, что всего страннѣе, новый поземельный налогъ, который онъ называетъ Subvention Territoriale, и отъ котораго ни будутъ освобождены ни привилегированные, ни непривилегированные, ни дворяне, ни духовенство, ни члены парламентовъ!

Безуміе! Эти привилегированные классы привыкли облагать другихъ всевозможными налогами: дорожными пошлинами, податями, таможенными налогами до тѣхъ поръ, пока у плательщиковъ оставался хотя грошъ въ карманѣ; но быть самимъ обложенными налогами?... А, вѣдь, всѣ нотабли, кромѣ маленькой фракціи, принадлежали къ этимъ привилегированнымъ. Опрометчивый Калоннъ не далъ себѣ труда „составить“, т. е. искусно подобрать ихъ, а выбралъ такихъ нотаблей, которые дѣйствительно были настоящими нотаблями; относительно исхода онъ полагался на свой быстрый умъ, счастье и краснорѣчіе, которое никогда ему еще не измѣняло. Легкомысленный контролеръ! Краснорѣчіе можетъ сдѣлать многое, но не все. Ритмическое, музыкальное краснорѣчіе Орфея (называемое поэзіей) извлекало желѣзныя слезы изъ глазъ Плутона; но какимъ же волшебствомъ риѳмы, или прозы думаешь ты выжать золото изъ кармана Плутуса (Богатства)? И вотъ буря, поднявшаяся вокругъ Калонна, сначала въ семи бюро, а потомъ, разбуженная ими, и внѣ ихъ, распространяясь дальше и дальше по всей Франціи, угрожаетъ сдѣлаться неукротимой. Такой огромный дефицитъ! Дурное управленіе и расточительность—слишкомъ ясны. Намекаютъ даже на хищенія; Лафайетъ и другіе говорятъ объ этомъ прямо, пытаются доказать. Весьма естественно, что нашъ честный Калоннъ постарался свалить съ

---

[1]) Dumont, Souvenirs sur Mirabeau (Paris 1832), p. 20.

себя вину въ существованіи дефицита на своихъ предшественниковъ, не исключая даже Неккера. Но теперь Неккеръ горячо отрицаетъ это, по поводу чего завязывается „гнѣвная переписка", которая появляется въ печати.

Въ Oeil-de-Boeuf и частныхъ аппартаментахъ ея величества краснорѣчивый контролеръ, со своей фразой: „Мадамъ, если это только трудно..." и т. д., оказывался достаточно убѣдительнымъ, но, увы, теперь дѣло перешло въ другое мѣсто. Взгляните на него въ одинъ изъ этихъ печальныхъ дней, на засѣданіи бюро Monsieur, куда всѣ другія бюро прислали своихъ депутатовъ. Онъ доведенъ до крайности; и онъ—одинъ, подъ перекрестнымъ огнемъ запросовъ, вопросовъ, строгихъ выговоровъ со стороны этихъ „ста тридцати семи" артиллерійскихъ орудій логики, которыхъ буквально можно назвать „огненными зѣвами". По словамъ Безанваля, едва ли когда-нибудь человѣкъ проявлялъ столько ума, ловкости, самообладанія, убѣдительнаго краснорѣчія. Яростному дѣйствію огненныхъ зѣвовъ онъ не противопоставилъ ни одной гнѣвной вспышки, встрѣчая огонь лучами свѣта, самообладаніемъ и отеческою улыбкой. Въ теченіе пяти долгихъ часовъ онъ выстоялъ подъ непрестаннымъ градомъ то яростныхъ, то лукавыхъ вопросовъ, полныхъ упрека интерпелляцій, отвѣчая на все словами, быстрыми, какъ молнія, и спокойными, какъ сіяніе свѣта. Онъ отвѣчаетъ даже на перекрестный огонь постороннихъ вопросовъ, случайныхъ интерпелляцій, на которые въ пылу генеральнаго сраженія (вѣдь, у него одинъ только языкъ) могъ бы вовсе не отвѣчать; но, при первомъ же затишьѣ, онъ поднимаетъ и эти вопросы, отвѣчаетъ и на нихъ [1]). Если бы кроткое и убѣдительное краснорѣчіе могло спасти Францію, она была бы спасена.

Какое тяжкое бремя несетъ контролеръ! Во всѣхъ семи бюро онъ встрѣчаетъ одни только препятствія: въ бюро Monsieur какой-то Ломени де Бріеннъ, архіепископъ Тулузскій, который самъ мѣтитъ на постъ генеральнаго контролера и волнуетъ духовенство, происходятъ митинги, ведутся скрытыя интриги. Извнѣ также нѣтъ и тѣни помощи или надежды. Для народа (въ средѣ которой Мирабо теперь легкими Стентора обличаетъ ажіотажъ) контролеръ не сдѣлалъ ничего, или даже меньше, чѣмъ ничего. Для лжефилософіи онъ также все равно, что ничего не сдѣлалъ: развѣ только снарядилъ Лаперуза, или еще что-нибудь въ этомъ родѣ; къ тому же онъ состоитъ въ „гнѣвной перепискѣ" съ Неккеромъ. Даже Oeuil-de-Bouef сомнителенъ: у падающаго контролера нѣтъ друзей. Солидный де Верженнъ, который, благодаря своей флегматичной и благоразумной пунктуальности, могъ бы многое обуздать, умеръ какъ разъ за недѣлю до того, какъ собрались эти злосчастные нотабли. А теперь въ Мироменилѣ министрѣ юстиціи (Garde-des-Sceaux) подозрѣвается предатель, интригующій въ пользу Ломени де Бріенна. Лекторъ королевы, аббатъ де Вермонъ, не пользующійся любовью, былъ съ самаго начала креатурой Бріенна, дѣломъ его рукъ, и можно опасаться, что онъ подкапываетъ, съ задняго хода, почву подъ нашими ногами. По крайней мѣрѣ, министра юстиціи, этого предателя Мироменила, слѣдовало бы смѣстить. Не былъ ли бы самымъ подходящимъ хранителемъ печати Ламуаньонъ, краснорѣчивый нотабль, человѣкъ твердый, со связями и даже съ идеями, президентъ парламента, стоящій, однако, за реформированіе его? По крайней мѣрѣ, таково мнѣніе дѣловитаго Безанваля, которое онъ, за обѣдомъ, и сообщаетъ контролеру на ухо; послѣдній, въ свободныя минуты, оставляемыя ему обязанностями хозяина, слушаетъ его съ восхищеннымъ взглядомъ, но ничего положительнаго не отвѣчаетъ [2]).

Увы, что отвѣчать! Сила частной интриги и сила общественнаго мнѣнія становятся равно опасными и ненадежными. Лжефилософія жалко издѣвается, какъ будто Неккеръ уже восторжествовалъ. Уличная чернь зазѣвывается передъ гравюрами по дереву или по мѣди, изображающими, напримѣръ, крестьянина,

---

[1]) Besenval, III, 196.

[2]) Besenval, III, 203.

который сзываетъ все населеніе своего птичьяго двора и обращается къ нему съ такою вступительной рѣчью: „Дорогія животныя, я созвалъ васъ для того, чтобы вы посовѣтовали мнѣ, подъ какимъ соусомъ мнѣ приготовить васъ“?— на что одинъ пѣтухъ отвѣчаетъ: „Мы не хотимъ быть съѣденными“, но его тотчасъ останавливаютъ замѣчаніемъ: „Вы уклоняетесь отъ вопроса“ [1]). Смѣхъ и разсужденія, уличныя пѣсни, памфлеты, эпиграммы, каррикатуры,— что за вихрь общественнаго мнѣнія! Словно разверзлась пещера вѣтровъ. При наступленіи ночи президентъ Ламуаньонъ прокрадывается къ контролеру и находитъ его „бѣгающимъ по комнатѣ, какъ человѣкъ, потерявшій самообладаніе“ [2]). Въ поспѣшныхъ, запутанныхъ фразахъ контролеръ проситъ Ламуаньона дать ему „совѣтъ“. Ламуаньонъ чистосердечно отвѣчаетъ, что не можетъ дать никакого, кромѣ совѣта назначить его на постъ министра юстиціи, что могло бы, по его мнѣнію, принести нѣкоторую пользу.

„Въ понедѣльникъ послѣ Пасхи“, 9-го апрѣля 1787 г. (число это должно быть провѣрено, такъ какъ небрежная лживость этихъ Исторій и мемуаровъ превосходитъ всякое вѣроятіе)—„въ понедѣльникъ послѣ Пасхи, когда я, Безанваль, ѣхалъ верхомъ въ Роменвилль, къ маршалу де Сегюръ, мнѣ встрѣтился на бульварахъ одинъ пріятель, сообщившій, что Каллонъ смѣненъ. Немного далѣе, на меня наскочилъ герцогъ Орлеанскій (ѣхавшій, конечно, à l'Anglaise) и подтвердилъ это извѣстіе“ [3]). Оно оказалось вѣрнымъ. Измѣнникъ Мироменилъ ушелъ, и Ламуаньонъ назначенъ на его мѣсто, но это выгодно только для него самого, а не для контролера: на другой день пришлось уйти и контролеру. Нѣкоторое время онъ еще остается по близости; его видятъ среди мѣнялъ и даже работающимъ въ бюро контроля, гдѣ многое остается неконченнымъ, но и это не долго продлится. Эта буря общественнаго мнѣнія и частной интриги дуетъ и бушуетъ слишкомъ сильно, какъ будто изъ пещеры всѣхъ вѣтровъ, и выдуваетъ его (по знаку свыше) изъ Парижа и Франціи, за горизонтъ, въ область невидимаго, во внѣшній мракъ.

Не всегда можетъ предотвратить это и магическая сила генія. Неблагодарный Oeil de Boeuf! Развѣ не изливалъ ли онъ на васъ золото, какъ небесную манну? Одинъ придворный сказалъ однажды: „Всѣ протягивали руки, ну, и я протянулъ свою шляпу“. Самъ же онъ бѣденъ и остался бы безъ средствъ, если бы нѣкая „вдова финансиста въ Лотарингіи“ не предложила ему, несмотря на его шестой десятокъ, свою руку и бывшій въ этой рукѣ толстый кошелекъ. Съ тѣхъ поръ дѣятельность его становится тусклой, хотя и неутомимой: письма къ королю, воззванія, предсказанія, памфлеты (изъ Лондона), написанные съ прежнею убѣдительною легкостью, которая, однако, не убѣждаетъ болѣе. Къ счастью, кошелекъ его вдовы не измѣняетъ ему. Черезъ годъ, или два, тѣнь его покажется однажды на сѣверной границѣ, стремясь къ избранію въ депутаты національнаго собранія, но она получитъ строгое приглашеніе удалиться. Тогда, еще потемнѣвъ, и забравшись въ самыя отдаленныя страны Европы, онъ въ дипломатическихъ сумеркахъ будетъ интриговать для „изгнанныхъ принцевъ“, съ нимъ будутъ происходить приключенія: онъ потерпитъ крушеніе на водахъ Рейна, наполовину утонетъ, но спасетъ свои бумаги сухими. Онъ неутомимъ, но тщетно! Прощай, легкомысленный и горячій контролеръ съ легкой и смѣлой рукой, съ убѣдительными золотыми устами! Мы видали и худшихъ и лучшихъ людей, но ты сдѣлалъ то, что тебѣ было указано: ты поднялъ бурю и вѣтеръ.

Но пока эксъ-контролеръ такимъ страннымъ образомъ летитъ за черту горизонта, гонимый бурей, что же сталось съ мѣстомъ контролера? Оно ждетъ, пустое, угасшее, какъ луна въ междулунные промежутки. Двѣ предшествующія

---

[1]) Перепечатано въ Musée de la Carricature (Paris 1834).

[2]) Besenval III, 209.

[3]) Ib. III, 211.

тѣни, бѣдный Фуркё и бѣдный Вильдейль, въ своей быстрой смѣнѣ представляютъ подобіе ея. Вѣдь, новая луна показывается иногда съ тусклымъ облакомъ своей предшественницы въ своихъ объятіяхъ. Потерпите, нотабли! Настоящій новый контролеръ навѣрное будетъ; онъ уже готовъ; нужно только исполнить необходимые маневры. Длинноголовый Ламуаньонъ, секретарь внутреннихъ дѣлъ Бретейль и секретарь иностранныхъ дѣлъ Монморенъ переглянулись; дайте этимъ троимъ только сойтись и поговорить. Кто силенъ милостью королевы и аббата Вермона? Кто—человѣкъ съ большими способностями, или, по крайней мѣрѣ, кто въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ трудился надъ тѣмъ, чтобы его считали за таковаго? Кто только что отъ имени духовенства требовалъ исполненія смертныхъ приговоровъ для протестантовъ? Кто блистаетъ въ Oeil de Boeuf'ѣ, являясь самымъ веселымъ любимцемъ мужчинъ и женщинъ, заимствуя хорошія словечки даже у лжефилософіи, у вашихъ Вольтера и д'Аламбера?—Ломени де-Бріеннъ. За кого имѣется уже совсѣмъ готовая партія среди нотаблей? За Ломени де-Бріенна, архіепископа Тулузскаго, отвѣчаютъ всѣ трое съ самымъ полнымъ единодушіемъ и бросаются предложить его королю „съ такою поспѣшностью", какъ разсказываетъ Безанваль, что Ламуаньонъ долженъ былъ занять симарру, — очевидно родъ одежды, необходимой для этого [1]).

Ломени де-Бріеннъ, который всю жизнь „чувствовалъ родъ предназначенія для самыхъ высшихъ должностей", теперь, наконецъ, получилъ такой постъ. Онъ предсѣдательствуетъ въ министерствѣ финансовъ и будетъ имѣть титулъ перваго министра; стремленіе его долгой жизни, наконецъ, осуществится. Плохо только то, что для полученія этого мѣста потребовалось столько таланта и искусства, что для управленія не оставалось больше ни того, ни другого! Разбирая себя, чтобы опредѣлить свои способности, Ломени, не безъ удивленія, видитъ только пустоту и случайность. Ни принциповъ, ни системы, никакихъ пріобрѣтеній внѣшнихъ или внутреннихъ (такъ какъ даже тѣло его изношено отъ хлопотъ и волненій) ничего не находитъ онъ: даже ни одного плана, хотя бы и плохого. Къ счастью у Калонна, для подобныхъ же обстоятельствъ, имѣлся планъ, скомпилированный изъ плановъ Тюрго и Неккера, - его и усвоиваетъ Ломени. Онъ не напрасно изучалъ дѣйствіе англійской конституціи, онъ тоже причастенъ своего рода англоманіи. Почему въ этой свободной странѣ прогнанный парламентомъ министръ исчезаетъ изъ присутствія короля и замѣняется другимъ, изъ среды парламента? [2]). Конечно, это дѣлается не просто ради перемѣны (которая всегда убыточна), а для того, чтобы каждый могъ принимать участіе въ дѣлахъ; такимъ образомъ борьба за свободу продолжается до безконечности и не приводитъ ни къ чему дурному.

Нотабли, смягченные пасхальнымъ праздникомъ и жертвоприношеніемъ Калонна, настроены недурно. Во время правленія „междулунныхъ тѣней", его величество уже предсѣдательствовалъ въ сессіи нотаблей и уронилъ съ высоты своего трона нѣсколько краснорѣчивыхъ и примиряющихъ обѣщаній. „Королева стояла у окна, ожидая возвращенія его кареты, и Monsieur издали похлопалъ ей руками" въ знакъ того, что все обошлось хорошо [3]). Все это произвело наилучшее впечатлѣніе и было бы очень хорошо, если бы дѣло могло продолжаться въ такомъ же духѣ. А пока вождей нотаблей можно и приласкать. Новый блескъ Бріенна и длинная голова Ламуаньона принесутъ извѣстную пользу; въ примиряющемъ краснорѣчіи недостатка не будетъ. Въ общемъ, однако, неоспоримо, что изгнаніе Калонна и вслѣдъ затѣмъ принятіе плановъ того же Калонна является мѣрою, которая для лучшаго эффекта должна быть разсматриваема съ извѣстнаго разстоянія, и не выдерживаетъ слишкомъ близкаго изслѣдованія.

---

[1]) Besenval, III, 224.

[2]) Montgaillard; Histoire de France, I, 410—17.

[3]) Besenval, III, 220.

Словомъ, лучшей заслугой нотаблей было бы теперь, если бы они нашли приличный способъ разойтись. Ихъ „шесть предложеній“ относительно предварительныхъ собраній, уничтоженія барщины и тому подобное, могутъ быть приняты безъ критики. Но по субвенціи, или земельному налогу и по многому другому нужно проскользнуть какъ можно быстрѣе; теперь безопасны только цвѣты примиряющаго краснорѣчія. Наконецъ, 25 мая 1787 года, въ торжественномъ заключительномъ засѣданіи, разражается то, что можно назвать взрывомъ краснорѣчія: король, Ломени, Ламуаньонъ и свита, одинъ за другимъ, затягиваютъ пѣсню; рѣчи—цѣлыхъ десять, кромѣ рѣчи его величества—длятся цѣлый день; нотабли, такъ сказать, отпѣты чѣмъ-то вродѣ хорала или бравурной аріи, полной благодарности, восхваленій, обѣщаній,—отпѣты и разосланы по мѣстамъ жительства. Они засѣдали и говорили въ теченіе девяти недѣль: это были первые нотабли со времени Ришелье, съ 1626 года.

Нѣкоторые историки, сидя въ своихъ креслахъ на безопасномъ разстояніи, бранятъ Ломени за распущеніе нотаблей; тѣмъ не менѣе, очевидно, сдѣлать это было пора. Мы уже сказали, что есть вещи, въ которыя не слѣдуетъ слишкомъ близко всматриваться; по горячимъ угольямъ нельзя пройти иначе, какъ быстро. Въ этихъ семи бюро,—гдѣ не могло происходить никакой работы, если не считать работою разговоры,—обнаружились самыя сомнительныя вещи. Въ бюро монсеньёра д'Артуа, напримѣръ, Лафайеттъ рѣшился произнести не одну обвинительную рѣчь по поводу Lettres de Cachet, свободы личности, ажіотажа и тому подобнаго. Когда монсеньёръ попытался заставить его замолчать, то получилъ отвѣтъ, что нотабли созваны, чтобы высказать свое мнѣніе, и должны высказывать его [1]).

Мало того, когда его милость, архіепископъ Э, проповѣдуя въ плаксивомъ тонѣ съ каѳедры, произнесъ слѣдующія слова: „Десятина, это—добровольное приношеніе благочестія христіанъ“, то герцогъ де-Ларошфуко перебилъ его холоднымъ, дѣловымъ тономъ, которому научился отъ англичанъ, сказавъ: „это—добровольное приношеніе благочестія христіанъ, о которомъ теперь, въ этомъ королевствѣ, ведется сорокъ тысячъ процессовъ“ [2]). Вдобавокъ, Лафайеттъ, обязанный высказать свое мнѣніе, дошелъ однажды до того, что предложилъ созвать „Національное собраніе“. „Вы требуете генеральныхъ штатовъ?“ сказалъ монсеньёръ съ видомъ угрожающаго удивленія.—„Да, монсеньёръ,—и даже болѣе того“. „Запишите это“—приказалъ монсеньёръ секретарямъ [3]). Это было записано и, что гораздо важнѣе, скоро будетъ и сдѣлано.

ГЛАВА IV.

Указы Ломени.

Итакъ, нотабли вернулись домой, разнося по всѣмъ концамъ Франціи понятія о дефицитѣ, разрушеніи, разложеніи, и свое убѣжденіе въ томъ, что генеральные штаты исправятъ все, или, если не исправятъ, то уничтожатъ. Мы можемъ себѣ представить каждаго изъ нотаблей въ видѣ погребальнаго факела, освѣщающаго ужасныя пропасти, которыя лучше бы оставить скрытыми! Всѣми овладѣло самое безпокойное настроеніе духа; броженіе ищетъ выхода въ памфлетахъ, каррикатурахъ, проектахъ, декламаціяхъ, въ тщетномъ бренчаніи мыслей, словъ и поступковъ.

---

[1]) Montgaillard, 1, 360.

[2]) Dumont. Souvenirs sur Mirabeau, p. 21.

[3]) Toulongeon: Histoire de France depuis la Revolution de 1789 (Paris, 1803), t. I, app. 4.

Долго терпимое духовное банкротство теперь перешло въ банкротство экономическое и стало невыносимымъ. Неизбѣжная нищета, согласно предсказанію, поднялась кверху изъ самыхъ низшихъ, нѣмыхъ слоевъ общества, и у каждаго явилось смутное чувство, что его положеніе ложно - будь то положеніе угнетателя, или угнетаемаго; и всѣ на томъ. или иномъ рѣзкомъ языкѣ, въ качествѣ ли нападающихъ, или въ качествѣ защитниковъ, чувствуютъ потребность дать выходъ своему внутреннему безпокойству. Не изъ такого матеріала создаются народное благосостояніе и слава вождей. О, Ломени, какой безпорядочный, раззоренный, голодный и раздраженный міръ ввѣренъ твоимъ попеченіямъ на томъ посту, котораго ты домогался всю жизнь!

Первые указы Ломени носили умиротворяющій характеръ, они касались: созданія провинціальныхъ собраній „для распредѣленія налоговъ"—когда таковые будутъ—уничтоженія барщины, облегченія солянаго налога. Мѣры эти, рекомендованныя нотаблями, давно требовались всѣми либеральными людьми. Извѣстно, что масло, вылитое на расходившіяся волны, даетъ хорошій результатъ. Прежде чѣмъ отважиться на болѣе существенныя мѣры, Ломени хотѣлъ ослабить этотъ странный „подъемъ общественнаго духа".

Конечно, это очень хорошо. Но если этотъ подъемъ такого рода, которому не суждено ослабнуть? Бываютъ подъемы, происходящіе отъ поверхностной бури и порывовъ вѣтра. Но бываютъ и такіе, которые вырываются, такъ сказать, подземнымъ вѣтромъ, или даже разложеніемъ, гніеніемъ, превратившимся въ самовозгораніе. Такъ, по плутоно-нептунической геологіи, міръ сгнилъ изнутри, далъ остатки и теперь со взрывомъ разрушится и создастся заново. Такіе подъемы нельзя успокоить, подливая масло. Глупецъ говоритъ себѣ въ душѣ: какъ же завтра можетъ быть не похоже на сегодня и на всѣ дни, которые тоже въ свое время были завтрашними? Мудрецъ, смотря на эту моральную, интеллектуальную и экономическую Францію видитъ „въ общемъ всѣ симптомы, которые онъ всегда встрѣчалъ въ исторіи" и которые нельзя смягчить успокоительными указами.

А пока, произошло ли смягченіе, или нѣтъ, а деньги все-таки нужны; и для этого нужны законы совсѣмъ другого рода: законы денежные, или фискальные. Какъ легко было бы издавать фискальные законы, если бы вы могли быть увѣрены, что парижскій парламентъ захочетъ, какъ говорится, „зарегистрировать" ихъ! Этимъ правомъ „регистрированія", собственно говоря, просто вписыванія, парламентъ обладаетъ вслѣдствіе давно установившагося обычая: хотя онъ и представляетъ просто судебное учрежденіе, но можетъ въ этомъ случаѣ дѣлать замѣчанія и заставлять по долгу торговаться съ собою. Отсюда множество ссоръ, отчаянныя увертки Мопу, его побѣда и пораженіе, въ общемъ ссора, продолжающаяся уже почти сорокъ лѣтъ. Поэтому-то изданіе фискальныхъ указовъ, которое безъ этого было бы совсѣмъ легкимъ дѣломъ, становится цѣлою задачей. Развѣ, напримѣръ, субвенція Калонна (Subvention territoriale), всеобщій, безъ изъятія, земельный налогъ — не якорь спасенія для финансовъ? И вотъ, чтобы насколько возможно показать, что и онъ не лишенъ оригинальнаго финансоваго таланта, Ломени самъ выдумываетъ Edit du timbre - гербовый сборъ, т. е., по правдѣ сказать, тоже заимствуетъ его, но заимствуетъ изъ Америки. Хорошо, еслибъ онъ имѣлъ больше успѣха во Франціи, чѣмъ на родинѣ!

Франція, конечно, имѣетъ средства спасенія; однако нельзя отрицать, что видъ у парламента довольно сомнительный. Еще при нотабляхъ парижскій президентъ говорилъ въ моментъ заключительной симфоніи распущенія зловѣщимъ тономъ. Адріенъ Дюпоръ, прервавъ свой магнетическій сонъ и вступивъ въ сутолоку жизни, угрожаетъ проснуться для какого-то сверхъестественнаго бодрствованія. Менѣе сильнымъ, но болѣе шумнымъ является магнетическій д'Эпремениль со своимъ тропическимъ пыломъ (онъ родился въ Мадрасѣ) и мрачной, безтолковой вспыльчивостью; онъ увлекается иллюминизмомъ, животнымъ магнетизмомъ, общественнымъ мнѣніемъ, Адамомъ Вейсгауптомъ, Гармодіемъ и Аристогитономъ и всякаго рода безпорядкомъ и буйствомъ; изъ него не можетъ выйти

проку. Даже пэры заражены подобнымъ ферментомъ. Наши пэры слишкомъ часто снимали кружево, шитье и парики, чтобы гулять въ англійскихъ костюмахъ или самымъ безразсуднымъ образомъ ѣздить верхомъ à l'anglaise, поднимаясь на стременахъ; въ ихъ головахъ нѣтъ ничего, кромѣ неповиновенія, маніи свободы и безпорядочной, неорганизованной оппозиціи. Вопросъ еще, можно ли было бы положиться на нихъ, даже если бы у насъ былъ волшебный кошелекъ. Ломени ждалъ весь іюнь мѣсяцъ, выливая въ волны все масло, бывшее у него въ запасѣ; но теперь, будь что будетъ, а оба финансовыхъ закона должны появиться. 6-го іюля, онъ посылаетъ парижскому парламенту предложенные имъ гербовый и земельный налоги и, какъ бы желая выдвинуть собственную ногу впереди ноги, заимствованной у Калонна, ставитъ гербовый сборъ первымъ въ ряду.

Увы! Парламентъ не хочетъ регистрировать; парламентъ требуетъ вмѣсто „смѣты расходовъ", „смѣты предполагаемыхъ сбереженій" и достаточное количество другихъ „смѣтъ", которыя его величество вынужденъ отказаться представить. Поднимаются споры, гремитъ патріотическое краснорѣчіе, созываются пэры. Неужели Немейскій левъ начинаетъ ощетиниваться? Разгорается настоящая дуэль, за которою Франція и цѣлый свѣтъ могутъ слѣдить, или произнося молитвы, или просто съ любопытствомъ, держа пари относительно ея исхода. Парижъ зашевелился съ новымъ одушевленіемъ. Внѣшніе дворы Palais de justice кишатъ необычной толпой, приходящей и уходящей; ея громкій ропотъ, доносящійся извнѣ, смѣшивается съ трескомъ патріотическаго краснорѣчія внутри, и придаетъ ему силы. Бѣдный Ломени, совсѣмъ не успокоенный, смотритъ съ извѣстнаго разстоянія и посылаетъ своихъ невидимыхъ эмиссаровъ; они усердно летаютъ туда и сюда, но—безъ результата.

Итакъ, душные каникулы проходятъ въ весьма наэлектризованной атмосферѣ такъ же, какъ и весь іюль. Все время въ святилищѣ Справедливости только и слышно, что краснорѣчіе Гармодія - Аристогитона, среди ропота толпящагося вокругъ него Парижа; никакого регистрированія не сдѣлано, никакихъ смѣтъ „не представлено". По поводу смѣтъ или „штатовъ" (états) одинъ остроумный членъ парламента замѣтилъ: „Messieurs, les états, qui devraient nous être fournis, sont les Etats Generaux." (Господа, если намъ должны представить какіе нибудь штаты, то это Генеральные штаты). Эта пришедшаяся кстати шутка вызываетъ смѣхъ и ропотъ одобренія. И такое-то слово произносится въ Palais de justice! Старый д'Ормессонъ (дядя экс-контролера) качаетъ своей многоопытной головой: ему совсѣмъ не смѣшно. Но внѣшніе дворы, и Парижъ, и Франція ловятъ удачное словцо и повторяютъ и будутъ повторять его, создадутъ ему эхо и отраженіе до тѣхъ поръ, пока оно не выраститъ въ оглушительный шумъ. Очевидно нечего больше и думать о какомъ нибудь регистрированіи.

Благочестивая пословица говоритъ: „Есть лекарства противъ всего, кромѣ смерти". Лекарство противъ отказа регистрировать со стороны парламента отъ долгой практики стало извѣстно даже самымъ простымъ людямъ: это Lit de justice, т. е. засѣданіе парламента въ присутствіи короля. Нашъ парламентъ потерялъ цѣлый мѣсяцъ въ пустой болтовнѣ, среди шума и взрывовъ бѣшенства. Указъ о гербовомъ налогѣ не зарегистрированъ и не похоже даже, чтобы близился къ зарегистрированію; объ указѣ же о поземельномъ налогѣ даже еще и не говорилось. 6-го августа весь упрямый составъ парламента будетъ перевезенъ въ каретахъ въ Версальскій дворецъ; тамъ король устроитъ торжественное засѣданіе парламента въ своемъ присутствіи и изъ собственныхъ королевскихъ устъ прикажетъ ему зарегистрировать указы. Члены парламента могутъ возражать—про себя, но должны будутъ повиноваться подъ страхомъ чего нибудь худшаго.

Такъ и сдѣлали: парламентъ былъ привезенъ по спеціальному королевскому требованію и выслушалъ спеціальный королевскій приказъ зарегистрировать указы, послѣ чего снова, среди всеобщаго молчаливаго ожиданія, былъ отвезенъ обратно. И вотъ назавтра этотъ парламентъ, собравшись на новое за-

сѣданіе въ своемъ собственномъ дворцѣ, внѣшніе дворы котораго наводняетъ толпа, не только не регистрируетъ указовъ, но (о, предзнаменованіе!) объявляетъ все, происшедшее наканунѣ несуществующимъ, а lit de justice пустяками! Это поистинѣ новая черта въ исторіи Франціи. Лучше того: нашъ геройскій парламентъ, внезапно прозрѣвшій, объявляетъ, что онъ, съ своей стороны, вообще не компетентенъ регистрировать указы о налогахъ; что онъ дѣлаетъ это въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ столѣтій только по ошибкѣ, и что только одна власть компетентна совершать такой актъ; эта власть: собраніе трехъ сословій королевства!

Вотъ до какой степени всеобщее настроеніе націи способно проникать даже въ самыя обособленныя корпораціи; вѣрнѣе сказать: вотъ какимъ человѣкоубійственнымъ и самоубійственнымъ оружіемъ сражаются корпораціи на отчаянныхъ политическихъ поединкахъ! Во всякомъ случаѣ, развѣ это не настоящая война или братоубійственный поединокъ, въ которомъ выступаетъ грекъ противъ грека, и на который даже совершенно не заинтересованные лично люди смотрятъ съ невыразимымъ интересомъ? Какъ мы сказали, толпа наводняла внѣшніе дворы; эта шумно волнующаяся толпа состояла изъ молодыхъ, зараженныхъ свободоманіей дворянъ, въ англійскихъ костюмахъ, позволявшихъ себѣ дерзкія рѣчи, изъ прокуровъ, свободныхъ въ эти дни судебныхъ писцовъ, изъ праздношатающихся, разнощиковъ новостей и другихъ неподдающихся описанію классовъ. Отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ напряженно ждутъ рѣшеній, которыя должны состояться внутри, и апплодируютъ съ криками „браво", шестью или восьмью тысячами рукъ! Какая сладкая награда ожидаетъ патріотическое краснорѣчіе! Когда д'Эпремениль, Фрето, или Сабатье спускаются съ Демосѳеновскаго Олимпа послѣ того, какъ громы этого дня смолкли, на внѣшнихъ дворахъ ораторовъ встрѣчаетъ крикъ четырехъ тысячъ глотокъ: ихъ несутъ домой на плечахъ „съ благословеніями", и они касаются звѣздъ своими гордыми головами.

ГЛАВА V.

Молніи Ломени.

Возстань, Ломени-Бріеннъ; теперь не время для „Lettres de Jussion" [1]), для слабости или компромиссовъ. Ты видишь все свободное, слоняющееся населеніе Парижа (все не осѣдлое или неприкрѣпленное къ работѣ) наводняетъ эти дворы подобно шумному, разрушительному потоку; даже судебные писцы говорятъ о возмущеніи. Низшіе классы, глядя на поединокъ власти съ властью, грека съ грекомъ, перестали уважать городскую стражу. Спины сателлитовъ полиціи отмѣчены мѣломъ (буква М означаетъ Mouchard, шпіонъ); ихъ преслѣдуютъ и травятъ, какъ дикихъ звѣрей. Подчиненные деревенскіе трибуналы присылаютъ пословъ съ поздравленіями, или заявленіями о присоединеніи. Источникъ справедливости дѣлается источникомъ возмущенія. Провинціальные парламенты пристально смотрятъ, сдерживая дыханіе, пока ихъ старшій братъ ведетъ сраженіе: всѣ двѣнадцать —одной крови, одинаковаго темперамента; побѣда одного, это побѣда всѣхъ.

А зло растетъ: 10 августа предъявляется „жалоба", касательно „расточительности Калонна", и требуется дозволеніе „преслѣдовать его судомъ". Вмѣсто регистрированія указовъ, формулируются обвиненія въ расхищеніи, взяточничествѣ, и постоянно повторяется припѣвъ: „Генеральные штаты!". Развѣ въ королевскомъ арсеналѣ нѣтъ молній, которыя бы ты, о, Ломени! могъ метнуть твоей красной десницей прямо въ средину этихъ Демосѳеновски-театральныхъ

---

[1]) Королевское повелѣніе о принятіи парламентомъ эдиктовъ, съ которыми онъ не согласенъ. (Прим. изд.).

боченковъ съ порохомъ, большею частью просто начиненныхъ смолой и трескучихъ,—чтобы заставить ихъ разлетѣться въ куски, и заповѣдать имъ молчаніе? Въ ночь на 14 августа Ломени мечетъ свои молніи или, по крайней мѣрѣ, бросаетъ горсть ихъ. Въ эту ночь роздано около ста двадцати, то есть столько, сколько требовалось, приказовъ объ арестѣ, именуемыхъ Lettres de Cachet. И на другой день, утромъ, весь парламентъ, еще разъ посаженный въ экипажи, безостановочно катитъ по направленію къ Труа въ Шампани, „напутствуемый благословеніями всего народа", какъ говоритъ исторія; даже хозяева гостиницъ и почтальоны смотрятъ почтительно—даромъ [1]). Это произошло 15-го августа 1787 года. Чего не будетъ благословлять народъ въ своей крайней нуждѣ? Парижскій парламентъ рѣдко заслуживалъ или получалъ много благословеній. Это—изолированная корпорація, которая, возникнувъ изъ старинной неурядицы (когда сила меча смутно боролась, чтобы сдѣлаться силой пера), сформировалась болѣе или менѣе, чтобы удовлетворить смутному желанію всѣхъ и очень опредѣленному индивидуальному желанію многихъ. Она росла въ теченіе столѣтій, путемъ уступокъ, пріобрѣтеній, узурпаціи, и стала тѣмъ, чѣмъ мы видимъ ее теперь: благополучной общественной аномаліей, рѣшающей судебные процессы, санкціонирующей, или отвергающей законы и при этомъ продающей свои мѣста и должности за наличныя деньги,—впрочемъ, любезный президентъ Гено по зрѣломъ размышленіи утверждалъ, что послѣдняя метода лучше другихъ [2]).

Въ корпораціи, существующей покупкой мѣстъ за наличныя деньги, не можетъ быть избытка общественнаго духа; зато отлично можетъ быть избытокъ алчности при дѣлежѣ общественной добычи. Люди въ шлемахъ дѣлили ее мечами; люди въ парикахъ дѣлятъ ее перомъ и чернилами, и, если послѣдніе дѣлятъ добычу болѣе мирно, за то и болѣе отвратительно, такъ какъ метода париковъ и болѣе непререкаема, и болѣе презрѣнна. Безанваль говоритъ, что безполезность преслѣдованія судомъ члена парламента была доказана путемъ долгаго опыта. Никакой служитель правосудія не объявитъ ему вызова въ судъ: парикъ и тога члена парламента составляютъ броню Вулкана, заколдованный плащъ изъ мрака, скрывающій его отъ всѣхъ глазъ.

Парижскій парламентъ можетъ считать себя корпораціей, непользующейся любовью и въ политическомъ отношеніи мелочной, невеликодушной. Въ минуты слабости короля, его парламентъ всегда, какъ и теперь, лаялъ за нимъ по пятамъ какъ шавка, опираясь на голосъ народа. Когда же король былъ силенъ, парламентъ лаялъ впереди его, охотясь для него, какъ усердная гончая. Это—несправедливая корпорація, въ которой правосудіе часто извращалось грязными вліяніями. Даже и въ эти дни, развѣ кровь убитаго Лалли не вопіетъ о мщеніи? Затравленное, обманутое, доведенное до крайности достоинство, какъ пойманный левъ, должно было пасть жертвой мстительной ябеды. Взгляните на этого безпомощнаго Лалли, дикая, мрачная душа котораго отражается на его дикомъ, мрачномъ лицѣ; его везутъ на позорной колесницѣ, голосъ его отчаянія заглушенъ: ему заткнули ротъ деревянной чуркой! Это была дикая, огненная душа, знавшая только опасности и трудъ, и въ теченіе шестидесяти лѣтъ боровшаяся съ препятствіями, которыя ставила ей судьба, и съ человѣческимъ коварствомъ; боровшаяся умно и смѣло среди трусости, подлости и пошлости, вынося все и вѣчно стремясь впередъ. О, парижскій парламентъ! вотъ за что ты награждаешь висѣлицей! [3]). Умирающій Лалли завѣщалъ оправданіе своей памяти своему сыну, и молодой Лалли выступилъ, требуя удовлетворенія во имя Бога и человѣчества. Парижскій парламентъ дѣлаетъ все возможное, чтобы отстоять незащитимое, ужасное; и что странно, такъ это то, что ораторомъ для его защиты былъ выбранъ мрачно-пламенный Аристогитонъ д'Эпремениль.

---

[1]) A Lameth, Histoire de l'Assemblee Constituante, (Iut. 73).

[2]) Abrégé chronologique, p. 975.

[3]) 9-го мая 1766; Biographie Universelle, § Lally.

Вотъ какова та соціальная аномалія, которую теперь благословляетъ Франція. Нечистая соціальная аномалія, но она борется противъ еще худшей! Изгнанный парламентъ чувствуетъ, что онъ „покрылъ себя славою“. Бываютъ такія столкновенія, въ которыхъ даже самъ сатана, явившійся съ помощью, былъ бы встрѣченъ радостно; даже сатана могъ бы покрыть себя временно славою, если бы боролся мужественно.

Но что за волненіе закипѣло во внѣшнихъ дворахъ Palais, когда Парижъ увидалъ, что его парламентъ увезенъ въ Труа, въ Шампани, и что не оставлено никого, кромѣ нѣсколькихъ нѣмыхъ хранителей архивовъ! Демосѳеновскіе громы утихли, мученики свободы уѣхали. Смѣшеніе криковъ и угрозъ вырвалось изъ груди всѣхъ этихъ прокуроровъ, писцовъ, безыменныхъ и англомановъ-дворянъ; все новые и новые зѣваки собираются толпою, желая видѣть и слышать; чернь (canaille) въ возрастающемъ числѣ и съ возрастающей яростью охотится за шпіонами. Въ этой части города клубится могучій водоворотъ; остальной Парижъ, занятый работой, еще не можетъ принять въ немъ участія. На стѣнахъ читаются смѣлыя надписи; внутри и около зданія суда раздаются прямо возмутительныя рѣчи. Несомнѣнно, характеръ Парижа сильно измѣнился. На третій день послѣ этого событія, когда Monsieur и Монсеньёръ д'Артуа пріѣхали, согласно обычаю, въ государственныхъ экипажахъ, чтобы „вычеркнуть“ изъ протоколовъ послѣдніе возмутительные резолюціи и протесты, они были встрѣчены весьма знаменательнымъ образомъ. Monsieur, котораго считаютъ въ оппозиціи, встрѣченъ виватами и осыпанъ цвѣтами, тогда какъ появленіе Монсеньёра вызываетъ сначала молчаніе, потомъ ропотъ, выростающій до свистковъ и рева; мало того, непочтительная canaille тѣснится къ нему съ такимъ бѣшенымъ свистомъ, что капитанъ тѣлохранителей принужденъ отдать приказъ: „Haut les armes“. Эти громовыя слова и блескъ оружія оказываютъ свое дѣйствіе и потокъ черни довольно быстро разбѣгается по всѣмъ улицамъ [1]). Все это ново. Въ самомъ дѣлѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Мальзербъ, — „это столкновеніе съ парламентомъ совершенно новаго рода“, и похоже, не на преходящій шумъ, вызванный столкновеніемъ твердыхъ тѣлъ, а скорѣе на первыя искры того, что, не будучи потушено своевременно, можетъ сдѣлаться большимъ пожаромъ [2]).

Этотъ добрый Мальзербъ снова, послѣ десятилѣтняго отсутствія, очутился въ совѣтѣ короля; Ломени захотѣлъ воспользоваться, если не способностями этого человѣка, то хотя его именемъ. Что касается до мнѣнія Мальзерба, то его никто не слушаетъ, вслѣдствіе чего онъ скоро удаляется во второй разъ, и возвращается къ своимъ книгамъ и растеніямъ. Можетъ ли хорошій человѣкъ быть полезнымъ въ такомъ совѣтѣ короля? Тюрго не возвращается во второй разъ: онъ простился съ Франціей и съ землей нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и теперь ничто изъ происходящаго въ ней уже не безпокоитъ его. Странно, Тюрго, этотъ самый Ломени и аббатъ Морелле составляли нѣкогда тріо молодыхъ друзей, были школьными товарищами въ Сорбоннѣ. Сорокъ лѣтъ развели ихъ въ разныя стороны, такъ далеко другъ отъ друга!

Между тѣмъ парламентъ каждый день собирается на засѣданіе въ Труа, назначаетъ дѣла и ежедневно отсрочиваетъ ихъ, такъ какъ ни одинъ прокуроръ не является говорить. Труа чрезвычайно гостепріимный городокъ, однако жизнь тамъ, сравнительно, довольно скучна. Тамъ нѣтъ толпы, которая, поднявъ васъ на плечи, вознесла бы къ безсмертнымъ богамъ; изрѣдка одинъ, два патріота забираются въ эту даль и рекомендуютъ вамъ твердость и мужество. Вы живете въ меблированныхъ комнатахъ, вдали отъ дома и домашняго комфорта; вамъ ничего больше не остается, какъ блуждать по непривѣтливымъ полямъ Шампани и наблюдать за зрѣющимъ виноградомъ, разсуждая о тысячу разъ обсужденныхъ вопросахъ, и смертельно скучая. Вамъ грозитъ даже опасность, что

---

[1]) Montgaillard, I, 369. Besenval.

[2]) Montgaillard. I, 373.

Парижъ забудетъ васъ. Послы пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ; миролюбивый Ломени не лѣнится вести переговоры, давать обѣщанія; д'Ормессонъ и осторожные старшіе члены не видятъ въ этой борьбѣ ничего хорошаго.

Послѣ цѣлаго скучнаго мѣсяца, парламентъ, то уступая, то сопротивляясь, заключаетъ перемиріе, какъ и подобаетъ парламенту. Указъ о гербовомъ сборѣ взятъ назадъ, точно такъ же, какъ и указъ о земельномъ налогѣ; но, вмѣсто послѣдняго принято то, что называется „prorogation du second vingtieme"—взиманіе второй двадцатой; это тоже своего рода земельный налогъ, но не столь обременительный для вліятельныхъ классовъ; онъ ложится главнымъ образомъ на безгласное сословіе. Кромѣ того, существуютъ тайныя обѣщанія (со стороны старѣйшихъ членовъ), что финансы могутъ быть подняты займомъ. О гадкомъ словѣ: „Генеральные штаты" больше не будетъ упоминаться.

Итакъ, 20-го сентября нашъ изгнанный парламентъ снова возвращается; д'Эпременилъ сказалъ: „Онъ уѣхалъ покрытый славой, а возвращается, покрытый грязью". Нѣтъ, Аристогитонъ, это—не такъ; или, если это такъ, то, конечно, ты—тотъ человѣкъ, который можетъ омыть его.

ГЛАВА VI.

Интриги Ломени.

Мучили ли когда нибудь несчастнаго перваго министра такъ, какъ Ломени-Бріенна? Бразды правленія въ его рукахъ уже цѣлые шесть мѣсяцевъ, и ни малѣйшей свободы движенія (въ финансовомъ отношеніи), чтобы такъ или иначе сдвинуться съ мѣста! Онъ размахиваетъ бичомъ, но не двигается впередъ. Вмѣсто наличныхъ денегъ, ничего кромѣ возмутительныхъ дебатовъ и упорства.

Общественное настроеніе далеко не успокоилось: оно накаляется и дымитъ хуже прежняго. А въ королевской казнѣ, при постоянномъ ежегодномъ дефицитѣ, почти забыли цвѣтъ денегъ. Зловѣщіе признаки! Мальзербъ, видя, что истощенная и доведенная до отчаянія Франція все накаляется и накаляется, заговорилъ опожарѣ. Мирабо, безъ разговоровъ, снова является въ Парижъ, слѣдомъ за парламентомъ, чтобы уже не покидать больше родную землю [1]).

А по ту сторону границы, взгляните, какъ Голландія захвачена Пруссіей [2]), какъ угнетена французская партія, какъ торжествуютъ Англія и штатгальтеръ, къ огорченію военнаго министра, Монморена, да и всѣхъ вообще. Но что же можетъ сдѣлать первый министръ безъ денегъ, этого нерва войны, да и всякаго дѣла, и самого существованія? Налоги приносятъ мало пользы; налогъ „второй двадцатой" не будетъ уплоченъ раньше будущаго года, да и тогда-то „по точному подсчету" дастъ больше споровъ, чѣмъ денегъ. Налоги на привилегированные классы не могутъ быть зарегистрированы: они невыносимы даже для своихъ защитниковъ; налоги на непривилегированные классы не даютъ ничего, такъ какъ изъ выжатаго до суха предмета нельзя больше ничего извлечь. Надежды нѣтъ помимо стараго прибѣжища займовъ.

Ломени, которому помогаетъ длинная голова Ламуаньона, глубоко вдумывающаяся въ этотъ океанъ смутъ, приходитъ новая мысль: почему не заключить послѣдовательнаго займа, продолжающагося изъ года въ годъ до тѣхъ поръ, пока будетъ нужда,—скажемъ до 1792 г.? Трудности для зарегистрированія такого займа были бы тѣ же самыя, но мы имѣли бы тогда время передохнуть, имѣли бы деньги на дѣла или, по крайней мѣрѣ, на нужды существованія. Декретъ о послѣдовательномъ займѣ долженъ быть предложенъ. Чтобы склонить въ его пользу философовъ, впереди его пустимъ либеральный декретъ объ

---

[1]) Fils Adoptif: Mirabeau, IV, 1, 5.

[2]) Октябрь 1787, Montgaillard, I, 374. Besenval, III, 283.

эмансипаціи протестантовъ, а въ арьергардъ поставимъ либеральное обѣщаніе, а именно: что по истеченіи срока займа, въ заключительномъ 1792 г. будутъ созваны генеральные штаты.

Такой либеральный указъ, какъ уравненіе въ правахъ протестантовъ, для котораго пришло время, будетъ стоить Ломени такъ же мало, какъ исполненіе смертныхъ приговоровъ; что же касается до либеральнаго обѣщанія созвать генеральные штаты, то оно можетъ быть или не быть исполнено, такъ какъ—до исполненія его должно пройти добрыхъ пять лѣтъ. Въ пять лѣтъ многое можетъ случиться. А регистрированіе? Ахъ, правда, вотъ въ чемъ затрудненіе! Впрочемъ, у насъ есть обѣщаніе старшихъ членовъ, тайно данное въ Труа. Искусное распредѣленіе наградъ, лесть, подпольныя интриги съ помощью стараго Фулона, прозваннаго âme damnée, домашнимъ демономъ парламента, быть можетъ, и сдѣлаютъ остальное. Въ худшемъ и крайнемъ случаѣ, въ рукахъ королевской власти остаются средства, которыя она должна выставить. Если королевская власть не сможетъ реализовать денегъ, то она—все равно, что умерла,—умерла самой вѣрной и самой жалкой смертью: смертью отъ истощенія. Рискнемъ; авось удастся; если не рискнуть, то все погибло! Впрочемъ, такъ какъ во всѣхъ важныхъ предпріятіяхъ доля хитрости оказывается полезной, то его величество объявилъ на ближайшее 19-е ноября *королевскую охоту*, и всѣ, къ кому это извѣстіе относится, радостно готовятъ свои охотничьи принадлежности.

Да, королевская охота, но на двуногую дичь,—дичь безъ перьевъ! Въ 11 часовъ утра, въ день этой королевской охоты, 19-го ноября 1787 года, неожиданно звукъ трубъ, шумъ колесъ и лошадиныхъ копытъ нарушилъ тишину судебнаго засѣданія: пріѣхалъ его величество, вмѣстѣ съ хранителемъ печати Ламуаньономъ, съ пэрами и свитою; онъ пріѣхалъ, чтобы устроить засѣданіе въ своемъ присутствіи и получить регистрацію указовъ. Какая перемѣна со времени Людовика XIV, который являлся сюда въ охотничьихъ сапогахъ, съ хлыстомъ въ рукѣ и съ олимпійскимъ взглядомъ, которому никто не смѣлъ противиться, приказывалъ, чтобы регистрированіе было произведено! Ему не нужно было никакихъ уловокъ; онъ зарегистрировалъ указы съ тою же легкостью и безцеремонностью, съ какою охотился [1]). Для Людовика XVI на сегодня хватитъ и одного регистрированія, лишь бы только его самого и сегодняшняго дня хватило на это.

Между тѣмъ, о намѣреніяхъ короля объявлено въ обычныхъ церемоніальныхъ словахъ. Король издаетъ два указа: одинъ — объ эмансипаціи протестантовъ, другой — о послѣдовательномъ займѣ; нашъ вѣрный хранитель печати, Ламуаньонъ, объяснитъ парламенту значеніе обоихъ,—и вѣрный парламентъ приглашается высказаться по поводу ихъ, съ принадлежащей каждому члену привилегіей свободнаго слова. Затѣмъ, послѣ приличествующаго случаю разглагольствованія Ламуаньона, завершеннаго обѣщаніемъ созыва генеральныхъ штатовъ, началась музыка сферъ—парламентское краснорѣчіе. Оно изливается со взрывами, съ возраженіями; одна сфера отвѣчаетъ другой, и голоса все возвышаются. Присутствующіе пэры полны вниманія и волнуются разнообразными чувствами: враждебными и по отношенію къ генеральнымъ штатамъ, и по отношенію къ деспотизму, который не въ состояніи наградить за заслуги и сокращаетъ штаты. Но чѣмъ волнуется его высочество, герцогъ Орлеанскій? Красная, лунообразная голова его качается; мѣдно-красное лицо темнѣетъ, какъ нечищенная мѣдь; въ стеклянистыхъ глазахъ написана тревога; онъ безпокойно вертится на мѣстѣ, какъ будто хочетъ что-то сказать. Не почувствовалъ ли онъ внезапно, среди своего невыразимаго пресыщенія, аппетитъ къ какому нибудь новому запретному плоду? О, какая смѣсь противорѣчивыхъ и смутныхъ чувствъ скрывается подъ этой покрытой карбункулами кожей: пресыщеніе и жадность лѣнь, не знающая отдыха, мелкое честолюбіе, мнительность, неимѣніе адмиральскаго мѣста!

---

[1]) Dulaure IV, 306.

Въ теченіе дня „восемь курьеровъ“ скачутъ изъ Версаля, гдѣ съ трепетомъ ждетъ Ломени, и возвращаются назадъ не съ добрыми вѣстями. Во внѣшнихъ дворахъ Palais слышится громкій ропотъ ожиданія; шепчутъ, что прошлою ночью первый министръ потерялъ шесть голосовъ. А изнутри доносится искусное, патетическое и даже негодующее краснорѣчіе, раздирающія воззванія къ королевскому милосердію: да будетъ его величеству угодно немедленно созвать генеральные штаты и быть спасителемъ Франціи! Между самыми громогласными ораторами отличаются мрачно-пламенный д'Эпремениль, и, еще болѣе, Сабатье де-Кабръ и Фрето, котораго съ тѣхъ поръ прозвали Commère Freteau. Все это продолжается въ теченіе шести смертельныхъ часовъ, и шумъ не уменьшается

Наконецъ, когда сумерки заглянули въ окна, а конца всему этому не предвидится, его величество, по знаку хранителя печати Ламуаньона, еще разъ открываетъ свои королевскія уста, чтобы объявить въ короткихъ словахъ, что его указъ о займѣ долженъ быть зарегистрированъ.—Минутное глубокое молчаніе.—Смотрите! Монсеньёръ д'Орлеанъ поднимается съ своего мѣста, поворачивается своимъ лунообразнымъ лицомъ къ королевской платформѣ и спрашиваетъ, съ деликатной граціей манеръ, скрывающей непередаваемыя словами вещи: „Что это: lit de justice, или королевское засѣданіе?“ Съ трона и его подножія въ него мечутъ молніеносными взглядами: слышится гнѣвный отвѣтъ: „Это—засѣданіе.“ Въ такомъ случаѣ монсеньёръ проситъ позволенія замѣтить, что на засѣданіи указы не могутъ быть регистрируемы по приказанію, и заявляетъ противъ такого регистрированія свой личный смиренный протестъ. „Vous êtes bien le maître,“ вы вольны сдѣлать это, отвѣчаетъ король и съ полнымъ церемоніаломъ удаляется въ сопровожденіи своей свиты, къ которой, по обязанности, присоединяется и самъ герцогъ Орлеанскій, но только до двери. Исполнивъ этотъ долгъ, онъ возвращается и редактируетъ свой протестъ при рукоплесканіяхъ парламента и Франціи. Такимъ образомъ, онъ перерѣзалъ канатъ, привязывавшій его ко двору, и теперь быстро плыветъ къ хаосу.

Безумецъ ты, герцогъ Орлеанскій! — Вотъ какого рода Egalité будешь ты! Развѣ королевская власть превратилась въ простое воронье пугало, что ты, дерзкій и нечистый воронъ, смѣешь садиться на нее и клевать ее? Нѣтъ, еще не совсѣмъ.

На завтра Lettre de cachet отправляетъ герцога Орлеанскаго въ его замокъ въ Вилье-Коттре, для размышленій о случившемся. Увы! Тамъ нѣтъ Парижа съ его потребностями веселой жизни, нѣтъ очаровательной и необходимой г-жи Бюффонъ, вѣтреной жены великаго натуралиста, который слишкомъ старъ для нея. Какъ говорятъ, въ Вилье-Коттре монсеньёръ не дѣлаетъ ничего; онъ только прогуливается съ растеряннымъ видомъ, проклиная свою звѣзду. Самъ Версаль услышитъ его покаянные стоны: такъ жестока его судьба. Другое, одновременно выпущенное lettre de cachet отправило „Кумушку“ Трето въ крѣпость Гамъ, стоящую среди нормандскихъ болотъ; третье забросило Сабатье де-Кабра въ Монъ-Сенъ-Мишель, въ зыбучихъ пескахъ Нормандіи. Что касается до парламента, то его заставили пропутешествовать въ Версаль съ книгой протоколовъ подъ мышкой, чтобы „biffer“, вычеркнуть протестъ Орлеанскаго, причемъ дѣло не обошлось безъ выговоровъ и упрековъ. Разсчитывали, что эта властная мѣра уладитъ дѣло.

Къ несчастью, вышло не такъ. Она подѣйствовала, какъ ударъ хлыста на упрямую лошадь, который заставляетъ ее только становиться на дыбы. Что въ силахъ сдѣлать хлыстъ Ломени противъ упряжки въ 25 милліоновъ, когда она заупрямится? Парламентъ отнюдь не расположенъ смиренно уступать; онъ не хочетъ ни регистрировать указъ о протестантахъ, ни дѣлать другія дѣла подъ вліяніемъ спасительнаго страха передъ lettres de cachet. Мало того, онъ начинаетъ подвергать сомнѣнію самую законность lettres de cachet, ихъ непререкаемость; онъ выпускаетъ въ свѣтъ жалобныя обличенія, посылаетъ петицію за петиціей, чтобы добиться освобожденія трехъ своихъ мучениковъ, а

пока освобожденіе ихъ не состоялось, онъ не можетъ даже и думать о разсмотрѣніи указа о протестантахъ, и постоянно откладываетъ его „на недѣлю“ [1]).

Франція и Парижъ стремятся присоединить свой голосъ къ обличеніямъ парламента; они даже предупреждаютъ его, образуя ужасающій хоръ. А теперь и остальные парламенты возвышаютъ голосъ и присоединяются къ парижскому; нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ гренобльскій и ренскій, съ зловѣщимъ паѳосомъ угрожаютъ помѣшать путемъ репрессалій, сборщикамъ налоговъ исполнять свои обязанности [2]). По словамъ Малерба „во всѣхъ прежнихъ столкновеніяхъ парламентъ возбуждалъ публику, а теперь публика возбуждаетъ парламентъ“.

ГЛАВА VII.

Смертельный поединокъ.

Какое зрѣлище представляетъ Франція въ эти зимніе мѣсяцы 1787 г.! Даже Oeil de Boeuf не спокоенъ и печаленъ; всѣмъ, получившимъ отставку, кажется, что лучше было бы жить въ Турціи. Волчьи своры уничтожены; медвѣжьи—также; герцоги де-Куаньи и де-Полиньякъ ушли. Однажды вечеромъ, въ маленькомъ раю, Тріанонѣ ея величество беретъ подъ руку Безанваля и проситъ его высказать свое искреннее мнѣніе. Неустрашимый Безанваль, который надѣется, что онъ не похожъ на сикофанта, ясно высказываетъ ей, что при взбунтовавшемся парламентѣ и упраздненномъ Oeil de Boeuf'ѣ, корона короля—въ опасности; послѣ этихъ словъ, странная вещь, ея величество, какъ будто обидѣвшись, перемѣнила тему разговора и „не говорила со мною больше ни о чемъ“—„ne me parla plus de rien“ [3]).

Съ кѣмъ могла говорить эта бѣдная королева? Она нуждалась въ мудромъ совѣтѣ болѣе, чѣмъ когда либо нуждался въ немъ человѣкъ, а вокругъ нея слышался только безсвязный шумъ хаоса. Ея столь блестящее съ виду жилище омрачено смятеніемъ и заботами. Горести властительницы, горести женщины, все скопляются надъ ея головой и окружаютъ ее все тѣснѣе и тѣснѣе. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Ламоттъ, графиня ожерелья, убѣжала изъ Сальпетріеръ; можетъ быть даже благодаря попущенію убѣжать. Итакъ, надежда на то, что Парижъ забудетъ ее, и разростаніе лжи, этой массы лжи наконецъ, прекратится, была напрасна. Ламоттъ съ буквой V (voleuse воровка), выжженной на обоихъ плечахъ, уѣхала въ Англію, откуда распространяетъ ложь за ложью, пятная высочайшее королевское имя. Эта ложь прямо безразсудна [4]), но Франція, въ своемъ теперешнемъ настроеніи, жадно вѣритъ ей.

Что касается до остального, то слишкомъ ясно, что нашъ послѣдовательный заемъ не находитъ помѣщенія. Въ самомъ дѣлѣ, при данныхъ обстоятельствахъ, заемъ, зарегистрированный послѣ вычеркиванія протестовъ, имѣлъ мало шансовъ пополниться. Обличенія по поводу lettres de cachet, обличенія деспотизма вообще—не смягчаются. Двѣнадцать парламентовъ не унимаются, какъ не унимаются и двѣнадцать сотенъ сочинителей плакатовъ, пѣвцовъ и памфлетистовъ. Парижъ, выражаясь образно, затопленъ памфлетами (regorge de brochures), волны которыхъ то приливаютъ, то отливаютъ; это цѣлый потокъ патріотовъ-борзописцевъ, стоящихъ на точкѣ кипѣнія; каждый изъ нихъ, въ часъ изверженія, похожъ на исландскій Гейзеръ. Что могутъ подѣлать противъ нихъ

---

[1]) Besenval, III, 309.

[2]) Weber, I, 266.

[3]) Besenval, III, 264.

[4]) Mémoires justificatifs de la Comtesse de Lamotte (London 1788) Vie de Jeanne de St. Remi Comtesse de Lamotte.

разсудительный другъ Морелле; Ривароль, или безшабашный Линге, со своей холодной напыщенностью, хотя имъ и хорошо платятъ?

Наконецъ, приступаютъ къ обсужденію указа о протестантахъ, но это ведетъ только къ новымъ столкновеніямъ, выражающимся въ памфлетахъ и контръ-памфлетахъ, увеличивающихъ всеобщее безуміе. Даже сама Ортодоксія, казавшаяся такой больной, хочетъ сунуться въ эту сумятицу. Съ высоты каѳедры она еще разъ поднимаетъ шумъ въ лицѣ аббата Ланфана, котораго потомъ „поздравляютъ прелаты“ [1]). Замѣтьте, какъ д'Эпремениль, идущій всегда собственнымъ безпорядочнымъ путемъ, въ надлежащій моментъ своей парламентской рѣчи, вытаскиваетъ карманное распятіе со словами: „Вы хотите снова распять его?“ Его! О, неразборчивый д'Эпремениль: вѣдь, онъ сдѣланъ изъ хрупкаго матеріала: слоновой кости, да филиграна!

Прибавьте ко всему этому, что бѣдный Бріеннъ заболѣлъ: такъ неумѣренно расходовалъ онъ свои силы въ грѣшной юности, и такъ сильно и постоянно волненіе, въ которомъ протекаетъ его безумная старость. Затравленный, облаянный множествомъ глотокъ, его милость лежитъ въ постели; у него начинается истощеніе и воспаленіе (humeur de dartre); онъ на молочной діэтѣ и въ огорченіи, почти въ отчаяніи: вѣдь, въ качествѣ самаго необходимаго лекарства ему предписанъ „покой“, а онъ совершенно невозможенъ для него [2]).

Въ концѣ концовъ, бѣдному правительству ничего болѣе не остается, какъ безсильно отступить еще разъ. Королевская казна катится по наклонной плоскости, а Парижъ „затопленъ волною памфлетовъ“. Во всякомъ случаѣ надо дать ей нѣсколько опасть. Герцогъ Орлеанскій возвращается сначала въ Ренси, которое ближе къ Парижу, и къ красивой вѣтреницѣ Бюффонъ, а потомъ и въ самый Парижъ: Фрето и Сабатье тоже изгнаны не навсегда. Къ великой радости Буасси д'Англа и добраго Малерба, указъ о протестантахъ, наконецъ, зарегистрированъ, а послѣдовательный заемъ, всѣ протесты противъ котораго зачеркнуты или взяты обратно, остается открытымъ, тѣмъ болѣе, что очень мало или даже вовсе нѣтъ желающихъ пополнить его. Генеральные штаты, о которыхъ кричалъ парламентъ, а теперь кричитъ вся нація, послѣдуютъ „черезъ пять лѣтъ“, если не раньше. О, парижскій парламентъ, что это былъ за крикъ! „Господа,—сказалъ старый д'Ормессонъ,—вы получите генеральные штаты и пожалѣете объ этомъ“. Да, какъ та лошадь въ баснѣ, которая, желая отомстить врагу, обратилась къ человѣку; человѣкъ сѣлъ на нее, быстро уничтожилъ врага, но, къ несчастью, не захотѣлъ больше слѣзть съ лошади! Вмѣсто пяти лѣтъ, дайте пройти только тремъ годамъ: этотъ же самый крикливый парламентъ увидитъ тогда уничтоженнымъ своего врага, но и самъ будетъ заѣзженъ до истощенія, или, вѣрнѣе, убитъ ради копытъ и кожи, и брошенъ въ придорожную канаву.

При такихъ-то знаменіяхъ дожили мы до весны 1788 года. Королевское правительство нигдѣ и никакъ не можетъ найти выхода; оно постыдно отступаетъ на всѣхъ пунктахъ. Осажденное двѣнадцатью непокорными парламентами, которые выросли до роли органовъ раздраженной націи, оно никуда не можетъ двинуться, ничего не можетъ сдѣлать, ничего получить, даже денегъ на свое существованіе: оно должно сидѣть на мѣстѣ, повидимому, чтобы быть съѣденнымъ дефицитомъ.

Значитъ, мѣра гнусностей и лжи, накопившихся въ теченіе долгихъ столѣтій, почти переполнилась? Во всякомъ случаѣ, переполнилась мѣра нищеты! Проникая изъ хижинъ двадцати пяти милліоновъ все выше и дальше, нищета,—по свойственному ей закону,—зашла такъ далеко, что достигла, наконецъ, версальскаго Oeil de Boeuf. Слѣпое страданіе заставляетъ человѣка поднимать руку на человѣка, и не только низшіе поднимаютъ ее на высшихъ, но и высшіе—на

---

[1]) Lacretelle, III, 343, Mongaillard etc.

[2]) Besenval, III, 317.

другихъ высшихъ; провинціальное дворянство раздражено противъ придворнаго дворянства, тога — противъ шпаги, стихарь — противъ пера. Но кто не раздраженъ противъ королевскаго правительства? Теперь нельзя указать даже и на Безанваля. Всѣ личности и всѣ корпораціи становятся его врагами; оно—центръ, противъ котораго направлены, и въ который бьютъ всѣ распри. Это какое-то новое, всеобщее, головокружительное движеніе учрежденій, соціальныхъ тѣлъ, индивидуальныхъ умовъ; нѣкогда они всѣ работали совмѣстно; теперь же стукаются и трутся другъ о друга въ какомъ-то всеобщемъ столкновеніи. И это неизбѣжно; это крушеніе міроваго заблужденія, истрепаннаго до послѣдней крайности, до банкротства! И бѣдный версальскій дворъ, въ качествѣ главнаго или центральнаго сосредоточенія этого заблужденія, остается одинъ—противъ всѣхъ другихъ заблужденій. И все это вполнѣ естественно! Всякое человѣческое заблужденіе, будь оно воплощено въ отдѣльной личности или въ соединеніи личностей,—всегда, по закону природы, чувствуетъ себя неудобно; если же дѣло идетъ къ банкротству, то оно дѣлается даже несчастнымъ; но никакое, даже самое ничтожное, воплощенное заблужденіе не захочетъ порицать, или исправлять самого себя, пока остается какое-нибудь другое.

Всѣ эти грозные признаки не пугаютъ Ломени, а научаютъ его и еще того меньше. Легкомысленный по природѣ, онъ не лишенъ своего рода мужества. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не слыхивали о самыхъ легкомысленнѣйшихъ существахъ, напримѣръ, о дрессированныхъ канарейкахъ, которыя, съ зажженымъ фитилемъ, весело летятъ поджигать пушку, или цѣлые пороховые магазины? Сложить руки и умереть отъ дефицита — не входитъ въ планы Ломени. Зло велико; но нельзя ли устранить его, нельзя ли бороться съ нимъ? По крайней мѣрѣ, съ симптомомъ его можно бороться: съ мятежными парламентами; онъ, Ломени, схватится съ ними и, быть можетъ, устранитъ ихъ. Многое темно для него, но двѣ вещи вполнѣ ясны: первая та, что поединокъ парламентовъ съ королевской властью сдѣлался опаснымъ, даже смертоноснымъ, и вторая—что прежде всего необходимо добыть денегъ. Соберитесь съ мыслями, ты, храбрый Ломени, и ты, хранитель печати, Ламуаньонъ, у котораго есть идеи въ запасѣ. Вы такъ часто бывали побиты и жестоко обмануты, когда, казалось, уже держали въ рукахъ золотой плодъ; соедините же для последней борьбы! Укрощеніе парламента и наполненіе королевской казны — это теперь вопросы жизни или смерти.

Мальзербъ, Крест Кретьенъ Гильомъ де Ламуаньонъ.

Парламенты не разъ бывали укрощаемы. Всякій парламентъ, „перенесенный на вершину скалъ, достигаемую только по настиламъ“, образумливается. О, Мопу! дерзкій и дурной человѣкъ, но зачѣмъ не оставили мы твое дѣло въ его прежнемъ положеніи! Однако, вѣдь и помимо изгнанія и другихъ насильственныхъ способовъ, существуетъ способъ укрощать всякое твореніе, даже львовъ. Этотъ способъ—голодъ. Что, если отрѣзать у парламента средства къ жизни, отнявъ у него судебные процессы?

Вѣдь, для разбирательства безчисленныхъ мелкихъ дѣлъ можно учредить второстепенные суды; можно назвать ихъ: Grands Bailliages. Пусть парламентъ, у котораго они отнимутъ часть добычи, смотритъ на нихъ съ желчнымъ отчаяніемъ; за то публика, охотница до дешевыхъ судовъ, будетъ взирать на нихъ благосклонно и съ надеждою. А что до финансовъ, до регистрированія указовъ, то почему бы намъ не устроить особую палату подъ названіемъ Cour plénière, составивъ ее изъ сановниковъ Oeil de Boeuf'a, принцевъ, герцоговъ и марша-

ловъ, и въ немъ, такъ сказать, самимъ производить свою регистрацію? У Людовика Святого уже былъ Cour Plénière, составленный изъ владѣтельныхъ бароновъ [1]) и чрезвычайно полезный ему: владѣтельные бароны у насъ и теперь на лицо (по крайней мѣрѣ, по имени), а нуждаемся мы въ такой палатѣ больше Людовика Святого.

Таковъ былъ планъ Ломени, встрѣченный королемъ, какъ лучъ свѣта въ глубокомъ мракѣ. Планъ этотъ кажется исполнимымъ; онъ настоятельнѣйше необходимъ и, если будетъ приведенъ въ исполненіе, то получится значительное облегченіе. Молчите же и дѣйствуйте! Теперь, или никогда! Міръ увидитъ другую историческую сцену и режиссеромъ на ней такого страннаго человѣка, какъ Ломени-Бріеннъ.

Посмотрите, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ Бретейль самымъ мирнымъ образомъ разукрашиваетъ Парижъ въ эту цвѣтущую надеждами весеннюю погоду 1788 года! Старые навѣсы и лари исчезаютъ съ мостовъ. Можно подумать, что и для государства настала ясная погода, и что у него нѣтъ другой заботы, кромѣ украшенія Парижа. Парламентъ засѣдаетъ, какъ признанный побѣдитель; Бріенъ ничего не говоритъ о финансахъ или говоритъ и печатаетъ, что все идетъ хорошо. Какъ же такъ? Откуда это безмятежное спокойствіе, несмотря на то, что послѣдовательный заемъ не пополняется? Въ побѣдоносномъ парламентѣ совѣтникъ Геларъ де Монсаберъ даже возстаетъ противъ взиманія второй двадцатой по строгой разцѣнкѣ и добивается декрета, въ которомъ говорится, что у привилегированныхъ классовъ разцѣнка не будетъ строгой. И, тѣмъ не менѣе, Бріеннъ все это терпитъ и не выпускаетъ lettre de cachet. Почему же это?

Ясная весенняя погода часто бываетъ обманчива! Сначала шопотомъ разносится слухъ, что „всѣ правители провинцій получили приказъ быть въ извѣстный день на своихъ постахъ“. Затѣмъ распространяются еще болѣе странные слухи: въ королевскомъ дворцѣ, подъ замкомъ и печатями, непрерывно что-то печатается. У всѣхъ дверей и оконъ стоитъ стража. Рабочихъ совсѣмъ не выпускаютъ: они и ночуютъ въ мастерской; даже пища имъ доставляется туда! [2]). Побѣдоносный парламентъ почуялъ новую опасность; д'Эпремениль заказалъ лошадей въ Версаль и бродитъ тамъ вокругъ усиленно охраняемой типографіи, допытываясь, разнюхивая, въ надеждѣ, не удастся ли человѣческой проницательности и усердію выяснить дѣло.

Большая часть предметовъ проницаема для золотого дождя. Д'Эпремениль спустился на лоно одной Данаи — жены наборщика, въ видѣ „пятисотъ луидоровъ“; мужъ Данаи передалъ ей контрабандой глиняный шаръ, который она, въ свою очередь, передала золотому совѣтнику парламента; внутри его была печатная корректура. Клянусь небомъ! это королевскій декретъ о саморегистрирующемъ Cour plénière и о Grands Bailliages, которые должны отнять у насъ наши процессы! Пусть же это въ тотъ же день разнесется по всей Франціи!

Такъ вотъ зачѣмъ правителямъ приказано ждать на своихъ постахъ; вотъ что высиживалъ дворъ, какъ проклятое яйцо василиска; вотъ почему онъ не двигался съ мѣста, несмотря на вызовы,—онъ ждалъ, пока изъ яйца вылупится плодъ! Спѣши назадъ, въ Парижъ, д'Эпремениль; созови собраніе немедленно: пусть парламентъ, и вся земля, и само небо узнаютъ объ этомъ!

---

[1]) Montgaillard I. 405.

[2]) Weber, I, 276.

ГЛАВА VIII.

Смертныя мученія Ломени.

На слѣдующее утро, которое пришлось на 3 мая 1788 года, удивленный парламентъ созванъ на засѣданіе и, онѣмѣвъ, слушаетъ рѣчь д'Эпремениля, разоблачающую невѣроятное злодѣяніе, измѣнническое дѣло мрака, достойное деспотизма! Обличи его, о, парижскій парламентъ! Разбуди Францію и міръ, разразись громами твоего краснорѣчія; и для тебя тоже настало: теперь, или никогда!

При такихъ обстоятельствахъ парламентъ долженъ быть на своемъ посту. Въ минуту крайней опасности, левъ прежде всего раздражаетъ самъ себя, рыча и ударяя себя хвостомъ по бокамъ. Точно также поступилъ парижскій парламентъ: по предложенію д'Эпремениля, произнесена самая патріотическая клятва во взаимной солидарности; это—новая и прекрасная идея, которая не разъ найдетъ подражателей въ послѣдующіе годы. За клятвой послѣдовала неукротимая декларація—почти правъ человѣка, по крайней мѣрѣ, правъ парламента: воззваніе къ друзьямъ французской свободы въ настоящія и будущія времена. Все это, или сущность всего этого заносится на бумагу въ тонѣ геройскаго мужества, умѣряемаго примѣсью жалобы. Потомъ, прозвонивъ такимъ образомъ въ набатъ, который слышитъ весь Парижъ и услышитъ вся Франція, и бросивъ вызовъ въ лицо Ломени и деспотизму, парламентъ расходится, какъ послѣ перваго хорошаго рабочаго дня.

Пусть читатель вообразитъ себѣ, что чувствовалъ Ломени, когда его (столь необходимое для спасенія Франціи) яйцо василиска было такъ преждевременно разбито! Въ негодованіи, онъ хватается за свои молніи (lettres de cachet) и мечетъ двѣ громовыя стрѣлы; одну—въ д'Эпремениля, другую—въ дѣловитаго Гелара, услуга котораго со „второй двадцатой“ и „строгой разцѣнкой“—не забыта. Эти молніи, поспѣшно заготовленныя ночью и брошенныя рано утромъ, на другой день должны вызвать въ Парижѣ, если не успокоеніе, то хотя спасительное удивленіе.

Пусть министерство мечетъ молніи, но попадаетъ ли оно въ цѣль? И д'Эпремениль и Геларъ, предупрежденные обо всемъ, какъ полагаютъ, пѣніемъ какой-нибудь дружественной птицы, ускользаютъ отъ сержантовъ Ломени и прокрадываются черезъ слуховыя окна, по крышамъ, переодѣтые, къ себѣ въ Palais de Justice: молніи промахнулись. Такъ какъ вѣсть объ этомъ скоро разнеслась, то Парижъ погруженъ въ не совсѣмъ успокоительное удивленіе. Два мученика свободы сбрасываютъ маскарадныя одежды, надѣваютъ свои длинныя тоги и черезъ какой-нибудь часъ весь парламентъ, всѣ его совѣтники, президенты, даже пэры засѣдаютъ снова, созванные при помощи сторожей и курьеровъ. Онъ объявляетъ, что два его мученика не могутъ быть выданы никакой власти въ подлунной; сверхъ того, онъ объявляетъ свое засѣданіе—„непрерывнымъ“ и не допускаетъ отсрочки, пока преслѣдованіе этихъ двухъ лицъ не будетъ прекращено.

Итакъ, парламентъ ждетъ исхода, въ непрекращающемся ни днемъ, ни ночью состояніи постояннаго изверженія среди шума, краснорѣчія, жалобъ, протестовъ, отправляя и принимая курьеровъ. Пробужденный Парижъ опять наводняетъ внѣшніе дворы, кипитъ и болѣе дикими, чѣмъ когда либо, волнами льется по всѣмъ улицамъ. Это—какой то разноголосый гулъ; нѣчто вродѣ столпотворенія Вавилонскаго, въ тотъ часъ, когда народъ въ первый разъ былъ пораженъ (какъ и здѣсь) взаимнымъ непониманіемъ, но еще не разсѣялся!

Городъ Парижъ переживаетъ въ теченіе сутокъ періоды работы и сна; теперь, вторично, когда большая часть европейцевъ и африканцевъ спятъ, сюда, въ этотъ словесный водоворотъ, сонъ не спускается; напрасно ночь развертываетъ надъ нимъ свой покровъ. Внутри шумитъ непобѣдимая готовность при-

нять мученичество, умѣряющая свой голосъ тономъ жалобы. Снаружи слышится несмолкаемый гулъ выжиданія, становящійся нѣсколько соннымъ, и тянется тридцать шесть часовъ.

Но, слышите! Что это за топотъ въ глухую полночь? Это какъ будто топотъ вооруженныхъ людей, пѣшихъ и конныхъ; сюда идутъ французская гвардія и швейцарская гвардія, идутъ въ молчаливомъ порядкѣ, при свѣтѣ факеловъ! Тутъ и саперы съ рычагами и топорами: очевидно, если двери не отворятся, то ихъ выломаютъ! Вотъ и капитанъ д'Агу, посланный изъ Версаля. Твердость этого человѣка извѣстна; однажды, упорно и пристально глядя на самого принца Конде, онъ заставилъ его дать удовлетвореніе и драться [1]): теперь онъ, съ топорами и факелами, подступаетъ къ самому святилищу правосудія. Это—святотатство, но, что же дѣлать? Этотъ человѣкъ—солдатъ: онъ не хочетъ ничего знать, кромѣ полученнаго приказа, и движется впередъ, какъ бездушная машина.

Дверь за дверью отворяются по его требованію; топоры оказываются ненужными. Наконецъ, распахивается послѣдняя дверь,—и передъ нимъ сенаторы Франціи, въ длинныхъ тогахъ; ихъ сто шестьдесятъ семь, въ томъ числѣ семнадцать перовъ; они величественно составляютъ „непрерывное засѣданіе". Не будь этотъ человѣкъ военнымъ и вылитымъ изъ желѣза,—это зрѣлище, среди тишины, нарушаемой только стукомъ его собственныхъ сапоговъ, могло бы поколебать его; Всѣ сто шестьдесятъ семь встрѣтили его полнымъ молчаніемъ, которое иные сравнивали съ молчаніемъ римскаго сената, захваченнаго Бренномъ, а другіе—съ молчаніемъ шайки фальшивыхъ монетчиковъ, захваченныхъ полицейскими сыщиками [2]). „Messieurs, произнесъ д'Агу,—de par le Roi!" (Господа,—именемъ короля!) Спеціальнымъ приказомъ на него, д'Агу, возложена печальная обязанность арестовать двухъ лицъ: г. Дюваля д'Эпремениль и г. Гелара-де-Монсаберъ; и онъ приглашаетъ „именемъ короля" этихъ почтенныхъ господъ отозваться самимъ, такъ какъ онъ не имѣетъ чести быть съ ними знакомы. Глубокое молчаніе! Вслѣдъ затѣмъ поднимается шопотъ, который скоро превращается въ ропотъ; одинъ голосъ дерзаетъ произнесть: „Мы всѣ д'Эпременили", чему вторятъ и другіе голоса. Президентъ спрашиваетъ капитана, прибѣгнетъ ли онъ къ насилію? Капитанъ д'Агу, почтенный порученіемъ его величества, долженъ исполнить это приказаніе; онъ предпочелъ бы не прибѣгать къ насилію, но исполнитъ волю короля во всякомъ случаѣ. Онъ даетъ высочайшему сенату время обсудить, какой способъ онъ предпочитаетъ. Вслѣдъ затѣмъ, торжественно откланявшись по военному, д'Агу на время удаляется.

Но какая же отъ этого польза, высокіе сенаторы? Всѣ выходы заперты штыками. Вашъ курьеръ въ сырую ночь скачетъ въ Версаль, но возвращается назадъ съ извѣстіемъ, что приказъ подлинный, и не будетъ отмѣненъ. Внѣшніе дворы кишатъ праздными народомъ, но гренадеры д'Агу стоятъ, какъ неподвижная плотина. Никакое возмущеніе не освободитъ васъ. „Господа!"—началъ д' Эпремениль,—когда побѣдоносные галлы вошли во взятый приступомъ Римъ,—римскіе сенаторы, облеченные въ пурпуръ, остались сидѣть въ своихъ курульныхъ креслахъ съ гордымъ и спокойнымъ видомъ, ожидая рабства, или смерти. Такое же высокое зрѣлище въ этотъ часъ и вы являете вселенной (a l'univers), послѣ того какъ великодушно..." Слѣдовало много и другихъ подобныхъ словъ; все это еще можно прочесть и теперь.

О, д'Эпремениль—все тщетно! Вотъ отлитый изъ желѣза капитанъ д'Агу возвращается съ тѣмъ же желѣзнымъ видомъ солдата. Деспотизмомъ, насиліемъ, разрушеніемъ вѣетъ отъ колеблющихся перьевъ его султана. Д'Эпремениль долженъ молча пасть, геройски сдаться изъ опасенія, чтобы не случилось чего-нибудь худшаго. Геларъ геройски подражаетъ ему. Съ очевиднымъ, но безмолвнымъ

[1]) Weber I, 283.

[2]) Besenval, III, 355.

волненіемъ, они бросаются въ объятія своихъ парламентскихъ братьевъ для последняго поцѣлуя; потомъ, среди протестовъ и одобреній ста шестидесяти-пяти и изліяній парламентскихъ чувствъ въ формѣ прощаній, рыданій и цѣлой бури вздоховъ, ихъ уводятъ извилистыми проходами къ заднему крыльцу, гдѣ, въ сѣромъ утреннемъ свѣтѣ, ихъ ожидаютъ двѣ кареты съ жандармами. Въ нихъ должны сѣсть жертвы подъ угрозою штыковъ. На строгій вопросъ д'Эпремениля, обращенный къ толпѣ: есть ли у нея мужество, отвѣтомъ служитъ молчаніе. Они садятся и ѣдутъ; и ни восходъ майскаго солнца (теперь утро 6-го мая), ни закатъ его не могутъ облегчить ихъ сердецъ; они безостановочно ѣдутъ все далѣе и далѣе: д'Эпремениль—къ самымъ дальнимъ островамъ св. Маргариты, или Hières (нѣкоторые предполагаютъ, что это—острова Калипсо, но развѣ это утѣшеніе?) Геларъ—къ крѣпости Pierre en Cize, которая существовала въ то время около Ліона.

Отнынѣ капитанъ д'Агу можетъ мечтать о майорскомъ чинѣ, о мѣстѣ коменданта Тюльери [1]), и затѣмъ онъ исчезнетъ изъ исторіи, въ которой, тѣмъ не менѣе, ему было суждено совершить значительное дѣло. Не только Геларъ и д'Эпремениль въ цѣлости переправляются на югъ, но и самъ парламентъ долженъ немедленно очистить мѣсто въ силу того же неумолимаго приказа, даннаго капитану д'Агу. Подобравъ свои длинныя тоги, всѣ сто шестьдесятъ пять дефилируютъ къ выходу между двумя рядами не сочувствующихъ имъ гренадеровъ,—зрѣлище любопытное и для боговъ, и для людей. Народъ не возмущается, онъ только удивляется и ропщетъ. Нужно замѣтить, что не сочувствующіе гренадеры—это французская гвардія, которая въ одинъ прекрасный день проникнется сочувствіемъ. Словомъ Palais de Justice выметенъ начисто; двери его заперты и д'Агу возвращается въ Версаль съ ключемъ въ карманѣ, заслуживъ, какъ было сказано, повышеніе.

Что касается до этого выброшеннаго на улицу парижскаго парламента, то мы охотно разстаемся съ нимъ. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ недѣль онъ долженъ былъ быть перенесенъ въ Версаль для регистрированія,—или вѣрнѣе для отказа регистрировать только что изданные указы; какъ онъ собирался въ тавернахъ и кабакахъ съ цѣлью протестовать [2]), или обезкураженно блуждалъ въ развѣвающихся тогахъ, не зная, гдѣ собраться; какъ онъ былъ вынужденъ предъявить свой протестъ у „нотаріуса" и, наконецъ, сидѣть сложа руки (на положеніи невольныхъ „вакацій"),—все это—теперь такъ же естественно, какъ погребеніе мертвецовъ послѣ сраженія, и не интересуетъ насъ. Парижскій парламентъ, можно сказать, съигралъ свою роль; того, что онъ дѣлалъ и чего не дѣлалъ,—съ него достаточно; онъ могъ волновать міръ только до этого момента, и врядъ ли былъ бы въ состояніи дѣлать это долѣе.

Значитъ Ломени устранилъ зло? Нисколько, онъ даже не устранилъ симптомовъ зла или, пожалуй, устранилъ только одну двѣнадцатую часть симптома, раздраживъ остальныя одиннадцать. Правители провинцій и военные коменданты, всѣ—на своихъ постахъ въ назначенный день, 8-го мая; тѣмъ не менѣе ни въ одномъ парламентѣ, кромѣ Дуэ, новые указы не могли быть зарегистрированы. Нигдѣ не было мирныхъ чернильныхъ подписей, и вездѣ—вызовы, кровопролитія, обращеніе къ примитивному кулачному праву. Раздраженная Ѳемида всюду приняла боевой видъ, противясь Cour Plenière и Bailliages; на сторонѣ ея—провинціальное дворянство и всѣ, кто ненавидитъ Ломени и плохія времена; черезъ авдокатовъ и судебныхъ приставовъ она дѣйствуетъ даже на нижніе слои и вербуетъ чернь. Въ Реннѣ, въ Бретани, гдѣ правителемъ—историкъ Бертранъ де Молевиль, постоянныя дуэли на смерть между военными и буржуа превратились въ уличныя схватки; бросаютъ камнями и стрѣляютъ изъ мушкетовъ; а декреты остаются незарегистрированными. Огорченные бретонцы посылаютъ Ломени протестъ съ

---

[1]) Montgaillard I, 404.

[2]) Weber I, 299—303.

депутаціей Двѣнадцати, которыхъ тотъ, по выслушаніи ихъ, запираетъ въ Бастилію. Навтрѣчу второй, болѣе многочисленной депутаціи Ломени высылаетъ своихъ развѣдчиковъ, которые убѣжденіемъ или угрозами заставляютъ ее вернуться обратно. Но негодующая Бретань посылаетъ разными дорогами третью самую многочисленную депутацію. По прибытіи въ Парижъ и по полученіи отказа въ аудіенціи, эта депутація собирается на совѣщаніе, куда приглашаетъ Лафайетта и всѣхъ бретонскихъ патріотовъ, находящихся въ Парижѣ. Собраніе волнуется и становится Бретонскимъ клубомъ, первымъ зерномъ общества Якобинцевъ [1]).

До восьми парламентовъ отправлено въ изгнаніе, [2]) другіе нуждаются въ томъ же самомъ лекарствѣ, но его не всегда удобно примѣнять. Въ Греноблѣ, напримѣръ, гдѣ разные Мунье и Барнавы не сидѣли безъ дѣла, парламенту былъ посланъ (черезъ Lettres de cachet) приказъ разойтись и изгнать самого себя; но на утро, вмѣсто того, чтобы закладывать кареты, звонятъ въ набатъ; зловѣщій звонъ раздается весь день; толпы горцевъ сбѣгаютъ внизъ съ топорами и даже съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, и (самый зловѣщій изъ всѣхъ признаковъ!) солдаты не обнаруживаютъ большой охоты драться съ ними. Бѣдный генералъ, „подъ занесеннымъ надъ его головою топоромъ“, долженъ подписать капитуляцію, обѣщать, что Lettres de cachet не будутъ приведены въ исполненіе и возлюбленный парламентъ останется на своемъ мѣстѣ. И Безансонъ, и Дижонъ, и Руанъ, и Бордо оказываются не тѣмъ, чѣмъ бы должны были быть! А По, въ Беарнѣ! Тамъ старый комендантъ отказывается отъ своего поста; назначенъ новый (Граммонъ, мѣстный уроженецъ); но его встрѣчаетъ процессія горожанъ, неся колыбель Генриха IV, святыню своего города, и заклинаетъ его не попирать беарнской свободы, если онъ питаетъ уваженіе къ этой старой черепаховой скорлупѣ, въ которой укачивали великаго Генриха; его предупреждаютъ, сверхъ того, что пушки его величества—всѣ въ цѣлости, подъ охраною вѣрныхъ его величеству гражданъ По, и выставлены на стѣнахъ, готовыя къ дѣйствію [3])!

Повидимому у вашихъ Grands Bailliages будетъ бурное дѣтство. Что касается до Cour Plénière [4]), то это учрежденіе буквально мертворожденное. Даже придворные относятся къ нему недовѣрчиво; старый маршалъ Брольи отклонилъ честь засѣдать въ немъ. Осаждаемый бурей всеобщихъ насмѣшекъ и ненависти, бѣдный Cour Plénière собрался одинъ разъ—и болѣе не собирался. Терзаемая страна! Гидра разлада шипитъ своими раздвоенными языками всюду, куда ни ступитъ бѣдный Ломени! „Какъ только комендантъ, или королевскій коммисаръ—пишетъ Веберъ—входитъ въ какой нибудь изъ этихъ парламентовъ, чтобы получить зарегистрированіе указа,—весь трибуналъ исчезаетъ и оставляетъ коменданта наединѣ съ писцомъ и первымъ президентомъ. Какъ только комендантъ, послѣ зарегистрированія указа, уходитъ,—весь трибуналъ спѣшитъ назадъ, въ залу засѣданій и объявляетъ эту регистрацію недѣйствительной. Дороги покрыты многочисленными депутаціями отъ парламентовъ, направляющимися въ Версаль, добиваться, чтобъ король своей рукою вычеркнулъ ихъ регистрацію, или возвращающимися домой, чтобы заполнить новую страницу новой, еще болѣе дерзкой резолюціей“ [5]).

---

[1]) A. F. Bertrand de Moleville: Mémoires particuliers (Paris, 1816) I. ch. I. Marmontel, Mémoires IV, 27.

[2]) Montgaillard, 1,308.

[3]) Besenval, III, 348.

[4]) La Cour plénière, héroi-tragi-comédie en trois actes et en prose; jouée le 14 Juillet 1788, par une société d'amateurs dans un Château aux environs de Versailles, par M. l'Abbé de Vermond, Lecteur de la Reine: A Bâville (Lamoignon's Country-house) et se trouve à Paris chez la veuve Liberté, à l'enseigne de la Révolution, 1788. — La Passion, la Mort et la Ressurrection du peuple. Imprimé à Jérusalem &c. See Mongaillard, 1, 407.

[5]) Weber, I, 275.

Вотъ какова Франція въ 1788 году. Теперь это ужъ не золотой и не бумажный вѣкъ надежды, съ лошадиными скачками, воздушными шарами и тонкою сердечною чувствительностью; ахъ, все это миновало! Золотой свѣтъ этого вѣка померкъ три такихъ странныхъ обстоятельствахъ, посѣявъ зародыши сверхъестественной бури! Какъ въ кораблекрушительной бурѣ, въ „Павлѣ и Виргиніи“ Сенъ-Пьера, — „громадная, неподвижная туча (туча горя и негодованія) опоясываетъ весь нашъ горизонтъ; она тянется, по свинцовому небу, косматая, съ мѣднымъ оттѣнкомъ по краямъ“. Сама туча—неподвижна, но „отъ нея отрываются мелкія облака (изгнанные парламенты и тому подобное) и летятъ по зениту съ быстротою птицъ“ до тѣхъ поръ, пока не поднимутся съ громкимъ воемъ всѣ четыре вѣтра, и пока весь міръ не воскликнетъ: „Это — ураганъ!“ — „Tout le monde s'écria: Voila l'ouragan!“

Что касается до остального, то весьма естественно, что при такихъ условіяхъ послѣдовательный заемъ неудается; налогъ второй двадцатой, по крайней мѣрѣ, „въ строгой расцѣнкѣ“, такъ же не можетъ быть собранъ съ хорошими результатами. Веберъ, со свойственной ему истерической горячностью, говоритъ, что „заимодавцы боятся разоренія, а сборщики налоговъ — повѣшенія“. Само духовенство отворачивается: созванное на чрезвычайное собраніе, оно не приноситъ никакого доброхотнаго даянія (don gratuit), кромѣ совѣта; и здѣсь, вмѣсто денегъ, можно получить только крикъ о созваніи генеральныхъ штатовъ [1]).

О, Ломени-Бріеннъ! ты съ твоимъ слабымъ, бѣднымъ, потеряннымъ разсудкомъ, а теперь и съ тремя ранами отъ прижиганій на изношенномъ тѣлѣ, почти умирающій отъ воспаленія, молочной діэты, лишаевъ и maladie—(слѣдующее слово лучше оставить непереведеннымъ) [2])—ты предсѣдательствуешь надъ Франціей, которая также страдаетъ отъ прижиганій и умираетъ отъ воспаленія и всего прочаго! Благоразумно ли было бросать тѣнистую зелень Бріенна и твой новый замокъ съ тѣмъ, что въ немъ есть,—для этого? Какъ хороши были эти рощи и луга, какъ сладки гимны домашнихъ стихокропателей и ласки сильно накрашенныхъ грацій! [3]) И ты могъ пользоваться обществомъ того или иного философа, вродѣ Морелле (не склоннаго считать себя, или тебя лжепастыремъ); ты могъ быть счастливъ, дѣлая счастливыми другихъ. И совсѣмъ близко отъ тебя (если бы ты зналъ это!), въ военной школѣ, сидѣлъ за изученіемъ математики смуглый, молчаливый мальчикъ, по имени Наполеонъ Бонапартъ! И на что ты промѣнялъ все это: на пятьдесятъ лѣтъ усилій, приведшихъ къ отчаянной борьбѣ! Ты получилъ министерскій мундиръ, какъ Геркулесъ получилъ рубашку Несса.

13-го іюля 1788 года, передъ самой жатвой, выпалъ страшнѣйшій градъ, уничтожившій посѣвы этого года, которые и безъ того уже жестоко пострадали отъ засухи. На 60 миль въ окружности Парижа разореніе было почти полное [4]). Къ множеству другихъ бѣдствій прибавилось еще одно: неурожай и, можетъ быть,—голодъ.

За нѣсколько дней до этого града 5-го іюля и еще рѣшительнѣе, нѣсколько дней спустя, 8-го августа, Ломени возвѣстилъ, что генеральные штаты, дѣйствительно, будутъ созваны въ маѣ мѣсяцѣ будущаго года. Cour plénière и все остальное откладывается. Далѣе, такъ какъ у Ломени не имѣется опредѣленнаго плана для образованія и дѣятельности этихъ столь желанныхъ генеральныхъ штатовъ, то „мыслители приглашаются“ снабдить его таковымъ, путемъ публичнаго обсужденія въ прессѣ!

---

[1]) Lameth, Assemb. Const. (Introd), p. 87.

[2]) Montgaillard, I, 424.

[3]) Mémoires de Morellet.

[4]) Marmontel, IV, 30.

Что было дѣлать бѣдному министру? Онъ еще оставилъ себѣ десять мѣсяцевъ передышки: утопающій лоцманъ выкидываетъ за бортъ все, даже мѣшки съ сухарями, балластъ, компасъ и квадрантъ, прежде чѣмъ самому броситься въ воду. Только опасностью утонуть и начинающимся бредомъ отчаянія мы и объясняемъ себѣ это почти невѣроятное „приглашеніе мыслителей". Это было то же, что пригласить хаосъ быть столь добрымъ и построить для него, Ломени, изъ безпорядочно плавающихъ деревьевъ ковчегъ спасенія! Въ такихъ случаяхъ не приглашеніе, а приказаніе еще можетъ имѣть какой нибудь смыслъ. — Королева, въ этотъ вечеръ задумчиво стояла у окна, обратившись лицомъ къ саду. Кафешенкъ (chef du gobelet) подобострастно подалъ ей чашку кофе, и удалился ждать, пока кофе будетъ выпито. Ея величество сдѣлала г-жѣ Кампань знакъ приблизиться и прошептала, держа въ рукѣ чашку: „Великій Боже! какая новость сегодня будетъ опубликована! Король разрѣшаетъ созвать генеральные штаты!" Потомъ, поднявъ глаза къ небу (если г-жа Кампань не ошибается), она прибавила: „Это—первый ударъ барабана, дурное пророчество для Франціи! Дворянство погубитъ насъ" [1]).

Во все время высиживанія Cour plénière, когда Ламуаньонъ смотрѣлъ такъ таинственно, Безанваль задавалъ ему только одинъ вопросъ: Есть ли у нихъ деньги? Такъ какъ Ламуаньонъ (по довѣрію къ Ломени) всякій разъ отвѣчалъ, что деньги въ цѣлости, то разсудительный Безанваль утверждалъ, что бояться нечего. И тѣмъ не менѣе, тотъ грустный фактъ, что королевская казна уже почти совсѣмъ опустѣла, остается фактомъ. Уже помимо всего прочаго, одного „приглашенія мыслителей" и предстоящей большой перемѣны было достаточно, чтобы „остановить обращеніе капитала" и ускорить только обращеніе памфлетовъ. Нѣсколько тысячъ луидоровъ,—вотъ всѣ деньги, или денежныя цѣнности, еще остававшіяся въ королевской казнѣ. Подъ давленіемъ отчаянія, Ломени рѣшается пригласить Неккера на постъ контролера финансовъ. Но Неккеръ имѣетъ въ виду не контролированіе финансовъ для Ломени, а нѣчто другое; пославъ сухой отказъ, онъ молчаливо остается выжидать своего времени.

Что же дѣлать упавшему духомъ первому министру? Онъ уже захватилъ кассу королевскаго театра; въ пользу пострадавшихъ отъ града была устроена лотерея, и, въ крайности, Ломени налагаетъ руку даже на вырученныя съ нея деньги [2]). Скоро уже ни на какихъ условіяхъ невозможно будетъ достать денегъ на текущій день. 16-го августа, бѣдный Веберъ услыхалъ на улицахъ Парижа и Версаля разнощиковъ, выкрикивающихъ глухимъ, сдавленнымъ голосомъ: (voix étouffée, sourde): Указъ объ уплатахъ! (Это мягкое названіе придумано Риваролемъ). Всѣ уплаты королевской казны должны впредь производиться на три пятыхъ деньгами, а на остальныя двѣ пятыхъ процентными бумагами! Бѣдный Веберъ почти лишился чувствъ при звукѣ этихъ крикливыхъ голосовъ, съ ихъ пророческимъ карканьемъ; онъ никогда не забудетъ этого впечатлѣнія [3]).

А каково было дѣйствіе этого указа на Парижъ, на міръ вообще? Изъ норъ мѣнялъ, съ высотъ политической экономіи, неккеризма, философизма, изъ всѣхъ членораздѣльныхъ и нечленораздѣльныхъ глотокъ поднимаются такіе вопли и вой, какихъ еще не слыхивало ухо. Возможенъ—даже неизбѣженъ—мятежъ. Монсеньеръ д'Артуа, подъ вліяніемъ герцогини де Полиньякъ, считаетъ своимъ долгомъ пойти къ ея величеству и объяснить откровенно, въ какомъ критическомъ положеніи находятся дѣла. „Королева плачетъ"; самъ Бріеннъ—плачетъ, такъ какъ теперь очевидно и несомнѣнно, что онъ долженъ удалиться.

Остается одна надежда: та, что дворъ, которому всегда нравились манеры и болтовня Ломени, смягчитъ его паденіе. Алчный старикъ уже промѣнялъ

---

1) Campan, III, 104, 111.

2) Besenval, III, 360.

3) Weber, I, 339.

свое архіепископское мѣсто въ Тулузѣ на болѣе богатое въ Санѣ, а теперь, пользуясь минутою всеобщаго сожалѣнія, онъ добудетъ мѣсто помощника для своего племянника (хотя послѣдній едва достигъ требуемаго возраста), мѣсто придворной дамы для своей племянницы, полкъ—для ея мужа; а для самого себя—красную кардинальскую камилавку, coupe de bois въ королевскихъ лѣсахъ (право рубки лѣса), и въ общемъ „отъ пяти—до шестисотъ тысячъ ливровъ дохода“ [1]; наконецъ, братъ его, графъ де Бріеннъ, еще остается военнымъ министромъ. Пусть же, обложенный со всѣхъ сторонъ подушками и перинами въ видѣ всевозможныхъ милостей, онъ упадетъ какъ можно мягче!

Итакъ, Ломени удаляется богатымъ, если только придворные титулы и бумажные деньги могутъ обогатить; если же нѣтъ, — то, пожалуй, онъ—бѣднѣйшій изъ людей. „Освистанный версальскимъ народомъ“, онъ направляется въ Жарди, потомъ дальше на югъ, въ Бріеннъ, для возстановленія здоровья; потомъ въ Ниццу, въ Италію. Но онъ возвратится, будетъ блуждать тамъ и сямъ, почти слѣпой, дрожащій, и переживетъ ужасныя времена, — пока гильотина не погаситъ его слабаго существованія? Увы, хуже того! Это существованіе будетъ гнусно погашено и растоптано по дорогѣ къ гильотинѣ! Въ его дворцѣ въ Санѣ, грубая якобинская стража заставила его пить въ своей компаніи вино изъ его же собственныхъ погребовъ, пировать съ нею, ѣсть припасы изъ его собственныхъ кладовыхъ, и на другое утро несчастный старикъ лежалъ мертвымъ. Таковъ конецъ перваго министра, кардинала, архіепископа Ломени де Бріенна. Рѣдко болѣе ничтожному смертному было суждено сдѣлать больше зла, прожить такую, возбуждающую презрительную зависть, жизнь, и умереть такою ужасною смертью. Воспламененный честолюбіемъ, онъ, какъ горящій лоскутъ, былъ игрушкой вѣтра, носился во всѣ стороны, и поджегъ *такую* пороховую мину! Пожалѣемъ же несчастнаго Ломени, простимъ его, и, какъ можно скорѣе, забудемъ о немъ.

ГЛАВА IX.

Погребеніе съ иллюминаціей.

Во время всѣхъ этихъ необыкновенныхъ операцій, уплаты двухъ пятыхъ бумажными деньгами и перемѣны перваго министра, Безанваль объѣзжалъ свой военный округъ, а въ послѣдніе мѣсяцы мирно пилъ воды въ Контрексвиллѣ. Теперь, въ концѣ августа, возвращаясь въ Муленъ и „ничего не зная,“ онъ пріѣзжаетъ однажды вечеромъ въ Лангръ и находитъ весь городъ *en grande rumeur* (въ большомъ волненіи). Несомнѣнно это—мятежъ; вѣдь, это—такая обычная вещь въ наше время! Однако, онъ выходитъ изъ экипажа и спрашиваетъ у одного прилично одѣтаго человѣка: „Что здѣсь происходитъ?“ „Какъ!— твѣчаетъ тотъ,—вы не знаете новости? Архіепископъ прогнанъ, а Неккеръ снова призванъ; теперь все пойдетъ хорошо!“ [2]).

Такой же шумъ и крики одобренія встрѣтили Неккера и въ тотъ день, когда онъ вышелъ изъ аппартаментовъ королевы назначенный министромъ. Это было 24 августа; „галлереи замка, дворы, улицы Версаля, спустя нѣсколько часовъ, улицы Парижа, и—такъ какъ всѣ новости быстро разлетались—вся Франція, огласилась крикомъ: *Vive le Roi, Vive M-r Necker* [3]). Къ сожалѣнію, въ Парижѣ радость дѣйствительно дошла до буйства. На площади Дофина взлетѣло больше, чѣмъ слѣдуетъ, петардъ и ракетъ. Чучело изъ тростника, въ платьѣ архіепископа, эмблематически сдѣланномъ на три пятыхъ изъ атласа и на двѣ пятыхъ изъ бумаги, не безъ шума приносится на площадь, публично судится и,

---

[1]) Ibid. I, 341.

[2]) Besenval, III, 366.

[3]) Weber, I, 342.

приговоренное къ смерти, исповѣдуется лже-аббатомъ Вермономъ и торжественно сжигается у подножія статуи Генриха на Pont Neuf. Все это совершается среди такого треска петардъ и рева толпы, что кавалеръ Дюбуа и его городская стража, наконецъ, считаютъ своевременнымъ пойти въ атаку (оказавшуюся, впрочемъ, мало дѣйствительной), при чемъ сжигается нѣсколько сторожевыхъ будокъ, разграмливается нѣсколько гауптвахтъ, и „мертвыя тѣла бросаются въ Сену ночью", чтобы избѣжать новыхъ волненій [1]).

Итакъ, парламенты возвращаются изъ изгнанія: Cour plénière и уплата двухъ пятыхъ въ бумагахъ — исчезли, улетѣли съ дымомъ у подножія статуи Генриха. Созывъ генеральныхъ штатовъ (и наступленіе въ политикѣ золотаго вѣка) теперь уже несомнѣнны и даже, изъ нѣжной предупредительности, созывъ назначенъ на ближайшій январь, такъ что, по словамъ человѣка изъ Лангра — „все пойдетъ, какъ слѣдуетъ".

Для пророческаго взора Безанваля слишкомъ очевидно другое; то, что другу Ламуаньону не сохранить своего мѣста министра юстиціи. Ни ему, ни военному министру, графу де Бріенну! Старый Фулонъ уже подумываетъ, какъ бы ему самому пробраться въ военные министры, и устраиваетъ подпольныя интриги. Это — тотъ самый Фулонъ, котораго прозвали ame damnée парламента; человѣкъ, посѣдѣвшій въ предательствѣ, хищничествѣ, прожектерствѣ, интригахъ и гнусности — человѣкъ, который однажды, въ пылу спора, когда кто-то, возражая противъ его финансоваго плана, спросилъ: „А что же будетъ съ народомъ?"—далъ отвѣтъ: „А народъ пусть ѣстъ траву!" — неосторожныя слова, которыя должны были далеко разнестись и вернуться съ отвѣтомъ.

Ко всеобщему удовольствію, Фулонъ не достигъ цѣли въ этомъ случаѣ, и никогда не достигнетъ. Но отъ этого Ламуаньону не легче. Онъ осужденъ; и ему не служитъ на пользу и то, что онъ имѣетъ свиданія съ королемъ и возвращается съ этихъ свиданій „radieux"—лучезарнымъ. Парламентъ ненавидитъ Ламуаньона; а графъ де Бріеннъ — братъ архіепископа. 24-го августа прошло, а 14-го сентября еще не настало, когда оба они пали, какъ ихъ великій принципалъ — и пали, такъ же мягко, какъ и онъ.

И теперь Парижъ снова предается величайшей радости, словно послѣднее бремя свалилось съ его сердца и воцарилась полная увѣренность въ будущемъ. Судебные писцы громко радуются, что палъ врагъ парламента; дворянство, буржуазія и народъ,—всѣ радуются; даже сама чернь выходитъ изъ своихъ темныхъ норъ и радуется, такъ какъ новое политическое Евангеліе въ той, или иной грубой версіи проникло даже къ ней. Наступаетъ понедѣльникъ 14-го сентября 1788 года; чернь снова собирается массами на площади Дофина, пускаетъ петарды, стрѣляетъ изъ мушкетовъ безостановочно въ теченіе восемнадцати часовъ. И здѣсь снова фигурируетъ чучело изъ ивовыхъ прутьевъ — mannequin d'osier, которое является центромъ нескончаемыхъ криковъ. Здѣсь же, съ привѣтственными криками, носятъ на шестѣ портретъ Неккера, сорванный, или купленный въ какой нибудь картинной лавкѣ: этотъ примѣръ надо запомнить.

Особенно велико скопленіе народа на Pont Neuf, гдѣ величественно возсѣдаетъ на конѣ бронзовый Генрихъ IV. Всѣ прохожіе должны останавливаться передъ статуей; ихъ не отпускаютъ, пока они не поклонятся народному королю и не произнесутъ отчетливо: „Да здравствуетъ Генрихъ Четвертый! Къ чорту Ламуаньона!" Ни одна карета не была пропущена безъ этого; остановили даже карету его высочества герцога Орлеанскаго. Дверцы кареты отворяются: соблаговолите, сударь, высунуть голову и поклониться. Кто заупрямится, тотъ долженъ выйти изъ кареты и преклонить колѣни. Если же въ каретѣ дама, то одной улыбки ея прекраснаго лица и мановенія ея перьевъ съ того мѣста, гдѣ она сидитъ, будетъ достаточно; —конечно, и монета—другая (на

---

[1]) Histoire parlementaire de la Revolution francaise; ou Journal des Assemblees Nationales depuis 1789 (Paris, 1833 et seqq.), I, 233, Lameth, Assemblee Constituante, (Intr.), p. 89.

покупку ракетъ) будутъ не лишними изъ рукъ высшихъ классовъ друзей свободы. Эта грубая игра продолжается нѣсколько дней и не обходится безъ столкновеній. Городская стража не можетъ ничего подѣлать; ей едва удается спасти собственную шкуру, такъ какъ за послѣдніе двѣнадцать мѣсяцевъ, какъ мы видѣли, охота на городскую стражу сдѣлалась своего рода время-препровожденіемъ. Правда, Безанваль съ солдатами подъ рукой, но имъ данъ приказъ избѣгать выстрѣловъ, и они не очень-то спѣшатъ двигаться.

Взрывъ петардъ начался въ понедѣльникъ утромъ, а теперь — полночь среды; гадкое чучело изъ ивовыхъ прутьевъ нужно похоронить, конечно, по старому обычаю. Длинные ряды факеловъ, сопровождающіе его, движутся по направленію къ отелю Ламуаньона; но „одинъ изъ моихъ (Безанваля) слугъ побѣжалъ предупредить, и туда явились солдаты“. Мрачному Ламуаньону не суждено погибнуть отъ сожженія, ни въ эту ночь, ни въ слѣдующія; онъ погибнетъ только черезъ годъ, да и тогда отъ выстрѣла (самоубійства, или случайности — неизвѣстно) [1]). Обманутая чернь сжигаетъ своего ивоваго манекена подъ его окнами, разбиваетъ сторожевую будку и уходитъ, пытаясь захватить Бріенна и капитана стражи Дюбуа. Но уже все въ движеніи: французская гвардія, инвалиды, конный патруль; факельную процессію встрѣчаютъ ружейными выстрѣлами, ударами штыковъ и сабель. Самъ Дюбуа, со своей кавалеріей, производитъ аттаку, и самую жестокую изъ всѣхъ: „множество народа было убито и ранено“ не безъ воплей и жалобъ; впослѣдствіи возникаютъ судебные процессы и официальныя лица умираютъ отъ разрыва сердца! [2]). Такимъ образомъ стальныя щётки снова смели чернь въ ея темныя норы, и улицы снова чисты.

За послѣднія полтора столѣтія чернь не отваживалась выступать такимъ образомъ; никогда, за все это долгое время, она не показывала своихъ грубыхъ чертъ при дневномъ свѣтѣ. Все это удивительно и ново; но пока это — только игра, довольно странная, почти безъ гнѣва, хотя въ ея грубомъ, на половину безсознательномъ смѣхѣ скрывается тѣнь чего-то страшнаго, что можетъ вырасти!

Между тѣмъ, приглашенные Ломени мыслители далеко зашли со своими памфлетами; генеральные штаты, по тому или иному плану, будутъ неизбѣжно созваны, если не въ январѣ, какъ одно время надѣялись, то самое позднее, — въ маѣ. Старый герцогъ Ришельё, умирающій этой осенью, еще разъ открываетъ глаза, шепча: „чтобы сказалъ Людовикъ XIV?“ (котораго онъ еще помнитъ), и потомъ закрываетъ ихъ навсегда, не доживъ до худыхъ временъ.

[1]) Histoire de la Revolution par Deux Amis de la Liberté, 1, 50.

[2]) Ibid. 58.

КНИГА IV.

Генеральные Штаты.

ГЛАВА I.

Опять нотабли.

Итакъ, всеобщая молитва услышана! Всегда, въ дни національныхъ бѣдствій, когда жизнь изобиловала зломъ и помощи никакой не было, въ видѣ лекарства требовали генеральныхъ штатовъ; требовали ихъ, и Мальзербъ, и Фенелонъ [1]. Парламенты, настаивавшіе на этомъ требованіи, были всегда „напутствуемы благословеніями“. И вотъ это лекарство теперь намъ даровано; генеральные штаты дѣйствительно соберутся!

Сказать: „Да будутъ генеральные штаты“ — было легко; но сказать: что они будутъ собою изображать,—было довольно трудно. Генеральные штаты во Франціи не собирались съ 1614 года; всякій слѣдъ ихъ исчезъ изъ привычекъ живыхъ людей. Ихъ устройство, полномочія, методы дѣйствія, которые никогда не были опредѣлены въ какой нибудь мѣрѣ, являлись совершенно смутной возможностью,—той глиною, которую горшечникъ можетъ лѣпить такъ или иначе; или, вѣрнѣе, не одинъ, а двадцать пять милліоновъ горшечниковъ, такъ какъ теперь вся масса болѣе или менѣе получила право голоса въ этомъ дѣлѣ. Какъ организовать генеральные штаты? Вотъ въ чемъ задача. Каждая корпорація, каждый привилегированный, и каждый организованный классъ вкладываетъ въ это дѣло свои собственныя тайныя надежды и свои особыя тайныя опасенія; подумайте только: чудовищный двадцати-милліонный классъ, бывшій до сихъ поръ нѣмымъ, какъ овца, и относительно котораго другіе классы условливались и входили въ соглашеніе, чтобы лучше стричь его,—теперь поднимается съ надеждами. Онъ пересталъ, или перестаетъ, быть нѣмымъ, онъ говоритъ памфлетами, или, по крайней мѣрѣ, мычитъ и реветъ въ унисонъ имъ, удивительно увеличивая силу ихъ звука.

Что касается до Парижскаго парламента, то онъ сразу высказался за „старую форму“ 1614 года. Форма эта имѣла то преимущество, что Tiers Etat, третье сословіе или простой народъ фигурировалъ въ ней, главнымъ образомъ, на показъ, благодаря чему дворянству или духовенству нужно было только не ссориться между собою, чтобы безпрепятственно рѣшать дѣла наилучшимъ для себя образомъ. Таково было ясно выраженное мнѣніе Парижскаго парламента. Но, встрѣченное бурей всеобщаго крика и рева, мнѣніе это было тотчасъ же развѣяно вѣтромъ; а вмѣстѣ съ нимъ безвозвратно разсѣялась и популярность парламента. Какъ мы уже сказали, роль парламента была сыграна; относительно

[1] Montgaillard. I, 461.

его остается замѣтить только одно,—это удивительную близость чиселъ: 22-го сентября парламентъ возвратился съ „вакацій“, или „изгнанія, въ свои имѣнія“, и водворился на старомъ мѣстѣ при безграничномъ ликованіи всего Парижа. На другой же день этотъ парламентъ пришелъ къ своему „ясно выраженному мнѣнію“, а на третій день его „осыпаютъ оскорбленіями“, его внѣшніе дворы оглашаются свистками и слава навсегда покидаетъ его [1]). Двадцать четыре часа были въ тѣ времена самымъ обычнымъ срокомъ популярности.

Съ другой стороны, приглашеніе, съ которымъ Ломени обратился къ „мыслителямъ“, оказалось совершенно излишнимъ! Мыслители и немыслители, въ числѣ милліона, оказались, по собственному побужденію, на своихъ постахъ, поступая соотвѣтственно своему внутреннему содержанію; заработали Общество Публиколы, Бретонскій клубъ, Клубъ неистовыхъ. Въ то же время начались обѣды въ Пале-Роялѣ: представьте себѣ Мирабо, Талейрана, обѣдающихъ въ компаніи разныхъ Шамфоровъ, Морелле, Дюпоновъ и пылкихъ членовъ парламента; все это, конечно, не безъ цѣли! Ихъ собираетъ тамъ одинъ неккеріанецъ, поставщикъ львовъ, котораго мы могли бы назвать, а, можетъ быть, и просто желаніе пообѣдать. А что касается до памфлетовъ, то, образно говоря, они „сыплются, какъ снѣгъ, который, кажется, готовъ засыпать правительству всѣ пути!“ Теперь настала пора дѣйствовать для всѣхъ друзей свободы, разумныхъ и безумныхъ.

Графъ, или именующій себя графомъ—д'Энтригъ, „молодой лангедокскій дворянинъ“, можетъ быть, при помощи Шамфора-циника, поднимается выше всѣхъ и доходитъ почти до пиѳійскаго бѣшенства [2]). Глупый лангедокскій дворянинъ! ты самъ очень скоро, эмигрируя въ числѣ первыхъ, долженъ будешь, негодуя, бѣжать за границу съ Общественнымъ договоромъ въ карманѣ, бѣжать на чужбину, а тамъ — безвѣстность, неблагодарныя интриги, обманчивые призраки (ignis fatuus) и смерть отъ кинжала. Аббатъ Сіесъ покинулъ шартрскій соборъ, доходную должность и книжныя полки, запустилъ свою тонзуру и пріѣхалъ въ Парижъ со свѣтской головой самого неопровержимаго свойства, чтобы поставить три вопроса и отвѣтить на нихъ: Что такое третье сословіе? Все.—Чѣмъ оно до сихъ поръ было при нашей формѣ правленія? Ничѣмъ.—Чего оно хочетъ? Стать чѣмъ-нибудь.

Герцогъ Орлеанскій, который, свершая свой путь къ хаосу, конечно, находится въ самой гущѣ всего этого,—издаетъ свои Délibérations [3]), усыновленныя имъ, но написанныя Лакло, авторомъ Liaisons Dangereuses. Выводъ изъ нихъ получается простой: „Третье сословіе, это—народъ“. Съ другой стороны, монсеньеръ д'Артуа съ другими принцами крови объявляетъ въ торжественной меморіи королю, что выслушивать подобныя вещи значитъ подвергать опасности привилегіи, дворянство, монархію, церковь, государство и денежный сундукъ [4]). Несомнѣнно—подвергать опасности, но если не выслушивать, то значитъ ли это—избавить ихъ отъ опасности? Вѣдь, это—голосъ всей Франціи, этотъ все ростущій звукъ, неизмѣримый и разнообразный, какъ шумъ прорывающихся водъ. Мудрецъ былъ бы тотъ, кто зналъ бы, что съ нимъ можно подѣлать, кто предложилъ бы что-нибудь, кромѣ бѣгства въ горы, чтобы укрыться тамъ.

На что рѣшилось бы въ этихъ новыхъ обстоятельствахъ, передъ такими принципами, при такомъ окружающемъ настроеніи, идеальное, всевидящее версальское правительство, если бы оно существовало,—это неизвѣстно и до сихъ

---

[1]) Weber, I, 347.

[2]) Mémoires sur les Etats-Généraux.

[3]) Délibérations á preadre pour les Assemblées des Bailliages.

[4]) Mémoire présenté au Roi par Monseigneur Comte d'Artois, M. le Prince de Condé, M. le Duc de Bourbon, M. le Duc d'Enghein, et M. le Prince de Conti. (Приводятся въ Hist. Parl. I, 256).

поръ. Такое правительство слишкомъ хорошо почувствовало бы, что теперь его долгая задача близится къ концу, что подъ видомъ теперь уже неизбѣжныхъ генеральныхъ штатовъ рождается новое всемогущее неизвѣстное:—Демократія, при которой всякое версальское правительство можетъ существовать только временно: и хорошо было бы, если бы всѣхъ его способностей хватило для этого временнаго, неизмѣримо важнаго въ данную минуту существованія! Въ такомъ случаѣ выходомъ было бы мирное, постепенное, разумно проведенное отреченіе и Domine-dimittas.

Это — для идеальнаго, всевидящаго версальскаго правительства; а для дѣйствительнаго, неразумнаго? Увы! настоящее правительство существуетъ только для своей собственной выгоды, безъ всякихъ иныхъ правъ, кромѣ права владѣнія; и теперь безсильное. Оно ничего не предвидитъ, даже не видитъ; у него нѣтъ опредѣленнаго общаго плана, а есть только планы, да инстинктъ, побуждающій все, что существуетъ, бороться за продолженіе своего существованія. Оно представляетъ вихрь, въ которомъ, какъ сухая пыль при встрѣчныхъ вѣтрахъ, крутятся праздные совѣты, галлюцинаціи, ложь, интриги, и глупость. У Oeil de Boeuf'а есть свои неразумныя надежды, какъ и свои страхи. Вѣдь, до сихъ поръ генеральные штаты не давали никакихъ результатовъ, такъ почему же теперь они могли бы сдѣлать болѣе? Народъ, правда, принимаетъ угрожющій видъ, но вообще, развѣ возможно возстаніе? Вѣдь, ничего подобнаго не было въ теченіе пяти поколѣній. Ловкимъ маневромъ можно возстановить три сословія другъ противъ друга; третье, какъ и прежде, присоединится къ королю и будетъ,—просто по злобѣ и ради собственнаго интереса,—охотно облагать налогами и дразнить два другія сословія. Тѣ будутъ таким образомъ связаны и отданы въ наши руки, и мы будемъ имѣть возможность стричь ихъ. Послѣ этого три сословія будутъ продолжать ссориться, а мы, получивъ деньги, распустимъ ихъ и предоставимъ будущему идти, какъ оно можетъ! Добрый архіепископъ Ломени имѣлъ обыкновеніе говорить: „Есть столько случайностей, а довольно одной, чтобы спасти насъ.“ Да, а много ли нужно ихъ, чтобы погубить насъ?

Посреди этой анархіи, бѣдный Неккеръ дѣлаетъ все, что только возможно для него. Онъ смотритъ на нее съ упорной надеждой на улучшеніе, восхваляетъ всѣми признанную прямоту королевскаго ума; снисходительно склоняетъ ухо ко всѣмъ извѣстной испорченности королевы и придворныхъ, выпускаетъ прокламаціи, или регламенты,—одинъ изъ нихъ въ пользу третьяго сословія,—но въ сущности ничего не рѣшаетъ, остается вдали отъ дѣйствительности и ожидаетъ, что все уладится само собою. Главные вопросы въ настоящее время сводятся къ двумъ: двойное представительство и поголовная подача голосовъ. Будутъ ли общины имѣть „двойное представительство“, то есть будетъ ли у нихъ столько членовъ, сколько у дворянства и духовенства вмѣстѣ? Будутъ ли генеральные штаты, когда они соберутся, голосовать и обсуждать, какъ одно тѣло, или какъ три отдѣльныхъ тѣла? „Голосовать поголовно, или по классамъ“- par ordre, какъ говорится? Вотъ тѣ спорные пункты, которые наполняютъ теперь всю Францію болтовней, аргументаціей и свободоманіей. Неккеръ спрашиваетъ себя: не было ли бы второе созваніе нотаблей самымъ лучшимъ средствомъ покончить со всѣмъ этимъ? Второе созваніе нотаблей - рѣшено.

Итакъ, 6-го ноября 1788 года нотабли созваны; послѣ почти полуторагодового промежутка. Это— старые нотабли Калонна, тѣ же самые сто сорокъ четыре, доказательство безпристрастія и вмѣстѣ съ тѣмъ сбереженія времени. Они опять засѣдаютъ въ своихъ семи бюро, на этотъ разъ, въ суровые зимніе морозы; это—самая суровая зима, какую только видѣли съ 1709 года; термометръ—ниже нуля по Фаренгейту; рѣка Сена—замерзла [1]), холодъ, неурожай, и крики въ честь свободы: какъ измѣнился міръ съ тѣхъ поръ, какъ эти нотабли были распущены въ маѣ прошлаго года! Вотъ они увидятъ, можно ли въ ихъ

---

[1]) Marmontel, Memoires, London 1805, IV, 33. Hist. Parl.

семи бюро, подъ предсѣдательствомъ семи принцевъ крови, разрѣшить спорные пункты.

Къ удивленію патріотовъ, эти нѣкогда столь патріотическіе нотабли, какъ кажется, вступаютъ на дурную дорогу: они склоняются на сторону антипатріотизма. Они колеблются передъ двойнымъ представительствомъ, передъ поголовнымъ голосованіемъ и никакого положительнаго рѣшенія не принимаютъ; ведутся просто дебаты, да и тѣ сомнительнаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ большая часть этихъ нотаблей не принадлежитъ къ привилегированнымъ классамъ? Нѣкогда они кричали, теперь у нихъ есть свои опасенія, и они довольствуются жалобными представленіями. Такъ пусть же они исчезнутъ и никогда не возвращаются болѣе! 12-го декабря 1788 года, послѣ сессіи, продолжавшейся одинъ мѣсяцъ, они исчезаютъ, эти послѣдніе земные нотабли, чтобы не появляться болѣе никогда въ исторіи міра.

Такъ какъ крики и памфлеты не прекращаются и патріотическіе адреса все съ болѣе и болѣе громкими требованіями приходятъ со всѣхъ концовъ Франціи, то самъ Неккеръ, спустя приблизительно двѣ недѣли, оказывается вынужденнымъ представить свой докладъ, не дожидаясь конца года; въ этомъ докладѣ онъ, за свой собственный рискъ, рекомендуетъ двойное представительство и почти предписываетъ его: все это сдѣлали громкая болтовня и элевтероманія. Какое колебаніе, какое блужданіе! За всѣ эти шумные шесть мѣсяцевъ (такъ какъ все это началось въ іюлѣ при Бріеннѣ) докладъ слѣдовалъ за докладомъ, прокламація летѣла за прокламаціей [1].

Однако, первый спорный пунктъ, какъ мы видимъ теперь, рѣшенъ. Что касается до второго, до голосованія поголовнаго, или по сословіямъ, къ несчастью, онъ до сихъ поръ остается неразрѣшеннымъ. Онъ, можно сказать, съ самаго начала виситъ между привилегированными и непривилегированным и сословіями, какъ готовый боевой призъ и причина войны; и кто схватитъ этотъ боевой призъ, можетъ носить его, какъ боевое знамя, предвѣщающее ему самое лучшее впереди!

Какъ бы тамъ ни было, но, наконецъ, королевскій декретъ отъ 24-го января дѣлаетъ очевиднымъ для нетерпѣливо ожидающей Франціи, что національные депутаты соберутся и можно уже приступить къ ихъ избранію (королевскій указъ не пошелъ дальше этого).

ГЛАВА II.

Выборы.

Впередъ же, къ дѣлу! Королевскій лозунгъ проносится по Франціи, какъ дуновеніе могучаго вѣтра черезъ громадные лѣса. Въ приходскихъ церквахъ, въ ратушахъ, въ залахъ собраній, въ судахъ, вездѣ, гдѣ люди собираются, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, происходятъ довольно безпорядочныя первичныя собранія. „Для избранія вашихъ избирателей и для составленія списка вашихъ жалобъ и нуждъ“, (Cahier de plaintes et de doléances) гласитъ форма предписанія: въ послѣднихъ нѣтъ недостатка.

Съ какимъ успѣхомъ дѣйствуетъ этотъ январскій декретъ, по мѣрѣ того, какъ онъ катится въ кожаныхъ чемоданахъ по замерзшимъ большимъ дорогамъ, по направленію всѣхъ четырехъ вѣтровъ! Онъ дѣйствуетъ, словно какой-то fiat, или магическое слово. Его читаютъ на базарной площади у креста, при звукѣ трубъ, подъ предсѣдательствомъ судьи, сенешала или другого мелкаго чиновника и дворцовой стражи; читаютъ соннымъ голосомъ въ деревенскихъ церквахъ послѣ проповѣди, „au prone des messes paroissales“, его

---

[1]) Rapport fait au Roi dans son Conseil, le 27 Décembre 1788.

регистрирують, сдають на почту и пускають летѣть по всему міру, и—смотрите, какъ этотъ разнокалиберный французскій народъ, такъ долго кипѣвшій и роптавшій въ жгучемъ ожиданіи, начинаетъ собираться и сорганизовываться въ группы; въ этихъ организованныхъ группахъ составляются другія, меньшія; нечленораздѣльный ропотъ становится членораздѣльной рѣчью и переходитъ въ дѣйствіе. При первичныхъ и вторичныхъ собраніяхъ, при „послѣдовательныхъ выборахъ", при безчисленныхъ пробахъ и изслѣдованіяхъ по предписанному способу, искренніи „жалобы и нужды" будутъ изложены на бумагѣ, и подходящій представитель народа будетъ, наконецъ, найденъ.

Народъ такъ встряхнулся, словно онъ весь живетъ одною жизнью; тысячеголосымъ ропотомъ возвѣщаетъ онъ о своемъ внезапномъ пробужденіи отъ долгаго мертваго сна и не хочетъ больше спать. Давно желанное, наконецъ, пришло; чудесныя вѣсти о побѣдѣ и освобожденіи магически звучатъ во всѣхъ сердцахъ. Оно настало, наконецъ, для гордаго, сильнаго человѣка; его сильныя руки не будутъ больше скованы; передъ нимъ открываются незавоеванныя, безпредѣльные материки. Эти вѣсти дошли и до усталаго поденщика, и до нищаго, корка хлѣба котораго смочена слезами. Какъ! и для насъ есть надежда! она спустилась даже и въ наши глубины? Значитъ, голодъ и тяжкій трудъ невѣчны? Значитъ, хлѣбъ, который мы извлекли изъ жесткой нивы, и, работой нашихъ мускуловъ, сжали, смололи и замѣсили, не весь пойдетъ для другихъ? И мы тоже будемъ ѣсть его и насытимся? Хорошія вѣсти (отвѣчаютъ осторожные старики), но ужъ слишкомъ невѣроятныя! Какъ бы то ни было, а низшіе слои населенія, которые не платятъ никакихъ денежныхъ налоговъ и не имѣютъ права голоса [1]), усердно толпятся вокругъ тѣхъ, кто имѣетъ его, и залы, гдѣ происходятъ избирательныя собранія, достаточно оживлены и внутри, и снаружи.

Изъ городовъ, одинъ Парижъ будетъ имѣть представителей. Онъ раздѣленъ на шестьдесятъ округовъ; каждый изъ нихъ (собравшись въ церкви, или гдѣ нибудь въ этомъ родѣ) выбираетъ двухъ выборщиковъ. Офиціальныя депутаціи ходятъ изъ округа въ округъ, такъ какъ обыватели неопытны, и требуются безконечныя совѣщанія. Улицы кишатъ озабоченнымъ народомъ, мирнымъ, но неспокойнымъ, говорливымъ; по временамъ виденъ блескъ мушкетовъ; особенно около Palais, гдѣ еще разъ засѣдаетъ парламентъ, враждебно настроенный и трепещущій.

Да, французскій народъ озабоченъ! Какой, даже бѣднѣйшій, но мыслящій поденщикъ не броситъ въ эти великіе дни свое занятіе, если не для того, чтобы голосовать, то хотя, чтобы присутствовать при голосованіи? По всѣмъ дорогамъ шумъ и толкотня. И въ эти весенніе мѣсяцы, когда сѣятель бросаетъ сѣмена въ борозды, по всей обширной поверхности Франціи, то здѣсь, то тамъ, слышится говоръ собирающихся и расходящихся собраній; говоръ толпы, обсуждающей, подающей голоса баллотированіемъ и крикомъ; и всѣ эти нестройные звуки поднимаются къ небу. Къ этимъ политическимъ явленіямъ присоединяется явленіе экономическое: торговля остановилась и хлѣбъ дорожаетъ, такъ какъ передъ суровой зимой было, какъ мы сказали, суровое лѣто, съ засухой и съ опустошительнымъ градомъ 13 іюля. Какой это былъ ужасный день! Всѣ плакали, пока бушевала буря. Увы, ближайшая годовщина его будетъ еще ужаснѣе [2]). При такихъ-то знаменіяхъ Франція выбираетъ народныхъ представителей.

Случайности и подробности этихъ выборовъ принадлежатъ не всеобщей исторіи, а мѣстной или общинной; поэтому мы не будемъ останавливаться здѣсь ни на новыхъ безпорядкахъ въ Греноблѣ и Безансонѣ, ни на кровопролитіяхъ на улицахъ Ренна и на результатѣ ихъ -шествіи оттуда бретонскихъ „юношей съ манифестомъ отъ своихъ матерей, сестеръ и невѣстъ", ни на тому подобномъ. Въ сущности, это повсюду одна и та же тяжелая исторія, лишь съ поверхностными

[1]) Règlement du Roi (въ Histoire parlementaire, I, 267—307).

[2]) Bailly, Mémoires I, 336.

отличіями. Возстановленный парламентъ (какъ въ Безансонѣ) стоитъ пораженный передъ этимъ бегемотомъ, генеральными штатами, котораго онъ самъ вызвалъ, потомъ съ большей или меньшей дерзостью бросается впередъ, чтобы надѣть ему намордникъ, но, увы! смѣльчакъ тотчасъ же опрокинутъ, выброшенъ вонъ, такъ какъ новая народная сила умѣетъ пользоваться не только аргументами, но и обломками кирпичей! Или еще,—а, можетъ быть, и въ соединеніи съ этимъ—классъ дворянъ (какъ въ Бретани) заранѣе хочетъ связать руки третьему сословію, чтобы оно не касалось его привилегій. Но этотъ актъ связыванія, хотя и весьма искусно подготовленный, видимо не можетъ имѣть успѣха, такъ какъ Бегемотъ-Бріарей рветъ ваши веревки, какъ зеленый тростникъ. Связать? Увы, Messieurs! А что касается до вашихъ рыцарскихъ рапиръ, храбрости и турнировъ, то, подумайте, къ чему они могутъ служить? Въ плебейскомъ сердцѣ также бьется красная кровь, которая не поблѣднѣетъ даже отъ вашего взгляда, и шестьсотъ бретонскихъ дворянъ, просидѣвъ съ оружіемъ въ рукахъ семдесятъ два часа въ монастырѣ Кордельеръ, въ Реннѣ, выйдутъ изъ него болѣе благоразумными, чѣмъ вошли. Вся нантская молодежь, вся анжерская молодежь, вся Бретань возстала, „матери, сестры и невѣсты" кричали имъ вслѣдъ: „Впередъ!" И бретонское дворянство вынуждено предоставить обезумѣвшему міру идти своимъ путемъ [1]).

Въ другихъ провинціяхъ дворянство, съ такой же доброй волей, считаетъ за лучшее взяться за протесты, за хорошо редактированныя Cahiers жалобъ и нуждъ, за сатирическія памфлеты и рѣчи. Отчасти такъ идетъ дѣло въ Провансѣ, куда бросился изъ Парижа Габріель Оноре Рикетти, графъ де Мирабо, чтобы во-время сказать тамъ свое слово. Въ Провансѣ привилегированные открываютъ, при поддержкѣ своего парламента въ Э, что, хотя всѣ эти нововведенія и предписываются королевскимъ декретомъ, однако клонятся ко вреду націи, и, что еще неоспоримѣе, „къ униженію достоинства дворянства". А когда Мирабо громко протестуетъ, то это самое дворянство рѣшается, при ужасномъ шумѣ внутри и снаружи, просто выгнать его изъ своего собранія. Никакимъ другимъ образомъ, ни даже при помощи послѣдовательныхъ дуэлей, не удалось бы раздѣлаться съ этимъ неукротимымъ и гордымъ человѣкомъ. Итакъ, онъ изгнанъ.

Графъ де Мирабо.

[1]) Hist. Parl. I, 287. Deux Amis de la Liberté, I, 105—128.

„Во всѣхъ странахъ, во всѣ времена, — воскликнулъ онъ, уходя, — аристократы неумолимо преслѣдовали всякаго друга народа, но съ удесятеренной неумолимостью преслѣдовали они его, если онъ самъ принадлежалъ къ аристократіи: такъ послѣдній изъ Гракховъ погибъ отъ рукъ патриціевъ. Но, пораженный смертельнымъ ударомъ, онъ бросилъ прахъ къ небу и призвалъ боговъ мщенія: и изъ этого праха родился Марій, — Марій, который прославился не столько уничтоженіемъ кимвровъ, сколько сверженіемъ въ Римѣ тираніи патриціевъ“ [1]. Бросивъ, въ свою очередь, э т у горсть праха (въ видѣ печатной бумаги) и предоставивъ ей произвести, что она можетъ, Мирабо перешелъ къ третьему сословію.

Открылъ ли онъ дѣйствительно въ это время „суконную лавку въ Марселѣ“, чтобы самолично примириться съ третьимъ сословіемъ, и сдѣлался ли временно продавцомъ готоваго платья, или это была просто басня, во всякомъ случаѣ для насъ этотъ фактъ является достопамятнымъ фактомъ эпохи. Никогда болѣе странный суконный торговецъ не дѣйствовалъ аршиномъ и не разрывалъ ткани для людей, или для разныхъ частей людскаго тѣла. Но F i l s a d o p t i f возмущается этой унизительной басней, которая тѣмъ не менѣе пользовалась въ то время широкимъ довѣріемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ героическія времена Ахиллъ закололъ барана, то почему бы Мирабо въ негероическія времена не мѣрять сукна?

Однако, гораздо болѣе доподлинными являются его тріумфальныя шествія по волнующемуся округу, при ликованіи толпы, пылающихъ факелахъ, и стражѣ изъ сотни волонтеровъ, — когда за окно платили по 2 луидора. Онъ — депутатъ, избранный одновременно въ Э и въ Марсели, и отдающій предпочтеніе Э. Онъ возвысилъ свой далеко-разносящійся голосъ и открылъ глубины своей всеобъемлющей души; онъ можетъ укрощать (такова сила устнаго слова) высокомѣрный ропотъ богатыхъ и голодный ропотъ бѣдняковъ; дикія толпы движутся слѣдомъ за нимъ, какъ волны моря за луною; онъ властелинъ міра и вождь людей.

Отмѣтимъ другой случай и другую подробность, гораздо менѣе интересную. Она касается парижскаго парламента, который, какъ и остальные парламенты (но съ меньшей дерзостью, такъ какъ онъ лучше видитъ положеніе вещей), порывается продѣть кольцо въ носъ этому бегемоту, генеральнымъ штатамъ. Докторъ Гильотенъ, уважаемый въ Парижѣ практикантъ, составилъ свой маленькій планъ C a h i e r d e d o l é a n c e s, въ чемъ былъ вполнѣ воленъ, такъ какъ имѣлъ къ этому и охоту, и способность. Онъ пригласилъ народъ подписать его, — за что сердитый парламентъ вызвалъ его, чтобы потребовать у него отчета. Онъ идетъ, но весь Парижъ идетъ слѣдомъ за нимъ, наводняетъ внѣшніе дворы и спѣшитъ подписываться подъ Cahier въ то время, какъ Гильотенъ отдаетъ свой отчетъ внутри! И парламентъ долженъ былъ какъ можно скорѣе отпустить его съ комплиментами; народъ относитъ доктора домой на рукахъ [2]. Этого почтеннаго Гильотена мы увидимъ еще разъ, можетъ быть, только разъ, но парламента не увидимъ больше ни разу, и пусть онъ провалится въ бездну, исчезнетъ съ нашихъ глазъ!

Однако, какъ бы ни были радостны всѣ эти вещи, онѣ мало радуютъ національнаго кредитора и кредиторовъ всякаго рода. Среди всеобщей зловѣщей неувѣренности, что можетъ быть вѣрнѣе лежащихъ въ кошелькѣ денегъ, и что можетъ быть мудрѣе сохраненія ихъ тамъ? Промышленная спекуляція, торговля всякого рода, насколько возможно, дошла до мертвой точки; руки ремесленника праздно сложены на груди. Все это достаточно страшно, а къ этому еще и суровое время года сдѣлало свое дѣло, и къ скудости работы прибавилась скудость хлѣба! Въ началѣ весны выходятъ королевскіе указы противъ скупщиковъ хлѣба, подаются булочниками петиціи съ жалобами на мельниковъ, и, наконецъ, въ апрѣлѣ, появляются шайки оборванныхъ нищихъ и слышатся злобные крики

---

[1]) Fils Adoptif, стр. 256.

[2]) Deux Amis de la Liberté 1, 141

голода! Это—трижды знаменитые brigands (разбойники); извѣстное число дѣйствительно существовавшихъ личностей, которое, долго отражаясь и преломляясь въ столькихъ милліонахъ головъ, какъ въ вогнутыхъ зеркалахъ, сдѣлалось цѣлымъ разбойничьимъ міромъ и, подобно какому-то сверхъестественному механизму, двигало эпосъ революціи. Разбойники—здѣсь, разбойники—тамъ, разбойники идутъ! Такъ звучалъ серебряный лукъ Феба-Аполлона, распространяя опустошительную чуму и блѣдный ужасъ, такъ какъ и этотъ звукъ былъ дѣломъ воображенія, сверхъестественнымъ, и онъ также распространялся въ безформенной безконечности, сдѣлавшись подобнымъ ночи (νυκτὶ ἐοικώς)!

Но, замѣтьте, по крайней мѣрѣ, въ первое время удивительное могущество подозрѣнія въ этой странѣ и въ это время. Если бѣдные голодающіе люди, прежде чѣмъ умереть, собираются въ группы и толпы, какъ бѣдные дрозды и воробьи въ дурную погоду, хотя бы для того только, чтобы грустно пощебетать вмѣстѣ, и чтобы одна нищета заглянула въ глаза другой; если голодающіе люди, собравшись, откроютъ (чего не могутъ сдѣлать дрозды), что имъ нѣтъ нужды умирать, пока въ странѣ есть хлѣбъ, такъ какъ ихъ много, и хотя у нихъ пустые желудки, за то сильныя руки,—неужели для всего этого нужна какая-то сверхъестественная махинація? У большей части народовъ—нѣтъ, но не у французовъ временъ революціи. Эти разбойники (какъ и при Тюрго, четырнадцать лѣтъ тому назадъ) всегда пускались въ ходъ; ихъ вербовывали—конечно, безъ барабаннаго боя и трубъ—то аристократы, то демократы, то Орлеаны, то герцогъ д'Артуа, то другіе враги общественнаго блага. Нѣкоторые историки, даже теперь, доказываютъ это слѣдующимъ аргументомъ: эти разбойники говорили, что имъ нечего ѣсть, а, между тѣмъ, находили возможность пить, ихъ даже видѣли пьяными [1]). Безпримѣрный фактъ! Однако, въ концѣ концовъ, развѣ нельзя предсказать, что народъ съ такой дозой легковѣрія и невѣрія (соединеніе которыхъ въ надлежащей мѣрѣ порождаетъ подозрительность и вообще безразсудство) увидитъ въ своихъ рядахъ, на полѣ брани достаточное число безсмертныхъ и, стало быть, не нуждается въ эпическихъ махинаціяхъ?

Какъ бы то ни было, а разбойники сходятся въ Парижъ большими толпами, съ желтыми лицами, съ длинными, обвисшими волосами (настоящій видъ энтузіастовъ), въ грязныхъ лохмотьяхъ и съ большими дубинами, которыми они сердито стучатъ по мостовой! Они вмѣшиваются въ сумятицу выборовъ и охотно подписывали бы Cahier Гильотена, или всякую другую Cahier или петицію, если бы умѣли писать. Ихъ фанатическія лица и стукъ дубинъ не предвѣщаетъ ничего хорошаго для кого бы то ни было, а особенно для богатыхъ фабрикантовъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, съ рабочими которыхъ они вступаютъ въ сношенія.

ГЛАВА III.

Гроза надвигается.

Вотъ и національные депутаты со всѣхъ концовъ Франціи—въ Парижѣ съ порученіями, которыя они называютъ pouvoirs, полномочіями въ карманахъ; они распрашиваютъ, совѣтуются, ищутъ квартиръ въ Версалѣ. Тамъ должны открыться генеральные штаты, если не перваго, то навѣрное 4-го мая,—открыться процессіей, съ большою торжественностью. Salle des Menus заново отдѣлана и декорирована; даже самые костюмы опредѣлены: важный споръ о томъ, должны ли депутаты общинъ быть въ шляпахъ съ отогнутыми полями, наконецъ, можно считать рѣшеннымъ. А пріѣзжихъ все прибавляется: это праздные люди, смѣшанная публика, офицеры въ отпуску, вродѣ достойнаго капитана Даммартена,

[1]) Lacretelle 18 siècle, II, 155.

При наступленіи ночи, видя, что дѣло не кончается, Безанваль рѣшается вытребовать швейцарскую стражу, gardes suisses, съ двумя артиллерійскими орудіями. Швейцарская стража должна придти на мѣсто и потребовать, именемъ короля, чтобы чернь разошлась. Если ея не послушаются, то она, на глазахъ у всѣхъ, зарядитъ свои орудія картечью и снова потребуетъ, чтобы разошлись; если и это не подѣйствуетъ, то она откроетъ огонь и будетъ стрѣлять, „пока не смететъ всѣхъ до послѣдняго", и не очиститъ улицы. Надѣются, что такая энергическая мѣра покончитъ дѣло. При видѣ зажженныхъ фитилей и иностранныхъ красныхъ мундировъ швейцарцевъ, Сентъ-Антуанъ поспѣшно разсѣивается въ ночной темнотѣ. Остается загроможденная улица; „на ней отъ четырехъ до пяти сотъ убитыхъ". Несчастный Ревельонъ нашелъ пріютъ въ Бастиліи и, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, выпускаетъ изъ своего каменнаго убѣжища жалобы, протесты, объясненія. Храбрый Безанваль получаетъ выраженія благодарности отъ всѣхъ достопочтенныхъ классовъ Парижа, но въ Версалѣ ему не придаютъ большого значенія, какъ и вообще истинно достойнымъ людямъ [1]).

Но гдѣ источникъ этого электрическаго треска и взрыва? Это герцогъ Орлеанскій! кричитъ придворная партія: онъ, своимъ золотомъ, навербовалъ этихъ разбойниковъ, — конечно, какимъ нибудь таинственнымъ способомъ, безъ барабаннаго боя; онъ набралъ ихъ изо всѣхъ трущобъ, распалилъ и пустилъ въ дѣло; вѣдь, зло — для него добро. Это дворъ! кричитъ просвѣщенный патріотизмъ это аристократы, своимъ проклятымъ золотомъ и хитростью, набираютъ и натравливаютъ чернь на разореніе ни въ чемъ неповинныхъ людей въ родѣ Ревельона, чтобы застращать слабыхъ и отвратить отъ свободы.

Безанваль неохотно приходитъ къ заключенію, что все это устроили „англичане — наши естественные враги". Но, увы, не слѣдуетъ ли скорѣе приписать вину Діанѣ въ образѣ голода? Или двумъ Діоскурамъ: Угнетенію и Отмщенію, которые такъ часто встрѣчаются въ битвахъ человѣчества? Несчастные нищіе, доведенные бѣдностью, грязью и тяжелой работой почти до потери человѣческаго облика, — дыханіе Всемогущаго вдохнуло и въ васъ живую душу! Вамъ ясно только то, что помѣшавшійся на свободѣ философизмъ пока еще не испекъ хлѣба, и что люди, засѣдающіе въ патріотическихъ комитетахъ, понизятъ уровень только до своего собственнаго, и не ниже. Кто бы они ни были эти разрушители — разбойники, или нѣтъ, для нихъ это было дѣло печальное и серьезное. Они хоронятъ своихъ мертвецовъ, какъ Défenseurs de la Patrie, защитниковъ отечества, мучениковъ праваго дѣла.

Или, не должны ли мы сказать, что возстаніе уже отслужило свой подготовительный срокъ, и это былъ его пробный ударъ, — достаточно убѣдительный? Слѣдующій будетъ уже ударомъ мастера, который возвѣститъ всему удивленному міру о наступленіи его неоспоримаго господства. Пусть же та каменная крѣпость; оплотъ тираніи, которую они называютъ Bastille, или просто Строеніе (Bâtisse) — словно и нѣтъ другихъ строеній, — наблюдаетъ за своими пушками!

При такихъ-то обстоятельствахъ: при первичныхъ и вторичныхъ избирательныхъ собраніяхъ, Cahiers жалобъ, петиціяхъ и союзахъ всякого рода, при усиленномъ громѣ пѣнящагося краснорѣчія и, наконецъ, при громѣ мушкетныхъ залповъ, взволнованная Франція производитъ свои выборы. Безпорядочнымъ просѣиваніемъ и провѣиваніемъ, произведеннымъ не безъ шума, Франція (за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей Парижа) отобрала настоящее пшеничное зерно народныхъ депутатовъ числомъ въ тысячу двѣсти четырнадцать, и готовится немедленно приступить къ открытію генеральныхъ штатовъ.

[1]) Besenval, III, 389.

ГЛАВА IV.

Процессія.

Первая суббота мая мѣсяца; въ Версалѣ торжество, а въ понедѣльникъ, 4-го числа, предстоитъ еще болѣе великій день. Большая часть депутатовъ съѣхалась, нашла себѣ квартиры, и теперь, выстроившись въ правильные длинные ряды во дворахъ замка, они по очереди цѣлуютъ руку его величества. Оберъ-церемоніймейстеръ де Брезé не всѣхъ удовлетворяетъ; нельзя не замѣтить, что, вводя дворянство или духовенство предъ лицо помазанника, онъ широко растворяетъ обѣ половинки дверей; тогда какъ для членовъ третьяго сословія отворяетъ только одну половинку. Впрочемъ, для прохода мѣста достаточно, а у его величества въ запасѣ улыбки для всѣхъ.

Добрый Людовикъ принимаетъ почтенныхъ членовъ съ улыбками надежды. Онъ приготовилъ для нихъ залу des Menus, самую большую изъ всѣхъ, имѣющихся по близости къ его покоямъ, и часто наблюдалъ за рабочими во время работъ. Это—обширная зала съ приподнятой платформой для трона, двора и особъ королевской крови, съ мѣстами для шести сотъ депутатовъ общинъ въ центрѣ, для половины этого числа депутатовъ духовенства, по одну сторону, и половины депутатовъ отъ дворянства—по другую. Въ залѣ есть высокія галлереи для придворныхъ дамъ, блистающихъ платьями изъ золотого газа, для иностранныхъ дипломатовъ и другихъ расшитыхъ золотомъ господъ въ бѣлыхъ жабо, въ числѣ двухъ тысячъ; всѣ они могутъ смотрѣть оттуда на происходящее. Широкіе проходы пересѣкаютъ залу и окружаютъ ея внутреннюю стѣну снаружи. Здѣсь есть комнаты для засѣданія комитетовъ и комнаты для стражи, и раздѣвальни; это дѣйствительно великолѣпная зала, и искусство обойщика, съ помощью другихъ второстепенныхъ искусствъ, сдѣлало всевозможное для ея украшенія; нѣтъ недостатка и въ матеріяхъ малиноваго цвѣта съ кистями, и въ эмблематическихъ цвѣтахъ лиліи, fleurs de lys.

Зала готова, и даже костюмы установлены; представители общинъ будутъ въ шляпахъ не съ опущенными полями, а съ загнутыми; что касается до способа работы, до поголовнаго или посословнаго „голосованія" и до остального, то все это остается не рѣшеннымъ, хотя пора бы установить и это, такъ какъ чрезъ нѣсколько часовъ, пожалуй, будетъ уже поздно. Однако этотъ вопросъ остается нерѣшеннымъ и волнуетъ сомнѣніемъ сердца тысячи двухсотъ человѣкъ.

Но вотъ, наконецъ, взошло солнце понедѣльника 4-го мая—безучастное, какъ будто это былъ совсѣмъ обыкновенный день. И если первые лучи его могли вызывать мелодическіе звуки у статуи Мемнона, на берегу Нила, то какіе же трепещущіе, полные ожиданій и предчувствій звуки должны были вызвать теперь солнечные лучи въ груди каждаго версальца! Огромный Парижъ устремился сюда во всевозможныхъ, вообразимыхъ и невообразимыхъ, экипажахъ; изъ каждаго города, изъ каждой деревни стекались второстепенные ручьи. Версаль—настоящій океанъ людей; особенно отъ церкви св. Людовика до церкви Богоматери широкія живыя волны движутся, брызжа пѣной до края дымовыхъ трубъ. На трубахъ, на крышахъ, на каждомъ фонарномъ столбѣ, на каждой вывѣскѣ, въ каждомъ удобномъ уголкѣ помѣстилось патріотическое мужество; въ каждомъ окнѣ блистаетъ патріотическая красота, такъ какъ депутаты собираются въ церкви св. Людовика, чтобы идти процессіей къ церкви Богоматери, слушать проповѣдь.

Да, друзья, сидите и смотрите; пусть вся Франція и вся Европа,—матеріально, или мысленно, сидитъ и смотритъ, потому что дней, подобныхъ этому, мало. О, можно было бы плакать, подобно Ксерксу: вотъ они стѣснились рядами, усѣлись въ вышинѣ, какъ крылатыя, слетѣвшія съ неба существа: всѣ они, и множество другихъ, которые послѣдуютъ за ними, опять улетятъ отсюда, исчезнутъ въ голубой глубинѣ, а воспоминаніе объ этомъ днѣ будетъ еще свѣжо.

Это день крещенія демократіи; ее родила больная эпоха, по истеченіи обычнаго числа мѣсяцовъ. Это день предсмертнаго соборованія для феодализма! Отжившая система общества, разрушенная работою (такъ какъ она много сдѣлала: произвела васъ, и то, что вы знаете и имѣете!), ссорами и хищничествомъ, которыя называютъ славными побѣдами, излишествами, чувственностью и, вообще, впавшая въ дѣтство и одряхлѣвшая, теперь должна умереть: другая система должна родиться среди мукъ смерти и рожденія. Сколько труда, о, земля и небо! Сколько труда! Битвы и кровопролитія, сентябрскія убійства, мосты Лоди, отступленіе изъ Москвы, Ватерлоо, десяти-фунтовыя льготы, смоляныя бочки, гильотина, и, начиная съ этого дня, если бы можно было предсказать, еще около двухъ столѣтій борьбы. Два столѣтія—врядъ ли меньше—минетъ до тѣхъ поръ, пока демократія пройдетъ черезъ необходимыя, большей частью ужасныя, ступени плутократіи и зачумленный міръ сгоритъ, чтобы снова зазеленѣть и помолодѣть.

Тѣмъ не менѣе, радуйтесь, версальскія толпы! Вамъ, для которыхъ все это скрыто, виденъ только славный конецъ. Сегодня произнесенъ смертный приговоръ всякому обману; все же реальное призвано къ воскресенію, хотя бы и въ отдаленномъ будущемъ. Въ этотъ день громко объявлено, какъ трубою последняго суда, что ложь не заслуживаетъ довѣрія. Вѣрьте этому, стойте на этомъ, хотя бы и не было ничего больше; и пусть будетъ, что будетъ. „Вы не можете иначе, и Богъ вамъ въ помочь!" Такъ говорилъ тотъ, кто былъ больше, чѣмъ кто бы то ни было изъ васъ, открывая свою главу всемірной исторіи.

Взгляните, однако! Двери церкви св. Людовика широко раскрываются и процессія изъ процессій направляется къ церкви Богоматери! Въ воздухѣ раздаются крики, отъ которыхъ птицы Греціи пали бы мертвыми. Это дѣйствительно торжественное, величественное зрѣлище. Вотъ избранники Франціи, и дальше дворъ Франціи; они выстроены и идутъ, каждый на указанномъ ему мѣстѣ и въ указанномъ костюмѣ. Коммонеры „въ простыхъ черныхъ плащахъ и бѣлыхъ галстухахъ", дворянство въ вышитыхъ золотомъ, яркаго цвѣта бархатныхъ камзолахъ, сіяющихъ, шуршащихъ кружевами, съ развѣвающимися перьями; духовенство, въ мантіяхъ, стихаряхъ и другихъ облаченіяхъ pontificalibus. Послѣднимъ идетъ король и королевская семья въ блестящихъ парадныхъ одеждахъ; это самый блестящій и послѣдній парадъ для нея. Около тысячи четырехъ сотъ человѣкъ сошлось со всѣхъ сторонъ для исполненія важнѣйшаго порученія.

Да, эта безмолвно идущая толпа несетъ будущность. Надъ нею не символическій ковчегъ, какъ у древнихъ евреевъ, но и у нея есть свой завѣтъ и она также открываетъ новую эру въ исторіи человѣчества. Здѣсь все будущее, здѣсь мрачно задумавшаяся надъ нимъ судьба. Она въ сердцахъ, въ смутныхъ мысляхъ этихъ людей, невѣдомая и неизбѣжная. Странно подумать: они несутъ ее въ себѣ, но не они, не смертные, а только Всевидящее Око читаетъ ее, развертывающуюся въ огнѣ и громѣ осадныхъ и полевыхъ батарей, въ шелестѣ боевыхъ знаменъ, въ топотѣ ордъ, въ заревѣ пылающихъ городовъ и въ крикѣ задушаемыхъ націй! Все это заключено, скрыто въ этомъ четвертомъ днѣ мая, вѣрнѣе, было заключено въ другихъ, неизвѣстныхъ дняхъ, а послѣдній день является только очевиднымъ плодомъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько чудесъ содержитъ въ себѣ каждый день, если бы мы имѣли зрѣніе (котораго мы, къ счастью, не имѣемъ), чтобы разбирать ихъ: потому что каждый, даже самый незначительный день является „сліяніемъ двухъ вѣчностей".

А пока, предположимъ, добрый читатель, что и мы, а муза Кліо позволяетъ намъ это безъ всякаго чуда, стоимъ гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ, и глядимъ на эту процессію, на это живое море, но совсѣмъ другими глазами, чѣмъ смотрятъ всѣ остальные, а именно: глазами пророческими. Вѣдь, мы можемъ взлѣзать и стоять, гдѣ хотимъ, не опасаясь паденія.

Что касается до моря жизни, или до безчисленнаго множества глазѣющихъ людей, то, къ сожалѣнію, все это слишкомъ смутно. Хотя, если мы присмотримся внимательно, развѣ не замѣтимъ мы здѣсь дѣйствительно, или предположительно присутствующія безымянныя фигуры,—и даже не мало такихъ,—которыя не всегда останутся безымянными: молодую баронессу Сталь, напримѣръ, которая, конечно, смотритъ въ окно среди другихъ старшихъ и почтенныхъ дамъ [1]). Ея отецъ—министръ и одинъ изъ участниковъ парада; въ своихъ собственныхъ глазахъ онъ—самый важный. Молодая, умная амазонка, не здѣсь ты найдешь успокоеніе; ни ты, ни твой возлюбленный отецъ, о которомъ можно сказать: какъ Мальбраншъ видѣлъ все существующее въ Богѣ, такъ Неккеръ видитъ все въ Неккерѣ,—теорема не совсѣмъ состоятельная.

А гдѣ же чернокудрая, легкомысленная мадмуазель Теруань, съ пламеннымъ сердцемъ? Краснорѣчивая красавица,—смуглянка, чьи слова и взгляды проникнутъ въ суровую грудь стальныхъ батальоновъ и убѣдятъ даже австрійскаго императора,—тебѣ суждены въ свое время пика и каска, но увы! и горячечная рубашка, и долгое пребываніе въ Сальпетріерѣ! Лучше бы тебѣ остаться въ твоемъ родномъ Люксембургѣ и сдѣлаться матерью дѣтей какого нибудь честнаго человѣка; но не такова была твоя задача и не такова была твоя судьба.

А какъ, не имѣя желѣзнаго языка, или сотни желѣзныхъ языковъ, перечислить знаменитостей грубаго пола! Развѣ маркизъ Валади не покинулъ поспѣшно свою широкополую квакерскую шляпу, свой пиѳагорейскій греческій языкъ въ Уэппингѣ, и городъ Гласго? [2]) А де Морандъ изъ „Courrier de l'Europe", а Линге изъ „Annales" развѣ не смотрѣли сюда съ жадностью сквозь лондонскій туманъ, и не сдѣлались эксъ-издателями,—чтобы насытить гильотину и получить должное? Не Луве ли это (авторъ „Фоблаза") поднялся на носки? А тамъ—Бриссо, именуемый де Варвилль, другъ Чорныхъ? Онъ, съ маркизомъ Кондорсе и женевцемъ Клавіеромъ, „создали Moniteur", или готовы создать его. Отдать отчетъ о такомъ днѣ должны умѣлые редакторы.

А видишь ли ты сколько нибудь отчетливо,—вѣроятно, очень низко, вовсе не на почетныхъ мѣстахъ,—нѣкоего Станислава Мальяра, ѣздоваго сторожа (Huissier à cheval) изъ Шатле, одного изъ хитрѣйшихъ людей? а также капитана Гюлэна изъ Женевы, капитана Эли изъ полка королевы: оба имѣютъ видъ какъ бы получившихъ половинную плату? А вотъ Журданъ съ кирпичнаго цвѣта бакенами, еще не превратившимися въ кирпичнаго цвѣта бороду, недобросовѣстный торговецъ мулами. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ сдѣлается Журданомъ-головорѣзомъ и у него будетъ другое занятіе.

Несомнѣнно на такомъ же, далеко не почетномъ, мѣстѣ стоитъ, или, ворча, поднимается на носки,—такъ какъ и онъ тоже хочетъ видѣть, несмотря на свой маленькій ростъ,—грязнѣйшій изъ смертныхъ, съ гноящимися глазами, пахнущій сажей и лошадиными лекарствами, Жанъ Поль Маратъ изъ Невшателя! О, Маратъ, обновитель гуманитарной науки, лекторъ по оптикѣ, о, ты, когда то замѣчательнѣйшій изъ ветеринаровъ въ конюшняхъ д'Артуа; что видитъ твоя увядшая душа, выглядывающая съ твоего увядшаго, изборожденнаго горестью жизни лица, когда смотришь на все это? Не чуть ли брежжущій лучъ надежды, подобный разсвѣту на Новой Землѣ? Или же голубой сѣрнистый свѣтъ съ призраками, горемъ, подозрѣніями и местью безъ конца?

О торговцѣ сукномъ Лекуантрѣ, который заперъ свою суконную лавку и толкается здѣсь, едва ли нужно говорить, точно такъ же, какъ и о Сантеррѣ, зычноголосномъ пивоварѣ изъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. Укажемъ на двѣ другія фигуры, и только двѣ. Одна высокая, мускулистая, съ грубымъ плоскимъ лицомъ (figure écrasée), изъ подъ черныхъ бровей котораго смотритъ огромная энер-

---

[1]) Madame de Staël. Considérations sur la Révolution Française, London. 1818, I. 114—191.

[2]) Founders of the French République. (London, 1798), § Valadi.

гія еще не взбѣсившагося Геркулеса: эта фигура, нуждающійся адвокатъ безъ практики, по имени Дантонъ; замѣтьте его. Другая: его товарища и брата по профессіи, человѣка слабаго сложенія, съ длинными вьющимися волосами, съ оттѣнкомъ озорства на лицѣ, чудесно освѣщаемомъ геніемъ, словно внутри его горитъ керосиновая лампа: эта фигура — Камиллъ Демуленъ, одаренный неистощимой находчивостью, остроуміемъ, юморомъ; это одна изъ умнѣйшихъ и проницательнѣйшихъ головъ среди этихъ милліоновъ. Бѣдный Камиллъ, пусть говорятъ о тебѣ, что хотятъ, но солгалъ бы тотъ, кто сталъ бы увѣрять, что можно не любить тебя, искрометный, бѣшеный человѣкъ! А мускулистая, пока еще не яростная фигура, какъ мы сказали, — Жакъ Дантонъ, имя, которое будетъ „достаточно извѣстно въ революціи". Онъ — президентъ, или будетъ президентомъ избирательнаго округа Кордельеровъ въ Парижѣ и откроетъ свои мѣдныя легкія.

Не будемъ долѣе задерживаться на этой смѣшанной, кричащей толпѣ; вотъ, глядите, идутъ депутаты общинъ!

Можно ли угадать, который изъ этихъ шестисотъ индивидовъ въ простыхъ бѣлыхъ галстукахъ, пришедшихъ возродить Францію, сдѣлается ихъ королемъ? Вѣдь, должны же они, какъ и всякая корпорація людей, имѣть короля, или вожака. Каково бы ни было ихъ дѣло, среди нихъ есть человѣкъ, который по характеру, по дарованіямъ, по положенію, всѣхъ болѣе способенъ къ тому; этотъ человѣкъ, будущій, еще не избраный король, идетъ теперь среди всѣхъ остальныхъ. Не этотъ ли, —съ густыми черными волосами, съ „кабаньей головой" какъ онъ самъ ее называетъ, какъ будто созданный для того, чтобы качать ею въ сенатѣ въ видѣ предостереженія? Взглядъ изъ подъ густыхъ нависшихъ бровей, и все лицо рябое, покрытое шрамами, угреватое, безобразное отъ природы, испорченное оспой, выражаетъ несдержанность, распущенность, и горитъ огнемъ генія, подобнымъ огню кометы, мерцающей среди темнѣйшаго хаоса. Это — Габріель Оноре Рикетти де Мирабо, владыка міра, вождь людей, депутатъ Э. По словамъ баронессы де-Сталь, онъ идетъ гордо, хотя на него смотрятъ здѣсь косо, и потрясаетъ своей черной львиной гривой, какъ будто предсказывая великія дѣянія.

Да, читатель, это типичный французъ той эпохи, такъ же, какъ Вольтеръ былъ типичнымъ французомъ предшествующей. Онъ французъ по своимъ стремленіямъ и дѣламъ, по своимъ добродѣтелямъ и порокамъ — можетъ быть — больше французъ, чѣмъ кто-либо другой, и, кромѣ того, какой въ немъ запасъ мужества! Замѣтьте его хорошенько. Безъ него національное собраніе было бы совершенно инымъ; да, онъ могъ сказать вмѣстѣ со старымъ деспотомъ: „Національное собраніе — это я". Онъ родился въ южномъ климатѣ, въ его жилахъ течетъ дикая южная кровь: Рикетти, или Аригетти должны были бѣжать изъ Флоренціи отъ гвельфовъ нѣсколько столѣтій тому назадъ и основались въ Провансѣ, гдѣ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, они заявляли себя, какъ особая раса, вспыльчивые, неукротимые, рѣзкіе, но вѣрные, какъ сталь, которую они носили, проявляя дѣятельность и энергію, подчасъ граничившую съ безуміемъ, однако, не доходившую до него. Одинъ изъ старыхъ Рикетти, безумно выполняя безумный обѣтъ, сковалъ цѣпью двѣ горы; и цѣпь, съ „желѣзной звѣздой изъ пяти лучей" видна до сихъ поръ. А новый Рикетти, пожалуй, раскуетъ что-нибудь и пуститъ по волнамъ, что намъ также суждено увидѣть.

Судьба приготовила работу этому смуглому, большеголовому Мирабо: судьба бодрствовала надъ нимъ, подготовила его исподволь. Дѣдъ его, сильный Col d'Argent (прозванный Серебрянымъ Горломъ), лежалъ на мосту въ Казано, разсѣченный и избитый, съ двадцатью семью ранами, полученными въ теченіе одного жестокаго дня, и кавалерія принца Евгенія скакала черезъ него взадъ и впередъ; только одинъ бѣгущій сержантъ прикрылъ походною кастрюлей эту любимую голову; герцогъ Вандомскій выронилъ свою подзорную трубу и простоналъ: „Значитъ, Мирабо — мертвъ!" Но Мирабо не былъ мертвъ; онъ очнулся для жизни и для чудеснаго исцѣленія, такъ какъ Габріель долженъ былъ родиться.

На своей серебряной шеѣ онъ еще долгіе годы прямо держалъ свою разбитую голову; женился и произвелъ на свѣтъ маркиза Виктора — друга людей. Наконецъ, отъ него, въ предопредѣленномъ 1749 году, увидѣлъ свѣтъ этотъ давно-жданный, грубо скроенный Габріель Оноре, самый дикій львенокъ изъ всѣхъ когда либо рождавшихся отъ этой дикой породы. Съ какимъ удивленіемъ старый левъ (потому что нашъ старый маркизъ былъ тоже подобенъ льву: непобѣдимый, царственно геніальный и страшно упрямый) смотрѣлъ на свой отпрыскъ, и онъ рѣшилъ дрессировать его, какъ никогда не былъ дрессированъ ни одинъ левъ! Напрасно, о, маркизъ! Этотъ львенокъ, хотя бы ты раздавилъ его или содралъ съ него шкуру, никогда не впряжется въ собачью телѣжку политической экономіи и не будетъ другомъ людей; онъ не будетъ тобою, но долженъ быть и будетъ самимъ собою, не такимъ, какъ ты. Бракоразводные процессы, „цѣлая семья, кромѣ одного, заключенная въ тюрьму, и шестьдесятъ lettres de cachet“, для одного твоего употребленія — только удивятъ міръ и больше ничего.

Нашъ несчастный Габріель, грѣшившій и терпѣвшій отъ прегрѣшеній другихъ противъ него, былъ на островѣ Ре и изъ своей башни слушалъ шумъ Атлантическаго океана; былъ въ замкѣ Ифъ и слушалъ шумъ Средиземнаго моря въ Марселѣ; былъ и въ крѣпости Жу, и прожилъ сорокъ два мѣсяца, почти безъ одежды, въ Венсеннской башнѣ; и все это благодаря Lettres de Cachet своего льва-отца. Онъ сидѣлъ въ тюрьмахъ Понтарліе (добровольно отдавшись плѣнникомъ); его видѣли перебирающимся черезъ морскіе лиманы (при отливѣ) и бѣгущимъ отъ лица людей. Онъ защищался передъ парламентомъ въ Э (чтобы получить обратно свою жену) и публика собралась на крышахъ, чтобы видѣть, такъ какъ она не могла слышать „пустомелю“ (claque-dents), какъ называлъ сына старый чудакъ Мирабо, видѣвшій въ этомъ юридическомъ краснорѣчіи, вызывавшемъ восхищеніе, только хлопаніе двухъ челюстей пустой головы, звонкой, какъ барабанъ.

И чего только не видалъ и не испыталъ Габріель Оноре въ этихъ странныхъ приключеніяхъ. Онъ видалъ людей всякого рода отъ сержанта до перваго министра, видалъ и иностранныхъ, и домашнихъ книгопродавцевъ. И онъ завладѣвалъ людьми, потому что въ сущности у этого неукротимаго дикаря было общительное и любящее сердце; особенно легко завладѣвалъ онъ всякаго рода женщинами, начиная съ дочери полицейскаго въ Сентѣ и до молодой красавицы Софіи Моннье, которую ему пришлось „похитить“, за что онъ былъ обезглавленъ заочно! Едва ли, съ тѣхъ поръ какъ умеръ, къ удивленію Али, арабскій пророкъ, существовалъ другой такой герой любви, обладавшій силою тридцати мужчинъ, какъ Габріель Мирабо. Во время войны, онъ помогъ завоевать Корсику, дрался на дуэляхъ, въ безпорядочныхъ вспышкахъ билъ хлыстомъ клеветниковъ-бароновъ. Въ литературѣ онъ написалъ о Деспотизмѣ и о Lettres-de-Cachet, писалъ и эротическія сочиненія, и въ Вертеровскомъ духѣ, и непристойныя, и святотатственныя; написалъ книги о прусской монархіи, о Каліостро, о Калоннѣ, о Водяныхъ компаніяхъ Парижа; и каждая его книга, можно сказать, напоминала смоляной огонь, зажженный для поднятія тревоги, сильный, дымный и внезапный! Жаровня, горючій матеріалъ, смола, принадлежали ему, но кучи тряпья, стараго дерева и всевозможнаго неимѣющаго имени горючаго хлама (потому что у него все годилось для горѣнія) были взяты у разныхъ разнощиковъ и тряпичниковъ, какіе только существуютъ подъ небесами. Вотъ почему достаточное число этихъ разнощиковъ кричали: Прочь отсюда, огонь — мой!

Да, съ общей точки зрѣнія, рѣдко кто обладалъ такимъ талантомъ позаимствованія. Мирабо умѣлъ присвоивать себѣ идею и способность другого человѣка, какъ онъ умѣлъ овладѣвать и самимъ человѣкомъ. „Онъ весь — отраженіе и заимствованный свѣтъ“ (tout de reflet et de réverbère), ворчитъ старый Мирабо, который могъ бы видѣть правду, но не хочетъ. Угрюмый старый Другъ людей!

вѣдь, это дѣло общительности, собирательной натуры, твоего сына, которая будетъ его качествомъ изъ качествъ. Въ своей сорокалѣтней „борьбѣ противъ деспотизма" онъ пріобрѣлъ великую способность самопомощи, хотя не утратилъ и великаго природнаго дара общительности и пользованія чужой помощью. Рѣдкое соединеніе: этотъ человѣкъ можетъ жить, довольствуясь самимъ собою, но также и жить жизнью другихъ людей; можетъ заставить людей любить себя, работать вмѣстѣ съ собою. Это прирожденный король людей!

И далѣе, смотрите, какъ онъ, — снова ворчитъ старый Мирабо, — „освободился отъ всякихъ формулъ (humé, проглотилъ)" — фактъ, который, если поразмыслить надъ нимъ, много значитъ въ эти дни. Это — не человѣкъ системы; это только человѣкъ инстинктовъ и проникновеній. Тѣмъ не менѣе это человѣкъ, который смѣло смотритъ на каждый предметъ, видитъ его насквозь и овладѣваетъ имъ, такъ какъ у него ума, воли и силы больше, чѣмъ у другихъ людей. Это человѣкъ, не съ очками логики, а съ ясными зрячими глазами! Къ несчастью, это—человѣкъ, не признающій ни десяти заповѣдей, ни моральнаго кодекса, ни какихъ бы то ни было положительныхъ теоремъ; но человѣкъ съ сильной, живой душой, и въ этой душѣ живетъ искренность; онъ—сама реальность, а не искусственность, не притворство! Поэтому онъ, „боровшійся сорокъ лѣтъ противъ деспотизма" и „освободившійся отъ всякихъ формулъ", и становится теперь ходатаемъ націи, стремящейся сдѣлать то же самое. Развѣ борьба Франціи не заключается именно въ томъ, чтобы сбросить съ себя деспотизмъ, освободиться отъ своихъ старыхъ формулъ, такъ какъ она нашла ихъ негодными, отжившими, далекими отъ дѣйствительности? Она предпочитаетъ, если нужно, остаться обнаженной отъ всякихъ формулъ, пока не найдетъ новыхъ.

Къ такому-то дѣлу и такимъ-то путемъ идетъ этотъ странный Рикетти Мирабо. Вотъ онъ—пламенная и суровая фигура, съ черными кудрями Самсона подъ шляпой съ широкими опущенными полями: вотъ эта горючая, дымящаяся масса, которую нельзя ни подавить, ни потушить, пока она не наполнитъ дымомъ всю Францію. Теперь она нашла себѣ воздухъ; она сожжетъ все свое вещество, всю свою дымящуюся атмосферу и наполнитъ всю Францію пламенемъ. Странный жребій! Сорокъ лѣтъ такого тлѣнія, съ вонючимъ дымомъ и испареніями: потомъ — побѣда надъ всѣмъ этимъ: и подобно пылающей горѣ онъ поднимается высоко къ небесамъ, и въ теченіе двадцати-трехъ блестящихъ мѣсяцевъ выливаетъ въ пламени и расплавленныхъ огненныхъ потокахъ все, заключавшееся въ его душѣ, служа маякомъ и дивнымъ знаменіемъ для изумленной Европы; а затѣмъ — онъ лежитъ безжизненный, охладѣвшій навѣки! Проходи, загадочный Габріель Оноре, величайшій изъ всѣхъ этихъ народныхъ депутатовъ; во всей націи нѣтъ подобнаго тебѣ, нѣтъ ни одного, кто могъ бы сравниться съ тобою.

Но если Мирабо — величайшій, то кто же изъ этихъ шестисотъ самый незначительный? Не этотъ ли небольшой, невзрачный человѣкъ, лѣтъ подъ тридцать? Если бы не очки, можно бы замѣтить, что глаза его смотрятъ безпокойно, озабоченно, лицо его приподнято кверху, словно онъ чуетъ наступающія смутныя времена; цвѣтъ лица пестро желчный, въ общемъ блѣдно-зеленоватый, какъ цвѣтъ морской воды [1]). Этотъ зеленоватый субъектъ—адвокатъ изъ Арра, по имени Максимиліанъ Робеспьеръ. Онъ — сынъ адвоката: отецъ его былъ основателемъ масонскихъ ложъ при Карлѣ-Эдуардѣ, англійскомъ принцѣ или претендентѣ. Максимиліанъ, старшій сынъ, былъ воспитанъ на гроши; его школьнымъ товарищемъ въ коллегіи Louis le Grand въ Парижѣ былъ рѣзвый Камиллъ Демуленъ. Но Робеспьеръ просилъ знаменитаго кардинала-ожерелья, Рогана, своего покровителя, позволить ему уѣхать и уступить мѣсто своему младшему брату. Положительный Максъ уѣхалъ домой въ родной Арра, и даже защищалъ тамъ—не безуспѣшно—процессъ „въ пользу перваго громоотвода", изобрѣтеннаго Франклиномъ. Со своимъ строгимъ и точнымъ умомъ, съ ограниченнымъ, но

[1]) См. De Staël, Considerations (II, 142); Barbaroux, Mémoires & c.

яснымъ и быстрымъ пониманіемъ, онъ вошелъ въ милость у официальныхъ лицъ, которые видѣли въ немъ превосходнаго дѣлового человѣка, къ счастью, совершенно лишеннаго геніальности. Поэтому епископъ, посовѣтовавшись съ кѣмъ слѣдуетъ, назначилъ его судьей въ своей епархіи; и онъ добросовѣстно судилъ народъ, пока, наконецъ, однажды не явился обвиняемый, преступленіе котораго заслуживало повѣшенія, и неуклонно-мыслящій Максъ долженъ былъ отказаться отъ должности, такъ какъ его совѣсть не позволяла ему осудить на смерть сына Адама. Непреклонный умъ, тѣсно-связанный принципами! Такой человѣкъ непригоденъ для революцій. Или его мелкая душа, прозрачная, какъ безвредное жидкое пиво, можетъ, при случаѣ, перебродить въ крѣпкій уксусъ, порождающій постоянно новый уксусъ, пока вся Франція не пропитается имъ? Увидимъ.

Между этими двумя крайностями: самымъ крупнымъ и самымъ мелкимъ, сколько и большихъ и малыхъ проходитъ мимо насъ въ этой процессіи, стремясь къ своимъ различнымъ судьбамъ! Вотъ Казалесъ, молодой, ученый, военный, который сдѣлается краснорѣчивымъ ораторомъ роялизма и пріобрѣтетъ тѣнь извѣстности. Вотъ опытный Мунье, опытный Малуэ, президентско - парламентская опытность котораго скоро потерпитъ крушеніе въ потокѣ событій. Петіонъ оставилъ свои тогу и бумаги въ Шартрѣ, для болѣе бурныхъ защитительныхъ рѣчей; но, будучи любителемъ музыки, онъ не забылъ своей скрипки. Его волосы сѣдѣютъ, хотя онъ еще молодъ: въ этомъ человѣкѣ живутъ непоколебимо ясныя убѣжденія и вѣрованія, и не послѣднее изъ нихъ — вѣра въ самого себя. Здѣсь протестантскій священникъ Рабо Сентъ-Этьеннъ; здѣсь стройный, молодой, краснорѣчивый и стремительный Барнавъ, и они также будутъ помогать возрожденію Франціи. Здѣсь столько молодыхъ! Спартанцы не позволяли своимъ гражданамъ жениться до тридцати лѣтъ. А сколько здѣсь людей, моложе тридцати лѣтъ,

Жакъ-Антуанъ Казалесъ.

Жанъ-Жозефъ Мунье.

Петіонъ де Вильневъ.

Рабо Сентъ-Этьеннъ.

которые должны произвести не одного только сильнаго гражданина, а цѣлую націю, цѣлый міръ гражданъ! Старые должны чинить прорѣхи, молодые—удалять обломки; и развѣ послѣдняя задача—не главная?

Темной и безформенной издали, хотя и подлинной, показывается депутація изъ Нанта. Для насъ это — простые фигуранты въ плащахъ и широкополыхъ шляпахъ, однако они несутъ въ карманѣ Cahier de doléances, содержащую странный пунктъ, и не одинъ такой: „чтобы мастера-парикмахеры въ Нантѣ не страдали болѣе отъ новыхъ собратій по корпораціи, такъ какъ нынѣ существующее число девяносто двухъ—болѣе, чѣмъ достаточно!" [1]). Народъ Ренна избралъ фермера Жерара, „человѣка честнаго, съ природнымъ здравымъ смысломъ, но безъ всякаго образованія". Вотъ онъ идетъ твердыми шагами, единственный въ „своемъ сельскомъ костюмѣ фермера", который онъ хочетъ носить всюду, не заботясь о плащахъ и камзолахъ. Имя Жерара,—„Père Gérard" (дядя Жераръ), какъ земляки любятъ называть его,—прозвучитъ далеко, разнесется въ безконечныхъ шуткахъ, въ роялистскихъ сатирахъ, въ республиканскихъ, дидактическихъ альманахахъ [2]). Что касается до самого Жерара, то, когда его однажды спросили, что онъ искренно думаетъ о парламентской работѣ,послѣ того какъ испробовалъ ее, онъ отвѣтилъ: „Я думаю, что между нами есть не мало негодяевъ". Такъ твердо выступаетъ дядя Жераръ въ своихъ грубыхъ башмакахъ, куда бы ему ни пришлось идти.

Пьеръ-Жозефъ Барнавъ.

А гдѣ же достойный докторъ Гильотенъ, котораго мы надѣялись еще разъ увидѣть? Если его и нѣтъ, то онъ долженъ бы быть здѣсь, и мы видимъ его пророческимъ взоромъ, такъ какъ парижскіе депутаты дѣйствительно всѣ немножко запоздали. Странный Гильотенъ, почтенный практикъ, осужденный насмѣшкой судьбы на такую безсмертную славу, до которой когда либо былъ вознесенъ скромный смертный изъ своего мѣста успокоенія и изъ лона забвенія! Гильотенъ можетъ улучшить вентиляцію залы и быть дѣйствительно полезнымъ во всѣхъ случаяхъ примѣненія санитарной полиціи и гигіены; но—что гораздо важнѣе—онъ можетъ написать „докладъ объ уложеніи о наказаніяхъ" и описать въ немъ искусно придуманную машину для обезглавливанія, которая пріобрѣтетъ всемірную славу. Таковъ продуктъ усилій Гильотена, добытый не безъ размышленія и чтенія,—продуктъ, который народная признательность, или народное легкомысліе, окрестили женскимъ производнымъ: „La Guillotine", словно машина была дочерью изобрѣтателя. „Моей машиной, господа, я отрубаю вамъ голову (vous fais sauter la tête) въ одно мгновеніе ока; вы и боли не почувствуете". И эти слова у всѣхъ вызываютъ смѣхъ [3]).

Жозефъ Гильотенъ.

[1]) Histoire parlementaire I, 335.

[2]) Actes des Apôtres, Almanach du père Gérard etc. etc.

[3]) Moniteur, отъ 1 декабря 1789 (Histoire parlementaire).

Несчастный докторъ! Въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ онъ — негильотинированный—будетъ слышать только о гильотинѣ, видѣть только гильотину; а послѣ смерти онъ долженъ будетъ въ теченіе долгихъ столѣтій скитаться безутѣшной тѣнью по сю сторону Стикса и Леты, такъ какъ имя его, вѣроятно, переживетъ имя Цезаря.

Глядите, вотъ Бальи, тоже изъ Парижа, почтенныхъ лѣтъ историкъ старой и новой астрономіи. Бѣдный Бальи! твоя прекрасная философія, ясная и спокойная, какъ кроткій лунный свѣтъ, кончится въ смрадномъ хаосѣ президентства, мэрства, дипломатической офиціальности, пошлости и въ бездиѣ вѣчнаго мрака! Далекій путь—спускаться съ небеснаго млечнаго пути къ Drapeau rouge, къ этой роковой навозной кучѣ, возлѣ которой ты будешь „дрожать“ въ послѣдній адскій день хотя бы только отъ холода! Теорія не практика; быть слабымъ—еще небольшое несчастье, но великое несчастье оказаться слабѣе своей задачи. Да будетъ проклятъ тотъ день, когда тебя, мирнаго пѣшехода посадили на дикаго Гиппогрифа Демократіи, который, оттолкнувшись отъ земли, поднялся до самихъ звѣздъ, и не было еще Астольфа, который могъ бы удержаться на немъ!

Жанъ Бальи.

Между депутатами общинъ есть купцы, артисты, литераторы; триста семьдесятъ четыре законовѣда и одинъ священникъ: аббатъ Сіесъ. И его также прислалъ Парижъ въ числѣ своихъ двадцати депутатовъ. Посмотрите на него, этого легкаго, тонкаго человѣка: холоднаго, но эластичнаго и гибкаго; онъ одаренъ инстинктомъ и гордостью логики; онъ чуждъ страстей, кромѣ одной: самомнѣнія, если только можно назвать страстью то, что онъ въ своемъ личномъ, сосредоточенномъ величіи, возвышается до трансцендентальности, и смотритъ оттуда съ равнодушіемъ боговъ на людскія страсти. Настоящій человѣкъ—это онъ, и вся мудрость умретъ вмѣстѣ съ нимъ; это—Сіесъ, который будетъ строителемъ системъ, главнымъ строителемъ конституцій, возводящимъ ихъ (въ любомъ количествѣ) до самыхъ небесъ, но, къ несчастью, всѣ онѣ упадутъ прежде, чѣмъ съ нихъ снимутся лѣса. „Политика, говорилъ онъ Дюмону,—наука, которую, мнѣ думается, я прошелъ“ [1]. Но какія вещи, о, Сіесъ, суждено было увидать твоимъ зоркимъ очамъ! Любопытно было бы знать, какъ онъ теперь (говорятъ, что онъ еще живъ) [2] смотритъ на всѣ эти конституціонныя построенія трезвымъ взглядомъ глубокой старости? Можно ли надѣяться, что онъ сохранилъ свой старый непобѣдимый трансцендентализмъ? Побѣдоносное дѣло угодно богамъ, а побѣжденное—Сіесу (victa Catoni).

Аббатъ Сіесъ.

---

[1]) Dumont, Souvenirs sur Mirabeau, p. 64.

[2]) A. D. 1834.

Такъ прошла процессія депутатовъ общинъ, среди потрясающихъ воздухъ виватовъ и благословеній отъ всѣхъ сердецъ.

За ними слѣдуетъ дворянство, затѣмъ духовенство; относительно обоихъ этихъ сословій можно спросить: зачѣмъ собственно они пришли? Спеціально для того, — какъ бы мало ни думали они объ этомъ, — для того, чтобы отвѣтить на слѣдующій вопросъ, заданный имъ громовымъ голосомъ: — Что вы дѣлаете на прекрасной божьей землѣ, въ божьемъ рабочемъ саду, гдѣ всякій, кто не трудится, проситъ милостыню, или воруетъ? Горе, горе имъ и всѣмъ, если они могутъ отвѣтить только: мы собираемъ десятину и охраняемъ дичь! Замѣтьте, пока, что герцогъ Орлеанскій умышленно идетъ впереди своего сословія и замѣшивается въ ряды коммонеровъ. Въ честь его раздаются виваты: на долю другихъ ихъ достается очень немного, хотя у всѣхъ качаются перья на „шляпахъ феодальной формы", и у всѣхъ шпаги сбоку, даже хотя среди нихъ находится д'Антрегъ, молодой лангедокскій дворянинъ и, кромѣ того, нѣсколько пэровъ, болѣе или менѣе заслуживающихъ вниманія.

Герцогъ Ларошфуко.

Маркизъ Лафайетъ.

Здѣсь же Ліанкуръ и Ларошфуко, либеральные герцоги-англоманы. Здѣсь Лалли со своей сыновней преданностью, и пара либеральныхъ Ламетовъ. Но, главное, здѣсь Лафайетъ, имя котораго будетъ: Кромвель - Грандиссонъ, и наполнитъ міръ. Лафайетъ также освободился отъ многихъ „формулъ", однако не отъ всѣхъ. Онъ придерживается формулы Вашингтона, и будетъ стоять на ней, какъ стоитъ и качается на прочномъ якорѣ крѣпкій военный корабль, оказавшійся прочно стоящимъ и послѣ всѣхъ перемѣнъ самой яростной непогоды. Слава это для него, или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, это — счастье. Одинъ изъ всѣхъ французовъ онъ обладаетъ твердымъ міровоззрѣніемъ и душой, способной сообразоваться съ этимъ міровоззрѣніемъ; онъ можетъ стать героемъ и совершеннымъ характеромъ, хотя бы даже только героемъ одной идеи. Замѣтьте дальше нашего стараго друга по

Карлъ Ламетъ.

Александръ Ламетъ.

парламенту Криспена д'Эпремениля. Онъ возвратился съ острововъ Средиземнаго моря ярымъ роялистомъ, раскаивающимся до края ногтей: ему какъ будто неловко; блескъ его, бывшій, въ лучшемъ случаѣ, довольно тусклымъ, теперь мерцаетъ совсѣмъ блѣдно. Скоро національное собраніе, чтобы не терять времени, будетъ считать его „впавшимъ въ состояніе помѣшательства". Замѣтьте, наконецъ, этого сферическаго Младшаго Мирабо, негодующаго на то, что его старшій братъ—среди депутатовъ общинъ: это виконтъ Мирабо, чаще называемый Мирабо Tonneau (Мирабо-бочка) за его округлость и количество крѣпкихъ напитковъ, которое въ немъ содержится.

Итакъ, передъ нами проходитъ теперь французское дворянство. Оно сохраняетъ прежнюю рыцарскую пышность, хотя, увы, какъ измѣнилось его положеніе! Оно отнесено далеко отъ родной широты и быстро таетъ, какъ арктическія ледяныя горы, попавшія въ экваторіальное море. Нѣкогда эти рыцарскіе Duces (Dukes, какъ ихъ еще называли) дѣйствительно были вождями міра, вели его, хотя бы только къ военной добычѣ, которая давала тогда наилучшій заработокъ: а такъ какъ они, эти герцоги, были самыми искусными вожаками, то и получали львиную долю, которой никто не смѣлъ у нихъ оспаривать. Но теперь, когда выдумано столько станковъ, усовершенствованныхъ плуговъ, паровыхъ машинъ и векселей, когда даже для обученія солдатъ боевому дѣлу нанимаютъ сержантовъ по восемнадцати су въ день, что значатъ теперь эти рыцарскія фигуры въ раззолоченныхъ камзолахъ, идущіе „въ черныхъ бархатныхъ плащахъ", въ шляпахъ феодальной формы съ развѣвающимися перьями? Тростникъ, колеблемый вѣтромъ.

Теперь подошло духовенство, съ Cahiers, требующими уничтоженія совмѣстительства въ пользованіи приходами, назначенія резиденціи для епископовъ и болѣе правильной уплаты десятины [1]). Мы видимъ, что высокіе духовные сановники идутъ отдѣльно отъ многочисленныхъ духовныхъ лицъ не высокаго сана, которыя, собственно говоря, мало чѣмъ отличаются отъ представителей общинъ, и только одѣты въ рясы. И здѣсь, самыми странными путями исполнится заповѣдь: и тѣ, которые были первыми, (къ своему великому изумленію) станутъ послѣдними. Какъ на одинъ изъ многихъ примѣровъ, укажемъ на Грегуара: настанетъ день, когда кюре Грегуаръ будетъ епископомъ, тогда какъ теперешніе величественные сановники церкви будутъ блуждать, разсѣянные, въ качествѣ епископовъ in partibus. Замѣтьте также, хотя и въ другомъ смыслѣ, аббата Мори: у него широкое, смѣлое лицо, правильныя очертанія губъ, большіе глаза, блестящіе умомъ, лукавствомъ и своего рода софистикой, не признающей себя таковой. Онъ умѣетъ такъ искусно чинить старую гнилую кожу, что придаетъ ей видъ совершенно новой; это—человѣкъ, постоянно идущій въ гору; онъ обыкновенно говорилъ Мерсіе: „Вы уви-

Анри Грегуаръ.

Аббатъ Мори.

[1]) Hist. parl. 322—27.

дите, что я буду въ Академіи раньше васъ“ [1]). Дѣйствительно, ловкій Мори, мало того, ты получишь кардинальскую камилавку, и плюшъ, и славу; но, увы! со временемъ и тебя, какъ всякаго изъ насъ, ждутъ просто забвеніе и шесть футовъ земли! Что пользы чинить гнилую кожу для такого конца? Въ сравненіи съ этимъ, жизнь твоего добраго стараго отца, который зарабатываетъ, надѣемся, достаточный кусокъ хлѣба шитьемъ сапогъ, можетъ назваться славной. У Мори нѣтъ недостатка въ смѣлости; скоро онъ будетъ носить пистолеты и на угрожающіе смертью крики: „A la lanterne!“ (На фонарь!)—холодно отвѣтитъ: „Друзья мои, развѣ вы отъ этого будете лучше видѣть?“

А далѣе, замѣчаешь ли ты ковыляющаго епископа Таллейрана-Перигора, его преподобіе изъ Отена? На лицѣ этого непреподобнаго Преподобія изъ Отена читается сардоническая жестокость. Онъ будетъ дѣлать и терпѣть странныя вещи и самъ, несомнѣнно, сдѣлается однимъ изъ самыхъ странныхъ явленій, какія когда либо видѣлъ, или можетъ увидѣть міръ. Это человѣкъ, живущій во лжи и ложью; однако онъ—не то, что можно назвать лживымъ человѣкомъ, и въ этомъ его особенность! Онъ будетъ загадкой для будущихъ вѣковъ; по крайней мѣрѣ, можно надѣяться, что это будетъ такъ. До сихъ поръ, такое произведеніе природы и искусства было возможно только въ нашемъ бумажномъ, или сжигающемъ бумагу вѣкѣ. Смотрите на епископа Таллейрана и на маркиза Лафайета, какъ на высшихъ представителей этихъ двухъ родовъ людей и, глядя на то, что они сдѣлали, и на то, чѣмъ они были, скажите еще разъ: O Tempus ferax rerum!

Таллейранъ-Перигоръ.

Въ общемъ, развѣ это несчастное духовенство не было также увлечено потокомъ времени далеко отъ своей родной широты? Эта масса людей представляетъ аномалію, относительно которой цѣлый міръ начинаетъ смутно понимать, что онъ ничего не можетъ въ ней понять. Когда-то эти люди были пастырями, истолкователями премудрости, открывающими то, что есть святаго въ человѣкѣ, словомъ, настоящимъ духовенствомъ, Clerus (наслѣдіемъ Бога на землѣ); а теперь? Они, молча, проходятъ, со своими Cahiers, которые они составили, какъ умѣли, и никто не кричитъ имъ: „Благослови васъ Богъ!“

Король Людовикъ со своимъ дворомъ замыкаетъ процессію. Онъ—веселъ; въ этотъ день надеждъ его привѣтствуютъ рукоплесканіями; но еще больше рукоплещутъ его министру, Неккеру. Не то—по отношенію къ королевѣ, для которой больше не блеститъ надежда. Несчастная королева! Ея волосы уже сѣдѣютъ отъ горестей и заботъ; ея первенецъ при смерти боленъ ужъ нѣсколько недѣль; черная клевета несмываемо запятнала ея имя,—несмываемо, пока будетъ жить это поколѣніе. Вмѣсто Vive la Reine, голоса оскорбляютъ ее крикомъ Vive d'Orleans. Отъ ея царственной красоты осталось немного, кромѣ величавости; теперь она уже не граціозна, а высокомѣрна, сурова, молчалива въ страданіи. Волнуемая разнообразными чувствами, среди которыхъ нѣтъ мѣста радости, она примиряется съ этимъ днемъ, котораго надѣялась никогда не увидать. Бѣдная Марія-Антуанетта! у тебя благородные инстинкты, зоркій взглядъ, но слишкомъ ограниченное поле зрѣнія для того дѣла, которое тебѣ предстояло! Много слезъ пріуготовлено для тебя, много горчайшихъ страданій и тихаго женскаго горя, хотя въ груди твоей бьется сердце дочери императрицы Терезы. О, ты, осужденная, закрой глаза на будущее!

[1]) Mercier, Nouveau Paris.

И такъ избранники Франціи прошли величественной процессіей. Нѣкоторые изъ нихъ шли къ славѣ и стремительной, пламенной дѣятельности; большая часть—къ безчестью; не малое число—къ насильственной смерти, смутамъ, эмиграціи, отчаянію; и всѣ—къ вѣчности!—Въ сосудъ, въ которомъ происходитъ броженіе, брошено столько разнородныхъ элементовъ, чтобы, путемъ безчисленныхъ воздѣйствій и реакцій, путемъ сродства, развивающихся взрывчатыхъ веществъ, создать лекарство для больной, умирающей общественной системы! Вѣроятно, присмотрѣвшись хорошо, мы найдемъ, что это—самое странное сборище людей, какое когда либо встрѣчалось на нашей планетѣ для такого дѣла. Неисчислимо сложное общество готово дать взрывъ изъ своихъ безконечныхъ глубинъ, а эти люди, безъ всякихъ жизненныхъ правилъ даже для себя, кромѣ Евангелія по Жанъ-Жаку Руссо, призваны быть его вождями и врачами! Для мудрѣйшаго изъ нихъ,—для того, котораго мы должны назвать мудрѣйшимъ,—человѣкъ, собственно говоря, есть только случайность подъ небесами. У человѣка нѣтъ обязанностей по отношенію къ своимъ ближнимъ, кромѣ обязанности „сдѣлать конституцію.“ Надъ нимъ нѣтъ неба, подъ нимъ нѣтъ ада; въ мірѣ нѣтъ Бога для него.

Какая же другая или лучшая вѣра можетъ быть у этихъ тысячи двухсотъ человѣкъ? У нихъ есть вѣра въ шляпы феодальной формы съ высокими перьями, въ геральдическіе гербы, въ божественное право короля, въ божественное право истребителей дичи; есть вѣра, или—что еще хуже—лицемѣрная полувѣра, или—что хуже всего—Макіавелически-притворное вѣрованіе въ освященныя облатки изъ тѣста, и въ божественность бѣднаго стараго итальянца! Тѣмъ не менѣе, во всемъ этомъ неизмѣримомъ хаосѣ и разложеніи, которые такъ слѣпо борются, чтобы стать менѣе хаотичными и разложившимися, замѣчается, какъ мы сказали, выдающійся признакъ новой жизни: глубокое, опредѣленное рѣшеніе покончить со всею ложью. Рѣшеніе это, сознательно или безсознательно, о п р е д ѣ л и л о с ь; оно дѣлается все болѣе опредѣленнымъ—до безумія, до навязчивой идеи, и теперь, въ этомъ приготовленномъ для него воплощеніи, оно быстро разовьется въ нѣчто чудовищное, ужасное, непередаваемое, что будетъ новымъ на тысячи лѣтъ! На этой землѣ небесный свѣтъ часто окутывается въ громъ и грозовой мракъ, и спускается въ видѣ расплавленной м о л н і и, разрушая, но очищая! А здѣсь теперь, развѣ это не настоящій мракъ и удушливая атмосфера, которая в е д е т ъ з а с о б о ю молнію и свѣтъ? Родится ли новое Евангеліе такъ же, какъ и старое, среди разрушенія міра?

Пусть читатель самъ вообразитъ себѣ, какъ депутаты присутствовали на торжественной мессѣ и слушали проповѣдь, аплодируя проповѣднику каждый разъ, когда онъ говорилъ о политикѣ, несмотря на то, что это происходило въ церкви; какъ на слѣдующій день они съ новымъ торжествомъ были на первое время водворены въ S a l l e d e s M e n u s (переименованной изъ S a l l e d e s a m u s e m e n t s) и сдѣлались генеральными штатами. Король, великолѣпный, какъ Соломонъ во всей славѣ его, обводитъ со своей эстрады взоромъ величественную залу, въ которой столько перьевъ и столько глазъ; которая пестритъ всѣми цвѣтами радуги, въ галлереяхъ и боковыхъ ложахъ, откуда изливается волшебное обаяніе красоты. На широкомъ, наивномъ лицѣ короля написано удовольствіе, какъ у человѣка, достигшаго гавани послѣ долгаго пути: невинный король! Онъ встаетъ и звучнымъ голосомъ произноситъ рѣчь, которую легко себѣ представить. Мы не будемъ испытывать терпѣніе читателя приведеніемъ этой рѣчи и, еще менѣе, послѣдующихъ часовыхъ и двухчасовыхъ рѣчей хранителя печати и Неккера, переполненныхъ патріотизмомъ, надеждой, довѣріемъ и дефицитомъ доходовъ.

Замѣтимъ только, что когда его величество, окончивъ свою рѣчь, надѣлъ свою украшенную перьями шляпу, и дворянство, согласно обычаю, послѣдовало его примѣру, депутаты третьяго сословія сдѣлали то же самое, какъ-то свирѣпо хлопнувъ по своимъ шляпамъ, и даже смявъ ихъ, и встали въ ожиданіи даль-

нѣйшаго [1]). Въ средѣ ихъ, между большинствомъ и меньшинствомъ, поднимается ропотъ, слышны слова: Couvrez-vous, Découvrez vous (надѣньте шляпы, снимите шляпы), чему кладетъ конецъ его величество, снявъ свою королевскую шляпу.

Засѣданіе окончилось безъ дальнѣйшихъ инцидентовъ, или предзнаменованій, кромѣ этого, которымъ Францiя довольно знаменательно открыла свои генераляные штаты.

[1]) Histoire Parlementaire (I, 356), Mercier, Nouveau Paris &

КНИГА V.

Третье сословіе.

ГЛАВА I.

Бездѣйствіе.

Съ учрежденіемъ національнаго собранія Франція, доведенная до отчаянія чего-то достигла; чего-то большаго, важнаго, несомнѣнно необходимаго; но остается еще вопросъ: чего собственно? Вопросъ этотъ трудно разрѣшимъ даже для спокойныхъ наблюдателей нашего времени; а для дѣйствующихъ лицъ той эпохи онъ былъ и совсѣмъ неразрѣшимъ. Генеральные штаты, созданные и приведенные въ дѣйствіе страстнымъ усиліемъ цѣлой націи, являются чѣмъ-то высокимъ и великимъ. Надежда, ликуя, громко кричитъ, что они будутъ подобны чудесному бронзовому змію въ пустынѣ, исцѣляющему отъ всѣхъ болѣзней и змѣиныхъ укусовъ всякаго, кто смотритъ на него съ вѣрою и покорностью.

Мы можемъ отвѣтить, что они будутъ, по крайней мѣрѣ, символическимъ знаменемъ, вокругъ котораго соединятся отчаявшіеся, стонущіе двадцать пять милліоновъ, бывшіе разрозненными и безпомощными; соединятся и будутъ дѣлать нужное дѣло. Если этимъ дѣломъ будетъ борьба, чего нельзя не предполагать, то это будетъ боевое знамя (какъ итальянскій гонфалонъ въ старомъ республиканскомъ Caroccio); оно будетъ развѣваться по вѣтру, везомое на колесницѣ, и желѣзнымъ языкомъ подавать сигналы. Это вещь первой необходимости, которая, въ авангардѣ ли или въ центрѣ, ведущая или ведомая, должна оказать борющейся массѣ неисчислимыя услуги. На первое же время, пока это знамя развѣвается передъ фронтомъ, или даже стоитъ одиноко въ ожиданіи, пока вокругъ него соберется сила, это національное Caroccio и сигнальный звонъ, который оно вызываетъ, составляютъ главный предметъ нашего вниманія.

Случай съ надѣваніемъ „шляпъ съ опущенными полями“ показываетъ, что депутаты третьяго сословія рѣшили не уступать ни дворянству, ни духовенству, едва ли даже самому монарху. Вотъ къ чему привели насъ Contral Social и сила общественнаго мнѣнія. Вѣдь, что такое, собственно, его величество, какъ не уполномоченный націи, съ которымъ можно торговаться (и даже очень усиленно), при томъ очень странномъ положеніи дѣлъ, время котораго Жанъ Жакъ не опредѣлилъ съ точностью?

Придя на слѣдующее утро въ свою залу, неорганизованная масса въ шестьсотъ отдѣльныхъ личностей, представляющая депутатовъ общинъ, видитъ—безъ страха,—что вся зала предоставлена ей одной. Зала большая и можетъ служить общей для всѣхъ трехъ сословій. Но, кажется, дворянство и духовенство удалились въ свои отдѣльные апартаменты или залы, и „провѣряютъ свои полномочія“ не соединенною, а своею отдѣльною властью. Значитъ ли это, что они

хотятъ составлять два отдѣльныя, можетъ быть, отдѣльноголосующія сословія? Все это заставляетъ думать, что дворянство и духовенство, молча приняли за установленный фактъ, что они есть и должны остаться отдѣльными сословіями. Два сословія противъ одного! Это значитъ, что третье сословіе обречено вѣчно оставаться въ меньшинствѣ?

Многое можетъ остаться нерѣшеннымъ, но что уступки не должно быть, это вещь, рѣшенная въ головахъ, покрытыхъ шляпами съ опущенными полями, въ головѣ французской націи. Иначе и двойное представительство, и все, до сихъ поръ пріобрѣтенное, станетъ ничтожнымъ, сведется къ нулю. Несомнѣнно, что „полномочія должны быть провѣрены"; несомнѣнно, что избирательные документы депутата должны быть разсмотрѣны и признаны дѣйствительными его товарищами депутатами; это—первое условіе. Конечно, вопросъ о томъ, должно ли это дѣлаться отдѣльно или сообща, не есть вопросъ жизненный; но если онъ поведетъ къ таковому? Нужно противостоять; есть вѣрное правило: противься съ начала! Однако, если противодѣйствіе—неосторожно, даже опасно, то, конечно, выжидательное положеніе вполнѣ естественно; выжидательное положеніе съ двадцатью пятью милліонами позади васъ можетъ сдѣлаться достаточнымъ противодѣйствіемъ. Неорганизованная масса депутатовъ общинъ хочетъ ограничиться „системою бездѣйствія" и пока остается неорганизованной.

Такая метода, могущая быть рекомендована какъ мудрости, такъ и робости, принимается депутатами общинъ; и они, не безъ ловкости и все съ большимъ упорствомъ, настаиваютъ на ней день за днемъ, недѣля за недѣлей. Въ теченіе шести недѣль исторія ихъ такимъ образомъ можетъ быть названа безплодной, что на дѣлѣ, какъ извѣстно философіи, часто бываетъ наиболѣе плодотворнымъ! Это были мирные дни творенія, въ теченіе которыхъ депутаты общинъ сидѣли, высиживая будущій плодъ! Фактически, ихъ дѣло состояло въ томъ, чтобы сознательно ничего не дѣлать. Неорганизованная корпорація собиралась ежедневно, сожалѣя о томъ, что не можетъ получить организаціи, „совмѣстной провѣрки полномочій" и начать возрожденіе Франціи. Опрометчивыя предложенія возможны, но они отклоняются; только бездѣйствіе ненаказуемо и неотклонимо.

Хитрости нужно противупоставлять хитрость; гордому притязанію—бездѣйствіе и тихій тонъ патріотической печали, тихій, но неотразимый, неизмѣнный. Мудрые, какъ змѣи, невинные, какъ голуби,—что за зрѣлище для Франціи! Шестьсотъ неорганизованныхъ человѣкъ, необходимыхъ для ея возрожденія и спасенія, сидятъ на своихъ эллиптическихъ скамьяхъ, страстно стремясь къ жизни, въ мучительномъ ожиданіи, подобно душамъ, ожидающимъ рожденія. Произносятся рѣчи, краснорѣчивыя и слышимыя и внутри, и внѣ стѣнъ залы; умы волнуются, взаимно возбуждаясь, и нація смотритъ на это все съ большимъ и большимъ интересомъ, а депутаты общинъ продолжаютъ сидѣть и высиживать плодъ.

Происходятъ частныя собранія, ужины, совѣщанія; дѣйствуютъ Бретонскій клубъ, клубъ Вирофле, зародыши многихъ клубовъ. Цѣлая стихія безпорядочнаго шума, мрака, гнѣвнаго пыла, въ которой, однако, яйцо Эроса находитъ себѣ нужную температуру и можетъ оставаться въ цѣлости до тѣхъ поръ, пока не будетъ высижено. У вашихъ Мунье, Малуэ, Лешапелье—для этого достаточно знанія, а у Барнавовъ и Рабо—достаточно жара. По временамъ получается вдохновеніе отъ царственнаго Мирабо; онъ еще не признанъ королемъ: его имя, произнесенное въ первый разъ, вызвало даже „ропотъ", но онъ борется за признаніе.

Въ теченіе недѣли, общины призвали своего старѣйшаго на предсѣдательское кресло и снабдили его молодыми помощниками, съ сильными легкими, съ умѣньемъ говорить членораздѣльно; и вотъ они въ жалобныхъ словахъ, во всеуслышаніе заявляютъ, что они представляютъ неорганизованное тѣло, стремящееся стать организованнымъ. Получаются письма; но неорганизованное тѣло не можетъ вскрывать писемъ; они лежатъ на столѣ нераспечатанными. Самое большое, что можетъ старшина, это добыть для себя листъ или образецъ списка

для собиранія голосовъ, и затѣмъ ждать дальнѣйшаго. Дворянство и духовенство продолжаютъ засѣдать въ другомъ мѣстѣ, тѣмъ не менѣе публика тѣснится на всѣхъ галлереяхъ и свободныхъ мѣстахъ залы общинъ, что представляетъ нѣкоторое утѣшеніе. Не безъ усилій рѣшено, наконецъ—не депутацію отправить: какъ же можетъ неорганизованное общество посылать депутаціи?—а поручить нѣсколькимъ членамъ общинъ зайти, какъ бы случайно, прогуливаясь, въ залу духовенства, потомъ въ залу дворянства, и тамъ упомянуть, какъ о вещи, которую имъ удалось замѣтить, что общины, кажется, дожидаются ихъ для провѣрки своихъ полномочій. Это—самая мудрая метода!

Духовенство, среди котораго есть множество не имѣющихъ сана, просто представителей общинъ въ священнической рясѣ, тотчасъ же отправляетъ почтительный отвѣтъ, что оно занято глубочайшимъ изученіемъ этого же самаго предмета, и теперь будетъ заниматься имъ усерднѣе, чѣмъ когда-либо. Наоборотъ, дворянство храбро отвѣчаетъ, спустя четыре дня, что оно со своей стороны все провѣрило и сорганизовалось, полагая, что и общины сдѣлаютъ то же самое; и что такая о т д ѣ л ь н а я провѣрка явно представляетъ самую основную, завѣщанную мудростью предковъ методу; что оно—дворянство, охотно докажетъ это въ комиссіи, выбранной изъ его среды, если и общины, съ своей стороны, также выберутъ комиссію: комиссія противъ комиссіи! Тотчасъ вслѣдъ за отвѣтомъ дворянства является депутація отъ духовенства, повторяющая, согласно своей хитрой привычкѣ поступать примирительно, то же самое предложеніе. Итакъ, вотъ въ чемъ осложненіе; что скажутъ на это мудрые коммонеры?

Мудрые коммонеры, принимая въ соображеніе, что если они и не третье сословіе Франціи, то все же собраніе лицъ, претендующее на такой титулъ, осторожно рѣшаютъ, послѣ пятидневнаго обсужденія, избрать комиссію, хотя съ условіемъ не давать убѣдить себя. Шестой день занятъ избраніемъ ея; седьмой и восьмой—установленіемъ формъ собранія, мѣста, часа и тому подобное; такъ что комиссія дворянства встрѣчается съ комиссіей общинъ не раньше вечера 23 мая; духовенство дѣйствуетъ въ качествѣ примирителя, и тутъ приступаютъ къ невозможной задачѣ убѣжденія упрямыхъ. Второго собранія, 25-го, оказывается достаточно: депутаты общинъ непреклонны и всѣ убѣжденія дворянства и духовенства тщетны. Комиссіи расходятся; каждое сословіе настаиваетъ на своихъ первоначальныхъ притязаніяхъ [1]).

Такъ прошло три недѣли. Въ теченіе трехъ недѣль Carroccio третьяго сословія, съ его виднымъ на далекое разстояніе гонфалономъ, стояло неподвижно смѣясь надъ вѣтромъ и ожидая, когда вокругъ него соберется сила.

Можно вообразить себѣ чувства двора, и какъ совѣтъ смѣнялся совѣтомъ, и шумная суета кружилась въ безпорядочномъ водоворотѣ, въ которомъ мудрости не было мѣста. Искусно придуманная машина налоговъ теперь собрана, поставлена съ невѣроятнымъ трудомъ и стоитъ; ея три части соприкасаются; два крыла ея—дворянство и духовенство, а маховое колесо—третье сословіе. Оба крыла вертятся самымъ пріятнымъ образомъ, но изумительное зрѣлище!—громадное маховое колесо виситъ безъ движенія, отказывается двинуться! Искуснѣйшіе техники ошиблись. И какъ оно б у д е т ъ работать, когда начнетъ работу? Ужасно, друзья мои! и по отношенію къ весьма многимъ предположеніямъ; что касается до собиранія налоговъ и размола придворной муки, то можно предвидѣть, что этого оно никогда не будетъ дѣлать. Если бы мы могли продолжать собираніе налоговъ р у ч н ы м ъ с п о с о б о м ъ! Монсеньеры д'Артуа, Конти, Конде (прозванные тріумвиратомъ двора), эти авторы антидемократической меморіи королю, предсказывали вѣрно. Пусть они съ упрекомъ качаютъ своими гордыми головами,—самые лучшіе техники ничего не могутъ тутъ подѣлать. Самъ Неккеръ, даже если бы его и хотѣли слушать, смотритъ мрачно. Единственно, что кажется подходящимъ, это позвать солдатъ. Два новыхъ полка и одинъ батальонъ

---

[1]) Reported Debates of 6 may to 1 june 1789 (въ Histoire Parlementaire, I, 379—422).

третьяго уже пришли въ Парижъ; другіе должны пуститься въ путь. Не мѣшаетъ на всякій случай имѣть подъ рукою войска и вручить командованіе ими въ надежныя руки. Пусть будетъ назначенъ Брольи, старый маршалъ, герцогъ де Брольи, ветеранъ дисциплины, съ прочною моралью сержанта, на котораго можно положиться.

Увы, ни духовенство, ни даже дворянство не то, чѣмъ они должны бы и могли бы быть при такихъ опасностяхъ извнѣ: объединенными и нераздѣльными. У дворянства, правда, есть свой Катилина, или Криспенъ д'Эпремениль, мрачно пылающій жаромъ ренегата, есть и шумливый Мирабо-Бочка; но есть также Лафайеты, и Ліанкуры, и Ламеты, а, главное, есть д'Орлеанъ, теперь навѣки порвавшій всѣ связи съ дворомъ, и лѣниво размышляющій о разныхъ высокихъ и высочайшихъ призахъ на своемъ пути къ хаосу (такъ какъ, вѣдь, и онъ тоже потомокъ Генриха IV и возможный претендентъ на престолъ). А изъ духовенства, изъ столь многочисленныхъ кюре двѣ небольшія группы уже дезертировали и во второй группѣ аббатъ Грегуаръ. А теперь говорятъ о цѣлыхъ ста сорока девяти, готовыхъ дезертировать всею массою, и которыхъ останавливаетъ только парижскій архіепископъ. Кажется, партія проиграна.

Судите сами, могутъ ли Франція и Парижъ оставаться праздными въ такое время. Адреса притекаютъ потокомъ изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ, такъ какъ наши коммонеры теперь достаточно сорганизовались, чтобы вскрывать письма и даже придираться къ нимъ. Такъ бѣдный маркизъ де Брезе, старшій камергеръ и церемоніймейстеръ, или каковъ бы тамъ ни былъ его титулъ, пишетъ въ это время по какому-то связанному съ этикетомъ вопросу и не находитъ неловкимъ закончить словами: „Monsieur, искренно преданный вамъ.“—„Къ кому обращается эта искренняя преданность?“—спрашиваетъ Мирабо.—„Къ декану третьяго сословія.“—„Во Франціи нѣтъ человѣка, имѣющаго право такъ писать ему“ — возражаетъ Мирабо, и не только галлереи, но и весь міръ рукоплещетъ [1]). Бѣдный де Брезе! Эти каммонеры давно имѣютъ зубъ противъ него; его дѣло съ ними еще не покончено.

Мирабо пришлось еще другимъ способомъ протестовать противъ внезапнаго запрещенія своей газеты („Journal des Etats Generaux“), которую онъ продолжалъ издавать подъ другимъ названіемъ. Въ этомъ мужественномъ поступкѣ парижскіе избиратели, еще занятые редактированіемъ своихъ Cahiers, поддержали его адресомъ его величеству: въ этомъ адресѣ они требуютъ полнѣйшей „временной свободы печати“ и высказываются даже за снесеніе Бастиліи и за сооруженіе на ея мѣстѣ бронзовой статуи патріота-короля! И это пишутъ богатые граждане; подумайте, какъ же должно обстоять дѣло, напримѣръ, съ тѣмъ распущеннымъ, помѣшавшимся на свободѣ сбродомъ праздношатающихся, бродягъ, непринадлежащихъ ни къ какому общественному классу людей (съ этой отборной сволочью нашей планеты), которымъ кишитъ Пале-Рояль; или съ этимъ тихимъ, безконечнымъ стономъ, быстро переходящимъ въ ропотъ, доносящимся изъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстія и отъ двадцати пяти милліоновъ, которымъ угрожаетъ голодъ!

Безспорно, что хлѣба почти нѣтъ; положимъ, что въ нынѣшнемъ году его нѣтъ вслѣдствіе заговора аристократіи или д'Орлеана, а въ прошломъ году не было вслѣдствіе засухи и града; но какъ бы ни было, а и въ городѣ, и въ провинціи бѣднякъ съ отчаяніемъ смотритъ на ожидающую его невѣдомую участь. А эти генеральные штаты, которые должны бы создать для насъ золотой вѣкъ, вынуждены бездѣйствовать, даже не могутъ провѣрить своихъ полномочій! Вся промышленность по необходимости парализована, и дѣятельность ея сводится исключительно ко внесенію предложеній.

Въ Пале-Роялѣ былъ сооруженъ, повидимому по подпискѣ; родъ деревян-

---

[1]) Maniteur (Hist. Parl. I, 405).

наго шатра (en planches de bois) [1]), чрезвычайно удобнаго; здѣсь избранный патріотизмъ можетъ съ комфортомъ составлять резолюціи и произносить рѣчи, какова бы ни была погода. Этотъ домъ сатаны очень оживленъ! На столѣ, на стулѣ, въ каждой кофейнѣ стоитъ по патріотическому оратору; его окружаетъ толпа внутри; его слушаетъ, съ разинутыми ртами, толпа снаружи, черезъ открытыя окна и двери, встрѣчая „громомъ рукоплесканій каждое смѣлое слово". Тутъ же, рядомъ, въ магазинѣ памфлетовъ Дессена, нельзя пробраться къ прилавку, не поработавши довольно сильно локтями; каждый часъ порождаетъ свой памфлетъ, или охапку памфлетовъ; „сегодня ихъ было тринадцать, вчера— шестнадцать, на прошлой недѣлѣ—девяносто два" [2]). Подумайте о тираніи, о неурожаѣ, о пылкомъ краснорѣчіи, о ропотѣ, объ дождѣ памфлетовъ, объ „обществѣ Публиколы," о Бретонскомъ клубѣ, о клубѣ непримиримыхъ, и вы согласитесь, что, въ самомъ дѣлѣ, каждая харчевня, каждая кофейня, общественное собраніе, случайная группа на улицѣ, по всей широкой Франціи, представляетъ теперь настоящій клубъ непримиримыхъ.

И все это депутаты общинъ могутъ выслушивать лишь съ торжественнымъ бездѣйствіемъ печали; они вынуждены заниматься исключительно „своими внутренними дѣлами". Болѣе прочнаго положенія никогда не занимали никакіе депутаты, если бы только они сумѣли сохранить его. Нужно только, чтобы температура не поднималась слишкомъ высоко, чтобы не разбилось яйцо Эроса прежде, чѣмъ оно созрѣетъ и разобьется само собою! Жаждущая новостей публика толпится въ галлереяхъ и свободныхъ мѣстахъ; „ее нельзя удержать отъ рукоплесканій." Оба привилегированныя сословія,—дворянство съ провѣренными и установленными полномочіями,—могутъ смотрѣть на все это съ какимъ угодно лицомъ, но не безъ тайнаго сердечнаго трепета. Духовенство, постоянно играющее роль примирителя, закидываетъ удочку галлереямъ, домогаясь популярности, но она не дается ему. Является депутація отъ него, съ горестнымъ посланіемъ, въ которомъ говорится о неурожаѣ и о необходимости отбросить пустыя формальности и заняться обсужденіемъ этого вопроса. Коварное предложеніе! Однако коммонеры, по внушенію зеленоватаго Робеспьера, принимаютъ его, усматривая въ немъ намекъ, или даже гарантію въ томъ, что духовенство желаетъ присоединиться къ нимъ, составить генеральные штаты и такимъ образомъ удешевить хлѣбъ! [3]). Наконецъ, 27-го мая Мирабо, находя, что пришло время дѣйствовать, предложилъ покончить съ выжиданіемъ и, предоставивъ упрямому дворянству поступать, какъ знаетъ, призвать духовенство, „во имя Бога мира", присоединиться къ общинамъ и приступить къ дѣлу [4]). Посмотримъ, останется ли оно глухо къ призыву! Вѣдь, сто сорокъ девять изъ его числа уже были готовы дезертировать?

О, тріумвиратъ принцевъ и ты, новый хранитель печати, Барантенъ, и ты, министръ внутреннихъ дѣлъ, Бретейль, и герцогиня Полиньякъ и чутко прислушивающаяся королева, что же теперь дѣлать? Это третье сословіе придетъ въ движеніе, имѣя за собою силу всей Франціи; машина духовенства и машина дворянства, которыя должны были служить отличнымъ противовѣсомъ и уздою, будутъ постыдно увлечены вслѣдъ за нимъ и загорятся вмѣстѣ съ нимъ. Что же дѣлать? Oeil-de-Boeuf все больше и больше теряется. Слышится шопотъ и отвѣтный шопотъ—цѣлая буря шопота! Вожаки всѣхъ трехъ сословій созываются ночью; многіе изъ нихъ умѣютъ заклинать духовъ, но подѣйствуютъ ли теперь ихъ заклинанія? Теперь самому Неккеру былъ бы сдѣланъ хорошій пріемъ, если бы его вмѣшательство могло имѣть успѣхъ.

Такъ пусть же Неккеръ вмѣшается, именемъ короля! Къ счастью, на это

---

[1]) Hist. Parl. I, 429.

[2]) Arthur Joung, I, 104.

[3]) Bailly, Mémoires, I, 114.

[4]) Histoire parlementaire, I, 413.

зажигательное посланіе „Бога мира“ еще не отвѣчено. Три сословія снова будутъ совѣщаться и при помощи ихъ патріотическаго министра кое-что можетъ быть поправлено и починено; — а пока мы стянемъ сюда швейцарскіе полки и „сотню орудій полевой артиллеріи“. Вотъ что рѣшаетъ съ своей стороны Oeil-de-Boeuf.

Что касается до Неккера, то, увы, бѣдный Неккеръ, у твоего упрямаго третьяго сословія есть только одно—первое и послѣднее—слово: совмѣстная провѣрка полномочій, какъ гарантія совмѣстнаго голосованія и обсужденія! На предлагаемыя столь испытаннымъ другомъ полу-мѣры оно отвѣчаетъ только удивленіемъ. Запоздалыя совѣщанія быстро обрываются: третье сословіе теперь готово и рѣшаетъ возвратиться въ свою залу Трехъ сословій, имѣя за собою цѣлый міръ; а Неккеръ возвращается къ Oeil-de-Boeuf'у, въ видѣ чародѣя, лишеннаго чаръ, годнаго только на то, чтобы получить отставку [1]).

Итакъ, депутаты общинъ, наконецъ, выступаютъ въ путь, полагаясь на свои собственныя силы. Вмѣсто предсѣдательствующаго, или декана они теперь выбрали президента: астронома Бальи! Они пустились въ путь съ чувствомъ мести! Послѣ безконечнаго, то бурнаго, то умѣреннаго краснорѣчія, разнесеннаго на крыльяхъ газетъ по всѣмъ странамъ, они рѣшили теперь, 17-го іюня, что имя имъ, не третье сословіе, а національное собраніе! Значитъ, они—нація? Тріумвиратъ принцевъ, королева, упрямое дворянство и духовенство, что же въ такомъ случаѣ — вы? Это въ высшей степени глубокій вопросъ, на который едва ли возможно отвѣтить на существующихъ политическихъ діалектахъ.

Не обращая на все это вниманія, наше новое національное собраніе приступаетъ къ назначенію „продовольственнаго комитета“ — дорогого Франціи, хотя хлѣба онъ не можетъ доставить, или доставляетъ мало. Затѣмъ наше національное собраніе, дѣлая видъ, что оно прочно стоитъ на ногахъ, назначаетъ „четыре другихъ постоянныхъ комитета“, работаетъ надъ обезпеченіемъ государственнаго долга и годового налога, и все это въ теченіе сорока восьми часовъ. Оно такъ быстро идетъ впередъ, что заклинатели Oeil-de-Boeuf'а естественно могутъ спросить себя: куда?

ГЛАВА II.

Меркурій де Брезе.

Теперь несомнѣнно настало время для „deus ex machina“, такъ какъ на лицо вполнѣ достойный его nodus (узелъ). Вопросъ только въ томъ: какой богъ? Будетъ ли это Марсъ де Брольи, со своей сотней пушекъ? Нѣтъ, — отвѣчаетъ осторожность; король Людовикъ такъ кротокъ, такъ нерѣшителенъ. Пусть это будетъ посолъ Меркурій, нашъ оберъ-церемоніймейстеръ де Брезе!

На слѣдующій день, 20-го іюня, сто сорокъ девять измѣнниковъ кюре, которыхъ не можетъ дольше удержать его Парижское Преподобіе, хотятъ дезертировать in corpore; пусть вмѣшается де Брезе и противопоставитъ имъ — запертыя двери! Въ этой Salle des Menus должно состояться королевское засѣданіе, а до тѣхъ поръ тамъ не будетъ никакого собранія, никакой работы (кромѣ работы плотниковъ). Ваше третье сословіе, это самозванное національное собраніе, внезапно увидитъ себя весьма ловкимъ способомъ выгнаннымъ изъ своей залы плотниками и вынужденнымъ ничего не дѣлать, даже и не собираться, и не въ состояніи будетъ явственно жаловаться, до тѣхъ поръ пока его величество, со своей Séance Royale и новыми чудесами, не будетъ готовъ! Такъ пусть же де Брезе вмѣшается, какъ Меркурій ex machina; и если Oeil-de-Boeuf не ошибается, онъ развяжетъ этотъ узелъ.

---

[1]) Compte rendu des debats du 1-er au 17 juin 1789, Hist. parl. t. I, p. 422—478.

Относительно бѣднаго де Брезе мы можемъ замѣтить, что ему не повезло ни въ одномъ изъ его дѣлъ съ этими представителями общинъ. Пять недѣль тому назадъ, когда они цѣловали руку его величества, изобрѣтенный имъ способъ вызвалъ только порицаніе, а какъ презрительно была принята его „искренняя преданность“! Сегодня вечеромъ, до ужина, онъ пишетъ президенту Бальи новое письмо, которое должно быть передано ему завтра на разсвѣтѣ, отъ имени короля. Однако Бальи, гордясь своей должностью, комкаетъ это письмо и засовываетъ въ карманъ, какъ вексель, по которому онъ не помышляетъ платить.

Согласно плану, въ субботу утромъ, 20-го іюня, пронзительно кричащіе герольды заявляютъ на улицахъ Версаля, что въ ближайшій понедѣльникъ состоится Séance Royale—засѣданіе подъ предсѣдательствомъ короля, и что до тѣхъ поръ не будетъ никакого собранія генеральныхъ штатовъ. Тѣмъ не менѣе, мы видимъ, какъ президентъ Бальи, сопровождаемый этими криками и съ письмомъ де Брезе въ карманѣ, а за нимъ и все національное собраніе шагаютъ къ привычной Salle des Menus, какъ будто бы де Брезе и герольды простой вѣтеръ. Зала заперта и занята французской гвардіей. „Гдѣ вашъ капитанъ?“ Капитанъ показываетъ королевскій приказъ: рабочіе, къ его крайнему сожалѣнію, заняты постановкой платформы для засѣданія его величества, и пропуска нѣтъ; онъ можетъ пропустить—самое большее—только президента и секретарей, чтобы унести бумаги, которыя плотники могутъ уничтожить! Президетъ Бальи съ секретарями входитъ и возвращается, неся бумаги: увы, внутри, вмѣсто патріотическаго краснорѣчія, теперь слышится стукъ молотка, визгъ пилы и шумъ работы! Профанація, не имѣющая себѣ подобной.

Депутаты стоятъ, сгруппировавшись на Парижской дорогѣ, въ тѣнистой Avenue de Versailles, громко жалуясь на недостойный поступокъ съ ними. Предполагается, что придворные смотрятъ изъ своихъ оконъ и посмѣиваются. Утро не изъ самыхъ пріятныхъ, сырое, даже накрапываетъ дождь [1]). Но всѣ прохожіе останавливаются: патріоты, посетители галлерей, праздные зрители увеличиваютъ группы. Дикіе совѣты слѣдуютъ одинъ за другимъ. Наиболѣе отчаянные изъ депутатовъ предлагаютъ идти и устроить засѣданіе на большей лѣстницѣ въ Марли, подъ самыми окнами короля, такъ какъ его величество, какъ кажется, удалился туда. Другіе говорятъ о томъ, чтобы сдѣлать изъ дворцоваго двора, насываемаго Place d'Armes, новое Champ de Mai свободныхъ французовъ; или даже о томъ, чтобы звуками негодующаго патріотизма пробудить эхо въ самомъ Oeil-de-Boeuf'ѣ. — Приходитъ извѣстіе, что президентъ Бальи, съ помощью искуснаго Гильотена и другихъ, нашелъ мѣсто въ залѣ для игры въ мячъ (Jeu de paume) на улицѣ Сенъ-Франсуа. Туда и направляются длинными рядами разсерженные депутаты, переговариваясь охрипшими голосами, какъ летящіе журавли.

Странное это было зрѣлище на улицѣ Сенъ-Франсуа, въ старомъ Версалѣ! Голая площадка, какою ее изображаютъ также и картины того времени: четыре голыя стѣны съ верхней галлерей для зрителей, подъ деревяннымъ навѣсомъ, а внизу уже не праздный шумъ и удары мячей объ отбойники, а громкій ропотъ негодующаго національнаго представительства, скандальнымъ образомъ изгнаннаго сюда! Между тѣмъ цѣлая туча свидѣтелей смотритъ сверху, изъ подъ деревяннаго навѣса, со стѣнъ, съ прилегающихъ крышъ и дымовыхъ трубъ; толпа стекается изо всѣхъ кварталовъ, произнося страстныя благословенія. Оказалось возможнымъ достать столъ, чтобы писать на немъ, и стулья, если не для того чтобы сидѣть, то чтобы становиться на нихъ; секретари развязываютъ свои бумаги, Бальи открываетъ собраніе.

Опытный Мунье, для котораго такія вещи не совсѣмъ новы, такъ какъ онъ видалъ и слыхалъ парламентскія возмущенія, думаетъ, что въ такихъ печальныхъ и угрожающихъ обстоятельствахъ хорошо было бы объединиться клятвой.

---

[1]) Bailly, Memoires, 1, 185—206.

Торжественная клятва въ залѣ Jeu de paume.

Всеобщій радостный крикъ, какъ будто стѣсненныя груди жаждали воздуха! Формула клятвы составлена и произнесена президентомъ Бальи такимъ громкимъ голосомъ, что туча свидѣтелей, даже снаружи, слышитъ ее и ревомъ отвѣчаетъ на нее. Шестьсотъ правыхъ рукъ поднимаются одновременно съ рукою президента Бальи, чтобы призвать Бога, тамъ, наверху, въ свидѣтели того, что они не разойдутся ни по чьему приказу, но будутъ собираться во всѣхъ мѣстахъ, при всѣхъ обстоятельствахъ,—хотя бы могли собраться только двое, или трое, до тѣхъ поръ, пока не выработаютъ конституцію. Выработать конституцію, друзья! Это—долгая задача. Между тѣмъ шестьсотъ рукъ подписываютъ то, въ чемъ они поклялись; шестьсотъ, исключая одной: вѣрноподданнаго Абдіеля, извѣстнаго до сихъ поръ только благодаря этой свѣтлой точкѣ, и котораго называютъ—бѣдный „г. Мартинъ д'О, изъ Кастельнодари въ Лангедокѣ.“ Ему позволяютъ подписаться или отмѣтить свой отказъ; его даже спасаютъ отъ тучи свидѣтелей, объявивъ, что у него „умственное разстройство“. Въ четыре часа всѣ подписи приложены; новое собраніе назначено на утро понедѣльника, раньше часа королевскаго засѣданія, чтобы наши сто сорокъ девять дезертировъ изъ духовнаго званія не вздумали обратиться на попятный. Мы соберемся „въ церкви францисканскихъ монаховъ, или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ“ въ надеждѣ, что наши сто сорокъ девять присоединятся къ намъ; а теперь пора идти обѣдать.

Это и есть то знаменитое засѣданіе на площадкѣ для игры въ мячъ, Seance du Jeu de paume, слава котораго разнеслась по всѣмъ странамъ. Вотъ, что стало плодомъ появленія Меркурія де Брезе въ видѣ Deus ex machina! Смѣхъ царедворцевъ на Версальской улицѣ замеръ въ мрачномъ молчаніи. И растерявшійся дворъ, вмѣстѣ съ хранителемъ печати Барантеномъ, съ тріумвиратомъ и компаніей, воображалъ, что можно разогнать шестьсотъ національныхъ депутатовъ, чреватыхъ національной конституціей, какъ птицъ съ птичьяго двора, ничѣмъ не чреватыхъ, просто съ помощью черной или бѣлой палочки оберъ-церемоніймейстера! Живность птичьяго двора съ кряканьемъ разлетается, но національные депутаты оборачиваются, съ видомъ льва, и съ поднятыми правыми руками произносятъ клятву, которая заставляетъ дрожать всѣ четыре конца Франціи.

Президентъ Бальи покрылъ себя славою, за что получитъ награду. Національное собраніе—теперь дважды, или трижды собраніе націи, не только воинствующее и мученическое, но и торжествующее, оскорбляемое, но не могущее быть оскорбленнымъ. Парижъ еще разъ стекается въ Версаль, чтобы посмотрѣть „мрачнымъ взоромъ“ на Seance Royale [1]), которое, по новой счастливой случайности, откладывается до вторника. Сто сорокъ девять—и между ними даже епископы—имѣли время цѣлой длинной процессіей пойти и торжественно присоединиться къ коммонерамъ, засѣдающимъ, въ ожиданіи, въ своей церкви. Общины привѣтствуютъ ихъ криками, объятіями, даже слезами [2]), такъ какъ теперь дѣло идетъ уже о жизни или смерти.

Что касается до самого Seance, то, кажется, плотники окончили свою платформу; но все остальное остается неконченнымъ. Все это дѣло было ничтожнымъ, мало того: роковымъ. Король Людовикъ входитъ, черезъ цѣлое море народа, который угрюмо молчитъ, раздраженный многимъ, да къ тому еще проливнымъ дождемъ. Король входитъ къ третьему сословію, точно такъ же мрачно-молчаливому, промокшему, дожидаясь подъ узкими арками, у заднихъ дверей, въ то время какъ дворъ и привилегированные входили черезъ переднія двери. Король и хранитель печати (Неккера здѣсь не видно) сообщаютъ, не безъ длиннотъ, рѣшенія королевской воли. Три сословія должны голосовать отдѣльно. Съ другой стороны, Франція можетъ ожидать значительныхъ конституціон-

---

[1]) См. Arthur Joung (1, 115—118) A. Lameth etc.

[2]) Dumont, Souvenirs sur Mirabeau, c. 4.

ныхъ благодѣяній, какъ указано въ этихъ тридцати пяти пунктахъ [1]), читая которые хранитель печати охрипъ. Если — прибавляетъ его величество, снова поднимаясь — если три сословія, къ величайшему несчастью, не могутъ объединиться, чтобы выполнить выслушанные тридцать пять статей, то я выполню ихъ самъ: „Seul je ferai le bien de mes peuples“ [2]), что можетъ быть истолковано такимъ образомъ: „Вамъ, ссорящимся депутатамъ генеральныхъ штатовъ, вѣроятно, не долго придется здѣсь быть!“ На сегодня же всѣ должны разойтись, чтобы собраться завтра утромъ, каждому сословію въ своемъ мѣстѣ, и приняться за работу. Таково рѣшеніе королевской воли, энергическое и ясное. И съ этимъ король, свита, дворянство, и большинство духовенства выходятъ, словно все дѣло было благополучно улажено.

Они проходятъ сквозь угрюмо-молчащее море народа; но депутаты общинъ остаются и стоятъ въ мрачномъ молчаніи, не зная, что предпринять. Только одинъ изъ нихъ знаетъ это; одинъ видитъ и дерзаетъ! Теперь король Мирабо всходитъ на трибуну и даетъ волю своему львиному голосу. Слово его, дѣйствительно, кстати, такъ какъ въ такихъ обстоятельствахъ минута — мать вѣковъ! Если бы здѣсь не было Габріеля Оноре, то легко можно себѣ представить, что депутаты общинъ, устрашенные опасностями, которыя окружаютъ ихъ, каждый блѣднѣя все болѣе отъ блѣдности всѣхъ остальныхъ, — что они, весьма естественно, одинъ за другимъ выскользнули бы изъ залы, и весь ходъ европейской исторіи былъ бы инымъ! Но онъ здѣсь. Слушайте рычаніе этого голоса царя лѣсовъ, сначала скорбное и тихое, потомъ возвышающееся до рева! Всѣ глаза загораются отъ взора его глазъ: національные депутаты приняли миссію отъ націи; они принесли клятву, они...— но взгляните! въ то время, какъ львиный голосъ реветъ всего громче,— что это за явленіе передъ нами? Это Меркурій де Брезе, который что-то бормочетъ! „Говорите громче!“ кричатъ нѣсколько голосовъ. „Господа“, пронзительно кричитъ де Брезе, повторяя свои слова: „Вы слышали приказанія короля!“ Мирабо смотритъ на него горящими глазами и потрясаетъ своей черной львиной гривой: „Да, милостивый государь, мы слышали то, что королю посовѣтовали сказать; но не вамъ, который не можетъ быть истолкователемъ его приказаній передъ генеральными штатами, не имѣетъ на это права и которому не мѣсто говорить здѣсь, — не вамъ напоминать намъ объ этомъ! Идите, милостивый государь, скажите тѣмъ, кто послалъ васъ, что мы здѣсь — по волѣ народа, и что никакая сила, кромѣ развѣ штыковъ, не заставитъ насъ уйти отсюда“ [3]). И бѣдный де Брезе, дрожа, уходитъ изъ національнаго собранія; а также (если не считать слабаго мельканія его, спустя нѣсколько мѣсяцевъ) и окончательно уходитъ со страницъ исторіи!

Несчастный де Брезе! онъ осужденъ долгіе годы жить въ памяти людей такимъ печальнымъ образомъ, съ бѣлой палочкой въ трепещущей рукѣ. Онъ былъ вѣренъ этикету, который былъ его единственной вѣрой на землѣ! онъ былъ мученикомъ культа высокихъ особъ. Его ли вина, что короткіе шерстяные плащи не могли цѣловать руку его величества, какъ длинные бархатные? Даже въ послѣднее время, когда бѣдный маленькій дофинъ лежалъ мертвый, и явилась какая-то церемоніальная депутація, Брезе со своей пунктуальностью доложилъ мертвому тѣлу дофина: „Монсеньеръ,—здѣсь депутація отъ генеральныхъ штатовъ!“ [4]) Sunt lacrimae rerum.

Но что же предприметъ Oeil de Boeuf теперь, когда де Брезе, весь дрожа, возвратился назадъ? Поспѣшитъ ли онъ выставить силу штыковъ? Нѣтъ: море народа еще стоитъ, безчисленно многолюдное, и наблюдаетъ за происходящимъ; оно даже, волнуясь, врывается во дворы замка, такъ какъ распространился

---

[1]) Histoire Parl. I, 13.

[2]) Я самъ осчастливлю мой народъ.

[3]) Moniteur (Hist. parl. II, 22).

[4]) Montgaillard, II, 38.

«Идите, милостивый государь, скажите тѣмъ, кто послалъ васъ, что мы здѣсь—по волѣ народа, и что никакая сила, кромѣ развѣ штыковъ, не заставитъ насъ уйти отсюда». (Отвѣтъ Мирабо царедворцу Брезе 23 іюня 1789 г.).

слухъ, что Неккеръ будетъ отставленъ. А хуже всего то, что солдаты французской гвардіи, какъ кажется, нерасположены дѣйствовать: „двѣ роты ихъ не стрѣляютъ, когда приказано стрѣлять!“ [1]). Неккера, который отсутствовалъ на королевскомъ засѣданіи, требуютъ кликами и торжественно отвозятъ домой; его не смѣютъ отставить. Въ то же время его преподобіе, парижскій архіепископъ, вынужденъ бѣжать въ каретѣ съ разбитыми стеклами, и сохранилъ жизнь только благодаря бѣшеной скачкѣ. Выступившихъ было изъ замка лейбъ-гвардейцевъ лучше убрать обратно [2]). О посылкѣ штыковъ нечего и думать.

Вмѣсто солдатъ, Oeil de Boeuf посылаетъ плотниковъ убрать королевскую платформу. Напрасная уловка! Черезъ нѣсколько мгновеній, сами плотники перестаютъ разбирать платформу и съ молотками въ рукахъ стоятъ и слушаютъ съ разинутыми ртами [3]). Третье сословіе декретируетъ, что оно есть, было и будетъ ничѣмъ инымъ, какъ національнымъ собраніемъ, а теперь, сверхъ того, неприкосновеннымъ, и всѣ члены его неприкосновенны: „Безчестными измѣнниками передъ націей, виновными въ преступленіи, наказуемомъ смертью, признаются лица, корпораціи, суды, палаты или комиссіи, которые, теперь или впослѣдствіи, во время настоящей сессіи или послѣ нея, осмѣлятся преслѣдовать, допрашивать, арестовывать, сажать въ тюрьму или прикажутъ сдѣлать это и т. д. отъ кого бы ни исходилъ такой приказъ“ [4]). Въ заключеніе остается вспомнить успокоительное замѣчаніе аббата Сіеса: „Господа, сегодня вы -то же, чѣмъ были вчера“.

Пусть кричатъ царедворцы, но фактъ остается фактомъ. Ихъ такъ хорошо заряженный патронъ взорвался черезъ затравку и покрылъ ихъ самихъ ожогами, стыдомъ и неприличною сажей! Бѣдный тріумвиратъ, бѣдная королева, а въ особенности бѣдный мужъ королевы, который питалъ добрыя намѣренія, если вообще у него были какія нибудь опредѣленныя намѣренія! Не велика та мудрость, которая крѣпка только заднимъ умомъ! Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ эти тридцать пять уступокъ наполнили бы Францію ликованіемъ, которое могло бы продолжаться нѣсколько лѣтъ. Теперь же онѣ ничего не стоятъ; одно упоминаніе о нихъ вызываетъ презрѣніе; высочайшіе приказы презираются!

Вся Франція наполнена шумомъ; цѣлое море людей, которыхъ насчитываютъ около „десяти тысячъ“, кипитъ „всѣ эти дни въ Пале-Роялѣ“ [5]). Остатокъ духовенства и сорокъ восемь дворянъ, въ томъ числѣ герцогъ Орлеанскій, немедленно перешли къ побѣдоноснымъ коммонерамъ, которые, естественно, приняли ихъ „съ привѣтственными кликами“.

Третье сословіе торжествуетъ; городъ Версаль привѣтствуетъ его; десять тысячъ человѣкъ каждый день вращаются въ Пале-Роялѣ, и вся Франція, поднявшись на носки, готова завертѣться въ водоворотѣ! Берегись Oeil-de-Boeuf! А что до короля Людовика, то онъ проглотитъ оскорбленіе, будетъ выжидать и молчать, онъ хочетъ во что бы то ни стало спокойствія настоящей минуты. Когда онъ рѣшительно произнесъ свой королевскій приказъ, былъ вторникъ 23-го іюня; и недѣли еще не прошло, какъ онъ уже писалъ упорствующему дворянству, что оно должно сдѣлать ему одолженіе и уступить. Д'Эпремениль бѣсится изъ послѣднихъ силъ; Мирабо-Бочка „ломаетъ свою шпагу“ и произноситъ обѣтъ, -который онъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы сдержалъ. „Семейство изъ трехъ лицъ“ теперь въ полномъ сборѣ; третій, заблудшій братъ, дворянство, присоединился къ нимъ, — заблудшій, но достойный прощенія, смягченный, на сколько возможно, сладкимъ краснорѣчіемъ президента Бальи.

---

[1]) Histoire Parlementaire, II, 26.

[2]) Bailly, I, 217.

[3]) Histoire Parlementaire, II, 23.

[4]) Montgaillard, II, 47.

[5]) Arthur Young, I, 119.

Такъ восторжествовало третье сословіе, и генеральные штаты стали національнымъ собраніемъ; вся Франція можетъ пѣть Te Deum. Мудрымъ бездѣйствіемъ и мудрымъ прекращеніемъ бездѣйствія была выиграна большая побѣда. Теперь—послѣдняя ночь іюня мѣсяца; всю ночь вы встрѣчаете на улицахъ Версаля только „людей, бѣгущихъ съ факелами", съ криками и ликованіемъ. Со 2-го мая, когда они цѣловали руку его величества, до 30-го іюня, когда люди бѣгаютъ съ факелами, мы насчитываемъ восемь недѣль и три дня. Въ теченіе восьми недѣль національное Carraccio, видимое издалека, подавало много сигналовъ; и теперь, когда вокругъ него сгруппировалось столько людей, оно можетъ надѣяться устоять.

ГЛАВА III.

Брольи, богъ войны.

Дворъ преисполненъ негодованія отъ того, что побѣжденъ; но что за бѣда? Въ другой разъ онъ поступитъ умнѣе. Меркурій спускался напрасно; теперь настало время для Марса. Боги Oeil-de-Boeuf'а удалились во мракъ своей облачной Иды и сидятъ тамъ, рѣшая и подготовляя то, что можетъ оказаться необходимымъ, будь то „билеты новаго національнаго банка", боевые припасы, или вещи, навѣки сокрытыя для людей.

Однако, что означаетъ этотъ „сборъ войска"? Національное собраніе ничего не можетъ получить для своего продовольственнаго комитета, а только слышитъ, что въ Парижѣ лавки булочниковъ осаждаются, что въ провинціяхъ народъ „питается хлѣбомъ изъ мякины и вареною травой".

Между тѣмъ, по всѣмъ большимъ дорогамъ поднимаются облака пыли отъ марширующихъ полковъ и катящихся пушекъ: чужестранные пандуры свирѣпаго вида; Салисъ-Самадъ, Эстергази, Ройяль-Алеманъ, большая часть изъ нихъ — иностранцы, числомъ до тридцати тысячъ, которыя страхъ умножаетъ до пятидесяти,— всѣ они направляются къ Парижу и Версалю! На высотахъ Монмартра уже роютъ и копаютъ; похоже, что это—откосы и траншеи. Народный потокъ изъ Парижа по направленію къ Версалю задерживается заставой изъ пушекъ на Севрскомъ мосту. Изъ конюшенъ королевы пушки направлены на самую залу національнаго собранія. Даже сонъ его членовъ прерывается топотомъ солдатъ, дефилирующихъ безконечными отрядами и безостановочно передвигающихся вокругъ этихъ мѣстъ въ глухую ночь, „безъ барабаннаго боя или криковъ команды" [1]). Что это означаетъ?

Будутъ ли восемь, или даже двѣнадцать депутатовъ, съ нашими Мирабо, Барнавами во главѣ, внезапно увлечены въ замокъ Гамъ, а остальные постыдно разсѣяны по вѣтру? Никакое національное собраніе не можетъ вырабатывать конституцію подъ пушками, направленными на него изъ конюшенъ королевы! Что означаетъ это молчаніе Oeil-de-Boeuf'а, прерываемое только кивками головы и пожиманіями плечъ? Что они тамъ замышляютъ и готовятъ, въ туманѣ облаковъ Иды?—Эти вопросы задаетъ растерявшійся патріотизмъ, и только эхо слышится ему въ отвѣтъ.

И вопросы, и эхо уже достаточно скверны сами по себѣ, но теперь въ особенности, такъ какъ по мѣрѣ того, какъ годъ скуднаго урожая, который тянется съ августа до августа, дѣлается старше, онъ все больше и больше превращается въ голодный годъ! „Когда муку замѣняетъ мякина и вареная трава", разбойники естественно сходятся толпами къ фермамъ и замкамъ, и яростно вопятъ: „Хлѣба, хлѣба!" Напрасно высылать противъ нихъ солдатъ: при видѣ солдатъ, они разсѣиваются, исчезаютъ, какъ будто подъ землею, и сейчасъ же

---

[1]) A. Lameth, Assemblée Constituante, I, 41.

собираются въ другомъ мѣстѣ, для новаго крика и грабежа. Страшно смотрѣть на нихъ; но каково же слышать, что они, такъ сказать, отражаются въ двадцати пяти милліонахъ подозрительныхъ умовъ! Разбойники и Брольи, явныя вспышки мятежа, сверхъ естественные слухи—все это доводитъ до безумія большую часть сердецъ во Франціи. Каковы-то будутъ послѣдствія всего этого?

Въ Марселѣ уже нѣсколько недѣль тому назадъ граждане взялись за оружіе, для „истребленія разбойниковъ" и для другихъ цѣлей; военный комендантъ можетъ думать объ этомъ, что ему угодно. Вѣдь и въ другихъ мѣстахъ, и вездѣ можетъ быть сдѣлано то же самое. Въ разстроенномъ воображеніи патріота смутно мелькаетъ, какъ послѣднее средство спасенія, мысль о національной гвардіи. Но прежде всего представьте себѣ деревянную палатку въ Палѣ-Роялѣ! Здѣсь царитъ невѣроятный хаосъ, какъ отъ разрушающихся міровъ; здѣсь всего громче раздается безумный и доводящій до безумія голосъ молвы; отсюда подозрѣніе зорко смотритъ въ блѣдный, темный міровой водоворотъ, создавая призраки и фантасмагоріи; появленіе кровожадныхъ полковъ, располагающихся лагеремъ на Марсовомъ полѣ; распущеніе національнаго собранія; до красна раскаленныя пушечныя ядра (чтобы сжечь Парижъ). Свирѣпый богъ войны и свистящія плети Беллоны! Даже самымъ мирнымъ людямъ стало слишкомъ ясно, что сраженіе неизбѣжно.

Да, неизбѣжно, молчаливо киваютъ монсиньеры и Брольи: неизбѣжно и близко! Ваше національное собраніе, внезапно пріостановленное въ своей конституціонной работѣ, продолжаетъ утомлять королевское ухо адресами и представленіями, но знайте, что наши пушки мрачно наведены, и войска на мѣстѣ. Королевская декларація съ тридцатью пятью щедрыми пунктами произнесена; ее не выслушали, но она остается въ силѣ; и король самъ выполнитъ ее, seul il fera!

Принцъ Викторъ Брольи.

Что до Брольи, то онъ устроилъ свою главную квартиру въ Версалѣ, какъ на театрѣ войны: писцы пишутъ; штабные офицеры значительно помалчиваютъ; адъютанты въ шляпахъ съ перьями, ординарцы, курьеры мечутся взадъ и впередъ. У самого Брольи видъ важный и непроницаемый. Онъ съ молчаливой улыбкой выслушиваетъ серьезныя предостереженія Безанваля, коменданта Парижа, уже не въ первый разъ пріѣзжающаго съ этой цѣлью [1]). Парижане будутъ сопротивляться? презрительно кричатъ монсеньеры. Да, настолько, насколько можетъ сопротивляться чернь. Они сидѣли смирно въ теченіе пяти поколѣній, покоряясь всему. Ихъ же Мерсіе заявлялъ въ послѣдніе годы, что возстаніе Парижа отнынѣ „невозможно" [2]). Останемся же при королевской деклараціи отъ двадцать третьяго іюня! Дворянство Франціи, храброе и рыцарское, какъ и въ старину, единодушно сплотится вокругъ насъ; а что касается до того, что вы называете третьимъ сословіемъ, и что мы называемъ canaille, этихъ грязныхъ санкюлотовъ, сволочи, писакъ, бунтующихъ пустомель, то храбрый Брольи „однимъ пушечнымъ залпомъ" (salve de canons), если понадобится, вполнѣ разочтется съ ними. Такъ они разсуждаютъ на своей окутанной облаками Идѣ, скрытые ими отъ людей, которые скрыты такъ же отъ нихъ.

---

[1]) Besenval, III, 398.

[2]) Mercier, Tableau de Paris, VI, 22.

Картечь—хорошее дѣло, монсеньеры, но при одномъ условіи: стрѣлокъ долженъ тоже быть сдѣланъ изъ металла! Но, къ несчастью, онъ сдѣланъ изъ плоти; подъ своими кожаными амуниціями и перевязями у вашего наемнаго стрѣлка есть инстинкты, чувства, даже что-то вродѣ мысли. Эта самая canaille, которая должна быть сметена, родня ему, кость отъ костей его; среди нея у него есть братья, есть отецъ и мать, питающіеся мякиной и вареной травой. Даже любовница его, „если она еще не умерла въ госпиталѣ“, толкаетъ его на путь измѣны военному символу вѣры, увѣряя его, что онъ будетъ проклятъ людьми, если прольетъ кровь патріотовъ. Солдатъ, видѣвшій, какъ хищные Фулоны крали его жалованье, какъ Субизы и Помпадуры расточали его кровь; видѣвшій, что двери къ повышенію оставались для него неумолимо закрытыми, потому что онъ не родился благороднымъ, - солдатъ самъ имѣетъ противъ васъ зубъ. Ваше дѣло—не дѣло солдата, а только ваше собственное, и не касается никакого другого бога, или человѣка.

Весь міръ слышалъ, напримѣръ, какъ недавно, въ Бетюнѣ, когда тамъ произошло „возмущеніе изъ за хлѣба“,—а такихъ возмущеній здѣсь было очень много—и выстроеннымъ солдатамъ былъ данъ приказъ „стрѣлять“, ни одинъ курокъ не шевельнулся; только приклады всѣхъ мушкетовъ сердито стукнули въ землю. Солдаты стояли мрачные, съ загадочнымъ выраженіемъ лицъ, пока каждый изъ нихъ не былъ „подхваченъ подъ руку патріотами, отцами семействъ“, и не уведенъ для угощенія. Ихъ обласкали и увеличили имъ жаловнье по подпискѣ [1]).

Даже французская гвардія, лучшій линейный полкъ, не обнаруживаетъ въ послѣднее время особенной поспѣшности, когда надо стрѣлять на улицахъ. Отъ Ревельона она вернулась съ ропотомъ, и съ тѣхъ поръ не выпустила ни одного патрона, даже и тогда, когда, какъ мы видѣли, ей былъ данъ приказъ стрѣлять. Среди этой гвардіи господствуетъ опасное настроеніе. Это въ своемъ родѣ значительные люди! Пиѳагореецъ Валади былъ одно время ихъ офицеромъ. Да, и въ рядахъ, подъ трехуголками съ кокардой, могутъ быть здоровыя головы; и сколько можетъ проникать въ нихъ мыслей, невѣдомыхъ публикѣ! Мы замѣчаемъ здѣсь одну изъ такихъ головъ: она на плечахъ нѣкоего сержанта. Его имя Лазарь Гошъ. Это племянникъ бѣдной зеленщицы, искусный работникъ; онъ работалъ прежде въ версальскихъ конюшняхъ; это умный молодой человѣкъ, страстный охотникъ до чтенія. Теперь онъ—сержантъ Гошъ и не можетъ подняться выше; онъ тратитъ свое жалованье на свѣчи и на книги въ дешевыхъ изданіяхъ [2]).

Вообще, самое бы лучшее,—убрать этихъ французскихъ гвардейцевъ въ ихъ казармы. Такъ думаетъ Безанваль и издаетъ соотвѣтственный приказъ. Отосланные въ казармы, французскіе гвардейцы образуютъ „тайное общество“ и принимаютъ обязательство не дѣйствовать оружіемъ противъ національнаго собранія. Они развращены Валади-пиѳагорейцемъ; развращены деньгами и женщинами! кричатъ Безанваль и безчисленное множество другихъ. Кѣмъ бы ни были они развращены,—а можетъ быть они и не нуждались въ развращеніи,—но вотъ, смотрите, они, нарушивъ запрещеніе выходить изъ казармъ, длинными рядами, съ сержантами во главѣ, являются 26-го іюня въ Пале-Рояль! Здѣсь ихъ встрѣчаютъ виватами, подарками, они обнимаются съ патріотами, обмѣниваются съ ними тостами и заявляютъ, что дѣло Франціи—ихъ дѣло! На завтра и въ слѣдующіе дни повторяется то же самое. Что чрезвычайно странно, такъ это то, что, за исключеніемъ этого патріотическаго настроенія и нарушенія запрещенія выходить изъ казармы, они во всемъ остальномъ ведутъ себя съ самой строгой пунктуальностью [3]).

---

[1]) Histoire Parlamentaire.

[2]) Dictionnaire des Hommes marquans, Londres (Paris) 1800, II, 198.

[3]) Besenval, III, 394—6.

Тѣмъ не менѣе, они становятся все болѣе и болѣе сомнительными, эти французскіе гвардейцы. Одиннадцать вожаковъ ихъ отправлены въ тюрьму Аббатства; но это нисколько не помогаетъ. Одиннадцати заключеннымъ довольно было, чтобъ съ наступленіемъ ночи „рукою одного лица" была отправлена одна строчка въ Кафе де Фойе, гдѣ патріотизмъ произноситъ на столахъ громовыя рѣчи, и толпа въ „двѣсти молодыхъ людей, скоро выростающая до четырехъ тысячъ", бѣжитъ, съ крѣпкими ломами, къ Аббатству, выламываетъ надлежащія двери и выводитъ своихъ одиннадцать плѣнниковъ, вмѣстѣ съ другими военными жертвами. Ихъ угощаютъ ужиномъ въ саду Пале-Рояля и устраиваютъ на ночь „въ походныхъ кроватяхъ въ театрѣ Variétés",—другого національнаго Пританея еще не было наготовѣ, и все это совершается обдуманно. Эти молодые люди такъ пунктуальны, что когда въ числѣ освобожденныхъ военныхъ узниковъ одинъ оказывается дѣйствительно совершившимъ гражданское преступленіе, то его возвращаютъ въ тюрьму съ протестами.

Почему же не была вызвана новая военная сила? Новая военная сила была вызвана. Новая военная сила прибыла полнымъ галопомъ, съ саблями наголо; но народъ вѣжливо „наложилъ руку на узду лошадей" и драгуны спрятали оружіе, подняли свои кепи въ знакъ привѣтствія и остались сидѣть, какъ совершенныя статуи драгуновъ,—впрочемъ за исключеніемъ того обстоятельства, что когда имъ поднесли по чаркѣ, то они „выпили за короля и націю, съ величайшею сердечностью!" [1]).

Вы спросите теперь: почему монсеньеры и Брольи, этотъ великій богъ войны, видя все это, не остановились, не выбрали другого пути, какого бы то ни было, но другого? Къ несчастью, какъ мы уже сказали, они ничего не могли видѣть. Гордость, которая предшествуетъ всякому паденію, гнѣвъ, если не разумный, то простительный и вполнѣ естественный, сдѣлали черствыми ихъ сердца и разгорячили ихъ головы; и такимъ образомъ они съ безуміемъ и насиліемъ (дурно-подобранною парой) устремились на встрѣчу своему року. Однако, не всѣ полки—французская гвардія, и не всѣ развращены Валади-пиѳагорейцемъ; призовемъ свѣжіе, не развращенные: Ройяль-Алеманъ, Салисъ-Самадъ, швейцарскій Шато-вье. Они умѣютъ драться, и едва ли умѣютъ говорить на какомъ нибудь другомъ языкѣ, кромѣ горловаго нѣмецкаго. Пусть солдаты маршируютъ и большія дороги гремятъ отъ артиллерійскихъ ящиковъ: его величество долженъ созвать новое королевское засѣданіе и совершить на немъ чудеса! Картечные залпы могутъ, если нужно, сдѣлаться вихремъ и бурею.

При такихъ обстоятельствахъ, прежде чѣмъ начнутъ сыпаться ядра, парижскіе сто двадцать избирателей считаютъ не лишнимъ собираться ежедневно, въ качествѣ „избирательнаго клуба", хотя ихъ Cahier давно законченъ. Они собираются сначала „въ одной тавернѣ", гдѣ большая свадебная компанія съ готовностью уступаетъ имъ мѣсто [2]). Но въ послѣднее время они собираются въ Hôtel de ville, въ самой ратушѣ. Городской голова Флессель со своими четырьмя эшевенами (помощниками) не могутъ помѣшать этому; такова сила общественнаго мнѣнія. Голова и эшевены съ двадцатью шестью совѣтниками (всѣ они назначены свыше) могутъ молчаливо присутствовать на засѣданіяхъ въ своихъ длинныхъ тогахъ и обсуждать съ испуганными глазами эту прелюдію къ идущимъ снизу потрясеніямъ, гадая, какова будетъ при этомъ ихъ собственная судьба.

---

[1]) Histoire Parlementaire, II, 32.

[2]) Dusaulx, Prise de la Bastille (Collection des Memoires par Berville et Barriere, Paris 1821), p. 269.

ГЛАВА IV.

Къ оружію!

Въ эти душные іюльскіе дни нависло надъ людьми что-то неопредѣленное, роковое. Появляется страстное печатное предостереженіе Марата, приглашающее воздерживаться, прежде всего, отъ насилія [1]). Тѣмъ не менѣе, голодные бѣдняки уже жгутъ таможенныя городскія заставы, гдѣ взимаются пошлины на съѣстные припасы, и кричатъ о хлѣбѣ.

Утромъ 12-го іюля, въ воскресенье, на улицахъ расклеены громадной величины плакаты, именемъ короля „приглашающіе мирныхъ гражданъ оставаться по домамъ", не тревожиться и не собираться толпами. Почему же это? Что означаютъ эти „громадной величины плакаты?" А прежде всего, что означаетъ этотъ военный шумъ? Драгуны, гусары стягиваются со всѣхъ сторонъ къ площади Людовика XV; лица ихъ спокойно серьезны, хотя ихъ и привѣтствуютъ бранными прозвищами, насмѣшками и даже метательными снарядами. [2]) Съ ними Безанваль. Его швейцарская гвардія уже на Елисейскихъ поляхъ съ четырьмя артиллерійскими орудіями.

Значитъ, разрушители дѣйствительно проникли къ намъ? Отъ Севрскаго моста до самаго Венсенна, отъ Сенъ-Дени до Марсова поля мы окружены! Тревога передъ смутнымъ неизвѣстнымъ наполняетъ всѣ сердца. Пале-Ройяль сдѣлался мѣстомъ испуганныхъ междометій и молчаливыхъ покачиваній головой; можно представить себѣ, какое болѣзненное чувство распространяетъ здѣсь полуденная пушка (которая стрѣляетъ въ то время, какъ солнце проходитъ черезъ меридіанъ)— полный предсказаній звукъ, подобный приговору [3]). Пришли ли эти войска, чтобы дѣйствительно сражаться „противъ разбойниковъ?" Гдѣ эти разбойники? Что за тайна носится въ воздухѣ? Слушайте! человѣческій голосъ членораздѣльно сообщаетъ печальную новость: Неккеръ народный министръ, спаситель Франціи—отставленъ. Невозможно, невѣроятно! Это заговоръ противъ общественнаго спокойствія! Этотъ голосъ нужно заставить замолчать въ бассейнѣ, [4])—что и было бы сдѣлано, если бы возглашатель новости не поспѣшилъ скрыться. И тѣмъ не менѣе, друзья, новость вѣрна. Неккеръ ушелъ. Неккеръ спѣшно уѣзжаетъ на сѣверъ, безостановочно и тайно, согласно предписанію, данному наканунѣ ночью. У насъ новое министерство: Брольи—богъ войны, аристократъ Бретейль и Фулонъ, сказавшій, что народъ можетъ ѣсть траву.

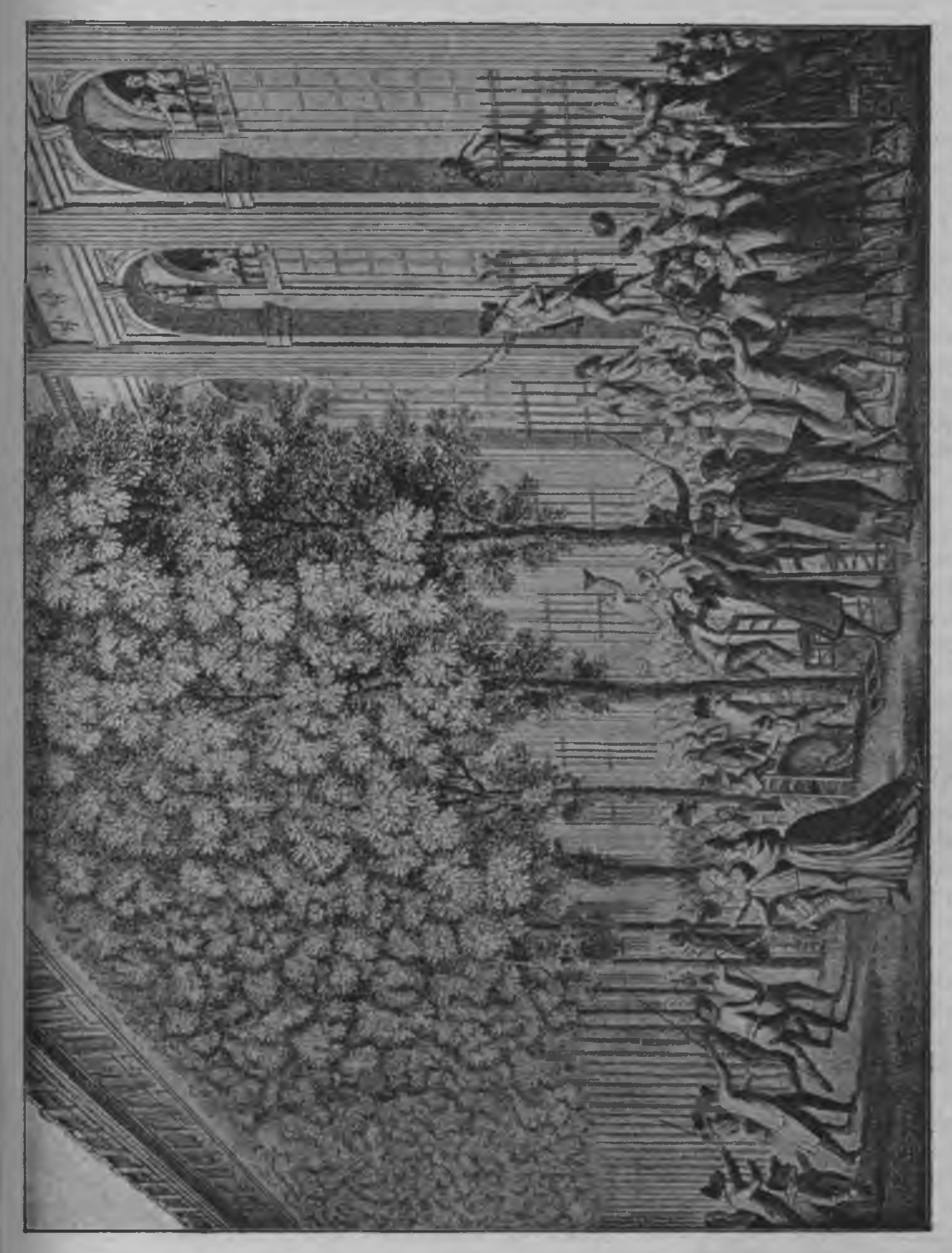
Въ Пале-Роялѣ и во всей Франціи поднимается ропотъ. На всѣхъ лицахъ видна блѣдность, всѣми овладѣлъ смутный трепетъ, возбужденіе растетъ и постепенно доходитъ до рева бѣшенства, пришпориваемаго страхомъ.

Но взгляните на Камилла Демулена, стремительно выбѣгающаго изъ Кафе де Фойе съ пророческимъ лицомъ, съ развивающимися волосами; въ обѣихъ рукахъ у него по пистолету. Онъ вскакиваетъ на столъ: полицейскіе агенты не сводятъ съ него глазъ, но они не возьмутъ его живымъ, живые—они не возьмутъ его живымъ. На этотъ разъ онъ говоритъ, не заикаясь: „Друзья! развѣ мы умремъ, какъ затравленные зайцы? какъ овцы, преслѣдуемыя даже въ своей овчарнѣ и блеяніемъ молящія о пощадѣ тамъ, гдѣ нѣтъ пощады, а есть только отточенный ножъ? Часъ насталъ, великій часъ для француза, для человѣка; когда притѣснители должны помѣряться силой съ притѣсняемыми; когда паролемъ является скорая смерть, или освобожденіе навсегда! Встрѣтимъ же, какъ слѣдуетъ, этотъ часъ! Мнѣ кажется, у насъ долженъ быть только одинъ кличъ: къ оружію! Пусть

---

[1]) Avis au peuple, ou les Ministres devoilés, 1-st Juily 1789 (Histoire parlementaire, II, 37).
[2]) Besenval, III, 411.
[3]) Histoire parlementaire, II, 81.
[4]) Ibid.

этотъ кличъ пронесется ураганомъ по всему Парижу, по всей Франціи! Къ оружію!"—„Къ оружію!" ревутъ безчисленные голоса, сливающіеся въ одинъ громовой голосъ, подобный голосу демона, ревущему въ воздухѣ; всѣ глаза пылаютъ огнемъ, всѣ сердца загораются безуміемъ. Такими, или еще болѣе подходящими

Камиллъ Демуленъ призываетъ къ оружію народъ, собравшійся у Пале-Рояля 12 іюля 1789 г.

словами, Камиллъ вызываетъ стихійныя силы въ этотъ великій моментъ.— Друзья,—продолжаетъ онъ,—намъ нуженъ какой нибудь объединяющій знакъ! Кокарды, зеленыя кокарды—цвѣта надежды! Какъ отъ налетѣвшей саранчи исчезаетъ листва деревьевъ, такъ зеленыя ленты изъ сосѣднихъ лавокъ и всѣ зеленыя вещи изрѣзаны и изъ нихъ понадѣланы кокарды. Камиллъ сходитъ со

своего стола. „Его душатъ въ объятіяхъ, обливаютъ слезами"; ему передаютъ кусокъ зеленой ленты, и онъ прикрѣпляетъ его къ своей шляпѣ. А теперь къ Курціусу, въ картинную лавку, и на бульвары, во всѣ четыре конца, безъ остановки до тѣхъ поръ, пока вся Франція не будетъ въ огнѣ!

Франція, такъ долго колеблемая и изсушаемая вѣтромъ, вѣроятно, находится уже на точкѣ воспламененія. Что касается до бѣднаго Курціуса, который наврядъ ли получитъ полную плату, то онъ не можетъ сказать и двухъ словъ въ защиту своихъ товаровъ. Восковые бюсты Неккера и герцога Орлеанскаго, спасителей Франціи, обвитые крепомъ, какъ въ похоронной процессіи, или въ видѣ просителей, взывающихъ къ небу, къ землѣ и къ самому тартару, торжественно носятся по улицамъ пестрою толпою. Для нея—это символы! Дѣйствительно, человѣкъ, съ присущей ему странной способностью воображенія, мало или даже ничего не можетъ сдѣлать безъ видимыхъ символовъ. Такъ турки смотрятъ на знамя пророка; такъ былъ сожженъ манекенъ изъ ивовыхъ прутьевъ, и портретъ Неккера уже фигурировалъ однажды на концѣ шеста.

Такимъ образомъ идетъ по улицамъ эта смѣшанная, постоянно растущая толпа, раздраженная, шумная, вооруженная топорами, дубинами, чѣмъ попало. Запирайте театры, прекращайте всѣ танцы, будь то на досчатомъ полу, или на природномъ зеленомъ дернѣ! Вмѣсто христіанскаго шабаша и празднованія по загороднымъ кабачкамъ, будетъ шабашъ вѣдьмъ и колдуновъ, и обезумѣвшій Парижъ будетъ танцовать по дудкѣ сатаны!

Однако Безанваль съ конницей и пѣхотой уже на площади Людовика XV. Смертные, возвращаясь домой въ сумеркахъ изъ Шальо или Насси, послѣ прогулки и легкаго вина, плетутся болѣе унылымъ шагомъ, чѣмъ обыкновенно. Пройдетъ ли этой дорогой процессія съ бюстами? Глядите: принцъ Ламбекъ бросается на нее со своимъ Ройаль-Алеманъ! Сыплются пули и сабельные удары; бюсты изрублены, и, увы,—также и человѣческія головы. Подъ сабельными ударами процессіи ничего болѣе не остается, какъ только взорваться, разсѣяться по улицамъ, проходамъ и встрѣчнымъ тюльерійскимъ аллеямъ. Безоружный изрубленный человѣкъ остается лежать на дорогѣ; судя по мундиру, это солдатъ французской гвардіи. Несите его (или хотя бы вѣсть о немъ), мертваго и окровавленнаго въ его казарму, гдѣ у него есть еще живые товарищи!

Но почему же побѣдоносному Ламбеку не аттаковать теперь самый Тюльерійскій садъ, гдѣ прячутся бѣглецы? Почему не показать и гуляющимъ тамъ по воскресеньямъ, какъ блеститъ сталь, орошенная кровью, чтобы объ этомъ говорили и чтобы въ ушахъ звенѣло отъ этихъ разговоровъ? Звенѣть-то звенѣло, но не такъ, какъ бы надо. При второмъ, или тюльерійскомъ, натискѣ побѣдоносному Ламбеку посчастливилось только опрокинуть (нельзя даже назвать это ударомъ сабли, такъ какъ онъ ударилъ плашмя) всего одного человѣка: бѣднаго, стараго школьнаго учителя, бродившаго тамъ самымъ мирнымъ образомъ; а затѣмъ самъ Ламбекъ былъ вытѣсненъ вонъ баррикадами изъ стульевъ, летающими „бутылками, стаканами" и проклятіями, звучавшими и басомъ и дискантомъ. Должность укротителя черни въ высшей степени щекотлива: сдѣлать слишкомъ много тутъ такъ же дурно, какъ и сдѣлать недостаточно, потому что каждый изъ этихъ басовыхъ и, еще болѣе, каждый изъ дискантовыхъ голосовъ, разносятся по всѣмъ концамъ города, звучатъ однимъ яростнымъ негодованіемъ, и будутъ звучать всю ночь. Крикъ: къ оружію! реветъ въ десять разъ сильнѣе; колокола гудятъ по закатѣ солнца, какъ металлическіе вѣстники бури; оружейные магазины разбиты, ограблены; улицы представляютъ живое, пѣнящееся море, волнуемое всѣми вѣтрами.

Таковъ былъ исходъ аттаки Ламбека на Тюльерійскій садъ; она вовсе не поразила спасительнымъ ужасомъ возвращающихся съ прогулки въ Шальо, а только пробудила ярость въ сердцахъ и трехъ фурій, которыя, впрочемъ, и не спали! Онѣ постоянно лежатъ сокрытыми въ самомъ глубокомъ мракѣ человѣческаго существа, эти подземныя Эвмениды (сказочныя и вмѣстѣ съ тѣмъ

найти ни квартирмейстера, ни Безанваля, неизвѣстно куда скрывшагося, и не знаютъ, что имъ дѣлать въ этомъ городѣ, объятомъ безпорядками. Нормандцы вынуждены расположиться на бивуакахъ среди улицы, въ пыли и голодные, развѣ только иной патріотъ угоститъ ихъ чаркой вина съ подобающими совѣтами.

Взбѣшенная толпа окружаетъ ратушу, крича: Оружія! распоряженій! Двадцать шесть городскихъ совѣтниковъ, въ длинныхъ тогахъ, исчезли (въ бѣшенномъ хаосѣ) и больше уже никогда не вынырнутъ. Безанваль съ трудомъ пробирается на Марсово поле и принужденъ оставаться тамъ въ „самой ужасной неопредѣленности"; курьеръ за курьеромъ скачутъ въ Версаль, но не приносятъ никакого отвѣта и едва могутъ вернуться сами. Дороги загромождены баттареями, пикетами и цѣлымъ потокомъ экипажей, которые остановлены для осмотра: это былъ единственный приказъ Брольи. Oeil-de-Boeuf, слыша вдали этотъ бѣшеный шумъ, напоминающій шумъ вражескаго нашествія, прежде всего желаетъ сохранить въ цѣлости свою собственную голову. Новое министерство, у котораго, такъ сказать, только одна нога въ стремени, не можетъ дѣлать скачковъ. Безумный Парижъ предоставленъ самому себѣ.

И что представляетъ этотъ Парижъ, съ наступленіемъ темноты! Европейская метрополія, внезапно отрѣшившаяся изъ всего строя прежнихъ отношеній, съ трескомъ разрушается въ поискахъ новаго. Обычай и привычка не управляютъ болѣе ни однимъ человѣкомъ; каждый долженъ начать думать съ тѣмъ запасомъ оригинальности, который у него имѣется, или слѣдовать за тѣми, кто думаетъ. Семьсотъ тысячъ человѣкъ внезапно видятъ, какъ всѣ ихъ старыя дороги, всѣ способы дѣйствій и рѣшеній исчезаютъ у нихъ изъ подъ ногъ. И вотъ они устремляются съ воемъ и страхомъ, сами еще не зная, куда; бѣгутъ, плывутъ или стремглавъ летятъ въ новую эру. Съ воемъ и страхомъ, такъ какъ сверху угрожаетъ богъ войны, Брольи, сверхъестественный со своими до красна раскаленными пушечными ядрами; а снизу—сверхъестественный же міръ разбойниковъ грозитъ кинжаломъ и пожаромъ: этимъ часомъ управляетъ одно безуміе.

Къ счастью, вмѣсто исчезнувшихъ двадцати-шести совѣтниковъ, собирается клубъ избирателей и объявляетъ себя „Временнымъ городскимъ управленіемъ". Завтра онъ присоединитъ къ себѣ городскаго голову Флесселя съ однимъ, или двумя эшевенами, чтобы они оказывали ему помощь въ дѣлахъ; а пока декретируетъ одну въ высшей степени существенную мѣру: немедленную организацію „парижской милиціи". Отправляйтесь, вы, главы округовъ, работать надъ великимъ дѣломъ въ то время, какъ мы, въ качествѣ постояннаго комитета, будемъ бодрствовать здѣсь. Пусть люди, способные носить оружіе, раздѣлятся на группы и всю ночь охраняютъ каждая свой кварталъ. Пусть Парижъ отдохнетъ короткимъ лихорадочнымъ сномъ, смущаемымъ бредомъ „о грозныхъ предложеніяхъ въ Пале-Роялѣ", и вскакивая по временамъ въ ночномъ колпакѣ, чтобы съ трепетомъ прислушаться къ стройному стуку взаимно непонимающихъ другъ друга патрулей, или посмотрѣть на красное зарево отдаленныхъ заставъ, поднимающееся къ своду ночнаго неба.

ГЛАВА V.

Дайте намъ оружіе.

Въ понедѣльникъ громадный городъ проснулся не для обыкновенной будничной работы, а для совсѣмъ другой. Рабочій сдѣлался воиномъ; ему не хватаетъ только одного: оружія. Работа прекратилась во всѣхъ производствахъ, исключая кузницъ, гдѣ ревностно куются пики; да еще—хоть въ меньшей степени—въ кухмистерскихъ, такъ какъ bouche va toujours (ѣсть все-таки нужно). Женщины шьютъ кокарды, но уже не зеленыя, такъ какъ это цвѣтъ монсеньера д'Артуа, и ратуша вмѣшалась въ это дѣло, а красныя съ си-

нимъ, наши старые парижскіе цвѣта, помѣщенные на фонѣ конституціоннаго бѣлаго цвѣта. Это знаменитый триколоръ, который (если вѣрить пророчеству) „обойдетъ весь міръ".

Всѣ лавки заперты, за исключеніемъ булочныхъ и винныхъ погребовъ; весь Парижъ на улицѣ; онъ кипитъ и пѣнится, какъ въ стаканѣ венеціанское вино, въ которое капнули яду. Набатъ, по приказу, бѣшено звонитъ со всѣхъ колоколенъ. Оружія! вы, городскіе избиратели; ты, Флессель, со своими эшевенами, дайте намъ оружія! Флессель даетъ, что можетъ: обманчивыя и, можетъ быть, предательскія обѣщанія оружія, которое должно прибыть изъ Шарлевилля; приказъ искать оружія здѣсь и тамъ; новые муниципалы также даютъ, что могутъ: какіе-то триста шестьдесятъ плохихъ ружей, составлявшихъ вооруженіе городской стражи; „какой-то человѣкъ, въ деревянныхъ башмакахъ и безъ камзола сейчасъ же хватаетъ одно изъ нихъ и становится на часы". Кромѣ того, кузнецамъ данъ приказъ приложить все свое усердіе къ изготовленію пикъ.

Начальники округовъ усердно совѣщаются; подначальные патріоты разсѣялись и блуждаютъ, жадно ища оружія. До сихъ поръ изъ ратуши получено только то скромное количество плохихъ ружей, о которомъ мы упомянули. Въ такъ называемомъ арсеналѣ хранится только ржавчина, хламъ и селитра, и кромѣ того тамъ вы подъ пушками Бастиліи. Складъ его величества, который называютъ Garde-Meuble, взломанъ и разграбленъ; тамъ довольно много матерій и украшеній, но весьма малый запасъ годныхъ къ употребленію боевыхъ орудій! Впрочемъ, тамъ есть двѣ обдѣланныя въ серебро пушки, старинный даръ его сіамскаго величества Людовику Четырнадцатому; есть вызолоченая сабля добраго Генриха, старинные рыцарскіе доспѣхи и оружіе. Всѣ эти и подобныя имъ вещи жадно расхватываются патріотами за неимѣніемъ лучшаго. Сіамскія пушки катятся на работу, для которой онѣ не предназначались. Среди плохихъ ружей виднѣются турнирныя копья; княжескій шлемъ и кольчуга блестятъ среди головъ въ рваныхъ шляпахъ; прообразъ времени, когда всѣ времена со всѣмъ имъ принадлежащимъ внезапно смѣшались!

Въ Maison de Saint Lazare, бывшемъ нѣкогда лазаретомъ, а теперь превратившемся въ исправительное заведеніе, содержимое духовенствомъ, нѣтъ и слѣдовъ оружія, но за то хлѣба тамъ преступное количество; и это теперь, когда въ хлѣбѣ такой недостатокъ! Вонъ его! На рынокъ! О, небо, пятидесяти двухъ телѣгъ, вытянувшихся длиннымъ рядомъ, едва достаточно, чтобы перевезти его въ Halle aux Blés? Въ самомъ дѣлѣ, преподобные отцы, ваша кладовая была хорошо снабжена провизіей; жиренъ вашъ столъ и богаты ваши погреба! О, вы, заговорщики, доводящіе бѣдняковъ до отчаянія, предательски захватывающіе хлѣбъ!

Протесты напрасны, напрасны даже колѣнопреклоненныя мольбы; сенъ-лазарское заведеніе не отдаетъ своего добра безъ противодѣйствія. Смотрите, какъ оно извергаетъ свое содержимое черезъ всѣ окна: просто потоки вещей, рева и шума; изъ погребовъ течетъ вино. Все это продолжается до тѣхъ поръ, пока, весьма естественнымъ образомъ, не поднимается дымъ пожара, зажженнаго, какъ иные говорятъ, самими лазаристами, отчаявшимися въ средствахъ спасенія; и все заведеніе исчезаетъ со свѣта въ пламени. Замѣтьте, однако, что пойманный тамъ „воръ (быть можетъ, подосланный аристократами, а можетъ быть, и нѣтъ) былъ тотчасъ же повѣшенъ".

Посмотрите также и на тюрьму Шатле. Долговая тюрьма Ла-Форсъ разбита снаружи и сидящіе въ залогѣ у аристократовъ должники освобождены. Услыхавъ объ этомъ, преступники въ Шатле также вырываютъ у себя камни мостовой и приготовляются къ нападенію съ самыми радостными надеждами; но проходящіе мимо патріоты „даютъ залпъ" по этому преступному люду и заставляютъ его вернуться въ свои камеры. Патріотизмъ не имѣетъ ничего общаго съ воровствомъ и преступленіемъ, и сегодня наказаніе слѣдуетъ за преступленіемъ (когда оно встрѣчается) съ ужасающей быстротой! Десятка два или три

бѣдняковъ, которыхъ нашли распростертыми въ пьяномъ видѣ въ погребахъ Сенъ-Лазара, были съ негодованіемъ уведены въ тюрьму; но у тюремщика не нашлось для нихъ мѣста, вслѣдствіе чего, за неимѣніемъ другого надежнаго помѣщенія, какъ гласитъ хроника, „ихъ повѣсили“, on les pendit[1]). Короткія, но не лишенныя значенія слова, независимо отъ того, правда это, или нѣтъ.

При такихъ обстоятельствахъ, аристократу, не патріотичному богачу, остается только укладывать свои вещи для отъѣзда. Но ему не удается уѣхать. Сила, обутая въ деревянныя сабо, захватила всѣ заставы, сожженныя или нѣтъ: и все, что въѣзжаетъ, все, что хочетъ выѣхать, задерживается и влечется въ парижскую ратушу. Кареты, телѣги, серебро, хозяйственныя принадлежности, „множество мѣшковъ муки“, а по временамъ и цѣлыя стада быковъ и барановъ загромождаютъ Гревскую площадь[2]).

Всѣ волнуется, вопитъ и шумитъ, бьютъ барабаны, звонятъ колокола, всюду стремятся глашатаи со звонками въ рукахъ: „Oyez, oyez! всякій долженъ вступить въ ополченіе своего округа!“ Округи собираются въ садахъ, на площадяхъ и составляютъ отряды волонтеровъ. Изъ лагеря Безанваля не упало еще ни одного ядра, наоборотъ—все время оттуда появляются дезертиры со своимъ оружіемъ; и скоро, о, радость изъ радостей! около двухъ часовъ пополудни французская гвардія, получившая приказъ идти въ Сенъ-Дени и уклонившаяся отъ повиновенія, является въ полномъ составѣ. Этотъ фактъ стоитъ многаго. Три тысячи шестьсотъ наилучшихъ солдатъ, въ полной амуниціи, даже съ канонирами и пушками! Ихъ офицеры остались одни и даже не успѣли „заклепать пушекъ“. Можно надѣяться, что даже швейцарцы, Шато-вьё и другіе подумаютъ прежде, чѣмъ взяться за оружіе.

Наша парижская милиція, которую, какъ нѣкоторые думаютъ, лучше называть національной гвардіей, преуспѣваетъ, какъ нельзя лучше. Она обѣщаетъ дать сорокъ восемь тысячъ борцовъ, но черезъ нѣсколько часовъ это число удвоится и учетверится; такая сила была бы непобѣдима, если бы имѣла оружіе!

Но вотъ и обѣщанные шарлевильскіе ящики, на которыхъ написано: артиллерія! Значитъ, и оружія достаточно? Но представьте себѣ, какъ поблѣднѣли лица патріотовъ, когда ящики оказались наполненными тряпками, грязными лохмотьями, свѣчными огарками и деревянными опилками! Городской голова, что это значитъ? И въ картезіанскомъ монастырѣ, куда насъ послали съ подписаннымъ приказомъ, нѣтъ и никогда не было никакого боеваго оружія! А вотъ теперь, на кораблѣ на Сенѣ, въ сохранности спрятанные подъ брезентами „пять тысячъ пудовъ пушечнаго пороха“ не ввозятся, а были бы украдкой вывезены изъ города, если бы у патріотовъ не было такого тонкаго чутья! Что же ты думаешь, Флессель? Щекотливая игра—такъ „дурачить“ насъ! Кошка играетъ съ пойманной мышью; но можетъ ли мышь играть съ разъяренной кошкой, съ разъяреннымъ національнымъ тигромъ?

А пока, о, вы, кузнецы въ черныхъ фартукахъ, куйте усерднѣе, куйте сильною рукою. Всѣ, одинъ за другимъ, куютъ и гремятъ по очереди, работая большимъ кузнечнымъ молотомъ до тѣхъ поръ, пока наковальня не зашатается и не начнетъ звучать; а надъ ихъ головами время отъ времени раздается выстрѣлъ сигнальной пушки, такъ какъ у города теперь имѣется порохъ. Пикъ изготовляется до пятидесяти тысячъ въ тридцать шесть часовъ: судите по этому, отдыхали ли черные фартуки? Ройте траншеи, разбирайте мостовыя на улицахъ, вы, мужчины и женщины, работайте прилежно; насыпайте землю въ баррикадные боченки, ставьте на каждомъ изъ нихъ по добровольному часовому; нагромождайте камни на подоконникахъ, въ верхнихъ этажахъ! Держите наготовѣ кипящую смолу, или по крайней мѣрѣ кипятокъ, вы, старыя, слабыя женщины, чтобы сбрасывать, или выливать ихъ на нѣмецкій полкъ вашими старыми, ко-

---

[1]) Histoire parlementaire, II, 96.

[2]) Dusaulx, Prise de la Bastille, p. 290.

стлявыми руками! Въ проклятіяхъ, изрыгаемыхъ вашими пронзительвыми голосами, конечно, не будетъ недостатка. Патрули новорожденной національной гвардіи всю ночь обходятъ съ факелами улицы, которыя пусты, но освѣщены по приказу огнями во всѣхъ окнахъ. Странное зрѣлище! Оно подобно освѣщенному керосиномъ городу смерти, по которому кое-гдѣ проходятъ группы духовъ, потревоженныхъ въ своемъ покоѣ.

О, бѣдные смертные, какою горькою дѣлаете вы земную жизнь другъ для друга! Эту страшную и чудесную жизнь вы дѣлаете страшною и отвратительною, и Сатана вселяется во всѣ сердца! Сколько агоніи и бѣшенства, и воплей теперь и во всѣ времена, чтобы въ концѣ концовъ погрузиться въ ненарушимое во вѣки молчаніе! И соленое море еще не вылилось изъ береговъ отъ вашихъ слезъ.

Но, какъ бы то ни было, а великъ тотъ моментъ, когда до насъ достигаетъ вѣсть свободы; когда долго порабощаемая душа стряхиваетъ съ себя оковы и презрѣнную подавленность и, воспрянувъ, хотя бы даже въ слѣпотѣ и смятеніи клянется Тѣмъ, кто ее создалъ, что она будетъ свободной! Свободна? Поймите, что быть свободнымъ это—глубокое, болѣе или менѣе сознательное стремленіе всего нашего существа. Свобода, это—единственная, разумно или неразумно преслѣдуемая цѣль всей человѣческой борьбы, трудовъ и страданій здѣсь, на землѣ. Да, велика такая минута (если ты зналъ ее): это первое видѣніе, какъ бы опоясаннаго пламенемъ Синая, въ нашемъ паломничествѣ, въ пустынѣ; съ нимъ намъ не нужно больше облачнаго столба днемъ и огненнаго ночью. Да, освободиться отъ утѣсненія тебя твоими ближними—это уже нѣчто, но еще важнѣе это нѣчто, когда цѣпи проржавѣли и разъѣдаютъ твое тѣло. Итакъ впередъ, изступленные сыны Франціи, какая бы ни ждала васъ судьба! Вокругъ васъ лишь голодъ, ложь, разложеніе и погребальный звонъ. Такъ жить нельзя.

Воображеніе можетъ только очень несовершенно нарисовать, какъ провелъ эти тоскливые часы комендантъ Безанваль на Марсовомъ Полѣ. Возмущеніе бушевало вокругъ него, а боевыя его силы таяли. Изъ Версаля на самые настойчивые вопросы не получается отвѣта, или получаются только неопредѣленныя слова, которыя хуже, чѣмъ ничего. Совѣтъ офицеровъ можетъ рѣшить только одно: что никакое рѣшеніе невозможно; полковники „въ слезахъ“ докладываютъ командиру, что они не увѣрены въ томъ, что люди ихъ станутъ драться. Во всемъ—ужасная неувѣренность; богъ войны, Брольи, сидитъ недосягаемый на своемъ Олимпѣ и не спускается, облаченный въ ужасы, не даетъ картечныхъ залповъ, даже не посылаетъ никакихъ распоряженій.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Версальскомъ замкѣ все кажется окутаннымъ тайной: въ городѣ Версалѣ всюду шумъ, тревога и негодованіе. Верховное національное собраніе засѣдаетъ, видимо, подъ угрозой смерти, силясь не бояться ея. Оно рѣшило, что „Неккеръ уноситъ съ собою сожалѣнія націи“. Оно послало во дворецъ торжественную депутацію съ мольбою объ удаленіи войска. Напрасно: его величество, со страннымъ спокойствіемъ, приглашаетъ насъ лучше заняться нашимъ собственнымъ дѣломъ и изготовить конституцію! Иностранные пандуры и прочіе разъѣзжаютъ и парадируютъ на улицахъ съ хвастливымъ видомъ, и несомнѣнно посматривали бы подозрительно на Salle des Menus, если бы всѣ проходы туда не замыкала толпа, которая „смотритъ мрачно“ [1]). Будьте тверды, вы, національные сенаторы, путеводная звѣзда твердаго, мрачно настроеннаго народа!

Верховные національные сенаторы рѣшаютъ, что засѣданіе будетъ непрерывнымъ, пока все это не кончится. Подумайте, однако, вѣдь достойный Лефранъ де-Помпиньанъ, нашъ новый президентъ, преемникъ Бальи—старикъ, утомленный многимъ пережитымъ. Онъ—братъ того Помпиньяна, который печально размышлялъ по поводу книги „Lamentations“:

---

[1]) См. Lameth; Ferriers и пр.

ГЛАВА VI.

Штурмъ и побѣда.

Но для живыхъ и борющихся настаетъ новое утро,—утро четырнадцатаго іюля. Подъ всѣми кровлями взволнованнаго города узелъ нелишенной трагичности драмы приближается къ развязкѣ. Сколько движенія и приготовленій, сколько трепета, угрозъ и слезъ, текущихъ изъ старыхъ глазъ! Въ этотъ день, дѣти мои, покажите себя мужчинами. Въ память страданій вашихъ отцовъ, во имя надеждъ на права вашихъ дѣтей! Тираннія нависла надъ вами съ кровавой злобой; вамъ нѣтъ спасенія, помимо вашихъ собственныхъ рукъ. Въ этотъ день вы должны дѣйствовать или умереть.

Съ самыми первыми лучами разсвѣта бодрствующій постоянный комитетъ услыхалъ старый крикъ, теперь ставшій яростнымъ, возмущеннымъ. Оружія, оружія! Городской голова Флессель, или другіе предатели, которые есть среди васъ, должны поразмыслить о шарлевильскихъ ящикахъ. Насъ—сто пятьдесятъ тысячъ, и только у одного на троихъ имѣется по пикѣ! Оружіе—вещь необходимая: съ оружіемъ мы непобѣдимая, бросающая вызовъ всему, національная гвардія; безъ оружія—мы чернь, которую можно смести картечью.

Къ счастью—распространился слухъ, такъ какъ никакая тайна не можетъ долго сохраняться,—что въ Домѣ Инвалидовъ лежатъ мушкеты. Идемъ туда! Королевскій прокуроръ Эти-де-Корни и всѣ власти, которыя можетъ отпустить постоянный комитетъ, пойдутъ съ нами. Тамъ лагерь Безанваля; быть можетъ, онъ не будетъ стрѣлять въ насъ, а если будетъ, такъ, вѣдь, мы только умремъ.

Увы, бѣдный Безанваль со своимъ тающимъ войскомъ вовсе не расположенъ стрѣлять! Въ пять часовъ утра, когда онъ еще дремалъ въ забытьи въ Военной школѣ, у его постели внезапно выросла какая-то „фигура“ „съ лицомъ скорѣе красивымъ, съ горящими глазами, съ короткой и быстрой рѣчью, съ дерзкимъ видомъ“, фигура, подобная той, которая отдернула занавѣсы Пріама! Порученіе и предупрежденіе, сообщенныя этой фигурой, состояли въ томъ, что всякое сопротивленіе безполезно, и если потечетъ кровь, то горе тому, кто прольетъ ее. Сказавъ это, фигура исчезла.

Баронъ Безанваль.

„Этого рода краснорѣчіе дѣйствуетъ сильно“. Безанваль признавалъ, что онъ долженъ былъ бы арестовать фигуру, однако не сдѣлалъ этого [1]). Но кто могла быть эта фигура съ горящими глазами, съ быстрой, сжатой рѣчью? Безанваль знаетъ, но не упоминаетъ объ этомъ. Камиллъ Демуленъ? Пиѳагореецъ маркизъ Валади, воспламененный „горячими рѣшеніями, принятыми въ теченіе этой ночи въ Пале-Роялѣ?“ Молва называла фигуру молодымъ Мельяромъ [2]) но потомъ навѣки сомкнула уста на этотъ счетъ.

Какъ бы то ни было, а въ девять часовъ утра наши національные волонтеры стремятся, какъ громадный потокъ, къ юго-западу, къ Дому Инвалидовъ, въ поискахъ за единственно необходимымъ. Съ ними королевскій прокуроръ Эти де-Корни и другія офиціальныя лица; кюре изъ Сентъ-Этьенн

---

[1]) Besenval, III, 414.

[2]) Tableaux de la Revolution, Prise de la Bastille.

дю-Монъ идетъ съ немиролюбивымъ видомъ во главѣ своихъ воинственныхъ прихожанъ; мы видимъ здѣсь судейскихъ писцовъ въ красныхъ камзолахъ: они сдѣлались теперь судейскими волонтерами; видимъ волонтеровъ Пале-Рояля; національныхъ волонтеровъ, которые считаются десятками тысячъ,—всѣ объединены однимъ чувствомъ и одною мыслью. Вѣдь, мушкеты короля принадлежатъ націи: подумай же, старый Сомбрейль, какъ не выдать ихъ ей въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ? Старый де-Сомбрейль готовъ вступить въ переговоры, послать курьеровъ, но это излишне: мятежники перелѣзаютъ черезъ стѣны и ни одинъ инвалидъ не выпускаетъ ни одной пули; приходится сейчасъ же открыть ворота. Патріоты шумно устремляются въ нихъ и перерываютъ все, отъ подвала до кровли, во всѣхъ покояхъ и коридорахъ ища оружія. Ни одного подвала, ни одного чердака не минуетъ обыскъ. Оружіе найдено; оно все въ цѣлости, лежитъ завернутое въ солому; очевидно, его намѣревались сжечь. Толпа бросается на него съ ревомъ, яростнѣе, чѣмъ голодные львы на мертвую добычу; она борется, вырываетъ его другъ у друга, доходитъ до того, что давитъ, затаптываетъ, вѣроятно, даже лишаетъ жизни въ свалкѣ болѣе слабыхъ изъ патріотовъ [1]). Среди непрерывнаго рева этого оглушительнаго оркестра, сцена перемѣняется, и двадцать восемь тысячъ годныхъ къ употребленію ружей выносятся на плечахъ такого же числа національныхъ гвардейцевъ, изъ мрака къ страшному свѣту.

Пусть Безанваль смотритъ на блескъ этихъ мушкетовъ, а пока національная гвардія, какъ говорятъ, направила на него пушки, готовыя стрѣлять, въ случаѣ надобности, съ другого берега рѣки [2]). Онъ сидитъ въ нерѣшимости, „пораженный“—какъ многіе льстятъ себя—„неустрашимостью парижанъ“. А теперь—къ Бастиліи, неустрашимые парижане! Тамъ еще угрожаетъ картечь; теперь мысли и стопы всѣхъ направлены туда.

Какъ мы уже сказали, послѣ полночи въ воскресенье, старый де-Лонэ удалился „внутрь крѣпости“ и съ тѣхъ поръ онъ остается тамъ, переживая тяжелую душевную борьбу, въ которую его, какъ всѣхъ старыхъ военныхъ, повергаетъ неопредѣленность положенія. Его приглашаютъ изъ ратуши впустить національныхъ солдатъ, что, въ сущности, болѣе мягкое приглашеніе сдаться. Съ другой стороны, приказы его величества—точны. Гарнизонъ его состоитъ только изъ восьмидесяти двухъ старыхъ инвалидовъ, подкрѣпляемыхъ сорока двумя молодыми швейцарцами; правда, стѣны имѣютъ девять футовъ толщины и у защитниковъ есть пушки и порохъ; но, увы, съѣстныхъ припасовъ хватитъ только на одинъ день. Мало того, городъ французскій, и скудный гарнизонъ состоитъ большей частью изъ французовъ. Суровый, старый де-Лонэ, подумай, что тебѣ дѣлать!

Все утро, съ девяти часовъ, раздавался крикъ: къ Бастиліи! Нѣсколько депутацій отъ гражданъ, ищущихъ оружія, являлись въ крѣпость одна за другой, но де-Лонэ отдѣлывался отъ нихъ миролюбивыми рѣчами черезъ бойницы. Около полудня, избиратель Тюріо де-ла-Розіеръ получаетъ пропускъ и находитъ, что де-Лонэ нерасположенъ сдаться, а скорѣе расположенъ взорвать крѣпость на воздухъ. Тюріо поднимается вмѣстѣ съ нимъ на укрѣпленія: тамъ нагромождены кучи камней съ мостовой, стараго желѣза и другихъ метательныхъ снарядовъ; пушки всѣ направлены на толпу, въ каждой амбразурѣ по пушкѣ, лишь немного отодвинутой назадъ. Но снаружи, взгляни, Тюріо, какая толпа волнуется тамъ, притекая изъ каждой улицы; набатъ яростно звонитъ, всѣ барабаны бьютъ сборъ; все Сентъ-Антуанское предмѣстье стремится сюда, какъ одинъ человѣкъ! Какое фантастическое видѣніе, и, однако, то, что ты созерцаешь въ эту минуту, Тюріо, какъ бы съ Горы Видѣній,—это дѣйствительность, и сколько новыхъ фантасмогорій и кричащихъ на непонятномъ языкѣ реальностей пророчествуетъ это видѣніе! Ты еще не видишь ихъ, но увидишь! „Que

---

[1]) Deux amis, I, 302.

[2]) Besenval, III, 416.

подъемные мосты, постоянные мосты, укрѣпленные бастіоны и восемь мрачныхъ башенъ; въ общемъ—цѣлый лабиринтъ, чудовищно-нахмуренный, работа долгихъ вѣковъ, кончившаяся въ послѣднія двадцать лѣтъ и начавшаяся четыреста двадцать лѣтъ тому назадъ, и въ послѣдній часъ этого зданія его осаждаетъ какъ бы первобытный хаосъ. Здѣсь—оружіе всѣхъ калибровъ и глотки всякой силы; здѣсь люди со всевозможными планами, каждый изъ нихъ—свой собственный вожакъ; съ самой войны пигмеевъ съ журавлями не видано такой аномаліи. Получающій половинное жалованье Эли отправляется домой надѣть мундиръ,—никто не хочетъ слушаться его въ статскомъ платьѣ; Гюленъ, также на половинномъ жалованьи, говоритъ рѣчь французскимъ гвардейцамъ на Гревской площади. Фанатическіе патріоты поднимаютъ пули съ земли и относятъ ихъ, еще теплыя, въ Ратушу: „Вы видите, Парижъ будетъ сожженъ!“ Флессель „блѣденъ до самыхъ губъ“, такъ какъ ревъ толпы дѣлается все грознѣе. Весь Парижъ дошелъ до послѣдней степени ярости, увлекаемый во всѣ стороны паникой безумія. У каждой уличной баррикады крутится меньшій водоворотъ, защищающій баррикаду, такъ какъ одному Богу извѣстно, что будетъ; и каждый меньшій водоворотъ безпорядочно вливается въ огненный Мальстремъ, стремящійся къ Бастиліи.

И потокъ хлещетъ и реветъ. Виноторговецъ Шола превратился въ импровизованнаго артиллериста. Взгляните, какъ флотскій сержантъ Жорже, только что пріѣхавшій изъ Бреста, управляется съ сіамской пушкой. Странно (было бы странно, если бы мы не привыкли къ подобнымъ вещамъ), Жорже спокойно спалъ прошлую ночь въ гостиницѣ; пушка сіамскаго короля то же лежала, ничего о н е м ъ не зная, въ теченіе сотни лѣтъ. А теперь, въ надлежащій моментъ, они сошлись и производятъ вмѣстѣ краснорѣчивую музыку, такъ какъ Жорже, услышавъ, что здѣсь дѣлается, соскочилъ съ Брестскаго дилижанса и прибѣжалъ сюда. Французская гвардія то же будетъ здѣсь, съ настоящей артиллеріей: если бы только стѣны не были такъ толсты. — А сверху, съ эспланады, и горизонтально, со всѣхъ сосѣднихъ крышъ, изо всѣхъ оконъ, сверкаетъ цѣлый потокъ ружейнаго огня, не безъ результата. Инвалиды лежатъ плашмя и стрѣляютъ, сравнительно съ удобствомъ, изъ за каменнаго прикрытія; лишь немногіе изъ нихъ выставляютъ носъ изъ бойницъ. Мы падаемъ, убитые, и не производимъ впечатлѣнія.

Пусть огонь въ ярости охватитъ все, что воспламеняется! Кордегардіи сожжены и общія столовыя инвалидовъ—тоже. Какой-то разъяренный парикмахеръ чуть было не поджегъ двумя горящими факелами „селитру въ арсеналѣ“, если бы одна женщина не прибѣжала съ крикомъ, а одинъ патріотъ, съ легкой окраской природной философіи, не прервалъ его дыханія (ружейнымъ прикладомъ подъ ложечку), не опрокинулъ боченка и не остановилъ дѣйствія разрушительной стихіи. Молодая красивая дѣвица, схваченная въ то время, какъ она выбѣжала изъ внѣшняго двора, принятая за дочь де Лонэ, едва не была сожжена на его глазахъ: она упала замертво на солому; но одинъ патріотъ, честный Обенъ Боннемеръ, старый солдатъ, бросается и спасаетъ ее. Жгутъ солому: цѣлыя три телѣжки улетаютъ въ видѣ бѣлаго дыма, угрожая задушить самый патріотизмъ; такъ что Эли, съ опаленными бровями, тащитъ назадъ одну телѣжку, а Реоль, „великанъ мелочный торговецъ“—другую телѣжку. Дымъ—какъ въ аду; сумятица, какъ на Вавилонской башнѣ; шумъ, какъ въ день Страшнаго Суда!

Течетъ кровь, что даетъ пищу новому безумію; раненыхъ отвозятъ въ дома улицы Серизе́; умирающіе произносятъ послѣдній завѣтъ: не уступать до тѣхъ поръ, пока проклятая крѣпость не падетъ. Но, увы, какъ же это сдѣлать? Стѣны такъ толсты! Изъ Ратуши приходятъ три депутаціи; аббатъ Фоше (участвовавшій въ одной изъ нихъ) можетъ поразсказать, съ какимъ сверхчеловѣческимъ мужествомъ и благожелательствомъ онѣ дѣйствовали [1]). Онѣ распускаютъ подъ сво-

---

[1]) Fauchet's Narrative (Deux Amis, 1, 324).

дами воротъ городской флагъ и стоятъ съ барабаннымъ боемъ; но и это ни къ чему не ведетъ. Въ этомъ общемъ хаосѣ де Лонэ не можетъ ни разслышать ихъ, ни повѣрить имъ; онѣ возвращаются съ понятнымъ гнѣвомъ, такъ какъ свистъ пуль раздается у нихъ въ ушахъ. Что дѣлать? Вотъ пожарные, дѣйствующіе пожарными насосами, чтобы смочить баттареи инвалидовъ; къ несчастью, насосы не хватаютъ такъ высоко, а производятъ только облака водяной пыли. Лица съ классическимъ образованіемъ предлагаютъ катапульты. Сантерръ, громогласный пивоваръ изъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, предлагаетъ лучше поджечь „смѣсью фосфора и скипидара, распрыскиваемыхъ съ помощью нагнетательныхъ насосовъ“. О, Спинола Сантерръ, развѣ у тебя есть эта смѣсь наготовѣ? Каждый изъ этихъ людей является своимъ собственнымъ инженеромъ! А пока потокъ огня не прекращается; даже женщины стрѣляютъ, даже турки; по крайней мѣрѣ одна женщина (со своимъ любовникомъ) и одинъ турокъ [1]). Пришла французская гвардія съ настоящими пушками и артиллеристами. Очень дѣятеленъ Мальяръ; а Эли и Гюленъ, получающіе половинное жалованье—бѣсятся среди тысячъ.

Какъ спокойно большіе часы Бастиліи бьютъ (никому не слышные) часъ за часомъ, какъ будто не происходитъ ничего особеннаго ни для нихъ, ни для міра! Они пробили часъ, когда стрѣльба началась, и теперь они подвигаются къ пяти, а огонь не уменьшается. Глубоко внизу, въ своихъ подвалахъ, семеро узниковъ слышатъ глухой шумъ, какъ отъ землетрясенія; тюремщики даютъ имъ неопредѣленные отвѣты.

Горе тебѣ, де Лонэ, и сотнѣ бѣдныхъ инвалидовъ! Брольи—далеко и ухо его глухо: Безанваль слышитъ, но не можетъ прислать помощи. Одинъ жалкій маленькій отрядъ гусаровъ осторожно проѣхалъ на развѣдки вдоль набережной до Pont Neuf. „Мы пришли присоединиться къ вамъ“, сказалъ капитанъ, такъ какъ толпа кажется безбрежной. Большеголовый, похожій на карлика, субъектъ, блѣдный и закопченый, выдвигается, открываетъ свои синія губы и каркаетъ, такъ какъ въ немъ есть здравый смыслъ: „Если такъ, то сойдите съ лошадей и отдайте намъ оружіе!“ Гусарскій капитанъ благодаритъ судьбу, что его проводили до заставы и выпустили на честное слово. Кто былъ отвѣтившій ему маленькій человѣчекъ? Люди говорятъ, что это господинъ Маратъ, авторъ великолѣпнаго и миролюбиваго Воззванія къ народу! Дѣйствительно, великъ для тебя сегодняшній день, о, ты, замѣчательный ветеринаръ! Это день твоего возникновенія, новаго рожденія. И однако, въ этотъ самый день, черезъ четыре года... но оставимъ задернутую завѣсу будущаго.

Что сдѣлаетъ де Лонэ? Есть одна вещь, которую де Лонэ могъ бы сдѣлать и, по его словамъ, хотѣлъ сдѣлать. Вообразите его себѣ съ самаго начала сидящимъ съ зажженной восковой свѣчой возлѣ оружейнаго и пороховаго магазина; неподвижнаго, какъ древній римскій сенаторъ, или какъ бронзовая подставка для лампы; легкимъ движеніемъ глазъ холодно предупреждающаго Тюріо и всѣхъ о своемъ рѣшеніи: онъ сидѣлъ бы здѣсь, не причиняя никому вреда, пока ему не причинили вреда, но во всякомъ случаѣ королевская крѣпость не можетъ, не должна сдаться и не сдастся иначе, какъ посланному короля; жизнь старика не имѣетъ цѣны и надо только потерять ее съ честью; но подумай, ты, ревущая canaille, что это будетъ, если вся Бастилія взлетитъ къ небу! Въ такомъ положеніи статуи или подставки для лампы воображаемый де Лонэ могъ предоставить Тюріо, краснымъ судебнымъ писцамъ, кюре изъ Сенъ-Стефанской церкви и всей черни міра дѣлать, что они хотятъ.

И, однако, онъ не могъ такъ поступить: замѣчалъ ли ты, какъ сердце каждаго человѣка дрожитъ въ соотвѣтствіи съ сердцами всѣхъ людей? замѣчалъ ли ты, какъ всемогущъ самый голосъ массы? Какъ ея крики возмущенія парализуютъ сильную душу? какъ ея ревъ гнѣва заставляетъ испытывать неиз-

---

[1]) Deux Amis, 1, 319, Dusaulx. & C.

вѣданный ужасъ? Глюкъ сознается, что основнымъ тономъ одного изъ лучшихъ пассажей одной изъ его лучшихъ оперъ былъ голосъ черни, слышанный имъ въ Вѣнѣ и кричавшій императору: „хлѣба! хлѣба!“ Великъ соединенный голосъ людей, проявленіе ихъ инстинктовъ, которые вѣрнѣе, чѣмъ ихъ мысли. Этотъ голосъ—величайшее изъ всѣхъ звуковъ и тѣней, которые можно встрѣтить въ этомъ Мірѣ Времени. Тотъ, кто можетъ противостоять ему, шагнулъ уже куда-то—внѣ времени. Де Лонэ не могъ этого сдѣлать. Растерянный, онъ колеблется между двумя рѣшеніями, надѣется въ самомъ отчаяніи, не сдаетъ крѣпости; заявляетъ, что взорветъ ее, хватаетъ факелъ, чтобы взорвать, и однако не дѣлаетъ этого. Несчастный старикъ! это—предсмертная агонія и Бастиліи, и твоя! Тюрьма, тюремное заключеніе и тюремщикъ таковы, какими они были, должны погибнуть.

Сдача Бастиліи.

Теперь этотъ міровой Бедламъ реветъ уже цѣлые четыре часа: можно назвать его міровой химерой, изрыгающей огонь. Бѣдные инвалиды упали за твоими укрѣпленіями, или поднимаютъ въ воздухъ перевернутые мушкеты: они сдѣлали изъ салфетокъ бѣлые флаги и бьютъ отбой для сдачи крѣпости, или кажется, что бьютъ его, такъ какъ ничего не слышно. Даже швейцарцы у проходовъ видимо устали отъ стрѣльбы, озадаченные этимъ потопомъ огня. У подъемнаго моста открыта одна бойница, какъ будто оттуда хотятъ говорить. Взгляните на Мальяра—ловкій человѣкъ! Онъ покачивается на доскѣ надъ пропастью каменнаго рва; доска перекинута черезъ парапетъ и конецъ ея поднимается подъ тяжестью патріотовъ, стоящихъ на другомъ концѣ. Мальяръ порхаетъ съ большой опасностью, словно голубь, направляясь къ этому ковчегу. Осторожно, ловкій Мальяръ; одинъ человѣкъ уже упалъ и лежитъ, разбитый, глубоко внизу на камняхъ. Мальяръ не падаетъ; онъ идетъ ловко, не колеблясь, съ распростертыми руками. Швейцарцы подаютъ черезъ отверстіе бумагу; Мальяръ хватаетъ ее и возвращается. Это — условія сдачи: прощеніе и неприкосновенность для всѣхъ! Приняты ли они? — „Foi d'officier“, „честное слово офицера“ — отвѣчаетъ Гюлэнъ (или Эли, такъ какъ показываютъ разно)—„условія принимаются!“ Подъемный мостъ

падаетъ; Мальяръ тотчасъ закрѣпляетъ его, а живой потокъ устремляется на него: Бастилія пала! Victoire! La Bastille est prise! [1]). („Побѣда! Бастилія взята!“).

ГЛАВА VII.

Не-возмущеніе.

Зачѣмъ распространяться о томъ, что послѣдовало? Честное слово офицера, данное Гюленомъ, должно бы быть сдержано, но это невозможно. Швейцарцы стоятъ, выстроившись и переодѣтые въ бѣлыя полотняныя блузы; инвалиды—не переодѣты; оружіе ихъ свалено въ кучу у стѣны. Первый потокъ побѣдителей, въ восторгѣ отъ того, что смертельная опасность прошла, „радостно бросается имъ въ объятія;“ но врываются все новые и новые побѣдители, всѣ въ экстазѣ, но не всѣ—отъ радости. Какъ мы сказали, это былъ живой потокъ, стремящійся очертя голову: если бы французскіе гвардейцы, со своимъ военнымъ хладнокровіемъ, „не обернулись къ толпѣ съ поднятымъ оружіемъ“, она самоубійственно валилась бы сотнями или тысячами человѣкъ въ ровъ Бастиліи.

Потокъ стремится черезъ дворы и корридоры, ревущій и неудержимый, стрѣляя изъ оконъ—въ своихъ, въ бѣшенствѣ торжества, гнѣва и мести за убитыхъ. Бѣднымъ инвалидамъ придется плохо; одинъ швейцарецъ, убѣгающій въ своей бѣлой блузѣ, пораженъ въ спину смертельнымъ ударомъ. Пусть же всѣ плѣнники будутъ отведены въ Ратушу, а тамъ ихъ будутъ судить! — Увы, уже одному бѣдному инвалиду отрубили правую руку; его изуродованное тѣло потащили на Гревскую площадь и тамъ повѣсили. Какъ говорятъ, эта самая правая рука отстранила де Лонэ отъ пороховаго склада и спасла Парижъ.

Де Лонэ, „котораго узнали по сѣрому камзолу и огненно-красной лентѣ“, хочетъ убить себя шпагой, скрытой въ его трости, но принужденъ идти въ Ратушу; его эскортируютъ Гюленъ, Мальяръ и другіе. Эли идетъ впереди, „неся на концѣ шпаги бумагу о капитуляціи“. Плѣнника ведутъ сквозь строй криковъ и проклятій, толчковъ и давки и, наконецъ, сквозь строй ударовъ! Его стража разсѣяна, опрокинута; измученный Гюленъ падаетъ на кучу камней. Несчастный де Лонэ! Онъ никогда не войдетъ въ Ратушу: войдетъ только „коса его окровавленныхъ волосъ, поднятая въ окровавленной рукѣ“—она войдетъ, какъ знакъ побѣды. Истекающее кровью туловище лежитъ на ступеняхъ, а голову носятъ по улицамъ на концѣ пики, и на нее страшно смотрѣть.

Суровый де Лонэ умеръ съ крикомъ: „О, друзья, убейте меня скорѣе!“ Сострадательный Деломъ долженъ умереть, хотя признательность окружаетъ его въ этотъ страшный часъ и хочетъ умереть за него; но это не помогаетъ. Братья, гнѣвъ вашъ жестокъ! Ваша Гревская площадь сдѣлалась пастью тигра, полною яростнаго рева и кравожадности. Еще одинъ офицеръ убитъ; еще одинъ инвалидъ повѣшенъ на фонарномъ столбѣ; французская гвардія съ большимъ трудомъ и великодушной настойчивостью спасаетъ остальныхъ. Голова Флессель, уже давно объятый блѣдностью смерти, долженъ сойти съ своего мѣста и „судиться въ Палѣ-Роялѣ“ и увы,—быть убитымъ неизвѣстною рукою на поворотѣ первой же улицы!.

О, вечернее іюльское солнце, въ этотъ часъ твои лучи косо падаютъ на жнецовъ среди мирныхъ, окруженныхъ лѣсами полей; на старыхъ женщинъ, прядущихъ въ своихъ хижинахъ; на далекіе корабли среди молчаливаго океана; на балы въ оранжереѣ Версаля, гдѣ нарумяненныя придворныя дамы теперь тан-

---

[1]) Histoire de la Révolution par deux Amis de la Liberté I, 267—306. Besenval III, 410—434; Dusaulx, Prise de la Bastille, 291—301. Bailly, Mémoires (Collection de Bereille et Barrière), I, 302.

Плохо придется теперь тому владѣльцу, который, напримѣръ, „отгородилъ единственный колодезь въ мѣстечкѣ“, или которой, опираясь на свои хартіи и грамоты, охранялъ дичь слишкомъ хорошо, но не умно; церкви и монастыри такъ же разграбляются безъ пощады: они стригли стадо слишкомъ коротко, забывая кормить его. Горе странѣ, въ которой, въ такіе дни отмщенія, санкюлотизмъ бродитъ, грозно стуча деревянными башмаками! Высокородные господа съ ихъ нѣжными женами и дѣтьми должны „бѣжать полу-нагими“, подъ покровомъ ночи, радуясь, что избавились отъ пламени, а, можетъ быть, и отъ еще худшаго. Вы встрѣтите ихъ за табль д'отомъ въ гостиницахъ; они высказываютъ умныя или глупыя замѣчанія относительно того, что всѣ „грани уничтожены“, и незнаютъ, куда имъ теперь обратиться [1]. Арендаторы считаютъ естественнымъ не торопиться съ уплатой аренды. Что касается до сборщика податей, долго охотившагося, какъ двуногій хищникъ, то за нимъ самимъ теперь охотятся. Казначей его величества не „покроетъ дефицита“ въ этомъ году. Многіе думаютъ, что патріотъ-король, возстановитель французской свободы, отмѣнилъ большую часть налоговъ, но нѣкоторые люди, изъ личныхъ цѣлей, держатъ это въ секретѣ.

Гдѣ все это найдетъ свой конецъ? Въ безднѣ, можетъ предсказать всякій, куда испоконъ вѣковъ направляются всѣ заблужденія, куда прибыло теперь и это заблужденіе. Если есть какая нибудь вѣковѣчная вѣра, то это, какъ мы не разъ повторяли, вѣра въ то, что никакая ложь не можетъ жить вѣчно. Самая истина должна время отъ времени мѣнять свое облаченіе и снова возраждаться. Но по отношенію ко всякой лжи подписанъ смертный приговоръ въ самой небесной канцеляріи, и медленно или быстро, она безостановочно приближается къ своему смертному часу. „Признакомъ того, что помѣщикъ большой баринъ“, говоритъ рѣзкій и откровенный Артуръ Юнгъ: „служатъ пустыри, ланды, болота; но отправляйтесь въ его домъ: вы найдете его посреди лѣса, населеннаго оленями, дикими кабанами и волками. Поля представляютъ картину жалкаго хозяйства, дома картину нищеты. Видѣть, что столько милліоновъ рукъ, которыя могли бы трудиться, всѣ праздны, и обладатели ихъ голодаютъ! О!.. если бы я только одинъ день былъ законодателемъ Франціи, я заставилъ бы опять попрыгать этихъ важныхъ баръ!“ [2] О, Артуръ, теперь ты видишь ихъ дѣйствительно, прыгающими: но не будешь ли ты современемъ ворчать и на это?

Много лѣтъ продолжался такой порядокъ, много поколѣній пережилъ онъ наконецъ, часъ его насталъ. Бездѣльныя головы, на которыя не производили впечатлѣнія ни разсужденія, ни увѣщанія, просвѣтлѣли отъ зарева пожаровъ, только этотъ способъ и оставался. Посмотрите, подумайте! Вдова собираетъ крапиву для обѣда своимъ дѣтямъ, а надушенный аристократъ, деликатно зѣвающій въ Oeil-de-Boeuf, обладаетъ алхиміей, съ помощью которой отнимаетъ у нея каждый третій стебелекъ, и называетъ это рентой и закономъ: такой порядокъ долженъ кончиться. Не правда ли? Но ужасенъ въ высшей степени такой конецъ! Пусть тѣ, кому Богъ, въ своей великой благости, далъ достаточно времени и мѣста, подготовятъ другой, болѣе мягкій.

Многіе удивляются, что дворяне не предприняли чего-нибудь для своего спасенія, напримѣръ, не соединились и не вооружились; вѣдь, ихъ было „сто пятьдесятъ тысячъ“ и довольно храбрыхъ. Къ несчастью, сто пятьдесятъ тысячъ, разсѣянныхъ по далекимъ провинціямъ, раздѣленныхъ взаимнымъ недоброжелательствомъ, не могутъ сплотиться. Наиболѣе знатные, какъ мы видѣли, уже эмигрировали съ цѣлью заставить Францію покраснѣть отъ стыда. Да и оружіе стало теперь не спеціальною собственностью дворянства: каждый смертный имѣющій десять шиллинговъ, можетъ пріобрѣсти подержанное ружье.

---

[1] Young. I, 149.

[2] Arthur Young, I, 12, 48, 84.

Къ тому же, какъ ни какъ, а голодные крестьяне,- не четвероногіе съ когтями, чтобы можно было постоянно укрощать ихъ такимъ манеромъ. Они даже не черные отъ природы, а скорѣе неумытые господа, а у барина, вѣдь, тоже человѣческіе потроха!—Дворяне дѣлали, что могли: записывались въ національную гвардію, бѣжали съ криками, жалуясь небу и землѣ. Одинъ аристократъ, знаменитый Мемме де Кенсэ, близъ Везуля, пригласилъ крестьянъ со всей окрестности на банкетъ; порохомъ взорвалъ свой замокъ вмѣстѣ съ ними, и моментально исчезъ, никому до сихъ поръ неизвѣстно, куда [1]). Лѣтъ шесть спустя, онъ вернулся и доказалъ, что это произошло случайно.

Но и власти не бездѣйствуютъ; хотя, къ несчастью, всѣ власти, муниципалитеты, и тому подобное, находятся въ неопредѣленномъ, переходномъ состояніи, перерождаясь изъ старыхъ монархическихъ въ новые демократическіе; ни одинъ чиновникъ не знаетъ въ точности, что онъ такое. Тѣмъ не менѣе старые или новые мэры собираютъ (Marechaussees) національную гвардію, линейныя войска; въ правосудіи, правда, самомъ сокращенномъ, нѣтъ недостатка. Избирательный комитетъ Макона, хотя всего только комитетъ, доходитъ до того, что собственной властью вѣшаетъ не менѣе двацати человѣкъ. Префектъ Дофине объѣзжаетъ страну въ сопровожденіи подвижной колонны, съ экзекуторскими жезлами и веревками для висѣлицъ, такъ какъ висѣлицей можетъ служить любое дерево, и на иномъ найдется мѣсто не одному, а даже „тринадцати“ преступникамъ.

Злополучная страна! Какъ обезображены твои золотистыя и зеленыя поля ужасающей чернотой: чернымъ пепломъ замковъ, черными тѣлами повѣшенныхъ! Промышленность остановилась; не слышно молота и пилы, слышны только набатъ и барабанная тревога. Скипетръ исчезъ неизвѣстно куда, сломавшись на куски: здѣсь безсильный, тамъ тираннической. Національные гвардейцы неискусны и намѣренія ихъ сомнительны; солдаты наклонны къ мятежу: опасность, какъ въ томъ, что эти войска могутъ повздорить, такъ и въ томъ, что они могутъ сговориться. Въ Страсбургѣ были мятежи: Городская ратуша разнесена въ клочья, архивы ея развѣяны по вѣтру, пьяные солдаты три дня обнимались съ пьяными гражданами. Мэръ Дитрихъ и маршалъ Рошамбо доведены почти до отчаянія [2]).

Среди всѣхъ этихъ событій, появляется въ своемъ тріумфальномъ шествіи, эскортируемый черезъ Бефоръ, напримѣръ, пятьюдесятью національными кавалеристами и всей военной музыкой, бывшей здѣсь, г. Неккеръ, возвращающійся изъ Базеля. Онъ сіяетъ, какъ полдень, хотя бѣдняга самъ отчасти предвидитъ, куда все это ведетъ [3]). Величайшій кульминаціонный день ожидаетъ его въ парижской ратушѣ, когда раздаются нескончаемые виваты, когда жена и дочь, на колѣняхъ, публично цѣлуютъ его руку; когда Безанвалю даровано прощеніе, правда, взятое назадъ до заката солнца. Одинъ величайшій день, а потомъ пойдутъ худшіе, и все хуже, и хуже вплоть до самаго дурного. Вотъ какое волшебство заключается въ популярности и въ отсутствіи ея. Подобно заколдованному шлему Мамбрина, необходимому для побѣды, этотъ „спаситель Франціи“ является среди ликованій и кликовъ народа, чтобы, увы, такъ скоро лишиться чаръ и съ позоромъ быть выброшеннымъ изъ списковъ, какъ тазъ цырульника. Гиббону хотѣлось бы показать его (въ видѣ этого выброшеннаго таза) всякому серьезному человѣку, находящемуся на пути къ тому, чтобы сжечь себѣ душу, превратиться въ caput mortuum, изъ за неудачнаго или удачнаго честолюбія [4]).

---

[1]) Hist. Parl. II, 161.

[2]) Arthur Young, I, 141; Dampmartin, Evenemens qui se sont passés sous mes yeux, I, 105—127.

[3]) Biographie Universelle, § Necker (Lally Tollendal).

[4]) Письма Гиббона.

Но, конечно, прежде всего національная гвардія должна имѣть генерала; Моро де Сенъ-Мери, человѣкъ „трехъ тысячъ приказаній", бросаетъ одинъ изъ своихъ многозначительныхъ взглядовъ на бюстъ Лафайета, поставленный со времени американской войны за свободу; и Лафайетъ избирается par acclamation. Затѣмъ, не выбрать ли на мѣсто убитаго измѣнника, или quasi-измѣнника Флесселя головой купеческаго сословія президента Бальи? Нѣтъ: парижскимъ мэромъ! Быть посему: Maire de Paris! Мэръ—Бальи, генералъ Лафайетъ; vive Bailly, vive Lafayette! Вся толпа, стоящая наружу, въ подтвержденіе избранія, криками раздираетъ небесный сводъ. А теперь, въ заключеніе, отправимся въ соборъ Богоматери отслужить молебенъ.

Къ собору Парижской Богоматери эти возродители отчизны шествуютъ веселой процессіей, среди ликующаго народа и въ чисто братскомъ единеніи; аббатъ Лефевръ, еще черный отъ раздачи пороха, идетъ рука объ руку съ архіепископомъ въ бѣлой епитрахили. Бѣдный Бальи встрѣчаетъ дѣтей изъ воспитательнаго дома, высланныхъ преклонить передъ нимъ колѣна, и „проливаетъ слезы". Молебенъ служится архіепископомъ и не только поется, но сопровождается и выстрѣлами холостыми зарядами. Радость наша безпредѣльна, какъ безпредѣльной грозила быть и наша скорбь. Парижъ, собственными пиками и мушкетами, храбростью собственнаго сердца, побѣдилъ теперь самихъ боговъ войны—къ удовлетворенію самого его величества. Этой ночью отправленъ курьеръ къ Неккеру: народный министръ, призываемый обратно королемъ, національнымъ собраніемъ и народомъ, проѣдетъ Францію среди ликованій, при звукахъ трубъ и литавръ.

Видя такой ходъ вещей, вельможи придворнаго тріумвирата, господа члены мертворожденнаго министерства Брольи и тому подобныя лица считаютъ, что роль ихъ ясна: садиться на коней и утекать. Прочь васъ, слишкомъ роялистскихъ Брольи, Полиньяковъ и принцевъ крови! Уходите, пока есть еще время! Вѣдь, Пале-Рояль, въ бурномъ засѣданіи, въ эту ночь назначилъ особую цѣну за ваши головы (не обозначая мѣста уплаты). Со всевозможными предосторожностями, подъ охраной пушекъ и надежныхъ полковъ, вельможи въ ночь 16-го и утромъ 17-го разъѣхались разными дорогами. Не безъ риска, однако! Принцъ Конде видитъ (или ему кажется), что за нимъ „во весь опоръ скачутъ люди", съ намѣреніемъ, какъ полагаютъ, сбросить его въ Уазу у моста Сентъ Майанса [1]). Полиньяки ѣдутъ переодѣтыми, и на козлахъ сидятъ не кучера, а друзья. У Брольи свои затрудненія въ Версалѣ; опасность ожидаетъ его въ Мецѣ и Верденѣ, но тѣмъ не менѣе, онъ достигаетъ невредимымъ Люксембурга и остается тамъ.

Луи-Жозефъ Бурбонъ, принцъ Конде.

Это и была такъ называемая первая эмиграція, рѣшенная, какъ кажется, при полномъ составѣ двора, въ присутствіи короля, всегда готоваго съ своей стороны слѣдовать всякому совѣту. „Трое сыновъ Франціи и четверо принцевъ крови Людовика Святого" говоритъ Веберъ: „не могли чувствительнѣе унизить парижскихъ гражданъ, какъ спасаясь бѣгствомъ, въ страхѣ за свою жизнь". Увы! граждане Парижа переносятъ это съ неожиданнымъ стоицизмомъ! Самъ д'Артуа, дѣйствительно, уѣхалъ; но не увезъ ли онъ съ собою и земли д'Артуа? Или свою дачу „Bagatelle" (которой суждено служить таверной)? Нѣтъ, онъ едва увезъ свои брюки, надѣвавшіеся при помощи четырехъ слугъ, и оставилъ шив-

[1]) Weber, II, 126.

Прибытіе короля Людовика XVI въ Національное собраніе 17 іюля 1789 г.

шаго ихъ портного. Что касается до старика Фулона, то пронесся слухъ, что онъ умеръ; по крайней мѣрѣ, совершены роскошныя похороны и, за неимѣніемъ другихъ желающихъ, сами устроители воздаютъ ему послѣднія почести. Интендантъ Бертье, его зять, пока еще живъ, но прячется; онъ присоединился къ Безанвалю въ это воскресенье Эвменидъ, дѣлая видъ, что относится къ происходящему небрежно, а теперь скрылся, неизвѣстно куда.

Эмигранты проѣхали всего нѣсколько миль, и принцъ Конде едва успѣлъ переправиться черезъ Уазу, какъ его величество, согласно уговору и съ одобренія эмигрантовъ, предпринимаетъ довольно таки смѣлый шагъ: самоличное посѣщеніе Парижа. Съ сотней членовъ національнаго собранія, небольшимъ, или почти безъ всякаго военнаго эскорта, который отпущенъ у Севрскаго моста, бѣдный Людовикъ пускается въ путь, оставляя за собой опустѣвшій дворецъ и плачущую королеву, къ которой прошедшее, настоящее и будущее равно неблагосклонны.

У заставы Пасси мэръ Бальи торжественно преподноситъ королю ключи и произноситъ въ академическомъ стилѣ рѣчь, упоминая, что это великій день, что Генрихъ IV долженъ былъ завоевывать свой народъ, въ настоящемъ же, болѣе счастливомъ случаѣ народъ завоевалъ своего короля (a conquis son Roi). Столь счастливо завоеванный король медленно подвигается впередъ сквозь непреклонный, какъ сталь, народъ, который или молчитъ или кричитъ только: Vive la Nation! Въ Ратушѣ, къ нему обращаются съ рѣчами Моро „трехъ тысячъ приказаній“, королевскій прокуроръ Эти-де-Корни, Лалли Толландаль и другіе, и король не знаетъ, что думать, что сказать, узнавъ, что онъ „возстановитель французской свободы“, о чемъ засвидѣтельствуетъ передъ всѣмъ міромъ его статуя, которая будетъ поставлена на мѣстѣ Бастиліи. Въ заключеніе его показываютъ съ балкона съ трехцвѣтной кокардой на шляпѣ; теперь съ улицъ и площадей, изъ всѣхъ оконъ и съ крышъ его привѣтствуютъ бурными кликами—и, такимъ образомъ, среди радостныхъ, смѣшивающихся и отчасти сливающихся кликовъ: Vive le Roi и Vive la Nation, онъ возвращается домой, усталый, но невредимый.

Въ воскресенье пушечныя ядра угрожающе висѣли надъ нашими головами, а въ пятницу „революція уже санкціонирована“. Верховное національное собраніе должно выработать конституцію; и никакіе иностранные пандуры, никакіе домашніе тріумвираты съ наведенными пушками и пороховыми заговорами, на подобіе заговора Гюи-Фо (потому что говорилось и объ этомъ), никакая тиранническая власть на землѣ или подъ землей не скажетъ: „что ты дѣлаешь?“ Такъ ликуетъ народъ, увѣренный теперь въ конституціи. Сумасшедшій маркизъ Сенъ-Гюрюжъ (Saint Huruge) бормочетъ что-то подъ окнами замка о чисто вымышленной измѣнѣ [1]).

ГЛАВА IX.

Фонарь.

Паденіе Бастиліи потрясло Францію, можно сказать, до глубочайшихъ основъ ея существованія. Слухъ объ этихъ чудесахъ разносится повсюду съ обычной быстротой слуховъ и производитъ дѣйствіе, которое признается сверхъестественнымъ, вызваннымъ заговорами. Не посылали ли герцогъ Орлеанскій, или Лакло, или даже Мирабо (въ то время не обремененный деньгами) верховыхъ курьеровъ изъ Парижа скакать по всѣмъ направленіямъ, по большимъ дорогамъ, во всѣ пункты Франціи? Это чудо, котораго ни одинъ проницательный человѣкъ не станетъ оспаривать [2]).

---

[1]) Campan, II, 46—64.

[2]) Toulongeon, I, 95; Weber и др.

Въ большинствѣ городовъ уже собирались избирательные комитеты для выраженія сожалѣнія по поводу отставки Неккера, въ своихъ рѣчахъ и постановленіяхъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ въ Реннѣ, Каіеннѣ, Ліонѣ, бушующій народъ уже выражаетъ свое сожалѣніе бросаньемъ каменьевъ и пальбой изъ мушкетовъ. Но теперь, въ эти страшные дни, во всякій городъ Франціи прибываютъ „люди", какъ они обыкновенно прибываютъ: „люди верхомъ на лошадяхъ", потому что слухи часто путешествуютъ верхомъ. Люди эти заявляютъ съ безпокойнымъ видомъ, что Разбойники приближаются, что они совсѣмъ уже близко; а затѣмъ—ѣдутъ дальше по своимъ дѣламъ, каковы бы они ни были. Послѣ этого все населеніе такого города устремляется къ оружію, чтобы защищаться. Вслѣдъ затѣмъ немедленно изготовляется петиція національному собранію; въ подобной опасности и страхѣ передъ опасностью не можетъ быть отказано въ позволеніи организоваться для самозащиты, и вооруженное населеніе становится вездѣ завербованной національной гвардіей. Такъ и съ такимъ результатомъ странствуетъ слухъ по всѣмъ направленіямъ отъ Парижа къ окраинамъ; въ нѣсколько дней—иные говорятъ въ нѣсколько часовъ—вся Франція до отдаленнѣйшихъ границъ, словно щетиной, покрывается штыками. Странно, но неопровержимо—покажется ли это чудомъ, или нѣтъ! Но такъ, всякая химическая жидкость, хотя и охлажденная до точки замерзанія, или еще ниже, можетъ оставаться жидкостью; а затѣмъ, при малѣйшемъ ударѣ или толчкѣ, превращается цѣликомъ въ ледъ. Такимъ же образомъ Франція, въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ и лѣтъ, подвергавшаяся химическимъ воздѣйствіямъ и доведенная до нуля, теперь, потрясенная паденіемъ Бастиліи, моментально замерзла, превратилась въ кристаллизованную массу острой, рѣжущей стали! Guai a chi la tocca. Берегись дотрогиваться!

Въ Парижѣ избирательному комитету съ новымъ мэромъ и новымъ главнокомандующимъ приходится принуждать воинствующихъ рабочихъ къ возобновленію работъ. Здоровенныя базарныя торговки (Dames de la Halle) произносятъ поздравительныя рѣчи, несутъ „букеты на раку Святой Женевьевы". Незавербованные люди кладутъ оружіе—не такъ поспѣшно, какъ было бы желательно—и получаютъ по „девяти франковъ". Послѣ молебновъ, королевскихъ визитовъ и санкціонированія революціи, вновь наступаетъ тихая и ясная погода—даже неестественно ясная; ураганъ утихъ.

Тѣмъ не менѣе, какъ и слѣдовало ожидать, волны еще не улеглись, и только впадины утесовъ задерживаютъ ихъ рокотъ. У насъ только 22-е число, всего недѣля со времени паденія Бастиліи, какъ вдругъ обнаруживается, что старый Фулонъ живъ, мало того, что онъ въ Парижѣ и рано утромъ появляется на улицахъ,—этотъ вымогатель, заговорщикъ, неисправимый лгунъ, желающій заставить народъ ѣсть траву. И это была правда. Ни мнимыя торжественныя похороны (какого-нибудь умершаго слуги), ни скрываніе въ Витри около Фонтенебло не помогли этому негодному старику. Кто-то изъ его живыхъ слугъ или подчиненныхъ—Фулона никто не любилъ—выдалъ его деревнѣ. Безжалостные крестьяне въ Витри выслѣживаютъ его, нападаютъ на него, какъ адскіе псы: „На западъ, старый мошенникъ! въ Парижъ, на судъ въ городскую ратушу! Его старая голова, убѣленная 74-мя годами, обнажена; на спину ему привязали символическую охабку травы, на шею надѣли вѣнокъ изъ крапивы и колючекъ, и въ такомъ видѣ его ведутъ на веревкѣ, и онъ, подстрекаемый угрозами и проклятіями, долженъ тащить въ Парижъ свои старые члены, жалкій, но ни въ комъ не возбуждающій жалости старикъ!

Въ закоптѣломъ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстіи и во всѣхъ улицахъ на его пути собираются толпы; залъ городской ратуши и даже Гревская площадь едва могутъ вмѣстить его провожатыхъ. Фулонъ долженъ быть судимъ, не только по всѣмъ правиламъ, но тутъ же, на мѣстѣ, безотлагательно. Назначьте семь или семьдесятъ семь судей, вы члены муниципалитета, назначьте ихъ

сами, или ихъ изберемъ мы, но только судите его! [1]) Въ теченіе цѣлыхъ часовъ расточается реторика избирателей, краснорѣчіе мэра Бальи, выставляются прелести законной отсрочки. Отсрочка и отсрочка! Смотри, народный мэръ, утро перешло уже въ полдень, а его все еще не судили. Лафайетъ, за которымъ спѣшно посылаютъ, является и высказывается такъ: этотъ Фулонъ, хорошо извѣстенъ, онъ виновенъ внѣ всякаго сомнѣнія; но нѣтъ ли у него сообщниковъ? Не слѣдуетъ ли допытаться у него истины—въ тюрьмѣ Аббатства? Это новая идея! Санкюлоты рукоплещутъ, и Фулонъ (обрадованный, словно судьба шутила надъ нимъ) присоединяется къ этимъ рукоплесканіямъ. „Смотрите! Они сговорились!" кричатъ мрачные санкюлоты, вспыхивая яростью подозрѣнія. „Друзья", говоритъ одно „хорошо одѣтое лицо", выступая впередъ: „стоитъ ли судить этого человѣка? Развѣ онъ не осужденъ уже тридцать лѣтъ тому назадъ?" Тотчасъ же съ дикимъ воплемъ санкюлоты хватаютъ жертву сотнями рукъ и тащатъ по Гревской площади къ „ф о н а р ю" на углу улицы В а н н е р и. Онъ жалобно умоляетъ о пощадѣ,—но и вѣтеръ глухъ къ его мольбамъ. Только на третьей веревкѣ (двѣ порвались, а дрожащій голосъ продолжалъ молить) удалось его коекакъ повѣсить! Тѣло его протащили по улицамъ; голову, съ набитымъ сѣномъ ртомъ, подняли на пику и носятъ при адскихъ крикахъ ѣдящаго сѣно народа [2]).

Несомнѣнно, что если месть есть родъ правосудія, то это „дикій" родъ! О, безумствующій санкюлотизмъ, вѣдь не внезапно возникъ ты въ своемъ безумномъ мракѣ, въ отребьяхъ и грязи, подобно заживо погребенному Энцеладу изъ Тринакріи? И вотъ тѣ, кто желалъ, чтобы ты ѣлъ траву, должны ѣсть ее теперь сами т а к и м ъ манеромъ? Послѣ долгихъ, молча стопавшихъ поколѣній, пришло и твое время. Такимъ губительнымъ паденіямъ и ужаснымъ внезапнымъ перемѣщеніямъ центра тяжести подвержены всѣ людскія заблужденія, невѣдомо для нихъ самихъ, и тѣмъ болѣе подвержены, чѣмъ они фальшивѣе и чѣмъ выше центръ ихъ тяжести!

Къ вящшему ужасу мэра Бальи и его муниципальныхъ совѣтниковъ, разносится вѣсть, что Бертье тоже арестованъ, и что онъ на пути сюда изъ Компьеня. Бертье, парижскій интендантъ (правильнѣе—откупщикъ податей), доносчикъ и тиранъ, скупщикъ хлѣба, присовѣтовавшій устройство лагерей противъ народа, обвиняется во многомъ, къ тому же онъ зять Фулона, и уже по этому одному виновенъ во всемъ, особенно теперь, когда у санкюлотовъ разгорѣлась кровь! Содрагающійся отъ ужаса муниципалитетъ посылаетъ одного изъ своихъ членовъ проводить его съ коннымъ отрядомъ національной гвардіи.

Къ вечеру злополучный Бертье съ мужественнымъ еще лицомъ, не безъ шума прибываетъ къ заставѣ въ открытомъ экипажѣ, рядомъ съ членомъ муниципалитета, въ сопровожденіи пяти сотъ всадниковъ съ обнаженными саблями и довольно многочисленныхъ невооруженныхъ пѣхотинцевъ. Вокругъ него потрясаютъ плакатами, на которыхъ написанъ „огромными буквами" его обвинительный актъ, составленный съ неюридической краткостью санкюлотизма [3]). Парижъ встрѣчаетъ его рукоплесканіями, распахнутыми окнами, танцами, побѣдными пѣснями, похожими на пѣсни фурій, и, въ заключеніе, головой Фулона; она также встрѣчаетъ его на пикѣ. При этомъ видѣ ему есть отъ чего лишиться чувствъ, и глазамъ его сдѣлаться стеклянистыми! Однако, какова бы ни была совѣсть у этого человѣка, а нервы у него желѣзные. Въ городской ратушѣ онъ не желаетъ отвѣчать ни на что. Онъ говоритъ, что повиновался приказаніямъ свыше; что въ рукахъ членовъ находятся его бумаги; пусть по нимъ судятъ и рѣшаютъ, самъ же онъ, не смыкалъ глазъ въ эти двѣ ночи и проситъ, прежде всего, дать ему

---

[1]) Histoire Parlementaire, II, 146—9.

[2]) Deux Amis de la Liberté, II, 60—6.

[3]) Il a volé le Roi et la France.—Онъ обворовывалъ короля и Францію. Онъ пожралъ народное продовольствіе. Онъ былъ рабомъ богатыхъ и тираномъ бѣдныхъ. Онъ пилъ кровь вдовъ и сиротъ. Онъ предалъ свою родину. (См. Deux Amis, II, 67—73).

поспать. Свинцовымъ сномъ, злосчастный Бертье! Отрядъ гвардейцевъ сопровождаетъ его въ тюрьму Аббатства. Но у самыхъ воротъ Ратуши ихъ схватываютъ и разсѣиваютъ точно водоворотомъ безумныхъ рукъ. Бертье влекутъ къ фонарю. Онъ хватаетъ ружье, дерется и опрокидываетъ нападающихъ, защищаясь, какъ разъяренный левъ; наконецъ, его бросаютъ на землю, топчутъ ногами, вѣшаютъ, калѣчатъ: голова его, и даже сердце, проносятся на пикахъ по городу.

Ужасная вещь для страны, въ которой царитъ одинаковое правосудіе для всѣхъ! Но довольно естественная въ странахъ, не знавшихъ его никогда. „Le sang qui coule est il donc si pur?“ [1]) спрашиваетъ Барнавъ, намекая на то, что на висѣлицы, хотя и неузаконеннымъ путемъ, попадаетъ то, что слѣдуетъ. И ты самъ, читатель, когда обогнешь этотъ уголъ улицы Ваннери и увидишь эту самую мрачную подставку изъ стараго желѣза, будешь имѣть достаточно поводовъ для размышленія. „Противъ колоніальной (или какой-нибудь другой) лавочки, съ бюстомъ Людовика XIV подъ нею въ нишѣ“—теперь уже, впрочемъ, не въ нишѣ—она еще стоитъ на томъ же мѣстѣ, распространяя недостаточный свѣтъ горящей ворвани; она видѣла, какъ рушились міры, и безмолвствуетъ.

Но для взора просвѣщеннаго патріотизма, что это была за грозовая туча, неожиданно собравшаяся среди лучезарно-ясной погоды! Туча черная, какъ потемки ада, предзнаменованіе безпредѣльнаго запаса скрытаго электричества. Мэръ Бальи и генералъ Лафайетъ въ негодованіи подаютъ въ отставку; приходится долго упрашивать ихъ вернуться. Туча расходится, какъ расходятся всѣ грозовыя тучи. Ясная погода возвращается, хотя и въ нѣсколько болѣе сѣромъ тонѣ, и все болѣе и болѣе очевидно не сверхъестественнаго характера.

Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были препятствія, Бастилія должна быть стерта съ лица земли, а вмѣстѣ съ нею феодализмъ, деспотизмъ и, какъ надѣются, подлость вообще и угнетеніе человѣка его же братомъ-человѣкомъ. Увы! подлость и притѣсненія не такъ-то легко уничтожить. Но что касается до Бастиліи, то она рушится день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ; ея камни и валуны непрерывно разваливаются по особому приказанію нашего муниципалитета. Толпы любопытныхъ бродятъ по ея подваламъ; разглядываютъ скелеты, найденные замурованными въ oubliettes, желѣзныхъ клѣткахъ, чудовищныхъ каменныхъ мѣшкахъ съ висячими замками на цѣпяхъ. Однажды появляется тамъ Мирабо, вмѣстѣ съ женевцемъ Дюмономъ [2]). Рабочіе и зрители почтительно разступаются передъ ними, бросаютъ ему подъ ноги, среди виватовъ, стихи и цвѣты, а въ карету—бастильскія бумаги и рѣдкости.

Ловкіе издатели печатаютъ книги изъ Архивовъ Бастиліи, оставшихся несожженными. Ключъ отъ этой Разбойничьей пещеры переплыветъ Атлантическій океанъ и будетъ лежать на столѣ въ залѣ у Вашингтона. Большіе тюремные часы тикаютъ теперь въ частной квартирѣ какого-нибудь патріотическаго часовщика и отбиваютъ уже не одни тяжелые часы. Бастилія исчезла, исчезла такъ, какъ мы считаемъ это: корпусъ ея, вѣрнѣе, составлявшіе его камни повисли, по счастливой метаморфозѣ, на цѣлые вѣка надъ водами Сены въ видѣ моста Людовика Шестнадцатаго [3]), душа же ея проживетъ, можетъ быть, еще дольше въ памяти людей.

Вотъ до чего довели насъ вы, верховные сенаторы, своими клятвами въ Залѣ для игры въ мячъ, своей неподвижностью и стремительностью, своей прозорливостью и упорствомъ. „Подумайте, господа“, справедливо указываютъ просители: „вы, бывшіе нашими спасителями, нуждались сами въ спасителяхъ“, т. е. въ храбрыхъ бастильцахъ, парижскихъ рабочихъ, изъ которыхъ многіе нахо-

---

[1]) Развѣ эта текущая кровь такъ чиста?

[2]) Dumont, Souvenirs sur Mirabeau, 305.

[3]) Dulaure, Histoire de Paris, VIII, 439.

КНИГА VI.
Упроченіе Основъ.

ГЛАВА I.
Составленіе Конституціи.

Здѣсь, можетъ быть, умѣстно будетъ установить нѣсколько точнѣе, что слѣдуетъ разумѣть подъ этими двумя словами: Французская Революція, потому что, строго говоря, слова эти могутъ имѣть столько же значеній, сколько есть произносящихъ ихъ людей. Всѣ вещи находятся въ революціи, въ непрерывномъ измѣненіи съ минуты на минуту, которое становится замѣтнѣе только по сравненію одной эпохи съ другой: въ нашемъ временномъ мірѣ, собственно говоря, нѣтъ ничего, кромѣ революціи и измѣненія, и даже ничто иное и немыслимо. Революція, отвѣчаете вы, означаетъ болѣе быструю смѣну. На что всякій сейчасъ же можетъ спросить: Сколь быструю? При какой степени быстроты, въ какіе особенные моменты этого неравномѣрнаго теченія, быстрота котораго колеблется, но которое не можетъ остановиться, пока не остановится само время, начинается и оканчивается революція? когда перестаетъ она быть простой смѣной, и когда снова становится ею? Это—вопросъ, разрѣшеніе котораго будетъ зависѣть отъ болѣе или менѣе произвольнаго опредѣленія.

Что до насъ касается, то мы отвѣтимъ, что подъ Французской Революціей здѣсь подразумѣвается открытое, бурное возмущеніе и побѣда вырвавшейся на свободу анархіи надъ развращенной, отжившей властью: она показываетъ, какъ анархія ломаетъ тюрьмы, внезапно появляется изъ безконечной глубины и свирѣпствуетъ безконтрольно, безмѣрно, охватывая цѣлый міръ, переходя отъ одного приступа лихорадочнаго бѣшенства къ другому, пока неистовство это не уляжется само собою и элементы новаго порядка, заключенные въ немъ (ибо во всякой силѣ они заключаются), не разовьются; тогда безконтрольность окажется, если не упрятанной вновь въ тюрьму, то обузданной, и буйныя силы окажутся вынужденными работать надъ опредѣленной цѣлью, какъ силы здоровыя и упорядоченныя. Ибо, какъ іерархіи и династіи всякаго рода, теократіи, аристократіи, аутократіи, гетерократіи управляли міромъ, такъ въ книгѣ Промысла было предопредѣлено, что придетъ очередь торжествовать и анархіи, якобинизму, санкюлотизму, Французской Революціи съ ея ужасами, или тому, какъ еще иначе могутъ называть это смертные. „Разрушительная ярость“ санкюлотизма—вотъ о чемъ мы будемъ говорить, не имѣя, къ несчастью, голоса для того, чтобы воспѣть ее.

Это, несомнѣнно, великое явленіе, мало того, явленіе трансцендентальное, превышающее всякія правила, всякій опытъ, явленіе, вѣнчающее

наши новыя времена! Здѣсь снова и совершенно неожиданно выступаетъ древній фанатизмъ, чудесный, какъ всякій фанатизмъ, но въ новомъ и новѣйшемъ одѣяніи. Назовите его фанатизмомъ „уничтоженія формулъ", de humer les formules. Міръ формулъ, оформленный, урегулированный, какимъ является всякій обитаемый міръ, безусловно долженъ ненавидѣть такой фанатизмъ, какъ смерть, и находиться съ нимъ въ смертельной враждѣ. Міръ формулъ долженъ побѣдить его,- или, въ противномъ случаѣ, умереть, проклиная и ненавидя его; но, тѣмъ не менѣе, никоимъ образомъ не можетъ помѣшать его настоящему и прошедшему существованію. Проклятія на-лицо, но и чудо то же на-лицо.

Откуда оно пришло? Куда идетъ? Вотъ въ чемъ вопросъ! Въ то время, какъ вѣкъ чудесъ померкъ вдали, какъ нестоющее вѣры преданіе, и даже вѣкъ условностей уже состарился; въ то время, какъ существованіе людей основывалось на формулахъ, превратившихся съ теченіемъ вѣковъ въ пустой звукъ, и, казалось, что не существуетъ болѣе дѣйствительности, а лишь призракъ дѣйствительности, и Божій міръ есть дѣло портныхъ и обойщиковъ, а люди—картонныя маски, кривляющіяся и гримасничающія,—въ это время земля внезапно разверзается и, среди адскаго дыма и сверкающаго блеска пламени, подымается санкюлотизмъ, многоголовый и огнедышащій, и вопрошаетъ: Что вы думаете обо мнѣ? Тутъ есть отчего картоннымъ маскамъ вздрогнуть и съ ужасомъ остановиться въ „выразительныхъ, красиво расположенныхъ группахъ". Дѣйствительно, друзья мои, это въ высшей степени странная, роковая вещь. Пусть каждый, кто самъ только картонъ и призракъ, всмотрится въ нее: ему плохо можетъ прійтись; здѣсь, мнѣ кажется, онъ не можетъ долго оставаться. Но горе и тому, кто не совсѣмъ еще превратился въ картонъ, но отчасти остался настоящимъ человѣкомъ. Вѣкъ чудесъ вновь возвратился! „Вотъ міровой Фениксъ, сгорающій въ огнѣ и изъ огня возникающій: широки его развѣвающіяся крылья, звучна его предсмертная мелодія громовыхъ сраженій и падающихъ городовъ; къ небу взвивается погребальное пламя, окутывая все; это Смерть и Рожденіе Міра!"

И все же изъ этого, какъ мы часто говорили, можетъ возникнуть несказанное блаженство. То, именно, что человѣкъ и его жизнь будутъ покоиться уже не на пустотѣ и лжи, а на твердомъ основаніи и нѣкотораго рода истинѣ. Да здравствуетъ самая убогая истина, если это, дѣйствительно, истина, взамѣнъ самаго царственнаго обмана? Всякая истина всегда порождаетъ новую и лучшую истину; такъ твердый гранитный утесъ разсыпается въ прахъ подъ благословеннымъ вліяніемъ небесъ и покрывается зеленью, плодами и тѣнью. Что же касается до лжи, которая, какъ разъ обратно, выростая, становится все лживѣе, то что можетъ, что должно ее постигнуть, когда она созрѣетъ, кромѣ смерти; она разлагается медленно или внезапно и возвращается къ своему отцу—вѣроятно въ пылающій огонь.

Санкюлотизмъ сожжетъ многое, но то, что несгораемо, не сгоритъ. Не бойтесь санкюлотизма: признайте его за то, что онъ есть на самомъ дѣлѣ: ужасный, неизбѣжный конецъ многаго, и чудесное начало многаго. И при этомъ вспомните еще одно: что онъ исходитъ отъ Бога; развѣ прежде его не было? Искони, какъ сказано въ Писаніи, идутъ пути Его впередъ, въ великую глубь вещей; страшно и чудесно теперь, какъ и въ началѣ, въ вихрѣ слышится Его голосъ, и гнѣвъ людей созданъ для прославленія Его. Но взвѣсить, измѣрить этотъ несоизмѣримый предметъ и, что называется, разъяснить его и свести къ мертвой логической формулѣ,—этого не пытайтесь. Еще менѣе слѣдуетъ кричать и проклинать его до хрипоты, такъ какъ это, въ надлежащей мѣрѣ, было уже сдѣлано. Какъ настоящій Сынъ Времени, смотри, съ невыразимымъ, всеобъемлющимъ интересомъ, чаще въ молчаніи, на то, что несетъ время. Въ этомъ ты найдешь назиданіе, поученіе, умственную пищу, удовлетвореніе или только забаву, смотря по тому, что тебѣ дано.

Другой вопросъ, который съ каждымъ новымъ событіемъ встаетъ передъ нами, требуя все новаго отвѣта, это слѣдующій: гдѣ собственно Французская

Революція находится? Въ королевскомъ дворцѣ, въ его или ея величества распоряженіяхъ и притѣсненіяхъ, въ заговорахъ, глупостяхъ и бѣдствіяхъ отвѣчаютъ немногіе, немногіе, которымъ мы не станемъ отвѣчать. Въ національномъ собраніи, отвѣчаетъ огромная смѣшанная толпа, которая поэтому садится на репортерскій стулъ и оттуда записываетъ все, что можно записать въ стѣнахъ собранія: прокламаціи, акты, отчеты, періоды логическихъ фехтованій, трескъ парламентскаго краснорѣчія и то, что слышно извнѣ: слухи о мятежѣ и шумъ мятежа; исписываетъ томъ за томомъ и съ полнымъ удовлетвореніемъ печатаетъ это подъ заглавіемъ Исторіи Французской Революціи. Сдѣлать то же самое, въ почти такомъ же объемѣ, при стольких книгахъ газетъ, Choix des Rapports, Histoires parlementaires, составляющихъ цѣлые возы, было бы намъ легко. Легко, но безполезно. Національное собраніе, называемое теперь учредительнымъ собраніемъ, идетъ своимъ путемъ, составляя конституцію, но Французская Революція идетъ своимъ.

Въ общемъ, развѣ мы не можемъ сказать, что Французская Революція заключена въ головѣ и сердцѣ каждаго страстно-говорящаго и страстно-думающаго француза? Какимъ образомъ двадцать пять милліоновъ такихъ людей, въ своихъ перепутанныхъ сочетаніяхъ, дѣйствіяхъ и противодѣйствіяхъ, могли породить эти событія; какое событіе по порядку главнѣйшее, и съ какой точки зрѣнія оно можетъ быть наилучшимъ образомъ разсмотрѣно,—вотъ въ чемъ вопросъ. Пусть его разрѣшатъ лучше освѣдомленные люди, ища свѣта отъ всевозможныхъ источниковъ, мѣняя свою точку зрѣнія въ зависимости отъ всякаго новаго явленія или призрака явленія, и пусть они будутъ довольны, если имъ удастся разрѣшить его хотя бы только приблизительно.

Что касается до національнаго собранія, поскольку оно все еще высится, надъ Франціей, на подобіе какого нибудь везомаго на колесницѣ Carroccio, хотя теперь уже не въ авангардѣ, и трубитъ сигналы для отступательнаго или поступательнаго движенія,—то оно есть и продолжаетъ оставаться дѣйствительностью, въ числѣ другихъ дѣйствительностей. Но, съ другой стороны, поскольку оно засѣдаетъ, составляя конституцію, оно, по преимуществу, ничто и химера. Увы! какой интересъ можетъ быть даже въ самой героической постройкѣ карточныхъ домиковъ по Монтескье-Мабли, хотя бы и восторженно привѣтствуемыхъ міромъ? Занятое такимъ образомъ верховное національное собраніе становится для насъ немногимъ больше синедріона педантовъ, правда, занимающихся не спряженіями, однако и не болѣе плодотворнымъ дѣломъ, и его громкіе дебаты и возгласы о правахъ человѣка, правѣ міра и войны, Veto suspensif, Veto absolu,—что это такое, какъ не проклятія педантовъ. „Да поразитъ васъ Богъ за вашу теорію неправильныхъ глаголовъ".

Конституція можетъ быть создана и даже много конституцій a la Siyes; но опасное затрудненіе заключается въ томъ, чтобы найти людей, которые стали бы жить по ней! Если бы Сіесъ могъ вызвать съ неба громъ и молнію для освященія своей конституціи, то все было бы хорошо; но безъ грома?.. Сверхъ того, строго говоря, развѣ не остается все еще истиной, что безъ какой нибудь небесной санкціи, явленной видимымъ образомъ, посредствомъ грома, или невидимымъ, какимъ либо инымъ путемъ, всякая конституція, въ концѣ концовъ, стоитъ не болѣе макулатурной бумаги, на которой она написана? Конституція, сводъ законовъ, или установленный обычай дѣйствій, по которымъ люди будутъ жить, есть то, что отражаетъ ихъ убѣжденія, ихъ вѣру въ эту чудесную вселенную и въ ихъ права, обязанности и способности, которыми они въ ней обладаютъ; словомъ, то, что освящено самой необходимостью, если не какимъ нибудь видимымъ божествомъ, то невидимымъ. Другіе законы, которыхъ всегда имѣется достаточно въ запасѣ, не болѣе, какъ узурпаціи; вмѣсто повиновенія люди возмущаются противъ нихъ и уничтожаютъ ихъ при первой возможности.

Основной вопросъ сводится, значитъ, къ слѣдующему: кто тотъ человѣкъ, который можетъ создать конституцію спеціально для мятежниковъ и разруши-

телей? Кто можетъ выдвинуть впередъ общее вѣрованіе, если таковое есть; или внушить его, если, какъ въ данномъ случаѣ, его нѣтъ. Чрезвычайно рѣдокъ такой необыкновенный человѣкъ, всегда, какъ встарь, Богомъ посланный! Здѣсь, однако, за неимѣніемъ такого необыкновеннаго, высшаго человѣка, много дѣлаетъ время съ его безконечной смѣной болѣе или менѣе выдающихся людей, вносящихъ каждый свою дань. Сила точно также всегда будетъ находить, что ей дѣлать (древніе философы учатъ, что королевскій скипетръ вначалѣ имѣлъ нѣкоторое подобіе молотка для сокрушенія не поддающихся увѣщанію головъ). Итакъ, въ постоянномъ уничтоженіи и возстановленіи, разрываніи и связываніи, въ борьбѣ и спорѣ, при дурномъ настоящемъ и съ надеждой и стремленіемъ къ лучшему будущему, конституція, какъ всѣ человѣческія дѣла, должна создаться или же не создаться и распасться, какъ можетъ и какъ придется. О, Сіесъ, и вы, другіе члены комитета и тысячу двѣсти разныхъ индивидовъ со всѣхъ частей Франціи! Въ чемъ вѣра Франціи и ваша, если вы ее знаете? Собственно въ томъ, что вѣры не должно быть; что всѣ формулы должны быть уничтожены. Какая конституція должна вытекать изъ этого? Увы, слишкомъ ясно, что это конституція отрицанія, анархія,—которая и будетъ пожалована вамъ въ надлежащее время.

Но, въ концѣ концовъ, что же можетъ сдѣлать злополучное національное собраніе? Подумайте только, что здѣсь тысяча двѣсти различныхъ людей, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой собственный аппаратъ мышленія и рѣчи. Въ каждомъ изъ нихъ живетъ вѣра и желанія, сходящіяся въ томъ, что Франція должна быть возрождена, но у каждаго есть для этого свой способъ и каждый считаетъ себя лично призваннымъ сдѣлать это. Двѣнадцать сотенъ отдѣльныхъ силъ запряжены вперемѣжку, со всѣхъ ея сторонъ въ одну повозку и должны во что бы то ни стало везти ее!

Или это лежитъ въ природѣ національныхъ собраній, чтобы, при безконечной работѣ и шумѣ, въ результатѣ получилось—ничто? Или представительныя правленія въ большей части въ сущности тѣ же тираніи? Должны ли мы сказать, что тираны, честолюбивые, сварливые люди, собраны со всѣхъ концовъ страны въ одно мѣсто съ тѣмъ, чтобы предложеніями и контръ-предложеніями, въ болтовнѣ и сумятицѣ, уничтожить другъ друга, какъ сказочныя кильненнійскія кошки, и произвести въ видѣ чистаго результата нуль; а страна тѣмъ временемъ управляется или направляется признанной, а большей частью непризнанной, мудростью, обнаруживающейся то тутъ, то тамъ въ чьей нибудь головѣ? И даже это было бы большимъ усовершенствованіемъ; вѣдь, встарь они, съ ихъ раздѣленіями на гвельфовъ и гибелиновъ, съ ихъ бѣлыми и алыми розами, обыкновенно раздирали всю страну. Кромѣ того, теперь они производятъ это на гораздо болѣе ограниченномъ пространствѣ, между четырьмя стѣнами своего собранія, или изрѣдка, на форпостахъ избирательныхъ собраній, съ трибунъ и съ бочекъ; да и здѣсь они сражаются словами, а не мечами. Развѣ не великое дѣло—всѣ эти усовершенствованія въ способахъ полученія нуля? Но лучше всего, если нѣкоторые счастливые материки (какъ, напримѣръ, Западные Штаты съ ихъ саваннами, гдѣ каждый, имѣющій четыре здоровыхъ конечности, находитъ кормъ подъ ногами и безпредѣльное небо надъ головой) могутъ обойтись безъ управленія. Какія загадки—эти вопросы! А смущенный міръ долженъ въ теченіе этихъ поколѣній отвѣтить на нихъ, или умереть.

ГЛАВА II.

Учредительное Собраніе.

Избранное собраніе въ тысячу двѣсти человѣкъ годно лишь для одного: для разрушенія. Дѣйствительно, это не что иное, какъ болѣе рѣшительное при-

мѣненіе его природнаго таланта: ничего недѣланія. Не дѣлайте ничего, только поддерживайте агитацію, дебаты, и все рушится само собой.

Такъ именно, и не иначе, оказалось и въ верховномъ національномъ собраніи. Оно приняло наименованіе Учредительнаго, какъ будто его назначеніе и функція заключались въ томъ, чтобы учреждать или созидать, что оно отъ всей души и старалось дѣлать; однако, судьбой и природой вещей ему предопредѣлена была какъ разъ противоположная функція. Странно, въ какія только Евангелія не вѣрятъ люди? Они вѣрятъ даже въ Евангелія по Жанъ-Жаку Руссо! Эти національные депутаты, равно какъ и всѣ мыслящіе французы, твердо вѣрили, что конституція будетъ с д ѣ л а н а; что именно они призваны создать ее. Какъ этотъ вообще скорѣе невѣрующій народъ, съ стойкостью древнихъ евреевъ или измаилитовъ, упорствуетъ въ этомъ своемъ Credo quia impossibile; какъ смѣло ставитъ его передъ лицомъ вооруженнаго міра, и становится фанатичнымъ, даже героическимъ, совершая во имя его подвиги! Конституція учредительнаго собранія и многія другія, будучи печатными, а не рукописными, переживутъ цѣлый рядъ поколѣній какъ поучительный, почти невѣроятный документъ того времени, какъ въ высшей степени многознаменательная картина тогдашней Франціи, или, по меньшей мѣрѣ, какъ отраженіе рисовавшейся этимъ людямъ картины ея.

Но, по истинѣ и совершенно серьезно, что могло бы сдѣлать національное собраніе? Дѣло, которое должно было быть сдѣлано, дѣйствительно, какъ говорили, заключалось въ томъ, чтобы возродить Францію; уничтожить старую Францію и создать новую, мирнымъ или принудительнымъ путемъ, уступками, или насиліемъ: это по закону природы стало неизбѣжнымъ. Въ какой мѣрѣ насиліемъ — это зависѣло отъ мудрости тѣхъ, кому вручено было руководительство. При совершенной мудрости національнаго собранія, все могло бы быть иначе, но могло ли оно быть мирнымъ, или какимъ-нибудь инымъ, а не кровавымъ и конвульсивнымъ,— это еще вопросъ.

Надо признать, однако, что учредительное собраніе до конца продолжаетъ сохранять свое значеніе. Со вздохомъ оно видитъ себя безпрестанно отвлекаемымъ насильственно отъ своей безконечной божественной задачи усовершенствованія „теоріи неправильныхъ глаголовъ", къ конечнымъ земнымъ задачамъ, имѣющимъ еще значеніе для насъ. Оно, это учредительное собраніе, является путеводной звѣздой революціонной Франціи. Всѣ дѣла правленія попали въ его руки, или подъ его контроль; всѣ смотрятъ на него, какъ на руководящую силу. Среди этого огромнаго возмущенія двадцатипяти милліоннаго населенія, оно паритъ всегда наверху, какъ боевое знамя, возбуждающее и возбуждаемое самымъ сбивчивымъ образомъ; если оно не можетъ быть настоящимъ руководителемъ, то старается, по крайней мѣрѣ, казаться имъ. Оно издаетъ не малое количество умиротворительныхъ воззваній съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ; утверждаетъ вербовку національной гвардіи,—чтобы разбойники не поглотили насъ и не пожали наши незрѣлые урожаи. Оно посылаетъ депутаціи укрощать „волненія", освобождать людей отъ фонаря. Оно находитъ время выслушивать прибывающіе мѣшками поздравительные адреса, большей частью въ духѣ царя Камбиза; равно и петиціи, и жалобы всѣхъ смертныхъ; такъ что жалоба каждаго смертнаго, если и не можетъ быть удовлетворена, можетъ, по крайней мѣрѣ, быть высказана. Кромѣ того, верховное національное собраніе развиваетъ парламентское краснорѣчіе и назначаетъ комитеты: комитетъ по выработкѣ конституціи, по отчетности, по изслѣдованію и многіе другіе, которые производятъ опять горы печатной бумаги; темы для новаго парламентскаго краснорѣчія, порывистаго, или изливающагося плавно-текущими рѣками. И такъ изъ хаотическаго водоворота, въ которомъ все кружится и толчется, медленно всплываютъ органическіе законы, или подобіе ихъ.

Послѣ нескончаемыхъ дебатовъ написаны и обнародованы права человѣка — настоящій бумажный фундаментъ всѣхъ бумажныхъ конституцій. Упустили, кри-

чать противники, объявить объ обязанностяхъ человѣка! Позабыли, отвѣчаемъ мы, опредѣлить силы человѣка,—одно изъ самыхъ роковыхъ упущеній! Иногда даже какъ, напримѣръ, четвертаго августа, наше національное собраніе, внезапно воспламенившееся почти сверхъестественнымъ энтузіазмомъ, совершаетъ цѣлыя массы дѣлъ въ одну ночь. Памятная ночь, эта ночь четвертаго августа! Власти свѣтскія и духовныя, перы, архіепископы, предсѣдатели парламентовъ, превосходя другъ друга въ патріотическомъ рвеніи, бросаютъ, одинъ за другимъ, свои владѣнія, которыя теперь трудно удержать, на „алтарь отечества". Съ кликами, все болѣе и болѣе громкими,—вѣдь это происходитъ „послѣ обѣда",—они уничтожаютъ съ корнями и вѣтвями: десятину, барщину, пошлину на соль, чрезмѣрную охрану дичи, привилегіи, льготы, феодализмъ, потомъ заказываютъ по этому случаю молебенъ и, наконецъ, расходятся около трехъ часовъ утра, задѣвая звѣзды своими высоко поднятыми головами. Эта ночь, непредвидѣнная, но на вѣки памятная, была 4-го августа 1789 года. Чудесная, или получудесная, кажется, думали нѣкоторые. И не назовемъ ли мы ее новой ночью Святого Духа, соотвѣтствующей новому времени и новой церкви Жана Жака Руссо? Она имѣла свои причины, а также и свои послѣдствія.

Такъ работаютъ народные представители, усовершенствуя свою теорію неправильныхъ глаголовъ, управляя Франціей и управляемые ею, съ усиліемъ и шумомъ, разрывая старыя невыносимыя узы и усердно свивая для новыхъ веревки изъ песку. Представляютъ ли ихъ труды ничто или нѣчто, но глаза всей Франціи еще почтительно устремлены на нихъ, и исторія никакъ не можетъ надолго выпустить ихъ изъ вида.

Если мы заглянемъ теперь въ залу ихъ засѣданій то, разумѣется, найдемъ, что дѣло ведется „въ высшей степени неправильно". Не менѣе ста членовъ одновременно стоятъ на ногахъ, нѣтъ правилъ для внесенія предложеній; нѣтъ даже попытки установить такія правила; въ галлереѣ зрителей разрѣшено аплодировать и даже свистать [1]. Предсѣдатель, назначаемый только на двѣ недѣли, часто не можетъ хорошенько сообразить, въ чемъ дѣло. Тѣмъ не менѣе, какъ при всѣхъ людскихъ сборищахъ, люди начинаютъ группироваться по сродству качествъ, вѣчное правило ubi homines sunt, modi sunt оказывается дѣйствительнымъ и здѣсь. Намѣчаются зачатки системъ, нарождаются зачатки партій. Появляется правая сторона (Coté Droit), лѣвая сторона (Coté Gauche), сидящія по правую и по лѣвую руку отъ предсѣдателя: Coté Droit—консервативная, Coté Gauche—деструктивная. Центръ—англоманскій конституціонализмъ или двухъ-палатный роялизмъ, съ своими Мунье, Лалли, быстро теряющими значеніе. На правой сторонѣ преимущественно говоритъ и ораторствуетъ Казалесъ, драгунскій капитанъ, краснорѣчивый, умѣренно-пламенный, которому удается стяжать себѣ нѣкоторое имя. Здѣсь также шумитъ Бочка-Мирабо Младшій, не лишенный ума; мрачный д'Эпремениль только фыркаетъ и издаетъ восклицанія, хотя онъ могъ бы, по мнѣнію его друзей, повергнуть въ прахъ самого Мирабо Старшаго, если бы только попытался [2],—но онъ не дѣлаетъ этого. Посмотрите, наконецъ, на величайшаго изъ всѣхъ ихъ, на аббата Мори съ его іезуитскими глазами, безстрастнымъ наглымъ лицомъ, на это „воплощеніе всѣхъ смертныхъ грѣховъ". Неукротимый, несокрушимый, съ крѣпчайшими легкими, онъ мужественно сражается съ помощью іезуитской риторики за тронъ, въ особенности, за алтарь и десятину, такъ что разъ, съ галлереи, чей-то рѣзкій голосъ крикнулъ: „Господа духовные, васъ предстоитъ побрить; если вы будете слишкомъ много вертѣться, то обрѣжетесь" [3].

Лѣвая сторона называется также орлеанской, а иногда, въ насмѣшку Пале-Рояленъ. И все это такъ перепутано, такъ не то дѣйствительно, не то

[1]) Arthur Young, I, 111.

[2]) Biographie Universelle, § D'Espremenil (Beaulieu).

[3]) Dictionnaire des Hommes Marquants, II, 519.

лишь воображаемо, что „сомнительно“, какъ говоритъ Мирабо, „принадлежитъ ли самъ герцогъ Орлеанскій къ этой орлеанской партіи. Одно только извѣстно и видно, именно, что его лунообразное лицо сіяетъ въ этомъ именно пунктѣ зала. Тамъ же сидитъ и зелено-блѣдный Робеспьеръ съ рѣшимостью, но еще безъ результата бросающій на чашку вѣсовъ и свой легкій вѣсъ. Тонкій, сухой пуританинъ и педантъ, онъ хотѣлъ бы смести всѣ формулы, хотя самъ живетъ, движется и существуетъ цѣликомъ въ формулахъ, но другого рода. „Народъ“—такимъ, по Робеспьеру, долженъ быть королевскій методъ обнародованія законовъ,—„народъ, вотъ законъ, который я составилъ для тебя, принимаешь ли ты его?“ на что съ правой, лѣвой стороны и изъ центра [1]) отвѣчаютъ неудержимымъ смѣхомъ. Но проницательные люди замѣчаютъ уже теперь, что зеленый Робеспьеръ, при удачѣ, можетъ пойти далеко. „Этотъ человѣкъ“, говоритъ Мирабо, „что нибудь да сдѣлаетъ, онъ вѣритъ въ каждое слово, которое произноситъ“.

Аббатъ Сіесъ занятъ исключительно разработкой конституціи, въ чемъ, къ несчастью, сотрудники его оказываются менѣе покладистыми, чѣмъ должны бы быть съ человѣкомъ, въ совершенствѣ усвоившимъ политику, какъ науку. Но все же мужайся, Сіесъ! Какихъ нибудь двадцать мѣсяцевъ героической работы, противорѣчій со стороны глупцовъ, и конституція будетъ создана: верхній камень ея, или правильнѣе верхній листъ бумаги—ибо она вся бумага будетъ положенъ съ ликованіемъ, и ты вложишь въ нее все, что могли потребовать отъ тебя земля и небо,—все, на что ты способенъ. Замѣтьте также это тріо, памятное по многимъ обстоятельствамъ; оно было бы памятно уже потому, что исторія его записана въ эпиграммѣ: если этимъ троимъ попадетъ что нибудь въ руки, говорится въ ней, „то Дюпоръ обдумаетъ это, Барнавъ скажетъ, а Ламетъ сдѣлаетъ“.

Но царственный Мирабо? Выдѣляющійся среди всѣхъ партій, стоящій надъ ними и внѣ ихъ, человѣкъ этотъ поднимается все выше и выше. Какъ мы часто говоримъ, у него есть глазъ, онъ дѣйствительность, тогда какъ у другихъ есть только формулы и очки. Въ преходящемъ онъ хочетъ открыть вѣчное, найти нѣкоторое твердое основаніе даже среди бумажной бездны. Слава его разошлась по всѣмъ странамъ; она порадовала даже, передъ смертью, сердце стараго угрюмаго друга людей. Даже ямщики на постоялыхъ дворахъ слыхали о Мирабо: когда какой нибудь нетерпѣливый путешественникъ жаловался, что упряжка нехороша, то ямщикъ отвѣчалъ: Да, сударь, пристяжныя лошади слабы, но мой mirabeau (коренникъ), сами видите, великолѣпенъ (mais mon mirabeau est excellent [2]).

А теперь, читатель, тебѣ придется покинуть эту шумную разноголосицу національнаго собранія и (если ты не лишенъ человѣческихъ чувствъ) покинуть не безъ состраданія. Тамъ тысячу двѣсти людей-братьевъ, въ центрѣ двадцати пяти милліоновъ, неистово борются съ рокомъ и другъ съ другомъ, изводя свою жизнь, подобно большинству сыновъ Адама за то, что ни къ чему не нужно. И въ концѣ концовъ, это дѣло признается даже очень скучнымъ. „Скучно, какъ сегодняшнее собраніе“, сказалъ кто-то. „Зачѣмъ ставить число?“ „Pourquoi dater?“ отвѣтилъ Мирабо.

Подумайте, что ихъ тысяча двѣсти, что они не только говорятъ, но читаютъ свои рѣчи, и даже заимствуютъ и крадутъ чужія рѣчи для прочтенія. При тысячѣ двухстахъ краснорѣчивыхъ ораторахъ и ихъ Ноевомъ потопѣ кричащихъ общихъ мѣстъ, недостижимое молчаніе должно было казаться единственнымъ блаженствомъ въ жизни. Но представьте еще тысячу двѣсти памфлетистовъ, жужжащихъ непрерывными памфлетами,—и никого, кто бы заткнулъ имъ рты! Самый порядокъ кажется не такимъ совершеннымъ, какъ на американскомъ конгрессѣ. Здѣсь у сенатора нѣтъ собственнаго бюро и газеты, а та-

---

[1]) Moniteur, № 67 (Hist. Parl.).

[2]) Dumont, Souvenirs sur Mirabeau, p. 255.

баку (тѣмъ менѣе, трубокъ) нѣтъ и въ поминѣ. Даже разговоръ долженъ вестись тихимъ голосомъ, съ постоянными перерывами; только „записки карандашемъ“ циркулируютъ свободно „въ невѣроятномъ количествѣ, вплоть до подножія самой трибуны“ [1]). Вотъ какое трудное дѣло—возрожденіе націи, усовершенствованіе „теоріи неправильныхъ глаголовъ“.

ГЛАВА III.

Всеобщій переворотъ.

О королевскомъ дворѣ, въ данную минуту, почти нечего сказать. Безмолвны и пустынны его залы; королевская власть томится, покинутая богомъ войны и всѣми своими надеждами, пока вновь не соберется Oeil-de-Boeuf. Скипетръ выпалъ изъ рукъ короля Людовика; онъ—въ Salle des Menus, въ парижской ратушѣ или неизвѣстно гдѣ. Въ іюльскіе дни, когда всѣ уши были еще оглушены крахомъ Бастиліи, и министры и принцы разсѣялись на всѣ четыре стороны, казалось, что даже лакеи сдѣлались туги на ухо. Безанваль, тоже бѣжавшій въ безконечное пространство, но задержавшійся нѣсколько въ Версалѣ, обратился къ его величеству лично за приказаніемъ относительно почтовыхъ лошадей; какъ вдругъ „дежурный лакей фамильярно становится между его величествомъ и мною, вытягивая свою подлую шею, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Его величество, вспыхнувъ гнѣвомъ, быстро повернулся и схватился за каминные щипцы. Я осторожно удержалъ его; онъ съ благодарностью сжалъ мою руку, и я замѣтилъ слезы на его глазахъ“ [2]).

Бѣдный король! Вѣдь, и французскіе короли тоже люди. Самъ Людовикъ четырнадцатый, однажды, схватилъ щипцы и даже бросилъ ими; но тогда дѣло шло о Лувуа, а вмѣшалась г-жа Ментенонъ. Королева сидитъ и плачетъ въ своихъ внутреннихъ покояхъ, окруженная безпомощными женщинами; она достигла „высшей степени непопулярности“ и всѣ считаютъ ее злымъ геніемъ Франціи. Ея друзья и довѣренные совѣтники всѣ бѣжали, и бѣжали, несомнѣнно, съ безумнѣйшими порученіями. Замокъ Полиньяковъ еще сердито вздымается на своемъ „дерзкомъ и огромномъ кубическомъ утесѣ“, среди цвѣтущихъ полей, опоясанный голубой лентой Овернскихъ горъ [3]); но ни герцогъ, ни герцогиня Полиньякъ не смотрятъ изъ его оконъ, они бѣжали, „встрѣтили Неккера въ Базелѣ“ и не вернутся. Что Франціи придется увидѣть свое дворянство противящимся неодолимому, неизбѣжному съ гнѣвными лицами, — это было несчастьемъ, не неожиданностью; но что оно противилось съ лицомъ и чувствами капризнаго ребенка,—это составляло ея особенность. Оно не понимало ничего, не хотѣло ничего понять. Развѣ въ этотъ часъ, въ замкѣ Гомъ [4]), не сидитъ, задумавшись, новый Полиньякъ, первенецъ тѣхъ двухъ, въ изумленіи, отъ котораго онъ никогда не оправится, самый смущенный изъ всѣхъ смертныхъ на землѣ?

Король Людовикъ назначилъ новое министерство исключительно изъ популярныхъ лицъ. Старый президентъ Помпиньянъ, Неккеръ, возвращающійся съ тріумфомъ, и другіе въ томъ же родѣ [5]). Но что изъ этого? Какъ сказано, настоящій скипетръ, а не просто лишь деревянный позолоченный жезлъ, находится въ другомъ мѣстѣ. Силы воли, рѣшимости нѣтъ въ этомъ человѣкѣ: только простодушіе, безпечность. Онъ полагается на всѣхъ, кромѣ самого себя, на всѣ

---

[1]) Dumont (p.p. 159—67); Arthur Young и др..

[2]) Besenval, III, 419.

[3]) Arthur Young, I, 165.

[4]) A. D. 1835.

[5]) Montgaillard, II, 108.

обстоятельства, кромѣ тѣхъ, которыя еще въ его власти. Такъ смущенъ Версаль во всемъ внутреннемъ существѣ и въ своихъ дѣлахъ. Прекрасный, сіяющій, какъ солнце, если смотрѣть издали, а вблизи скорѣе солнечная атмосфера, скрывающая тьму, смутное начало разрушенія.

Но по всей Франціи идетъ безспорнѣйшее „уничтоженіе формулъ" и вытекающее изъ этого исправленіе дѣйствительности. Сколько милліоновъ лицъ, скованныхъ, почти задушенныхъ формулами, жизнь которыхъ, тѣмъ не менѣе, хотя бы въ смыслѣ пищеваренія и голода, была достаточно реальной! Небо, наконецъ, послало обильную жатву; но что за польза отъ нея бѣдному человѣку, если земля со своими формулами противится ея сбору? Промышленность, въ эти мятежныя времена, поневолѣ покоится сномъ: капиталъ не циркулируетъ, какъ обыкновенно, а робко прячется по угламъ. Бѣдному человѣку не хватаетъ работы, не хватаетъ, слѣдовательно, денегъ; но даже будь у него деньги, нѣтъ хлѣба, который можно было бы купить на нихъ. Будь то заговоры аристократовъ, интриги орлеановъ, будь то разбойники, нечеловѣческій ужасъ и бряцанье серебрянаго лука Ѳеба Аполлона,—все равно: на рынкахъ нѣтъ хлѣба, рынокъ полонъ одной только смутой. Поселяне какъ будто лѣнятся молотить; они или „подкуплены", или не нуждаются въ подкупѣ при постоянно поднимающихся цѣнахъ; притомъ же и аренда взыскивается, можетъ быть, не такъ настоятельно. Муниципальныя постановленія относительно того, „что при продажѣ извѣстнаго числа мѣръ пшеницы должно продавать столько же мѣръ ржи", и тому подобныя, какъ это ни странно, тоже мало мѣняютъ дѣло. Драгуны съ обнаженными шашками стоятъ рядами среди мѣшковъ съ зерномъ и часто бываетъ больше драгуновъ, чѣмъ мѣшковъ [1]). Хлѣбные бунты не прекращаются, нерѣдко выростая въ мятежи гораздо болѣе мрачнаго характера.

Голодовки были знакомы французскому народу и раньше, знакомы и привычны. Развѣ мы не видѣли голода въ 1775 году, когда народъ, несчастный и оборванный, съ желто-блѣдными лицами, подавалъ петицію о своихъ бѣдствіяхъ и въ отвѣтъ получилъ совершенно новую висѣлицу въ сорокъ футовъ вышины? Голодъ и мракъ въ теченіе долгихъ лѣтъ! Оглянемся назадъ, на тотъ парижскій бунтъ, когда одно высокопоставленное лицо, истощенное благодаря своимъ дебошамъ, по распространенному мнѣнію, нуждалось въ кровавыхъ ваннахъ; и матери, въ разорванныхъ платьяхъ, но съ сердцами подъ ними, „наполняли общественныя мѣста" своими дикими криками мщенія, онѣ были усмиряемы тоже висѣлицей. Двадцать лѣтъ назадъ, Другъ людей (проповѣдывавшій глухимъ), описывая Лимузенскихъ крестьянъ, говорилъ, что у нихъ взглядъ, подавленный горемъ (Souffre-Douleur), взглядъ, разучившійся жаловаться, „какъ будто угнетеніе великихъ міра представлялось имъ вродѣ града и грома, чѣмъ-то непоправимымъ, неизбѣжнымъ, какимъ то велѣніемъ природы". А теперь, что будетъ, если въ какой-нибудь великій часъ сотрясеніе отъ падающей Бастиліи разбудитъ васъ и вы найдете, что этотъ порядокъ искусственный, поправимый, уничтожимый!

Или читатель забылъ тотъ „потокъ дикихъ", которые, на глазахъ самого Друга людей, спустились съ горъ Монъ-д'Оръ? То были угрюмыя лица, съ обвислыми волосами, изможденныя фигуры, въ высокихъ деревянныхъ башмакахъ, въ шерстяныхъ курткахъ и кожаныхъ, съ мѣдными гвоздями, поясахъ. Они перекачивались съ ноги на ногу и отбивали тактъ локтями, когда начались драки и сраженія, которыхъ недолго пришлось дожидаться, и свирѣпо ликовали, а тощія ихъ лица искажались подобіемъ жестокаго смѣха. Это были люди темные и ожесточенные, долго служившіе добычей акцизныхъ чиновниковъ, сборщиковъ податей и „писцовъ съ холодно брыжжущими перьями". Сбылось пророчество нашего стараго маркиза, котораго никто не хотѣлъ слушать. „Правительство, играю-

---

[1]) Arthur Young, I, 129.

щее въ жмурки, зашедшее въ своихъ спотыканьяхъ слишкомъ далеко, кончитъ тѣмъ, что все у него перекувырнется—culbute générale"!

Никто не хотѣлъ слушать, каждый беззаботно шелъ своимъ путемъ, а время и судьба тоже шли своимъ. Играющее въ жмурки правительство, спотыкаясь, дошло до неизбѣжной для него пропасти. Темные бѣдняки, погоняемые писцами, съ „холодно и подло брыжжущими перьями", согнаны были въ союзъ бѣдняковъ! И теперь къ нимъ пришла на бумажныхъ крыльяхъ парижскихъ газетъ, а гдѣ нѣтъ газетъ [1]), на крыльяхъ слуховъ и догадокъ, страннѣйшая, смутная вѣсть: угнетеніе не неизбѣжно, Бастилія взята, и скоро будетъ готова конституція! Чѣмъ можетъ быть эта конституція,— если только она что-нибудь, а не ничто,—кромѣ хлѣба для питанія?

Нашъ путешественникъ, въѣзжая на гору „съ поводьями въ рукѣ", замѣчаетъ „бѣдную женщину", по обыкновенію олицетвореніе тяжелой работы и нужды, по виду лѣтъ шестидесяти, „хотя ей нѣтъ еще двадцати восьми". У ея бѣднаго горемыки-мужа и у нея семь человѣкъ дѣтей,—мыза, одна корова, помогающая кормить дѣтей, лошаденка. Они должны платить аренду, денежный оброкъ, церковную десятину, королевскіе налоги и всякіе другіе: отбывать барщину, носить куръ этому вельможѣ, мѣшки овса тому, времена поистинѣ невозможныя. Она слышала, что гдѣ-то, какъ-то, что-то дѣлается для бѣднаго народа: „Пошли, Господь, поскорѣе", говоритъ она: „а то долги и налоги раздавятъ насъ (nous écrasent)" [2]).

Высказываются великолѣпныя пророчества, но они не исполняются. Сколько разъ нотабли собирались и расходились, сколько было интригъ и уловокъ, преній и разговоровъ, сколько споровъ между властями, — а хлѣба все еще нѣтъ. Жатва снята и свезена, а хлѣба нѣтъ. Побуждаемые отчаяніемъ и надеждой, что могутъ сдѣлать бѣдняки, какъ не возмутиться и не произвести всеобщій переворотъ?

Вообразите же, что около пяти милліоновъ такихъ истощенныхъ фигуръ, съ испитыми лицами (figures hâves), въ шерстяныхъ курткахъ, въ кожаныхъ поясахъ съ мѣдными гвоздями и высокихъ деревянныхъ башмакахъ, вдругъ поднимаются шумя какъ лѣсъ, и послѣ долгихъ безконтрольныхъ вѣковъ бросаютъ своимъ чисто вымытымъ высшимъ классамъ слѣдующій вопросъ: Какъ вы обращались съ нами, какъ вы учили, кормили и направляли насъ въ то время, какъ мы за васъ работали? Отвѣтъ дадутъ зарева пожаровъ на ночномъ лѣтнемъ небѣ. Вотъ пища и руководительство, которыя мы отъ васъ получали: пустота кармана, желудка, головы и сердца. И теперь глядите, въ насъ нѣтъ ничего, ничего, кромѣ того, что природа даетъ дикимъ сынамъ пустыни: жестокости и аппетита, силы, основанной на голодѣ. Указали ли вы, въ вашихъ „правахъ человѣка", что человѣкъ не долженъ умирать съ голода, пока есть хлѣбъ, сжатый имъ? Въ „силахъ человѣка" это отмѣчено.

Семьдесятъ два замка сгорѣли до тла, въ одномъ Маконне и Божоле; это, повидимому, центръ пожаровъ; но они распространяются на Дофине, Эльзасъ, Ліонне; весь юго-востокъ пылаетъ. На всемъ сѣверѣ, отъ Руана до Меца, царитъ безпорядокъ; контрабандисты, переносящіе соль, открыто ходятъ вооруженными шайками; городскія заставы сожжены; таможенные, податные чиновники и другія офиціальныя лица принуждены бѣжать. „Ожидали, говоритъ Юнгъ, что народъ отъ голода возмутится"; и мы видимъ, что оно такъ и есть. Отчаявшіеся бѣдняки, давно бродившіе безъ цѣли, теперь, обрѣтя надежду въ самомъ отчаяніи, вездѣ образуютъ ядро мятежа. Они бьютъ набатъ въ церковные колокола и община выходитъ на работу [3]). Жестокость, свирѣпость, голодъ и месть,—можно себѣ представить, какая пойдетъ работа!

---

[1]) Arthur Young, I, 137, 150 и пр.

[2]) Arthur Young, I, 134.

[3]) Histoire Parlementaire, II, 243—6.

Прибавимъ еще одно маленькое обстоятельство, и только одно: въ осенніе мѣсяцы нашъ раздражительный Артуръ (Юнгъ) „въ теченіе нѣсколькихъ дней былъ преслѣдуемъ“ выстрѣлами, дробью и пулями, „пять или шесть разъ попадавшими въ мою коляску, или свиставшими мимо моихъ ушей“; вся чернь со всей окрестности отправилась бить дичь! [1]) И дѣйствительно, на утесахъ Дувра, на всѣхъ границахъ Франціи, этой осенью замѣчаются два явленія: эмигрирующія вереницы французской знати и крилатыя эмигрирующія вереницы французской дичи. Кончена, можно сказать, или почти кончена охрана дичи въ этой странѣ, кончена навсегда. Роль, которую она должна была сыграть въ исторіи цивилизаціи, сыграна: plaudite, exeat.

Такимъ образомъ санкюлотизмъ начинаетъ пылать, освѣщая многія вещи; производя, между прочимъ, какъ мы видѣли, получудесную ночь четвертаго августа въ національномъ собраніи,—получудесную, имѣющую свои причины и свои послѣдствія. Феодализмъ пораженъ на смерть; не только на бумагѣ и чернилами, но на самомъ дѣлѣ, огнемъ, можно сказать, самосожженіемъ. Когда, этотъ пожаръ уменьшится на юго-востокѣ, онъ перейдетъ на западъ и еще куда нибудь и не погаснетъ, пока не сгоритъ все топливо.

ГЛАВА IV.

Въ хвостѣ.

Если мы обратимся теперь къ Парижу, то намъ бросится въ глаза слѣдующее: около булочныхъ стоятъ очереди или хвосты; длинные ряды покупателей, выстроившихся хвостомъ, такъ что передовой получаетъ первымъ,—если только лавка откроется! Это ожиданіе въ хвостѣ, котораго не замѣчалось съ первыхъ чиселъ іюля, въ августѣ возобновляется. Современемъ мы увидимъ, что практика усовершенствуетъ его почти до степени искусства; и искусство, или quasi-искусство, стоянія въ хвостѣ становится одной изъ характерныхъ чертъ парижанъ, отличающей ихъ отъ всѣхъ остальныхъ народовъ.

И подумайте: въ то время, когда работы такъ мало, человѣкъ долженъ не только достать денегъ, но (если жена его слишкомъ слаба, чтобы ждать и драться) дежурить полдня въ хвостѣ, передъ булочной, пока ему не удастся обмѣнить ихъ на дорогой и плохой хлѣбъ! Ссоры, доходящія иногда до драки и кровопролитія, неминуемо должны возникать въ этихъ раздраженныхъ хвостахъ. А если не ссоры, то дружное Pange Lingua жалобъ на правящія власти. Франція начала свой длинный curriculum голодовокъ, болѣе поучительный и производительный, чѣмъ всѣ академическіе curriculum'ы, и простирающійся на семь тяжкихъ лѣтъ. „До многаго можетъ довести голодъ“, какъ говоритъ Жанъ-Поль о своей собственной жизни.

Или обратите вниманіе на странный контрастъ юбилейныхъ церемоній, такъ какъ въ общемъ, картина Парижа представляетъ эти двѣ черты: юбилейныя церемоніи и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. Проходитъ довольно много процессій изъ молодыхъ женщинъ, разукрашенныхъ трехцвѣтными лентами; онѣ направляются съ пѣніемъ и барабаннымъ боемъ къ ракѣ Святой Женевьевы благодарить ее за паденіе Бастиліи. Нѣтъ недостатка и въ ревностныхъ торговцахъ и торговкахъ съ букетами и рѣчами. Аббатъ Фоше, знаменитый въ этомъ дѣлѣ (аббатъ Лефевръ могъ только раздавать порохъ), благословляетъ трехцвѣтную ткань для національной гвардіи и дѣлаетъ ее національнымъ трехцвѣтнымъ флагомъ, который въ борьбѣ за гражданскую и религіозную свободу побѣдоносно развѣвается, или будетъ развѣваться, надъ міромъ. Фоше, говоримъ мы, человѣкъ молебновъ и публичныхъ освященій, на которыя, какъ въ

---

[1]) Young, I, 176.

случаѣ освященія флага, наша національная гвардія отвѣчаетъ залпами мушкетовъ, наполняя соборъ Богоматери, несмотря на то, что это церковь [1]), шумомъ и дымомъ этого многозначительнаго: Аминь.

Все же мы должны сказать, что нашъ новый мэръ Бальи и нашъ новый коммендантъ Лафайетъ, называемый также „Сципіономъ Американскимъ", купили свое производство дорогой цѣной. Бальи разъѣзжаетъ въ золоченой придворной каретѣ съ лейбъ-гвардейцами и большою пышностью; Камиллъ Демуленъ и другіе фыркаютъ на него за это; Сципіонъ возсѣдаетъ на „бѣломъ ратномъ конѣ" и размахиваетъ гражданскимъ плюмажемъ передъ лицомъ всей Франціи. Ни тому, ни другому, однако, не дается это даромъ, а поистинѣ, за непомѣрную цѣну. Вотъ за какую именно: прокормить Парижъ и удержать его отъ драки. Около семнадцати тысячъ самыхъ нуждающихся заняты копаніемъ канавъ на Монмартрѣ; имъ платятъ изъ городскихъ фондовъ по десяти пенсовъ въ день, на которые, по рыночной цѣнѣ, можно купить около двухъ фунтовъ плохого хлѣба; когда Лафайетъ является къ нимъ говорить рѣчь, лица ихъ очень желты. Городская ратуша работаетъ день и ночь: она должна родить хлѣбъ, муниципальную конституцію, всевозможные уставы; должна обуздывать санкюлотскую печать; но прежде всего дать хлѣба, хлѣба!

Аббатъ Фоше.

Провіантскіе чиновники бродятъ по странѣ вдоль и поперекъ, съ чисто львиной алчностью: открываютъ утаенное зерно, покупаютъ явное; кроткими или насильственными способами, они должны найти хлѣбъ во что бы то ни стало. Въ высшей степени неблагодарная задача и такая трудная, такая опасная — даже если и заработаешь при этомъ какую нибудь бездѣлицу! Девятнадцатаго августа запасовъ имѣется только на одинъ день [2]). Слышатся жалобы, что провизія порченая и дурно дѣйствуетъ на желудокъ: не мука, а парижская известка. Но городской совѣтъ въ своей прокламаціи убѣждаетъ пренебречь этими болями въ желудкѣ, „а также въ горлѣ и небѣ" и даже считать ихъ весьма полезными. Мэръ Сенъ Дени былъ повѣшенъ страдающей желудкомъ чернью на фонарѣ, до того былъ черенъ его хлѣбъ. Національная гвардія охраняетъ парижскій хлѣбный рынокъ; сначала достаточно десяти человѣкъ, а потомъ требуется уже шесть сотъ [3]). Много вамъ дѣла, Бальи, Бриссо де Варвиль, Кондорсе, и прочіе!

Какъ уже упомянуто, сверхъ всего этого, должна быть выработана муниципальная конституція. Старые бастильскіе избиратели, послѣ десятидневныхъ восхваленій своей славной побѣды, начинаютъ слышать недовольные вопросы: Кто васъ сюда поставилъ? Слѣдовательно, имъ приходится, не безъ стенаній и ворчанія съ обѣихъ сторонъ, уступить мѣсто новому, болѣе многолюдному обществу, спеціально избранному на этотъ постъ. Это новое собраніе, увеличенное, измѣняемое и утвержденное окончательно въ количествѣ трехсотъ съ титуломъ городскихъ представителей (Représentants de la Commune), засѣдаетъ теперь пунктуально, раздѣленное на комитеты, и усердно занимается конституціей во всѣ моменты, когда не ищетъ муки.

---

[1]) Hist. Parl. III, 20, Mercier, Nouveau Paris.

[2]) Bailly, Memoires, II. 137—409.

[3]) Hist. Parl. II, 421.

И какой конституціей! почти что чудесной, которая должна „закрѣпить революцію“. Значитъ, революція окончилась? Мэръ Бальи и всѣ почтенные друзья свободы желали бы такъ думать. Ваша революція, подобно достаточно у к и п ѣ в ш е м у желе, нуждается, значитъ, только въ томъ, чтобы быть разлитой по ф о р м а м ъ конституціи и въ нихъ „затвердѣть?“ Если бы она, въ самомъ дѣлѣ, намѣревалась з а с т ы т ь! Однако, послѣднее-то и сомнительно; скорѣе даже н е сомнительно обратное.

Злополучные друзья свободы, закрѣпляющіе революцію! Вы должны сидѣть за работой, раскинувъ свою палатку надъ самимъ хаосомъ, между двумя враждебными мірами, — придворнымъ міромъ наверху и міромъ санкюлотовъ внизу; и, тѣснимые обоими, трудиться мучительно, съ опасностью,—работая въ буквальномъ смыслѣ надъ „невозможнымъ!“

Г Л А В А V.

Четвертое сословіе.

Памфлетисты разѣваютъ свою бездонную пасть все шире и шире, и ничѣмъ не закрыть ее. Наши философы, дѣйствительно, охотнѣе отступаютъ по примѣру Мармонтеля, „отступившаго съ отвращеніемъ въ первый же день“. Аббатъ Рейналь, посѣдѣвшій и успокоившійся въ своемъ марсельскомъ жилищѣ, не особенно этимъ доволенъ; послѣдній литературный актъ этого человѣка опять будетъ актомъ возмущенія: негодующее П и с ь м о к ъ У ч р е д и т е л ь н о м у С о б р а н і ю, отвѣтомъ на которое является „переходъ къ очереднымъ дѣламъ“. Философъ Морелле то же недовольно морщитъ лобъ, такъ какъ его духовному посту дѣйствительно угрожаетъ это четвертое августа; ясно, что дѣло заходитъ слишкомъ далеко. Удивительно, что эти „тощія фигуры въ шерстяныхъ курткахъ“ не хотятъ, подобно намъ, удовольствоваться разсужденіями и побѣдоноснымъ анализомъ!

Увы, да! Разсужденія, философствованія, нѣкогда украшеніе и достояніе гостиныхъ, перечеканиваются теперь на болѣе практическія предложенія и циркулируютъ съ громаднымъ успѣхомъ по улицамъ и большимъ дорогамъ, повсюду! Возникаетъ четвертое сословіе ловкихъ журналистовъ, которое растетъ неудержимо, неизмѣримо. Возникаютъ все новыя и новыя типографіи, новыя газеты (такимъ зудомъ объятъ міръ); пускай наши триста обуздываютъ и утверждаютъ ихъ, какъ могутъ! Лустало, подъ крыломъ скучно-хвастливаго писаки Прюдома, издаетъ еженедѣльно свои R é v o l u t i o n s d e P a r i s, въ ѣдкомъ, напыщенномъ тонѣ. Язвительный и острый, какъ терновый спиртъ или купоросъ, Маратъ въ Д р у г ѣ Н а р о д а бьетъ на то, что національное собраніе, переполненное аристократами, ничего не можетъ сдѣлать, ему остается только разойтись и уступить мѣсто другому, лучшему, и что городскіе представители немногимъ лучше болтуновъ и дураковъ, если не плуты. Человѣкъ этотъ бѣденъ, неопрятенъ и живетъ на чердакѣ; онъ непріятенъ по наружности и по внутреннимъ качествамъ, человѣкъ, точно проклятый,—и вотъ онъ сдѣлался фанатикомъ, одержимымъ навязчивой идеей. Жестокая игра природы! Бѣдный Маратъ! Природа, словно ради жестокой забавы, смѣсила тебя изъ всякихъ остатковъ и разной негодной глины и вышвырнула, какъ мачиха,— тебя, само смятенье, въ это смятенное восемнадцатое столѣтіе. Тамъ тебѣ предъопредѣлено дѣло, которое ты и сдѣлаешь. Совѣтъ трехсотъ призывалъ и опять призоветъ Марата; но онъ все каркаетъ достаточно основательные отвѣты, онъ будетъ противиться, увертываться и ничѣмъ его не остановить.

Карра, „экс-секретарь одного обезглавленнаго господаря“ и потомъ кардинала ожерелья, также памфлетистъ и авантюристъ, подвизавшійся въ разныхъ сферахъ и странахъ, присасывается къ Мерсіе изъ T a b l e a u d e P a r i s и съ

пѣной у рта предлагаетъ Annales Patriotiques. Moniteur идетъ успѣшно; Барреръ, пока еще лояльный, „плачетъ“ на бумагѣ. Риваролъ, Руаю не бездѣйствуютъ. Одно вызываетъ другое: Dominum Salvum Fac Regem вызываетъ Pange Lingua; рядомъ съ Ami-du-Peuple есть газета Ami du Roi, дружественная королю. Камиллъ Демуленъ самъ назвалъ себя Procureur Général de la Lanterne,—генеральнымъ прокуроромъ фонаря, и отстаиваетъ подъ этимъ свирѣпымъ титуломъ, но безъ жестокости, свои взгляды, издавая еженедѣльно свои блестящія „Революціи Парижа и Брабанта“. Блестящія, говоримъ мы потому, что, если въ этомъ густомъ мракѣ журнализма, съ его скучнымъ хвастовствомъ, съ его сдержаннымъ или разнузданнымъ бѣшенствомъ,

Свобода печати.

блеснетъ гдѣ нибудь лучъ генія, то навѣрное онъ исходитъ отъ Камилла. Все, къ чему онъ прикоснется, украшается его легкими пальцами; ясная, кроткая веселость начинаетъ неожиданно играть среди мрачнаго смятенія, часто слово Камилла достойно прочтенія, тогда какъ слова другихъ не заслуживаютъ этого. Загадочный Камиллъ, ты сіяешь ниспадающимъ, мятежнымъ, но все еще полунебеснымъ свѣтомъ, словно звѣзда во лбу Люцифера! Сынъ утра, въ какія времена и въ какую страну ты попалъ!

Но во всякомъ дѣлѣ есть что нибудь хорошее,—хотя нѣтъ ничего хорошаго въ „утвержденіи революціи". Тысячи пудовъ этого памфлетнаго и газетнаго матеріала лежатъ и медленно гніютъ въ публичныхъ библіотекахъ Европы. Выхваченные библіоманами изъ великой пучины, подобно тому, какъ искатели жемчуга выхватываютъ раковины, они сначала должны сгнить, а потомъ то, что является жемчугомъ, у Камилла или у другихъ, можетъ быть признано таковымъ, и таковымъ и останется.

И публичныхъ рѣчей тоже не убавилось, хотя Лафайетъ и его патрули смотрятъ на это косо. Шумно въ Пале-Роялѣ, всего шумнѣе въ Кафе де Фойе, такая тамъ толпа гражданъ и гражданокъ. „Отъ времени до времени" по словамъ Камилла: „нѣкоторые граждане пользуются свободой прессы (давкой) для своихъ личныхъ цѣлей; такъ что тотъ или другой патріотъ оказываются безъ часовъ или безъ носового платка!" Впрочемъ, по мнѣнію Камилла, ничто не можетъ дать болѣе живого представленія о римскомъ форумѣ. „Какой нибудь патріотъ высказываетъ предложеніе; если онъ находитъ сторонниковъ, то они заставляютъ его встать на стулъ и говорить. Если ему апплодируютъ, онъ блаженствуетъ и печатается; если его освистываютъ, онъ уходитъ, отправляется своей дорогой". Такъ люди расхаживаютъ и разглагольствуютъ. Больше всего видно и слышно длиннаго косматаго маркиза Сенъ-Гюрюжа, человѣка, понесшаго заслуженныя потери. Ревъ, похожій на ревъ быка, характерная особенность его голоса, заглушающаго всѣ голоса и часто заставляющаго трепетать людскія сердца. Треснула или на половину треснула голова этого длинаго маркиза, но не треснули его легкія; безумное и не безумное равно послужитъ ему на пользу.

Подумайте также, что каждый изъ 48-ми округовъ имѣетъ собственный комитетъ, постоянно говорящій и предлагающій, помогающій въ исканіи хлѣба и въ исканіи конституціи, задерживающій и побуждающій бѣдныхъ трехсотъ въ городской ратушѣ. Подумайте, что Дантонъ—президетъ округа Кордельеровъ, который сдѣлался уже лономъ патріотизма; что кромѣ 17 тысячъ „совершенно неимущихъ, копающихъ канавы на Монмартрѣ", большинство которыхъ, на самомъ дѣлѣ, отпущено въ пространство „съ 4-мя шиллингами въ карманѣ"—существуютъ еще: забастовка, или союзъ слугъ безъ мѣста, которые собираются для публичныхъ рѣчей; затѣмъ, забастовка портныхъ, такъ какъ и они хотятъ бунтовать и говорить, забастовка сапожныхъ подмастерьевъ, аптекарей,—такъ дорогъ сталъ хлѣбъ! [1]) Всѣ они, забастовавъ, должны говорить, обыкновенно подъ открытымъ небомъ, и принимать рѣшенія. Лафайетъ и его патрули подозрительно смотрятъ на нихъ издали.

Злополучные смертные; сколько волненій, борьбы, взаимной давки для того, чтобы какъ нибудь посноснѣе раздѣлить общее счастье человѣчества на землѣ, когда вся дѣлимая сумма его — просто куча скорлупы. Усердны триста; никто не сравняется съ Сципіономъ-Американскимъ въ обхожденіи съ чернью. Но несомнѣнно, все это предвѣщаетъ мало хорошаго для упроченія революціи.

---

[1]) Histoire Parlementaire, II, 359, 417, 423.

КНИГА VII.

Возстаніе женщинъ.

ГЛАВА I.

Патрули.

Нѣтъ, друзья, эта революція не изъ такихъ, которыя создаютъ что-либо прочное, незыблемое. Развѣ пожары, лихорадки, посѣянныя сѣмена, химическія соединенія, люди, событія, всякое воплощеніе силы, которое проявляетъ свою энергію въ этомъ чудесномъ соединеніи силъ, называемомъ вселенной,—растутъ не безпрерывно во всѣхъ своихъ естественныхъ фазахъ и степеняхъ развитія, каждое соотвѣтственно своему особому роду? Не достигаютъ своего апогея, затѣмъ и момента видимаго упадка, въ концѣ концовъ постепенно пропадаютъ, развѣ они не исчезаютъ—то, что мы называемъ умираютъ? Всѣ они растутъ; нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы не росло, не развивалось въ присущемъ ему объемѣ, разъ ему дана возможность пустить ростки. Замѣтьте притомъ, что все растетъ съ той быстротой, которая вообще пропорціональна заключающейся въ немъ долѣ безумія и болѣзненности; медленный правильный ростъ, хотя и кончается также смертью, мы называемъ здоровьемъ и уравновѣшенностью.

Про санкюлотизмъ, который опрокинулъ Бастилію, вооружился пикой и ружьемъ и теперь сжигаетъ замки, постановляетъ резолюціи и держитъ рѣчи подъ кровлями и открытымъ небомъ, можно сказать, что онъ пустилъ ростокъ и, согласно закону природы, долженъ расти. Судя по безумію и болѣзненности, присущихъ какъ ему самому, такъ и той почвѣ и тѣмъ элементамъ, въ которыхъ онъ развивается, можно ожидать отъ него необычайной быстроты и уродливости.

Вѣдь, многое, въ особенности все больное, растетъ порывами и скачками. Первый рѣзкій припадокъ и скачекъ въ ростѣ санкюлотизма заключался въ побѣдѣ Парижа надъ своимъ королемъ, такъ какъ риторическая фигура Бальи была слишкомъ печальной истиной. Король побѣжденъ; отпущенъ на свободу на честное слово; съ условіемъ, конечно, абсолютно хорошаго поведенія, что, при этихъ обстоятельствахъ, будетъ означать, къ несчастью, отсутствіе всякаго поведенія. Совершенно невыносимое положеніе величества, поставленнаго въ зависимость отъ своего поведенія! Увы, развѣ не естественно, что все живое стремится сохранить себя живымъ? Вслѣдствіе этого поведеніе его величества скоро становится предосудительнымъ; а потому второй сильный скачекъ санкюлотизма—взятіе короля подъ стражу, уже не можетъ быть далекъ.

Неккеръ въ національномъ собраніи плачется, по обыкновенію, на дефицитъ: заставы и таможни сожжены; сборщикъ податей изъ охотника превратился

въ травленнаго звѣря; казначейство его величества почти пусто. Помочь можетъ заемъ въ тридцать милліоновъ; а впослѣдствіи, на еще болѣе заманчивыхъ условіяхъ, заемъ въ восемьдесятъ милліоновъ. Но, къ несчастью, биржевые тузы не рѣшаются давать денегъ ни подъ тотъ, ни подъ другой. У биржевика нѣтъ отечества, помимо его собственной черной ставки, именуемой ажіотажемъ.

А между тѣмъ, въ эти дни, у людей, имѣющихъ отечество, какое пламя патріотизма разгорается въ сердцахъ и проникаетъ вглубь до самаго кошелька! Такъ, еще 7-го августа, Don Patriotique—„патріотическое приношеніе, состоящее изъ драгоцѣнныхъ вещей въ громадномъ количествѣ"—было торжественно предложено нѣкоторыми парижскими женщинами и торжественно принято при почетномъ отзывѣ. Съ тѣхъ поръ весь свѣтъ принимается восхвалять этотъ примѣръ и подражать ему. Патріотическіе дары, всегда въ сопровожденіи нѣкотораго героическаго краснорѣчія, на которое президентъ долженъ отвѣчать и которое собраніе должно выслушивать, стекаются со всѣхъ сторонъ въ такомъ количествѣ, что почетные отзывы могутъ быть выдаваемы лишь въ „спискахъ, печатаемыхъ черезъ извѣстные промежутки времени". Каждый даетъ, что можетъ: даже башмачники выказали себя щедрыми; одинъ землевладѣлецъ жертвуетъ свой лѣсъ; высшее общество отдаетъ свои башмачныя пряжки и весело довольствуется башмачными завязками. Несчастныя женщины даютъ то, что „онѣ собрали любовью" [1]). Деньги всегда хорошо пахнутъ, думалъ Веспасіанъ.

Великолѣпно, а все же недостаточно! Духовенство „призываютъ" выдать лишнюю церковную утварь для перечеканки ея въ королевскую монету. Въ концѣ концовъ, приходится даже прибѣгнуть, хотя и противъ воли, къ наложенію насильственной патріотической контрибуціи: уплатите, только въ этотъ единственный разъ, четвертую часть вашего годового объявленнаго дохода, тогда національное собраніе сможетъ выработать конституцію, не отвлекаясь, по крайней мѣрѣ, заботами о могущей наступить несостоятельности. Собственное жалованье членовъ, какъ было постановлено 17-го августа, составляетъ всего восемнадцать франковъ въ день на человѣка; но для отправленія государственной службы необходимы нервы, необходимы деньги. Всего лишь смягчить дефицитъ, а не „combler", не устранить его, если только вамъ или кому-либо изъ смертныхъ это было возможно! Потому что, какъ Мирабо во всеуслышаніе сказалъ: „именно дефицитъ спасаетъ насъ".

Къ концу августа, наше національное собраніе дошло въ своихъ работахъ до вопроса о Veto: будетъ ли имѣть его величество право Veto по отношенію къ національнымъ постановленіямъ, или не будетъ у него этого права? Какія рѣчи произносились при этомъ внутри и снаружи зала собранія! То были рѣчи полныя ясной и притомъ страстной логики; проклятія, угрозы, къ счастью, преданныя по большей части забвенію! Благодаря надтреснутымъ мозгамъ, но здоровымъ легкимъ Сенъ-Гюрюжа весь Пале-Рояль реветъ о veto. Журналистика занята имъ, вся Франція звучитъ однимъ veto. „Я никогда не забуду, говоритъ Дюмонъ, мою поѣздку въ Парижъ на этихъ дняхъ вмѣстѣ съ Мирабо; и ту толпу народа, которую мы застали въ ожиданіи его экипажа, близь лавки книготорговца Ле-Жей. Толпа бросилась къ нему навстрѣчу; заклинала его со слезами на глазахъ не допускать до veto absolu. Эти люди были точно въ горячкѣ: „Господинъ графъ, вы отецъ народа, вы должны насъ спасти; вы должны защитить насъ противъ тѣхъ мошенниковъ, которые насъ снова ведутъ къ деспотизму. Если король получитъ право veto, какое значеніе останется за національнымъ собраніемъ? Мы будемъ рабами; все будетъ кончено" [2]). Друзья, еслибъ небо упало на землю, можно было бы поймать много жаворонковъ! Мирабо, прибавляетъ Дюмонъ, былъ великъ въ такихъ случаяхъ:

---

[1]) Historiare Plementaire, II, 427.

[2]) Souvenirs sur Mirabeau, p. 156.

онъ отвѣчалъ неопредѣленно, съ невозмутимостью истиннаго патриція, и не бралъ на себя никакихъ обязательствъ.

Въ ратушу посылаются депутаціи; въ національное собраніе приходятъ анонимныя письма къ аристократамъ съ угрозами, что пятнадцать, а не то и шестьдесятъ тысячъ „выступятъ, чтобъ просвѣтить васъ". Всѣ участки Парижа поднялись, подписываются петиціи: Сенъ-Гюрюжъ отправляется изъ Пале-Рояля въ сопровожденіи полутора тысячъ человѣкъ для личнаго ходатайства. Высокій косматый маркизъ рѣшителенъ, или кажется таковымъ; Кафе де Фойе также; но и комендантъ Лафайетъ не менѣе рѣшителенъ. Улицы всѣ заняты патрулями: Сенъ-Гюрюжъ задержанъ у Barrière des Bons Hommes; онъ можетъ ревѣть какъ Башанскій быкъ, но принужденъ отступить. Пале-рояльская братія всю ночь въ движеніи и обсуждаетъ новые шаги подъ открытымъ небомъ, такъ какъ всѣ кофейни заперты. Тѣмъ не менѣе, Лафайетъ и городской совѣтъ торжествуютъ Сенъ-Гюрюжъ заключенъ въ тюрьму; veto absolu измѣняется въ veto suspensif, протестъ не окончательный, но лишь на извѣстный срокъ; и грозный шумъ послѣ этого смолкаетъ, подобно тому, какъ бывало и раньше.

До сихъ поръ упроченіе основъ процвѣтаетъ, хотя и съ трудомъ сдерживая нижніе слои санкюлотизма, и конституція будетъ создана. Съ трудомъ: среди ликованій и голода, патріотическихъ приношеній и ожидающихъ „хвостовъ" передъ булочными, рѣчей аббата Фоше и, какъ-бы говорящей имъ Аминь, взводной стрѣльбы! Сципіонъ-Американскій заслужилъ благодарность національнаго собранія и Франціи. Ему предлагаютъ вознагражденіе или жалованье въ приличномъ размѣрѣ; но онъ, домогающійся преимуществъ совсѣмъ другого рода, чѣмъ простыя деньги, рыцарски отказывается, ни минуты не задумываясь.

Между тѣмъ, парижскому простолюдину остается непостижимымъ одно: почему теперь, когда Бастилія взята и свобода возвращена, хлѣбъ все такъ же дорогъ какъ и былъ. Наши права человѣка вотированы, феодализмъ и всякая тиранія уничтожены; а между тѣмъ, посмотрите, мы все же стоимъ въ хвостѣ передъ булочными! Что же это значитъ: аристократы скупаютъ хлѣбъ? или дворъ все еще не оставилъ своихъ интригъ? Гдѣ либо подгнило что нибудь.

Но, увы, что же дѣлать? Лафайетъ съ своими патрулями запрещаетъ рѣшительно все, даже жалобы. Сенъ-Гюрюжъ и другіе герои вопроса о veto томятся въ заключеніи. Другъ народа, Маратъ, схваченъ; издатели патріотическихъ журналовъ лишены свободы; изданія запрещены; даже уличные разнощики не смѣютъ кричать, пока не получили на то позволенія и желѣзной бляхи. Національная гвардія въ синихъ мундирахъ безпощадно разгоняетъ всѣхъ безъ разбора; очищаетъ штыками самый Пале-Рояль. Вы идете по своимъ дѣламъ, вдоль улицы Таранъ; вдругъ патруль протягиваетъ штыкъ и кричитъ: „На-лѣво!" Вы поворачиваете въ улицу Сентъ-Бенуа,—опять раздается крикъ: „На-право!" Настоящій патріотъ (какъ, напримѣръ, Камиллъ Демуленъ) принужденъ, ради собственнаго спокойствія, держаться водосточныхъ канавъ.

О, многострадальный народъ, наша славная революція испаряется въ трехцвѣтныхъ церемоніяхъ и цвѣтистыхъ рѣчахъ! Послѣднихъ, по горькому подсчету Лустало, „было произнесено за послѣдній мѣсяцъ до двухъ тысячъ въ одной только городской ратушѣ" [1]). А наши рты, лишенные хлѣба, должны быть закрыты подъ страхомъ наказанія? Каррикатуристъ распространяетъ многозначительную картину: Le Patrouillotisme chassant le Patriotisme, патріотизмъ изгоняемый патрулями. Безпощадные патрули; длинныя, изысканно-красивыя рѣчи, и скудные, похожіе на кирпичи, плохо испеченные хлѣбы, отъ которыхъ страдаютъ кишки! Чѣмъ только все это кончится? Упроченіемъ основъ?

---

[1]) Revolutions de Paris Newspaper (Histoire Parlementaire, II, 357).

ГЛАВА II.

О, Ричардъ, о, мой король!

Увы, и въ самой ратушѣ далеко не спокойно. Низкіе слои санкюлотовъ удавалось до сихъ поръ сдерживать; но за то высшій кругъ, приверженцы двора! Явные признаки указываютъ на то, что Oeil-de-Boeuf вновь собирается съ силами.

Уже не разъ въ городскомъ синедріонѣ, а не разъ и въ этихъ трудно сдерживаемыхъ хвостахъ, ожидающихъ хлѣба, довольно громко выражалось желаніе: О, если бъ только возстановитель нашей французской свободы былъ здѣсь; если бы онъ могъ взглянуть на все не лживыми глазами королевъ и интригановъ, а своими собственными, если бъ его истинно доброе сердце могло просвѣтиться! Потому что ложь все еще окружаетъ его, въ лицѣ интригующаго герцога Гиша съ его тѣлохранителями; шпіоновъ Булье, новой стаи интригановъ, явившейся на смѣну старой разбѣжавшейся. Что-же, какъ не это, означаетъ прибытіе фландрскаго полка, его вступленіе, какъ намъ передавали, въ Версаль, 23 сентября, съ двумя пушками? Развѣ версальская національная гвардія не исполнила своего долга во дворцѣ? Развѣ не было швейцарцевъ, сотни швейцарцевъ, лейбъ-гвардейцевъ, такъ называемыхъ тѣлохранителей? Наоборотъ, число состоящихъ въ дворцовой стражѣ тѣлохранителей было, повидимому, удвоено при помощи какого-то маневра; новый смѣнный баталіонъ прибылъ въ свое время, но старый, смѣненный, не покинулъ дворца!

Въ самомъ дѣлѣ, въ наиболѣе освѣдомленныхъ высшихъ слояхъ общества передаютъ шопотомъ, или, что еще важнѣе, многознаменательно киваютъ головами, по поводу слуха о предполагаемомъ бѣгствѣ его величества въ Мецъ; объ обязательствѣ (для поддержки его въ томъ), подписанномъ дворянствомъ и духовенствомъ въ невѣроятномъ количествѣ тридцати или даже шестидесяти тысячъ человѣкъ. Лафайетъ холодно передаетъ объ этомъ шопотомъ графу д'Этенгъ за обѣденнымъ столомъ; и д'Этенгъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ въ свѣтѣ людей, содрогается до мозга костей при мысли, что какой нибудь лакей можетъ ихъ подслушать; и цѣлую ночь проводитъ безъ сна, погруженный въ свои думы [1]). Между тѣмъ фландрскій полкъ, какъ мы уже упомянули, несомнѣнно прибылъ. Его величество, говорятъ, колеблется утвердить рѣшенія четвертаго августа и высказываетъ крайне неутѣшительныя замѣчанія, даже по поводу правъ человѣка! Точно также, развѣ всѣ, даже не исключая и стоящихъ въ хвостахъ, не замѣчаютъ на улицахъ Парижа слишкомъ большого количества офицеровъ въ отпуску, крестовъ Св. Людовика и т. п.? Нѣкоторые насчитываютъ „отъ тысячи до тысячи двухсотъ“ офицеровъ въ разныхъ мундирахъ; даже въ мундирѣ, еще никогда не виданномъ: зеленомъ съ красными кантами! Трехцвѣтная кокарда не всегда замѣтна, но, Боже! что намъ предвѣщаютъ черныя кокарды, которыя носятъ иные?

Голодъ все обостряетъ, и въ особенности, подозрѣніе и недовольство. Сама дѣйствительность превращается въ этомъ Парижѣ во что-то не дѣйствительное, сверхъестественное! Призраки снова преслѣдуютъ воображеніе голодной Франціи. О, вы, лѣнтяи и трусы, кричатъ рѣзкіе голоса изъ хвостовъ, если бы въ васъ бились сердца настоящихъ мужчинъ, то вы взялись бы за свои пики, первыя попавшіяся ружья и ближе присмотрѣлись бы къ дѣлу; вы не позволили бы, чтобъ вашихъ женъ и дочерей морили голодомъ, убивали, или еще хуже! Успокойтесь, женщины! Въ сердцахъ у мужчинъ горько и тяжело; патріотизмъ, изгоняемый патрулями, еще не знаетъ на что рѣшиться.

Въ сущности, Oeil-de-Boeuf присоединился къ революціи, — неизвѣстно только, до какой степени. Новый Oeil-de-Boeuf, съ карауломъ изъ версальской

---

[1]) Brouilon de Lettre de M. d'Estaing à la Reine (въ Histoire Parlementaire, III, 24).

національной гвардіи въ трехцвѣтныхъ кокардахъ, весь разукрашенъ тремя цвѣтами, и нѣкоторые изъ аристократовъ готовы примкнуть даже къ трехцвѣтному двору. Вы, преданныя сердца, обездоленные, сожженные дворяне, собирайтесь вокругъ вашей королевы! собирайтесь съ желаніями, которыя породятъ надежды: надежды, въ свою очередь, породятъ попытки.

Такъ какъ самосохраненіе является несомнѣннымъ закономъ природы, то что же остается дѣлать вновь собравшемуся двору, какъ не предпринимать попытки, или, пожалуй, заговоры —съ тѣмъ умомъ или безуміемъ, которымъ онъ обладаетъ? Они подъ конвоемъ совершатъ бѣгство въ Мецъ, гдѣ командуетъ храбрый Булье; они поднимутъ королевскій штандартъ; подписи, данныя союзниками, обратятся въ вооруженныхъ людей. Если бъ только король былъ не такъ вялъ! Союзъ, если онъ вообще будетъ подписанъ, то это будетъ сдѣлано безъ его вѣдома. Несчастный король; онъ рѣшился только на одно: избѣгать во что бы то ни стало междоусобной войны. Помимо этого, онъ еще занимается охотой, но пересталъ дѣлать замки, и все также дремлетъ и перевариваетъ пищу; онъ не болѣе какъ глина въ рукахъ горшечника. Плохо ему будетъ въ такомъ мірѣ, гдѣ каждый отвѣчаетъ самъ за себя; гдѣ, какъ написано: „кто не можетъ быть молотомъ, тотъ будетъ наковальней"; гдѣ „даже звѣробой растетъ на стѣнѣ въ щели, потому что вся Вселенная не могла бы помѣшать ему расти".

Что же касается до вызова фландрскаго полка, то развѣ нельзя сослаться на петиціи Сенъ-Гюрюжа и на постоянные бунты черни изъ-за хлѣба. Неразвращенные солдаты всегда полезны, разъ существуетъ заговоръ, или хотя бы только неясно выраженные зачатки заговора. Развѣ версальское городское управленіе (старое монархическое, еще не превращенное въ демократическое) не поддержало это предложеніе тотчасъ же? Наоборотъ, даже версальская національная гвардія, утомленная безпрерывной службой во дворцѣ, ничего не возражала; только суконщикъ Лекуантръ, который сталъ теперь маіоромъ Лекуантръ, покачалъ головой. Да, друзья, конечно, ничего не было неестественнаго въ томъ, что послали за этимъ фландрскимъ полкомъ, разъ онъ могъ быть призванъ. Точно также было вполнѣ естественно, что, при видѣ военныхъ перевязей, сердца вновь сплотившагося Oeil-de-Boeuf снова ожили, и фрейлины, и придворные обращались съ привѣтливыми словами къ своимъ украшеннымъ эполетами защитникамъ, что повело къ обмѣну дальнѣйшихъ любезностей! Не менѣе естественно и въ сущности дѣломъ самой обыкновенной вѣжливости было приглашеніе лейбъ-гвардейцами, дворянскимъ полкомъ, своихъ фландрскихъ собратьевъ на обѣдъ, устроенный по случаю ихъ прибытія! Такое приглашеніе было послано и принято въ послѣднихъ числахъ сентября.

Обѣды считаются, какъ бы, „простѣйшимъ актомъ общенія"; люди, у которыхъ нѣтъ рѣшительно ничего общаго, могутъ съ удовольствіемъ питаться сообща и даже дойти до извѣстной братской теплоты, сидя вмѣстѣ за пищей и виномъ. Обѣдъ назначенъ на четвергъ 1-го октября и долженъ произвести самое благопріятное впечатлѣніе. Затѣмъ, такъ какъ такой обѣдъ можетъ быть очень многолюденъ и даже унтеръ-офицеры и простой народъ должны быть къ нему допущены, чтобы все видѣть и слышать, то возникла мысль,—нѣтъ ли возможности устроить его въ апартаментахъ, гдѣ помѣщалась опера его величества и гдѣ не раздавалось ни звука со времени посѣщенія императора Іосифа. Разрѣшеніе на устройство обѣда въ оперной залѣ получено; салонъ Геркулеса будетъ пріемной. Не только офицеры фландрскаго полка, но и швейцарцы изъ сотни швейцарцевъ, даже и офицеры версальской національной гвардіи, всѣ тѣ, которые обладаютъ нѣкоторой лойяльностью, должны принять участіе въ банкетѣ: это будетъ рѣдкій, исключительный банкетъ.

Теперь предположите, что часть этого банкета, по крайней мѣрѣ наиболѣе существенная, уже прошла; первая бутылка выпита. Предположите, что первые лойяльные тосты провозглашены: здоровье короля, королевы при оглушительныхъ крикахъ: ура!—здоровье націи „пропущено" или даже „отвергнуто". Пред-

положите, что шампанское льется рѣкой; при этомъ произносятся горячія рѣчи, громко звучитъ музыка; пустыя, увѣнчанныя перьями головы становятся все болѣе и болѣе шумными отъ своей собственной пустоты и окружающаго ихъ шума. Ея величеству, которая въ этотъ вечеръ была особенно грустна (его величество сидитъ утомленный отъ дневной охоты), говорятъ, что видъ пирующихъ ее разсѣетъ. Смотрите! Вотъ она входитъ, выступая изъ своихъ апартаментовъ, какъ луна изъ-за тучъ, эта прекраснѣйшая несчастная королева сердецъ; рядомъ съ ней ея царственный супругъ; на рукахъ юный дофинъ! Она спускается изъ ложи, окруженная блескомъ и радостными криками; милостиво обходитъ всѣ столы; ее съ любовью, восторженно провожаютъ; она кланяется съ присущей ей граціей; ея взглядъ полонъ горя, но и благодарности и рѣшимости; она держитъ надежду Франціи у своей материнской груди! И въ этотъ моментъ оркестръ заигралъ: O Richard, o mon Roi, l'univers t'abandonne (О, Ричардъ, о, мой король, весь міръ тебя покидаетъ). Ни одинъ человѣкъ не могъ бы при этомъ не возвыситься до высшей степени состраданія и отважной преданности! Развѣ молодые украшенные перьями юнкера могли не принять протянутыя имъ прелестными пальчиками бѣлыя кокарды Бурбоновъ; могли не обнажить своихъ шпагъ и не присягнуть на нихъ въ вѣрности своей королевѣ? Развѣ могли они не растоптать національныхъ кокардъ, не взобраться въ ложи, откуда имъ, быть можетъ, послышался недовольный ропотъ; могли не подтвердить то бурное горячечное состояніе невмѣняемости, въ которомъ они находились, своими дикими возгласами, шопотомъ, криками, шумомъ и гамомъ, какъ въ залѣ, такъ и на улицѣ? И все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока шампанское и дикій восторгъ не сдѣлали своего дѣла; тогда всѣ они свалились и лежали безмолвно; лишь въ разгоряченныхъ головахъ проносились сны о битвахъ и побѣдахъ!

Обыкновенный банкетъ; въ обыкновенное время вполнѣ безвредный; а теперь -роковой, какъ пиръ Θіеста; какъ пиръ сыновъ Іова, когда страшная буря разрушила всѣ четыре угла ихъ дома и опрокинула его на нихъ! Бѣдная неразумная Марія-Антуанетта; она обладала женской пылкостью, но не предусмотрительностью правительницы! Все было такъ естественно, а между тѣмъ такъ неразумно. На другой день ея величество торжественно заявляетъ публично, что она „въ восторгѣ отъ четверга".

Сердце Oeil-de-Boeuf горитъ надеждой, преждевременной смѣлостью. Вновь собравшіяся фрейлины, съ помощью аббатовъ, заготовляютъ „бѣлыя кокарды; раздаютъ ихъ съ милыми словами и многообѣщающими взглядами юношамъ въ эполетахъ; тѣ, въ свою очередь, цѣлуютъ не безъ увлеченья прелестные пальчики. Конные и пѣшіе капитаны расхаживаютъ, хвастая „громадными бѣлыми кокардами"; даже одинъ капитанъ изъ версальской національной гвардіи снялъ трехцвѣтную національную кокарду и надѣлъ бѣлую, такъ онъ былъ околдованъ словами и взглядами! Маіоръ Лекуантръ можетъ, сколько хочетъ, строго покачивать головой и высказывать свое недовольство. Однако, какой-то бахвалъ съ громадной бѣлой кокардой, услышавъ слова маіора, дерзко требуетъ отъ него, сначала тутъ же, а затѣмъ и въ другомъ мѣстѣ, взять свои слова обратно; въ противномъ случаѣ предлагаетъ ему драться. Но маіоръ Лекуантръ объявляетъ, что драться онъ не будетъ, по крайней мѣрѣ, по обще-принятымъ правиламъ фехтованія; но что онъ, тѣмъ не менѣе, слѣдуя однимъ законамъ природы, при помощи кинжала или шпаги, „уничтожитъ всякаго подлаго гладіатора", который дерзнетъ оскорбить его или націю; послѣ этого (такъ какъ маіоръ дѣйствительно взялся уже за шпагу) „ихъ разнимаютъ" безъ пролитія крови [1]).

---

[1]) Moniteur (Histoire Parlementaire, III, 59); Deux amis, III, 128—141; Campan, II, 70—85 etc. etc.

ГЛАВА III.

Черныя кокарды.

Но представьте себѣ, какое впечатлѣніе должны были произвести этотъ пиръ Ѳіеста и поруганіе національныхъ кокардъ въ Salle des Menus, въ умирающихъ отъ голода хвостахъ, дожидающихся очереди передъ булочными Парижа! Да къ тому же такіе Ѳіестовы пиры, повидимому, продолжаются. Фландрія отвѣтила обѣдомъ въ честь швейцарцевъ и сотни швейцарцевъ; затѣмъ въ субботу былъ данъ еще обѣдъ.

Да, здѣсь у насъ голодъ, а тамъ, въ Версалѣ, есть пища, достаточно, чтобы подѣлиться ею! Патріотизмъ стоитъ въ хвостѣ, продрогшій, измученный голодомъ, оскорбляемый патрулями въ то время, какъ кровожадные аристократы, разгоряченные роскошной жизнью и кутежами, топчутъ подъ ногами національныя кокарды. Неужели этотъ ужасъ дѣйствительная правда? А вотъ, смотрите: зеленые мундиры съ красными кантами; черныя кокарды – цвѣта ночи! Неужели на насъ напустятъ солдатъ и смерть отъ голода? Обратите вниманіе: пароходъ, который дважды въ день приходитъ изъ Корбёля съ грузомъ муки, приправленной парижскимъ гипсомъ, теперь приходитъ всего разъ. И ратуша глуха, и всѣ мужчины—трусы и лѣнтяи! Въ Кафе де Фойе, въ этотъ субботній вечеръ, обнаруживается новое явленіе, не послѣднее въ своемъ родѣ: женщина публично держитъ рѣчь. Ея бѣдному мужу, говоритъ она, мѣстныя власти зажали ротъ; председатель и чиновники не позволили ему говорить. Вслѣдствіе этого говорить будетъ она своимъ слабымъ голосомъ и, пока у нея хватитъ дыханія, она будетъ кричать о пароходѣ изъ Корбёля, о хлѣбѣ изъ парижскаго гипса, о кощунственныхъ обѣдахъ въ оперномъ залѣ, зеленыхъ мундирахъ, объ аристократахъ-пиратахъ и ихъ черныхъ кокардахъ!

Пора бы исчезнуть, по крайней мѣрѣ, чернымъ кокардамъ. Даже патрули не будутъ въ силахъ защитить ихъ. Вспыльчивый „M. Tassin“ (Тассенъ), во время парада, въ воскресенье утромъ, забываетъ всѣ военныя правила: онъ выскакиваетъ изъ рядовъ, срываетъ черную кокарду, которая гордо красовалась на немъ, и злобно втаптываетъ ее въ землю Франціи. Сами патрули проникаются пока еще сдержаннымъ бѣшенствомъ. Въ округахъ также замѣчается движеніе; голосъ президента Дантона раздается въ клубѣ Кордельеровъ. Другъ народа Маратъ слеталъ въ Версаль и уже вернулся:—зловѣщая птица, не изъ породы зимородковъ [1]).

Итакъ, патріотъ, гуляя, въ это воскресенье, встрѣчаетъ другого патріота и видитъ свою собственную злую заботу отраженною на его лицѣ. Несмотря на патрули, которые какъ-то менѣе обыкновеннаго распорядительны, народъ собирается въ группы и слышится живой обмѣнъ мыслей; кучки народа собираются на набережныхъ, на мостахъ, въ патріотическихъ кафе. И едва появляется черная кокарда, какъ поднимается многоголосый крикъ и ревъ: A bas! Долой! Всѣ черныя кокарды безпощадно срываются: кто-то поднимаетъ свою, цѣлуетъ ее и пытается вновь укрѣпить; но „сотня палокъ замахивается на него“ и онъ принужденъ покориться. Еще худшій оборотъ дѣло принимаетъ съ другимъ: приговоренный импровизированнымъ плебисцитомъ къ фонарю, онъ съ трудомъ спасается усиліями дѣятельныхъ лейбъ-гвардейцевъ. Лафайетъ замѣчаетъ признаки возбужденія; онъ удваиваетъ свои патрули, удваиваетъ свою энергію, чтобы предупредить худшее. Такъ проходитъ воскресенье 4-го октября 1789 года.

Тяжело на сердцѣ у мужчинъ, сдерживаемыхъ патрулями; горятъ сердца женщинъ, и ничто не сдержитъ ихъ. Женщина, говорившая публично въ Пале-Роялѣ, не единственный ораторъ:—мужчины не знаютъ, что такое кладовка съ

---

[1]) Газета Камилла, Révolutions de Paris et de Brabant (въ Histoire Parlementaire, III, 108).

съѣстными припасами, когда она опустѣетъ, это хорошо знаютъ только матери семейства. О, женщины, жены мужчинъ, которые хотятъ только разсуждать, а не дѣйствовать! Патрули сильны, но смерть отъ голода или военнаго нападенія еще сильнѣе. Патрули сдерживаютъ мужской патріотизмъ, ну, а женскій патріотизмъ? Развѣ гвардія, называющаяся національной, рѣшится воткнуть свой штыкъ въ грудь женщины? Такая мысль, или скорѣе такіе неясные, безформенные, сырые элементы мысли бродятъ повсемѣстно подъ женскимъ ночнымъ чепцомъ, и съ появленіемъ утренней зари, при малѣйшемъ толкѣ, должны произвести взрывъ.

ГЛАВА IV.

Менады.

Однажды Вольтеръ, въ припадкѣ сплина, спросилъ своихъ соотечественниковъ: „Ну, а вы, Gualches, что вы изобрѣли?" Теперь они могутъ отвѣтить: искусство возстанія. Это было искусство необходимое въ эти послѣднія странныя времена; искусство, къ которому французы, по своей природѣ, столь пылкой и столь неглубокой, были способны, быть можетъ, болѣе, чѣмъ какая бы то ни было другая нація.

И дѣйствительно, до какой высоты, можно сказать, до какого совершенства была доведена Франціей эта отрасль человѣческой дѣятельности за послѣдніе полвѣка! Возстаніе, которое, по мнѣнію Лафайета, должно было бы быть „самой священной изъ всѣхъ обязанностей", причислено теперь французскимъ народомъ къ тѣмъ обязанностямъ, которыя онъ умѣетъ исполнять. Чернь у другихъ народовъ состоитъ изъ тупыхъ массъ, которыя катятся впередъ съ тупой настойчивостью, тупой злобной горячностью, но изъ которыхъ не вырывается яркая искра геніальности. Французская чернь, наоборотъ, является однимъ изъ самыхъ живыхъ феноменовъ нашего міра. Она такъ рѣшительна, смѣла; такъ изобрѣтательна, прозорлива, такъ быстро умѣетъ пользоваться моментомъ, что, по всѣмъ видимостямъ, инстинктъ жизни переполняетъ ее до конца пальцевъ! Если бы у французскаго народа не было никакого другого таланта, кромѣ умѣнья стоять въ хвостѣ, то это одно, какъ мы говорили, уже отличало бы его отъ всѣхъ другихъ народовъ, древнихъ и новыхъ.

Пусть читатель сознается, что въ массѣ разныхъ явленій немногое, быть можетъ, на землѣ заслуживаетъ такого вниманія, какъ именно чернь. Простой народъ является непосредственнымъ проблескомъ природы; онъ исходитъ изъ самой сокровенной ея глубины или находится съ нею въ нераздѣльномъ общеніи. Когда столь многіе не перестаютъ насмѣшливо скалить зубы и гримасничать, преслѣдуя лишь безжизненную формалистику, и подъ туго накрахмаленной грудью уже не чувствуется біенія сердца, здѣсь—и только здѣсь—живетъ искренность и правда. Вы содрогнетесь, пожалуй, даже не сдержите крика ужаса, но, несмотря на все, присмотритесь къ черни. Какое сложное смѣшеніе человѣческихъ силъ и индивидуальностей, вышвырнутыхъ съ ихъ трансцедентальнымъ настроеніемъ для дѣйствія и воздѣйствія и на обстоятельства и другъ на друга; для совершенія той созидательной работы, которую имъ дано свершить! То, что они сдѣлаютъ, никому неизвѣстно и, менѣе всего, имъ самимъ. Это самый воспламеняющійся, неизмѣримый фейерверкъ, самозажигающійся и самосгорающій. Въ какихъ фазахъ, въ какомъ размѣрѣ и съ какими послѣдствіями онъ будетъ горѣть,—это философія и прозорливость тщетно силятся предрѣшить.

„Человѣкъ, какъ сказано гдѣ-то, всегда интересенъ человѣку; въ сущности, кромѣ него нѣтъ ничего интереснаго". Съ этой точки зрѣнія развѣ намъ не становится понятнымъ, почему теперь сраженія, большею частью, мало интересуютъ насъ. Потому что въ настоящее время, они совершаются механическимъ путемъ, съ минимальнымъ, по возможности, проявленіемъ человѣческой индивидуаль-

ности или непосредственности: люди теперь даже умираютъ и убиваютъ другъ друга искусственнымъ способомъ. Битвы съ самыхъ временъ Гомера, когда онѣ представляли не что иное, какъ сражающіяся толпы народа, большею частью, утратили всякій интересъ: на нихъ не стоитъ смотрѣть, не стоитъ о нихъ читать, не стоитъ и вспоминать. Сколько надоѣдливыхъ кровопролитныхъ сраженій исторія пытается воспроизвести передъ нами; или даже и воспѣть хриплымъ голосомъ: неужели же она пропуститъ это единственное возстаніе женщинъ, или лишь равнодушно упомянетъ о немъ?

Одна мысль, или смутные сырые элементы мысли бродили всю ночь въ женскихъ головахъ и грозили произвести взрывъ. Въ понедѣльникъ, утромъ, матери на грязныхъ чердакахъ просыпаются отъ плача дѣтей, которыя просятъ хлѣба. Надо спуститься на улицу, въ зеленной рынокъ, надо стать въ хвостѣ передъ булочной. Вездѣ онѣ встрѣчаютъ измученныхъ голодомъ матерей, полныхъ сочувствія, полныхъ отчаянія. О, мы, несчастныя женщины! Но почему же, вмѣсто того, чтобъ стоять въ хвостѣ передъ булочной, намъ не броситься къ дворцамъ аристократовъ, къ корню всего зла? Allons! Собирайтесь! Въ ратушу! Въ Версаль! A la Lanterne!

Въ одной изъ гауптвахтъ, въ кварталѣ Св. Евстахія, „молодая женщина“ схватываетъ барабанъ, потому что не можетъ же національная гвардія стрѣлять въ женщинъ, въ молодую женщину? Молодая женщина схватываетъ барабанъ; она выступаетъ съ барабаннымъ боемъ и „громко кричитъ о вздорожаніи хлѣба“. Спускайтесь, о, матери; спускайтесь вы, Юдифи, за пищей и местью!—Всѣ женщины собираются и слѣдуютъ за ней; толпы берутъ штурмомъ всѣ лѣстницы, насильно выгоняютъ всѣхъ женщинъ: женская революціонная сила, по словамъ Камилла, походитъ на англійскую морскую; происходитъ всеобщее „столпленіе женщинъ“. Здоровенныя рыночныя торговки, трудолюбивыя, поднявшіяся съ зарей тоненькія гризетки; старыя дѣвы, спѣшащія къ заутрени; горничныя съ ранней метлой,—всѣ должны идти. Вставайте, женщины; мужчина-лѣнтяй не хочетъ дѣйствовать; онъ говоритъ, мы должны дѣйствовать сами!

Итакъ, подобно горной лавинѣ, потому что каждая лѣстница обращается въ подтаявшій ручей, толпа грозно растетъ и съ дикими криками направляется къ ратушѣ. Съ шумомъ, съ барабаннымъ боемъ и безъ музыки, такъ какъ и Сентъ-Антуанское предмѣстье подоткнуло подолъ и, вооруженное палками, утюгами и даже заржавленными пистолетами (не заряженными), присоединилось къ бурному потоку. Его шумъ, съ быстротой звука, доносится до крайнихъ заставъ. Около семи часовъ, въ это суровое октябрское утро, 5-го числа, ратуша увидитъ чудеса. Тамъ, по волѣ судьбы, уже собралась толпа мужчинъ, которые съ криками тѣснятся вокругъ національнаго патруля и булочника, схваченнаго за обвѣшиваніе при продажѣ хлѣба. Уже спущена веревка съ фонаря, чиновники принуждены выпустить мошенника булочника черезъ заднiй ходъ и даже разослать „во всѣ части города“ за подкрѣпленіемъ.

Грандіозное зрѣлище, говоритъ Камиллъ, представляло шествіе этихъ Юдифей, числомъ отъ восьми до десяти тысячъ, бросившихся въ поиски за корнемъ всего зла! Оно было смѣшно и страшно, и неумолимо стихійно. Въ такой ранній часъ измученные ночными работами „триста“ еще не подаютъ признака жизни: никого нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ писцовъ, отряда національной гвардіи и Гувіона. Генералъ-маіоръ Гувіонъ дрался въ Америкѣ за дѣло гражданской свободы; это человѣкъ съ мужественнымъ сердцемъ, но съ слабой головой. Онъ находится въ этотъ моментъ въ своемъ заднемъ помѣщеніи, пытаясь успокоить привратника Мальяра, сержанта изъ Бастиліи, который явился, подобно многимъ, съ „представленіями“. Не успѣлъ еще Гувіонъ умиротворить его, какъ прибываютъ наши Юдифи.

Національная гвардія строится на наружныхъ лѣстницахъ, держа штыки наготовѣ; десять тысячъ Юдифей рвутся наверхъ, не взирая ни на какое сопротивленіе,—съ мольбами, съ протянутыми руками, только бы поговорить съ

мэромъ. Съ тыла на нихъ давятъ; изъ мужскихъ рукъ въ тылу даже летятъ камни; національной гвардіи остается одно изъ двухъ: очистить Гревскую площадь картечью или разомкнуть свои ряды направо и налѣво. Ряды размыкаются и живой потокъ врывается въ ратушу. Онъ несется черезъ всѣ комнаты и кабинеты, выше и выше, до самой верхней каланчи. Женщины жадно ищутъ оружія, ищутъ мэровъ, ищутъ правосудія; въ то время, какъ тѣ, которыя лучше одѣты, наоборотъ, ласково говорятъ съ писарями; указываютъ на нищету этихъ несчастныхъ женщинъ; также и на свои собственныя страданія, нѣкоторыя даже очень интереснаго свойства [1]).

Бѣдный Гувіонъ не знаетъ, что дѣлать въ этой бѣдѣ; онъ человѣкъ безпомощный, легко теряющійся; въ одинъ прекрасный день онъ покончитъ самоубійствомъ. Какое для него счастье, что въ этотъ моментъ у него былъ находчивый привратникъ Мальяръ, хотя и дѣлавшій ему „представленія!" Лети назадъ, находчивый Мальяръ, розыщи бастильскій отрядъ и... о, возвращайся скорѣе съ нимъ, и, въ особенности, съ твоей находчивой головой! Потому что, смотри, Юдифи не могутъ найти ни мэра, ни членовъ муниципалитета; онѣ едва нашли, на самой вышкѣ каланчи, бѣднаго аббата Лефевра, завѣдывающаго раздачей пороха. Его, за неимѣніемъ лучшаго, онѣ тамъ и повѣсили; и вотъ, при блѣдномъ утреннемъ свѣтѣ, онъ вздернутъ высоко надъ Парижемъ, расплывающемся въ его тускнѣющихъ глазахъ.—Страшный конецъ! Но веревка обрывается, какъ часто обрываются французскія веревки, или одна изъ амазонокъ перерѣзываетъ ее. Аббатъ Лефевръ, съ высоты около двадцати футъ съ грохотомъ падаетъ на цинковую крышу и живетъ еще долгіе годы, хотя уже навсегда у него остается „дрожаніе во всѣхъ членахъ" [2]).

А теперь двери разлетаются подъ ударами топоровъ: Юдифи взломали арсеналъ; захватили ружья, пушки, три мѣшка съ деньгами; кучи бумагъ, — и факелы загораются: черезъ нѣсколько мгновеній чудное зданіе ратуши, существующей со временъ Генриха IV, со всѣмъ, что въ немъ находится, будетъ охвачено пламенемъ.

ГЛАВА V.

Привратникъ Мальяръ.

Да, все было бы въ огнѣ, если бы проворный находчивый Мальяръ не успѣлъ вернуться!

Мальяръ, по собственной иниціативѣ, — такъ какъ ни Гувіонъ, ни другіе не дали бы на то своего разрѣшенія —схватываетъ барабанъ, спускается по главной лѣстницѣ и барабанитъ съ громкими раскатами свой лукавый маршъ: Въ Версаль! Allons, à Versailles! какъ люди бьютъ въ котелъ или въ сковороду, когда надо согнать въ рой разъяренныхъ пчелъ или растерянно летающихъ осъ; и насѣкомыя, слыша звуки, отчаянно летятъ на нихъ, привлекаемыя надеждой на какое бы то ни было руководство тамъ, гдѣ всякій путь исчезъ: такъ и эти менады окружаютъ ловкаго Мальяра, ѣздоваго привратника изъ Шатле. Поднятые топоры останавливаются въ воздухѣ. Аббатъ Лефевръ остается повѣшеннымъ на половину; все снова бросается внизъ съ самой верхней вышки каланчи. Что это за барабанный призывъ? Станиславъ Мальяръ, герой Бастиліи, поведетъ насъ въ Версаль? Слава тебѣ, Мальяръ; будь ты благословенъ между всѣми ѣздовыми привратниками! Идемъ же, идемъ!

Въ захваченныя пушки впрягаютъ захваченныхъ лошадей; въ качествѣ канонира возсѣдаетъ темно-кудрая дѣвица Теруань, въ шлемѣ и съ пикой въ

---

[1]) Deux Amis, III, 141—166.

[2]) Dusaulx, Prise de la Bastille, note, p. 281.

Изъ Парижа въ Версаль, 5 октября 1789 г.

рукѣ, „съ гордымъ взглядомъ и яснымъ, прекраснымъ лицомъ“, которую иные уподобляютъ Орлеанской дѣвѣ, а другимъ она напоминаетъ даже „Афину Палладу“ [1]). Мальяръ (барабанъ его все не умолкаетъ), при оглушительныхъ крикахъ провозглашенный генераломъ, ускоряетъ вялый темпъ марша и, рѣзко, ритмически отбивая тактъ, съ трудомъ ведетъ вдоль набережныхъ свой рой менадъ. Такой рой не позволяетъ вести себя въ тишинѣ! Лодочникъ останавливается на рѣкѣ; всѣ ломовики и кучера бѣгутъ; мужчины глядятъ въ окна, а не женщины: послѣднія боятся, что ихъ заберутъ. Зрѣлище изъ зрѣлищъ: вакханки въ этотъ ультраформальный вѣкъ! Бронзовый Генрихъ смотритъ съ своего Pont-Neuf; монархическій Лувръ, Тюльери Медичей видятъ день, какого еще никто никогда не видалъ.

И вотъ Мальяръ вводитъ своихъ менадъ въ Елисейскія Поля (скорѣй Поля Тартара), и ратуша пострадала сравнительно мало. Выломанныя двери; какой-то аббатъ Лефевръ, который уже никогда не будетъ раздавать пороха; три мѣшка съ деньгами, большая часть которыхъ будетъ возвращена, потому что санкюлотизмъ, хотя и умираетъ съ голода, но не лишенъ чести [2]),—вотъ и всѣ убытки. Великій Мальяръ! Ничтожное ядро порядка держится вокругъ его барабана; но дальше бушуетъ дикій океанъ, потому что всякое отребье, мужское и женское, стекается къ нему со всѣхъ сторонъ: руководства никакого, за исключеніемъ одной его головы и двухъ барабанныхъ палочекъ.

О, Мальяръ, приходилось ли когда-либо командующему генералу со времени первой изъ войнъ справляться съ такой трудной задачей, какая предстояла тебѣ въ тотъ день? Вальтеръ Неимущій до сихъ поръ трогаетъ чувствительныя сердца; но тому, по крайней мѣрѣ, дана была санкція; въ его распоряженіи было пространство, которое давало ему возможность двигаться, и къ тому же его крестоносцы были мужского пола. Ты же, въ этотъ день, отвергнутый небомъ и землей, сталъ предводителемъ менадъ. Ихъ безсвязное изступленіе ты долженъ, не теряя времени, перекладывать въ толковыя слова, въ толковыя, а не въ изступленныя дѣйствія. Ошибись ты только, въ ту или другую сторону! Офиціальныя лица, вооруженныя своими сводами законовъ и уложеніемъ о наказаніяхъ, ждутъ тебя впереди; а позади грозный натискъ менадъ. Если подобныя имъ отрубили полную мелодій голову Орфея и бросили ее въ воды Пенея, чего только не сдѣлаютъ онѣ съ тобой—съ тобой, въ чьемъ распоряженіи одинъ только ритмъ, и нѣтъ другой музыки, кромѣ барабана изъ овечьей кожи! Но Мальяръ не ошибся. Удивительный Мальяръ! Если бъ слава не была случайностью, а исторія дистиляціей молвы, какою сталъ бы ты знаменитостью!

Въ Елисейскихъ Поляхъ происходитъ остановка и колебаніе; но для Мальяра нѣтъ возврата. Онъ убѣждаетъ своихъ менадъ, шумно требующихъ оружія изъ арсенала, что въ арсеналѣ оружія нѣтъ: что оставаться безоружными и подать петицію національному собранію—это лучшее, что можетъ быть сдѣлано; онъ поспѣшно назначаетъ генеральшъ и капитаншъ надъ отрядами изъ десяти и пятидесяти человѣкъ; послѣ этого всѣ снова пускаются въ путь въ разсыпную, подъ звуки „восьми барабановъ“ (самъ Мальяръ оставилъ свой); шествіе замыкаютъ бастильскіе волонтеры.

Шальо, гдѣ толпѣ поспѣшно уступаютъ испеченые хлѣбы, не подвергается разграбленію; точно также остаются нетронутыми севрскіе фарфоровые заводы. Древнія арки Севрскаго моста громко звучатъ подъ ногами менадъ. Сена съ безпрерывнымъ шумомъ катитъ свои волны, а Парижъ посылаетъ имъ вслѣдъ грозные звуки набата и барабаннаго боя, въ настоящую минуту почти еще не различаемые среди рѣзкихъ криковъ и возгласовъ шествующей толпы и шума

---

[1]) Deux Amis, III, 157.

[2]) Histoire Parlamentaire, II', 310.

безпрерывно льющаго дождя. Въ Медонъ, въ Сенъ-Клу, во всѣ стороны распространяется вѣсть о происходящемъ, и вечеромъ будетъ о чемъ поговорить у камелька. Наплывъ женщинъ все еще продолжается, потому что дѣло идетъ объ интересахъ всѣхъ дочерей Евы, настоящихъ или будущихъ матерей. Нѣтъ дамы въ каретѣ, которая, хотя бы въ истерикѣ, не должна была выйти изъ экипажа, примкнуть къ шествію и идти въ своихъ шелковыхъ туфляхъ по грязной, размытой дождемъ дорогѣ [1]). Такимъ образомъ, въ эту бурную октябрскую погоду, толпа женщинъ, подобно стаѣ безкрылыхъ аистовъ, подвигается впередъ по удивленной странѣ. Всякаго рода проѣзжіе задерживаются; въ особенности, проѣзжіе или курьеры изъ Парижа. Депутатъ Лешапелье, въ своемъ изящномъ нарядѣ, удивленно выглянувъ черезъ очки изъ своего элегантнаго экипажа, спѣшитъ удостовѣрить, не безъ страха за свою жизнь, что онъ патріотъ-депутатъ Лешапелье, даже бывшій предсѣдатель собранія въ ночь на Духовъ день, и притомъ членъ-учредитель Бретонскаго клуба. На это „раздается громкій ревъ Vive Lechapelier, и нѣсколько вооруженныхъ лицъ вскакиваютъ спереди и сзади его экипажа, чтобъ служить ему охраной“ [2]).

Тѣмъ не менѣе, депеши Лафайета или смутные слухи о случившемся уже проникли въ Версаль окольными путями. Въ національномъ собраніи, въ то время, когда все поглощено обсужденіемъ текущихъ дѣлъ и высказываются сожалѣнія о томъ, что были допущены анти-національные обѣды въ оперномъ залѣ, что его величество все еще колеблется въ утвержденіи правъ человѣка, ставитъ свои условія и прибѣгаетъ къ разнымъ уловкамъ, - Мирабо подходитъ къ предсѣдателю, на этотъ разъ опытному Мунье, и говоритъ ему въ полголоса: „Mounier, Paris marche sur nous“ (Парижъ идетъ на насъ). „Je n'en sais rien“ (Ничего не знаю). „Вѣрьте или не вѣрьте, это не мое дѣло; но Парижъ, говорю вамъ, идетъ на насъ. Скажитесь внезапно заболѣвшимъ; пройдите во дворецъ и предупредите ихъ. Нельзя терять ни минуты“.—„Парижъ идетъ на насъ? отвѣчаетъ Мунье желчнымъ тономъ: Что же, тѣмъ лучше! Тѣмъ скорѣе мы станемъ республикой!“ Мирабо оставляетъ его, какъ оставляютъ мудраго предсѣдателя, лѣзущаго съ завязанными глазами въ глубокую воду, и обсужденіе текущихъ дѣлъ продолжается.

Да, Парижъ идетъ на насъ, и притомъ не однѣ женщины Парижа! Не успѣлъ Мальяръ уйти, какъ послѣдовали сообщенія Гувіона по всѣмъ округамъ и вскорѣ набатъ и тревожный барабанный бой (la générale) начинаютъ производить свое дѣйствіе. Вооруженные національные гвардейцы съ каждаго округа, въ особенности гренадеры изъ центра, которые составляютъ нашу старую французскую гвардію, быстро прибываютъ одни за другими на Гревскую площадь. Тамъ уже „огромное стеченіе народа“; Сентъ-Антуанское предмѣстье, прошенное и непрошеное, съ пиками и заржавленными ружьями, стекается туда со всѣхъ концовъ. Гренадеры центра встрѣчаются радостными привѣтствіями. „Мы не нуждаемся въ привѣтствіяхъ“, мрачно говорятъ они: „нація потерпѣла оскорбленіе, такъ къ оружію! Идемъ вмѣстѣ за приказами!“ А! вотъ откуда дуетъ вѣтеръ? Значитъ патріотизмъ и патрули теперь заодно!

Триста муниципаловъ собрались; во всѣхъ комитетахъ идутъ засѣданія; Лафайетъ диктуетъ депеши въ Версаль, въ то время, какъ къ нему является депутація отъ гренадеровъ центра. Депутація отдаетъ ему честь по военному и произноситъ слѣдующія слова, не лишенныя нѣкоторой доли смысла: „Генералъ, мы избраны депутатами отъ шести эскадроновъ гренадеръ. Мы не считаемъ васъ за измѣнника, но думаемъ, что правительство обманываетъ васъ; пора положить этому конецъ. Мы не можемъ обратить нашихъ штыковъ противъ женщинъ, которыя просятъ у насъ хлѣба. Народъ въ нищетѣ, источникъ

[1]) Deux Amis, III, 159.

[2]) Deux Amis, II, 177; Dictionnaire des Hommes, Marquants II, 379.

зла въ Версалѣ; мы должны розыскать короля и доставить его въ Парижъ. Мы должны уничтожить (exterminer) фландрскій полкъ и лейбъ-гвардейцевъ, которые осмѣлились топтать національныя кокарды. Если король слишкомъ слабъ, и не можетъ нести своей короны, такъ пусть онъ сложитъ ее. Вы возложите вѣнецъ на его сына; созовете совѣтъ регентства и все пойдетъ лучше" [1]). Удивленіе, полное упрека, выражается на лицѣ Лафайета и высказывается его краснорѣчивыми устами; но все напрасно. „Генералъ, мы готовы пролить послѣднюю каплю крови за васъ; но корень всего зла въ Версалѣ; мы должны пойти туда и привезти короля въ Парижъ; весь народъ этого хочетъ, tout le peuple le veut".

Генералъ спускается по наружной лѣстницѣ; снова держитъ рѣчь; но снова напрасно. „Въ Версаль! Въ Версаль!" Мэръ Бальи, за которымъ послали сквозь потоки санкюлотовъ, пытается прибѣгнуть къ академическому краснорѣчію изъ своей парадной раззолоченой кареты, но вызываетъ лишь безчисленные хриплые возгласы: „Хлѣба! Въ Версаль!" и съ удовольствіемъ скрывается за дверцами. Лафайетъ садится на своего бѣлаго коня; онъ безъ устали произноситъ рѣчь за рѣчью, полныя краснорѣчія, твердости, негодованія; въ его рѣчахъ есть все, кромѣ убѣдительности. „Въ Версаль! Въ Версаль!" И такъ продолжается часъ за часомъ, въ теченіе половины дня.

Великій Сципіонъ-Американскій ничего не можетъ сдѣлать; не можетъ даже уйти самъ. „Чортъ возьми, генералъ (Morbleu, mon general)! восклицаютъ гренадеры, смыкая ряды при малѣйшемъ движеніи бѣлаго коня. Вы не оставите насъ; вы останетесь съ нами!" Опасное осложненіе: мэръ Бальи и весь муниципалитетъ, въ смертельномъ страхѣ, засѣдаютъ въ ратушѣ; генерала держатъ въ плѣну на улицѣ; Гревская площадь съ ея тридцатью тысячами регулярнаго войска и со всей сборной толпой изъ предмѣстій Сентъ-Антуанъ и Сенъ-Марсо, превратилась въ одну сплошную массу блестящей и заржавленной стали; всѣ помыслы направлены, съ упорною настойчивостью, на одну цѣль. Всѣ сердца полны глухой тревоги; спокойно развѣ только сердце бѣлаго коня, который гарцуетъ, красиво изгибая шею, и беззаботно грызетъ свой мундштукъ, точно не рушится цѣлый міръ съ его династіями и эрами. Пасмурный сырой день клонится къ закату; а крикъ все тотъ же: „Въ Версаль!"

Вскорѣ доносятся издали крики совсѣмъ зловѣщіе; хриплые, переходящіе въ продолжительный глухой роцотъ, среди котораго выдѣляются отдѣльные слоги, слишкомъ похожіе на „Lanterne!" Иррегулярный санкюлотизмъ начинаетъ грозить, что выступитъ одинъ, самъ по себѣ, съ пиками, даже съ пушками. Непоколебимый Сципіонъ рѣшается, наконецъ, спросить черезъ адъютанта у муниципальнаго совѣта: разрѣшаютъ ли ему идти въ Версаль или нѣтъ? Ему вручаютъ письмо надъ головами вооруженныхъ людей: шестьдесятъ тысячъ лицъ впиваются въ него глазами; мертвая тишина; всѣ затаили дыханіе, пока онъ читаетъ. О, Боже, онъ вдругъ поблѣднѣлъ. Позволяетъ ли муниципалитетъ? „Позволяетъ и даже приказываетъ", такъ какъ поступить иначе онъ не можетъ. Оглушительные крики одобренія потрясаютъ небо. Становитесь же въ ряды, идемъ!

Время подходитъ, какъ мы предполагаемъ, къ тремъ часамъ пополудни; негодующая національная гвардія можетъ на этотъ разъ удовольствоваться походнымъ обѣдомъ; но пообѣдавшіе и не обѣдавшіе всѣ идутъ съ одинаковымъ воодушевленіемъ. Парижъ открываетъ всѣ окна, хлопаетъ въ ладоши въ то время, какъ мстители проходятъ подъ рѣзкій звукъ дудокъ и бой барабановъ; потомъ онъ усядется въ раздумьѣ, полный тревожнаго ожиданія, и проведетъ до нѣкоторой степени безсонную ночь [2]). Лафайетъ, на своемъ бѣломъ конѣ, насколько возможно медленнѣе объѣзжаетъ ряды взадъ и впередъ и, не пере-

---

[1]) Deux Amis, III, 161.

[2]) Deux Amis, III, 165.

ставая, говоритъ, напрягая все свое красноръчіе. Такимъ образомъ, онъ подвигается впередъ со своими тридцатью тысячами солдатъ. Сентъ-Антуанъ, съ пиками и пушками, обогналъ его; разношерстная толпа, со всякаго рода оружіемъ и совсѣмъ невооруженная, слѣдуетъ за нимъ по обѣимъ сторонамъ. Все деревенское населеніе опять останавливается въ недоумѣніи, разинувъ ротъ: Paris marche sur nous (Парижъ идетъ на насъ).

ГЛАВА VI.

Въ Версаль.

Почти въ этотъ самый моментъ Мальяръ остановился съ своими, покрытыми грязью менадами, на вершинѣ послѣдней горы, и весь Версаль съ Версальскимъ дворцомъ, все обширное королевское наслѣдіе раскинулось вдаль и вширь передъ ихъ восхищенными взорами. Вдали направо Марли и Сенъ-Жерментъ-анъ-Лэ; и все вокругъ до Рамбулье, налѣво, все одинаково великолѣпно, въ нѣжныхъ мягкихъ очертаніяхъ, какъ-бы съ оттѣнкомъ грусти въ этотъ сѣрый, дождливый день! А вблизи передъ нами Версаль, старый и новый, съ широкой тѣнистой главной аллеей (Avenue de Versailles) посрединѣ,—величественной по своей ширинѣ, въ триста футъ по сказаніямъ людей, съ ея четырьмя рядами вязовъ; а тамъ дальше Версальскій дворецъ, выходящій на королевскій паркъ, и роскошные сады съ сверкающими озерами, цвѣтниками, лабиринтами, звѣринцемъ, большимъ и малымъ Тріанономъ. Роскошныя зданія съ высокими башнями, чудные тѣнистые уголки, гдѣ живутъ боги нашего земного міра; откуда, однако, черныя заботы не всегда возможно удалить, и куда направляются теперь подгоняемыя голодомъ менады, вооруженныя пиками-тирсами!

Да, mesdames, тамъ, гдѣ, какъ вамъ извѣстно, наша великолѣпная прямая, главная аллея, пересѣкаемая съ обѣихъ сторонъ двумя тѣнистыми аллеями, расширяется въ Королевскій плацъ и въ передній дворцовый дворъ, тамъ находится Salle des Menus. Тамъ засѣдаетъ верховное собраніе, занятое возрожденіемъ Франціи. Передній дворъ, главный дворъ, мраморный дворъ, внутренній дворъ, суживающійся въ слѣдующій, который можно еще различить или только представить себѣ, и въ самомъ отдаленномъ концѣ стеклянный куполъ мерцающій, какъ звѣзда надежды:—это и есть,—Oeil-de-Boeuf! Тамъ, или нигдѣ въ мірѣ, пекутъ для насъ хлѣбъ. Только, о, mesdames, не лучше ли, чтобъ наши пушки съ дѣвицей Теруань и всѣми военными снарядами слѣдовали позади насъ? Покорность приличествуетъ подателямъ прошеній національному собранію; мы — чужіе въ Версали,—откуда, слишкомъ явственно, доносятся даже сейчасъ звуки набата и барабановъ, бьющихъ тревогу. Надо также принять, если возможно, беззаботное выраженіе лица, и скрыть наши горести; не лучше ли даже запѣть? Горе, вызывающее жалость небесъ, ненавистно, подозрительно землѣ.—Такъ совѣтуетъ и ловкій Мальяръ,—обращаясь съ рѣчью, къ своимъ менадамъ на высотахъ близъ Версаля [1]).

Распоряженія хитраго Мальяра выполняются точно. Покрытыя грязью мятежницы шествуютъ по главной аллеѣ „въ три колонны", между четверьмя рядами вязовъ; онѣ поютъ „Henri Quatre", какъ умѣютъ, и громко кричатъ: „Да здравствуетъ король" (Vive le Roi). Весь Версаль, хотя ряды вязовъ мокры отъ дождя, толпится по обѣимъ сторонамъ съ криками: Vive nos Parisiennes (Да, здравствуютъ наши парижанки)!

Гонцы, курьеры были посланы по направленію къ Парижу, по мѣрѣ того какъ шумъ усиливался: благодаря этому, удалось розыскать короля, который

---

[1]) См. Hist. Parl. III, 70—117; Deux Amis, III, 166—177.

выѣхалъ охотиться въ лѣса Медона, и привезти его домой; тогда ударили въ набатъ и забили тревогу. Лейбъ-гвардейцы уже выстроились передъ дворцовой рѣшеткой; взоры ихъ устремлены на главную аллею; они стоятъ угрюмые, въ своихъ мокрыхъ кожаныхъ рейтузахъ. Фландрскій полкъ также здѣсь, проникнутый раскаяніемъ за оперный банкетъ. Къ нимъ примкнули и пѣшіе драгуны. Наконецъ, здѣсь же и маіоръ Лекуантръ съ Версальской національной гвардіей, насколько онъ могъ собрать ее, — хотя надо замѣтить, что нашъ полковникъ, тотъ самый страдавшій безсонницей графъ д'Этенгъ, исчезъ совсѣмъ не кстати, не сдѣлавъ никакихъ распоряженій и не выдавъ аммуниціи. Полагаютъ, что онъ въ Oeil-de-Boeuf. Швейцарцы, въ красныхъ мундирахъ, стоятъ подъ ружьемъ позади рѣшетокъ. Тамъ же, въ одномъ изъ внутреннихъ покоевъ, собрались всѣ министры: Сенъ-При, Помпиньянъ со своими вѣчными жалобами и другіе, съ ними и Неккеръ, и всѣ они сидятъ блѣдные въ нѣмомъ ожиданіи, что принесетъ имъ слѣдующій часъ.

Предсѣдатель Мунье хотя и отвѣтилъ Мирабо беззаботнымъ: tant mieux! и, повидимому, отнесся къ дѣлу съ полнымъ пренебреженіемъ, однако, менѣе спокоенъ, чѣмъ кажется. Несомнѣнно, что за эти четыре томительныхъ часа онъ не отдыхалъ на розахъ! Обсужденіе очередныхъ дѣлъ подвигается; признаютъ цѣлесообразнымъ командировать депутацію къ королю, чтобы онъ милостиво соизволилъ „принять всецѣло и безъ оговорокъ“ всѣ эти пункты нашей конституціи; „условное согласіе“ со всякаго рода оговорками не можетъ удовлетворить ни боговъ, ни людей.

Все это ясно. Между тѣмъ, есть еще что-то, чего никто не высказываетъ, но что каждый въ эту минуту смутно сознаетъ. Безпокойство, растерянность ясно читаются на каждомъ лицѣ; члены шепчутся, выходятъ и возвращаются съ озабоченнымъ видомъ. Очередныя дѣла очевидно не соотвѣтствуютъ интересамъ дня. Наконецъ, со стороны наружныхъ воротъ доносятся шелестъ и шарканье ногъ, рѣзкіе возгласы и дикій ревъ, заглушаемые стѣнами; все показываетъ, что рѣшительный часъ насталъ! Но вотъ слышится шумъ толкотни и торопливыхъ шаговъ; затѣмъ входитъ Мальяръ и съ нимъ депутація изъ пятнадцати промокшихъ отъ дождя, забрызганныхъ грязью женщинъ, которымъ удалось, путемъ невѣроятныхъ усилій, всякими правдами и неправдами, убѣдить остальныхъ подождать на дворѣ. Національное собраніе должно поэтому взглянуть прямо въ лицо своей великой задачѣ: возрождающій конституціонализмъ имѣетъ передъ собой въ неумолимой дѣйствительности невозрожденный санкюлотизмъ, который кричитъ: „Хлѣба! хлѣба!“

Ловкій Мальяръ переводитъ бѣшеные порывы въ ясныя выраженія; укрощая однихъ и укоряя другихъ, онъ старается изъ всѣхъ силъ; и дѣйствительно, хотя и не подготовленный къ ораторскому искусству, справляется довольно хорошо съ своей задачей:—Въ виду настоящаго страшнаго недостатка въ хлѣбѣ, депутація женщинъ-гражданокъ, какъ видитъ высокоуважаемое собраніе, рѣшилась прійти изъ Парижа для подачи петиціи. Заговоры аристократовъ слишкомъ очевидны въ этомъ дѣлѣ; напримѣръ, одинъ мельникъ былъ подкупленъ „бумажкой въ 200 ливровъ“ къ тому, чтобы не молоть,—имя хотя и неизвѣстно Мальяру, но фактъ можетъ быть доказанъ и, по крайней мѣрѣ, не внушаетъ сомнѣній. Далѣе, какъ оказывается, осмѣлились топтать національныя кокарды; попадаются также, или попадались, черныя кокарды. Не подвергнетъ ли высокоуважаемое національное собраніе, надежда Франціи, всѣ эти вопросы безотлагательному мудрому разсмотрѣнію?

И голодныя, неукротимыя менады кричатъ: „Черныя кокарды!“ Кричатъ: „Хлѣба! хлѣба!“ и спрашиваютъ: „Согласны вы?“ Да, господа, если казалась цѣлесообразной депутація къ королю, чтобы получить его „полное безъ оговорокъ согласіе“, насколько же важнѣе является она теперь „въ виду печальнаго положенія Парижа“, ради успокоенія всего этого движенія! Предсѣдатель Мунье, съ поспѣшно собранной депутаціей, въ числѣ членовъ которой мы должны отмѣтить

уважаемую личность доктора Гильотена, тотчасъ отправляется во дворецъ. Вице-президентъ будетъ продолжать разборъ очередныхъ дѣлъ; Мальяръ останется, чтобъ сдерживать женщинъ. Было четыре часа этого ужаснаго дня въ тотъ моментъ, когда Мунье вышелъ изъ собранія.

О, многоопытный Мунье, каковъ этотъ послѣдній день твоего политическаго существованія! Лучше было бы тебѣ „внезапно заболѣть", пока еще было не поздно. Взгляни, вся площадь передъ дворцомъ на всемъ своемъ громадномъ протяженіи занята группами женщинъ, въ лохмотьяхъ, промокшихъ отъ дождя, длинноволосыхъ оборванцевъ мужчинъ, вооруженныхъ топорами, заржавленными пиками, старыми ружьями, окованными желѣзомъ дубинами (batons ferrés, кончающимися ножами или сабельными клинками); всѣ они ничего не выражаютъ, кромѣ голоднаго возмущенія. Дождь льетъ какъ изъ ведра, лейбъ-гвардейцы гарцуютъ между группами „среди свистковъ", возбуждая и раздражая толпу, которая, разсѣянная ими въ одномъ мѣстѣ, тотчасъ снова собирается въ другомъ.

Безчисленныя оборванныя женщины осаждаютъ президента и депутацію, настаиваютъ на томъ, чтобъ его сопровождать: вѣдь, его величество самъ выглянулъ въ окно и прислалъ спросить, чего мы хотимъ. „Хлѣба и говорить съ королемъ" (Du pain et parler au Roi), вотъ отвѣтъ. Двѣнадцать женщинъ шумно примыкаютъ къ депутаціи и проходятъ съ нею по всей площади среди разсѣянныхъ группъ, гарцующихъ лейбъ-гвардейцевъ подъ проливнымъ дождемъ.

Даже группу, въ которой находится президентъ Мунье съ депутаціей, сопровождаемой двѣнадцатью женщинами и окруженной со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ отрядомъ голода и мужского отребья, принимаютъ за группу черни и разгоняютъ гарцующіе гвардейцы; съ большимъ трудомъ они снова сходятся по липкой грязи [1]). Наконецъ, рѣшетки отперты; депутація допущена съ примкнувшими къ ней двѣнадцатью женщинами, изъ которыхъ пять увидятъ даже лицо его величества. Пусть промокшія менады ожидаютъ ихъ возвращенія съ возможнымъ терпѣніемъ.

ГЛАВА VII.

Въ Версалѣ.

Но Афина Паллада (въ образѣ дѣвицы Теруань) уже занялась фландрскимъ полкомъ и пѣшими драгунами. Она и другія такія же наиболѣе способныя къ этому женщины проходятъ по рядамъ; говорятъ съ солдатами весело, но серьезно; заключаютъ этихъ грубыхъ солдатъ въ патріотическія объятія, нѣжными женскими руками выбиваютъ ружья и мушкеты: можетъ ли мужчина, достойный имени мужчины, нападать на голодныхъ женщинъ-патріотокъ?

Писали, что у Теруань были мѣшки съ золотомъ, которое она раздавала фландрцамъ: откуда ей было взять его? Увы, съ денежными мѣшками рѣдко кто садится на пушку при возстаніи. Роялистская клевета! Теруань обладала лишь тѣмъ скуднымъ заработкомъ, который приносило этой несчастной женщинѣ ея ремесло; денегъ она не имѣла, но у нея были черныя кудри, красота языческой богини и одинаково краснорѣчивые языкъ и сердце.

Тѣмъ временемъ народъ изъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья продолжаетъ прибывать группами и отрядами; промокшіе люди съ пиками и всякимъ импровизированнымъ оружіемъ угрюмы: ихъ пригнала такъ далеко одна упорная народная мысль. Все это множество взъерошенныхъ фигуръ приведено сюда подъ какимъ-то общимъ давленіемъ; одни пришли совершить сами не знаютъ что, другіе пришли посмотрѣть, какъ это произойдетъ все! Что это за фигура,

[1]) Mounier, Expose Justificatif (приведен. въ Deux Amis, III, 185).

ярко выдѣляющаяся между многими: громаднаго роста, въ желѣзныхъ, хотя маленькаго размѣра, латахъ [1]), съ всклокоченными, сѣдѣющими рыжими кудрями, съ длинной развѣвающейся бородой? Это Журданъ, плутоватый лошадиный барышникъ; но теперь уже не барышникъ, а натурщикъ для художника. Въ этотъ день онъ превратился въ искателя приключеній. Его развѣвающаяся борода вызвана требованіями искусства; откуда у него взялись желѣзныя латы (если только онъ самъ не является какимъ нибудь разнощикомъ, снабженнымъ необходимымъ желѣзнымъ значкомъ)—это, быть можетъ, останется навсегда исторической загадкой. Мы различаемъ въ толпѣ другого Саула: „Père Adam“, дядя Адамъ, какъ называютъ его всѣ группы; намъ онъ лучше извѣстенъ, какъ обладатель громоваго голоса, маркизъ Сентъ-Гюрюжъ, герой „Veto“, человѣкъ, перенесшій много потерь, но потерь заслуженныхъ. Высокій маркизъ, выпущенный изъ тюрьмы лишь нѣсколько дней тому назадъ, философски и не безъ интереса смотритъ изъ подъ своего зонтика на всю эту сцену. Всѣ эти лица и вещи соединены, какъ мы видимъ, въ одно цѣлое: Аѳина Паллада, занятая фландрскимъ полкомъ, исполненная патріотизма версальская національная гвардія, лишенная аммуниціи, брошенная своимъ полковникомъ д'Этенгъ и предводительствуемая своимъ маіоромъ Лекуантромъ; далѣе гарцующіе лейбъ-гвардейцы раздраженные, упавшіе духомъ, въ измокшихъ кожаныхъ рейтузахъ, и въ концѣ концовъ—этотъ все возрастающій приливъ озлобленныхъ оборванцевъ: развѣ такое смѣшеніе могло не вызвать важныхъ событій?

Теруань де-Мерикуръ.

Но вотъ, смотрите, двѣнадцать депутатокъ возвращаются изъ дворца. Однако, безъ президента Мунье, но съ сіяющими отъ радости лицами, съ криками: „Да здравствуетъ король и весь его домъ!“ Должно быть, добрыя вѣсти, mesdames? Самыя лучшія вѣсти! Пятеро изъ насъ были допущены въ роскошные королевскіе покои, предъ лицо самого короля. Вотъ эту тоненькую дѣвицу „Луизонъ Шабре, работницу по лѣпкѣ, всего семнадцати лѣтъ“, мы избрали ораторшей, за ея красоту и хорошія манеры. На нее, да и на всѣхъ насъ, его величество смотрѣлъ необыкновенно милостиво. Нѣтъ, представьте, когда Луизонъ, обращаясь къ нему, почувствовала себя дурно, онъ поддержалъ ее своей королевской рукой и любезно проговорилъ: „Она стоитъ того“ (Elle en valût bien la peine). Подумайте, о, женщины, что это за король! Его слова были полны утѣшенія: провизія будетъ прислана въ Парижъ, если только таковая вообще имѣется въ мірѣ; хлѣбъ будетъ такъ же доступенъ, какъ воздухъ; мельники должны молоть, пока не разсыпятся ихъ жернова, а не то имъ будетъ плохо, и все, что только зависитъ отъ возстановителя французской свободы, будетъ сдѣлано всюду, гдѣ нарушалась справедливость.

Безспорно, хорошія вѣсти, но для измокшихъ менадъ ужъ очень неправдоподобныя! Вѣдь, нѣтъ никакихъ доказательствъ, что все это исполнится? Слова утѣшенія только слова, которыя никого не накормятъ. О, несчастный народъ, обманутый аристократами, которые подкупаютъ даже его делегатовъ! Мадемуазель Луизонъ въ объятіяхъ короля? Въ его объятьяхъ? Ты, безстыжая дѣвка, достойная такого названія, которое лучше не произносить! Да, твоя кожа нѣжна, а наша огрубѣла отъ тяжелой работы и промокла насквозь отъ ожиданія здѣсь, на дождѣ! У тебя дома нѣтъ голодныхъ дѣтей, а только гипсовыя куклы, ко-

[1]) См. Weber, II, 185—231.

торыя не плачутъ! Предательница! На фонарь!—И на бѣдную Луизонъ Шабре, несмотря на ея оправданія и вопли, на эту стройную юную красавицу, такъ недавно опиравшуюся на королевскую руку, накидываютъ петлю изъ подвязокъ, которую съ обѣихъ сторонъ держатъ непомнящія себя отъ бѣшенства амазонки; она на краю гибели, но въ этотъ моментъ подскакиваютъ галопомъ два лейбъ-гвардейца, съ негодованіемъ разгоняютъ толпу и спасаютъ ее. Не встрѣтившія одобренія двѣнадцать депутатокъ снова спѣшатъ во дворецъ за „письменнымъ отвѣтомъ".

Но, взгляните, вотъ новая стая менадъ съ „бастильскимъ волонтеромъ Брюну" во главѣ. Онѣ тоже хотятъ подойти къ дворцовой рѣшеткѣ, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Человѣческое терпѣніе въ мокрыхъ рейтузахъ имѣетъ свои границы. Лейтенантъ лейбъ-гвадіи, де-Савоньеръ на мгновеніе даетъ волю своему долго накипавшему раздраженію и не только разгоняетъ этихъ послѣднихъ менадъ, но гарцуетъ и рубитъ или яростно замахивается саблей на ихъ предводителя Брюну. Находя въ этомъ облегченіе сердца, онъ даже преслѣдуетъ его, и Брюну быстро убѣгаетъ, однако, не разъ оборачиваясь на бѣгу и также обнаживъ шпагу. При видѣ этой вспышки гнѣва и побѣды, два другихъ гвардейца (такъ какъ гнѣвъ очень заразителенъ и дѣйствуетъ одобрительно на долго сдерживавшихся лейбъ-гвардейцевъ) также даютъ себѣ волю, преслѣдуютъ вскачь, съ саблами на голо, которыми описываютъ странные круги въ воздухѣ. Бѣдному Брюну ничего не остается, какъ бѣжать еще скорѣе, при чемъ онъ, пробираясь черезъ ряды, не перестаетъ замахиваться, подобно древнему парѳянину, своей шпагой, а главное кричитъ во все горло: „On nous laisse assassiner! Они насъ рѣжутъ"!

Какой позоръ! Трое противъ одного! Громкій ропотъ слышится изъ рядовъ Лекуантра; затѣмъ ревъ, наконецъ, выстрѣлы. Рука Савоньера поднялась для удара: ружейная пуля изъ рядовъ Лекуантра разбиваетъ ее и занесенная сабля, сдѣлавшись безвредною, со звономъ падаетъ на землю. Брюну спасенъ и дуэль благополучно окончилась. Но дикіе воинственные крики начинаютъ раздаваться со всѣхъ сторонъ!

Амазонки отступаютъ; Сентъ-Антуанъ нацѣливаетъ свои пушки (заряженныя картечью); трижды подносится къ нимъ зажженный фитиль и трижды запалы не дѣйствуютъ. Порохъ отсырѣлъ; слышатся голоса: „Arrêtez, il n'est pas temps encore. Остановитесь, еще не время!" [1]). Господа лейбъ-гвардейцы, вамъ былъ данъ приказъ не стрѣлять; однако, двое изъ васъ хромаютъ, выбитые изъ сѣдла, а одна боевая лошадь лежитъ убитая. Не лучше ли вамъ отступить подальше отъ пуль и, наконецъ, скрыться совсѣмъ въ стѣнахъ замка? Возможно, что при вашемъ отступленіи одинъ или два мушкета дадутъ выстрѣлы по этимъ вооруженнымъ лавочникамъ, которые не перестаютъ орать и издѣваться. Загрязнены ваши бѣлыя громадныя кокарды; далъ бы Богъ, чтобы онѣ замѣнились трехцвѣтными! Ваши рейтузы промокли, ваши сердца тяжелы! Идите и не возвращайтесь!

Лейбъ-гвардейцы, какъ указано, постепенно отступаютъ; выстрѣлы раздаются то съ той, то съ другой стороны; они не пролили ни одной капли крови, но оставляютъ позади себя безграничное негодованіе. Раза три, въ сгущающихся сумеркахъ, они на мгновеніе показываюся у тѣхъ или другихъ воротъ и всякій разъ ихъ встрѣчаютъ крики ненависти, проклятія и свистъ пуль. Лишь только покажется лейбъ-гвардеецъ, какъ оборванцы пускаются безпощадно преслѣдоваті его; такъ, напримѣръ, бѣдный „де-Мушетонъ изъ шотландскаго полка", собственникъ убитой лошади, обязанъ своимъ спасеніемъ только версальскимъ капитанамъ, которые поспѣшно прячутъ его въ то время, какъ ему вслѣдъ щелкаютъ заржавленныя ружья, разрывая на немъ шляпу. Наконецъ, по приказанію свыше, всѣ лейбъ-гвардейцы, за исключеніемъ нѣсколькихъ, занятыхъ въ ка-

---

[1]) Deux Amis, III, 192—201.

раулѣ, исчезаютъ, или какъ бы скрываются и выступаютъ подъ прикрытіемъ ночного мрака въ Рамбулье [1]).

Мы замѣчаемъ теперь, что и версальцы получили боевые запасы; въ теченіе всего послѣдняго дня одно офиціальное лицо не могло достать для нихъ огнестрѣльныхъ снарядовъ, пока, наконецъ, въ эти критическія минуты одинъ патріотическій подпоручикъ не приставилъ пистолета къ его уху и не объявилъ, что онъ будетъ весьма благодаренъ, если таковые найдутся. Послѣ этого боевые запасы нашлись. Точно также и фландрцы, обезоруженные Аѳиной Палладой, открыто заявили, что не будутъ драться съ горожанами и, въ знакъ мира, обмѣнялись зарядами съ версальцами.

Санкюлотизмъ теперь среди друзей и можетъ „свободно передвигаться“, негодуя на лейбъ-гвардію, а также усиленно жалуясь на голодъ.

ГЛАВА VIII.

Равная трапеза.

Но чего медлитъ Мунье? Почему онъ не возвращается съ своей депутаціей? Прошло уже шесть, семь часовъ, и все еще нѣтъ Мунье, нѣтъ „согласія полнаго, безъ оговорокъ“.

Но вотъ, промокшія насквозь менады, уже не въ формѣ депутаціи, а цѣлой толпой проникли въ собраніе; онѣ самымъ постыднымъ образомъ прерываютъ пренія и обсужденіе текущихъ дѣлъ. Ни Мальяръ, ни вице-президентъ не въ состояніи ихъ сдержать иначе, какъ путемъ большихъ уступокъ; даже львиный голосъ Мирабо привлекаетъ ихъ вниманіе лишь на нѣсколько минутъ, хотя онѣ ему и рукоплещутъ; и все же, время отъ времени, онѣ прерываютъ пренія о возрожденіи Франціи криками: „Du pain; pas tant de longs discours! Хлѣба! поменьше длинныхъ рѣчей!“—такъ мало чувствительны были эти бѣдныя созданія къ образцамъ парламентскаго краснорѣчія!

Разносится также слухъ, что закладываютъ королевскіе экипажи, какъ бы для отъѣзда въ Мецъ. Какіе-то экипажи, неизвѣстно королевскіе или другіе, дѣйствительно показались у заднихъ воротъ. Они даже предъявляли письменный приказъ нашего версальскаго муниципалитета, который безусловно носитъ характеръ монархическій, а не демократическій, или только ссылались на него. Однако, версальскіе патрули заставили ихъ скрыться, согласно строгимъ распоряженіямъ неутомимаго Лекуантра.

Въ эти часы маіоръ Лекуантръ, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ очень занятый. Такъ какъ полковникъ д'Этенгъ все еще пребываетъ невидимымъ въ Oeil-de-Boeuf, невидимымъ, или сомнительно в и д и м ы м ъ лишь на мгновеніе, а муниципалитетъ, чрезмѣрно лойяльный, также нуждается въ наблюденіи; между тѣмъ на тысячи возникающихъ вопросовъ не получается никакого приказа, ни гражданскаго, ни военнаго! Лекуантръ одинъ повсюду: онъ и въ версальской ратушѣ и у главныхъ воротъ дворцовой рѣшетки ведетъ переговоры съ швейцарцами и лейбъ-гвардейцами. Онъ же появляется въ рядахъ фландрскаго полка; онъ и здѣсь, и тамъ, напрягая всѣ свои силы къ предупрежденію кровопролитія, бѣгства королевской семьи въ Мецъ, разграбленія Версаля менадами.

На склонѣ дня мы видимъ, какъ онъ подходитъ къ вооруженнымъ группамъ изъ Сентъ-Антуана, которыя ужъ очень злобно шныряютъ взадъ и впередъ близъ Salle des Menus. Онѣ принимаютъ его, разступившись въ полукругъ; двѣнадцать парламентеровъ съ факелами въ рукахъ стоятъ позади пушекъ, направленныхъ жерлами на Лекуантра,—картина, достойная Сальватора! Онъ спрашиваетъ въ сдержанныхъ, но смѣлыхъ выраженіяхъ: Чего они собственно хотятъ,

---

[1]) Weber, см. выше.

чего добиваются своимъ путешествіемъ въ Версаль? Двѣнадцать парламентеровъ отвѣчаютъ немногими, но полными значенія словами: „Хлѣба и окончанія всей этой исторіи. Du pain et la fin des affaires“. Когда кончится исторія (affairs),— этого ни маіоръ Лекуантръ, никакой смертный не можетъ предсказать. Что же касается хлѣба, то онъ спрашиваетъ: Сколько васъ? Узнавъ, что ихъ шестьсотъ и что достаточно будетъ одного хлѣба на каждаго, онъ отправляется верхомъ къ муниципалитету за шестьюстами хлѣбовъ.

Однако, муниципалитетъ съ монархическимъ направленіемъ отказываетъ въ этихъ хлѣбахъ. Онъ скорѣе выдастъ двѣ бочки съ рисомъ,—только предлагаетъ узнать, долженъ ли рисъ быть сырой или вареный. Но когда и это предложеніе принято, представители муниципалитета испаряются словно проваливаются сквозь землю, подобно тому, какъ въ свое время канули въ воду облеченные въ длинныя тоги двадцать шесть членовъ городского управленія въ Парижѣ, и не оставляютъ за собой ни малѣйшаго признака риса, ни вареннаго, ни сырого. Съ этого момента они совершенно исчезаютъ изъ исторіи!

Рисъ не появляется; надежда на полученіе пищи обманута, даже надежда на месть обманута: развѣ Мушетона изъ шотландскаго полка не скрыли обманнымъ образомъ, какъ мы уже разсказывали? За неимѣніемъ ничего другого, остается лишь тамъ, на площади, убитая боевая лошадь Мушетона. Сентъ-Антуанъ обманутый, голодный бросается на лошадь, сдираетъ съ нея шкуру, жаритъ ее не безъ дикихъ криковъ на огнѣ изъ калитокъ, рѣшеточныхъ столбовъ, всякаго дерева, которое только попадается ему подъ руку; и, на подобіе древнихъ героевъ Греціи, протягиваетъ руки къ изысканно приготовленному блюду, каково оно ни на есть [1]. Остальные оборванцы бродятъ по всѣмъ направленіямъ, въ поискахъ какой бы то ни было пищи. Фландрцы удаляются въ свои казармы, такъ же какъ и Лекуантръ съ своими версальцами, исключая бдительныхъ патрулей, которымъ дано приказаніе быть болѣе чѣмъ когда-либо на сторожѣ.

Такъ наступаетъ ночь, бурная, дождливая и всѣ тропинки скрываются въ темнотѣ. Самая странная ночь, когда-либо пережитая этой мѣстностью со времени, быть можетъ, варфоломеевской, когда, какъ пишетъ Бассомпьеръ, Версаль былъ еще жалкимъ замкомъ (chetif château). О, гдѣ лира какого-нибудь Орфея, чтобы звуками мелодичныхъ струнъ поддержать порядокъ въ дикихъ массахъ! Здѣсь, повидимому, все рушилось, распалось въ широко зіяющей пропасти. Какъ въ моментъ гибели какого-нибудь міра, высшее пришло въ соприкосновеніе съ низшимъ: отребье Франціи, осаждающее короля Франціи; „палки съ желѣзными наконечниками“ подняты вокругъ короны и не въ защиту ея. На ряду съ обвиненіями кровожадныхъ анти-національныхъ лейбъ-гвардейцевъ слышится глухой злобный ропотъ съ упоминаніемъ имени королевы.

Дворъ въ полномъ безсиліи дрожитъ отъ страха, настроеніе мѣняется, смотря по перемѣннымъ движеніямъ на площади, передъ дворцомъ, по мѣняющимся слухамъ изъ Парижа. Слухи передаются безостановочно, предвѣщая то миръ, то войну. Неккеръ совѣщается со всѣми министрами, но безъ всякаго результата. Oeil-de-Boeuf превратился весь въ бурю шопотовъ: — Мы бѣжимъ въ Мецъ; мы не бѣжимъ. Королевскіе экипажи снова пытаются выѣхать, хотя бы ради пробы; но патрули Лекуантра заставляютъ ихъ опять повернуть обратно. Въ теченіе шести часовъ ничего не рѣшено, даже касательно „выраженія согласія полнаго и безъ оговорокъ“.

Въ теченіе шести часовъ? Увы, тотъ, кто при такихъ обстоятельствахъ не можетъ ни на что рѣшиться въ теченіе шести минутъ, тотъ долженъ отъ всего отказаться: за него уже все рѣшено судьбой. А въ это время менады и санкюлоты совѣщаются съ національнымъ собраніемъ; тамъ становится все болѣе и болѣе шумно. Мунье не возвращается, власти нигдѣ не показываются:

---

[1]) Weber, Deux Amis etc.

власть Франціи сосредоточена въ настоящее время въ рукахъ маіора Лекуантра и привратника Мальяра. И вотъ ужасъ изъ ужасовъ, который можно было давно предвидѣть, внезапно наступилъ. Для слѣпыхъ все на свѣтѣ дѣлается внезапно. Нищета, которая въ теченіе долгихъ вѣковъ не имѣла ни защитника, ни помощника, будетъ теперь сама себѣ помогать, сама за себя говорить. Ея языкъ таковъ, какимъ онъ только и могъ быть—самый грубый.

Въ восемь часовъ возвращается въ наше собраніе не депутація, а докторъ Гильотенъ, который сообщаетъ, что она возвратится, а также, что можно надѣяться на „полное согласіе безъ оговорокъ". Онъ самъ принесъ королевское письмо съ разрѣшеніемъ и приказомъ касательно „самаго свободнаго и широкаго распространенія зернового хлѣба". Королевское письмо читается и менады рукоплещутъ ему отъ всего сердца. Соотвѣтственно этому собраніе тотчасъ же вотируетъ декретъ, также встрѣченный менадами восторженно; только не можетъ ли еще верховное собраніе постановить, чтобы „цѣна на хлѣбъ была установлена по восьми су за четыре фунта, а на мясо у мясниковъ—по шести су за фунтъ"? Вѣдь это, кажется, справедливыя цѣны? Вотъ какое предложеніе вносится „множествомъ мужчинъ и женщинъ", которыхъ привратникъ Мальяръ уже не можетъ сдержать; верховному собранію приходится выслушать его. Самъ Мальяръ уже невсегда сдержанъ въ своихъ рѣчахъ; когда же его останавливаютъ, онъ извиняется, ссылаясь съ полнымъ правомъ на исключительность обстоятельствъ [1]).

Но, въ концѣ концовъ, и этотъ декретъ вотированъ, а безпорядокъ все продолжается; члены собранія исчезаютъ одинъ за другимъ; Мунье все не возвращается; что же остается и вице-президенту, какъ не испариться. Подъ такимъ давленіемъ, все собраніе мало-по-малу испаряется или, согласно офиціальному выраженію, засѣданіе откладывается до другого дня. Мальяра посылаютъ въ Парижъ съ королевскимъ указомъ касательно зернового хлѣба въ карманѣ; его съ нѣсколькими женщинами отправляютъ въ королевскихъ каретахъ. Туда же направилась стройная Луизонъ Шабре съ „письменнымъ отвѣтомъ", за которымъ были вторично посланы во дворецъ двѣнадцать депутатокъ. Тоненькая сильфида пустилась въ путь по темной грязной мѣстности: ей нужно многое разсказать, а ея бѣдные нервы такъ потрясены, что она подвигается впередъ крайне медленно, какъ впрочемъ и всѣ въ этотъ день по такой грязной дорогѣ. Президента Мунье все еще нѣтъ; нѣтъ и „полнаго согласія безъ оговорокъ". Между тѣмъ шесть часовъ со всѣми событіями уже прошли и курьеръ за курьеромъ доносятъ, что Лафайетъ приближается. Приближается, но съ чѣмъ: съ войной или миромъ? Пора, чтобы и дворецъ рѣшился на то или другое; чтобъ онъ, наконецъ, показалъ хоть признакъ жизни, если онъ вообще еще хочетъ жить!

Побѣдоносный, радостный послѣ столь долгаго отсутствія, Мунье, наконецъ, возвращается, неся съ трудомъ достигнутое „полное согласіе", имѣющее теперь увы! лишь весьма малое значеніе. Представьте себѣ, каково было удивленіе Мунье, когда онъ нашелъ свой сенатъ, который онъ разсчитывалъ такъ восхитить „полнымъ согласіемъ безъ оговорокъ"—въ полномъ отсутствіи, а вмѣсто него—сенатъ изъ менадъ! Какъ обезьяна Эразма, при помощи деревянной щепочки, подражала тому, какъ онъ брился, такъ эти амазонки съ насмѣшливой торжественностью изображаютъ смутную пародію на засѣданіе національнаго собранія. Онѣ жестикулируютъ, держатъ рѣчи, вотируютъ положенія, вызывающія, по крайней мѣрѣ, громкій хохотъ. Всѣ трибуны и скамьи переполнены; увѣсистая рыночная торговка засѣдаетъ въ креслѣ Мунье. Послѣдній не безъ труда, при помощи приставовъ и убѣдительныхъ рѣчей, пробирается до президента женскаго пола. Здоровенная дама передъ тѣмъ, какъ сложить съ себя должность, громко заявляетъ, что, прежде всего она, какъ и весь ея сенатъ мужского и женскаго пола, сильно страдаетъ отъ голода (что значитъ одна жареная боевая лошадь на такое количество людей?)

---

[1]) Moniteur (въ Hist. Parl., III, 105).

При такихъ обстоятельствахъ опытный Мунье принимаетъ двоякое рѣшеніе: собрать вновь членовъ собранія при помощи барабаннаго боя и раздобыть достаточный запасъ пищи. Быстроногіе гонцы летятъ ко всѣмъ булочникамъ, поварамъ, пирожникамъ, виноторговцамъ, ресторатoрамъ; барабанный бой и громкое выкрикиванье прокламацій раздается по всѣмъ улицамъ. Члены собранія являются, но, что еще лучше, являются и пищевые продукты. Послѣдніе доставляются на тачкахъ и подносахъ; булки, вино, большой запасъ колбасъ. Корзины съ яствами мирно, съ полной гармоніей передаются вдоль скамеекъ и, согласно словамъ отца эпической поэмы „ни одна душа не была лишена достаточной доли пищи“ (δαῖτος ἐίσης, равной трапезы), что было въ этотъ моментъ въ высшей степени желательно [1]).

Мало-по-малу, около сотни членовъ собранія собираются вокругъ кресла Мунье; менады уступаютъ имъ немного мѣста. Выслушайте „согласіе полное и безъ оговорокъ“, а потомъ перейдемъ, по порядку, къ „обсужденію уложенія о наказаніяхъ“. Всѣ скамьи переполнены, на темныхъ трибунахъ, ставшихъ еще темнѣе отъ множества растрепанныхъ головъ, странно сверкаютъ, неожиданно откуда-то появившіеся, топоры и палки съ желѣзными наконечниками [2]). Въ этотъ же самый день, пять мѣсяцевъ тому назадъ, эти самыя трибуны были заняты красавицами, украшенными длинными перьями и сверкающими драгоцѣнными каменьями, которыя на всѣ стороны сыпали свои чарующія улыбки, а теперь? Вотъ до чего мы дошли въ возрождающейся Франціи! Кажется, родильныя муки—самыя страшныя! Нѣтъ никакой возможности удержать менадъ отъ замѣчаній. Онѣ спрашиваютъ: „Какая польза въ уложеніи о наказаніяхъ? Единственное, что намъ нужно, это хлѣбъ“. Мирабо оборачивается, львиннымъ голосомъ призывая къ порядку; менады ему рукоплещутъ, но снова прерываютъ пренія.

Такимъ образомъ, пережевывая жесткія колбасы и обсуждая уложеніе о наказаніяхъ, онѣ заставляютъ собраніе переживать ужасную ночь. Какой же будетъ исходъ? Сначала долженъ прибыть Лафайетъ со своими тридцатью тысячами: онъ уже не можетъ быть далеко, и всѣ ожидаютъ его, какъ вѣстника судьбы.

ГЛАВА IX.

Лафайетъ.

Около двѣнадцати часовъ на горѣ показываются огни — огни Лафайета! Бой его барабановъ раздается вдоль Версальской аллеи. Миръ или война? Терпѣніе, друзья! Ни то, ни другое. Лафайетъ прибылъ, но катастрофа еще не наступила.

По пути онъ часто останавливался и произносилъ рѣчи; ему понадобилось девять часовъ, чтобы пройти четыре мили. Въ Монтрейлѣ, близъ Версаля, все войско должно было остановиться и, съ поднятой правой рукой, въ глубокую ночь, подъ проливнымъ дождемъ, дать торжественную клятву въ вѣрности королю и національному собранію и въ томъ, что жилище короля останется неприкосновеннымъ. Медленный, утомительный переходъ успѣлъ смирить гнѣвъ; жажда мести стихла подъ вліяніемъ усталости и отъ промокшей до послѣдней нитки одежды. Фландрскій полкъ снова выстроенъ подъ ружьемъ; но фландрцы, ставшіе такими патріотами, уже не нуждаются болѣе въ „уничтоженіи“. Изнуренные въ конецъ парижскіе батальоны дѣлаютъ привалъ въ большой аллеѣ: въ настоящее время у нихъ нѣтъ другого желанія, кромѣ какъ найти защиту отъ дождя и отдохуть.

---

[1]) Deux Amis, III, 208.

[2]) Courrier de Provence (Газета Мирабо) № 50, стр. 19.

Полонъ безпокойства президентъ Мунье; такое же безпокойство царитъ и во дворцѣ. Посланный изъ дворца предлагаетъ Мунье, не желаетъ ли онъ, какъ можно скорѣе, вернуться во дворецъ съ новой депутаціей и, такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, соединить оба наши безпокойства. Полный безпокойства Мунье, тѣмъ временемъ, увѣдомляетъ самъ отъ себя генерала Лафайета, что его величество былъ такъ милостивъ, что соизволилъ принять проектъ конституціи „съ полнымъ согласіемъ и безъ оговорокъ". Генералъ, во главѣ небольшой передовой колонны, отвѣчаетъ мимоходомъ, неопредѣленно произноситъ нѣсколько любезныхъ словъ по адресу президента, бросаетъ только одинъ взглядъ на смѣшанный составъ національнаго собранія и затѣмъ прямо направляется ко дворцу. Съ нимъ два представителя парижскаго городского совѣта, избранные съ этой цѣлью отъ лица трехъ сотъ членовъ. Его пропускаютъ черезъ запертыя внутренними и наружными замками ворота, мимо караульныхъ и привратниковъ, прямо въ королевскіе покои.

Весь дворъ, въ своихъ мужскихъ и женскихъ представителяхъ, толпится на его пути, стараясь прочесть свою судьбу на его лицѣ, которое выражаетъ, какъ утверждаютъ историки, смѣсь „печали, преданности и отваги" и производитъ странное впечатлѣніе [1]). Король, въ сопровожденіи монсьера, министровъ и маршаловъ, уже ожидаетъ его. Онъ „пришелъ", по его высокопарнымъ словамъ въ рыцарскомъ стилѣ, „чтобы сложить свою голову для охраны его величества". Двое выборныхъ отъ муниципалитета излагаютъ желанія Парижа: четыре пункта совершенно мирнаго характера. Во-первыхъ, чтобы честь охраны священной особы короля была возложена на патріотическую національную гвардію, напримѣръ, на гренадеровъ центра, которые, въ качествѣ французской гвардіи (Gardes Françaises), привыкли нести такую привилегированную службу. Во-вторыхъ, чтобъ были добыты, если возможно, пищевые продукты. Въ-третьихъ, чтобъ во всѣ тюрьмы, переполненныя политическими преступниками, были назначены судьи. Въ-четвертыхъ, чтобъ его величество соизволилъ переѣхать въ Парижъ и тамъ жить. На всѣ пункты, за исключеніемъ четвертаго, его величество съ готовностью отвѣчаетъ утвердительно или почти можетъ сказать, что уже такъ отвѣтилъ. На четвертый онъ можетъ отвѣтить только: да или нѣтъ, а между тѣмъ, онъ охотно отвѣтилъ бы: и да, и нѣтъ! Но во всякомъ случаѣ, ихъ намѣренія, благодаря Бога, вполнѣ миролюбивыя. Есть еще время на размышленіе. Самая страшная опасность, повидимому, миновала.

Лафайетъ и д'Этенгъ распредѣляютъ караулы. Гренадеры центра должны находиться въ помѣщеніи, которое занимали раньше въ качествѣ французской гвардіи, потому что его послѣдніе обитатели, неосторожные лейбъ-гвардейцы, почти всѣ ушли въ Рамбулье. Вотъ порядокъ на наступающую ночь; достаточно зла создастъ онъ въ эту ночь! Послѣ этого Лафайетъ и оба городскіе делегата прощаются съ королемъ высокопарнымъ слогомъ.

Свиданіе было такъ кратко, что Мунье съ его депутаціей еще не успѣли прибыть. Кратко, но удовлетворительно. Камень свалился съ сердца у каждаго. Прекрасныя придворныя дамы объявляютъ публично, что этотъ Лафайетъ, какъ бы противенъ онъ ни былъ, является на этотъ разъ ихъ спасителемъ. Даже древнія, кислыя Tantes (тетки) съ этимъ соглашаются: тетка короля, древняя Graille, и ея сестры, наши старыя знакомыя. Королева Марія-Антуанетта нѣсколько разъ повторила то же самое. Она одна, среди всѣхъ мужчинъ и женщинъ, сохраняла за весь этотъ день выраженіе смѣлости, полное достоинства спокойствіе и рѣшимость. Она одна ясно знала, какъ она поступитъ; а дочь Терезы посмѣетъ сдѣлать то, на что она рѣшилась, хотя бы ей угрожала вся Франція; а рѣшится она оставаться тамъ, гдѣ ея дѣти, гдѣ ея мужъ.

---

[1]) Memoire de M. le Comte de Lally-Tollendal. (Января 1790), p.p. 161—165.

Около трехъ часовъ утра все устроено: караулы разставлены, гренадеры центра водворены въ свои старыя казармы, не безъ соотвѣтствующей рѣчи; швейцарцамъ и немногимъ оставшимся лейбъ-гвардейцамъ были также сказаны рѣчи. Измученные переходомъ парижскіе батальоны, предоставленные „версальскому гостепріимству", крѣпко спятъ на запасныхъ койкахъ, въ запасныхъ казармахъ, кофейняхъ, пустыхъ церквахъ. По пути къ церкви Сенъ-Луи, эта толпа солдатъ разбудила бѣднаго Вебера, среди его безпокойныхъ сновъ, въ улицѣ Сартори. За весь этотъ день жилетный карманъ его былъ полонъ пуль; „двѣсти пуль и два р о ж к а съ порохомъ". Въ то время жилеты были настоящими жилетами; переднія полы спускались чуть не до колѣнъ. Вотъ сколько у него было пуль въ теченіе дня; но не было случая къ нимъ прибѣгнуть; онъ поворачивается на другой бокъ, проклиная безсчетныхъ разбойниковъ; прочитываетъ среди проклятій молитву, другую и тотчасъ же снова засыпаетъ.

Въ концѣ концовъ, и въ національномъ собраніи произнесена рѣчь, послѣ чего, по знаку Мирабо, обсужденіе уложенія о наказаніяхъ прерывается и собраніе распускается. Менады, санкюлоты пріютились въ кордегардіяхъ, въ казармахъ фландрскаго полка, гдѣ горятъ веселые огни, а не нашедшіе тамъ мѣста расположились въ церквахъ, конторахъ, сторожкахъ, всюду, гдѣ нищета можетъ найти пристанище. Безпокойный, шумный день докричался до покоя: пока еще не пострадало ни одной жизни, кромѣ убитой боевой лошади. Мятежный хаосъ дремлетъ вокругъ дворца, подобно океану вокругъ водолазнаго колокола, въ которомъ не оказалось еще ни одной трещины.

Глубокій сонъ одинаково охватилъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, угомонивъ на время почти все на свѣтѣ, даже ярость и голодъ. Тьма покрыла всю землю, только вдали, на сѣверо-востокѣ, сильный желтоватый свѣтъ Парижа далеко проникаетъ въ темную сырую мглу. Тамъ все освѣщено, какъ въ былыя іюльскія ночи; улицы пусты изъ боязни войны; но представители города не спятъ; патрули проходятъ, хрипло выкрикивая: „кто идетъ?" Туда, какъ мы узнаемъ, около этого самаго часа прибываетъ наша бѣдная тоненькая Луизонъ Шабре; ея нервы совсѣмъ разстроены. Туда же прибудетъ, приблизительно черезъ часъ, „около четырехъ часовъ утра", бывшій привратникъ Мальяръ. Одинъ за другимъ они докладываютъ въ городской ратушѣ, гдѣ всѣ еще бодрствуютъ, все, что могутъ сказать утѣшительнаго. На разсвѣтѣ громадные успокоительные плакаты доведутъ ихъ сообщенія до всеобщаго свѣдѣнія.

Лафайетъ въ Отель-де-Ноайль, недалеко отъ дворца, покончивши съ своими рѣчами, совѣтуется съ офицерами: въ пять часовъ утра единогласно признается, что лучшій совѣтъ для человѣка, измученнаго усталостью, не знавшаго ни минуты покоя въ теченіе болѣе двадцати четырехъ часовъ, это — броситься на кровать и хотя немного отдохнуть.

Такъ вотъ какимъ образомъ окончился первый актъ возстанія женщинъ. Какой оборотъ приметъ дѣло завтра? Завтрашній день, какъ и всегда, въ рукахъ судьбы; его величество, надо надѣяться, согласится переѣхать въ Парижъ съ должнымъ почетомъ; во всякомъ случаѣ, онъ можетъ посѣтить Парижъ. Анти-національные лейбъ-гвардейцы, какъ здѣсь, такъ и вездѣ, должны принять національную присягу; должны дать удовлетвореніе трехцвѣтной кокардѣ; фландрцы принесутъ клятву. Можетъ быть, будетъ дано много клятвъ и, несомнѣнно, будетъ произнесено много публичныхъ рѣчей, а при помощи рѣчей и клятвъ дѣло, можетъ быть, уладится вполнѣ хорошо.

Или, увы, все произойдетъ совсѣмъ иначе и кончится не добромъ: согласіе будетъ не добровольнымъ, а вынужденнымъ, позорнымъ? Безпредѣльный хаосъ мятежа надавливалъ на спящій дворецъ со всѣхъ сторонъ, какъ океанъ на водолазный колоколъ; онъ могъ проникнуть въ малѣйшую трещину. Дайте только столпившимся мятежникамъ найти входъ, и они ворвутся какъ безконечный разливъ прорвавшей плотину воды или, лучше сказать, горючей, самовоспламеняю-

щейся жидкости; напримѣръ, „терпентиннаго и фосфорнаго масла“ — жидкости, извѣстной Спинолѣ Сантерру.

ГЛАВА X.

Свободный входъ къ королю.

Сумрачная заря новаго утра, сырого и холоднаго, едва успѣла освѣтить Версаль, какъ, по волѣ судьбы, одинъ лейбъ-гвардеецъ выглянулъ въ окно въ правомъ крылѣ дворца, желая просто посмотрѣть, что видно на небѣ и на землѣ. Мужское и женское отребье бродятъ у него передъ глазами. Вполнѣ понятно, что пустой желудокъ вызываетъ въ немъ скверное настроеніе; быть можетъ, онъ даже не могъ сдержать напрашивающагося на языкъ ругательства; еще менѣе можетъ онъ не отвѣчать на тѣ, которыя доносятся до его слуха.

Дурныя слова рождаютъ еще худшія до тѣхъ поръ, пока не вырвется самое скверное, и тогда быстро совершается переходъ отъ слова къ дѣлу. Зарядилъ ли озлобленный лейбъ-гвардеецъ свое ружье, такъ какъ его проклятія неизбѣжно должны были вызвать гораздо худшія, или грозилъ выстрѣлить, быть можетъ, на самомъ дѣлѣ, выстрѣлилъ? Кто можетъ это знать? Такъ утверждали, но для насъ это мало вѣроятно. Какъ бы тамъ ни было, но отребье, въ отместку за угрозы, съ яростнымъ ревомъ бросается къ рѣшеткамъ и пытается ихъ взломать: одни изъ воротъ (замкнутыя, какъ пишутъ нѣкоторые, только цѣпью), поддаются натиску толпы; отребье врывается въ парадный дворъ и реветъ еще громче.

Ругавшійся лейбъ-гвардеецъ, а съ нимъ еще нѣсколько изъ его товарищей, теперь, дѣйствительно, стрѣляютъ; рука у одного изъ людей перебита. Лекуантръ скажетъ въ своемъ показаніи, что „г. Кардинъ, національный гвардеецъ, безоружный, былъ убитъ кинжаломъ“ [1]). Но посмотрите: вотъ, бѣдный Жеромъ Леритье, также безоружный національный гвардеецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столяръ, сынъ сѣдельщика изъ Парижа, съ едва пробивающимся пушкомъ юности на подбородкѣ, дѣйствительно, смертельно раненъ; онъ падаетъ навзничь на мостовую, обрызгивая ее мозгомъ и заливая кровью! Дикій вопль вырывается у толпы; въ немъ слышится и жалость, и безграничная жажда мести. Въ нѣсколько мгновеній рѣшетки внутренняго и, такъ называемаго, Мраморнаго двора взломаны или взяты приступомъ; живой грозный потокъ мигомъ затопляетъ Мраморный дворъ, поднимается по главной лѣстницѣ, проникаетъ во всѣ входы, по всѣмъ боковымъ лѣстницамъ! Дешютъ и Вариньи, два стоявшихъ на караулѣ лейбъ-гвардейца, опрокинуты, растоптаны, заколоты сотнями пикъ. Женщины хватаются за свои ножи или за всякое другое оружіе и врываются, подобно разъяреннымъ фуріямъ; другія поднимаютъ тѣло убитаго Жерома; кладутъ его на мраморныя ступени; тамъ посинѣвшій трупъ и размозженная голова, навѣки нѣмые, должны будутъ громко заговорить.

Горе теперь всѣмъ лейбъ-гвардейцамъ! Никому изъ нихъ не будетъ пощады! Міомандръ де Сентъ-Мари, „спустившись съ четырехъ ступеней“ по главной лѣстницѣ, умоляетъ въ ласковыхъ выраженіяхъ ревущій ураганъ. Товарищи насильно оттаскиваютъ его за полы мундира; буквально вырываютъ изъ пасти смерти и захлопываютъ за собою дверь. Но она держится всего нѣсколько мгновеній: вскорѣ обѣ половинки двери разбиты вдребезги. Баррикады безполезны: бѣгите скорѣй, о, вы лейбъ-гвардейцы; кровожадный мятежникъ, подобно всѣмъ псамъ ада, съ ревомъ гонится за вами по пятамъ!

Объятые ужасомъ, лейбъ-гвардейцы бѣгутъ, запирая за собою двери и возводя баррикады; разъяренная стая слѣдуетъ за ними. Куда? Изъ залы въ залу

---

[1]) Deposition de Lecointre (Hist. Parl. III, 111—115).

О, горе! вотъ она повернула въ покои королевы, гдѣ въ самой дальней комнатѣ королева спитъ въ настоящую минуту. Пять часовыхъ мчатся черезъ этотъ длинный рядъ комнатъ; вотъ они добѣжали до послѣдней двери, громко стучать: „Спасайте королеву!“ Дрожащія женщины падаютъ въ слезахъ къ ихъ ногамъ; они отвѣчаютъ: „Да, мы всѣ умремъ! Спасайте вы королеву!“

Не дрожите, женщины, но торопитесь: слышите, уже другой голосъ кричитъ у самой дальней двери: „Спасайте королеву!“ и дверь плотно захлопывается. Это голосъ храбраго Міомандра выкрикиваетъ второе предупрежденіе. Онъ бросилъ вызовъ неминуемой смерти, чтобъ пробраться сюда и совершить свой славный подвигъ и теперь стоитъ передъ нею лицомъ къ лицу. Отважный Тардиве дю-Репэръ, помогавшій ему въ этомъ отчаянномъ дѣлѣ, падаетъ пронзенный пиками; товарищи съ трудомъ уносятъ его еще живымъ. Міомандръ и Тардиве: да будутъ долго памятны имена этихъ двухъ славныхъ лейбъ-гвардейцевъ, какъ должны были бы быть памятны имена всѣхъ храбрыхъ людей!

Трепещущія фрейлины, одна изъ которыхъ издали замѣтила и услыхала Міомандра, поспѣшно одѣваютъ королеву; но не въ парадное платье! Она бѣжитъ подъ страхомъ смерти черезъ Oeil de Boeuf, гдѣ въ главную дверь уже ломится грозный мятежъ. Наконецъ, она въ покояхъ короля, въ его объятіяхъ, окруженная немногими вѣрными друзьями; она прижимаетъ къ груди своихъ дѣтей. Гордая императорская дочь, съ великимъ сердцемъ, разражается слезами матери: „О, друзья мои, спасите меня и моихъ дѣтей!“ (O mes amis, sauvez moi et mes enfants!) Страшный стукъ мятежныхъ топоровъ ясно доносится черезъ Oeil de Boeuf. Какой часъ!

Да друзья, отвратительный, ужасный часъ, равно постыдный, какъ для правителя, такъ и для управляемыхъ; часъ, въ который управляемые и правитель позорно удостовѣряютъ, что ихъ взаимной связи наступилъ конецъ. Бѣшенство, кипѣвшее за послѣдніе двадцать четыре часа въ двадцати тысячахъ сердецъ, перешло въ пламя: тѣло Жерома съ раздробленной головой лежитъ тамъ, какъ горящій уголь. Это, какъ мы уже сказали, ворвался элементъ безконечный, который съ неудержимой силой, бурнымъ потокомъ затопляетъ всѣ коридоры и всѣ ходы.

Между тѣмъ, несчастные лейбъ-гвардейцы загнаны почти всѣ въ Oeil-de-Boeuf. Тамъ они могутъ умереть у королевскаго порога; немногое они могутъ сдѣлать для его защиты. Они складываютъ въ кучу табуреты, скамьи и всякую мебель у дверей, гдѣ грохочутъ топоры бунтовщиковъ. — Но неужели храбрый Міомандръ погибъ тамъ, у двери королевы? Нѣтъ, его изранили, искололи, изрубили и оставили, принявъ за мертваго; тѣмъ не менѣе, онъ дотащился сюда; и будетъ жить, уважаемый всей вѣрной Франціей. Замѣтьте также—вопреки многому, что говорилось и пѣлось — мятежники не взломали той двери, которую онъ защищалъ, а бросились по другому направленію въ поискахъ за лейбъ-гвардейцами [1]).

Бѣдные лейбъ-гвардейцы съ ихъ оперным пиромъ Ѳіеста! Счастье ихъ, что бунтовщики вооружены лишь топорами и пиками; что у нихъ нѣтъ настоящихъ снарядовъ для осады! Шумъ и грохотъ у дверей удваивается! Неужели же они должны всѣ позорно погибнуть, и король съ семьей, и приверженцы ихъ вмѣстѣ съ ними? Дегюттъ и Вариньи, убитые при первомъ натискѣ, уже обезглавлены на Мраморномъ дворѣ; это жертва, принесенная останкамъ Жерома; Журданъ съ развѣвающейся бородой охотно исполнилъ это порученіе и притомъ спросилъ: „Нѣтъ ли еще?“ Другого плѣннаго водятъ вокругъ трупа съ дикими пѣснопѣніями: не прійдется ли Журдану снова засучить рукава?

Громче и громче свирѣпствуетъ мятежъ во дворцѣ, тамъ гдѣ не могутъ убивать, тамъ грабятъ; громче и громче грохочутъ удары въ дверь Oeil-de-Boeuf; что теперь можетъ помѣшать вломиться?— Вдругъ шумъ внезапно стихаетъ; гро-

[1]) Campan. II, 75—87.

хотъ топоровъ умолкъ! Слышится дикій топотъ; крики постепенно удаляются; наступаетъ тишина, затѣмъ звукъ приближающихся мѣрныхъ шаговъ; наконецъ, дружественный стукъ въ двери: „Мы гренадеры центра, старая французская гвардія: отворите намъ, г.г. лейбъ-гвардейцы; мы не забыли, какъ вы спасли насъ при Фонтенуа!" [1]) Двери отворяются; входятъ капитанъ Гондранъ съ гренадерами; лейбъ-гвардейцы обнимаются съ своими военными собратьями; совершилось внезапное возвращеніе отъ смерти къ жизни.

Удивительны эти сыны Адама! гренадеры вышли изъ дома съ тѣмъ, чтобъ „перебить" этихъ самыхъ лейбъ-гвардейцевъ, а теперь они же бросаются, чтобъ спасти ихъ отъ гибели. Воспоминаніе о взаимныхъ опасностяхъ, о прежней взаимной поддержкѣ, смягчили грубыя сердца; они бросаются другъ другу въ объятія, забывъ всякую вражду. Король показывается на мгновеніе въ дверяхъ своихъ покоевъ со словами: „Пощадите моихъ гвардейцевъ!"—Будемъ братьями! Soyons frères!" восклицаетъ капитанъ Гондранъ; и снова выбѣгаетъ во главѣ своихъ гренадеръ, съ опущенными штыками, чтобы очистить дворецъ.

Но вотъ является и Лафайетъ; его внезапно подняли, но не разбудили (сонъ еще не успѣлъ сомкнуть его глазъ); онъ говоритъ съ страстнымъ, полнымъ горячей убѣдительности краснорѣчіемъ, или ограничивается короткими быстрыми, военными приказаніями. Національные гвардейцы, вдругъ разбуженные трубными звуками и бьющими тревогу барабанами, прибываютъ со всѣхъ сторонъ. Опасность неминуемой гибели миновала: первое зарево мятежа, озарившее было все небо, затушено, или горитъ теперь, если и не вполнѣ потушенное, уже безъ яркаго пламени, подобно тлѣющимъ углямъ, которые возможно затушить. Королевскіе покои въ безопасности. Министры, чиновники и даже нѣкоторые вѣрные національные депутаты собираются вокругъ ихъ величествъ. Паника, съ рыданіями и общей растерянностью, перейдетъ мало-по-малу къ планамъ и совѣтамъ, лучшимъ или худшимъ.

Но выгляните на мгновеніе изъ королевскихъ оконъ! Бурное море человѣческихъ головъ затопило оба двора и грозно волнуется у всѣхъ входовъ: женщины-фуріи, полные ярости мужчины, одержимые жаждой мести, дикимъ влеченіемъ къ убійству и грабежу! Отребье сбросило свой намордникъ—и теперь бѣшено лаетъ, подобно трехголовому псу мрачнаго Эреба. Четырнадцать лейбъ-гвардейцевъ ранены, двое убиты и, какъ мы видѣли, обезглавлены; Журданъ спрашиваетъ: „Стоило ли ходить такъ далеко изъ за двоихъ?" Несчастные Дегюттъ и Вариньи! Ихъ судьба, конечно, была печальна, они такъ неожиданно были сброшены въ бездну; подобно тому, какъ людей совершенно внезапно уноситъ съ громовымъ грохотомъ лавина, созданная не ими, а вдали отъ нихъ, совсѣмъ другими! Когда дворцовые часы били въ послѣдній разъ, они равнодушно шагали взадъ и впередъ, держа ружье на плечѣ и думая только о томъ, скоро ли часы пробьютъ снова. Часы пробили, но удары уже не донеслись до ихъ слуха. Ихъ трупы лежатъ обезображенные; ихъ головы парадируютъ по улицамъ Версаля „на пикахъ длиной въ двѣнадцать футовъ" и около полудня достигнутъ заставъ Парижа,—слишкомъ ужасное противорѣчіе громаднымъ успокоительнымъ плакатамъ, которые тамъ повсюду расклеены!

Другой плѣнный лейбъ-гвардеецъ все еще кружится вокругъ тѣла Жерома при дикомъ ревѣ толпы; кровожадный бородачъ, съ засученными рукавами, машетъ своимъ окровавленнымъ топоромъ; въ это время показывается Гондранъ со своими гренадерами. „Товарищи, не хотите ли посмотрѣть, какъ человѣкъ будетъ хладнокровно зарѣзанъ?"—„Прочь мясники!" отвѣчаютъ они,—и лейбъ-гвардеецъ освобожденъ. Гондранъ дѣятельно продолжаетъ свое дѣло; ему изо всѣхъ силъ помогаютъ его гренадеры и ихъ капитаны; они освобождаютъ всѣ коридоры; разгоняютъ мятежниковъ и грабителей; очищаютъ весь дворецъ. Возможность кровожаднаго убійства устранена; тѣло Жерома перенесено въ ра-

---

[1]) Toulongeon, I, 144.

тушу, въ ожиданіи слѣдствія; неудержимо бушевавшее пламя мятежа понижается все болѣе и болѣе до умѣреннаго, безопаснаго тепла.

Какъ и всегда при всеобщемъ взрывѣ разнородныхъ страстей происходитъ невѣроятное смѣшеніе всякаго рода несообразностей: комичное, и даже смѣшное близко граничитъ съ ужаснымъ. Вдали, надъ волнующимъ моремъ людскихъ головъ, виднѣются оборванцы, гарцующіе на лошадяхъ изъ королевской конюшни. Это грабители, такъ какъ патріотизмъ всегда извращается въ нѣкоторой пропорціи простыми ворами и мошенниками. Гондранъ отнялъ у нихъ добычу во дворцѣ, послѣ чего они поспѣшили отправиться въ конюшни и забрали лошадей. Но благородные кони Діомеда, согласно Веберу, отнеслись съ негодованіемъ къ такому презрѣнному грузу; и, лягая своими царственными ногами, вскорѣ сбросили его почти весь далеко отъ себя, при громкихъ взрывахъ хохота. Потомъ ихъ удалось поймать. Конная національная гвардія позаботилась объ остальныхъ.

Въ то же время наблюдаются послѣдніе трогательные отблески этикета, который не погибаетъ здѣсь, даже во время крушенія цѣлаго міра, безъ послѣднихъ признаковъ жизни; подобно тому, какъ сверчокъ могъ бы еще чиркать при звукахъ трубъ въ день страшнаго суда, какой-то церемоніймейстеръ (надо полагать Де-Брезе), увидѣвъ въ эти ужасныя минуты, что Лафайетъ бѣжитъ во внутренніе покои короля, сказалъ ему: „Monsieur, le Roi vous accorde les grandes entrées, (король разрѣшаетъ вамъ свободный входъ къ нему)“ — не находя въ данный моментъ удобнымъ отказать въ немъ [1]).

ГЛАВА XI.

Изъ Версаля.

Однако, парижская національная гвардія, въ полномъ вооруженіи, очистила дворецъ и даже заняла все пространство вокругъ, вытѣснивъ разношерстный патріотизмъ, большею частью въ главный и даже передній дворъ.

Лейбъ-гвардейцы, какъ мы теперь замѣчаемъ, дѣйствительно, „надѣли національныя кокарды“ и они показываются въ окнахъ, или выходятъ на балконы, держа въ рукахъ шляпы, на которыхъ виднѣются громадныя трехцвѣтныя кокарды; они снимаютъ свои перевязи въ знакъ того, что сдаются и громко кричатъ: Vive la Nation! (да здравствуетъ нація). На это доблестныя сердца не могутъ не отвѣтить: Vive le Roi! vivent les Gardes du Corps! (да здравствуетъ король! да здравствуютъ лейбъ-гвардейцы!) Его величество уже появлялся на балконѣ вмѣстѣ съ Лафайетомъ и теперь снова появляется: Vive le Roi! гремитъ со всѣхъ сторонъ. Лишь изъ одной глотки вырывается единичный возгласъ: Le roi à Paris (короля въ Парижъ!)

Ея величество также вызываютъ и она показывается, хотя это и сопряжено съ опасностью; она выходитъ на балконъ съ сыномъ и дочерью. „Не надо дѣтей, Point d'enfans!“ слышатся голоса. Она нѣжно отстраняетъ дѣтей назадъ и стоитъ одна, спокойно сложивъ руки на груди: „Если нужно умереть, говоритъ она, я умру“. Такое спокойствіе, такое геройство не могутъ не произвести впечатлѣнія. Лафайетъ, съ своей догадливостью, со свойственной ему рыцарской восторженностью, беретъ ея царственную руку и, почтительно преклонивъ колѣно, подноситъ къ своимъ губамъ. Тогда народъ кричитъ: да здравствуетъ королева! (Vive la Reine). Тѣмъ не менѣе, Веберъ „видѣлъ“ (или ему только показалось, потому что въ такіе истеричные дни едва ли третья часть наблюденій бѣднаго Вебера можетъ считаться вполнѣ достовѣрной), „какъ одинъ изъ этихъ разбойниковъ навелъ свое ружье на ея величество“ съ намѣреніемъ

---

[1]) Toulongeon, I, App. 120.

или безъ намѣренія выстрѣлить, но другой такой же разбойникъ „гнѣвно выбилъ у него ружье изъ рукъ".

Такимъ образомъ, всѣ, сама королева, даже командиръ лейбъ-гвардейцевъ стали національными! Командиръ лейбъ-гвардейцевъ появляется вмѣстѣ съ Лафайетомъ и на шляпѣ этого кающагося грѣшника красуется трехцвѣтная кокарда величиной съ блюдечко или съ подсолнечникъ, замѣтная всѣмъ до передняго двора. Онъ громкимъ голосомъ произноситъ національную присягу, приподнявъ свою шляпу; при видѣ этого, все войско съ криками, поднимаетъ свои кивера на штыкахъ. Какъ сладко примиреніе сердцу человѣка! Лафайетъ принялъ присягу отъ фландрцевъ; присягнули также и всѣ оставшіеся лейбъ-гвардейцы на Мраморномъ дворѣ и народъ заключаетъ ихъ въ свои объятія: О, братья! зачѣмъ вы принудили насъ убивать васъ! Видите, какъ мы рады вамъ, какъ блуднымъ сынамъ! Бѣдные лейбъ-гвардейцы, сдѣлавшись теперь національными и украшенные тремя цвѣтами, обмѣниваются киверами, обмѣниваются оружіемъ; теперь воцарятся миръ и братство. Крикъ „Vive le Roi" не смолкаетъ, но слышится также и „Le Roi à Paris", и теперь уже не изъ одной глотки, а изо всѣхъ разомъ, такъ какъ всѣ сердца слились въ одномъ общемъ желаніи.

Да, „Короля въ Парижъ!" Какъ же иначе? Сколько бы ни совѣщались министры и сколько бы ни покачивали головой національные депутаты, а другого исхода нѣтъ. Вы принудили его переѣхать добровольно. „Въ часъ пополудни!" Лафайетъ увѣряетъ въ этомъ во всеуслышаніе, и всеобщій мятежъ отвѣчаетъ ему безмѣрнымъ ликованіемъ и залпомъ изъ всѣхъ имѣющихся на лицо огнестрѣльныхъ орудій, большихъ и малыхъ, блестящихъ и заржавленныхъ. И что это былъ за залпъ! За нѣсколько миль слышался онъ словно раскаты грома въ день страшнаго суда. И звукъ этотъ катится также вдаль, въ молчаніе вѣковъ. Съ тѣхъ поръ Версальскій дворецъ стоитъ опустѣвшій, погруженный въ тишину; его громадные дворы поростаютъ травой и внимаютъ лишь звуку мотыги садовника. Времена и поколѣнія проходятъ, теряясь въ своемъ таинственномъ Гольфстремѣ, и строенія, подобно строителямъ, имѣютъ свою судьбу.

Такъ до часу всѣ три партіи: національное собраніе, національное отребье и національный роялизмъ будутъ достаточно заняты. Отребье ликуетъ; женщины наряжаются въ трехцвѣтное тряпье; Парижъ съ материнской заботой выслалъ своимъ героямъ достаточное количество „телѣгъ съ хлѣбомъ", которыя были встрѣчены радостными криками и уничтожены съ благодарностью. Герои, съ своей стороны, розыскиваютъ хлѣбные запасы, нагружаютъ ими пятьдесятъ подводъ, такъ что національный король, предполагаемый предвѣстникъ всякихъ благъ, явится на этотъ разъ явнымъ носителемъ изобилія.

Итакъ, санкюлотизмъ взялъ въ плѣнъ короля, отрекающагося отъ своего слова. Монархія пала и даже не съ честью: наоборотъ, позорно, хотя и не безъ многихъ попытокъ къ борьбѣ, но борьба была неразумная, тратившая свои силы въ порывахъ и припадкахъ и при каждомъ новомъ порывѣ оказывавшаяся все болѣе жалкой и безсильной. Такъ, свистъ картечи Брогли, который могъ бы привести къ чему-нибудь, заглохъ въ пьяномъ задорѣ оперного банкета и въ звукахъ: O, Richard, o mon Roi! И, какъ мы дальше увидимъ, перейдетъ въ заговоръ Фавра, закончившійся повѣшеніемъ одного рыцаря.

Бѣдная монархія! Но что, помимо самаго постыднаго пораженія, можетъ ожидать человѣка, который хочетъ и не хочетъ? Король или имѣетъ права, которыя онъ долженъ отстаивать до самой смерти, предъ Богомъ и людьми или не имѣетъ никакихъ правъ. Повидимому, или то, или другое,— еслибъ онъ только зналъ, что именно! Да сжалится надъ нимъ небо! Будь Людовикъ мудръ, онъ въ тотъ же день отказался бы отъ короны. Не странно ли, что монархи такъ рѣдко отказываются отъ короны? И ни объ одномъ еще не было слышно, чтобъ онъ совершилъ самоубійство. Только одинъ Фридрихъ I, король прусскій, попытался было сдѣлать это, но и тутъ веревка была перерѣзана во время.

Что же до національнаго собранія, которое выпускаетъ въ это утро декретъ, что „оно неотдѣлимо отъ его величества“ и послѣдуетъ за нимъ въ Парижъ, то нельзя не замѣтить одного: именно, крайняго недостатка физическаго здоровья у его членовъ. Уже послѣ четырнадцатаго іюля обращало на себя вниманіе извѣстное расположеніе къ заболѣваніямъ между его уважаемыми членами; такъ, многіе спрашивали паспорты по случаю разстроеннаго здоровья. Теперь же, и въ послѣдующіе дни, замѣчается настоящая эпидемія. Президентъ Мунье, Лалли Толлендаль, Клермонъ Тоннеръ и всѣ конституціонные роялисты двухъ палатъ нуждаются въ перемѣнѣ климата, какъ нуждались въ ней раньше роялисты, не допускавшіе ни одной палаты.

Да, дѣйствительно, то, что теперь наступило, есть не что иное, какъ вторая эмиграція, сильно распространенная среди депутатовъ отъ общинъ, духовенства и дворянства; „въ одну Швейцарію выѣзжаетъ до шестидесяти тысячъ человѣкъ“. Они возвратятся въ дни расчетовъ! Да, возвратятся и встрѣтятъ самый теплый пріемъ. Но эмиграція за эмиграціей, особенность Франціи. Одна эмиграція слѣдуетъ за другой (на основаніи или разумнаго страха, или неразумныхъ надеждъ, очень часто на основаніи просто ребяческаго каприза. Первый примѣръ подали бѣглецы высокаго полета, за ними слѣдуетъ болѣе мелкая сошка, а тамъ бѣгутъ все низшіе и низшіе вплоть до пресмыкающихся. Не представляется ли нашему національному собранію возможность тѣмъ удобнѣе выработать конституцію теперь, когда всѣ двухпалатные англоманіаки находятся въ безопасности, на далекихъ чужихъ берегахъ? Аббатъ Мори схваченъ и возвращенъ обратно; онъ, хотя и представляетъ собою выдѣланную кожу, и, вмѣстѣ съ краснорѣчивымъ капитаномъ Казалесомъ и нѣкоторыми другими, выдержитъ еще цѣлый годъ.

Но тутъ возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли видѣли въ этотъ день Филиппа Орлеанскаго въ сѣромъ сюртукѣ въ Булонскомъ лѣсу, гдѣ онъ выжидалъ, подъ увядшей сырой листвой, что принесетъ этотъ день? Увы, да, то былъ его образъ въ воображеніи Вебера и другихъ, ему подобныхъ. Тюрьма Шатле производитъ самое подробное слѣдствіе по этому дѣлу, допрашиваетъ сто семьдесятъ свидѣтелей, а депутатъ Шарбу публикуетъ свой докладъ; но болѣе ничего не обнаружено [1]. Чѣмъ же тогда могли быть вызваны эти два ни съ чѣмъ не сравнимыхъ октябрскихъ дня? Потому что такое драматическое представленіе, безъ сомнѣнія, никогда не могло бы имѣть мѣста безъ режиссера и машиниста' Деревянный Петрушка не выскакиваетъ со своими домашними горестями на Божій свѣтъ безъ того, чтобъ не потянули за соотвѣтствующую пружину: не то же ли бываетъ съ людской толпой? Такъ не были ли это герцогъ Орлеанскій и Лакло, маркизъ Сильери, Мирабо и другіе сыны смятенія, которые надѣялись, отправивъ короля въ Мецъ, воспользоваться добычей? Или не были ли это, совсѣмъ наоборотъ: Oeil de Boeuf, лейбъ-гвардіи полковникъ де-Гишъ, министръ Сенъ-При и вѣрноподданные высокаго полета, которые также надѣялись отправить короля въ Мецъ и испробовать шансы путемъ оружія и междоусобной войны? Добрякъ маркизъ Тулонжонъ, историкъ и депутатъ, чувствуетъ себя обязаннымъ сознаться, что не безвинны были и тѣ, и другіе [2].

Увы, друзья мои, довѣрчивое недовѣріе—явленіе странное. Но что же дѣлать, когда цѣлая нація охвачена подозрительностью и видитъ полное драматизма чудо даже въ отправленіяхъ гастрическихъ соковъ? Такая нація является вся лишь простой связкой гипохондрическихъ болѣзней; она какъ бы превращена въ стекло; желчная, хилая, она уже не можетъ избѣжать кризисовъ. Развѣ подозрительность, сама по себѣ, не является чѣмъ то особенно подозрительнымъ, какъ Монтень страшился лишь самого чувства страха?

---

[1]) Rapport de Chabroud (Moniteur, отъ 31 декабря 1789).

[2]) Toulongeon, I, 150.

Однако, часъ пробилъ. Его величество уже въ каретѣ, съ королевой, сестрой Елизаветой и двумя королевскими дѣтьми. Въ теченіе еще цѣлаго часа безконечная процессія не можетъ быть приведена въ порядокъ и тронуться въ путь. Погода сумрачная и сырая; умы въ смятеніи; неистовый шумъ не прекращается.

Нашъ міръ видѣлъ не мало торжественныхъ процессій: римскіе тріумфы и оваціи; праздничныя шествія Кабировъ подъ звуки кимваловъ, королевскія встрѣчи, ирландскія похороны; осталось еще посмотрѣть на шествіе французской монархіи къ смертному одру. Оно протянулось на цѣлыя мили въ длину, а въ ширину теряется въ пространствѣ, такъ какъ всѣ окрестности собрались смотрѣть на него. Оно подвигается впередъ медленно, едва трогаясь съ мѣста, подобно безбрежному озеру, но тѣмъ не менѣе съ грохотомъ Ніагарскаго водопада, шумомъ Вавилонскаго столпотворенія, безумными криками Бедлама. Слышится плескъ воды и громкій топотъ;—крики ура! ревъ толпы и мушкетные выстрѣлы: самый вѣрный образецъ хаоса для нашихъ дней! Наконецъ, при сгустившемся сумракѣ, процессія медленно вступаетъ въ ожидающій ее Парижъ, гдѣ на всемъ протяженіи отъ Пасси до городской ратуши проходитъ между двойнымъ рядомъ лицъ.

Обратите вниманіе на составъ процессіи: въ авангардѣ національныя войска; за ними артиллерія, вооруженные пиками мужчины и женщины, сидящіе на пушкахъ, телѣгахъ, въ наемныхъ экипажахъ или пѣшкомъ; они идутъ, приплясывая, разукрашенные трехцвѣтными лентами съ головы до ногъ; на концы штыковъ насажены булки, въ дуло ружей воткнуты зеленыя вѣтви [1]). Далѣе, во главѣ процессіи „пятьдесятъ подводъ съ хлѣбомъ", выданнымъ изъ запасовъ Версаля въ залогъ мира. Позади нихъ идутъ въ разсыпную лейбъ-гвардейцы, униженные въ гренадерскихъ шапкахъ. Непосредственно за ними слѣдуетъ королевская карета; потомъ другіе королевскіе экипажи; въ нихъ размѣстились сто національныхъ депутатовъ и между ними Мирабо, замѣчанія котораго остались неизвѣстны. Наконецъ, въ хвостѣ, въ видѣ арьергарда, шествуютъ въ перемежку, фландрцы, швейцарцы, сотня швейцарцевъ, еще лейбъ-гвардейцы, разбойники, всѣ, кто не успѣлъ протискаться впередъ. Между всѣми этими массами, движутся безъ опредѣленнаго мѣста жители Сентъ-Антуана и когорта менадъ. Послѣднихъ особенно много около королевской кареты; онѣ приплясываютъ, разукрашенныя трехцвѣтнымъ тряпьемъ; поютъ „многозначительныя пѣсни", указывая одной рукой на экипажъ съ королевской семьей, которой касаются ихъ намеки, а другой на подводы съ запасами хлѣба, и произносятъ слѣдующія слова: „Смѣлѣе, друзья! Мы теперь не будемъ больше нуждаться въ хлѣбѣ; мы веземъ вамъ булочника, булочницу и пекаренка (le Boulanger, la boulangère et le petit Mitron) [2]).

Дождливый день смачиваетъ трехцвѣтныя украшенія, но радость остается неизмѣримой. Развѣ не хорошо устроилось дѣло? Ah, Madame, notre bonne Reine, говорили нѣкоторыя изъ этихъ мегеръ нѣсколько дней спустя. „Ахъ, наша добрая королева, не будьте болѣе измѣнницей (ne soyez plus traitre) и мы всѣ будемъ любить васъ! „Бѣдный Веберъ пробирается въ грязи, близъ королевскаго экипажа, съ глазами полными слезъ: „Ихъ величества сдѣлали мнѣ честь", или мнѣ такъ показалось, „пожиманіемъ плечъ или обращенными къ небу взорами, указывая время отъ времени на переживаемыя ими волненія". Такъ, подобно хрупкой скорлупѣ, королевская жизнь носится безъ руля по мрачнымъ потокамъ жалкаго отребья.

Мерсье, съ свойственной ему неточностью, насчитываетъ въ процессіи и сопровождающихъ ее до двухсотъ тысячъ человѣкъ. Онъ говоритъ, что все это было одно общее, безграничное, невыразимое замѣшательство;—трансцендентный взрывъ міровою хохота, могущій уподобиться сатурналіямъ древнихъ. Почему же нѣтъ? И здѣсь, какъ мы уже упоминали, человѣческая природа снова вполнѣ

---

[1]) Mercier, Nouveau Paris, III, 21.

[2]) Toulongeon, I, 134—161; Deux Amis, III, c. 9; &, &.

человѣчна; ужасайтесь ея, если вамъ присуще свойство ужасаться, но присмотритесь, и вы увидите, что все же она человѣчна. Она поглотила всѣ существующія формулы даже въ отношеніи танцевъ. Вотъ почему тѣ, кто собираютъ вазы и античныя вещи съ изображеніями танцующихъ вакханокъ „въ дикихъ и почти невозможныхъ позахъ", могутъ смотрѣть на это не безъ интереса.

Такимъ образомъ, медленно движущійся хаосъ или новѣйшая сатурналія достигаетъ заставы, гдѣ должна остановиться, чтобы выслушать рѣчь мэра Бальи. Послѣ этого, онъ опять долженъ тащиться впередъ, между двойнымъ рядомъ лицъ, среди неистоваго, оглашающаго все небо, шума и гама, еще цѣлыхъ два часа до самой городской ратуши. Тамъ снова нѣсколько лицъ произносятъ длинныя рѣчи; между прочими Моро де Сенъ-Мери, Моро, извѣстный тремя-тысячами приказовъ, нынѣ національный депутатъ отъ Санъ-Доминго. На всѣ рѣчи, бѣдный Людовикъ, который, повидимому, испытывалъ легкое волненіе при входѣ въ городскую ратушу, могъ только отвѣтить, „что онъ пріѣзжаетъ съ удовольствіемъ, съ полнымъ довѣріемъ къ своему народу". Мэръ Бальи, передавая эти слова, пропускаетъ слово „довѣріе", въ виду чего бѣдная королева съ живостью перебиваетъ его: „Прибавьте: съ довѣріемъ". „Господа, прибавляетъ Бальи, вы счастливѣе, чѣмъ были бы, если-бъ я этого не забылъ".

Въ концѣ концовъ, короля, съ громадной трехцвѣтной кокардой на шляпѣ, выводятъ, при свѣтѣ факеловъ, на верхній балконъ: и весь народъ, повѣствуетъ Веберъ, пожимаетъ руки другъ другу; „предполагая, конечно, что теперь несомнѣнно наступила новая эра". Едва въ одиннадцать часовъ ночи королевская семья можетъ добраться до своего давно пустующаго Тюльерійскаго дворца, чтобы поселиться тамъ на положеніи какъ-бы гастролирующихъ актеровъ. Это было во вторникъ 6-го октября.

Бѣдному Людовику предстоитъ участвовать еще въ двухъ процессіяхъ: одной, такой же смѣшной и позорной какъ эта; другой далеко не смѣшной и не позорной, но, наоборотъ, страшно серьезной и даже величественной.

ЧАСТЬ II.

КОНСТИТУЦІЯ.

198

Mauern seh'ich gestürzt, und Mauern seh'ich errichtet,
Hier Gefangene, dort auch der Gefangenen viel.
Ist vielleicht nur die Welt ein grosser Kerker? Und frei ist
Wohl der Tolle, der sich Ketten zu Kränzen erkiest?

Goethe.

199

КНИГА I.

Праздникъ пикъ.

ГЛАВА I.

ВъТ юльери.

Если жертвѣ нанесенъ рѣшительный ударъ, то катастрофа можетъ считаться почти наступившей. Отнынѣ неинтересно уже прислушиваться къ ея долгимъ глубокимъ стонамъ: достойны вниманія лишь ея болѣе сильныя судороги, конвульсивныя усилія стряхнуть съ себя мучительную пытку, а затѣмъ, въ заключеніе, послѣдній вздохъ самой жизни, послѣ чего она лежитъ мертвая, поконченная,—закутанная ли, подобно Цезарю, въ декоративныя складки тоги, или непристойно повалившаяся, какъ человѣкъ, не имѣвшій силы даже умереть съ достоинствомъ.

Была ли французская королевская власть, такъ позорно выхваченная 6 октября 1789 года изъ своей роскошной рамки, такой жертвой? Вся Франція и королевское воззваніе ко всѣмъ провинціямъ со страхомъ отвѣчаютъ: Нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, можно было опасаться худшаго. Королевская власть уже раньше была разслабленной, умирающей, въ ней было слишкомъ мало жизненной силы, чтобы справиться съ нанесенной раной. Какъ много она потеряла своей силы, существовавшей только въ воображеніи; чернь взглянула прямо въ лицо короля,—и не умерла! Если стая вороновъ можетъ клевать свое пугало и приказывать ему: становись здѣсь, а не тамъ, можетъ торговаться съ нимъ и дѣлать его изъ неограниченнаго, совершенно ограниченнымъ конституціоннымъ пугаломъ,—то чего же можно ожидать впереди? Не на ограниченномъ конституціонномъ пугалѣ сосредоточивается отнынѣ вся надежда, а на тѣхъ еще неисчисленныхъ, кажущихся безграничными силахъ, которыя могутъ собраться вокругъ него, такъ какъ всякая дѣйствительная власть по существу своему мистична и происходитъ по „Божьей милости".

Интереснѣе наблюдать не предсмертныя судороги роялизма, а ростъ и скачки санкюлотизма; ибо въ дѣлахъ людскихъ, особенно въ людскомъ обществѣ, всякая смерть есть только рожденіе въ смерти, слѣдовательно, если скипетръ ускользаетъ отъ Людовика, то это значитъ только, что въ другихъ формахъ другіе скипетры, хотя бы даже скипетры - пики, берутъ перевѣсъ. Мы увидимъ, что въ благопріятной средѣ, богатой питательными элементами, санкюлотизмъ крѣпнетъ, выростаетъ здоровымъ и даже рѣзвится не безъ граціозной шаловливости, такъ какъ всѣ молодыя существа игривы; извѣстно, однако, что взрослая кошка и всѣ звѣри кошачьи породы вообще чрезвычайно жестоки, а вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшой веселостью отличаются именно котята, или подрастающія кошки.

Представьте себѣ королевское семейство, встающее на утро, послѣ того безумнаго дня, со своихъ складныхъ кроватей; представьте муниципалитетъ, спрашивающій: „Какъ благоволитъ ваше величество расположиться на житье?“ и суровый отвѣтъ короля: „Пусть каждый располагается, какъ можетъ; мнѣ достаточно хорошо“. Представьте себѣ, какъ городскіе чины откланиваются, съ выразительной усмѣшкой, и удаляются въ сопровожденіи подобострастныхъ обойщиковъ, и какъ Тюльерійскій дворецъ перекрашивается и обставляется вновь для королевской резиденціи, а Лафайетъ со своими синими національными гвардейцами любовно окружаютъ его, на подобіе синяго Нептуна (выражаясь поэтически), ласкающагося къ острову. Здѣсь могутъ собраться обломки реабилитированныхъ вѣрноподданныхъ, если они пожелаютъ стать конституціоналистами, ибо конституціонализмъ не желаетъ ничего дурного; даже санкюлоты радуются при видѣ короля. Мусоръ возстанія менадъ сметенъ въ сторону, какъ всегда бываетъ и должно быть со всякимъ мусоромъ въ этомъ неизмѣнно-добродушномъ мірѣ, и вотъ, на расчищенной аренѣ, при новыхъ условіяхъ, даже съ нѣкоторымъ подобіемъ новаго великолѣпія, мы начинаемъ новый рядъ дѣйствій.

Артуръ Юнгъ былъ свидѣтелемъ весьма странной сцены: Ея величество безъ свиты гуляетъ въ Тюльерійскомъ саду, а смѣшанныя толпы съ трехцвѣтными кокардами кланяются ей и почтительно разступаются; даже королева вызываетъ, по меньшей мѣрѣ, почтительное молчаніе, ее избѣгаютъ съ состраданіемъ [1]). Домашнія утки въ королевскихъ водахъ кряканьемъ выпрашиваютъ хлѣбныхъ крошекъ изъ юныхъ королевскихъ рукъ; у маленькаго дофина есть огороженный садикъ, въ которомъ можно видѣть, какъ онъ съ розовыми щечками и развѣвающимися бѣлокурыми локонами копаетъ землю; тутъ же находится маленькій шалашъ, гдѣ онъ прячетъ свои инструменты и можетъ самъ укрываться отъ дождя. Какая мирная простота! Миръ ли это отца, возвращеннаго своимъ дѣтямъ, или миръ надсмотрщика надъ работами, потерявшаго свой кнутъ? Лафайетъ, муниципалитетъ и всѣ конституціоналисты утверждаютъ первое и дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы это оправдалось на дѣлѣ. Если часть патріотовъ опасно рычитъ и скалитъ зубы, то ихъ усмирятъ патрули; или, еще лучше, король пригладитъ ихъ по взъерошенной шерсти ласковой рукой и, что всего дѣйствительнѣе, накормитъ болѣе обильной пищей. Да, мало накормить Парижъ, нужно еще, чтобы въ этомъ дѣлѣ была видна рука короля. Заложенное имущество бѣдняковъ до извѣстной суммы будетъ выкуплено по милости короля, и ненасытный **Mont-de-Piete** извергнетъ свое содержимое; будутъ совершаться катанья по городу съ криками V i v e l e r o i, и, такимъ образомъ, при помощи дѣйствительныхъ средствъ и внѣшнихъ пріемовъ, королевская власть станетъ популярной, если только человѣческое искусство въ силахъ сдѣлать ее популярной [2]).

Или же, увы, это гуляетъ не возвращенный отецъ и не потерявшій кнутъ надсмотрщикъ, а уклоняющаяся отъ общей нормы совокупность ихъ обоихъ и безчисленныхъ другихъ разнородныхъ элементовъ, не подходящая ни подъ какую рубрику, если не подъ только что придуманную: К о р о л ь Л ю д о в и к ъ, в о з с т а н о в и т е л ь ф р а н ц у з с к о й с в о б о д ы? Дѣйствительно, человѣкъ — и король Людовикъ, какъ всякій другой, — живетъ въ этомъ мірѣ для того, чтобы приводить въ порядокъ безпорядочное и своей живой энергіей принудить даже нелѣпое быть менѣе нелѣпымъ. Ну, а если нѣтъ живой энергіи, а только живая пассивность? Когда король Змѣй былъ неожиданно брошенъ въ свое водное царство, онъ, по крайней мѣрѣ, сталъ кусаться и этимъ убѣдительно доказалъ свое существованіе. Для бѣднаго же короля Чурбана, швыряемаго туда и сюда тысячею случайностей и чужой волей, помимо собственной, большое счастье, что онъ былъ деревянный, и что, не дѣлая ничего, онъ за то не могъ ничего ни видѣть, ни чувствовать! Это ужъ совсѣмъ безнадежное дѣло.

---

[1]) **Arthur Joung's Travels, I, 264—280.**

[2]) **Deux Amis, III, c. 10.**

Для его величества короля Франціи, между тѣмъ, самое тяжелое оказывается то, что онъ не можетъ охотиться. Увы, отнынѣ время охотъ для него миновало; охотятся только за нимъ самимъ! Только въ ближайшія недѣли іюня ему удается испытать радости охотника, истребителя дичи, только въ этомъ іюнѣ и никогда больше. Онъ посылаетъ за своими слесарными инструментами, и въ теченіе дня, по окончаніи своихъ оффиціальныхъ или церемоніальныхъ дѣлъ, „работаетъ немного подпилкомъ, quelques coups de lime" [1]) Безобидный братъ смертный, зачѣмъ не былъ ты настоящимъ, безвѣстнымъ слесаремъ? За что былъ ты осужденъ на то, чтобы въ другомъ, болѣе видномъ ремеслѣ, ковать только міровыя глупости, видимости и вещи сами себя уничтожающія; вещи, которыя ни одинъ смертный своимъ молотомъ не могъ сковать въ одно цѣлое!

Бѣдный Людовикъ не лишенъ пониманія, не лишенъ даже элементовъ воли; нѣкоторая страстность темперамента изрѣдка прорывается сквозь его флегматичный, вялый характеръ. Если бы безобидная неподвижность могла спасти его, то было бы хорошо; но онъ будетъ только дремать и видѣть мучительные сны, сдѣлать же что нибудь ему не дано. Старые роялисты до сихъ поръ еще показываютъ комнаты, въ которыхъ ихъ величества, со свитой, жили при этихъ необычайныхъ обстоятельствахъ. Здѣсь сидѣла королева и читала — она перевезла сюда свою библіотеку, хотя король отказался отъ своей, — здѣсь она принимала пылкіе совѣты отъ пылкихъ совѣтчиковъ, не знающихъ, что собственно посовѣтовать; горевала объ измѣнившихся временахъ, слабо надѣясь на лучшія: развѣ она не имѣла живого символа надежды въ лицѣ своего розоваго мальчика! Небо мрачно, покрыто тучами; но сквозь нихъ прорываются золотые лучи, — заря ли это, или предвѣстники мрачной грозовой ночи? А вотъ другая комната, по ту сторону отъ главнаго входа; это комната короля: здѣсь его величество завтракалъ, занимался государственными дѣлами; здѣсь ежедневно, послѣ завтрака, онъ принималъ королеву, иногда съ патетической нѣжностью, иногда съ чисто человѣческой раздражительностью, ибо плоть человѣческая слаба; а когда она спрашивала его о дѣлахъ, онъ отвѣчалъ: „Madame, ваше дѣло—заниматься дѣтьми". Нѣтъ, Sire, не лучше ли было бы вашему величеству самому заняться дѣтьми? спрашиваетъ безпристрастная исторія, досадуя на то, что болѣе толстый сосудъ не оказался и болѣе прочнымъ, и сожалѣя болѣе фарфоровую, нежели глиняную половину человѣческаго рода, — хотя на самомъ дѣлѣ разбились обѣ!

И вотъ, французскіе король и королева должны теперь пробыть въ этомъ Медичійскомъ Тюльери сорокъ одинъ мѣсяцъ, глядя, какъ дико взбудораженная Франція вырабатываетъ ихъ судьбу и свою собственную. Суровые, холодные мѣсяцы, съ быстро смѣняющейся погодой, но все же кое-когда съ блѣднымъ мягкимъ солнечнымъ блескомъ апрѣля, преддверія къ зеленому лѣту, или октября, предвѣстника лишь вѣчнаго мороза. Какъ измѣнилось это Медичійское Тюльери съ того времени, когда оно было мирнымъ глинянымъ полемъ! Или на самой почвѣ его тяготѣетъ проклятіе, мрачный рокъ, или это дворецъ Атрея, такъ какъ близко луврское окно, откуда одинъ изъ Капетовъ, бичуемый фуріями, далъ сигнальный выстрѣлъ къ кровавой Варѳоломеевской банѣ? Теменъ путь предвѣчнаго, какъ онъ отражается въ этомъ мірѣ преходящаго: путь Божій лежитъ по морю, и тропа его проложена въ великой глубинѣ.

---

[1]) Le Château de Tuileries ou récit etc., par Roussel (Hist. Parl. IV, 195—219).

ГЛАВА II.

Въ манежѣ.

Довѣрчивымъ патріотамъ теперь ясно, что конституція „пойдетъ“, marchera.—будь у нея только ноги, чтобы стоять. Живѣе же, патріоты, шевелитесь, и достаньте ихъ, сдѣлайте для нея ноги! Съ жаромъ приступаетъ національное собраніе къ чудесному дѣлу, сначала въ Archevêché, дворцѣ архіепископа, откуда его преосвященство бѣжалъ, а затѣмъ въ школѣ верховой ѣзды, такъ называемомъ манежѣ, рядомъ съ Тюльери. Труды его были бы успѣшны, если бы въ его средѣ находился какой нибудь Прометей, достигающій до неба, но они оказались безплоды, такъ какъ Прометея не было! И эти тягучіе мѣсяцы проходятъ въ шумныхъ дебатахъ, засѣданія временами становились скандальными, и случалось, что по три оратора заразъ выступали на трибунѣ.

Упрямъ, догматиченъ, многоглаголивъ аббатъ Мори; преисполненъ цицероновскимъ паѳосомъ Казалесъ; остротою и рѣзкостью, на противоположной сторонѣ, блещетъ молодой Барнавъ, врагъ софистики, разрубающій, точно острымъ дамасскимъ клинкомъ, всякій софизмъ,—не заботясь о томъ, не отрубаетъ ли онъ при этомъ что нибудь еще, и что именно. Простымъ кажешься ты, Петіонъ, какъ солидная голландская постройка, солиденъ ты, но несомнѣнно скученъ. Не болѣе оживляюще дѣйствуетъ и твой тонъ, спорщикъ Рабо, хотя ты и живѣе. Съ неизреченной безмятежностью одинъ надъ всѣми сопитъ великій Сіесъ; вы можете болтать, что хотите объ его проектѣ конституціи, можете исказить его, но не можете улучшить: вѣдь, политика—наука, исчерпанная имъ до дна. Вотъ хладнокровные, медлительные два брата Ламетъ; вояки, съ гордой или полупрезрительной усмѣшкой; они рыцарски выплатятъ пенсію своей матери, когда предъявится Красная Книга, рыцарски будутъ ранены на дуэляхъ. Тутъ же сидитъ маркизъ Тулонжонъ, перу котораго мы до сихъ поръ обязаны благодарностью; съ стоически спокойнымъ, задумчивымъ настроеніемъ, большей частью молча, онъ принимаетъ то, что посылаетъ судьба. Туре и парламентаристъ Дюпоръ производятъ цѣлыя горы новыхъ законовъ, либеральныхъ, скроенныхъ по англійскому образцу, полезныхъ и безполезныхъ. Смертные поднимаются и падаютъ. Не сдѣлается ли, напримѣръ, глупецъ Гобель—или Гёбель, потому что онъ нѣмецъ, родомъ изъ Страсбурга—конституціоннымъ архіепископомъ?

Мирабо одинъ изъ всѣхъ начинаетъ, быть можетъ, ясно понимать, куда все это клонится. Поэтому, патріоты сожалѣютъ, что его рвеніе, повидимому, уже охладѣваетъ. Въ намятную Духову ночь, четвертаго августа, когда новая вѣра вдругъ вспыхнула чудодѣйственнымъ огнемъ и старый феодализмъ сгорѣлъ до тла, замѣтимъ, что Мирабо не приложилъ къ этому своей руки; дѣйствительно, онъ, по счастью, случайно отсутствовалъ. Но развѣ онъ не защищалъ Veto, даже Veto Absolu, и не говорилъ неукротимому Барнаву, что шестьсотъ безотвѣтственныхъ сенаторовъ составятъ самую нестерпимѣйшую изъ всѣхъ тираній? Затѣмъ, какъ онъ старался, чтобы королевскіе министры имѣли мѣсто и голосъ въ національномъ собраніи,—конечно, онъ дѣлалъ это потому, что самъ мѣтилъ на министерскій постъ! А когда національное собраніе рѣшаетъ—фактъ многозначительный,—что ни одинъ депутатъ не долженъ быть министромъ, то Мирабо своимъ гордымъ, страстнымъ тономъ предлагаетъ постановить: „ни одинъ депутатъ по имени Мирабо“ [1]). Возможно, что это человѣкъ закоренѣлыхъ, феодальныхъ убѣжденій, преисполненный хитростей, слишкомъ часто явно склонявшійся на сторону роялистовъ; человѣкъ подозрительный, котораго патріоты еще разоблачатъ! Такъ, въ іюньскіе дни, когда поднялся вопросъ о томъ, кому принадлежитъ право объявленія войны, можно было слышать, какъ хриплые голоса газетчиковъ монотонно выкрикиваютъ на

---

[1]) Moniteur №№ 65,86 (29 сент., 7 ноября 1789).

улицахъ: „Великая измѣна графа Мирабо, цѣна всего одинъ су“, — потому что онъ высказался за то, что право это должно принадлежать не собранію, а королю! И онъ не только говоритъ, но и проводитъ эту мысль; несмотря на крики газетчиковъ и на огромную толпу черни, возбужденную ими до криковъ: „На фонарь!“ онъ поднимается на слѣдующій день на трибуну въ мрачной рѣшимости, прошептавъ друзьямъ, предупреждавшимъ его объ опасности: „Я знаю: я долженъ выйти отсюда или съ тріумфомъ, или растерзанный въ клочки“ и онъ вышелъ съ тріумфомъ.

Это человѣкъ съ твердымъ сердцемъ, популярность котораго основана не на расположеніи къ нему черни („pas populacière“), котораго не заставятъ уклоняться съ избраннаго имъ пути клики ни неумытаго сброда на улицѣ, ни умытаго, въ залѣ собранія! Дюмонъ вспоминаетъ, что онъ слышалъ его отчетъ о происшествіяхъ въ Марсели: „Каждое его слово прерывалось со стороны правой бранными эпитетами, какъ то: клеветникъ, лжецъ, убійца, разбойникъ (scélérat). Мирабо останавливается на минуту и медовымъ голосомъ, обращаясь къ наиболѣе злобствующимъ, говоритъ: „Я жду, messieurs, пока вы не исчерпаете вашъ запасъ любезностей“ [1]). Это загадочный человѣкъ, котораго трудно разоблачить! Напримѣръ, откуда берутся у него деньги? Могутъ ли доходъ съ газеты, усердно съѣдаемый г-жей Ле Жэ, и восемнадцать франковъ въ день, получаемые имъ въ качествѣ депутата, считаться соотвѣтствующими его расходамъ? Домъ на Шоссе-д'Антенъ, дача въ Аржантейлѣ, роскошь, великолѣпіе, оргіи,—онъ живетъ такъ, какъ будто имѣетъ золотыя розсыпи! Всѣ салоны, закрытые передъ авантюристомъ Мирабо, распахиваются широко передъ королемъ Мирабо, путеводной звѣздой Европы, взглядъ котораго ловятъ всѣ женщины Франціи,—хотя, какъ человѣкъ, Мирабо остался тѣмъ же, чѣмъ и былъ. Что касается до денегъ, то можно предположить, что ихъ доставляетъ роялизмъ; а если такъ, то, значитъ, деньги роялистовъ не менѣе пріятны Мирабо, чѣмъ всякія другія.

Однако, что бы ни думали патріоты, а купить его было не такъ-то легко: духовный огонь, живущій въ этомъ человѣкѣ, свѣтящій сквозь столько заблужденій, тѣмъ не менѣе есть убѣжденіе, дѣлающее его сильнымъ, и безъ котораго онъ не имѣлъ бы силы,—этотъ огонь не покупается и не продается; при такой мѣнѣ онъ исчезъ бы, а не существовалъ. Можетъ быть, „ему платятъ, но онъ не продается, payé, pas vendu“: тогда какъ бѣдный Риваролъ, къ несчастью, долженъ сказать про себя обратное: „онъ продается, хотя ему не платятъ“ Мирабо, подобно кометѣ, совершаетъ свой путь среди блеска и тумана; патріотизмъ можетъ долго наблюдать его въ свой телескопъ, но, не зная высшей математики, не разсчитаетъ его пути. Сомнительный, весьма достойный порицанія человѣкъ, но для насъ наиболѣе интересный изо всѣхъ. Среди близорукаго, смотрящаго въ очки, мудрствующаго поколѣнія, природа съ великой щедростью надѣлила этого человѣка настоящимъ зрѣніемъ. Если онъ говоритъ и дѣйствуетъ, слово его желанно и становится все желаннѣе, потому что онъ одинъ проникаетъ въ сущность дѣла: вся паутина логики спадаетъ, и видишь самый предметъ, каковъ онъ есть, и понимаешь, какъ съ нимъ нужно дѣйствовать.

Къ несчастью, нашему національному собранію предстоитъ много дѣла, нужно возродить Францію, а Франціи недостаетъ очень многаго, недостаетъ даже наличныхъ денегъ. Именно финансы-то и причиняютъ много безпокойства; дефицитъ невозможно заткнуть, онъ все кричитъ: давай, давай! Чтобы умиротворить дефицитъ, рѣшаются на рискованный шагъ: на продажу всѣхъ земель и излишнихъ зданій духовенства. Мѣра чрезвычайно рискованная. Да если и рѣшиться на продажу, кто же будетъ покупать, разъ наличныя деньги исчезли? Поэтому, 19-го декабря издается указъ о выпускѣ бумажныхъ денегъ, ассигнацій, обезпеченныхъ закладными на эти клерикально-національныя владѣнія, и неоспоримыя, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи уплаты по нимъ, — первое изъ

[1]) Dumont, Souvenir. p. 278.

длиннаго ряда подобныхъ же финансовыхъ мѣропріятій, которымъ суждено повергнуть въ изумленіе человѣчество. Такъ что теперь, пока есть старыя тряпки, не будетъ недостатка въ обращающихся деньгахъ; что же касается до прочности фонда такого обращенія, то это другой вопросъ. Но, въ концѣ-концовъ, развѣ эта исторія съ ассигнаціями не стоитъ цѣлыхъ томовъ для современной науки? Мы скажемъ, что наступило банкротство, какъ неизбѣжно долженъ наступить конецъ всѣмъ заблужденіямъ, но какъ мягко, незамѣтно и постепенно оно наступило, благодаря этому, оно не обрушилось какъ всеистребляющая лавина, а спустилось подобно мягкой метели распыленнаго, почти неощутимаго снѣга, продолжавшаго сыпаться, пока дѣйствительно все не было погребено; однако не многое изъ того, что не могло быть возстановлено, или безъ чего нельзя было обойтись, оказалось разрушеннымъ. Вотъ до какого совершенства достигло современное искусство. Банкротство, какъ мы сказали, было велико; но, вѣдь, и самыя деньги—длящееся чудо.

Въ общемъ, вопросъ о духовенствѣ представляетъ безконечныя затрудненія. Можно сдѣлать клерикальныя владѣнія національной собственностью, а духовенство—наемными слугами государства; но, въ такомъ случаѣ, развѣ это не измѣненная церковь? Множество приспособленій, самаго смѣшаннаго характера, стали неизбѣжными. Старыя вѣхи ни въ какомъ смыслѣ не годятся для новой Франціи. Даже, буквально, заново передѣляется самая почва ея: старыя пестрыя провинціи становятся новыми однообразными департаментами, числомъ восемьдесятъ три,—вслѣдствіе чего, какъ при внезапномъ перемѣщеніи земной оси, ни одинъ смертный не можетъ сразу найти свое мѣсто подъ новымъ градусомъ широты. А что же будетъ съ двѣнадцатью старыми парламентами? Старымъ парламентамъ объявляются „непрерывныя каникулы"—до тѣхъ поръ, пока новое, равное для всѣхъ правосудіе департаментскихъ судовъ, національнаго апелляціоннаго суда, выборныхъ и мировыхъ судовъ, и весь аппаратъ Туре-Дюпора не будетъ готовъ и пущенъ въ ходъ. Старымъ парламентамъ приходится сидѣть въ непріятномъ ожиданіи, какъ съ веревкой на шеѣ, и кричать изо всѣхъ силъ: „Не можетъ ли кто нибудь освободить насъ?" Но, по счастью, отвѣтъ гласитъ: „Никто, никто", и парламенты эти становятся сговорчивымъ классомъ. Ихъ можно застращать даже до того, что они молчатъ; Парижскій парламентъ, умнѣе большинства другихъ: онъ никогда не жаловался. Они будутъ и должны пребывать на „каникулярномъ положеніи", какъ имъ и подобаетъ; вакантная камера ихъ отправляетъ, тѣмъ временемъ, кое-какое правосудіе. Веревка накинута на ихъ шею, и судьба ихъ скоро рѣшится! 13-го ноября мэръ Бальи отправится въ Palais de Justice—причемъ даже мало кто обратитъ на него вниманіе,—и запечатаетъ муниципальной печатью и горячимъ сургучемъ тѣ комнаты, гдѣ хранятся парламентскія бумаги; и грозный парижскій парламентъ исчезнетъ въ хаосѣ, тихо и мягко, какъ сонъ! Такъ погибнутъ вскорѣ всѣ парламенты, и безчисленные глаза останутся сухи.

Не такъ обстоитъ дѣло съ духовенствомъ. Предположимъ даже, что религія умерла, что она умерла полвѣка назадъ съ неизреченнымъ Дюбуа, или недавно эмигрировала въ Эльзасъ съ кардиналомъ ожерелья Рогановъ; или что она бродитъ теперь, какъ привидѣніе, съ епископомъ Отенскимъ Таллейраномъ,—однако развѣ тѣнь религіи, религіозное лицемѣріе, не продолжаетъ существовать? Духовенство обладаетъ средствами и матеріаломъ; средства—его численность, организованность, общественное вліяніе; матеріалъ—по меньшей мѣрѣ, всеобщее невѣжество, справедливо считаемое матерью набожности. Наконецъ, развѣ ужъ такъ невѣроятно, что въ простодушныхъ сердцахъ еще можетъ тамъ и сямъ скрываться, на подобіе золотыхъ крупинокъ, разсыпанныхъ въ береговой тинѣ, истинная вѣра въ Бога такого страннаго и стойкаго характера, что даже Мори или Таллейранъ могутъ служить олицетвореніемъ ея?—Итакъ, духовенство обладаетъ силой, духовенство обладаетъ коварствомъ и преисполнено негодованія. Вопросъ о духовенствѣ—роковой вопросъ. Это клубокъ змѣй, которыхъ націо-

нальное собраніе растревожило, и онѣ шипятъ ему въ уши, жалятъ, и нельзя ихъ ни умиротворить, ни растоптать, пока онѣ живы. Фатально съ начала до конца! Послѣ пятнадцатимѣсячныхъ дебатовъ съ великимъ трудомъ удается составить на бумагѣ гражданскую конституцію духовенства, а сколько нужно времени, чтобы провести ее въ жизнь? Увы, такая гражданская конституція является только соглашеніемъ, ведущимъ къ несогласію. Она раздираетъ Францію изъ конца въ конецъ новой трещиной, безконечно запутывающей всѣ остальныя трещины: съ одной стороны, неистовствуютъ наличные остатки истиннаго католицизма въ соединеніи съ лицемѣрнымъ католицизмомъ; съ другой, невѣрующее язычество, и оба, вслѣдствіе противорѣчій, становятся фанатичными. Какой безконечный споръ между непокорными, ненавистными священниками и презираемымъ конституціоннымъ духовенствомъ; между совѣстями чувствительными, какъ у короля, и совѣстями ожесточенными, какъ у нѣкоторыхъ изъ его подданныхъ! И все это кончится празднествами въ честь Разума и войной въ Вандеѣ! Такъ глубоко коренится религія въ сердцѣ человѣческомъ, такъ сростается со всѣми его страстями! Если мертвое эхо ея сдѣлало такъ много, то чего не могъ нѣкогда сдѣлать ея живой голосъ?

Финансы и конституція, законы и евангеліе—кажется достаточно работы, но это еще не все. Въ дѣйствительности, министерство и самъ Неккеръ, котораго желѣзная дощечка „прибитая надъ его дверью народомъ“, называетъ „Ministre adoré“ [1]), все наглянѣе превращаются въ ничто. Исполнительная и законодательная власть, распоряженія и проведеніе ихъ въ деталяхъ—все ускользаетъ несдѣланнымъ изъ ихъ безсильныхъ рукъ, все падаетъ, въ заключеніе, на обремененныя плечи верховнаго представительнаго собранія. Тяжело обремененное національное собраніе! Ему приходится выслушивать о безчисленныхъ новыхъ возстаніяхъ, разбойничьихъ набѣгахъ, о подожженныхъ замкахъ на западѣ, даже о брошенныхъ въ огонь ящикахъ съ хартіями, Chartiers, потому что и здѣсь чрезмѣрно нагруженное вьючное животное грозно поднимается на дыбы. Оно слышитъ о городахъ на югѣ, объятыхъ буйствомъ и соперничествомъ, разрѣшающихся сабельными ударами. Марсель возстаетъ на Тулонъ, и Карпантра осажденъ Авиньономъ. Оно слышитъ о множествѣ роялистскихъ столкновеній между роялистами на пути къ свободѣ, даже о коллизіяхъ между патріотами просто изъ-за соперничества въ проворствѣ! Слышитъ о головорѣзѣ Журданѣ, который пробрался въ южныя области изъ подваловъ темницы Шатле и поднимаетъ на ноги цѣлыя полчища негодяевъ.

Приходится услышать и о лагерѣ роялистовъ въ Жалесѣ: Жалесъ, опоясанная горами равнина, среди Севеннъ, откуда роялизмъ можетъ, какъ одни опасаются, а другіе надѣются,—низвергнуться, подобно горному потоку, и затопить Францію! Странная вещь этотъ Жалесскій лагерь, существующій главнымъ образомъ только на бумагѣ, такъ какъ жалесскіе солдаты были всѣ крестьяне или національные гвардейцы, и въ душѣ заклятые санкюлоты. Все, что могли сдѣлать ихъ роялистскіе офицеры,—это сдерживать ихъ съ помощью обмана, или вѣрнѣе писать о нихъ ложныя донесенія, представляя ихъ въ видѣ грознаго призрака, на тотъ случай, если бы удалось снова завладѣть Франціей съ помощью театральныхъ махинацій, представляющихъ картину роялистской арміи [2]) Только на третье лѣто это нѣсколько разъ вспыхивавшее и снова исчезавшее зловѣщее предзнаменованіе, потухло окончательно, и старый замокъ Жалесъ—лагерь, вообще, не былъ видимъ тѣлесному оку—былъ снесенъ національными гвардейцами.

Національному собранію приходится слышать не только о Бриссо и объ его Друзьяхъ Чернокожихъ, но мало-по-малу и обо всемъ пылающемъ Санъ-Доминго, пылающемъ огнемъ въ буквальномъ смыслѣ, и въ еще худшемъ

[1]) Обожаемый министръ.

[2]) Dampmartin, Evenements, I 208.

метафорическомъ, освѣщая погруженный во мракъ океанъ. На немъ лежитъ забота объ интересахъ мореходства, земледѣлія и всевозможныхъ другихъ, доведенныхъ до отчаяннаго состоянія, о запутанной, скованной промышленности и о преуспѣваніи только мятежа; объ унтеръ-офицерахъ, солдатахъ и матросахъ, бунтующихъ на морѣ и на сушѣ; о солдатахъ въ Нанси, которыхъ, какъ мы увидимъ, храбрый Булье долженъ былъ разстрѣлять изъ пушекъ; о матросахъ даже о галерныхъ рабахъ въ Брестѣ, которыхъ также слѣдовало разстрѣлять, но не нашлось для этого второго Булье. Короче говоря, въ тѣ дни не было царя у Израиля, и всякій человѣкъ дѣлалъ то, что казалось правильнымъ въ его собственныхъ глазахъ [1]).

Вотъ какія сообщенія приходится выслушивать верховному національному собранію, въ то время, какъ оно продолжаетъ возрождать Францію. Грустно и тяжело, но какъ помочь? Изготовьте конституцію, и всѣ присягнутъ ей: развѣ „адресы о присоединеніи" не поступаютъ уже цѣлыми возами? Такимъ образомъ, съ Божіимъ благословеніемъ и готовой конституціей, бездонная огненная бездна будетъ покрыта сводомъ изъ тряпичной бумаги и порядокъ сочетается съ свободой и будетъ жить съ нею,—пока обоимъ не сдѣлается слишкомъ жарко. О, Côté Gauche (лѣвая сторона), ты, дѣйствительно, достойна того, чтобы, какъ говорится обыкновенно въ сочувственныхъ адресахъ, „на тебя были обращены взоры вселенной", взоры нашей бѣдной планеты, по крайней мѣрѣ!

Однако, нужно признаться, что Côté Droit представляетъ еще болѣе безразсудную фигуру. Неразумные люди, неразумные, безтолковые и съ ожесточеннымъ, характернымъ для нихъ упрямствомъ; люди, не желающіе ничему научиться. Падающія Бастиліи, возстанія женщинъ, тысячи дымящихся помѣстій, страна, не дающая никакой жатвы, кромѣ стальныхъ клинковъ санкюлотовъ: все это достаточно поучительные уроки, но ихъ они ничему не научили. И теперь еще существуютъ люди, о которыхъ въ писаніи сказано: ихъ хоть въ ступѣ истолки. Или, выражаясь мягче, они настолько срослись со своими заблужденіями, что ни огонь, ни мечъ, ни самый горькій опытъ не расторгнутъ этого союза до самой смерти! Надъ такими да сжалится Небо, ибо земля, съ ея неумолимымъ закономъ неизбѣжности, будетъ безжалостна.

Въ то же время, нельзя не признать, что это было весьма естественно. Человѣкъ живетъ надеждой: когда изъ ящика Пандоры улетѣли всѣ дары боговъ и превратились въ проклятія, то въ немъ все же осталась надежда. Можетъ ли неразумный смертный, когда его жертвенникъ явно ниспровергнутъ, и онъ, будучи неразумнымъ, остался безпомощнымъ въ жизни,—можетъ ли онъ разстаться съ надеждой, что жертвенникъ будетъ снова возстановленъ. Развѣ не можетъ все снова наладиться? Это такъ невыразимо желательно и такъ разумно,— если взглянуть съ надлежащей точки зрѣнія! Бывшее должно продолжать существовать,—иначе прочное міровое зданіе распадется. Да, упорствуйте, ослѣпленные санкюлоты Франціи! Возставайте противъ установленныхъ властей, прогоняйте вашихъ законныхъ повелителей, въ сущности такъ васъ любившихъ и съ готовностью проливавшихъ за васъ свою кровь въ сраженіяхъ за отечество, какъ при Росбахѣ, и другихъ; вѣдь, даже охраняя дичь, они собственно охраняли васъ, еслибъ вы только могли понять это: прогоняйте ихъ, какъ дикихъ волковъ, поджигайте ихъ замки и архивы, какъ волчьи ямы; — но что же потомъ? Ну, потомъ пусть каждый подниметъ руку на брата! И тогда, въ смятеніи, голодѣ, отчаяніи, сожалѣйте о минувшихъ дняхъ, призывайте съ раскаяніемъ ихъ, призывайте съ ними и насъ. Къ покаяннымъ просьбамъ мы не останемся глухи.

---

[1]) См. Deux Amis, III, с. 14; IV, с. 2, 3, 4, 7, 9, 14. Expedition des Volontaires de Brest sur Lannion; Les Lyonnais Sauveurs des Dauphinois; Massacre au Mans; Trouble du Maine (Hist. Parl. III 251, IV 162—168).

Такъ, съ большей или меньшей ясностью сознанія, должны разсуждать и поступать правые. Это была, пожалуй, неизбѣжная точка зрѣнія, но въ высшей степени ложная для нихъ. Зло, будь нашимъ благомъ: такова отнынѣ должна быть въ сущности ихъ молитва. Чѣмъ яростнѣе возбужденіе, тѣмъ скорѣе оно пройдетъ, ибо, въ концѣ концовъ, это только безумное возбужденіе; міръ прочень, и не можетъ распасться.

Впрочемъ, если правые и развиваютъ какую нибудь опредѣленную дѣятельность, то исключительно въ заговорахъ и собраніяхъ на черныхъ лѣстницахъ; заговорахъ, которые не могутъ быть осуществлены, которые и съ ихъ стороны, по большей части теоретичны, но за которые, тѣмъ не менѣе, то одинъ, то другой, какъ сэры Ожаръ, Майльбуа, Боннъ Саварденъ, при попыткѣ осуществить ихъ на практикѣ, попадаютъ въ опасность, въ тюрьму, откуда спасаются съ большими затрудненіями. А бѣдный практичный шевалье Фавра попадаетъ даже, при громкомъ возмущеніи міра, на висѣлицу, при чемъ мимолетное подозрѣніе падаетъ на самого Monsieur. Бѣдный Фавра, онъ весь остатокъ дня, длиннаго февральскаго дня, диктуетъ свою послѣднюю волю въ ратушѣ и предлагаетъ раскрыть тайны, если его спасутъ; но стойко отказывается сдѣлать это, когда его не хотятъ спасти; затѣмъ умираетъ при свѣтѣ факеловъ, съ благовоспитанной сдержанностью, скорѣе замѣтивъ, чѣмъ воскликнувъ, съ распростертыми руками: „Люди, я умираю невинный, молитесь за меня“ [1]). Бѣдный Фавра,— типъ столь многихъ, неутомимо бродившихъ по Франціи въ эти уже кончающіеся дни, подстерегая добычу, тогда какъ въ болѣе открытомъ полѣ они могли бы пріобрѣтать вмѣсто того, чтобы отнимать,—для тебя это не теорія!

Тома Маги де-Фавра.

За то въ сенатѣ, правая сторона занимаетъ позицію спокойнаго недовѣрія. Пусть верховное національное собраніе рѣшаетъ 4 августа отмѣну феодализма, объявляетъ духовенство наемными слугами государства, вотируетъ условныя Veto, новые суды, декретируетъ всякія спорныя вещи; пусть ему отвѣчаютъ одобреніемъ изо всѣхъ четырехъ концовъ Франціи, пусть оно даже получаетъ санкцію короля и всевозможныя одобренія. Правая сторона, какъ мы видимъ, настойчиво, съ непоколебимымъ упорствомъ усматриваетъ (и не скрываетъ этого) во всѣхъ этихъ, такъ называемыхъ, декретахъ лишь временные капризы, находящіе себѣ, правда, выраженіе на бумагѣ, но на практикѣ не существующіе и не могущіе осуществиться. Представьте себѣ какого-нибудь мѣдноголоваго аббата Мори, изливающаго въ этомъ тонѣ потоки іезуитскаго краснорѣчія; мрачный д'Эпремениль, Бочка-Мирабо (вѣроятно наполненная виномъ) и многіе другіе привѣтствуютъ его съ правой стороны; представьте себѣ, съ какимъ лицомъ смотритъ на него зеленый Робеспьеръ съ лѣвой; Сіесъ фыркаетъ на него или не удостаиваетъ даже фырканья; какъ рычатъ и неистово лаютъ на него галлереи: вѣдь, при такихъ условіяхъ, чтобы избѣгнуть фонаря при выходѣ, ему нужно все его самообладаніе и пара пистолетовъ за поясомъ По истинѣ, это одинъ изъ самыхъ упрямыхъ людей.

Здѣсь явственно сказывается великая разница между двоякаго рода гражданской войной: новой, словесной, парламентско-логической, и старой, кулачной, на полѣ сраженія, гдѣ дѣйствовали клинки,—разница, клонящаяся къ великой невыгодѣ перваго рода. Въ кулачной борьбѣ, гдѣ вы сталкиваетесь съ

[1]) Deux Amis, IV, c. 14,7. Hist. Parl. VI, 384.

вашимъ врагомъ, обнаживъ мечъ, достаточно одного вѣрнаго удара, потому что, въ физическомъ отношеніи, когда изъ человѣка вылетаютъ мозги, то онъ, дѣйствительно, умираетъ и больше васъ не безпокоитъ. Но какая разница, если вы сражаетесь аргументами! Здѣсь, никакая самая рѣшительная побѣда не можетъ разсматриваться, какъ конечная. Побейте противника въ парламентѣ бранью до того, что онъ лишится чувствъ, разрубите его на двое и пригвоздите одну половину на одинъ, а другую на другой конецъ дилеммы, лишите его на время совершенно мозговъ или мыслительной способности,—все тщетно: онъ придетъ въ себя, къ утру оживетъ и завтра снова облечется въ свои золотые доспѣхи! Средство, которое логически могло бы уничтожить его, представляетъ еще только **desideratum** въ конституціонной цивилизаціи. Ибо какъ можетъ совершаться парламентская дѣятельность, и можетъ ли болтовня прекратиться или уменьшиться, пока человѣкъ не узнаетъ, до нѣкоторой степени, въ какой моментъ онъ становится логически мертвецомъ?

Несомнѣнно, нѣкоторое ощущеніе этой трудности и ясное пониманіе того, насколько мало это знаніе еще свойственно французской націи, непривычной къ конституціонному пути, а также пониманіе того, что мертвые аристократы еще будутъ продолжать бродить неопредѣленныя времена, подобно составителю календаря Партриджа,—запало въ умъ друга народа, великаго практика Марата и превратилось на этой богатѣйшей, разлагающейся почвѣ въ оригинальнѣйшій планъ сраженія, когда либо представленный народу. Онъ еще не созрѣлъ, но уже пробился и растетъ, корни его простираются до преисподней, вѣтви—до неба: черезъ два лѣта мы увидимъ, какъ онъ поднимется изъ бездоннаго мрака, огромный, въ чреватомъ несчастіемъ полусвѣтѣ, какъ исполинское дерево болиголовъ, обнимающее весь міръ, на вѣтвяхъ и подъ сучьями котораго найдется пристанище для друзей народа со всей вселенной. „Двѣсти шестьдесятъ тысячъ аристократическихъ головъ“: это самый точный счетъ, при которомъ, положимъ, не стѣсняются нѣсколькими сотнями; однако, мы никогда не достигаемъ круглой цифры въ триста тысячъ. Ужаснитесь этому, люди; но это такъ же вѣрно какъ то, что вы сами и ваши друзья народа существуете. Эти болтливые сенаторы безплодно сидятъ надъ мертвой буквой и никогда не спасутъ революціи. Кассандрѣ-Марату, съ его сухой рукой, тоже не сдѣлать этого одному, но съ нѣсколькими рѣшительными людьми это было бы возможно. „Дайте мнѣ“, сказалъ онъ съ холоднымъ спокойствіемъ, когда юный Барбару, нѣкогда его ученикъ по такъ называемому курсу оптики, посѣтилъ его,—„дайте мнѣ двѣсти неаполитанскихъ „брави“, вооруженныхъ каждый хорошимъ кинжаломъ и съ муфтой на лѣвой рукѣ, вмѣсто щита, и я пройду съ ними всю Францію и произведу революцію“ [1]). Да, юный Барбару, шутки въ сторону, въ этомъ желчномъ лицѣ, самомъ серьезномъ изъ всѣхъ созданныхъ лицъ, не видно шутки, не видно и безумія, которому подобала бы горячечная рубашка.

Вотъ какія перемѣны произведетъ время въ пещерномъ жителѣ Маратѣ, въ проклятомъ человѣкѣ, одиноко живущемъ въ парижскихъ подвалахъ, подобно фанатическому анахорету изъ Ѳиваиды, вѣрнѣе, подобно издалека видимому Симеону Столпнику, которому со столба открываются своеобразные горизонты. Патріоты могутъ улыбаться и обращаться съ нимъ, какъ съ цѣпной собакой, на которую то надѣваютъ намордникъ, то спокойно предоставляютъ ей лаять; могутъ называть его, вмѣстѣ съ Демуленомъ, „максимумомъ патріотизма“ и „Кассандрой-Маратомъ“; но развѣ не замѣчательно было бы, если бы оказалось, что принятъ съ незначительными измѣненіями какъ разъ его „планъ кинжала и муфты?“

Такимъ-то образомъ и при такихъ-то обстоятельствахъ высокіе сенаторы возрождаютъ Францію, и люди серьезно в ѣ р я т ъ, что они дѣлаютъ это. Вслѣд-

[1]) Mémoires de Barbaroux. (Paris, 1822, p. 57).

ствіе одного этого факта, главнаго факта ихъ исторіи, усталый глазъ не можетъ совершенно обойти ихъ вниманіемъ.

Однако, покинемъ на время предѣлы Тюльери, гдѣ конституціонная королевская власть вянетъ, какъ отрѣзанная вѣтка, сколько бы ее ни поливалъ Лафайетъ, и гдѣ высокіе сенаторы, быть можетъ, только совершенствуютъ свою „теорію неправильныхъ глаголовъ“, —и посмотримъ, какъ поживаетъ теперь юная дѣйствительность, юный санкюлотизмъ? Внимательный наблюдатель можетъ отвѣтить: онъ растетъ прекрасно, завязываетъ новыя почки, тогда какъ старыя почки развиваются уже въ листья и вѣтки. Развѣ въ конецъ расшатанное французское общество не представляетъ для него исключительно питательной почвы? Санкюлотизмъ отличается той именно особенностью, что растетъ какъ разъ отъ того, отъ чего другія вещи умираютъ: отъ броженія, борьбы, распаденія, короче— отъ олицетворенія и результата всего этого—голода.

А голодъ, какъ мы замѣтили, при такомъ положеніи Франціи, неминуемъ. Его и его послѣдствія, ожесточеніе и противуестественную подозрительность, уже испытываютъ теперь южные города и провинціи. Въ Парижѣ, послѣ возстанія женщинъ, привезенныя изъ Версаля подводы съ хлѣбомъ и возвращеніе возстановителя свободы, дали нѣсколько мирныхъ веселыхъ дней изобилія, но они не могли долго продолжаться. Еще только октябрь, а голодающій народъ въ предмѣстьи Сентъ-Антуанъ, въ припадкѣ ярости, уже захватываетъ одного бѣднаго булочника, по имени „Франсуа“ и вѣшаетъ его, безвиннаго, по Константинопольскому образцу [1]; однако, какъ это ни странно, но хлѣбъ отъ этого не дешевѣетъ! Слишкомъ очевидно, что ни щедрость короля, ни попеченія муниципалитета не могутъ въ достаточной мѣрѣ прокормить ниспровегнувшій Бастилію Парижъ. Въ виду повѣшенія булочника, конституціоналисты, въ горѣ и гнѣвѣ, требуютъ введенія военнаго положенія, Loi Martiale, то есть закона противъ мятежа, и законъ этотъ съ готовностью утверждается еще до захода солнца.

Это знаменитый военный законъ, съ его краснымъ флагомъ (drapeau rouge), въ силу котораго мэру Бальи и вообще всякому мэру отнынѣ достаточно вывѣсить эту орифламму, прочесть или пробормотать что нибудь о „спокойствіи короля“, чтобы затѣмъ, послѣ извѣстнаго промежутка времени, угостить всякое нерасходящееся сборище людей ружейными или другими выстрѣлами. Рѣшительный законъ, и даже справедливый, если предположить, что всякій патруль отъ Бога, а всякое сборище черни отъ дьявола; безъ такой же предпосылки, нѣсколько менѣе справедливый. Мэръ Бальи, не торопись пользоваться имъ! Не вывѣшивай эту новую орифламму, это не золотое пламя [2]; нѣтъ въ немъ никакого золота. Ты думаешь, что трижды благословенная революція уже совершилась? Благо тебѣ, если такъ.

Но да не скажетъ теперь ни одинъ смертный, что національное собраніе нуждается въ мятежѣ! Оно и раньше нуждалось въ немъ лишь постольку, поскольку это было необходимо для противодѣйствія featuresнямъ двора; теперь оно не требуетъ отъ земли и неба ничего другого, кромѣ возможности усовершенствовать свою теорію неправильныхъ глаголовъ.

ГЛАВА III.

Смотръ.

При все возрастающихъ бѣдствіяхъ голода и конституціонной теоріи неправильныхъ глаголовъ, всякое возбужденіе понятно. Происходитъ всеобщее расшатываніе и просѣиваніе французскаго народа, и сколько фигуръ, выброшен-

[1]) 21-го октября 1789 (Moniteur, № 76).

[2]) Буквальный переводъ слова: Oriflamme.

ныхъ благодаря этому, изъ нижнихъ слоевъ наверхъ, ревностно сотрудничаютъ въ этомъ дѣлѣ!

Мы знаемъ уже ветеринарнаго лекаря Марата, нынѣ далеко видимаго Симеона Столпника, знаемъ и другихъ поднявшихся снизу. А вотъ еще одинъ образчикъ того, что выдвинется, что продолжаетъ выдвигаться наверхъ изъ царства ночи—Шометтъ, со временемъ получающій прозвище Анаксагора, Шометтъ уже появляется съ своими медовыми рѣчами въ уличныхъ группахъ, онъ уже болѣе не юнга на высокой, головокружительной мачтѣ, а медорѣчивый длиннокудрый народный трибунъ на троттуарныхъ тумбахъ главныхъ улицъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ловкій редакторъ, который поднимется еще выше—до самой висѣлицы. Клеркъ Талліенъ тоже сдѣлался помощникомъ редактора и будетъ главнымъ редакторомъ, и кое чѣмъ больше. Книгопродавцу Моморо, типографу Прюдому открываются новыя отрасли наживы. Колло д'Эрбуа, неистовствовавшій какъ безумный въ страстныхъ роляхъ на сценѣ, покидаетъ подмостки и его черная лохматая голова прислушивается къ отзвукамъ міровой драмы: перейдетъ ли подражаніе въ дѣйствительность? Жители Ліона [1]), вы освистали его? Лучше бы вы рукоплескали!

Дѣйствительно, счастливы теперь всѣ роды мимовъ, и хотя бы полуоригинальные люди! Напыщенное многословіе съ большей или меньшей искренностью (полная искренность не требуется, но чѣмъ искреннѣе, тѣмъ лучше), вѣроятно, поведетъ далеко. Нужно ли прибавлять, что революціонная среда становится все разрѣженнѣе, такъ что въ ней могутъ плавать только все болѣе и болѣе легкія тѣла, пока, наконецъ, на поверхности удерживается одинъ лишь пустой пузырь? Умственная ограниченность и необузданность, драчливость и дерзость, въ соединеніи съ хитростью и силой легкихъ, все это, при удачѣ, окажетъ прекрасныя услуги. Поэтому, изъ всѣхъ поднимающихся классовъ болѣе всего выдвигается, какъ мы видимъ, адвокатское сословіе: Базиръ, Карье, Фукье-Тенвилль, начальникъ судебныхъ писцовъ Бурдонъ доказываютъ это болѣе, чѣмъ достаточно. Фигуры, подобныя этимъ, стая за стаей поднимутся изъ таящаго чудеса лона ночи. О болѣе глубокихъ, съ самаго низу идущихъ вереницахъ, еще не представшихъ при свѣтѣ дня передъ изумленнымъ окомъ, о вороватыхъ снимателяхъ со свѣчъ, плутахъ лакеяхъ, капуцинахъ безъ рясы, о массѣ Геберовъ, Генріо, Ронсеновъ и Россиньолей, мы, пока возможно, умолчимъ.

Такъ зашевелилось во Франціи все, что, по выраженію физіологовъ, заключаетъ въ себѣ элементы раздражимости, и насколько еще сильнѣе зашевелилось все то, въ чемъ раздражимость перешла въ жизнеспособность, въ видимую активность и силу хотѣнія? Все зашевелилось и стремится въ Парижъ, если уже не находится тамъ. Президентъ Дантонъ становится все величественнѣе и могущественнѣе въ своей секціи кордельеровъ, его риторическіе образы „колоссальны". Энергія сверкаетъ изъ подъ его черныхъ бровей, грозитъ изъ всей его атлетической фигуры, раскатывается въ звукахъ его громоваго голоса, подъ сводами потолка. Этотъ человѣкъ, подобно Мирабо, обладаетъ инстинктомъ прозрѣнія и начинаетъ видѣть, куда ведетъ конституціонализмъ, хотя питаетъ совсѣмъ другія желанія, чѣмъ Мирабо.

Обратите, съ другой стороны, вниманіе на то, что генералъ Дюмурье покинулъ Нормандію и шербургскія плотины, чтобы уѣхать—можно догадаться, куда. Со времени начала новой эры, это его вторая, пожалуй, даже третья попытка въ Парижѣ; но на этотъ разъ онъ относится къ ней вполнѣ серьезно, потому что отказался отъ всего другого. Это человѣкъ гибкій, какъ проволока, эластичный и неутомимый, вся жизнь его была сплошнымъ походомъ и сраженіемъ. Ужъ конечно, онъ не былъ креатурой Шуазеля, а былъ, какъ онъ самъ говорилъ о себѣ на старости лѣтъ: „созданіемъ Бога и своего меча". Онъ, аттаковавшій подъ градомъ смертоносныхъ орудій корсиканскія баттареи, выбрав-

---

[1]) Buzot, Memoires (Paris, 1823) p. 90,

шійся непобѣжденнымъ изъ подъ своей лошади при Клостеркампѣ въ Нидерландахъ, хотя этому „препятствовали изогнутое стремя и девятнадцать ранъ“, непоколебимый, грозный, отчаянно защищавшійся на польской границѣ, интриговавшій, сражавшійся и въ кабинетѣ, и на полѣ битвы, бродившій безвѣстно на далекихъ окраинахъ въ качествѣ развѣдчика короля или, какъ заколдованный, сидѣвшій въ заключеніи въ Бастиліи, писавшій памфлеты, ковавшій планы и воевавшій почти съ самаго рожденія [1]), онъ, этотъ человѣкъ, дошелъ до своей цѣли. Много пережилъ онъ угнетеній, но онъ не подавленъ! Подобно въ тюрьмѣ заточенному духу, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности, онъ рубилъ гранитныя стѣны, стараясь освободиться и высѣкалъ изъ нихъ огненныя искры. Не разбило ли теперь всеобщее землетрясеніе и его темницу? Что могъ бы онъ сдѣлать, будь онъ на двадцать лѣтъ моложе! Но теперь волосы его подернуты сѣдиной, его образъ мыслей совершенно опредѣленнаго, военнаго направленія. Онъ больше не можетъ р а с т и, а новый міръ вокругъ него растетъ такъ стремительно. Назовемъ же его однимъ изъ „швейцарцевъ“ Неба безъ вѣры, желающимъ прежде всего работы и работы, безразлично к а к а я сторона ни предлагала бы ее. Ему даютъ дѣло и онъ его исполнитъ.

Шарль Франсуа Дюмурье.

Но не изъ одной только Франціи, а изо всѣхъ частей Европы стремятся безпокойныя головы въ Парижъ; гдѣ лежитъ падаль, туда и слетаются орлы. Посмотрите, какъ испанскій гуцманъ, Мартинико Фурнье, по прозвищу „Фурнье американецъ“, какъ даже съ Андовъ инженеръ Миранда спѣшатъ сюда, или уже находятся здѣсь. Валлонецъ Перейра похваляется необыкновеннымъ происхожденіемъ: какъ разсказываютъ, дипломатъ князь Кауницъ небрежно обронилъ его, какъ страусовое яйцо,—и судьба воспитала изъ него истребителя страусовъ! Еврейскіе или нѣмецкіе Фреи дѣлаютъ дѣла въ огромной лужѣ а ж і о т а ж а, превратившаго все предпріятіе съ а с с и г н а ц і я м и въ мертворожденную затѣю. Швейцарцу Клавіеру не удалось образовать въ Ирландіи колонію социніанцевъ, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ остановился передъ министерскимъ отелемъ въ Парижѣ и произнесъ пророческія слова: ему сдается, что онъ будетъ когда нибудь министромъ,—и расхохотался [2]). За то швейцарецъ Пашъ, съ приглаженными волосами, сидитъ скромненько; благодаря своему особому смиренію и глубокомыслію, онъ является предметомъ поклоненія не только для своей улицы, но и для сосѣднихъ. Сиди же, Тартюфъ, пока не понадобишься! А вы, итальянцы Дюфурни, фламандцы Проли, спѣшите сюда, двуногіе хищники! Пусть придетъ всякій, у кого горячая голова, чей умъ необузданъ и представляетъ хаосъ незрѣлости или руины; всякій, кто не можетъ стать извѣстнымъ, или кто слишкомъ извѣстенъ; всякій, у кого есть какая нибудь продажная способность; да, пусть придетъ даже тотъ, у кого нѣтъ ничего, кромѣ алчности и краснорѣчиваго языка! И всѣ являются, всѣ съ горячими, невыразимыми желаніями въ сердцѣ, какъ богомольцы къ чудодѣйственному ковчегу. И сколько ихъ приходитъ безъ опредѣленнаго плана, какъ праздные бродяги—въ Европѣ ихъ достаточно,—только для того, чтобы придти къ ч е м у н и б у д ь; ночныя птицы, спугнутыя съ куста, летятъ на всякій свѣтъ. Такъ, напримѣръ, баронъ Фридрихъ Тренкъ прибылъ сюда изъ магдебургскихъ тюремныхъ камеръ, еще

[1]) Dumouriez, Mémoires, I, 28.
[2]) Dumont, Souvenirs sur Mirabeau, p. 399.

растерянный и точно ослѣпленный; онъ потерялъ вмѣстѣ съ пещерами Минотавра и свою Аріадну и продаетъ, какъ это ни странно, вино, но не въ бутылкахъ, а въ боченкахъ.

Не осталась безъ пословъ и Англія. Она отрядила Нидгама, которому „за спасеніе погибающихъ“ была торжественно вручена „гражданская шпага“, давно изъѣденныя ржавчиной; Пэна, мятежнаго корсетника, который, несмотря на свою нечесанную голову, полагаетъ, что онъ, простой портной, своимъ памфлетомъ о „Здравомъ Смыслѣ“, освободилъ Америку, и что онъ можетъ освободить и освободитъ весь земной міръ, а можетъ быть и небесный. Конституціонная ассоціація Прейса и Стенгопа посылаетъ поздравленія [1]) національному собранію, которое торжественно привѣтствуетъ делегатовъ, хотя они представляютъ только Лондонскій клубъ, на который Бэркъ и тори косятся.

Придется ради нашего отечества упомянуть кстати или некстати и о тебѣ, кавалеръ Джонъ Поль. Въ полиняломъ морскомъ мундирѣ, Поль Джонсъ мелькаетъ здѣсь, похожій на винный мѣхъ, изъ котораго вытянуто все вино, вѣрнѣе, похожій на свой собственный призракъ. Его нѣкогда столь шумливый характеръ теперь почти совсѣмъ измѣнился, его едва слышно, да и то лишь къ крайней досадѣ—въ министерскихъ переднихъ и кое-гдѣ въ столовыхъ, куда его приглашаютъ изъ состраданія въ память прошлаго. Какія перемѣны, какіе восхожденія и нисхожденія! Теперь бѣдный Поль, ты не смотришь въ раздумьи, стоя у подошвы родного Криффеля черезъ Солвейскую бухту, на синѣющія горы Кумберленда и въ голубую безпредѣльность. Окруженный достаткомъ и простодушной сердечностью, ты, юный безумецъ, стремился уйти отъ этого подальше, уйти совсѣмъ. Да, за сапфировымъ мысомъ, который люди называютъ Сентъ-Бисъ и который вблизи оказывается не изъ сапфира, а изъ простого песчаника, лежитъ другой міръ. Узнаешь его и ты! Съ далекой гавани Уайтъ, поднимаются дымныя зловѣщія облака; но они не служатъ тебѣ предостереженіемъ. Гордый Фортъ дрожитъ передъ вздувающимися парусами; лишь бы вѣтеръ не перемѣнился внезапно. Возвращающіеся домой жнецы изъ Флембора останавливаются на холмѣ: что это за сѣрное облако, туманящее гладкую поверхность моря, сѣрное облако, изъ котораго вдругъ прорываются снопы огня? Это пѣтушиный бой на морѣ, и одинъ изъ самыхъ жаркихъ, въ которомъ британскій Sérapis и франко-американскій Bon Homme Richard клюютъ и душатъ другъ друга, каждый по своему; и вотъ, храбрость отчаянія душитъ храбрость обдуманную, и Поль Джонсъ тоже причисляется къ королямъ моря.

Вслѣдъ затѣмъ, съ тобой, Поль, знакомятся Черное море, воды Меотіи, длиннополые турки, твой пламенный духъ безцѣльно истощался въ тысячѣ противорѣчій. Ибо развѣ въ чужихъ странахъ, у пурпуровыхъ Нассау-Зигеновъ, у грѣшныхъ императрицъ Екатеринъ, развѣ сердце не разбивается и тамъ такъ же, какъ дома у простыхъ людей? Бѣдный Поль! Голодъ и обезкураженность сопровождаютъ твои усталые шаги; одинъ или, самое бо́льшее, два раза, всплываетъ твоя фигура на фонѣ общей сумятицы революціи, нѣмая, призрачная, подобно „тускло мерцающей звѣздѣ“. А затѣмъ, когда твой свѣтъ окончательно погасъ, тогда національный законодательный корпусъ награждаетъ тебя „торжественными похоронами!“ Погребальный звонъ твоей родной пресвитеріанской церкви и шесть футовъ шотландской земли, возлѣ праха твоихъ близкихъ, доставили бы тебѣ столько же удовольствія.—Вотъ каковъ былъ міръ, лежавшій за мысомъ Сентъ-Бисъ. Такова жизнь грѣшнаго человѣчества на землѣ.

Но изъ всѣхъ иностранцевъ, самый интересный для насъ — это баронъ Жанъ Баптистъ Клоотсъ, или, — откинувъ всѣ имена, данныя при крещеніи и по феодализму,—гражданинъ міра Анахарсисъ Клоотсъ, изъ Клева. Замѣть его, добросовѣстный читатель! Ты зналъ его дядю, проницательнаго, остраго Корнелія де Пау, безжалостно разрушающаго всѣ дорогія иллюзіи и изъ благо-

---

[1]) Moniteur, 10 novembre, 7 décembre 1789.

родныхъ, древнихъ спартанцевъ дѣлающаго современныхъ головорѣзовъ Майнотовъ [1]). Изъ того же матеріала созданъ и Анахарсисъ, изъ раскаленнаго металла, полнаго шлаковъ, которые должны были выплавиться изъ него, но такъ и не выплавятся. Онъ прошелъ нашу планету по сушѣ и по водѣ, можно бы сказать въ поискахъ давно потеряннаго рая. Въ Англіи онъ видѣлъ англичанина Берка; въ Португаліи его замѣтила инквизиція; онъ странствовалъ, сражался и писалъ; между прочимъ, написалъ: „Доказательства въ пользу магометанской религіи“. Но теперь, подобно своему пріемному крестному отцу, скиѳу, онъ является въ Парижъ-Аѳины, гдѣ находитъ, наконецъ, гавань для своей души. Это блестящій человѣкъ, желаный гость за патріотическими обѣдами, весельчакъ, даже юмористъ, опрометчивый, саркастическій, щедрый, прилично одѣтый, хотя ни одинъ смертный не обращалъ меньше его вниманія на костюмъ. Подъ всякимъ платьемъ Анахарсисъ прежде всего ищетъ человѣка; даже столпникъ Маратъ не могъ бы взирать съ большимъ пренебреженіемъ на внѣшнюю оболочку, если въ ней не заключается человѣка. Убѣжденіе Анахарсиса таково: есть рай и его можно открыть, подъ всякимъ платьемъ долженъ быть человѣкъ. О, Анахарсисъ, это безразсудная вѣра. На этомъ конькѣ ты быстро поскачешь въ городъ Никуда,—и будешь тамъ, навѣрное. Въ лучшемъ случаѣ, ты прибудешь туда съ хорошей посадкой, а это, конечно, уже есть нѣчто.

Жанъ Батистъ Анахарсисъ Клоотсъ.

Сколько новыхъ людей и новыхъ вещей появились и завладѣли нашей Франціей. Ея прежняя рѣчь и мысль и вытекающая изъ нихъ дѣятельность совершенно измѣняются и бурливо стремятся къ невѣдомымъ цѣлямъ. Даже самый глупый крестьянинъ, сидя вечеромъ усталый у своего очага, думаетъ, по крайней мѣрѣ, о сожженныхъ замкахъ и о замкахъ, которые еще можно сжечь. Какъ измѣнились кофейни въ провинціи и въ столицѣ! Посѣтителямъ Antre de Procope предстоитъ теперь рѣшать другіе вопросы, помимо трехъ единствъ Стагирита, и не театральную, а мировую борьбу. Здѣсь спорятъ и ссорятся манерно завитые логики съ старыми философами въ парикахъ съ косичками или современными прическами a la Brutus, и хаосъ играетъ роль судьи. Постоянная мелодія парижскихъ салоновъ получила новый лейтъ-мотивъ, такой же постоянный, который слышало небо уже во времена Юліана отступника и еще ранѣе, и который звучитъ теперь такъ же безумно, какъ и прежде.

Здѣсь же мы можемъ видѣть и экс-цензора Сюара,—экс-цензора, потому что у насъ теперь свобода печати; онъ безпристрастенъ, даже нейтраленъ. Тиранъ Гриммъ дѣлаетъ большіе глаза, гадая о таинственномъ грядущемъ. Здѣсь же каркаетъ, съ трудомъ подбирая слова, атеистъ Нэжонъ, любимый ученикъ Дидро, возвѣщающій наступленіе зари новаго счастливаго времени [2]). Но, съ другой стороны, сколько лицъ, подобно Морелле и Мармонтелю, всю жизнь высиживавшихъ философскія яйца, теперь почти въ отчаяніи, клохчутъ надъ птенцами, которыхъ они вывели! [3]). Такъ восхитительно было развивать свои философскія теоріи въ салонахъ и получать за это восхваленія, а теперь ослѣпленный народъ не желаетъ больше довольствоваться спекулятивнымъ мышленіемъ, а стремится перейти къ практикѣ?

---

[1]) De Pauw, Recherches sur les Grecs.

[2]) Naigeon, Adresse à l'Assemblée Nationale (Paris 1790) sur la liberté des opinions.

[3]) Marmontel, Mémoires; Morellet, Mémoires, etc.

Отмѣтимъ въ заключеніе воспитательницу Жанлисъ, или Силлери, или Силлери-Жанлисъ—такъ какъ нашъ супругъ одновременно и графъ, и маркизъ, и у насъ болѣе одного титула! Эта претенціозная пустота, пуританка, но невѣрующая, облекаетъ свои совѣты въ туманныя фразы, лишенныя и тѣни мудрости. Силлери-Жанлисъ дѣйствуетъ въ изящной средѣ сентименталистовъ и выдающихся женщинъ, она желала бы быть искренней, но не можетъ подняться выше показной искренности; показной искренности во всемъ, кончающейся ханженствомъ. Въ настоящее время она носитъ на довольно еще бѣлой шеѣ въ видѣ украшенія миніатюру Бастиліи изъ простого песчаника, но изъ настоящаго бастильскаго песчаника. Г. маркизъ служитъ однимъ изъ агентовъ герцога Орлеанскаго въ національномъ собраніи и въ другихъ мѣстахъ. Г-жа Жанлисъ, съ своей стороны, воспитываетъ молодое поколѣніе Орлеановъ въ отмѣннѣйшей нравственности, однако, сама можетъ дать лишь загадочные отвѣты относительно происхожденія прелестной дѣвицы Памелы, своей пріемной дочери. Такимъ образомъ, она появляется въ салонахъ королевскаго дворца, куда, замѣтимъ кстати, не взирая на Лафайета, возвратился изъ своей англійской „миссіи“ и герцогъ Орлеанскій; по правдѣ сказать, не изъ особенно пріятной миссіи, потому что англичане не хотѣли даже говорить съ нимъ. И святая Анна Моръ англійская, такъ мало похожая на святую Силлери-Жанлисъ французскую, видѣла, какъ въ саду Вокзала его избѣгали точно зачумленнаго [1]), при чемъ его безстрастное изсинякрасное лицо едва ли стало на одну тѣнь синѣе.

Графиня Жанлисъ.

ГЛАВА IV.

Журналистика.

Что касается до конституціонализма съ его національными гвардейцами, то онъ дѣлаетъ, что можетъ, и дѣла у него достаточно; одной рукой онъ долженъ дѣлать убѣждающіе знаки для обузданія патріотизма, а другую сжимать въ кулакъ, угрожая роялистскимъ заговорщикамъ. Въ высшей степени щекотливая задача, требующая большого такта.

Такъ, другъ народа Маратъ сегодня получаетъ приказъ объ арестѣ, prise de corps, и исчезаетъ со сцены, на завтра его отпускаютъ на свободу и даже поощряютъ, вродѣ цѣпной собаки, лай которой можетъ быть полезенъ. Президентъ Дантонъ заявляетъ публично, громовымъ голосомъ, что въ случаяхъ, подобныхъ случаю Марата, „позволительно силѣ противиться силой“. На это начальство тюрьмы Шатле издаетъ приказъ объ арестѣ Дантона; однако, весь округъ Кордельеровъ отвѣчаетъ на него вопросомъ, найдется ли констэбль, который согласился бы выполнить такой приказъ? Шатле еще дважды выпускаетъ приказъ объ его арестѣ, и оба раза напрасно: тѣло Дантона не можетъ быть схвачено тюрьмой Шатле; Дантонъ остается на свободѣ и увидитъ еще, хотя ему и придется на время бѣжать, какъ самый Шатле полетитъ въ преисподнюю.

Тѣмъ временемъ, муниципалитетъ и Бриссо далеко подвинулись съ составленіемъ своей муниципальной конституціи. Шестьдесятъ округовъ пре-

---

[1]) Hannah More's, Life and Correspondence, III, 5.

вращаются въ сорокъ восемь отдѣленій; многое должно еще быть улажено чтобы Парижъ получилъ свою конституцію. Она всецѣло основана на выборномъ началѣ, на которомъ должно быть основано и все французское правительство. Однако, въ нее проникъ одинъ роковой элементъ, это citoyen actif. Всякій человѣкъ, не платящій marc d'argent, или годовой налогъ, равный трехдневному заработку, можетъ быть только пассивнымъ гражданиномъ и не имѣетъ права голоса, хотя бы онъ круглый годъ проявлялъ активность топоромъ и молоткомъ. Неслыханное дѣло! вопятъ патріотическія газеты. Да, разумѣется, друзья-патріоты, если свобода, которую горячо призываютъ сердца всѣхъ людей, означаетъ лишь право послать въ національный клубъ для дебатовъ вашу одну пятидесятитысячную часть новаго фехтовальщика словами, тогда боги свидѣтелями, что поступлено неправильно. О, если, дѣйствительно, это благо — свобода—находилось въ національномъ Палаверѣ (какъ называютъ африканцы), то какой тиранъ рѣшился бы исключить изъ него хотя бы одного сына Адама? Вѣдь, можно бы даже основать женскій парламентъ, въ которомъ слышался бы „визгъ со скамей оппозиціи“, или изъ котораго „достопочтеннаго члена выносили бы въ истерикѣ“. Я охотно согласился бы и на дѣтскій парламентъ, даже на парламентъ грудныхъ младенцевъ, если угодно. Возлюбленные братья! вѣдь, пожалуй, свобода, какъ говорили древніе мудрецы, дѣйствительно живетъ только на небѣ. Какъ думаетъ просвѣщенная публика, гдѣ храбрая г-жа де Сталь (не дочь Неккера, а другая, умнѣе ея) нашла на этой планетѣ наибольшее приближеніе къ свободѣ? По зрѣломъ размышленіи, она отвѣчаетъ съ холоднымъ спокойствіемъ Дильворта: „Въ Бастиліи“[1]). Небесной? спрашиваютъ многіе съ сомнѣніемъ. Горе, что они еще спрашиваютъ, ибо въ этомъ и заключается истинное несчастье. „Въ небесной“—это много значитъ; это, быть можетъ, означаетъ участіе въ національномъ Палаверѣ, а можетъ быть и не то.

Есть одна вѣтка санкюлотизма, которая не можетъ не расцвѣсти: это журнализмъ. Такъ какъ голосъ народа—голосъ Божій, то развѣ можетъ такой божественный голосъ не сдѣлаться слышнымъ? Слышнымъ во всѣхъ концахъ Франціи, и на столькихъ же языкахъ, какъ при постройкѣ первой Вавилонской башни! Нѣкоторые голоса громки, какъ рыканіе льва, другіе тихи, какъ воркованье голубя. Самъ Мирабо имѣетъ одну или нѣсколько поучительныхъ газетъ, въ которыхъ работаютъ женевскіе сотрудники; при этомъ у него бываетъ немало столкновеній съ г-жей Ле-Жэ, его издательницей, хотя въ остальномъ она очень сговорчива[2]).

Другъ короля Руаю продолжаетъ печататься. Барреръ проливаетъ слезы ложной чувствительности въ газетѣ Заря, несмотря на понижающуюся розницу. Но зачѣмъ же Фреронъ такъ горячъ и демократиченъ,—Фреронъ, племянникъ друга короля? Эта горячность досталась ему по наслѣдству: его произвелъ на свѣтъ оса-Фреронъ, Frélon Вольтера, который продолжалъ жалить, хотя только въ качествѣ обозрѣвателя и на макулатурной бумагѣ, пока у него было жало и ядовитая железка. Констанъ издаетъ полезный Moniteur, освѣщая имъ, какъ фонаремъ, ночной мракъ. Moniteur теперь ежедневная газета, съ фактами и немногими комментаріями, офиціальный органъ, придерживающійся безопасной середины. Его главные редакторы давно уже съ возвратомъ или безвозвратно канули въ глубокій мракъ. Терпкій Лустало, съ терпкостью зеленаго терна, никогда не созрѣетъ, а умретъ преждевременно: но его Прюдомъ не дастъ умереть Révolutions de Paris, а будетъ издавать ихъ самъ, наряду со многимъ другимъ,—хотя самъ онъ скучный, напыщенный писака.

О Кассандрѣ-Маратѣ мы говорили уже часто, хотя самую поразительную истину еще остается сказать: именно, что онъ не лишенъ здраваго смысла, и даже изъ его хриплой, каркающей глотки исходитъ множество истинъ о раз-

---

[1]) De Staal, Mémoires (Paris, 1821), I, 169—280.

[2]) Dumont, Souvenirs, 6.

личныхъ предметахъ. Иногда можно бы подумать, что у него является намекъ на юморъ, и онъ посмѣивается въ глубинѣ души. Камиллъ остроумнѣе, чѣмъ когда либо, свободнѣе, циничнѣе, но веселъ, какъ всегда. Жизнерадостная, гармоническая натура, онъ „рожденъ для писанія стиховъ", какъ скажетъ самъ со временемъ съ горькими слезами, это—лучезарный Аполлонъ ярко, но кротко сіяющій въ этой титанической борьбѣ, въ которой ему не суждено побѣдить!

Сложенныя и продаваемыя въ розницу на улицахъ газеты имѣются во всѣхъ странахъ, но въ журнальной средѣ, подобной французской, можно ожидать новыхъ и весьма своеобразныхъ видовъ ихъ. Что скажетъ читатель о газетѣ-плакатѣ, Journal-Affiche, привлекающей взглядъ издалека всѣми цвѣтами спектра, и которую можетъ читать даже тотъ, у кого нѣтъ пяти сантимовъ на покупку настоящей газеты? Такія газеты во множествѣ вывѣшиваются въ послѣдующіе мѣсяцы, такъ какъ общественныя и частныя патріотическія собранія открываются въ огромномъ количествѣ и могутъ собирать деньги по подпискѣ: это листы, наклееные листы, выставляемые для ловли того, что попадется! Даже правительство имѣетъ свою намазанную клеемъ газету; Луве, занятый теперь новой „прелестной повѣстью", будетъ писать Sentinelles и расклеивать ее съ успѣхомъ; а Бертранъ де Мольвилль, находясь въ крайности, попытается устроить это еще хитрѣе [1]). Журнализмъ—сила. Развѣ главный редакторъ не является властителемъ міра, обладая возможностью убѣждать его, властителемъ, хотя и самозваннымъ, но санкціонируемымъ количествомъ распродаваемыхъ имъ номеровъ? Правда, публика имѣетъ самый дѣйствительный способъ низложить его: стоитъ только не покупать его газеты,—и онъ умретъ съ голоду.

Не слѣдуетъ также слишкомъ низко цѣнить дѣятельность расклеивателей газетъ въ Парижѣ, ихъ около шестидесяти человѣкъ, всѣ вооружены шестами съ перекладинами, ранцами, горшками съ клейстеромъ и снабжены даже жестяными бляхами, такъ какъ они имѣютъ привилегію отъ муниципалитета. Это священная коллегія, собственно, глашатаи властителей міра, хотя, въ возникающей лишь и еще грубой эрѣ они не почитаются какъ таковые. Они сдѣлали стѣны Парижа поучающими, убѣждающими, посредствомъ постоянно свѣжей періодической литературы, которую могъ читать всякій прохожій: плакаты-газеты, плакаты-пасквили, распоряженія муниципалитета, королевскіе манифесты, съ прибавкой массы прочихъ обыкновенныхъ афишъ—какой богатый матеріалъ, если только обращать на него вниманіе! Что за неслыханныя вещи разсказывали эти стѣны въ теченіе пяти лѣтъ. Но все это прошло, сегодняшній день поглотилъ вчерашній, и самъ въ свою очередь поглощается завтрашнимъ, какъ всегда бываетъ съ высказаннымъ словомъ. Да и что такое собственно писаніе, о ты, безсмертный писатель, какъ не слова сохраненныя лишь на нѣкоторое время? Плакаты сохраняютъ ихъ въ теченіе одного дня, нѣкоторыя книги въ теченіе десяти лѣтъ, иныя даже въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ, но что происходитъ потомъ? Потомъ, когда года прошли, писаніе умираетъ, и міръ освобождается отъ него. О, если бы въ словѣ человѣческомъ, какъ и въ самомъ человѣкѣ, не жилъ духъ, который переживаетъ слышимое, воплотившееся слово, и стремится вѣчно къ Богу или дьяволу, то зачѣмъ человѣкъ сталъ бы такъ безпокоиться изъ за истинности или ложности его, если не ради только коммерческихъ соображеній? Но развѣ вопросъ, безсмертно ли слово, и проживетъ ли оно половину или полторы человѣческихъ жизни не важенъ? Безсмертіе, смертность.... Великій Фрицъ прогналъ однажды нѣсколькихъ бѣглецовъ обратно на поле сраженія словами: „R—, wollt ihr ewig leben? Подлецы, развѣ вы хотите жить вѣчно!"

Таковъ новый способъ дѣлиться мыслями. Какое счастье, если имѣешь подѣлиться какою нибудь мыслью! Но не слѣдуетъ пренебрегать, при случаѣ, и старыми, болѣе простыми способами. Палатку у королевскаго дворца убра-

---

[1]) См. Bertrand—Moleville, Mémoires, II, 100.

ли деспотическіе патрули, но могутъ ли они убрать и человѣческія легкія? Мы видѣли Анаксагора Шометта стоящимъ на тротуарныхъ тумбахъ въ то время, какъ помощникъ редактора Талліенъ сидѣлъ за своей конторкой и работалъ. Въ каждомъ углу цивилизованнаго міра можно опрокинуть бочку, на которую влѣзетъ членораздѣльно-говорящее двуногое существо. Даже при находчивости можно, за деньги или за ласковое слово, достать переносныя козлы или складной стулъ, которые перипатетическій ораторъ забираетъ въ свои руки, а если его прогонятъ въ одномъ мѣстѣ, то онъ перейдетъ на другое, кротко сказавъ, подобно мудрецу Біасу: Omnia mea mecum porto.

Такимъ образомъ, журнализмъ говоритъ, разносится, расклеивается. Какая перемѣна съ тѣхъ поръ, какъ старикъ Метра гулялъ по этому самому Тюльерійскому саду, въ раззолоченой треуголкѣ, держа газету передъ носомъ, или небрежно сложенную за спиной; „Метра-газетчикъ былъ достопримѣчательностью Парижа“ [1]) и самъ Людовикъ говорилъ: Qu 'en dit Métra. Какая перемѣна съ тѣхъ поръ, какъ въ Венеціи первый газетный листокъ былъ проданъ за грошъ, gazza, и получилъ названіе Gazzeta! Нашъ міръ отличается плодовитостью!

ГЛАВА V.

Клубы.

Если сердце переполнено, то изъ тысячи причинъ и тысячью путями оно старается войти въ общеніе съ другими. Какъ сладостно и необходимо въ такихъ случаяхъ единеніе, потому что въ единеніи душа мистически укрѣпляетъ душу! Вдумчивые германцы, по мнѣнію нѣкоторыхъ, полагали, что энтузіазмъ, въ общемъ, означаетъ только чрезвычайную потребность въ соединеніи съ себѣ подобными, отсюда и произошло слово Schwärmerei или Schwarming (рой толпа). Какъ бы то ни было, а развѣ мы не видимъ, что тлѣющія, полупотухшія головни, будучи сложены вмѣстѣ съ другими, такими же, вспыхиваютъ яркимъ бѣлымъ пламенемъ?

Въ описываемой нами Франціи общественныя собранія неизбѣжно должны множиться и крѣпнуть. Французская жизнь стремилась выйти наружу, изъ домашней превратиться въ общественную, клубную жизнь. Старые, уже бывшіе въ зародышѣ клубы, разростаются и процвѣтаютъ; новые устраиваются повсюду. Это вѣрный признакъ общественнаго волненія, которое такимъ путемъ неминуемо выходитъ наружу, находитъ успокоеніе, но и новую пищу. Въ головѣ всякаго француза, полной ужаса ли, надежды ли, носится теперь пророческая картина будущей Франціи: пророчество, несущее съ собою и даже почти уже представляющее свое осуществленіе, и, во всякомъ случаѣ, сознательно или безсознательно, заставляющее дѣйствовать въ соотвѣтствующемъ направленіи.

Замѣтимъ, что стремленіе къ соединенію, если только оно достаточно глубоко, все усиливается и идетъ даже въ геометрической прогрессіи, весь міръ превращается въ это творческое время въ клубы, и одинъ какой нибудь клубъ, самый сильный или счастливый, благодаря дружеской привлекательности, или побѣдоносной властности, становится все сильнѣе, пока не достигнетъ огромнаго могущества; тогда онъ любовно принимаетъ въ себя всѣ остальные клубы съ ихъ силой или враждебно уничтожаетъ ихъ. Это происходитъ, когда духъ единенія всеобщъ, когда время дѣйствительно полно творчества. Описываемое время достаточно проникнуто творчествомъ и жажда общенія повсемѣстна: поэтому не можетъ не образоваться и такого всепоглощающаго, центральнаго клуба.

---

[1]) Dulaure, Histoire de Paris, VIII, 483. Mercier, Nouveau Paris.

Какой прогрессъ со времени перваго появленія Бретонскаго комитета! Онъ долго дѣйствовалъ въ тайнѣ, но не безъ энергіи, переселился, вмѣстѣ съ національнымъ собраніемъ, въ Парижъ и назвалъ себя клубомъ; затѣмъ, вѣроятно изъ подражанія великодушнымъ членамъ англійскаго клуба Прейсъ-Стэнгопъ, пославшимъ въ Парижъ делегатовъ съ поздравленіями, переименовался во Французскій революціонный клубъ, но вскорѣ принялъ болѣе оригинальное названіе Клуба друзей конституціи. Затѣмъ, онъ нанялъ за дешевую плату залъ Якобинскаго монастыря, одно изъ нашихъ „лишнихъ помѣщеній", и началъ въ эти весенніе мѣсяцы изливать оттуда свѣтъ на любующійся Парижъ. И вотъ мало по малу, подъ болѣе короткимъ популярнымъ названіемъ Клуба якобинцевъ, онъ сдѣлается памятнымъ на всѣ времена и во всѣхъ странахъ. Заглянемъ въ его помѣщеніе: на прочныхъ, но скромныхъ скамьяхъ сидятъ не менѣе тысячи трехсотъ избранныхъ патріотовъ, и не мало членовъ національнаго собранія. Здѣсь мы видимъ Барнава, обоихъ Ламетовъ, иногда Мирабо, и всегда Робеспьера; хищное лицо Фукье-Тенвиля съ другими адвокатами, Анахарсиса изъ прусской Скиѳіи, и смѣшанную компанію патріотовъ; все это пока чисто умыто, прилично, даже исполнено достоинства. Имѣются и мѣсто для предсѣдателя, и предсѣдательскій звонокъ, и высокая ораторская трибуна, и галлерея для постороннихъ, гдѣ сидятъ и женщины. Не сохранило ли какое нибудь общество любителей французской старины писаный договоръ о наймѣ зала Якобинскаго монастыря? Или онъ сталъ жертвой еще болѣе несчастнаго случая, чѣмъ постигшій Великую хартію вольностей, изрѣзанную кощунственной рукой портного? Для міровой исторіи это не безразлично.

Друзья конституціи собрались, какъ указываетъ самое ихъ названіе, главнымъ образомъ для того, чтобы наблюдать за выборами, когда послѣдніе наступятъ, и доставлять подходящихъ людей; но въ то же время и для того, чтобы совѣщаться объ общемъ благѣ, дабы оно не потерпѣло какого либо ущерба; и однако, пока еще не видно, какимъ образомъ это будетъ дѣлаться. Потому что, когда двое или трое соберутся гдѣ нибудь,—за исключеніемъ церкви, гдѣ всѣ вынуждены къ пассивному состоянію, — то ни одинъ смертный, и они сами въ томъ числѣ, не сможетъ сказать точно, для чего они собрались. Какъ часто оказывалось, что початая бочка приводила не къ дружескимъ изліяніямъ, а къ дуэли и проламыванію головъ, и предполагавшійся праздникъ превращался въ праздникъ лапиѳовъ! Клубъ якобинцевъ, вначалѣ казавшійся такимъ лучезарнымъ и принимавшійся за новое небесное свѣтило, которому предназначено просвѣтить народы, долженъ былъ, какъ и все на свѣтѣ, пройти предназначенные ему фазисы. Къ несчастью, онъ горѣлъ все болѣе и болѣе тусклымъ, мерцающимъ пламенемъ, распространяя сѣрный запахъ,—и исчезъ, наконецъ, въ изумленномъ небѣ, подобный знаменію преисподней или зловѣще пылающей темницѣ осужденныхъ духовъ.

Каковъ стиль ихъ краснорѣчія? Радуйся читатель, что ты не знаешь его, и никогда не узнаешь въ совершенствѣ. Якобинцы издавали Журналъ Преній, гдѣ всякій, у кого хватитъ духа просмотрѣть его, найдетъ страстное, глухо-рокочущее патріотическое краснорѣчіе, непримиримое, безплодное, приносящее только разрушеніе, которое и было его задачей; крайне утомительное, хотя и весьма опасное. Будемъ благодарны за то, что забвеніе многое покрываетъ; что всякій трупъ въ концѣ-концовъ закапывается въ зеленое лоно земли, и даже дѣлаетъ его еще зеленѣе. Якобинцы похоронены, дѣло же ихъ осталось и даже продолжаетъ „совершать кругосвѣтное путешествіе", по мѣрѣ возможности. Еще недавно, напримѣръ, его можно было видѣть, съ обнаженной грудью и сверкающими презрѣніемъ къ смерти глазами, у Миссолонги, въ Греціи. Не странно ли, что старая, сонная Эллада была разбужена и приведена въ состояніе сомнамбулизма, которое смѣнится полнымъ бодрствованіемъ, голосомъ изъ улицы Сентъ-Оноре? Все умираетъ, какъ мы часто говорили; не умираетъ только духъ человѣческій, духъ его поступковъ. Развѣ, напримѣръ, не исчезъ съ лица земли

самый домъ якобинцевъ и едва сохраняется въ памяти немногихъ стариковъ. На его мѣстѣ, рынокъ Сентъ-Оноре, и тамъ, гдѣ нѣкогда глухо рокочущее краснорѣчіе, подобно трубному гласу Страшнаго Суда, потрясало міръ, происходитъ мирная торговля птицей и овощами. Самъ священный залъ національнаго собранія сдѣлался общественнымъ достояніемъ и по мѣсту, гдѣ находилась платформа президента, разъѣзжаютъ телѣги и возы съ навозомъ, потому что здѣсь проходитъ улица Риволи. Поистинѣ, при крикѣ пѣтуха (какой бы пѣтухъ ни кричалъ), всѣ видѣнія исчезаютъ и растворяются въ пространствѣ.

Парижскіе якобинцы составили „Societé-Mere“ (Общество Мать) и имѣли не менѣе „трехсотъ“ пронзительно-крикливыхъ дочерей, стоящихъ съ ними „въ прямой связи“. А стоящихъ не въ прямой связи,—назовемъ ихъ внучками или дальними родственницами,—они насчитывали „сорокъ четыре тысячи!“—Упомянемъ объ одномъ анекдотѣ и объ одномъ историческомъ фактѣ. Однажды вечеромъ двое братьевъ якобинцевъ стоятъ на стражѣ у дверей, такъ какъ члены занимаютъ этотъ почетный и служебный постъ поочередно, и не пропускаютъ никого безъ билетовъ; одинъ привратникъ былъ достойный серъ Лаисъ, пожилой уже патріотическій оперный пѣвецъ, горло котораго давно смолкло, не достигнувъ успѣха; другой юноша, по имени Луи-Филиппъ, первенецъ герцога Орлеанскаго, недавно, послѣ необычайныхъ превратностей судьбы, сдѣлавшійся гражданиномъ-королемъ, и старающійся поцарствовать подолѣе. Всякая плоть похожа на траву: это, или высокая осока или ползучая травка.

Второй фактъ, который мы хотимъ отмѣтить, есть фактъ историческій, а именно, что центральное якобинское общество, даже въ свой самый блестящій періодъ, не можетъ удовлетворить всѣхъ патріотовъ. Ему приходится уже, такъ сказать, стряхивать съ себя два недовольныхъ роя: справа и слѣва. Одна партія, считающая якобинцевъ слишкомъ умѣренными, составляетъ Клубъ кордельеровъ; это болѣе горячій клубъ, родная среда Дантона, за которымъ слѣдуетъ Демуленъ. Другая же партія считаетъ, напротивъ того, якобинцевъ черезчуръ горячими и отпадаетъ направо. Она становится „Клубомъ 1789 года, Друзей монархической конституціи“. Впослѣдствіи ихъ называютъ „Клубомъ фельянтинцевъ“, потому что они собирались въ Фельянтинскомъ монастырѣ. Лафайетъ стоитъ или станетъ во главѣ ихъ, поддерживаемый всюду уважаемыми патріотами и массой собственниковъ и интеллигенціи;—стало быть, клубъ этотъ имѣетъ самое блестящее будущее. Въ іюньскіе дни 1790 года они торжественно обѣдаютъ въ королевскомъ дворцѣ при открытыхъ окнахъ, подъ ликующіе крики народа, съ тостами и вдохновляющими пѣснями, изъ которыхъ одна, по крайней мѣрѣ, самая слабая изъ всѣхъ когда либо существовавшихъ [1]). И они также будутъ въ свое время изгнаны за предѣлы Франціи, въ киммерическій мракъ.

Другой клубъ, называющій себя монархистскимъ или роялисткимъ клубомъ, „Club des Monarchiens“, несмотря на имѣющіеся у него фонды и парчевые диваны, на которыхъ ведутся засѣданія, не встрѣчаетъ даже временнаго сочувствія; къ нему относятся съ насмѣшками и издѣвательствомъ и, наконецъ, спустя недолгое время изрядная толпа патріотовъ врывается въ него однажды вечеромъ,—а можетъ быть, и не однажды,—и своимъ ревомъ заставляетъ его покончить свое мучительное существованіе. Жизнеспособнымъ оказывается только центральное якобинское общество и его семейство. Даже Кордельеры могли, какъ это и было, вернуться въ его лоно, за это время достаточно нагрѣвшееся.

Фатальное зрѣлище! Не представляютъ ли подобныя общества начало новаго общественнаго строя? Не есть ли это стремленіе къ соединенію,—агрегативное начало, начинающее снова дѣйствовать въ обветшаломъ, треснувшемъ общественномъ организмѣ, распадающемся на мусоръ и первоначальные атомы?

---

[1]) Hist. Parl. VI, 334.

ГЛАВА VI.

Клянусь!

Не удивительно ли, что, при всѣхъ этихъ знаменіяхъ времени, преобладающимъ чувствомъ во всей Франціи была попрежнему надежда? О, благословенная надежда, единственное счастье человѣка, ты рисуешь прекрасные широкіе ландшафты даже на стѣнахъ его тѣсной тюрьмы, и ночной мракъ самой смерти превращаешь въ зарю новой жизни! Ты несокрушимое благо для всѣхъ людей въ Божьемъ мірѣ: для мудраго—хоругвь Константина, знаменіе, начертанное на вѣчныхъ небесахъ, съ которымъ онъ должен ъ побѣдить, потому что сама борьба есть побѣда; для глупца—вѣковой миражъ, тѣнь тихой воды, отпечатывающаяся на растрескавшейся землѣ и облегчающая его паломничество черезъ пустыню, дѣлая путь возможнымъ, пріятнымъ, хотя бы это былъ и ложный путь.

Въ предсмертныхъ судорогахъ погибающаго общества надежда Франціи видитъ лишь родовыя муки новаго, несказанно лучшаго общества, и поетъ, съ полной убѣжденностью вѣры, бодрящую мелодію, сочиненную въ эти самые дни какимъ то вдохновеннымъ скрипачемъ — знаменитое Ça-ira. Да, „пойдетъ", а когда придетъ? Всѣ надѣются; даже Маратъ надѣется, что патріотизмъ возмется за кинжалы и муфты. Не лишенъ надеждъ и король Людовикъ: онъ надѣется на счастливый случай, на бѣгство къ какому нибудь Булье, на будущую популярность въ Парижѣ. Но на что надѣется его народъ, объ этомъ мы можемъ судить по факту, по цѣлому ряду фактовъ, которые теперь будутъ сообщены.

Бѣдный Людовикъ, несмотря на скудоуміе и недостатокъ рѣшимости все же доброжелательный, долженъ на своемъ скользкомъ пути слѣдовать тому знаку, который будетъ поданъ ему—роялизмомъ ли съ черныхъ лѣстницъ, или такимъ же офиціальнымъ конституціонализмомъ, смотря по тому, что перевѣшиваетъ въ этомъ мѣсяцѣ въ умѣ короля. Если бѣгство къ Булье и (ужасно подумать!) обнаженный мечъ гражданской войны зловѣще рисуются на фонѣ въ теоріи, то не ближе ли фактически тѣ тысяча двѣсти королей, которые засѣдаютъ въ Залѣ манежа, и хотя не подлежатъ его обузданію, но и не проявляютъ непочтительности къ нему? Если бы доброе обращеніе могло дать хорошій результатъ, то насколько это было бы предпочтительнѣе вооруженныхъ эмигрантовъ, туринскихъ интригъ и помощи Австріи! Но развѣ эти двѣ надежды несовмѣстимы? Поѣздки въ предмѣстья, какъ мы видѣли, стоятъ мало, а всегда приносили виваты[1]). Еще дешевле доброе слово, много разъ уже отвращавшее гнѣвъ. Нельзя ли въ эти быстротечные дни, когда Франція вся дѣлится на департаменты, духовенство преобразуется, народныя общества возникаютъ, а феодализмъ и многое другое бросаются въ плавильный тигель,—нельзя ли попытать это средство еще разъ?

И вотъ, 4-го февраля M. le Président читаетъ національному собранію собственноручное короткое посланіе короля, возвѣщающее, что его величество пожалуетъ въ собраніе безъ всякаго церемоніала, вѣроятно, около двѣнадцати часовъ. Подумайте немножко, господа, что это можетъ значить, въ особенности подумайте, нельзя ли намъ какъ нибудь украсить залъ? Секретарскія конторки можно удалить съ эстрады, на кресло президента накинуть бархатное покрывало, „лиловаго цвѣта, затканное золотыми лиліями".—M. le Président, конечно, имѣлъ предварительно частныя свѣдѣнія и посовѣтовался съ докторомъ Гильотеномъ. Затѣмъ, нельзя ли разостлать „кусокъ бархатнаго ковра", такого же рисунка и цвѣта, передъ кресломъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно сидятъ секретари? Такъ посовѣтовалъ разсудительный Гильотенъ, и результатъ оказывается удо-

---

[1]) Bertrand-Moleville, I, 241.

влетворительнымъ. Далѣе, такъ какъ его величество, несмотря на бархатъ и лиліи, вѣроятно, будетъ стоять и совсѣмъ не сядетъ, то и президентъ предсѣдательствуетъ, стоя. И вотъ, въ то время, какъ какой нибудь почтенный членъ обсуждаетъ, скажемъ, вопросъ о раздѣленіи департамента, пристава провозглашаютъ: „Его величество"! Дѣйствительно, входитъ король, съ небольшой свитой; почтенный членъ останавливается на полусловѣ; собраніе встаетъ: „почти всѣ" тысяча двѣсти королей и галлереи привѣтствуютъ вѣрноподданническими возгласами возстановителя французской свободы. Рѣчь короля, въ водянистыхъ условныхъ выраженіяхъ, сводится, главнымъ образомъ, къ слѣдующему: что онъ, болѣе всѣхъ французовъ, радуется тому, что Францiя возрождается, и увѣренъ въ то же время, что члены поведутъ это дѣло съ осторожностью и не будутъ возрождать страну слишкомъ круто. Вотъ и вся сущность рѣчи; подвигъ короля заключался въ томъ, что онъ пришелъ, сказалъ ее и ушелъ.

Разумѣется, это было очень немного, и только полный надеждъ народъ могъ что либо на этомъ построить. А чего только онъ не построилъ! Самый фактъ, что король говорилъ, что онъ добровольно пришелъ поговорить съ депутатами производитъ необыкновенно ободряющее впечатлѣніе. Развѣ сіянье его королевскаго лица, подобно сосредоточеннымъ солнечнымъ лучамъ, не смягчило всѣ сердца въ верховномъ собраніи, а съ ними и во всей легко воспламеняющейся, воодушевленной Франціи? Счастливый жребій предложенія посылки „благодарственной депутаціи" выпадаетъ только одному человѣку, попасть же въ такую депутацію суждено немногимъ. Депутаты отправились и вернулись въ восторгѣ отъ необычайной милости: ихъ приняла и королева, держа за руку маленькаго дофина. Наши сердца все еще горятъ пылкой благодарностью, и другому члену приходитъ мысль о еще большемъ блаженствѣ: предложить всѣмъ возобновить національную клятву.

Счастливый, достопочтенный членъ! рѣдко слово было сказано болѣе кстати; этотъ членъ—волшебный кормчій всего національнаго собранія, изнемогавшаго отъ желанія что нибудь сдѣлать, кормчій и всей взирающей на собраніе Франціи. Президентъ клянется и заявляетъ, что каждый долженъ покласться внятнымъ: „je le jure" (клянусь!) Даже галлерея посылаетъ ему внизъ подписанный листокъ съ клятвой, и когда собраніе смотритъ вверхъ, то галлерея вся встаетъ и еще разъ клянется. А затѣмъ, представьте себѣ, какъ въ городской ратушѣ Бальи, принесшій знаменитую клятву въ Залѣ игры въ мячъ, приноситъ подъ вечеръ новую, со всѣми членами муниципалитета и начальниками округовъ. „Дантонъ даетъ понять, что публика охотно приняла бы въ этомъ участіе"; тогда Бальи въ сопровожденіи двѣнадцати членовъ выходитъ на главное крыльцо, успокаиваетъ движеніемъ руки волнующуюся толпу и, при громѣ барабановъ и потрясающихъ небесный сводъ кликахъ, принимаетъ отъ нея великую клятву. На всѣхъ улицахъ радостно возбужденный народъ, съ слезами и пламенемъ въ глазахъ, „образуетъ группы, въ которыхъ всѣ приносятъ другъ передъ другомъ ту же клятву"; и весь городъ иллюминуется. Это было 4 февраля 1790 года,—день, который долженъ быть отмѣченъ въ анналахъ конституціи.

Но иллюминація зажигается не только въ этотъ вечеръ, а повторяется, вся или по частямъ, въ продолженіи цѣлаго ряда вечеровъ, потому что избиратели каждаго округа приноситъ клятву отдѣльно, и каждый округъ иллюминуется особо. Смотрите, какъ округъ за округомъ собираются на какомъ нибудь открытомъ мѣстѣ, гдѣ не-избирающій народъ можетъ смотрѣть и присоединиться, и, поднявъ правую руку, подъ барабанную дробь и безконечные клики „ура" ставшихъ свободными гражданами, кричатъ „je le jure"—и обнимаются. Какое поучительное зрѣлище для всякаго еще существующаго деспота! Вѣрность королю, закону, конституціи, которую вырабатываетъ національное собраніе — такъ гласитъ клятва.

Представьте, напримѣръ, какъ университетскіе профессора парадируютъ по улицамъ съ молодежью Франціи и шумно, восторженно приносятъ эту клятву.

При нѣкоторомъ напряженіи фантазіи, распространите должнымъ образомъ эту коротенькую фразу. То же самое повторялось въ каждомъ городѣ и округѣ Франціи! Даже одна патріотка-мать, въ Ланьонѣ въ Бретони, собрала вокругъ себя своихъ десятерыхъ дѣтей и своей собственной престарѣлой рукой заставляетъ ихъ принести клятву. Великодушная, почтенная женщина! Обо всемъ этомъ, конечно, національное собраніе должно быть увѣдомлено въ краснорѣчивыхъ словахъ. Цѣлыхъ три недѣли непрерывныхъ клятвъ! Видѣло ли когда нибудь солнце такой клянущійся народъ? Не были ли всѣ укушены тарантуломъ клятвъ? Нѣтъ, но это люди и французы; они полны надежды, и, странно сказать, они вѣруютъ,—хотя бы только въ Евангеліе отъ Жанъ-Жака. О, братья, да будетъ угодно небу, чтобы все совершилось такъ, какъ вы думаете и клянетесь. Но, существуютъ любовныя клятвы, которыя, хотя бы онѣ были истинны, какъ сама любовь, не могутъ быть исполнены, не говоря уже о клятвахъ игроковъ, также хорошо всѣмъ извѣстныхъ.

ГЛАВА VII.

Чудеса.

Вотъ до чего довелъ Contrat social довѣрчивыя сердца. Люди, какъ извѣстно, живутъ вѣрой; каждое поколѣніе имѣетъ болѣе или менѣе свою собственную вѣру и смѣется надъ вѣрой своихъ предшественниковъ,—что весьма неразумно. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать, что вѣра въ „Общественный договоръ“ принадлежитъ къ самымъ страннымъ; что послѣдующее поколѣніе будетъ—основательно—если не смѣяться надъ ней, то удивляться ей и взирать на нее съ состраданіемъ. Увы, что такое представляетъ собою этотъ Contrat? Если бы всѣ люди были таковы, что писанный или скрѣпленный присягой договоръ могъ связывать ихъ, то всѣ люди были бы истинными людьми и правительства являлись бы излишними. Дѣло не въ томъ, что мы другъ другу обѣщали, а въ томъ что равновѣсіе нашихъ силъ можетъ заставить насъ сдѣлать другъ для друга; это единственное, что, въ нашемъ грѣшномъ мірѣ, можно принимать въ расчетъ. Но, справедливѣе всего это, конечно, по отношенію къ народу и государю, обмѣнивающимся обѣщаніями; какъ будто цѣлый народъ, мѣняющійся съ каждымъ поколѣніемъ, можно сказать съ каждымъ часомъ, можно вообще заставить говорить или обѣщать, да еще такую нелѣпость, какъ: „Да будетъ свидѣтелемъ Небо, то самое Небо, которое теперь не дѣлаетъ чудесъ, что мы, вѣчно измѣняющіеся милліоны, позволяемъ тебѣ, также измѣнчивой единицѣ, навязывать намъ твою волю, или управлять нами“! Міръ, вѣроятно, мало видѣлъ вѣрованій, подобныхъ этому.

И, тѣмъ не менѣе, дѣло въ то время сложилось именно такъ. Если бъ оно обстояло иначе, то какъ различны были бы надежды, попытки, результаты! Но Высшая Сила пожелала, чтобы было такъ, а не иначе. Свобода по общественному договору: таково было истинное евангеліе той эпохи. И всѣ вѣрили въ него, какъ вѣрятъ въ благовѣстъ съ неба, и съ переполненными сердцами и громкими кликами льнули къ нему и опирались на него, бросая вызовъ Времени и Вѣчности. Нѣтъ, не улыбайтесь, или улыбайтесь, но только улыбкой, которая горше слезъ! Это все же была вѣра, лучше той, которую она замѣнила, лучше вѣры въ вѣчную Нирвану и въ пищеварительную способность человѣка; ниже этой вѣры не можетъ быть никакой другой.

Нельзя сказать, однако, что это повсюду господствующее, повсюду клянущееся чувство надежды было единодушнымъ. Отнюдь нѣтъ. Время было недоброе, общественное разложеніе близко и несомнѣнно; общественное возрожденіе еще гадательно, трудно и отдаленно, если даже и несомнѣнно. Но если время каза-

лось недобрымъ какому нибудь проницательному наблюдателю, по убѣжденіямъ своимъ не примыкавшему ни къ одной партіи и не принимавшему вовсе участія въ борьбѣ ихъ между собой, то какимъ невыразимо зловѣщимъ оно должно было казаться затуманенному взгляду членовъ роялистской партіи! Для нихъ роялизмъ былъ палладіумомъ человѣчества; по ихъ понятіямъ, съ уничтоженіемъ христіаннѣйшей королевской власти и всеталлейраннѣйшаго епископства, уничтожалось всякое лояльное повиновеніе, всякое религіозное вѣрованіе, и всѣ судьбы человѣка окутывались глубокимъ мракомъ! Въ фанатическія сердца такое убѣжденіе западаетъ глубоко и побуждаетъ ихъ, какъ мы видѣли, къ заговорамъ на черныхъ лѣстницахъ, къ эмиграціямъ, вызывающимъ войны, къ монархическимъ клубамъ и даже къ еще большимъ безумствамъ.

Духъ пророчества, напримѣръ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ считался исчезнувшимъ: тѣмъ не менѣе, эти послѣднія времена, какъ всякія „послѣднія" времена, оживляютъ его вновь, чтобы, въ числѣ многихъ безумствъ Франціи, мы имѣли примѣръ и самаго большаго безумства. Въ отдаленныхъ сельскихъ округахъ, куда не проникли еще лучи философскихъ ученій, гдѣ еретическое устройство духовенства переноситъ раздоры къ самому алтарю, и даже церковные колокола переплавляются на мелкую монету, складывается убѣжденіе, что конецъ міра не можетъ быть далекъ. Глубокомысленные, желчные старики и особенно старухи даютъ таинственно понять, что они знаютъ то, что знаютъ. Святая Дѣва, молчавшая такъ долго, не онѣмѣла, и, поистинѣ, теперь болѣе, чѣмъ когда либо, для нея настало время заговорить. Одна пророчица—къ сожалѣнію, небрежные историки не упоминаютъ ни имени, ни положенія ея — говоритъ во всеуслышаніе и пользуется довѣріемъ довольно многихъ, между прочимъ, монаха-картезіанца Жерля, бѣднаго патріота и члена національнаго собранія. Подобно пиѳіи, съ дико вытаращенными глазами, она речитативомъ завываетъ о томъ, что само небо пошлетъ знаменіе, и что дастъ его само небесное солнце: появится мнимое солнце, на которомъ, по словамъ многихъ, будетъ отпечатлѣна голова повѣшеннаго Фавра. Слушай, отецъ Жерль, жалкая скудоумная голова, слушай,—все равно ничего не поймешь [1]).

За то весьма интересенъ „магнетическій пергаментъ", vélin magnetique, господъ д'Озіе и Пти-Жана, двухъ членовъ парламента изъ Руана. Почему оба они, кроткій, молодой д'Озіе, „воспитанный въ вѣрѣ въ молитвенникъ и въ пергаментныя родословныя", да и въ пергаменты вообще, и пожилой меланхоликъ Пти-Жанъ явились въ день Петра и Павла въ Сенъ-Клу, гдѣ охотился его величество? Почему они ждали цѣлый день въ прихожихъ, на удивленіе швейцарцамъ, ждали даже у рѣшетокъ послѣ того, какъ были высланы? Почему они отпустили своихъ лакеевъ въ Парижъ, словно собирались дожидаться безконечно? Они привезли „магнетическій пергаментъ", на которомъ святая дѣва, облекшаяся чудеснымъ образомъ въ покровы месмеріано-каліостро-оккультической философіи, внушила имъ начертать поученія и предсказанія для тяжко испытуемаго короля. Согласно божественному велѣнію, они хотятъ сегодня же вручить этотъ пергаментъ королю и такимъ образомъ спасти монархію и міръ. Непонятная чета видимыхъ существъ! Вы какъ будто люди, и люди восемнадцатаго вѣка; но вашъ магнетическій пергаментъ мѣшаетъ признать васъ за таковыхъ. Скажите, представляете ли вы, вообще, что нибудь? Такъ спрашиваютъ капитаны охраны, спрашиваетъ мэръ Сенъ-Клу, спрашиваетъ, наконецъ, слѣдственный комитетъ, и не муниципальный, а національнаго собранія. Въ теченіе недѣль нѣтъ опредѣленнаго отвѣта. Наконецъ, становится ясно, что истинный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательнымъ. Идите же, фантазеры, съ вашимъ магнетическимъ пергаментомъ, идите, кроткій, юный фантазеръ и пожилой меланхоликъ: двери тюрьмы открыты. Едва ли вамъ

---

[1]) Deux Amis V, 7.

придется еще разъ предсѣдательствовать въ Руанской счетной палатѣ; вы исчезнете безслѣдно во мракѣ тюрьмы [1]).

ГЛАВА VIII.

Торжественный союзъ и договоръ.

Много темныхъ мѣстъ и даже совсѣмъ черныхъ пятенъ появляется на раскаленномъ бѣломъ пламени французскаго духа, находящагося цѣликомъ въ плавленіи. Здѣсь—старухи, заставляющія клясться своихъ десятерыхъ дѣтей на новомъ евангеліи отъ Жанъ-Жака; тамъ—старухи, ищущія головы Фавра на небесномъ сводѣ: это сверхъестественныя предзнаменованія, указывающія на нѣчто необычное.

Дѣйствительно, даже патріотическія дѣти надежды не могутъ отрицать, что предстоятъ затрудненія: аристократы эмигрируютъ, парламенты тайно, но весьма опасно бунтуютъ (хотя и съ веревкой на шеѣ), а самое главное—явный „недостатокъ хлѣба". Это, разумѣется, печально, но не непоправимо для націи, которая надѣется, для націи, которая находится въ плавленіи и пламенномъ общеніи мыслей, которая, напримѣръ, по сигналу флангового, какъ хорошо-обученный полкъ, поднимаетъ руку и клянется, устраивая иллюминаціи, пока каждая деревня, отъ Арденнъ до Пиренеевъ, не забьетъ въ свой деревенскій барабанъ, не принесетъ своей маленькой присяги и не озарится тусклымъ свѣтомъ сальныхъ свѣчей, на нѣсколько саженъ прорѣзывающихъ ночной мракъ!

Если же хлѣба недостаетъ, то виноваты въ этомъ не природа и не національное собраніе, а только коварство и враждебные народу интриганы. Эти злостные люди, изъ разряда подлецовъ, имѣютъ возможность мучить насъ, пока конституція еще только составляется. Потерпите, герои патріоты; а впрочемъ, не лучше ли поискать помощи? Хлѣбъ растетъ и лежитъ теперь въ снопахъ или мѣшкахъ; но ростовщики и роялистскіе заговорщики препятствуютъ перевозкѣ его, чтобы вызвать народъ на противозаконныя дѣйствія. Вставайте же, организованныя патріотическія власти, вооруженные національные гвардейцы, собирайтесь! Соедините ваши добрыя воли; въ единеніи удесятеренная сила. Пусть сконцентрированные лучи вашего патріотизма поразятъ мошенническую клику, парализуютъ и ослѣпятъ ее, какъ солнечный ударъ.

Подъ какой шляпой, или подъ какимъ ночнымъ колпакомъ нашихъ двадцати пяти милліоновъ возникла впервые эта чреватая мысль (ибо въ чьей-нибудь головѣ она должна же была возникнуть), никто не можетъ теперь установить. Крайне простая идея, всѣмъ близкая, но живая, своевременная и выросшая, до настоящаго величія или нѣтъ,—но во всякомъ случаѣ, до неизмѣримыхъ размѣровъ. Если нація находится въ такомъ состояніи, что на нее можетъ воздѣйствовать простой фланговый, то чего не сдѣлаетъ во время произнесенное слово, совершенный поступокъ? И мысль эта выраститъ, дѣйствительно, подобно бобу мальчика въ сказкѣ, въ одну ночь до самаго неба, и подъ нимъ будетъ достаточно мѣста для жилья и приключеній. Къ несчастью, это всетаки не болѣе, какъ бобъ (ибо молодые долговѣчные дубы растутъ не такъ), и на слѣдующую ночь онъ уже можетъ лежать поваленный и втоптанный въ грязь.—Но замѣтимъ, по крайней мѣрѣ, какъ естественна эта склонность къ союзамъ у возбужденной націи, имѣющей вѣру. Шотландцы, вѣровавшіе въ праведное небо надъ ихъ головами и въ евангеліе—правда, совершенно отличное отъ евангелія Жанъ-Жака, въ крайней нуждѣ запечатлѣли клятвой торжественный союзъ и договоръ, какъ братья, которые обнимаются и смотрятъ на небо передъ отчаянной битвой; они заставили весь островъ присоединиться къ этой клятвѣ, и да-

---

[1]) Deux Amis, V, 199.

же, по ихъ древне-саксонскому, еврейско-пресвитеріанскому обычаю, болѣе или менѣе сдержать ее, потому что клятва эта была, какъ большей частью при такихъ союзахъ, услышана небомъ и ратификована имъ. Если присмотрѣться внимательнѣе, то она не умерла до сихъ поръ и даже не близка къ смерти. У французовъ, при ихъ галло-языческой возбудимости и горячности, есть, какъ мы видѣли, нѣкотораго рода дѣйствительная вѣра; они терпятъ притѣсненія, хотя и преисполнены надеждъ; народный торжественный союзъ и договоръ возможны и во Франціи; но при сколь различныхъ обстоятельствахъ и со сколь различными развитіемъ и результатомъ!

Отмѣтимъ также незначительное начало, первую искру мощнаго фейерверка; вѣдь, если нельзя опредѣлить голову, изъ которой она вылетѣла, то можно опредѣлить округъ, откуда это произошло. 29-го числа минувшаго ноября національные гвардейцы изъ ближнихъ и дальныхъ мѣстъ, съ военной музыкой и въ сопровожденіи муниципальныхъ властей въ трехцвѣтныхъ шарфахъ, тысячами направлялись вдоль Роны къ маленькому городку Этуаль. Здѣсь, послѣ церемонныхъ маршей и маневровъ, трубныхъ звуковъ, ружейныхъ залповъ и прочихъ выдумокъ патріотическаго генія, они приняли присягу и обѣтъ вѣрно поддерживать другъ друга подъ защитой короля и закона, и, въ частности, поддерживать свободное обращеніе всѣхъ сельскихъ продуктовъ, пока таковые имѣются, несмотря на грабителей и ростовщиковъ. Такова была цѣль собранія въ Этуалѣ, въ концѣ теплаго ноября 1789 года.

Но если ужъ простой смотръ, сопровождаемый обѣдомъ, баломъ и связанными съ ними обычными развлеченіями, интересуетъ счастливый уѣздный городокъ и возбуждаетъ зависть окружающихъ городовъ, то насколько больше вниманія возбудитъ слѣдующее! Черезъ двѣ недѣли, болѣе обширный Монтелимаръ, почти стыдясь за себя, сдѣлаетъ то же самое, и еще лучше. На монтелимарской равнинѣ или, что не менѣе благозвучно, „подъ стѣнами Монтелимара происходитъ“ тринадцатаго декабря новое сборище съ заклинаніями: собираются шесть тысячъ и произносятъ клятву съ слѣдующими замѣчательными поправками, принятыми единогласно. Первая, что граждане Монтелимара должны вступить въ союзъ съ соединившимися гражданами Этуаля. Вторая, что, не упоминая спеціально объ обращеніи хлѣба, „они клянутся передъ лицомъ Бога и отечества“, съ гораздо большей горячностью и сознательностью, повиноваться всѣмъ постановленіямъ національнаго собранія, и заставлять другихъ повиноваться имъ „до самой смерти, jusqu'à la mort“. Третье, и самое важное: что офиціальное донесеніе обо всемъ этомъ должно быть торжественно препровождено въ національное собраніе г. Лафайету и „возстановителю французской свободы“, дабы они извлекли изъ этого какое могутъ утѣшеніе. Такимъ образомъ болѣе обширный Монтелимаръ защищаетъ свое патріотическое значеніе и удерживаетъ свое мѣсто на муниципальной лѣстницѣ [1]).

Итакъ, съ наступленіемъ новаго года сигналъ поданъ; неужели національное собраніе и торжественное донесеніе ему не сыграютъ, по меньшей мѣрѣ, роли національнаго телеграфа? Зерно брошено и должно циркулировать по всѣмъ дорогамъ и водамъ Роны, по всей юго-восточной области, гдѣ монсеньера д'Артуа, если бъ онъ вздумалъ возвратиться изъ Турина, ожидаетъ горячій пріемъ. Каждая французская провинція, страдающая отъ недостатка хлѣба, или отъ мятежныхъ парламентовъ, противуконституціонныхъ заговорщиковъ, монархическихъ клубовъ, или иныхъ патріотическихъ бѣдствій, можетъ поступить по данному примѣру, или даже лучше, особенно теперь, когда февральскія клятвы всколыхнули ихъ всѣхъ! Отъ Бретани до Бургундіи, почти на всѣхъ равнинахъ Франціи, почти подъ всѣми городскими стѣнами, трубятъ трубы, развѣваются знамена, происходятъ конституціонные маневры; подъ весеннимъ небомъ природа одѣвается зеленымъ цвѣтомъ надежды, хотя яркое солнце и затемняется тучами

---

[1]) Hist. Parl. VII, 4.

съ востока, подобно тому, какъ патріотизмъ, хотя и съ трудомъ, побѣждаетъ аристократію и недостатокъ хлѣба! И вотъ, наши сверкающія фаланги, подъ предводительствомъ муниципаловъ въ трехцвѣтныхъ шарфахъ, маршируютъ и конституціонно поворачиваются подъ трубные звуки Ça-ira и барабанную дробь; или останавливаются, поднявъ правую руку, въ то время, какъ артиллерійскіе залпы подражаютъ громамъ Юпитера, и все отечество, а метафорически и вся „вселенная“ смотрятъ на нихъ. Храбрые мужчины, въ праздничныхъ одеждахъ, и разряженныя женщины, изъ которыхъ большинство имѣетъ возлюбленныхъ въ рядахъ этого войска, клянутся вѣчнымъ небомъ и зеленѣющей кормилицей-землей, что Франція свободна!

Чудные дни, когда люди (какъ это ни странно) дѣйствительно соединяются въ согласіи и дружелюбіи, и человѣкъ, хотя бы только разъ, въ теченіе долгихъ вѣковъ раздоровъ, дѣйствительно на минуту становится братомъ человѣку!—А затѣмъ, слѣдуютъ депутаціи, съ высокопарными описательными рѣчами къ національному собранію, къ Лафайету и возстановителю, и, очень часто, къ матери патріотизма, засѣдающей на дубовыхъ скамьяхъ въ залѣ якобинцевъ! Всѣ уши полны разговоровъ о федераціи. Всплываютъ имена новыхъ патріотовъ, которыя нѣкогда станутъ хорошо извѣстными: Бойе-Фонфредъ, краснорѣчивый обвинитель мятежнаго бордосскаго парламента, Максъ Изнаръ, краснорѣчивый репортеръ Драгиньянской федераціи—краснорѣчивая пара ораторовъ, раздѣленныхъ всей шириной Франціи, но которые, тѣмъ не менѣе, встрѣтятся. Все дальше распространяется пламя федерацій, все дальше и все ярче. Такъ, братья изъ Бретани и Анжу говорятъ о братствѣ всѣхъ истинныхъ французовъ, и даже призываютъ „гибель и смерть“ на голову всякаго ренегата. Мало того, если въ національномъ собраніи они съ грустью указываютъ на marc d'argent (на цензъ), дѣлающій столькихъ гражданъ пассивными, то въ якобинскомъ клубѣ они спрашиваютъ, будучи сами отнынѣ „не бретонцами, и не анжуйцами, а только французами“, почему вся Франція не составитъ одинъ союзъ и не поклянется во всеобщемъ братствѣ, разъ навсегда [1]). Весьма дѣльная мысль, возникающая въ концѣ марта мѣсяца. Патріоты не могутъ не ухватиться за нее, и повторяютъ и разглашаютъ ее на всѣ стороны до тѣхъ поръ, пока она не станетъ извѣстна всѣмъ; — но, въ такомъ случаѣ, муниципальнымъ совѣтникамъ слѣдовало бы обсудить ее самимъ.

Образованіе всеобщей федераціи, повидимому, неизбѣжно; гдѣ?—понятно само собой: въ Парижѣ; остается установить, когда и какъ. И на это тоже отвѣтитъ всесозидающее время, и даже уже отвѣчаетъ. Ибо, по мѣрѣ распространенія, дѣло объединенія совершенствуется, и патріотическій геній прибавляетъ къ нему одинъ вкладъ за другимъ. Такъ, въ Ліонѣ, въ концѣ мая, мы видимъ пятьдесятъ или, какъ иные говорятъ, шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, собравшихся для организаціи федераціи,—при чемъ присутствуетъ не поддающаяся исчисленію толпа. Это продолжалось отъ зари до сумерокъ. Съ пяти часовъ яснаго росистаго утра, наши ліонскіе гвардейцы начали сходиться, сверкая амуниціей, на набережную Роны и выстраиваться здѣсь рядами при восторженномъ маханіи шляпъ и женскихъ носовыхъ платковъ, среди ликованія двухсотъ тысячъ патріотическихъ голосовъ и прекрасныхъ мужественныхъ сердецъ. Отсюда всѣ направились къ полю федераціи. Но что это за царственная фигура, которая, не желая возбуждать вниманія, все же такъ выдѣляется между всѣми и появляется одной изъ первыхъ, въ сопровожденіи своихъ друзей и патріотическаго издателя Шампанье? Энтузіазмомъ горятъ эти темные глаза; строгое лицо Минервы отражаетъ достоинство и серьезную радость; тамъ, гдѣ всѣ радуются, больше всего радуется она. Это жена Ролана де-ла-Платріеръ [2]). Мужъ ея — строго добросовѣстный пожилой господинъ, королевскій инспекторъ ліонскихъ мануфактурныхъ фабрикъ,

---

[1]) Отчеты и т. п. (Hist Parl., IX, 122—147).

[2]) Madame Roland, Memoires I (Discours Préliminaire, p. 23).

а теперь, по народному избранію, самый добросовѣстный изъ членовъ ліонскаго муниципалитета; человѣкъ, пріобрѣвшій многое, если достоинства и способности могутъ пріобрѣтаться, а, главное, пріобрѣвшій въ жены дочь парижскаго гравера Флипона. Отмѣть, читатель, эту царственную гражданку: ея красота и грація амазонки радуютъ глазъ, но еще больше душу. Не сознающая своей цѣны, своего величія (какъ всегда бываетъ, съ истиннымъ величіемъ) своей кристальной чистоты, она искренпя и естественна, въ вѣкъ искусственности, притворства и обмана. Въ своемъ спокойномъ совершенствѣ, въ своей спокойной непобѣдимости она—если хотите знать—благороднѣйшая изъ французскихъ женщинъ своего времени, и мы еще увидимся съ нею. Но, насколько она была счастливѣе, когда ее еще не знали и даже она сама не знала себя! Сейчасъ она смотритъ, не подозрѣвая ничего, на развертывающееся передъ ней грандіозное зрѣлище и думаетъ, что начинаютъ сбываться ея юношескія грезы.

Марія-Жанна Роланъ де-ла-Платріеръ.

Какъ мы сказали, торжество продолжалось отъ зари до сумерокъ и, поистинѣ, являло собою, зрѣлище, которому мало равныхъ. Громъ барабановъ и трубъ самъ по себѣ представляетъ нѣчто; но вообразите себѣ „искусственную скалу въ пятьдесятъ футовъ вышиной, съ высѣченными ступенями, и украшенную подобіемъ „кустарниковъ“. Внутри скалы —потому что въ дѣйствительности она сдѣлана изъ досокъ—помѣщается величественный „Храмъ Согласія“; снаружи, на самой вершинѣ, возвышается колоссальная „Статуя Свободы“, видимая за нѣсколько верстъ, съ пикой, во фригійской шапкѣ и съ гражданской колонной; у подножія скалы Отечественный алтарь, „Autel de la Patrie“. На все это не пожалѣли ни досокъ, ни балокъ, ни штукатурки, ни красокъ всѣхъ цвѣтовъ. Вообразите себѣ, что на всѣхъ ступеняхъ скалы разставлены знамена; у алтаря служится обѣдня и приносится гражданская клятва пятидесяти тысячъ человѣкъ, сопровождаемая вулканическимъ изверженіемъ звуковъ изъ мѣдныхъ и другихъ глотокъ, достаточнымъ для того, чтобы обратить вспять съ испуга воды Соны и Роны. Роскошные фейерверки, балы и пиры завершаютъ эту божественную ночь [1]). А затѣмъ, исчезаетъ и ліонская федерація, поглощенная мракомъ—впрочемъ, не совсѣмъ: наша храбрая красавица Роланъ присутствовала на ней и сообщаетъ описаніе ея въ газетѣ Шампанье, Courrier de Lyon, хотя и не обнаруживая своего имени; описаніе это „расходится въ количествѣ шестидесяти тысячъ экземпляровъ“, и его пріятно было бы прочесть и сейчасъ

Послѣ всего этого, какъ мы видимъ, Парижу мало что придется измышлять самому: ему остается только подражать и примѣнять. А что касается до выбора дня, то какой день во всемъ календарѣ лучше годовщины Бастиліи подходитъ для этой цѣли? А наиболѣе удобное мѣсто, конечно, Марсово поле, гдѣ стольких Юліановъ отступниковъ поднимали на щитѣ, какъ властителей Франціи или міра, гдѣ желѣзные франки, стукомъ мечей отвѣчали на голосъ Карла Великаго, и гдѣ изстари совершались всѣ великія торжества.

---

[1]) Hist Parl. XII, 274.

ГЛАВА IX.

Символика.

Какъ естественно въ рѣшительные моменты для всѣхъ людей символическое изображенiе! Да и что представляетъ вся земная жизнь человѣка, какъ не символическое изображенiе и обнаруженiе невидимой небесной силы, заключенной въ немъ? Человѣкъ стремится обнаружить эту силу и словомъ и дѣломъ, если возможно съ простодушiемъ, а если это не удастся, то съ театральными аффектами, которые тоже не лишены значенiя. Святочный маскарадъ не есть ничто: наоборотъ, въ болѣе наивныя времена рождественскiя забавы, шутовскiя продѣлки скомороховъ представляли собою нѣчто значительное. Они были откровенной игрой, какъ маскарады и теперь означаютъ искреннюю потребность въ играхъ и шуткахъ. Но, съ другой стороны, насколько значительнѣе искренняя серьезность, какъ напримѣръ, еврейскiй праздникъ скинiи! Весь народъ собирается, во имя Всевышняго и передъ лицомъ Всевышняго, дѣйствительность превосходитъ самое воображенiе и сухая церемонiя является не простой только формой: въ ней все, до послѣдней мелочи, проникнуто глубокимъ смысломъ. И въ современной частной жизни не слѣдуетъ относиться съ презрѣнiемъ къ театральнымъ сценамъ, гдѣ слезливыя женщины смачиваютъ цѣлые аршины батиста, и усатые, страстные юноши угрожаютъ самоубiйствомъ. Пролейте лучше сами слезу надъ ними.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что ни одинъ народъ не броситъ своего дѣла и не пойдетъ умышленно разыгрывать сцену, не имѣя въ виду выразить ею что нибудь. Конечно, ни одинъ даже театрально настроенный человѣкъ не дастъ себѣ труда произносить сценическiе монологи ради собственнаго удовольствiя, хотя бы и съ лицемѣрными цѣлями; однако, подумайте, не можетъ ли быть поставлена театрально настроенная нацiя въ такое положенiе, когда она, ради собственной выгоды или для удовлетворенiя собственной чувствительности или глупости, или чего иного, должна произносить такiе монологи? Но въ отношенiи готовности къ подобнымъ сценамъ, разница между народами, какъ и между людьми, весьма велика. Если, напримѣръ, наши саксонскiе друзья пуритане клятвенно заключили и подписали свой нацiональный договоръ, безъ порохового дыма и барабаннаго боя, въ темной комнатѣ, за мрачной монастырской оградой на Гайстритѣ, въ Эдинбургѣ, гдѣ теперь пьютъ простую водку, то это потому, что ихъ внутреннему содержанiю свойственно было клясться именно такимъ образомъ. Нашимъ же галловскимъ друзьямъ-энциклопедистамъ нужно Марсово поле, которое было бы видно всему мiру или вселенной, и такая сцена, передъ которой амфитеатръ Колизея казался бы лишь палаткой странствующихъ комедiантовъ, словомъ, имъ нужно нѣчто такое, чего никогда или почти никогда не видала наша старушка-земля. И этотъ способъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ былъ также естественъ. Эти два способа клятвоприношенiя находились почти въ должномъ соотношенiи съ обстановкой: а именно, они оказались обратно пропорцiональными. Стремленiе народа къ театральности находится въ весьма сложной зависимости отъ его довѣрчивости, его общительности, одушевленiя, но точно также и отъ его возбуждаемости и недостатка сплоченности характера, а равно и отъ его легко воспламеняющейся страстности, разгорающейся яркимъ пламенемъ, но обыкновенно быстро потухающей.

И какъ вѣрно заключенiе, что всякiй человѣкъ и всякiй народъ, намѣревающiеся совершить нѣчто значительное, всегда совершали лишь незначительное! О, федерацiя Марсова поля съ тремястами барабанщиковъ, тысячью двумя стами духовыхъ инструментовъ и артиллерiей, разставленной на всѣхъ возвышенностяхъ, чтобы грохотъ ея возвѣстилъ о тебѣ всей Францiи въ нѣсколько минутъ! Не долженъ ли былъ атеистъ Нэжанъ прекратить свое жалкое и томительное карканiе,—на которое онъ, повидимому осужденъ,—попытавшись перенестись на

Марсово поле приготовляютъ для праздника Федераціи 14 іюля 1790 г.

восемнадцать вѣковъ назадъ и представить себѣ тринадцать бѣдно одѣтыхъ мужчинъ, за ихъ скудной трапезой въ низкой, еврейской хижинѣ. У нихъ не было никакихъ символовъ, кромѣ сердецъ, самимъ Богомъ посвященныхъ въ божественную глубину страданія и словъ: Дѣлайте это во имя Мое.

ГЛАВА X.

Человѣчество.

Людскія театральности извинительны, пожалуй даже трогательны, какъ страстное выраженіе искренно запинающагося языка, неискренно болтающей головы, впавшей въ безуміе. Однако, въ сравненіи съ неподготовленными внезапными взрывами природы, какъ возстаніе женщинъ, напримѣръ, онѣ кажутся блѣдными, неинтересными и скучными, какъ выдохшееся пиво или перекипѣвшее волненіе! Такія заранѣе обдуманныя сцены, какъ бы онѣ ни были всемірно велики и хитро затѣяны, въ сущности, не болѣе какъ картонъ и румяна. Тѣ же другія, напротивъ, оригинальны, онѣ выливаются изъ великаго, вѣчно живого сердца самой природы: поэтому очень важно, какую форму примутъ именно онѣ. И потому французская національная федерація представляется намъ величайшимъ тріумфомъ, когда либо достигнутымъ театральнымъ искусствомъ: несомнѣннымъ тріумфомъ, разъ весь партеръ, состоявшій изъ двадцати пяти милліоновъ душъ, не только рукоплещетъ, но и самъ вскакиваетъ на сцену и съ увлеченіемъ принимаетъ участіе въ представленіи. А если это дѣйствительно тріумфъ, то мы такъ къ нему и отнесемся: съ искреннимъ, мимолетнымъ восхищеніемъ, удивляясь ему издалека. Вся нація, выступающаяся въ маскарадѣ, конечно, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, но не заслуживаетъ того любовнаго участія, которое вызываетъ, напримѣръ, возстаніе менадъ. Предоставимъ поэтому всѣ дальнѣйшія репетиціи сцены федераціи ихъ собственному теченію, предоставимъ безчисленнымъ полковымъ оркестрамъ на равнинахъ и подъ городскими стѣнами оглашать воздухъ трубными звуками, не удѣляя имъ болѣе вниманія.

На одной сценѣ, однако, остановится на минуту и самый торопливый читатель: на появленіи Анахарсиса Клоотса и всего грѣховнаго потомства Адама. Патріотическій муниципалитетъ къ 4-му іюня уже испекъ свой планъ и получилъ санкцію его у національнаго собранія и согласіе патріота короля, для котораго, если бъ даже онъ и могъ не согласиться, рѣчи федералистовъ, преисполненныя лояльностью, несомнѣнно имѣли хотя временную усладу. Изо всѣхъ восьмидесяти трехъ департаментовъ Франціи должны прибыть депутаты отъ національныхъ гвардейцевъ, по нѣскольку на каждую сотню; точно такъ же и соединенныя королевскія морскія и сухопутныя силы должны прислать извѣстное число своихъ депутатовъ; подобное, хотя и происшедшее неожиданно, братанье національныхъ солдатъ съ королевскими разъ уже происходило и было санкціонировано. Въ общемъ ожидаютъ, что можетъ прибыть около сорока тысячъ человѣкъ; расходы возлагаются на посылающій депутатовъ округъ, слѣдовательно, пусть округа и департаменты хорошенько подумаютъ и выберутъ надлежащихъ людей, —парижскіе братья полетятъ имъ на встрѣчу съ привѣтомъ.

Судите же, сколько хлопотъ у нашихъ патріотическихъ художниковъ, и какъ глубокомысленно они совѣщаются о томъ, чтобы сдѣлать сцену достойнымъ зрѣлищемъ для вселенной! Не менѣе пятнадцати тысячъ землекоповъ, тачечниковъ, каменьщиковъ съ инженерами работаютъ на Марсовомъ полѣ, превращая его въ національный амфитеатръ, соотвѣтствующій такому торжеству. Надѣются, что этотъ „Праздникъ Пикъ“ (Fête des Piques) будетъ самымъ важнымъ изъ годовыхъ праздниковъ и будетъ праздноваться изъ года въ годъ. Да и почему бы свободной, съ театральными наклонностями націи не имѣть своего по-

стояннаго національнаго амфитеатра? Марсово поле выдалбливается и утрамбовывается, и всѣ парижане днемъ говорятъ, а ночью грезятъ о праздникѣ федераціи, и только о немъ одномъ. Союзные депутаты уже въ пути. Національное собраніе, которому, кромѣ обычныхъ трудовъ, придется еще выслушивать и рѣчи депутатовъ федераціи и отвѣчать на нихъ, будетъ завалено работой! Рѣчь „американскаго комитета", среди котораго блѣдная фигура Поля Джонса, подобная тускло-мерцающимъ звѣздамъ, — привѣтствуетъ насъ съ наступленіемъ столь многообѣщающаго дня. Рѣчь завоевателей Бастиліи, пришедшихъ „отказаться" отъ всякой особой награды, отъ какого либо особаго мѣста на торжествѣ, такъ какъ гренадеры центра немножко ворчатъ. Рѣчь отъ клуба Зала игры въ мячъ, который входитъ, неся на длинномъ шестѣ издалека сверкающую металическую доску, на которой выгравирована знаменитая присяга въ названномъ залѣ; они предполагаютъ торжественно прибить эту блестящую металическую доску въ ихъ первоначальномъ помѣщеніи въ Версалѣ, 20-го числа этого мѣсяца, т. е. въ годовщину самаго событія, въ качествѣ вѣчнаго напоминанія,—на нѣсколько лѣтъ,—а потомъ, на возвратномъ пути предполагаютъ пообѣдать въ Булонскомъ лѣсу [1]); — но не могутъ сдѣлать этого, не возвѣстивъ о томъ на весь міръ. Верховное національное собраніе выслушиваетъ всѣ эти рѣчи, пріостановивъ свои труды по возрожденію страны, и отвѣчаетъ любезно, даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ импровизированнаго краснорѣчія, такъ какъ это жестикулирующій, чувствительный народъ, у котораго сердце находится на кончикѣ языка.

И вотъ, среди всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Анахарсису Клоотсу приходитъ мысль, что въ то время, когда образуется столько клубовъ и комитетовъ, и рѣчи встрѣчаются рукоплесканіями, упущено самое важное, величайшее изъ всего, Каковъ былъ бы эффектъ, если бъ воплотилось и заговорило это величайшее: именно все человѣчество, le Genre Humain! Въ какую минуту творческаго экстаза возникла эта мысль въ умѣ Анахарсиса, въ какихъ страданіяхъ онъ далъ ей плоть и жизнь, съ какой насмѣшкой его встрѣтили холодные свѣтскіе люди, какими насмѣшками отвѣчалъ онъ имъ, будучи человѣкомъ тонкаго сарказма, какіе перлы краснорѣчія онъ разсыпалъ то въ кофейняхъ, то на вечерахъ, и съ какимъ усердіемъ спускался даже до самыхъ глубочайшихъ низовъ Парижа, чтобы претворить свою мысль въ дѣло,—обо всемъ этомъ остроумныя біографіи того періода не говорятъ ни слова. Какъ бы то ни было, 19-го іюня 1790 г., косые лучи вечерняго солнца освѣщаютъ зрѣлище, какое не часто видѣла наша маленькая, глупая планета; Анахарсисъ Клоотсъ входитъ въ торжественный залъ манежа, въ сопровожденіи „всѣхъ разновидностей человѣчества". Шведы, испанцы, поляки, турки, халдеи, греки, жители Мессопотаміи, всѣ пришли требовать мѣста на праздникѣ великой федераціи, будучи безусловно заинтересованы въ немъ.

„Наши вѣрительныя грамоты", сказалъ пламенный Клоотсъ: „написаны не на пергаментѣ, а въ живыхъ сердцахъ всѣхъ людей". Да будетъ для васъ, августѣйшіе сенаторы, безмолвіе этихъ усатыхъ поляковъ, этихъ измаильтянъ въ тюрбанахъ и длинныхъ волочащихся одѣяніяхъ, этихъ астрологовъ халдеевъ, такъ безмолвно стоящихъ здѣсь, да будетъ это убѣдительнѣе самаго краснорѣчиваго слова. Они—нѣмые представители своихъ безгласныхъ, связанныхъ, обремененныхъ народовъ, изъ мрака бѣдъ своихъ смятенно, изумленно, полунедовѣрчиво, но съ упованіемъ взирающихъ на васъ и на ярко блистающій свѣтъ французской федераціи, на эту дивно сверкающую утреннюю звѣзду, предвѣстницу наступающаго для всѣхъ народовъ дня. Мы желаемъ остаться здѣсь какъ нѣмые памятники, трогательные символы многаго. Съ галлерей и скамеекъ раздаются „многократные рукоплесканія", ибо какой же августѣйшій сенаторъ не польщенъ мыслью, что хотя бы тѣнь человѣческаго рода зависитъ отъ него?

---

[1]) Deux Amis, V 122; Hist. Parl.

Президентъ Сіесъ, предсѣдательствующій въ теченіе этихъ достопамятныхъ двухъ недѣль, дастъ своимъ тонкимъ, рѣзкимъ голосомъ краснорѣчивый отвѣтъ. Анахарсисъ и его „комитетъ чужестранцевъ" могутъ получить мѣсто на празденствѣ федераціи, при условіи, что они разскажутъ у себя на родинѣ о томъ, что увидятъ здѣсь. Въ ожиданіи мы приглашаемъ ихъ „быть почетными гостями на этомъ засѣданіи, honneur de la séance". Одинъ турокъ, въ длинномъ волнообразномъ одѣяніи, склоняется, въ отвѣтъ, съ восточной торжественностью, и издаетъ нѣсколько членораздѣльныхъ звуковъ, но въ виду его недостаточнаго знанія французскаго языка [1]), слова его похожи на журчаніе пролитой воды, и заключенная въ нихъ мысль доселѣ остается въ области догадокъ.

Анахарсисъ и человѣчество, съ благодарностью принимаютъ оказанную имъ „честь" и тотчасъ же, по свидѣтельству старыхъ газетъ, получаютъ удовольствіе видѣть и слышать разныя вещи. Первымъ и главнѣйшимъ является, по предложенію Ламета, Лафайета, Сенъ-Фаржо и другихъ патріотовъ-дворянъ, несмотря на противодѣйствіе остальныхъ,—уничтоженіе всѣхъ дворянскихъ титуловъ отъ герцога до простого дворянина и ниже, затѣмъ, равнымъ образомъ уничтожаются всѣ ливрейные лакеи, или, скорѣе, ливреи для лакеевъ. Точно также, впредь ни одинъ мужчина, ни одна женщина, называющіе сами себя „благородными", не должны обкуриваться ладаномъ, какъ это весьма неразумно дѣлалось до сихъ поръ въ церквахъ. Словомъ, разъ феодализмъ умеръ уже десять мѣсяцевъ тому назадъ, то зачѣмъ же оставлять въ живыхъ его пустую, внѣшнюю оболочку и гербы? Гербы, значитъ, тоже нужно уничтожить, — хотя Кассандра-Маратъ замѣчаетъ, что на дверцахъ нѣкоторыхъ каретъ они „только закрашены" и грозятъ снова выступить наружу.

Итакъ, отнынѣ де Лафайетъ становится просто г. Мотье, Сенъ-Фаржо—Мишелемъ Лепеллетье, а Мирабо, немного спустя, язвительно заявляетъ: „Вашимъ Рикетти вы заставили Европу три дня ломать себѣ голову". Графскій титулъ не безразличенъ для этого человѣка, и поклоняющійся ему народъ до конца величаетъ его имъ. Но крайній патріотизмъ и въ особенности Анахарсисъ и человѣчество могутъ ликовать: потому что теперь, повидимому, доказано, что у всѣхъ насъ одинъ отецъ—Адамъ!

Вотъ исторически точное описаніе знаменитаго подвига Анахарсиса. Такимъ образомъ обнимающее весь міръ общественное представительство нашло, такъ сказать, своего выразителя. На основаніи этого мы можемъ судить, по крайней мѣрѣ, объ одномъ: какое настроеніе должно было овладѣть когда-то легкомысленно-насмѣшливымъ Парижемъ и барономъ Клоотсемъ, если подобное зрѣлище казалось умѣстнымъ, чуть ли даже не великимъ. Правда, впослѣдствіи зависть старалась омрачить этотъ успѣхъ Анахарсиса, увѣряя, что онъ изъ случайнаго „оратора комитета иноземныхъ народовъ" претендовалъ сдѣлаться постояннымъ „ораторомъ, orateur, человѣческаго рода", которымъ, будто, заслуживалъ быть только онъ; и тѣ же завистники клеветнически прибавляли, что его звѣздочеты-халдеи и прочіе были просто французскимъ сбродомъ, переодѣтымъ для этой цѣли. Короче, зависть острила и издѣвалась надъ нимъ холоднымъ, бездушнымъ образомъ, но Анахарсисъ былъ человѣкъ, закованный въ довольно толстый панцырь, отъ котораго отскакивали всѣ эти ядовитыя стрѣлы, и продолжалъ идти своей дорогой.

Мы можемъ называть это всеобъемлющимъ общественнымъ представительствомъ, и должны признать его весьма неожиданнымъ; ибо кто могъ бы думать, что увидитъ всѣ народы въ тюльерійскомъ манежѣ? Но это такъ; и когда цѣлый народъ начинаетъ устраивать спектакли и маскарады, такія странныя вещи могутъ случаться. Развѣ намъ самимъ не случалось видѣть коронованную Клеопатру, дочь Птоломеевъ, въ совершенно негероической комнатѣ, или плохо освѣщенной мелочной лавки, умоляющею почти на колѣняхъ непре-

---

[1]) Moniteur (Hist. Parl., XII, 283).

клонно грубаго муниципала, чтобы онъ оставилъ ее царствовать и умереть такъ какъ она уже одѣта для этого, и не имѣетъ денегъ, но имѣетъ маленькихъ дѣтей,—въ то время, какъ констебли неожиданно захлопнули дверь Ѳеспійской риги, и Антоній тщетно молилъ за свою возлюбленную. Вотъ какіе видимые призраки пролетаютъ по землѣ, если грубо обращаться съ Ѳеспійской сценой; но насколько ихъ будетъ больше, если, какъ сказано, весь партеръ вскакиваетъ на сцену; тогда, дѣйствительно, какъ въ драмѣ Тика, міръ выворачивается наизнанку, Verkehrte Welt!

Послѣ того, какъ видѣли самое человѣчество, видѣть „декана рода человѣческаго“ уже не чудо. Такой „Doyen du Genre Humain, старѣйшій изъ людей“, объявился за эти недѣли: это былъ Жанъ Клодъ Жакобъ, рожденный крѣпостнымъ, и отправленный съ родныхъ Юрскихъ горъ депутатомъ, чтобы передать національному собранію благодарность за освобожденіе ихъ. На его блѣдномъ, утомленномъ лицѣ, сто двадцать лѣтъ вырыли глубокія морщины. Онъ слышалъ на родномъ нарѣчіи смутные толки о побѣдахъ безсмертнаго Великаго Монарха, о сожженномъ Пфальцѣ, о севеннскихъ драгонадахъ, о военномъ походѣ Мальборо, а самъ въ это время трудился и мучился, чтобы сдѣлать свой кусочекъ земли немного зеленѣе. Четыре поколѣнія смѣнились за это время, любили и ненавидѣли, и исчезли, какъ сухая листва; Жакобу было сорокъ шесть лѣтъ, когда умеръ Людовикъ Четырнадцатый. Собраніе, какъ одинъ человѣкъ, разомъ поднялось и почтило старѣйшаго въ мірѣ: его приглашаютъ занять мѣсто въ засѣданіи, и съ покрытой головой ради почета. Своими слабыми старческими глазами онъ смотритъ на это новое чудесное явленіе, кажущееся ему сномъ, и колеблется между обрывками старыхъ воспоминаній и грезами. Все во времени начинаетъ казаться ему невещественнымъ, призрачнымъ; глаза и душа Жана Жакоба утомлены и готовы закрыться, но открываются передъ совсѣмъ другой чудесной сценой, которая уже сама дѣйствительность. Патріоты устраиваютъ для него подписку, онъ получаетъ пенсію отъ короля и весело возвращается домой; но уже черезъ два мѣсяца покидаетъ все и вступаетъ на свой невѣдомый путь [1]).

ГЛАВА XI.

Какъ въ Золотой Вѣкъ.

Между тѣмъ, Парижъ, день за днемъ, и цѣлыми днями путешествующій на Марсово-поле, съ прискорбіемъ удостовѣряется, что земляныя работы на немъ не будутъ кончены къ назначенному сроку. Площадь ихъ слишкомъ велика: триста тысячъ квадратныхъ футъ, такъ какъ отъ Военной школы (которая должна быть снабжена деревянными балконами и галлереями) на западъ до воротъ у рѣки (гдѣ тоже должны быть деревянныя тріумфальныя арки) насчитываютъ около тысячи ярдовъ въ длину; а въ ширину, отъ тѣнистой Авеню съ восемью рядами деревьевъ, на южной сторонѣ, до соотвѣтствующей ей на сѣверѣ, немногимъ больше или меньше тысячи футъ. Вся эта площадь должна быть выкопана и земля свезена къ краямъ на подобіе высокаго косогора; здѣсь она должна быть утрамбована и превращена въ лѣстницу изъ не менѣе какъ тридцати рядовъ приличныхъ мѣстъ, обложенныхъ газономъ и обшитыхъ досками; затѣмъ, въ центрѣ должна находиться огромная пирамида Алтаря отечества, Autel de la Patrie, тоже со ступенями. Настоящая каторжная работа, но это, вѣдь, міровой амфитеатръ! Остается всего пятнадцать дней, но при такой медленности потребуется, по крайней мѣрѣ, столько же недѣль. Странно, что наши землекопы работаютъ, повидимому, лѣниво и не желаютъ работать

---

[1]) Deux Amis, IV, 111.

двойное время, даже за увеличенную плату, хотя ихъ рабочій день длится всего семь часовъ. Они съ досадой заявляютъ, что человѣческій кивотъ также нуждается по временамъ въ отдыхѣ.

Можетъ быть, они подкуплены тайно аристократами? Вѣдь, аристократы способны на это. Развѣ шесть мѣсяцевъ тому назадъ не ходилъ упорный слухъ, что подземный Парижъ (вѣдь, мы стоимъ надъ каменоломнями и катакомбами въ опасномъ положеніи, между небомъ и бездной; подъ нами все перерыто) наполненъ порохомъ, который долженъ взорвать насъ на воздухъ. Слухъ держался, пока депутація Кордельеровъ не произвела разслѣдованія и не нашла, что порохъ опять убрали! [1]). Проклятое, неисправимое племя, эти аристократы; въ такіе священные дни всѣ они требуютъ дорожные паспорты. Происходятъ безпорядки, возстанія, сожженіе замковъ въ Лимузенѣ и другихъ мѣстахъ, потому что аристократы не бездѣйствуютъ. Они желали бы посѣять раздоръ между лучшимъ изъ всѣхъ народовъ и лучшимъ изъ королей-возстановителемъ свободы; съ какимъ адскимъ смѣхомъ они привѣтствовали бы неудачу нашего праздника федераціи, на который съ ожиданіемъ смотритъ вселенная!

Однако, онъ не долженъ провалиться изъ-за недостатка въ рабочихъ. Каждый, кто имѣетъ четыре здоровыхъ конечности и у кого бьется въ груди французское сердце, можетъ и будетъ копать землю! Въ понедѣльникъ, 1 іюля, едва грянула сигнальная пушка и пятнадцать тысячъ лѣнивыхъ наемниковъ сложили свои орудія, какъ изъ рядовъ зрителей, печально смотрѣвшихъ на солнце, стоявшее еще высоко, выступаютъ одинъ за другимъ патріоты съ горящими глазами, хватаютъ заступы и тачки, и начинаютъ сами копать и возить землю. Къ нимъ присоединяются дюжины, потомъ сотни другихъ, и вскорѣ новыя пятнадцать тысячъ добровольныхъ рабочихъ роютъ и копаютъ съ истинно-гигантской силой, и въ полномъ порядкѣ, съ ловкостью, пріобрѣтаемой экспромптомъ, и дѣлаютъ втрое больше, чѣмъ платные рабочіе. Только когда сумерки сгущаются, они заканчиваютъ свою работу съ восторженными криками, которые слышны или о которыхъ слышатъ за Монмартромъ.

На слѣдущій день сочувствующее населеніе съ нетерпѣніемъ дожидается, чтобы орудія освободились. Но зачѣмъ ждать? Заступы есть вездѣ. И вотъ, если можно довѣрять хроникерамъ, энтузіазмъ, добродушіе и братская любовь вспыхиваютъ у парижанъ съ такой яркостью, какой земля не видѣла со времени золотого вѣка. Весь Парижъ, мужчины и женщины, спѣшитъ съ лопатами на плечѣ въ юго-западную окраину города. Потоки людей, въ безпорядкѣ или выстроившись рядами, какъ мастеровые, случайными группами стекаются на Марсово поле. Они усердно шагаютъ подъ звуки струнной музыки, предшествуемые молодыми дѣвушками съ зелеными вѣтками и трехцвѣтными лентами; заступы и ломы они несутъ на плечѣ, какъ солдаты ружье, и всѣ хоромъ поютъ ç a i r a. Да, p a r d i e u, ç a i r a! кричатъ прохожіе на улицахъ. Идутъ всѣ цехи, всѣ общественныя и частныя корпораціи гражданъ, отъ высшихъ до низшихъ; даже разносчики прекратили на одинъ день свои крики. Выходятъ сосѣднія деревни подъ предводительствомъ мэра или мэра и кюре, которые также идутъ съ лопатами и въ трехцвѣтныхъ шарфахъ; всѣ работоспособные мужчины маршируютъ подъ звуки деревенской скрипки, тамбурина и треугольника. Не менѣе полутораста тысячъ человѣкъ принимается за работу; въ нѣкоторые часы, какъ говорятъ, насчитывалось до двухсотъ пятидесяти тысячъ; потому что какой же смертный, особенно подъ вечеръ, послѣ спѣшно законченной дневной работы, не поторопился бы прибѣжать туда! Городъ словно муравейникъ: дойдя до площади Людовика Пятнадцатаго, вы видите, что къ югу, за рѣкой, всѣ улицы кишатъ народомъ; всюду толпы рабочихъ, и не платныхъ ротозѣевъ, а настоящихъ рабочихъ, принимающихся за работу добровольно; каждый патріотъ н а в а л и в а е т с я на неподатливую глыбу земли, роетъ и возитъ, пуская въ ходъ всю свою силу.

[1]) 23 декабря 1789 (Hist. Parl. IV, 44).

Милыя дѣти, aimables enfants! Они берутъ на себя и, такъ называемую, police de l'atelier, упорядоченіе и распредѣленіе всѣхъ работъ со свойственной имъ готовностью и прирожденной ловкостью. Это истинно братская работа: всѣ различія забыты, уничтожены, какъ въ началѣ, когда копалъ землю самъ Адамъ. Долгополые монахи съ тонзурой рядомъ съ водоносами въ короткихъ зипунахъ, съ тщательно завитыми incroyable'ями изъ патріотовъ; черные угольщики рядомъ съ обсыпанными мукой дѣлателями париковъ, или съ носителями париковъ, такъ какъ здѣсь и адвокаты, и судьи, и начальники всѣхъ округовъ; цѣломудренныя монахини въ сестринномъ единеніи съ нарядными оперными нимфами и несчастными падшими женщинами; патріотическіе тряпичники рядомъ съ надушенными обитателями дворцовъ; ибо патріотизмъ, какъ рожденіе и смерть, всѣхъ уравниваетъ. Пришли всѣ типографщики, служащіе Прюдома въ бумажныхъ колпакахъ съ надписью „Révolution de Paris". Камиллъ высказываетъ пожеланіе, чтобы въ эти великіе дни былъ заключенъ и союзъ писателей, Pacte des Écrivains[1]). Какое чудное зрѣлище! Бѣлоснѣжныя сорочки и изящные панталоны перемѣшиваются съ грязными клѣтчатыми блузами и грубыми штанами, такъ какъ обладатели тѣхъ и другихъ сняли свои камзолы и подъ ними обнаружились одинаковые мускулы и конечности. И всѣ роютъ и разбиваютъ землю или согнувшись толкаютъ длинной вереницей тачки и нагруженныя повозки, и всѣ веселы, у всѣхъ одно сердце и одна душа. Вотъ аббатъ Сіесъ ревностно и ловко тащитъ тачку, хотя онъ слишкомъ слабъ для этого; рядомъ съ нимъ Богарне, который будетъ отцомъ королей, хотя самъ и не будетъ королемъ. Аббатъ Мори не работаетъ, но угольщики принесли куклу съ его маской, и онъ долженъ работать, хотя бы только заочно. Ни одинъ августѣйшій сенаторъ не пренебрегаетъ работой; здѣсь мэръ Бальи и генералиссимусъ Лафайетъ –увы, они будутъ здѣсь опять въ другое время! Самъ король пріѣзжаетъ посмотрѣть на работу, и потрясающее Vive le Roi несется къ небесамъ. Вокругъ него „тотчасъ образуется почетный караулъ съ поднятыми заступами". Всѣ, кто можетъ, приходятъ, если не работать, то посмотрѣть на работы и привѣтствовать роботающихъ.

Приходили цѣлыми семьями. Въ одной семьѣ, между прочимъ, цѣлыхъ три поколѣнія: отецъ копаетъ землю, мать сгребаетъ ее лопатой, дѣти прилежно таскаютъ тачки; старый девяносто-трехъ-лѣтній дѣдъ держитъ на рукахъ самаго младшаго; веселый малютка не можетъ оказать помощи, но сможетъ, однако, разсказать своимъ внукамъ, какъ будущее и прошедшее вмѣстѣ глядѣли на происходящее и, надтреснутыми или неокрѣпшими голосами, напѣвали ça ira. Одинъ виноторговецъ привезъ на телѣжкѣ бочку вина и провозгласилъ: „Не пейте, братья, если васъ не мучаетъ жажда, чтобы наша бочка дольше продержалась"; и дѣйствительно, пили только люди „явно истомленные". Одинъ юркій аббатъ смотритъ съ насмѣшкой: „Къ тачкѣ!" кричатъ нѣкоторые; и онъ, опасаясь худшаго, повинуется. Однако, какъ разъ въ это время подходитъ патріотъ-тачечникъ, кричитъ: „arrêtez!" и, оставивъ свою тачку, подхватываетъ тачку аббата, быстро катитъ ее, какъ нѣчто зараженное, за предѣлы Марсова поля и тамъ опоражниваетъ. Одинъ господинъ (по виду знатный и состоятельный) быстро подбѣгаетъ, сбрасываетъ съ себя платье, жилетъ, съ парой часовъ, и бросается въ самый разгаръ работы. „А ваши часы?" кричатъ ему.—„Развѣ можно недовѣрять братьямъ?" отвѣчаетъ господинъ; и часы не были украдены. Какъ прекрасно благородное чувство! Оно подобно газовому вуалю, прекрасно и дешево, но не выдерживаетъ дерганья и ежедневной носки. О, прекрасный дешевый газъ, ты тонокъ, какъ паутина, какъ тѣнь отъ сырого матеріала добродѣтели; но ты не сотканъ какъ плотная ткань долга; ты лучше, чѣмъ ничто, но и хуже!

---

[1]) Hist. Parl., VI, 381—406.

Школьники и студенты восклицаютъ „Vive la Nation!“ и жалѣютъ, что не могутъ „дать ничего, кромѣ своего пота“. Но что мы говоримъ о мальчикахъ? Прекраснѣйшія Гебы, самыя прелестныя во всемъ Парижѣ, въ легкихъ, воздушныхъ платьяхъ, съ трехцвѣтными поясами, копаютъ и возятъ тачки вмѣстѣ съ другими; ихъ глаза горятъ воодушевленіемъ, длинные волосы въ живописномъ безпорядкѣ, маленькія руки ихъ плотно сжаты, но онѣ заставляютъ патріотскую тачку подвигаться и даже вкатываютъ ее на вершину откоса (правда, съ нѣкоторой помощью, но какая же мужская рука отказалась бы отъ счастья помочь имъ?), затѣмъ сбѣгаютъ съ нею внизъ, за новымъ грузомъ, граціозныя, какъ гуріи, съ развѣвающимися позади нихъ длинными локонами и трехцвѣтными лентами. А когда лучи вечерняго солнца, упавъ на Марсово поле, окрашивали огненнымъ заревомъ густыя, тѣнистыя аллеи по сторонамъ его и отражались въ куполахъ и сорока двухъ окнахъ Военной школы, превращая ихъ въ расплавленное золото, то это представляло зрѣлище, подобное которому едва ли кто видѣлъ на своемъ пути по зодіаку. Это былъ живой садъ, засѣянный живыми цвѣтами всѣхъ красокъ радуги; здѣсь полезное дружно смѣшивалось съ красивымъ; теплое чувство одушевляло всѣхъ и дѣлало всѣхъ братьями, работающими въ братскомъ согласіи, хотя бы только одинъ день, одинъ разъ, которому не суждено повториться! Но спускается ночь; и эти ночи тоже уходятъ въ вѣчность. Даже спѣшащій путникъ, ѣдущій въ Версаль, натягиваетъ поводья на возвышенностяхъ Шальо, и смотритъ нѣсколько минутъ на ту сторону рѣки, а затѣмъ, не безъ слезъ, разсказываетъ въ Версалѣ о томъ, что онъ видѣлъ [1].

Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ уже прибываютъ федераты: пылкіе сыны юга, „гордые своимъ Мирабо“; разсудительные горцы съ Юры, съ сѣвернымъ хладнокровіемъ; рѣзкіе бретонцы съ гельской экспансивностью; нормандцы, не имѣющіе соперниковъ въ торговомъ дѣлѣ; и всѣ одушевлены теперь единымъ благороднѣйшимъ жаромъ патріотизма. Парижскіе братья встрѣчаютъ ихъ, съ военными почестями, съ братскими объятіями и съ гостепріимствомъ, достойнымъ героическихъ эпохъ. Федераты присутствуютъ на преніяхъ въ собраніи; имъ предоставлены галлереи. Они принимаютъ участіе и въ работахъ на Марсовомъ полѣ; каждая новая партія желаетъ приложить руку къ дѣлу и подсыпать свою кучку земли на алтарь отечества. А какіе цвѣты краснорѣчія расточаютъ они, какая высокая мораль звучитъ въ ихъ адресахъ къ верховному собранію, къ патріотическому возстановителю свободы! Французы, вѣдь, экспансивный народъ. Капитанъ бретонскихъ федератовъ даже преклоняетъ колѣна въ порывѣ энтузіазма, и, со слезами на глазахъ, вручаетъ свою шпагу королю, также прослезившемуся. Бѣдный Людовикъ! Онъ говорилъ впослѣдствіи, что эти дни были одними изъ самыхъ счастливыхъ въ его жизни.

Должны быть и смотры, королевскіе смотры федератовъ, въ присутствіи короля, королевы и трехцвѣтнаго двора; въ крайнемъ случаѣ, если бы — что слишкомъ обычно — пошелъ дождь, то федеральные волонтеры пройдутъ сквозь внутреннія ворота, гдѣ ихъ величества будутъ стоять подъ прикрытіемъ. Здѣсь, при случайной остановкѣ, прекраснѣйшіе пальчики во всей Франціи могутъ мягко дотронуться до вашего рукава, при чемъ нѣжный, звонкій голосокъ спроситъ: „Monsieur, изъ какой вы провинціи?“ Счастливъ тотъ, кто, рыцарски склонивъ конецъ своей шпаги, можетъ отвѣтить: „Madame, изъ провинціи, которой владѣли ваши предки“. Лучезарная улыбка наградитъ счастливаго „провинціальнаго адвоката“, нынѣ провинціальнаго федерата, и мелодичный голосъ весело скажетъ королю: „Sire, это ваши вѣрные лотарингцы“. Небесно-голубой съ красными отворотами мундиръ національнаго гвардейца гораздо болѣе веселитъ глазъ, нежели мрачный черный или сѣрый будничный костюмъ провинціальнаго адвоката. Тотъ же самый трижды блаженный лотарингецъ будетъ сегодня вечеромъ стоять на часахъ у двери королевы и чувствовать, что онъ готовъ

---

[1]) Mercier, II, 81.

принять за нее тысячу смертей; она опять увидитъ его у внѣшнихъ воротъ, и потомъ еще въ третій разъ, когда онъ нарочно постарается обратить на себя ея вниманіе, продѣлывая артикулъ ружьемъ съ такимъ усердіемъ, „что оно гремитъ“; и опять она поклонится ему съ лучезарной улыбкой и замѣтитъ маленькому бѣлокурому, слишкомъ рѣзвому дофину: „Поклонитесь же, Monsieur, не будьте невѣжливымъ“, а затѣмъ, подобно сверкающему свѣтилу или кометѣ, пойдетъ съ своимъ маленькимъ спутникомъ дальше по опредѣленному ей пути [1].

А ночью, когда патріоты кончаютъ работу, входятъ въ силу священные обычаи гостепріимства! У Лепеллетье Сенъ-Фаржо, простого, но весьма богатаго сенатора, за столомъ собирается ежедневно „сто человѣкъ гостей“; у генералиссимуса Лафайета—вдвое больше. Въ низкой комнаткѣ, какъ и въ высокомъ салонѣ, бокалъ съ виномъ ходитъ по рукамъ, озаряемый улыбками красавицы, въ лицѣ ли быстро постукивающей каблучками гризетки или гордо выступающей дамы; обѣ одинаково радуютъ своей красотой и плѣнительными улыбками сердца храбрыхъ.

ГЛАВА XII.

Громъ и дымъ.

Такимъ образомъ, несмотря на козни аристократовъ, на лѣнь наемныхъ рабочихъ и почти наперекоръ самой судьбѣ (такъ какъ за это время часто лилъ дождь), 13-го іюля Марсово поле совершенно готово: оно убрано, утрамбовано, мѣста укрѣплены прочной каменной кладкой, и патріоты могутъ въ восторгѣ ходить по нему и одновременно дѣлать репетицію, такъ какъ въ каждой головѣ рисуется не поддающаяся описанію картина завтрашняго дня. Молите небо, чтобы завтра было ясно. Но вотъ что хуже всякихъ тучъ: сбитый съ толку муниципалитетъ толкуетъ о томъ, чтобы допускать патріотовъ на торжество по билетамъ! Развѣ мы по билетамъ ходили на работу и сдѣлали то, что нужно? Развѣ мы брали Бастилію по билетамъ? Муниципалитетъ образумился и, поздней ночью, барабанный бой возвѣщаетъ патріотамъ, высовывающимъ носъ изъ подъ одѣяла, что билеты отмѣняются. Значитъ, нахлобучивайте опять ваши ночные колпаки и засыпайте, съ полувнятнымъ бормотаніемъ, которое, быть можетъ, означаетъ многое. Завтра среда, день, незабвенный среди всѣхъ праздниковъ этого міра.

Наступаетъ утро, холодное для іюля мѣсяца; но такой праздникъ заставилъ бы улыбнуться и Гренландію. Черезъ всѣ входы національнаго амфитеатра (онъ имѣетъ милю въ окружности, съ входами черезъ опредѣленные промежутки) устремляется живой потокъ толпы, и безъ шума занимаетъ постепенно всѣ мѣста. Въ Военной школѣ для высшихъ властей устроены галлереи и навѣсы, надъ которыми состязались плотники и маляры; тріумфальныя арки, около воротъ на Сенѣ, украшены надписями, хотя и не особенно остроумными, но искренними и ортодоксальными. Высоко надъ Алтаремъ отечества, на длинныхъ желѣзныхъ шестахъ, качаются старинныя cassolettes, курильницы, распространяющія облака ароматичнаго дыма,—если не въ честь языческихъ божествъ, то трудно понять, въ чью именно. Двѣсти тысячъ патріотовъ и, что вдвое важнѣе, сто тысячъ патріотокъ, всѣ въ наилучшихъ своихъ нарядахъ, сидятъ на Марсовомъ полѣ, полные ожиданія.

Какая картина: кольцо пестро-кипящей жизни, покрывающей тридцать рядовъ амфитеатра, отчасти точно какъ бы прислоненнаго къ темной зелени аллеи; стволы деревьевъ не видны за высокимъ амфитеатромъ, а позади лишь зелень лѣта со сверкающей водой и съ блескомъ бѣлыхъ зданій. Эмалевая

[1]) Разсказъ лотарингскаго федерата (Hist. Parl., VI, 389—91).

картинка на фонѣ вазы—изъ изумруда! И ваза не пуста: куполы собора Инвалидовъ покрыты народомъ, точно такъ же, какъ и отдаленныя вѣтряныя мельницы Монмартра; на самыхъ дальнихъ церквахъ, на едва видимыхъ деревенскихъ колокольняхъ стоятъ люди съ подзорными трубами. На высотахъ Шальо волнуются группы всѣхъ цвѣтовъ; всѣ ближніе и дальніе холмы, опоясывающіе Парижъ, образуютъ болѣе или менѣе заполненный амфитеатръ, смотрѣть на который устаетъ глазъ. Да, на высотахъ стоятъ даже пушки, а на Сенѣ—цѣлая пловучая баттарея. Тамъ, гдѣ откажется служить глазъ, поможетъ ухо; вся Франція, собственно говоря, представляетъ изъ себя одинъ амфитеатръ, ибо въ каждомъ мощеномъ городѣ и въ каждой немощеной деревушкѣ жители на ногахъ и слушаютъ, не донесется ли до нихъ глухой грохотъ, знакъ того, что и имъ пора приступить къ присягѣ и стрѣльбѣ [1]). Но вотъ, подъ раскаты музыки, выступаютъ толпы федератовъ; они собрались на бульварѣ Сентъ-Антуанъ и въ его окрестностяхъ, и прошли по городу съ флагами восьмидесяти трехъ департаментовъ, сопровождаемые не громкими, но прочувствованными благословеніями. Вслѣдъ затѣмъ появляется національное собраніе и занимаетъ мѣста подъ устроеннымъ для него балдахиномъ; за нимъ показываются ихъ величества и садятся на тронъ, рядомъ съ собраніемъ. Лафайетъ, на бѣломъ боевомъ конѣ, уже здѣсь, и всѣ гражданскія власти въ сборѣ. Федераты исполняютъ танцы до начала настоящихъ военныхъ маневровъ и эволюцій.

Эволюціи и маневры? Перо смертнаго отказывается описывать ихъ; воображеніе устало складываетъ крылья и заявляетъ, что не стоитъ и пытаться. Ряды проходятъ, то медленнымъ, то быстрымъ, то форсированнымъ шагомъ. Sieur Мотье, или генералиссимусъ Лафайетъ, такъ какъ это одно и то же лицо, являющееся вмѣсто короля на двадцать четыре часа главнокомандующимъ Франціи; Sieur Мотье, съ своей рыцарской, полной достоинства осанкой выступаетъ впередъ, торжественно поднимается по ступенямъ Алтаря отечества, и здѣсь, передъ лицемъ неба и затаившей дыханье земли, при трескѣ болтающихся кассолетокъ, „твердо опираясь на конецъ шпаги", произноситъ присягу К о р о л ю, З а к о н у и Н а ц і и (не упоминая объ обращеніи „зерна"), отъ своего имени и отъ имени вооруженной Франціи. Знамена колышатся и раздаются громкіе клики. Національное собраніе должно присягнуть съ своего мѣста; король также. Онъ приноситъ присягу внятнымъ голосомъ—и небо дрожитъ отъ громовыхъ виватовъ. Свободные граждане обнимаются, сердечно пожимая другъ другу руки; федераты звенятъ оружіемъ. Но вотъ заговорила пловучая баттарея, заговорила—на всѣ четыре стороны Франціи. И съ одного холма за другимъ гремятъ отвѣтные раскаты, доносясь то слабымъ отголоскомъ, то какъ громовое эхо, словно камень, брошенный въ озеро и оставляющій круги, все расширяющіеся, но н е м е н ѣ е замѣтные. Громъ орудій разносится отъ Арра до Авиньона, отъ Метца до Байонны; въ Блуа и Орлеанѣ пушки грохочутъ речитативомъ, Пюи, среди гранитныхъ горъ, По, гдѣ стояла черепаховая люлька Генриха Великаго, полны этимъ грохотомъ. Въ далекомъ Марселѣ, алая вечерняя заря свидѣтельница того, какъ изъ каждаго пушечнаго жерла въ замкѣ Ифъ вырываются красные огненные языки, и весь народъ ликуетъ: да, Франція свободна. О, славная Франція, она положительно растворилась въ дымѣ и громѣ, и за то добыла себѣ фригійскую шапку свободы! Во всѣхъ городахъ сажаютъ деревья свободы—все равно, выростутъ они или нѣтъ. Развѣ не говорили мы, что это величайшій тріумфъ, когда либо достигнутый или могущій быть достигнутымъ ѳеспійскимъ искусствомъ?

Ѳеспійское искусство, къ сожалѣнію, приходится такъ назвать все это, потому что прежде, чѣмъ приступить къ присягѣ на Марсовомъ полѣ, національные флаги должны были быть освящены. Весьма цѣлесообразная мѣра: ни одно земное знамя не можетъ развѣваться побѣдоносно, ни одно предпріятіе не мо-

---

[1]) Deux Amis, V, 168.

жетъ удаться, если небо не ниспошлетъ на него своего благословенія или, по меньшей мѣрѣ, если оно не будетъ испрошено вслухъ или про себя, но какими средствами добиться его? Какой трижды-божественный громоотводъ сведетъ съ неба чудесный огонь, чтобы онъ спустился, кротко распространяя жизнь и принося исцѣленіе душамъ людей? Ахъ, очень просто, при помощи двухсотъ тонзурованныхъ субъектовъ въ бѣлоснѣжныхъ стихаряхъ съ трехцвѣтными поясами, стоящихъ на ступеняхъ Алтаря отечества, съ Таллейраномъ-Перигоремъ, блюстителемъ душъ, во главѣ! Они, насколько это въ ихъ силахъ, замѣнятъ чудесный громоотводъ. О, темносинее небо, и ты, зеленѣющая кормилица-земля; вы, вѣчно текущія рѣки; вы, преходящіе лѣса, подобно людямъ, постоянно умирающіе и снова рождающіеся; вы, горы и скалы, ежедневно тающія отъ ливней и все же столѣтіями не исчезающія и не обрушивающіяся, такъ какъ родить васъ вновь можетъ, повидимому, только новый міровой переворотъ, когда отъ сильнаго кипѣнія и взрыва паръ взовьется почти до луны; ты, неисчерпаемое, таинственное Все, покровъ и обитель Неназываемаго; и ты, человѣческій духъ, съ твоей членораздѣльной рѣчью, придающій образъ и форму Неизмѣримому, Неназываемому,—развѣ не чудо ужъ самое то, что французъ могъ, не говоримъ повѣрить, но вообразить, что вѣритъ, будто Таллейранъ и двѣсти штукъ бѣлаго коленкора въ состояніи добыть благословеніе неба?

Здѣсь, однако, мы должны, вмѣстѣ съ огорченными историками того времени, замѣтить, что въ ту минуту, какъ епископъ Таллейранъ, въ длинной мантіи, митрѣ и трехцвѣтномъ поясѣ, заковылялъ по ступенямъ алтаря, чтобы произвести свое чудо, дѣйствительное небо вдругъ омрачилось: засвистѣлъ сѣверный вѣтеръ, воющій предвѣстникъ холодной непогоды, и полилъ настоящій, все затопляющій, ливень. Грустное зрѣлище! Всѣ тридцать рядовъ кругомъ амфитеатра покрылись тотчасъ же зонтами, обманчивой защитой при такой толпѣ; наши античныя кассолетки превратились въ горшки для воды, смола для куренья шипитъ въ нихъ, превращаясь въ грязный паръ. Увы, вмѣсто виватовъ, слышно только яростное паденіе и шорохъ дождя. Отъ трехъ до четырехсотъ тысячъ человѣкъ чувствуютъ, что имѣютъ кожу, по счастью не промокаемую. Шарфъ генерала мокръ насквозь, всѣ военные флаги повисаютъ и не хотятъ больше развѣваться, а лѣниво хлопаютъ, точно превращенные въ расписанные жестяные флаги! Но еще хуже, по свидѣтельству историковъ, было положеніе ста тысячъ красавицъ Франціи! Ихъ бѣлоснѣжные кисейные наряды забрызганы и загрязнены; страусовыя перья постыдно прилипаютъ къ своему остову; шляпы всѣ пропали, внутренній каркасъ превращается въ тѣсто: красота не царитъ уже въ своемъ прелестномъ уборѣ, подобно богинѣ любви, обнаженной и закутанной въ прозрачныя облака, а борется въ немъ, какъ въ тяжелыхъ цѣпяхъ, такъ какъ „формы обрисовываются“, слышны сочувственныя восклицанія, хихиканье и только рѣшительное хорошее настроеніе можетъ помочь перенести невзгоду. Настоящій потопъ; непрерывная пелена или падающій столбъ дождя. Митра нашего верховнаго пастыря тоже наполняется водой и становится уже не митрой, а переполненнымъ и протекающимъ пожарнымъ ведромъ на его почтенной головѣ! Не обращая на это вниманія, верховный пастырь Таллейранъ производитъ свое чудо: благословеніе его, нѣсколько отличное отъ благословенія Іакова, почіетъ теперь на всѣхъ восьмидесяти трехъ департаментскихъ флагахъ Франціи, которые, въ благодарность, развѣваются или хлопаютъ, какъ могутъ. Около трехъ часовъ снова проглядываетъ солнце, и остающіяся церемоніи могутъ быть закончены при ясномъ небѣ, хотя и съ сильно попорченными декораціями [1].

Въ среду федерація наша заключена, но празднества продолжаются еще эту и часть слѣдующей недѣли,—празднества, затмѣвающія пиры багдадскаго калифа и волшебника Аладина. На Сенѣ происходитъ гонка судовъ, съ прыжками въ воду, брызгами и хохотомъ. Аббатъ Фоше, Te Deum Фоше „въ ро-

---

[1]) Deux Amis, V, 143—179.

тондѣ хлѣбнаго рынка", произноситъ надгробное слово о Франклинѣ, по которому національное собраніе недавно три дня носило трауръ. Столы Мотье и Лепеллетье все еще завалены явствами и потолки дрожатъ отъ патріотическихъ тостовъ. На пятый вечеръ, который приходится въ воскресенье, устраивается всеобщій балъ. Весь Парижъ, мужчины, женщины и дѣти, въ домахъ или на улицахъ танцуютъ подъ звуки арфы или четырехструнной скрипки. Даже сѣдовласые старики пытаются здѣсь, подъ измѣнчивой луной, еще разъ подвигать въ тактъ своими старыми ногами; грудныя дѣти, νήπια τέκνα, не умѣющія еще говорить, кричатъ на рукахъ и барахтаются, нетерпѣливо расправляя свои маленькіе пухлые члены, въ безсознательной потребности проявить свою мышечную силу. Самыя крѣпкія балки изгибаются болѣе или менѣе, всѣ пазы трещатъ.

Но взгляните на развалины Бастиліи, на лонѣ самой матери-земли. Вездѣ горятъ лампочки, вездѣ аллегорическія украшенія, и гордо высится шестидесяти-футовое дерево Свободы съ такой чудовищной величины фригійской шапкой, то король Артуръ со всѣмъ своимъ круглымъ столомъ могъ бы обѣдать подъ нею. Въ глубинѣ, при тускломъ свѣтѣ одинокаго фонаря, замѣчаемъ одну изъ полузарытыхъ желѣзныхъ клѣтокъ и нѣсколько тюремныхъ камней—послѣдніе остатки исчезнувшей тираніи; кромѣ этого, видны только гирлянды лампочекъ, настоящія или искусственныя деревья, сгруппированныя въ волшебную рощу, надъ входомъ въ которую прохожій можетъ прочесть надпись: „Ici l'on danse здѣсь танцуютъ". Такимъ образомъ, сбылось смутное предсказаніе пророка-фокусника Каліостро [1]), сдѣланное имъ четыре года тому назадъ, когда онъ покидалъ это ужасное заключеніе, чтобы попасть въ еще болѣе ужасную тюрьму, римской инквизиціи, такъ и не выпустившую болѣе своей жертвы.

Но что значитъ Бастилія по сравненію съ Champs-Elysées. Сюда, къ этимъ полямъ, справедливо называемымъ Елисейскими, сами собой направляются ноги. Гирлянды лампочекъ освѣщаютъ ихъ, какъ днемъ, маленькіе масляные стаканчики прелестно украшаютъ, на подобіе пестрыхъ свѣтлячковъ, самые высокіе сучья; деревья словно залиты пестрымъ огнемъ и бросаютъ свое сіяніе далеко въ лѣсную чащу. Здѣсь, подъ вольнымъ небомъ, стройные федераты кружатся въ хороводѣ всю эту благовонную ночь напролетъ, съ новообрѣтенными красотками, гибкими, какъ Діана, но не такими холодными и суровыми, какъ она; сердца соприкасаются и пылаютъ; и конечно, рѣдко приходилось нашей старой планетѣ спускать покровъ своей огромной конической тѣни, называемой ночью, надъ подобнымъ баломъ. Если, по словамъ Сенеки сами боги съ улыбкой смотрятъ на человѣка, борющагося съ превратностями судьбы, то что же они должны были думать о двадцати пяти милліонахъ беззаботныхъ, побѣждающихъ ихъ въ теченіе цѣлой недѣли, и даже болѣе?

И вотъ, праздникъ Пикъ дотанцованъ такимъ образомъ до конца; галантные федераты возвращаются домой, по всѣмъ направленіямъ компаса, съ возбужденными нервами и разгоряченными сердцами и головами; нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, старый, почтенный другъ Даммартена изъ Страсбурга, совсѣмъ „сгорѣли отъ алкоголя" и близки къ своему концу [2]). Праздникъ Пикъ дотанцованъ до конца и сталъ покойникомъ, тѣнью праздника.—Ничего отъ него не осталось, кромѣ образа въ памяти людей, и мѣста, которое его видѣло, но уже болѣе не видитъ (такъ какъ возвышенія на Марсовомъ полѣ обвалились до половины своей первоначальной вышины [3]). Праздникъ этотъ былъ, несомнѣнно, однимъ изъ примѣчательнѣйшихъ народныхъ праздниковъ. Никогда не приносилась присяга съ такимъ переполненнымъ сердцемъ, съ такимъ чувствомъ и избыткомъ радости, и едва ли когда нибудь это повторится, и все же она была непоправимо нарушена черезъ годъ и день. Ахъ, зачѣмъ? Если присяга доставляла такое неиз-

[1]) См. его Письмо къ французскому народу (Лондонъ, 1786).

[2]) Dampmartin, Evénements, I, 144—184.

[3]) Dulaure Histoire de Paris, VIII, 25.

рѣченное наслажденіе, если грудь прижималась къ груди и въ сердцахъ двадцати пяти милліоновъ одновременно зажигался огонь энтузіазма, то почему же она нарушена, о, неумолимые властители судебъ, почему? -- Отчасти, именно потому, что она приносилась въ такомъ порывѣ радости, главнымъ же образомъ вслѣдствіе болѣе старой причины: грѣхъ пришелъ въ міръ, а вмѣстѣ съ грѣхомъ и бѣдствія. Эти двадцать пять милліоновъ, въ своей фригійской шапкѣ, не имѣютъ теперь надъ собой власти, которая руководила бы и управляла ими, и не имѣютъ въ самихъ себѣ руководящей силы или правилъ для разумной, справедливой жизни. И если всѣ несутся гигантскими шагами по незнакомой дорогѣ, безъ цѣли и безъ узды, то какъ же не произойти невыразимой катастрофѣ? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, розовый цвѣтъ федераціи не цвѣтъ нашей земли и не ея задача; человѣкъ долженъ бороться съ міромъ не порывами благородныхъ чувствъ, а совсѣмъ другимъ оружіемъ.

Во всякомъ случаѣ, не разумнѣе ли „беречь свой огонь для жениха", заключая его въ душѣ, какъ благодѣтельный, животворящій источникъ теплоты! Всѣ сильные взрывы, какъ бы хорошо ни были они направлены, всегда сомнительны, большей частью безполезны и всегда ужасно разрушительны; представьте себѣ человѣка или націю, которая израсходовала бы весь свой запасъ огня на одинъ искусственный фейерверкъ. Въ жизни приходится видѣть браки по страстной любви (ибо единичные люди, какъ и націи, имѣютъ свои періоды расцвѣта), заключенные съ такими проявленіями торжества и радости, что старики только качаютъ головами. Спокойная веселость была бы болѣе умѣстна, потому что шагъ дѣлается важный. Безразсудная чета, чѣмъ больше ты торжествуешь и чувствуешь себя побѣдительницей всего земного зла, которое кажется тебѣ исчезнувшимъ съ земли, тѣмъ больше будетъ твое изумленіе и разочарованіе, когда ты откроешь, что земное зло все еще существуетъ. „Но почему же оно все еще существуетъ?" спроситъ каждый изъ васъ. „Потому что мой невѣрный спутникъ измѣнилъ мнѣ; зло было побѣждено; я, съ своей стороны, вѣрилъ въ это, и продолжалъ бы вѣрить и впредь!" И счастливый медовый мѣсяцъ превращается въ длинные терпкіе годы, пожалуй даже въ ѣдкій уксусъ Ганнибала.

Не придется ли и намъ сказать, что французскій народъ привелъ королевскую власть или, вѣрнѣе, принудилъ королевскую власть привести его съ слащавой нѣжностью къ брачному Алтарю Отечества, а затѣмъ, чтобы отпраздновать свадьбу съ должнымъ блескомъ и великолѣпіемъ, необдуманно сжегъ брачную постель?

КНИГА II.

Нанси.

ГЛАВА I.

Булье.

Въ Мецѣ, на сѣверо-восточной границѣ, уже нѣсколько мѣсяцевъ смутно мелькаетъ передъ нами фигура нѣкоего Булье, которому суждено быть послѣдней надеждой королевской власти въ ея бѣдствіяхъ и планахъ бѣгства. Пока это еще только имя и тѣнь храбраго Булье. Займемся имъ повнимательнѣе, пока онъ не облечется для насъ плотью и кровью. Человѣкъ этотъ самъ по себѣ достоинъ вниманія; его положеніе, его дѣятельность въ своемъ мѣстѣ, въ эти дни, прольетъ свѣтъ на многое.

Булье находится въ такомъ же затруднительномъ положеніи, какъ и всѣ занимающіе высшіе посты французскіе офицеры, только для него оно еще болѣе рѣзко выражено. Великая національная федерація была, какъ мы и предвидѣли, лишь пустымъ звукомъ, или еще хуже: послѣднимъ, громкимъ всеобщимъ г и п-г и п-у р а, съ полными бокалами, на національномъ лапиөскомъ праздникѣ созиданія конституціи, какъ бы громкимъ отрицаніемъ осязаемой дѣйствительности: криками ура хотѣли оттолкнуть сознаніе неизбѣжности, уже стучащей въ ворота! Этотъ новый, такъ сказать, національный кубокъ можетъ, однако, лишь усилить опьянѣніе, и чѣмъ г р о м ч е люди клянутся въ братствѣ, тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе опьянѣніе приведетъ къ каннибализму. Ахъ, этотъ міръ! Сколько непримиримой вражды, укрощенной лишь на время, подавленной лишь на минуту, таится въ глубинѣ его подъ этимъ наружнымъ, шумнымъ братствомъ! Едва почтенные федеральные воины вернулись въ свои гарнизоны, и наиболѣе пылкіе изъ нихъ, „умирая отъ пламени, алкоголя и любви“, еще не успѣли умереть; едва исчезъ блескъ празднества изъ глазъ людей и пылаетъ еще въ ихъ памяти,—какъ раздоры вспыхиваютъ ожесточеннѣе, чѣмъ когда-либо. Обратимся къ Булье, и мы узнаемъ, какъ это все произошло.

Булье командуетъ въ настоящее время гарнизономъ Меца и властвуетъ надъ всѣмъ сѣверомъ и востокомъ Франціи, будучи назначенъ недавнимъ правительственнымъ актомъ, санкціонированнымъ національнымъ собраніемъ, однимъ изъ четырехъ главнокомандующихъ. Рошамбо и Мальи, извѣстные въ то время люди, и къ тому же маршалы, хотя и мало для насъ интересные, назначены ему въ товарищи; а третьимъ, вѣроятно, будетъ старый болтунъ Люкнеръ, такъ же мало интересный для насъ. Маркизъ де Булье, человѣкъ твердаго лойяльнаго образа мыслей, не врагъ умѣренныхъ реформъ, но рѣшительный противникъ рѣзкихъ перемѣнъ. Онъ давно состоитъ на подозрѣніи у патріотовъ и не разъ доставлялъ непріятности и верховному національному со-

бранію: онъ не хотѣлъ, напримѣръ, приносить національную присягу, что обязанъ былъ сдѣлать, и все откладывалъ это подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, пока его величество, собственноручнымъ письмомъ, не упросилъ его сдѣлать эту уступку въ видѣ личнаго одолженія ему. И вотъ, на своемъ важномъ и опасномъ, если не почетномъ посту, онъ молчаливо и сосредоточенно выжидаетъ событій, съ сомнѣніемъ взирая на будущее. Онъ говоритъ, что онъ одинъ или почти одинъ изъ старыхъ видныхъ военныхъ не эмигрировалъ; но въ грустныя минуты думаетъ, что и ему не останется ничего другого, какъ перейти границу. Онъ могъ бы перебраться въ Триръ или Кобленцъ, куда соберутся современемъ живущіе въ изгнаніи принцы; или же Люксембургъ, гдѣ изнываетъ старый Брольи. Или еще: развѣ ему не открыты великія темныя бездны европейской дипломатіи, въ которой только что начали смутно намѣчаться такіе люди, какъ Калоннъ и Бретейль?

Маркизъ Буйе.

Среди безконечно запутанныхъ плановъ и предположеній, у Буйе только одно опредѣленное намѣреніе: еще разъ попытаться оказать услугу его величеству; и онъ ждетъ, напрягая всѣ усилія къ тому, чтобы сохранить свой округъ лойяльнымъ, свои войска вѣрными, свои гарнизоны снабженными всѣмъ нужнымъ. Онъ еще поддерживаетъ рѣдкую дипломатическую переписку съ своимъ кузеномъ Лафайетомъ, посредствомъ писемъ и гонцовъ, причемъ, съ одной стороны, мы видимъ рыцарскія конституціонныя увѣренія, съ другой— военную серьезность и краткость; рѣдкая переписка эта становится все рѣже и безсодержательнѣе, граничa уже съ совершенной пустотой [1]). Онъ, этотъ стремительный, вспыльчивый, проницательный, упрямо вѣрный долгу человѣкъ съ подавленной, порывистой рѣшимостью, храбрый до опрометчивости, былъ болѣе на своемъ мѣстѣ, когда, какъ левъ, защищалъ Виндвардскіе острова, или когда военными прыжками, какъ тигръ, вырывалъ у англичанъ Невисъ и Монсерратъ,—чѣмъ въ этомъ стѣсненномъ положеніи, въ которомъ его держитъ дипломатія, затягивая и опутывая его своими нитями, въ ожиданіи гражданской войны, которая, быть можетъ, никогда и не наступитъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Буйе долженъ былъ командовать французской остъиндской экспедиціей и вернуть или завоевать Пондишерри и царства Солнца; но весь міръ внезапно измѣнился, и Буйе вмѣстѣ съ нимъ; судьба распорядилась такъ, а не иначе.

ГЛАВА II.

Задержка жалованья и аристократы.

Общее состояніе дѣлъ таково, что самъ Буйе не предвидитъ ничего хорошаго. Уже со времени паденія Бастиліи и еще ранѣе того положеніе во французской арміи вообще было весьма сомнительнымъ и съ каждымъ днемъ ухудшалось. Дисциплина, которая всегда представляетъ нѣкотораго рода чудо и держится вѣрой, была расшатана безъ надежды на скорое возстановленіе ея. Французскіе гвардейцы играли въ опасную игру; какъ они выиграли ее и какъ теперь пользуются ея плодами,—это всѣмъ извѣстно. Мы видѣли, что, при общемъ переворотѣ, наемные солдаты отказались сражаться. Такъ же поступили,

---

[1]) Bouillé, Mémoires (London 1797), I c. 8.

какъ слышно, и швейцарцы полка Шато-Вье, почти французскіе швейцарцы изъ Женевы и кантона Во тоже отказались сражаться. Появились дезертиры, самый полкъ Ройаль-Аллеманъ представлялъ безотрадную картину, хотя и оставался вѣрнымъ долгу. Словомъ, мы видѣли, какъ военная дисциплина, въ лицѣ бѣднаго Безанваля, съ его мятежнымъ, непокорнымъ лагеремъ, проводитъ два мучительныхъ дня на Марсовомъ полѣ, и затѣмъ, „подъ покровомъ ночи“, уходитъ „по лѣвому берегу Сены“ искать пріюта въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ эта почва, очевидно, стала слишкомъ горяча для нея.

Но гдѣ же искать новой почвы, къ какому средству прибѣгнуть? Спасеніе въ незараженныхъ еще гарнизонахъ и разумной строгости въ дрессировкѣ солдатъ: таковъ, несомнѣнно, и былъ планъ. Но, увы, во всѣхъ гарнизонахъ и крѣпостяхъ, отъ Парижа до отдаленнѣйшихъ деревушекъ, вездѣ уже царитъ зараза; она вдыхается съ воздухомъ, распространяется отъ соприкосновенія и общенія, пока всѣ, до самаго безтолковаго солдата не поражаются ею! Люди въ мундирахъ разговариваютъ съ людьми въ гражданскомъ платьѣ; люди въ мундирахъ не только читаютъ газеты, но и пишутъ въ нихъ [1]). Подаются общественныя петиціи или представленія; разсылаются тайные эмиссары, образуются союзы; всюду замѣчаются недовольство, соперничество, неувѣренность въ положеніи дѣлъ; словомъ, настроеніе полно угрюмой подозрительности. Вся французская армія находится въ смутномъ, опасномъ броженіи, не предвѣщающемъ ничего добраго.

Значитъ, среди повсемѣстнаго разложенія и возмущенія общества, намъ предстоитъ еще самая разрушительная и самая ужасная форма ихъ—военная революція? Если всякое возстаніе, при всѣхъ обстоятельствахъ, представляетъ картину безнадежнаго опустошенія, то во сколько разъ оно становится ужаснѣе, когда принимаетъ характеръ военнаго мятежа! Въ этомъ случаѣ, орудіе дисциплины и порядка, которымъ держится въ повиновеніи и управляется все остальное, становится само несоизмѣримо страшнѣйшимъ орудіемъ необузданности, подобно тому, какъ огонь, нашъ необходимый, все устрояющій слуга, дѣйствуетъ опустошительно, когда самъ становится властелиномъ и превращается въ пожаръ. Мы назвали дисциплину нѣкотораго рода чудомъ: и въ самомъ дѣлѣ, развѣ не чудо, что одинъ человѣкъ распоряжается сотнями тысячъ? Каждый въ отдѣльности, лично, можетъ быть, не любитъ и не боится его, и все же долженъ повиноваться ему, итти туда или сюда, маршировать или останавливаться, убивать другихъ, или давать убивать себя, какъ будто это велѣніе самой судьбы, какъ будто слово команды представляетъ, въ буквальномъ смыслѣ, магическое слово?

Но что, если это магическое слово вдругъ будетъ забыто, и чары его нарушатся? Легіоны усердныхъ служебныхъ духовъ возстаютъ противъ васъ, какъ грозные враги; свободная, блистающая порядкомъ арена превращается въ адское поле сраженія, и несчастнаго чародѣя разрываютъ на куски. Военная чернь та же чернь—только съ ружьями въ рукахъ,—надъ головами которой виситъ смерть, потому что за неповиновеніе она наказывается смертью, а она ослушалась. И если всякая чернь ведетъ себя какъ безумная, и какъ въ безуміи дѣйствуетъ, въ бѣшеныхъ припадкахъ горячности и охлажденія, внезапно переходя отъ дикой ярости къ паническому страху, — то, подумайте, какъ будетъ вести себя солдатская чернь, которая въ конфликтѣ между долгомъ и наказаніемъ, кидается отъ раскаянія къ злобѣ, и въ самомъ пылу иступленія, держитъ въ рукѣ заряженное ружье! Для самого солдата возмущеніе представляетъ нѣчто страшное, можетъ быть, даже достойное сожалѣнія; и однако, оно столь опасно, что можетъ вызывать только ненависть, но никакъ не состраданіе. Совершенно ненормальный классъ людей, эти несчастные наемные убійцы! Съ откровенностью, вызывающей изумленіе современныхъ моралистовъ. они поклялись быть машинами, но все же остались отчасти людьми. Пусть же осторожная власть не

---

[1]) См. газеты за іюль 1789 г. (Hist. Parl., II, 35).

напоминаетъ имъ объ этомъ послѣднемъ фактѣ, пусть всегда сила и, главное, несправедливость останавливаются, не доходя до этой стороны опаснаго пункта! Солдаты, какъ мы часто говорили, возмущаются; если бы этого не было, то многое изъ существующаго въ этомъ мірѣ лишь временно, длилось бы вѣчно.

Независимо отъ общей борьбы, которую ведутъ противъ своей судьбы всѣ сыны Адама на землѣ, невзгоды французскихъ солдатъ сводятся къ слѣдующимъ двумъ. Первая та, что ихъ офицеры аристократы; вторая, что они обманываютъ ихъ на жалованьи. Двѣ обиды или, собственно, одна, могущая превратиться въ цѣлую сотню; ибо какое множество послѣдствій вытекаетъ изъ одного перваго положенія, что ихъ офицеры аристократы! Одинъ этотъ фактъ представляетъ безпредѣльный, никогда неизсякающій источникъ всякихъ обидъ; его можно бы назвать общимъ сырымъ матеріаломъ обидъ, изъ котораго ежедневно будутъ самостоятельно развиваться одна личная обида за другой. То, что онъ отъ времени до времени принимаетъ опредѣленную форму, можетъ служить даже нѣкотораго рода утѣшеніемъ. Расхищеніе жалованья, напримѣръ. Тутъ обида воплотилась, стала осязаемой, ее можно обличить, выразить, хотя бы только злобными словами.

Къ несчастью, великій источникъ обидъ дѣйствительно существуетъ: почти всѣ наши офицеры, по необходимости, аристократы; аристократизмъ вошелъ въ ихъ плоть и кровь. По спеціальному закону, никто не можетъ разсчитывать даже на скромный чинъ поручика милиціи, пока не представить, къ удовольствію короля-льва, удостовѣреніе въ томъ, что онъ имѣетъ за собою по крайней мѣрѣ четыре поколѣнія дворянства. Требуется, значитъ, не просто дворянство, а родовое, отъ праотцовъ. Эта послѣдняя поправка внесена въ законъ сравнительно въ недавнее время однимъ изъ военныхъ министровъ, заваленнымъ просьбами [1]) о производствѣ въ офицеры. Она, правда, облегчила военнаго министра, но увеличила во Франціи зіяющую пропасть между дворянствомъ и простонародьемъ, и кромѣ того, раздѣлила самое дворянство на старое и новое; какъ будто уже и при старомъ и новомъ, а затѣмъ при старомъ, старшемъ и старѣйшемъ, дворянствѣ мало было противорѣчій и несогласій, которыя, какъ всюду теперь можно видѣть и слышать, съ трескомъ сталкиваются другъ съ другомъ, и вмѣстѣ съ другими противоположностями втягиваются въ бездну однимъ общимъ водоворотомъ; это паденіе въ бездну, изъ которой нѣтъ возврата, уже совершилось или совершается среди хаотическаго безпорядка; только войска еще не охвачены водоворотомъ; но, спрашивается, можно ли надѣяться, что они удержатся на поверхности. Очевидно, нѣтъ.

Правда, что въ періодъ внѣшняго мира, когда дѣло сводится не на сраженія, а только на обученіе, вопросъ о чинопроизводствѣ кажется довольно теоретическимъ. Но, по отношенію къ Правамъ Человѣка, онъ всегда имѣетъ практическое значеніе. Солдатъ присягалъ въ вѣрности не только королю, но закону и народу. Нравится ли нашимъ офицерамъ революція? спрашиваютъ солдаты. Къ несчастью, нѣтъ; они ненавидятъ ее, и любятъ контръ-революцію. Молодые люди въ эполетахъ, съ дворянской кровью въ жилахъ, отравленные дворянской спесью, открыто издѣваются, съ негодованіемъ, переходящимъ въ презрѣніе, надъ нашими Правами Человѣка, какъ надъ ново-изобрѣтенной паутиной, которую надо смести. Старые офицеры, болѣе осторожные, молчатъ сурово сжимая губы, но можно догадаться, что происходитъ въ ихъ душѣ. Почему знать, быть можетъ, даже подъ простымъ словомъ команды скрывается сама контръ-революція, продажа насъ изгнаннымъ принцамъ, или австрійскому королю; развѣ предатели аристократы не могутъ провести насъ, простыхъ людей? Такъ пагубно дѣйствуетъ этотъ общій сырой матеріалъ обидъ, вызывая вмѣсто довѣрія и уваженія лишь ненависть и безконечную подозрительность и дѣлая невозможнымъ и командованіе, и повиновеніе. Насколько же опаснѣе,

---

[1]) Dampmartin, Evenements, I, 89.

когда вторая, болѣе ощутимая обида: задержаніе жалованія—опредѣлилась во всеобщемъ представленіи простыхъ людей? Хищенія самаго низменнаго сорта существуютъ и существовали давно; но если новообъявленныя Права Человѣка и всякія прочія права не паутина, то подобныхъ злоупотребленій не должно болѣе существовать!

Французская военная система, повидимому, умираетъ печальной смертью самоубійцы. Болѣе того, въ этомъ дѣлѣ гражданинъ естественно выступаетъ противъ гражданина. Солдаты находятъ слушателей и безпредѣльное сочувствіе среди безчисленныхъ патріотовъ низшихъ классовъ. Высшіе же классы относятся такимъ же образомъ къ офицерамъ. Офицеръ по прежнему наряжается и душится, собираясь на невеселыя вечеринки, которыя еще устраиваются иногда не успѣвшими еще эмигрировать дворянами. Тамъ офицеръ высказываетъ свои горести, которыя въ то же время и горести его величества и самой природы; но кстати выражаетъ и вызывающую удаль и твердую рѣшимость не сдаваться. Граждане, а еще болѣе гражданки, понимаютъ, что дурно и что хорошо; не одна военная система покончитъ самоубійствомъ, съ ней погибнетъ и многое другое. Какъ мы уже говорили, возможенъ болѣе глубокій переворотъ, чѣмъ всѣ, пережитые до сихъ поръ: переворотъ, при которомъ глубочайшій, смрадно-горящій, сѣрнистый слой, на которомъ все покоится и растетъ, очутится наверху.

Но какъ подѣйствуетъ все это на грубое сердце солдата, при его военномъ педантизмѣ, его неопытности по отношенію ко всему, лежащему внѣ плацъ-парада; при его почти дѣтскомъ невѣдѣніи, въ соединеніи съ озлобленностью мужчины и пылкостью француза! Уже давно тайныя собранія въ столовыхъ и караульныхъ, угрюмые взгляды, тысячи мелкихъ столкновеній между командующими и подчиненными, наполняютъ всюду скучный день солдата. Спросите капитана Даммартена, заслуживающаго довѣрія, остроумнаго кавалерійскаго офицера и писателя; онъ приверженецъ царства свободы, съ нѣкоторыми ограниченіями, однако и его сердце глубоко оскорблено видѣннымъ на жаркомъ юго-западѣ и въ другихъ мѣстахъ: онъ видѣлъ возстанія, гражданскую войну, при дневномъ свѣтѣ и огнѣ факеловъ; видѣлъ анархію, ненавистнѣе самой смерти. Однажды непокорные, пьяные солдаты встрѣтили капитана Даммартена и другого офицера на валу, гдѣ не было боковой тропинки или обхода; они, правда, тотчасъ же отдали честь, „потому что мы спокойно смотрѣли на нихъ", но сдѣлали это съ угрюмымъ, почти съ вызывающимъ видомъ. Въ другой разъ, поутру, „они собрали всѣ свои кожаныя куртки", надоѣвшія имъ, и лишнія вещи, и сложили ихъ въ кучу у двери командира,—надъ чѣмъ „мы смѣялись, какъ оселъ, жующій колючки". Однажды они связали, среди всеобщаго шума и приключеній, двѣ веревки отъ фуража съ явнымъ намѣреніемъ повѣсить квартирмейстера. Взирая на всѣ эти событія сквозь дымку любовно скорбнаго воспоминанія, нашъ достойный капитанъ описалъ ихъ плавнымъ стилемъ [1]). Солдаты ворчатъ въ смутномъ недовольствѣ, офицеры слагаютъ съ себя обязанности и въ досадѣ эмигрируютъ.

Или спросимъ еще одного занимающагося литературой офицера, не капитана, а лишь подпоручика артиллерійскаго полка Ла-Феръ, молодого человѣка двадцати одного года, мнѣніе котораго не лишено интереса: имя его Н а п о л е о н ъ Б о н а п а р т ъ. Онъ былъ произведенъ въ этотъ чинъ пять лѣтъ тому назадъ изъ Бріенской школы, „такъ какъ Лапласъ призналъ его способнымъ къ математикѣ". Онъ стоитъ въ это время въ Оксонѣ на западѣ; квартира его не роскошна; онъ живетъ „въ домѣ цирульника, къ женѣ котораго относится не совсѣмъ съ должной степенью уваженія"; или же помѣщается въ мансардѣ, съ голыми стѣнами, единственную обстановку которой составляютъ „простая кровать безъ полога, два стула и столъ передъ окномъ, заваленный книгами и

---

[1]) Dampmartin, Evenemetus, I. 122—146.

бумагами; братъ его Луи спитъ въ сосѣдней комнатѣ на грубомъ матрасѣ". Однако, подпоручикъ занятъ довольно значительнымъ дѣломъ: онъ пишетъ свою первую книгу или памфлетъ—страстное, краснорѣчивое Письмо къ Маттео Буттафуоко, депутату Корсики, не патріоту, а аристократу, не заслуживающему быть депутатомъ. Издатель его Жоли изъ Доля. Авторъ самъ держитъ корректуру; „каждое утро, въ четыре часа, онъ отправляется изъ Оксона въ Доль; просмотрѣвъ корректуру, раздѣляетъ весьма скромный завтракъ Жоли и немедленно послѣ того возвращается въ свой гарнизонъ, куда прибываетъ около полудня, совершивъ въ теченіе утра прогулку въ двадцать миль".

Нашъ подпоручикъ имѣетъ случай замѣтить, что въ гостиныхъ, на улицахъ, на дорогахъ, въ гостиницахъ, всюду умы людей готовы вспыхнуть яркимъ пламенемъ. Патріотъ, входя въ гостиную, или находясь среди группы офицеровъ, имѣетъ достаточно основаній впасть въ уныніе, такъ сильно большинство настроенныхъ противъ него людей; но лишь только онъ выйдетъ на улицу, или къ солдатамъ, какъ снова чувствуетъ, что весь народъ съ нимъ за одно. Далѣе онъ замѣчаетъ, что послѣ знаменитой присяги Королю, Народу и Закону произошла крупная перемѣна: до присяги, въ случаѣ приказа стрѣлять въ народъ, лично онъ повиновался бы во имя короля; но послѣ нея онъ не повиновался бы во имя народа. Равнымъ образомъ, онъ видитъ, что патріотическіе офицеры, болѣе многочисленные въ артиллеріи и генеральномъ штабѣ, чѣмъ въ другихъ частяхъ, сами по себѣ составляютъ меньшинство, но, имѣя на своей сторонѣ солдатъ, они управляютъ полкомъ, и часто спасали своихъ товарищей аристократовъ отъ опасности и непріятностей. Однажды, напримѣръ, „одинъ членъ нашей офицерской компаніи раздражилъ чернь тѣмъ, что, стоя у окна нашей столовой, пѣлъ „O, Richard, o mon Roi", и мнѣ пришлось спасать его отъ разъяренной толпы" [1]).

Бонапартъ, лейтенантъ артиллеріи.

Пусть читатель помножитъ все это на десять тысячъ и распространитъ, съ незначительными измѣненіями, на всѣ лагери и гарнизоны Франціи. Французская армія, повидимому, на порогѣ всеобщаго возмущенія.

---

[1]) Norvins, Histoire de Napoléon, I, 47. Les Cases, Mémoires.

Всеобщее возмущеніе! Тутъ есть отъ чего содрогнуться конституціонализму патріотовъ и августѣйшему собранію. Нужно что-нибудь предпринять, но что именно, этого ни одинъ человѣкъ не можетъ сказать. Мирабо предлагаетъ даже распустить всѣ двѣсти восемьдесятъ тысячъ солдатъ и съорганизовать новую армію [1]). Невозможно такъ сразу, кричатъ всѣ. Однако, отвѣчаемъ мы, такъ или иначе, но это неизбѣжно. Подобная армія, съ ея дворянами въ четвертомъ поколѣніи, неплатежомъ жалованья и солдатами, связывающими фуражныя веревки, чтобы вѣшать квартирмейстеровъ, не можетъ существовать рядомъ съ такой революціей. Остается выборъ только между медленнымъ, хроническимъ, или быстрымъ, рѣшительнымъ распущеніемъ и новой организаціей; между агоніей, растянутой на много лѣтъ, или разрѣшающейся въ одинъ часъ. Если бы Мирабо былъ министромъ или правителемъ, то избрали бы послѣднее, но такъ какъ Мирабо не стоитъ во главѣ правленія, то, разумѣется, избирается первое.

ГЛАВА III.

Булье въ Мецѣ

Ничто изъ вышеуказаннаго не составляетъ тайны для Булье, находящагося въ сѣверо-восточномъ округѣ. Временами мысль о бѣгствѣ за границу свѣтитъ ему, какъ послѣдній лучъ надежды во всеобщемъ смятеніи; однако, онъ остается на своемъ посту, стараясь по прежнему надѣяться на лучшее и видя спасеніе не въ новой организаціи, а въ удачной контръ-революціи и возвратѣ къ старому. Кромѣ того, ему ясно, что именно эта національная федерація, эти всеобщія клятвы и братанія народа съ войскомъ принесли „неисчислимый вредъ“. Многое изъ того, что бродило втайнѣ, благодаря этому вышло наружу и стало явнымъ: національные гвардейцы и линейные солдаты торжественно обнимаются на всѣхъ плацъ-парадахъ, пьютъ, произносятъ патріотическія клятвы, попадаютъ въ безпорядочныя уличныя процессіи, съ антивоенными конституціонными возгласами и криками ура. Такъ, напримѣръ, пикардійскій полкъ былъ выстроенъ во дворѣ казармъ въ Мецѣ, и получилъ за такое поведеніе строгій выговоръ отъ самаго генерала, послѣ чего принесъ раскаяніе [2]).

Между тѣмъ, по свидѣтельству отчетовъ, неповиновеніе начинаетъ проявляться все рѣзче и сильнѣе. Офицеровъ запираютъ въ ихъ столовыхъ, осаждаютъ требованіями, сопровождающимися угрозами. Зачинщики мятежа, правда, получаютъ „желтую отставку“, позорную отставку съ такъ называемой „cartouche jaune“; но вмѣсто одного появляются десять новыхъ зачинщиковъ и желтая cartouche перестаетъ считаться позорнымъ наказаніемъ. Черезъ двѣ, самое большее черезъ четыре недѣли послѣ знаменитаго Праздника Пикъ, вся французская армія, требующая задержаннаго жалованья, образующая клубы для чтенія, посѣщающая народныя собранія, находится въ состояніи, которое Булье можетъ охарактеризовать только словомъ: бунтъ. Булье понимаетъ это, какъ немногіе, и говоритъ по собственному страшному опыту. Возьмемъ на удачу одинъ примѣръ.

Еще въ первой половинѣ августа,—точное число теперь нельзя установить,— Булье, намѣревающійся отправиться на воды въ Э-ла-Шапелль, снова внезапно призывается въ мецкія казармы. Солдаты стоятъ въ боевомъ порядкѣ, съ заряженными ружьями, офицеры находятся тутъ же, по принужденію солдатъ, и всѣ въ одинъ голосъ настойчиво требуютъ уплаты задерживаемаго жалованія. Раскаявшійся Пикардійскій полкъ, какъ мы видимъ, провинился вновь: обширная

---

[1]) Moniteur, 1790, N. 233.

[2]) Bouillé, Mémoires, I, 113.

площадь полна вооруженными мятежниками. Храбрый Буrье подходитъ къ ближайшему полку, открываетъ властный ротъ, чтобы произнести рѣчь, но встрѣчаетъ только негодующіе крики, жалобы и требованія столькихъ-то причитающихся по закону тысячъ ливровъ. Моментъ критическій: въ Мецѣ стоитъ около десяти тысячъ солдатъ, и всѣми ими овладѣлъ, повидимому, одинъ духъ.

Булье твердъ, какъ алмазъ, но что ему дѣлать? Нѣмецкій Сальмскій полкъ, кажется, настроенъ лучше; тѣмъ не менѣе, и Сальмскій полкъ тоже навѣрное слышалъ о заповѣди „Не укради", и онъ тоже знаетъ, что деньги—деньги. Булье довѣрчиво направляется къ Сальмскому полку, говоритъ что-то о довѣріи, но и здѣсь ему отвѣчаютъ требованіемъ сорока четырехъ тысячъ ливровъ и нѣсколькихъ су. Крикъ становится все громче и громче по мѣрѣ того, какъ неудовольствіе Сальмцевъ возрастаетъ, и когда въ отвѣтъ на него не слѣдуетъ не только уплаты, но и обѣщанія уплаты, крикъ заканчивается тѣмъ, что всѣ единовременно вскидываютъ ружья на плечо, и Сальмскій полкъ рѣшительнымъ, бѣглымъ маршемъ отправляется на сосѣднюю улицу, къ дому своего полковника, чтобы захватить полковое знамя и денежный ящикъ. Сальмцы поступаютъ такъ въ твердой увѣренности, что meum не есть tuum, и что прекрасныя рѣчи не то же, что сорокъ четыре тысячи ливровъ и нѣсколько су.

Удержать ихъ невозможно. Сальмцы идутъ военнымъ темпомъ, быстро поглощая разстояніе. Булье и офицеры обнажаютъ сабли и должны идти удвоеннымъ pas-de-charge, попросту бѣжать, чтобы опередить солдатъ; они становятся у лѣстницы, со всѣмъ презрѣніемъ къ смерти, на которое способны, въ то время какъ сальмцы грозно надвигаются, шеренга за шеренгой; можно себѣ представить, въ какомъ они настроеніи, хотя, по счастью, оно не перешло еще въ жажду крови. Булье стоитъ, съ мрачнымъ спокойствіемъ ожидая конца, увѣренный, по крайней мѣрѣ, въ одномъ человѣкѣ: въ самомъ себѣ. Все, что можетъ сдѣлать самый безстрашный изъ людей и генераловъ, сдѣлано. Хотя пикеты загораживаютъ улицу съ обоихъ концовъ, и хотя смерть стоитъ у Булье передъ глазами, ему удается, однако, отправить гонца въ драгунскій полкъ съ приказомъ выступить на помощь; драгунскіе офицеры садятся на коней, но солдаты отказываются идти: отсюда ему нѣтъ спасенія. Улица, какъ мы говорили, заперта, отрѣзана отъ всего міра; надъ ней лишь равнодушный сводъ небесъ, да кое-гдѣ, быть можетъ, выглядываетъ изъ окна боязливый домовладѣлецъ, творя молитву за Булье, тогда какъ многочисленная толпа черни на мостовой молится за успѣхъ Сальмцевъ. Такъ стоятъ обѣ партіи, подобно телѣгамъ, столкнувшимся въ узкомъ переулкѣ, или схватившимся въ смертельной борьбѣ борцамъ! Цѣлыхъ два часа стоятъ они въ такомъ положеніи. Въ рукѣ Булье сверкаетъ сабля; брови его сдвинуты въ непоколебимой рѣшимости. Такъ проходятъ два часа по мецскимъ часамъ. Сальмцы стоятъ въ мрачномъ молчаніи, изрѣдка нарушаемомъ звономъ оружія; но они не стрѣляютъ. Отъ времени до времени, чернь побуждаетъ какого нибудь гренадера прицѣлиться въ генерала, который смотритъ спокойно, какъ вылитый изъ бронзы; и каждый разъ какой нибудь капралъ, или другой солдатъ отстраняетъ ружье.

Стоя въ такомъ необыкновенномъ положеніи въ теченіе двухъ часовъ, на этой лѣстницѣ, храбрый Булье, долго бывшій лишь тѣнью, выступаетъ передъ нами изъ мрака и становится личностью. Впрочемъ, такъ какъ Сальмцы не застрѣлили его въ эти первыя минуты, и самъ онъ остается непоколебимъ, то опасность уменьшается. Мэръ, „человѣкъ въ высшей степени почтенный", съ муниципалитетомъ въ трехцвѣтныхъ шарфахъ, добивается, наконецъ, пропуска, и просьбами, увѣщаніями, разъясненіями убѣждаетъ Сальмцевъ возвратиться въ казармы. На слѣдующій день, почтенный мэръ ссужаетъ деньги, и офицеры выплачиваютъ половину требуемой суммы наличными деньгами. Послѣ этой ликвидаціи, Сальмцы успокоиваются, и на время все, насколько возможно, утихаетъ [1]).

[1]) Bouillé, I, 140—5.

Сцены, подобныя мецской, или приготовленія къ подобнымъ же демонстраціямъ происходятъ повсюду во Франціи. Даммартенъ, съ его фуражными веревками и сваленными въ кучу кожаными куртками, стоитъ въ Страсбургѣ, на юго-востокѣ; въ эти же самые дни, или вѣрнѣе, ночи, въ Хеденѣ, на крайнемъ сѣверо-западѣ, солдаты Королевскаго Шампанскаго полка „съ тридцатью зажженными свѣчами, кричать „Vive la Nation! au diable les aristocrates! (Да здравствуетъ народъ, къ черту аристократію)“ „Гарнизонъ въ Бичѣ“, какъ, съ сожалѣніемъ, заявляетъ депутатъ Рюбелль, „вышелъ за городъ съ барабаннымъ боемъ, разжаловалъ своихъ офицеровъ и затѣмъ вернулся въ городъ съ саблями на-голо“ [1]). Не пора ли верховному національному собранію заняться этими дѣлами? Военная Франція всюду въ ожесточенномъ, легко воспламеняющемся настроеніи, которое, подобно дыму, ищетъ того или иного выхода. Это гигантскій клубокъ дымящейся пакли, который, будучи раздуваемъ сердитымъ вѣтромъ, легко можетъ вспыхнуть яркимъ пламенемъ и превратиться въ море огня.

Всѣ эти обстоятельства, разумѣется, повергаютъ конституціоналистовъ-патріотовъ въ глубокую тревогу. Верховное собраніе усердно разсуждаетъ на засѣданіяхъ, но не рѣшается принять совѣтъ Мирабо немедленно распустить армію и потушить пожаръ, находя, что путь палліативныхъ мѣръ удобнѣе. Однако, по меньшей мѣрѣ, жалобы на неуплату жалованія должны быть разсмотрѣны. Съ этой цѣлью придуманъ планъ, много нашумѣвшій въ тѣ дни и извѣстный подъ названіемъ „Указа 6-го августа“. Во всѣ полки должны отправиться инспектора и съ нѣкоторыми выборными капралами и „умѣющими писать солдатами“ установить остающіяся недоимки и хищенія и покрыть ихъ. Цѣлесообразная мѣра, если при помощи ея дымящаяся головня можетъ быть потушена и если отъ слишкомъ большого притока воздуха или отъ искръ и тренія головня не вспыхнетъ!

ГЛАВА IV.

Недоимки въ Нанси.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что округъ, подчиненный Булье, повидимому, одинъ изъ самыхъ воспламеняющихся. Король всегда желалъ бѣжать въ Мецъ, къ Булье: оттуда близко до Австріи. Тамъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, разъединяемый раздорами народъ долженъ былъ, со страхомъ или съ надеждой и со взаимнымъ раздраженіемъ, смотрѣть черезъ границу, въ туманное море внѣшней политики и дипломатіи.

Еще недавно, когда нѣсколько австрійскихъ полковъ мирно прошли по одному углу этой мѣстности, всѣ приняли это за вторженіе; тотчасъ же въ Стенэ со всѣхъ сторонъ бросилось тысячъ тридцать національныхъ гвардейцевъ, съ ружьями на плечѣ, чтобы разузнать въ чемъ дѣло [2]). Оказалось, что дѣло касалось чисто дипломатическаго вопроса: австрійскій императоръ, желая скорѣе проѣхать въ Бельгію, выговорилъ себѣ право сократить немного путь. Итакъ, едва европейская дипломатія задѣла, на своемъ темномъ пути, только край этихъ мѣстъ, подобно тѣни пролетающаго кондора, и тотчасъ же съ гоготаньемъ и карканьемъ взвилась цѣлая тридцатитысячная крылатая стая! Къ тому же, въ мѣстномъ населеніи, какъ мы уже сказали, царятъ раздоры: здѣсь множество аристократовъ, и патріотизму приходится наблюдать и за ними, и за австрійцами. Вѣдь, мы находимся въ Лотарингіи; мѣстность эта не такъ просвѣщенна, какъ Старая Франція; она помнитъ прежній феодализмъ, имѣла на памяти людей даже собственный дворъ и своего короля, или, вѣрнѣе, блескъ двора и ко-

---

[1]) Moniteur (Hist. Parl., VII, 29).

[2]) Moniteur, Seance du 9 Aout, 1790.

роля—безъ связанныхъ съ этимъ тягостей. Съ другой стороны, якобинское общество, засѣдающее въ парижской церкви якобинцевъ, имѣетъ и въ этихъ городахъ дочерей съ пронзительными голосами и острыми языками; подумайте же, какъ уживутся воспоминанія о добромъ королѣ Станиславѣ и о временахъ императорскаго феодализма съ этимъ новымъ, растлѣвающимъ евангеліемъ, и какой ядъ раздора выльется вмѣстѣ съ нимъ! Въ всемъ этомъ войска—офицеры на одной сторонѣ, солдаты на другой—принимаютъ участіе, теперь весьма существенное. Притомъ же войска здѣсь гораздо возбужденнѣе, потому что они болѣе скучены, такъ какъ въ пограничной провинціи ихъ всегда требуется большее число.

Такъ обстоятъ дѣла въ Лотарингіи, особенно въ столицѣ ея Нанси. Хорошенькій городъ Нанси, такъ любимый феодалами, гдѣ жилъ и сіялъ король Станиславъ, имѣетъ аристократическій муниципалитетъ, но также и филіальное отдѣленіе якобинскаго клуба. Въ немъ около сорока тысячъ душъ несогласно живущаго между собой населенія, и три большихъ полка; одинъ изъ нихъ швейцарскій полкъ Шато-Вье, который дорогъ патріотамъ съ того времени, какъ дѣйствительно или предположительно отказался стрѣлять въ народъ въ Бастильскіе дни. Къ сожалѣнію, здѣсь, кажется, сосредоточиваются, повидимому, всѣ дурныя вліянія, и болѣе, чѣмъ гдѣ либо, проявляются соперничество и возбужденіе страстей. Здѣсь уже много мѣсяцевъ люди съ все большимъ ожесточеніемъ возстаютъ другъ противъ друга: умытые противъ неумытыхъ, патріотическіе солдаты противъ аристократическихъ офицеровъ, такъ что накопился уже длинный счетъ обидъ.

Да, длинный счетъ опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ обидъ; злоба—пунктуальный счетчикъ: она будетъ ежедневно заносить что-нибудь подъ рубрику „р а з н о е“: все равно, взглядъ, или тонъ голоса, мельчайшій поступокъ или упущеніе, постоянно увеличивая ими общую сумму. Такъ, напримѣръ, въ апрѣлѣ, въ дни предварительной федераціи, когда національные гвардейцы и солдаты всюду клялись въ братствѣ, и вся Франція вступала въ мѣстные союзы, готовясь къ торжественному національному празднику Пикъ, замѣчено было, что офицеры въ Нанси старались облить все это братаніе холодной водой, что они сначала уклонялись отъ присутствія на федеральномъ праздникѣ въ Нанси, потомъ пришли въ с ю р т у к а х ъ, а не въ парадной формѣ, только надѣвъ чистыя рубашки; а одинъ изъ нихъ выбралъ какъ разъ торжественный моментъ, когда мимо него проносили развѣвавшіеся національные флаги, чтобы безъ всякой видимой надобности п л ю н у т ь [1]).

Правда, все это мелочи, но онѣ повторяются безпрестанно. Аристократическій муниципалитетъ, выдающій себя за конституціонный, держится большей частью спокойно; но этого отнюдь нельзя сказать о филіальномъ отдѣленіи якобинскаго клуба, о пяти тысячахъ взрослыхъ патріотовъ города, еще менѣе о пяти тысячахъ патріотокъ, о молодыхъ, бородатыхъ и безбородыхъ четырехъколѣнныхъ дворянахъ въ эполетахъ, о мрачныхъ патріотахъ швейцарцахъ Шато-Вье, о пылкой пѣхотѣ Королевскаго полка и о горячихъ кавалеристахъ Местръ-де-Кампа. Обнесенное стѣнами Нанси, съ своими прямыми улицами, обширными скверами и постройками временъ короля Станислава, такъ красиво и нарядно расположенное на плодородномъ берегу Мерты, среди золотистыхъ, въ эти лѣтніе мѣсяцы, полей,—внутри представляетъ адъ раздоровъ, безпокойства и горючаго, близкаго къ взрыву матеріала. Пусть Буйе заглянетъ сюда. Если всеобщее возбужденіе въ войскахъ, которое мы сравнивали съ гигантскимъ клубкомъ дымящейся пакли, гдѣ нибудь вспыхнетъ, то здѣсь, въ Лотарингіи и Нанси, бородѣ его больше всего грозитъ опасность.

Что касается до Буйе, то онъ сильно занятъ, но только общимъ наблюденіемъ надъ всѣмъ. Онъ отправляетъ своихъ успокоившихся Сальмцевъ и всѣ

---

[1]) Deux Amis, V, 217.

другіе сколько нибудь надежные полки изъ Меца въ болѣе южные города и деревни, въ сельскіе кантоны, на тихія воды Вика, Марсала и т. п.; здѣсь много фуража для конницы, уединенныхъ экзерцирплацовъ, и наклонность солдатъ къ размышленіямъ можетъ быть парализована усиленными ученьями и муштровкой. Сальмцы, какъ мы говорили, получили лишь половину слѣдуемыхъ имъ денегъ, что разумѣется, было встрѣчено не безъ ропота. Тѣмъ не менѣе, сцена съ обнаженной саблей подняла Буль е въ глазахъ солдатъ: такъ люди и солдаты любятъ безстрашіе и быструю, непоколебимую рѣшимость, хотя бы имъ и приходилось самимъ страдать отъ нея. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не основная добродѣтель всѣхъ мужскихъ добродѣтелей? Само по себѣ это качество не значитъ почти ничего, такъ какъ имъ надѣлены и низшія животныя, ослы, собаки, даже мулы; но, въ надлежащемъ соединеніи, оно составляетъ необходимое основаніе всего.

О Нанси и господствующемъ тамъ возбужденіи главнокомандующій Буль е не знаетъ ничего точнаго; знаетъ только вообще, что войска въ этомъ городѣ едвали не самыя худшія по духу [1]). Офицеры тамъ теперь, какъ и раньше, держатъ все въ своихъ рукахъ и, къ несчастью, повидимому, ведутъ себя не особенно умно. „Пятьдесятъ желтыхъ отпусковъ“ сразу несомнѣнно означаютъ наличность затрудненій. Но что долженъ былъ подумать патріотизмъ о нѣкоторыхъ драчливыхъ фузилерахъ, которыхъ — дѣйствительно, или по слухамъ — „подговорили оскорбить клубъ гренадеръ“—спокойныхъ, разсудительныхъ гренадеръ въ ихъ собственной читальнѣ? Оскорбить криками и шиканьемъ, пока и разсудительные гренадеры не выхватили тесаковъ и не произошли драки и дуэли? Мало того, развѣ не высылали такихъ же провокаторовъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ это было доказано, въ другихъ — предполагалось), то переодѣтыхъ солдатами, чтобы заводить ссоры съ горожанами, то переодѣтыхъ горожанами, чтобы заводить ссоры съ солдатами? Нѣкій Руссіеръ, опытный фехтовальщикъ, былъ пойманъ на мѣстѣ, тогда какъ четыре офицера (вѣроятно, очень молодые), которые натравливали его, поспѣшно разбѣжались! Фехтмейстеръ Руссіеръ былъ приведенъ на гауптвахту и приговоренъ къ тремъ мѣсяцамъ ареста, но товарищи его потребовали для него единогласно „желтый отпускъ“, и даже устроили ему цѣлый парадъ: надѣли на него бумажный колпакъ, съ надписью „Искаріотъ“, вывели за городскія ворота и строго приказали исчезнуть навсегда.

На всѣ эти подозрѣнія, обвиненія, шумныя сцены и другія, подобнаго же рода, постоянныя непріятности офицеры могли смотрѣть только съ презрительнымъ негодованіемъ, быть можетъ, и выражали его въ презрительныхъ словахъ, а „затѣмъ, вскорѣ бѣжали къ австрійцамъ“.

Такъ что, когда здѣсь, какъ и вездѣ, поднялся вопросъ о задержанномъ жалованьѣ, то разомъ выяснилось, насколько обострено настроеніе. Полкъ Местръ-де-Кампъ получаетъ, среди громкихъ криковъ, по три луидора на человѣка, которые, по обыкновенію, приходится занять у муниципалитета. Швейцарскій полкъ Шато-Вье требуетъ столько же, но получаетъ взамѣнъ девятихвостую кошку (courrois), къ которой присоединяется нестерпимый свистъ женщинъ и дѣтей. Королевскій полкъ, потерявъ надежду послѣ долгаго ожиданія, захватываетъ, въ концѣ концовъ, полковую кассу и уноситъ ее въ казармы, но на слѣдующій день приноситъ обратно по тихимъ, словно вымершимъ улицамъ. Всюду безпорядочныя шествія и крики, пьянство, ругань, своеволіе; военная организація трещитъ по всѣмъ швамъ, или, какъ говорятъ типографщики о наборѣ, „весь шрифтъ смѣшался!“ [2]). Такъ обстоятъ дѣла въ Нанси въ первыхъ числахъ августа, стало быть, меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ торжественнаго Праздника Пикъ..

---

[1]) Bouille, I, c. 9.

[2]) Deux Amis, V, c. 8.

Конечно, конституціонному патріотизму въ Парижѣ и другихъ мѣстахъ есть отъ чего содрогнуться при этихъ извѣстіяхъ. Военный министръ Латуръ дю Пэнъ, задыхаясь, прибѣгаетъ въ національное собраніе, съ письменнымъ извѣщеніемъ, что „все въ огнѣ, tout brûle, tout presse!“ Національное собраніе, подъ впечатлѣніемъ первой минуты, уступая желанію военнаго министра, издаетъ декретъ, „предписывающій вернуться къ повиновенію и раскаяться“,— авось не поможетъ ли хоть это. Журналисты, со своей стороны, вопятъ во все горло, издавая хриплые крики осужденія или элегическаго сочувствія. Поднимаютъ голосъ и сорокъ восемь секцій; въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи гремитъ зычный голосъ пивовара, или какъ его называютъ теперь, полковника Сантерра. Оказывается, что, тѣмъ временемъ, солдаты Нанси прислали депутацію изъ десяти человѣкъ, снабженную документами и доказательствами, говорящими совсѣмъ другое, чѣмъ исторія о „tout brûle“. Но бдительный Латуръ дю Пэнъ велитъ схватить этихъ десять депутатовъ прежде, чѣмъ имъ удается добраться до залы собранья, и по приказу мэра Бальи ихъ сажаютъ въ тюрьму! Это было явнымъ нарушеніемъ конституціи, такъ какъ они имѣли отпускъ отъ своихъ офицеровъ. Въ отвѣтъ на это, Сентъ-Антуанское предмѣстье, въ негодованіи и опасаясь за будущее, запираетъ лавки. Вѣдь, возможно, что Буле измѣнникъ и продался Австріи; возможно, что бѣдные солдаты возмутились именно изъ патріотизма!

Новая депутація, на этотъ разъ депутація отъ національныхъ гвардейцевъ, отправляется изъ Нанси, чтобы просвѣтить національное собраніе. Она встрѣчаетъ возвращающихся прежнихъ десять депутатовъ, которыхъ, сверхъ ожиданія, не повѣсили, и продолжаетъ свой путь съ лучшими надеждами, но также не достигаетъ ничего. Депутаціи, гонцы отъ правительства, скачущіе ординарцы, тысячеголосые тревожные слухи носятся безпрестанно взадъ и впередъ, распространяя смятеніе. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ августа, де Мальсень, выбранный инспекторомъ и снабженный полномочіями, деньгами и „декретомъ отъ 6-го августа“, отправляется на мѣсто мятежа. Онъ долженъ постараться ликвидировать задержанныя уплаты, оказать правосудіе или, по меньшей мѣрѣ, подавить возмущеніе.

ГЛАВА V.

Инспекторъ Мальсень.

Инспекторъ Мальсень, при ближайшемъ изученіи, оказывается мужчиной съ „геркулесовской фигурой“ и представляетъ, со своими огромными усами— такъ какъ роялистскіе офицеры теперь оставляютъ верхнюю губу небритой — довольно страшный видъ; онъ надѣленъ не только неукротимымъ мужествомъ быка, но, къ несчастью, и его тупоголовымъ упорствомъ.

Въ четвергъ, 24-го августа 1790 года, онъ открываетъ сессію, въ качествѣ инспектирующаго коммиссара, въ которой принимаютъ участіе „выборные капралы и умѣющіе писать солдаты“. Онъ находитъ, что счеты полка Шато-Вье запутаны, что ихъ надо отложить и сдѣлать справки, начинаетъ говорить, порицать и кончаетъ среди громкаго ропота. На слѣдующее утро онъ возобновляетъ засѣданіе, но не въ городской ратушѣ, какъ совѣтовали осторожные муниципальные совѣтники, а снова въ казармахъ. Къ несчастью, Шато-Вье, проворчавшій всю ночь, не хочетъ теперь ничего слышать об отсрочкѣ или справкахъ. Мальсень отъ увѣщаній переходитъ къ угрозамъ, но на все ему отвѣчаютъ неумолкающими криками: „Jugez toutdesuite, рѣшайте сейчасъ!“ Мальсень, въ ярости, хочетъ уйти. Но, оказывается, Шато-Вье, толпящійся на дворѣ казармъ, поставилъ у всѣхъ воротъ часовыхъ, которые, на требованіе коммиссара, поддержанное и полковымъ командиромъ Дену, отказываются пропустить

его; онъ слышитъ только „Jugez tout de suite“. Тутъ узелъ, который надо распутать!

Мальсень, храбрый, какъ быкъ, обнажаетъ саблю и хочетъ пробиться къ выходу. Происходитъ свалка. Сабля Мальсеня ломается, онъ выхватываетъ саблю у командира Дену, ранитъ часового и пробивается сквозь ворота, такъ какъ его не рѣшаются убить. Солдаты Шато-Вье въ безпорядкѣ преслѣдуютъ его;—какое зрѣлище для жителей Нанси! Мальсень идетъ быстрымъ шагомъ, однако, не бѣжитъ, оборачивается отъ времени до времени, съ угрозами махая саблей, и достигаетъ невредимымъ дома Дену. Возбужденные солдаты осаждаютъ этотъ домъ, но пока не входятъ, такъ какъ ихъ не пропускаетъ кучка офицеровъ, стоящая на лѣстницѣ. Мальсень, обходными путями, подъ прикрытіемъ національныхъ гвардейцевъ, возбужденный, но не трусящій, возвращается въ городскую ратушу. Оттуда онъ, на слѣдующее утро, издаетъ новые приказы, новые проекты соглашенія съ Шато-Вье, но ни одного изъ нихъ солдаты не желаютъ принимать; наконецъ, среди страшнаго шума, онъ издаетъ приказъ полку Шато-Вье выступить на слѣдующее утро и перейти на стоянку въ Саррлуи. Солдаты наотрѣзъ отказываются повиноваться. Мальсень составляетъ объ этомъ отказѣ „актъ“. нотаріальный протестъ по всей формѣ, – если бъ только онъ могъ помочь ему!

Наступаетъ конецъ четверга, а съ нимъ и конецъ инспекторства Мальсеня, продолжавшагося около пятидесяти часовъ. Но за эти пятьдесятъ часовъ онъ, къ несчастью, завелъ дѣло довольно далеко. Местръ-де-Кампъ и Королевскій полкъ еще колеблются въ нерѣшимости; но солдаты Шато-Вье, какъ мы видимъ, потеряли всякое самообладаніе. Ночью адъютантъ Лафайета, находящійся здѣсь для подобныхъ случаевъ, посылаетъ во всѣ стороны экстренныхъ гонцовъ, чтобы призвать національныхъ гвардейцевъ. Сонъ деревни нарушается топотомъ копытъ, громкимъ стукомъ въ двери; всюду конституціоналистамъ патріотамъ приходится облекаться въ военные доспѣхи и отправляться въ Нанси.

И вотъ нашъ Геркулесъ-инспекторъ сидитъ весь четвергъ среди объятыхъ страхомъ муниципальныхъ совѣтниковъ, въ центрѣ шумнаго смятенія; сидитъ весь четвергъ, пятницу и до полудня субботы. Полкъ Шато-Вье, несмотря на нотаріальный протестъ, не желаетъ двинуться ни на шагъ. Около четырехъ тысячъ національныхъ гвардейцевъ приходятъ по-одиночкѣ или отрядами, въ неизвѣстности о томъ, чего отъ нихъ ожидаютъ; еще менѣе извѣстно, чего можно ожидать отъ нихъ. Все полно неизвѣстности, возбужденія и подозрѣній: ходятъ слухи, что Буль, начавшій подвигаться къ сельскимъ стоянкамъ, дальше на востокъ, просто роялистскій заговорщикъ, что Шато-Вье и патріотизмъ проданы Австріи, и что Мальсень, вѣроятно, какой-нибудь австрійскій агентъ. Настроеніе полковъ Местръ-де-Кампъ и Королевскаго становится все болѣе и болѣе сомнительнымъ; полкъ Шато-Вье и не думаетъ уходить; солдаты его въ страстномъ возбужденіи „провозятъ по улицамъ развѣвающіеся на двухъ телѣгахъ красные флаги“, а на слѣдующее утро отвѣчаютъ своимъ офицерамъ: „Уплатите намъ жалованье, и мы пойдемъ съ вами хоть на край свѣта!“

Среди такихъ то обстоятельствъ Мальсеню около полудня въ субботу приходитъ въ голову, что недурно было бы осмотрѣть городскія стѣны; — онъ садится на лошадь и ѣдетъ, въ сопровожденіи трехъ всадниковъ. У городскихъ воротъ онъ приказываетъ двоимъ изъ нихъ дожидаться его возвращенія, а съ третьимъ, надежнымъ человѣкомъ, скачетъ въ Люневилль, гдѣ стоитъ одинъ карабинерскій, еще не взбунтовавшійся полкъ. Оба оставшихся кавалериста вскорѣ начинаютъ безпокоиться, догадываются, въ чемъ дѣло, и поднимаютъ тревогу. Около сотни солдатъ изъ полка Местръ-де-Кампъ съ величайшей поспѣшностью, словно они уже проданы Австріи, сѣдлаютъ лошадей и скачутъ, сбившись въ кучу, въ погоню за своимъ инспекторомъ. И они, и онъ, несутся карьеромъ, съ шумомъ и звономъ, по долинѣ рѣки Мерты, въ направленіи Люневилля и полуденнаго солнца, къ изумленію страны, и почти къ своему собственному.

Какая гонка! Точно погоня за Актеономъ; но на этотъ разъ Актеонъ-Мальсень, по счастью, уходитъ. Къ оружію, люневилльскіе карабинеры! Накажите бунтовщиковъ, оскорбляющихъ вашего генерала, вашъ гарнизонъ; а, главное, стрѣляйте скорѣе, чтобы вы еще не успѣли сговориться и не отказались стрѣлять! И карабинеры стрѣляютъ поспѣшно, цѣлясь въ первыхъ солдатъ Местръ-де-Кампъ, которые вскрикиваютъ при видѣ огня и, какъ обѣзумѣвшіе, несутся во весь опоръ обратно въ Нанси. Всѣ въ паническомъ страхѣ и ярости: они несомнѣнно проданы Австріи по стольку-то за каждый полкъ; приводятся даже точныя суммы,—а предатель Мальсень бѣжалъ! Помогите, небо и земля, помогите, неумытые патріоты; вы такъ же проданы, какъ и мы!

Раздраженный Королевскій полкъ заряжаетъ ружья, весь Местръ-де-Кампъ сѣдлаетъ лошадей; командиръ Дену схваченъ и брошенъ въ тюрьму въ холстинной рубахѣ (sarrau de toile); Шато-Вье разбиваетъ магазины и раздаетъ „три тысячи ружей“ патріотамъ изъ народа: Австрія получитъ теплую встрѣчу. Увы, злосчастныя охотничьи собаки упустили, какъ мы сказали, своего охотника и теперь бѣгаютъ, съ визгомъ и воемъ, какъ бѣшенныя, не зная, по какому слѣду бѣжать!

И вотъ, они выступаютъ ночью шумнымъ походомъ, съ остановкой на высотахъ Флепваля, откуда можно видѣть освѣщенный Люневилль. Затѣмъ, въ четыре часа, происходятъ долгіе переговоры, послѣ чего устанавливается, наконецъ, соглашеніе; карабинеры уступаютъ, и Мальсень выдается при взаимныхъ извиненіяхъ. Послѣ долгихъ часовъ суеты удается тронуться въ путь. Такъ какъ день свободный, воскресный, то люневилльцы всѣ выходятъ посмотрѣть на это выступленіе взбунтовавшагося полка съ его плѣнникомъ. Ряды солдатъ проходятъ; люневилльцы смотрятъ. Вдругъ на первомъ же поворотѣ улицы нашъ храбрый инспекторъ полнымъ карьеромъ бросается въ сторону и ускользаетъ невредимымъ подъ звонъ сабель и трескъ ружей; одна пуля засѣла только въ его кожаной курткѣ. Вотъ такъ Геркулесъ! Но бѣгство это безполезно. Карабинеры, къ которымъ онъ возвращается послѣ долгой скачки, совершивъ большой кругъ, „стоятъ у ночныхъ сторожевыхъ огней“, совѣщаясь объ Австріи, объ измѣнникахъ, объ ярости солдатъ Местръ-де-Кампъ. Словомъ, слѣдующая картина представляетъ намъ храбраго Мальсеня ѣдущимъ въ понедѣльникъ, въ открытомъ экипажѣ по улицамъ Нанси, подъ обнаженной саблей стоящаго позади него солдата, среди толпы „разъяренныхъ женщинъ“, рядовъ національныхъ гвардейцевъ и настоящаго вавилонскаго столпотворенія. Его везутъ въ тюрьму, гдѣ онъ составитъ компанію командиру Дену! Вотъ на какую квартиру попадаетъ въ заключеніе инспекторъ Мальсень [1]).

По истинѣ, пора пріѣхать генералу Буйе. Вся окрестная страна, напуганная сторожевыми огнями, освѣщенными городами, маршировками и бродящими толпами, не спитъ уже нѣсколько ночей подрядъ. Нанси, съ его ненадежными національными гвардейцами, съ розданными ружьями, бунтующими солдатами, мрачной паникой и пылающей яростью, представляетъ уже не городъ, а Бедламъ.

ГЛАВА VI.

Буйе въ Нанси.

Поторопись съ помощью, храбрый Буйе; если помощь придетъ не скоро, то все дѣйствительно „загорится“, и неизвѣстно, до какихъ предѣловъ можетъ распространиться пожаръ! Многое, въ эти часы, зависитъ отъ Буйе; успѣхъ его или неудача направятъ ходъ всего будущаго въ ту или другую сторону.

[1]) Deux Amis, V, 206—251. Газеты и документы (Hist. Parl. VII, 59—162).

Если, напримѣръ, онъ будетъ медлить въ нерѣшимости и не пріѣдетъ, или пріѣдетъ и ничего не достигнетъ, то вся французская армія будетъ объята мятежомъ; національные гвардейцы примкнутъ кто туда, кто сюда; роялизмъ обнажитъ рапиру, санкюлоты схватятся за пики, а духъ якобинства, еще юный и опоясанный лучами солнца, разомъ созрѣетъ и опояшется кольцомъ адскаго огня:—бываетъ, вѣдь, что у людей, за одну ночь смертельнаго кризиса, головы сѣдѣютъ!

Храбрый Булье, по прежнему непоколебимый, быстро приближается, но, къ сожалѣнію, съ востока, запада и сѣвера онъ получаетъ лишь „ничтожныя подкрѣпленія"; и вотъ, во вторникъ утромъ, въ послѣдній день августа, онъ уже стоитъ, въ полномъ комплектѣ, хотя все еще съ незначительными силами, у деревни Фруардъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Нанси. Есть ли во всемъ мірѣ въ этотъ вторникъ утромъ другой сынъ Адама, который стоялъ бы передъ такой же трудной задачей, какъ задача Булье? Передъ нимъ волнующееся, легко воспламеняющееся море сомнѣній и опасностей, а онъ увѣренъ только въ одномъ: въ своей собственной рѣшимости. Правда, это одно стоитъ многаго. Онъ твердо и мужественно идетъ навстрѣчу опасности. „Подчиненіе, или безпощадный бой и истребленіе; двадцать четыре часа на размышленіе"—таково содержаніе его воззванія, посланнаго наканунѣ въ тридцати экземплярахъ въ Нанси. Какъ оказывается, всѣ они были перехвачены и не доставлены [1]).

Тѣмъ не менѣе, въ половинѣ двѣнадцатаго утра, является къ нему въ Фруардъ депутація отъ мятежныхъ полковъ и муниципалитета Нанси, какъ будто съ отвѣтомъ на его воззваніе, на самомъ же дѣлѣ, чтобы узнать, что остается дѣлать. Булье принимаетъ эту депутацію „на широкомъ, открытомъ дворѣ, прилегающемъ къ его квартирѣ", въ присутствіи умиротвореннаго Сальмскаго полка и другихъ, призванныхъ и пока еще хорошо настроенныхъ полковъ. Мятежники высказываются съ рѣшимостью, которую Булье находитъ дерзкой; по счастью для него, такого же мнѣнія и Сальмцы. Забывъ мецскую лѣстницу и саблю, они требуютъ, чтобы негодяи были тотчасъ же „повѣшены". Булье отклоняетъ повѣшеніе, но отвѣчаетъ, что для взбунтовавшихся солдатъ существуетъ только одинъ путь: съ искреннимъ раскаяніемъ освободить г.г. Дену и Мальсеня, приготовиться немедленно къ выступленію, куда онъ прикажетъ, и „подчиниться и раскаяться", согласно постановленію національнаго собранія и требованію, предъявленному имъ вчера въ тридцати отпечатанныхъ плакатахъ. Таковы условія Булье, непреложныя, какъ велѣнія судьбы. Такъ какъ депутаты бунтовщиковъ, повидимому, не принимаютъ этихъ условій, то для нихъ лучше всего исчезнуть съ этого мѣста и даже сдѣлать это поскорѣе, потому что и Булье черезъ нѣсколько минутъ скажетъ только: Впередъ! Депутаты отъ мятежниковъ исчезаютъ довольно быстро, депутаты же отъ муниципалитета, въ преувеличенномъ опасеніи за свои особы, предпочитаютъ остаться при Булье.

Хотя храбрый Булье твердо идетъ навстрѣчу опасности, онъ отлично сознаетъ свое положеніе: онъ знаетъ, что въ Нанси, съ возмутившимися солдатами, ненадежными національными гвардейцами, и столькими розданными ружьями, бушуетъ и неистовствуетъ около десяти тысячъ способныхъ сражаться человѣкъ, въ то время какъ самъ онъ едва располагаетъ третью этого числа, да и эта треть также состоитъ изъ ненадежныхъ національныхъ гвардейцевъ и только что замиренныхъ полковъ, которые, въ настоящую минуту, правда, полны ярости и шумно требуютъ, чтобы ихъ двинули въ наступленіе; но въ слѣдующую минуту эта ярость и требованія могутъ принять совершенно другой и роковой оборотъ. Стоя самъ на вершинѣ бурной волны, Булье долженъ успокаивать другія, разбушевавшіяся волны. Ему остается только „отдаться въ

---

[1]) Сравн. Bouillé, Mémoires, I, 153—176; Deux Amis V, 251—271; Hist. Parl. см. выше.

руки Фортуны", которая, говорятъ, благосклонна къ храбрецамъ. Въ половинѣ перваго, послѣ того какъ депутаты отъ мятежниковъ уже исчезли, наши барабаны бьютъ: мы выступаемъ въ Нанси! Пусть городъ Нанси хорошенько поразмыслитъ, потому что Булье уже все обдумалъ и рѣшился.

Впрочемъ, можетъ ли разсуждать теперь Нанси? Это уже не городъ, а Бедламъ. Озлобленный Шато-Вье рѣшилъ защищаться до самой смерти; онъ заставляетъ муниципалитетъ приказать, барабаннымъ боемъ, чтобы всѣ граждане, знакомые съ артиллерійскимъ дѣломъ, выходили помогать при управленіи пушками. Съ другой стороны, возбужденный Королевскій полкъ выстроился въ своихъ казармахъ; онъ въ отчаяніи, услышавъ о настроеніи въ Сальмскомъ полку, и въ страхѣ тысячи голосовъ кричитъ: „L a l o i, l a l o i! Законъ, законъ!" Полкъ Местръ-де-Кампъ, колеблясь между страхомъ и злобой, кощунственно бранится, а національные гвардейцы только озираются вокругъ, не зная, что предпринять. Совсѣмъ безумный городъ! Сколько головъ, столько и плановъ, всѣ приказываютъ, никто не повинуется; всѣ въ тревогѣ, кромѣ мертвыхъ; мирно спящихъ подъ землей, покончивъ земную борьбу.

Булье держитъ свое слово; „въ половинѣ третьяго" развѣдчики доносятъ, что онъ уже всего въ полумилѣ отъ городскихъ воротъ; идетъ въ боевомъ порядкѣ, громыхая пушками, дыша разрушеніемъ. Навстрѣчу къ нему выходитъ новая депутація отъ мятежниковъ, отъ муниципалитета и отъ офицеровъ съ убѣдительной просьбой повременить еще часъ. Булье соглашается ждать часъ. Но когда, по истеченіи его, вопреки обѣщанію, ни Дену, ни Мальсень не появляются, онъ велитъ бить въ барабаны и снова двигается впередъ. Около четырехъ часовъ, объятые страхомъ жители могутъ видѣть его лицомъ къ лицу. Пушки его громыхаютъ на лафетахъ, авангардъ его въ тридцати шагахъ отъ воротъ Станислава. Онъ подвигается неудержимо, какъ планета, неудержимо пробѣгающая назначенный ей путь въ опредѣленное закономъ природы время. Что же дальше? Чу! взвивается мирный флагъ, и раздается сигналъ къ сдачѣ; Булье умоляютъ остановиться: Мальсень и Дену уже на улицѣ, идутъ сюда, солдаты раскаялись, готовы подчиниться и выступить изъ города. Желѣзное лицо Булье не измѣняется ни на іоту, но онъ приказываетъ остановиться: болѣе радостной минуты онъ никогда не переживалъ. О радость изъ радостей! Мальсень и Дену, дѣйствительно, проходятъ подъ эскортомъ національныхъ гвардейцевъ по улицамъ, обезумѣвшимъ отъ слуховъ о предательствѣ Австріи и тому подобномъ. Они здороваются съ Булье, оба совершенно невредимые. Онъ отходитъ въ сторону съ ними и съ отцами города, уже ранѣе приказавъ, въ какомъ направленіи и черезъ какія ворота должны выйти бунтовавшія войска.

Этотъ разговоръ съ двумя генералами и съ городскими властями былъ весьма естественъ; тѣмъ не менѣе, можно бы желать, чтобъ Булье отложилъ его и не отходилъ въ сторону. Не лучше ли было бы, при наличности такихъ бушующихъ, легко воспламеняющихся массъ, перемѣшивающихся одна съ другой и уступающихъ мѣсто другъ другу, при ѣдкой азотной кислотѣ, съ одной стороны, и сѣрнистомъ дымѣ съ пламенемъ, съ другой,—не лучше ли было бы стать м е ж д у ними и держать ихъ врозь, пока мѣсто не очистится? Много отсталыхъ изъ Шато-Вье и другихъ полковъ не вышли со своими главными отрядами, которые выступаютъ черезъ назначенныя ворота и останавливаются на открытомъ лугу. Національные гвардейцы находятся въ состояніи почти отчаянной нерѣшимости; вооруженная и невооруженная чернь бунтуетъ на улицахъ, явно охваченная бредомъ, и вопитъ объ измѣнѣ, о продажѣ австрійцамъ, о продажѣ аристократамъ. Посрединѣ толпы стоятъ заряженныя пушки съ горящими фитилями, а авангардъ Булье находится всего въ тридцати шагахъ отъ воротъ. Эта безумная, охваченная слѣпой яростью, легко воспламеняющаяся масса, которая колышется какъ дымъ, не повинуется никакимъ приказаніямъ, не хочетъ отворять воротъ; говоритъ, что скорѣе откроетъ жерла своихъ пушекъ! — „Не стрѣляйте, друзья, или стрѣляйте черезъ мое тѣло!" кричитъ юный герой Де-

зилль, капитанъ Королевскаго полка, обхвативъ руками смертоносное орудіе и не выпуская его. Швейцарцы Шато-Вье соединенными усиліями оттаскиваютъ юношу прочь, съ угрозами и проклятіями; однако онъ, не оробѣвъ, среди новаго взрыва проклятій, садится на запальное отверстіе. Шумъ и крики возрастаютъ, но увы, среди шума раздается трескъ,. сначала одного, потомъ трехъ ружейныхъ выстрѣловъ и пули, пронизавъ тѣло молодаго героя, повергаютъ его въ прахъ. Вь эту же минуту неистовой ярости кто-то прикладываетъ горящій фитиль къ заряженной пушкѣ,—и громоподобная отрыжка картечью взрываетъ на воздухъ около пятидесяти человѣкъ изъ авангарда Булье.

Фатально! Блескъ перваго ружейнаго выстрѣла вызвалъ пушечный выстрѣлъ и зажегъ факелъ смерти; теперь все превратилось въ раскаленное безуміе, въ адскій пожаръ. Съ демонической яростью авангардъ Булье устремляется въ ворота Станислава, сметаетъ мятежниковъ огненной метлой, загоняетъ ихъ въ объятія смерти или на чердаки и въ погреба, откуда они снова открываютъ огонь. Вышедшіе изъ города полки, остановившіеся на лугу, слышатъ это и устремляются обратно сквозь ближайшія городскія ворота; Булье скачетъ за ними, какъ безумный, но никто его не слушаетъ,—началась въ Нанси, какъ въ царствѣ смерти Нибелунговъ, „великая и жестокая бойня".

Ужасъ! Такія ужасающія сцены безцѣльнаго безумія небесный гнѣвъ допускаетъ лишь рѣдко среди людей! Изъ погребовъ и чердаковъ, на открытыхъ улицахъ, на всѣхъ углахъ и перекресткахъ, Шато-Вье и патріоты поддерживаютъ убійственный огонь противъ такого же убійственнаго, не антипатріотическаго огня. Синій капитанъ національныхъ гвардейцевъ, сражающійся, самъ не зная, за кого, и пронизанный пулями, требуетъ, чтобы его положили умирать на знамя; одна патріотка (имя ея неизвѣстно, сохранилась только память объ ея поступкѣ) кричитъ солдатамъ Шато-Вье, чтобъ они не стрѣляли изъ второй пушки, и даже выливаетъ въ нее ведро воды, когда крикъ ея остается безъ вниманія [1]). Ты долженъ драться, ты не долженъ драться, и съ кѣмъ тебѣ драться? Если бъ шумъ могъ разбудить древнихъ мертвецовъ, то Карлъ Смѣлый Бургундскій долженъ былъ бы встать изъ своей Ротонды; ни разу, съ того дня, какъ онъ, въ яростномъ бою, сошелъ въ могилу, потерявъ жизнь и алмазъ, въ этомъ городѣ не было слышно такого шума.

Три тысячи человѣкъ, по вычисленію нѣкоторыхъ, лежатъ изуродованные, окровавленные, половина солдатъ Шато-Вье разстрѣляна безъ всякаго полевого суда. Кавалерія Местръ-де-Кампъ и непріятельская немного смогутъ сдѣлать. Королевскій полкъ убѣдили остаться въ казармахъ, и онъ стоитъ тамъ въ трепетномъ ожиданіи. Булье, вооруженный ужасами закона и покровительствуемый фортуной, въ концѣ концовъ, торжествуетъ. Въ теченіе двухъ смертоносныхъ часовъ онъ неустрашимо, хотя и съ потерей сорока офицеровъ и пятисотъ солдатъ, пробился къ большой городской площади: разсѣянные остатки Шато-Вье ищутъ прикрытія. Королевскій полкъ, столь легко воспламенявшійся прежде, но, увы, уже остывшій, предлагаетъ сложить оружіе и „выступить въ четверть часа". Эти бѣдняги остыли даже настолько, что просятъ дать имъ „эскортъ", который и получаютъ, хотя ихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ и у каждаго изъ нихъ по тридцати патроновъ. Еще не сѣло солнце, какъ среди потоковъ крови заключается миръ, который могъ бы быть достигнутъ и безъ кровопролитія. Бунтовавшіе полки уходятъ, подавленные, по тремъ дорогамъ; а городъ Нанси оглашается воплями женщинъ и мужчинъ, оплакивающихъ своихъ убитыхъ, которые не проснутся болѣе; улицы пусты; по нимъ проходятъ только патрули побѣдителей.

Такимъ образомъ, фортуна, благосклонная къ храбрымъ, вытащила Булье изъ этой страшной опасности, какъ онъ самъ говоритъ, „за волосы". Неустрашимый, желѣзный человѣкъ, этотъ Булье; если бъ на мѣстѣ старика Брольи, въ Бастильскіе дни, стоялъ о н ъ, то все могло бы быть иначе! Онъ подавилъ

[1]) Deux Amis, V, 268.

фитилями, они принуждены обратиться вспять и переварить свое недовольство, или претворить его въ кровь.

Тѣмъ временемъ, въ Лотарингіи надъ раздавателями ружей, зачинщиками изъ полковъ Местръ-де-Кампъ и Королевскаго, назначается судъ; но ихъ такъ и не будутъ судить. Скорѣе рѣшается судьба Шато-Вье. По швейцарскимъ законамъ этотъ полкъ предается немедленно военному суду изъ собственныхъ офицеровъ. Военный судъ, со всею краткостью (въ нѣсколько часовъ), вѣшаетъ двадцать трехъ солдатъ на высокихъ висѣлицахъ; отправляетъ около шестидесяти въ кандалахъ на галеры, и такимъ образомъ, повидимому, кончаетъ это дѣло. Повѣшенные исчезаютъ на вѣки съ лица земли; но закованные въ кандалы на галерахъ воскреснутъ съ тріумфомъ. Воскреснутъ закованные герои и даже закованные мошенники или полумошенники! Шотландецъ Джонъ Ноксъ, какъ извѣстно, одинъ изъ міровыхъ героевъ, тоже нѣкогда сидѣлъ въ мрачномъ молчаніи на веслахъ, на французской галерѣ „въ водахъ Лорье“, какъ онъ говорилъ, и даже выбросилъ за бортъ образъ Дѣвы Маріи—вмѣсто того, чтобъ поцѣловать его,—какъ „раскрашенную доску“ или деревянную куклу, которая разумѣется, поплыла [1]). Итакъ, каторжники Шато-Вье, запаситесь терпѣніемъ и не теряйте надежды!

А въ Нанси торжествующая аристократія подобрала поводья. Булье покинулъ городъ на другой день, и аристократическій муниципалитетъ, у котораго руки развязаны, теперь такъ же жестокъ, какъ раньше былъ труслива. Филіальное отдѣленіе якобинскаго клуба, какъ первоисточникъ всего зла, позорно задавлено; тюрьмы переполнены, осиротѣлый, поверженный патріотизмъ ропщетъ не громко, но негодованіе его глубоко. Здѣсь и въ сосѣднихъ городахъ многіе носятъ въ петлицахъ „расплющенныя пули“, подобранныя на улицахъ Нанси: пули сплющились, неся смерть патріотамъ, и люди носятъ ихъ, какъ вѣчное напоминаніе объ отмщеніи. Дезертиры изъ бунтовщиковъ бродятъ по лѣсамъ и вынуждены просить милостыню, такъ какъ въ полкъ имъ нельзя вернуться. Всюду царитъ разложеніе, взаимное озлобленіе, уныніе и отчаяніе, пока не прибываютъ національные комиссары съ кроткимъ пламенемъ конституціонализма въ сердцахъ; они ласково поднимаютъ поверженныхъ, ласково спускаютъ слишкомъ высоко взобравшихся, водворяютъ обратно филіальное отдѣленіе якобинскаго клуба, призываютъ обратно дезертировавшихъ мятежниковъ, разумно стараются все постепенно сгладить и внести умиротвореніе. Такимъ кроткимъ постепеннымъ умиротвореніемъ, съ одной стороны, и торжественной панихидой, кассолетками, военными судами и благодарностями націи, съ другой—сдѣлано все, что можно было сдѣлать офиціально. Сплющенная пуля выпадетъ изъ петлицы, а черная земля, насколько возможно, опять позеленѣетъ.

Таково „дѣло Нанси“, называемое нѣкоторыми „рѣзней въ Нанси“. Собственно говоря, это неприглядная оборотная сторона трижды славнаго Праздника Пикъ, лицевая сторона котораго представляетъ зрѣлище, достойное боговъ. Лицевая и оборотная стороны всегда близки другъ къ другу; одна была въ іюлѣ, другая въ августѣ! Театры ставятъ въ блестящей обстановкѣ сцены этой „Федераціи французскаго народа“, передѣланной въ драму; „Дѣло Нанси“, правда, не игранное ни въ какомъ театрѣ, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ разыгрывалось, и даже жило, какъ призракъ, во всѣхъ французскихъ головахъ. Потому что вѣсти о немъ разносятся по всей Франціи, пробуждая въ городахъ и деревняхъ, въ клубахъ и столовыхъ, до самыхъ дальнихъ окраинъ, какой-нибудь мимическій рефлексъ, или повтореніе всего дѣла въ фантазіи, заканчивающееся всегда гнѣвнымъ утвержденіемъ или отрицаніемъ: это было правильно; это было неправильно. Изъ-за этого возникали споры, дуэли, ожесточеніе, праздная болтовня, которые повели къ ускоренію, расширенію и усиленію ожидающихъ насъ въ будущемъ взрывовъ.

---

[1]) Knox's Histoiry of the Reformation.

Между тѣмъ, той или иной цѣной, мятежъ, какъ мы видѣли, усмиренъ. Французская армія не разразилась всеобщимъ единовременнымъ безуміемъ, не была распущена, уничтожена и снова сформирована. Она должна была умирать медленною смертью, годами, вершокъ за вершкомъ; умирать отъ частичныхъ возмущеній, какъ бунтъ брестскихъ матросовъ и т. п., не распространявшихся дальше; отъ неудовольствія и недисциплинированности солдатъ; отъ еще большаго неудовольствія роялисткихъ усатыхъ офицеровъ, одиночками или группами переправляющихся за Рейнъ [1]). Болѣзненное неудовольствіе, болѣзненное отвращеніе съ обѣихъ сторонъ убивало армію, неспособную къ исполненію долга и въ заключеніе, послѣ долгихъ страданій, она умерла; но, подобно фениксу, возродилась окрѣпшею и становилась все сильнѣе и сильнѣе.

Такъ вотъ какова была задача, совершеніе которой рокъ возложилъ на храбраго Буле. Теперь онъ можетъ снова отойти на заднiй планъ, усердно заниматься обученіемъ войскъ въ Мецѣ, или на сельскихъ стоянкахъ, вести полную тайнъ дипломатію, ковать планы за планами, и парить, какъ невидимая блѣдная тѣнь, послѣдняя надежда королевской власти.

[1]) Dampmartin, I, 249 и д.

КНИГА III.

Тюльери.

ГЛАВА I.

Эпимениды.

Вполнѣ справедливо утвержденіе, что въ этомъ мірѣ нѣтъ ничего мертваго, и то, что мы называемъ мертвымъ, лишь измѣнилось, и силы его работаютъ въ обратномъ порядкѣ! „И въ листѣ, гніющемъ на сыромъ вѣтру, заключены силы“, сказалъ кто-то, „иначе, какъ могъ бы онъ гнить?“ Весь нашъ міръ представляетъ не что иное, какъ безконечный комплексъ силъ, отъ силы тяготѣнія до мысли и воли; свобода человѣка окружена необходимостью природы, и во всемъ этомъ ничто не засыпаетъ ни на мгновеніе, но все вѣчно бодрствуетъ и дѣйствуетъ. Мы никогда не найдемъ ничего обособленнаго, бездѣятельнаго, гдѣ бы мы его ни искали, начиная отъ медленно вывѣтривающихся съ сотворенія міра гранитныхъ утесовъ, до плывущаго облака, до живого человѣка, и даже до дѣйствія и высказаннаго человѣческаго слова. Произнесенное слово летитъ непреложно дальше, но еще болѣе того—произведенное дѣйствіе. „Сами боги“, поетъ Пиндаръ, „не могутъ уничтожить содѣяннаго“. Нѣтъ, то, что сдѣлано, сдѣлано на вѣки, брошено въ безконечность времени, и должно дѣйствовать въ немъ, или долго видимое, или скоро скрывающееся отъ нашихъ глазъ; должно расти, какъ новый, несокрушимый элементъ, въ безконечности вещей. Въ самомъ дѣлѣ, что же представляетъ эта безконечность вещей, которую мы называемъ Вселенной, какъ не дѣйствіе, не совокупность дѣйствій и дѣятельностей? Никакое счетное искусство не можетъ разнести по таблицамъ и подсчитать эти три данныхъ; но общая сумма ихъ ясно написана на всемъ, что дѣлалось, дѣлается и будетъ дѣлаться. Поймите хорошенько: все, что вы передъ собой видите, есть дѣйствіе, продуктъ и выраженіе примѣненной силы: совокупность вещей—не что иное, какъ безконечное спряженіе глагола Дѣлать. Безбрежный океанъ, источникъ силы, способности дѣйствовать, широкій, какъ безпредѣльность, глубокій, какъ вѣчность, прекрасный и въ то же время страшный, недоступный пониманію океанъ, въ которомъ сила, въ тысячахъ теченій, гармонически волнуется, перекатывается и кружится,—вотъ то, что люди называютъ существованіемъ и вселенной; это тысячецвѣтная огненная картина, которая по тому, какъ она отражается въ нашемъ жалкомъ мозгу и сердцѣ, является одновременно и покровомъ и обнаруженіемъ Единаго Неназываемаго, обитающаго въ неприступномъ свѣтѣ! Далеко по ту сторону млечнаго пути, еще до начала дней, волнуется и вращается она вокругъ тебя; даже самъ ты—часть ея на томъ мѣстѣ пространства, гдѣ ты стоишь и въ ту минуту, которую указываютъ твои часы.

Или, независимо отъ всякой трансцендентальной философіи, развѣ это не простая истина, почерпнутая изъ чувственныхъ воспріятій, и которую можетъ понять даже элементарнѣйшій умъ, что всѣ человѣческія дѣла безъ исключенія находятся въ постоянномъ движеніи, дѣйствіи и воздѣйствіи; что всѣ они постоянно стремятся, фаза за фазой и согласно неизмѣннымъ законамъ, къ предуказуннымъ цѣлямъ? Какъ часто намъ приходится повторять, и все же мы никакъ не можемъ хорошенько усвоить себѣ то, что сѣмя, посѣянное нами, взойдетъ. За цвѣтущимъ лѣтомъ приходить осень увяданія, и такъ устроено по отношенію не къ однимъ только посѣвамъ, а ко всѣмъ предпріятіямъ, учрежденіямъ, философскимъ и соціальнымъ системамъ, французскимъ революціямъ, короче, по отношенію ко всему, надъ чѣмъ дѣйствуетъ человѣкъ въ этомъ мірѣ. Начало заключаетъ въ себѣ конецъ и все, что ведетъ къ нему, подобно тому, какъ въ жолудѣ заключенъ дубъ и его судьбы. Это матеріалъ для серьезныхъ размышленій,—но, къ несчастью, а также и къ счастью, мы задумываемся надъ этимъ не особенно часто! Ты можешь начать; начало тамъ, гдѣ ты есть, и дано тебѣ; но гдѣ, какого рода и для кого будетъ конецъ? Все растетъ, ищетъ и претерпѣваетъ свою судьбу; подумайте, сколь многое растетъ подобно деревьямъ, независимо отъ того, думаемъ ли мы объ этомъ, или нѣтъ. Такъ что, когда Эпименидъ, вашъ сонливый Петеръ Клаусъ, названный впослѣдствіи Рипомъ ванъ Винклемъ, просыпается, то находитъ міръ измѣнившимся. За время его семилѣтняго сна измѣнилось очень многое! Все, что внѣ насъ, измѣнится незамѣтно для насъ самихъ, и многое даже изъ того, что внутри насъ. Истина, бывшая вчера безпокойной проблемой, сегодня превращается въ убѣжденіе, страстно требующее выраженія, а на завтра противорѣчіе подниметъ его до безумнаго фанатизма, или же препятствія подавляютъ его до болѣзненной инертности; оно погружается въ безмолвіе удовлетворенія или покорности. Для человѣка и для вещи сегодняшній день не то же, что вчерашній. Вчера были клятвы любви, сегодня—проклятія ненависти, и это происходитъ не умышленно, о, нѣтъ, но этого не могло не быть. Развѣ лучезарная улыбка юности захотѣла бы добровольно потускнѣть во мракѣ старости? Ужасно то, что мы, сыны Времени, созданные и сотканные изъ Времени, стоимъ окутанные и погруженные въ тайну Времени; и надъ нами, надо всѣмъ, что мы имѣемъ, видимъ, или дѣлаемъ, написано: Не останавливайся, не отдыхай, впередъ, къ твоей судьбѣ!

Но во времена революціи, отличающіяся отъ обыкновенныхъ временъ, главнымъ образомъ, своей быстротой, сказочный семилѣтній спунъ могъ бы проснуться гораздо раньше; ему не нужно было проспать ни сто, ни семь лѣтъ, ни даже семь мѣсяцевъ, чтобы, проснувшись, увидѣть чудеса. Представимъ себѣ, напримѣръ, что какой-нибудь новый Петеръ Клаусъ, утомленный празднествомъ Федераціи, рѣшилъ послѣ благословенія Таллейрана, что теперь все обстоитъ благополучно, и прилегъ заснуть подъ деревяннымъ навѣсомъ Алтаря Отечества, и что проспалъ онъ не двадцать одинъ годъ, а всего одинъ годъ съ однимъ днемъ. Далекая канонада въ Нанси не мѣшаетъ ему, не мѣшаютъ ни черное сукно, ни пѣніе реквіемовъ, ни пушечные залпы въ честь мертвецовъ, ни сковородки съ куреніемъ, ни шумная толпа надъ его головой; ничто не нарушаетъ его сна. Онъ спитъ круглый годъ, отъ 14-го іюля 1790 г. до 17-го іюля 1791 г.; но въ этотъ послѣдній день никакой Клаусъ, никакой сонный Эпименидъ, никто, кромѣ развѣ Смерти, не могъ бы спать: и нашъ необыкновенный Петеръ Клаусъ просыпается. Но что ты видишь, Петеръ! Небо и земля попрежнему сіяютъ улыбкой веселаго іюля и Марсово Поле кишитъ людьми, но знаки ликованія смѣнились безумнымъ воплемъ страха и мщенія; вмѣсто благословенія Таллейрана, или какихъ либо иныхъ благословеній, слышны лишь брань, проклятія и визгливый плачъ; пушечные салюты превратились въ залпы; вмѣсто качающихся кассолетокъ и развѣвающихся флаговъ восьмидесяти трехъ департаментовъ видно лишь кровавое Красное Знамя, Drapeau Rouge. Глупый Клаусъ! Одно заключалось въ другомъ, одно было другимъ, минусъ

время; точно такъ же, какъ разрывающій скалы уксусъ Ганнибала заключался въ сладкомъ молодомъ винѣ. Федерація была сладкимъ виномъ въ прошломъ году, и эта разлагающая кислота мятежа—то же самое вещество, ставшее только старше на опредѣленное количество дней.

Теперь нѣтъ уже никакого сказачнаго спуна Клауса или Эпименида; однако, развѣ иной человѣкъ, при надлежащемъ легкомысліи и близорукости, не могъ бы совершить то же самое чудо естественнымъ путемъ,—мы хотимъ сказать, совершить съ открытыми глазами? У него есть глаза, но онъ видитъ только то, что у него подъ носомъ. Съ живыми, сверкающими глазами, какъ будто онъ видитъ не просто, а все насквозь, онъ хвастливо и суетливо движется въ кругу своихъ официальныхъ обязанностей, не воображая, что это еще не весь міръ; вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, развѣ тамъ, гдѣ кончается нашъ кругозоръ, не начинается ничто, не открывается несомнѣнный конецъ міра—для насъ? Поэтому нашъ блестящій, усердный официалъ (назовемъ его, для примѣра, Лафайетомъ) внезапно, черезъ годъ и день, испуганный грохотомъ страшной пальбы картечью, смотритъ не менѣе изумленно, чѣмъ смотрѣлъ бы Петеръ Клаусъ. Такое естественное чудо можетъ совершиться не съ однимъ Лафайетомъ, и не только съ большинствомъ другихъ официальныхъ и неофиціальныхъ лицъ, но со всѣмъ французскимъ народомъ; всѣ вскочатъ, какъ проснувшіеся семилѣтніе спуны, дивясь шуму, который сами же они производятъ. Что за странная вещь свобода, заключенная въ необходимость; какой странный сомнамбулизмъ сознательнаго и безсознательнаго, добровольнаго и невольнаго, представляетъ изъ себя человѣческая жизнь! Если гдѣ нибудь на свѣтѣ изумлялись тому, что клятва федератовъ превратилась въ картечные выстрѣлы, то навѣрно французы, прежде клявшіеся, потомъ стрѣлявшіе, изумлялись больше всѣхъ.

Увы, столкновенія были неизбѣжны. Торжественный Праздникъ пикъ, съ сіяніемъ братской любви, какой не видано было со времени Золотого Вѣка, не измѣнилъ ничего; палящій жаръ въ сердцахъ двадцати пяти милліоновъ не охладился благодаря ему, но все еще горячъ, и даже сталъ горячѣе, послѣ того какъ со стольких милліоновъ снятъ гнетъ подчиненія и вообще всякій гнетъ или связывающій законъ, за исключеніемъ мелодраматической клятвы федераціи, которою они сами связали себя. Ты обязанъ—это изстари было условіемъ существованія человѣка, и его благо и благословеніе заключалось въ повиновеніи этой заповѣди. Горе человѣку, если, хотя бы подъ давленіемъ безусловнѣйшей необходимости, возмущеніе, измѣнническая обособленность и исключительное „я хочу“ становятся его руководящимъ правиломъ! Но явилось евангеліе отъ Жанъ-Жака, и совершено было его первое освященіе: все, какъ мы сказали, пришло въ состояніе сильнаго горѣнія, и будетъ продолжать бродить и горѣть, въ постоянномъ, замѣтномъ или незамѣтномъ, измѣненіи.

Усатые роялистскіе офицеры, „полные отвращенія“, одинъ за другимъ садятся на своихъ боевыхъ коней или Росинантовъ, и угрожающе переѣзжаютъ за Рейнъ, пока не уѣзжаютъ всѣ. Гражданская эмиграція тоже не прекращается; аристократы, одинъ за другимъ, точно такъ же уѣзжаютъ верхомъ или въ экипажахъ, добровольно или по принужденію. Даже крестьяне презираютъ тѣхъ, которые не имѣютъ мужества присоединиться къ своему сословію и сражаться [1]). Могутъ ли они переносить, чтобы имъ присылали по почтѣ прялку въ видѣ ли гравюры, или въ качествѣ деревянной дѣйствительности; или привѣшивали ее надъ ихъ дверью, словно они не Геркулесы, а Омфалы? Такіе гербы усердно посылаются имъ и съ того берега Рейна, пока и они, наконецъ, не зашевелятся и не тронутся съ мѣста; такъ уѣхали въ весьма дурномъ настроеніи духа многіе помѣщики, но не увезли съ собой свои земли. Впрочемъ, что говорить объ офицерахъ и эмигрировавшихъ дворянахъ? Нѣтъ ни одного злобнаго слова на языкѣ этихъ двадцати пяти милліоновъ французовъ, и ни одной злобной

---

[1]) Dampmartin.

мысли въ ихъ сердцахъ, которыя не представляли бы частицы великой борьбы. Соедините много гнѣвныхъ словъ, и вы получите рукопашную схватку; сложите всѣ схватки съ остающимися послѣ нихъ открытыми ранами, и получатся бунты и возстанія. Все, что было почтенно, по-очереди перестаетъ внушать почтеніе: видимый, матеріальный пожаръ истребляетъ одинъ замокъ за другимъ; невидимый, духовный—уничтожаетъ одинъ авторитетъ за другимъ. Съ шумомъ и яркимъ пламенемъ. или беззвучно и незамѣтно исчезаетъ по частямъ вся старая система: по утру смотришь, а ея ужъ нѣтъ.

ГЛАВА II.

Бодрствующіе.

Пусть спитъ, кто можетъ, убаюканный близорукой надеждой, подобно Лафайету, который „въ побѣжденной опасности всегда видитъ послѣднюю, грозившую ему",—Время не спитъ, не спитъ и его нива.

Не спитъ и священная коллегія герольдовъ новой династіи; мы говоримъ о шести съ лишнимъ десяткахъ расклейщиковъ газетъ съ ихъ жестяными бляхами. Вооружившись банкой съ клейстеромъ и шестомъ, они ежедневно заново оклеиваютъ стѣны Парижа во всѣ цвѣта радуги, какъ власть имущіе герольды, или чудодѣйственные волшебники, ибо они не наклеиваютъ ни одной афиши безъ того, чтобы не убѣдить ею одну или нѣсколько человѣческихъ душъ. Газетчики кричатъ, странствующіе пѣвцы поютъ; великій журнализмъ шумитъ и завываетъ всѣми глотками отъ Парижа до отдаленныхъ уголковъ Франціи, подобно гроту Эола, всюду поддерживая всевозможнаго рода огни.

Этихъ глотокъ или газетъ насчитываютъ [1]) не менѣе ста тридцати трехъ разныхъ калибровъ, отъ газетъ Шенье, Горсаза, Камилла, до газетъ Марата и только что начинающаго Гебера изъ „Père Duchesne". Одни выступаютъ, съ вѣскими аргументами или съ легкимъ, веселымъ остроуміемъ, за права человѣка; другіе, какъ Дюрозуа, Руаю, Пельтье, Сюлло, также различными пріемами, включая—странно сказать—нерѣдко и непочтительныя пародіи [2]), борятся за алтарь и тронъ. Что касается до Друга Народа Марата, то голосъ его подобенъ голосу воловьей лягушки или выпи въ пустынномъ болотѣ; никѣмъ не видимый онъ безостановочно каркаетъ, испуская хриплые крики негодованія, подозрѣнія, неутомимой скорби. Народъ идетъ навстрѣчу разоренію, даже голодной смерти „Дорогіе друзья мои, кричитъ Маратъ, ваша нужда не есть плодъ лѣни или пороковъ; вы имѣете точно такое же право на жизнь, какъ Людовикъ XVI, или счастливѣйшій человѣкъ нашего вѣка. Кто можетъ сказать, что имѣетъ право обѣдать, въ то время какъ у васъ нѣтъ хлѣба?" [3]) Съ одной стороны—гибнущій народъ, съ другой—одни ничтожные Sieurs'ы Мотье, предатели Рикетти Мирабо, словомъ всюду, куда ни взглянешь, измѣнники, тѣни и шарлатаны на высокихъ мѣстахъ! Жеманные, гримасничающіе, внутренне пустые люди со льстивыми словами и вычищеннымъ платьемъ; политическіе, научные и академическіе шарлатаны, связанные товарищескими чувствами и проникнутые нѣкотораго рода общимъ духомъ шарлатанства! Никто, даже самъ великій Лавуазье, ни одинъ изъ сорока безсмертныхъ не пощаженъ этимъ злобнымъ языкомъ, которому нельзя отказать въ фанатической искренности, и даже, какъ это ни странно, въ извѣстномъ грубомъ, ѣдкомъ остроуміи. А затѣмъ „три тысячи игорныхъ домовъ" въ Парижѣ, вертепы для всемірнаго мошенничества, трущобы порока и

---

[1]) Mercier III, 163.

[2]) Histoire Parl. VII, 51.

[3]) Ami du Peuple № 306. См. другія выдержки въ Hist. Parl. VIII, 139—149, 428—433; IX, 85—93.

преступленій,—тогда какъ безъ добрыхъ нравовъ свобода невозможна! Здѣсь, въ этихъ сатанинскихъ берлогахъ, которыя всѣмъ извѣстны и на которыя постоянно всѣ указываютъ, собираются и совѣщаются муштары сіера Мотье, подобно вампирамъ высасывающіе послѣднюю кровь изъ изголодавшагося народа. „О, народъ, часто восклицаетъ Маратъ раздирающимъ сердце тономъ. Измѣна, обманъ, мошенничество, кровопійство отъ начала до конца!" Душа Марата больна отъ этого зрѣлища: но чѣмъ помочь? Поставить „восемьсотъ висѣлицъ" правильными рядами, и начать вздергивать: „первымъ—Рикетти!" Таковъ краткій рецептъ Марата, Друга Народа.

Такъ шумятъ и волнуются сто тридцать три газеты, но, повидимому, ихъ недостаточно, потому что есть еще темные углы во Франціи, куда не достигаютъ газеты, а всюду „такая алчность на новости, какой не бывало еще ни въ одной странѣ". Даммартенъ, спѣшащій въ отпускъ изъ Парижа [1]), не можетъ добраться до дому, „потому что крестьяне останавливаютъ его дорогой и засыпаютъ вопросами"; почтмейстеръ не даетъ лошадей, пока вы съ нимъ почти не побранитесь, и все спрашиваетъ: что новаго? Въ Отенѣ, несмотря на темную ночь и „крѣпкій морозъ", ибо дѣло происходитъ въ январѣ 1791 г., ему приходится собирать свои усталыя мысли и члены и „говорить съ толпой изъ окна, выходящаго на базарную площадь". Онъ дѣлаетъ это въ самой сжатой формѣ: вотъ чѣмъ именно, добрые христіане, занимается, какъ мнѣ кажется, высокое собраніе; только эти новости я и могу сообщить вамъ.

Теперь усталыя уста я закрываю;
Оставьте меня, дайте мнѣ отдохнуть!

Добрый Даммартенъ!—Но, вѣдь, народы вообще остаются изумительно вѣрны своему національному характеру, какъ бы заключающемуся въ ихъ крови. Уже девятнадцать вѣковъ назадъ Юлій Цезарь своимъ быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ замѣтилъ, какъ галлы останавливаютъ на дорогѣ людей. „Они имѣютъ обыкновеніе", говоритъ онъ, „задерживать путешественниковъ даже противъ ихъ желанія, и распрашивать каждаго обо всемъ, что онъ слышалъ и знаетъ по тому или иному поводу; въ городахъ простой народъ окружаетъ проѣзжаго купца и спрашиваетъ, изъ какой онъ страны и что онъ тамъ узналъ. На основаніи этихъ разговоровъ и слуховъ, они принимаютъ иногда въ самыхъ важныхъ дѣлахъ рѣшенія, въ которыхъ имъ приходится раскаиваться уже въ слѣдующую минуту; тѣмъ болѣе, что многіе путешественники, чтобы доставить имъ удовольствіе, разсказываютъ иногда просто басни и затѣмъ продолжаютъ свой путь" [2]). Это было тысяча девятьсотъ лѣтъ назадъ, а нашъ добрый Даммартенъ еще и нынѣ, усталый отъ пути, долженъ говорить изъ окна гостиницы въ зимнюю стужу, при скудномъ мерцаніи звѣздъ и масляныхъ лампъ! Народъ, правда, не называется уже галльскимъ, онъ сталъ совершенно braccatus, носитъ панталоны и претерпѣлъ еще много измѣненій; гордые германскіе франки штурмомъ обрушились на него, вскочили ему, такъ сказать, на спину, взнуздали его съ своей жестокой настойчивостью и поѣхали на немъ верхомъ, потому что германецъ, уже по самому имени своему, человѣкъ войны Guerre-man или человѣкъ, который воюетъ. Въ настоящее время народъ этотъ называется франкскимъ или французскимъ; но развѣ старый галльскій или галло-кельтскій характеръ, съ его пылкостью, кипучимъ проворствомъ и всѣми хорошими и дурными своими свойствами не проявляется все еще въ довольно чистомъ видѣ?

Излишне и говорить, что при такомъ сильномъ броженіи и смятеніи клубы процвѣтаютъ и разростаются. Мать патріотизма, засѣдающая въ якобинскомъ храмѣ, превосходитъ всѣхъ своимъ блескомъ, и въ сіяніи ея уже блѣднѣетъ

[1]) Dampmartin, 184.

[2]) De bello gallico, lib. IV, 5.

слабый лунный свѣтъ близкаго къ угасанію монархическаго клуба. Да, она превосходитъ всѣхъ, повитая пока еще солнечными лучами, а не адскими молніями; муниципальныя власти относятся къ ней съ почтеніемъ и не безъ страха; въ средѣ ея насчитываются Барнавы, Ламеты, Петіоны изъ національнаго собранія, и къ наибольшей радости ея—Робеспьеръ. Зато кордельеры, съ ихъ Геберомъ, Венсаномъ, книготорговцемъ Моморо, громко ворчатъ на тиранію мэра и сіера Мотье, которые терзаютъ ихъ острымъ жаломъ закона, видимо намѣреваясь погубить ихъ придирками. Какъ якобинское общество „Мать" стряхиваетъ съ себя, съ одной стороны, кордельеровъ, съ другой — фельяновъ: кордельеровъ „какъ эликсиръ или двойной экстрактъ якобинскаго патріотизма", а фельяновъ — какъ широко распространившійся слабый растворъ его; какъ оно приметъ вновь первыхъ въ свое материнское лоно и бурно разсѣетъ вторыхъ въ ничто; какъ родитъ триста филіальныхъ обществъ и питаетъ ихъ путемъ переписки, трудовъ и неустанныхъ заботъ; какъ якобинизмъ, употребляя старое сравненіе, пускается органическія мочки до самыхъ отдаленныхъ угловъ смятенной и разлагающейся Франціи, организуя ее заново,—вотъ, собственно, въ чемъ заключается великое дѣло Времени.

Страстнымъ конституціоналистамъ, а еще болѣе роялистамъ, которые видятъ, какъ ихъ собственные клубы чахнутъ и проваливаются, естественно, эти учрежденія кажутся корнемъ всего зла. Тѣмъ не менѣе, клубы отнюдь не смерть, а скорѣе новая организація и жизнь, зарождающаяся изъ смерти, разрушительная, правда, для пережитковъ стараго, но важная, необходимая для новаго. Чудодѣйственная сила ихъ заключается въ томъ, что люди могутъ сообщаться и соединяться между собой для совмѣстной дѣятельности. Патріотизмъ уже не жалуется, подобно голосу въ пустынѣ, въ лачугѣ или деревушкѣ; онъ можетъ отправиться въ ближайшій городъ и тамъ, въ филіальномъ обществѣ, выразить свои жалобы въ членораздѣльной рѣчи или въ дѣйствіяхъ, пользуясь указаніями и руководствомъ самой матери патріотизма. Подобно мелкимъ источникамъ, всѣ конституціоналистскіе и имъ подобные клубы пропадаютъ одинъ за другимъ: одни якобинцы добрались до водъ подземнаго озера; они одни, подобно артизіанскому колодцу, могутъ, если не будутъ засыпаны, изливаться безпрерывной обильной струей, до тѣхъ поръ пока великая глубина не поднимется вся наверхъ, и не зальетъ, не затопитъ всего сильнѣе, чѣмъ во времена Ноева потопа!

Съ другой стороны, Клодъ Фоше, подготовляя человѣчество къ явно наступающему уже скоро Золотому Вѣку, открылъ около Пале-Рояля свой Cercle Social, съ секретарями, корреспондентскими бюро и т. д. Это Te-Deum Фоше, тотъ самый, который произнесъ надгробную рѣчь Франклину въ огромной ротондѣ Halle-aux-blés. Здѣсь, въ эту зиму онъ заставляетъ говорить о себѣ въ самыхъ отдаленныхъ кварталахъ города, при помощи прессы и мелодическихъ собесѣдованій. „Десять тысячъ почтенныхъ лицъ" ждутъ и слушаютъ этого Procureur Général de la Vérité, генеральнаго прокурора истины", какъ онъ самъ титуловалъ себя, слушаютъ и его мудраго Кондорсе или другого краснорѣчиваго помощника. Краснорѣчивый генеральный прокуроръ! Здѣсь онъ выдуваетъ изъ себя, хуже или лучше, свои зрѣлыя и незрѣлыя мысли, не безъ результата для себя, потому что это приноситъ ему епископство, хотя только конституціонное. Фоше—человѣкъ съ гибкимъ языкомъ, здоровыми легкими и пылкимъ характеромъ; у него достаточно матеріала для своихъ изліяній и матеріала не плохого: о правѣ, природѣ, любви къ ближнимъ, прогрессѣ. Какого рода этотъ матеріалъ: „пантеистическаго" ли, или просто корыстнаго,—надъ этимъ въ наши дни можетъ задуматься лишь самый незрѣлый умъ. Дѣятельный Бриссо давно уже намѣревался учредить именно такое возрождающее Общественное Собраніе, онъ даже пытался устроить его на „Ньюманстритѣ въ туманномъ Вавилонѣ, но потерпѣлъ неудачу, какъ говорятъ, обманнымъ образомъ прикарманивъ кассу. Не Бриссо, а Фоше суждено было быть счастливцемъ, и великодушный Бриссо отъ чистаго сердца споетъ по этому поводу довольно деревяннымъ голосомъ Nunc Do-

mine [1]). Но „десять тысячъ почтенныхъ лицъ!“ какой объемъ принимаютъ нѣкоторыя вещи по отношенію къ ихъ дѣйствительной величинѣ! Что такое, въ сущности, этотъ Cercle social, въ честь котораго Бриссо отъ чистаго сердца поетъ деревянное Nunc Domine? Къ несчастью, лишь тѣнь и вѣтеръ! Единственное, что можно заключить о немъ теперь, это слѣдующее: что нѣкогда „генеральный прокуроръ истины“ воплотился и жилъ, какъ сынъ Адама, на нашей землѣ, хотя только нѣсколько мѣсяцевъ или мгновеній, и что десять тысячъ почтенныхъ лицъ внимали ему, пока мракъ и хаосъ снова не поглотили его.

Сто тридцать три парижскихъ газеты; возрождающее Общественное Собраніе, рѣчи въ Обществѣ Матери и его филіальныхъ дочерей, съ балконовъ гостиницъ, у каминовъ, за обѣденнымъ столомъ—споры, часто кончающіеся дуэлями! Прибавьте къ этому въ видѣ непрестаннаго, ворчливаго, нестройнаго аккомпанимента недостатокъ работы, недостатокъ хлѣба! Зима сурова и морозна, оборванныя вереницы у булочныхъ попрежнему тянутся подобно чернымъ обтрепаннымъ траурнымъ флагамъ нищеты. Это нашъ третій голодный годъ, этотъ новый годъ славной революціи. Если богатаго человѣка, въ такое тяжелое время, приглашаютъ обѣдать, онъ считаетъ своей обязанностью, изъ вѣжливости, принести съ собой въ карманѣ хлѣба; какъ же обѣдаетъ бѣднякъ? И все это сдѣлала ваша знаменитая революція, кричатъ одни. Нѣтъ, это черные предатели, достойные всѣ висѣлицы, такъ испортили нашу славную революцію всякими кознями, кричатъ другіе. Кто могъ бы описать страшный водоворотъ, въ которомъ кружится Франція, раздираемая дикими несообразностями? Раздоровъ, поселившихся подъ каждой французской крышей, въ каждомъ французскомъ сердцѣ, всего вреднаго, что говорилось и дѣлалось, и что дало въ общей суммѣ французскую революцію, не въ силахъ выразить человѣческій языкъ. Тѣмъ менѣе можно опредѣлить законы, управлявшіе этими дѣйствіями и невидимо работавшіе въ глубинахъ этого страшнаго, слѣпого хаоса! Человѣкъ смотритъ на Неизмѣримое лишь съ изумленіемъ, не пытаясь его измѣрить; онъ не знаетъ его законовъ, видитъ только, въ зависимости отъ степени своихъ знаній, новыя фазы и слѣдствія событій, вызванныхъ этими законами. Франція представляетъ чудовищную гальваническую массу, въ которой дѣйствуютъ силы и субстанціи гораздо болѣе странныя, чѣмъ силы химическія, гальваническія или электрическія; онѣ заряжаютъ другъ друга положительнымъ и отрицательнымъ электричествомъ, и наполняютъ имъ наши Лейденскія банки—двадцать пять милліоновъ лейденскихъ банокъ! Когда банки будутъ заряжены, то отъ времени до времени, при малѣйшемъ толчкѣ, будутъ происходить взрывы.

ГЛАВА III.

Съ мечомъ въ рукѣ.

И вотъ, на такомъ то удивительномъ фундаментѣ должны держаться, пока возможно, законъ, королевство, авторитетъ и все существующее еще изъ видимаго порядка. Подобно смѣшенію четырехъ стихій въ анархической древности, верховное собраніе раскинуло свою палатку, подъ покровомъ мрачной безконечности раздоровъ, надъ колеблющейся бездонной пропастью и продолжаетъ безостановочно шумѣть. Вокругъ него Время, Вѣчность и Пустота, а оно дѣлаетъ, что можетъ, что ему опредѣлено.

Если мы еще разъ, почти съ отвращеніемъ, заглянемъ туда, то увидимъ мало поучительнаго: конституціонная теорія неправильныхъ глаголовъ, несмотря на безпрестанные перерывы, подвигается съ трудомъ, но настойчиво. Мирабо,

---

[1]) См. Brissot, Patriote-Français Newspaper, Fauchet, Bouche-de-Fer (взято изъ His. Parl. VIII. IX).

опираясь на силу своего имени и генія, удерживаетъ съ трибуны многіе порывы якобинцевъ, которые зато становятся шумнѣе въ якобинскомъ клубѣ, гдѣ ему приходится выслушивать даже рѣзкія замѣчанія [1]). Путь этого человѣка сомнителенъ, загадоченъ, труденъ, и онъ идетъ по нему одинъ. Чистый патріотизмъ теперь уже не считаетъ его въ числѣ своихъ избранниковъ; чистый роялизмъ относится къ нему съ ненавистью; тѣмъ не менѣе въ глазахъ міра онъ сохраняетъ подавляющее значеніе. Оставимъ же его идти одиноко, безъ спутниковъ, но неуклонно къ своей цѣли, пока ему еще свѣтитъ солнце, и ночь еще не наступила.

Однако, избранная клика чистыхъ патріотовъ мала; въ ней всего человѣкъ тридцать, сидящихъ на крайней лѣвой, отдѣленныхъ отъ всего міра. Добродѣтельный Петіонъ, неподкупный Робеспьеръ, самый стойкій и неподкупный изо всѣхъ тощихъ желчныхъ людей; тріумвиры Барнавъ, Ламетъ, Дюпоръ, изъ коихъ каждый въ своемъ родѣ великъ въ рѣчахъ, мысляхъ и дѣлахъ; худой старикъ Гупиль де Префельнъ: отъ нихъ и отъ ихъ послѣдователей будетъ зависѣть судьба чистаго патріотизма.

Здѣсь же, среди этихъ тридцати можно видѣть, хотя рѣдко слышать, Филиппа Орлеанскаго; онъ въ мрачномъ, смутномъ изумленіи передъ хаосомъ, къ которому пришелъ. Мысль о намѣстничествѣ и регентствѣ вспыхиваетъ иногда лучемъ на политическомъ горизонтѣ; въ самомъ національномъ собраніи дебатировался вопросъ о престолонаслѣдіи, „на случай, если бы теперешняя линія прекратилась“, и Филиппъ, какъ говорятъ, выходилъ и молча, въ тревогѣ, бродилъ по коридорамъ, пока длилось обсужденіе этого важнаго предмета: но ничего изъ этого не вышло. Мирабо, видѣвшій этого человѣка насквозь, воскликнулъ сильными, непереводимыми словами: „Ce j—f—ne vaut pas la peine qu'on se donne pour lui“. Ничего изъ этого не вышло, а тѣмъ временемъ, какъ говорятъ, у нашего Филиппа вышли деньги. Могъ ли онъ отказать въ маленькомъ пособіи даровитому патріоту, нуждавшемуся только въ деньгахъ,— онъ, самъ нуждавшійся во всемъ, кромѣ денегъ. Ни одинъ памфлетъ не можетъ быть напечатанъ безъ денегъ, ни даже написанъ безъ пищи, покупаемой на деньги. Безъ денегъ не можетъ двинуться съ мѣста даже вашъ подающій самыя большія надежды прожектеръ, и если индивидуально-патріотическіе и иные проекты требуютъ денегъ, то насколько же больше требуется ихъ для широкой сѣти интригъ, которыя живутъ и существуютъ деньгами и при распространеніи своемъ обнаруживаютъ чисто драконовскій аппетитъ къ нимъ, способный поглотить цѣлыя княжества! Такимъ образомъ, принцъ Филиппъ дѣйствуетъ все время среди своихъ Силлери, Лаклозовъ и другихъ темныхъ сыновъ ночи, какъ центръ весьма страннаго запутаннаго клубка, изъ котораго, какъ мы уже говорили, вышелъ сверхъестественный эпическій механизмъ подозрительности и внутри котораго таились орудія измѣны, интригъ, цѣлесообразнаго или безцѣльнаго стремленія къ злу; клубка, котораго никто изъ живущихъ (за исключеніемъ самого руководителя всѣми этими тайными планами) не могъ бы распутать. Предположеніе Камилла наиболѣе вѣроятно: по его мнѣнію, бѣдный Филиппъ, въ своихъ измѣнническихъ спекуляціяхъ, поднялся до извѣстной высоты, какъ раньше поднялся на одномъ изъ первыхъ баллоновъ, но испугавшись новаго положенія, въ какое попалъ, быстро открылъ клапанъ и спустился на землю—глупѣе, чѣмъ былъ, когда поднимался. Создать сверхъестественную подозрительность—вотъ что было его задачей въ эпосѣ революціи. Но теперь, потерявъ свой рогъ изобилія, можетъ ли онъ, сыпавшій деньгами, потерять что нибудь еще? Въ глубокомъ мракѣ, царящемъ вокругъ и внутри его, этотъ злополучный человѣкъ долженъ теперь брести, спотыкаться въ унылом элементѣ смерти. Одинъ или даже два раза мы еще увидимъ, какъ онъ поднимется, съ усиліемъ выбираясь изъ этого мрачнаго элемента, но

[1]) Газета Камилла (Hist Parl. IX 366—385).

тщетно. На одно мгновеніе—послѣднее—онъ поднимается, или выбрасывается даже къ свѣту, достигаетъ нѣкоторой извѣстности, а затѣмъ навѣки погружается во мракъ!

Côté Droit упорствуетъ не менѣе, даже съ большимъ одушевленіемъ, чѣмъ когда либо, хотя уже почти всякая надежда исчезла. Твердый аббатъ Мори отвѣчаетъ темному провинціальному роялисту, съ восторженной благодарностью пожимающему ему руку: „Hélas, monsieur, все, что я дѣлаю здѣсь, въ сущности все равно, что ничего", и качаетъ при этомъ непреклонной, мѣдной головой. Храбрый Фоссиньи, выступающій въ исторіи только одинъ этотъ разъ, устремляется, какъ безумный, на средину залы, восклицая: „Тутъ возможенъ только одинъ путь—напасть на этихъ молодцовъ съ обнаженной саблей (sabre à la main sur ces gaillards-la" [1]), при чемъ съ яростью указываетъ на депутатовъ крайней лѣвой! Поднимаются шумъ, гамъ, споры, покаянье,—и гнѣвъ испаряется. Тѣмъ не менѣе, положеніе становится явно невыносимымъ, и дѣло близится къ „разрыву"; эта злобная теоретическая выходка Фоссиньи произошла въ августѣ 1790 года, и еще до наступленія слѣдующаго августа, знаменитые двѣсти девяносто два избранника роялистовъ торжественно доводятъ „разрывъ" до конца, выходятъ изъ собранія, проникнутаго партійнымъ духомъ, и отрясаютъ его прахъ со своихъ ногъ.

По поводу сцены съ саблей слѣдуетъ отмѣтить еще одно обстоятельство. Мы уже не разъ говорили о безчисленныхъ дуэляхъ во всѣхъ частяхъ Франціи. При всякомъ поводѣ, спорщики и собутыльники бросали бокалъ и откладывали въ сторону оружіе разума и остроумія, предпочитая встрѣтиться на барьерѣ, чтобы разойтись окровавленными, или не разойтись, а пасть пронзенными сталью, испуская съ послѣднимъ дыханіемъ и жизнь, и гнѣвъ; словомъ, умереть, какъ умираютъ глупцы. Это продолжалось долго и продолжается до сихъ поръ. Но теперь это принимаетъ такой видъ, какъ будто въ самомъ національномъ собраніи предательскій роялизмъ съ отчаянія вступилъ на новый путь: истребленія патріотизма посредствомъ систематическихъ дуэлей! Бретеры, „spadassins" этой партіи расхаживаютъ, чванясь, но могутъ быть куплены за безцѣнокъ. Желтый глазъ журнализма видѣлъ, какъ „двѣнадцать spadassins, только что прибывшихъ изъ Швейцаріи", и „значительное количество убійцъ, nombre considérable d'assassins, упражнялись въ фехтовальныхъ школахъ и на мишеняхъ". Каждый значительный депутатъ-патріотъ можетъ быть вызванъ на дуэль; возможно, что онъ спасется разъ, десять разъ, но когда нибудь онъ неминуемо долженъ пасть, и Франціи придется оплакивать его. Сколько вызововъ получилъ Мирабо, особенно въ то время, когда былъ поборникомъ народа! Онъ получилъ ихъ сотни, но въ виду того, что раньше должна была быть составлена конституція, и время его было дорого, онъ отвѣчалъ на вызовы стереотипной фразой: „Monsieur, вы занесены въ мой списокъ, но предупреждаю васъ, что онъ длиненъ, и я никому не окажу предпочтенія".

Затѣмъ, осенью мы видимъ дуэль между Казалесомъ и Барнавомъ, двумя мастерами въ словесномъ бою, теперь стоящими другъ противъ друга, чтобы обмѣняться пистолетными выстрѣлами. Казалесъ, глава роялистовъ, которыхъ называли черными (les Noirs) сказалъ, въ порывѣ гнѣва, что „патріоты—чистые разбойники", и при этихъ словахъ устремилъ—такъ по крайней мѣрѣ показалось—огненный взглядъ на Барнава, который не могъ отвѣтить на это иначе, какъ такимъ же огненнымъ взглядомъ и встрѣчей въ Булонскомъ лѣсу. Второй выстрѣлъ Барнава попалъ въ шляпу Казалеса; передній уголъ поярковой треуголки, какія тогда были въ модѣ, задержалъ пулю и спасъ прекрасный лобъ отъ болѣе чѣмъ преходящей обиды. Но какъ легко могъ бы жребій пасть иначе, и шляпа Барнава не оказаться такой прочной, какъ шляпа Казалеса! Патріотизмъ начинаетъ громко обличать дуэли вообще и подаетъ верховному со-

---

[1]) Moniteur, Seance du 21 Août 1790.

бранію петицію о прекращеніи этого феодальнаго варварства путемъ закона. Дѣйствительно, варварство и безсмыслица! Развѣ можно убѣдить человѣка, или опровергнуть его мнѣніе, вогнавъ ему въ голову полъ-унціи свинца? Очевидно, нѣтъ. Якобинцы встрѣтили Барнава съ раскрытыми объятіями, но и съ выговорами.

Помня это и то обстоятельство, что въ Америкѣ онъ имѣлъ скорѣе репутацію безразсудной смѣлости и недостаточной разсудительности, чѣмъ недостаточнаго мужества, Шарль Ламетъ 11 ноября совершенно спокойно отклонилъ вызовъ нѣкоего молодого дворянина изъ Артуа, пріѣхавшаго спеціально затѣмъ, чтобъ вызвать его на дуэль. Вѣрнѣе, дѣло было такъ: сначала онъ хладнокровно принялъ вызовъ, а затѣмъ разрѣшилъ двумъ друзьямъ вступиться за него и пристыдить хорошенько молодого человѣка, что тѣ съ успѣхомъ и выполнили. Эта хладнокровная процедура удовлетворила всѣ стороны: и обоихъ друзей Ламета, и пылкаго дворянина; можно было думать, что этимъ дѣло кончилось.

Однако, не тутъ-то было. Когда Ламетъ подъ вечеръ отправляется къ исполненію своихъ сенаторскихъ обязанностей, его встрѣчаютъ въ коридорахъ собранія такъ называемые роялистскіе brocards: шиканье, свистки и открытыя оскорбленія. Человѣческое терпѣніе имѣетъ границы. „Monsieur", обращается Ламетъ къ нѣкоему Лотреку, съ горбомъ или какимъ то другимъ физическимъ уродствомъ, но острому на языкъ и къ тому же черному изъ черныхъ:—„monsieur, если бъ вы были человѣкомъ, съ которымъ можно драться!"—„Я—такой человѣкъ", крикнулъ молодой герцогъ де Кастри. Ламетъ съ быстротою молніи отвѣчаетъ: „Tout à l'heure, сейчасъ же!" И вотъ въ то время, какъ тѣни густѣютъ въ Булонскомъ лѣсу, мы видимъ, какъ двое мужчинъ со львиными взглядами, въ боевомъ положеніи, однимъ бокомъ впередъ, выставивъ правую ногу, ударами и толчками stoccado и passado, въ терціяхъ и квартахъ скрещиваютъ клинки, съ явнымъ намѣреніемъ проколоть другъ друга. Вдругъ, опрометчивый Ламетъ дѣлаетъ бѣшеный выпадъ, чтобъ пронзить противника, но проворный Кастри отскакиваетъ въ сторону, Ламетъ колетъ въ пространство— и глубоко ранитъ себѣ вытянутую лѣвую руку о кончикъ шпаги Кастри. Затѣмъ кровь, блѣдность, перевязки, формальности, и дуэль считается удовлетворительно проведенной,

Но что же, неужели этому никогда не будетъ конца? Любимый Ламетъ лежитъ съ глубокой, не безопасной раной. Черные предатели аристократы убиваютъ защитниковъ народа, истребляютъ ихъ не доводами разсудка, а ударами клинковъ; двѣнадцать бретеровъ изъ Швейцаріи и значительное количество убійцъ упражняются на мишеняхъ! Такъ размышляетъ и восклицаетъ раненый патріотизмъ въ теченіи тридцати шести часовъ, со все разростающимся и распространяющимся возбужденіемъ.

Черезъ тридцать шесть часовъ, въ субботу 13-го можно видѣть новое зрѣлище: улица Варениъ и прилегающій бульваръ Инвалидовъ покрыты пестрой, волнующейся толпой. Отель Кастри превратился въ сумасшедшій домъ, словно одержимый дьяволомъ: изо всѣхъ оконъ летятъ „кровати съ простынями и занавѣсами", серебряная и золотая посуда, филиграны, зеркала, картины, комоды, гравюры, шифоньерки и звенящій фарфоръ, среди громкаго ликованія народа, причемъ не крадутъ ничего, ибо все время раздается крикъ: „Кто украдетъ хоть гвоздь, будетъ повѣшенъ". Это плибисцитъ или неоформленный иконоборческій приговоръ простого народа, который приводится въ исполненіе!—Муниципалитетъ дрожитъ, обсуждая, не вывѣсить ли ему красный флагъ и не провозгласить ли Военный законъ. Въ національномъ собраніи одна часть громко жалуется, другая съ трудомъ удерживается отъ знаковъ одобренія; аббатъ Мори не можетъ рѣшить, простирается ли число иконоборческой черни до сорока или до двухсотъ тысячъ.

Депутаціи и гонцы—потому что отель Кастри довольно далеко отъ Сены—приходятъ и уходятъ. Лафайетъ и національные гвардейцы, хотя безъ краснаго флага, выступаютъ, но безъ особой поспѣшности. Прибывъ на мѣсто дѣйствія, Лафайетъ даже кланяется народу, снявъ шляпу, прежде чѣмъ приказать примкнуть штыки. Что толку? Плебейскій „кассаціонный судъ“, по остроумному выраженію Камилла, сдѣлалъ свое дѣло, и выходитъ въ разстегнутыхъ жилетахъ, съ вывернутыми карманами; это былъ разгромъ, справедливое опустошеніе, но не грабежъ! Съ неисчерпаемымъ терпѣніемъ герой двухъ частей свѣта уговариветъ народъ; съ мягкой убѣдительностью, хотя и съ примкнутыми штыками успокаиваетъ и разсѣиваетъ толпу; на утро все снова принимаетъ обычный видъ.

Въ виду этихъ событій, герцогъ Кастри имѣетъ достаточно основаній „написать президенту“, даже переправиться черезъ границу, чтобы набрать войска и вообще дѣлать, что ему угодно. Роялизмъ совершенно отказывается отъ своей системы спора на клинкахъ, и двѣнадцать бретеровъ возвращаются въ Швейцарію, а можетъ быть, и въ царство фантазіи словомъ, къ себѣ на родину. Издатель Прюдомъ уполномоченъ даже опубликовать слѣдующее любопытное заявленіе: „Мы уполномочены сообщить во всеобщее свѣдѣніе“, говоритъ этотъ тяжелый и скучный публицистъ, „что г. Буайе, защитникъ добрыхъ патріотовъ стоитъ во главѣ пятидесяти Spadassinicide, или бретероубійцъ. Адресъ его: Проѣздъ Булонскаго лѣса, Предмѣстье Сенъ-Дени“ [1]. Что за странное учрежденіе, этотъ институтъ Буайе съ его бретероубійцами! Однако, его услуги уже больше не нужны, такъ какъ роялизмъ отказался отъ рапирной системы, какъ совершенно непригодной.

ГЛАВА IV.

Бѣжать или не бѣжать.

Въ сущности, роялизмъ видитъ, что печальный конецъ его съ каждымъ днемъ все ближе и ближе. Изъ за Рейна удостовѣряютъ, что король у себя въ Тюльери уже болѣе не свободенъ. Офиціально бѣдный король можетъ опровергать это, но въ сердцѣ своемъ часто чувствуетъ, что это несомнѣнно такъ. Даже на такія мѣры, какъ гражданское устройство духовенства и декретъ объ изгнаніи диссидентскихъ священниковъ, противъ чего возстаетъ его совѣсть, онъ не можетъ сказать: Нѣтъ, и послѣ двухмѣсячныхъ колебаній подписываетъ и эти декреты. Онъ подписываетъ „21-го января“ 1791 года—къ огорченію его бѣднаго сердца, въ другое 21-е января! Такимъ образомъ, мы имѣемъ изгнанныхъ диссидентскихъ священниковъ, непобѣдимыхъ мучениковъ въ глазахъ однихъ, неисправимыхъ ябедниковъ и предателей—въ глазахъ другихъ. То, что мы нѣкогда предвидѣли, теперь осуществилось: религія, или ея лицемѣрные отголоски образовали во всей Франціи новый разрывъ, осложняющій, обостряющій всѣ прежніе, разрывъ, который въ Вандеѣ, напримѣръ, можетъ быть излеченъ только рѣшительной хирургіей!

Несчастный король, несчастный его величество, наслѣдственный представитель, Représentant Héréditaire, или какъ бы его ни называть! Отъ него ожидаютъ такъ много, а дано ему такъ мало! Синіе національные гвардейцы окружаютъ Тюльери; здѣсь же и водянистый конституціоналистъ, педантичный Лафайетъ, прозрачный, тонкій и застывшій, какъ вода, замерзшая въ тонкій ледъ, человѣкъ, къ которому не можетъ лежать сердце никакой королевы. Національное собраніе, раскинувъ свою палатку надъ бездной, засѣдаетъ по близости, продолжая свой неизмѣнный шумъ и болтовню. Снаружи—ничего, кромѣ бунтовъ

[1]) Révolutions de Paris (Hist. Parl. VIII, 440).

въ Нанси, разгромовъ отеля Кастри, мятежей и возстаній на сѣверѣ и югѣ, въ Э, Дуэ, Бефорѣ, Юзезѣ, Перпиньянѣ, Нимѣ и въ неисправимомъ папскомъ Авиньонѣ: на всей поверхности Франціи безпрестанный трескъ и вспышки мятежей, доказывающихъ, до какой степени она наэлектризована. Прибавьте къ этому суровую зиму, голодныя стачки рабочихъ, постоянно рокочущій басъ нужды, основной тонъ и фундаментъ всѣхъ другихъ несогласій.

Планъ короля, поскольку былъ возможенъ у него опредѣленный планъ, по прежнему сводится къ бѣгству на границу. По истинѣ, это былъ единственный планъ, имѣвшій хотя какой нибудь шансъ на успѣхъ. Бѣгите къ Буйе, огородитесь пушками, управляемыми вашими „сорока тысячами несовращенныхъ германцевъ", просите національное собраніе, всѣхъ роялистовъ, конституціоналистовъ и всѣхъ, кого можно привлечь за деньги, слѣдовать за вами, а остальныхъ разсѣйте, если понадобится, картечью. Пусть якобинцы и мятежники съ дикимъ воемъ разбѣгутся въ безконечное пространство, разогнанные картечью! Гремите пушечными жерлами надъ всей Франціей; не просите, а прикажите, чтобъ этотъ мятежъ прекратился. А затѣмъ, правьте со всей возможной конституціонностью; оказывайте правосудіе, склоняйтесь къ милосердію, будьте дѣйствительными пастырями этого неимущаго народа, а не исключительными его брадобрѣями, или лже-пастырями. Сдѣлайте все это,—если у васъ хватить мужества. А если не хватаетъ его, то, ради самого неба, ложитесь лучше спать: другого приличнаго выхода нѣтъ.

Да, онъ могъ бы быть, если бъ нашелся подходящій человѣкъ. Потому что если такой водоворотъ вавилонскаго столпотворенія (какова наша эра) не можетъ быть усмиренъ однимъ человѣкомъ, а только временемъ и многими людьми, то одинъ человѣкъ могъ бы умѣрить его вспышки, могъ бы смягчить и умиротворить ихъ, и самъ могъ бы удержаться на поверхности, не давая втянуть себя въ глубину,—подобно многимъ людямъ и королямъ въ наши дни. Многое возможно для человѣка; люди повинуются человѣку, который знаетъ и можетъ, и почтительно называютъ его своимъ королемъ. Развѣ Карлъ Великій не управлялъ? А подумайте, развѣ то были спокойныя времена, когда ему пришлось разомъ повѣсить „четыре тысячи саксонцевъ на мосту черезъ Везеръ?" Кто знаетъ, можетъ быть и въ этой самой обезумѣвшей, фанатической Франціи, дѣйствительно, существуетъ настоящій человѣкъ? Можетъ быть, это тотъ молчаливый человѣкъ, съ оливковымъ цвѣтомъ лица, теперь артиллерійскій поручикъ, нѣкогда ревностно изучавшій математику въ Бріеннѣ? Тотъ самый, который ходилъ по утрамъ исправлять корректурные листы въ Дольи, раздѣлялъ скромный завтракъ съ Жоли? Въ это самое время онъ, подобно своему другу, генералу Паоли, отправился на родную Корсику посмотрѣть знакомыя съ дѣтства мѣста, а также узнать, нельзя ли тамъ сдѣлать что нибудь путное для народа.

Король не приводитъ плана бѣгства въ исполненіе, но и не отказывается отъ него окончательно; онъ живетъ въ перемѣнчивой надеждѣ, не рѣшаясь ни на что, пока сама судьба не рѣшитъ за него. Въ глубокой тайнѣ ведется корресподенція съ Буйе, не разъ всплываетъ заговоръ увезти короля въ Руанъ [1]; заговоръ за заговоромъ вспыхиваютъ и гаснутъ, подобно блуждающимъ огнямъ въ сырую погоду, не приводя ни къ чему. „Около десяти часовъ вечера", наслѣдственный представитель играетъ въ „вискъ", или вистъ въ partie quarrée, съ королевой, съ своимъ братомъ Monsieur и съ Madame. Входитъ съ таинственнымъ видомъ придверникъ Кампанъ и приноситъ извѣстіе, понятное ему только на половину: нѣкій графъ д'Инисдаль дожидается въ прихожей и очень безпокоится; полковникъ національной гвардіи, завѣдующій стражей въ эту ночь, на ихъ сторонѣ; почтовыя лошади готовы на всемъ пути, часть дворянства вооружена и полна рѣшимости: согласенъ ли его величество ѣхать до наступленія полу-

---

[1]) Hist. Parl. VII, 316; Bertrand Moleville.

ночи? Глубокое молчаніе; Кампанъ ждетъ, насторожившъ уши. „Ваше величество слышали, что сказалъ Кампанъ?“ спрашиваетъ королева. „Да, я слышалъ“ отвѣчаетъ его величество, продолжая играть. „Хорошенькій куплетъ спѣлъ, Кампанъ“, вставляетъ Monsieur, которому иногда удается съострить. Король, не отвѣчая, продолжаетъ играть. „Въ концѣ концовъ, нужно же сказать что-нибудь Кампану“, замѣчаетъ королева. „Скажите г. д'Инисдалю“, сказалъ король, а королева подчеркиваетъ это, „что король не можетъ согласиться на то, чтобъ его увозили силой“. „Понимаю!“ сказалъ д'Инисдаль, круто повернувшись и вспыхнувъ отъ раздраженія: „мы рискуемъ, и намъ же придется нести отвѣтственность въ случаѣ неудачи“ [1]). И онъ исчезъ вмѣстѣ со своимъ заговоромъ, подобно блуждающему огню. Королева до глубокой ночи укладывала свои драгоцѣнности; но напрасно, блуждающій огонь погасъ въ этой вспышкѣ раздраженія.

Во всемъ этомъ мало надежды! Увы, съ кѣмъ бѣжать? Наши лойяльные лейбъ-гвардейцы распущены уже со времени возстанія женщинъ и вернулись на родину; многіе изъ нихъ перебрались за Рейнъ, въ Кобленцъ, къ эмигрировавшимъ князьямъ. Храбрый Міомандръ и храбрый Тардиве, эти вѣрные слуги, оба получили, во время ночного свиданія съ ихъ величествами, запасъ на дорогу, въ видѣ золотыхъ мундировъ и сердечную благодарность изъ устъ королевы, хотя, къ сожалѣнію, его величество стоялъ спиной къ огню и молчалъ“ [2]). Теперь они разъѣхались по всѣмъ провинціямъ Франціи и вездѣ разсказываютъ объ ужасахъ возстанія, о томъ, какъ они были на волосокъ отъ смерти. Великіе ужасы, дѣйствительно, но ихъ затмятъ еще большіе. Вообще, какое паденіе, по сравненію съ былой роскошью Версаля! Здѣсь, въ этомъ жалкомъ Тюльери, за стуломъ ея величества, офиціально парадируетъ пивоваръ-полковникъ, зычноголосый Сантерръ. Наши высшіе сановники бѣжали за Рейнъ. При дворѣ теперь уже ничѣмъ нельзя поживиться, кромѣ надеждъ, за которыя еще нужно рисковать жизнью. Неизвѣстныя, озабоченныя лица ходятъ по чернымъ лѣстницамъ, съ пустыми планами и безплоднымъ чванствомъ, и разносятъ разные слухи. Молодые роялисты въ театрѣ Водевиль „поютъ куплеты“, какъ будто это можетъ помочь чему нибудь. Много роялистовъ, офицеровъ въ отпуску и погорѣвшихъ аристократовъ можно видѣть въ Кофе де Валуа и у ресторатора Мео. Здѣсь они прохлаждаютъ свой взаимный высоко-лойяльный пылъ, пьютъ, какое ни есть вино, за посрамленіе санкюлотизма, показываютъ сдѣланные по ихъ заказу кинжалы усовершенствованнаго образца и ведутъ себя крайне вызывающе [3]). Въ этихъ то мѣстахъ и въ эти мѣсяцы былъ впервые примѣненъ къ неимущимъ патріотамъ эпитетъ Sansculotte—прозвище, которое носилъ въ прошломъ вѣкѣ одинъ бѣдный поэтъ, Жильберъ Sansculotte [4]). Неимѣніе панталонъ—плачевное лишеніе, но когда его раздѣляютъ двадцать милліоновъ, оно можетъ оказаться сильнѣе всякихъ богатствъ!

Между тѣмъ, среди этого неопредѣленнаго, смутнаго водоворота хвастовства, праздныхъ проектовъ, заказныхъ кинжаловъ, открывается одинъ punctum saliens жизни и возможности: перстъ Мирабо! Онъ и королева Франціи встрѣтились и разстались съ взаимнымъ довѣріемъ! Это странно; это таинственно, какъ мистеріи, но несомнѣнно, однажды вечеромъ, Мирабо сѣлъ на лошадь и поѣхалъ, безъ провожатыхъ, на западъ—быть можетъ, чтобы побывать на дачѣ у своего друга Клавьера? Но прежде чѣмъ попасть къ Клавьеру, всадникъ, погруженный въ глубокое раздумье, свернулъ въ сторону, къ заднимъ воротамъ сада Сенъ-Клу; какой то герцогъ д'Арембергъ, или кто другой, ожидалъ тамъ, чтобы провести его; королева была недалеко: „на верхней площадкѣ сада Сенъ-Клу, на-

---

[1]) Campan, II, 105.

[2]) Campan, II, 199—201.

[3]) Dampmartin, II, 129.

[4]) Mercier, Nouveau Paris, III, 204.

зываемой rond-point". Мирабо видѣлъ лицо королевы, говорилъ съ нею безъ свидѣтелей, подъ широкимъ сводомъ ночныхъ небесъ. Разговоръ этотъ, несмотря на всѣ старанія узнать его содержаніе, остается для насъ роковой тайной, подобно бесѣдамъ боговъ[1])! Королева называла его просто „Мирабо", въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ, что она „была очарована" этимъ дикимъ, покореннымъ Титаномъ; и дѣйствительно, благородной чертой этой возвышенной, злополучной души было то, что, сталкиваясь съ выдающимися людьми, съ Мирабо даже съ Барнавомъ, или Дюмурье, она, несмотря на все предубѣжденіе, не могла не отдавать имъ должнаго и не относиться къ нимъ съ довѣріемъ. Царственное сердце, инстинктивно чувствовавшее влеченіе ко всему возвышенному! „Вы не знаете королеву", сказалъ однажды Мирабо въ интимной бесѣдѣ: „у нея поразительная сила воли; она мужественна какъ мужчина" [2]). И вотъ подъ кровомъ ночи, на вершинѣ холма, она говорила съ Мирабо; онъ вѣрноподданнически поцѣловалъ царственную руку и сказалъ съ одушевленіемъ: „M a d a m e, монархія спасена"!— Возможно ли это? Секретно опрошенныя иностранныя державы дали осторожный, но благопріятный отвѣтъ [3]); Булье въ Мецѣ, и можетъ собрать сорокъ тысячъ надежныхъ нѣмецкихъ солдатъ. Съ Мирабо, въ качествѣ головы, и съ Булье, въ качествѣ руки, кое-что, дѣйствительно, возможно — если не вмѣшается судьба.

Но представьте себѣ, въ какіе непроницаемые покровы долженъ закутываться король, обдумывая такія вещи? Тутъ и люди со „входными билетами", и рыцарскія совѣщанія, и таинственные заговоры. Подумайте, однако, можетъ ли король, съ подобными замыслами, сколько бы онъ ни прятался, укрыться отъ взоровъ патріотизма, отъ десятковъ тысячъ устремленныхъ на него рысьихъ глазъ, видящихъ въ темнотѣ! Патріотизму извѣстно многое: онъ знаетъ о спеціально заказанныхъ кинжалахъ и можетъ указать лавки, гдѣ они дѣлались, знаетъ о легіонахъ шпіоновъ сьера Мотье, о входныхъ билетахъ и людяхъ въ черномъ, знаетъ, какъ одинъ планъ бѣгства смѣняется другимъ—или предполагаетъ, что смѣняется. Затѣмъ, обратите вниманіе на куплеты, которые поются въ театрѣ В о д е в и л ь, или еще хуже: на шопотъ, многозначительные кивки усатыхъ измѣнниковъ! А съ другой стороны, не забудьте и о громкихъ тревожныхъ крикахъ ста тридцати газетъ; о Діонисовомъ ухѣ каждой изъ сорока восьми секцій, которыя не спятъ ни днемъ, ни ночью.

Патріотизмъ можетъ вытерпѣть многое, но не все. К а ф е д е П р о к о п ъ послало, на виду у всѣхъ, депутацію патріотовъ „поговорить по душѣ съ дурными редакторами": странная миссія! Дурные редакторы обѣщаютъ исправиться, но не дѣлаютъ этого. Много было депутацій, требовавшихъ перемѣны министерства; съ одной изъ нихъ соединяются даже мэръ Бальи съ кордельеромъ Дантономъ, и достигаютъ цѣли. Но что пользы? Отродье шарлатановъ, добровольныхъ или вынужденныхъ, не вымираетъ: министры Дюпортайль и Дютертръ будутъ поступать во многомъ такъ же, какъ министры Латуръ дю Пэнъ и Сисе. И смятенный міръ продолжаетъ катиться.

Но во что же долженъ вѣрить, въ эти злосчастные дни, чего долженъ держаться бѣдный французскій патріотъ, сбиваемый съ толку путаницей противорѣчивыхъ вліяній и фактовъ? Все неопредѣленно, за исключеніемъ только того, что онъ несчастенъ, бѣденъ; что славная революція, чудо вселенной, пока ни принесла ему ни хлѣба, ни мира, будучи испорчена предателями, которыхъ трудно открыть, предателями-невидимками, или показывающимися только на минуту, въ блѣдномъ, невѣрномъ полусвѣтѣ, чтобы тотчасъ же снова исчезнуть! И сверхъестественная подозрительность снова охватываетъ всѣ умы.

---

[1]) Campan, II, с. 17.

[2]) Dumont, p. 211.

[3]) Correspondance Secrete (Hist Parl. VIII, 169—73.

„Никто“, пишетъ уже перваго февраля Карра, въ Annales Patriotiques, „не можетъ болѣе сомнѣваться въ постоянномъ, упорномъ намѣреніи этихъ людей увезти короля, ни въ непрерывной смѣнѣ ухищреній, къ которымъ они прибѣгаютъ для осущественія этого намѣренія“. Никто не сомнѣвался, и бдительная Мать Патріотизма отправила двухъ членовъ къ своей Дочери въ Версаль, чтобы убѣдиться, въ какомъ положеніи находится дѣло тамъ. И что же оказалось? Патріотъ Карра продолжаетъ: „Отчетъ этихъ двухъ депутатовъ мы всѣ слышали собстенными ушами въ прошлую субботу. Вмѣстѣ съ другими версальцами, они осмотрѣли королевскія конюшни и конюшни бывшихъ лейбъ-гвардейцевъ; въ нихъ постоянно стоитъ отъ семи до восьмисотъ взнузданныхъ и осѣдланныхъ лошадей, готовыхъ къ отъѣзду въ любую минуту, по данному знаку. Кромѣ того, эти же депутаты видѣли собственными глазами нѣсколько королевскихъ экипажей, въ которые люди какъ разъ укладывали большіе запакованные дорожные чемоданы, такъ называемые vaches de cuir; королевскіе гербы на дверцахъ были почти совершенно стерты“. Это очень важно! „Въ тотъ день, вся Maréchaussée или конная полиція собралась съ оружіемъ, лошадьми и багажомъ“—и снова разсѣялась. Они хотятъ переправить короля черезъ границу, чтобы императоръ Леопольдъ и германскіе принцы, войска которыхъ готовы, имѣли предлогъ для начала дѣйствій: „въ этомъ“, прибавляетъ Карра, „и заключается разгадка, этимъ и объясняется, почему бѣжавшіе аристократы вербуютъ теперь солдатъ на границахъ; они ожидаютъ, что на дняхъ глава исполнительной власти будетъ привезенъ къ нимъ, и начнется гражданская война“ [1]).

Словно и въ самомъ дѣлѣ, глава исполнительной власти, упакованный въ въ одну изъ этихъ кожаныхъ коровъ, могъ быть перевезенъ такимъ образомъ за границу! Однако, странно то, что патріотизмъ, лающій ли наугадъ, руководимый ли инстинктомъ сверхъестественной прозорливости, на этотъ разъ лаетъ не зря, лаетъ на что-то, а не даромъ. Тайная и затѣмъ опубликованная переписка Буйе служитъ этому доказательствомъ.

Несомнѣнно, и для всѣхъ очевидно, что Mesdames, королевскія тетки, готовятся къ отъѣзду: онѣ спрашиваютъ въ министерствѣ паспорта, просятъ у муниципалитета охраны, отъ исполненія чего Маратъ серьезно предостерегаетъ всѣхъ. „Эти старыя ханжи“ увезутъ съ собой золото и даже маленькаго дофина, „оставивъ вмѣсто него подставного ребенка, котораго уже нѣсколько времени воспитываютъ!“ Впрочемъ, онѣ только представляютъ легкій предметъ, бросаемый вверхъ, чтобы опредѣлить направленіе вѣтра; нѣчто вродѣ пробнаго змѣя, котораго пускаютъ, чтобы убѣдиться, поднимется ли другой, большой бумажный змѣй—бѣгство короля!

Положеніе тревожно, и патріотизмъ не медлитъ проявиться. Муниципалитетъ отправляетъ депутацію къ королю; секціи шлютъ депутаціи къ муниципалитету; скоро зашевелится и національное собраніе. А тѣмъ временемъ, Mesdames, тайно покинувъ Бельвю и Версаль, уѣхали повидимому въ Римъ, или неизвѣстно куда. Онѣ снабжены паспортами, подписанными королемъ, и, что для нихъ полезнѣе, услужливымъ эскортомъ. Патріотическій мэръ или староста деревни Море пытался было задержать ихъ, но проворный Луи де Нарбоннъ, находившійся въ эскортѣ, помчался куда то во весь карьеръ, вскорѣ возвратился съ тридцатью драгунами и побѣдоносно отбилъ принцессъ. И бѣдныя старушки поѣхали дальше—къ ужасу Франціи и Парижа, нервное возбужденіе которыхъ достигло крайнихъ предѣловъ. Кому же могло бы иначе придти въ голову помѣшать бѣднымъ Loque и Graille, уже такимъ старымъ и попавшимъ въ такія неожиданныя обстоятельства,—когда даже сплетни, вращающіяся теперь исключительно около страховъ и ужасовъ, утратили свою прелесть, и когда

---

[1]) Газета Карра, 1 февраля 1791 г. (Hist. Parl. IX, 39).

нельзя спокойно имѣть даже правовѣрнаго духовника,—помѣшать имъ поѣхать куда угодно, гдѣ онѣ могли надѣяться получить какое нибудь утѣшеніе?

Только жестокое сердце могло не пожалѣть этихъ бѣдныхъ старухъ; онѣ ѣдутъ, трепещущія, испуская немелодичные, подавленные вздохи, и вся Франція, за ними вслѣдъ и по обѣимъ сторонамъ ихъ, кричитъ и гогочетъ отъ неподавляемаго страха; такъ велика стала взаимная подозрительность между людьми. Въ Арне-ле-Дюкъ, на полпути отъ границы, патріотическій муниципалитетъ и чернь снова берутъ на себя смѣлость остановить ихъ; Луи Нарбоннъ долженъ на этотъ разъ ѣхать обратно въ Парижъ, спросить разрѣшенія у національнаго собранія, которое не безъ споровъ отвѣчаетъ, что Mesdames могутъ ѣхать. Послѣ этого Парижъ начинаетъ неистовствовать хуже, чѣмъ когда-либо, и вопитъ, какъ безумный. Пока національное собраніе обсуждаетъ этотъ кардинальный вопросъ, Тюльери и ограда ихъ наводняются толпой обоего пола; вечеромъ Лафайетъ вынужденъ розгонять ее, и улицы приходится освѣтить. Въ это время комендантъ Бертье, котораго ожидаютъ великія, ему еще невѣдомыя вещи, осажденъ въ Бельвю, въ Версалѣ. Никакія хитрости не помогли ему вывезти со двора багажъ принцессъ; разъяренныя версальскія женщины съ крикомъ обступили его, и его же собственные солдаты перерѣзали постромки лошадей. Комендантъ „удалился въ комнаты“ [1]) въ ожиданіи лучшихъ временъ.

А въ тѣ же самые часы, когда принцессы, только что освобожденныя военной силой изъ Море, спѣшатъ добраться до чужихъ странъ и еще не задерживаются въ Арне, ихъ августѣйшій племянникъ, бѣдный Monsieur, въ Парижѣ, ради безопасности, зарылся въ свои подвалы въ Люксембургѣ, и по словамъ Монгальяра, его съ трудомъ удалось убѣдить выйти оттуда. Вопящія толпы окружаютъ Люксембургъ, привлеченныя слухами объ его отъѣздѣ; но едва увидѣвъ его и услышавъ его голосъ, онѣ хрипятъ отъ восторга и съ виватами провожаютъ его и Madame до Тюльери [2]). Это такая степень нервнаго возбужденія, какую переживали лишь немногіе народы.

ГЛАВА V.

День кинжаловъ.

Что означаетъ, напримѣръ, этотъ явный ремонтъ Венсенскаго замка? Такъ какъ другія тюрьмы переполнены заключенными, то понадобились еще мѣста: таково объясненіе муниципалитета. Вслѣдствіе реформъ въ судопроизводствѣ, уничтоженія парламентовъ и введенія новыхъ судовъ, набралось много заключенныхъ: не говоря уже о томъ, что въ эти времена раздоровъ и кулачной расправы преступленія и аресты также стали многочисленнѣе. Развѣ это сообщеніе муниципалитета не достаточно объясняетъ явленіе? Несомнѣнно, изъ всѣхъ предпріятій, которыя могъ затѣять просвѣщенный муниципалитетъ, ремонтированіе Венсенскаго замка было самымъ невиннымъ.

Однако сосѣдній Сентъ-Антуанъ не такъ смотритъ на это дѣло: жители этого предмѣстія считаютъ за оскорбленіе самую близость этихъ остроконечныхъ башенъ и мрачныхъ подваловъ къ ихъ собственнымъ темнымъ жилищамъ. Развѣ Венсеннъ не былъ Бастиліей въ миніатюрѣ? Здѣсь были заключены великій Дидро и философы; великій Мирабо прожилъ здѣсь, въ печальной безвѣстности, цѣлыхъ сорокъ два мѣсяца. И теперь, когда старая Бастилія превратилась въ тацовальную площадку (если бъ нашлась у кого нибудь охота танцовать) и камни ея пошли на постройку моста Людовика XVI, эта маленькая, сравнительно незначительная Бастилія покрывается новыми средниками, рас-

---

[1]) Campan, II, 132.

[2]) Montgaillard, II, 282; Deux Awis, VI, c. I.

правляетъ тиранническія крылья, угрожая патріотизму. Не готовится ли она для новыхъ узниковъ, и для какихъ именно? Для герцога Орлеанскаго и для главныхъ патріотовъ крайней лѣвой? Говорятъ, что туда ведетъ „подземный ходъ“ прямо изъ Тюльери. Почему знать? Парижъ, изрытый каменоломнями и катакомбами, и висящій чудеснымъ образомъ надъ бездной, уже однажды чуть не былъ взорванъ, правда, порохъ, когда пришли осмотрѣть мину, оказался унесеннымъ. А Тюльери, проданное Австріи и Кобленцу, отнюдь не должно имѣть подземнаго хода. Вѣдь, изъ него, въ одно прекрасное утро, могутъ выйти Австрія и Кобленцъ съ дальнобойными пушками и разгромить патріотическій Сентъ-Антуанъ, превративъ его въ груду развалинъ!

Такъ размышляетъ омраченный умъ Сентъ-Антуана, видя, какъ рабочіе въ фартукахъ, ранней весной, суетятся около этихъ башенъ. Офиціальныя слова муниципалитета и сіеръ Мотье, съ его легіономъ мушаровъ, не заслуживаютъ никакого довѣрія. Вотъ, если бъ комендантомъ былъ патріотъ Сантерръ! Но зычноголосый пивоваръ командуетъ только нашимъ собственнымъ батальономъ и тайнъ этихъ не можетъ объяснить: онъ ничего не знаетъ о нихъ, хотя, быть можетъ, и подозрѣваетъ многое. И работа продолжается; огорченный и омраченный Сентъ-Антуанъ слушаетъ стукъ молотковъ, видитъ, какъ въ воздухѣ повисаютъ поднимаемыя плиты [1]).

Сентъ-Антуанъ опрокинулъ первую, большую Бастилію: неужели онъ смутится передъ такой маленькой, незначительной? Друзья, что если бы мы взялись за пики, ружья, кузнечные молоты и помогли себѣ сами! Нѣтъ средства быстрѣе и вѣрнѣе этого. 28-го февраля Сентъ-Антуанъ выходитъ, какъ часто дѣлалъ эти дни, и безъ лишняго шума, отправляется на востокъ, къ этому бѣльму на его глазу, къ Венсенскому замку. Серьезнымъ, властнымъ тономъ, безъ криковъ и брани, Сентъ-Антуанъ объявляетъ всѣмъ участвующимъ партіямъ, что онъ намѣренъ сравнять эту подозрительную крѣпость съ лицомъ всей родной земли. Протесты, увѣщанія не приводятъ ни къ чему. Наружныя ворота растворяются, подъемные мосты падаютъ; желѣзныя рѣшетки выбиваются изъ оконъ кузнечными молотами, превращаются въ желѣзные ломы, сыплется дождь утвари, черепицъ, и среди хаотическаго грохота и треска, начинается разрушеніе стѣнъ. Гонцы несутся во весь карьеръ по взволнованнымъ улицамъ предупредить о происходящемъ Лафайета и муниципальныя и департаментскія власти. Слухи доходятъ до національнаго собранія, до Тюльери, до всѣхъ, кто желаетъ ихъ слышать; и говорятъ, что Сентъ-Антуанъ возсталъ, что Венсенъ и, вѣроятно, послѣднее существующее учрежденіе страны, близко къ гибели [2]).

Живѣе! Пусть Лафайетъ бьетъ въ барабаны и спѣшитъ на востокъ, потому что для всѣхъ конституціоналистовъ-патріотовъ это дурная вѣсть. А вы, друзья короля, беритесь за ваши заказные кинжалы усовершенствованнаго образца, беритесь за палки со стилетами, за тайное оружіе и за входные билеты! Скорѣе! спѣшите по заднимъ лѣстницамъ, собирайтесь вокругъ потомка шестидесяти королей. Бунтъ, вѣроятно, поднятъ герцогомъ Орлеанскимъ и компаніей, для сверженія трона и алтаря; говорятъ, что ея величество будетъ заключена въ тюрьму, устранена съ дороги; что же тогда сдѣлаютъ съ его величествомъ? Глину для горшечниковъ-санкюлотовъ? А развѣ не возможно бѣжать именно сегодня, собравъ внезапно всю храбрую знать? Опасность угрожаетъ, но надежда манитъ: камергеры, герцоги де Вилькье, де Дюра раздаютъ входные билеты и пропуски; храброе дворянство тотчасъ собирается. Теперь самое время „напасть съ саблей въ рукѣ на эту сволочь“; теперь такое нападеніе могло бы имѣть успѣхъ.

Герой двухъ міровъ садится на бѣлаго коня; синіе національные гвардейцы, кавалерія и пѣхота, устремляются на востокъ; Сантерръ съ Сентъ-Антуанскимъ

---

[1]) Montgaillard, II, 285.

[2]) Deux Amis, VI, 11—15; Газеты (Hist. Parl. IX, 111—17).

батальономъ уже тамъ, но, видимо, не расположенные дѣйствовать. Тяжело твое бремя, герой двухъ міровъ! Какія тебѣ выпадаютъ задачи! Много нужно усилій, чтобы перенести насмѣшки, вызывающее поведеніе этого патріотическаго предмѣстья; неумытые патріоты изощряются въ злобныхъ издѣвательствахъ; одинъ изъ нихъ „схватилъ генерала за сапогъ", чтобы стащить его съ лошади. Сантерръ на приказъ стрѣлять отвѣчаетъ уклончиво. „Это люди, взявшіе Бастилію"—и ни одинъ курокъ не двигается. Венсенская магистратура также не рѣшается издать приказъ объ арестѣ, или оказать малѣйшую поддержку: поэтому, „генералъ беретъ аресты на себя". Благодаря быстротѣ, дружелюбію, ловкости, терпѣнію и безграничной смѣлости, мятежъ снова удается прекратить безъ кровопролитія.

Между тѣмъ, остальной Парижъ занимается своими дѣлами, съ большимъ или меньшимъ хладнокровіемъ: вѣдь, это только вспышка, какія теперь такъ обыкновенны! Національное собраніе бурно обсуждаетъ законъ противъ эмиграціи; Мирабо громко заявляетъ: „Клянусь заранѣе, что я не буду повиноваться ему!" Мирабо часто появляется на трибунѣ въ этотъ день; сколько бы ему ни мѣшали, въ немъ попрежнему живетъ старая, несокрушимая энергія. Могутъ ли повліять крики и ропотъ правой или лѣвой на этого человѣка, непоколебимаго, какъ Атласъ или Тенерифъ? Ясностью мысли, глубокимъ низкимъ голосомъ, звучащимъ вначалѣ негромко, неувѣренно, онъ заставляетъ себя слушать и успокаиваетъ бурю страстей; голосъ его, то повышаясь, то понижаясь, звучитъ, какъ громкая мелодія торжествующей силы, покоряющей всѣ сердца; его грубое, мрачное лицо, въ рубцахъ и шрамахъ, пламенѣетъ и сіяетъ; и снова люди въ наши жалкія времена чувствуютъ, какую всемогущую силу имѣетъ иногда слово одного человѣка надъ душами людей. „Я восторжествую, или буду разорванъ на куски", сказалъ онъ однажды. „Молчите", кричитъ онъ теперь властнымъ голосомъ, съ царственнымъ сознаніемъ силы, „молчите вы, тридцать голосовъ, Silence aux trente voix!"—и Робеспьеръ, и тридцать голосовъ, бормоча, затихаютъ. Законъ и на этотъ разъ утверждается въ такомъ видѣ, какъ хотѣлъ Мирабо.

Не таково въ эту самую минуту уличное краснорѣчіе Лафайета, которому приходится браниться съ голосистыми пивоварами и не признающими грамматики Сентъ-Антуанцами! И какъ сильно отличается отъ краснорѣчія ихъ обоихъ то, что говорится въ Кафе де Валуа, и сдержанное бахвальство толпы людей съ входными билетами, наводняющихъ въ это время коридоры Тюльери! Если такія вещи могутъ происходить одновременно въ одномъ и томъ же городѣ, то что же не возможно въ цѣлой странѣ, на цѣлой планетѣ съ ихъ противорѣчіями, гдѣ каждый день представляетъ безконечный рядъ противорѣчій,—которыя однако въ общемъ даютъ связный, хотя и безконечно малый результатъ!

Но какъ бы то ни было, Лафайетъ спасъ Венсеннъ и возвращается съ дюжиной арестованныхъ разрушителей. Король еще не спасенъ,—но и не находится въ серьезной опасности. Но для королевской конституціонной гвардіи для старыхъ французскихъ гвардейцевъ или гренадеръ центра, дежурящихъ какъ разъ въ тотъ день, это стеченіе людей со входными билетами становится все менѣе и менѣе понятнымъ. Ужъ не намѣрены ли въ самомъ дѣлѣ эти люди сейчасъ увезти короля въ Мецъ? Не устроено ли возмущеніе Сентъ-Антуана предателями-роялистами для отвода глазъ? Смотрите хорошенько, вы, дежурные гренадеры центра! Отъ „людей въ черномъ" нечего ждать добра. Нѣкоторые изъ нихъ въ сюртукахъ, redingotes, другіе въ кожаныхъ рейтузахъ и сапогахъ,—словно собрались ѣхать верхомъ! А что это выглядываетъ изъ подъ полы Шевалье де Куръ [1])? Нѣчто похожее на рукоять какого нибудь колющаго или рѣжущаго инструмента. Онъ ходитъ взадъ и впередъ, а кинжалъ все торчитъ изъ подъ его лѣвой полы. „Стопъ, Monsieur!" гренадеръ центра хватается за тор-

[1]) Weber, II, 286.

чащую рукоятку и вытаскиваетъ на глазахъ у всѣхъ кинжалъ. Клянусь небомъ, настоящій кинжалъ! Называйте его охотничьимъ ножомъ, или какъ угодно, но онъ способенъ выпустить кровь изъ патріота.

Это случилось съ Шевалье де Куръ по утру и вызвало не малый шумъ и много комментаріевъ, а подъ вечеръ во дворецъ собирается все больше и больше людей. Можетъ быть, и у нихъ также кинжалы? Увы, послѣ озлобленныхъ переговоровъ, начинаютъ ощупывать и обыскивать всѣхъ въ черныхъ костюмахъ; несмотря на входные билеты, ихъ хватаютъ за воротъ и обыскиваютъ. Возмутительно подумать объ этомъ! Всякій разъ, какъ находятъ кинжалъ, стилетъ, пистолетъ, или хотя бы портняжное шило, найденное, съ громкимъ крикомъ, отнимаютъ, а несчастнаго человѣка въ черномъ стремглавъ сбрасываютъ съ лѣстницы. И онъ летитъ позорно, головой внизъ, перебрасываемый толчками отъ одного часового къ другому; пишутъ даже, что пинки, щипки и даже удары ногами a posteriori ускоряли это путешествіе. И вотъ, у всѣхъ выходовъ, въ Тюльерійскомъ саду, неизвѣстно, какимъ концомъ впередъ, появляются, одинъ за другимъ, люди въ черномъ. Тутъ они попадаютъ въ руки негодующей толпы, собирающейся сюда въ сумерки посмотрѣть, что происходитъ, и увезли ли или нѣтъ наслѣдственнаго представителя. Злополучные люди въ черномъ! Уличены они, наконецъ, въ ношеніи заказныхъ кинжаловъ, изобличенные „рыцари кинжала!“ Внутри все похоже на горящій корабль; снаружи — на бушующее море. Внутри нѣтъ спасенія; его величество, выглянувъ на минуту изъ своего внутренняго святилища, холодно приказываетъ всѣмъ посѣтителямъ „отдать оружіе“, и снова затворяетъ дверь. Отданное оружіе образуетъ груду; изобличенные „рыцари кинжала“ стремительно, гурьбой, спускаются съ лѣстницъ, а внизу ихъ принимаетъ смѣшанная толпа, которая толкаетъ, бьетъ, травитъ и разгоняетъ ихъ [1]).

Вотъ какое зрѣлище видитъ Лафайетъ въ вечернихъ сумеркахъ, возвращаясь послѣ удачно улаженныхъ затрудненій съ Венсенномъ. Едва утихла санкюлотская Сцилла, какъ аристократская Харибда уже клокочетъ вокругъ него. Терпѣливый герой двухъ частей свѣта чуть не вышелъ изъ себя. Онъ не задерживаетъ, а подгоняетъ бѣгущихъ рыцарей; онъ, правда, освобождаетъ того или другого изъ гонимыхъ знатныхъ роялистовъ, но бранитъ каждаго жесткими словами, внушенными этой минутой, и которыхъ не простили бы ему ни въ одномъ салонѣ. Герой нашъ въ затруднительномъ положеніи, онъ виситъ, такъ сказать, на воздухѣ, ненавистный въ одинаковой мѣрѣ и богатымъ божествамъ надъ нимъ и неимущимъ смертнымъ подъ нимъ! Камергеръ герцогъ де Вилкье получаетъ передъ всѣмъ народомъ такой внушительный выговоръ, что находитъ нужнымъ, сначала, оправдаться въ газетахъ, а когда это оказывается безполезнымъ, то уѣзжаетъ за границу и начинаетъ интриговать въ Брюсселѣ [2]). Квартира его будетъ стоять пустой, но она, какъ мы увидимъ, окажется полезнѣе, чѣмъ въ то время, когда была занята имъ.

Итакъ, рыцари кинжала позорно бѣгутъ въ сгущающемся мракѣ, гонимые патріотами. Темное, позорное дѣло, рожденное тьмой, и исчезающее въ сгущающемся сумракѣ и тьмѣ. Однако, среди этой тьмы, читатель можетъ ясно видѣть въ послѣдній или предпослѣдній разъ—одну фигуру, бѣгущую, спасая свою жизнь: это Криспенъ Катилинъ д'Эпремениль. Еще не прошло трехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ эти же гренадеры центра, тогда французскіе гвардейцы, препроводили его, на разсвѣтѣ майскаго дня, на острова Калипсо; и вотъ до чего дожили и они, и онъ. Побитый, истоптанный, освобожденный популярнымъ Петіономъ, онъ въ правѣ былъ съ горечью отвѣтить: „Да, monsieur, и меня когда-то народъ носилъ на плечахъ“ [3]). Это фактъ, о которомъ популярный Петіонъ можетъ поразмыслить, если захочетъ.

[1]) Hist. Parl. IX, 139—48.

[2]) Montgaillard, II, 286.

[3]) Mercier, II, 40, 202.

Но, къ счастью, быстро наступающая ночь спускается надъ этимъ позорнымъ днемъ кинжаловъ; аристократы скрываются въ своихъ жилищахъ, хотя и потрепанные, съ оборванными полами и истерзанными сердцами. Двойной мятежъ подавленъ безъ особаго кровопролитія, если не считать нѣсколькихъ разбитыхъ до крови носовъ. Венсеннъ не совсѣмъ разрушенъ и можетъ быть исправленъ. Наслѣдственный представитель не выкраденъ, и королева не запрятана въ тюрьму. Это день, о которомъ долго вспоминаютъ, о которомъ говорятъ съ громкимъ смѣхомъ и глухимъ ропотомъ, съ язвительной насмѣшкой торжества и съ ядовитой злобой пораженія. Роялисты, по обыкновенію, сваливаютъ вину на герцога Орлеанскаго и на анархистовъ, желавшихъ оскорбить короля; патріоты, также по обыкновенію, на роялистовъ, и даже на конституціоналистовъ, желавшихъ выкрасть короля и увезти въ Мецъ; мы же, по обыкновенію, сваливаемъ вину на неестественную подозрительность и на Феба Аполлона, уподобившагося ночи.

Такимъ образомъ, читатель видѣлъ, какъ въ послѣдній день февраля 1791 года три давно уже спорившіе элемента французскаго общества столкнулись на неожиданной аренѣ, въ странной, траги-комической коллизіи, и открыто вступили между собою въ бой. Конституціонализмъ, подавившій и санкюлотскій мятежъ въ Венсеннѣ, и роялистскую измѣну въ Тюльери, величается и господствуетъ въ этотъ день. Но что думать о бѣдномъ роялизмѣ, швыряемомъ такомъ образомъ и туда, и сюда, послѣ того какъ всѣ его кинжалы сложены въ кучу? Пословица говоритъ, что у всякаго кота бываетъ масляница: въ настоящемъ, прошломъ или будущемъ. Сейчасъ праздникъ на улицѣ Лафайета и конституціи. Тѣмъ не менѣе, голодъ и якобинство, быстро возрастающіе до фанатизма, продолжаютъ дѣйствовать. И если въ самомъ дѣлѣ дойдутъ до фанатизма, то придетъ и ихъ день. До сихъ поръ Лафайетъ, подобно какому нибудь правящему моремъ божеству, спокойно поднимаетъ голову среди всѣхъ бурь; вверху вѣтры Эола улетаютъ въ свои пещеры, подобно буйнымъ, непрошеннымъ духамъ; внизу взбудораженныя и вспѣненныя ими морскія волны утихаютъ сами. Но что если бы, какъ мы не разъ говорили, въ дѣло вмѣшались подводныя, титаническія, огненныя силы и самое дно океана взорвалось бы снизу? Если бъ онѣ выбросили Посейдона-Лафайета и его конституцію вонъ изъ пространства, и море, въ титанической борьбѣ, схватилось бы съ небомъ?

ГЛАВА VI.

Мирабо.

Настроеніе Франціи становится все ожесточеннѣе, лихорадочнѣе и близится къ конечному взрыву безумія и разложенія. Подозрительность охватила всѣ умы; спорящія партіи не могутъ уже смѣшиваться, онѣ держатся въ строгомъ разъединеніи и смотрятъ другъ на друга въ крайнемъ возбужденіи, съ холоднымъ ужасомъ или пылкой злобой. Контръ-революція, Дни Кинжаловъ, дуэли Кастри, бѣгство Mesdames, Monsieur, и короля! Все пронзительнѣе раздается тревожный крикъ журналистовъ. Безсонное Діонисово ухо сорока восьми секцій такъ лихорадочно насторожено, что все больное тѣло судорожно содрагается со странной болью, при малѣйшемъ шорохѣ, какъ часто бываетъ при такомъ напряженіи слуха и безсонницѣ!

Разъ роялисты имѣютъ спеціально заказанные кинжалы, и сіеръ Мотье оказался тѣмъ, что онъ есть, то не слѣдуетъ ли и патріотамъ, даже бѣднымъ, имѣть пики и хотя бы подержанныя ружья, на случай крайности? Весь мартъ мѣсяцъ наковальни стучатъ, выковывая пики. Конституціонный муниципалитетъ возвѣстилъ плакатами, что только „активные“, или платящіе подати граждане имѣютъ право носить оружіе; но въ отвѣтъ, тотчасъ же поднялась та-

кая буря удивленія со стороны клубовъ и секцій, что конституціонные плакаты, почти на слѣдующее же утро, пришлось заклеить вторымъ, исправленнымъ изданіемъ и предать забвенію [1]), такъ что ковка пикъ продолжается, какъ и все, связанное съ нею.

Отмѣтимъ еще, какъ крайняя лѣвая поднимается въ расположеніи, если не національнаго собранія, то всего народа, въ особенности Парижа. Во времена всеобщей паники и сомнѣній, люди охотно присоединяются къ тому мнѣнію, въ которомъ чувствуется наибольшая увѣренность, хотя часто это бываетъ наименѣе основательное мнѣніе. Вѣра, какъ бы она ни была неосновательна, имѣетъ большую силу и покоряетъ сомнѣвающіяся сердца. Неподкупный Робеспьеръ избранъ оберъ-прокуроромъ въ новые суды; полагаютъ, что добродѣтельный Петіонъ будетъ сдѣланъ мэромъ. Кордельеръ Дантонъ призванъ торжествующимъ большинствомъ въ департаментскій совѣтъ и сдѣлался коллегой Мирабо. Неподкупному Робеспьеру давно уже было предсказано, что онъ, простой, бѣдный человѣкъ, далеко пойдетъ, потому что не знаетъ сомнѣній.

Не слѣдовало ли бы, при такихъ обстоятельствахъ перестать и королю сомнѣваться и начать рѣшать и дѣйствовать? У него все еще остается въ рукахъ надежный козырь: бѣгство изъ Парижа. Какъ мы видимъ, король постоянно хватается за этотъ вѣрный козырь, держитъ его крѣпко и изрѣдка выдвигаетъ, въ видѣ опыта, но никогда не выкладываетъ его, а постоянно прячетъ назадъ. Играй же съ него, король! Если для тебя еще существуетъ надежда, то именно эта, и притомъ по истинѣ послѣдняя; а теперь и она съ каждымъ часомъ становится все сомнительнѣе. Ахъ, такъ пріятно было бы сдѣлать и то, и другое, бѣжать и не бѣжать, сбросить карту и удержать ее въ рукахъ! Король, по всей вѣроятности, не козырнетъ до тѣхъ поръ, пока всѣ онеры, одинъ за другимъ, не будутъ проиграны, и такое козыряніе окажется концомъ самой игры!

Здѣсь, слѣдовательно, возникаетъ постоянно одинъ вопросъ пророческаго характера, на который теперь не можетъ быть отвѣчено. Предположимъ, что Мирабо, съ которымъ король усердно совѣщается, какъ съ премьеръ-министромъ, не имѣющимъ еще права офиціально заявить себя таковымъ, закончилъ свои подготовленія,—а у него есть планы, и планы широкіе, о которыхъ дошли до насъ лишь отрывочныя, туманныя свѣдѣнія. Тридцать департаментовъ готовы подписать вѣрноподданническіе адреса указаннаго содержанія; короля увезутъ изъ Парижа, но только въ Компьенъ или Руанъ, едва ли въ Мецъ, такъ какъ эмигрантская сволочь отнюдь не должна играть руководящей роли въ этомъ дѣлѣ; національное собраніе, подъ давленіемъ вѣрноподданническихъ адресовъ, умѣлаго воздѣйствія и силы Буйе, соглашается внять голосу разсудка, и послѣдовать за королемъ туда же! [2]). Такъ ли, на такихъ ли условіяхъ якобинцы и Мирабо должны были схватиться въ этой борьбѣ Геркулеса съ Тифономъ, въ которой смерть была бы неизбѣжна для того или другого? Самая борьба рѣшена и неминуема; но при какихъ условіяхъ, а главное, съ какимъ результатомъ,—это мы тщетно пытаемся угадать. Все окутано смутной тьмой: неизвѣстно, что будетъ; неизвѣстно даже то, что уже было. Колоссъ Мирабо, какъ говорили, идетъ одиноко, во тьмѣ, безвѣстными путями что таилось въ его умѣ въ эти мѣсяцы, — этого не откроютъ теперь никакіе біографы, никакой Fils adoptif.

Для насъ, старающихся составить его гороскопъ, разумѣется, все остается вдвойнѣ смутнымъ. Мы видимъ человѣка, подобнаго Геркулесу, и одно чудовище за другимъ вступаютъ съ нимъ въ смертельную борьбу. Эмигрировавшая знать возвращается, съ саблей на боку, кичась своей незапятнанной лояльностью. Она спускается съ неба подобно стаѣ жестокихъ, гнусно жадныхъ гарпій. А на зем-

---

[1]) Ordonnance du 17 Mars 1791 (Hist. Parl. IX, 257).

[2]) Fils Adoptif, VII, I, 6; Dumont, c. 11, 12, 14.

лѣ лежитъ тифонъ политической и религіозной анархіи, вытягивая свои сотни, вѣрнѣе, двадцать пять милліоновъ головъ; огромный, какъ вся площадь Франціи, свирѣпый, какъ безуміе, сильный самимъ голодомъ. Съ этимъ-то чудовищемъ укротитель змѣй долженъ бороться непрерывно, не разсчитывая на отдыхъ.

Что касается до короля, то онъ, по обыкновенію, будетъ колебаться, мѣнять, подобно хамелеону, цвѣтъ и рѣшенія сообразно съ цвѣтомъ окружающей его среды,—онъ не годится для королевскаго трона. Только на одного члена королевской семьи, только на королеву, Мирабо, пожалуй, еще можетъ положиться. Возможно, что величіе этого человѣка, не чуждаго искусства лести, придворныхъ манеръ, ловкости и любезности, очаровало непостоянную королеву своимъ несомнѣннымъ обаяніемъ и привязало ее къ нему. У нея хватаетъ смѣлости на благородный рискъ; у нея есть глаза и сердце; есть душа дочери Терезы. „Faut-il donc, неужели", пишетъ она со страстнымъ порывомъ своему брату, „неужели, съ кровью, которая течетъ въ моихъ жилахъ, съ моими чувствами, я должна жить и умереть среди такихъ людей" [1]. Увы, да, бѣдная монархиня. „Она единственный мужчина", замѣчаетъ Мирабо, „среди окружающихъ его величество". Еще болѣе увѣренъ Мирабо въ другомъ мужчинѣ: въ самомъ себѣ. Вотъ и всѣ его рессурсы, достаточно ихъ, или нѣтъ.

Смутнымъ и великимъ представляется будущее взгляду пророка. Безпрерывная борьба на жизнь и смерть, смятеніе вверху и внизу, для насъ же одна смутная тьма, съ прорывающимися кое-гдѣ полосами блѣднаго, обманчиваго свѣта. Мы видимъ короля, котораго можетъ быть устранятъ, но не постригутъ въ монахи—постриженіе вышло изъ моды,—а сошлютъ куда нибудь съ приличнымъ годовымъ содержаніемъ и съ запасомъ слесарныхъ инструментовъ; видимъ королеву и дофина, регентство при малолѣтнемъ королѣ; королеву, которая „верхомъ на лошади" проѣзжаетъ въ самомъ пылу сраженія, подъ крики: Moriamur pro rege nostro! „Такой день", пишетъ Мирабо, „можетъ наступить".

Громъ сраженій, войны хуже гражданскихъ, смятеніе вверху и внизу; и въ этой обстановкѣ глазъ пророка видитъ графа Мирабо, подобнаго кардиналу де Рецъ, съ головой все взвѣшивающей, съ сердцемъ дерзающимъ на все; видитъ его, держащимся на своемъ мѣстѣ, если не побѣдителемъ, то и не побѣжденнымъ, пока въ немъ сохраняется жизнь. Подробностей и результатовъ никакой пророкъ не можетъ видѣть; ночь бурная, небо покрыто тучами, видно только, какъ Мирабо то появляется, стремясь впередъ, то скрывается въ темнотѣ, неукротимо усиливаясь покорить себѣ тучи! Можно сказать, что если бъ Мирабо остался живъ, то исторія Франціи и міра была бы другою. И далѣе, что если этому человѣку чего либо недоставало, то лишь обладанія въ полномъ объемѣ тѣмъ самымъ Art d'Oser, искусствомъ смѣть, которое онъ такъ цѣнилъ, и которымъ онъ больше всѣхъ своихъ современниковъ обладалъ и проявлялъ. Достигнутый имъ результатъ представлялъ бы не пустое подобіе формулы, а нѣчто реальное, существенное; результатъ, который можно было бы любить или ненавидѣть, но, вѣроятно, нельзя было бы обойти молчаніемъ и предать скорому забвенію. Если бы Мирабо прожилъ еще хотя одинъ годъ!

ГЛАВА VII.

Смерть Мирабо

Но Мирабо такъ же не могъ прожить еще одинъ годъ, какъ не могъ прожить и тысячи лѣтъ. Годы человѣка сочтены, и повѣсть о Мирабо уже закон-

[1] Fils Adoptif, ubi supra.

чена. Властной судьбѣ безразлично, были ли вы значительны или нѣтъ, будетъ ли всемірная исторія помнить васъ нѣсколько столѣтій, или васъ забудутъ черезъ день или два. Среди суеты румяной, дѣятельной жизни, безмолвно киваетъ намъ блѣдный вѣстникъ; и все, чѣмъ занимался человѣкъ: широкіе интересы, проекты, спасеніе французскихъ монархій, — все приходится немедленно бросать и идти, все равно, спасалъ ли этотъ человѣкъ французскія монархіи, или чистилъ сапоги на Pont-Neuf! Самый значительный изъ людей не можетъ медлить; если бъ міровая исторія зависѣла отъ одного часа, то и отсрочки на часъ не было бы дано. Поэтому, разсужденія наши о томъ, что было бы, большей частью праздны. Міровая исторія никогда не бываетъ тѣмъ, чѣмъ, на основаніи какихъ либо возможностей, она хотѣла бы, могла или должна была бы быть, но всегда и единственно бываетъ тѣмъ, что она есть.

Бурный образъ жизни истощилъ богатырскія силы Мирабо. Волненіе и горячность держали мозгъ и сердце въ постоянной лихорадкѣ; излишества въ напряженіи и возбужденіи, излишества всякаго рода, непрестанная работа, почти граничащая съ невѣроятнымъ! „Если бъ я не жилъ съ нимъ“, говоритъ Дюмонъ: „я никогда не узналъ бы, что можно сдѣлать изъ одного дня, сколько дѣлъ можетъ умѣститься въ промежутокъ времени въ двѣнадцать часовъ. Одинъ день для этого человѣка былъ больше, чѣмъ недѣля или мѣсяцъ для другихъ; количество дѣлъ, которыя онъ велъ единовременно, баснословно, отъ задумыванія до приведенія въ исполненіе не пропадало ни одной минуты“. „Monsieur le Comte“, сказалъ ему однажды секретарь, „то, что вы требуете, невозможно“.—„Невозможно!“- отвѣтилъ онъ, вскочивъ со стула, „Ne me dites jamais cette bête de mot, никогда не говорите мнѣ этого дурацкаго слова“ [1]). А потомъ общественные банкеты; обѣдъ, который онъ даетъ въ качествѣ командира національныхъ гвардейцевъ и который „стоитъ пятьсотъ фунтовъ“; а „оперныя сирены“, и имбирная водка, отъ которой жжетъ во рту,—по какой наклонной плоскости катится этотъ человѣкъ! Неужели Мирабо не можетъ остановиться, не можетъ бѣжать и спасти свою жизнь? Нѣтъ! На этомъ Геркулесѣ рубашка Несса; онъ долженъ непрерывно кипѣть и горѣть, пока не сгоритъ окончательно. Сила человѣка, какой бы геркулесовской она ни была, имѣетъ предѣлъ. Вѣщія блѣдныя тѣни пролетаютъ по воспаленному мозгу Мирабо, вѣстницы блѣднаго покоя. Въ то время, какъ онъ мечется и волнуется, напрягая всякій нервъ, въ этомъ морѣ честолюбія и смятенія, онъ получаетъ мрачное и безмолвное предостереженіе, что для него исходомъ всего этого будетъ скорая смерть.

Въ январѣ можно было видѣть, какъ онъ предсѣдательствовалъ въ собраніи, на вечернемъ засѣданіи, „съ обвязанной полотнянымъ платкомъ шеей“; въ крови его былъ болѣзненный жаръ, передъ глазами то темнѣло, то мелькали молніи; послѣ утренней работы ему пришлось ставить піявки и предсѣдательствовать въ повязкѣ. „Прощаясь, онъ обнялъ меня, говоритъ Дюмонъ, съ волненіемъ, какого я никогда не замѣчалъ въ немъ: „Я умираю, другъ мой, сказалъ онъ, умираю, какъ отъ медленнаго огня; быть можетъ мы уже не увидимся болѣе. Когда меня не станетъ, тогда узнаютъ настоящую цѣну мнѣ. Несчастья, которыя я задерживалъ, обрушатся на Францію со всѣхъ сторонъ“ [2]). Болѣзнь предостерегаетъ все громче, но всѣ эти предостереженія оставляются безъ вниманія. 27 марта, по дорогѣ въ собраніе, Мирабо долженъ былъ заѣхать за помощью къ своему другу Ламарку и пролежалъ съ полчаса, почти безъ чувствъ, вытянувшись на диванѣ. Онъ все-таки отправился въ собраніе, какъ бы наперекоръ судьбѣ, и говорилъ тамъ громко и горячо цѣлыхъ пять разъ подрядъ; затѣмъ сошелъ съ трибуны—и покинулъ ее навсегда. Въ крайнемъ изнеможеніи, онъ выходитъ въ Тюльерійскій садъ; вокругъ него, по обыкновенію

[1]) Dumont, 311.

[2]) Dumont, 267.

толпится народъ съ просьбами, записками, и онъ говоритъ сопровождающему его другу: „Уведи меня отсюда"!

И вотъ, 31 марта 1791 года, безконечная, встревоженная толпа осаждаетъ улицу Шоссе д'Антенъ, съ безпрестанными разспросами; въ домѣ, который въ наше время значится подъ номеромъ 42, переутомленный титанъ палъ, чтобы больше не вставать [1]). Толпы людей всѣхъ партій и состояній, отъ короля до самаго простого нищаго! Король официально посылаетъ два раза въ день справляться о здоровьѣ больного, и кромѣ того, справляется и частнымъ образомъ; распросамъ отовсюду нѣтъ конца. „Черезъ каждые три часа толпѣ вручается писаный бюллетень"; онъ переписывается, расходится по рукамъ, и, наконецъ, печатается. Народъ самъ наблюдаетъ за тишиной, не пропускаетъ ни одного шумнаго экипажа; давка невѣроятная, но сестру Мирабо узнаютъ и почтительно очищаютъ передъ ней дорогу. Народъ стоитъ безмолвно, подавленный, всѣмъ кажется, что надвигается огромное несчастіе, словно послѣдній человѣкъ, который могъ бы справиться съ грядущими бѣдствіями во Франціи, лежитъ въ борьбѣ съ неземной властью.

Но тщетно молчаніе цѣлаго народа, тщетны неутомимыя усилія Кабаниса, друга и врача Мирабо: въ субботу, 2 апрѣля, онъ чувствуетъ, что для него занялся послѣдній день, что въ этотъ день онъ уйдетъ и перестанетъ существовать. Смерть его была титанической, какъ и его жизнь! Озаренный послѣдней вспышкой передъ готовымъ наступить разрушеніемъ, умъ этого человѣка горитъ и сверкаетъ, выражаясь въ словахъ, которыя надолго сохранятся въ памяти людей. Онъ желаетъ жить, но мирится со смертью, не споритъ противъ неизбѣжности. Рѣчь его фантастична и странна; неземныя видѣнья танцуютъ уже погребальный танецъ вокругъ его души, которая, сіяя огнемъ, недвижимая, во всеоружіи дожидается великаго часа! Изрѣдка исходящій отъ него лучъ свѣта озаряетъ міръ, который онъ покидаетъ. „Я ношу въ сердцѣ моемъ погребальную пѣснь французской монархіи; смертные останки ея сдѣлаются теперь добычей мятежниковъ". Онъ слышитъ пушечный выстрѣлъ и дѣлаетъ характерное замѣчаніе: „Развѣ похороны Ахилла уже наступили"? А другу, который поддерживаетъ его, онъ говоритъ: „Да, поддержи эту голову; я желалъ бы завѣщать ее тебѣ". Человѣкъ этотъ умираетъ, какъ жилъ: съ полнымъ самосознаніемъ и съ сознаніемъ того, что на него смотритъ міръ. Онъ смотритъ на юную весну, которая для него никогда не перейдетъ въ лѣто. Взошло солнце, и онъ говоритъ: „Si ce n'est pas là Dieu, c'est du moins son cousin germain" (Если это тамъ не Богъ, то, по меньшей мѣрѣ, его двоюродный братъ) [2]). Смерть завладѣла наружными укрѣпленіями; способность рѣчи пропала; но цитадель — сердце — все еще держится: умирающій титанъ страстно проситъ знаками бумаги и перо; и письменно проситъ опіума, чтобы прекратить агонію. Врачъ огорченно качаетъ головой; „Dormir, спать", пишетъ Мирабо, настойчиво указывая на написанное слово. Такъ умираетъ этотъ гигантъ, язычникъ и титанъ, слѣпо спотыкается и, не упадая духомъ, устремляется въ покой. Въ половинѣ девятаго утра, докторъ Пти, стоящій въ ногахъ постели, говоритъ: „Il ne souffre plus". Его страданія и трудъ кончены.

Да, безмолвныя толпы патріотовъ, и ты, французскій народъ, человѣкъ этотъ отнятъ у васъ. Онъ палъ внезапно, не согнувшись, пока не сломился, какъ падаетъ башня, внезапно пораженная молніей. Вы не услышите больше его рѣчей, не послѣдуете больше его указаніямъ. Толпы расходятся, угнетенныя, и разносятъ печальную вѣсть. Какъ трогательна вѣрность людей человѣку, котораго они признаютъ своимъ повелителемъ! Всѣ театры, всѣ общественныя увеселенія закрываются; въ эти вечера не должно быть веселыхъ сборищъ, веселье

---

[1]) Fils Adoptif, VIII, 420—79.

[2]) Fils Adoptif, VIII, 450; Journal de la maladie et de la mort de Mirabeau, par P. J. G. Cabanis (Paris, 1803).

не умѣстно; народъ врывается на частныя вечеринки съ танцами и мрачно приказываетъ прекратить ихъ. Изъ такихъ частныхъ вечеринокъ провѣдали только о двухъ, и онѣ должны были прекратиться. Унынiе всеобще; никогда въ этомъ городѣ не оплакивали такъ ничьей смерти; никогда, съ той давно минувшей ночи, когда скончался Людовикъ XII „и Crieurs des Corps ходили по улицамъ, звеня колокольчиками и крича: Le bon roi Louis, pere du Peuple, est mort, добрый король Людовикъ, отецъ народа, умеръ!“ [1]). Умершiй теперь король—Мирабо; и безъ преувеличенiя можно сказать, что весь народъ оплакиваетъ его.

Цѣлыхъ три дня повсюду слышны только тихiя жалобы; слезы льются даже въ нацiональномъ собранiи. Улицы полны унынiя; ораторы влѣзаютъ на тумбы и, передъ многочисленной, безмолвной аудиторiей, произносятъ надгробныя рѣчи въ честь покойнаго. Ни одинъ кучеръ не смѣетъ проѣхать слишкомъ быстро, да и вообще проѣзжать мимо этихъ группъ и мѣшать имъ слушать грохотомъ своихъ колесъ. Въ противномъ случаѣ у него могутъ перерѣзать постромки, а его самого, вмѣстѣ съ сѣдокомъ, какъ неисправимыхъ аристократовъ, злобно бросить въ канаву. Ораторы на тумбахъ говорятъ, какъ умѣютъ; санкюлотскiй народъ съ грубой душой напряженно слушаетъ, —какъ всегда слушаютъ рѣчь или проповѣдь, если это слова, означающiя что-нибудь, а не пустая болтовня, не означающая ничего. Въ ресторанѣ Пале-Рояль служитель замѣчаетъ: „Прекрасная погода, Monsieur“.—„Да, другъ мой“, отвѣчаетъ старый литераторъ, „прекрасная,—но Мирабо умеръ!“ Печальныя пѣсни несутся изъ хриплыхъ глотокъ уличныхъ пѣвцовъ и, напечатанныя на сѣроватой бумагѣ, продаются по одному су за штуку [2]). Портреты, гравированные, писанные, высѣченные изъ камня и рисованые, хвалебные гимны, воспоминанiя, бiографiи, даже водевили, драмы и мелодрамы, появляются въ слѣдующiе мѣсяцы во всѣхъ провинцiяхъ Францiи, въ неисчислимомъ количествѣ, какъ листья весной. А чтобы не обошлось безъ шутовства, появляется и епископское Посланiе Гобеля, гуся Гобеля, только что произведеннаго въ конституцiонные епископы Парижа. Посланiе, въ которомъ Ça-ira страннымъ образомъ переплетается съ Nomine Domini и въ которомъ насъ съ серьезнымъ видомъ приглашаютъ „порадоваться тому, что среди насъ имѣется корпорацiя прелатовъ, созданныхъ покойнымъ Мирабо, ревностныхъ послѣдователей его ученiя, и вѣрныхъ подражателей его добродѣтелей“ [3]). Такъ, на разные лады, говоритъ и гогочетъ Скорбь Францiи, жалуясь насколько возможно членораздѣльно, что рокъ унесъ Державнаго Человѣка. Въ нацiональномъ собранiи, когда поднимаются затруднительные вопросы, глаза всѣхъ „машинально обращаются къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Мирабо“,—но Мирабо уже нѣтъ.

На третiй вечеръ оплакиванiй, 4-го апрѣля, происходятъ торжественныя публичныя похороны, какiя рѣдко выпадаютъ на долю почившихъ смертныхъ. Процессiя, въ которой по приблизительному подсчету принимаетъ участiе около ста тысячъ человѣкъ, растянулась на цѣлую милю. Всѣ крыши, окна, фонари, сучья деревьевъ переполнены зрителями. „Печаль написана на всѣхъ лицахъ, многiе плачутъ“. Мы видимъ здѣсь двойную шеренгу нацiональныхъ гвардейцевъ, нацiональное собранiе въ полномъ составѣ, общество якобинцевъ и другiя общества, королевскихъ министровъ, членовъ муниципалитета и всѣхъ выдающихся патрiотовъ и аристократовъ. Среди нихъ замѣчаемъ Буйе „въ шляпѣ“, надвинутой на лобъ, какъ будто онъ желаетъ скрыть свои мысли! Въ торжественномъ безмолвiи процессiя, растянувшаяся на милю, медленно движется подъ косыми лучами солнца, такъ какъ уже пять часовъ дня; траурныя перья колышатся и торжественное безмолвiе отъ времени до времени нарушается

[1]) Henault, Abrege Chronologique, 429.

[2]) Fils Adoptif, VIII, 1, 10. Газеты и извлеченiя (Hist. Parl. IX, 366—402).

[3]) Hist. Parl. IX, 405.

глухой дробью барабановъ, или протяжными звуками заунывной музыки, примѣшивающей къ безконечному гулу людей странные звуки тромбоновъ и жалобные голоса металлическихъ трубъ. Въ церкви Св. Евстахія произноситъ Церутти надгробное слово, и раздается салютъ изъ ружей, отъ котораго „съ потолка сыплются куски штукатурки". Оттуда процессія отправляется къ церкви Св. Женевьевы, которая, согласно духу времени, высочайшимъ декретомъ превращена въ Пантеонъ для великихъ людей благодарнаго отечества, Aux Grands Hommes la Patrie reconnaissante. Церемонія кончается лишь къ двѣнадцати часамъ ночи, и Мирабо остается одинъ въ своемъ темномъ жилищѣ,— первымъ обитателемъ этого Отечественнаго Пантеона.

Увы, обитателемъ временнымъ, котораго впослѣдствіи выселятъ. Въ эти дни судорожныхъ потрясеній и раздоровъ нѣтъ покоя даже праху мертвецовъ. Вскорѣ изъ украденнаго гроба въ аббатствѣ Сельеръ перевозятъ кости Вольтера въ его родной городъ Парижъ, и также прахъ его сопровождается процессіей, надъ нимъ произносятся рѣчи, восемь бѣлыхъ лошадей везутъ колесницу, факельщики въ классическихъ костюмахъ съ повязками и лентами, хотя погода дождливая [1]). Тѣло евангелиста Жанъ-Жака Руссо, какъ и подобаетъ, также выкапываютъ изъ его могилы въ Эрменвилѣ и съ трогательной процессіей переносятъ въ Отечественный Пантеонъ [2]). Переносятъ и другихъ, тогда какъ Мирабо, какъ мы говорили, изгоняютъ; по счастью, онъ не можетъ уже быть возвращенъ, и покоится, невѣдомый, „въ центральной части кладбища Св. Екатерины, въ предмѣстьи Сенъ-Марсо, гдѣ его поспѣшно зарыли ночью" и гдѣ никто уже не нарушитъ его покоя.

Такъ пылаетъ, видимая на далекомъ разстояніи, жизнь этого человѣка; она становится прахомъ и caput mortuum'омъ въ этомъ міровомъ кострѣ, называемомъ французской революціей; она сгорѣла въ немъ не первая и не послѣдняя изъ многихъ тысячъ и милліоновъ! Это человѣкъ, который „отрѣшился отъ всѣхъ формулъ" и который чувствовалъ въ эти странныя времена и при этихъ обстоятельствахъ, что онъ призванъ жить, какъ Титанъ, и, какъ Титанъ, умереть. Онъ отрѣшился отъ всѣхъ формулъ; но есть ли такая всеобъемлющая формула, которая вѣрно выразила бы плюсъ и минусъ его личности, и опредѣлила бы ея чистый результатъ. Таковой до сихъ поръ не существуетъ. Многіе моральные законы строго осудятъ Мирабо; но моральнаго закона, по которому его можно было бы судить, еще не высказано на человѣческомъ языкѣ. Мы снова скажемъ о немъ: Онъ былъ дѣйствительностью, а не симуляціей; живой сынъ природы, нашей общей матери, а не мертвый механизмъ пустыхъ условностей, онъ не былъ болѣе ничьимъ сыномъ, ничьимъ братомъ. Пусть подумаетъ серьезный человѣкъ, печально бродящій въ мірѣ, населенномъ преимущественно „набитыми чучелами въ суконныхъ сюртукахъ", которыя болтаютъ и безсмысленно смѣются, глядя на него, эти доподлинныя привидѣнія для серьезной души — пусть подумаетъ, какое значеніе заключено въ этомъ короткомъ словѣ: братъ!

Число людей, живыхъ въ этомъ смыслѣ и смотрящихъ на все глазами, теперь не велико: хорошо, если въ огромной французской революціи, съ ея все-разгорающейся яростью, мы насчитаемъ хотя троихъ такихъ. Мы видимъ людей, доведенныхъ до бѣшенства, брыжжущихъ самой непреоборимой логикой, обнажающихъ свою грудь подъ градомъ пуль, или шею подъ гильотиной, — но и о нихъ мы, къ сожалѣнію, должны сказать, что большая часть ихъ — сфабрикованныя формальности, не факты, а слухи!

Слава сильному человѣку, сумѣвшему, въ такія времена, стряхнуть съ себя видимости и быть чѣмъ нибудь. Ибо для того, чтобы чего нибудь стоить, первое условіе — это быть чѣмъ нибудь. Прежде всего, во что бы то ни стало,

---

[1]) Moniteur du 13 juillet 1791.

[2]) Moniteur du 18 septembre 1794. Тоже отъ 30 августа 1791 г.

должно прекратиться лицемѣріе; пока оно не прекратится—ничто другое не можетъ начаться. Изъ всѣхъ преступниковъ, за эти вѣка, пишетъ моралистъ, я нахожу только одного, котораго нельзя простить: Шарлатана. „Онъ одинаково ненавистенъ Богу и врагамъ Его“, какъ поетъ божественный Данте:

„A Dio spiacente ed a' nemici sui!“

Но тотъ, кто съ сочувствіемъ, необходимымъ условіемъ для пониманія, взглянетъ на этого загадочнаго Мирабо, тотъ найдетъ, что въ основѣ всего его характера лежала именно искренность, великая, свободная серьезность, можно сказать, даже честность; потому что человѣкъ этотъ своимъ яснымъ, проницательнымъ взглядомъ проникалъ въ то, что дѣйствительно было, что существовало, какъ фактъ; и только съ этимъ, ни съ чѣмъ другимъ, соображалось его неукротимое сердце. Поэтому какимъ бы путемъ ни шелъ онъ, и какъ бы ни боролся, и какъ бы часто ни ошибался, онъ всегда останется человѣкомъ-братомъ. Не ненавидь его; ты не можешь его ненавидѣть! Въ этомъ человѣкѣ сквозь всѣ темныя пятна просвѣчиваетъ геніальность, то побѣдоносно сверкая, то омрачаясь въ борьбѣ; но онъ никогда не бываетъ низкимъ и ненавистнымъ, а только, въ худшемъ случаѣ, достоинъ жалости, сердечнаго состраданія. Говорятъ, что онъ былъ честолюбивъ, хотѣлъ сдѣлаться министромъ. И это правда. Но развѣ онъ не былъ единственнымъ человѣкомъ во Франціи, который могъ сдѣлать что нибудь хорошее, будучи министромъ? Въ немъ было не одно только тщеславіе, не одна гордость,—о, нѣтъ! въ этомъ великомъ сердцѣ находили мѣсто и страстные порывы любви, и вспышки гнѣва, и кроткая роса состраданія. Онъ глубоко погрязъ въ безобразнѣйшихъ сквернахъ, но про него можно сказать, какъ про Магдалину: ему простится многое, потому что онъ много любилъ. Онъ любилъ горячо, съ обожаніемъ, даже своего отца, самаго суроваго изъ упрямыхъ и угрюмыхъ стариковъ.

Возможно, что ошибки и заблужденія Мирабо были многочисленны,—какъ онъ и самъ часто жаловался со слезами [1]). Увы, развѣ жизнь каждаго такого человѣка не есть трагедія, созданная „изъ Рока и собственной его вины“, изъ Schicksal und eigene Schuld, богатая элементами жалости и страха. Этотъ человѣкъ-братъ, если и не эпиченъ для насъ, то трагиченъ; если не величественъ,—то великъ по своимъ качествамъ и всемірно-великъ по своей судьбѣ. Другіе люди, признавъ его таковымъ, спустя долгое время, вспомнятъ его и подойдутъ къ нему поближе, чтобы разсмотрѣть его, вникнуть въ него, и будутъ говорить и пѣть о немъ на разныхъ языкахъ, пока не будетъ сказано настоящее; тогда будетъ найдена и формула, по которой можно судить его.

Итакъ, неукротимый Габріэль Оноре исчезаетъ здѣсь изъ ткани нашей исторіи, съ трагическимъ прощальнымъ привѣтомъ. Онъ ушелъ, этотъ цвѣтъ неукротимаго рода Рикетти или Арригетти; въ немъ родъ этотъ какъ бы съ послѣднимъ усиліемъ сосредоточиваетъ все, что въ немъ было лучшаго, и затѣмъ исчезаетъ или спускается до безразличной посредственности. Старый упрямецъ, маркизъ Мирабо, Другъ Людей, спитъ глубоко. Судья Мирабо, достойный дядя своего племянника, скоро умретъ, покинутый, въ одиночествѣ; Бочка-Мирабо уже перешедшій за Рейнъ, выведенъ изъ себя своимъ полкомъ эмигрантовъ. „Бочка-Мирабо“, говоритъ одинъ изъ его біографовъ, „въ негодованіи переправился за Рейнъ и сталъ обучать эмигрантскіе полки. Когда однажды утромъ онъ сидѣлъ въ своей палаткѣ, съ разстроеннымъ желудкомъ и сердцемъ, въ адскомъ настроеніи, размышляя объ оборотѣ, который стали принимать дѣла, какой-то капитанъ или субалтернъ-офицеръ попросилъ принять его по дѣлу. Капитану отказываютъ; онъ снова проситъ, съ тѣмъ же результатомъ, и такъ далѣе, пока полковникъ виконтъ Бочка-Мирабо, вспыхнувъ, какъ бочка спирта, не выхватываетъ шпагу и не бросается на этого назойливаго каналью,—но, увы! онъ наты-

---

[1]) Dumont, 287.

кнется на конецъ шпаги, которую назойливый каналья поспѣшно обнажилъ—и. умираетъ. Газеты называютъ это апоплексіей и ужаснымъ случаемъ“ Такъ умираютъ Мирабо.

О новыхъ Мирабо ничего не слышно; неукротимый родъ, какъ мы сказали, прекратился со своими великими представителями. Послѣднее часто наблюдается въ исторіи семействъ и родовъ, которые, послѣ долгихъ поколѣній посредственностей, производятъ какую нибудь живую квинтъ-эссенцію всѣхъ имѣющихся въ нихъ качествъ, сіяющую въ качествѣ міровой величины; и послѣ того успокоиваются, словно истощенные, и скипетръ переходитъ къ другимъ родамъ. Послѣдній избранникъ изъ рода Мирабо, избранникъ Франціи — ушелъ. Это онъ сдвинулъ старую Францію съ ея основанія, и онъ же, единственно своей рукой, удерживалъ отъ окончательнаго паденія готовое рухнуть зданіе. Какія дѣла зависѣли отъ одного этого человѣка! Онъ подобенъ кораблю, разбившемуся внезапно о подводную скалу: остатки его безпомощно несутся по пустыннымъ водамъ.

КНИГА IV.
Вареннъ.

ГЛАВА I.
Пасха въ Сенъ-Клу.

По всѣмъ человѣческимъ расчетамъ, французская монархія можетъ считаться теперь погибшей; она то продолжаетъ въ ослѣпленіи бороться, то впадаетъ въ слабость, такъ какъ погасъ послѣдній разумный руководящій лучъ. Остатокъ рессурсовъ ихъ злополучныя величества будутъ продолжать расточать въ неопредѣленномъ колебаніи и нерѣшительности. Самъ Мирабо жаловался, что они дарили его довѣріемъ только наполовину и, наряду съ его планомъ, всегда имѣли какой нибудь свой. Лучше бы имъ давнымъ давно открыто бѣжать съ нимъ въ Руанъ, или куда нибудь еще! Теперь имъ пришлось бы бѣжать уже съ неизмѣримо меньшими шансами на удачу, да и тѣ будутъ все убавляться, пока не дойдутъ до абсолютнаго нуля. Рѣшайся, королева; бѣдный Людовикъ не въ силахъ рѣшиться ни на что. Приведи этотъ планъ бѣгства въ исполненіе, или же оставь его совсѣмъ. Довольно переписываться съ Булье: какая польза отъ совѣщаній, предположеній, когда кругомъ все кипитъ неудержимой практической дѣятельностью? Крестьянинъ въ баснѣ сидитъ у рѣки, дожидаясь, пока въ ней стечетъ вся вода: передъ вами, увы, не обыкновенная рѣка, а разлитіе Нила; въ невидимыхъ горахъ таютъ снѣга, и вода будетъ нестись до тѣхъ поръ, пока все, и вы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидите, не будете затоплены ею.

Многое побуждаетъ къ бѣгству. Побуждаетъ голосъ прессы; роялистскія газеты гордо намекаютъ на него, какъ на угрозу; патріотическіе органы яростно объявляютъ его чѣмъ то ужаснымъ. Якобинское общество, становясь все настойчивѣе, приглашаетъ бѣжать!—оно настолько настойчиво, что, какъ и предсказывали, Лафайетъ и умѣренные патріоты вскорѣ отдѣляются отъ него и образуютъ новую вѣтвь—фельянтинцевъ; это вызываетъ безконечные публичные споры, въ которыхъ побѣда, какъ это ни кажется невѣроятнымъ, остается за неумѣреннымъ якобинскимъ обществомъ. Сверхъ того, со Дня Кинжаловъ, мы видѣли, что неумѣренный патріотизмъ открыто вооружается. Граждане, которымъ отказано въ „активности", что теперь въ шутку считается признакомъ нѣкоторой тяжести кошелька, не могутъ купить синихъ мундировъ и стать гвардейцами; но человѣкъ стоитъ больше синяго сукна; можно сражаться, если нужно, въ суднѣ всякаго цвѣта, а не то и вовсе безъ сукна—въ качествѣ санкюлота. Итакъ, пики продолжаютъ ковать, независимо отъ того, предназначаются ли кинжалы усовершенствованной формы, съ зазубринами, „для вестъ-индскаго рынка" или нѣтъ. Люди перековываютъ свои орала на шпаги, вмѣсто того чтобы поступать обратно, такъ какъ

въ Тюльери засѣдаетъ денно и нощно такъ называемый „Австрійскій комитетъ", Comite Autrichien? Патріотизмъ, на основаніи наглядныхъ доказательствъ, а не однихъ только подозрѣній, знаетъ это слишкомъ хорошо! Если король бѣжитъ, не произойдетъ ли тогда австрійско-аристократическаго вторженія, рѣзни, возвращенія феодализма, войнъ хуже гражданскихъ? Сердца людей полны горя и безумнаго страха.

Не мало хлопотъ причиняютъ и диссидентскіе священники. Изгнанные изъ своихъ приходскихъ церквей, гдѣ они замѣнены конституціонными священниками, избранными народомъ, эти несчастные укрываются въ женскихъ монастыряхъ или иныхъ подобныхъ притонахъ; собираютъ тамъ по воскресеньямъ компаніи анти-конституціонныхъ субъектовъ, внезапно сдѣлавшихся набожными [1]) и совершаютъ, или притворяются со своимъ тупымъ упрямствомъ, что совершаютъ, богослуженіе, на зло патріотамъ. Диссидентскіе священники проходятъ съ святыми дарами по улицамъ къ умирающимъ, видимо желая быть убитыми, но патріоты не исполняютъ этого желанія. Однако, меньшій мученическій вѣнецъ имъ все же удается получить: они принимаютъ мученичество не смерти, а сѣченія плетьми. Туда, гдѣ непокорные совершаютъ свое служеніе, являются патріоты и патріотки, съ крѣпкими орѣховыми хворостинами, и пускаютъ ихъ въ ходъ. Закрой глаза, читатель: не смотри на это бѣдствіе, отличающее это несчастное время, когда въ самомъ мученичествѣ не было искренности, а было только лицемѣріе и шарлатанство! Мертвая католическая церковь не можетъ оставаться мертвой, нѣтъ, ее гальванизируютъ, заставляя вернуться къ отвратительнѣйшему подобію жизни,—зрѣлище, передъ которымъ, какъ мы говорили, человѣчество закрываетъ глаза. Ибо патріотки берутъ розги и, подъ хохотъ окружающихъ, весело сѣкутъ священниковъ по широкимъ задамъ, а кстати, увы, и опрокинутыхъ монахинь, съ cotillons retroussés! Національная гвардія дѣлаетъ, что можетъ; муниципалитетъ взываетъ „къ принципамъ терпимости", отводитъ для богослуженій диссидентовъ церковь театинцевъ (Theatins), обѣщаетъ имъ покровительство. Но тщетно: на дверяхъ этой церкви появляется плакатъ, а надъ нимъ вывѣшивается—на подобіе fasces плебейскихъ консуловъ—пучокъ розогъ! Пусть принципы терпимости примѣняютъ, какъ знаютъ; но ни одинъ диссидентъ не долженъ совершать богослуженія; таковъ плебисцитъ по этому дѣлу, хотя и не высказанный, но непреложный, какъ законы мидянъ и персовъ. Упрямымъ диссидентскимъ священникамъ запрещено давать пріютъ, даже какъ частнымъ лицамъ: клубъ кордельеровъ открыто обвиняетъ самого короля, въ нарушеніи этого постановленія [2]).

Многое побуждаетъ къ бѣгству; но, пожалуй, всего болѣе то, что оно стало невозможнымъ. 15 апрѣля объявлено, что его величество, который сильно страдалъ въ послѣднее время отъ простуды, хочетъ насладиться нѣсколько дней весенней погодой въ Сенъ-Клу. Онъ хочетъ тамъ встрѣтить Пасху, пожалуй, даже съ непокорными анти-конституціонными диссидентами? Не вѣрнѣе ли, что онъ замышляетъ пробраться въ Компьенъ, а оттуда къ границѣ? Это и въ самомъ дѣлѣ могло бы быть; вѣдь, короля сопровождаютъ только двое пикеровъ, которыхъ легко подкупить! Во всякомъ случаѣ, возможность соблазнительная. Разсказываютъ, что тридцать тысячъ Рыцарей Кинжала караулятъ въ лѣсахъ;—именно въ лѣсахъ, именно тридцать тысячъ,—вѣдь, людское воображеніе ничѣмъ не связано. И какъ легко могутъ они, напавъ на Лафайета, отнять наслѣдственнаго представителя и умчаться съ нимъ, на подобіе вихря, куда угодно!—Довольно! лучше не отпускать короля въ Сенъ-Клу. Лафайетъ предупрежденъ и принялъ свои мѣры. Вѣдь, рискуетъ не онъ одинъ, а вся Франція.

Наступилъ понедѣльникъ 18 апрѣля, день, въ который назначенъ отъѣздъ на Пасху въ Сенъ-Клу. Національной гвардіи уже отданы приказы: первая ди-

---

[1]) Toulongeon, I, 262.

[2]) Газеты за апрѣль и іюнь 1791 (Hist. Parl. IX, 449; X 217).

визія въ качествѣ авангарда выступила и, вѣроятно, уже прибыла на мѣсто. Говорятъ, что Maison bouche (придворная кухня) въ Сенъ-Клу спѣшитъ съ приготовленіемъ обѣда для королевской семьи. Около часу королевскій экипажъ, запряженный четырьмя парами вороныхъ, величественно въѣзжаетъ на Карусельную площадь, чтобы принять царственныхъ пассажировъ. Но вдругъ съ сосѣдней церкви Сенъ-Рокъ раздается звонъ набата. Ужъ не украли ли короля? Онъ уѣзжаетъ? Уже уѣхалъ? Толпы народа наполняютъ Карусельную площадь: королевскій экипажъ все еще стоитъ—и, клянусь небомъ, останется стоять!

Выходитъ Лафайетъ, въ сопровожденіи адъютантовъ, и протискивается между группами, стараясь успокоить ихъ витіеватыми рѣчами: „Taisez-vous" (Молчите)—отвѣчаютъ ему: „король не долженъ уѣзжать". У одного изъ верхнихъ оконъ появляется Monsieur, и десять тысячъ голосовъ кричатъ и вопятъ: „Nous ne voulons pas que le roi parte!" (Мы не хотимъ, чтобы король уѣзжалъ). Ихъ величества сѣли въ экипажъ. Бичи хлопаютъ; но двадцать патріотскихъ рукъ схватываютъ каждую изъ восьми уздечекъ,—и лошади становятся на дыбы. Толкотня, крики, брань,—но экипажъ ни съ мѣста. Тщетно Лафайетъ сердится, негодуетъ, убѣждаетъ: патріоты, охваченные безумнымъ страхомъ, ревутъ вокругъ королевскаго экипажа, волнуясь, какъ бурное море отъ этого патріотическаго страха, перешедшаго въ неистовство. Не хочетъ ли король бѣжать въ Австрію, чтобы, подобно горящей ракетѣ, зажечь безконечный пожаръ гражданской войны? Остановите его вы, патріоты, во имя самого Неба! Грубые голоса страстно обращаются къ самому королю. Привратника Кампана и другихъ придворныхъ служителей, прибѣжавшихъ, чтобы подать помощь или совѣтъ, хватаютъ за перевязи и швыряютъ взадъ и впередъ весьма опаснымъ образомъ, такъ что ея величеству приходится горячо молить за нихъ изъ окна кареты.

Приказаній нельзя ни разслышать, ни исполнить; національные гвардейцы не знаютъ что дѣлать. Гренадеры центра изъ батальона Обсерваторіи находятся здѣсь; но не по службѣ, а увы, въ полумятежномъ состояніи; они произносятъ грубыя, непокорныя рѣчи, грозятся стрѣлять въ конныхъ гвардейцевъ, если тѣ тронутъ народъ. Лафайетъ то садится на лошадь, то слѣзаетъ съ нея; бѣгаетъ, запыхавшись, убѣждаетъ, доходитъ до крайней степени отчаянія. Это продолжается часъ и три четверти, „семь четвертей часа" по часамъ Тюльери! Съ отчаянія, Лафайетъ готовъ добиться проѣзда, хотя бы при помощи пушечнаго жерла, если прикажетъ его величество. Но ихъ величества, по совѣту друзей-роялистовъ и враговъ-патріотовъ, выходятъ изъ экипажа и удаляются съ тяжелымъ сердцемъ, негодуя и отказываясь отъ своего намѣренія. Повара въ Сенъ-Клу могутъ съѣсть приготовленный обѣдъ сами. Его величество не увидитъ Сенъ-Клу ни сегодня, ни когда бы то ни было [1]).

Итакъ, трогательная басня о плѣненіи въ собственномъ дворцѣ стала печальной дѣйствительностью. Король жалуется собранію, муниципалитетъ совѣщается, предлагаетъ петиціи, адрессъ; секціи отвѣчаютъ мрачнымъ, короткимъ отказомъ. Лафайетъ оставляетъ свою должность; появляется въ штатскомъ сюртукѣ цвѣта соли съ перцомъ; и убѣдить его вернуться на прежній постъ удается только черезъ три дня, да и то неслыханными мольбами: національные гвардейцы становятся передъ нимъ на колѣни, заявляя, что это не низкопоклонство, а преклоненіе свободныхъ людей передъ Статуей Свободы. Гренадеръ центра изъ батальона Обсерваторіи распускаютъ—на самомъ дѣлѣ, впрочемъ, всѣ они кромѣ четырнадцати зачисляются, подъ новымъ названіемъ, въ другіе гарнизоны. Король принужденъ провести Пасху въ Парижѣ, въ глубокомъ размышленіи объ этомъ странномъ положеніи вещей; но теперь онъ почти рѣшилъ бѣжать, такъ какъ желаніе его усилилось, вслѣдствіе затрудненій.

---

[1]) Deux Amis, VI, c. I; Hist. Parl. IX, 407—14.

ГЛАВА II.

Пасха въ Парижѣ.

Проектъ бѣгства возникалъ въ головѣ короля, повидимому, уже болѣе года, съ марта 1790 г., и время отъ времени конденсировался въ нѣкоторое подобіе намѣренія, но не то, такъ другое препятствіе постоянно заставляли его испаряться. Вѣдь, это такое рискованное дѣло, и, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ способное повести къ гражданской войнѣ; а, главное, дѣло, требующее усилій. Сонливая лѣнь здѣсь не умѣстна: если хочешь бѣжать, и не въ кожаной vache, то нужно, дѣйствительно, пошевеливаться. Ужъ не лучше ли принять ихъ конституцію и выполнять ее такъ, чтобы всѣ убѣдились въ ея невыполнимости? Лучше или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ, легче. Въ виду всѣхъ затрудненій оставалось бы сказать: на дорогѣ левъ лежитъ, смотрите, ваша конституція не можетъ дѣйствовать! Сонной личности не требуется усилій, чтобы подражать смерти,—госпожа Сталь и друзья свободы давно уже наблюдаютъ это въ королевскомъ правительствѣ: оно живеть faisant la mort (притворяясь мертвымъ).

Но что же можетъ выйти изъ этого теперь, когда возбужденное препятствіями желаніе сложилось въ опредѣленное намѣреніе, и мысль короля уже не колеблется между двумя рѣшеніями? Предположимъ, что бѣдный Людовикъ благополучно прибылъ къ Булье;—что въ сущности могло бы ожидать его тамъ? Раздраженные роялисты отвѣчаютъ: многое, все. Но холодный разумъ возражаетъ: немногое, почти ничего. Развѣ лояльность не законъ природы? спрашиваютъ первые. Развѣ любовь къ своему королю и даже смерть за него не славный долгъ всѣхъ французовъ—за исключеніемъ этихъ немногихъ демократовъ? Пусть эти демократическіе строители конституціи посмотрятъ, что они сдѣлаютъ безъ своего краеугольнаго камня; и Франція вырветъ на себѣ волосы, потерявъ своего наслѣдственнаго представителя!

Итакъ, король Людовикъ хочетъ бѣжать; нельзя только ясно понять, куда. Не похожъ ли онъ на мальчика, обиженнаго мачехой, который, въ раздраженіи убѣгаетъ, куда глаза глядятъ, растерзывая отцовское сердце? Бѣдный Людовикъ бѣжитъ отъ невыносимыхъ золъ къ невѣдомому смѣшенію добра и зла, окрашенному надеждой. Онъ уходитъ, какъ уходилъ, умирая, Рабле, искать великое Быть-можетъ: je vais chercher un grand Peut-être! Нерѣдко бываетъ вынужденъ поступать такъ, не только обиженный мальчикъ, но и взрослый, мудрый мужъ, въ непредвидѣнныхъ случаяхъ.

Къ тому же, нѣтъ недостатка въ побужденіяхъ и обидахъ со стороны мачехи, чтобы поддерживать это рѣшеніе на надлежащей высотѣ. Мятежные безпорядки не прекращаются; да и какъ могли бы они, въ самомъ дѣлѣ, прекратиться, безъ авторитетнаго заклинанія, при возмущеніи, которое, по самому существу своему, бездонно? Если прекращеніе мятежа должно быть цѣной за спячку короля, то онъ можетъ проснуться, когда хочетъ, и улетѣть.

Замѣтьте, во всякомъ случаѣ, какія уловки и извороты дѣлаетъ мертвый католицизмъ,—искусно гальванизированный;—отвратительное, и вмѣстѣ жалкое явленіе! Присяжные и диссидентскіе священники, съ своими бритыми головами, всюду яростно борются, или прекращаютъ борьбу, только для того чтобъ готовиться къ новому сраженію. Въ Парижѣ сѣченіе продолжается пока это нужно; напротивъ того, въ Морбиганѣ, въ Бретани, гдѣ не было сѣченія, крестьяне берутся за оружіе, поднятые барабаннымъ боемъ съ церковныхъ кафедръ, и бунтуютъ, сами не зная, почему. Посланный туда генералъ Дюмурье, находитъ все въ состояніи темнаго броженія; однако убѣждается, что многое еще можно сдѣлать разъясненіями и соглашеніями [1]).

---

[1]) Deux Amis, V. 410—21; Demouriez, II c. 5.

Зато, примите въ соображеніе слѣдующее: его святѣйшество Пій VI счелъ за благо отлучить отъ церкви епископа Таллейрана! Конечно, поразмысливъ, мы признаемъ, что нѣтъ живой или мертвой церкви на землѣ, которая не имѣла бы несомнѣнн...аго права отлучить Таллейрана. Папа Пій въ правѣ и можетъ сдѣлать это. Но, несомнѣнно, въ правѣ поступить по своему и отецъ Адамъ, ci-devant маркизъ Сенъ-Гюрюжъ. Посмотрите на смѣшанную, орущую толпу, собравшуюся четвертаго мая въ Пале-Роялѣ; среди нея возвышается отецъ Адамъ, зычноголосый Сенъ-Гюрюжъ, въ бѣлой шляпѣ, всѣмъ видный и слышный. Его сопровождаетъ, какъ говорятъ, журналистъ Горза и многіе другіе изъ умытаго класса, такъ какъ власти не хотятъ вмѣшиваться. Толпа несетъ высоко надъ головами Пія шестого въ мантіи и тіарѣ, съ ключами, эмблемой апостольской власти; онъ сдѣланъ въ натуральную величину изъ рѣшетинъ и горючей смолы. Руаю, друга короля, также несутъ въ изображеніи, съ кипой газетъ: это осужденные номера Ami-du-roi, достойное топливо для жертвоприношенія. Произносятся рѣчи; совершается судъ и громогласно объявляется на всѣ четыре стороны приговоръ. Затѣмъ, среди великаго ликованія, совершается подъ лѣтнимъ небомъ сожженіе его святѣйшества, изъ щепокъ и смолы, вкупѣ съ сопутствующими жертвами, возносится въ пламени и разсыпается въ пепелъ; папа распался; право или сила, со всѣхъ сторонъ, хорошо ли, худо ли выполнили свое дѣло, какъ могли [1]). Однако, какой длинный путь пришлось намъ совершить, считая отъ Мартина Лютера на базарной площади Виттенберга до маркиза Сенъ-Гюрюжъ въ парижскомъ Пале-Роялѣ, и въ какія странныя области завелъ онъ насъ! Никакая власть не можетъ теперь вмѣшаться. Даже самая религія, печалующаяся о такихъ вещахъ, должна, въ концѣ-концовъ, спросить себя: Что общаго у меня съ ними?

Вотъ какимъ необычнымъ образомъ кувыркается и прыгаетъ мертвый, искусно нагальванизированный католицизмъ! Ибо, если бы читатель спросилъ о томъ, что, собственно, представляетъ предметъ спора въ данномъ случаѣ: какая разница между ортодоксіей или моимъ ученіемъ и гетеродоксіей или твоимъ ученіемъ, то отвѣтъ гласилъ бы: мое ученіе заключается въ томъ, что верховное національное собраніе можетъ уравнять права епископства, что уравненный въ правахъ епископъ, разъ вѣра и требники оставлены нетронутыми, можетъ присягнуть въ вѣрности королю, закону и народу, и стать такимъ образомъ конституціоннымъ епископомъ. Твое же ученіе, если ты диссидентъ, заключается въ томъ, что онъ не можетъ сдѣлать это; въ противномъ же случаѣ, подлежитъ проклятію. Людское злонравіе нуждается только въ какой нибудь гомоюзійной іотѣ, или хотя бы предлогѣ къ таковой, чтобы устремиться въ изобиліи сквозь игольное ушко; стало быть, люди вѣчно будутъ спорить и горячиться,

И, подобно древнимъ стоикамъ, подъ портиками,
Въ ожесточенномъ спорѣ защищать свои церкви.

Устроенное Сенъ-Гюрюжемъ аутодафе совершилось 4 мая 1791 года. Королевская власть видитъ это, но молчитъ.

ГЛАВА III.

Графъ Ферзенъ.

Въ это время приготовленія къ бѣгству короля, повидимому далеко подвинулись. Къ несчастью, приготовленія требуются большія. Если бъ наслѣдственнаго представителя можно было увезти въ кожаной vache, это было бы очень легко! Но это невозможно.

[1]) Hist. Parl. X, 99—102.

Нужны новыя платья, какъ обыкновенно при всякихъ эпическихъ событіяхъ даже въ мрачные желѣзные вѣка; вспомнимъ „королеву Кримгильду съ ея шестьюдесятью швеями“ въ желѣзной пѣснѣ о Нибелунгахъ! Ни одна королева не можетъ двинуться безъ новыхъ платьевъ. Поэтому г-жа Кампанъ ревностно летаетъ отъ одного дамскаго портного къ другому, и происходитъ кройка платьевъ и нарядовъ, верхнихъ и нижнихъ вещей, большихъ и маленькихъ; такая кройка и шитье, что лучше было бы обойтись безъ нихъ. Кромѣ того, ея величество не можетъ ступить ни шагу безъ своего несессера, дорогого несессера изъ инкрустированнаго розоваго дерева съ слоновой костью, съ замысловатыми отдѣленіями, заключающими духи, туалетныя принадлежности, безконечное количество подобающихъ королевѣ и необходимыхъ для земной жизни мелкихъ вещицъ. Для доставки этой самой жизненной необходимости фламандскими возчиками требуется затрата около пятисотъ луидоровъ, большое количество драгоцѣннаго времени и затруднительное соблюденіе тайны, которая однако не остается тайной. И все это для того, чтобы этими вещами никогда не пользоваться [1]). Эти обстоятельства служатъ дурнымъ предзнаменованіемъ для удачи предпріятія; но капризамъ женщинъ и королевъ должно угождать.

Булье, съ своей стороны, устраиваетъ укрѣпленный лагерь въ Монмеди, собираетъ тамъ полкъ Ройаль Аллеманъ и всѣ другія нѣмецкія и французскія войска, „для наблюденія за австрійцами“. Его величество не хочетъ переходить границу, если не будетъ вынужденъ къ тому. Не будутъ особенно прибѣгать и къ эмигрантамъ, такъ какъ они ненавистны народу [2]). Старый богъ войны Бролье тоже не приложитъ руки къ этому дѣлу; все устроитъ одинъ нашъ храбрый Булье, которому, въ день встрѣчи, освобожденный король пожалуетъ маршальскій жезлъ, при ликованіи всѣхъ войскъ. А тѣмъ временемъ, такъ какъ Парижъ сталъ такъ подозрителенъ, не написать ли иностраннымъ посламъ открытое конституціонное письмо, въ которомъ попросить всѣхъ королей и людей принять къ свѣдѣнію, что король Людовикъ любитъ конституцію; что онъ добровольно присягнулъ и опять присягаетъ свято соблюдать ее, и объявитъ своими врагами всѣхъ, кто станетъ утверждать противное? Такой конституціонный циркуляръ разсылается черезъ курьеровъ, конфиденціально сообщается собранію и печатается во всѣхъ газетахъ, съ наилучшими результатами [3]). Притворство и обманъ въ значительной мѣрѣ примѣшиваются къ людскимъ поступкамъ.

Мы замѣчаемъ, однако, что графъ Ферзенъ часто пользуется своимъ входнымъ билетомъ, на что, разумѣется, онъ имѣетъ достаточное право. Это щеголеватый воинъ и шведъ, преданный прелестной королевѣ, — какъ и самъ верховный шведъ. Развѣ король Густавъ, извѣстный пламенный Chevalier du Nord, не провозгласилъ себя, по древнему рыцарскому обычаю, ея слугой? Онъ явится на огненныхъ крыльяхъ шведскихъ мушкетовъ и спасетъ ее отъ этихъ безобразныхъ драконовъ,—если, увы, не вмѣшается пистолетъ убійцы!

Но, въ самомъ дѣлѣ, графъ Ферзенъ, повидимому, любезный молодой воинъ съ живыми рѣшительными манерами; онъ бываетъ вездѣ, видимый или невидимый, и занятъ разными дѣлами. Точно также и полковникъ герцогъ Шуазель, племянникъ великаго Шуазеля, нынѣ умершаго; онъ и инженеръ Гогела ѣздятъ взадъ и впередъ между Мецомъ и Тюльери и развозятъ шифрованныя письма,—одно изъ нихъ, очень важное, трудно дешифрировать, потому что Ферзенъ шифровалъ его наспѣхъ [4]). Что касается до герцога Вилькье, то онъ уѣхалъ со Дня Кинжаловъ, но его квартира весьма полезна для ея величества.

Съ другой стороны, бѣдный комендантъ Гувіонъ, который, въ качествѣ помощника при національной командѣ, охраняетъ Тюльери, видитъ много различ-

---

[1]) Campan, II c. 18.

[2]) Bouillé, Mémoires, II, c. 10.

[3]) Moniteur, Seance du 23 avril, 1791.

[4]) Choiseul, Relation du Départ de Louis XVI (Paris, 1822), p. 39.

нистымъ глазамъ, послалъ гонца къ Лафайету; и карета Лафайета, мелькая огнями, въѣзжаетъ въ эту минуту подъ среднюю арку Карусельной площади. Ей встрѣчается въ широкополой цыганской шляпѣ, опирающаяся на руку слуги, по виду также гонца или курьера, дама, сторонится, чтобы пропустить карету, и даже, изъ шалости, касается спицы ея колеса своею badine—маленькой волшебной палочкой, какія носили въ тѣ времена красавицы. Освѣщенная карета Лафайета проѣзжаетъ мимо: все спокойно на Дворѣ принцевъ; часовые на своихъ постахъ; аппартаменты ихъ величествъ замкнуты въ мирномъ покоѣ. Вѣроломная камеристка, должно быть, ошиблась? Стереги, Гувіонъ, съ бдительностью Аргуса; въ этихъ стѣнахъ дѣйствительно таится измѣна.

Но гдѣ же дама въ цыганской шляпѣ, которая посторонилась и тронула колесную спицу своей badine? О, читатель, дама, коснувшаяся колесной спицы, была королева Франціи! Она вышла благополучно изъ подъ внутренней арки на самую Карусельную площадь, но не на улицу Эшелль: взволнованная грохотомъ кареты и встрѣчей, она повернула направо, а не налѣво; ни она, ни ея курьеръ не знаютъ Парижа; онъ, въ дѣйствительности, не курьеръ, а преданный глупый ci-devant лейбъ-гвардеецъ, переодѣтый курьеромъ. Они идутъ въ совершенно противоположную сторону, черезъ Королевскій мостъ, переходятъ за рѣку, блуждаютъ растерянно по улицѣ Бакъ, далеко отъ возницы, который все еще ждетъ, ждетъ, съ сильнымъ біеніемъ сердца, съ мыслями, которыя долженъ держать подъ своимъ плотно застегнутымъ кучерскимъ камзоломъ.

На всѣхъ городскихъ часахъ бьетъ полночь; пропалъ цѣлый драгоцѣнный часъ; большинство обывателей спитъ. Кучеръ все ждетъ и въ какомъ настроеніи! Подъѣзжаетъ собратъ его, вступаетъ въ разговоръ; нашъ возница охотно отвѣчаетъ на кучерскомъ жаргонѣ; товарищи по кнуту обмѣниваются понюшкой табаку [1]), отказываются отъ совмѣстной выпивки и разстаются, пожелавъ другъ другу покойной ночи. Благодареніе небу! вотъ, наконецъ, королева въ цыганской шляпѣ, счастливо избѣжавшая опасностей: ей пришлось распрашивать дорогу. Она садится въ экипажъ; ея курьеръ вскакиваетъ на запятки, какъ уже сдѣлалъ другой, тоже переодѣтый лейбъ-гвардеецъ; теперь, о, единственный кучеръ изъ тысячи,—графъ Ферзенъ, ибо читатель видитъ, что это ты,—трогай!

Пыль не пристаетъ къ копытамъ коней Ферзена: хлопъ! хлопъ! Колеса затрещали по мостовой, всѣ груди стали дышать свободнѣе. Но на вѣрномъ ли пути Ферзенъ? Мы должны были ѣхать на сѣверовостокъ, къ заставѣ Сенъ-Мартенъ, откуда лежитъ большая дорога на Мецъ; а онъ ѣдетъ прямо на сѣверъ! Царственный пассажиръ въ круглой шляпѣ и парикѣ сидитъ въ изумленіи; но правильно, или нѣтъ взятъ путь, а дѣлать уже нечего. Хлопъ, хлопъ! мы ѣдемъ безостановочно по спящему городу. Съ тѣхъ поръ, какъ Парижъ выросъ изъ глины, или съ тѣхъ поръ какъ длинноволосые короли проѣзжали въ повозкахъ на быкахъ, ему рѣдко приходилось видѣть такую скачку. Хлопъ, хлопъ! по улицѣ Граммонъ, черезъ бульваръ, вверхъ по улицѣ Шоссе д'Антенъ—эти окна, въ № 42, теперь такія спокойныя,—это бывшая квартира Мирабо. Обыватели, по обѣимъ сторонамъ улицъ, заперлись и спять, растянулись въ горизонтальномъ положеніи, а мы не спимъ и трепещемъ! Мы ѣдемъ не къ заставѣ Сенъ-Мартенъ, а къ заставѣ Клиши, на крайнемъ сѣверѣ Парижа. Терпѣніе, царственныя особы; Ферзенъ знаетъ, что дѣлаетъ. Поднимаясь по улицѣ Клиши, онъ останавливается на минуту у дома г-жи Сюлливанъ: „Что кучеръ графа Ферзена взялъ новую берлину баронессы Корфъ?—„Уѣхалъ съ ней часа полтора назадъ", бормочетъ въ отвѣтъ сонный привратникъ.—„C'est bien".—Да, хорошо;—но лучше было бы, если бъ эти полтора часа не были потеряны. Поэтому, впередъ, Ферзенъ, скорѣе черезъ заставу Клиши, затѣмъ на востокъ, вдоль Внѣшняго бульвара, спѣши, насколько хватитъ силъ у лошадей и бича!

---

[1]) Weber II, 340—2; Choiseul, pp. 44—56.

Такъ ѣдетъ Ферзенъ подъ кровомъ благоухающей ночи. Сонный Парижъ лежитъ теперь весь направо отъ него, безмолвный, за исключеніемъ легкаго глухого храпа. И вотъ онъ уже на востокѣ у заставы Сенъ-Мартенъ и озабоченно высматриваетъ берлину баронессы Корфъ. Наконецъ-то онъ видитъ эту благословенную берлину, запряженную шестеркой лошадей, и его собственный кучеръ-нѣмецъ сидитъ на козлахъ. Браво, добрый нѣмецъ, теперь спѣши- ты знаешь, куда!—Спѣшите и вы, сидящіе въ извощичьей каретѣ! Много времени уже потеряно. Августѣйшіе пассажиры извощичьей кареты, шесть сѣдоковъ, быстро перегружаются въ новую берлину; два лейбъ-гвардейца становятся на запятки. Извощичья карета, обернутая по направленію къ городу, можетъ ѣхать, куда хочетъ,—по утру ее найдутъ опрокинутой въ канаву. А Ферзенъ уже сидитъ на другихъ козлахъ, покрытыхъ новыми чехлами, и взмахиваетъ бичомъ, гоня къ Бонди. Тамъ долженъ находиться третій и послѣдній курьеръ— лейбъ-гвардеецъ, съ готовыми почтовыми лошадьми. Тамъ же должна быть и купленная коляска, съ двумя камеристками и картонками, безъ которыхъ ея величество тоже не могла выѣхать. Живѣе, проворный Ферзенъ, и да поможетъ небо, чтобъ все кончилось хорошо!

Пока, благодареніе небу, все благополучно. Вотъ спящая деревня Бонди, коляска съ камеристками, лошади готовы, почтальоны въ смазныхъ сапогахъ нетерпѣливо ждутъ, поджимаясь отъ росы. Быстро перепрягаютъ, почтальоны въ смазныхъ сапогахъ вскакиваютъ въ сѣдла, кружа короткими звонкими кнутами. Ферзенъ, въ кучерской одеждѣ, прощаясь, склоняется съ глубокой почтительностью, и королевскія руки машутъ въ отвѣтъ, съ безмолвной невыразимой благодарностью; берлина баронессы Корфъ съ французскимъ монархомъ удаляется отъ него, какъ оказалось—навсегда. Проворный Ферзенъ скачетъ наперерѣзъ къ сѣверу, по полямъ, къ Бугре, доѣзжаетъ до Бугре, находитъ ожидающаго его нѣмца-кучера съ экипажемъ, несется дальше и уѣзжаетъ, незамѣченный, въ безвѣстную даль. Проворный, энергичный человѣкъ; то, за что онъ взялся, сдѣлано быстро и успѣшно.

Итакъ, значитъ, король Франціи дѣйствительно бѣжалъ? Въ эту прелестную ночь, самую короткую въ году, онъ бѣжитъ и уносится вдаль! Б а р о н е с с а К о р ф ъ, на самомъ дѣлѣ, г-жа де Турзель,—гувернантка королевскихъ дѣтей; та самая, что вышла закутанная съ двумя закутанными дѣтьми, маленькимъ дофиномъ, и маленькой Madame Royale, извѣстной, много лѣтъ спустя, подъ именемъ герцогини Ангулемской. К а м е р и с т к а баронессы Корфъ — королева въ цыганской шляпѣ. Царственная особа въ парикѣ и круглой шляпѣ въ настоящее время—л а к е й. Другая закутанная дама, выдаваемая за д о р о ж н у ю с п у т н и ц у — добрая сестра Елизавета; она поклялась давно, со времени возстанія женщинъ, что только смерть разлучитъ ее съ этой семьей. И вотъ они мчатся, но не слишкомъ стремительно, черезъ Бондійскій лѣсъ,—черезъ этотъ Рубиконъ въ ихъ личной исторіи и въ исторіи Франціи.

Знаменательные часы, хотя грядущее очень смутно! Застанемъ ли мы Буле? Что, если не застанемъ? О, Людовикъ! вокругъ тебя великая спящая земля (а надъ тобой великое бодрствующее небо); спящій Бондійскій лѣсъ,— гдѣ длинноволосый Хильдерикъ Тунеядецъ былъ пронзенъ мечомъ [1],—надо думать, не безъ причины въ мірѣ, подобномъ нашему. Эти остроконечныя каменныя башни—Ренси;—башни безбожныхъ Орлеановъ. Все спитъ, кромѣ далеко разносящагося шума нашей новой берлины. Огородникъ, въ болтающейся какъ на птичьемъ пугалѣ одеждѣ, медленно тащится рядомъ со своимъ осломъ, везущимъ раннюю зелень; это единственное существо, которое мы встрѣчаемъ. Впереди, съ сѣверовостока все чаще поднимается сѣрый предразсвѣтный туманъ; кое-гдѣ изъ росистой чаши лѣса птицы короткимъ щебетаніемъ привѣтствуютъ восходящее солнце. Блѣднѣютъ звѣзды и млечный путь, уличные фо-

[1]) Hénault, Abrégé Chronologique, p. 36.

нари Божьяго Города. Вселенная, о, братья, широко распахиваетъ врата передъ встающимъ Великимъ Всевышнимъ Царемъ. А ты, бѣдный король Людовикъ, спѣшишь, какъ и всякій смертный, къ Восточной Странѣ Надежды; и Тюльери съ ихъ королевскими вставаніями, и Францiя, и сама земля, не болѣе какъ нѣчто въ родѣ большой собачьей конуры,—обитатели которой иногда впадаютъ въ бѣшенство.

ГЛАВА IV.

Бѣгство.

Но что было въ Парижѣ, въ шесть часовъ утра, когда нѣкій патріотическій депутатъ, предупрежденный запиской, разбудилъ Лафайета, и оба поспѣшили въ Тюльери?—Воображеніе можетъ представить, но слова безсильны изобразить изумленіе Лафайета, или растерянность, съ которой безпомощный Гувіонъ таращилъ свои стеклянистые глаза аргуса, понявъ наконецъ, что его камеристка говорила правду!

Однако, слѣдуетъ отмѣтить, что Парижъ благодаря верховному національному собранію, въ это подобіе суднаго дня, превзошелъ самого себя. Никогда, по показаніямъ исторически-достовѣрныхъ свидѣтелей, не замѣчалось у него такой „внушительной осанки“ [1]). Всѣ секціи засѣдаютъ „непрерывно“, такъ же какъ и городской совѣтъ, сдѣлавшій предварительно, около 10 часовъ, три тревожныхъ выстрѣла. Непрерывно засѣдаетъ и національное собраніе; оно рѣшаетъ, что нужно дѣлать;—рѣшаетъ единогласно, такъ какъ правая сторона безмолвствуетъ, напуганная фонаремъ. Рѣшенія принимаются быстро и съ величавымъ спокойствіемъ. Приходится вотировать, ибо дѣло слишкомъ очевидно, что его величество похищенъ или „увлеченъ“ силой внушенія какихъ нибудь неизвѣстныхъ лицъ или лица. Что же въ такомъ случаѣ требуетъ отъ насъ конституція? Обратимся, какъ мы всегда говоримъ, къ основнымъ принципамъ: „revenons aus principes“.

По первому или второму принципу многое рѣшается быстро: посылаютъ за министрами, даютъ имъ указанія, какъ отправлять въ дальнѣйшемъ свои обязанности; допрашиваютъ Лафайета и Гувіона, который даетъ весьма безсвязный отчетъ, лучшій, на какой онъ способенъ. Найдены письма; одно изъ нихъ чрезвычайно длинное, написанное рукой короля и явно сочиненное имъ самимъ, адресовано къ національному собранію. Въ немъ серьезно съ дѣтскимъ простодушіемъ излагаются всѣ крупныя и мелкія обиды, перенесенныя его величествомъ. Неккера встрѣчаютъ рукоплесканіями, а его, короля, нѣтъ; затѣмъ, возстаніе; недостатокъ необходимой мебели въ Тюльери, недостатокъ денегъ по цивильному листу; вообще недостатокъ въ деньгахъ, мебели и порядкѣ; всюду анархія; дефицитъ до сихъ поръ, даже въ самой малой мѣрѣ не уменьшенъ, „не только не покрытъ, comblé“—и вслѣдствіе всего этого, его величество удаляется въ мѣсто свободы, предоставивъ санкціямъ, федеративнымъ и всякимъ прочимъ клятвамъ вывертываться самимъ, и ссылается теперь —какъ бы думало верховное собраніе, на что?—на „декларацію двадцать третьяго іюня“, съ ея „Seul il fera“. Онъ одинъ сдѣлаетъ свой народъ счастливымъ. Какъ будто это заявленіе уже не похоронено, и похоронено глубоко, подъ двумя непреложными годами, и крушеніемъ и обломками всего феодальнаго міра! Національное собраніе рѣшаетъ отпечатать это странное собственноручное письмо и разослать его въ восемьдесятъ три департамента съ пояснительными, краткими, но сильными примѣчаніями. Во всѣ стороны разсылаются комиссары;

---

[1]) Deux Amis, VI, 67—178; Toulongeon, II, 1—38; Camille, Prudhomme etc. (Hist. Parl., X, 240—4).

необходимо ободрить народъ, усилить армію, озаботиться, чтобы общее благо не пострадало. А теперь, съ величаво-спокойнымъ, даже равнодушнымъ видомъ, мы „переходимъ къ порядку дня“.

Это величественное спокойствіе разсѣиваетъ страхъ народа. Сверкающіе лѣса пикъ, зловѣще щетинившіеся на утреннемъ солнцѣ, снова исчезаютъ; громогласные уличные ораторы умолкаютъ или разглагольствуютъ тише. Если суждено быть у насъ гражданской войнѣ, такъ пусть она будетъ. Король уѣхалъ, но національное собраніе, но Франція и мы остались. Принимаетъ и народъ величавую осанку; и онъ такъ же спокоенъ и неподвиженъ, какъ отдыхающій левъ. Только тихое рыканіе, нѣсколько взмаховъ хвостомъ показываютъ, что онъ можетъ с д ѣ л а т ь! Казалеса, напримѣръ, окружили на улицѣ группы съ криками „на фонарь“, но національные патрули безъ труда освободили его. Уничтожены уже всѣ изображенія и статуи короля, по крайней мѣрѣ, гипсовыя. Даже самое имя его, самое слово R o i разомъ исчезаетъ со всѣхъ магазинныхъ вывѣсокъ: королевскій бенгальскій тигръ, на бульварахъ, становится просто національнымъ, Tigre National [1]).

Какъ великъ спокойно спящій народъ! На утро люди скажутъ другъ другу: „У насъ нѣтъ короля, однако мы спали довольно хорошо“. На завтра пламенный Ахиллъ де Шатле и Тома Пэнъ, мятежный портной, обильно заклеютъ стѣны Парижа своими плакатами съ объявленіемъ, что Франція должна стать р е с п у б л и к о й [2]). Прибавлять ли, что и Лафайетъ, хотя ему и грозили вначалѣ пиками, принялъ величавую осанку, самую величавую изо всѣхъ? Развѣдчики и адъютанты спѣшатъ наудачу, на розыски и преслѣдованіе бѣглецовъ; молодой Ромёфъ устремляется въ Валансьенъ, хотя съ слабой надеждой.

Таковъ Парижъ: величественно спокойный въ своей утратѣ. Но изъ Messageries Royales, во всѣхъ почтовыхъ сумкахъ, далеко разносится электризующая новость: нашъ наслѣдственный представитель бѣжалъ. Смѣйтесь, черные роялисты, но только въ кулакъ, чтобы патріотизмъ не замѣтилъ и, разсвирѣпѣвъ, не пригрозилъ вамъ фонаремъ! Вѣдь, только въ Парижѣ имѣется величавое національное собраніе съ его внушительнымъ спокойствіемъ; въ другихъ мѣстахъ эту новость могутъ принять иначе: съ разинутыми ртами, выпученными глазами, съ панической болтовней, гнѣвомъ, предположеніями. Каждый изъ этихъ невзрачныхъ кожаныхъ дилижансовъ, съ кожаной сумкой, и словами „король бѣжалъ“ взбудораживаетъ на пути спокойную Францію, превращаетъ безмятежное общественное настроеніе городовъ и селъ въ трепетное волненіе и смертельный страхъ и затѣмъ громыхаетъ далѣе, какъ ни въ чемъ не бывало. Вѣсть разносится по всѣмъ дорогамъ, до самыхъ крайнихъ границъ, пока вся Франція не взбудораживается и не превращается (говоря метафорически) въ огромнаго, злобно бормочущаго индюка, съ налившимся кровью гребнемъ.

Такъ, напримѣръ, кожаное чудовище прибываетъ въ Нантъ поздней ночью, когда городъ погруженъ въ глубокій сонъ. Привезенная вѣсть разомъ будитъ всѣхъ патріотовъ, генералъ Дюмурье выходитъ изъ спальни въ халатѣ и видитъ, что улица запружена „четырьмя или пятью тысячами гражданъ въ рубашкахъ“ [3]). Кое гдѣ мелькаетъ слабый огонекъ сальной свѣчи; масса темныхъ, растерянныхъ лицъ подъ сдвинутыми на затылокъ ночными колпаками, съ развѣвающимися полами ночныхъ сорочекъ ждутъ съ разинутыми ртами, что скажетъ генералъ. А надъ ними, какъ всегда, спокойно вращается Большая Медвѣдица вокругъ Волопаса, равнодушная, какъ самъ кожаный дилижансъ. Успокойтесь, жители Нанта; Волопасъ и Большая Медвѣдица обращаются попрежнему на своемъ мѣстѣ; старая Атлантика, попрежнему, посылаетъ свои рокочущія волны въ вашу Луару; водка будетъ, попрежнему, горячить ваши желудки; это еще не

---

[1]) Walpoliana.

[2]) Dumont, c. 16.

[3]) Dumouriez, Mémoires, II, 109.

послѣдній день, но одинъ изъ предпослѣднихъ. Глупцы! Если бы они знали, что происходитъ въ эти самыя минуты, также при сальныхъ свѣчахъ, на далекомъ сѣверовостокѣ!

Едва ли кто находился въ это время въ Парижѣ или во Франціи, въ большемъ страхѣ, чѣмъ—кто бы вы думали?—зеленоватый Робеспьеръ. Удвоенная блѣдность съ тѣнями, какъ у повѣшеннаго, покрываетъ его зеленыя черты: онъ слишкомъ хорошо понимаетъ, что патріотамъ грозитъ „Варѳоломеевская ночь"; что черезъ двадцать четыре часа его не будетъ въ живыхъ. Одна достовѣрная свидѣтельница слышитъ, какъ онъ выражаетъ эти ужасныя предчувствія у Петіона. Свидѣтельница эта—г-жа Роланъ, та, которую мы видѣли въ прошломъ году сіяющей на провозглашеніи федераціи въ Ліонѣ. Послѣдніе четыре мѣсяца Роланы находились въ Парижѣ, разбирая съ комитетами національнаго собранія городскія дѣла Ліона, запутавшагося въ долгахъ; за это время они видаются со всѣми выдающимися патріотами: съ Бриссо, Петіономъ, Бюзо, Робеспьеромъ и другими. „Всѣ они, говоритъ красивая хозяйка, имѣли обыкновеніе приходить къ намъ по вечерамъ четыре раза въ недѣлю". Эти люди, бѣгающіе сегодня озабоченнѣе, чѣмъ когда-либо, утѣшали зеленаго человѣка; говорили о плакатахъ Ахилла де Шатле; о газетѣ, которая будетъ называться „Р е с п у б л и к а н е ц ъ", о приготовленіи умовъ къ республикѣ. „Республика?" говоритъ зеленый, со своимъ сухимъ, хриплымъ, н е шутливымъ смѣхомъ, „что это такое?" [1]) О, неподкупный Робеспьеръ! Увидишь, что это!

ГЛАВА V.

Новая берлина.

Развѣдчики и адъютанты ѣхали быстрѣе кожаныхъ дилижансовъ. Молодой Ромёфъ, какъ мы уже сказали, раннимъ утромъ отправился въ Валансьенъ, но обезумѣвшіе крестьяне схватываютъ его дорогой, какъ измѣнника, какъ участника заговора и тащутъ обратно въ Парижъ въ городскую ратушу и національное собраніе, которое спѣшитъ выдать ему новый паспортъ. Теперь даже и птичье пугало—огородникъ съ осломъ—вспоминаетъ о большой, новой берлинѣ, видѣнной имъ въ лѣсу въ Бонди, и сообщаетъ объ этомъ кому слѣдуетъ [2]). Ромёфъ, снабженный новымъ паспортомъ, посылается съ удвоенной поспѣшностью по болѣе надежному слѣду: черезъ Бонди, Клэ и Шалонъ, чтобы выслѣдить по дорогѣ въ Мецъ новую берлину, и скачетъ в о в е с ь о п о р ъ.

Злополучная новая берлина! Почему бы королю не уѣхать въ какой нибудь старой, похожей на берлины прочихъ людей? Когда бѣгутъ, ради спасенія жизни, нечего обращать вниманіе на экипажъ. M o n s i e u r отправился на сѣверъ въ обыкновенной дорожной каретѣ; Madame, его супруга, въ другой, по другой дорогѣ; они встрѣчаются на станціи, во время перемѣны лошадей, даже взглядомъ не выдаютъ, что знакомы другъ съ другомъ, и достигаютъ Фландріи, безъ всякихъ помѣхъ. Совершенно такъ же и почти въ тотъ же часъ собирается въ путь красавица принцесса де Ламбаль и благополучно достигнетъ Англіи:—лучше бы ей тамъ и остаться! Но ей, прелестной, доброй и несчастной, предназначенъ страшный конецъ!

Всѣ бѣгутъ быстро, безъ помѣхи, за исключеніемъ новой берлины. Огромная кожаная повозка,—можно сказать галера, или судно Акапулька, съ тяжелой буксирной шлюпкой, парной коляской, съ тремя желтыми лоцманскими лодками, въ видѣ конныхъ лейбъ-гвардейскихъ курьеровъ, безцѣльно гарцующихъ, то впереди, то съ боковъ, и только путающихъ, а не направляющихъ,—все это та-

---

[1]) Madame Roland, II, 70.

[2]) Moniteur, etc. (Hist. Parl. X, 244-253).

щится черепашьимъ шагомъ, замѣчаемое всѣми. Курьеры лейбъ-гвардейцы, въ желтыхъ ливреяхъ, рисуются и топочатъ, преданные, но глупые, ни въ чемъ не освѣдомленные. Приходится останавливаться, происходитъ поломка, которую исправляютъ въ Этожѣ. Король Людовикъ хочетъ выйти, подняться на холмъ и насладиться благословеннымъ солнцемъ. При одиннадцати лошадяхъ и двойномъ вознагражденіи за услуги, при всѣхъ пособіяхъ природы и искусства, оказывается, что король, спасающій бѣгствомъ свою жизнь, сдѣлалъ за двадцать два часа безостановочной ѣзды всего шестьдесятъ девять миль! Что за мѣшкотность! А, вѣдь, каждая минута изъ этихъ часовъ драгоцѣнна: отъ минутъ теперь зависятъ судьбы королевства!

Поэтому читатели могутъ представить себѣ, въ какомъ настроеніи находится теперь герцогъ Шуазель въ деревнѣ Понъ-де Соммевелль, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Шалона; онъ тщетно ждетъ часъ за часомъ, а день уже замѣтно клонится къ вечеру. Шуазель выѣхалъ изъ Парижа тайно, за десять часовъ до назначеннаго для отъѣзда ихъ величествъ времени; его гусары, подъ командой инженера Гогела, уже здѣсь, для „сопровожденія ожидаемаго сокровища", но часы проходятъ, а берлины баронессы Корфъ все нѣтъ. По всей сѣверовосточной области, на границѣ Шампани и Лотарингіи, гдѣ проходитъ большая дорога, замѣчается значительное возбужденіе, такъ какъ по всему пути отъ Понъ-де-Соммевилля на сѣверовостокъ до Монмеди, по всѣмъ деревнямъ и городамъ, черезъ которые проходитъ почтовый трактъ, снуютъ ожидающіе эскорты драгунъ и гусаръ рядъ, или цѣпь военныхъ эскортовъ,—на концѣ которой у Монмеди находится самъ бравый Булье; это электрическая грозовая цѣпь, которую невидимый Булье, подобно отцу Юпитеру, держитъ въ своей рукѣ,—онъ знаетъ зачѣмъ! Храбрый Булье сдѣлалъ все возможное для человѣка: протянулъ свою электрическую цѣпь военныхъ эскортовъ впередъ, до границъ Шалона; она ожидаетъ только новой берлины Корфъ, чтобы встрѣтить ее, эскортировать и, въ случаѣ надобности, умчать ее въ вихрѣ ружейнаго огня. И вотъ эти свирѣпые воины расположились во всѣхъ почтовыхъ деревняхъ отъ Монмеди и Стене черезъ Клермонъ, Сентъ-Менегульдъ до самаго Понъ-де-Соммевелля, потому что путь берлины долженъ лежать черезъ нихъ, минуя Верденъ и большіе города; по всему этому протяженію стоятъ войска и нетерпѣливо ждутъ „прибытія сокровища".

Подумайте, что это за день для браваго Булье: быть можетъ, первый день новой славной карьеры и, во всякомъ случаѣ, послѣдній день старой! Въ то же время,—и, пожалуй, еще больше,—какой это прекрасный и страшный день для нашихъ молодыхъ, породистыхъ офицеровъ: Дандуэна, графа де Дама, герцога Шуазеля, инженера Гогела, и имъ подобныхъ, посвященныхъ въ тайну! Но, увы, день все болѣе клонится къ закату, а берлина баронессы не показывается. Прошло четыре часа сверхъ назначеннаго времени, и все еще нѣтъ берлины. По всѣмъ деревенскимъ улицамъ расхаживаютъ роялистскіе офицеры, частенько посматривая въ сторону Парижа; лица ихъ безпечны, но сердца полны мрачной заботы; строгіе квартирмейстеры съ трудомъ сдерживаютъ драгунскихъ солдатъ, рвущихся въ кофейны и кабаки [1]). Возсіяй же надъ нашимъ смущеніемъ, о, новая берлина; возсіяй надъ нами, какъ колесница Феба, новая берлина, везущая судьбу Франціи!

Эти военные эскорты были разставлены по приказанію его величества: они успокаивали воображеніе короля, видѣвшаго въ нихъ надежную опору и помощь; но, въ дѣйствительности, только вызывали тревогу и безконечныя опасности тамъ, гдѣ раньше ихъ не было. Всякій патріотъ въ этихъ деревняхъ на почтовомъ трактѣ естественно спрашивалъ: Что означаетъ этотъ топотъ кавалеріи и марширование войскъ. Необходимость эскортировать казенныя деньги? Но къ чему эскортъ, когда ни одинъ патріотъ не собирается обкрадывать націю? И гдѣ ваше сокро-

---

[1]) Déclaration du Sieur La Gache du régiment Royal-dragons (Choiseul, pp. 125—39).

вище? Было слишкомъ много маршей и контрмаршей, потому что произошла другая роковая случайность: нѣкоторые изъ этихъ военныхъ эскортовъ прибыли еще наканунѣ, такъ какъ сначала было назначено девятнадцатое, а не двадцатое число, но ея величество, по той или другой причинѣ, сочла за благо измѣнить его. А имѣйте въ виду подозрительность патріотовъ, подозрительность, въ особенности по отношенію къ Булье, аристократу! И это угрюмо-недовѣрчивое настроеніе имѣло возможность накопляться и обостряться въ теченіе двадцати четырехъ часовъ!

Въ Понъ-де-Соммевелль прибытіе этихъ сорока чужихъ гусаровъ Гогела и герцога Шуазеля представляетъ для всѣхъ необъяснимую тайну. Они уже довольно долго пробыли въ Сентъ-Менегульдѣ, въ праздномъ ожиданіи, пока, наконецъ, тамошніе національные волонтеры, распалившись гнѣвомъ и сомнѣніемъ, „не потребовали изъ ратуши триста ружей“ и не получили ихъ. Но тутъ случилось такъ, что въ тотъ же самый моментъ вступилъ въ деревню съ другого конца капитанъ Дандуанъ, со своимъ отрядомъ изъ Клермона. Еще новый отрядъ! Однако, это довольно тревожно, хотя, по счастью, пока это только драгуны и французы! Такъ что Гогела съ его гусарами пришлось убраться, и даже поскорѣе; и только въ Понъ-де-Соммевеллѣ, гдѣ ожидалъ Шуазель, онъ нашелъ мѣсто для привала. Мѣсто привала на горячихъ угольяхъ, такъ какъ слухи объ этихъ гусарахъ распространяются далеко, и жители суетятся въ страхѣ и гнѣвѣ. Шалонъ высылаетъ развѣдочные пикеты національныхъ волонтеровъ, которые встрѣчаются съ развѣдочными пикетами, высланными изъ Сентъ-Менегульды. Кто вы, бородатые гусары, съ чужимъ, гортаннымъ говоромъ? ради самого неба, что привело васъ сюда?—Охрана казны?—Развѣдочные пикеты качаютъ головой. Однако, голодные крестьяне слишкомъ хорошо знаютъ, какую казну хотятъ охранять; военныя экзекуціи за аренду, за феодальныя подати, которыя ни одинъ сборщикъ податей не могъ заставить заплатить! Это они знаютъ,—и звонятъ набатъ съ церковной колокольни, быстро производящій должное дѣйствіе! Шуазель и Гогелá, если не желаютъ ждать, чтобы пожаръ разлился по всему краю, должны сѣдлать лошадей и уѣзжать, все равно, прибыла ли берлина, или нѣтъ.

Они такъ и дѣлаютъ, и набатъ, по счастью, прекращается. Медленно ѣдутъ они на востокъ, къ Сентъ-Менегульдѣ, все еще надѣясь, что лучезарная колесница догонитъ ихъ. Увы, нѣтъ берлины! А вотъ уже близко Сентъ-Менегульда, откуда насъ прогнали по утру „тремястами національными ружьями“ и гдѣ, повидимому, не особенно любовно смотрятъ и на капитана Дандуана съ его свѣжими драгунами, хотя они чистокровные французы;—словомъ, это такое мѣсто, куда никто не осмѣлится войти во второй разъ, подъ страхомъ взрыва! Съ тяжелымъ сердцемъ, нашъ гусарскій отрядъ сворачиваетъ влѣво; окольными путями, черезъ холмы и лѣса безъ тропинокъ, избѣгая Сентъ-Менегульду и всѣ мѣста, гдѣ его уже видѣли раньше, онъ направляется прямо къ отдаленной деревнѣ Вареннъ. Возможно, что онъ поспѣетъ туда только къ ночи.

Итакъ, этотъ первый военный постъ въ длинной грозовой цѣпи уѣхалъ, не принеся никакой пользы, или только напортивъ; и наша цѣпь грозитъ запутаться! На большемъ трактѣ опять все угомонилось и воцарилась тишина, но тишина чуткая. Праздныхъ драгунъ квартирмейстеры никакъ не могутъ удержать отъ кабаковъ, гдѣ пьютъ патріоты, готовые угощать ихъ и жадные до новостей. Офицеры выходятъ изъ себя и топчутся по пыльной дорогѣ, силясь сохранять наружное спокойствіе; а колесница Феба все не показывается. Почему она медлитъ? Невѣроятно, чтобы при одиннадцати лошадяхъ, при желтыхъ курьерахъ и прочихъ благопріятныхъ условіяхъ, скорость ея была ниже скорости тяжелого воза: около трехъ миль въ часъ! Ахъ, никто не знаетъ даже, выѣзжала ли она изъ Парижа, и никто также не знаетъ, не находится ли она въ эту самую минуту у края деревни! И сердца трепещутъ въ невыразимомъ смятеніи.

ГЛАВА VI.

Бывшій драгунъ Друэ.

Тѣмъ временемъ, день склонился къ концу. Усталые крестьяне плетутся домой съ полевыхъ работъ; деревенскій ремесленникъ съ наслажденіемъ ужинаетъ похлебкой изъ овощей, или бредетъ на деревенскую улицу глотнуть вечерней прохлады и послушать новостей. Всюду лѣтняя вечерняя тишина! Крупный солнечный дискъ стоитъ еще, пламенѣя, на крайнемъ сѣверозападѣ, ибо сегодня его самый долгій день. Верхушки холмовъ скоро весело заалѣютъ яркой зарей и шепнутъ: Покойной ночи! Въ зеленыхъ оврагахъ, на отбрасывающихъ длинныя тѣни вѣтвяхъ, дроздъ присоединяетъ свою веселую пѣсню къ становящемуся слышнѣе журчанію ручьевъ; на землю спускается тишина. Пыльная мельница Вальми, подобно всѣмъ прочимъ мельницамъ, скатываетъ свои мѣшки и перестаетъ стучать и вертѣть колесами. Истертые жернова въ этой земной толчеѣ отработали еще одинъ день, и расхаживаютъ теперь группами по деревнѣ, или сидятъ на гостепріимныхъ каменныхъ завалинкахъ [1]), а дѣти ихъ, лукавые бѣсенята, копошатся около ихъ ногъ. Слабое жужжаніе дружеской бесѣды поднимается надъ деревней Сентъ-Менегульдой, какъ надо всѣми другими деревнями. Бесѣда большей частью дружеская, тихая, потому что даже драгуны —французы и вѣжливые люди, да и парижско-верденскій дилижансъ, съ своей кожаной сумкой, не прогрохоталъ еще здѣсь, устрашая людскіе умы.

Тѣмъ не менѣе, мы отмѣчаемъ одну фигуру у послѣдней двери деревни, фигуру въ свободно-болтающемся халатѣ. Это Жанъ Баптистъ Друэ, здѣшній почтмейстеръ, желчный, холерическій человѣкъ, довольно опаснаго вида, еще въ цвѣтѣ лѣтъ, хотя онъ уже отслужилъ свое время, въ драгунахъ Конде. Сегодня Друэ раздраженъ съ ранняго утра, и все время гнѣвъ его поддерживался. Поутру гусаръ Гогела̀, изъ скупости, рѣшилъ лучше сторговаться съ хозяиномъ своей гостиницы, а не съ Друэ, присяжнымъ почтмейстеромъ, относительно найма лошади для отсылки домой своего кабріолета; и, узнавъ это, Друэ распалился гнѣвомъ, пошелъ на постоялый дворъ, пригрозилъ хозяину, и никакъ не могъ успокоиться. Непріятный день во всѣхъ отношеніяхъ. Друэ ярый патріотъ, онъ былъ въ Парижѣ на Праздникѣ Пикъ; а тутъ эти солдаты Булье! Что это означаетъ? Только что вытолкали гусаръ—съ ихъ кабріолетомъ, будь ему пусто!—какъ вдругъ является Дандуанъ съ драгунами изъ Клермона, которые слоняются по деревнѣ. Чего ради? Желчный Друэ, въ развѣвающемся халатѣ, входитъ и выходитъ; смотритъ вдаль, съ той остротой зрѣнія, которую придаетъ человѣку кипучая злоба.

А по другой сторонѣ деревенской улицы прогуливается капитанъ Дандуанъ, съ равнодушнымъ лицомъ и терзаемымъ черной заботой сердцемъ. Берлины баронессы Корфъ нѣтъ, какъ нѣтъ! Великолѣпное солнце садится въ яркомъ пламени,—и сердце капитана трепещетъ въ невыразимомъ опасеніи.

Боже! вотъ быстро скачетъ желтый лейбгвардеецъ-курьеръ, озаренный краснымъ полымемъ заката! Тише, Дандуанъ, стой смирно съ непроницаемо-равнодушнымъ лицомъ, хотя желтый болванъ и проскакалъ мимо почтовой станціи; онъ распрашиваетъ, гдѣ она, и приводитъ въ волненіе всю деревню, восхищенную его нарядной ливреей.—Вотъ съ грохотомъ подкатывается и берлина Корфъ, съ горами чемодановъ и съ коляской позади; чудовищная галера съ маленькимъ ялботомъ, наконецъ, добралась сюда. Глаза поселянъ широко раскрываются, какъ всегда, когда проѣзжаетъ экипажъ, представляющій для нихъ событіе. Шатающіеся кругомъ драгуны почтительно, — такъ хороши желтыя ливреи,—подносятъ руку къ каскѣ; и дама въ цыганской шляпѣ отвѣчаетъ со свой-

---

[1]) Rapport de M. Rémy (Choiseul, p. 143).

ственной ей граціей [1]). Дандуанъ стоитъ со скрещенными руками и съ такимъ презрительно-индиферентнымъ видомъ гарнизоннаго офицера, на какой только способенъ человѣкъ, въ то время, какъ сердце его готово выпрыгнуть изъ груди. Лихо закрученные усы, безпечный взглядъ, — который, однако, зорко наблюдаетъ за группами крестьянъ: они не нравятся ему. Глазами онъ говоритъ желтому курьеру: Скорѣе, скорѣе! Но желтый болванъ не можетъ понять взгляда и, бормоча, идетъ къ нему, съ разспросами на виду у всей деревни!

Не дремлетъ въ это время и почтмейстеръ Друэ; онъ входитъ и выходитъ въ своемъ долгополомъ халатѣ, вникая при свѣтѣ заката въ то, что видитъ. Когда способности человѣка изощрены раздраженіемъ, то это въ иное время можетъ повести ко многому. Эта дама въ надвинутой на лобъ цыганской шляпѣ, хотя и сидитъ на передкѣ въ экипажѣ,—однако похожа на одну особу, которую мы когда-то видѣли — не то на Праздникѣ Пикъ, не то въ другомъ мѣстѣ. А этотъ Grosse-Tête въ круглой шляпѣ и парикѣ, который, время отъ времени высовываясь, смотритъ назадъ: сдается мнѣ, что онъ смахиваетъ—? Живѣе, сьёръ Гильомъ, писецъ Директоріи, принесите мнѣ новую ассигнацію! Друэ разсматриваетъ новую ассигнацію, сравниваетъ портретъ на кредитномъ билетѣ съ большеголовымъ человѣкомъ въ круглой шляпѣ: Клянусь днемъ и ночью, это, можно сказать, смягченное изображеніе того.—Такъ вотъ что значитъ это передвиженіе войскъ, это слоняніе и перешептываніе.—Понимаю!

Итакъ, почтмейстеръ Друэ, пылкій патріотъ и бывшій драгунъ Конде, рѣшай, что тебѣ слѣдуетъ дѣлать! Да, рѣшай скорѣе, потому что, смотри, новая берлина проворно перепряжена и, подъ хлопанье бича, катить дальше!—Друэ не смѣетъ послѣдовать первому побужденію и схватиться обѣими руками за возжи: Дандуанъ отрубилъ бы ему руки своей саблей. У нашихъ бѣдныхъ національныхъ волонтеровъ, изъ которыхъ здѣсь не видно ни одного, хотя имѣется триста ружей, но нѣтъ пороха; да къ тому же и у Друэ нѣтъ еще полной увѣренности, а есть только моральное убѣжденіе. Какъ ловкій отставной драгунъ Конде, онъ дѣлаетъ самое благоразумное: совѣщается по секрету съ писцомъ Гильомомъ, также бывшимъ драгуномъ Конде, и, пока тотъ сѣдлаетъ двухъ самыхъ рѣзвыхъ лошадей, пробирается въ ратушу шепнуть кое-кому словечко; а затѣмъ садится съ писцомъ Гильомомъ на лошадей, и оба скачутъ на востокъ, слѣдомъ за берлиной, посмотрѣть, что можно сдѣлать.

Пока они ѣдутъ крупной рысью, ихъ моральное убѣжденіе распространяется изъ ратуши по деревнѣ озабоченнымъ шепотомъ. Капитанъ Дандуанъ приказываетъ своимъ драгунамъ садиться на коней, но увы! тѣ жалуются на продолжительный постъ, требуютъ сначала хлѣба съ сыромъ и, раньше, чѣмъ эта короткая трапеза кончена, слухъ разошелся уже по всей деревнѣ, и теперь уже не шепчутся, а кричатъ, ревутъ! Спѣшно созванные, національные волонтеры съ криками требуютъ пороха; драгуны колеблются между патріотизмомъ и дисциплиной, между хлѣбомъ съ сыромъ и поднятыми штыками. Дандуанъ тайно передаетъ свой бумажникъ съ секретными депешами строгому квартирмейстеру: даже конюхи выходятъ съ вилами и цѣпами. Строгій квартирмейстеръ, вскакиваетъ на полуосѣдланную лошадь, саблей прокладываетъ себѣ дорогу сквозь сомкнутые штыки, сквозь патріотическіе вопли, проклятія и цѣпы, и скачетъ, какъ безумный [2]). Немногіе изъ солдатъ слѣдуютъ за нимъ; остальные уступаютъ мягкому принужденію и остаются.

Итакъ, новая берлина мчится; Друэ и Гильомъ скачутъ вслѣдъ за нею, а солдаты или солдатъ Дандуана,—за ними; Сентъ-Менегульдъ и большая дорога на нѣсколько миль въ возстаніи; — а наша грозная военная цѣпь разорвалась саморазрушительнымъ образомъ и, можно опасаться, съ самыми страшными послѣдствіями.

---

[1]) Declaration de La Gache (Choiseul, ubi supra).

[2]) Declaration de La Gache (Choiseul, p. 134).

ГЛАВА VII.

Ночь шпоръ.

Все это происходитъ отъ таинственныхъ эскортовъ и отъ новой берлины съ одиннадцатью лошадьми; „тотъ, у кого есть тайна, долженъ скрывать не только ее, но и то, что ему есть, что скрывать“. Первый военный эскортъ уничтожилъ самъ себя, и теперь возмутятся всѣ остальные эскорты вмѣстѣ съ подозрительной страной, и все это разразится громомъ, который нельзя сравнить съ громомъ побѣды. Скорѣе его можно сравнить съ первымъ движеніемъ горной лавины, которая, разъ сорвавшись, какъ здѣсь въ Сентъ-Менегульдѣ, будетъ наростать и катиться все дальше и дальше, до Стенэ, съ грохотомъ и дикой разрушительной силой, пока и патріоты-крестьяне, и жители деревень, и военные эскорты, и новая берлина съ королевской властью не рухнутъ въ бездну.

Спускаются густыя тѣни ночи. Почтальоны щелкаютъ бичами, королевская берлина проѣзжаетъ Клермонъ, гдѣ полковнику графу Дама удается шепнуть ей слово, и благополучно направляется къ Варенну, мчась со скоростью удвоенныхъ наградныхъ; какой-то неизвѣстный всадникъ—„Inconnu à cheval“—кричитъ хриплымъ голосомъ важныя, но не разслышанныя слова, въ окно катящейся кареты, и исчезаетъ во мракѣ [1]). Августѣйшіе путешественники дрожатъ; тѣмъ не менѣе, природа беретъ свое и, переутомленные, всѣ они погружаются въ дремоту! Увы! тѣмъ временемъ Друэ и клеркъ Гильомъ пришпориваютъ лошадей, сворачивая ради скорости и безопасности на проселочныя дороги, и всюду распространяютъ свое моральное убѣжденіе, которое разносится по странѣ словно на птичьихъ крыльяхъ.

И нашъ строгій квартирмейстеръ также пришпориваетъ коня и, добравшись до Клермона, будитъ спящихъ драгунъ хриплыми звуками рожка. Храбрый полковникъ Дама приказываетъ части этихъ клермонскихъ солдатъ сѣсть на коней, и молодой корнетъ Реми мчится съ нѣсколькими изъ нихъ. Но патріотическая магистратура скоро на ногахъ и въ Клермонѣ; національные гвардейцы требуютъ патроновъ, и деревня „иллюминуется“;—патріоты проворно вскакиваютъ съ постелей; поспѣшно, въ рубашкахъ, зажигаютъ огонь; выставляютъ на окна свѣчи или скудныя масляныя лампы, пока все не засвѣтилось и не засверкало. Повсюду camisado или вихрь рубашекъ; начинаетъ звонить набатъ; деревенскіе барабаны неистово бьютъ сборъ. Весь Клермонъ иллюминованъ; обезумѣвшіе патріоты шумятъ и грозятся! Храбрый молодой полковникъ Дама произноситъ, подъ это смятеніе разъяреннаго патріотизма, нѣсколько пламенныхъ фразъ немногимъ находящимся при немъ солдатамъ: „Ваши товарищи въ Сентъ-Менегульдѣ оскорблены! Король и страна призываютъ храбрыхъ“; затѣмъ пламенно кричитъ: „Сабли на-голо!“ Но, увы! солдаты только ударяютъ по своимъ эфесамъ, втискивая сабли плотнѣе въ ножны! „За мною, кто за короля!“ кричитъ Дама въ отчаяніи, и уносится одинъ, съ двумя злополучными приверженцами изъ нижнихъ чиновъ, въ объятія ночи [2]).

Ночь—безпримѣрная въ Клермонѣ; кратчайшая въ году, замѣчательнѣйшая во всемъ столѣтіи, достойная быть названной Ночью Шпоръ! Корнетъ Реми и немногіе, сопровождающіе его, сбились съ дороги и скачутъ нѣсколько часовъ по направленію къ Вердену, потомъ еще нѣсколько часовъ по изрѣзанной заборами мѣстности, черезъ разбуженныя деревни, къ Варенну. Злополучный корнетъ Реми; еще злополучнѣе полковникъ Дама, съ которымъ въ отчаяніи ѣдутъ всего двое вѣрныхъ солдатъ! Никто больше изъ этого клермонскаго эскорта не поѣхалъ; изъ другихъ же эскортовъ, въ другихъ деревняхъ, не поѣхало даже и

[1]) Campan, II, 159.

[2]) Procès-verbal du Directoire de Clermont (Choiseul, pp. 189—95).

столько; лошади, напуганныя набатомъ и огнями деревень, становились на дыбы и выдѣлывали курбеты,—не соглашаясь ѣхать.

А Друэ съ клеркомъ Гильомомъ ѣдутъ и народъ бѣжитъ. Гогела и герцогъ Шуазель барахтаются въ болотахъ, скачутъ по камнямъ, черезъ пень—колоду въ дремучихъ клермонтскихъ лѣсахъ, гдѣ по дорогамъ, гдѣ безъ дорогъ съ проводниками; гусары попадаютъ въ разставленныя западни и лежатъ „по три четверти часа въ обморокѣ", а остальные отказываются ѣхать безъ нихъ. Что за ночная скачка отъ Понъ-де-Соммевелля! какіе тридцать часовъ съ тѣхъ поръ, какъ Шуазель покинулъ Парижъ, везя съ собой въ коляскѣ Леонарда, лакея королевы! Мрачная забота сидитъ за спиной всадника. Такъ скачутъ они, спугиваютъ сову съ ея вѣтвистаго гнѣзда; топчутъ благоуханныя лѣсныя травы, осыпая головки съ луговыхъ цвѣтовъ, и устрашаютъ ухо ночи. Но чу! должно быть около полночи, такъ какъ даже звѣзды погасли. Доносится звонъ набата. Не изъ Варенна ли? Гусарскій офицеръ прислушивается, натянувъ поводья. „Несомнѣнно, пожаръ"! и онъ мчится еще быстрѣе, чтобы удостовѣриться.

Да, благородные друзья, напрягающіе свои послѣднія силы; это особый родъ огня; его трудно погасить. Берлина баронессы Корфъ, изрядно опередившая всю эту скачущую лавину, прибыла въ маленькую, бѣдную деревушку Вареннъ около одиннадцати часовъ вчера, — прибыла полная надежды, несмотря на хриплый шопотъ незнакомца. Развѣ мы не миновали уже всѣ города? Обойденный Верденъ остался справа отъ насъ? Мы ѣдемъ, нѣкоторымъ образомъ, по слѣдамъ самого Булье и эта самая темная изъ лѣтнихъ ночей благопріятствуетъ намъ. Итакъ, мы останавливаемся на вершинѣ холма у южнаго конца деревни, чтобы дождаться смѣнныхъ лошадей, которыхъ молодой Булье, родной сынъ Булье, съ своимъ эскортомъ гусаръ, долженъ имѣть наготовѣ, такъ какъ въ этой деревнѣ нѣтъ почты. Тревожно, однако, что ни лошадей, ни гусаръ нѣтъ! Ахъ, вѣдь, полная смѣна сильныхъ лошадей, принадлежащихъ герцогу Шуазелю, стоитъ у сѣна, на другомъ концѣ деревни, за мостомъ; а мы не знали этого. Конечно, и гусары дожидаются, но пьютъ въ тавернахъ. Вѣдь, прошло уже шесть часовъ съ назначеннаго времени; молодой Булье, легкомысленный юноша, думая, что дѣло на эту ночь отложено, вѣроятно легъ спать. И вотъ, нашимъ неопытнымъ желтымъ курьерамъ приходится бродить, стуча и спотыкаясь, по спящей большею частью деревнѣ: почтальоны не хотятъ, ни за какія деньги, ѣхать дальше на усталыхъ лошадяхъ; а тѣмъ болѣе, безъ отдыха; нѣтъ, ни за что! Камердинеръ въ круглой шляпѣ можетъ убѣждать ихъ сколько хочетъ,

Что за несчастье! „Тридцать пять минутъ", по часамъ короля, берлина не движется съ мѣста. Круглая шляпа препирается со смазными сапогами, усталыя лошади тянутъ пойло изъ муки съ водой; желтые курьеры бродятъ ощупью и спотыкаются;—молодой Булье все время спитъ въ верхней части деревни, а прекрасная запряжка Шуазеля стоитъ у сѣна. Ничего нельзя подѣлать, даже обѣщая царскую награду; лошади задумчиво жуютъ, круглая шляпа бранится, Булье спитъ. Но слышите? Во мракѣ ночи, какъ будто приближаются усталой рысью два всадника. Они пріостанавливаются, не будучи замѣчены, при видѣ темной массы берлины, около которой слышатся лѣнивое жеванье и перебранка, и затѣмъ поспѣшно скачутъ въ деревню. Это Друэ и писецъ Гильомъ. Они опередили всю скачущую лавину, не убитые, хотя нѣкоторые хвастаются, что гнались за ними. Миссія Друэ также сопряжена съ опасностью, но онъ—старый драгунъ, и всѣ чувства его работаютъ напряженно.

Деревня Вареннъ погружена во тьму и сонъ, это крайне неровная деревня, похожая на опрокинутое сѣдло, какъ и описываютъ ее нѣкоторые. Она спитъ, убаюканная журчаніемъ рѣчки Эры. Тѣмъ не менѣе нѣсколько лучей привѣтливаго свѣта падаютъ еще изъ Таверны Золотая Рука, Bras d'Or, на отлогую базарную площадь, оттуда доносятся грубые голоса пастуховъ или крестьянъ, не успѣвшихъ еще допить послѣдней кружки; Бонифацій Лебланъ, въ бѣломъ

фартукѣ, прислуживаетъ имъ;—картина въ общемъ веселая. Въ эту таверну Золотой Руки входитъ Друэ съ весело сверкающими глазами и незамѣтно подзываетъ къ себѣ Бонифація: „Camarade, es-tu bon Patriote, хорошій ли ты патріотъ?—„Si je suis!“ отвѣчаетъ Бонифацій.—„Въ такомъ случаѣ“, и Друэ горячо шепчетъ, что нужно, и что слышитъ одинъ Бонифацій [1]).

И вотъ, Бонифацій Лебланъ засуетился, какъ никогда не суетился для самаго веселаго пьяницы. Посмотрите, какъ Друэ и Гильомъ, проворные старые драгуны, въ минуту блокируютъ внизу мостъ „мебельной фурой, которую находятъ здѣсь“, и другими кое-какъ раздобытыми фурами, повозками, бочками, ящиками, и устраиваютъ такое загражденіе, что ни одному экипажу не проѣхать. Какъ только мостъ загороженъ, становится на часы подъ аркой воротъ въ деревню Вареннъ кучка патріотовъ, состоящая изъ Друэ, Гильома, Леблана, его брата и одного или двухъ другихъ ревностныхъ патріотовъ, разбуженныхъ ими. Въ общемъ ихъ около полдюжины; всѣ съ національными мушкетами; они стоятъ тѣсной кучкой у самыхъ воротъ, дожидаясь, когда подъѣдетъ берлина баронесса Корфъ.

Она подъѣзжатъ: Alte-la! Стой! Сверкнули фонари изъ подъ полъ камзоловъ; сильныя руки схватываютъ подъ уздцы лошадей и два національныхъ мушкета просовываются въ обѣ дверцы кареты: „Mesdames, ваши паспорта“!—Увы, увы! Передъ путешественниками прокуроръ общины Соссъ, свѣчной торговецъ и бакалейщикъ, съ офиціальной бакалейной любезностью, и Друэ съ злобной логикой и быстрой смѣтливостью:—Почтенные путешественники, будь они спутники баронессы Корфъ, или лица еще болѣе высокаго сана, быть можетъ, соблаговолятъ отдохнуть у г. Сосса до разсвѣта!

О, Людовикъ, о, злополучная Марія-Антуанетта, осужденная проводить жизнь съ такими людьми! Флегматичный Людовикъ, неужели ты, до самой глубины своего существа, не болѣе какъ лѣнивая, полуодушевленная флегма? Король, полководецъ, державный франкъ! Если твоему сердцу дано когда либо принять какое нибудь рѣшеніе съ тѣхъ поръ, какъ оно начало биться подъ именемъ сердца, то пусть это будетъ теперь, или никогда въ этомъ мірѣ: — „Нахальные ночные бродяги, а если бъ это были особы великаго сана? А если бъ это былъ самъ король? Развѣ король не имѣетъ права, которое дано всякому нищему, путешествовать безпрепятственно по своимъ собственнымъ дорогамъ. Да, это король; и трепещите, узнавъ это! Король высказался въ этомъ незначительномъ дѣлѣ; и во Франціи, или подъ престоломъ Божіимъ, нѣтъ власти, которая осмѣлилась бы противорѣчить. Не короля удастся вамъ остановить подъ вашими жалкими воротами, а его мертвое тѣло, и вы отвѣтите за это передъ небомъ и землей. Ко мнѣ, лейбъ-гвардейцы! почтальоны впередъ!“—Можно представить себѣ блѣдный испугъ обоихъ мушкетеровъ Лебланъ, разинутый ротъ Друэ и физіономію прокурора Сосса, который растаялъ бы, какъ сальная свѣча отъ жара печки: Людовикъ поѣхалъ бы дальше, черезъ нѣсколько шаговъ разбудилъ бы молодого Буйе, разбудилъ бы смѣнныхъ лошадей и гусаръ, затѣмъ тріумфальный въѣздъ съ гарцующими, воинственными эскортами, въ Монмеди,—и весь ходъ французской исторіи былъ бы инымъ!

Увы, такой поступокъ былъ не въ характерѣ этого бѣднаго флегматичнаго человѣка. Если бъ онъ былъ на него способенъ, то французская исторія не рѣшилась бы подъ этими вареннскими воротами. — Нѣтъ, король выходитъ; всѣ выходятъ изъ экипажа. Прокуроръ Соссъ предлагаетъ бакалейную руку королевѣ и сестрѣ Елизаветѣ; его величество беретъ за руки обоихъ дѣтей. И вотъ они идутъ спокойно назадъ, черезъ Базарную площадь, къ дому прокурора Сосса; поднимаются въ маленькій мезонинъ, гдѣ его величество тотчасъ же требуетъ „прохладительнаго“. — Да, требуетъ прохладительнаго, и ему по-

---

[1]) Deux amis, VI, 139—78.

даютъ хлѣбъ съ сыромъ и бутылку бургундскаго; онъ замѣчаетъ, что это лучшее бургундское, какое ему когда либо случалось пить!

Арестъ короля въ Вареннѣ 21 іюня 1791 г.

Тѣмъ временемъ, вареннскіе нотабли и всѣ мужчины, чиновники и не чиновники, поспѣшно натягиваютъ панталоны, хватаются за свои боевыя принадлежности. Полуодѣтые обыватели выкатываютъ бочки, тащутъ на дороги срубленныя деревья; гонцы несутся во всѣ четыре стороны, — начинаетъ звонить набатъ, „деревня иллюминуется". Странно видѣть, какъ ловко дѣйствуютъ

эти маленькія деревушки, напуганныя ночной военной тревогой. Онѣ похожи на внезапно разбуженныхъ маленькихъ гремучихъ змѣй, ихъ колоколъ гремитъ и звонитъ; глаза ихъ горятъ, какъ сальныя свѣчи, или какъ у разсерженной гремучей змѣи; деревня готовится жалить. Бывшій драгунъ Друэ—нашъ инженеръ и генералиссимусъ, храбръ какъ Рюи Діазъ. Теперь или никогда, патріоты, потому что солдаты идутъ; избіенія австрійцами, избіенія аристократами, войны хуже гражданскихъ,—все это зависитъ отъ васъ и отъ этого часа!—Національная гвардія выстраивается, застегнувшись только наполовину; обыватели, какъ мы сказали, въ однихъ брюкахъ и нижнихъ юбкахъ, выкатываютъ бочки, тащутъ всякій скарбъ, валятъ срубленныя деревья на баррикады; деревня готовится жалить. Значитъ, неистовства демократіи не ограничиваются Парижемъ? Ахъ нѣтъ, что бы ни говорили придворные; слишкомъ очевидно, что нѣтъ. Смерть за короля превратилась въ смерть за самого себя, даже противъ короля, если понадобится.

Итакъ, наша скачущая и бѣгущая лавина и сутолока достигли бездны, съ берлиной Корфъ во главѣ, и могутъ низвергнуться въ нее, обрушиться въ безконечность! Нужно ли говорить, какой конскій топотъ раздавался въ ближайшіе шесть часовъ вдоль и поперекъ? Топотъ, звонъ набата, дикое смятеніе во всемъ Клермонѣ, распространяются на три епископства; драгунскіе и гусарскіе полки скачутъ по дорогамъ и полямъ; національные гвардейцы вооружаются и выступаютъ въ ночной мракъ; бой набата, расходясь по всѣмъ церквамъ, всюду распространяетъ тревогу. Въ какія нибудь сорокъ минутъ Гогела и Шуазель со своими усталыми гусарами достигаютъ Варенна. Ахъ, значитъ не пожаръ; или пожаръ, который трудно погасить! Они перескакиваютъ черезъ баррикады, несмотря на національнаго сержанта, въѣзжаютъ въ деревню, и Шуазель знакомитъ своихъ солдатъ съ настоящимъ положеніемъ дѣла, на что тѣ отрывисто отвѣчаютъ, на своемъ гортанномъ нарѣчіи: „Der König, die Königinn!“ На нихъ, кажется, можно положиться. Въ этомъ рѣшительномъ настроеніи, они хотятъ прежде всего осадить домъ прокурора Сосса. Очень хорошо, если бъ Друэ не распорядился иначе; въ крайности, онъ заревѣлъ: „Канониры, къ пушкамъ!“—Это были два старыхъ полевыхъ орудія съ раковинами, заряженныхъ, въ лучшемъ случаѣ, паутиной; тѣмъ не менѣе, грохотъ ихъ, когда канониры съ рѣшительнымъ видомъ подкатили ихъ, умѣрилъ воинственный пылъ гусаръ и заставилъ ихъ построиться въ почтительномъ отдаленіи. Остальное сдѣлаютъ кружки вина, передаваемыя въ ихъ ряды,—ибо и германское горло тоже чувствительно.—Когда, около часа спустя, инженеръ Гогела выходитъ къ солдатамъ, ему отвѣчаютъ съ пьяной икотой:—Vive la Nation!

Что тутъ дѣлать? Гогела, Шуазель, теперь и графъ Дама, и всѣ вареннскія офиціальныя лица находятся при королѣ; а король не можетъ ни отдать какой нибудь приказъ, ни принять какое нибудь рѣшеніе; онъ сидитъ, какъ всегда, на подобіе глины въ станкѣ горшечника; представляя, пожалуй, самую нелѣпую изъ наиболѣе жалкихъ и достойныхъ прощенія глиняныхъ фигуръ, вращающихся нынѣ подъ луной. Онъ хочетъ завтра утромъ ѣхать дальше и взять національную гвардію съ собой,—если позволитъ Соссъ! Несчастная королева; двое ея дѣтей лежатъ на убогой постели, старая мать Сосса на колѣняхъ со слезами и вслухъ молитъ небо благословить ихъ; царственная Марія Антуанетта неподалеку стоитъ на колѣняхъ передъ сыномъ Сосса и его женой, среди свѣчныхъ ящиковъ и боченковъ съ сиропомъ:—напрасно! Уже пришло три тысячи національныхъ гвардейцевъ; немного погодя ихъ будетъ десять тысячъ, набатъ распространяется, какъ огонь по сухой степи или еще быстрѣе.

Молодой Булье, разбуженный вареннскимъ набатомъ, вскочилъ на лошадь и помчался—къ своему отцу. Туда же ѣдетъ, въ почти истерическомъ отчаяніи, нѣкій сіеръ Обріо, ординарецъ Шуазеля; онъ переплываетъ темную рѣку, такъ какъ мостъ блокированъ, и такъ пришпориваетъ лошадь, словно за

нимъ гонится по пятамъ самъ адъ [1]). Онъ проскакиваетъ черезъ деревню Дэнъ и поднимаетъ тамъ тревогу; въ Дэнѣ храбрый капитанъ Делонъ и его эскортъ въ сотню человѣкъ сѣдлаютъ лошадей и уѣзжаютъ. Делонъ также является въ Вареннъ, оставляетъ свою сотню снаружи, у баррикады, и предлагаетъ пробиться и освободить короля Людовика, если онъ прикажетъ; но, къ несчастью, „работа должна быть горячая", почему король Людовикъ „не дастъ никакихъ приказаній" [2]).

Итакъ, набатъ звонитъ, драгуны скачутъ и, прискакавъ, ничего не могутъ сдѣлать: національные гвардейцы стекаются, подобно слетающимся воронамъ. Наша взорвавшаяся грозовая цѣпь, падающая лавина, или съ чѣмъ еще можно сравнить эту систему эскортовъ, разыгралась не на шутку,—теперь она дѣйствуетъ уже до Стенэ и до самого Буле [3]). Храбрый Буле, сынъ вихря, сажаетъ полкъ Ройаль-Аллеманъ на коней, произноситъ пламенныя слова, зажигающія глаза и сердца, раздаетъ по двадцати пяти луидоровъ на роту.—Скачи, прославленный Ройаль-Аллеманъ: не на Тюльерійскую аттаку и Неккеръ-Орлеанскую процессію бюстовъ,—самъ король въ плѣну, и можно завоевать весь міръ!—Такова ночь, заслуживающая наименованія Ночи Шпоръ.

Въ шесть часовъ произошли два событія. Адъютантъ Лафайета, Ромёфъ, скакавшій во всю прыть по старой дорогѣ зеленщиковъ и все ускорявшій подъ конецъ свой аллюръ, по прибытіи въ Вареннъ нашелъ тамъ десять тысячъ національныхъ гвардейцевъ, яростно, съ неистовствомъ паническаго страха, требующихъ, чтобы король немедленно возвратился въ Парижъ, дабы предотвратить безконечное кровопролитіе. Съ другой стороны, „англичанинъ Томъ", жокей Шуазеля, бѣжавшій съ его запряжкой, встрѣтился на высотахъ Дэна съ Буле. Непоколебимое чело Буле мрачно, какъ грозовая туча; громоподобный топотъ полка Ройаль-Аллеманъ несется по его пятамъ. Англичанинъ Томъ отвѣчаетъ, какъ умѣетъ, на короткій вопросъ—что творится въ Вареннѣ?—и въ свою очередь спрашиваетъ, что ему, англичанину Тому, дѣлать съ лошадьми Шуазеля и куда ѣхать?—Къ чорту! отвѣчаетъ громовый голосъ, затѣмъ Буле, снова пришпоривъ коня, командуетъ королевскимъ-нѣмцамъ „вскачь"! и съ проклятіями исчезаетъ [4]). Это послѣднія слова нашего храбраго Буле. Въ виду Вареннъ, онъ осаживаетъ коня, созываетъ офицерскій совѣтъ и убѣждается, что все напрасно. Король Людовикъ уѣхалъ, по собственному согласію, подъ звонъ повсемѣстнаго набата, подъ топотъ десяти тысячъ уже прибывшихъ вооруженныхъ людей и, какъ говорятъ, еще шестидесяти тысячъ, стекающихся отовсюду. Храбрый Делонъ, даже безъ „приказаній", бросился со своей сотней въ рѣку Эру [5]), переплылъ одинъ рукавъ ея, но не смогъ переплыть другого, и стоялъ мокрый, запыхавшійся, съ трудомъ переводя духъ подъ градомъ насмѣшекъ десяти тысячъ, въ то время, какъ новая берлина, громыхая, направлялась въ тяжелый, неизбѣжный путь къ Парижу. Значитъ, нѣтъ помощи на землѣ; нѣтъ ея и на небѣ, въ нашъ вѣкъ не бываетъ чудесъ!

Въ эту ночь „маркизъ де Буле и еще двадцать одинъ человѣкъ изъ нашихъ перебрались за границу; бернардинскіе монахи въ Орвалѣ, въ Люксембургѣ, дали имъ ужинъ и ночлегъ" [6]). Почти безмолвно ѣдетъ Буле, съ мыслями, которыхъ нельзя передать рѣчью. Онъ уѣзжаетъ на сѣверъ, въ неизвѣстность, въ киммерійскій мракъ: на вестъиндскіе острова, такъ какъ съ разслабленными, безумными эмигрантами сынъ вихря не можетъ дѣйствовать совмѣстно; потомъ уѣдетъ въ Англію, на безвременную стоическую смерть;—во Францію онъ

---

[1]) Rapport de M. Aubriot (Choiseul, p. 150—7).

[2]) Extrait d'un rapport de M. Deslons (Choiseul p. 164—7).

[3]) Bouillé, II, 74—6.

[4]) Déclaration du Sieur Thomas (Choiseul, p. 188).

[5]) Weber, II, 386.

[6]) Aubriot, см. выше p. 158

больше не вернется. Слава храброму,—который, въ этомъ ли, въ другомъ ли спорѣ, представляетъ настоящую сущность, членораздѣльно выражающуюся часть человѣческой доблести, а не хвастливый, безплотный призракъ и болтающую, стрекочущую тѣнь! Буле один изъ немногихъ роялистскихъ дѣятелей, о которыхъ можно сказать это.

Такъ исчезаетъ и храбрый Буйе изъ ткани нашей исторіи. Исторія и ткань, слабые, недостаточные символы той великой таинственной ткани и живой матеріи, которая называется французской революціей, въ то время дѣйствительно, ткавшейся „на громко стучащемъ станкѣ времени". Старые, храбрецы съ ихъ стремленіями исчезаютъ изъ этой ткани, и въ нее вступаютъ новые, желчные Друэ со своими новыми стремленіями и цвѣтомъ,—какъ обыкновенно бываетъ при такомъ тканьѣ.

ГЛАВА VIII.

Возвращеніе.

Итакъ, нашъ великій роялистскій заговоръ относительно бѣгства въ Мецъ приведенъ въ исполненіе. Онъ долгое время носился на заднемъ планѣ, въ качествѣ устрашающаго королевскаго ультиматума, и, наконецъ, разразился со всѣми своими страшными послѣдствіями, поистинѣ, не напрасно. Сколько хитро задуманныхъ роялистскихъ заговоровъ и проектовъ, одинъ за другимъ, взорвались подобно пороховымъ минамъ и громовымъ ударамъ; и ни одинъ изъ нихъ не разрѣшился иначе! Пороховая мина Seance Royale 23-го іюня 1789 года взорвалась, какъ мы видѣли, „черезъ запалъ", а впослѣдствіи, будучи снова заряженной богомъ войны Бролье, взорвала Бастилію. Затѣмъ послѣдовалъ банкетъ въ оперѣ съ потрясаніемъ сабель, и пѣніемъ: О, Ричардъ, о, мой король, вызвавшій, при содѣйствіи голода, возстаніе женщинъ и Палладу Аѳину, въ лицѣ дѣвицы Теруань. Храбрость не всегда полезна; и счастье никогда не улыбалось хвастовству. Вооруженная компанія Буйе кончилась такъ же, какъ и заговоръ Бролье. Одинъ человѣкъ за другимъ приносятъ себя въ жертву этому дѣлу, только для того чтобы содѣйствовать его скорѣйшей гибели: на немъ словно лежитъ проклятіе, отъ него отреклись небо и земля.

Годъ назадъ, шестого октября, король Людовикъ, эскортируемый дѣвицей Теруань и двумястами тысячъ человѣкъ, совершалъ королевскій въѣздъ въ Парижъ, какого еще никогда не видывали; мы предсказывали ему тогда еще два такихъ въѣзда, и слѣдовательно, послѣ этого бѣгства въ Мецъ, предстоитъ еще одинъ. Теруань не сопровождаетъ его на этотъ разъ, и Мирабо „не сидитъ въ одномъ изъ сопровождающихъ экипажей". Мирабо лежитъ мертвый, въ Пантеонѣ великихъ людей. Теруань сидитъ въ мрачной австрійской тюрьмѣ, послѣ того, какъ поѣхала въ Люттихъ по своимъ дѣламъ и тамъ была схвачена. Она лежитъ въ своей тюрьмѣ, слушая хриплый рокотъ Дуная и вспоминая угасшій свѣтъ своихъ патріотическихъ ужиновъ. Она будетъ лично говорить съ императоромъ и вернется во Францію. А Франція лежитъ—какъ? Быстролетное время сметаетъ великое и малое, и въ два года измѣняется многое.

Но, во всякомъ случаѣ, сейчасъ, говоримъ мы, происходитъ второй позорный въѣздъ въ Парижъ, хотя и въ сильно измѣненномъ видѣ, но также на глазахъ сотенъ тысячъ свидѣтелей. Терпѣніе, парижскіе патріоты, королевская берлина возвращается! Но возвратится она не ранѣе субботы, потому что ѣдетъ она медленными перегонами, среди шумно стекающагося моря національныхъ гвардейцевъ, счетомъ до шестидесяти тысячъ, среди смятенія всего народа. Три комиссара національнаго собранія, знаменитый Барнавъ, знаменитый Петіонъ, всѣми уважаемый Латуръ-Мобуръ выѣхали къ ней навстрѣчу; изъ нихъ двое первыхъ ѣдутъ все время въ самой берлинѣ, рядомъ съ ихъ величествами,

а Латуръ, въ качествѣ столь почтеннаго человѣка, про котораго всѣ говорятъ только хорошее, можетъ ѣхать и въ арьергардѣ, съ г-жей де Турцель и субретками.

Въ субботу, около семи часовъ вечера, въ Парижѣ опять толпятся сотни тысячъ народа, но теперь онъ не пляшетъ трехцвѣтной веселой пляски надежды, не пляшетъ еще и неистовой пляски ненависти и мщенья, а молча выжидаетъ съ смутными догадками во взглядахъ и, по преимуществу, съ холоднымъ любопытствомъ. Сентъ-Антуанскій плакатъ возвѣстилъ утромъ, что всякій, кто оскорбитъ Людовика, „будетъ отодранъ шпицрутенами, а кто станетъ рукоплескать ему, будетъ повѣшенъ“. Вотъ, наконецъ, эта изумительная новая берлина, окруженная синимъ моремъ національныхъ гвардейцевъ съ поднятыми штыками, медленно текущимъ, неся ее, среди безмолвнаго сборища сотенъ тысячъ головъ! Три желтыхъ курьера, связанныхъ веревками, сидятъ наверху; Петіонъ, Барнавъ, ихъ величества, съ сестрой Елизаветой и дѣтьми Франціи, сидятъ въ берлинѣ.

Смущенная улыбка или облако тоскливой досады появляется на широкомъ, флегматичномъ лицѣ его величества, который безпрестанно заявляетъ различнымъ офиціальнымъ лицамъ то, что и безъ того очевидно: „Eh bien, me voilà. Ну, вотъ и я“, и то, что менѣе очевидно: „Увѣряю васъ, я не собирался переѣзжать границу“, и такъ далѣе—рѣчи, естественныя для этого бѣднаго коронованнаго человѣка, но которыхъ приличіе требовало бы избѣжать. Ея величество безмолвствуетъ, взглядъ ея полонъ печали и презрѣнія, естественныхъ для этой царственной женщины. Такъ, громыхая, ползетъ позорное королевское шествіе по многимъ улицамъ, среди молча глазѣющаго народа, похожее, по мнѣнію Мерсье[1]), на какую нибудь процессію Roi de Basoche, или же на процессію короля Криспена, съ его герцогами—сапожнаго цеха и королевскими гербами кожевеннаго производства. Съ тою только разницей, что эта процессія не комична; о, нѣтъ, связанные курьеры, и висящій надъ нею приговоръ дѣлаютъ ее трагикомичной; она крайне фантастична, но въ то же время и плачевно реальна. Это самое жалкое flebile ludibrium гаерской трагедіи! Процессія тащится съ весьма непредставительной толпой, черезъ многія улицы, въ этотъ пышный лѣтній вечеръ, потомъ заворачиваетъ и, наконецъ, скрывается отъ глазъ зрителей въ Тюльерійскомъ дворцѣ, идя навстрѣчу своему приговору, медленной пыткѣ, peine forte et dure.

Правда, чернь захватываетъ трехъ связанныхъ веревками желтыхъ курьеровъ и хочетъ убить, по крайней мѣрѣ, ихъ. Но наше верховное собраніе, засѣдающее въ этотъ великій моментъ, высылаетъ на помощь депутацію, и все успокаивается. Барнавъ, „весь въ пыли“, уже тамъ, въ національномъ залѣ, дѣлаетъ короткое сдержанное донесеніе. Дѣйствительно, нужно сказать, что, впродолженіи всего путешествія, Барнавъ былъ очень деликатенъ, симпатиченъ и завоевалъ довѣріе королевы, которой благородный инстинктъ всегда подсказывалъ, кому можно довѣрять. Совсѣмъ иначе велъ себя тяжеловѣсный Петіонъ, который, если вѣрить г-жѣ Кампанъ, ѣлъ свой завтракъ, безцеремонно наливалъ въ стаканъ вино въ королевской берлинѣ, выбрасывалъ цыплячьи косточки мимо самаго носа ихъ величествъ, и на слова короля: „Франція не можетъ быть республикой“, отвѣчалъ: „Нѣтъ, она еще не созрѣла“. Барнавъ отнынѣ совѣтникъ королевы, но только совѣты теперь уже безполезны, и ея величество удивляетъ г-жу Кампанъ, выказывая почти уваженіе къ Барнаву и говоря, что, въ день расплаты и королевскаго тріумфа, Барнавъ не будетъ казненъ[2]).

Въ понедѣльникъ ночью король бѣжалъ, въ субботу вечеромъ онъ возвращается: и какъ много, въ теченіи одной короткой недѣли, сдѣлано имъ для ко-

---

[1]) Nouveau Paris, III, 22.

[2]) Campan, II, c. 18.

ролевской власти! Гаерская трагедія скрылась въ Тюльерійскомъ дворцѣ въ ожиданіи „тяжелаго и жестокаго наказанія“. Королевскую чету сторожатъ, связываютъ, принижаютъ, какъ не принижали ни одного короля. Ее сторожатъ даже въ спальняхъ и самыхъ интимныхъ аппартаментахъ и она должна спать съ отворенными дверями; синій національный Аргусъ стоитъ на стражѣ, устремивъ взоръ на занавѣси королевы; даже разъ, когда ей не спится, онъ предлагаетъ посидѣть у ея изголовья и поболтать съ нею [1]).

ГЛАВА IX.

Мѣткая пальба.

Въ виду всего этого, возникаетъ въ высшей степени настоятельный вопросъ: что же теперь дѣлать съ королемъ? Низложить его! отвѣчаетъ Робеспьеръ и немногіе, идущіе напроломъ. Въ самомъ дѣлѣ, что другое, болѣе разумное, можно сдѣлать съ королемъ, который убѣгаетъ, котораго нужно караулить въ самой его спальнѣ, чтобы онъ оставался и управлялъ вами? Если бы Филиппъ Орлеанскій не былъ caput mortuum! Но о немъ, извѣстномъ за покойника, никто теперь и не мечтаетъ. Не низлагайте короля; объявите его неприкосновеннымъ, скажите, что онъ былъ увлеченъ чарами, enlevé, возстановите его власть, сколькихъ бы софизмовъ и измышленій это ни стоило!—горячо кричатъ конституціонные роялисты всякаго сорта, а равно и чистые роялисты, которые отвѣчаютъ съ подавляемой страхомъ злобой и еще большей страстностью. То же самое говорятъ даже Барнавъ и оба Ламета съ ихъ сторонниками. Они настаиваютъ на этомъ со всей силой убѣжденія, терроризованные невѣдомой бездной, на край которой они сами привели себя и въ которую готовы теперь упасть.

При помощи напряженныхъ усилій и взаимодѣйствій принимается послѣднее рѣшеніе, и оно должно быть проведено сильной рукой, если не ясной логикой. Жертвуя всей своей съ трудомъ пріобрѣтенной популярностью, этотъ знаменитый тріумвиратъ, говоритъ Тулонжонъ: „снова поднимаетъ тронъ, который онъ такъ старался ниспровергнуть, что равносильно тому, какъ если бы кто нибудь поставилъ пирамиду на ея вершину“, чтобы она стояла такъ, пока ее поддерживаютъ.

Несчастная Франція; несчастная въ своемъ королѣ, королевѣ и конституціи; неизвѣстно даже, съ чемъ несчастнѣе! Въ чемъ же заключалась задача нашей столь славной французской революціи, какъ не въ томъ, чтобы, когда обманъ и заблужденіе, долго убивавшіе душу, начали убивать и тѣло и дошли до предѣла банкротства и истощенія,—великій народъ, наконецъ, поднялся и единогласно, во имя Всевышняго, сказалъ: Обмана больше не будетъ? Развѣ столько страданій и кровавыхъ ужасовъ, перенесенныхъ и имѣющихъ быть перенесенными въ теченіе грядущихъ печальныхъ столѣтій, не составляютъ тяжелой цѣны, уплаченной и которую еще придется уплачивать именно за это: за окончательное уничтоженіе обмана среди людей? А теперь, о, тріумвиратъ Барнава, неужели же такое страшное напряженіе должно разрѣшиться такимъ двойнымъ экстрактомъ заблужденія и обмана, даже обмана! Нѣтъ, господа члены популярнаго тріумвирата, никогда!—Но, въ концѣ концовъ, что же могутъ сдѣлать бѣдные популярные тріумвираты и погрѣшимые высокіе сенаторы? Они могутъ, если истина черезчуръ ужъ страшна, спрятать голову, на подобіе страуса, подъ защиту первой попавшейся иллюзіи, и такъ дожидаться, a posteriori.

Читатели, видѣвшіе, какъ въ Ночь Шпоръ скакали весь Клермонъ и три епархіи, какъ дилижансы превращали всю Францію въ испуганнаго и страшнаго индѣйскаго пѣтуха, видѣвшіе городъ Нантъ въ одной рубашкѣ,—могутъ представить

---

[1]) Campan, II, 149.

дырку, можетъ быть, „съ вожделѣніемъ", нельзя ли увидѣть что-нибудь съ этой новой точки зрѣнія"—мало назидательнаго, какъ можно себѣ представить! Но, поистинѣ, на какія глупѣйшія вещи могутъ соблазнить человѣка тупоуміе, сладострастье, случайность и дьяволъ, если изъ полумилліона праздныхъ людскихъ головъ выберутъ спеціально двухъ! [1]).

Достовѣрно, что два субъекта съ шиломъ налицо. Злосчастная пара! Ибо результатомъ всего этого является то, что патріоты, въ своей нервной раздражительности, возбуждая сами себя предположеніями, подозрѣніями и слухами, допрашиваютъ снова и снова обоихъ растерявшихся субъектовъ, тащатъ ихъ въ ближайшій полицейскій участокъ, потомъ вытаскиваютъ оттуда, одна группа вырываетъ ихъ у другой, пока, наконецъ, въ крайнемъ напряженіи нервной раздражительности, патріоты не вѣшаютъ ихъ, какъ шпіоновъ сьера Мотье. И жизнь, и тайна ихъ выдавлены изъ нихъ на вѣки! Увы, на вѣки! Или наступитъ день, когда и эти два, повидимому, ничтожныя существа, но все же бывшіе людьми, сдѣлаются исторической загадкой, и о нихъ, какъ о Желѣзной Маскѣ (тоже человѣческое существо и, очевидно, ничего болѣе) будутъ написаны цѣлыя диссертаціи? Для насъ достовѣрно одно: что у этихъ людей было шило, провизія и деревянная нога, и что они умерли на фонарѣ, какъ злополучнѣйшіе глупцы.

Такимъ образомъ, подписка продолжается при все возрастающемъ возбужденіи. Подписался и Шометтъ „бѣглымъ, смѣлымъ, нѣсколько косымъ почеркомъ" (подлинная бумага до сихъ поръ сохранилась у антикваріевъ) [2]) и Геберъ, ненавистный Père Duchesne, „какъ будто чернильный паукъ упалъ на бумагу"; подписался и привратникъ Мальяръ, и много крестовъ поставлено неумѣющими писать. Парижъ стремится по тысячи своихъ улицъ на Марсово поле и обратно, въ крайнемъ возбужденіи, вокругъ Алтаря Отечества тѣснится толпа подписывающихся патріотовъ и патріотокъ, тридцать рядовъ скамей и все внутреннее пространство амфитеатра заполнены зрителями, подходящими и уходящими, постоянно возобновляющимся водоворотомъ мужчинъ и женщинъ въ праздничныхъ одеждахъ. Все это видитъ нѣкій конституціоналистъ Мотье и Бальи, длинное лицо котораго при этомъ зрѣлищѣ становится еще длиннѣе. Они не предвидятъ ничего хорошаго; можетъ быть, Dechéance и, въ концѣ концовъ, низложеніе короля! Прекратите же это, вы, патріоты конституціоналисты! Вѣдь, и огонь можно потушить, но только въ началѣ.

Прекратить, да, но какъ? Развѣ первый свободный народъ въ мірѣ не имѣетъ права подавать петиціи? Къ счастью или къ несчастью есть и доказательство мятежа: двое субъектовъ, повѣшенныхъ на фонарѣ. Доказательство, о, предатель Мотье! Не были ли эти два субъекта посланы сюда тобою, чтобъ быть повѣшенными и послужить предлогомъ для твоего кроваваго Drapeau rouge? Вопросъ этотъ когда нибудь будетъ поставленъ многими патріотами, и они отвѣтятъ на него, укрѣпившись въ сверхъестественномъ подозрѣніи, утвердительно.

Какъ бы то ни было, около половины восьмого вечера, простымъ глазомъ можно видѣть слѣдующее: сэръ Мотье съ муниципальными совѣтниками въ шарфахъ, съ синими національными патрулями, выступающими рядами, подъ бой барабановъ, рѣшительно заворачиваютъ на Марсово поле; мэръ Бальи, съ вытянутымъ лицомъ, словно вынуждаемый печальнымъ долгомъ, несетъ Drapeau rouge. При видѣ этого символа военнаго закона, изъ сотни тысячъ глотокъ поднимается въ дискантовыхъ и басовыхъ нотахъ вой злобныхъ насмѣшекъ; но кровавый флагъ, тѣмъ не менѣе, развѣвается, приближается со стороны улицы Гро-Сейлю, подвигается впередъ и, развиваясь, съ барабаннымъ боемъ, подступаетъ къ Алтарю Отечества. Онъ движется, сопровождаемый все усиливающимся дикимъ ревомъ, проклятіями, бранью, бросаньемъ каменьевъ и нечи-

---

[1]) Hist. Parl. XI, 104—7.

[2]) Ibid. XI, 113.

стотъ, saxa et faeces, и трескомъ пистолетнаго выстрѣла, — все это заключается залпомъ патрулей, наведенными ружьями и цѣлымъ рядомъ залповъ. Какъ разъ черезъ годъ и три дня, наше величественное Поле Федераціи обагряется, такимъ образомъ, французской кровью.

„По несчастію, около двѣнадцати убитыхъ“, собщаетъ Бальи, считающій единицами; но патріоты считаютъ десятками и даже сотнями. Это не забудется и не простится. Патріоты разбѣгаются съ воплями, проклятіями. Камиллъ Демуленъ перестаетъ на сегодня писать въ газетахъ; великій Дантонъ съ Камилломъ и Фрерономъ летятъ точно на крыльяхъ, спасая свою жизнь; Маратъ зарывается глубоко въ землю и молчитъ. Патрули торжествуютъ—еще разъ; но это послѣдній.

Вотъ какъ было дѣло съ бѣгствомъ короля въ Вареннъ. Вотъ какимъ образомъ тронъ былъ опрокинутъ, а затѣмъ побѣдоносно возстановленъ—поставленный, какъ пирамида, на вершину—и такъ онъ будетъ стоять, покуда его можно будетъ поддерживать.

свой прощальный привѣтъ, не лишенный хриплаго паѳоса: „Желаемъ всѣмъ аристократамъ быть похороненными въ Парижѣ, въ чемъ намъ отказано!“ [1]). Они уѣзжаютъ, эти первые солдаты революціи; въ теченіе почти года судьба ихъ окутана туманомъ, пока снова ихъ не реформируютъ, переименуютъ и пошлютъ сражаться противъ австрійцевъ; затѣмъ исторія теряетъ ихъ изъ вида. Это былъ весьма замѣчательный корпусъ, занимающій мѣсто въ міровой исторіи, хотя для насъ, согласно тому, какъ пишется исторія, они остаются лишь безъимянной рубрикой людей, косматой массой гренадеръ, въ кожаныхъ поясахъ. И все же невольно спрашиваешь себя: какіе аргонавты, какіе спартанцы выполнили такую работу? Подумайте только объ ихъ судьбѣ съ того майскаго утра, около трехъ лѣтъ назадъ, когда они безучастно тащили д'Эпремениля на островъ Калипсо, и съ того іюльскаго вечера, около двухъ лѣтъ назадъ, когда они не безучастно, а съ проклятіями и гнѣвно, нахмуривъ брови, дали залпъ въ полкъ принца де Ламбескъ подъ командой Безанваля. Исторія шлетъ имъ свой прощальный нѣмой привѣтъ.

Такимъ образомъ, державная власть дышитъ свободнѣе послѣ того, какъ эти санкюлотскія сторожевыя собаки, скорѣе похожія на волковъ, взяты на свору и удалены изъ Тюльери. Державная власть охраняется теперь тысячью восемьюстами лояльныхъ подданныхъ, которыхъ, подъ различными предлогами, можно будетъ увеличить постепенно до шести тысячъ, и которые не будутъ препятствовать путешествію въ Сенъ-Клу. Прискорбная вареннская трещина замазана и даже спаяна кровью на Марсовомъ полѣ за эти два съ лишнимъ мѣсяца; и, дѣйствительно, его величество, какъ и раньше, пользуется своими привилегіями, имѣетъ право „выбора резиденціи“, хотя не безъ основаній „предпочитаетъ оставаться въ Парижѣ“. Бѣдный король, бѣдный Парижъ, вы оба должны маскироваться сознательно, облекаться въ видимости и фальшь, должны играть другъ передъ другомъ вашу прискорбную траги-комедію, будучи съ ней связаны, и въ общемъ, все еще надѣетесь, несмотря на отсутствіе всякой надежды.

Да, но теперь, когда его величество принялъ конституцію подъ грохотъ пушечныхъ салютовъ, кто же не сталъ бы надѣяться? Нашъ добрый король былъ введенъ въ заблужденіе, но онъ желалъ добра. Лафайетъ ходатайствовалъ объ амнистіи, о всеобщемъ прощеніи и забвеніи революціонныхъ прегрѣшеній, и отнынѣ, несомнѣнно, славная революція, очищенная отъ всякаго мусора, завершена! Довольно странно и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, трогательно, что древній возгласъ „Vive le roi!“ раздается снова вокругъ короля Людовика, наслѣдственнаго представителя Франціи. Ихъ величества ѣдутъ въ оперу, раздаютъ деньги бѣднымъ: даже королева, теперь, послѣ принятія конституціи, слышитъ одобрительные голоса. Прошлое да будетъ прошлымъ; теперь должна начаться новая эра! Королевскій экипажъ медленно движется, катясь по затканнымъ цвѣтными лампочками Елисейскимъ полямъ, всюду встрѣчаемый виватами толпы, старающейся веселиться. Людовикъ смотритъ преимущественно на пестрыя лампочки и веселыя группы людей, и въ эту минуту очень доволенъ. На лицѣ ея величества „подъ благосклонной, привѣтливой улыбкой можно прочесть глубокую грусть“ [2]). Блестящія храбростью и остроуміемъ личности прогуливаются тутъ же и наблюдаютъ: такъ, напримѣръ, дѣлаетъ г-жа Сталь, опираясь вѣроятно на руку своего Нарбонна. Она встрѣчаетъ здѣсь депутатовъ, которые создали эту конституцію, и теперь прогуливаются, обмѣниваясь замѣчаніями и размышляя о томъ, устоитъ ли она. Однако, когда мелодичныя струны скрипки повсюду звенятъ подъ ритмъ легкихъ капризныхъ ногъ, а длинные ряды фонариковъ изливаютъ свои цвѣтные лучи, и глашатаи съ мѣдными легкими, проталкиваясь сквозь толпу, ревутъ: „Grande acceptation, constitution monarchique“ (Великое рѣшеніе—принятіе монархической

---

[1]) Hist. Parl. XIII, 73.

[2]) De Stael, Considérations, I, c. 23.

конституціи), — сынамъ Адама, казалось бы, вполнѣ позволительно надѣяться. Развѣ Лафайетъ, Барнавъ и всѣ конституціоналисты не подставили любезно свои плечи подъ опрокинутую пирамиду трона? Фельяны, къ которымъ принадлежитъ почти весь цвѣтъ конституціонной Франціи, ораторствуютъ каждый вечеръ со своихъ трибунъ, ведутъ корреспонденцію черезъ всѣ почтовыя отдѣленія, доносятъ на безпокойныхъ якобинцевъ, твердо вѣря, что ихъ популярность скоро минуетъ. Многое неопредѣленно, многое сомнительно; но если наслѣдственный представитель будетъ дѣйствовать умно и удачно, то развѣ нельзя, при сангвиническомъ гельскомъ темпераментѣ, надѣяться, что худо ли, хорошо ли, все уладится, и то, чего еще недостаетъ, постепенно будетъ пріобрѣтено и приложено къ дѣлу.

Впрочемъ, повторяемъ, при созиданіи конституціоннаго зданія, особенно при провѣркѣ основъ его, не было забыто ничего, что могло бы придать ему новую силу, укрѣпить его и сдѣлать прочнымъ, даже вѣчнымъ. Двухгодичный парламентъ, подъ названіемь законодательнаго собранія (Assemblée Législative) съ семьюстами сорока пятью членами, выбранными на разумныхъ основаніяхъ исключительно „активными гражданами", и даже путемъ избранія изъ избирателей наиболѣе активныхъ, съ преимуществами парламента, будетъ по собственному усмотрѣнію собираться и само себя распускать, въ случаѣ надобности. Онъ будетъ наблюдать за администраціей и властями, обсуждать и опредѣлять бюджетъ, и навсегда пребудетъ великимъ конституціоннымъ совѣтомъ, исполненнымъ съ Божьей помощью, коллективной мудрости и неизсякаемаго краснорѣчія.—Этотъ первый двухгодичный парламентъ, выборы въ который происходили уже съ начала августа, теперь почти составленъ. Онъ даже большей частью уже въ Парижѣ; члены съѣзжаются постепенно, съ чувствомъ привѣтствуя своего почтеннаго родителя, нынѣ умирающее учредительное собраніе, и сидятъ въ галлереяхъ, почтительно прислушиваясь, готовые приступить къ дѣлу сами, лишь только очистится мѣсто.

Ну, а какъ же относительно измѣненій въ самой конституціи? Очевидно, это одинъ изъ наиболѣе щекотливыхъ пунктовъ, такъ какъ измѣненія недопустимы для законодательнаго собранія, или обыкновеннаго двухгодичнаго парламента, а возможны только для воскрешеннаго учредительнаго собранія или національнаго конвента. Покойное верховное національное собраніе обсуждало этотъ вопросъ цѣлыхъ четыре дня. Одни находили, что измѣненія, или, по крайней мѣрѣ, пересмотръ и новое утвержденіе допустимы черезъ тридцать лѣтъ; другіе шли еще дальше, уменьшая срокъ до двадцати и даже пятнадцати лѣтъ. Верховное собраніе остановилось сначала на тридцати годахъ; но, по болѣе зрѣломъ размышленіи, взяло свое рѣшеніе обратно; и не назначило никакого срока, а только намѣтило нѣкоторые смутные контуры опредѣляющихъ этотъ моментъ обстоятельствъ и, въ общемъ, оставило вопросъ неразрѣшеннымъ [1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что національный конвентъ можетъ собраться еще въ теченіи тридцати лѣтъ, хотя можно надѣяться, что этого не случится и обыкновенныхъ законодательныхъ собраній и двухгодичныхъ парламентовъ съ ихъ ограниченной компетенціей и, быть можетъ, постепенными, спокойными усовершенствованіями, будетъ достаточно на цѣлыя поколѣнія, или даже на неисчислимыя времена.

Далѣе, нужно замѣтить, что ни одинъ изъ членовъ учредительнаго собранія не былъ, или не могъ быть избранъ въ новое законодательное собраніе. Эти составители законовъ мыслили такъ благородно, кричатъ нѣкоторые, что подобно Солону изгнали даже самихъ себя! Они такъ недовѣрчивы къ людямъ, кричатъ другіе, что каждый косится на другого, и боится дать другому превзойти себя въ самоотверженіи! Во всякомъ случаѣ, они неблагоразумны, отвѣчаютъ всѣ практическіе люди. Но обратимъ вниманіе еще на одно самоотверженное постановленіе; ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть министромъ короля, или принять

---

[1]) Choix de Rapports, etc. (Paris, 1825), VI, 239—317.

хотя бы самую незначительную придворную должность до истеченія четырехъ, или, по меньшей мѣрѣ (послѣ долгихъ преній и пересмотровъ), до истеченія двухъ лѣтъ! Такъ предлагаетъ неподкупный Робеспьеръ—ему лично это великодушіе не дорого стоитъ—и никто не смѣетъ дать ему превзойти себя. Это былъ такой законъ, въ свое время не лишній, который привелъ Мирабо въ сады Сенъ-Клу, подъ кровомъ ночи, къ бесѣдѣ боговъ, и который помѣшалъ многому. Къ счастью и къ несчастью, теперь нѣтъ Мирабо, чтобы мѣшать.

Великодушная амнистія, предложенная Лафайетомъ, несомнѣнно привѣтствуется всѣми справедливыми сердцами. Привѣтствуется также и съ трудомъ достигнутое единеніе съ Авиньономъ, стоившее „тридцать бурныхъ засѣданій“ и многаго другого, да будетъ оно, по крайней мѣрѣ, счастливымъ. Рѣшено поставить статую Руссо, добродѣтельному Жанъ-Жаку, евангелисту Contrat Social. Не забыты ни Друэ изъ Варенна, ни достойный Латайль, хозяинъ стараго всемірно извѣстнаго зала для Игры въ мячъ въ Версалѣ; каждый изъ нихъ получаетъ почетный отзывъ и соотвѣтствующее денежное вознагражденіе [1]). Послѣ того, какъ все такъ мирно улажено, и депутаціи, посольства и шумныя королевскія и всякія другія церемоніи кончены, послѣ того, какъ король произнесъ нѣсколько благосклонныхъ словъ о мирѣ и спокойствіи, на что члены растроганно, даже со слезами, отвѣтили „O u i! o u i!“—поднимается предсѣдатель Туре, извѣстный по законодательнымъ реформамъ и громкимъ голосомъ произноситъ слѣдующія достопамятныя заключительныя слова: „Національное учредительное собраніе объявляетъ, что оно выполнило свою миссію, и засѣданія его закрываются“. Неподкупнаго Робеспьера и добродѣтельнаго Петіона народъ, подъ громогласные виваты, несетъ домой на рукахъ. Остальные спокойно расходятся по своимъ квартирамъ. Это послѣдній день сентября 1791 года, завтра утромъ новое законодательное собраніе приступитъ къ своимъ занятіямъ.

Такъ, при блескѣ иллюминованныхъ улицъ и Елисейскихъ полей, подъ трескъ фейерверковъ и веселыя развлеченія, исчезло первое національное собраніе, р а с т в о р и в ш и с ь, такъ сказать, въ пустотѣ времени, и болѣе не существуетъ. Учредительное собраніе ушло, но плоды его остались; оно исчезло, какъ всѣ собранія людей, какъ и самъ человѣкъ: оно имѣло начало и должно было имѣть и конецъ. Призрачная дѣйствительность, рожденная временемъ, какъ и всѣ мы, оно уплываетъ по времени все дальше назадъ, но надолго сохранится въ памяти людей. Много бывало на нашей планетѣ странныхъ собраній: синедріоны, тредъюніоны, амфиктіоны, вселенскіе соборы, парламенты и конгрессы, собирались и расходились, но болѣе страннаго сборища, чѣмъ это верховное учредительное собраніе, или съ болѣе своеобразной задачей, пожалуй, не собиралось никогда. Если взглянуть на него съ разстоянія, оно покажется чудомъ. Тысяча двѣсти человѣкъ, съ евангеліемъ Жанъ-Жака Руссо въ карманѣ, собираются отъ имени двадцати пяти милліоновъ, съ полной убѣжденностью, что они „сдѣлаютъ конституцію“; такое зрѣлище - высшій и главный продуктъ восемнадцатаго столѣтія—нашему міру суждено видѣть лишь однажды. Ибо время богато чудесами, богато всякими несообразностями; и замѣчено, что ни оно самое, ни одно изъ его евангелій не повторяются, а всего менѣе можетъ повториться евангеліе Жанъ-Жака. Нѣкогда оно было справедливо и необходимо, разъ таковой стала вѣра людей; но довольно и этого одного раза.

Эти тысяча двѣсти евангелистовъ Жанъ-Жака составили конституцію, и не безуспѣшно. Около двадцати девяти мѣсяцевъ сидѣли они надъ нею съ перемѣнной удачей, въ различныхъ положеніяхъ, но всегда, смѣемъ сказать, въ положеніи везомаго на колесницѣ Карроччіо, чудеснаго знамени Возстанія, на которое всякій можетъ взирать съ надеждой на исцѣленіе. Они видѣли многое: видѣли пушки, направленныя на нихъ, затѣмъ внезапно, вслѣдствіе вмѣшательства толпы, отодвинутыя назадъ; видѣли бога войны, Брольи, исчезающаго

[1]) Moniteur (Hist. Parl. XI, 473).

подъ грохотъ грома, не имъ самимъ произведеннаго, среди поднявшейся пыли рухнувшей Бастиліи и старой феодальной Франціи. Они претерпѣли кое-что: Королевское засѣданіе, стояніе подъ дождемъ, клятву въ залѣ Игры въ мячъ, ночь подъ Духовъ День, возстаніе женщинъ. Но, вѣдь, и сдѣлало кое-что. Они выработали конституцію и дѣлали въ то же время много другихъ дѣлъ: приняли въ теченіе этихъ двадцати девяти мѣсяцевъ „двѣ тысячи пятьсотъ рѣшеній", что на кругъ составляетъ по три въ день, включая и воскресенья! Какъ мы видимъ, краткость иногда возможна; развѣ Моро де Сенъ-Мери не пришлось отдать три тысячи приказаній, прежде чѣмъ подняться со своего сѣдалища? Въ этихъ людяхъ было мужество (или достоинство) и нѣкотораго рода вѣра—хотя бы въ то, что паутина не сукно,—и въ то, что конституція могла быть выработана. Паутины и химеры должны были исчезнуть, потому что есть дѣйствительность. Прочь, невыносимыя, убивавшія душу, а теперь убивающія и тѣло, формулы, прочь, во имя неба и земли! Время, какъ мы сказали, вынесло впередъ этихъ тысячу двѣсти человѣкъ; вѣчность была впереди ихъ и вѣчность—позади; они дѣйствовали, подобно всѣмъ намъ, при сліяніи двухъ вѣчностей, дѣлая то, что имъ было предназначено. Не говорите, что сдѣланное ими—ничто. Сознательно они сдѣлали кое-что, безсознательно—весьма многое! Они имѣли своихъ гигантовъ и своихъ пигмеевъ, совершили свое доброе и свое злое; они ушли, и болѣе не вернутся. Какъ же, въ такомъ случаѣ, не проводить ихъ съ благословеніемъ и прощальнымъ привѣтомъ?

На почтовыхъ, въ дилижансахъ, верхомъ и пѣшкомъ они разбрелись во всѣ четыре стороны. Не малое число изъ нихъ перешло границы, чтобы зачислиться въ ряды войскъ въ Кобленцѣ. Туда же отправился, между прочимъ, и Мори, но впослѣдствіи удалился въ Римъ, чтобы облечься тамъ въ кардинальскій плюшъ; этотъ любимчикъ (послѣдній отпрыскъ?) Дюбарри чувствовалъ себя во лжи такъ же свободно, какъ въ платьѣ. Таллейранъ-Перигоръ, отлученный конституціонный епископъ, направляется въ Лондонъ, въ качествѣ королевскаго посланника, не взирая на законъ о самоотреченіи, причемъ бойкій молодой маркизъ Шовленъ играетъ при немъ роль ширмы. Въ Лондонѣ же встрѣчаемъ и добродѣтельнаго Петіона, который на торжественныхъ ресторанныхъ обѣдахъ выслушиваетъ рѣчи и самъ ихъ держитъ, чокаясь бокалами съ членами конституціоныхъ реформистскихъ клубовъ. Неподкупный Робеспьеръ удаляется на нѣкоторое время въ родной Арра, чтобы провести тамъ семь короткихъ недѣль, послѣднихъ, опредѣленныхъ ему въ этомъ мірѣ для отдыха. Прокуроръ парижскаго суда, признанный верховный жрецъ якобинизма, онъ является барометромъ неподкупнаго, сухого патріотизма; его ограниченная, настойчивая манера нравится всѣмъ ограниченнымъ людямъ: вѣдь, ясно, что этотъ человѣкъ идетъ въ гору. Онъ продаетъ свое маленькое наслѣдство въ Арра и, въ сопровожденіи брата и сестры, возвращается въ Парижъ на старую квартиру у столяра въ улицѣ Сентъ-Оноре, разсчитывая для себя и своихъ на скромное, но обезпеченное будущее. О, робко-рѣшительный, неподкупный, зеленый человѣкъ, знаешь ли ты, какое будущее ожидаетъ тебя!

Лафайетъ, съ своей стороны, слагаетъ съ себя командованіе, чтобы подобно Цинциннату возвратиться къ своему очагу и фермѣ; но вскорѣ онъ снова покинетъ ихъ. Однако, наша національная гвардія отнынѣ будетъ имѣть уже не одного командира: всѣ полковники будутъ командовать поочереди, каждый по мѣсяцу. Другихъ же депутатовъ г-жа Сталь видѣла „расхаживающими съ озабоченнымъ видомъ", можетъ быть, не зная, что дѣлать. Нѣкоторые, подобно Барнаву, Ламетамъ и Дюпору, останутся въ Парижѣ для наблюденія за новымъ двухгодичнымъ законодательнымъ собраніемъ, первымъ парламентомъ, чтобы, если придется, поучить его ходить, а дворъ—направлять его шаги.

Таковы эти люди, расхаживающіе съ озабоченнымъ видомъ и ѣдущіе на почтовыхъ и въ дилижансахъ—куда зоветъ рокъ. Гигантъ Мирабо спитъ въ Пантеонѣ великихъ людей; а Франція? а Европа? Герольды съ мѣдными легкими,

разъѣзжая въ веселой толпѣ, возглашають: „Grande acceptation, Constitution monarchique“. Завтрашній день, внукъ вчерашняго, долженъ быть, какимъ можетъ, подобно своему отцу, сегодняшнему дню. Наше новое двухгодичное законодательное собраніе начинаетъ организоваться перваго октября 1791 года.

ГЛАВА II.

Книга законовъ.

Если при настоящемъ отдаленіи времени и пространства даже само верховное учредительное собраніе, на которое были обращены взоры вселенной могло вызвать въ насъ сравнительно слабое вниманіе, то насколько менѣе способно заинтересовать насъ это бѣдное законодательное собраніе. Оно имѣетъ свою правую и лѣвую стороны, одну менѣе патріотическую, другую — болѣе; аристократовъ здѣсь уже нѣтъ болѣе; оно волнуется и говоритъ, слушаетъ доклады, читаетъ предложенія и законы: работаетъ впродолженіи сезона по своей спеціальности; но исторія Франціи, какъ оказывается, отражается въ немъ рѣдко, или почти никогда. Злосчастное законодательное собраніе! Какое отношеніе можетъ имѣть къ нему исторія? развѣ только пролить слезу надъ нимъ, почти молча. Первый изъ двухгодичныхъ парламентовъ, за которымъ,—если бъ бумажная конституція и часто повторяемыя національныя клятвы могли что-нибудь значить,—за которымъ послѣдовали бы другіе, въ мирной, непрерывной связи, плачевно исчезъ еще до истеченія перваго года, и за нимъ не послѣдовало втораго, ему подобнаго. Увы! наши двухгодичные парламенты въ безконечной, непрерывной послѣдовательности и все это конституціонное зданіе, построенное на столькихъ трескучихъ федеративныхъ клятвахъ, послѣдній камень котораго былъ принесенъ съ танцами подъ пестрые лучи торжественныхъ огней,—все это разсыпалось въ куски, подобно хрупкимъ черепкамъ, при столкновеніи событій, и уже по истеченіи короткихъ одиннадцати мѣсяцевъ находилось въ предверіи ада, неподалеку отъ луны, съ духами другихъ химеръ. Пусть они тамъ и остаются, въ меланхолическомъ покоѣ до тѣхъ поръ, пока не понадобятся намъ для какихъ нибудь особыхъ рѣдкихъ цѣлей.

Вообще, какъ мало знаетъ себя человѣкъ, или собраніе людей! Эзопова муха сидѣла на колесѣ повозки и восклицала: „Какую пыль я поднимаю!“ А великіе правители, одѣтые въ пурпуръ, со скипетрами и другими регаліями часто находятся во власти своихъ камеръ-лакеевъ, капризовъ своихъ женъ и дѣтей, или—въ конституціонныхъ странахъ—во власти статей ловкихъ журналистовъ. Не говори: я этотъ или тотъ, и дѣлаю это или то! Вѣдь, ты не знаешь этого; ты знаешь только названіе, подъ которымъ это до сихъ поръ дѣлалось Облеченный въ пурпуръ Навуходоносоръ радуется, чувствуя себя дѣйствительно, императоромъ великаго, воздвигнутаго имъ Вавилона; а на самомъ дѣлѣ онъ— невиданное дотолѣ двуногое-четвероногое, наканунѣ своего семилѣтняго травоядѣнія! Эти семьсотъ сорокъ пять избранниковъ народа не сомнѣвались, что они представляютъ первый двухгодичный парламентъ и призваны управлять Франціей при помощи парламентскаго краснорѣчія. А что они въ сущности? И для чего собрались? Для неразумныхъ и праздныхъ дѣлъ.

Многіе очень сожалѣютъ, что этотъ первый двухгодичный парламентъ не заключалъ въ себѣ членовъ бывшаго учредительнаго собранія, съ ихъ знаніемъ партій и парламентской тактики; что таковъ былъ ихъ неразумный самоотрицающій законъ. Несомнѣнно, бывшіе члены конституанты были бы здѣсь весьма желательны. Но, съ другой стороны, какіе старые или новые члены какого бы то ни было учредительнаго собранія въ подлунной могли бы принести здѣсь существенную пользу? Первые двухгодичные парламенты поставлены въ нѣкоторомъ смыслѣ внѣ всякой мудрости на той грани, гдѣ мудрость и глупость раз-

личаются только въ степени, и гибель, и распаденіе—единственный предназначенный для обоихъ конецъ.

Бывшіе члены конституанты, наши Барнавы, Ламеты и другіе, для которыхъ была устроена особая галлерея, гдѣ они, сидя на почетныхъ мѣстахъ, могли слушать то, что происходило въ засѣданіяхъ, посмѣиваются надъ этими новыми законодателями [1]), но мы этого не сдѣлаемъ! Бѣдные семьсотъ сорокъ пять, посланные сюда активными гражданами Франціи, представляютъ только то, чѣмъ они могли быть, дѣлаютъ то, что имъ предопредѣлено. Что они настроены патріотически, это для насъ вполнѣ понятно. Аристократическое дворянство бѣжало за границу, или сидѣло по своимъ еще не сожженнымъ замкамъ, измышляя въ тиши разные планы; шансы его въ первоначальныхъ избирательныхъ собраніяхъ были весьма слабы. Оно думало только о бѣгствѣ въ Вареннъ, о Днѣ кинжаловъ, составляло заговоръ за заговоромъ, предоставляя народу самому заботиться о себѣ; и народъ принужденъ былъ выбирать себѣ такихъ защитниковъ, какихъ могъ. Онъ и выбралъ, какъ будетъ выбирать всегда—„если не способнѣйшихъ людей, то наиболѣе способныхъ быть выбранными!" Пламенный характеръ, крайнее патріотическо-конституціонное направленіе — это качества: но даръ краснорѣчія, искусство въ словесной борьбѣ--это качество изъ качествъ. Поэтому неудивительно, что въ этомъ первомъ двухлѣтнемъ парламентѣ четыреста членовъ принадлежатъ къ сословію адвокатовъ или прокуроровъ. Среди нихъ есть люди, способные говорить, если есть о чемъ, и есть люди, способные думать и даже дѣйствовать. Справедливость требуетъ признать, что этотъ несчастный первый французскій парламентъ не былъ лишенъ ни нѣкоторой талантливости, ни нѣкоторой честности; что ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи онъ не стоялъ ниже обычныхъ среднихъ парламентовъ, но скорѣе превосходилъ ихъ. Заурядные парламенты, не гильотинированные и не преданные долгому позору, должны благодарить за это не себя, а свою счастливую звѣзду!

Франція, какъ мы сказали, еще разъ сдѣлала, что могла: ревностные люди явились сюда съ разныхъ сторонъ навстрѣчу страннымъ судьбамъ. Пламенный Максъ Иснаръ прибылъ съ далекаго юго-востока; пламенный Фоше, Te-Deum Фоше, епископъ Кальвадосскій—съ далекаго сѣверо-запада. Здѣсь уже не засѣдаетъ Мирабо, который поглотилъ бы всѣ формулы; нашъ единственный Мирабо теперь Дантонъ, дѣйствующій еще за стѣнами парламента, и котораго нѣкоторые называютъ „Мирабо санкюлотовъ".

Максъ Иснаръ.

Пьеръ-Викторинъ Верніо.

Тѣмъ не менѣе, у насъ есть и дарованія—особенно даръ краснорѣчія и логики. Мы имѣемъ краснорѣчиваго Верніо, самаго медоточиваго, но и самаго страстнаго изъ публичныхъ ораторовъ, родомъ изъ мѣстности, называемой Жирондой, на Гароннѣ; къ несчастью, это—человѣкъ, привыкшій къ лѣни, который

[1]) Dumouriez, II, 150, etc.

будетъ играть съ дѣтьми въ то время, когда долженъ строить планы и говорить. Горячій, подвижный Гаде, серьезный, разсудительный Жансонне, милый, сверкающій веселостью молодой Дюко, осужденный на печальный конецъ Валазе: всѣ они точно также изъ Жиронды, или изъ окрестностей Бордо; всѣ - пламенные конституціоналисты, талантливые, строго логичнаго ума и несомнѣнно почтенныхъ характеровъ; они желаютъ установить царство свободы, но не иначе, какъ гуманными средствами. Вокругъ нихъ соберутся другіе, такого же направленія, и вся эта партія получитъ извѣстность, на удивленіе и горесть міра, подъ именемъ жирондистовъ. Изъ этой же компаніи отмѣтимъ Кондорсе, маркиза и философа, потрудившагося надъ парижской муниципальной конституціей и надъ дифференціальнымъ счисленіемъ, сотрудника газеты Chronique de Paris, автора біографій, философскихъ сочиненій, засѣдающаго теперь въ двухгодичномъ парламентѣ. Это извѣстный Кондорсе съ лицомъ римскаго стоика и пламеннымъ сердцемъ—„вулканъ, скрытый подъ снѣгомъ“, на непочтительномъ языкѣ прозванный также „mouton enragé“ — самое мирное животное, впавшее въ бѣшенство! Отмѣтимъ въ заключеніе Жана-Пьера Бриссо, котораго судьба долго и шумно трепала и швырнула сюда, какъ бы для того, чтобъ покончить съ нимъ. И онъ также двухгодичный сенаторъ, даже въ настоящее время король сенаторовъ. Неутомимый составитель проектовъ, графоманъ Бриссо, назвавшій себя де Варвилль, ни одному геральдику неизвѣстно, почему, — можетъ быть потому, что его отецъ отличался поваренпымъ искусствомъ и опытностью въ винодѣліи въ деревнѣ Уарвилль. Это человѣкъ изъ разряда вѣтряныхъ мельницъ, постоянно мелющій и вертящійся по вѣтру во всѣ стороны.

Арманъ Жансонне.

Шарль-Элеоноръ Дюфришъ де Валазе.

Маркизъ Кондорсе.

Жанъ-Пьеръ Бриссо де Варвилль.

У всѣхъ этихъ людей есть таланты, способность дѣйствовать; и они будутъ дѣйствовать и творить даже не безъ результата, хотя, увы, не изъ мрамора, а изъ зыбкаго песку! Но наиболѣе способнаго изъ нихъ всѣхъ мы еще не

назвали, или вѣрнѣе, ему предстоитъ развиться въ человѣка, о которомъ будетъ упоминать исторія. Это капитанъ Ипполитъ Карно, присланный сюда изъ Па-де-Калэ; человѣкъ съ холоднымъ математическимъ умомъ, съ молчаливой, упорной волей. Это желѣзный Карно, строящій планы на далекое будущее, непоколебимый, непобѣдимый, который окажется на своемъ мѣстѣ въ часъ испытаній. Волосы его еще черны, но посѣдѣютъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ колебаній фортуны, то благосклонной къ нему, то суровой, хотя человѣкъ этотъ встрѣтитъ все съ непоколебимымъ видомъ.

Въ собраніи имѣются и Cote Droit, и группа друзей короля; въ числѣ ихъ Вобланъ, Дюма, почетный кавалеръ Жокуръ, которые любятъ свободу, но подъ эгидой монархіи и безбоязненно высказываются въ этомъ смыслѣ, но бурно надвигающіеся ураганы сметутъ ихъ прочь. На ряду съ ними, слѣдуетъ назвать еще новаго, Ламета Теодора, военнаго, хотя бы только ради двоихъ его братьевъ, которые одобрительно смотрятъ на него сверху, съ галлереи старой конституанты. Съ пѣной у рта проповѣдующіе Пасторе, медоточиво-примирительные Ламуреты и безсловесные, безъименные субъекты во множествѣ сидятъ въ умѣренномъ центрѣ. Налицо и Cote Gauche, крайняя лѣвая; она сидитъ на верхнихъ скамьяхъ, какъ на воздухѣ, на созерцательной высотѣ, или горѣ, которая превратится въ настоящую огнедышащую гору и прославитъ и ославитъ названіе горы на всѣ времена и страны.

Не почетъ ожидаетъ эту гору, но пока еще и не громкій позоръ. Она не можетъ похвалиться ни талантами, ни даромъ слова или мысли; единственный даръ ея — твердая вѣра, смѣлость, которая дерзнетъ тягаться съ небомъ и землей. Впереди сидятъ три кордельера: пылкій Мерлэнъ изъ Тіонвиля, пылкій Базиръ, оба адвокаты, и Шабо, искушенный въ ажіотажѣ, бывшій капуцинъ. Присяжный повѣренный Лакруа, нѣкогда носившій, въ качествѣ субалтерна, ординарные эполеты, надѣленъ могучими легкими и алчнымъ сердцемъ. Здѣсь также и Кутонъ, мало задумывающійся надъ тѣмъ, что онъ такое: вслѣдствіе несчастной случайности, у него парализованы нижнія конечности. Повидимому, онъ однажды просидѣлъ цѣлую ночь въ холодной тинѣ, вмѣсто теплой комнатки своей возлюбленной, будучи выгнанъ отъ нея, такъ какъ по закону она принадлежала другому [1]; и вотъ теперь онъ до конца дней принужденъ ходить на костыляхъ. Здѣсь и Камбонъ, въ которомъ дремлетъ еще неразвившійся великій финансовый талантъ къ печатанію ассигнацій, отецъ бумажныхъ денегъ; въ грозный часъ онъ произнесетъ вѣское слово: „Война замкамъ, миръ — хижинамъ, **guerre aux chateaux, paix aux chaumières!** [2]) Здѣсь же и неустрашимый обойщикъ изъ Версаля, Лекуантръ, желанное лицо, извѣстное со времени банкета въ оперѣ

Франсуа Шабо.

Жоржъ Кутонъ.

[1]) Dumouriez, II, 370.

[2]) Choix de Rapports, XI, 25.

и возстанія женщинъ. А вотъ и Тюріо, избиратель Тюріо, стоявшій у бойницы Бастиліи и видѣвшій, какъ Сентъ-Антуанъ поднялся всею массой; многое придется ему еще увидѣть. Какъ послѣдняго и самаго жестокаго изъ всѣхъ, отмѣтимъ стараго Рюля съ его коричневымъ, мрачнымъ лицомъ и длинными бѣлыми волосами; онъ родомъ эльзасецъ и лютеранинъ. Это—человѣкъ, котораго годы и книжная ученость ничему не научили, который, обращаясь съ рѣчью къ старшинамъ Реймса, назоветъ сосудъ съ мvромъ (даръ небесъ, изъ котораго были помазаны Хлодвигъ и всѣ короли) ничего не стоящей бутылкой съ масломъ, и разобьетъ ее вдребезги о мостовую. Увы, онъ разобьетъ вдребезги многое, и, въ заключеніе, свою собственную дикую голову пистолетнымъ выстрѣломъ, и кончитъ такъ свою жизнь.

Вотъ какая раскаленная лава клокочетъ въ нѣдрахъ этой горы, невѣдомая міру и самой себѣ! Пока еще это совсѣмъ обыкновенная гора, отличающаяся отъ равнины, главнымъ образомъ, своей большей безплодностью и пустыннымъ видомъ; все, что, можетъ замѣтить внимательный наблюдатель, такъ это то, что она курится. Пока, какъ мы сказали, все еще такъ прочно, такъ мирно, что, кажется, будто и время ничего не можетъ измѣнить. Развѣ не всѣ любятъ свободу и конституцію? Конечно, всѣ, хотя и въ различной степени. Нѣкоторые, какъ кавалеръ Жокуръ и его правая сторона, любятъ свободу меньше, чѣмъ короля, если бы пришлось сдѣлать выборъ; другіе, какъ Бриссо и его лѣвая сторона, любятъ свободу больше, чѣмъ короля. Изъ послѣднихъ, иные любятъ свободу даже больше, чѣмъ самый законъ, другіе же—не больше. Партіи будутъ развиваться, но какъ—это еще никому неизвѣстно. Силы дѣйствуютъ въ этихъ людяхъ и внѣ ихъ; несогласія переходятъ въ оппозицію, которая все болѣе разростается и превращается въ непримѣримую борьбу на жизнь или смерть, пока сильный не будетъ уничтоженъ болѣе сильнымъ, а тотъ, въ свою очередь, еще сильнѣйшимъ. Кто можетъ предотвратить это? Жокуръ и его монархисты, фельяны или умѣренные; Бриссо и его бриссотинцы, якобинцы или жирондисты,—всѣ они, подобно тріо кордельеровъ и всѣмъ вообще людямъ, должны дѣлать то, что имъ предопредѣлено, и на предопредѣленномъ пути.

И, какъ подумаешь, какая судьба ожидаетъ этихъ злополучныхъ семьсотъ сорокъ пять совершенно непредвидимо для нихъ самихъ! Найдется ли хотя одно столь жестокое сердце, которое не пожалѣло бы ихъ? Ихъ задушевнымъ желаніемъ было жить и дѣйствовать въ качествѣ перваго изъ французскихъ парламентовъ, и пустить конституцію въ ходъ. Развѣ не прошли они, тотчасъ послѣ избранія черезъ самыя трогательныя конституціонныя церемоніи, почти исторгавшія у нихъ слезы? Двѣнадцать старѣйшихъ изъ нихъ были посланы торжественно принести самую конституцію, печатную Книгу Закона. Архиваріусъ Камю, бывшій членъ учредительнаго собранія, и двѣнадцать старѣйшихъ входятъ съ военной помпой и музыкой, неся божественную книгу; и президентъ и всѣ сенаторы законодательнаго собранія, положивъ на нее руку, по очереди приносятъ присягу подъ привѣтственные клики и сердечныя изліянія, при всеобщемъ троекратномъ ура [1]). Такъ начинаютъ они свои засѣданія. Несчастные люди! Въ тотъ же самый день король довольно сухо принялъ ихъ депутацію, она обижена выказаннымъ ей пренебреженіемъ и не можетъ не жаловаться

Камю.

[1]) Moniteur, Séance du 4 octobre 1791.

на это: вслѣдствіе чего нашъ только что ликовавшій и присягавшій первый парламентъ на слѣдующее же утро считаетъ себя обязаннымъ реагировать на обиду и принимаетъ анти-роялистское рѣшеніе относительно того, какъ онъ, съ своей стороны, приметъ его величество. Рѣшаютъ что они не должны называть его болѣе: „Sire" (государь) по долгу, а только когда сами захотятъ такъ величать его. Но на слѣдующій же день это рѣшеніе берется обратно, какъ слишкомъ опрометчивая простая болтовня, хотя и вызванная поведеніемъ короля.

Кипучее, но благонамѣренное собраніе; только слишкомъ легко оно воспламеняется; въ немъ постоянно летаютъ искры. Вся его исторія есть рядъ вспышекъ и ссоръ, при искреннемъ желаніи выполнить свою миссію и роковой невозможности сдѣлать это. Оговоры, порицанія министрамъ короля, воображаемымъ и дѣйствительнымъ измѣнникамъ; пылкая злоба и громы противъ отвѣчающихъ громами эмигрантовъ, страхъ передъ австрійскимъ императоромъ, передъ „австрійскимъ комитетомъ" въ самомъ Тюльери; ярость и непрестанный страхъ, опрометчивость сомнѣнія и смутная растерянность! Опрометчивость, говоримъ мы, и однако конституція приняла мѣры противъ нея. Ни одинъ законъ не можетъ пройти, пока не будетъ напечатанъ и прочитанъ три раза, съ промежутками по восьми дней;—„за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда собраніе напередъ рѣшаетъ, что дѣло спѣшное". И оно строго соблюдаетъ конституцію, никогда не забывая сказать: принимая въ соображеніе одно и принимая въ соображеніе другое, а также и на основаніи третьяго, собраніе постановляетъ „qu'il y a urgence"; а рѣшивъ, что данный случай „не терпитъ отлагательства", оно въ правѣ постановить неотложное принятіе любой безразсудной мѣры. Впродолженіи одиннадцати мѣсяцевъ принято, какъ высчитали, болѣе двухъ тысячъ резолюцій [1]. Находили, что учредительное собраніе работало слишкомъ поспѣшно, но эти спѣшатъ втрое болѣе. Правда, самое время летитъ съ утроенной быстротой, а они должны идти съ нимъ въ ногу. Несчастные семьсотъ сорокъ пять избранниковъ! Они истинные патріоты, но изъ слишкомъ горючаго матеріала; посаженные въ огонь, они и брызжутъ огнемъ: это сенатъ, состоящій изъ трута и ракетъ, въ мірѣ бурь, гдѣ постоянно летаютъ гонимыя вѣтромъ искры.

Съ другой стороны, какъ подумаешь, забѣжавъ на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ, о сценѣ, называемой Baiser de Lamourette! Опасности, угрожавшія странѣ, сдѣлались неизбѣжны, неизмѣримы; въ національномъ собраніи, надеждѣ Франціи, произошелъ расколъ. И вотъ, въ виду такого бѣдственнаго положенія, поднимается медоточивый аббатъ Ламуретъ, новый Ліонскій епископъ, фамилія котораго l'amourette значитъ любовная интрижка,—встаетъ и съ патетическимъ, слащавымъ краснорѣчіемъ заклинаетъ всѣхъ высокихъ сенаторовъ забыть свои взаимныя распри и неудовольствія, принести новую присягу и соединиться, какъ братья. Вслѣдъ затѣмъ всѣ они, при восторженныхъ кликахъ, обнимаются и клянутся. Лѣвая сторона смѣшивается съ правой; безплодная гора спускается на плодоносную равнину. Пасторе, въ слезахъ, лежитъ въ объятіяхъ Кондорсе, обиженный на груди обидчика, и всѣ клянутся, что тотъ, кто пожелаетъ двухпалатной монархіи фейльянтинцевъ или крайней якобинской республики или чего либо иного, помимо конституціи, и только ея, будетъ преданъ вѣчному проклятію [2]). Трогательное зрѣлище! Но буквально уже на слѣдующее утро они принуждены, побуждаемые рокомъ, снова ссориться, и ихъ возвышенное примиреніе въ насмѣшку названо Baiser de l'amourette или поцѣлуемъ Далилы.

Подобно злополучнымъ братьямъ Этеоклу и Полинику, они обнимаются, хотя напрасно; плачутъ, что имъ не суждено любить, а суждено ненавидѣть и быть убійцами другъ друга! Или же ихъ можно уподобить кобальдамъ, которымъ волшебникъ приказалъ подъ страхомъ наказанія сдѣлать болѣе трудное

---

[1]) Montgaillard, III, I, 237.

[2]) Moniteur, Seance du 6 juillet 1792.

дѣло, чѣмъ свить веревку изъ песка: „пустить въ ходъ конституцію". Если бъ только конституція хотѣла двигаться! Увы! Конституція не желаетъ тронуться съ мѣста! Она все падаетъ ничкомъ и они, съ трепетомъ, опять поднимаютъ ее: иди же, золотая конституція!—Конституція не желаетъ идти.—„Пойдетъ, клянусь!" сказалъ добрый дядя Товій, и даже выругался. Но капралъ грустно возразилъ: „Никогда не пойдетъ на этомъ свѣтѣ".

Конституція, какъ мы часто говорили, только тогда станетъ двигаться, когда она отражаетъ, если не старыя привычки и вѣрованія принимающихъ ее, то, несомнѣнно, ихъ права или, еще лучше, ихъ силы,—ибо не являются ли эти оба понятія, при правильномъ толкованіи, однимъ и тѣмъ же? Старыя привычки Франціи отжили, ея новыя права и силы еще не опредѣлились, или опредѣлились только на бумагѣ и въ теоріи и не могутъ быть ни въ какомъ смыслѣ установлены, пока не подвергнутся испытанію, пока она не помѣрится силами въ жестокомъ бою на жизнь или смерть, хотя бы и въ противоестественныхъ судорогахъ безумія, съ князьями и властями, высшими и низшими, внутренними и внѣшними, съ землей и адомъ и самимъ небомъ! Тогда все опредѣлится. Три условія являются скверными предзнаменованіями для развитія этой французской конституціи: французскій народъ, французскій король и, въ-третьихъ, французское дворянство и соединенная Европа.

ГЛАВА III.

Авиньонъ.

Но оставимъ общія соображенія и перейдемъ къ дальнѣйшему изложенію событій. Что за странности происходятъ на далекомъ юго-западѣ, куда теперь, въ концѣ октября, обращены всѣ взоры. Трагическій пожаръ, давно дымившійся и тлѣвшій безъ видимаго огня, вспыхнулъ тамъ яркимъ пламенемъ.

Горяча южная провансальская кровь! Увы, какъ уже было сказано, столкновенія на пути свободы неминуемы; ихъ порождаетъ разность направленій, даже разность скоростей въ одномъ и томъ же направленіи! Исторіи, занятой въ другомъ мѣстѣ, некогда было обратить особое вниманіе на многое изъ происходившаго здѣсь: на безпорядки въ Юзезѣ и въ Нимѣ, вслѣдствіе столкновеній между протестантами и католиками, между патріотами и аристократами, на смуты въ Марсели, Монпелье, Арлѣ; на лагерь аристократовъ въ Жалезѣ, на это удивительное полуреальное, полу-фантастическое учрежденіе, то расплывающееся въ блѣдномъ туманѣ, то снова (преимущественно въ воображеніи) вспыхивающее пылающими красками; на эту магическо-грозную „аристократическую картину войны, снятую съ натуры!" Все это былъ трагическій, смертоносный пожаръ, съ заговорами и мятежами, смятеніемъ днемъ и ночью, но пожаръ безъ пламени, не свѣтящій, не замѣчаемый, котораго, однако, теперь нельзя обойти вниманіемъ.

Этотъ скрытый пожаръ былъ сильнѣе всего въ Авиньонѣ и въ графствѣ Венессенъ. Папскій Авиньонъ съ его замкомъ, круто поднимающимся надъ Роной, очень красивый городъ; онъ утопаетъ въ пурпуровыхъ гроздьяхъ виноградниковъ и въ золотисто-оранжевыхъ рощахъ, почему старому безумному риѳмоплету Рене, послѣднему суверену Прованса, и вздумалось передать его папѣ и золотой тіарѣ, а не Людовику одиннадцатому съ оловянной дѣвой на лентѣ шляпы. Это повело и къ добру, и ко злу! Папы, анти-папы, съ ихъ великолѣпіемъ, жили въ этомъ Авиньонскомъ замкѣ, такъ круто поднимающемся надъ быстрой Роной; Лаура де Садъ ходила тамъ къ обѣднѣ, а ея Петрарка меланхолически игралъ на скрипкѣ и пѣлъ вблизи, у фонтана Воклюзъ. Это было въ старину.

А теперь, нѣсколько столѣтій спустя, въ эти новыя времена, отъ одного почерка пера безумнаго риѳмоплета Рене происходитъ то, что мы видимъ: Журданъ Coupe-tête (Головорѣзъ) идетъ военнымъ походомъ осаждать Карпантра, предводительствуя арміей отъ трехъ до пятнадцати тысячъ человѣкъ, называемыхъ Авиньонскими разбойниками,—титулъ, который они сами принимаютъ съ прибавленіемъ эпитета: „Храбрые Авиньонскіе разбойники!" Такъ оно и есть. Палачъ Журданъ бѣжалъ туда отъ слѣдствія въ Шатле, послѣ возстанія женщинъ,—и началъ торговать мареной, но времена стояли такія, что всѣмъ было не до красокъ, такъ что Журданъ закрылъ свою лавочку и поднялся высоко надо всѣми, потому что онъ былъ созданнымъ на то человѣкомъ. Кирпичная борода его сбрита, жирное лицо стало мѣднокраснымъ и усѣяно черными угрями. Силеново чрево раздулось отъ водки и привольной жизни; онъ носитъ синій мундиръ съ эполетами, „огромную саблю, два кавалерійскихъ пистолета, засунутыхъ за поясъ, и два другихъ поменьше, торчащихъ изъ кармановъ"; называетъ себя генераломъ и тиранитъ людей [1]). Подумай объ одномъ этомъ фактѣ, читатель, и о томъ, какого рода факта должны были ему предшествовать и его сопровождать! Вотъ какія вещи происходятъ изъ-за стараго Рене, и изъ за возникшаго вопроса: не можетъ ли Авиньонъ теперь совершенно отложиться отъ папы и стать французскимъ и свободнымъ городомъ?

Смуты продолжались около двадцати пяти мѣсяцевъ. Скажемъ: три мѣсяца раздоровъ, потомъ—семь мѣсяцевъ ярости, наконецъ, въ заключеніе, около пятнадцати мѣсяцевъ сраженій, и даже вѣшанія. Уже въ февралѣ 1790 года, папситы-аристократы поставили въ видѣ предостереженія четыре висѣлицы, но въ іюнѣ народъ возсталъ и, съ жаждой возмездія, заставилъ городского палача исполнить свою обязанность по отношенію къ четыремъ аристократамъ, которые и были повѣшены, по одному папскому Гаману на каждой папской висѣлицѣ. Затѣмъ пошли: авиньонскія эмиграціи,—паписты-аристократы эмигрировали за рѣку Рону,—смѣщеніе папскаго консула, бѣгство, побѣда, возвращеніе папскаго легата, перемиріе, новое нападеніе и сраженія съ перемѣннымъ счастьемъ. Посылались петиціи въ національное собраніе, собирались конгрессы городскихъ управленій: шестьдесятъ съ лишнимъ городскихъ управленій подали голоса за присоединеніе къ Франціи и благословляли свободу, тогда какъ представители около двѣнадцати меньшихъ городовъ, подъ вліяніемъ аристократовъ, вотировали въ обратномъ смыслѣ, и все это съ криками и раздорами! Округъ возсталъ на округъ, городъ на городъ: Карпантра, долго соперничавшій съ Авиньономъ, теперь въ открытой съ нимъ войнѣ,—и Журданъ Coupe-tête, послѣ того, какъ первый генералъ былъ убитъ во время мятежа, закрываетъ свою лавку съ красками и открыто, съ осадной артиллеріей, а главное съ шумомъ и гамомъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ на глазахъ всего міра держитъ со своими „храбрыми авиньонскими разбойниками" соперничающій городъ въ осадномъ положеніи.

Тутъ несомнѣнно совершались геройскіе подвиги, прославленные въ мѣстной исторіи, но неизвѣстные исторіи всемірной. Мы видимъ, какъ висѣлицы воздвигаются съ той и съ другой стороны, и несчастные трупы болтаются на нихъ дюжинами въ рядъ; злополучнаго мэра Везона хоронятъ еще живымъ [2]). Жатва не снимается съ плодородныхъ полей; виноградники потоптаны, всюду царятъ кровавая жестокость, безуміе всеобщей ярости и ожесточенія. Разрушеніе и анархія повсемѣстны: все охвачено сильнѣйшимъ пожаромъ, но безъ зарева, издали невиднымъ! Въ заключеніе, учредительное собраніе, пославшее въ Авиньонъ комиссаровъ, выслушавъ ихъ [3]) доклады, прочитавъ петиціи, продебатировавъ цѣлые мѣсяцы съ августа 1789 г. и „потративъ, въ общемъ, на

---

[1]) Dampmartin, Evenemens, I, 267.

[2]) Barbaroux, Memoires, p. 26.

[3]) Lescène Desmaisons, Compte rendu a l'Assembée Nationale, 18 septembre, 1791 (Choix des rapports, VII, 273—93).

это дѣло тридцать засѣданій", торжественно постановляетъ 14-го прошлаго сентября, что городъ Авиньонъ и графство составляютъ одно цѣлое съ Франціей, и что его святѣйшеству папѣ будетъ уплачено справедливое вознагражденіе.

Значитъ, все прощено и покончено? Увы, если безуміе ярости проникло въ кровь людей и висѣлицы воздвигались и съ этой и съ той стороны, что могутъ сдѣлать пергаментный декретъ и амнистія Лафайета? Забывчивая Лета течетъ не по землѣ! Паписты-аристократы и патріоты-разбойники все еще являются другъ для друга бѣльмомъ на глазу, они постоянно подозрѣваютъ другихъ и подозрѣваются сами во всемъ, чтобы они ни дѣлали и ни предпринимали. Верховное учредительное собраніе разошлось всего двѣ недѣли назадъ, какъ вдругъ, въ воскресенье 16-го октября 1791 года, утромъ, не вполнѣ потушенный пожаръ снова вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ. Появляются анти-конституціонныя воззванія, разсказываютъ, что статуя мадонны покраснѣла и проливаетъ слезы [1]. Поэтому, въ то же утро, патріотъ Л'Экюйе, одинъ изъ нашихъ „шести правящихъ патріотовъ", посовѣтовавшись со своими братьями и съ генераломъ Журданомъ, рѣшается отправиться въ церковь, вмѣстѣ съ однимъ или двумя пріятелями не для того, чтобы прослушать обѣдню, чему онъ придаетъ мало значенія а для того, чтобы увидать всѣхъ папистовъ вмѣстѣ и сказать имъ слово увѣщанія, а также, чтобы посмотрѣть на эту плачущую Богоматерь, находящуюся въ той же церкви Кордельеровъ. Рискованное порученіе, имѣвшее самый фатальный исходъ! Каково было слово увѣщанія, произнесенное Л'Экюйе, этого исторія не сообщаетъ, но отвѣтомъ на него былъ пронзительный вой со стороны аристократическихъ папскихъ богомольцевъ, среди которыхъ было много женщинъ. Поднялись тысячеголосые крики и угрозы, перешедшіе, такъ какъ Л'Экюйе не бѣжалъ, въ тысячерукіе и тысяченогіе тычки и удары съ присоединеніемъ уколовъ стилетами, иглами, ножницами и другими острыми женскими инструментами. Ужасное зрѣлище! Древніе покойники и Лаура Петрарки спятъ вокругъ священный алтарь съ горящими свѣчами смотритъ сверху, а Богоматерь оказывается безъ единой слезинки и вполнѣ естественнаго цвѣта камня. Друзья Л'Экюйе бросаются, подобно посланникамъ Іова, къ Журдану и къ національной арміи. Но неповоротливый Журданъ хочетъ сначала занять городскіе ворота, движется втрое медленнѣе, чѣмъ слѣдовало бы, и, когда приходятъ въ церковь Кордельеровъ, то находятъ ее уже безмолвной и пустой; Л'Экюйе одиноко лежитъ у подножія алтаря, плавая въ собственной крови, исколотый ножницами, истоптанный, искалѣченный. Глухо простонавъ въ послѣдній разъ, онъ испускаетъ духъ вмѣстѣ со своею жалкой жизнью.

Такое зрѣлище способно возбудить сердце всякаго человѣка, а тѣмъ сильнѣе должно оно было подѣйствовать на многихъ людей, называющихъ себя авиньонскими разбойниками! Трупъ Л'Эскюйе, положенный на носилки, съ увѣнчанной лаврами обезображенной головой, несутъ по улицамъ подъ многоголосое, немелодичное погребальное пѣніе, подъ похоронные вопли, болѣе горькіе, чѣмъ громкіе! Мѣдное лицо Журдана, лицо ограбленнаго патріотизма, мрачно. Патріотическій муниципалитетъ посылаетъ въ Парижъ офиціальное донесеніе, приказываетъ произвести многочисленные, скорѣе безчисленные, аресты для допроса и слѣдствія. Аристократовъ и аристократокъ тащатъ въ замокъ, запрятываютъ въ подземныя темницы, гдѣ они валяются, отрѣзанные отъ всякой помощи, оплакиваемые лишь хриплымъ журчаніемъ Роны.

Они сидятъ по темницамъ, дожидаясь слѣдствія и допроса. Увы! съ палачемъ Журданомъ, мѣдное лицо котораго почернѣло, въ качествѣ генералиссимуса и съ вооруженными разбойниками-патріотами, поющими похоронныя пѣсни, слишкомъ вѣроятно, что слѣдствіе будетъ коротко. Въ два слѣдующихъ дня, независимо отъ согласія муниципалитета, въ подземныхъ помѣщеніяхъ Авиньонскаго замка располагается разбойничій военный совѣтъ; разбойничьи экзеку-

[1] Procès verbal de la Commune d'Avignon (Hist. parl. XII, 419—23).

торы, съ обнаженными саблями у дверей, дожидаются разбойничьяго приговора. Судъ короткій, безапелляціонный! Здѣсь царятъ гнѣвъ и месть разбойниковъ, подогрѣваемые водкой. По близости находится темница Glacière, или Ледяная башня, гдѣ происходили дѣла, для которыхъ человѣческій языкъ не имѣетъ названія! Мракъ и тѣни отвратительной жестокости окутываютъ эти темницы замка, эту башню Glacière; несомнѣнно одно: что многіе въ нее вошли, а вышли немногіе. Журданъ и разбойники, господствуя теперь надъ всѣмъ муниципалитетомъ, надъ всѣми властями, папскими или патріотическими, хозяйничаютъ въ Авиньонѣ, поддерживаемые ужасомъ и безмолвіемъ.

Результатомъ всего этого является то, что 15-го ноября 1791 г. мы видимъ, какъ другъ Даммартенъ съ подчиненными и подъ начальствомъ генерала Шуази, съ пѣхотой и кавалеріей, съ громыхающими впереди пушками, развернутыми знаменами, подъ громъ трубъ и барабановъ, съ преднамѣренно грозной выставкой военныхъ силъ вступаетъ въ улицу Кастль-Рокъ, направляясь къ широкимъ воротамъ Авиньонскаго замка. За нимъ на почтительномъ разстояніи ѣдутъ три комиссара новаго національнаго собранія [1]. Авиньонъ, повинуясь приказанію, во имя закона и собранія, широко распахиваетъ свои ворота; Шуази съ остальными, Даммартеномъ и „bons enfants, славными ребятами изъ Бофремона"—какъ называютъ этихъ, давно знакомыхъ, бравыхъ конституціонныхъ драгунъ,—въѣзжаютъ, встрѣчаемые кликами и дождемъ цвѣтовъ. Они пріѣхали на радость всѣмъ честнымъ людямъ, на страхъ одному палачу Журдану и его разбойникамъ. Вскорѣ показывается усѣянное вередами, распухшее мѣдно-красное лицо Журдана; вооруженный саблей и четырьмя пистолетами, онъ пытается говорить грозно, однако, обѣщаетъ сдать замокъ сейчасъ же. Гренадеры Шуази вступаютъ вмѣстѣ съ нимъ въ замокъ. Они вздрагиваютъ и останавливаются, проходя мимо Ледяной башни, такъ ужасенъ исходящій изъ нея запахъ, потомъ съ дикимъ ревомъ: „Смерть палачу!" бросаются на Журдана, который едва успѣваетъ скрыться черезъ потайные проходы.

Пусть же обнаружится тайна производившагося здѣсь правосудія! Сто тридцать труповъ мужчинъ, женщинъ и даже дѣтей (ибо схваченныя врасплохъ, трепещущія матери, не могли оставить своихъ дѣтей) грудами лежатъ въ этомъ Гласьерѣ и гніютъ среди разлагающейся массы, на ужасъ всему міру. Три дня продолжается грустная процедура выноса труповъ наружу и опознаванія ихъ, среди воплей и возбужденія страстнаго южнаго народа, то колѣнопреклоненно молящагося, то бушующаго въ дикой ярости и состраданіи. Затѣмъ происходитъ торжественное погребеніе, съ глухимъ барабаннымъ боемъ и пѣніемъ. Убитые покоятся теперь въ освященной землѣ, въ общей могилѣ реквіема при всеобщемъ плачѣ.

А Журданъ Coupe-Tête? Мы видимъ его снова, черезъ день или два: онъ бѣжитъ по романтичнѣйшей холмистой странѣ Петрарки, яростно пришпоривая своего скакуна; молодой Лигонне, пылкій авиньонскій юноша, съ драгунами Шуази, несутся за нимъ по пятамъ. Съ такой вздувшейся мясной тушей, вмѣсто всадника, ни одна лошадь не можетъ выдержать состязанія. Усталый конь, подгоняемый шпорами, плыветъ черезъ рѣчку Соргъ, но останавливается на срединѣ ея, на „chiaro fondo di Sorga", и не трогается съ мѣста, несмотря ни на какія шпоры! Молодой Лигонне подскакиваетъ; мѣднолицый грозитъ и реветъ, вытаскиваетъ пистолетъ, можетъ быть, даже спускаетъ курокъ; однако его схватываютъ за шиворотъ, привязываютъ къ сѣдлу, а ноги подтягиваютъ подъ брюхо лошади и везутъ въ Авиньонъ, гдѣ его съ трудомъ удается спасти отъ растерзанія на улицахъ [2].

Таковымъ оказывается пожаръ въ Авиньонѣ и на юго-западѣ, когда онъ становится замѣтнымъ. По этому поводу въ законодательномъ собраніи и въ

[1] Dampmartin, I, 251—94.
[2] Dampmartin, ubi supra.

Обществѣ-матери происходятъ долгіе и шумные споры о мѣрахъ, какія слѣдуетъ принять. Амнистія! кричатъ краснорѣчивый Верньо и всѣ патріоты; чтобы покончить, если возможно, со всѣмъ этимъ, нужны взаимное прощеніе и раскаяніе, возстановленіе и примиреніе. Предложеніе это, въ концѣ концовъ, проходитъ; и вотъ огонь на юго-западѣ слегка заливается „амнистіей“ или забвеніемъ, которое, увы не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только воспоминаніемъ, такъ какъ рѣка забвенія, Лета, протекаетъ, не по землѣ! Не вѣшаютъ даже и Журдана, котораго освобождаютъ, словно еще не созрѣвшаго для висѣлицы; и даже, какъ мы видимъ издалека, „его съ тріумфомъ проносятъ по южнымъ городамъ“ [1]). Чего только не носятъ на рукахъ люди!

Съ этимъ мимолетнымъ взглядомъ на мѣднолицое чудовище, несомое по южнымъ городамъ, мы должны покинуть этотъ край—и предоставить ему тлѣть. Здѣсь не мало аристократовъ: старинное гордое дворянство еще не эмигрировало. Въ Арлѣ имѣется свое „Chiffonne“—такъ символически, въ шутку, называется тайное сообщество аристократовъ, Арль со временемъ разберетъ свои мостовыя на аристократическія баррикады, противъ которыхъ пламенному и рѣшительному патріоту Ребекки придется вести марсельцевъ съ пушками. Желѣзная балка еще не всплыла на волны марсельской бухты, и пылкіе потомки фокейцевъ еще не превратились въ рабовъ. Разумными мѣрами и горячей настойчивостью Ребекки разсѣиваетъ эту Chiffonne безъ кровопролитія, исправляетъ арльскую мостовую и плаваетъ въ береговыхъ лодкахъ, наблюдая зоркимъ окомъ патріота за подозрительными башнями Мартелло. Онъ совершаетъ быстрые переходы по странѣ, одинъ или съ военными отрядами; переѣзжаетъ изъ города въ городъ, производитъ основательную расчистку [2]), гдѣ можно, убѣждаетъ, а гдѣ нужно и сражается. Дѣла здѣсь много; даже лагерь Жалесъ кажется подозрительнымъ; такъ что членъ законодательнаго собранія Фоше, послѣ дебатовъ объ этомъ, предлагаетъ послать комиссаровъ и устроить лагерь на равнинѣ Бокэра; неизвѣстно, былъ ли отъ этого какой результатъ, или нѣтъ.

Изъ всего этого и многого другого отмѣтимъ только одно маленькое послѣдствіе: молодой Барбару, адвокатъ и городской секретарь Марселя, на котораго было возложено улаженіе этихъ дѣлъ, прибылъ въ февралѣ 1792 г. въ Парижъ. Это красивый и мужественный юный спартанецъ, зрѣлый энергіей, но не зрѣлый мудростью; мрачная судьба его, тѣмъ не менѣе, окрашена пламеннымъ лучемъ яркаго южнаго солнца, не вполнѣ потушеннымъ даже и смертью! Замѣтимъ кстати, что и ліонскіе Роланы снова въ Парижѣ, во второй и послѣдній разъ. Мѣсто королевскаго инспектора въ Ліонѣ, какъ и вездѣ, упразднено: Роланъ пріѣхалъ выхлопотать себѣ пенсію; кромѣ того, онъ имѣетъ въ Парижѣ друзей-патріотовъ, съ которыми желалъ видѣться и, наконецъ, хочетъ напечатать свою книгу. Барбару и Роланы встрѣтились, и естественно, что пожилой спартанецъ Роланъ и молодой спартанецъ Барбару сошлись и полюбили другъ друга. А г-жа Роланъ...? Не дыши, ядовитый духъ злословія! Эта душа незапятнана, чиста какъ зеркальное озеро. А все таки, если они оба заглядывали въ глаза одинъ другому и каждый, молча, въ трагическомъ самоотреченіи находилъ, что другой слишкомъ достоинъ любви? Honni soit! Она называетъ его „прекраснымъ, какъ Антиной“; онъ „въ другомъ мѣстѣ будетъ говорить объ этой изумительной женщинѣ“.— Нѣкая г-жа д'Юдонъ (или что то въ этомъ родѣ, потому что Дюмонъ не помнитъ хорошенько ея имени) даетъ депутатамъ Бриссотинцамъ и намъ, друзьямъ свободы, блестящіе завтраки, въ своемъ домѣ на Вандомской площади, завтраки съ современными знаменитостями, съ граціозными женщинами, обольстительными улыбками, и не безъ роскоши. Здѣсь, среди болтовни и звона бокаловъ, устанавливается на данный день планъ

[1]) Deux Amis, VII (Paris, 1797), pp. 59—71.

[2]) Barbaroux, p. 21; Hist. Parl. XIII, 421—4.

законодательныхъ преній и происходитъ много совѣщаній. Здѣсь можно видѣть и строгаго Ролана, но онъ бываетъ не часто [1]).

ГЛАВА IV.

Нѣтъ сахара.

Таковы наши внутренніе безпорядки, наблюдаемые въ южныхъ городахъ; они распространяются, видимые или невидимые, по всѣмъ городамъ и округамъ, какъ сѣвернымъ, такъ и южнымъ. Всюду имѣются болѣе или менѣе злокозненные аристократы, за которыми слѣдятъ патріоты, принужденные въ свою очередь, будучи различныхъ оттѣнковъ, отъ свѣтлыхъ лафайето-фельянтинцевъ до мрачно-темныхъ якобинцевъ, слѣдить даже и за самими собою.

Управленія департаментовъ, которыя мы называемъ магистратурой графствъ, выбранныя гражданами изъ слишкомъ „активнаго“ класса, тянутъ, какъ оказывается, въ одну сторону, а муниципалитеты, городская магистратура—въ другую. Повсюду встрѣчаются и диссиденты-священники, съ которыми законодательному собранію еще придется вѣдаться; и строптивые субъекты, дѣйствующіе подъ вліяніемъ самой ярой изъ страстей; они устраиваютъ заговоры, вербуютъ людей для Кобленца, или подозрѣваются въ заговорахъ, и создаютъ матеріалъ для всеобщаго антиконституціоннаго пожара. Что съ ними дѣлать? Они могутъ быть столь же добросовѣстны, сколь и строптивы; съ ними надлежало бы поступать кротко, но безъ промедленій. Въ непросвѣщенной Вандеѣ крестьяне легко могутъ быть совращены ими; не мало простыхъ людей, подобно торговцу шерстью Катлино, въ раздумьи разъѣзжающему съ тюками своего товара по деревнямъ, съ сомнѣніемъ покачиваютъ головой! Прошлой осенью туда пріѣзжали два комиссара, посланные собраніемъ: разсудительный Жансонне, тогда еще не избранный въ сенаторы, и Галлуа, издатель газеты. Оба они, посовѣтовавшись съ генераломъ Дюмурье, говорили и дѣйствовали кротко, разумно; они успокоили на время возбужденіе и составили свой отчетъ въ смягченной формѣ.

Самъ Дюмурье, вообще человѣкъ способный, нимало не сомнѣвается, что ему удастся поддержать у себя порядокъ. Онъ проводитъ эти холодные мѣсяцы среди добродушныхъ жителей Ніорта, занимая „довольно хорошую квартиру въ Ніортскомъ замкѣ“, и успокаиваетъ умы [2]). Зачѣмъ у насъ всего одинъ Дюмурье? Въ другихъ мѣстахъ, на сѣверѣ и на югѣ, мы находимъ только неудержимое, мрачное броженіе, разражающееся по временамъ открытыми, шумными вспышками мятежа. Южный Перпиньянъ бьетъ въ набатъ, при свѣтѣ факеловъ, происходитъ стремительное бѣгство и нападеніе; то же дѣлается въ сѣверномъ Канѣ при дневномъ свѣтѣ, аристократы выстраиваются съ оружіемъ въ рукахъ у храмовъ; департаменты оказываются не въ силахъ уладить дѣло, оно разрѣшается ружейной пальбой, и открытіемъ заговора! [3]) Прибавьте къ этому голодъ, такъ какъ хлѣбъ, который всегда былъ дорогъ, становится еще дороже; нельзя достать даже сахара, и по основательнымъ причинамъ. Бѣднаго Симоно, мэра Этампа, вывѣсившаго въ этой сѣверной области, во время хлѣбнаго бунта, красный флагъ, изголодавшійся, ожесточенный народъ затопталъ до смерти. Тяжела служба мэра въ такія времена! Мэръ Сенъ-Дени повѣшенъ на фонарѣ, подъ вліяніемъ подозрѣнія и дурного пищеваренія; это было довольно давно, а недавно мэръ Везона похороненъ заживо и теперь погибаетъ бѣдный Симоно—кожевникъ,—мэръ Этампа, котораго не забудетъ легальный конституціонализмъ.

---

[1]) Dumont, Souvenirs, p. 374.

[2]) Dumouriez, II, 129.

[3]) Hist. Parl. XII, 131, 141; XIII, 114, 417.

Мятежи, подозрѣнія, недостатокъ хлѣба и сахара дѣйствительно растерзали, какъ говорятъ déchiré, бѣдную Францію и все французское, потому что изъ за моря также приходятъ дурныя вѣсти. Прежде чѣмъ были зажжены пестрые огни на Елисейскихъ поляхъ по случаю принятія конституціи, въ черномъ Санъ-Доминго загорѣлись совсѣмъ другого рода огни и вспыхнуло ночное зарево, продолжавшее пылать одновременно съ парижскими огнями,—а мы и не знали этого! Небо окрасилось заревомъ горящей патоки, спирта, сахароваренъ, плантацій, утвари, скота, людей, и равнина у Французскаго мыса превратилась въ чудовищный вихрь дыма и пламени!

Какая перемѣна за эти два года, съ тѣхъ поръ, какъ первый „ящикъ съ трехцвѣтными кокардами" миновалъ таможню и даже желчные креолы возликовали, узнавъ, что Бастилія сравнена съ землей! Мы не разъ говорили, что уравниваніе очень пріятно, но только до нашего собственнаго уровня. У матово-смуглыхъ креоловъ, конечно, есть свои обиды:—а у темножелтыхъ мулатовъ? у желтыхъ квакеровъ? а у черныхъ, какъ сажа, рабовъ? Квартеронъ Оже, другъ нашихъ парижско-бриссотинскихъ друзей чернокожихъ, съ своей стороны, проникается убѣжденіемъ, что возстаніе священнѣйшая изъ обязанностей. Поэтому не успѣли трехцвѣтныя кокарды покрасоваться трехъ мѣсяцевъ на шляпахъ креоловъ, какъ въ воздухъ взвились сигнальные огни Оже, подъ крики ярости и ужаса. Разбитый и приговоренный къ смерти этотъ Оже взялъ въ горсть чернаго порошка или черныхъ сѣмянъ, посыпалъ поверхъ тонкій слой бѣлыхъ сѣмянъ и сказалъ своимъ судьямъ: „Смотрите, они бѣлые", потомъ тряхнулъ рукой и спросилъ; „Гдѣ же бѣлые, Ou sont les Blancs?"

И вотъ, осенью 1791 г., смотря съ птичьяго полета на Французскій мысъ, можно было видѣть, какъ густыя облака дыма заволакиваютъ горизонтъ: днемъ—дымъ, ночью—огонь; и слышать жалобные крики бѣгущихъ бѣлыхъ женщинъ, подгоняемыхъ страхомъ и слухами. Черныя осатанѣвшія толпы грабятъ и убиваютъ съ неслыханной жестокостью. Они сражаются, стрѣляя „изъ чащи лѣса, изъ за изгородей",—негръ любитъ кусты; они тысячами устремляются въ аттаку, махая ножами и ружьями, съ прыжками, криками торжества и проклятіями,—которые, если отрядъ бѣлыхъ добровольцевъ держится стойко, при первомъ же залпѣ, а иногда и раньше, переходятъ въ замѣшательство, безпорядочные крики, и въ паническое бѣгство [1]). Бѣднаго Оже можно колесовать; огненный вихрь можно подавить, прогнать въ горы; но Санъ-Доминго потрясено, какъ сѣмена въ рукѣ Оже, и корчится въ долгихъ предсмертныхъ судорогахъ. Оно черно,—черно безповоротно, и, какъ африканское Гаити, остается на предостереженіе всему міру.

О, парижскіе друзья мои, вѣдь это—наравнѣ со скупщиками и заговорщиками фельянтинцами—одна изъ причинъ изумительной дороговизны сахара! Трепещущій бакалейщикъ съ отвисшей губой видитъ, что его сахаръ таксируется, отвѣшивается патріотками для немедленной продажи по недостаточной цѣнѣ въ двадцать пять су за фунтъ. „Не лучше ли отказаться отъ сахара?" Да, патріотическія секціи и всѣ вы, якобинцы, откажитесь отъ него! Такъ совѣтуютъ Луве и Колло д'Эрбуа, рѣшивъ принести эту жертву; но „какъ же наши литераторы обойдутся безъ кофе?" Дать клятву въ воздержаніи, это самое вѣрное! [2])

Развѣ не страдаетъ по той же причинѣ Брестъ, не страдаютъ интересы судоходства? Бѣдный Брестъ терпитъ, горюетъ, жалуется на аристократа Бертранъ-Молевилля, предателя-аристократа, морского министра. Развѣ не гніютъ въ гаваняхъ брестскіе и королевскіе корабли, не разрушаются одинъ за другимъ? Морскіе офицеры большею частью разбѣжались, или въ отпуску, съ сохраненіемъ жалованья. Въ Брестской гавани мало движенія, если не считать галеръ съ ихъ понукаемыми бичомъ невольниками-гребцами,—увы, среди нихъ

---

[1]) Deux Amis, X, 157.

[2]) Débats des Jacobins (Hist. Parl. XIII, 171, 92—98).

около сорока нашихъ несчастныхъ швейцарскихъ солдатъ изъ Шато-Вье! Эти сорокъ швейцарцевъ, въ красныхъ шерстяныхъ колпакахъ, слишкомъ хорошо помнятъ Нанси; они грустно налегаютъ теперь на весла, глядя въ волны Атлантическаго океана, отражающія только ихъ собственныя печальныя, бородатыя лица; и кажутся забытыми надеждой.

Вообще, развѣ нельзя сказать фигурально, что французская конституція, пускающаяся въ путь, страдаетъ ревматизмомъ, полна колющихъ внутреннихъ болей въ сочлененіяхъ и мышцахъ, и идетъ съ трудомъ?

ГЛАВА V.

Короли и эмигранты.

Извѣстны примѣры, когда и крайне ревматическія конституціи шли и держались на ногахъ—хотя и шатаясь, и спотыкаясь—въ теченіи долгаго времени, но только благодаря одному условію: голова была здорова. А голова французской конституціи! Что такое король Людовикъ, и чѣмъ онъ не можетъ не быть, читатели уже знаютъ. Это король, который не можетъ ни принять конституцію, ни отвергнуть ее, ни вообще что нибудь сдѣлать, а только жалобно спрашиваетъ: „что мнѣ дѣлать?“ король, окруженный безконечной смутой и въ умѣ котораго нѣтъ и зародыша порядка. Остатки гордаго, непримиримаго дворянства борются съ униженно-раскаивающимися Барнавами и Ламетами, борются среди темнаго элемента гонцовъ и носильщиковъ, хвастуновъ на половинномъ жалованьи изъ кафе-Валуа, среди горничныхъ, наушниковъ и низшихъ служащихъ, подъ взглядами озлобленныхъ патріотизмомъ, все болѣе и болѣе подозрительныхъ,—что они могутъ сдѣлать въ такой борьбѣ? Въ лучшемъ случаѣ уничтожить другъ друга и произвести нуль. Бѣдный король! Барнавы и Жокуры серьезно говорятъ ему на одно ухо; Бертранъ-Молевилли и посланные изъ Кобленца—на другое: бѣдная королевская голова поворачивается то въ ту, то въ другую сторону, и не можетъ рѣшительно склониться ни на одну. Пусть скромность накинетъ на это покрывало; болѣе грустное и жалкое зрѣлище рѣдко видѣлъ міръ. Одинъ только слѣдующій мелкій фактъ проливаетъ грустный свѣтъ на многое. Королева жалуется г-жѣ Кампанъ: „Что мнѣ дѣлать? Когда они, эти Барнавы, присовѣтываютъ намъ что нибудь, что не нравится дворянству, то на меня дуются, никто не подходитъ къ моему карточному столу; король отходитъ ко сну въ одиночествѣ“ [1]. Что дѣлать въ такомъ сомнительномъ случаѣ? Идти къ неизбѣжной гибели!

Король принялъ конституцію, зная напередъ, что это ни къ чему не поведетъ; онъ изучаетъ ее, выполняетъ, но, главнымъ образомъ, въ надеждѣ, что она окажется невыполнимой. Королевскія суда гніютъ въ гаваняхъ, офицеры ихъ разъѣхались; армія дезорганизована, разбойники заполняютъ большія дороги, для поддержанія которыхъ ничего не дѣлается; всѣ общественныя учрежденія бездѣйствуютъ и пустуютъ. Исполнительная власть не дѣлаетъ никакихъ усилій, кромѣ одного: навлечь порицаніе на конституцію, и притворяется мертвой, „faisant le mort!“ Какая же конституція, примѣняемая такимъ образомъ, жетъ идти? „Она опротивѣетъ націи“, что, дѣйствительно, и будетъ [2] — если только вы сами раньше не опротивѣете ей. Вѣдь, это планъ Бертрана де Молевилль и его величества, лучшій, какой они могли придумать.

А что, если выполненіе этого прекраснаго плана пойдетъ слишкомъ медленно, или совсѣмъ не удастся? Предвидя это, королева, окутавшись глубочайшей тайной, „пишетъ цѣлый день, и изо дня въ день, шифрованныя посланія

---

[1]) Campan, II, 177, 202.

[2]) Bertrand-Moleville, I, 4.

въ Кобленцъ"; инженеръ Гогела, знакомый намъ по Ночи Шпоръ, котораго амнистія Лафайета освободила изъ тюрьмы, скачетъ и разъѣзжаетъ взадъ и впередъ. Отъ времени до времени въ подобающихъ случаяхъ бываетъ, что король наноситъ визитъ въ Salle de manège, произноситъ трогательную ободрительную рѣчь (въ ту минуту, несомнѣнно, искренно), и всѣ сенаторы рукоплещутъ и почти плачутъ; а въ то же самое время Малле дю Панъ, по видимости прекратившій изданіе газеты, невидимо везетъ за-границу собственноручное письмо короля, въ которомъ тотъ проситъ помощи у иностранныхъ монарховъ [1]). Несчастный Людовикъ, дѣлай же что нибудь одно,—ахъ, если бъ ты могъ!

Но единственныя дѣйствія королевскаго правительства сводятся къ смятенному колебанію отъ одного противорѣчія къ другому и, смѣшивая воду съ огнемъ, оно окутывается густымъ, шипящимъ паромъ. Дантона и нуждающихся патріотовъ подкупаютъ денежными подарками; они принимаютъ ихъ, поправляютъ свои обстоятельства и, съ этой поддержкой—идутъ своей дорогой [2]). Королевское правительство подряжаетъ для себя даже рукоплескателей или клакеровъ. У подпольнаго Ривароля полторы тысячи человѣкъ на королевскомъ жалованіи, составляющемъ сумму около 250,000 франковъ въ мѣсяцъ, которыхъ онъ называетъ „генеральнымъ штабомъ". Этотъ штабъ, самый странный изъ когда либо существовавшихъ, состоитъ изъ публицистовъ, сочинителей плакатовъ и изъ „двухсотъ восьмидесяти клакеровъ, получающихъ по три франка въ день". Распредѣленіе ролей и счетныя книги по этому дѣлу сохранились до сихъ поръ [3]). Бертранъ де Молевилль самъ подтасовываетъ галереи законодательнаго собранія и считаетъ свой способъ очень искуснымъ: онъ нанимаетъ санкюлотовъ идти въ засѣданіе и рукоплескать по данному сигналу, и тѣ идутъ, полагая, что ихъ пригласилъ Петіонъ; эта хитрость не открывалась съ недѣлю. Довольно ловкій пріемъ, похожій на то, какъ если бъ человѣкъ, находя, что день слишкомъ коротокъ, рѣшилъ перевести часовую стрѣлку: только это для него и возможно.

Отмѣтимъ здѣсь также неожиданное появленіе при дворѣ Филиппа Орлеанскаго: послѣднее появленіе его при выходѣ какого бы то ни было короля. Нѣсколько времени назадъ, повидимому въ зимніе мѣсяцы, онъ былъ произведенъ въ давно желанный чинъ адмирала—хотя только надъ гніющими въ гавани кораблями. Желанное пришло слишкомъ поздно! Между тѣмъ онъ ухаживаетъ за Бертраномъ де Молевиллемъ, чтобы принести благодарность, даже заявляетъ, что желалъ бы поблагодарить его величество лично; что, несмотря на всѣ отвратительныя вещи, которыя про него разсказываютъ, онъ далекъ въ сущности, весьма далекъ отъ того, чтобы быть врагомъ его величества! Бертранъ передаетъ порученіе, устраиваетъ королевскую аудіенцію, которая проходитъ къ удовольствію его величества. Герцогъ, видимо, совершенно раскаялся и рѣшилъ вступить на новый путь. И однако, что же мы видимъ въ слѣдующее воскресенье? „На слѣдующее воскресенье", говоритъ Бертранъ, „онъ явился къ выходу короля; но придворные, не зная о происшедшемъ,—кучка роялистовъ, привыкшихъ приносить королю привѣтствіе именно по этимъ днямъ,—устроили ему въ высшей степени унизительный пріемъ. Они обступили его тѣснымъ кольцомъ, старались, какъ бы нечаянно, наступать ему на ноги, вытолкали его локтями за дверь и не пустили снова войти. Онъ пошелъ внизъ, въ апартаменты ея величества, гдѣ былъ накрытъ столъ; едва онъ показался, какъ со всѣхъ сторонъ раздались голоса: „Господа, берегите блюда!" какъ будто у него въ карманахъ былъ ядъ. Оскорбленія, которымъ онъ подвергался всюду, гдѣ ни появлялся, принудили его удалиться, не повидавъ королевской фамиліи. Всѣ послѣдовали за нимъ до лѣстницы королевы; спускаясь, онъ получилъ плевокъ

---

[1]) Moleville I, 370.

[2]) Moleville I, c., 17.

[3]) Montgaillard, III, 41.

(crachat) на голову, и нѣсколько другихъ на платье. Бѣшенство и злоба ясно отражались на его лицѣ [1]). Да развѣ могло быть иначе? Онъ винитъ во всемъ этомъ короля и королеву, которые ничего не знаютъ, и даже сами этимъ очень огорчены, затѣмъ снова исчезаетъ въ хаосѣ. Бертранъ находился въ тотъ день во дворцѣ и былъ очевидцемъ этого происшествія.

Что касается до остального, то неприсягающіе священники и преслѣдованія ихъ тревожатъ совѣсть короля; эмигрировавшіе принцы и знать принуждаютъ его къ двойственности поступковъ, и одно veto слѣдуетъ за другимъ, при всевозрастающемъ негодованіи противъ короля, ибо патріоты, слѣдящіе за всѣмъ извнѣ, проникаются, какъ мы уже сказали, все большей подозрительностью. Снаружи, слѣдовательно, возрастающая буря, одна вспышка патріотическаго негодованія за другой, внутри—смятенный вихрь интригъ и глупостей! Смятеніе и глупость, отъ которыхъ невольно отворачивается глазъ. Г-жа Сталь интригуетъ за своего любезнаго Нарбонна, чтобы сдѣлать его военнымъ министромъ, но не успокаивается, даже и добившись этого. Король долженъ бѣжать въ Руанъ, долженъ тамъ съ помощью Нарбонна „измѣнить конституцію надлежащимъ образомъ". Это тотъ самый ловкій Нарбоннъ, который въ прошломъ году при помощи драгунъ выручилъ изъ затрудненія бѣжавшихъ королевскихъ тетокъ. Говорятъ, что онъ ихъ братъ, и даже больше,—такъ жаждетъ сплетня скандаловъ. Теперь онъ поспѣшно ѣдетъ со своей Сталь къ войскамъ, въ пограничные города, присылаетъ не совсѣмъ достовѣрныя, подкрашенныя розовой водой донесенія, ораторствуетъ, жестикулируетъ, болтается горделиво нѣкоторое время на самой вершинѣ, на виду у всѣхъ; потомъ падаетъ, получивъ отставку, и смывается рѣкой времени.

Принцесса де Ламбалль.

Интригуетъ къ негодованію патріотовъ и принцесса де Ламбалль, наперсница королевы; злополучная красавица, зачѣмъ она вернулась изъ Англіи! Какую пользу можетъ принести ея слабый серебристый голосокъ въ этомъ ревѣ дикаго мірового шквала, который занесетъ ее, бѣдную, хрупкую райскую птичку, на страшныя скалы. Ламбалль и Сталь, вмѣстѣ или порознь, интригуютъ явно; но кто могъ бы счесть, сколько и сколь различными путями интригуютъ другіе невидимо! Развѣ не засѣдаетъ тайно въ Тюльери такъ называемый „австрійскій комитетъ", центръ невидимой антинаціональной паутины, нитки которой простираются во всѣ концы земли, ибо мы окружены тайной? Журналистъ Карра теперь вполнѣ увѣренъ въ этомъ; для патріотовъ партіи Бриссо и для Франціи вообще, это становится все болѣе и болѣе вѣроятнымъ.

О, читатель, неужели тебѣ не жаль этой конституціи? Въ членахъ у нея колющія ревматическія боли, въ мозгу тяжесть гидрокефаліи и истерическаго тумана; въ самомъ существѣ ея коренится разладъ; эта конституція никогда не пойдетъ; она едва ли даже сможетъ брести спотыкаясь! Зачѣмъ Друэ и прокуроръ Соссъ не спали въ ту злосчастную вареннскую ночь! Зачѣмъ они, во имя неба, не предоставили берлинѣ Корфъ ѣхать куда ей вздумается! Невыразимыя несообразности, путаница, ужасы, отъ которыхъ до сихъ поръ содрогается міръ, были бы, можетъ быть, избѣгнуты.

Но теперь является еще третье обстоятельство, не предвѣщающее ничего хорошаго для хода этой французской конституціи: кромѣ французскаго народа

[1]) Bertrand Moleville, I, 177.

и французскаго короля, существуетъ еще соединенная Европа. Необходимо взглянуть и на нее. Прекрасная Франція такъ свѣтла, а вокругъ нея смутная киммерійская ночь. Калоннъ, Бретейль носятся далеко въ туманѣ, опутывая Европу сѣтью интригъ отъ Турина до Вѣны, до Берлина и до далекаго Петербурга на морозномъ сѣверѣ! Великій Бёркъ давно уже возвысилъ свой громкій голосъ, краснорѣчиво доказывая, что наступилъ конецъ эпохи, по всѣмъ видимостямъ, конецъ цивилизованныхъ временъ. Ему отвѣчаютъ многіе: Камиллъ Демуленъ, витійствующій за человѣчество Клоотсъ, мятежный портной Пэнъ и почтенные гельскіе защитники въ той или другой странѣ. Но великій Бёркъ не внемлетъ имъ: „вѣкъ рыцарства миновалъ“, и не могъ не миновать, произведя еще болѣе неукротимый вѣкъ голода. Много алтарей изъ Дюбуа-Роганскаго разряда переходятъ въ разрядъ Гобель-Таллейранскій, переходятъ путемъ быстрыхъ превращеній въ... называть ли ихъ истиннаго владѣльца? Французская дичь и охранители ея упали, съ криками отчаянія, на скалы Дувра. Кто станетъ отрицать, что настать конецъ многому? Поднялась группа людей, вѣрящихъ, что истина не печатная спекуляція, а практическая дѣйствительность, что свобода и братство возможны на землѣ, всегда считавшейся собственностью Духа Лжи, которую долженъ унаслѣдовать „Верховный Шарлатанъ“! Кто станетъ отрицать, что церковь, государство, тронъ, алтарь въ опасности; что даже священный денежный сундукъ, послѣднее прибѣжище отжившаго человѣчества, кощунственно вскрытъ и замки его уничтожены?

Какъ ни деликатно, какъ ни дипломатично поступало бѣдное учредительсобраніе; сколько ни заявляло оно, что отказывается отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла своихъ сосѣдей, отъ всякихъ иностранныхъ завоеваній, и такъ далѣе; но съ самаго начала можно было предсказать, что старая Европа и новая Франція не могутъ ужиться вмѣстѣ. Славная революція, ниспровергающая государственныя тюрьмы и феодализмъ; провозглашающая, подъ грохотъ союзныхъ пушекъ, передъ лицомъ всего міра, что кажущееся не есть дѣйствительность,—какъ можетъ она существовать среди правительствъ, которыя, если кажущееся не дѣйствительность, представляютъ—неизвѣстно, что? Она можетъ существовать только въ смертельной враждѣ, въ непрестанной борьбѣ и войнахъ; не иначе.

Права человѣка, отпечатанныя на всѣхъ языкахъ, на бумажныхъ носовыхъ платкахъ, переходятъ на франкфуртскую ярмарку [1]). Что мы говоримъ: на Франкфуртскую ярмарку? Они переправились черезъ Евфратъ и сказочный Гидаспъ, перенеслись на Уралъ, Алтай, Гималай; отпечатанныя съ деревянныхъ стереотиповъ угловатыми картинными письменами, они читаются и обсуждаются въ Китаѣ и Японіи. Гдѣ же это кончится? Кіенъ-Лунъ чуетъ недоброе; ни одинъ, самый далекій Далай-Лама не можетъ теперь мирно катать свои хлѣбные шарики.—Все это ненавистно намъ, какъ ночь! Шевелитесь, защитники порядка! И они шевелятся: всѣ короли и князьки шевелятся грозно, насупивъ брови и опираясь на свою духовную временную власть. Поспѣшно летаютъ дипломатическіе эмиссары; собираются конвенты, частные совѣты, и мудрые парики киваютъ, совѣщаясь, насколько это имъ доступно.

Какъ мы сказали, берутся за перо и памфлетисты, съ той и съ другой стороны; рьяные кулаки стучатъ по крышкамъ пюпитровъ. И не безъ результата! Развѣ, въ прошломъ іюлѣ, желѣзный Бирмингамъ не вспыхнулъ, самъ не зная почему, въ ярости, пьянствѣ и огнѣ, при крикахъ: „За церковь и короля!“ и развѣ Престлей и ему подобные, праздновавшіе обѣдомъ день Бастиліи, не были сожжены самымъ безумнымъ образомъ? Возмутительно, если подумать! Въ тотъ же самый день, какъ мы можемъ замѣтить, австрійскій и прусскій монархи съ эмигрантами выѣхали въ Пильницъ, въ Саксоніи, гдѣ 27-го августа, не высказываясь на счетъ дальнѣйшаго „тайнаго договора“, который могъ и не со-

[1]) Toulongeon, I, 256.

стояться, провозгласили свои надежды и угрозы, заявивъ, что это „бощее дѣло королей".

Гдѣ есть желаніе ссоры, тамъ найдется и предлогъ къ ней. Читатели наши помнятъ ту ночь на Духовъ день 4-го августа 1789 г., когда феодализмъ палъ въ нѣсколько часовъ? Національное собраніе, уничтожая феодализмъ, обѣщало, что будетъ дано „возмѣщеніе", и старалось дать его. Тѣмъ не менѣе, австрійскій императоръ объявилъ, что его германскіе принцы не могутъ быть лишены феодальныхъ правъ; они имѣютъ помѣстья во французскомъ Эльзасѣ и обезпеченныя за ними феодальныя права, которыя ничѣмъ не могутъ быть возмѣщены. И вотъ дѣло о владѣтельныхъ принцахъ „Princes possessionés" странствуетъ отъ одного двора къ другому и покрываетъ цѣлые акры дипломатическими бумагами, на докуку всему міру. Кауницъ доказываетъ изъ Вѣны; Делессаръ отвѣчаетъ изъ Парижа, хотя, можетъ быть, не достаточно рѣзко. Императоръ и его владѣтельные князья слишкомъ очевидно хотятъ придти и взять компенсацію,— сколько удастся захватить. Развѣ нельзя было бы подѣлить Францію, какъ раздѣлили и продолжаютъ дѣлить Польшу, и разомъ и успокоить, и наказать ее?

Волненіе охватило всю Европу, съ сѣвера до юга! Вѣдь, дѣйствительно, это „общее дѣло королей". Шведскій король Густавъ, присяжный рыцарь королевы, хотѣлъ вести союзныя арміи,—но помѣшалъ Анкарстрёмъ, измѣннически убившій его, потому что непріятности были и дома [1]). Австрія и Пруссія говорятъ въ Пильницѣ, и всѣ напряженно прислушиваются. Императорскіе рескрипты выходятъ изъ Турина; въ Вѣнѣ предстоитъ заключеніе тайной конвенціи. Екатерина россійская одобрительно киваетъ головой; она помогла бы, если бъ была готова. Испанскій Бурбонъ задвигался на своихъ подушкахъ: помощь будетъ и отъ него—даже отъ него. Сухопарый Питтъ, „министръ приготовленій", подозрительно выглядываетъ изъ своей сторожевой башни въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ. Совѣтники составляютъ заговоры, Калоннъ плаваетъ въ туманѣ,—увы, сержанты уже открыто барабанятъ на всѣхъ германскихъ базарныхъ площадяхъ, вербуя оборванныхъ храбрецовъ [2]). Куда ни посмотришь, со всѣхъ сторонъ неизмѣримый обскурантизмъ охватываетъ прекрасную Францію, которая не хочетъ быть охваченной имъ. Европа въ родовыхъ мукахъ; потуга слѣдуетъ за потугой; и— что за крикъ слышенъ изъ Пильница! Плодомъ явится Война.

Но самое худшее въ этомъ положеніи мы еще не показали: это эмигранты въ Кобленцѣ. Много тысячъ ихъ съѣхалось туда, полныхъ ненависти и угрозъ: братья короля, всѣ принцы крови, за исключеніемъ безбожнаго герцога Орлеанскаго; дуэлистъ де-Кастри, краснобай Казалесъ, Мальсень съ бычьей головой, богъ войны Брольи; кудластые дворяне, оскорбленные офицеры, всѣ перебравшіеся по ту сторону Рейна. Д'Артуа привѣтствуетъ аббата Мори поцѣлуемъ и прижимаетъ его къ свему царственному сердцу! Эмиграція, притекавшая черезъ границы, то по каплямъ, то потокомъ, въ различныхъ настроеніяхъ страха, дерзости, ярости и надежды, съ первыхъ бастильскихъ дней, когда д'Артуа уѣхалъ „чтобы пристыдить гражданъ Парижа",—возросла до феноменальныхъ размѣровъ. Кобленцъ сдѣлался маленькимъ заграничнымъ Версалемъ,—Версалемъ in partibus; здѣсь все продолжается по прежнему: ссоры, интриги, господство фаворитовъ, даже наложницъ; всѣ старыя привычки въ меньшемъ масштабѣ, но обостренныя жаждой мести.

Энтузіазмъ лояльности, ненависти и надежды поднялся до высокаго градуса, это можно слышать въ любой тавернѣ, въ Кобленцѣ, изъ разговоровъ и пѣсенъ. Мори присутствуетъ въ кружковомъ совѣтѣ, въ которомъ многое рѣшается, между прочимъ составленіе списковъ эмиграціи по числамъ; и мѣсяцемъ раньше или позже опредѣляетъ большее или меньшее право въ будущемъ дѣлежѣ до-

---

[1]) 30 марта 1792 (Annual Register, p. 11).

[2]) Toulongeon, II, 100—117.

бычи. На самаго Казалеса вначалѣ смотрѣли холодно, потому что онъ, случайно, высказался въ конституціонномъ духѣ,—такъ чисты наши принципы [1]). Въ Лютгихѣ куютъ оружіе; „3000 лошадей“ направляются сюда съ германскихъ ярмарокъ; вербуется кавалерія, а равно и пѣхота „въ синихъ мундирахъ, красныхъ жилетахъ и нанковыхъ шароварахъ“ [2]). Эмигранты ведутъ секретную внутреннюю корреспонденцію, и открытую заграничную: переписываются съ недовольными тайными аристократами, съ строптивыми священниками, съ австрійскимъ комитетомъ въ Тюльери. Вербовщики настойчиво сманиваютъ дезертировъ; почти весь полкъ Ройаль-Аллеманъ переходитъ къ нимъ. Маршрутъ во Францію и раздѣленіе добычи уже опредѣлены; дожидаются только императора. „Говорятъ, что они хотятъ отравить источники, но, прибавляютъ патріоты, сообщая это, имъ не отравить источника Свободы“, на что „on applaudit“, мы можемъ только апплодировать. У нихъ имѣются также фабрики фальшивыхъ ассигнацій, и по Франціи циркулируютъ люди, раздавая и распредѣляя ихъ; одного изъ нихъ выдаютъ законодательствующему патріотизму: „нѣкоего Лебрена, человѣка лѣтъ тридцати, съ густыми бѣлокурыми волосами“; у него, вѣроятно, только временно, „подпухшій глазъ, oeil poché“; онъ ѣздитъ въ кабріолетѣ, на вороной лошади“ [3])—и никогда не разстается со своимъ кабріолетомъ.

Несчастные эмигранты, ихъ участь была одинакова съ участью Франціи! Они не знаютъ многаго изъ того, что должны бы знать, не знаютъ самихъ себя, ни того, что ихъ окружаетъ. Политическая партія, не сознающая своего пораженія, можетъ сдѣлаться фатальнѣйшей вещью для самой себя и для всего. Ничто не убѣдитъ этихъ людей въ томъ, что они не могутъ разогнать французскую революцію первымъ звукомъ своихъ военныхъ трубъ; что эта революція не бурная вспышка болтуновъ и крикуновъ, которые, при взмахѣ кавалерійскихъ сабель, при шорохѣ веревокъ палача, запрячутся по угламъ, чѣмъ глубже, тѣмъ лучше. Но, увы, какой человѣкъ знаетъ самого себя и вѣрно оцѣниваетъ окружающія его явленія,—иначе, нужна ли была бы тогда физическая борьба? Никогда, пока эти головы не будутъ размозжены, они не повѣрятъ, что рука санкюлота имѣетъ нѣкоторую силу, а когда онѣ будутъ размозжены, то вѣрить будетъ уже слишкомъ поздно.

Можно сказать, безъ раздраженія противъ этихъ бѣдныхъ заблудшихъ людей, что зло, исходящее отъ эмигрировавшей знати, болѣе всѣхъ другихъ золъ, повліяло на судьбу Франціи роковымъ образомъ. Если бъ они могли это знать, могли понять! Въ началѣ 1789 г. ихъ еще окружалъ нѣкоторый престижъ и страхъ: пожары ихъ замковъ, зажженныхъ мѣсяцами упорства, стали гаснуть послѣ 4-го августа; и могли бы прекратиться совсѣмъ, если бъ владѣльцы знали, что имъ защищать, и отъ чего нужно отказаться, какъ отъ незащитимаго. Они еще представляли іерархическую лѣстницу власти, или аккредитованное подобіе ея; еще составляли посредствующее звено между королемъ и народомъ, передавали и претворяли постепенно, со ступени на ступень, приказанія одного въ повиновеніе другихъ, и дѣлали приказанія и повиновеніе еще возможными. Если бы они поняли положеніе дѣлъ и свою роль въ немъ, то французская революція, совершившаяся рядомъ взрывовъ въ годы и мѣсяцы, распространилась бы на нѣсколько поколѣній; и для многихъ вещей уготована была бы не мучительная смерть, а тихая кончина.

Но люди эти были горды, высокомѣрны и недостаточно умны, чтобы поступать обдуманно. Они оттолкнули отъ себя все съ презрительной ненавистью, обнажили шпаги и забросили ножны. Франція не только не имѣетъ іерархіи власти, чтобы претворять приказанія въ повиновеніе: ея іерархія бѣжала къ ея врагамъ и громко призываетъ ихъ, нуждающихся только въ предлогѣ, къ вооружи-

---

[1]) Montgaillard, III 5—17. Toulongeon, ubi supra.

[2]) Hist. Parl. XIII, 11—38, 41—61, 358.

[3]) Moniteur, Seance du 2 novembre 1791 (Hist. Parl. XII 212).

женному вмѣшательству. Завистливые короли и императоры долго смотрѣли бы, обдумывая вмѣшательство, но боясь и стыдясь вмѣшаться; а теперь! когда братья короля и все французское дворянство, сановники и власти, имѣющіе свободу высказываться, которой самъ король лишенъ,—когда всѣ они горячо призываютъ ихъ, во имя права и силы? Отъ пятнадцати до двадцати тысячъ человѣкъ собрано въ Кобленцѣ, которые гремятъ оружіемъ съ криками: „Впередъ, впередъ!“ Да, господа, вы пойдете впередъ,—и раздѣлите добычу, сообразно численности вашей эмиграціи.

Злосчастное законодательное собраніе и патріотическая Франція освѣдомлены обо всѣхъ этихъ дѣлахъ черезъ предателей-друзей, черезъ торжествующихъ враговъ. Памфлеты Сюлло, изъ геніальнаго штаба Ривароля, циркулируютъ, возвѣщая великую надежду. Плакаты Дюрозуа покрываютъ стѣны; Chant du Coq крикомъ привѣтствуетъ день; его клюетъ Ami des Citoyens Талліена. Другъ короля Руаю въ Ami du Roi, въ точныхъ ариѳметическихъ цыфрахъ, приводитъ численность армій различныхъ вторгающихся монарховъ; въ общемъ, четыреста девятнадцать тысячъ иностранныхъ ратниковъ и пятнадцать тысячъ эмигрантовъ. И это, не считая ежедневныхъ и ежечасныхъ дезертирствъ, о которыхъ издателю газеты приходится ежедневно сообщать,—дезертирствъ цѣлыхъ ротъ, даже полковъ, которые съ криками: „Vive le Roi, Vive la Reine“ и съ развернутыми знаменами, переходятъ въ чужой лагерь [1]). Ложь! Пустяки! Нѣтъ, для патріотизма не пустяки; не будетъ это пустяками, въ одинъ несчастный день, и для Руаю. Патріотизмъ можетъ еще нѣкоторое время орать и болтать, но часы его сочтены: Европа надвигается съ 419,000 войска и французскимъ рыцарствомъ; можно надѣяться, что висѣлицы получатъ свое.

ГЛАВА VI.

Разбойники и Жалесъ.

Итакъ, у насъ будетъ война, и при какихъ обстоятельствахъ! При исполнительной власти, „притворяющейся“, все съ большей и большей естественностью, „мертвой“ и бросающей полные вожделѣнія взоры даже на враговъ: вотъ при какихъ обстоятельствахъ у насъ будетъ война.

Энергичнаго и дѣятельнаго администратора у нея нѣтъ; если не считать такимъ Ривароля съ его генеальнымъ штабомъ и двумя стами восемьюдесятью клакерами. Общественныя учрежденія бездѣйствуютъ; даже сборщики податей забыли свои уловки и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ управленіяхъ считаютъ благоразумнымъ удерживать тѣ налоги, которые удастся собрать, для покрытія своихъ собственныхъ необходимыхъ расходовъ. Нашъ доходъ состоитъ изъ ассигнацій, и выпуски бумажныхъ денегъ слѣдуютъ одинъ за другимъ. А арміи, наши три большія арміи: Рошамбо, Люкнера, Лафайета? Исхудалыя, безутѣшныя, эти три великія арміи оберегаютъ границы, подобныя तремъ стаямъ журавлей во время линянія,—погибающія, непокорныя, дезорганизованныя, никогда не бывавшія въ огнѣ; а опытные генералы и офицеры ихъ ушли за Рейнъ. Военный министръ Нарбоннъ, писавшій отчеты на розовой водѣ, требуетъ рекрутовъ, аммуниціи, денегъ, неизмѣнно денегъ; и не получая ихъ, грозится „взять свой мечъ“, принадлежащій лично ему, и идти служить имъ отечеству [2]).

Но вопросъ изъ вопросовъ въ томъ: что же дѣлать? Обнажить ли намъ сразу мечъ и съ дерзостью отчаянія, которой иногда благопріятствуетъ счастье, идти противъ этого вторгающагося міра эмигрантовъ и обскурантовъ, или же ждать, затягивать время дипломатическими переговорами, пока наши рессурсы

---

[1]) Газета Ami-du Roi (Hist Parl. XIII. 175).

[2]) Moniteur, Séance du 23 janvier 1792; Biographie des Ministres, § Narbonne.

не поправятся? Но—поправятся ли они, или наоборотъ? Сомнительно; мнѣнія наиболѣе вліятельныхъ патріотовъ раздѣлились. Бриссо и его бриссотинцы или жирондисты громко кричатъ въ законодательномъ собраніи за первый, вызывающій, планъ, а Робеспьеръ у якобинцевъ также громко ратуетъ за послѣдній, за промедленіе, причемъ дѣло доходитъ до споровъ, даже до взаимныхъ упрековъ, смущая Мать патріотизма. Подумайте, въ какомъ возбужденіи проходятъ завтраки у г-жи д'Юдонъ, на Вандомской площади! Всѣ въ большой тревогѣ. Помогите, патріоты, или, по крайней мѣрѣ, соединитесь, ибо время не терпитъ. Еще не миновали зимніе морозы, какъ въ „довольно хорошенькую квартиру Ніортскаго замка" пришло письмо: генерала Дюмурье требуютъ въ Парижъ. Письмо отъ военнаго министра Нарбонна; генералъ долженъ дать совѣтъ во многихъ дѣлахъ [1]). Въ февралѣ 1792 г. друзья бриссотинцы привѣтствуютъ своего Дюмурье Polymetis,—котораго дѣйствительно можно сравнить съ древнимъ Улиссомъ въ современномъ костюмѣ; у него живыя, гибкія движенія, неукротимый пылъ и умъ, дѣлающій его „мужемъ совѣта".

Пусть читатель представитъ себѣ прекрасную Францію, окруженную всей киммерійской Европой, словно надвигающейся на нее черной тучей, готовой разразиться огненнымъ громомъ войны: сама же прекрасная Франція не можетъ двинуться, связанная по рукамъ и ногамъ сложными путами своего соціальнаго одѣянія, или состряпанной для нея конституціи. Прибавьте къ этому голодъ, заговоры аристократовъ, отлучающихъ отъ церкви священниковъ-диссидентовъ; „нѣкоего Лебрена", подгоняющаго своего вороного коня, на глазахъ у всѣхъ, и еще болѣе страшнаго въ своей незримости инженера Гогела, скачущаго съ шифрованными письмами королевы!

Отлучающіе священники вызываютъ новые безпорядки на Мэнѣ и Луарѣ; ни Вандея, ни торговецъ шерстью Катлино не перестаютъ ворчать и брюзжать. А вотъ и опять выступаетъ на сцену Жалесъ: сколько разъ придется уничтожать этотъ реальный или воображаемый вражескій станъ! Вотъ уже около двухъ лѣтъ, какъ онъ то блѣднѣлъ, то снова ярко разгорался въ перепуганномъ воображеніи патріотовъ; на самомъ дѣлѣ,—если бъ зналъ патріотизмъ! Это одинъ изъ изумительнѣйшихъ продуктовъ природы, дѣйствующей купно съ искусствомъ. Аристократы-роялисты, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, собираютъ простой народъ на Севенскихъ горахъ; народъ этотъ не непривыченъ къ возмущеніямъ и охотно дерется, только бѣдныя головы его туго поддаются убѣжденію. Роялисты ораторствуютъ, играя, главнымъ образомъ, на религіозной струнѣ: „Правовѣрныхъ священниковъ преслѣдуютъ, навязываютъ намъ ложныхъ пастырей; протестанты (нѣкогда подвергавшіеся драгоннадамъ) теперь торжествуютъ, священные предметы бросаются собакамъ"; такимъ образомъ вызывается въ набожныхъ горцахъ глухой ропотъ. „Какъ же намъ не вступиться, храбрыя севенскія сердца, не поспѣшить на помощь? Вѣдь, намъ повелѣваетъ это священная религія, нашъ долгъ передъ Богомъ и Королемъ".—„Si fait, si fait. Конечно, конечно", отвѣчаютъ всегда храбрыя сердца: „Mais il y a de bien bonnes choses dans la Révolution.—Но въ революціи есть много хорошаго!"—Итакъ дѣло это, что бы ни говорили, вертится только вокругъ своей оси, не сходитъ съ мѣста и остается простой бутафоріей [2]).

Тѣмъ не менѣе, усильте ласкательства, играйте на извѣстной стрункѣ все громче и быстрѣе, вельможные роялисты! Крайнимъ напряженіемъ силъ вы можете довести до того, что въ будущемъ іюнѣ этотъ жалесскій лагерь внезапно превратится изъ бутафорскаго въ настоящій. Въ немъ двѣ тысячи человѣкъ, которые хвалятся, будто ихъ семьдесятъ тысячъ; видъ у него очень страшный: развивающіеся флаги, сомкнутые штыки, прокламаціи и коммисія гражданской войны подъ предсѣдательствомъ д'Артуа! Пусть Ребекки, или дру-

---

[1]) Dumouriez, II, c. 6.

[2]) Dampmartin, I. 201.

гой какой нибудь пылкій, но разсудительный патріотъ, въ родѣ „подполковника Обри", если Ребекки занятъ въ другомъ мѣстѣ, пусть они немедленно двинутъ національныхъ гвардейцевъ и разсѣютъ жалесскій лагерь, да кстати разгромятъ и старый замокъ [1]), чтобы, по возможности, ничего больше не было слышно объ этомъ лагерѣ!

Въ февралѣ и мартѣ страхъ, особенно въ сельскомъ населеніи Франціи, достигъ до крайнихъ предѣловъ, почти граничащихъ съ безуміемъ. По городамъ и деревнямъ носятся слухи о войнѣ, объ избіеніи, о близости австрійцевъ, аристократовъ, а главное, разбойниковъ. Люди покидаютъ свои дома и хижины и бѣгутъ съ криками, забравъ женъ и дѣтей, сами не зная куда. Такая паника, по словамъ очевидцевъ, никогда еще не охватывала націю, и не охватитъ даже во времена такъ называемаго террора. Весь край по теченію Луары, весь центръ и юго-восточныя области поднимаются въ смятеніи, „одновременно, какъ отъ электрическаго удара"—вѣдь, и хлѣба становится все меньше и меньше. „Народъ запираетъ баррикадами въѣзды въ города, натаскиваетъ камней въ верхніе этажи, женщины готовятъ кипятокъ, съ минуты на минуту, ожидая аттаки Въ деревняхъ немолчно звонитъ набатъ; толпы крестьянъ, собираемыя имъ бродятъ по дорогамъ, ища воображаемаго врага. Они вооружены, по большей части, косами, на деревянныхъ древкахъ, и когда эти дикія полчища подходятъ къ забаррикадированнымъ городамъ, то нерѣдко ихъ самихъ принимаютъ за разбойниковъ".

Такъ бурлитъ старая Франція, готовая рухнуть. Каковъ будетъ конецъ,—неизвѣстно ни одному смертному, но что конецъ близокъ, это знаютъ всѣ.

ГЛАВА VII.

Конституція не желаетъ идти.

Всему этому наше бѣдное законодательное собраніе, у котораго вдобавокъ не налаживается конституція, не можетъ противопоставить ничего, что могло бы помочь, кромѣ взрывовъ парламентскаго краснорѣчія. Оно продолжаетъ дебатировать, обвинять, упрекать, представляя собою шумный, волнующійся, самъ себя пожирающій хаосъ.

А двѣ съ лишнимъ тысячи постановленій? Читатель, къ счастью, они не касаются ни тебя, ни меня. Это исключительно случайныя постановленія, глупыя или нѣтъ, но разсчитанныя только на данный день, на злобу этого дня. Изо всѣхъ двухъ тысячъ не наберется и десяти, которыя могли бы быть намъ полезны или вредны, да и тѣ большею частью, при самомъ рожденіи, задушены королевскимъ Veto. Въ силу одного изъ нихъ, 17-го января въ Орлеанѣ открылъ свои засѣданія верховный судъ, Haute Cour законодательнаго собранія. Теорія его была выработана конституантой въ прошломъ маѣ, и теперь примѣняется на практикѣ. Это судъ для разбирательства политическихъ преступленій; у него не будетъ недостатка въ работѣ. По отношенію къ этому суду было постановлено что онъ не нуждается въ санкціи короля, такъ что здѣсь Veto не могло имѣть мѣста. Другимъ постановленіемъ, съ прошлаго октября допущены браки священниковъ. Одинъ отважный священникъ, мало того, что женился раньше изданія этого закона, но еще пришелъ со своей молодой женой въ судъ, чтобы всѣ могли порадоваться его медовому мѣсяцу, и чтобы добиться изданія закона.

Менѣе утѣшительные законы противъ протестующихъ священниковъ, и однако, они не менѣе нужны! Насъ, главнымъ образомъ, интересуютъ постановленія относительно священниковъ и эмигрантовъ; это двѣ краткія серіи постановленій, выработанныхъ при безконечныхъ дебатахъ и уничтоженныхъ коро-

---

[1]) Moniteur, Séance du 15 juillet 1792.

левскимъ Veto. Верховное національное собраніе необходимо должно было привести въ повиновеніе этихъ непокорныхъ, клерикаловъ или мірянъ, и принудить ихъ къ послушанію; однако, всякій разъ, когда мы нажимаемъ нашимъ законодательнымъ перстомъ и хотимъ придавить или даже раздавить, чтобы непокорные уступили,—въ дѣло вмѣшивается королевское Veto, парализуя насъ, какъ волшебствомъ, и нашъ нажимающій перстъ не оказываетъ никакого дѣйствія.

Поистинѣ, грустная серія постановленій, даже нѣсколько серій, парализованныхъ этимъ Veto! Сначала, 28 октября 1791 г., мы имѣемъ возвѣщенную глашатаями и плакатами прокламацію законодательнаго собранія, которою эмигрировавшій Monsieur, братъ короля, приглашается, подъ страхомъ наказанія, возвратиться въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. На это приглашеніе Monsieur не отвѣчаетъ ничего, если не считать газетной пародіи, въ которой онъ, подъ страхомъ наказанія, приглашаетъ высокое законодательное собраніе „вернуться къ здравому смыслу въ теченіи двухъ мѣсяцевъ". Тогда законодательному собранію приходится прибѣгнуть къ болѣе строгимъ мѣрамъ. Такъ, 9-го ноября, мы объявляемъ всѣхъ эмигрантовъ „подозрѣваемыми въ заговорѣ" и имѣющими быть „объявленными внѣ закона", если они не вернутся къ новому году,—скажетъ ли король Veto? Что съ владѣній этихъ людей должны взиматься „тройные налоги", или даже, что владѣнія ихъ должны быть секвестрованы, понятно само собою. Затѣмъ, когда къ новому году никто не вернулся, „мы заявляемъ" и черезъ двѣ недѣли повторяемъ еще внушительнѣе,—что Monsieur лишается права на наслѣдіе короны (déchu) въ извѣстномъ случаѣ, и мало того:—что Конде, Калоннъ и довольно длинный списокъ другихъ лицъ обвиняются въ государственной измѣнѣ и подлежатъ суду верховнаго орлеанскаго совѣта.—Veto!—Затѣмъ, по отношенію къ неприсягающимъ священникамъ, въ минувшемъ ноябрѣ, было постановлено, что они лишаются получаемыхъ ими пенсій; „отдаются подъ надзоръ, surveillance" и, въ случаѣ надобности, подвергаются изгнанію.—Veto! Слѣдуетъ еще болѣе строгая мѣра; но отвѣтомъ на нее опять таки является Veto.

Veto за Veto; нашъ нажимающій перстъ парализованъ! Боги и люди могутъ видѣть, что законодательное собраніе находится въ ложномъ положеніи. Но кто же не въ ложномъ? Поднимаются уже голоса за „національный конвентъ" [1]). Бѣдное законодательное собраніе, пришпориваемое и побуждаемое къ дѣятельности всей Франціей и всей Европой, не можетъ дѣйствовать; оно можетъ только сыпать укоры, разглагольствовать, вносить бурныя „предложенія", для которыхъ закрыты всѣ ходы, и кипятиться съ шумомъ и пенящейся яростью!

Какія сцены происходятъ въ этомъ національномъ залѣ! Президентъ звонитъ въ свой неслышный колокольчикъ, или, въ знакъ крайняго отчаянія, надѣваетъ шляпу; „минутъ черезъ двадцать шумъ утихаетъ", и тотъ или другой нескромный членъ препровождается на три дня въ тюрьму Аббатства. Надо пригласить и допросить подозрительныхъ лицъ; старый де Сомбрель изъ дома Инвалидовъ долженъ дать отчетъ, почему онъ оставляетъ ворота отворенными. Необычный дымъ поднялся изъ Севрской фарфоровой фабрики, указывая на заговоръ; мастера поясняютъ, что это сжигаются Мемуары Ламоттъ, героини исторіи съ ожерельемъ, скупленные ея величествомъ [2]), которые, тѣмъ не менѣе, всякій желающій можетъ читать и нынѣ.

Затѣмъ является подозрѣніе, что герцогъ Бриссакъ и конституціонная гвардія короля „тайно дѣлаютъ патроны въ погребахъ": это шайка роялистовъ, чистыхъ и нечистыхъ; многіе изъ нихъ настоящіе головорѣзы, набранные въ игорныхъ домахъ и притонахъ; ихъ 6000, вмѣсто 1800, и они мрачно глазѣютъ на насъ, когда мы входимъ во дворецъ [3]). Поэтому, послѣ безконечныхъ преній, Бриссака и королевскихъ гвардейцевъ рѣшаютъ распустить, и дѣйствительно

---

[1]) Декабрь 1791 (Hist. Parl. XII. 257).

[2]) Moniteur, Séance du 28 mai 1792; Campan II, 196.

[3]) Dumouriez II, 168.

распускаютъ послѣ двухъ мѣсяцевъ существованія, такъ какъ охрана эта не продержалась и до марта того же года. Такимъ образомъ, новый конституціонный штатъ Maison militaire короля распущенъ, и ему опять приходится довольствоваться охраной однихъ швейцарцевъ и синихъ національныхъ гвардейцевъ. Повидимому, такова участь всѣхъ конституціонныхъ начинаній. Король не согласился на учрежденіе при немъ конституціоннаго гражданскаго штата (Maison civile), какъ ни настаивалъ на этомъ Барнавъ; старыя оставшіяся герцогини косились на новыхъ людей и держались въ сторонѣ; къ тому же и королева находила, что не стоитъ этого затѣвать, такъ какъ дворянство очень скоро вернется торжествующимъ [1]).

Продолжая слѣдить за тѣмъ, что происходитъ въ національномъ залѣ, мы видимъ, какъ епископъ Торне, конституціонный прелатъ, не слишкомъ строгихъ нравовъ, предлагаетъ уничтожить „духовное одѣяніе и тому подобныя каррикатурныя вещи". Епископъ Торне горячо защищаетъ свое предложеніе и кончаетъ тѣмъ, что снимаетъ свой наперстный крестъ и бросаетъ его, въ качествѣ залога, на столъ. Крестъ этотъ немедленно покрывается крестомъ Te-Deum Фоше, а потомъ и другими крестами и знаками духовнаго сана, пока всѣ не освобождаются отъ нихъ; вслѣдъ за тѣмъ одинъ клерикальный сенаторъ срываетъ свою скуфейку, другой—свое жабо, чтобы фанатизмъ не обрушился на нихъ [2]).

Какъ быстро все это дѣлается! И какъ несущественно, туманно, безсильно, почти призрачно, словно въ царствѣ тѣней! Неугомонный Ленге, кажущійся сморщившимся на подобіе призрака, ходатайствуетъ здѣсь о какомъ то своемъ дѣлѣ, среди шума и перерывовъ, превосходящихъ человѣческое терпѣніе, и въ результатѣ, этотъ раздражительный, сухой человѣчекъ, „разрываетъ свои бумаги и удаляется". Другіе почтенные члены, въ возбужденіи, также рвутъ свои бумаги: Мерленъ де Тіонвилль рветъ свои бумаги, крича: „Такъ вамъ не спасти народа!" Нѣтъ недостатка и въ депутаціяхъ: депутаціи отъ секцій, обыкновенно съ жалобами или доносами и всегда съ пылкими патріотическими чувствами, депутація отъ женщинъ, напримѣръ, которыя просятъ, чтобъ имъ было разрѣшено взять пики и упражняться на Марсовомъ полѣ. Почему нѣтъ, амазонки, если вамъ такъ хочется этого! Затѣмъ, исполнивъ порученіе и получивъ отвѣтъ, депутаціи „дефилируютъ по залѣ, съ пѣніемъ ça-ira", или же кружатся по ней, танцуя свою ronde patriotique—новую карманьолу, или военный танецъ и танецъ свободы. Патріотъ Гюгененъ, ex-адвокатъ, ex-карабинеръ, судейскій ex-писецъ, является въ качествѣ депутата, въ сопровожденіи представителей Сентъ-Антуана, и жалуется на анти-патріотизмъ, голодъ, продажность, людоѣдовъ, вопрошая въ заключеніе высокое собраніе: „Неужели же въ вашихъ сердцахъ не забьетъ набатъ противъ этихъ mangeurs d'hommes? [3])".

Но главнымъ и постояннымъ занятіемъ законодательнаго собранія служатъ порицанія королевскихъ министровъ. О министрахъ его величества мы до сихъ поръ не говорили, да и впредь не скажемъ почти ничего. Они еще призрачнѣе! Грустное зрѣлище: ни одинъ не можетъ удержаться, ни одинъ, по крайней мѣрѣ, со времени исчезновенія Монморена, „старѣйшему по службѣ въ совѣтѣ короля, иногда не болѣе десяти дней" [4]). Это конституціоналисты—фельянтинцы, какъ нашъ почтенный Кайе де Гревилль, какъ злополучный Делессаръ; или конституціоналисты-роялисты, какъ Монморенъ, послѣдній другъ Неккера; или аристократы, какъ Бертранъ, Молевилль. Всѣ они мелькаютъ, на подобіе призраковъ, въ огромномъ, кипучемъ смятеніи; жалкія тѣни, брошенныя на произволъ бушующихъ вѣтровъ; безсильныя, безъ значенія,—стоитъ обременять ими людскую память?

---

[1]) Campan, II, c. 19.

[2]) Moniteur du 7 april 1792; Deux Amis, VII, 111.

[3]) Moniteur, Séances (Hist. Parl. XIII, XIV).

[4]) Dumouriez, II, 137.

Но какъ часто призываютъ къ отчету этихъ бѣдныхъ королевскихъ министровъ, какъ ихъ разспрашиваютъ, опекаютъ; имъ даже угрожаютъ, ихъ почти застращиваютъ! Они отвѣчаютъ, что могутъ съ искуснѣйшимъ притворствомъ и казуистикой, и бѣдное законодательное собраніе не знаетъ, что дѣлать съ ихъ отвѣтами. Несомнѣнно одно: Европа надвигается на насъ, и Франція, (хотя еще и не мертвая) не можетъ двинуться съ мѣста. Берегитесь, господа министры! Язвительный Гаде пронизываетъ васъ перекрестными вопросами съ внезапными адвокатскими заключеніями; дремлющая буря, притаившаяся въ Верніо, можетъ проснуться. Неутомимый Бриссо составляетъ доклады, обвиненія, безконечныя водянистыя разсужденія: насталъ великій праздникъ для этого человѣка. Кондорсе пишетъ своимъ твердымъ перомъ „обращеніе законодательнаго собранія къ французскому народу“ [1]). Пламенный Максъ Изнаръ, который, впрочемъ, желаетъ выставить противъ этихъ киммерійскихъ враговъ „не мечъ и огонь, а свободу“, стоитъ за объявленіе „министровъ отвѣтственными, съ подразумѣваніемъ подъ отвѣтственностью—смерть: nous entendons la mort“.

Эли Гаде.

Дѣйствительно, положеніе становится серьезнымъ: время не терпитъ, и появились измѣнники. У Бертрана Молевилль гладкій языкъ, а въ сердцѣ этого извѣстнаго аристократа желчь. Какъ онъ скоръ на отвѣты и разъясненія; и какъ они изворотливы и пріятны для слуха! Но самое замѣчательное случилось однажды, когда Бертранъ кончилъ отвѣчать и удалился. Едва высокое собраніе начало обсуждать, что съ нимъ дѣлать, какъ вдругъ залъ наполнился дымомъ—густымъ, удушливымъ дымомъ, такъ что совершенно нельзя было говорить; всѣ только хрипѣли и кашляли, и засѣданіе пришлось отложить [2]). Чудо? Характерное чудо? Чѣмъ оно объясняется — неизвѣстно; извѣстно только, что „истопникъ былъ назначенъ Бертраномъ“, или кѣмъ-то изъ его подчиненныхъ. О, смрадное, смятенное царство тѣней съ Танталовыми муками, съ яростными огненными потоками и рѣками жалобъ! Зачѣмъ нѣтъ у тебя Леты, въ которой можно было бы покончить съ этими страданіями?

ГЛАВА VIII.

Якобинцы.

Тѣмъ не менѣе пусть патріотизмъ не отчаивается. Развѣ нѣтъ у насъ въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ, добродѣтельнаго Петіона и цѣлаго патріотическаго муниципалитета? Добродѣтельный Петіонъ уже съ ноября состоитъ парижскимъ мэромъ; въ нашемъ муниципалитетѣ публика—теперь она допускается туда—можетъ видѣть энергичнаго Дантона, язвительнаго, неповоротливаго, но надежнаго Манюэля, рѣшительнаго, ни въ чемъ не кающагося Бильо-Варенна, питомца іезуитовъ, редактора Талліена и другихъ, лучшихъ или худшихъ, но исключительно патріотовъ. Такъ сложились ноябрьскіе выборы, на радость большинству гражданъ; самый дворъ поддерживалъ Петіона, а не Ла-

[1]) 16 февраля 1792 (Choix des rapports. VIII, 375—92).

[2]) Courrier de Paris, 14 janvier 1792 (Gorsas's Newpaper) Hist. Parl. XIII § 83.

файета. Такимъ образомъ, Бальи и его фельянтинцамъ, давно уже начавшимъ убывать, какъ луна, пришлось съ грустью откланяться и удалиться въ небытіе или, пожалуй, въ нѣчто худшее, въ обманчивый полусвѣтъ со страшной тѣнью краснаго флага и съ горькой памятью о Марсовомъ полѣ. Какъ быстро подвигаются впередъ люди и явленія! Теперь Лафайетъ не будетъ, какъ въ день федераціи, бывшій зенитомъ е г о жизни, „твердо опираться мечомъ на Алтарь Отечества" и присягать передъ лицомъ Франціи: о, нѣтъ, съ того дня, звѣзда его все блѣднѣла и склонялась къ закату и теперь печально стоитъ на краю горизонта; Лафайетъ командуетъ одной изъ трехъ армій этихъ вереницъ линяющихъ журавлей и ведетъ себя очень подозрительно и непроизводительно.

Но развѣ, въ крайнемъ случаѣ, патріотизмъ, располагающій тысячами силъ въ этой міровой столицѣ, не можетъ справится самъ? Развѣ у него нѣтъ рукъ, нѣтъ пикъ? Мэръ Бальи не могъ помѣшать ковать пики, а мэръ Петіонъ и законодательное собраніе не только не мѣшаютъ, но санкціонируютъ это дѣло. Да и почему нѣтъ, разъ такъ называемая конституціонная гвардія короля „тайно изготовляла патроны?" Реформы нужны и въ самой національной гвардіи; весь ея фельяно-аристократическій штабъ долженъ быть распущенъ. Граждане безъ мундировъ, пики рядомъ съ мушкетами, несомнѣнно, могутъ быть допущены въ гвардію въ нынѣшнія времена; развѣ „активный" гражданинъ и пассивный, могущій сражаться за насъ, не одинаково желанны оба? О, патріотическіе друзья мои, безъ сомнѣнія такъ! Мало того: весь патріотизмъ въ совокупности, хотя бы и въ бѣлыхъ жабо, хотя бы и логичный, и почтенный, долженъ или чистосердечно опереться на черную, бездонную массу санкюлотизма, или же исчезнуть самымъ ужасающимъ образомъ, провалиться въ адъ! Поэтому одни отворачиваются отъ санкюлотовъ, презираютъ ихъ; другіе готовы чистосердечно опереться на нихъ: третьи, наконецъ, обопрутся на нихъ н е ч и с т о с е р д е ч н о, и каждую изъ этихъ трехъ группъ постигнетъ соотвѣтствующая участь.

Однако, развѣ въ данномъ положеніи мы не имѣемъ сейчасъ добровольнаго союзника сильнѣе всѣхъ остальныхъ: голода? Голода и того вихря паническаго страха, который нагонятъ голодъ и совокупность всѣхъ другихъ нашихъ бѣдъ! Вѣдь, санкюлотизмъ растетъ отъ того, отъ чего другія явленія умираютъ. Тупоумный Петеръ Байль сказалъ, хотя безсознательно, почти эпиграмму, и патріоты смѣялись не надъ ней, а надъ нимъ, когда онъ писалъ „T o u t v a b i e n i c i, l e p a i n m a n q u e.—Здѣсь все идетъ хорошо, — хлѣба нѣтъ" [1]).

Кромѣ того, у патріотизма имѣется своя конституція, с п о с о б н а я ходить, и свой н е безсильный парламентъ, или назовемъ его вселенскимъ соборомъ, собраніемъ церквей Жанъ Жака Руссо, а именно: якобинское общество „Мать". Вѣдь, у этой матери триста взрослыхъ дочерей съ маленькими внучками, пытающимися ходить, въ каждой французской деревнѣ, и исчисляемыхъ, по мнѣнію Бёрка, сотнями тысячъ! Вотъ это настоящая конституція, созданная не тысячею двумя стами высокими сенаторами, а самой природой и возникшая сама собой, безсознательно, изъ потребностей и стараній двадцати пяти мильоновъ людей! Наши якобинцы – „господа законодатели"; они даютъ темы дебатовъ для законодательнаго собранія, обсуждаютъ миръ и войну, устанавливаютъ заранѣе, что должно дѣлать это собраніе, къ великому скандалу философовъ и историковъ, которые судятъ въ этомъ случаѣ естественно, но не умно. Правящая власть должна существовать; всѣ ваши прочія власти—обманъ; эта же дѣйствительно в л а с т ь.

Великое общество Мать! Оно имѣло честь быть обвиненнымъ австрійцемъ Кауницемъ [2]) и потому еще дороже патріотизму. Благодаря удачѣ и смѣлости оно уничтожило, въ концѣ концовъ, самый фельянтизмъ, по крайней мѣрѣ,

---

[1]) Barbaroux, p. 94.

[2]) Moniteur, Seance du 29 mars 1792.

клубъ фельянтинцевъ. 18-го февраля оно съ удовлетворенiемъ видѣло, какъ этотъ клубъ, нѣкогда высоко державшiй голову, закрылся, погасъ; патрiоты съ шумомъ пошли туда, и послѣднiя его минуты огласились ихъ свистомъ. Общество Мать увеличило свое помѣщенiе и заняло теперь всю среднюю часть якобинской церкви. Заглянемъ въ нее вмѣстѣ съ достойнымъ Тулонжономъ, нашимъ старымъ другомъ изъ бывшей конституанты, который, къ счастью, не лишенъ способности видѣть. „Корабль церкви якобинцевъ", говоритъ онъ, „превращенъ въ обширную арену, въ которой мѣста поднимаются полукругомъ, на подобiе амфитеатра, до самаго верха куполообразной крыши. Высокая пирамида чернаго мрамора, построенная около одной изъ стѣнъ и бывшая раньше надгробнымъ памятникомъ, одна оставлена на мѣстѣ; къ ней примыкаетъ теперь помѣщенiе для членовъ бюро. Здѣсь, на возвышенной эстрадѣ засѣдаютъ президентъ и секретари; сзади, надъ ними стоятъ бѣлые бюсты Мирабо, Франклина и многихъ другихъ, въ томъ числѣ даже Марата. Насупротивъ—трибуна, поднимающаяся до средины пространства между поломъ и верхомъ купола, такъ что ораторъ находится какъ разъ въ центрѣ. Съ этого мѣста гремятъ голоса, потрясающiе Европу; внизу безмолвно куются перуны и тлѣютъ головни будущихъ пожаровъ. Если проникнуть въ этотъ огромный кругъ, гдѣ все безмѣрно, колоссально, то нельзя подавить чувства страха и удивленiя; воображенiю рисуются ужасные храмы, которые изстари поэзiя посвящала мстительнымъ божествамъ" [1]).

Какiя сцены происходятъ въ этомъ якобинскомъ амфитеатрѣ! — Къ сожалѣнiю, исторiя не имѣетъ времени заняться ими! Здѣсь дружно развивались флаги „трехъ свободныхъ народовъ мiра", три братскихъ флага Англiи, Америки и Францiи; съ одной стороны, выступала лондонская депутацiя виговъ и клуба ихъ; съ другой,—молодыя французскiя гражданки; прекрасныя, сладкогласныя гражданки торжественно посылали депутатамъ привѣтствiя и братскiе поцѣлуи, трехцвѣтные, собственноручно вышитые значки и, наконецъ, пшеничные колосья, въ то время какъ своды дрожали отъ единодушныхъ криковъ: Vivent les trois peuples libres! — Высоко драматичная сцена! Дѣвица Теруань разсказываетъ, съ этой воздушной трибуны, о своихъ бѣдствiяхъ въ Австрiи; она является, опираясь на руку Жозефа Шенье, брата поэта, просить освобожденiя несчастныхъ швейцарцевъ полка Шато-Вье [2]). Надѣйтесь, сорокъ швейцарцевъ, гребущiе въ Брестскихъ водахъ,—вы не забыты!

Депутатъ Бриссо ораторствуетъ съ трибуны; Демуленъ, нашъ безбожный Камиллъ, громко выкрикиваетъ снизу: „Coquin!" [3]). Здѣсь же, хотя чаще въ церкви кордельеровъ, раздается и львиный голосъ Дантона. Злобный Бильо-Вареннъ также здѣсь; Колло д'Эрбуа кипятится, ратуя за сорокъ швейцарцевъ. Любитель изреченiй, Манюэль выразительно заканчиваетъ рѣчь словами: „Одинъ изъ министровъ долженъ погибнуть!"—на что амфитеатръ отвѣчаетъ: „Tous, tous, Всѣ, всѣ!" Но мѣстнымъ верховнымъ жрецомъ и главнымъ ораторомъ является Робеспьеръ, неподкупный, но скучный человѣкъ. Какой патрiотическiй духъ жилъ въ людяхъ того времени, это показываетъ намъ уже одинъ тотъ фактъ, что полторы тысячи человѣкъ могли каждый вечеръ, добровольно, цѣлыми часами, слушать рѣчи Робеспьера и рукоплескать ему, ловить каждое его слово, какъ будто отъ этого зависѣла ихъ жизнь. А между тѣмъ рѣдко болѣе несносный человѣкъ открывалъ ротъ на ораторской трибунѣ. Желчный, безсильно-непримиримый; скучно-тягучiй, сухой, какъ гарматтанъ [4]), онъ ратуетъ въ безконечно серьезной, но поверхностной рѣчи противъ немедленной войны, противъ шерстяныхъ колпаковъ или bonnets rouges, противъ многаго дру-

---

[1]) Toulongeon, II, 124.

[2]) Debats des Jacobins (Hist. Parl. XIII, 259).

[3]) Бездѣльникъ.

[4]) Знойный вѣтеръ западно-африканскаго побережья.

гого, являя собой Далай-ламу патріотовъ. Тѣмъ не менѣе, ему почтительно возражаетъ маленькій человѣчекъ, съ рѣзкимъ голосомъ, но съ красивыми глазами и прекраснымъ высокимъ лбомъ; по словамъ газетныхъ репортеровъ, это „Луве, авторъ прелестнаго романа Faublas“. Будьте стойки, патріоты! Не расходитесь по двумъ дорогамъ теперь, когда Франція, охваченная паникой, рушится въ сельскихъ округахъ, и киммерійская Европа надвигается на васъ грозой!

ГЛАВА IX.

Министръ Роланъ.

Однако, около весенняго равноденствія, патріотовъ неожиданно озаряетъ лучъ надежды: назначеніе новаго министерства, насквозь проникнутаго патріотизмомъ. Король, въ своихъ безчисленныхъ попыткахъ смѣшать огонь съ водой, хочетъ попробовать и это. Quod bonum sit! Завтраки г-жи д'Юдонъ пріобрѣтаютъ новое значеніе; нѣтъ ни одного человѣка, не исключая женевца Дюмона, который не подалъ бы на нихъ своего мнѣнія, и вотъ переговоры, продолжавшіеся съ 15-го по 23-е марта 1792 г., приходятъ наконецъ къ счастливому результату—къ назначенію патріотическаго министерства.

Генералъ Дюмурье, которому ввѣренъ портфель иностранныхъ дѣлъ, долженъ выступить противъ Кауница и астрійскаго императора въ иномъ тонѣ, чѣмъ бѣдный Делессаръ, который преданъ за нерадѣніе орлеанскому верховному судилищу. Военный министръ Нарбоннъ смытъ рѣкою времени; бѣдный Шевалье де Гравъ, избранный дворомъ, тоже вскорѣ исчезнетъ; затѣмъ внезапно главой военнаго министерства сдѣлается серьезный Серванъ, способный инженерный офицеръ. Женевецъ Клавіеръ видитъ, какъ сбывается одно его предчувствіе: проходя однажды, много лѣтъ назадъ, въ качествѣ бѣднаго женевскаго изгнанника, мимо министерства финансовъ, онъ былъ внезапно озаренъ странной мыслью, что ему суждено быть министромъ финансовъ; и вотъ онъ получаетъ это назначеніе, а его бѣдная больная жена, на излеченіе которой врачи потеряли всякую надежду, встаетъ и ходитъ, не какъ жертва своихъ нервовъ, а какъ побѣдительница ихъ [1]). Но прежде всего, кто у насъ министръ внутреннихъ дѣлъ? Роланъ де ла Платьеръ, изъ Ліона! Такъ рѣшили бриссотинцы, общественное или частныя мнѣнія и завтраки на Вандомской площади. Строгій Роланъ, похожій на разрядившагося квакера, Quaker endimanché, отправляется на цѣлованіе руки въ Тюльери, въ круглой шляпѣ, гладко причесанный, завязавъ башмаки простыми лентами или шнурками. Церемоніймейстеръ отзываетъ въ сторону Дюмурье: „Quoi, Monsieur! У него башмаки безъ пряжекъ?“—„Ахъ, мосье“, отвѣчаетъ Дюмурье, взглянувъ на шнурки: „все пропало!“ (Tout est perdu) [2]).

И вотъ наша красавица Роланъ переселяется изъ своего верхняго этажа на улицѣ Сенъ-Жакъ въ роскошные салоны, которые нѣкогда занимала г-жа Неккеръ. Еще раньше въ этомъ помѣщеніи жилъ Каллонъ; онъ завелъ всю эту позолоту, повѣсилъ эти люстры, венеціанскія зеркала, отполировалъ всѣ паркеты, завелъ инкрустированную мебель и бронзу, и превратилъ эти салоны въ настоящій дворецъ Аладина. А теперь, смотрите, онъ уныло бродитъ по Европѣ, чуть не потонулъ въ Рейнѣ, едва спасши свои бумаги. Vos non vobis!—Красавица Роланъ, справляющаяся со всякимъ положеніемъ, устраиваетъ по пятницамъ парадные обѣды, на которыхъ присутствуютъ всѣ министры; по окончаніи обѣда, она удаляется за свой столикъ и, повидимому, усердно пишетъ; однако, она

---

[1]) Dumont, c. 20, 21.

[2]) Madame Roland, II, 80—115.

не пропускаетъ ни слова и если, напримѣръ, депутатъ Бриссо и министръ Клавіеръ слишкомъ разгорячатся въ спорѣ, она, не безъ робости, но съ лукавой граціей, старается примирить ихъ. Голова депутата Бриссо, забравшагося вдругъ на такую высоту, говорятъ, начинаетъ кружиться, что часто случается со слабыми головами.

Завистливые люди распускаютъ слухъ, что настоящій министръ—жена Ролана, а не самъ онъ; но счастью, это худшее, въ чемъ могутъ упрекнуть ее. Во всякомъ случаѣ, чья бы голова ни кружилась, но только не голова этой мужественной женщины. Она такъ же царственно спокойна въ этихъ палатахъ, какъ нѣкогда въ собственномъ наемномъ чердакѣ, въ монастырѣ Урсулинокъ! Она, молодой дѣвушкой лущившая бобы для своего обѣда, побуждаемая къ этому разсудительностью и расчетомъ, знаетъ цѣну этой роскоши и самой себѣ; ее нельзя смутить этими инкрустаціями и позолотой. Калоннъ, создавшій это великолѣпіе, давалъ здѣсь обѣды, при чемъ старикъ Безанваль дипломатически шепталъ ему, что нужно, на ухо; Калоннъ былъ великъ, и всетаки мы видѣли, какъ, въ концѣ концовъ, ему осталось только „ходить большими шагами взадъ и впередъ“. Потомъ былъ Неккеръ; а гдѣ теперь Неккеръ? И новыхъ министровъ также принесла сюда быстрая смѣна событій; такая же быстрая смѣна и унесетъ насъ отсюда. Это не дворецъ, а каравансарай!

Жанъ-Мари Роланъ де-ла-Платьеръ.

Такъ колеблется и вращается этотъ безпокойный міръ, день за днемъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ. Улицы Парижа и всѣхъ городовъ залиты ежедневно волнующимся моремъ людей, которые исчезаютъ, принимая на ночь горизонтальное положеніе на своихъ кроватяхъ, чтобы на утро снова проснуться для вертикальнаго положенія и движенія. Люди ходятъ по своимъ дѣламъ, умнымъ или глупымъ; инженеръ Гогела разъѣзжаетъ взадъ и впередъ съ шифрованными письмами королевы. Г-жа Сталь въ хлопотахъ: она не можетъ вытащить своего Нарбонна изъ рѣки времени; принцесса Ламбалль тоже въ хлопотахъ: она не можетъ помочь своей королевѣ. Барнавъ, видя, что фельянтинцы разсѣялись и Кобленцъ слишкомъ оживленъ, проситъ позволенія на прощанье поцѣловать руку королевы, „не предвидитъ ничего хорошаго изъ ея новаго направленія“, и удаляется въ родной Гренобль, гдѣ женится на богатой наслѣдницѣ. Въ кафе Валуа и ресторанѣ Мео ежедневно слышны гасконады, громкая болтовня роялистовъ на половинномъ жалованьи, съ кинжалами или безъ оныхъ. Остатки аристократическихъ салоновъ называютъ новое министерство Ministère Sansculotte. Луве, авторъ Фобласа, занятъ у якобинцевъ. Казоттъ, авторъ романа Le diable amoureux, занятъ въ другомъ мѣстѣ. Лучше бы тебѣ сидѣть смирно, старикъ Казоттъ; вѣдь, это міръ, въ которомъ волшебное становится дѣйствительностью. Всѣ заняты, и при этомъ лишь на половину подозрѣваютъ, что дѣлаютъ: разбрасываютъ сѣмена, большей частью плевелы, по огромному „полю времени“, которое покажетъ впослѣдствіи, что они посѣяли.

Соціальные взрывы имѣютъ въ себѣ нѣчто страшное, какъ бы безумное, волшебное; но это жизнь и на самомъ дѣлѣ хранитъ въ своихъ тайникахъ; такъ, по легендѣ, нѣмая земля, если вырвать изъ нея волшебный корень, издаетъ демоническій, съ ума сводящій стонъ. Эти взрывы и возмущенія зрѣютъ, разражаются, подобно нѣмымъ страшнымъ силамъ природы, и все же они человѣческія силы, и мы сами часть ихъ. Демоническое, заключающееся въ человѣческой жизни, разразилось надъ нами, оно смететъ и насъ! —Одинъ день похожъ

на другой, и все же они не одинаковы, а различны. Сколько вещей на свѣтѣ растутъ безмолвно, неудержимо, каждую минуту. Растутъ мысли, формы рѣчи, обычаи и даже костюмы; еще замѣтнѣе растутъ поступки и дѣла, и роковая борьба Франціи съ самой собой и съ цѣлымъ міромъ.

Теперь слово Свобода никогда не произносится одно, а всегда въ сочетаніи съ другимъ: Свобода и Равенство. Что же, въ царствѣ свободы и равенства, могутъ означать такія слова, какъ: „господинъ", „вашъ покорный слуга", „имѣю честь быть", и тому подобныя? Лохмотья и волокна стараго феодализма, которыя, хотя бы только въ грамматическомъ отношеніи, должны быть искоренены! Въ Якобинскій клубъ давно уже внесены предложенія въ этомъ смыслѣ, но онъ не могъ заняться ими въ настоящій моментъ. Замѣтьте, какой символическій головной уборъ носятъ теперь якобинцы: шерстяной колпакъ, bonnet de laine, ночной колпакъ, болѣе извѣстный подъ названіемъ bonnet rouge, потому что онъ краснаго цвѣта. Колпакъ этотъ принято носить не только какъ фригійскую шапку свободы, но и ради удобства и, отчасти, въ честь патріотовъ низшихъ классовъ и героевъ Бастиліи; значитъ красный ночной колпакъ имѣетъ троякое значеніе. Даже кокарды начинаютъ теперь дѣлать изъ трехцвѣтной шерсти: кокарды изъ лентъ, какъ признакъ фельянтинской гордости высшихъ классовъ, становятся подозрительными. Знаменія времени!

Затѣмъ далѣе, обратите вниманіе на родовыя муки Европы, или вѣрнѣе на плодъ, который она принесетъ; потому что отмѣчать послѣдовательно муки и крики австрійско-прусскаго союза, анти-якобинскія депеши Кауница, изгнанія французскихъ пословъ и такъ далѣе, было бы слишкомъ долго. Дюмурье переписывается съ Кауницемъ, Меттернихомъ или Кобенцелемъ въ другомъ тонѣ, чѣмъ дѣлалъ это Делессаръ. Отношенія становятся все болѣе натянутыми; по поводу Кобленцскихъ дѣлъ и многаго другого требуется категорическій отвѣтъ. Но его нѣтъ! А такъ какъ его нѣтъ, то 20 августа 1792 г., король и министры являются въ Salle de Manège, излагаютъ положеніе дѣлъ, и бѣдный Людовикъ „со слезами на глазахъ" предлагаетъ, чтобы собраніе постановило объявить войну. Послѣ должныхъ потоковъ краснорѣчія, война декретирована въ тотъ же вечеръ.

Итакъ, значитъ, война! Парижъ, полный ожиданія, толпой явился на утреннее и, въ еще большемъ числѣ, на вечернее засѣданіе. Здѣсь и герцогъ Орлеанскій съ двумя сыновьями; онъ смотритъ, широко раскрывъ глаза, съ противоположной галлереи [1]). Можешь смотрѣть, Филиппъ: эта война будетъ богата результатами, какъ для тебя, такъ и для всѣхъ. Киммерійскій обскурантизмъ и трижды славная революція будутъ сражаться за исходъ ея около двадцати четырехъ лѣтъ, топча и давя все, въ титанической борьбѣ, прежде чѣмъ придутъ, не къ соглашенію, а только къ компромиссу и къ приблизительному признанію каждымъ того, что есть въ другомъ.

Такъ пусть наши три генерала на границахъ хорошенько все взвѣсятъ, и пусть бѣдный Шевалье де Гравъ, военный министръ, обдумаетъ, что ему дѣлать. Чего можно ожидать отъ трехъ армій съ ихъ генералами, это легко предвидѣть. Что касается до злосчастнаго Шевалье де Грава, то, въ вихрѣ надвигающихся событій и обрушивающихся на него дѣлъ, онъ теряетъ голову, безтолково вертится въ круговоротѣ, подписывается въ концѣ концовъ „де Гравъ, мэръ Парижа", затѣмъ выходитъ въ отставку и переправляется черезъ каналъ, чтобы погулять въ Кенсингтонскихъ садахъ [2]). На его постъ назначается строгій Серванъ, способный инженерный офицеръ. Почетный ли это постъ? Во всякомъ случаѣ, трудный.

---

[1]) Deux Amis, VII, 146—66.

[2]) Dumont, c. 19, 21.

ГЛАВА X.

Петіонъ-Нація-Пика.

И все же, какъ шаловливо играютъ въ темныхъ, бездонныхъ стремнинахъ фантастически окрашенныя брызги и тѣни, скрывая бездну подъ распыленной радугой! Наряду съ обсужденіями войны съ Австріей и Пруссіей, ведутся не менѣе, а пожалуй и болѣе, оживленныя пренія о томъ, слѣдуетъ ли освободить сорокъ или сорокъ два швейцарца съ брестскихъ галеръ. И, въ случаѣ освобожденія, слѣдуетъ ли почтить ихъ общественнымъ или же только частными торжествами?

Дѣвица Теруань, какъ мы видѣли, говорила, и Колло продолжалъ ея рѣчь. Развѣ послѣднее самоизобличеніе Булье, въ Ночь Шпоръ, не заклеймило такъ называемый „Мятежъ въ Нанси" названіемъ „Избіеніе въ Нанси" во мнѣніи всѣхъ патріотовъ? Ненавистно это избіеніе; ненавистна „общественная благодарность", высказанная за него лафайето-фельянтинцами! Якобинскій патріотизмъ и разсѣянный фельянтизмъ борятся теперь не на жизнь, а на смерть и сражаются всякимъ оружіемъ, даже театральными представленіями. Поэтому стѣны Парижа покрыты плакатами и контръ-плакатами по поводу швейцарскихъ болвановъ. Между газетами ведется полемика; актеръ Калло возражаетъ риѳмоплету Руше, Жозефъ Шенье, якобинецъ, рыцарь Теруань—своему брату поэту Андре, фельянтинцу; мэръ Петіонъ—Дюпону де Немуръ; и въ теченіи двухъ мѣсяцевъ всѣ умы поглощены этимъ дѣломъ — пока, наконецъ, оно не разрѣшается.

Gloria in excelsis! Сорока швейцарцамъ, наконецъ, „дарована амнистія". Радуйтесь, сорокъ швейцарцевъ, снимайте ваши грязные шерстяные колпаки, которые должны стать теперь шапками Свободы. Брестское филіальное отдѣленіе Матери патріотизма привѣтствуетъ васъ, при высадкѣ на берегъ, поцѣлуями въ обѣ щеки; за ваши желѣзные ручные кандалы дерутся, какъ за священныя реликвіи; брестское общество, конечно, можетъ получить часть ихъ, которую оно перекуетъ на пики, родъ священныхъ пикъ, но другая часть должна принадлежать Парижу и спускаться тамъ со свода, рядомъ съ знаменами трехъ свободныхъ народовъ! Какой, однако, гусь—человѣкъ! Онъ готовъ гоготать надъ чѣмъ угодно: и надъ плюшемъ и атласомъ монарховъ, и надъ шерстяными колпаками каторжниковъ, и надъ всѣмъ, и надъ ничѣмъ, — и готовъ гоготать отъ всей души, если и другіе гогочутъ!

Утромъ 9-го апрѣля эти сорокъ тупоголовыхъ швейцарцевъ прибываютъ черезъ Версаль, среди несущихся къ небу виватовъ, и при стеченіи мужчинъ и женщинъ. Ихъ ведутъ въ городскую ратушу, даже въ самое законодательное собраніе, хотя и не безъ затрудненій. Ихъ привѣтствуютъ торжественными рѣчами, угощаютъ, одариваютъ, въ чемъ—не изъ за угрызеній совѣсти—принимаетъ участіе даже дворъ; и на слѣдующее воскресенье назначается общественное празднество въ честь ихъ [1]). Въ этотъ день ихъ сажаютъ на „тріумфальную колесницу", формой похожую на корабль, везутъ черезъ Парижъ, подъ звуки трубъ и барабановъ, при рукоплесканіяхъ толпы; привозятъ на Марсово поле къ Алтарю отечества, и наконецъ, такъ какъ время отъ всего приноситъ избавленіе, увозятъ и предаютъ вѣчному забвенію.

Вслѣдъ затѣмъ и разогнанный фельянтизмъ, или та партія, которая любитъ свободу еще не больше, чѣмъ монархію, тоже желаетъ устроить свой праздникъ: праздникъ въ память Симонно, злополучнаго мэра Этампа, погибшаго за законъ—несомнѣнно за законъ, хотя якобинцы и оспариваютъ это—потому что онъ былъ раздавленъ во время хлѣбнаго бунта, вмѣстѣ со своимъ краснымъ флагомъ. На этомъ празднествѣ также присутствуетъ народъ, но не рукоплещетъ.

---

[1]) Газеты за февраль, мартъ, апрѣль 1792 г. Стихотвореніе Андре Шенье «На Праздникъ швейцарцевъ» и т. д. (Hist. Parl. XIII, XIV).

Словомъ, въ празднествахъ нѣтъ недостатка; красивые радужные брызги сверкаютъ, въ то время какъ все, съ утроенной скоростью, несется къ своей Ніагарѣ. Происходятъ національные банкеты, покровительствуемые мэромъ Петіономъ; Сентъ-Антуанъ и дебелыя представительницы рынка дефилируютъ черезъ клубъ якобинцевъ,—такъ какъ, по словамъ Сантерра, „ихъ счастье иначе было бы неполно", хоромъ распѣвая ça-ira, и танцуя ronde patriotique. Въ числѣ ихъ мы съ удовольствіемъ видимъ Сентъ-Гюрюжа, святого Христофора карманьолы, спеціально для этого „въ бѣлой шляпѣ". Нѣкій Тамбуръ или національный барабанщикъ, у котораго только что родилась дочка, даже рѣшаетъ окрестить новую французскую гражданку передъ Алтаремъ отечества. Такъ и дѣлаютъ по окончаніи пира; обрядъ совершаетъ Фоше, епископъ молебновъ. Тюріо и другія почтенныя лица являются воспріемниками, и дитя получаетъ имя: Петіонъ-Нація-Пика (Pétion-National-Pique!) [1]) Гуляетъ ли еще по землѣ эта замѣчательная гражданка, которая теперь должна бы находиться въ почтенномъ возрастѣ? Не умерла ли она во время прорѣзыванія зубовъ? Вѣдь, для всемірной исторіи это не безразлично.

ГЛАВА XI.

Наслѣдственный представитель.

Однако, отъ танцевъ карманьолы и пѣнія ça-ira дѣло не сдѣлается. Герцогъ Брауншвейгскій не танцуетъ карманьолъ, а заставляетъ работать своихъ экзерцирмейстеровъ.

На границахъ наши арміи—измѣна то или нѣтъ — ведутъ себя самымъ отчаяннымъ образомъ. Командиры ли у нихъ плохіе, или плохи самыя войска? Какіе это солдаты? Неснаряженные, недисциплинированные, мятежные, за тридцатилѣтній періодъ мира ни разу не видавшіе огня? Немудрено, что маленькая вылазка Лафайета и Рошамбо, предпринятая ими въ Австрійской Фландріи, оказалась настолько неудачной, насколько можетъ быть вылазка: солдаты испугались собственной тѣни, закричали „on nous trahit" (намъ измѣняютъ) и побѣжали назадъ въ дикой паникѣ, при первомъ же выстрѣлѣ или даже до него,—въ результатѣ все свелось къ тому, что они повѣсили двухъ или трехъ плѣнныхъ, которыхъ имъ удалось подцѣпить, да убили собственнаго командира, бѣднаго Теобальда Диллона, котораго загнали въ хлѣбный амбаръ, въ городѣ Лиллѣ.

А бѣдный Гувіонъ, тотъ самый, что безпомощно сидѣлъ во время возстанія женщинъ! Онъ покинулъ залъ законодательнаго собранія и парламентскія обязанности, въ негодованіи и отчаяніи, когда туда были допущены галерные рабы изъ Шато-Вье. Уходя, онъ сказалъ: между австрійцами и якобинцами, солдату ничего болѣе не остается, какъ умереть [2]); и „въ темную, бурную ночь", бросился въ зіяющія пасти австрійскихъ пушекъ и погибъ въ схваткѣ при Мобёжѣ, 9-го іюня. Вотъ кого законодательный патріотизмъ долженъ оплакивать съ трауромъ и похороннымъ пѣніемъ на Марсовомъ полѣ! Много есть патріотовъ умнѣе его, но нѣтъ ни одного вѣрнѣе. Самъ Лафайетъ возбуждаетъ все болѣе и болѣе сомнѣній: вмѣсто того, чтобы бить австрійцевъ, онъ пишетъ доносы на якобинцевъ. Рошамбо, совсѣмъ обезкураженный, покидаетъ службу; остается одинъ Люкнеръ, старый, болтливый прусскій гренадеръ.

Безъ арміи, безъ генераловъ! А киммерійская ночь уже надвигается; герцогъ Брауншвейгскій пишетъ свое воззваніе, готовый выступить въ походъ. Пусть патріотическое министерство и законодательное собраніе скажутъ, что, при такихъ обстоятельствахъ, они намѣрены дѣлать? Прежде всего, уничто-

---

[1]) Patriote Français (газета Бриссо) Hist. Parl. XIII, 451.

[2]) Toulongeon, II, 149.

жить внутреннихъ враговъ, отвѣчаетъ патріотическое законодательное собраніе и предлагаетъ 24-го мая декретъ объ изгнаніи диссидентскихъ священниковъ. И собрать ядро рѣшительныхъ внутреннихъ друзей, прибавляетъ военный министръ Серванъ и предлагаетъ 7-го іюня свой проектъ лагеря Двадцати Тысячъ. Двадцать тысячъ національныхъ добровольцевъ, по пяти тысячъ отъ каждаго кантона, отборныхъ патріотовъ; это возможно,—вѣдь, внутреннія дѣла находятся въ вѣдѣніи Ролана. Они должны собраться въ Парижѣ разумно распредѣленные и и служить защитой противъ чужеземныхъ австрійцевъ и домашняго Австрійскаго Комитета. Вотъ что могутъ сдѣлать патріотическое министерство и законодательно собраніе.

Сервану и патріотамъ такой планъ кажется разумнымъ и хитро придуманнымъ, но онъ не кажется таковымъ фельянтизму, тому фельяно-аристократическому штабу парижской гвардіи, который необходимо долженъ быть распущенъ. Эти люди видятъ въ планѣ Сервана обиду и даже, какъ они говорятъ, оскорбленіе. Вслѣдствіе этого, появляются петиціи отъ синихъ фельянтинцевъ въ погонахъ, но дурно принимаются. Даже, въ концѣ концовъ, поступаетъ петиція, называемая петиціей „восьми тысячъ національныхъ гвардейцевъ“, по количеству стоящихъ подъ нею подписей, включая женщинъ и дѣтей. Эта знаменитая петиція восьми тысячъ, дѣйствительно, принимается, и петиціонеры, всѣ съ оружіемъ, допускаются къ почестямъ засѣданія,—если только почести, или даже засѣданіе, состоятся, такъ какъ въ ту минуту, когда штыки петиціонеровъ появляются у одной двери, засѣданіе „откладывается“ и члены собранія устремляются въ другую дверь [1]).

Грустно было видѣть въ эти же дни, какъ національные гвардейцы, эскортируя процессію Fete Dieu или Corpus Christi, хватали за шиворотъ и избивали всякаго патріота, который не снималъ шапки во время пронесенія Даровъ. Они приставляютъ штыки къ груди мясника Лежандра, патріота, извѣстнаго со времени бастильскихъ дней, и угрожаютъ убить его, хотя онъ утверждаетъ, что почтительно сидѣлъ въ своемъ кабріолетѣ на разстояніи пятидесяти шаговъ, дожидаясь пока процессія пройдетъ. Правовѣрныя женщины даже кричали, что его нужно вздернуть на фонарь [2]).

Вотъ до чего дошелъ фельянтизмъ въ этомъ корпусѣ! Но развѣ офицеры его не созданья главнаго фельянтинца Лафайета? Естественно, что дворъ заигрывалъ съ ними и ласкалъ ихъ уже со времени распущенія такъ называемой конституціонной гвардіи. Нѣкоторые батальоны цѣликомъ состоятъ, „pètris“, изъ чистыхъ аристократовъ, напримѣръ, батальонъ des Filles-Saint-Thomas, состоящій изъ банкировъ, биржевыхъ маклеровъ и другихъ толстосумовъ съ улицы Вивіеннъ. Нашъ достойный старый другъ Веберъ, молочный братъ королевы, также служитъ въ этомъ батальонѣ—и можно себѣ представить, насколько его намѣренія патріотичны.

Не заботясь объ этомъ, или вѣрнѣе, озабоченное всѣмъ этимъ законодательное собраніе, поддерживаемое патріотической Франціей и сознаніемъ необходимости, утверждаетъ проектъ лагеря Двадцати Тысячъ. Рѣшительное, хотя и условное изгнаніе вредныхъ священниковъ оно постановило уже раньше.

Теперь будетъ видно, за насъ ли наслѣдственный представитель, или противъ насъ. Прибавится или нѣтъ къ нашимъ прочимъ бѣдствіямъ еще самое невыносимое изъ всѣхъ, которое сдѣлаетъ насъ не только націей, находящейся въ крайней опасности и нуждѣ, но націей парализованной, закутанной въ погребальный саванъ конституціи, со связанными руками и принужденной, въ судорогахъ и корчахъ, дожидаться, не имѣя возможности двинуться съ мѣста, пока прусскія веревки не вздернутъ насъ на висѣлицу. Пусть наслѣдственный представитель хорошенько обдумаетъ это: Постановленіе о священникахъ? Ла-

---

[1]) Moniteur, Seance du 10 juin 1792.

[2]) Debats des jacobins (Hist. Parl., XIV, 429).

герь Двадцати Тысячъ? Клянусь небомъ, онъ отвѣчаетъ veto! veto! Строгій Роланъ вручаетъ ему свое письмо къ королю, или, вѣрнѣе, письмо своей жены, написанное ею цѣликомъ въ одномъ изъ засѣданій; это одно изъ самыхъ откровенныхъ писемъ, когда либо полученныхъ какимъ-нибудь королемъ. Людовикъ имѣетъ счастье прочесть это откровенное письмо ночью: онъ основательно перевариваетъ его, и на слѣдующее утро все министерство получаетъ отставку. Происходитъ это 13 іюня 1792 года [1]).

Мужъ совѣта Дюмурье съ нѣкіимъ Дюрантономъ, называемымъ министромъ юстиціи, остаются еще на день или на два при довольно подозрительныхъ обстоятельствахъ; Дюмуріе говоритъ съ королевой, почти плачетъ вмѣстѣ съ нею, но въ концѣ концовъ также уѣзжаетъ въ армію, предоставляя принять кормило правленія тѣмъ полупатріотическимъ или непатріотическимъ министерствамъ, которыя въ состояніи сдѣлать это. Не будемъ называть ихъ: это новые, быстро смѣняющіеся призраки, мелькающіе, какъ картины въ волшебномъ фонарѣ, только еще туманнѣе!

Злосчастная королева, злосчастный Людовикъ! Эти два Veto были такъ естественны: развѣ священники не мученики и не друзья? Развѣ могъ этотъ лагерь Двадцати Тысячъ состоять изъ кого нибудь, кромѣ буйныхъ санкюлотовъ? Они естественны, да; но тѣмъ не менѣе, для Франціи нестерпимы. Священники, орудующіе за одно съ Кобленцомъ, должны отправиться съ своимъ мученичествомъ въ другія мѣста; буйные санкюлоты, только они, а не какія иныя существа, прогонятъ австрійцевъ. Если ты предпочитаешь австрійцевъ, то, ради самаго Бога, ступай и соединись съ ними. Если нѣтъ, соединись открыто съ тѣми, кто будетъ бороться съ ними до послѣдняго вздоха. Средняго выхода нѣтъ.

Или, можетъ быть, для такого человѣка, какъ Людовикъ, остается еще какой нибудь крайній выходъ? Скрытые роялисты, бывшій министръ Бертранъ-Молевилль, бывшій членъ конституанты Малуэ и всевозможные безпомощные субъекты не перестаютъ предлагать свои совѣты. Старое королевство кружится и несется на волнахъ событій, невѣдомо куда, съ надеждой обращая взоръ то къ законодательному собранію, то къ Австріи и Кобленцу, то снова разсчитывая на счастливыя случайности.

ГЛАВА XII.

Процессія черныхъ брюкъ.

Найдется ли во Франціи хотя одинъ мыслящій человѣкъ, который при такихъ обстоятельствахъ можетъ убѣдить себя, что конституція способна устоять? Брауншвейгскій не дремлетъ; черезъ нѣсколько дней онъ двинется въ походъ. Останется ли Франція спокойной, закутанной въ погребальный саванъ, со скованными руками, пока не разразится брауншвейгская Варѳоломеевская ночь и не сдѣлаетъ Францію тѣмъ, чѣмъ стала Польша, и ея права человѣка не превратятся въ прусскую висѣлицу?

По истинѣ, это страшный моментъ для всѣхъ. Національная смерть, или неестественный, судорожный взрывъ національной жизни—тотъ самый демоническій взрывъ, о которомъ мы говорили выше! Патріоты, смѣлость которыхъ имѣетъ извѣстные предѣлы, поступили бы разумнѣе, если бы удалились, подобно Барнаву, наслаждающемуся короткимъ семейнымъ счастьемъ въ Греноблѣ. Патріоты же, смѣлость которыхъ не имѣетъ предѣловъ, должны скрыться въ подполье и, дерзая на все и всему бросая вызовъ, искать спасенія въ хитрости, въ заговорахъ съ цѣлью возстанія. Роланъ и молодой Бар-

---

[1]) Madame Roland, II, 115.

бару разложили передъ собой карту Франціи и, по словамъ Барбару, „со слезами" смотрятъ на находящіяся на ней рѣки и горныя цѣпи; они хотятъ отступить за Луару, защищать овернскіе горные лабиринты, спасти хотя небольшую часть священной территоріи свободы и умереть, по крайней мѣрѣ, въ ея послѣднемъ рвѣ. Лафайетъ пишетъ энергичное письмо къ законодательному собранію, направленное противъ якобинцевъ [1]), но оно не можетъ исцѣлить неисцѣлимое.

Впередъ, о вы, патріоты, храбрость которыхъ не знаетъ предѣловъ! Теперь вамъ приходится дѣйствовать или умереть. Парижскія секціи засѣдаютъ въ глубокомъ раздумьи и посылаютъ депутаціи за депутаціями въ залу Манежа съ петиціями и изобличеніями. Великъ ихъ гнѣвъ противъ тиранническаго veto, противъ австрійскаго комитета и соединенныхъ киммерійскихъ королей. Но что толку въ этомъ? Законодательное собраніе прислушивается къ „набату нашихъ сердецъ", удостаиваетъ насъ чести засѣданій, смотритъ, какъ мы съ бахвальствомъ и шумомъ проходимъ по залу, но лагерь Двадцати Тысячъ и постановленіе о священникахъ, отмѣненные королевскимъ veto, стали для законодательнаго собранія невозможными. Пламенный Изнаръ говоритъ: „У насъ будетъ равенство, хотя бы намъ пришлось сойти за него въ могилу". Верньо высказываетъ гипотетически свои грозныя Іезекіиловы видѣнія о рокѣ анти-національныхъ королей. Но вопросъ въ томъ: уничтожатъ ли veto, гипотетическія пророчества, въ соединеніи съ бахвальствомъ, или же veto, будучи въ безопасности въ Тюльерійскомъ дворцѣ, останется несокрушимымъ? Барбару, утеревъ слезы, пишетъ въ марсельскій муниципалитетъ, чтобы ему прислали „шестьсотъ человѣкъ, умѣющихъ умирать, qui savent mourir" [2]). Посланіе пишется не съ влажными, а съ пламенными глазами,—и ему повинуются!

Тѣмъ временемъ подошло 20 іюня, годовщина прославившейся на весь міръ клятвы въ залѣ Игры въ Мячъ, и, какъ слышно, нѣкоторые граждане намѣреваются въ этотъ день посадить un Mai или дерево Свободы на террасѣ фельянтинцевъ въ Тюльерійскомъ саду, и, быть можетъ, также подать петицію законодательному собранію и королю относительно двухъ veto,—со всѣми демонстраціями и эволюціями, какія только окажутся пригодны и возможны. Такъ поступали уже отдѣльныя секціи; но что, если бы онѣ при такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ пошли въ Тюльери всѣ, или большая часть ихъ, и посадили бы тамъ свое майское дерево и набатъ забилъ бы въ ихъ сердцахъ?

Среди друзей короля можетъ быть только одно мнѣніе относительно этого шага, среди друзей народа мугутъ быть два! Съ одной стороны, не окажется ли возможнымъ отпугнуть эти проклятыя veto. Тайные патріоты и даже депутаты законодательнаго собранія могутъ имѣть каждый свое мнѣніе, или не имѣть никакого; но самая тяжелая задача выпадаетъ, очевидно, на долю мэра Петіона и муниципальнаго совѣта, патріотовъ и въ то же время охранителей общественнаго спокойствія. Одной рукой стараться затушить дѣло, другой раздуть его! Мэръ Петіонъ и муниципалитетъ могутъ склоняться на эту сторону, управленіе департаментовъ съ прокуроромъ синдикомъ Редереромъ, придерживающіеся направленія фельяновъ, могутъ склоняться на другую. Въ общемъ, всѣмъ придется поступать сообразно со своимъ однимъ или со своими двумя мнѣніями; и всякаго рода вліянія, офиціальныя представленія перекрещиваются самымъ нелѣпымъ образомъ. Можетъ быть, въ концѣ концовъ, проектъ желательный, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и нежелательный, разсѣется самъ собою, разбившись о столько осложненій, и превратится въ ничто.

Не тутъ-то было: двадцатаго іюня утромъ большое дерево Свободы, именно ломбардскій тополь, лежитъ на виду, привязанное къ телѣгѣ, въ предмѣстьи Сентъ-Антуанъ. Собирается и предмѣстье Сенъ-Марсо, на крайнемъ юго-востокѣ, и

---

[1]) Moniteur засѣданіе 18 іюня 1792 г.

[2]) Barbaroux, p. 40.

вся отдаленная восточная окраина; собираются мужчины и женщины съ пиками, и невооруженные любопытные—съ самыми что ни на есть мирными намѣреніями. Является муниципальный совѣтникъ въ трехцвѣтномъ шарфѣ и говоритъ съ народомъ. Молчи, скажемъ мы ему; все мирно, согласно закону: развѣ петиціи и патріотическія майскія деревья не дозволены? Трехцвѣтный муниципалъ удаляется, ничего не добившись; струйки санкюлотовъ продолжаютъ притекать, соединяясь въ ручьи; около полудня къ западу направляется уже внушительная рѣка или совокупность все прибывающихъ рѣкъ, предводимыхъ длиннымъ Сантерромъ въ синемъ мундирѣ и длиннымъ Сенъ-Гюрюжемъ въ бѣлой шляпѣ.

Какихъ только процессій мы ни видѣли: Corpus Christi и Лежандра въ его кабріолетѣ; кости Вольтера, везомыя волами и возницами въ римскихъ костюмахъ; празднества Шато-Вье и Симонно; похороны Гувіона, мнимыя похороны Руссо и крещеніе Петіонъ-Націи-Пики! Тѣмъ не менѣе, эта процессія имѣетъ свой особый характеръ. Трехцвѣтныя ленты развѣваются на поднятыхъ пикахъ; окованныя желѣзомъ палки и не мало эмблемъ, среди которыхъ особенно выдаются двѣ, трагическаго и не трагическаго значенія: бычье сердце, пронзенное желѣзнымъ остріемъ, съ надписью: „Coeur d'Aristocrate, сердце аристократа", и другая еще поразительнѣе, собственно, знамя шествія: пара старыхъ черныхъ панталонъ (говорятъ, шелковыхъ), растянутыхъ на крестообразныхъ палкахъ, высоко надъ головами, съ слѣдующими достопамятными словами: „Tremblez tyrans, voila les sansculottes! трепещите тираны, вотъ санкюлоты!" Процессія тащитъ съ собою двѣ пушки.

Муниципальные совѣтники въ трехцвѣтныхъ шарфахъ снова встрѣчаютъ ее на набережной Сенъ-Бернаръ, и серьезно убѣждаютъ, приказавъ остановиться. Успокойтесь, добродѣтельные муниципальные совѣтники, мы мирные, какъ воркующій голубь. Посмотрите на наше майское дерево залы Игры въ Мячъ. Петиція законна; а что касается до оружія, то развѣ верховное законодательное собраніе не приняло такъ называемыхъ Восемь тысячъ съ оружіемъ, хотя они и были фельянтинцы? Развѣ наши пики не изъ національнаго желѣза? Законъ намъ отецъ и мать, и мы не хотимъ оскорблять его, но патріотизмъ—наша собственная душа. Мы настроены мирно, добродѣтельные муниципальные совѣтники,—а впрочемъ, намъ время дорого. Остановиться мы не можемъ, идите и вы съ нами.—Черные панталоны нетерпѣливо колышутся, колеса пушекъ громыхаютъ, тысяченогая рать движется дальше.

Какъ она достигла Зала Манежа, подобно все растущей рѣкѣ; какъ ее, послѣ долгихъ преній, впустили; какъ она прочитала свой адресъ и прошла танцуя, съ пѣніемъ ça-ira, подъ предводительствомъ длиннаго зычно-голосаго Сантерра и такого же длиннаго и голосистаго Сенъ-Гюрюжа; какъ она растеклась, уже не растущей рѣкой, а замкнутымъ Каспійскимъ моремъ, по всему пространству Тюльерійскаго сада; какъ передніе патріоты, тѣснимые задними къ желѣзнымъ перекладинамъ рѣшетокъ, рисковали быть задавленными, и вдобавокъ, должны были смотрѣть въ страшныя жерла пушекъ, ибо кругомъ стояли національные батальоны; какъ трехцвѣтные муниципальные совѣтники и патріоты суетились съ входными билетами; и ихъ величества сидѣли во внутреннихъ аппартаментахъ, окруженные людьми въ черномъ, — все это человѣческая фантазія можетъ себѣ представить, а желающіе могутъ прочесть въ старыхъ газетахъ, и въ Хроникѣ пятидесяти дней синдика Редерера [1]).

Наше Майское Дерево посажено, если не на террасѣ фельянскаго монастыря, куда нѣтъ доступа, то въ саду капуциновъ, т. е. на столько близко, насколько оказалось возможнымъ. Національное собраніе отложило свое засѣданіе до вечера: можетъ быть, это разлившееся море, не находя доступа, вернется къ своимъ источникамъ и мирно исчезнетъ? Увы, нѣтъ еще; задніе все еще напираютъ;

---

[1]) Roederer (Hist. Parl. XV, 98—194).

смотрятъ другъ на друга: „Вотъ это—я; но, ради самого неба, развѣ это ты?“—и отступаютъ, не зная, что дѣлать далѣе. Однако, разъ несообразности признали себя несообразными, то что нибудь изъ этого должно же выйти. Судьбѣ извѣстно, что именно. Таково было это всемірно-знаменитое Двадцатое Іюня, заслуживающее названія Дня „Процессіи черныхъ брюкъ.“—На этомъ мы, пожалуй, можемъ довольно прилично закончить наше описаніе перваго французскаго двухлѣтняго парламента, его дѣятельности и результатовъ ея.

КНИГА VI.

Марсельцы.

ГЛАВА I.

Не дѣйствующая исполнительная власть.

Могло ли такое Двадцатое Іюня какимъ нибудь образомъ „привести въ дѣйствіе" парализованную исполнительную власть? Совсѣмъ напротивъ: всюду среди конституціоналистовъ выражается большое сочувствіе тяжко-оскорбленному королю, выражается въ адрессахъ, петиціяхъ, въ „Петиціи двадцати тысячъ жителей Парижа", и ей подобныхъ; происходить рѣшительное соединеніе вокругъ трона.

Можно думать, что король Людовикъ могъ бы сдѣлать что нибудь изъ такого настроенія. Однако, онъ не дѣлаетъ изъ него ничего, даже не пытается сдѣлать; взоры его обращены вдаль, мимо симпатій и поддержки у себя дома: преимущественно, въ Кобленцъ. Да, въ сущности, эта симпатія сама по себѣ не многаго и стоитъ. Это симпатія людей, все еще вѣрящихъ, что конституція можетъ наладиться. Поэтому старый разладъ и броженіе, или симпатія фельянтинцевъ къ королю и якобинцевъ къ отечеству снова вооружаются другъ противъ друга внутри, наряду со страхомъ передъ Кобленцемъ и Брауншвейгомъ, дѣйствующими снаружи,—этотъ разладъ и броженіе должны идти своимъ путемъ, пока не созрѣетъ и не наступитъ катастрофа. Въ виду того, что Брауншвейгскій герцогъ готовъ выступить въ походъ, можно полагать, что катастрофа уже недалека. За дѣло же вы двадцать пять милліоновъ французовъ, и вы, иностранные монархи, угрожающіе эмигранты, германскіе экзерцирмейстеры; пусть каждый дѣлаетъ, что можетъ! А ты, читатель, на такомъ надежномъ разстояніи, посмотришь, что они между собой изъ этого сдѣлаютъ.

Слѣдуетъ, поэтому, разсматривать это достойное сожалѣнія Двадцатое Іюня, какъ незначительное событіе: не катастрофа, а вѣрнѣе катастазъ или высшая ступень напряженія. Развѣ Черные Панталоны этого Двадцатаго Іюня не развѣваются въ историческомъ воображеніи подобно меланхолическому флагу отчаянія, умоляя о помощи, которой не можетъ оказать ни одинъ смертный? Умоляя о состраданіи, отказать въ которомъ, кому бы то ни было, было бы жестокосердіемъ! Пронесутся и другіе такіе флаги черезъ историческое воображеніе, или такъ называемыя событія, мрачныя или яркія символическія явленія, и мы отмѣтимъ ихъ одно за другимъ, какъ можно короче.

Первое явленіе, черезъ недѣлю и одинъ день,—это Лафайетъ у барьера собранія. Услышавъ о скандальномъ Двадцатомъ Іюня онъ немедленно покинулъ свою армію на сѣверной границѣ—неизвѣстно, въ худшемъ ли или въ лучшемъ порядкѣ—и пріѣхалъ 28-го числа въ Парижъ, чтобы усмирить якобин-

цевъ: не письмами теперь, а устными увѣщаніями и силой своего характера, ставъ къ нимъ лицомъ къ лицу. Высокое собраніе находитъ этотъ шагъ сомнительнымъ, оказываетъ ему, однако, честь засѣданія [1]). Другихъ почестей или успѣховъ на его долю, къ сожалѣнію, почти не выпадаетъ; всѣ галлереи ворчатъ; пламенный Изнаръ мраченъ, язвительный Гаде не скупится на сарказмы.

А снаружи, по окончаніи засѣданія, сьеръ Рессонъ, владѣлецъ патріотскаго кафе въ этой мѣстности, слышитъ на улицѣ шумъ и выходитъ со своими патріотическими завсегдатаями посмотрѣть, что это значитъ: это проѣзжаетъ коляска Лафайета съ шумнымъ эскортомъ синихъ гренадеръ, канонировъ, даже линейныхъ офицеровъ, гарцующихъ кругомъ него съ криками ура. Они останавливаются противъ двери Рессона, киваютъ въ его сторону плюмажами, даже потрясаютъ кулаками и ревутъ „A bas les Jacobins“ (долой якобинцевъ), но, по счастью, безъ нападенія. Проѣхавъ, они сажаютъ Майское Дерево передъ дверью генерала и производятъ значительное буйство. Все это сьеръ Рессонъ съ горестью сообщаетъ въ тотъ же вечеръ въ якобинскомъ клубѣ [2]). Но Рессонъ и якобинцы могутъ только догадываться, что въ то же самое время совѣтъ изъ заядлыхъ фельянтинцевъ, неуничтоженный гвардейскій штабъ и все, что имѣетъ какой нибудь вѣсъ и положеніе, тайно обсуждаетъ у генерала вопросъ: нельзя ли устранить якобинцевъ силой? На слѣдующій день, въ Тюльерійскомъ саду долженъ произойти смотръ тѣхъ, кто вызовется сдѣлать такую попытку. Увы, говоритъ Тулонжонъ, вышло едва сто человѣкъ. Смотръ откладывается на день, чтобы освѣдомить о немъ побольше людей. На утро, въ субботу, выходитъ „какихъ нибудь три десятка“, которые расходятся, пожимая плечами! [3]) Лафайетъ поспѣшно садится снова въ коляску и возвращается, размышляя о многихъ вещахъ.

Еще парижская пыль не слетѣла съ его колесъ и лѣтнее воскресенье только что наступило, какъ депутація кордельеровъ вырываетъ его Майское Дерево, а до заката солнца патріоты сжигаютъ его изображеніе. Въ секціяхъ и въ національномъ собраніи все громче и громче высказываются сомнѣнія о законности такого непрошеннаго анти-якобинскаго визита со стороны генерала; сомнѣніе растетъ и недѣль черезъ шесть распространяется по всей Франціи въ сопровожденіи безконечныхъ разговоровъ о захватывающихъ власть солдатахъ, объ англійскомъ Монкѣ, даже о Кромвелѣ; бѣдный Грандисонъ-Кромвель!— Что толку? Самъ король Людовикъ отнесся холодно къ предпріятію Лафайета: колоссальный герой двухъ міровъ, взвѣсившись на вѣсахъ, находитъ, что онъ сталъ паутиннымъ колоссомъ послѣ того, какъ къ нему присоединилось всего какихъ нибудь три десятка. Въ такомъ же смыслѣ и съ такимъ же исходомъ дѣйствуетъ наше управленіе департаментовъ въ Парижѣ, которое беретъ на себя, 6-го іюля, отстраненіе мэра Петіона и прокурора Манюэля отъ всѣхъ гражданскихъ обязанностей, по случаю ихъ поведенія, полнаго, какъ утверждаютъ, упущеній и погрѣшностей, въ щекотливый день Двадцатаго Іюня. Добродѣтельный Петіонъ видитъ въ себѣ нѣкотораго рода мученика, или псевдо-мученика, которому угрожаетъ множество опасностей, разражается подобающими героическими жалобами, на что патріотическій Парижъ и патріотическое законодательное собраніе отвѣчаютъ также подобающимъ образомъ. Король Людовикъ и мэръ Петіонъ имѣли уже свиданіе по дѣлу Двадцатаго Іюня; свиданіе и разговоръ, отличавшійся откровенностью съ обѣихъ сторонъ и кончившійся, со стороны короля Людовика, словами: „Taisez-vous, замолчите!“

Впрочемъ, это устраненіе мэра оказывается мѣрой несвоевременной. По несчастной случайности, оно пришлось какъ разъ въ годовщину знаменитаго Baiser de l'amourette, или чудеснаго примирительнаго поцѣлуя Далилы, о

---

[1]) Moniteur, Seance du 28 juin 1792.

[2]) Debats des Jacobins (Hist. Parl. XV, 235).

[3]) Toulongeon, II, 180. См. Dampmartin II, 161.

которомъ мы говорили выше. Поцѣлуй Далилы не имѣлъ, какъ видимъ, должнаго результата. Его величеству пришлось чуть ли не въ ту же ночь писать примиренному собранію и спрашивать совѣта! Примиренное собраніе не желаетъ давать совѣта, не хочетъ вмѣшиваться. Король утверждаетъ отставку. Теперь, пожалуй, но не раньше, собраніе захочетъ вмѣшаться, такъ какъ шумъ патріотическаго Парижа все усиливается. Вслѣдствіе этого поцѣлуй Далилы,—такова была судьба перваго парламента,—превратился въ битву филистимлянъ!

Ходятъ даже слухи, что не менѣе тридцати главныхъ патріотическихъ сенаторовъ будутъ заключены въ тюрьму по приказу и обвиненію фельянтинскихъ мировыхъ судей, Juges de Paix, которые здѣсь, въ Парижѣ, пожалуй, на это способны. Только въ послѣдній день мая Juge de Paix Ларивьеръ, по жалобѣ Бертранъ де Молевилля касательно австрійскаго комитета имѣлъ смѣлость издать приказъ объ арестѣ трехъ главарей Горы, депутатовъ Базира, Шабо и Мерлена, тріо кордельеровъ; онъ вызвалъ ихъ къ себѣ и потребовалъ, чтобы они указали, гдѣ находится означенный комитетъ, или подверглись послѣдствіямъ этого оговора. Тріо же, съ своей стороны, имѣло смѣлость бросить этотъ приказъ въ огонь, и храбро сослалось на парламентскую привилегію свободы слова. Такъ что, за свое усердіе, не опирающееся на знаніе, бѣдный судья Ларивьеръ сидитъ теперь въ Орлеанской тюрьмѣ, дожидаясь приговора мѣстнаго Haute Cour. Не напугаетъ ли его примѣръ другихъ опрометчивыхъ судей, и не останется ли, поэтому, слухъ о тридцати арестахъ только слухомъ?

Но, хотя Лафайетъ и оказался такимъ легковѣснымъ, и Майское дерево его вырвали съ корнемъ, однако офиціальный фельянтизмъ ни мало не колеблется и высоко держитъ голову, сильный буквой закона. Всѣ эти люди—фельянтинцы и власти фельянтинскія, опирающіяся на свое высокое происхожденіе и тому подобное и имѣющія своимъ предсѣдателемъ герцога де Ла-Рошфуко—обстоятельство, которое окажется для него опаснымъ. Нѣкогда яркая англоманія этихъ красующихся аристократовъ теперь потускнѣла. Герцогъ де Ліанкуръ изъ Нормандіи, гдѣ онъ занимаетъ постъ намѣстника, вызывается не только принять его величество, если онъ вздумаетъ бѣжать туда, но и ссудить ему денегъ въ огромномъ количествѣ. Sire, это не бунтъ, а революція, и по истинѣ, не на розовой водицѣ! Болѣе достойныхъ дворянъ, чѣмъ эти двое, не было ни во Франціи, ни въ Европѣ, но времена такія смутныя быстромѣняющіяся, извращенныя, что неизвѣстно, приведетъ ли къ цѣли и самая прямая дорога. Другой фазисъ, который мы отмѣчаемъ въ эти первые іюльскіе дни, заключается въ томъ, что нѣкоторыя, небольшія кучки союзныхъ національныхъ добровольцевъ направляются изъ различныхъ пунктовъ въ Парижъ, чтобы отпраздновать тамъ, 14-го числа, новый федеративный праздникъ или Праздникъ Пикъ. Такъ пожелало національное собранье; такъ захотѣлъ народъ. Такимъ путемъ мы, можетъ быть, еще будемъ имѣть нашъ Лагерь Патріотовъ, не смотря на veto,—потому что, развѣ не могутъ эти федераты, отпраздновавъ свой Праздникъ Пикъ, двинуться на Суассонъ, и тамъ, обучившись и зачислившись въ полки, устремиться къ границамъ, или куда заблагоразсудится? Такимъ образомъ, одно veto было бы ловко обойдено!

Другое veto, касающееся священниковъ, также обходится, и безъ особыхъ хитростей. Провинціальныя собранія, какъ напримѣръ, въ Кальвадосѣ, дѣйствуя на свой страхъ, судятъ и изгоняютъ анти-національныхъ священниковъ. Или, что еще хуже: озлобленный народъ, помимо провинціальнаго собранія, какъ было въ Бордо, „вѣшаетъ двухъ изъ нихъ на фонарѣ“, по дорогѣ въ судъ [1]). Достойно жалости словесное veto, когда оно не можетъ стать дѣйственнымъ!

Правда, нѣкій призракъ военнаго министра или министра внутреннихъ дѣлъ данной минуты—призракъ, котораго мы не назовемъ—пишетъ муниципа-

---

[1]) Hist. Parl. XVI, 259.

литетамъ и командирамъ войскъ, чтобы они, всѣми возможными способами, препятствовали федераціи, и даже возвращали федератовъ силой оружія; но это посланіе только распространяетъ сомнѣніе, неувѣренность и смятеніе, сердитъ бѣдное законодательное собраніе и дробитъ федератовъ на мелкія кучки. Но и этотъ, и другіе призраки будучи спрошены, о томъ, что они предлагаютъ сдѣлать для спасенія страны, отвѣчаютъ, что они не могутъ этого сказать; что вообще они, съ своей стороны, сегодня утромъ въ полномъ составѣ подали въ отставку, и теперь всѣ почтительно откланиваются и оставляютъ кормило правленія. Съ этими словами они поспѣшно выходятъ изъ зала, sortent brusquement de la salle; галлереи громко аплодируютъ, а бѣдное законодательное собраніе сидитъ „довольно долго въ молчаніи!“ [1]) Такимъ образомъ, министры въ крайнихъ случаяхъ вступаютъ въ стачку—одно изъ наиболѣе странныхъ предзнаменованій. Другого полнаго кабинета министровъ не будетъ; одни обломки, да и тѣ непостоянные, и никогда не доходящіе до полнаго состава; призрачныя видѣнія, которыя не могутъ даже и появиться! Король Людовикъ пишетъ, что теперь онъ относится къ федеративному празднику съ одобреніемъ, и самъ будетъ имѣть удовольствіе принять въ немъ участіе.

И вотъ, эти маленькія кучки федератовъ направляются въ Парижъ черезъ парализованную Францію. Это маленькія озлобленныя шайки, а не плотные, веселые ряды, шедшіе нѣкогда на первый праздникъ Пикъ! Нѣтъ: эти бѣдные федераты идутъ теперь навстрѣчу Австріи и австрійскому комитету, навстрѣчу опасностямъ и потерянной надеждѣ; это люди, закаленные жизнью и твердаго характера, не богатые благами этого міра. Муниципалитеты, парализованные военнымъ министромъ, боятся давать имъ деньги; случается, что бѣдные федераты не могутъ вооружиться, не могутъ идти, пока мѣстное филіальное общество якобинцевъ не откроетъ своего кармана и не устроитъ въ пользу ихъ подписки. Въ назначенный день ихъ едва прибываетъ три тысячи. И все же, какъ ни жидки и слабы эти кучки федератовъ, все же они представляютъ единственное, что можно отмѣтить, какъ нѣчто движущееся съ нѣкоторой цѣлесообразностью на этой странной сценѣ. Остальное представляетъ злобное жужжаніе и кипѣнье, безпокойное подергиванье и стоны огромной Франціи, которая точно зачарована своей неналаживающейся конституціей и погружена въ ужасный полу-сознательный, полу-безсознательный магнетическій сонъ; и этотъ страшный магнетическій сонъ долженъ рано или поздно разрѣшиться однимъ изъ двухъ: смертью или безуміемъ. Федераты большей частью несутъ въ карманахъ какую нибудь серьезную жалобу и петицію о побужденіи къ дѣятельности „исполнительной власти“, или—какъ шагъ въ этомъ направленіи—о низложеніи, Déchéance, короля, или, по крайней мѣрѣ, объ отстраненіи его. Законодательное собраніе и мать патріотизма будутъ имъ рады, и Парижъ позаботится о расквартированіи ихъ.

Низложеніе—а что же далѣе? Франція освобождена отъ злыхъ чаръ, революція спасена, а все остальное приложится, отвѣчаютъ мрачный Дантонъ и крайніе патріоты изъ глубины своего подполья, въ которое они теперь погрузились и гдѣ составляютъ заговоры. Низложеніе, отвѣчаетъ Бриссо съ умѣренными патріотами, а затѣмъ можетъ быть коронованъ маленькій королевскій принцъ и надъ нимъ поставлено регентство изъ жирондистовъ и призваннаго обратно патріотическаго министерства. Увы, бѣдный Бриссо, ты смотришь, какъ въ сущности и всѣ мы, жалкіе люди, на слѣдующее утро, какъ на мирную обѣтованную землю; рѣшаешь вопросъ до конца міра, хотя пониманія твоего хватаетъ не дальше собственнаго носа! Крайніе, подпольные патріоты умнѣе: они ясно понимаютъ значеніе даннаго момента и оставляютъ прочее на волю боговъ.

И не будетъ ли, при теперешнемъ положеніи дѣлъ, самымъ вѣроятнымъ исходомъ то, что Брауншвейгъ, какъ разъ собирающій свои огромные члены въ

---

[1]) Moniteur, Séance du 10 juillet 1792.

Кобленцѣ, чтобы подняться, прибудетъ раньше и положитъ конецъ всѣмъ проектамъ и разсужденіямъ о низложеніи? Брауншвейгъ намѣревается двинуться, какъ говорятъ, съ восемьюдесятью тысячами человѣкъ, со злобными пруссаками, гессенцами и еще болѣе злобными эмигрантами. Подумайте: генералъ великаго Фридриха и съ такой арміей! А наши арміи? А наши генералы? Что касается до Лафайета, по поводу послѣдняго визита котораго засѣдаетъ комитетъ и вся Франція волнуется и высказываетъ порицаніе, то онъ, повидимому, скорѣе готовъ сражаться съ нами, чѣмъ съ Брауншвейгомъ. Люкнеръ и Лафайетъ говорятъ, что помѣняются корпусами, и производятъ движенія, которыхъ патріотизмъ не можетъ понять. Ясно только одно, что ихъ корпуса маршируютъ и передвигаются внутри страны, гораздо ближе къ Парижу, чѣмъ раньше! Люкнеръ требуетъ къ себѣ Дюмурье, находящагося въ Мольдѣ, въ мѣстномъ укрѣпленномъ лагерѣ; на что этотъ мужъ совѣта отвѣчаетъ, что такъ какъ австрійцы близко, и онъ занятъ обученіемъ нѣсколькихъ тысячъ людей, чтобъ сдѣлать изъ нихъ годныхъ солдатъ, то онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ повиноваться этому приказанію, что бы изъ этого ни вышло [1]). Санкціонируетъ ли злосчастное законодательное собраніе поведеніе Дюмурье, который обращается къ нему, „не зная, существуетъ ли военное министерство?“ Или оно санкціонируетъ поведеніе Люкнера и эти передвиженія Лафайета?

Герцогъ Карлъ Брауншвейгскій.

Это бѣдное собраніе не знаетъ, что дѣлать. Оно постановляетъ, однако, что штабъ парижской гвардіи и вообще всѣ такіе штабы, большей частью состоящіе изъ фельянтинцевъ, должны быть распущены и замѣнены. Оно серьезно ставитъ вопросъ, въ какой формѣ слѣдуетъ объявить отечество въ опасности. И, наконецъ, 11-го іюля утромъ, въ тотъ день, когда министерство прекратило работу, оно постановляетъ, что отечество, со всей поспѣшностью, должно быть объявлено въ опасности. Пусть теперь король санкціонируетъ это заявленіе; пусть муниципалитетъ принимаетъ мѣры: если такое заявленіе можетъ помочь, то за нимъ не должно быть остановки.

Отечество, дѣйствительно, въ такой опасности, въ какой едвали бывала какая нибудь страна. Вставай, Франція, если не хочешь превратиться въ постыдную развалину! Однако, развѣ не сто шансовъ противъ одного, что никакое поднятіе не спасетъ ее, когда Брауншвейгъ, эмигранты и феодальная Европа уже такъ близко?

ГЛАВА II.

Въ походъ!

Но для насъ самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ движущихся явленій представляются „Шестьсотъ умѣющихъ умирать марсельцевъ“ Барбару.

Немедленно по полученіи его просьбы марсельскій муниципалитетъ собралъ этихъ людей; пятаго іюля утромъ, городской совѣтъ говоритъ имъ: „Marchez, abattez le Tyran, Ступайте, свергните деспота“ [2]), и они, рѣшительно

[1]) Dumouriez, II, 1, 5.
[2]) Dampmartin, II. 183.

сказавъ: „Marchons!“ уходятъ. Длинный путь, сомнительное порученіе. Enfants de la Patrie, (Сыны отечества), пусть добрый геній будетъ вашимъ путеводителемъ! Ихъ собственныя дикія сердца и наполняющая ихъ вѣра поведутъ ихъ, а развѣ это не равносильно внушенію генія, болѣе или менѣе добраго? Ихъ пятьсотъ семнадцать сильныхъ человѣкъ, раздѣленныхъ на полусотни и десятки съ начальниками надъ каждымъ отрядомъ. Всѣ они хорошо вооружены, съ мушкетами на плечѣ и саблями на боку; они даже везутъ съ собой три пушки, потому что неизвѣстно, какія препятствія могутъ встрѣтиться на пути. Есть городскія общины, парализованныя военнымъ министромъ; есть коменданты, получившіе приказаніе задерживать даже федеральныхъ добровольцевъ; на случай, если здравые доводы не откроютъ городскихъ воротъ, хорошо имѣть про запасъ гранату, чтобы разнести ихъ! Они покинули свой лучезарный фокейскій городъ и морскую гавань съ ихъ суетой и цвѣтами; кишащую народомъ Course съ ея аллеями высокихъ деревьевъ, смолистыя корабельныя верфи, миндальныя и оливковыя рощи, апельсинныя деревья надъ кровлями домовъ и сверкающія бѣлизной мызы, вѣнчающія холмы,—все осталось далеко позади. Они продолжаютъ свой безумный путь съ самой окраины французской земли, черезъ незнакомые города, навстрѣчу невѣдомой судьбѣ, но съ цѣлью, имъ извѣстной.

Мы дивимся, что въ мирномъ торговомъ городѣ находится столько хозяевъ, или людей, имѣющихъ собственный очагъ, которые бросаютъ свои занятія и орудія труда, вооружаются и пускаются въ путь за шестьсотъ миль, чтобы „свергнуть деспота“; мы ищемъ объясненій этого факта въ историческихъ книгахъ, памфлетахъ и газетахъ, но, къ сожалѣнію, безуспѣшно. Слухи и страхи предшествуютъ этому походу, эхо ихъ доносится еще до насъ; самый же походъ остается совершенно неизвѣстнымъ. Веберъ слыхалъ на заднихъ лѣстницахъ Тюльери, что эти марсельцы просто каторжники, бѣжавшіе съ галеръ, и всякого рода жулики; когда они проходили черезъ Ліонъ, люди закрывали лавки и въ общемъ ихъ было около четырехъ тысячъ. Также неопредѣленно высказывается и Бланъ Жилли, который тоже бормочетъ что-то о каторжникахъ и опасности грабежа [1]). Но это не были ни каторжники, ни грабители, и опасности грабежа не существовало. Едвали были они и людьми регулярнаго образа жизни, или съ туго набитыми кошельками; но и требовалось отъ нихъ только одно: „умѣнье умирать“. Другъ Даммартенъ видѣлъ собственными глазами, какъ они „постепенно“ проходили черезъ его стоянку въ Вилльфраншѣ въ Божоле; но онъ видѣлъ ихъ только мелькомъ, будучи въ то время самъ занятъ своимъ предстоящимъ походомъ за Рейнъ. Глубоко было его удивленіе при мысли о походѣ этихъ людей безъ жалованья, безъ распоряженій, безъ стоянокъ и раціоновъ; впрочемъ, онъ помнилъ, что это „тѣ самые безупречно вѣжливые люди, которыхъ онъ видѣлъ раньше“, во время безпорядковъ на югѣ; солдатъ его нельзя было удержать отъ разговоровъ съ ними [2]).

Вотъ какъ сбивчивы всѣ эти свѣдѣнія; Moniteur, Histoire Parlementaire почти безмолвствуютъ объ этомъ предметѣ: болтливая исторія, по обыкновенію, не говоритъ ничего, какъ разъ тогда, когда мы больше всего желали бы ее слышать! Если когда нибудь просвѣщенной любознательности удастся заглянуть въ архивы марсельскаго городского совѣта, то, можетъ быть, она разслѣдуетъ эту необычайнѣйшую изъ муниципальныхъ процедуръ. И не признаетъ ли она своимъ долгомъ извлечь изъ достовѣрныхъ или недостовѣрныхъ біографій этихъ пятисотъ семнадцати марсельцевъ то, чего не успѣла еще безповоротно унести рѣка времени?

Такъ, какъ обстоитъ дѣло, эти марсельцы остаются нечленораздѣльной, неразличимой въ отдѣльности хмурой массой, преисполненной мрачнаго огня, идущей подъ знойнымъ южнымъ небомъ. Странное зрѣлище! Вокругъ безконеч-

---

[1]) Barbaroux, Memoires (Notes, p. 40, I).

[2]) Dampmartin, см. выше.

ныя сомнѣнія, грозныя опасности, а эти люди идутъ; одни они не поддаются сомнѣнію; рокъ и феодальная Европа рѣшительно надвигаются извнѣ; а эти люди также рѣшительно идутъ изнутри. Запыленные, скудно питаясь, они по-

Марсельеза: Руже де Лилль поетъ въ первый разъ марсельезу у мэра г. Страсбурга.

двигаются съ трудомъ, но неутомимо и неуклонно. Походъ этотъ станетъ знаменитымъ. Вдохновенный полковникъ, Руже де Лилль, который живъ и по сіе время [1]), переложилъ мысль, безгласно дѣйствующую въ этой хмурой массѣ, въ мрач-

[1]) A. D. 1836.

ную мелодію, въ Гимнъ или Маршъ Марсельезу: одну изъ удачнѣйшихъ музыкальныхъ композицій въ мірѣ. Звуки ея будутъ зажигать кровь въ сердцахъ, и цѣлыя арміи и собранія будутъ пѣть ее, со слезами и пламенемъ въ глазахъ, бросая вызовъ смерти деспотамъ и сатанѣ.

Ясно, что марсельцы опоздаютъ на федеральный праздникъ; но они имѣютъ въ виду не присягу на Марсовомъ полѣ. Имъ предстоитъ выполнить совсѣмъ другое дѣло: привести въ дѣйствіе парализованную національную исполнительную власть. Они рѣшились свергнуть всякаго „деспота", всякаго „бездѣйствующаго мученика", который парализуетъ эту власть. Они умѣютъ наносить и получать удары; вообще они чувствуютъ себя хорошо и сумѣютъ умереть.

ГЛАВА III.

Нѣкоторое утѣшеніе человѣчеству.

О самомъ федеральномъ праздникѣ мы почти ничего не скажемъ. На Марсовомъ полѣ раскинуты палатки: палатка для національнаго собранія, палатка для наслѣдственнаго представителя—который, дѣйствительно, пріѣзжаетъ, но слишкомъ рано и долженъ долго дожидаться. Здѣсь восемьдесятъ три символическихъ дерева Свободы отъ департаментовъ, много и Майскихъ деревьевъ. Самое красивое изъ нихъ, огромное Майское дерево, обвѣшанное гербовыми щитами и родословными таблицами, даже мѣшками съ судебными актами, „Sacs de procédure", которые должны быть сожжены. Тридцать рядовъ мѣстъ на знаменитомъ откосѣ опять полны; блещетъ яркое солнце, и народъ стекается съ развѣвающимися флагами, подъ звуки трубъ. Но что пользы отъ этого? Добродѣтельный мэръ Петіонъ, смѣщенный фельянтинцами, возвращенъ на прежній постъ только наканунѣ вечеромъ, постановленіемъ собранія. Настроеніе народа самое недовольное. На шляпахъ мѣломъ написано: „Vive Pétion", и даже „Петіонъ или смерть, Pétion ou la Mort".

Бѣдный Людовикъ, прождавшій до пяти часовъ, пока не прибыло національное собраніе, произноситъ національную присягу, на этотъ разъ въ стеганой кирасѣ, подъ камзоломъ, въ защиту отъ ружейныхъ пуль [1]). Г-жа Сталь вытягиваетъ шею изъ королевской палатки, въ смертельномъ страхѣ, что эта колышущаяся толпа, встрѣчающая короля, не отпуститъ его обратно живымъ. Крикъ „Vive le Roi" не ласкаетъ болѣе его слуха; кричатъ только Vive Pétion Pétion ou la Mort. Національное торжество, можно сказать, скомкано; всѣ расходятся раньше, чѣмъ программа его кончена. Даже Майское дерево, съ его гербами и мѣшками съ актами, забыто и стоитъ невредимо до тѣхъ поръ, пока „нѣсколько патріотическихъ депутатовъ", призванные народомъ, не подносятъ къ нему факела, и не зажигаютъ въ видѣ добровольнаго дивертисмента. Болѣе грустнаго Праздника Пикъ еще не бывало.

Мэръ Петіонъ, имя котораго читается на шляпахъ, находится въ зенитѣ своей популярности въ эту годовщину Федераціи; за то Лафайетъ почти достигъ надира. Почему въ слѣдующую субботу звонитъ набатъ съ Сенъ-Рока? почему граждане запираютъ лавки? [2]). Это проходятъ секціи, боятся возмущенія. Законодательный комитетъ, долго разсуждавшій о Лафайетѣ и его анти-якобинскомъ визитѣ, доноситъ, въ этотъ день, что „нѣтъ повода для обвиненія!" Тѣмъ не менѣе, успокойтесь, патріоты, и прекратите этотъ набатъ: пренія еще не кончены, донесеніе еще не принято, и Изнаръ, Бриссо и гора будутъ его разсматривать и пересматривать, быть можетъ, еще недѣли три.

---

[1]) Campan, II, 20; De Stael, II, c. 7.

[2]) Moniteur, Séance du 21 juillet, 1792.

Сколько теперь звучитъ колоколовъ, набатовъ и прочихъ тревожныхъ сигналовъ, почти не слышныхъ въ отдѣльности, потому что одинъ заглушаетъ другой. Напримѣръ, въ ту самую субботу, когда раздавался набатъ по поводу Лафайета, звучалъ слабѣе и другой колоколъ, такъ какъ депутація законодательнаго собранія провожала на долгій отдыхъ рыцаря Поля Джонса; набатъ, или погребальный звонъ,—ему теперь все равно! Не прошло десяти дней съ тѣхъ поръ, какъ патріотически настроенныя галлереи восторженно встрѣчали патріота Бриссо, а теперь онъ уже вызываетъ ихъ ропотъ своимъ умѣреннымъ патріотизмомъ; во время его рѣчи въ него даже бросаютъ разными предметами и „попадаютъ двумя сливами" [1]). Это какой-то мятущійся міръ пустого шума, набатовъ, погребальнаго звона, торжества и страха, подъемовъ и паденій.

Тѣмъ трогательнѣе другое торжество, происходящее на другой день послѣ набата по поводу Лафайета: это провозглашеніе отечества въ опасности. До настоящаго воскресенья оно не могло состояться. Законодательное собраніе постановило его уже двѣ недѣли назадъ, но король и призракъ какого то министерства оттягивали его, насколько возможно. Однако, теперь, въ воскресенье 22 іюля 1792 г., они разрѣшаютъ его, и торжество дѣйствительно происходитъ. Трогательное зрѣлище! Муниципалитетъ и мэръ въ шарфахъ, пушечные залпы тревожно громыхаютъ съ Понтъ-Нёфъ, а одиночныя пушки съ перерывами палятъ весь день. Появляются конные гвардейцы, нотабли въ шарфахъ, аллебардщики, и цѣлая кавалькада съ символическими флагами; но особенное вниманіе привлекаетъ одинъ огромный, уныло-хлопающій флагъ съ надписью: „Citoyens, la Patrie est en Danger (Граждане, отечество въ опасности)". Шествіе тянется по улицамъ, подъ звуки мрачно-гремящей музыки и глухой топотъ конскихъ копытъ, останавливаясь на опредѣленныхъ пунктахъ, и каждый разъ, при громкомъ звукѣ трубъ, голосистые герольды возвѣщаютъ уху то, что флагъ говоритъ глазамъ: „Граждане, отечество наше въ опасности!"

Найдется ли человѣческое сердце, которое не содрогнется при этихъ словахъ? Многоголосое отвѣтное жужжанье и ревъ этихъ сонмищъ людей звучатъ не торжествомъ, но звукъ этотъ глубже, чѣмъ звуки торжества. Когда же длинное шествіе и провозглашеніе окончились, когда огромный флагъ былъ укрѣпленъ на Понтъ-Нёфъ, а другой такой же на городской ратушѣ, чтобы развѣваться здѣсь до лучшихъ временъ; когда каждый муниципальный совѣтникъ сидѣлъ въ центрѣ своей секціи, въ палаткѣ, раскинутой на какой нибудь открытой площади, и каждая палатка была увѣнчана флагомъ Patrie en Danger и возвышающейся надъ нимъ пикой съ Bonnet Rouge; и когда передъ досчатымъ столомъ на двухъ барабанахъ, съ лежащей на немъ раскрытой книгой, сидѣлъ писецъ, подобный запечатлѣвающему ангелу, готовый вносить въ списки имена добровольцевъ,—о, тогда, кажется, сами боги съ удовольствіемъ взглянули бы на это зрѣлище! Юные патріоты, въ брюкахъ и безъ оныхъ, на перебой стремятся сюда: вотъ мое имя; имя, кровь и жизнь моя принадлежатъ отечеству; ахъ, зачѣмъ у меня нѣтъ ничего болѣе! Юноши маленькаго роста плачутъ, что не годятся въ строй. Подходятъ старики, держа обѣими руками сыновей. Даже матери хотятъ отдать своихъ рожденныхъ въ мукахъ сыновей и посылаютъ ихъ хотя и со слезами. И толпа реветъ далеко разносящееся: „Vive la Patrie!" Огонь сверкаетъ во всѣхъ глазахъ, — а вечеромъ наши муниципальные совѣтники возвращаются въ городскую ратушу, въ сопровожденіи длинной вереницы храбрыхъ добровольцевъ, вручаютъ свой списокъ и говорятъ горделиво, оглядываясь вокругъ: „Вотъ моя дневная жатва" [2]). По утру добровольцы выступятъ въ Суассонъ съ маленькимъ узелкомъ, заключающимъ всѣ ихъ пожитки.

И вотъ, подобно реву океана, гремящему въ пещерахъ, въ каменномъ Парижѣ неумолкаемо гремятъ крики: „Vive la Partie, vive la Liberté"; день

[1]) Hist Parl. XVI, 185.

[2]) Tableau de la Revolution, § Patrie en Danger.

Отечество въ опасности! Запись волонтеровъ въ 1792 году.

за днемъ муниципальные совѣтники въ трехцвѣтныхъ палаткахъ вносятъ въ списки имена добровольцевъ; на Понтъ-Нёфъ и на городской ратушѣ развѣваются флаги: Citoyens la Patrie est en Danger. Въ нѣсколько дней уходятъ около десяти тысячъ борцовъ не дисциплинированныхъ, но съ полными отваги сердцами. То же самое происходитъ въ каждомъ изъ французскихъ городовъ. Подумайте же, будетъ ли у отечества недостатокъ въ защитникахъ, будь у насъ только національная исполнительная власть? Во всякомъ случаѣ, пусть засѣданія секціи и національнаго собранія сдѣлаются непрерывными! Законодательнымъ постановленіемъ отъ среды 25-го они и дѣлаются такими и засѣдаютъ безпрерывно какъ въ Парижѣ, такъ и во всей Франціи [1]).

Въ противоположность этому, замѣтимъ, какъ въ тѣ же самые часы 25-го іюля въ Кобленцѣ герцогъ Брауншвейгскій „всколыхивается, s'ebranle", и пускается въ путь. Дѣйствительно, всколыхивается; одно сказанное слово вызываетъ общую встряску: одновременный стукъ взбрасываемыхъ на плечо тридцати тысячъ мушкетовъ; ржаніе и топотъ десятитысячной конницы, съ хвастливыми эмигрантами въ авангардѣ, барабаны, литавры, шумъ, плачъ, проклятія и непомѣрный грохотъ двинувшихся вьючныхъ повозокъ и полевыхъ котловъ,—все это означаетъ, что Брауншвейгъ всколыхнулся; безъ всего этого не могутъ идти люди, „покрывающіе пространство въ сорокъ миль", и еще менѣе—безъ манифеста, помѣченнаго, какъ мы сказали, 25-мъ іюля. Этотъ государственный актъ достоинъ вниманія!

Судя по этому документу, можно бы думать, что Францію ожидаютъ великія событія. Весь французскій народъ получитъ теперь позволеніе соединиться вокругъ Брауншвейга и его вельможныхъ эмигрантовъ; тиранія якобинской партіи не будетъ болѣе угнетать его; но онъ долженъ вернуться и снискать милость своего добраго короля, который, королевской деклараціей (три года тому назадъ) двадцать третьяго іюня, сказалъ, что онъ самъ сдѣлаетъ свой народъ счастливымъ. Что касается до національнаго собранія и другихъ учрежденій, облеченныхъ нѣкоторой тѣнью временной власти, то онѣ обязываются сохранять королевскіе города и крѣпости въ неприкосновенности, пока Брауншвейгъ не придетъ и не приметъ ихъ. Вообще, быстрое подчиненіе можетъ смягчить многое, но для этого оно должно быть быстрымъ. Со всякимъ національнымъ гвардейцемъ или другимъ, не военнымъ лицомъ, оказывающимъ сопротивленіе съ оружіемъ въ рукахъ будетъ „поступлено, какъ съ измѣнникомъ", то есть онъ будетъ немедленно повѣшенъ. Кромѣ того, если Парижъ, до прибытія туда Брауншвейга, нанесетъ какое либо оскорбленіе королю, или, напримѣръ, потерпитъ, чтобы какая нибудь партія куда нибудь увезла короля, то въ этомъ случаѣ, Парижъ будетъ разгромленъ пушками и подвергнутъ „военной экзекуціи". Точно также будутъ разнесены и всѣ другіе города, которые будутъ свидѣтелями насильственнаго увоза короля и не окажутъ этому сопротивленія изо всѣхъ силъ. И Парижъ, и всякій другой городъ, начальный, конечный или временный пунктъ, имѣющій какое либо отношеніе къ сказанному кощунственному похищенію, будетъ превращенъ въ смрадную, безформенную груду развалинъ въ назиданіе потомству. Такая месть, дѣйствительно, была бы примѣрной, „une insigne vengeance".—О, Брауншвейгъ, какія хвастливыя слова ты пишешь! Въ этомъ Парижѣ, какъ въ древней Ниневіи, много тысячъ существъ, не умѣющихъ отличить правой руки отъ лѣвой, и много скота. Неужели даже дойныя коровы, замученные вьючные ослы и бѣдныя маленькія канарейки также должны погибнуть?

Существуетъ и королевско-императорская прусско-австрійская декларація, въ которой весьма пространно изложена сансуси-шенбруннская версія всей французской революціи съ самаго ея начала и говорится, съ какимъ прискорбіемъ эти высокіе монархи видѣли, что подобныя вещи совершаются подъ солнцемъ.

---

[1]) Moniteur, Seance du 25 juillet 1792.

Однако, „въ качествѣ нѣкотораго утѣшенія человѣчеству“ [1], они посылаютъ теперь Брауншвейга, не взирая на расходы и жертвы съ своей стороны, ибо развѣ утѣшеніе людей не есть самая главная обязанность человѣка?

Свѣтлѣйшіе монархи, вы, которые ведете протоколы, издаете манифесты и утѣшаете человѣчество! Что было бы, если бъ, разъ въ тысячу лѣтъ, ваши пергаменты, формуляры и государственные резоны разметались по всѣмъ вѣтрамъ; дѣйствительность безъ штановъ взглянула бы вамъ — даже вамъ — прямо въ лицо, и человѣчество само сказало бы, что именно нужно для его утѣшенія?

ГЛАВА IV.

Подземное царство.

Подумайте, однако, было ли въ этомъ какое нибудь утѣшеніе для безпрерывно засѣдающихъ секцій, обсуждающихъ, какимъ образомъ привести въ дѣйствіе національную исполнительную власть!

Слышенъ громкій отвѣтъ не клохчущаго страха, а каркающаго вызова и „Vive la Nation“; юные храбрецы устремляются къ границамъ; безмолвно киваетъ на новомъ мосту знамя Patrie en Danger. Секціи работаютъ непрерывно, а внизу, глубоко, работаетъ крайній патріотизмъ, ища спасенія въ заговорѣ. Или опять возстаніе становится священнѣйшей обязанностью? Самъ себя избравшій комитетъ засѣдаетъ въ гостиницѣ подъ вывѣской Золотого Солнца; здѣсь журналистъ Карра, Камиллъ Демуленъ, эльзасецъ Вестерманъ, другъ Дантона, американецъ Фурнье съ Мартиники, —комитетъ не безъизвѣстный мэру Петіону, который, въ качествѣ офиціальнаго лица, долженъ спать съ открытыми глазами. Не безъизвѣстенъ онъ и прокурору Манюэлю, и меньше всего, помощнику прокурора Дантону! Послѣдній, будучи также офиціальнымъ лицомъ, окутанъ мракомъ и, какъ невидимый Атласъ, окутанный облаками, несетъ все на своихъ исполинскихъ плечахъ.

Многое невидимо; даже якобинцы отмалчиваются. Возстаніе должно быть; но когда? Мы можемъ усмотрѣть только одно, —что тѣ федераты, которые еще не ушли въ Суассонъ, на самомъ дѣлѣ не проявляютъ и склонности туда идти „по причинамъ“, говоритъ предсѣдатель якобинцевъ, „о которыхъ желательно не упоминать“; они имѣютъ собственный Центральный комитетъ, засѣдающій совсѣмъ близко, подъ кровлей самого якобинскаго общества. И сорокъ восемь секцій также имѣютъ свой Центральный комитетъ, въ цѣляхъ „быстроты сообщеній“, что и естественно при такомъ броженіи и опасности возстанія. Муниципалитетъ, настоятельно желавшій имѣть подъ рукой этотъ комитетъ, не могъ отказать ему въ помѣщеніи въ городской ратушѣ.

Странный городъ! На поверхности его обычнымъ чередомъ пекутъ и варятъ, стучатъ молотки, трещатъ мельницы. Кавалеры въ жабо прогуливаются подъ деревьями подъ руку съ дамами въ бѣлой кисеѣ, подъ зелеными зонтиками. Собаки играютъ и чистильщики сапогъ дѣлаютъ свое дѣло на томъ самомъ Понтъ-Нёфъ, гдѣ читается на флагѣ: „Отечество въ опасности“. Многое продолжаетъ пока идти своимъ чередомъ; а уже все близится къ перемѣнѣ и къ концу.

Посмотрите на Тюльери и тюльерійскій садъ. Безмолвно тамъ, какъ въ Сахарѣ; никто не смѣетъ входить безъ билета! Ворота заперты со дня процессіи черныхъ панталонъ, и на это имѣютъ право. Однако, національное собраніе что то ворчитъ о фельянской террасѣ, о томъ, что упомянутая терраса прилегаетъ къ заднему ходу въ его залъ, и отчасти составляетъ національную

---

[1]) Annual Register (1792), 236.

собственность; національная юстиція протянула трехцвѣтную ленту, въ качествѣ пограничной линіи, которую всѣ патріоты соблюдаютъ съ недовольной добросовѣстностью. И вотъ эта трехцвѣтная пограничная линія виситъ, покрытая карточками съ сатирическими надписями, обыкновенно въ стихахъ, а вся часть за нею называется Кобленцемъ и остается пустой, безмолвной, какъ роковая Голгофа, на которой тщетно смѣняются солнечные лучи и тѣни. Заколдованный кругъ! Есть ли еще какая нибудь надежда? Можетъ ли она жить въ этомъ кругѣ? Таинственные входные билеты проводятъ туда такихъ же таинственныхъ людей, которые говорятъ о предстоящемъ вскорѣ возстаніи. Генеральный штабъ Ривароля сдѣлалъ бы лучше, если бъ занялся покупкой ружей; понадобятся также и гренадерскія шапки, и красные швейцарскіе мундиры. Возстаніе произойдетъ, но развѣ оно не будетъ встрѣчено отпоромъ? Надо надѣяться, что его задержатъ до прибытія Брауншвейга?

Однако, могутъ ли, при подобныхъ обстоятельствахъ, оставаться безмолвными тумбы и переносныя каѳедры? можетъ ли спать коллегія герольдовъ и расклеивателей афишъ? Газета Луве „Sentinel" безплатно предостерегаетъ со со всѣхъ стѣнъ; Сюлло проявляетъ кипучую дѣятельность; Другъ Народа Маратъ и Другъ Короля Руаю каркаютъ на перебой. Ибо Маратъ, хотя и долго скрывавшійся послѣ кровопролитія на Марсовомъ полѣ, еще живъ. Онъ лежалъ, Богъ вѣсть, въ какихъ погребахъ, можетъ быть у Лежандра, питался жаркими Лежандровой бойни; но съ апрѣля его громкій, квакающій голосъ раздается снова въ самыхъ хриплыхъ изъ земныхъ криковъ. Въ настоящее время его преслѣдуетъ черный страхъ: О, храбрый Барбару, не провезешь ли ты меня контрабандой въ Марсель, „переодѣтаго жокеемъ?" [1]) Въ Пале-Роялѣ и во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ, читаемъ мы, царитъ оживленная дѣятельность; частные люди убѣждаютъ храбрыхъ записываться, требуютъ, чтобы исполнительная власть была приведена въ дѣйствіе, чтобы роялистскія газеты были сожжены, вслѣдствіе чего возникаютъ споры, препирательства, заканчивающіеся обыкновенно палочными ударами, coups de cannes [2]). Или представимъ себѣ слѣдующую сцену: часъ — полночь; мѣсто — залъ манежа; высокое собраніе закрываетъ засѣданіе. „Граждане обоихъ половъ входятъ гурьбой, съ криками: Мщеніе! они отравляютъ нашихъ братьевъ" — запекаютъ толченое стекло въ хлѣбъ, въ Суассонѣ! Верніо приходится говорить успокоительныя рѣчи: уже посланы коммиссары разслѣдовать слухи о толченомъ стеклѣ; они сдѣлаютъ необходимое въ этомъ случаѣ,—буря среди гражданъ переходитъ „въ глубокое молчаніе", и они расходятся домой, чтобы лечь спать.

Таковъ Парижъ, сердце похожей на него Франціи. Противуестественная подозрительность, сомнѣніе, безпокойство, невыразимыя предчувствія переполняютъ ее отъ края до края,—а въ центрѣ, хмурые марсельцы идутъ, пыльные, неутомимые, чуждые сомнѣній. Подъ музыку своихъ ожесточенныхъ сердецъ они идутъ безостановочно и впродолженіи трехъ слишкомъ недѣль непрерывно тянутся по этому длинному пути, предшествуемые страхомъ и слухами. 26-го прибываютъ брестскіе депутаты, встрѣчаемые на улицахъ Парижа криками ура! И это также люди рѣшительные, со священными пиками Шато-Вьё, или безъ оныхъ, и вообще, совсѣмъ не склонные сейчасъ идти въ Суассонъ. Несомнѣнно, братья марсельцы приближаются съ каждымъ днемъ.

---

1) Barbaroux, p. 60.

2) Газеты, разсказы и документы (Hist. Parl. XV 240, XVI 399).

ГЛАВА V.

Обѣдъ.

Счастливый былъ день для Шарантона 29-го этого мѣсяца, когда братья марсельцы, дѣйствительно, показались въ виду. Барбару, Сантерръ и патріоты вышли навстрѣчу мрачнымъ паломникамъ. Патріоты прижимаютъ пыльныхъ братьевъ къ своей груди; происходитъ омовеніе ногъ и угощеніе, „обѣдъ на тысячу двѣсти кувертовъ", въ гостиницѣ Кадраонъ Блё и серьезное, тайное совѣщаніе, о которомъ ничего неизвѣстно [1]), но изъ котораго, въ сущности, выйдетъ мало толку, потому что Сантерръ, обладающій открытымъ кошелькомъ и громкимъ голосомъ, почти лишенъ головы. Однако, эту ночь мы ночуемъ здѣсь: на утро—публичное вступленіе въ Парижъ.

Историки дня, діурналисты или журналисты, какъ они себя называютъ, оставили много воспоминаній объ этомъ публичномъ вступленіи. Они разсказываютъ, какъ мужчины и женщины, въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи и во всемъ Парижѣ, братски привѣтствовали прибывшихъ криками браво и рукоплесканіями на переполненныхъ народомъ улицахъ, причемъ все это происходило самымъ мирнымъ образомъ,—исключая развѣ того, что наши марсельцы изрѣдка указывали на ленточную кокарду и требовали, чтобы она была сорвана и замѣнена шерстяной, что и исполнялось; какъ якобинское общество въ полномъ составѣ вышло къ самому мѣсту бывшей Бастиліи, чтобы обнять гостей; какъ они шли потомъ, съ торжествомъ къ городской ратушѣ, гдѣ ихъ обнималъ мэръ Петіонъ; какъ сложили свои мушкеты въ баракахъ Новой Франціи, недалеко оттуда; какъ, наконецъ, пришли къ назначенной для нихъ тавернѣ на Елисейскихъ поляхъ, гдѣ ихъ ожидала скромная патріотическая трапеза [2]).

Обо всемъ этомъ негодующее Тюльери увѣдомляется своими клевретами. Красные швейцарцы наблюдаютъ изъ за дворцовыхъ рѣшетокъ съ удвоенной бдительностью—хотя, конечно, опасности нѣтъ. Въ этотъ день во дворцѣ дежурятъ синіе гренадеры изъ секціи Filles-Saint-Thomas; это люди ажіотажа, съ полными кошельками, ленточными кокардами, среди которыхъ служитъ Веберъ. Часть ихъ, съ офицерами и фельянскими нотаблями—Моро де Сенъ Мери „трехъ тысячъ приказовъ", и другіе обѣдали этотъ день въ тавернѣ, возлѣ той, въ которой угощали марсельцевъ, только гораздо болѣе приличной. Они пообѣдали и пьютъ теперь лояльно-патріотическія здравицы, въ то время какъ марсельцы, просто національные патріоты, садятся за свои скромные приборы. Какъ произошло дальнѣйшее, это остается невыясненнымъ до сегодня; но факты таковы: нѣкоторые изъ гренадеръ выходятъ изъ своей таверны, быть можетъ, нѣсколько возбужденные, но еще не пьяные,—выходятъ, съ цѣлью доказать марсельцамъ и толпѣ снующихъ въ этихъ мѣстахъ парижскихъ патріотовъ, что они, солдаты батальона Filles-Saint-Thomas, если хорошенько разобрать, нисколько не менѣе патріотичны, чѣмъ какой бы то ни было другой классъ людей.

Это была слишкомъ необдуманная затѣя! Можетъ ли уличная толпа повѣрить подобному заявленію, или отвѣтить на него иначе, какъ вызывающими насмѣшками? Не стерпѣвъ ихъ, гренадеры вытаскиваютъ изъ ноженъ сабли, а вслѣдъ затѣмъ раздается пронзительный крикъ: „A nous, Marseillais! помогите, марсельцы!" Съ быстротою молніи, ибо скромный обѣдъ еще не поданъ, таверна марсельцевъ распахивается: изъ дверей, изъ оконъ бѣгутъ, выскакиваютъ 517 необѣдавшихъ патріотовъ и, сверкая обнаженными саблями, являются на полѣ брани. Вы хотите вступить въ переговоры, гренадерскіе офицеры и офиціальныя особы „съ внезапно поблѣднѣвшими лицами", какъ говорятъ

---

[1]) Deux Amis, VIII, 90—101.

[2]) Hist. Parl., XVI, 196. См. Barbaroux, pp. 51—5.

отчеты? [1]). Благоразумнѣе было бы немедленное, умѣренно быстрое отступленіе Солдаты батальона Filles-Saint-Thomas отступаютъ сначала спиной впередъ, потомъ, увы, лицомъ впередъ, и съ утроенной скоростью; марсельцы, по словамъ одного отчета, „перескакивая черезъ заборы и канавы, гонятся за ними, какъ львы; это было внушительное зрѣлище, messieurs".

Итакъ, они отсупаютъ, марсельцы преслѣдуютъ ихъ. Быстрѣе и быстрѣе бѣгутъ преслѣдуемые по направленію къ Тюльери, гдѣ подъемный мостъ принимаетъ главную массу бѣглецовъ, и сразу поднятый, спасаетъ ихъ, или же это дѣлаетъ зеленый илъ канавы. Мостъ принялъ главную массу, но не всѣхъ, ахъ нѣтъ! Моро де Сенъ-Мери, напримѣръ, будучи слишкомъ жиренъ, не могъ бѣжать быстро, онъ получилъ ударъ саблей, только плашмя, по лопаткамъ, упалъ — и исчезъ изъ исторіи революціи. Были также порѣзы, уколы въ мясистыя части тѣла, много порваннаго платья и другихъ порчъ; но худшій жребій выпалъ бѣдному подпоручику Дюгамелю, невинному биржевому маклеру! Онъ обернулся съ пистолетомъ въ рукѣ къ своему преслѣдователю или преслѣдователямъ, выстрѣлилъ и промахнулся; выхватилъ другой пистолетъ, опять выстрѣлилъ — и опять промахнулся, потомъ побѣжалъ, къ несчастью, понапрасну. Въ улицѣ Сенъ-Флорентинъ его настигли и яростно проткнули насквозь; это былъ конецъ новой эры и всякихъ эръ для бѣднаго Дюгамеля.

Мирные читатели могутъ представить себѣ, какой предобѣденной молитвой все это было для суроваго патріотизма. И какъ батальонъ Filles-Saint-Thomas выступилъ „подъ ружьемъ", по счастью, безъ дальнѣйшихъ результатовъ. Въ судъ собранія поступили жалобы и встрѣчныя жалобы; велась защита; марсельцы требовали приговора свободнаго суда присяжныхъ, который такъ и не состоялся. Но для насъ интереснѣе вопросъ, каковъ будетъ конецъ всѣхъ этихъ дико нагромождающихся событій. Какой нибудь да будетъ, и время его близится! Работаютъ центральные комитеты, комитеты федератовъ въ якобинской церкви, комитеты секцій въ городской ратушѣ; собраніе Карра, Камилла и компаніи въ „Золотомъ Солнцѣ"; работаютъ подобно подводнымъ божествамъ или болотнымъ богамъ, орудующимъ въ глубокой тинѣ водъ, пока все не будетъ готово.

А наше національное собраніе, подобно полузатонувшему кораблю, безъ руля, лежитъ, качаемое съ боку на бокъ, въ то время какъ на него страшно ревутъ съ галлерей визгливыя женщины и федераты съ саблями; оно ждетъ, къ какому берегу прибьетъ его волна случая, подозрѣвая—а на лѣвой сторонѣ и зная,—какой, тѣмъ временемъ, готовится подводный взрывъ! То и дѣло получаются петиціи, требующія обвиненія короля въ вѣроломствѣ; получаются онѣ и отъ парижскихъ секцій, и отъ провинціальныхъ патріотическихъ городовъ, „отъ Алансона, Бріансона и торговцевъ съ ярмарки въ Бокэрѣ". И если бы только это! Но третьяго августа являются съ такой же петиціей мэръ Петіонъ и муниципалитетъ,—являются совершенно открыто, въ трехцвѣтныхъ муниципальныхъ шарфахъ. Всѣ патріоты требуютъ обвиненія короля въ нарушеніи присяги; всѣ желаютъ и ждутъ низложенія его. Бриссотинцы требуютъ того же и возведенія на престолъ маленькаго королевскаго принца подъ ихъ протекторатомъ. Настойчивые федераты спрашиваютъ законодательное собраніе: „Можете вы спасти насъ, или нѣтъ?" Сорокъ семь секцій согласны на низложеніе, и только секція des Filles-Saint-Thomas осмѣливается не соглашаться на это. Секція Моконсейля даже заявляетъ, что низложеніе, собственно говоря, уже совершилось; Моконсейль, съ своей стороны, „отнынѣ", съ послѣдняго дня іюля, „отказываетъ Людовику въ повиновеніи" и заноситъ это постановленіе въ протоколы для всеобщаго свѣдѣнія. Шагъ этотъ громко порицается, но будетъ вызывать и громкія похвалы, и названіе Mauconseil, или плохой совѣтъ, тогда измѣнится въ Bonconseil, или добрый совѣтъ.

---

[1]) Moniteur, Seances du 30, 31 juillet, 1792 (Hist. Parl. XVI, 197 210).

Президентъ Дантонъ, въ секціи кордельеровъ, дѣлаетъ нѣчто другое: онъ приглашаетъ всѣхъ пассивныхъ гражданъ принять участіе въ дѣлахъ секціи, наравнѣ съ активными, такъ какъ всѣмъ грозитъ одна та и же опасность. Вотъ, что дѣлаетъ, будучи офиціальнымъ лицомъ, этотъ окутанный облаками Атласъ, который поддерживаетъ все на своихъ плечахъ. Онъ же устраиваетъ такъ, чтобы батальонъ марсельцевъ перевели на новыя квартиры, въ его собственномъ участкѣ, на далекомъ юго-востокѣ. Хитрый Шометтъ, жестокій Бильо, разстриженный капуцинъ Шабо, Гюгененъ, съ набатомъ въ сердцѣ, готовятся привѣтствовать ихъ тамъ. При этомъ, все повторяется вопросъ: „О, законодатели, можете вы спасти насъ, или нѣтъ?“ Бѣдные законодатели! Законодательство ихъ на половину затонуло, подъ нимъ готовится вулканическій взрывъ. Вопросъ о смѣщеніи короля будетъ обсуждаться девятаго августа; а постыдное дѣло Лафайета кончится, какъ ожидаютъ, восьмого.

Можетъ быть, сострадательный читатель хочетъ заглянуть на королевское Lever въ воскресенье, 5-го августа? Послѣднее Lever! Давно уже—„никогда“—говоритъ Бертранъ Молевиль, Lever не было такъ блестяще, по крайней мѣрѣ, такъ многолюдно. Грустное предчувствіе читалось на всѣхъ лицахъ; у самого Бертрана глаза были полны слезъ. Въ самомъ дѣлѣ, по ту сторону трехцвѣтной ленты, на фельянской террасѣ идутъ дебаты законодательнаго собранія, дефилирують секціи, весь Парижъ на ногахъ въ это самое воскресенье, требуя Déchéance[1]). Тѣмъ временемъ, здѣсь, за лентой, въ сотый разъ предлагается проектъ увезти его величество въ Руанъ, въ замокъ Гальонъ. Швейцарцы ждутъ въ Курбвуа, многое готово, король самъ почти готовъ. Тѣмъ не менѣе, въ сотый разъ, когда близокъ моментъ дѣйствовать, король отступаетъ послѣ того, какъ всѣ въ трепетѣ ждали цѣлый безконечный день; у него „есть причины думать, пишетъ онъ, что возстаніе еще не такъ назрѣло, какъ вы предполагаете“. Бертранъ де Молевиль выходитъ изъ себя отъ досады и отчаянія, d'humeur et de désespoir[2]).

ГЛАВА VI.

Полночные колокола.

Въ дѣйствительности, возстаніе какъ разъ готово вспыхнуть. Въ четвергъ—9-ое августа; если низложеніе не будетъ постановлено въ этотъ день законодательнымъ собраніемъ, то мы должны постановить его сами.

Законодательное собраніе? Бѣдное, утлое законодательное собраніе ничего не можетъ постановить. Въ среду, 8-го, послѣ безконечныхъ преній, оно не можетъ произнести обвиненія даже противъ Лафайета и оправдываетъ его—слышишь, патріотизмъ!—оправдываетъ большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного. Патріотизмъ слышитъ. Мучимый страхомъ передъ пруссаками и всевозможными подозрѣніями, патріотизмъ бушуетъ цѣлый день вокругъ Залы манежа; оскорбляетъ многихъ вліятельныхъ депутатовъ изъ оправдавшей правой, даже выгоняетъ ихъ, хватаетъ, съ грозными криками, за воротъ. Депутатъ Вобланъ и другіе счастливы, что имъ удается укрыться въ караульняхъ и спастись черезъ заднее окно. И вотъ, на слѣдующій день, поступаютъ безконечныя жалобы; письмо за письмомъ отъ оскорбленныхъ депутатовъ; время проходитъ въ жалобахъ, преніяхъ и безплодной болтовнѣ: солнце въ четвергъ садится, какъ и во всѣ прочіе дни, а низложеніе не постановлено. Поэтому, отправляйся же, наконецъ, къ своимъ палаткамъ, Израиль!

---

[1]) Hist. Parl. XVI, 337—9.

[2]) Bertrand Moleville, Memoires, II, 129.

Якобинское общество умолкаетъ; группы перестаютъ ораторствовать; патріоты, сомкнувъ уста, „берутъ другъ друга подъ руку", идутъ рядами по двое, быстрымъ, дѣловымъ шагомъ, и исчезаютъ въ темныхъ кварталахъ восточной окраины [1]). Сантерръ готовъ, или мы его сдѣлаемъ готовымъ. Сорокъ семь секцій изъ сорока восьми готовы; даже секція des Filles-Saint-Thomas поворачивается якобинской стороной кверху, фальянской книзу, и также готова. Пусть крайніе патріоты осмотрятъ свое оружіе, будь то пика или мушкетъ; а брестскіе братья, и прежде всего хмурые марсельцы, пусть приготовятся къ часу, когда они понадобятся! Синдикъ Редереръ знаетъ и сожалѣетъ или нѣтъ, смотря по тому, какой оборотъ приметъ дѣло—что 5000 пулевыхъ патроновъ за эти немногіе дни розданы федератамъ въ городской ратушѣ" [2]).

А вы тоже, храбрые господа, защитники короля, стекайтесь и вы, съ своей стороны, въ Тюльери. Не на Lever, а на Coucher, во время котораго многое уложится въ постель. Ваши входные билеты нужны, но еще нужнѣе ваши ружья!—Они собираются толпою, какъ люди храбрые, также умѣющіе умирать.—Пришелъ старый фельдмаршалъ Малье, глаза его опять блестятъ, хотя и затуманенные пережитыми почти восемьюдесятью годами. Мужайтесь, братья! У насъ тысяча красныхъ швейцарцевъ, надежныхъ сердецъ, стойкихъ, какъ альпійскій гранитъ. Національные гренадеры, по меньшей мѣрѣ, друзья порядка; командиръ ихъ, Манда, проявляетъ лояльное рвеніе „и ручается за нихъ головой". Онъ ручается и за свой штабъ, который, по счастью, еще не распущенъ, хотя и состоялся уже декретъ въ этомъ смыслѣ.

Комендантъ Манда сносился съ мэромъ Петіономъ и носитъ при себѣ въ эти три дня письменный его приказъ подавить силу силой. Эскадронъ съ пушками на Понтъ-Нёфъ долженъ повернуть назадъ марсельцевъ, если они захотятъ перейти рѣку; эскадронъ у городской ратуши долженъ разрѣзать на двое идущихъ изъ Сентъ-Антуана „при выходѣ ихъ изъ подъ арки Сенъ-Жанъ", прогнать одну половину на темный востокъ, а другую впередъ, „сквозь ворота Лувра". Не мало эскадроновъ и конницы въ Пале-Роялѣ, на Вандомской площади; всѣ они должны идти въ аттаку въ надлежащій моментъ и очищать ту или другую улицу. У насъ будетъ новое Двадцатое Іюня, только еще болѣе безплодное? Или, можетъ быть, возстаніе совсѣмъ не поспѣетъ разразиться? Эскадроны Манда, конная жандармерія и синіе гвардейцы идутъ, съ топотомъ, бряцая оружіемъ; канониры Манда громыхаютъ пушками. Все это подъ покровомъ ночи, подъ звуки барабановъ, бьющихъ сборъ, когда люди ложатся спать. Такова ночь на 9-ое августа 1792 года.

Съ другой стороны, сорокъ восемь секцій сообщаются между собою посредствомъ быстрыхъ гонцовъ; каждая изъ нихъ выбираетъ „по три делегата съ неограниченными полномочіями". Синдикъ Редереръ и мэръ Петіонъ посылаются въ Тюльери; а храбрые законодатели, когда барабанъ возвѣститъ опасность, должны отправиться въ свой залъ. Дѣвица Теруань надѣла гренадерскую шапку и короткую амазонку, засунула за поясъ пару пистолетовъ и прицѣпила сбоку саблю въ ножнахъ.

Вотъ какая игра разыгрывается въ этомъ сатанинскомъ Парижѣ, городѣ всѣхъ демоновъ!—А все же ночь, когда мэръ Петіонъ прохаживается по Тюльерійскому саду, „прекрасна и спокойна": Оріонъ и Плеяды сверкаютъ совершенно невозмутимо. Петіонъ вышелъ въ садъ; „жара" внутри дворца была невыносима. Король принялъ его весьма сурово, какъ и слѣдовало ожидать, и теперь нѣтъ выхода: синіе эскадроны Манда поворачиваютъ его назадъ отъ всѣхъ воротъ; гренадеры Filles-Saint-Thomas даже даютъ волю языку, обмѣниваясь предположеніями, какъ поплатится добродѣтельный мэръ „въ случаѣ какого нибудь несчастья" и т. п.; хотя другіе, наоборотъ, преисполнены вѣжливости. Несомнѣнно,

[1]) Deux Amis, VIII, 129—88.

[2]) Roederer à la Barre (Séance du 9 août. Hist. Parl., XVI, 393).

что въ эту ночь, въ Парижѣ, никто не былъ въ болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ мэръ Петіонъ; онъ, такъ сказать, обязанъ подъ страхомъ смерти улыбаться одной стороной лица и плакать—другою; а если онъ сдѣлаетъ это недостаточно искусно, то ему грозитъ смерть! Только въ четыре часа утра національное собраніе, узнавъ объ его положеніи, приглашаетъ его „дать отчетъ о положеніи Парижа", о которомъ онъ ничего не знаетъ; однако, благодаря этому, онъ попадаетъ домой, въ постель, и въ Тюльери остается одна его золоченая карета. Едва ли менѣе щекотлива и задача Редерера, который долженъ выжидать, пока не рѣшится вопросъ, плакать ему или смѣяться, пока не увидитъ конечнаго результата. Онъ подобенъ двуличному Янусу, или мистеру Смотри-въ-обѣ-стороны, какъ выражается англичанинъ Беніанъ. Но пока эти оба януса гуляютъ съ другими такими же двуликими и „говорятъ о безразличныхъ предметахъ".

Редереръ, отъ времени до времени, входитъ въ дворецъ послушать, поговорить, послать въ управленіе департаментовъ, такъ какъ, будучи ихъ прокуроромъ-синдикомъ, онъ не знаетъ, какъ вести себя. Комнаты всѣ полны; около семисотъ господъ въ черномъ толпятся и протискиваются въ нихъ; красные швейцарцы стоятъ, подобно скаламъ; призракъ или полу-призракъ министерства, съ Редереромъ и совѣтчиками, толкутся вокругъ ихъ величествъ; старый маршалъ Малье колѣнопреклоненно заявляетъ королю, что онъ и эти храбрые господа пришли умереть за него. Чу! Среди мирной полуночи вдругъ раздается звонъ отдаленнаго набата! Да, нѣтъ сомнѣнія: одна колокольня за другой подхватываетъ странную рѣчь. Царедворцы въ черномъ прислушиваются у отворенныхъ оконъ, различаютъ отдѣльные колокола [2]): это набатъ съ Сенъ-Рока, а этотъ, не съ Сенъ-Жака ли, называемаго de la Boucherie? Да, messieurs! И даже Сенъ-Жерменъ Оксерруа, — развѣ вы не слышите его? Этотъ самый колоколъ грозно звучалъ двѣсти двадцать лѣтъ назадъ, въ вечеръ Варѳоломеевской ночи, но тогда по приказанію короля [3]). И колокола продолжаютъ гудѣть. Вотъ ударили въ колоколъ и на городской ратушѣ; его можно узнать по тону!

Пьеръ-Луи Редереръ.

Да, друзья, это городская ратуша, это она говоритъ такъ съ ночью чудеснымъ металлическимъ языкомъ и человѣческой рукой: самъ Маратъ, какъ извѣстно, дергалъ веревку! Маратъ звонитъ; Робеспьеръ куда то зарылся; его не видно въ теченіи ближайшихъ сорока часовъ; у нѣкоторыхъ людей есть мужество, а у другихъ его все равно что нѣтъ, и даже злоба не придастъ имъ его.

Смятеніе усиливается по мѣрѣ того, какъ постепенно приближается исходъ, и часъ сомнѣній рождаетъ, въ мукахъ и слѣпой борьбѣ, увѣренность, которую ничто не можетъ уничтожить! Делегаты съ неограниченными полномочіями, по три отъ каждой секціи, въ общемъ сто сорокъ четыре человѣка, собрались около полуночи въ городской ратушѣ. Эскадронъ Манда, стоящій здѣсь, не препятствовалъ ихъ входу: развѣ они не представляютъ „Центральный комитетъ секцій", обыкновенно засѣдающій здѣсь, хотя сегодня и въ большемъ количествѣ? Они здѣсь, но среди нихъ царятъ смущеніе, нерѣшительность и праздная

[1]) Roederer, Chronique de Cinquante Jours; Recit de Petion; мемуары городской ратуши. (Hist. Parl., XVI, 399—466).

[2]) Roederer, см. выше.

[3]) 24-го августа 1572 г.

болтовня. Снуютъ быстрые гонцы; жужжатъ слухи о черныхъ придворныхъ, о красныхъ швейцарцахъ, о Манда и его отрядахъ, готовыхъ идти въ аттаку. Не лучше ли отложить возстаніе? Да, отложить. Га! Слышите? Изъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья доносятся краснорѣчивые звуки: набатъ звонитъ тамъ какъ бы самъ собою! Нѣтъ, друзья, вы не можете отложить возстанія; вы должны произвести его, и съ нимъ жить, или умереть!

Итакъ, скорѣе! пусть прежніе муниципальные совѣтники сложатъ съ себя полномочія и мандаты передъ лицомъ избравшей ихъ верховной народной власти и передадутъ ихъ этимъ новымъ ста сорока четыремъ! Волей или неволей, старые муниципалы, но вы должны уйти. Да развѣ не счастье для иного муниципала, что онъ можетъ умыть себѣ руки въ этомъ дѣлѣ и сидѣть парализованнымъ, безотвѣтственнымъ, пока не пробьетъ его часъ; или даже идти домой спать? [1]) Остаются изъ старыхъ только двое или, самое большее, трое: мэръ Петіонъ, въ это время гуляющій въ Тюльери, прокуроръ Манюэль и товарищъ прокурора Дантонъ, этотъ невидимый, все поддерживающій Атласъ. Среди этихъ ста сорока четырехъ находятся: Гюгененъ съ набатомъ въ сердцѣ, Бильо, Шометтъ, редакторъ Таліенъ, Фабръ д'Эглантинъ, Сержанъ, Панизъ, короче, весь распускающійся или уже распустившійся цвѣтъ безпредѣльнаго патріотизма. Развѣ мы, какъ по волшебству, не составили новый муниципалитетъ, готовый дѣйствовать съ самой неограниченной властью и объявить себя просто на просто „на положеніи возстанія?" Прежде всего, пошлемъ за комендантомъ Манда; пускай онъ предъявитъ приказъ, полученный имъ отъ мэра; и пусть новые муниципальные совѣтники посѣтятъ тѣ отряды, которымъ предписано выступить въ атаку; а набатъ пускай звонитъ, какъ можно громче. Впередъ, вы, Сто сорокъ четыре! Отступать вамъ уже поздно!

Читатель, не думай, въ своемъ спокойномъ положеніи, что возстаніе легкое дѣло. Возстаніе—дѣло трудное: каждый человѣкъ неувѣренъ даже въ ближайшемъ сосѣдѣ, совершенно неувѣренъ въ дальнихъ сосѣдяхъ, не знаетъ, какая сила съ нимъ, какая противъ него, и увѣренъ только въ одномъ: что, въ случаѣ неудачи, личная его доля—висѣлица! Восемьсотъ тысячъ головъ, и въ каждой изъ нихъ особая оцѣнка этихъ неизвѣстныхъ и особая, соотвѣтствующая ей, теорія поступковъ; изъ столькихъ неувѣренностей вытекаетъ съ каждой минутой увѣренность и неизбѣжный, неизгладимый конечный результатъ, который можетъ одинаково повести и къ гражданскому вѣнцу, и къ позорной петлѣ.

Если бъ читатель могъ полетѣть, подобно Асмодею, мановеніемъ руки открыть всѣ крыши и частныя квартиры, и заглянуть въ нихъ съ башни церкви Парижской Богоматери,—какой Парижъ увидѣлъ бы онъ! Визгъ и причитанія въ высочайшихъ дискантовыхъ нотахъ, воркотня и полныя сомнѣнія рѣчи въ басовыхъ тонахъ; мужество, доходящее до отчаяннаго упорства; трусость, безмолвно дрожащая за забаррикадированными дверями,—а вокругъ спокойно храпящее тупоуміе, которое всегда способно спать. И между этимъ звономъ заливающихся колоколовъ и этимъ храпомъ тупости, какая еще лѣстница трепета, возбужденія, отчаянія; и надъ всѣмъ этимъ лишь Сомнѣніе, Опасность, Смерть и Ночь!

Борцы одной секціи выходятъ, но узнаютъ, что сосѣдняя не трогается, и уходятъ обратно. Сентъ-Антуанъ, по сю сторону рѣки, не увѣренъ въ СенъМарсо, по ту сторону. Надежны лишь храпъ тупости, да шестьсотъ марсельцевъ, умѣющихъ умирать. Манда, дважды вызванный, не является въ ратушу. Гонцы летаютъ безпрерывно, съ быстротой отчаянія; тысячи голосовъ шопотомъ обмѣниваются слухами. Теруань и частные патріоты, подобно ночнымъ птицамъ, носятся въ туманѣ производя развѣдки то тамъ, то здѣсь. Изъ національной гвардіи, около трехъ тысячъ послѣдовало за Манда, когда онъ велѣлъ бить сборъ;

[1]) Документы секцій; документы городской ратуши (Hist. Parl. см. выше).

остальные слѣдуютъ своей собственной теоріи неувѣренностей, одни—что лучше было бы идти съ Сентъ-Антуаномъ, другіе, безчисленные—что въ подобномъ случаѣ безопаснѣе всего было бы лечь с п а т ь. А барабаны бьютъ, словно изступленные, набатъ звонитъ. Но даже Сентъ-Антуанъ только выходитъ и возвращается; коменданту Сантерру не вѣрится, что марсельцы и Сенъ-Марсо пойдутъ. О, лѣнивая, пивная бочка, съ громкимъ голосомъ и деревянной головой! время ли теперь колебаться? Эльзасецъ Вестерманъ хватаетъ его за горло, съ обнаженной саблей, и теперь эта тупица вѣритъ. Такимъ образомъ, среди суеты, неувѣренности и звона набата, проходитъ долгая ночь; всеобщее волненіе достигаетъ истерическаго напряженія, но изъ этого ничего не выходитъ.

Однако, по третьему вызову Манда является. Онъ приходитъ одинъ, безъ стражи, и удивляется, видя н о в ы й муниципалитетъ. Его прямо спрашиваютъ, считаетъ ли онъ возможнымъ выполнить приказъ мэра противодѣйствовать силѣ силой и стратегическій планъ, состоящій въ томъ, чтобы разрѣзать Сентъ-Антуанъ на двѣ половины; онъ отвѣчаетъ, что можетъ сдѣлать это. Тогда муниципалитетъ находитъ, что было бы правильно отослать этого національнаго стратега въ тюрьму Аббатства и предоставить судить его судебной палатѣ. Увы, снаружи уже тѣснится судъ, но судъ не писанаго закона, а первобытнаго кулачнаго права; судъ взволнованный до истерики, жестокій, какъ страхъ, слѣпой, какъ ночь: и этотъ-то судъ вырываетъ бѣднаго Манда изъ рукъ его охранителей, валитъ его на полъ и убиваетъ на ступеняхъ городской ратуши. Смотрите, новые муниципальные совѣтники и ты, народъ, на положеніе возстанія! Кровь пролита; за кровь придется отвѣтить. Увы, при такомъ истерическомъ настроеніи, крови прольется еще больше, потому что, въ этомъ отношеніи, человѣкъ похожъ на тигра: ему стоитъ только начать.

Семнадцать субъектовъ было схвачено развѣдчиками-патріотами на Елисейскихъ поляхъ въ то время, какъ они, смутно видимые, проносились передъ ними, столь же смутно видимыми. Есть у васъ пистолеты, рапиры, вы, семнадцать? Вы одинъ изъ проклятыхъ „мнимыхъ патрулей“, которыя бродятъ съ антинаціональными намѣреніями, ища, что выслѣдить, что истребить! Семнадцать плѣнныхъ ведутъ на ближайшую гауптвахту, одиннадцать изъ нихъ спасаются черезъ заднее окно. „Что это?“ Дѣвица Теруань появляется у передняго выхода, съ саблей, пистолетами и свитой; обличаетъ измѣнническое соглашеніе и хватаетъ оставшихся шестерыхъ, чтобы не было надруганія надъ народнымъ правосудіемъ. Изъ этихъ шестерыхъ спасаются еще двое во время суеты и преній суда кулачнаго права; остальные четверо несчастныхъ убиты, какъ Манда; это два бывшихъ лейбъ-гвардейца, одинъ веселой жизни аббатъ и роялистскій памфлетистъ Сюлло, извѣстный намъ по имени писатель и острякъ. Бѣдный Сюлло: его „А п о с т о л ь с к і я д ѣ я н і я“ и остроумныя журналы-плакаты (онъ былъ талантливый человѣкъ) приходятъ, такимъ образомъ, къ концу; сомнительныя шутки разрѣшаются серьезнымъ ужасомъ! Вотъ надъ какими дѣлами занимается утро 10-го августа 1792 года.

Подумайте, какую ночь провело бѣдное національное собраніе, засѣдающее „въ большомъ меньшинствѣ“, пытаясь дебатировать, дрожа и трепеща отъ страха, поворачиваясь ко всѣмъ тридцати двумъ азимутамъ сразу, какъ магнитная стрѣлка въ бурю! Произойдетъ ли возстаніе? Что если оно произойдетъ и не удастся? Увы, вѣдь въ этомъ случаѣ, черные придворные съ ружьями, красные швейцарцы со штыками, опьяненные побѣдой, могутъ обрушиться на насъ и спросить: Ты, неопредѣленное, утлое, само себя смущающее, само себя уничтожающее законодательное собраніе, что ты дѣлаешь здѣсь, почему ты не т о н е ш ь? Или представьте себѣ бѣдныхъ національныхъ гвардейцевъ, стоящихъ бивуакомъ во „временныхъ палаткахъ“, или, выстроившись рядами, переминающихся съ ноги на ногу, всю длинную ночь, въ то время, какъ новые трехцвѣтные муниципалы приказываютъ одно, а старые офицеры Манда—другое! Прокуроръ Манюэль приказалъ оттащить пушки съ Понтъ-Нёфъ; никто не рѣшает-

ся его ослушаться. Очевидно, значитъ, что старый, такъ давно уже обреченный штабъ, наконецъ, въ эти часы, распущенъ, и нашъ комендантъ теперь не Манда, а Сантерръ? Да, друзья, отнынѣ Сантерръ, — навѣрное, уже не Манда! Отряды, которые должны были идти въ аттаку, не видятъ ничего опредѣленнаго, кромѣ того, что они иззябли, голодны, утомлены карауломъ, что было бы печально убивать своихъ же братьевъ-французовъ, и еще печальнѣе—быть убитыми ими. Внѣ и внутри тюльерійской ограды люди эти охвачены мрачнымъ, нерѣшительнымъ настроеніемъ. Одни только красные швейцарцы стоятъ непоколебимо. Офицеры подкрѣпляютъ ихъ водкой, отъ которой національные гвардейцы, зашедшіе слишкомъ далеко впередъ для водки, отказываются.

Король Людовикъ прилегъ тѣмъ временемъ соснуть; на парикѣ его, когда онъ появляется, съ одной стороны нѣтъ пудры [1]). Старый маршалъ Малье и господа въ черномъ становятся тѣмъ бодрѣе, чѣмъ долѣе медлитъ народъ съ возстаніемъ; они даже острятъ: „Le tocsin ne rend pas“, Набатъ, подобно тощей дойной коровѣ, не дѣйствуетъ. Впрочемъ, развѣ нельзя провозгласить военный законъ? Трудно, такъ какъ мэръ Петіонъ, повидимому, ушелъ. Съ другой стороны, нашъ временный комендантъ, такъ какъ Манда только что ушелъ въ ратушу, жалуется, что такое большое количество придворныхъ въ черномъ затрудняютъ службу, являются бѣльмомъ на глазу у національныхъ гвардейцевъ. На что ея величество выразительно отвѣчаетъ, что это люди вѣрные, готовые повиноваться, готовые все перенести.

Между тѣмъ, желтый свѣтъ лампъ въ королевскомъ дворцѣ меркнетъ при свѣтѣ занимающейся утренней зари. Толкотня, суета, смятеніе усиливаются по мѣрѣ того, какъ дѣло близится къ концу. Редереръ и призрачные министры протискиваются въ толпѣ, совѣщаются въ боковыхъ комнатахъ, то съ королемъ, то съ королевой, то съ обоими вмѣстѣ. Сестра Елизавета отводитъ королеву къ окну: „Сестра, посмотри, какой чудесный восходъ“, какъ разъ надъ церковью якобинцевъ и той части города! Какое счастье, если бъ изъ набата ничего не вышло! Но Манда не возвращается, Петіонъ ушелъ; многое колеблется на невидимыхъ вѣсахъ. Около пяти часовъ изъ сада поднимается какой то гулъ, будто ликованіе, переходящій въ ревъ и заканчивающійся вмѣсто Vive le Roi крикомъ Vive la Nation. „Mon Dieu!“ восклицаетъ одинъ изъ призрачныхъ министровъ: „что онъ тамъ дѣлаетъ?“ Это король, вышедшій со старымъ маршаломъ Малье, произвести смотръ войскамъ, и ближайшіе отряды привѣтствуютъ его *такимъ* образомъ. Королева заливается слезами. Однако, когда она снова выходитъ изъ кабинета, глаза ея сухи и спокойны, взглядъ даже веселъ. „Австрійская губа и орлиный носъ, выдающійся болѣе обыкновеннаго, придавали ея лицу“, говоритъ Пелтье [2]), „величіе, о которомъ не видѣвшимъ ея въ эти минуты трудно составить себѣ представленіе“. О, дочь Терезіи!

Король Людовикъ входитъ, сильно задыхаясь отъ усталости, но все же съ своимъ обычнымъ равнодушнымъ видомъ. Изо всѣхъ надеждъ самая пріятная въ эту минуту та, что набатъ кончится ничѣмъ.

ГЛАВА VII.

Швейцарцы.

Злосчастные друзья, набатъ принесетъ,—уже принесъ результаты! Смотрите, какъ при первыхъ солнечныхъ лучахъ неизмѣримый, порожденный ночью, океанъ пикъ и ружей, сверкая, надвигается съ далекаго востока! Оно идетъ, это страшное войско: Сентъ-Антуанъ движется съ этой стороны рѣки, Сенъ-Марсо—

---

[1]) Roederer, см. выше.

[2]) Toulongeon, II, 241.

по той, хмурые марсельцы впереди. Съ далеко слышнымъ гуломъ и зловѣщимъ ропотомъ, подобно приливу океана, вздымающемуся изъ глубины пучинъ подъ вліяніемъ луны, они надвигаются, сверкая оружіемъ; никакой король, ни Канутъ, ни Людовикъ не можетъ приказать этому океану повернуть назадъ. Волнующіеся боковые потоки невооруженныхъ, но шумныхъ зрителей, стремятся туда и сюда; стальное войско подвигается впередъ. Новый комендантъ Сантерръ, правда, остановился въ городской ратушѣ отдохнуть на полдорогѣ; но эльзасецъ Вестерманъ со сверкающей саблей въ рукѣ не отдыхаетъ; ни секціи, ни марсельцы, ни дѣвица Теруань не отдыхаютъ, а безостановочно идутъ впередъ.

Гдѣ же отряды Манда, которые должны были идти въ аттаку? Ни одинъ отрядъ не двигается, а если двигается, то въ невѣрномъ направленіи, не по той дорогѣ; и офицеры радуются, что они дѣлаютъ хоть это. До нынѣ неизвѣстно въ точности, оказалъ ли отрядъ на Понтъ-Нефъ хотя тѣнь сопротивленія; во всякомъ случаѣ мрачные марсельцы, въ сопровожденіи Сенъ-Марсо, переходятъ его безпрепятственно и уже съ твердой надеждой приближаются къ Сентъ-Антуанцамъ и остальнымъ, чтобы вмѣстѣ направиться къ Тюльери, цѣли ихъ похода. Тамъ заслышали объ ихъ приближеніи и все приходитъ въ движеніе: красные швейцарцы осматриваютъ свои пороховницы; придворные въ черномъ вытаскиваютъ ружья, рапиры, кинжалы, у нѣкоторыхъ даже каминныя лопатки; каждый хватается за то оружіе, какое есть подъ рукою.

Судите же, какъ при такихъ обстоятельствахъ чувствовалъ себя синдикъ Редереръ! Неужели милосердное небо не укажетъ средняго спасительнаго пути для бѣднаго синдика, колеблющагося между двумя сторонами? Если бы его величество согласился пройти къ національному собранію! Но его величество, и особенно ея величество, не могутъ согласиться на это. Отвѣтила ли королева „fi donc“ на это предложеніе, или сказала даже, что предпочитаетъ быть пригвожденной къ стѣнамъ? Повидимому, нѣтъ. Пишутъ также, что она дала королю пистолетъ, говоря, что теперь время показать себя,—теперь или никогда. Близкіе свидѣтели этого не видѣли, и мы также. Они видѣли только, что она была царственно спокойна, она не разсуждала, не спорила противъ неизбѣжности, но, подобно Цезарю въ Капитоліи, завернулась въ свою мантію, какъ надлежитъ королевамъ и сынамъ Адама. Но ты, Людовикъ? изъ какого же матеріала созданъ ты? Неужели ты не можешь рискнуть хоть разъ, ради спасенія жизни и короны? Самая глупая, загнанная лань умираетъ не такъ. Неужели ты самый немощный изъ смертныхъ,—или самый кроткій? Во всякомъ случаѣ, самый злополучный.

Потокъ надвигается; смятеніе синдика Редерера и всѣхъ все возрастаетъ и возрастаетъ. Неистовый шумъ доносится отъ вооруженныхъ національныхъ гвардейцевъ во дворѣ; всюду безконечное жужжанье языковъ. Что посовѣтовать? А потокъ уже близокъ! Гонцы, развѣдчики поспѣшно отдаютъ отчетъ черезъ наружныя рѣшетки или переговариваются, сидя верхомъ на стѣнахъ. Синдикъ Редереръ выходитъ и возвращается, канониры спрашиваютъ его: стрѣлять ли намъ въ народъ? Министры спрашиваютъ: ворвутся ли въ королевскій дворецъ? Синдику Редереру приходится вести трудную игру. Онъ говоритъ съ канонирами краснорѣчиво, съ жаромъ, съ такимъ жаромъ, съ какимъ только можетъ говорить человѣкъ, которому приходится дышать холодомъ и жаромъ одновременно. Холодомъ и жаромъ, Редереръ? Что касается до насъ, то мы не можемъ одновременно и жить, и умереть! Канониры въ отвѣтъ бросаютъ свои фитили.—Подумайте объ этомъ отвѣтѣ, король Людовикъ и королевскіе министры, и идите по надежному среднему пути бѣднаго синдика Редерера въ Залу манежа. Король Людовикъ сидитъ, опершись руками о колѣна и нагнувшись тѣломъ впередъ, пристально смотритъ нѣкоторое время на Редерера, потомъ отвѣчаетъ, глядя черезъ плечо на королеву: „Marchons, пойдемъ!“ Они идутъ: король Людовикъ, королева, сестра Елизавета, двое королевскихъ дѣтей и гувернантка, въ сопровожденіи синдика Редерера и другихъ офиціальныхъ лицъ, среди двойной шеренги національныхъ гвардейцевъ. Люди съ мушкетами, стойкіе красные швейцарцы

смотрятъ грустно, съ укоризной, но слышатъ отъ синдика только слова: „Король идетъ въ собраніе, разступитесь!“ За нѣсколько минутъ назадъ, на всѣхъ часахъ пробило восемь. Въ этотъ часъ король покинулъ Тюльери навсегда.

О, стойкіе швейцарцы и храбрые дворяне въ черномъ, ради какого дѣла вы жертвуете собою сами, и жертвуютъ вами другіе! Посмотрите въ западныя окна, и вы увидите, какъ спокойно король Людовикъ продолжаетъ свой путь, а маленькій королевскій принцъ, „играя, подбрасываетъ ногами упавшіе листья“. Бушующая толпа кишитъ на параллельной съ ними фельянской террасѣ; среди нея особенно шумитъ одинъ, съ длинной жердью: не вздумаютъ ли они загородить наружную лѣстницу и задній выходъ изъ залы, когда королевская семья подойдетъ? Королевская гвардія можетъ дойти только до нижней ступеньки. Смотрите, вотъ выходитъ депутація законодателей; человѣка съ длинной жердью успокоиваютъ увѣщаніями, охрана собранія соединяется съ королевской охраной и всѣ въ такомъ крайнемъ случаѣ могутъ подняться вмѣстѣ; наружная лѣстница свободна, или, по меньшей мѣрѣ, проходима. Ихъ величества поднимаются; синій гренадеръ беретъ на руки бѣднаго королевскаго принца, спасая его отъ давки; ихъ величества вошли, и навсегда исчезли съ вашихъ глазъ.—А вы, швейцарцы, и придворные въ черномъ? Васъ оставили стоять среди зіяющей бездны и землетрясенія возстанія, безъ компаса, безъ команды; если вы погибните, то будете больше, чѣмъ мучениками, потому что погибнете не за идею. Придворные въ черномъ большей частью исчезаютъ черезъ всевозможные выходы, а бѣдные швейцарцы не знаютъ, что дѣлать; для нихъ ясна только единственная ихъ обязанность: оставаться на своемъ посту; и они исполнятъ ее.

Однако сверкающее море стали приблизилось, оно ударяется уже о дворцовыя ограды и восточные дворы, непреодолимое, громко вздымающееся вширь и вдаль,—оно врывается, наполняетъ Карусельную площадь, мрачные марсельцы впереди. Король Людовикъ ушелъ, говорите вы, въ собраніе! Прекрасно: но пока собраніе не смѣститъ его, что пользы въ этомъ? Наше мѣсто здѣсь, въ этомъ замкѣ, или, въ его крѣпости; мы должны остаться здѣсь. Подумайте, стойкіе швейцарцы, хорошо ли, если начнется убійство и братья станутъ разстрѣливать другъ друга изъ за каменнаго зданія?—Бѣдные швейцарцы, они не знаютъ, что дѣлать: изъ южныхъ оконъ нѣкоторые бросаютъ патроны въ знакъ братства; они стоятъ плотными рядами на восточной наружной лѣстницѣ и внутри вдоль длинныхъ лѣстницъ и коридоровъ, стоятъ миролюбиво, но отказываются двинуться съ мѣста. Вестерманъ говоритъ съ ними на нѣмецко-эльзаскомъ языкѣ, марсельцы умоляютъ горячей провансальской рѣчью и мимикой; оглушительный гулъ увѣщаній и угрозъ окружаетъ ихъ. Швейцарцы стоятъ непоколебимо, мирно, но неподвижно, подобно красной гранитной плотинѣ среди бушующаго и сверкающаго моря стали.

Кто можетъ помѣшать неизбѣжному? Марсельцы и вся Франція на одной сторонѣ; гранитные швейцарцы на другой. Жесты становятся все возбужденнѣе, марсельцы размахиваютъ саблями; швейцарцы хмурятся и пальцы ихъ нажимаютъ ружейные курки. Вдругъ, заглушая весь шумъ, три ядра изъ марсельскихъ пушекъ, направленныхъ плохимъ артиллеристомъ, съ громомъ вылетаютъ и катятся по крышамъ! Швейцарцы командуютъ: „Стрѣлять!“ И стрѣляютъ залпами, повзводно, бѣглымъ огнемъ; не мало марсельцевъ, и среди нихъ „высокій мужчина, шумѣвшій больше всѣхъ“, падаютъ безмолвно и лежатъ, пригвожденные къ мостовой, не мало ихъ окончили здѣсь свой длинный, пыльный путь! Карусельная площадь пуста: черное море отступило, „нѣкоторые бѣжали, не останавливаясь, до самаго Сентъ-Антуана“. Канониры безъ фителей исчезли въ пространствѣ, оставивъ свои пушки, которыми швейцарцы завладѣваютъ.

Что это былъ за залпъ! Онъ разнесся приговоромъ по всѣмъ четыремъ сторонамъ Парижа и отдался во всѣхъ сердцахъ, подобно звуку военнаго клича Беллоны! Хмурые марсельцы, тотчасъ же снова соединившіеся, превратились въ черныхъ демоновъ, умѣющихъ умирать. Не отстаетъ и Брестъ запоздавшій, ни эльза-

Швейцарцы, тѣснимые снаружи, парализованные изнутри, перестали стрѣлять, но не перестали падать отъ пуль. Что имъ дѣлать? Моментъ отчаянный. Искать прикрытія или немедленно умереть? Но гдѣ прикрытіе? Одна часть выбѣгаетъ на улицу де-Лешель и уничтожается цѣликомъ, „en entier“. Другая часть, съ другой стороны, бросается въ садъ, „подъ сильнымъ огнемъ“ вбѣгаетъ съ мольбой въ національное собраніе, встрѣчаетъ сочувствіе и укрывается тамъ на заднихъ скамейкахъ. Третья, самая большая, составивъ колонну въ триста человѣкъ, устремляется къ Елисейскимъ полямъ. Ахъ, если бъ вамъ удалось достигнуть Курбвуа, гдѣ находятся другіе швейцарцы! Увы, подъ сильнымъ огнемъ колонна „вскорѣ разстраивается вслѣдствіе различія мнѣній“, распадается на разрозненныя кучки; часть прячется въ закоулкахъ, остальные умираютъ, сражаясь на улицахъ. Стрѣльба и убійства не прекращаются еще долго. Стрѣляютъ даже въ красныхъ швейцаровъ при отеляхъ независимо отъ того, природные ли они швейцарцы, или Suisse только по названію. Стрѣляютъ даже въ пожарныхъ, заливающихъ дымящуюся Карусель: почему же Карусели не сгорѣть? Нѣкоторые швейцарцы спасаются въ частныхъ домахъ и находятъ, что состраданіе еще все живетъ въ человѣческихъ сердцахъ. Храбрые марсельцы, еще недавно столь грозные, тоже милосердны и хлопочутъ надъ спасеніемъ раненыхъ. Журналистъ Горза горячо увѣщеваетъ разъяренныя группы. Клемансъ, виноторговецъ, натыкается на рѣшетку собранія, держа за руку спасеннаго имъ швейцарца; страстно разсказываетъ, съ какимъ трудомъ и опасностью онъ спасъ его, обѣщаетъ, будучи самъ бездѣтенъ, помогать ему и, среди рукоплесканій, падаетъ безъ чувствъ на шею бѣдному швейцарцу. Но большинство убито и даже искалѣчено. Пятьдесятъ (нѣкоторые говорятъ, восемьдесятъ) человѣкъ отводятся національными гвардейцами, въ качествѣ плѣнныхъ, въ городскую ратушу, но на Гревской площади озлобленный народъ бросается на нихъ и убиваетъ всѣхъ до единаго. „О, Peuple, которому завидуетъ вселенная!“ Peuple, охваченный яростью безумія!

Немногое въ исторіи кровавыхъ бань ужаснѣе этого побоища. Какъ неизгладимо запечатлѣвается въ грустномъ воспоминаніи красная нить несчастной колонны красныхъ швейцарцевъ, „распадающейся вслѣдствіе несогласія во мнѣніяхъ“ и исчезающей въ мракѣ и смерти! Честь вамъ, храбрые люди, и почтительное сожалѣніе на долгія времена! Вы были не мученики, но почти болѣе, чѣмъ мученики. Онъ не былъ вашимъ королемъ, этотъ Людовикъ, и онъ покинулъ васъ, какъ король изъ тряпокъ и лохмотьевъ: вы были только проданы ему за нѣсколько грошей въ день, но вы хотѣли работать за свое жалованье, сдержать данное слово. Работа эта теперь означала смерть, и вы исполнили ее. Слава вамъ, и да будетъ жива во всѣ времена старая Deutsche Biederkeit и Tapferkeit, и доблесть, заключающаяся въ достоинствѣ и вѣрности, будь эти качества швейцарскими или саксонскими! Люди эти были не побочными, а законными сынами Земпаха и Муртена, преклонявшими колѣна, но не передъ тобой, бургундскій герцогъ!—Пусть путешественникъ, проѣзжающій черезъ Люцернъ, свернетъ въ сторону взглянуть на ихъ монументальнаго Льва,—не ради только Торвальдсена! Высѣченная изъ цѣльной скалы, фигура льва отдыхаетъ у тихихъ водъ озера, убаюкиваемая далекими звуками rance-des-vaches (пастушеской пѣсни); вокругъ безмолвно стоятъ на часахъ гранитныя горы,—и фигура, хотя и неодушевленная, говоритъ.

ГЛАВА VIII.

Конституція разрывается на части.

Такимъ образомъ, десятое августа и выиграно, и потеряно. Патріотизмъ считаетъ своихъ убитыхъ многими тысячами, такъ смертоносенъ былъ огонь швейцарцевъ изъ оконъ; но, въ концѣ концевъ, число ихъ сводится къ ты-

сячѣ двумстамъ. Это былъ не шуточный бой. Къ двумъ часамъ дня избіеніе, разгромъ и пожаръ еще не прекратились, распахнутыя двери Бедлама еще не закрылись.

Какъ потоки неистовующихъ санкюлотовъ ревѣли во всѣхъ коридорахъ Тюльерійскаго дворца, безпощадные въ своей жаждѣ мщенія; какъ убивали, рубили лакеевъ, и г-жа Кампанъ видѣла занесенную надъ ея головой марсельскую саблю, но мрачный герой сказалъ „Va-t'-en! Пошла прочь!" и оттолкнулъ ее, не тронувъ [1]); какъ въ погребахъ разбивали бутылки съ виномъ, у бочекъ вышибали дно и содержимое ихъ выпивали; какъ во всѣхъ этажахъ, до самыхъ чердаковъ, окна извергали драгоцѣнную королевскую мебель, и какъ заваленный золоченными зеркалами, бархатными драпировками, пухомъ распоротыхъ перинъ и мертвыми человѣческими тѣлами, Тюльерійскій садъ не походилъ ни на одинъ садъ на землѣ,—обо всемъ этомъ желающій можетъ найти подробное описаніе у Мерсье, у желчнаго Монгальяра или у Больо въ Deux-Amis. Сто восемьдесятъ тѣлъ швейцарцевъ лежатъ, сваленныя въ груду, непокрытыя и убираются только на слѣдующій день. Патріоты изорвали ихъ красные мундиры въ клочья и носятъ ихъ на концахъ пикъ; страшныя голыя тѣла лежатъ подъ солнцемъ и звѣздами; любопытные обоихъ половъ стекаются смотрѣть на нихъ. Не будемъ этого дѣлать! Около сотни повозокъ, нагроможденныхъ трупами, направляются къ кладбищу святой Магдалины, сопровождаемыя воплями и плачемъ, потому что у всѣхъ были родственники, матери, здѣсь или на родинѣ; это одно изъ тѣхъ кровавыхъ полей, о которыхъ мы читаемъ подъ названіемъ „славной побѣды", очутившееся, въ этомъ случаѣ, у самой нашей двери.

Кампанъ.

Но марсельцы свергли деспота во дворцѣ; онъ разбитъ и едва ли поднимется вновь. Какой моментъ переживало законодательное собраніе, когда наслѣдственный представитель вошелъ, при такихъ обстоятельствахъ, и гренадеръ, несшій маленькаго королевскаго принца, спасая его отъ давки, поставилъ его на столъ собранія! Моментъ, который нужно было сгладить рѣчами, въ ожиданіи того, что принесетъ слѣдующій! Людовикъ сказалъ немного словъ: „Онъ пришелъ сюда, чтобы предупредить большое преступленіе; онъ думаетъ, что нигдѣ не находится въ большей безопасности, чѣмъ здѣсь". Президентъ Верньо отвѣтилъ, въ короткихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что-то о „защитѣ конституціонныхъ властей", о смерти на своихъ постахъ [2]). И вотъ король Людовикъ садится сначала на одномъ мѣстѣ, потомъ на другомъ, потому что возникаетъ затрудненіе: конституція запрещаетъ вести пренія въ присутствіи короля; кончается тѣмъ, что король переходитъ со своей семьей въ „Loge du Logographe", въ ложу протоколиста, находящуюся внѣ заколдованнаго конституціоннаго круга и отдѣленную отъ него рѣшеткой. Вотъ въ какую клѣтку, площадью въ десять квадратныхъ футовъ, съ маленькимъ кабинетикомъ у входа, замкнутъ теперь король обширной Франціи: здѣсь въ продолженіи шестнадцати часовъ онъ и его семья могутъ смирно сидѣть на глазахъ у всѣхъ, или отъ времени до времени удаляться въ кабинетикъ. Вотъ до какого совершенно своеобразнаго момента пришлось дожить законодательному собранію!

---

[1]) Campan, II, c. 21.

[2]) Moniteur, Séance du 10 aout, 1792.

Но что за моментъ былъ и слѣдующій за нимъ, когда, нѣсколько минутъ спустя, грянули три марсельскія пушки, затрещалъ бѣглый огонь швейцарцевъ, и все загремѣло, словно наступилъ страшный судъ! Почтенные члены вскакиваютъ, такъ какъ пули залетаютъ даже сюда, со звономъ влетаютъ сквозь разбитыя стекла и поютъ свою побѣдную пѣснь даже и здѣсь. „Нѣтъ, это нашъ постъ; умремъ на своихъ мѣстахъ!“ Законодатели снова садятся и сидятъ подобно каменнымъ изваяніямъ. Но не можетъ ли ложа протоколиста быть взломана сзади? Сломайте рѣшетку, отдѣляющую ее отъ заколдованнаго конституціоннаго круга! Сторожа разбиваютъ и ломаютъ, его величество самъ помогаетъ изнутри и рѣшетка уступаетъ общимъ усиліямъ, король и законодательное собраніе теперь соединены, невѣдомая судьба паритъ надъ ними обоими.

Одинъ ударъ грохочетъ за другимъ; задыхающіеся гонцы, съ расширенными отъ ужаса глазами, врываются одинъ за другимъ; отправляется приказъ короля швейцарцамъ. Ужасающій трескъ кончился. Запыхавшіеся гонцы, бѣгущіе швейцарцы, обвиняющіе патріоты, общій трепетъ,—и конецъ. Къ четыремъ часамъ многое пришло къ концу.

Приходятъ и уходятъ, при громѣ виватовъ, новые муниципальные совѣтники, съ тремя флагами: **Liberté, Egalité, Patrie**. Верніо, предлагавшій, въ качествѣ президента нѣсколько часовъ тому назадъ, умереть за конституціонныя учрежденія, теперь, въ качествѣ докладчика комитета, вноситъ предложеніе провозгласить *низложеніе* короля и немедленно созвать *національный конвентъ* для выясненія дальнѣйшаго! Толковый докладъ этотъ, должно быть, уже лежалъ готовый у президента въ карманѣ. Въ подобныхъ случаяхъ у президента многое должно быть готово, но многое и не готово, и, подобно двуликому Янусу, онъ долженъ смотрѣть впередъ и назадъ.

Король Людовикъ все это слушаетъ. Около полуночи онъ удаляется „въ три маленькія комнаты въ верхнемъ этажѣ, пока для него не приготовятъ Люксембургъ и „охрану отъ націи“. Лучшей охраной былъ бы герцогъ Брауншвейгскій. Впрочемъ, кто знаетъ? Можетъ быть, и нѣтъ. Бѣдныя развѣнчанныя головы! На слѣдующее утро толпы приходятъ поглазѣть на нихъ въ ихъ трехъ комнаткахъ наверху. Монгальяръ говоритъ, что августѣйшіе плѣнные имѣли беззаботный, даже веселый видъ; что королева и принцесса Ламбалль, присоединившаяся къ ней ночью, глядя въ открытое окно, „стряхивали пудру со своихъ волосъ на стоявшій внизу народъ и смѣялись“ [1]. Но Мангальяръ—желчный, изломанный человѣкъ.

Впрочемъ, можно догадаться, что законодательное собраніе и, главнымъ образомъ, новый муниципалитетъ продолжаютъ свою дѣятельность. Гонцы отъ муниципалитета или законодательнаго собранія и быстрыя эстафеты летятъ во всѣ концы Франціи, преисполненные торжества, смѣшаннаго съ негодующимъ сожалѣніемъ, потому что побѣда стоила жизни тысячѣ двухстамъ человѣкъ. Франція шлетъ свой смѣшанный съ негодованіемъ ликующій отвѣтъ: десятое августа будетъ тѣмъ же что и четырнадцатое іюля, только еще кровавѣе, еще многозначительнѣе. Дворъ конспирировалъ? Бѣдный дворъ: онъ побѣжденъ и ему придется нести послѣдствія опустошенія и пренебреженія. Падаютъ всѣ статуи королей! Даже бронзовый Генрихъ, хотя когда-то на немъ красовалась трехцвѣтная кокарда, рушится внизъ съ Понтъ-Нёфъ, гдѣ развѣвается знамя „*Отечество въ опасности*“. Еще стремительнѣе опрокидывается Людовикъ XIV на Вандомской площади и даже, падая, разбивается. Любопытные могутъ замѣтить надпись на копытахъ его коня: „12 Aout 1692“: сто лѣтъ и одинъ день.

Десятое августа было въ пятницу. Еще до конца недѣли старое патріотическое министерство призвано вновь на свой постъ, въ томъ составѣ, какой оказался возможнымъ: строгій Роланъ, женевецъ Клавіеръ, затѣмъ, тяжеловѣсный Монжъ, математикъ, бывшій каменнотесъ, и, въ качествѣ министра юстиціи, Дантонъ, „приведенный сюда, какъ онъ самъ говоритъ, со своею колоссальною

---

[1] Montgaillard, II, 135—167.

образностью, „сквозь брешь патріотическихъ пушекъ!“ Эти люди должны, подъ руководствомъ законодательныхъ комитетовъ, вести, какъ умѣютъ, разбитый корабль. Много будетъ смятенія съ старымъ, утлымъ законодательнымъ собраніемъ и съ развязнымъ новымъ муниципалитетомъ! Но составится національный конвентъ, и тогда! Однако, пусть безъ промедленія, будетъ установленъ въ Парижѣ новый судъ присяжныхъ и криминальный трибуналъ, чтобы произнести приговоръ надъ всѣми преступленіями и заговорами, относящимися къ 10-му августа. Верховный орлеанскій судъ далекъ, медлителенъ, а за кровь тысячи двухсотъ патріотовъ должно быть заплочено кровью же, какою бы ни было. Трепещите, преступники и заговорщики: министромъ юстиціи сталъ Дантонъ! Робеспьеръ, послѣ побѣды, тоже засѣдаетъ въ новомъ муниципалитетѣ, революціонномъ „импровизированномъ муниципалитетѣ“, называющемъ себя генеральнымъ совѣтомъ коммуны.

Гаспаръ Монжъ.

Три дня уже Людовикъ и его семейство слушаютъ законодательные дебаты въ ложѣ протоколиста, а на ночь удаляются въ маленькія верхнія комнаты. Люксембургъ и національную охрану не успѣли приготовить; къ тому же въ Люксембургѣ оказывается слишкомъ много выходовъ и погребовъ: никакой муниципалитетъ не можетъ взять на себя его охрану. Непроницаемая тюрьма Тампль, правда, не столь элегантная, была бы гораздо надежнѣе. Такъ въ Тампль! Въ понедѣльникъ, 13-го августа 1792 года, Людовикъ и его печальная низложенная семья переѣзжаетъ туда въ экипажѣ мэра Петіона: весь Парижъ выходитъ посмотрѣть на нихъ. При проѣздѣ ихъ по Вандомской площади, разбитая статуя Людовика XIV еще валяется на землѣ. Петіонъ боится, что взглядъ королевы можетъ показаться толпѣ насмѣшливымъ и вызвать раздраженіе; но она опускаетъ глаза и ни на что не смотритъ. „Давка чудовищная“, но все спокойно; кое-гдѣ кричатъ Vive la Nation, но бо́льшая часть смотритъ молчаливо Французскій король исчезаетъ за воротами Тампля; старыя зубчатыя башни накрываютъ его, подобно гасителямъ, называемымъ Bonsoir; — изъ этихъ самыхъ башенъ, пятьсотъ лѣтъ назадъ, французская королевская власть вывела на сожженіе несчастныхъ Жака Моле и его тампліеровъ. Вотъ какъ измѣнчива судьба людей на нашей планетѣ. Всѣ иностранные послы, въ томъ числѣ англійскій, лордъ Гауеръ, потребовали свои грамоты и въ негодованіи разъѣзжаются, каждый къ себѣ на родину.

Итакъ, съ конституціей покончено? Отнынѣ и во вѣки! Кончилось это міровое чудо; первый двухгодичный парламентъ, потерпѣвъ крушеніе, дожидается только, пока явится національный конвентъ, и тогда погрузится въ бездонныя глубины времени. Можно представить себѣ молчаливую ярость бывшихъ членовъ учредительнаго собранія, создателей конституціи, вымершихъ фельянтинцевъ, полагавшихъ, что конституція выживетъ. Лафайетъ, во главѣ своей арміи, поднимается до высоты положенія. Законодательное собраніе посылаетъ къ нему и къ арміи на сѣверной границѣ коммиссаровъ, чтобы склонить ихъ къ признанію новаго порядка. Но Лафайетъ приказываетъ седанскому муниципалитету арестовать этихъ коммиссаровъ и держать ихъ подъ строгимъ карауломъ, какъ мятежниковъ, до дальнѣйшихъ его распоряженій. Седанскій муниципалитетъ повинуется.

Муниципалитетъ повинуется, но солдаты? Солдаты арміи Лафайета, подобно всѣмъ солдатамъ, испытываютъ смутное чувство, что они сами санкюлоты въ кожанныхъ поясахъ, что побѣда десятаго августа ихъ побѣда. Они не

хотятъ подниматься и слѣдовать за Лафайетомъ въ Парижъ; они предпочитаютъ подняться и послать туда его самого. Поэтому, уже въ ближайшую субботу, 18-го числа, Лафайетъ, водворивъ по мѣрѣ возможности порядокъ въ своихъ войскахъ, уѣзжаетъ въ сопровожденіи двухъ или трехъ негодующихъ офицеровъ, своего штаба, въ томъ числѣ бывшаго члена конституанты, Александра де Ламета. Они поспѣшно переѣзжаютъ границы и направляются въ Голландію. Увы, Лафайетъ скоро попадется въ когти австрійцевъ! Долгое время колеблясь и вспыхивая, простоявъ на краю горизонта, онъ исчезаетъ въ ольмюцкихъ казематахъ, и роль его въ исторіи первой французской революціи кончается. Прощай, герой двухъ міровъ, тощій, но плотно сколоченный, достойный почтенія человѣкъ! Среди долгой суровой ночи плѣна, среди прочихъ неурядицъ, тріумфовъ и перемѣнъ, ты будешь держаться стойко, „зацѣпившись якоремъ за вашингтонскую формулу“, и будешь считаться героемъ и совершеннымъ характеромъ, хотя бы героемъ только одной идеи. Седанскій муниципалитетъ кается и протестуетъ; солдаты кричатъ „Vive la Nation“. Полиметисъ Дюмурье, изъ лагеря въ Мольдѣ, назначается главнокомандующимъ.

Скажи, о, Брауншвейгъ! какого рода „военной экзекуціи“ заслуживаетъ теперь Парижъ? Впередъ, вы, хорошо дрессированные истребители съ вашими артиллерійскими повозками и гремящими походными котлами! Впередъ, статный, рыцарскій король Пруссіи, хвастливые эмигранты и богъ войны Брольи! Впередъ, „на утѣшеніе человѣчеству“, которое воистину нуждается въ нѣкоторомъ утѣшеніи.

ЧАСТЬ III.

ГИЛЬОТИНА.

3,98

Alle Freiheits-Apostel, sie waren mir immer zuwider;
Willkür suchte doch nur Jeder am Ende für sich.
Willst du Viele befrein, so wag'es Vielen zu dienen.
Wie gefährlich das sey, willst du es wissen? Versuch's!

Goete.

399

КНИГА I.

Сентябрь.

ГЛАВА I.

Импровизированная коммуна.

Итакъ, вы заставили Францію возстать, вы, эмигранты и деспоты міра Франція поднялась! Долго вы наставляли и опекали этотъ бѣдный народъ, размахивая надъ нимъ, подобно жестокимъ, самозваннымъ педагогамъ, своими желѣзными и стальными ферулами; долго вы кололи его, угощали щелчками и стращали,—когда онъ безпомощно сидѣлъ, закутанный въ саванъ своей конституціи; вы обступили его изо всѣхъ странъ, съ вашими арміями и заговорами, вторженіями и шумными угрозами;—и вотъ, смотрите, вы задѣли его за живое, онъ возсталъ, и кровь его кипитъ. Онъ разорвалъ свой саванъ, какъ паутину, и выступаетъ противъ васъ со страшной силой природы, которой никому не измѣрить, которая граничитъ съ безуміемъ и адомъ. Какъ то вы справитесь съ нимъ!

Этотъ сентябрь мѣсяцъ 1792 г., сдѣлавшійся однимъ изъ примѣчательнѣйшихъ мѣсяцевъ въ исторіи, представляется подъ двумя весьма различными видами: совершенно чернымъ, съ одной стороны, и ослѣпительно яркимъ — съ другой. Ужасное, въ панической ярости двадцатипяти милліоновъ людей, и великое, въ одновременномъ презрѣніи къ смерти тѣхъ же самыхъ двадцатипяти милліоновъ, стоитъ передъ нами въ рѣзкомъ контрастѣ, почти соприкасаясь одно съ другимъ. Такъ обыкновенно бываетъ, когда человѣкъ внезапно выброшенъ изъ границъ; тѣмъ болѣе это понятно, когда въ такомъ положеніи находится цѣлая нація. Вѣдь, природа, зеленѣющая на поверхности, покоится, если заглянуть поглубже, на страшномъ фундаментѣ; и Панъ, подъ музыку котораго пляшутъ нимфы, хранитъ въ себѣ крикъ, могущій довести до безумія всѣхъ людей.

Крайне опасно, когда нація, порвавъ свои политическія и общественныя установленія, превратившіяся для нея въ погребальный саванъ, становится трансцендентальной и должна прокладывать себѣ дикій путь сквозь хаотическое Новое, гдѣ сила еще не отличаетъ дозволеннаго отъ запрещеннаго, и преступленіе и добродѣтель бушуютъ вмѣстѣ, нераздѣльныя, во власти страстей, ужаса и чудесъ! Такой именно мы видимъ Францію въ третьемъ томѣ нашей исторіи, въ теченіи трехъ предстоящихъ лѣтъ. Санкюлотизмъ царитъ во всемъ своемъ величіи и гнусности: евангеліе (божественная вѣсть) правъ человѣка, его мощи или силы, проповѣдуется еще разъ, въ качествѣ неопровержимой истины; а наряду съ нимъ, и еще громче, разносится страшная вѣсть сатаны — о слабостяхъ и грѣхахъ человѣка; — и все это въ такомъ раз-

мѣрѣ и видѣ: мрачное „смерть-рожденіе міра", огромное дымное облако, съ одной стороны прорѣзанное какъ бы небесными лучами, съ другой—опоясанное какъ бы адскимъ пламенемъ! Исторія разсказываетъ намъ многое, но что изъ разсказаннаго ею, за послѣдніе тысячу съ лишнимъ лѣтъ, можетъ сравниться съ этимъ? Поэтому, читатель, остановимся съ тобою не надолго на этихъ событіяхъ и попытаемся извлечь изъ нихъ неисчерпаемаго значенія то, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, можетъ быть для насъ пригодно.

Прискорбно, хотя и естественно, что исторія этого періода писалась почти исключительно въ истерическихъ припадкахъ. Множество преувеличеній, проклятій, воплей, и, въ общемъ, много неяснаго. Но когда развратный древній Римъ долженъ былъ быть сметеннымъ съ лица земли, и въ него вторглись сѣверные народы и другіе страшные сыны природы, „сметая прочь формулы", какъ это дѣлаютъ теперь французы, то гнусный древній Римъ также разразился громкими проклятіями, такъ что истинный образъ многихъ вещей также пропалъ для насъ. У гунновъ Аттилы руки были такой длины, что они могли поднять камень, не нагибаясь. Въ названіе бѣдныхъ татаръ проклинающая ихъ римская исторія вставила лишнюю букву, и они до сихъ поръ называются tartars, сынами Тартара (ада). И здѣсь также, сколько бы мы ни рылись въ разнообразныхъ, безчисленныхъ французскихъ лѣтописяхъ, мракъ слишкомъ часто покрываетъ событія, или же насъ поражаютъ такія показанія, которыя кажутся продиктованными безуміемъ. Трудно представить себѣ, что солнце, въ этомъ сентябрѣ, свѣтило такъ же, какъ свѣтитъ въ другіе мѣсяцы. Тѣмъ не менѣе, солнце свѣтило,—это непреложный фактъ; и была такая или иная погода, и кипѣла работа; что касается до погоды, то она была очень дурная для уборки урожая! Злополучный писатель можетъ стараться изо всѣхъ силъ, въ концѣ концовъ все таки приходится просить, чтобы ему повѣрили на слово.

Мудръ былъ бы тотъ французъ, который, смотря вблизи на мрачное зрѣлище, представляемое Франціей, стремящейся и кружащейся по новымъ, невѣданнымъ путямъ, сумѣлъ бы различить, гдѣ находится центръ этого движенія, и какое направленіе было въ немъ господствующимъ. Другое дѣло теперь, черезъ сорокъ четыре года. Теперь, въ сентябрьскомъ вихрѣ для всѣхъ достаточно ясно опредѣлились два главныхъ движенія или великихъ направленія: бурное теченіе къ границамъ и яростное стремленіе къ городскимъ совѣтамъ и ратушамъ внутри страны. Освирѣпѣвшая Франція кидается, съ отчаяннымъ презрѣніемъ къ смерти, къ границамъ, на защиту отъ иностранныхъ деспотовъ; и стремится къ ратушамъ и избирательнымъ комитетамъ, чтобы защититься отъ домашнихъ аристократовъ. Пусть читатель постарается хорошенько понять эти два основныя стремленія и зависящія отъ нихъ боковыя теченія и безчисленные водовороты. И пусть онъ рѣшитъ самъ, могли ли, при такомъ внезапномъ крушеніи всѣхъ старыхъ авторитетовъ, оба эти основныя теченія, полу-неистовыя сами по себѣ, быть мирнаго характера. Франція напоминала изсушенную Сахару, когда въ ней просыпается вѣтеръ, вздымающій и крутящій необозримые пески! Путешественники говорятъ, что самый воздухъ превращается тогда въ тусклую песчаную атмосферу, и сквозь нее смутно мерещатся необыкновенныя, неясныя колоннады песчаныхъ столбовъ, несущихся, кружась, по обѣимъ сторонамъ, колоннады, похожія на вертящихся дервишей, въ сто футовъ ростомъ, танцующихъ чудовищный вальсъ пустыни!

Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ человѣческихъ движеніяхъ, хотя бы они только что возникли, есть порядокъ, или начало порядка. Обратите вниманіе на двѣ вещи въ этомъ вальсѣ Сахары, который танцуютъ двадцать пять милліоновъ французовъ; или, скорѣе, на одну вещь, и на другую надежду: на парижскую коммуну (муниципалитетъ), которая уже существуетъ, и на національный конвентъ, который появится черезъ нѣсколько недѣль. Революціонная коммуна, неожиданно составившаяся въ вечеръ 10-го августа и произведшая приснопамятное освобожденіе народа посредствомъ взрыва, должна управлять пока не

образуется конвентъ. Эта коммуна, которую называютъ самозванной или „импровизированной“, теперь царитъ надъ Франціей. Можетъ ли законодательное собраніе, черпающее свою власть изъ стараго, имѣть какой нибудь авторитетъ теперь, когда старое осуждено возстаніемъ? Впрочемъ, нѣкоторыя вещи, лица и интересы еще держатся за него, какъ за оставшійся послѣ крушенія плывущій обломокъ: это добровольные защитники отечества, карабинеры или копьеносцы въ зеленыхъ мундирахъ, или красныхъ ночныхъ колпакахъ, ежедневно проходящіе передъ нимъ, отправляясь въ походъ противъ Брауншвейга; они размахиваютъ оружіемъ, всегда съ оттѣнкомъ краснорѣчія, въ стилѣ Леонида, часто съ пламенной смѣлостью, грозящей превзойти Ирода, причемъ галлереи, „особенно женщины, разражаются нескончаемыми рукоплесканіями“ [1]). Такія или подобныя же привѣтствія принимаются, и на нихъ отвѣчаютъ, передъ лицемъ всей Франціи; Зала манежа все еще служитъ мѣстомъ всякихъ провозглашеній. Собственно, она служитъ теперь главнымъ образомъ для этого. Верніо произноситъ вдохновенныя рѣчи, но всегда только въ пророческомъ смыслѣ, указывая на грядущій конвентъ. „Пусть погибнетъ наша память“, кричитъ Верніо, „лишь бы Франція была свободна!“—въ отвѣтъ на что, всѣ вскакиваютъ и восклицаютъ: „Да, да, périsse notre mémoire, pourvu que la France soit libre!“ [2]). Бывшій капуцинъ Шабо заклинаетъ небо, чтобы мы, по крайней мѣрѣ, „избавились отъ королей“, и, какъ порохъ, въ который попала искра, мы снова всѣ вспыхиваемъ и, махая шляпами, восклицаемъ и клянемся: „Да, nous le jurons; plus de rois!“ [3]). Все это, какъ способъ провозглашенія, весьма удобно.

Впрочемъ, нельзя отрицать того, что наши дѣятельные Бриссо, строгіе Роланы, люди, нѣкогда пользовавшіеся авторитетомъ, который теперь все убываетъ; люди, любящіе законность и желающіе, чтобы даже взрывъ происходилъ, по возможности, по правиламъ, находятъ такое положеніе дѣлъ неофиціально крайне неудовлетворительнымъ. Подаются жалобы; дѣлаются попытки, но безрезультатно. Попытки производятъ даже обратное дѣйствіе и должны быть оставлены изъ опасенія худшаго; скипетръ навсегда выскользнулъ изъ рукъ законодательнаго собранія. Рокъ былъ такъ жестокъ къ этому бѣдному собранію, что оно позволило себя сковать по рукамъ и пригвоздить къ скалѣ, подобно Андромедѣ, и можетъ теперь только жаловаться землѣ и небу: чудеснымъ образомъ, изъ пустой лазури спустился крылатый Персей (импровизированная коммуна) и освободилъ ее. Но кто теперь будетъ имѣть рѣшающій голосъ: оно ли, съ его кроткостью и музыкальной рѣчью, или этотъ Персей съ его грубостью и острымъ мечомъ и щитомъ? Гармоничное созвучіе голосовъ было бы по правилу! Если же будетъ иначе, и голоса разойдутся, тогда, несомнѣнно, участь Андромеды—плакать; хорошо еще, если только слезами благодарности!

Будь довольна, Франція, этой импровизированной коммуной, какова она есть! Она имѣетъ нужныя орудія, и имѣетъ руки; время не терпитъ. Въ воскресенье, 20-го августа, соберутся наши первоначальныя избирательныя собранія и приступятъ къ избранію выборщиковъ; въ воскресенье, 2-го сентября (да окажется этотъ день счастливымъ!), выборщики начнутъ избирать депутатовъ, и такимъ образомъ составится всеисцѣляющій національный конвентъ. Никакія marc d'agrent, ни различеніе на пассивныхъ и активныхъ, не оскорбляютъ теперь французскихъ патріотовъ: у насъ всеобщая подача голосовъ, неограниченная свобода выборовъ. Бывшіе члены конституанты, настоящіе члены законодательнаго собранія, вся Франція, могутъ быть избираемы. Даже, можно сказать, что это право распространено на цвѣтъ всего міра, такъ какъ на этихъ

[1]) Moore's Journal I, 85.
[2]) Hist. Parl. XVII, 467.
[3]) Hist. Parl. XVII, 437.

же дняхъ, актомъ собранія, мы „натурализовали“ главныхъ иностранныхъ друзей человѣчества: Пристлея, котораго сожгли за насъ въ Бирмингамѣ; Клопштока, генія всѣхъ странъ; Іеремію Бентама, полезнаго юриста; благороднаго Пэна, мятежнаго портного; и нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть выбраны, какъ и подобаетъ для такого рода конвента. Словомъ, семьсотъ сорокъ пять неограниченныхъ повелителей, восхищающихъ міръ, должны замѣнить это жалкое, безсильное законодательное собраніе,—изъ котораго, вѣроятно, вновь будутъ избраны лучшіе члены и Гора въ полномъ составѣ. Роланъ готовитъ Salle des Cent Suisses для ихъ временныхъ собраній; это одна изъ залъ Тюльерійскаго дворца, теперь пустого и національнаго, и не дворца болѣе, а караванъ-сарая.

Что касается до самопроизвольной коммуны, то, можно сказать, что на землѣ не бывало болѣе страннаго городского совѣта. Задача, выпавшая на ея долю, состоитъ въ управленіи не большимъ городомъ, а большимъ королевствомъ въ состояніи яраго возмущенія. Нужно вести записи, заготовлять провіантъ, судить, разбирать, рѣшать, дѣлать, стараться сдѣлать: приходится удивляться, что человѣческій мозгъ выдержалъ все это и не завертѣлся. Но, къ счастью, людскіе мозги имѣютъ способность воспринимать только то, что они могутъ вмѣстить, и игнорируютъ все остальное, пренебрегая имъ, какъ будто его не существуетъ! При этомъ, кой о чемъ, дѣйствительно, заботятся, а многое заботится о себѣ само. Эта импровизированная коммуна идетъ впередъ, ни въ чемъ не сомнѣваясь; быстро, безъ страха или замѣшательства, въ любую минуту, идетъ навстрѣчу потребностямъ минуты. Если бы міръ былъ весь въ огнѣ, то и тогда импровизированный трехцвѣтный муниципальный совѣтникъ можетъ потерять только одну жизнь. Это квинтъ-эссенція, избранники санкюлотскаго патріотизма; они возведены на постъ потерянной надежды, и наградой имъ будетъ неслыханная побѣда или высокія висѣлицы. И вотъ, эти удивительные муниципалы сидятъ въ городской ратушѣ, засѣдаютъ въ генеральномъ совѣтѣ въ наблюдательномъ комитетѣ (de Surveillance, который дѣлается даже комитетомъ de Salut Public, общественнаго спасенія) или во всякихъ другихъ комитетахъ и подкомитетахъ, въ какихъ оказывается надобность; ведутъ безконечную переписку, постановляютъ безконечное число декретовъ: извѣстенъ даже случай „девяноста восьми декретовъ въ день“. Готово! вотъ ихъ пароль. Они носятъ въ карманѣ заряженный пистолетъ и какой-нибудь импровизированный завтракъ для подкрѣпленія. Правда, со временемъ съ трактирщиками заключаютъ условіе о доставленіи имъ обѣдовъ на мѣсто;—но потомъ ворчатъ, что это слишкомъ большая расточительность. Вотъ каковы эти совѣтники въ трехцвѣтныхъ шарфахъ, съ муниципальными записными книжками въ одной рукѣ, и съ заряженнымъ пистолетомъ въ другой. У нихъ имѣются агенты по всей Франціи, говорящіе въ ратушахъ, на базарныхъ площадяхъ, на большихъ и проселочныхъ дорогахъ; агитирующіе, призывающіе къ оружію, воспламеняющіе всѣ сердца. Велико пламя антиаристократическаго краснорѣчія: нѣкоторые, какъ напримѣръ, книгопродавецъ Моморо, издалека намекаютъ на что-то, пахнущее аграрнымъ закономъ и вскрытіемъ вспухшихъ, какъ отъ водянки, денежныхъ мѣшковъ; причемъ смѣлый книгопродавецъ рискуетъ быть повѣшеннымъ, и бывшему члену конституанты Бюзо приходится увезти его тайкомъ [1]),

Правящія лица, какъ бы они ни были ничтожны по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, большей частью, имѣютъ своихъ біографовъ и писателей мемуаровъ, и любопытный, впослѣдствіи, можетъ подробно ознакомиться со всѣми ихъ мельчайшими поступками; это даетъ своего рода удовлетвореніе, такъ какъ человѣкъ любитъ знать о поведеніи своихъ ближнихъ въ необычныхъ положеніяхъ. Но не то мы видимъ по отношенію къ правящимъ лицамъ, засѣдаю-

[1]) Memoires de Buzot (Paris 1823), p. 88.

щимъ нынѣ въ парижской городской ратушѣ. Однако, обнаруживалъ ли когда нибудь самый оригинальный человѣкъ изъ правящаго класса: великій канцлеръ, король, императоръ, министръ внутреннихъ или иностранныхъ дѣлъ, такія превращенія, какъ секретарь Талліенъ, прокуроръ Манюэль, будущій прокуроръ Шометтъ, въ этомъ крутящемъ песокъ вальсѣ двадцати милліоновъ? А вы, братья смертные:—ты адвокатъ Пани, другъ Дантона, родственникъ Сантерра; граверъ Сержанъ, впослѣдствіи прозванный Agate Сержанъ; и ты, Гюгененъ, съ набатомъ въ сердцѣ. Но, какъ говоритъ Горацій, имъ недоставало присяжнаго мемуариста (sacro vate), и мы не знаемъ ихъ. Люди хвалились августомъ и его дѣлами, и возвѣщали о нихъ всему міру; сентябремъ же этимъ ни теперь, ни позже никто не подумалъ хвалиться. Сентябрьскій міръ погруженъ въ мракъ, смрадный туманъ, какъ лапландская полночь вѣдьмъ, на фонѣ котораго, правда, будутъ выдѣляться весьма странныя фигуры.

Однако, знайте, что теперь, когда жаръ битвы миновалъ, неподкупный Робеспьеръ на лицо, зеленый человѣкъ засѣдаетъ здѣсь тихонько, его кошачьи глаза прекрасно видятъ въ полумракѣ. Узнайте также и еще объ одномъ фактѣ, стоющемъ многихъ: Маратъ не только здѣсь, но имѣетъ и собственное почетное мѣсто, tribune particulière. Какъ измѣнился Маратъ, поднявшись изъ своего темнаго подвала на эту „особую трибуну!“ У всякой собаки бываетъ свой праздникъ, даже и у бѣшенныхъ собакъ. Злополучный, неизлечимый Филоктетъ Маратъ, безъ котораго Троя не можетъ быть взята, поднялся сюда въ качествѣ главнаго элемента правительственной власти. Роялистскій шрифтъ—такъ какъ мы „прекратили“ безчисленныхъ Дюрозуа, Руаю и даже заточили ихъ въ тюрьму—замѣняетъ теперь истрепанный шрифтъ „Друга Народа“, часто вырывавшійся изъ его рукъ въ прежнія дурныя времена. Мы пишемъ и редактируемъ на нашей „особой трибунѣ“ плакаты, съ подобающимъ грознымъ внушеніемъ Amis du Peuple (теперь подъ названіемъ Journal de la République), и сидимъ, наслаждаясь повиновеніемъ людей. „Маратъ — совѣсть ратуши“, сказалъ кто-то. „Блюститель“ совѣсти монарха, какъ говорятъ нѣкоторые; несомнѣнно, въ такихъ рукахъ она не будетъ лежать завернутой въ салфетку!

Мануэль.

Итакъ, мы сказали, что два большихъ движенія волнуютъ разстроенный умъ націи: движеніе противъ домашнихъ измѣнниковъ и движеніе противъ чужеземныхъ деспотовъ. Оба эти движенія безумны, не сдерживаются никакимъ извѣстнымъ закономъ, они диктуются самыми сильными страстями человѣческой природы: любовью, ненавистью, мстительнымъ горемъ, тщеславнымъ, тоже мстительнымъ національнымъ чувствомъ — и болѣе всего блѣднымъ, паническимъ страхомъ! Развѣ тысячу двѣсти убитыхъ патріотовъ не взываютъ изъ своихъ темныхъ катакомбъ съ пантомимой смерти объ отмщеніи, о, законодатели! Такова была разрушительная ярость этихъ аристократовъ въ приснопамятный день 10-го августа! Да и независимо отъ мести, имѣя въ виду только общественную безопасность, развѣ въ Парижѣ не находится до сихъ поръ „тридцать тысячъ аристократовъ (круглымъ счетомъ), въ самомъ злобномъ настроеніи, у которыхъ остался въ рукахъ послѣдній козырь?—Потерпите, патріоты: нашъ новый верховный судъ, „трибуналъ Семнадцатаго“, засѣдаетъ; каждая секція послала по четыре присяжныхъ, и Дантонъ, искореняющій негодныхъ судей и негодные пріемы всюду, гдѣ ихъ находитъ, „тотъ же самый человѣкъ, котораго вы знали у кордельеровъ“. Неужели, съ такимъ министромъ

юстиціи, у насъ не будетъ правосудія?—Такъ пусть же оно будетъ скорымъ, отвѣчаютъ всѣ патріоты,--скорымъ и вѣрнымъ!

Можно надѣяться, что этотъ трибуналъ Семнадцатаго будетъ дѣйствовать быстрѣе большинства другихъ судовъ. Уже 21-го числа, когда нашему чуду всего четыре дня отъ роду, „роялистскій вербовщикъ (embaucheur)", Коллено д'Ангремонъ, умираетъ при свѣтѣ факеловъ. Смотрите! Великая гильотина, это дивное изобрѣтеніе, уже стоитъ; идея доктора превратилась въ дубъ и желѣзо; чудовищный циклопическій топоръ падаетъ въ свой жолобокъ, какъ баранъ въ копрѣ, быстро погашая свѣточь человѣческой жизни! „Mais vous, Gualches, что изобрѣли вы?" Это?—Затѣмъ слѣдуетъ бѣдный старый Лапортъ, завѣдующій цивильнымъ листомъ; кроткій старикъ умираетъ спокойно. За нимъ Дюрозуа, издатель роялистскихъ плакатовъ, „кассиръ всѣхъ антиреволюціонеровъ въ странѣ": онъ явился веселымъ и сказалъ, что роялистъ, подобный ему, долженъ умереть именно въ этотъ день, 25-го, предпочтительно передъ всѣми другими днями, потому что это день св. Людовика. Всѣхъ ихъ судили и осудили, при ликованіи галлерей, и отдали осуществленной идеѣ,—и все это въ теченіе одной недѣли; не считая тѣхъ, кого мы оправдали, подъ ворчанье галлерей, и отпустили, тѣхъ, кого даже лично отвели въ тюрьму, когда галлереи начали ревѣть, и угрожать, и толкаться [1]). Никакъ нельзя сказать, что этотъ судъ медлителенъ.

Не стихаетъ и другое движеніе: противъ иноземныхъ деспотовъ. Могущественныя силы должны встрѣтиться въ смертельномъ бою: вымуштрованная Европа съ безумной, недисциплинированной Франціей, и замѣчательные выводы получатся изъ этого испытанія.--Поэтому, представьте себѣ, насколько возможно, какое смятеніе царитъ во Франціи,въ Парижѣ. Со всѣхъ стѣнъ бросаются въ глаза предостерегающіе плакаты отъ секцій, отъ коммуны, отъ законодательнаго собранія, отъ отдѣльныхъ патріотовъ. Флаги, возвѣщающіе о томъ, что отечество въ опасности, развѣваются на городской ратушѣ, на Понтъ-Нёфъ — надъ распростертыми статуями королей. Всюду происходятъ записи добровольцевъ, уговоры записаться, прощанія со слезами и нѣкоторой хвастливостью, и неправильная маршировка по большой сѣверо-восточной дорогѣ. Марсельцы хоромъ поютъ свое могучее Къ оружію, которое всѣ мужчины, женщины и дѣти уже выучили наизусть и поютъ въ театрахъ, на бульварахъ, улицахъ; и всѣ сердца воспламеняются: Aux Armes! Marchons!--Или представьте себѣ, какъ наши аристократы забираются въ разные тайники; какъ Бертранъ Молевилль лежитъ, спрятавшись, на чердакѣ „въ улицѣ Обри-ле-Бушеръ, у одного „бѣднаго врача, съ которымъ онъ былъ знакомъ!" Г-жа Сталь запрятала своего Нарбонна, не зная, что изъ него, въ концѣ концовъ, сдѣлать. Заставы иногда открываются, но большей частью закрыты; паспортовъ нельзя получить; комиссары коммуны, съ ястребиными глазами и когтями, зорко парять надо всѣмъ нашимъ горизонтомъ. Короче сказать, трибуналъ Семнадцатаго усердно работаетъ подъ завыванье галлерей; а прусскій Брауншвейгъ, покрывая пространство въ сорокъ миль, съ военнымъ обозомъ, дремлющими барабанами и шестьюдесятью шестью тысячами бойцовъ надвигаются все ближе и ближе!

О, Боже! въ послѣднихъ числахъ августа онъ пришелъ! Дюрозуа еще не былъ гильотинированъ, когда получилась вѣсть о томъ, что пруссаки грабятъ и опустошаютъ мѣстность около Меца: черезъ четыре дня распространяется слухъ, что наша первая пограничная крѣпость, Лонгви, пала, послѣ „пятнадцатичасовой осады". Живѣе же, вы, импровизированные муниципальные совѣтники! И они справляются со всѣмъ этимъ. Вербовка, обмундировка и вооруженіе ускоряются. Даже у офицеровъ теперь шерстяныя эполеты, „потому что" настало царство равенства, а также нужды. Точно также, теперь не говорятъ другъ другу monsieur, а говорятъ, citoyen, гражданинъ; мы даже говоримъ ты, „по-

[1]) Moore's Journal, I, 159—168.

давалось „сожженію". Пока „восемь тысячъ въ Шатильонѣ" разгоняютъ; огонь подавленъ, но не окончательно потушенъ. Къ ударамъ и ранамъ внѣшней войны здѣсь прибавится отнынѣ еще болѣе смертельная внутренняя гангрена.

Возстаніе въ Вандеѣ становится извѣстнымъ въ Парижѣ въ среду 29-го августа: какъ разъ, когда мы только что избрали нашихъ выборщиковъ и, несмотря на Брауншвейгскаго герцога и Лонгви, все еще надѣемся имѣть, съ Божьей помощью, національный конвентъ. Но, и помимо того, эта середа должна считаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дней, пережитыхъ Парижемъ: мрачныя вѣсти приходятъ одна за другой, подобно вѣстникамъ Іова, и встрѣчаются мрачными отвѣтами. Мы не говоримъ уже о возставшей Сардиніи, готовой обрушиться на юго-востокъ, и объ Испаніи, угрожающей югу. Но развѣ пруссаки не завладѣли Лонгви (повидимому, измѣннически проданнымъ) и не готовятся осадить Верденъ? Клерфе и его австрійцы окружили Тіонвилль, омрачивъ положеніе на сѣверѣ. Теперь уже опустошается не Мецскій округъ, а Клермонтскій; скачущихъ гусаръ и уланъ видѣли на Шалонской дорогѣ, почти у самого Сентъ-Менегульда. Мужайтесь, патріоты; если вы потеряете мужество, вы потеряете все!

Генри де Ларошжакленъ.

Нельзя безъ волненія читать въ отчетахъ о парламентскихъ преніяхъ, въ среду „въ восьмомъ часу вечера", о сценѣ съ военными бѣглецами изъ Лонгви. Усталые, пыльные, угнетенные, эти несчастные люди входятъ въ законодательное собраніе около заката солнца или попозже, даютъ самыя патетическія подробности объ ужасахъ, которыхъ они были свидѣтелями: тысячи пруссаковъ бушевали, подобно вулканамъ, извергая огонь въ теченіе пятнадцати часовъ, мы же были разсѣяны въ маломъ количествѣ по валамъ, всего по одному канониру на двѣ пушки; трусливый комендантъ Лавернь нигдѣ не показывается; затравки не загораются; въ бомбахъ нѣтъ пороха,—что мы могли сдѣлать? „Mourir, умереть!" отвѣчаютъ тотчасъ же голоса [1]; и запыленные бѣглецы должны скрыться и искать утѣшенія въ другомъ мѣстѣ. Да, Mourir — таковъ теперь пароль. Пусть Лонгви обратится въ пословицу и посмѣшище среди французскихъ крѣпостей! Пускай лучше эта крѣпость будетъ стерта съ лица посрамленной земли, говоритъ законодательное собраніе;—и издаетъ декретъ, чтобы крѣпость Лонгви, какъ только оттуда уйдутъ пруссаки, была „срыта" и чтобы отъ нея осталось только распаханное поле.

Не мягче и якобинцы; да и какъ бы могли они, цвѣтъ патріотизма, быть мягче? Бѣдная г-жа Лавернь, жена злополучнаго коменданта, взяла однажды вечеромъ зонтикъ и, въ сопровожденіи своего отца, отправилась въ залъ могущественной Матери патріотизма, „прочесть записку, клонящуюся къ оправданію коменданта Лонгви". Президентъ Лафаржъ отвѣчаетъ: „Citoyenne, нація будетъ судить Лаверня; якобинцы обязаны сказать ему правду. Онъ кончилъ бы свою жизнь тамъ (terminé sa carrière), если бъ любилъ честь своей родины" [2].

---

[1]) Hist. Parl., XVII, 148.

[2]) Hist. Parl. XIX, 300.

ГЛАВА II.

Дантонъ.

Полезнѣе срытія Лонгви, или порицанія бѣдныхъ запыленныхъ солдатъ или ихъ женъ, было то, что, наканунѣ вечеромъ, Дантонъ явился въ собраніе и потребовалъ декрета о розыскѣ оружія, разъ его не выдаютъ добровольно, Для этой цѣли пусть будутъ произведены „домовые обыски“, со всей строгостью закона. Надо искать оружія, лошадей, — аристократы катаются въ каретахъ, а патріотамъ не на чемъ вывезти пушки — и вообще военной аммуниціи „въ домахъ подозрительныхъ лицъ“,—и даже, если понадобится, хватать и заключать въ тюрьму самихъ этихъ лицъ! Въ тюрьмахъ ихъ заговоры будутъ безопасны; въ тюрьмахъ они будутъ какъ бы нашими заложниками и окажутся не безполезными. Энергичный министръ юстиціи потребовалъ этотъ декретъ вчера вечеромъ и получилъ его; а сегодня вечеромъ декретъ уже приводится въ исполненіе; къ этому приступаютъ въ то самое время, когда запыленные солдаты изъ Лонгви привѣтствуются криками Mourir. Вычисляютъ, что двѣ тысячи ружей съ принадлежностями добыто такимъ путемъ, и около четырехсотъ головъ новыхъ заключенныхъ; аристократическія сердца охвачены такимъ ужасомъ и уныніемъ, что всѣ, кромѣ патріотовъ, да и сами патріоты, если бъ избавились отъ своего смертельнаго страха, прониклись бы состраданіемъ. Да, Messieurs, если герцогъ Брауншвейгскій испепелитъ Парижъ, то онъ, вѣроятно, испепелитъ заодно и парижскія тюрьмы; если мы проникнуты блѣднымъ страхомъ, то мы хотимъ передать его и другимъ, со всей бездной ужасовъ, заключенныхъ въ немъ; всѣхъ насъ несетъ одинъ и тотъ же утлый корабль по бурно вздымающимся волнамъ.

Жоржъ Дантонъ.

Можно судить, какая суматоха поднялась среди „тридцати тысячъ роялистовъ“; заговорщики, или подозрѣваемые въ заговорахъ, забивались глубже въ свои тайники, подобно Бертрану Малевиллю, и упорно смотрѣли по направленію къ Лонгви, въ надеждѣ, что погода останется хорошей. Иные переодѣвались лакеями, по примѣру Нарбонна, „уѣхавшаго въ Англію, подъ видомъ слуги д-ра Болльмана“; г-жа Сталь, въ невыразимомъ горѣ, много хлопотала, обращалась къ Манюэлю, въ качествѣ коллеги по литературѣ, и даже къ секретарю Талліену [1]). Роялистъ и памфлетистъ Пельтье даетъ трогательное описаніе (не лишенное яркаго колорита) ужасовъ того вечера. Съ пяти часовъ пополудни, огромный городъ вдругъ погружается въ тишину; слышенъ только бой барабановъ, топотъ марширующихъ ногъ и, отъ времени до времени, страшный стукъ въ чью нибудь дверь, передъ которой появляется трехцвѣтный комиссаръ со своими синими гвардейцами. Всѣ улицы пусты, говоритъ Пельтье, и заняты съ обоихъ концовъ гвардейцами; всѣмъ гражданамъ приказано сидѣть по домамъ. По рѣкѣ плаваютъ лодки съ часовыми, чтобы мы не убѣжали водой; заставы герметически закрыты. Ужасно! Солнце сіяетъ, спокойно склоняясь къ западу на безоблачномъ синемъ небѣ, а Парижъ словно заснулъ, или вымеръ:—Парижъ затаилъ дыханіе, дожидаясь готоваго разразиться надъ нимъ удара. Бѣдный Пельтье! Конецъ Дѣяніямъ Апостоловъ и твоимъ веселымъ передовымъ статьямъ, онѣ полны теперь горечи и серьезности; острая

[1]) De Staël, Considérations sur la Révolution, II, 67—81.

сатира превратилась въ грубыя пики (выкованныя изъ рѣшетокъ) и вся логика свелась къ примитивному тезису: око за око, зубъ за зубъ!—Пельтье, замѣчающій это съ прискорбіемъ, ныряетъ глубоко, ускользаетъ невредимо въ Англію, чтобы начать тамъ новую чернильную войну; черезъ нѣсколько времени онъ будетъ преданъ суду присяжныхъ, и, оправданный краснорѣчіемъ молодыхъ виговъ, будетъ всемірно знаменитъ на одинъ день.

Изъ „тридцати тысячъ", большая часть, разумѣется, была оставлена въ покоѣ; но, какъ мы уже сказали, четыреста человѣкъ, указанныхъ въ качествѣ „подозрительныхъ лицъ", были арестованы, и неописуемый ужасъ охватилъ всѣхъ. Горе виновному въ заговорахъ, анти-гражданственности, роялизмѣ, фельянтизмѣ. Горе виновному или невиновному, но имѣющему врага въ своей секціи, который донесетъ на него, какъ на виновнаго! Арестованы бѣдный старикъ де Казоттъ и его молодая, любимая дочь, не пожелавшая покинуть отца. Зачѣмъ, Казоттъ, ты перемѣнилъ писаніе романовъ и Diable Amoureux на такую дѣйствительность? Арестованъ несчастный старый де Сомбрейль, на котораго патріоты косились еще съ Бастильскихъ дней и котораго также не хочетъ покинуть нѣжная дочь. Молодыя, съ трудомъ подавляемыя слезы, и слабая дрожащая старость, собирающая послѣднія силы... О, братья мои и сестры!

Уходятъ въ тюрьму извѣстные и знаменитые люди; уходятъ и безвѣстные, если у нихъ есть обвинитель. Попадаетъ въ тюрьму мужъ графини Ламоттъ, героини ожерелья (сама она давно уже раздавлена на Лондонской мостовой), но освобождается. Грубый де Морандъ изъ Courrier de l'Europe въ отчаяніи ковыляетъ взадъ и впередъ по камерѣ, но и его скоро выпускаютъ, такъ какъ часъ его еще не пробилъ. Адвоката Матонъ де ла Вареннъ, слабаго здоровьемъ, отрываютъ отъ матери и родственниковъ; трехцвѣтный Россиньоль (ювелирный подмастерье и мошенникъ, теперь вліятельный человѣкъ) припоминаетъ старую защитительную рѣчь Матона! Попадаетъ Журніакъ де Сенъ-Меаръ, бодрый, искренный солдатъ, находившійся во время бунта въ Нанси, въ „мятежномъ Королевскомъ полку"—не на той сторонѣ, гдѣ слѣдовало. Печальнѣе всего то, что арестуютъ аббата Сикара, священника, не пожелавшаго принести присяги, но учившаго глухихъ и нѣмыхъ; онъ говоритъ, что въ его секціи былъ человѣкъ, таившій на него злобу; этотъ единственный врагъ въ свое время издаетъ приказъ объ его арестѣ, и ударъ попадаетъ въ цѣль. Въ Арсенальномъ кварталѣ нѣмыя сердца плачутъ, жалуются знаками, дикими жестами, на то, что отняли у нихъ чудотворнаго цѣлителя, даровавшаго имъ способность рѣчи.

Можно себѣ представить, какой видъ имѣютъ тюрьмы послѣ этихъ арестовъ въ вечеръ 29-го и послѣ большаго или меньшаго числа арестовъ, производившихся денно и нощно, начиная съ 10-го. Въ нихъ царятъ давка и смятеніе, тѣснота, сумятица, насиліе и ужасъ! Изъ друзей бѣдной королевы, послѣдовавшихъ за нею въ Тампль и отправленныхъ оттуда по другимъ тюрьмамъ, нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, гувернантку де Турзелль, отпускаютъ; но бѣдную принцессу де Ламбалль не выпускаютъ, и она ожидаетъ дальнѣйшаго за желѣзными рѣшетками тюрьмы Лафорсъ.

Среди нѣсколькихъ сотъ пораженныхъ приказами объ арестѣ и препровожденныхъ въ городскую ратушу, въ секціонныя собранія, въ дома предварительнаго заключенія, куда они брошены, какъ въ скотскіе хлѣва, мы должны упомянуть еще объ одномъ: о Каронѣ де Бомарше, авторѣ Фигаро, побѣдителѣ парламентовъ Мопу и адскихъ псовъ Гезмана,—о Бомарше, нѣкогда причисленномъ къ полубогамъ, а нынѣ? Мы покинули его, когда онъ стоялъ на кульминаціонной точкѣ, и какое ужасное паденіе теперь, когда мы снова видимъ его! „Въ полночь" (было всего 12-е августа) „въ комнату входитъ слуга, въ рубашкѣ", съ широко раскрытыми глазами: — Monsieur, вставайте, весь народъ пришелъ за вами; они стучатъ, словно хотятъ взломать двери. „И они дѣйствительно стучали въ двери ужасающимъ образомъ (d'une façon ter-

rible). Я накинулъ камзолъ, забывъ даже жилетъ, и въ однѣхъ туфляхъ говорю со слугой. Но онъ, увы, отвѣчаетъ несвязными отрицаніями, паническими возгласами. Сквозь ставни и щели, спереди и сзади, тусклые фонари показываютъ улицу, полную шумной толпой съ истощенными лицами и поднятыми пиками. Съ отчаяніемъ бросаешься туда и сюда, ища выхода, и не находишь его; приходится спрятаться внизу, въ шкафу съ посудой и стоять въ немъ, замирая отъ страха, въ этомъ неполномъ костюмѣ „въ теченіи четырехъ съ лишнимъ часовъ", въ то время, какъ свѣтъ мелькаетъ въ замочной скважинѣ, а надъ головой слышенъ топотъ ногъ и сатанинскій шумъ! Старушки въ этомъ кварталѣ, вскакивали съ визгомъ (какъ разсказывали на слѣдующее утро), звонили своихъ горничныхъ, чтобы онѣ дали имъ успокоительныхъ капель, а старики, въ однѣхъ сорочкахъ, „перескакивали черезъ садовыя ограды" и бѣжали, хотя никто ихъ не преслѣдовалъ; одинъ изъ нихъ, къ несчастью, сломалъ себѣ ногу [1]). Вотъ какъ дурно кончилась торговая спекуляція съ выписанными изъ Голландіи шестьюдесятью тысячами ружей съ принадлежностями (которыя такъ и не пришли).

Бомарше спасся на этотъ разъ, но не на слѣдующій, десять дней спустя. Вечеромъ 29-го онъ все еще находится въ этомъ тюремномъ хаосѣ, въ самомъ печальномъ положеніи, не будучи въ состояніи добиться, не только правосудія, но даже и того, чтобы его выслушали. „Панн скребетъ себѣ голову", когда съ нимъ заговариваютъ; и удираетъ. Однако, пусть поклонники „Фигаро" узнаютъ, что прокуроръ Манюэль, собратъ по перу, разыскалъ и еще разъ освободилъ Бомарше. Но какъ тощій полубогъ, лишенный теперь своего блеска, принужденъ былъ прятаться въ амбарахъ, блуждать по вспаханнымъ полямъ, трепеща за свою жизнь; какъ онъ дожидался подъ желобами, сидѣлъ въ темнотѣ „на бульварѣ, между кучами булыжника и строительнаго камня", тщетно добиваясь слова отъ какого нибудь министра или секретаря министра, относительно этихъ проклятыхъ голландскихъ ружей, въ то время, какъ въ сердцѣ кипѣли тоска, страхъ и подавленное собачье бѣшенство; какъ рѣзвый, злобный песъ, нѣкогда достойный принадлежать Діанѣ, ломаетъ свои старые зубы, грызя одинъ гранитъ и принужденъ „бѣжать въ Англію"; какъ, вернувшись изъ Англіи, онъ заползаетъ въ уголъ и лежитъ спокойно, безъ зубовъ (безъ денегъ), — все это почитатели „Фигаро" пусть представятъ себѣ сами и прольютъ слезу сожалѣнія. Мы же, безъ слезъ, но съ сожалѣніемъ, шлемъ поблекшему, упрямому коллегѣ прощальный привѣтъ. „Фигаро" его вернулся на французскую сцену и въ настоящее время даже называется иными лучшей его пьесой. Дѣйствительно, пока жизнь человѣческая основывается только на искусственности и безплодности, пока каждое новое возмущеніе и смѣна династіи выносятъ на поверхность только новый слой сухого щебня, и не видно еще прочнаго грунта,— развѣ неполезно протестовать противъ такой жизни всякими путями, хотя бы и въ формѣ Фигаро.

ГЛАВА III.

Дюмурье.

Таковы послѣдніе дни августа 1792 г.,—дни пасмурные, полные бѣдствій и зловѣщихъ предзнаменованій. Что станется съ этой бѣдной Франціей? Когда въ прошлый вторникъ, 28-го числа, Дюмурье поѣхалъ изъ лагеря въ Мольдѣ на востокъ, въ Седанъ, сдѣлать смотръ такъ называемой арміи, брошенной тамъ Лафайетомъ, то покинутые солдаты смотрѣли на него угрюмо, и онъ слышалъ, какъ они ворчали: „это одинъ изъ тѣхъ, ce b—e la, которые вызвали объявленіе

---

[1]) Beaumarchais Narrative, Memoires sur les Prisons (Paris, 1823) I, 179—90).

вальсирующей въ песчаныхъ колоннадахъ! Никогда страна не находилась въ болѣе безнадежномъ положеніи. Повидимому, его величество король прусскій могъ бы (если бъ захотѣлъ) раздѣлить эту страну и разрѣзать ее на части, какъ Польшу, бросивъ остатки бѣдному брату Людовику,—съ приказаніемъ держать свои владѣнія въ рукахъ, иначе мы сами сдѣлаемъ это за него!

Или, можетъ быть, высшія силы, рѣшивъ, что новая глава всемірной исторіи должна начаться здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ, распорядились всѣмъ этимъ иначе? Въ такомъ случаѣ, герцогу Брауншвейгскому не придется обѣдать въ Парижѣ въ назначенный день, и никому неизвѣстно, когда это будетъ! — Въ самомъ дѣлѣ, кто знаетъ, среди этого разгрома, когда бѣдная Франція, повидимому, размалывается въ прахъ и рушится въ развалинахъ, не народился ли уже какой нибудь чудесный punctum saliens освобожденія и новой жизни, и не дѣйствуетъ ли онъ уже, хотя глазъ человѣческій еще не различаетъ его? Въ ночь этого самого 23-го августа, дня малообѣщающаго смотра войскъ въ Седанѣ, Дюмурье собираетъ въ своей квартирѣ военный совѣтъ. Онъ раскладываетъ карту этого безнадежнаго театра войны: здѣсь пруссаки, тамъ австрійцы; и тѣ, и другіе торжествуютъ; большія дороги въ ихъ власти, и весь путь до Парижа почти открытъ: мы разсѣяны, безпомощны на всѣхъ пунктахъ. Что тутъ дѣлать? Генералы, незнакомые Дюмурье, смотрятъ довольно растерянно, не зная, что посовѣтовать—развѣ только отступленіе, и отступленіе до тѣхъ поръ, пока наши рекруты не станутъ многочисленнѣе; пока, можетъ быть, цѣпь случайностей не повернется благопріятно для насъ; во всякомъ случаѣ, до послѣдняго дня, когда Парижъ будетъ разгромленъ. „Мужъ совѣта", „три ночи не смыкавшій глазъ", слушаетъ, почти молча, эти длинныя невеселыя рѣчи и только смотритъ на говорящаго, чтобы запомнить его черты; затѣмъ желаетъ всѣмъ покойной ночи, но удерживаетъ на минуту нѣкоего Тувено, пламенные взоры котораго понравились ему. Тувено остается: Voilà говоритъ Полиметъ, указывая на карту! Это Аргонскій лѣсъ, длинная полоса скалистыхъ горъ и дремучаго лѣса, длиной въ сорокъ миль, и всего съ пятью, даже съ тремя годными проходами. Они забыли про него, а развѣ еще нельзя его захватить, хотя Клерфе и очень близко? Если мы захватимъ Аргону, то съ ихъ стороны останется Шампань, называемая голодной (или еще хуже: Pouilleuse), а съ нашей -три жирныя епархіи и на все готовая Франція; недалеко и дожди осенняго равноденствія: не можетъ ли этотъ Аргонскій лѣсъ „стать Ѳермопилами Франціи" [1])!

О, храбрый Полиметъ-Дюмурье, геніальная голова! да помогутъ тебѣ боги! Пока что, онъ складываетъ свои карты и бросается на постель, рѣшивъ попытаться завтра утромъ исполнить свой планъ съ хитростью, быстротой и смѣлостью! Поистинѣ, для такого дѣла нужно было быть львомъ и лисой одновременно и имѣть на своей сторонѣ счастье!

ГЛАВА IV.

Сентябрь въ Парижѣ.

По ложнымъ слухамъ, оказавшимся, однако пророческими и вѣрными, паденіе Вердена стало извѣстно въ Парижѣ на нѣсколько часовъ раньше, чѣмъ оно произошло въ дѣйствительности. Второе сентября приходится на воскресенье, и работа не мѣшаетъ размышленіямъ. Верденъ потерянъ (хотя нѣкоторые все еще отрицаютъ это); пруссаки идутъ быстрымъ маршемъ съ висѣлицами, огнемъ и фашинами! Въ нашихъ собственныхъ стѣнахъ тридцать тысячъ аристократовъ, и только ничтожная часть ихъ брошена въ тюрьмы! Ходятъ слухи, что даже и

---

[1]) Dumouriez, II, 391.

эти хотятъ возмутиться [1]). Сьеръ Жанъ Жульенъ, Вожирардскій извощикъ, выставленный, въ прошлую пятницу, къ позорному столбу, началъ вдругъ кричать, что онъ скоро будетъ отмщенъ, что заключенные въ тюрьмахъ друзья короля возстанутъ, возьмутъ штурмомъ Тампль, посадятъ короля на коня, и, соединившись съ незаключенными, растопчутъ всѣхъ насъ подковами на острыхъ шипахъ. Несчастный вожирардскій извощикъ вопилъ это со всей силой своихъ легкихъ, не переставая даже, когда его притащили въ городскую ратушу; и вчера вечеромъ, когда его гильотинировали, онъ умеръ съ пѣной этого крика на губахъ [2]). Ибо человѣкъ, прикованный къ позорному столбу, легко можетъ помѣшаться, а равно и всѣ люди могутъ помѣшаться и „повѣрить ему", какъ безумные, „именно потому, что предсказываемое имъ невозможно".

Такъ что, повидимому, насталъ рѣшительный кризисъ и послѣдняя агонія Франціи. Встрѣтьте же ихъ должнымъ образомъ, вы, импровизированная коммуна, сильный Дантонъ и всѣ сильные люди Франціи! Читатели могутъ судить, успокоительно ли, или безнадежно развѣвался въ этотъ день флагъ Отечества въ опасности для человѣческихъ душъ.

Но импровизированная коммуна и строгій Дантонъ на своихъ постахъ, и каждый исполняетъ свое дѣло. Огромные плакаты расклеены по стѣнамъ; въ два часа начнетъ звонить набатъ, и выстрѣлитъ тревожная пушка; всѣ парижане устремятся къ Марсову полю и будутъ записываться. Правда, они не вооружены и необучены, но они полны силы ярости и отчаянія. Спѣшите, мужчины; а вы, женщины, предлагайте нести караулы, держа коричневый мушкетъ на плечѣ; слабая насѣдка, съ отчаянія, вцѣпляется въ морду бульдога и даже побѣждаетъ его силой своего натиска! Самый страхъ, сдѣлавшись трансцендентальнымъ, становится нѣкотораго рода мужествомъ, подобно тому, какъ достаточно сильный морозъ, по словамъ поэта Мильтона, въ концѣ-концовъ, начинаетъ жечь. Въ комитетѣ общественной обороны Дантонъ сказалъ разъ вечеромъ, когда высказались всѣ министры и законодатели, что имъ не слѣдуетъ покидать Парижъ и бѣжать въ Сомюръ, что они должны остаться въ Парижѣ и вести себя такъ, чтобы устрашить faire peur враговъ,—слова, которыя часто повторялись и были напечатаны курсивомъ [3]).

Въ два часа, когда, какъ мы показали, Борепёръ застрѣлился въ Верденѣ, и во всей Европѣ люди идутъ къ вечернѣ, въ Парижѣ также звонятъ всѣ колокола, но не къ вечернѣ, и каждую минуту громыхаютъ пушечные выстрѣлы, сигналъ тревоги. Марсово поле и Отечественный алтарь кишатъ народомъ, полнымъ отчаяннаго мужества страха. Что за miserere возносится къ небу изъ этой бывшей столицы христіаннѣйшаго короля! Законодательное собраніе засѣдаетъ въ измѣнчивомъ настроеніи, полномъ то страха, то внезапнаго одушевленія; Верніо предлагаетъ, чтобы двѣнадцать членовъ ходили лично копать на Монмартрѣ, что и постановляется при кликахъ одобренія.

Но вотъ, что гораздо важнѣе личнаго копанія: входитъ Дантонъ; черные брови его нахмурены; колоссальная фигура тяжело ступаетъ; всѣ черты суроваго лица выражаютъ мрачную рѣшимость! Силенъ этотъ мрачный сынъ Франціи и сынъ земли; и онъ также реальность, а не формула, и именно теперь, когда Франція сброшена такъ низко, онъ болѣе, чѣмъ когда либо, стоитъ на землѣ, на реальностяхъ. „Законодатели!" говоритъ онъ громовымъ голосомъ, какъ передаютъ намъ газеты, эти пушечные выстрѣлы — сигналъ не къ тревогѣ, а къ атакѣ (pas-de-charge) противъ нашихъ враговъ. Что намъ нужно, чтобы побѣдить ихъ, чтобы отбросить ихъ назадъ? Il nous faut de l'audace, et encore de l'audace, et toujours de l'audace. Намъ нужна смѣлость, еще смѣлость и

[1]) Moore, I, 178.

[2]) Hist. Parl. XVII, 409.

[3]) Biographie des Ministres (Bruxelles, 1826), p. 96.

смѣлость безъ конца!" [1]). Вѣрно, могучій титанъ, тебѣ не остается ничего, кромѣ этого. Старики, слышавшіе эти слова, до сихъ поръ разсказываютъ, какъ этотъ звенящій голосъ воспламенилъ въ ту минуту всѣ сердца, затронувъ ихъ лучшія струны, и это во время сказанное слово отозвалось во всей Франціи, подобно электрической волнѣ.

А коммуна, вербующая на Марсовомъ полѣ? А комитетъ обороны, ставшій теперь комитетомъ общественнаго спасенія, совѣстью котораго является Маратъ? Вербующая коммуна завербовываетъ многихъ; раскидываетъ для нихъ палатки на Марсовомъ полѣ, чтобы они могли уйти завтра съ разсвѣтомъ, хвала этой части коммуны! Но Марату и комитету обороны не хвала и даже не порицаніе, которыя можно было бы измѣрить на нашемъ несовершенномъ языкѣ, а лучше выразительное молчаніе! Нелюбимый Маратъ, человѣкъ, отъ котораго избави Боже, долго размышлявшій въ своихъ потаенныхъ подвалахъ и на своемъ столбѣ Столпника, могъ видѣть спасеніе только въ одномъ: въ паденіи „двухсотъ шестидесяти тысячъ аристократическихъ головъ". Съ нѣсколькими дюжинами неаполитанскихъ брави, каждый съ кинжаломъ въ правой и съ муфтой на лѣвой рукѣ, онъ хотѣлъ пройти Францію и привести эту мысль въ исполненіе. Но весь свѣтъ хохоталъ, высмѣивая строгую благожелательность Друга Народа, и мысль его, не могшая претвориться въ дѣйствіе, превратилась лишь въ навязчивую идею. Однако, посмотрите, онъ таки попалъ со столба Столпника на tribune particulière; можетъ быть, здѣсь, это окажется возможнымъ и безъ кинжаловъ, безъ муфтъ; по крайней мѣрѣ, теперь, въ моментъ рѣшительнаго кризиса, когда спасеніе или уничтоженіе зависятъ отъ одного часа!

Ледяная башня Авиньона надѣлала достаточно шума и живетъ у всѣхъ въ памяти; но виновники не были наказаны: мы видѣли даже, какъ Журданъ Coupe-tête, несомый на плечахъ, подобно мѣдному идолу, „путешествовалъ по южнымъ городамъ".—Читатель, не старайся угадать, какіе призраки, грязные и отвратительные, размахивая кинжалами и муфтами, плясали въ мозгу Марата въ этомъ оглушительномъ звонѣ зловѣщаго набата и всеобщей ярости. Не старайся угадать и того, что думалъ жестокій Бильо „въ короткомъ коричневомъ камзолѣ", ни Сержанъ, пока еще не Agate-Сержанъ, ни Пани, довѣренный Дантона, ни того, какія чудовища и невѣроятныя событія вынашиваетъ въ своей мрачной утробѣ злобный Оркъ, рождающій ихъ на твоихъ глазахъ! Ужасъ царитъ на улицахъ Парижа, ужасъ и бѣшенство, слезы и ярость: зловѣщій набатъ гудитъ въ воздухѣ; яростное отчаяніе устремляется въ бой; матери, съ плачущими глазами и неукротимыми сердцами, посылаютъ своихъ сыновей умирать. „Каретныхъ лошадей хватаютъ за уздечки" и впрягаютъ въ пушки, „постромки перерѣзаютъ, экипажи остаются на дорогѣ". Развѣ, при такомъ воѣ набата и темномъ смятеніи безумія, убійство, и всѣ фуріи не готовы разразиться? Слабый намекъ—кто знаетъ, какой слабый?—и убійство выступитъ на сцену, и освѣтитъ этотъ мракъ своей обвитой огненными змѣями головой!

Какъ это пришло и случилось, что было преднамѣренно, и что неожиданно и случайно,—это не выяснится никогда, до Суднаго Дня. Но такой человѣкъ, какъ Маратъ, въ качествѣ блюстителя совѣсти властелина...—а мы знаемъ, что такое ultima ratio властелиновъ, когда они доведены до крайности! Въ этомъ Парижѣ имѣется, скажемъ, сто или болѣе, злѣйшихъ людей въ мірѣ, которыхъ можно подговорить на все, которые, даже неподговоренные, по собственному побужденію, готовы на все.—Однако, замѣтимъ, что предумышленіе еще не есть выполненіе, даже не есть увѣренность въ выполненіи, а самое большее, это увѣренность въ дозволеніи тому, кто пожелаетъ выполнить. Отъ преступнаго намѣренія до преступнаго дѣйствія цѣлая пропасть, какъ бы ни казалась странной эта мысль. Палецъ лежитъ на куркѣ, но человѣкъ еще не убійца и, если вся его натура

---

[1]) Moniteur (Hist. Parl., XVII, 347).

противится такому концу, развѣ это не есть скорѣе пауза смятенія —послѣдній моментъ возможности для него? Онъ еще не убійца; отъ незначительныхъ мелочей зависитъ то, что самая навязчивая идея можетъ перейти въ колебанія. Но легкое напряженіе мышцы, — и смертоносная стрѣла летитъ, человѣкъ уже убійца, и останется имъ на вѣки; и земля становится для него мучительнымъ адомъ, горизонтъ его озаренъ теперь не золотой надеждой, а краснымъ пламенемъ угрызенія совѣсти; голоса изъ нѣдръ природы кричатъ: Горе, горе ему!

Всѣ мы сдѣланы изъ такого матеріала: самый чистый изъ насъ ходитъ по такой пороховой минѣ бездонной вины и преступности—и „только Богъ удерживаетъ насъ", говоритъ вѣрное изреченіе. Въ человѣкѣ есть бездны, граничащія съ адомъ, и возвышенныя чувства, достигающія самого неба; ибо развѣ небо и преисподняя не созданы изъ него, не созданы имъ, вѣчнымъ чудомъ и тайной, какія онъ представляетъ собою? Но при видѣ этого Марсова поля, съ его воздвигающимися палатками и лихорадочной вербовкой, при видѣ этого угрюмо кипящаго Парижа, съ его биткомъ набитыми тюрьмами, зловѣщимъ набатомъ, слезами матерей и прощальными кликами солдатъ, — набожныя души навѣрное молились въ этотъ день, чтобы милость Божья „удержала" и удержала покрѣпче, дабы при малѣйшемъ движеніи или намекѣ, не поднялись Безуміе, Ужасъ и Убійства, и этотъ воскресный сентябрьскій день не сталъ чернымъ днемъ въ лѣтописяхъ человѣчества.

Набатъ гудитъ изо всѣхъ силъ, часы неслышно бьютъ три, когда бѣдный аббатъ Сикаръ, съ тридцатью другими не присягающими священниками, въ шести каретахъ, проѣзжаютъ по улицамъ, изъ своего временнаго заключенія въ городской ратушѣ въ тюрьму Аббатства. На улицахъ стоитъ много покинутыхъ экипажей; эти шесть ѣдутъ сквозь озлобленныя толпы, осыпающія проклятіями ихъ путь. Проклятые аристократическіе Тартюфы, вотъ, до какого положенія вы довели насъ! А теперь вы хотите взломать тюрьмы и посадить Капета Veto на коня, и напустить его на насъ? Долой, жрецы Вельзевула и Молоха, тартюфства, маммона и прусскихъ висѣлицъ, — а все это вы называете Матерью-Церковью и Богомъ!—Бѣднымъ не присягающимъ священникамъ приходится переносить такіе и еще худшіе упреки, высказываемые обезумѣвшими патріотами, влѣзающими даже на подножки экипажей; даже эскортъ ихъ съ трудомъ воздерживается отъ присоединенія къ ругателямъ. Закрыть окна въ каретахъ?—Нѣтъ! возражаютъ патріоты и кладутъ свои мозолистыя лапы на раму, надавливая и опуская ее. Всякому терпѣнію есть предѣлъ: прошло много времени, прежде чѣмъ кареты прибыли къ Аббатству; наконецъ, онѣ подъѣзжаютъ къ нему и тутъ одинъ изъ диссидентовъ, болѣе горячаго темперамента, ударяетъ тростью по мозолистой лапѣ, находя въ этомъ нѣкоторое утѣшеніе; ударяетъ и по косматой головѣ и потомъ вторично, посильнѣе, на виду у всѣхъ. Но это послѣднее, что мы видимъ ясно. Увы, въ слѣдующую минуту кареты окружены и осаждены безчисленной разъяренной толпой, ревъ ея заглушаетъ крики о пощадѣ: на нихъ отвѣчаютъ сабельными ударами въ сердце [1]). Тридцать священниковъ вытаскиваютъ изъ каретъ и убиваютъ у тюремной ограды одного за другимъ;—одинъ аббатъ Сикаръ, котораго знающій его часовщикъ Мотонъ спасаетъ съ геройскими усиліями и прячетъ въ тюрьмѣ, ускользаетъ благополучно, чтобы разсказать объ этомъ событіи;—и вотъ наступила ночь и Оркъ, и обвитая огненными змѣями голова Убійства поднялась во мракѣ!

Съ воскресенья пополудни до четверга вечера (исключая временные промежутки и паузы) проходитъ подрядъ сто часовъ, которые можно сравнить съ часами Варѳоломеевской бойни, Арманьякской рѣзни, Сицилійскихъ вечеренъ, или съ самыми дикими звѣрствами, занесенными въ лѣтописи міра. Ужасенъ часъ, когда душа человѣка, въ припадкѣ безумія, ломаетъ всѣ преграды, попи-

---

[1]) Felémhesi (anagram for Méhée Fils), La Vérité tout entière, sur les vrais auteurs de la journée du 2 Septembre 1792 (перепечатанная въ Hist. Parl. XVIII, 156—181), p. 167.

раетъ всѣ законы и обнажаетъ всѣ свои вертепы и бездны! Ибо Ночь и Адъ, какъ давно было предсказано, вырвались здѣсь, въ Парижѣ, изъ своихъ подземныхъ темницъ, такіе ужасные, мрачно-смятенные, что на нихъ мучительно было смотрѣть, но они не могутъ быть, и не будутъ, забыты.

Читатель, серьезно смотрящій на эту адскую, смутную фантасмагорію, различитъ нѣсколько устойчивыхъ, опредѣленныхъ предметовъ, но всего лишь нѣсколько. Онъ замѣтитъ въ тюрьмѣ Аббатства, по окончаніи внезапнаго избіенія священниковъ, странный судъ, который можно назвать судомъ мести или дикимъ самосудомъ; онъ образовался быстро и засѣдаетъ вокругъ стола, съ разложенными на немъ тюремными списками; предсѣдательствуетъ Станиславъ Мальяръ, герой Бастиліи, знаменитый предводитель менадъ. О, Станиславъ, тебя, ловкаго наѣздника и человѣка съ нѣкоторымъ пристрастьемъ къ законности, мы надѣялись встрѣтить въ другомъ мѣстѣ, а не здѣсь! Вотъ какую работу, стало быть, суждено тебѣ сдѣлать, прежде чѣмъ навѣки скрыться съ нашихъ глазъ! Въ Лафорсѣ, въ Шатле, въ Консьержери, образуются такіе же суды и съ такими же аттрибутами: вѣдь то, что дѣлаетъ одинъ человѣкъ, могутъ дѣлать и другіе. Въ Парижѣ около семи тюремъ, полныхъ аристократами—заговорщиками; не обходятся даже Бисетръ и Сальпетріеръ съ ихъ поддѣлывателями ассигнацій: вѣдь, у насъ семьдесятъ разъ семьсотъ патріотическихъ сердецъ въ состояніи безумія. Имѣются также и мошенническія сердца, и самыя совершенныя въ своемъ родѣ,— если таковыя понадобятся. Для нихъ, въ этомъ настроеніи, законъ все равно, что не законъ, и убійство, какъ бы его ни называли, такая же работа, какъ и всякая другая.

И вотъ, эти внезапно образовавшіеся самозванные суды засѣдаютъ съ разложенными передъ ними тюремными реестрами; вокругъ нихъ стоитъ необычайный, дикій ревъ; внутри тюрьмы, въ ужасномъ ожиданіи, сидятъ заключенные. Живо! Произносится имя, скрипятъ засовы, и передъ нами заключенный. Вопросовъ предлагается немного; самозванный судъ работаетъ скоропалительно: роялистскій заговорщикъ, или нѣтъ? Очевидно, нѣтъ. Въ такомъ случаѣ, заключеннаго освобождаютъ съ крикомъ Vive la Nation. Вѣроятно, да; и въ этомъ случаѣ заключеннаго освобождаютъ, но безъ крика Vive la Nation; или же приговоръ гласитъ: отвести заключеннаго въ Лафорсъ. А въ Лафорсѣ приговоръ гласитъ: отвести заключеннаго въ Аббатство.—„Значитъ, въ Лафорсъ!" Добровольные экзекуторы хватаютъ осужденнаго, онъ уже у внѣшнихъ воротъ; его „выпускаютъ" или „ведутъ" не въ Лафорсъ, а въ ревущее море головъ, подъ сводъ яростно занесенныхъ сабель, пикъ и топоровъ, и онъ падаетъ, изрубленный. Падаетъ другой и третій; образуется груда тѣлъ, и въ канавахъ течетъ красная вода. Представьте себѣ вой этихъ людей, ихъ потныя, окровавленныя лица, еще болѣе жестокіе крики женщинъ, потому что въ толпѣ были и женщины, и брошеннаго въ эту среду беззащитнаго человѣка! Журніакъ де Сенъ-Меаръ видалъ сраженія, видѣлъ бунтъ мятежнаго Королевскаго полка, но отъ этого зрѣлища затрепетало и храбрѣйшее сердце. Заключенные швейцарцы, оставшіеся отъ десятаго августа, „судорожно обнялись" и попятились назадъ; сѣдые ветераны кричали: „Пощадите, messieurs, ахъ, пощадите!" Но здѣсь пощады нѣтъ. Вдругъ, „одинъ изъ этихъ людей выходитъ впередъ. На немъ синій камзолъ, ему около тридцати лѣтъ; онъ немного выше средняго роста и благородной, воинственной наружности. „Иду первымъ, если ужъ рѣшено, говоритъ онъ. Прощайте!" Потомъ, сильно швырнувъ назадъ шляпу, кричитъ разбойникамъ: „Куда идти? Покажите мнѣ дорогу!" Отворяютъ створчатыя ворота и объявляютъ о немъ толпѣ. Онъ съ минуту стоитъ неподвижно, потомъ бросается между пиками и умираетъ отъ тысячи ранъ" [1]).

Зарубаютъ одного за другимъ; сабли приходится точить, а убійцы освѣжаются кружками вина. Бойня продолжается; отъ усталости громкій ревъ пере-

[1]) Felémhesi, La Vérite tout entière (ut. supra), p. 173.

ходитъ въ глухое рычаніе. Смѣняющаяся толпа съ мрачными лицами смотритъ на это зрѣлище съ равнодушнымъ одобреніемъ или осужденіемъ, равнодушно признавая, что это необходимо. „Одинъ англичанинъ въ драповомъ пальто" давалъ, будто бы, убійцамъ пить изъ своей походной фляжки — съ какою цѣлью, „если онъ не подговоренъ Питтомъ", — извѣстно только ему и сатанѣ! Ѣдкій д-ръ Мооръ, подойдя, почувствовалъ себя дурно и свернулъ въ другую улицу [1]). Этотъ судъ присяжныхъ дѣйствуетъ скоро и строго. Нѣтъ пощады ни храбрости, ни красотѣ, ни слабости. Старикъ де Монморенъ, братъ министра, былъ оправданъ трибуналомъ Семнадцатаго и отведенъ назадъ, сопровождаемый толчками ревущихъ галлерей; но здѣсь его не оправдываютъ. Принцеса де Ламбалль уже легла спать. „Madame, вы должны отправиться въ

Сентябрьскія убійства 1792 года.

Аббатство". „Я не хочу переселяться; мнѣ хорошо и здѣсь". Ее заставляютъ встать. Она хочетъ немного поправить свой туалетъ, но грубые голоса возражаютъ: „Вамъ недалеко идти". И ее также ведутъ къ вратамъ ада, какъ открытую пріятельницу королевы. Она содрогается и отступаетъ при видѣ окровавленныхъ сабель, но возврата нѣтъ: Впередъ! Прекрасная голова разсѣкается топоромъ, затылокъ отдѣляется. Прекрасное тѣло разрубается на куски, среди гнусностей и циничныхъ ужасовъ, продѣлываемыхъ усатыми grandes-levres,—ужасовъ, которые человѣчество склонно считать невѣроятными, и которые должно читать только въ оригиналѣ. Эта женщина была прекрасна, добра и не знала счастья. Молодыя сердца въ каждомъ поколѣніи будутъ думать про себя: О, достойная обожанія, ты царственная, божественная и несчастная сестра-женщина!

[1]) Moore's Journal, I, 185—195.

Почему я не былъ при этомъ съ мечомъ или молотомъ Тора въ рукѣ! Голова ея насаживается на пику и проносится подъ окнами Тампля, для того, чтобы видѣла другая, еще болѣе ненавистная, голова, Марія Антуанетта. Одинъ муниципалъ, находящійся въ этотъ моментъ въ Тамплѣ съ царственными узниками говоритъ: „Посмотрите въ окно". Другой быстро шепчетъ: „Не смотрите". Ограда Тампля охраняется въ эти часы длинной растянутой лентой: сюда врываются ужасъ и шумъ неумолкаемыхъ криковъ; пока еще нѣтъ цареубійства, хотя возможно и оно.

Но поучительнѣе отмѣтить проявленіе любви, остатки добрыхъ инстинктовъ, всплывающіе въ этомъ разгромѣ человѣческихъ существованій; наблюдается и это въ нѣкоторой степени. Вотъ, напримѣръ, старый маркизъ Казоттъ: онъ приговоренъ къ смерти, но его молодая дочь сжимаетъ его въ своихъ объятьяхъ и умоляетъ, съ краснорѣчіемъ, вдохновленнымъ любовью, которая сильнѣе смерти; даже сердца убійцъ смягчаются: старикъ пощаженъ. Однако, онъ былъ виновенъ, если участіе въ заговорѣ за своего короля составляетъ вину; черезъ десять дней новый судъ опять приговорилъ его и онъ долженъ былъ умереть въ другомъ мѣстѣ, завѣщавъ своей дочери локонъ своихъ сѣдыхъ волосъ. Или возьмемъ стараго де Сомбрейля, у котораго тоже была дочь: „Мой отецъ не аристократъ: о, добрые господа, я готова поклясться и доказать, чѣмъ угодно, что мы не аристократы; мы ненавидимъ аристократовъ! — „Выпьешь аристократическую кровь? кричитъ одинъ и подаетъ ей въ чашкѣ кровь (такъ, по крайней мѣрѣ, гласили общераспространенные слухи [1]); бѣдная дѣвушка пьетъ. „Значитъ, этотъ Сомбрейль невиненъ". Да, дѣйствительно;—а теперь замѣтьте самое главное, какъ, при извѣстіи объ этомъ фактѣ, окровавленныя пики опускаются къ землѣ, и ревъ тигровъ смѣняется взрывомъ восторга по случаю спасеннаго брата; старика и его дочь со слезами прижимаютъ къ окровавленнымъ грудямъ и на рукахъ относятъ домой съ торжественными криками: Vive la Nation. Убійцы отказываются даже отъ денегъ! Не кажется ли такое настроеніе страннымъ? Однако, это доказано, подтверждено въ нѣкоторыхъ случаяхъ надлежащимъ образомъ свидѣтельскими показаніями роялистовъ [2]); и весьма знаменательно.

ГЛАВА V.

Трилогія.

Въ наше время всякое описаніе, какимъ бы эпическимъ оно ни было, „говоритъ само за себя, а не самовоспѣвается", поэтому оно должно или основываться на вѣрѣ и доказуемыхъ фактахъ, или же представлять не болѣе основанія, чѣмъ летающая паутина; такъ что читатель, можетъ быть, предпочтетъ посмотрѣть на эти дни глазами очевидцевъ, и на основаніи того, что онъ увидитъ, судитъ о нихъ собственнымъ умомъ. Предоставимъ храброму Журніаку, невинному аббату Сикару, разсудительному адвокату Матону говорить каждому со всевозможной краткостью. Книга Журніака „Тридцати-восьми часовая агонія" хотя сама по себѣ и слабое произведеніе, выдержала, однако, „болѣе ста изданій". За неимѣніемъ лучшаго, приведемъ здѣсь часть ея въ сто первый разъ.

„Около семи часовъ" (воскресенье, вечеръ, въ Аббатствѣ; Журніакъ отмѣчаетъ часы): „Мы видѣли, какъ вышли два человѣка съ окровавленными руками, вооруженные саблями; тюремщикъ съ факеломъ свѣтилъ имъ; онъ указалъ на постель несчастнаго швейцарца, Рединга. Редингъ говорилъ умираю-

---

[1]) Dulaure, Esquisses historiques des principaux événements de la Revolution, II, 206 (прив. у Монгальяра, III, 205).

[2]) Bertrand-Moleville (Mém. particuliers, 213).

щимъ голосомъ. Одинъ изъ этихъ людей остановился, но другой крикнулъ. Allons donc! и, поднявъ несчастнаго, вынесъ его на спинѣ на улицу. Тамъ его убили.

„Мы всѣ, молча, смотрѣли другъ на друга и схватились за руки. Неподвижные, мы устремили свои застывшіе глаза на полъ нашей тюрьмы, на которомъ лежалъ лунный свѣтъ, пересѣченный тѣнью тройныхъ рѣшетокъ нашихъ оконъ".

„Три часа утра: Они взломали одну изъ тюремныхъ дверей. Мы думали сначала, что они пришли убить насъ въ нашей камерѣ, но услышали, изъ разговора на лѣстницѣ, что они шли въ другую комнату, гдѣ нѣсколько заключенныхъ забаррикадировались. Какъ мы вскорѣ поняли, ихъ всѣхъ тамъ убили".

„Десять часовъ. Аббатъ Ланфанъ и аббатъ де Ша-Растиньякъ взошли на каѳедру часовни, служившей намъ тюрьмой; они прошли черезъ дверь, ведущую съ лѣстницы. Они сказали намъ, что конецъ нашъ близокъ, что мы должны успокоиться и принять ихъ послѣднее благословеніе. Словно отъ электрическаго толчка, мы всѣ упали на колѣни и приняли благословеніе. Эти два старца, убѣленные сѣдинами, благословляющіе насъ съ высоты каѳедры; смерть, парящая надъ нашими головами, окружающая насъ со всѣхъ сторонъ,— никогда не забыть намъ этого момента. Черезъ полчаса, оба они были убиты и мы слышали ихъ крики" [1]). Такъ говоритъ Журніакъ въ своей Агоніи въ Аббатствѣ.

Теперь пусть добрый Матонъ разскажетъ, что онъ перестрадалъ и чему былъ свидѣтелемъ въ тѣ же часы, въ Лафорсъ. Его Resurrection лучшій, наименѣе театральный изъ этихъ памфлетовъ, подтверждаемый документальными изслѣдованіями.

„Около семи часовъ", въ воскресенье вечеромъ, „стали часто вызывать заключенныхъ, и они не возвращались болѣе. Каждый изъ насъ, по своему, разсуждалъ объ этой странности; но мысли наши успокоились, когда мы убѣдили себя, что записка, представленная мною національному собранію, произвела впечатлѣніе.

„Въ часъ ночи рѣшетка, ведущая въ наше помѣщеніе, снова растворилась. Четыре человѣка въ мундирахъ, каждый съ обнаженной саблей и горящимъ факеломъ, вошли къ намъ въ коридоръ, предшествуемые тюремщикомъ, а затѣмъ въ комнату, смежную съ нашей, чтобы осмотрѣть ящикъ, который мы слышали, какъ они взломали. Покончивъ съ этимъ, они вышли въ коридоръ и спросили человѣка, по имени Кюисса, гдѣ находится Ламоттъ (мужъ покойной Ламоттъ, игравшей роль въ исторіи съ ожерельемъ). Они сказали, что нѣсколько мѣсяцевъ назадъ Ламоттъ выманилъ у одного изъ нихъ триста ливровъ, подъ предлогомъ какого то извѣстнаго ему клада, для чего пригласилъ его на обѣдъ. Несчастный Кюисса, находившійся теперь въ ихъ рукахъ и, дѣйствительно, погибшій въ эту ночь, отвѣтилъ, дрожа, что онъ хорошо помнитъ этотъ фактъ, но не можетъ сказать, что сталось съ Ламоттомъ. Рѣшивъ найти его и поставить на очную ставку съ Кюисса, они обшарили съ этимъ послѣднимъ еще нѣсколько комнатъ, но безполезно, потому что мы слышали, какъ они сказали: „Пойдемъ, поищемъ его между трупами, потому что, nom de Dieu! мы должны добиться, гдѣ онъ".

„Въ это самое время я услышалъ Луи Барди, называли имя аббата Барди: его вытащили и тутъ же убили, какъ я узналъ потомъ. Онъ былъ обвиненъ пять или шесть лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ со своей наложницей, въ томъ, что они убили и изрѣзали на куски его роднаго брата, аудитора счетной палаты въ Монпелье; но благодаря своей изворотливости, хитрости, даже краснорѣчію, Барди удалось провести судей и избѣжать наказанія.

[1]) Jourgniac Saint-Meard, Mon Agonie de Trente-huit heures (перепеч. въ Hist. Parl., XVIII, 103—135).

„Можно себѣ представить, какой ужасъ охватилъ меня при словахъ: „Пойдемъ, поищемъ между трупами!“ Я понялъ, что мнѣ не остается ничего болѣе, какъ приготовиться къ смерти. Я написалъ завѣщаніе, закончивъ его просьбой и заклинаніемъ передать бумагу по назначенію. Не успѣлъ я положить перо, какъ вошли еще два человѣка въ мундирахъ, одинъ изъ нихъ, у котораго рука и весь рукавъ по плечи были въ крови, сказалъ, что „онъ усталъ, какъ каменьщикъ, который разбивалъ булыжникъ“.

„Позвали Бодена де ла Шенэ: шестьдесятъ лѣтъ безупречной жизни не могли спасти его. Они сказали: Въ Аббатство; онъ прошелъ черезъ роковыя наружныя ворота, испустилъ крикъ ужаса при видѣ нагроможденныхъ тѣлъ, закрылъ глаза руками и умеръ отъ безчисленныхъ ранъ. Всякій разъ, какъ открывалась рѣшетка, мнѣ казалось, что я слышу мое собственное имя, и вижу входящаго Россиньоля“.

„Я сбросилъ халатъ и колпакъ, надѣлъ грубую, немытую рубашку, поношенный камзолъ безъ жилета и старую круглую шляпу; я посылалъ за этими вещами нѣсколько дней тому назадъ, опасаясь того, что могло случиться.

„Комнаты въ этомъ коридорѣ были пусты всѣ, кромѣ нашей. Насъ было четверо вмѣстѣ; казалось, о насъ забыли, и мы сообща молились Предвѣчному, чтобы Онъ избавилъ насъ отъ этой опасности“.

„Тюремщикъ Батистъ пришелъ самъ по себѣ взглянуть на насъ. Я взялъ его за руки, заклиналъ спасти насъ, обѣщалъ сто луидоровъ, если онъ отведетъ меня домой. Шумъ около рѣшетчатыхъ воротъ заставилъ его поспѣшно удалиться.

„Это былъ шумъ, производимый двѣнадцатью или пятнадцатью человѣками, вооруженными до самыхъ зубовъ, какъ мы видѣли изъ нашихъ оконъ, лежа на полу, чтобы не быть замѣченными. „Наверхъ! кричали они. Чтобы ни одного не осталось!“ Я вынулъ перочинный ножикъ и соображалъ, въ какомъ мѣстѣ мнѣ сдѣлать порѣзъ; но сообразилъ, что „лезвія слишкомъ коротки“, а также вспомнилъ и „о религіи“.

Наконецъ, въ восьмомъ часу утра, къ намъ вошло четверо людей съ дубинами и саблями! „Одному изъ нихъ товарищъ мой Жераръ сталъ что-то усердно шептать. Во время ихъ переговоровъ, я искалъ всюду башмаковъ, чтобы снять адвокатскія туфли (pantaufles de Palais), бывшія на мнѣ“, но не нашелъ ихъ. „Констана, прозваннаго le Sauvage, Жерара, и еще третьяго, имя котораго я забылъ, они сейчасъ же выпустили; что касается меня, то на моей груди они скрестили четыре сабли и повели меня внизъ. Меня представили въ ихъ судъ, къ персонажу въ шарфѣ, который игралъ роль судьи. Это былъ хромой человѣкъ, высокій и худощавый. Онъ узналъ меня на улицѣ и заговорилъ со мною, семь мѣсяцевъ спустя. Меня увѣряли, что онъ сынъ бывшаго адвоката, по имени Шени. Миновавъ дворъ, называемый Des Nourrices, я увидѣлъ ораторствующаго Манюэля въ трехцвѣтномъ шарфѣ“. Процессъ, какъ видимъ, окончился оправданіемъ и résurrection [1]) (воскресеніемъ).

Бѣдный Сикаръ, изъ арестантской камеры въ Аббатствѣ, скажетъ всего нѣсколько словъ правдивыхъ, хотя и произнесенныхъ дрожащимъ голосомъ. Около трехъ часовъ утра убійцы замѣчаютъ это маленькое violon (арестантскую) и стучатъ въ нее со двора. „Я постучалъ тихонько—чтобы убійцы не слышали,—въ противоположную дверь, за которою засѣдалъ комитетъ секцій, мнѣ грубо отвѣтили, что нѣтъ ключа. Въ violon насъ было трое; моимъ товарищамъ показалось, что надъ нами есть что-то вродѣ чердака. Но онъ былъ очень высоко, только одинъ изъ насъ могъ добраться до него, поднявшись на плечи двухъ другихъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что моя жизнь полезнѣе ихъ жизней. Я отказывался, они настаивали, спорить было некогда. Я бросился на шею двумъ моимъ спасителямъ; не могло быть сцены трогательнѣе этой.

---

[1]) Maton de la Varenne, Ma Resurrection (Hist. Parl. XVIII, 135—156).

Я взобрался сначала на плечи перваго, потомъ на плечи втораго, потомъ на чердакъ, и обратился къ моимъ двумъ товарищамъ съ изъявленіями признательности отъ полноты моей взволнованной души“ [1]).

Оба великодушные товарища, какъ мы съ радостью узнали, не погибли. Но пора дать Журніаку де Сенъ-Меаръ сказать свои послѣднія слова и кончить эту странную трилогію. Ночь сдѣлалась днемъ, и день снова превратился въ ночь. Журніакъ, утомленный чрезвычайнымъ волненіемъ, заснулъ и видѣлъ утѣшительный сонъ: онъ то же познакомился съ однимъ изъ добровольныхъ экзекуторовъ и говорилъ съ нимъ на родномъ провансальскомъ нарѣчіи. Во вторникъ, около часу ночи, Агонія его достигла кризиса.

„При свѣтѣ двухъ факеловъ, я различалъ теперь страшное судилище, въ рукахъ котораго была моя жизнь или смерть. Президентъ, въ сѣромъ камзолѣ, съ саблей на боку стоялъ, оперпись руками о столъ, на которомъ были бумаги, чернильница, трубки съ табакомъ и бутылки. Около десяти человѣкъ сидѣло или стояло вокругъ него, двое были въ курткахъ и фартукахъ; другіе спали, растянувшись на скамейкахъ. Два человѣка, въ окровавленныхъ рубашкахъ, стояли на часахъ у двери, старый тюремщикъ держалъ руку на замкѣ. Насупротивъ президента трое мужчинъ держали заключеннаго, которому на видъ было лѣтъ около шестидесяти (или семидесяти: это былъ маршалъ Малье, извѣстный намъ по Тюльери въ десятое августа). Меня поставили въ углу, и сторожа мои скрестили на моей груди сабли. Я оглядывался по сторонамъ, ища своего провансальца: два національныхъ гвардейца, одинъ изъ нихъ пьяный, представили какое то ходатайство отъ секціи Краснаго Креста въ пользу подсудимаго; человѣкъ въ сѣромъ отвѣчалъ: „Ходатайства за измѣнниковъ безполезны!“ Тогда заключенный воскликнулъ: „Это ужасно; вашъ приговоръ—убійство!“ Президентъ отвѣтилъ: „Я умываю въ этомъ руки; уведите г. Малье“. Его потащили на улицу и сквозь дверную щель я видѣлъ его уже убитымъ.

„Президентъ сѣлъ писать; я думаю, что онъ записывалъ имя того, съ кѣмъ только что покончили; потомъ я услышалъ, какъ онъ сказалъ: „Слѣдущаго! A un autre!“

„И вотъ, меня потащили на этотъ быстрый и кровавый судъ, гдѣ самой лучшей протекціей было не имѣть ея вовсе, и всѣ рессурсы высшей изобрѣтательности становились ничѣмъ, если не основывались на истинѣ. Двое моихъ сторожей держали меня каждый за руки, третій за воротникъ камзола. „Ваше имя, ваша профессія?“ сказалъ президентъ. „Малѣйшая ложь погубитъ васъ“, прибавилъ одинъ изъ судей. „Мое имя Журніакъ Сенъ-Меаръ; я служилъ офицеромъ двадцать лѣтъ и являюсь на вашъ судъ съ увѣренностью невиннаго человѣка, который не станетъ лгать!“—„Увидимъ“, сказалъ президентъ: „Знаете ли вы, за что вы арестованы?“—„Да, г. президентъ, меня обвиняютъ въ изданіи журнала De la Cour et de la Ville. Но я надѣюсь доказать ложность этого обвиненія!“

Доказательство Журніака и его защита вообще, хотя и принесшія отличный результатъ, неинтересны для чтенія. Они высокопарны, въ нихъ много театральнаго, хотя и не доходящаго до неправдивости, но почти клонящагося къ тому. Предположимъ, что его доказательства и опроверженія, сверхъ ожиданія, успѣшны, и перейдемъ скорѣе къ катастрофѣ, поджидающей почти въ двухъ шагахъ.

„Однако, сказалъ одинъ изъ судей, дыма безъ огня не бываетъ: скажите намъ, почему васъ обвиняютъ въ этомъ!“—„Я только что хотѣлъ сказать это“, — и Журніакъ говоритъ все съ большимъ и большимъ успѣхомъ.

„Болѣе того, продолжалъ я, меня обвиняютъ въ томъ, что я вербовалъ солдатъ для эмигрантовъ!“ При этихъ словахъ поднялся общій ропотъ. „O, Messieurs, Messieurs, воскликнулъ я, возвышая голосъ, теперь мой чередъ гово-

[1]) Abbé Sicard, Relation adressée a un de ses amis (Hist. Parl. XVIII, 98—103).

рить: я прошу г. президента предоставить мнѣ слово; оно никогда не было мнѣ нужнѣе". „Вѣрно, вѣрно", сказали со смѣхомъ почти всѣ судьи. „Тише!"

„Въ то время, какъ они обсуждали приведенныя мною доказательства, привели новаго заключеннаго и поставили его передъ президентомъ. „Еще священникъ, сказали судьи.—Его захватили въ часовнѣ". Послѣ немногихъ вопросовъ было сказано: „Въ Лафорсъ!" Онъ бросилъ на столъ свой требникъ; его вытащили наружу и убили. Я снова предсталъ передъ судомъ.

„Вы все говорите, что вы не то и не другое, крикнулъ одинъ изъ судей съ оттѣнкомъ нетерпѣнія,—но что же вы такое?"—„Я былъ явнымъ роялистомъ". Тутъ опять поднялся общій ропотъ, но онъ былъ чудеснымъ образомъ прекращенъ другимъ человѣкомъ, видимо заинтересовавшимся мной. „Мы здѣсь не для того, чтобы судить мнѣнія", сказалъ онъ,—а для, того чтобы судить результаты ихъ". Если бы за меня ходатайствовали Руссо и Вольтеръ вмѣстѣ, могли ли бы они сказать лучше? „Да, Messieurs", крикнулъ я,—я былъ всегда открытымъ роялистомъ, вплоть до десятаго августа. Съ десятаго августа, это дѣло конченное. Я французъ, вѣрный моей родинѣ. Я всегда былъ честнымъ человѣкомъ".

„Солдаты мои всегда относились ко мнѣ съ довѣріемъ. Даже, за два дня до дѣла въ Нанси, когда ихъ подозрительность по отношенію къ офицерамъ достигла крайнихъ предѣловъ, они выбрали меня командиромъ, чтобъ вести ихъ въ Люневиль, освободить арестованныхъ изъ полка Местръ де Кампъ и схватить генерала Мальсеня". По счастью, одинъ изъ присутствующихъ могъ достовѣрно подтвердить этотъ фактъ.

„По окончаніи этого перекрестнаго допроса, президентъ снялъ шляпу и сказалъ: „Я не вижу ничего подозрительнаго въ этомъ человѣкѣ. Я стою за дарованіе ему свободы. Каково ваше мнѣніе?" На что всѣ судьи отвѣтили: „Oui, oui; это правильно!"

Раздались виваты въ комнатѣ и снаружи, и Журніакъ, „эскортируемый тремя стражами", вышелъ, среди криковъ и объятій изъ суда и изъ пасти смерти [1]). Также спаслись Матонъ и Сикаръ, одинъ освобожденный по суду, такъ какъ тощій президентъ Шепи не нашелъ противъ него „абсолютно ничего", другой путемъ бѣгства и вторичной помощи добраго часовщика Мотона, и оба были встрѣчены объятіями и слезами, на которыя сами отвѣчали по мѣрѣ своихъ силъ.

Такимъ образомъ, мы выслушали ихъ, всѣхъ троихъ, одновременно высказавшихъ въ необыкновенной трилогіи, или тройномъ діалогѣ, свои ночныя мысли въ ужасныя безсонныя ночи. Мы выслушали этихъ троихъ, но остальные „тысяча восемьдесятъ девять, изъ которыхъ двѣсти два были священники?" Вѣдь, и у нихъ тоже были ночныя мысли, но они безмолствуютъ, навѣки задушенные черной смертью. Ихъ слышали только президентъ Шепи и человѣкъ въ сѣромъ!

ГЛАВА VI.

Циркуляръ.

Но что же дѣлали все это время установленныя власти: законодательное собраніе, шесть министровъ, городская ратуша, Сантерръ съ національной гвардіей?—Какъ подумаешь, что это за странный городъ! Театры, числомъ двадцать три, были открыты каждый вечеръ въ продолженіи этихъ ужасовъ; въ то время, какъ здѣсь правыя руки уставали отъ убійствъ, другія правыя руки тамъ пиликали на мелодическихъ струнахъ; въ ту самую минуту, когда аббатъ Сикаръ карабкался на вторую пару плечъ и превращался въ человѣка тройного роста, пятьсотъ тысячъ человѣческихъ существъ спали, растянувшись, словно все шло обычнымъ порядкомъ.

---

[1]) Mon Agonie (ut supra, Hist. Parl. XVIII, 128).

Что касается до бѣднаго законодательнаго собранія, то скипетръ уже ускользнулъ изъ его рукъ. Законодательное собраніе посылало депутацію въ тюрьмы, въ эти уличные суды,—и бѣдный Дюзо ораторствовалъ тамъ, но рѣшительно никого не могъ убѣдить, даже, въ концѣ-концовъ, такъ какъ онъ продолжалъ ораторствовать, уличный судъ вмѣшался съ угрозами, и онъ принужденъ былъ замолчать и удалиться. Это тотъ самый почтенный старикъ Дюзо, который долго разсказывалъ, почти пѣлъ, къ нашему удовольствію, хотя и надтреснутымъ голосомъ, о взятіи Бастиліи. Онъ имѣлъ обыкновеніе, въ этомъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, рекомендоваться какъ переводчикъ Ювенала. „Добрые граждане, вы видите передъ собою человѣка, любящаго свою родину, и переводчика Ювенала", сказалъ онъ однажды.—„Ювенала? прерываютъ санкюлоты: Что это за чортъ Ювеналъ? Одинъ изъ вашихъ священныхъ аристократовъ? На фонарь!" Отъ оратора такого рода нечего было ожидать убѣдительности. Законодательному собранію было много хлопотъ со спасеніемъ одного изъ своихъ членовъ, или бывшихъ членовъ, депутата Жунно, угодившаго въ одну изъ тюремъ, вслѣдствіе простыхъ парламентскихъ провинностей. Что до бѣднаго старика Дюзо и компаніи, то, вернувшись въ Залу Манежа, они сказали: „Было темно, и мы не могли хорошенько разсмотрѣть, что такое происходитъ" [1].

Роланъ пишетъ негодующія посланія во имя порядка, гуманности и закона; но въ распоряженіи его нѣтъ силы. Національная гвардія Сантерра, повидимому, лѣнива на подъемъ; хотя онъ производилъ, по его словамъ, переклички, но солдаты постоянно разсѣивались. А развѣ мы не видѣли, глазами адвоката Матона, „людей въ мундирахъ", у которыхъ „рукава были до плеча въ крови?" Петіонъ ходитъ въ трехцвѣтномъ шарфѣ, говоритъ „на строгомъ языкѣ закона"; пока онъ тутъ, убійцы унимаются, но какъ только онъ отвернется, они снова принимаются за свое дѣло. Мы видѣли мимоходомъ, глазами Матона, и Манюэля, также въ шарфѣ, ораторствующаго на дворѣ des Nourrices. Съ другой стороны, жестокій Бильо, въ шарфѣ же, „въ короткомъ пюсовомъ камзолѣ и черномъ парикѣ, какъ привыкли его выдѣть" [2], во всеуслышаніе произноситъ, „стоя посреди труповъ", въ Аббатствѣ, короткую, на вѣки памятную рѣчь, передаваемую различными словами, но всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ: „Достойные граждане, вы искореняете враговъ свободы; вы исполняете свой долгъ. Благодарная коммуна и отчизна желали бы достойно вознаградить васъ, но не могутъ, потому что вамъ извѣстенъ недостатокъ ихъ средствъ. Всякій работавшій (travaillé) въ тюрьмахъ, получитъ квитанцію на луидоръ, уплачиваемый нашимъ казначеемъ. Продолжайте свое дѣло" [3]. Законныя власти отошли въ область вчерашняго дня, тянутъ въ разныя стороны; въ сущности, нѣтъ законной власти, но всякій самъ себѣ голова, и всѣ являются царьками, воюющими, союзниками, или придерживающимися вооруженнаго нейтралитета, но не имѣютъ надъ собой короля.

„О, вѣчный позоръ", восклицаетъ Монгальяръ: „Парижъ смотрѣлъ на это цѣлыхъ четыре дня, какъ оглушенный, и не вмѣшивался!" Дѣйствительно, крайне желательно было бы, чтобы Парижъ вмѣшался; однако, нѣтъ ничего неестественнаго и въ томъ, что онъ стоялъ такъ и смотрѣлъ, словно оглушенный. Парижъ въ смертельной паникѣ, врагъ и висѣлицы у его дверей: у кого хватаетъ мужества бросить вызовъ смерти, тотъ находитъ полезнѣе сдѣлать это, сражаясь съ пруссаками, чѣмъ сражаясь съ убійцами аристократовъ. Тутъ могло быть и негодующее отвращеніе, какъ у Ролана, и мрачное одобреніе, преднамѣренность, или нѣтъ, какъ у Марата и комитета спасенія; тупое осужденіе, или тупое одобреніе и, какъ общая черта,—покорность необходимости и судьбѣ. Сыны тьмы, „двѣсти или около того", поднявшіеся изъ своихъ тайниковъ, имѣютъ достаточно времени

---

[1] Moniteur, пренія 2-го сентября 1792 г.

[2] Méhée Fils (ut supra), Hist. Parl., XVIII, 189.

[3] Montgaillard, III, 191.

сдѣлать свое дѣло. Побуждаетъ ли ихъ лихорадочное безумство патріотизма и безуміе страха, или корыстолюбіе и плата въ луидоръ? Нѣтъ, не корыстолюбіе, потому что золотые часы, кольца, деньги убитыхъ аккуратно приносятся въ городскую ратушу самими убійцами безъ штановъ, которые торгуются потомъ изъ за своего луидора; и Сержанъ, надѣвшій на палецъ необыкновенно красивый перстень съ агатомъ (считая „себя имѣющимъ на него право"), получаетъ прозвище Agate-Сержанъ. Но общее настроеніе, какъ мы сказали, тупая покорность. Только тогда, когда патріотическая и безумная часть дѣла кончена за недостаткомъ матеріала, и сыны мрака, явно стремящіеся только къ наживѣ, начинаютъ отнимать днемъ на улицахъ часы и кошельки и срывать брошки съ шеи дамы „на обмундировку волонтеровъ",—только тогда настроеніе публики изъ тупого превращается въ озлобленное, констэбль поднимаетъ свою палицу, и хорошимъ ударомъ (какъ энергичный настухъ) вгоняетъ „ходъ дѣлъ" назадъ, въ старую, установленную колею. Даже Garde-Meuble было тайно ограблено, 17-го сентября, къ новому ужасу Ролана, который снова начинаетъ волноваться и становится, по выраженію Сіеса, „veto мошенниковъ", Роланъ veto des coquins [1]).

Такова была эта сентябрьская бойня, иначе называемая „строгимъ народнымъ судомъ". Таковы эти сентябристы (septembriseurs)—названіе, не лишенное нѣкотораго значенія и ореола, хотя и ореола адскаго пламени, сильно отличающагося отъ ореола нашихъ героевъ Бастиліи, которые сіяли небеснымъ свѣтомъ, что не станетъ оспаривать ни одинъ другъ свободы; вотъ, къ какому обороту дѣла пришли мы съ тѣхъ поръ! Число убитыхъ было, по даннымъ исторической фантазіи, „отъ двухъ до трехъ тысячъ", или же „болѣе шести тысячъ", потому что Пельтье видѣлъ (во снѣ), какъ разстрѣливали „картечью" даже больныхъ въ сумасшедшемъ домѣ Бисетръ; даже, въ концѣ концовъ, ихъ было „двѣнадцать тысячъ" и нѣсколько сотъ, но не болѣе [2]). По цифровымъ же даннымъ и по спискамъ, составленнымъ аккуратнымъ адвокатомъ Матономъ, число ихъ, включая двѣсти двухъ священниковъ, трехъ „неизвѣстныхъ лицъ" и „одного вора, убитаго у бернардинцевъ", составляетъ, какъ указывалось выше, тысячу восемьдесятъ девять человѣкъ не менѣе.

Тысяча восемьдесятъ девять человѣкъ лежатъ мертвыми; „двѣсти шестьдесятъ труповъ нагромождено на самомъ Понтъ-о-Шанжъ"—и среди нихъ одинъ невинный [3]), вспоминая о которомъ Робеспьеръ будетъ впослѣдствіи „почти плакать". Одинъ, а не двое, о, зеленый неподкупный Робеспьеръ? Если такъ, санкюлотская Ѳемида можетъ считать себя счастливой,—вѣдь, она такъ спѣшила! Въ неясныхъ записяхъ городской ратуши, сохранившихся до нашихъ дней, читаешь не безъ боли въ сердцѣ необычныя въ городскихъ книгахъ графы расходовъ и выдачъ: рабочимъ, занимавшимся очисткой воздуха въ тюрьмахъ, и лицамъ, завѣдующимъ этими опасными работами, столько-то, въ разныхъ графахъ около семи сотъ фунтовъ стерлинговъ. Извощикамъ, отвозившимъ „на Кламарское, Монружское и Вожирарское кладбища", по стольку-то въ день и за подводу; и это тоже записано. Потомъ столько-то франковъ и су „на потребное количество негашеной извести" [4])! Подводы ѣдутъ по улицамъ, наполненныя обнаженными человѣческими тѣлами, набросанными въ безпорядкѣ; торчатъ отдѣльные члены—вотъ торчитъ блѣдно-желтая, окоченѣвшая рука, высунувшаяся изъ плотной кучи братскихъ тѣлъ, открытой ладонью къ небу, какъ бы въ нѣмой молитвѣ въ de profundis: Сжалься надъ сынами человѣческими! Мерсье, проходя изъ Монружа, „на утро послѣ бойни, по улицѣ Сенъ-Жакъ", видѣлъ это, но не руку, а ногу,—что онъ считаетъ еще многозначительнѣе, неизвѣстно почему. Или то была нога человѣка, отталкивавшаго отъ себя небо,

[1]) Helen Maria Williams, III, 27.

[2]) Hist. Parl. XVII, 421—22.

[3]) Moniteur отъ 6-го ноября (пренія 5-го ноября 1793).

[4]) Etat des sommes payées par la Commune de Paris (Hist. Parl., XVIII, 231).

устремлявшагося въ порывѣ отчаянія и отвращенія, подобно дикому нырку, въ самыя бездны небытія? Но и тамъ найдетъ тебя Его рука, и Его правая рука удержитъ тебя,—несомнѣнно, ради твоихъ хорошихъ, а не дурныхъ поступковъ, на добро, а не на зло! „Я видѣлъ эту ногу", говоритъ Мерсье, „и узнаю ее въ великій день страшнаго суда, когда Предвѣчный, засѣдая на громахъ, будетъ судить и королей, и сентябристовъ" [1]).

Естественно и справедливо, что такія дѣла вызвали крикъ невыразимаго ужаса не только среди французскаго дворянства и умѣренныхъ, но и во всей Европѣ, крикъ, продолжающійся и до сего дня. Но дѣло было сдѣлано непоправимое; оно зачтется среди самыхъ черныхъ дѣлъ въ лѣтописяхъ міра и никогда не изгладится изъ нихъ. Ибо въ человѣкѣ, какъ мы говорили, есть трансцендентальности; онъ, бѣдное созданіе, стоитъ всюду „при сліяніи безконечностей", является тайной для самого себя и для другихъ, въ центрѣ двухъ вѣчностей, трехъ неизмѣримостей,—въ пересѣченіи первобытнаго свѣта съ вѣчнымъ мракомъ!—Итакъ, совершены были ужаснѣйшія вещи, особенно людьми горячаго характера, доведенными до отчаянія. Сицилійская вечерня и „восемь тысячъ убитыхъ въ два часа" — фактъ извѣстный. Даже короли, и не въ отчаяніи, а только въ затруднительномъ положеніи, сидѣли дни и годы (де-Ту говоритъ даже семь лѣтъ), обдумывая свой планъ Варѳоломеевской ночи; а потомъ, въ надлежащій моментъ, зазвонилъ также въ одно осеннее воскресенье тотъ же самый колоколъ церкви Сенъ-Жерменъ л'Оксерруа,—и результаты извѣстны [2]). Почернѣвшія каменныя стѣны парижскихъ тюремъ видѣли и раньше рѣзню заключенныхъ; люди убивали здѣсь своихъ соотечественниковъ, бургундцы арманьяковъ, внезапно арестованныхъ; и такъ же, какъ и теперь, нагромождались трупы и по улицамъ струилась кровь. Мэръ Петіонъ того времени говорилъ строгимъ языкомъ закона, и убійцы отвѣчали ему на старомъ французскомъ нарѣчіи (это было четыреста лѣтъ назадъ): „Maugré bieu, Sire, чертъ возьми вашу „справедливость", ваше „состраданіе", вашъ „разумъ". Проклятіе Божіе надъ тѣмъ, кто сжалится надъ этими фальшивыми измѣнниками арманьяками, англичанами; эти собаки разорили насъ, опустошили французское королевство и продали его англичанамъ" [3]). И бойня продолжалась; убитыхъ отбрасываютъ въ сторону въ количествѣ „тысячи пятисотъ восемнадцати, среди которыхъ оказалось четыре лживыхъ и коварныхъ епископа и два президента парламента". Ибо, хотя міръ, въ которомъ мы живемъ, не міръ сатаны, но сатана всегда имѣетъ въ немъ пребываніе (подъ землей) и отъ времени до времени вырывается наружу. Человѣчество можетъ кричать, безсвязно проклинать, сколько ему угодно: есть дѣянія, настолько выразительныя сами по себѣ, что никакой крикъ не можетъ быть слишкомъ выразительнымъ для нихъ. Кричите вы, а дѣйствовали они.

Пусть кричитъ, кто можетъ въ этой Франціи, въ этомъ парижскомъ законодательномъ собраніи, или парижской городской ратушѣ, но есть десять человѣкъ, которые не кричатъ. Комитетъ общественнаго спасенія издаетъ циркуляръ, помѣченный 3-мъ сентября 1792 г. и разосланный по всѣмъ городскимъ управленіямъ; это слишкомъ замѣчательный государственный актъ, чтобъ быть обойденнымъ молчаніемъ. „Часть заключенныхъ въ тюрьмахъ злобныхъ заговорщиковъ", гласитъ онъ, „были преданы народомъ смерти, и мы не сомнѣваемся, что вся нація, доведенная до крайняго разоренія безконечнымъ рядомъ измѣнъ, поспѣшитъ воспользоваться этимъ средствомъ общественнаго спасенія; и всѣ французы закричатъ, какъ мужчины въ Парижѣ: Мы идемъ сражаться съ врагомъ, но не хотимъ оставлять позади себя разбойниковъ, которые убьютъ нашихъ женъ и дѣтей". Подъ этимъ циркуляромъ стоятъ три четко на-

---

[1]) Mercier, Nouveau Paris, VI, 21.

[2]) Отъ 9-го до 13-го сентября 1572 г. (Dulaure, Hist. de Paris, IV, 289).

[3]) Dulaure, III, 494.

писанныя подписи: Пани, Сержанъ, Маратъ, Другъ Народа [1]), и еще семь другихъ—сохраненныхъ, страннымъ образомъ, для позднѣйшихъ воспоминаній антикваріевъ. Однако, мы замѣчаемъ, что циркуляръ ихъ отозвался скорѣе на нихъ самихъ. Городскія управленія не воспользовались имъ; даже обезумѣвшіе санкюлоты пользовались имъ мало; они только орали и ревѣли, но не кусались. Въ Реймсѣ было убито „около восьми человѣкъ", да и за тѣхъ двое впослѣдствіи были повѣшены. Въ Ліонѣ и немногихъ другихъ мѣстахъ дѣлались попытки въ этомъ родѣ, но почти безъ результата и скоро были подавлены.

Менѣе счастливыми оказались заключенные въ Орлеанѣ и добрый герцогъ де Ларошфуко. Онъ ѣхалъ быстрыми перегонами, съ матерью и женой, на воды въ Форжъ, или въ какое нибудь еще болѣе спокойное мѣсто, и былъ остановленъ въ Жизорѣ; возбужденная толпа провожала его по улицамъ и убила „ударомъ камня, брошеннаго въ окно кареты". Его убили какъ бывшаго либерала, теперь аристократа, покровителя священниковъ, смѣстителя добродѣтельныхъ Петіоновъ, несчастнаго, горячаго, но остывшаго человѣка, ненавистнаго патріотамъ. Онъ умираетъ, оплакиваемый Европой; кровь его обрызгиваетъ щеки его старой девятидесяти трехлѣтней матери.

Что касается до орлеанскихъ заключенныхъ, то они считаются государственными преступниками: это роялистскіе министры, Делессары, Монморены, числящіеся за Верховнымъ орлеанскимъ судомъ со времени его учрежденія. Повидимому, сочли за лучшее передать ихъ новому парижскому суду Семнадцатаго, который дѣйствуетъ гораздо быстрѣе. Поэтому пылкій Фурнье съ Мартиники, Фурнье l'Américain, отправляется, командированный законной властью, съ вѣрной національной гвардіей и съ полякомъ Лазуцкимъ, но со скуднымъ запасомъ прогонныхъ денегъ. Несмотря на плохія стоянки, затрудненія, опасности, ибо власти въ это время дѣйствуютъ одна вопреки другой, они торжественно привозятъ этихъ пятьдесятъ или пятьдесятъ трехъ орлеанскихъ заключенныхъ въ Парижъ, гдѣ ихъ будетъ судить болѣе быстрый судъ Семнадцатаго [2]). Но за это время въ Парижѣ образовался судъ еще болѣе быстрый, судъ Второго Сентября; не въѣзжайте въ Парижъ, или онъ будетъ судить васъ!—Что дѣлать пылкому Фурнье? Обязанностью его, какъ добровольнаго полицейскаго, —обладай онъ сильнымъ характеромъ,—было бы сохранить жизнь этихъ людей, какими бы аристократами они ни были, цѣной даже своей собственной цѣнной жизни, какимъ бы ни былъ онъ санкюлотомъ, до тѣхъ поръ, пока какой нибудь законный судъ не распорядился бы ими. Но онъ былъ не сильнаго характера и не совершеннымъ полицейскимъ, пожалуй, даже однимъ изъ самыхъ несовершенныхъ.

Пылкій Фурнье, которому однѣ власти приказываютъ ѣхать туда, другія—сюда, сбитъ съ толку этимъ множествомъ приказаній; но въ концѣ-концовъ направляется въ Версаль. Заключенные его ѣдутъ въ телѣгахъ, онъ самъ и гвардейцы, конные и пѣшіе, окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Въ послѣдней деревнѣ навстрѣчу имъ выходитъ почтенный версальскій мэръ, озабоченный тѣмъ, чтобы прибытіе и заключеніе прошли благополучно. Это было въ воскресенье, девятаго числа. Когда узники въѣхали въ Версальскую аллею, на сентябрьскомъ солнцѣ, подъ темно-зеленой сентябрьской листвой, уже кишитъ несмѣтная толпа народа. Казалось, весь городъ высыпалъ въ эту аллею, обсаженную четырьмя рядами деревьевъ. Телѣги съ трудомъ подвигаются сквозь живое море; гвардейцы и Фурнье съ еще большимъ трудомъ расчищаютъ дорогу; мэръ говоритъ и жестикулируетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ среди не членораздѣльнаго ропота и гудѣнія, которыя становятся все громче, возбуждаясь своимъ собственнымъ шумомъ, и мѣстами прорываются озлобленнымъ ревомъ. Далъ бы Богъ намъ поскорѣе выбраться изъ этой тѣсноты! Авось вѣтеръ и

---

[1]) Hist. Parl. XVII, 433.

[2]) Hist. Parl. XVII. 434.

разстояніе охладятъ этотъ пылъ, готовый, повидимому, вспыхнуть яркимъ пламенемъ!

Но если тѣсна широкая аллея, то что же будетъ на слѣдующей за ней, на улицѣ Сюрентандансъ? На углу ея отдѣльные крики превращаются въ непрерывный ревъ; дикія фигуры вскакиваютъ на оглобли телѣгъ, какъ первые брызги безконечнаго, надвигающагося потока! Мэръ умоляетъ, почти въ отчаяніи расталкиваетъ толпу; его также толкаютъ, и, наконецъ, уносятъ на рукахъ; дикій потокъ открылъ себѣ свободный доступъ и царитъ надо всѣмъ. Среди отвратительнаго шума и рева, похожаго на вой волковъ, заключенные падаютъ мертвыми—всѣ, кромѣ одиннадцати, которые спаслись въ домахъ обывателей, гдѣ встрѣтили состраданье. Тюрьмы съ находящимися въ нихъ другими арестованными съ трудомъ удалось отстоять. Сорванное платье сожгли на потѣшныхъ огняхъ; трупы лежатъ наваленные въ канавѣ еще на слѣдующее утро [1]). Вся Франція, за исключеніемъ десяти человѣкъ, подписавшихъ циркуляръ, и ихъ агентовъ, стонетъ и кричитъ, выходя изъ себя отъ негодованія; вся Европа вторитъ ей.

Но Дантонъ не кричитъ, хотя это дѣло ближе всего касается его, какъ министра юстиціи. Суровый Дантонъ стоитъ на бреши штурмуемыхъ городовъ и возмущенныхъ націй, среди грохота пушекъ десятаго августа, шороха прусскихъ веревокъ, взмаховъ сентябрьскихъ сабель; вокругъ него идетъ уничтоженіе и разрушеніе міровъ. Его называютъ министромъ юстиціи, но по профессіи онъ титанъ Потерянной Надежды и Enfant Perdu революціи; — и онъ дѣйствуетъ согласно своему положенію. „Мы должны устрашить нашихъ враговъ!“ Но развѣ ихъ уже самъ собою не обуялъ глубокій страхъ? Титанъ Потерянной Надежды меньше всего склоненъ разсѣять его. Впередъ, погибшій титанъ, Enfant Perdu! ты долженъ дерзать, и дерзать безъ конца, больше тебѣ ничего не остается! „Que mon nom soit flétri, пусть имя мое покроется позоромъ“. Что я значу? Важно только дѣло, оно должно жить, а не погибнуть. — Итакъ, передъ нами новый сокрушитель формулъ, и съ болѣе широкой глоткой, чѣмъ у Мирабо: это Дантонъ—Мирабо санкюлотовъ. Въ сентябрьскіе дни не слышно было, чтобы этотъ министръ работалъ совмѣстно со строгимъ Роланомъ; у него другое дѣло: съ Брауншвейгскимъ герцогомъ и ратушей. Когда одинъ чиновникъ обратился къ нему по поводу орлеанскихъ заключенныхъ и опасностей, которымъ они подвергались, онъ мрачно отвѣтилъ два раза: „Развѣ эти люди не виновны?“ Когда же тотъ продолжалъ настаивать, „онъ отвѣтилъ ужаснымъ голосомъ“ и повернулся спиной [2]). Тысяча убитыхъ въ тюрьмахъ, — это ужасно, если хотите; но Брауншвейгъ находится отъ насъ всего въ одномъ днѣ пути, и у насъ еще двадцать пять милліоновъ, которыхъ можно отдать на избіеніе, или спасти. Нѣкоторымъ людямъ выпадаютъ задачи пострашнѣе нашихъ! Кажется страннымъ, но на самомъ дѣлѣ не странно, что этотъ министръ Молоха-Правосудія проявлялъ человѣчность и состраданіе, когда къ нему обращались съ прошеніями о помилованіи друзей, и „всегда“ уступалъ и исполнялъ просьбу; замѣчательно также, „что ни одинъ личный врагъ Дантона не погибъ въ эти дни“ [3]).

Кричать, когда совершаются извѣстныя дѣянія, правильно и неизбѣжно, говоримъ мы. Тѣмъ не менѣе, отличительная способность человѣка— членораздѣльная рѣчь, а не крикъ; если же рѣчь еще не возможна, по крайней мѣрѣ, скоро, то лучше молчать. Поэтому, въ этотъ сорокъ четвертый годъ послѣ описанныхъ событій, и въ тысячу восемьсотъ тридцать шестой „эры, называемой христіанской, какъ lucus a non“, мы рекомендуемъ и сами соблюдаемъ—мол-

[1]) Pieces officielles relatives au massacre des prisonniers à Versailles (Hist. Parl. XVIII, 236—249).

[2]) Biographie des Ministres, p. 97.

[3]) Biographie des Ministres, 103.

чаніе. Вмѣсто того, чтобы продолжать кричать, было бы, пожалуй, поучительно замѣтить, съ другой стороны, какая странная вещь—нравы (по латыни, Mores), и какъ сообразно доблесть Vir-tus, т. е. мужественность или достоинство, заключенное въ человѣкѣ, называются его моральностью или нравственностью. Кровожадное убійство, одинъ изъ несомнѣннѣйшихъ продуктовъ ада, обратившись въ обычай, становится войной, съ законами войны, и какъ обычное становится моральнымъ; и люди въ красныхъ мундирахъ ходятъ опоясанные орудіями убійства, и даже имѣютъ при этомъ гордый видъ, —чего мы отнюдь не порицаемъ. Но пока убійство одѣто въ рабочую или мужицкую блузу, и революція, болѣе рѣдкая, чѣмъ война, еще не издала своихъ законовъ, убійцы въ грубыхъ блузахъ необычны. О, возлюбленные, кричащіе, тупоголовые братья, закроемъ наши разинутые рты, перестанемъ кричать, и начнемъ думать!

ГЛАВА VII.

Сентябрь въ Аргонѣ.

Одно, во всякомъ случаѣ, ясно, что устрашеніе, котораго желали добиться эти враги аристократовъ, было достигнуто. Итакъ, дѣло становится серьезнымъ! Санкюлотство тоже стало фактомъ и, повидимому, намѣрено провозгласить себя какъ таковый? Этотъ чудовищный уродъ -санкюлотство, скачущій, какъ теленокъ, не только смѣшонъ и кротокъ, какъ всѣ телята, но и страшенъ, если вы уколете его, и сквозь свои отвратительныя ноздри онъ дышетъ огнемъ!—Аристократы, съ блѣднымъ ужасомъ въ сердцахъ, прячутся подальше: и многія вещи озаряются для нихъ новымъ свѣтомъ, или, вѣрнѣе, смутнымъ переходомъ къ свѣту, благодаря чему, въ данную минуту, мракъ кажется еще темнѣе, чѣмъ когда либо. Но что станется съ Франціей? Вотъ, въ чемъ вопросъ. Франція танцуетъ вальсъ пустыни, подобно Сахарѣ, когда поднимается вѣтеръ: двадцать пять милліоновъ кружатся въ вихрѣ; вальсируя, направляются къ городскимъ ратушамъ, аристократическимъ тюрьмамъ и избирательнымъ комитетамъ, къ Брауншвейгу и границамъ, -къ новой главѣ всемірной исторіи, если только это не конецъ, не развязка всего!

Въ избирательныхъ комитетахъ теперь уже нѣтъ сомнѣній, и дѣло идетъ безъ заминки. Конвентъ избирается — въ очень рѣшительномъ духѣ; въ городской ратушѣ мы уже отмѣчаемъ: первый годъ республики. Около двухсотъ нашихъ лучшихъ законодателей могутъ быть избраны вновь, гора въ полномъ составѣ: Робеспьеръ, съ мэромъ Петіономъ, Бюзо, священникъ Грегуаръ, Рабо, и около шестидесяти членовъ бывшей конституанты, хотя нѣкогда у насъ было всего „тридцать голосовъ“. Избираются всѣ они, и наряду съ ними, друзья, давно уже пользующіеся революціонной славой: Камиллъ Демуленъ, хотя онъ и заикается; Манюэль, Талліенъ и компанія; журналисты Горза, Карра, Мерсье, Луве, авторъ Faublas, Клоотсъ, предстатель человѣчества; Колло д'Эрбуа, актеръ, терзающій страсти на клочки; Фабръ д'Эглантинъ, памфлетистъ-теоретикъ; Лежандръ, плотный мясникъ; даже Маратъ, хотя сельская Франція съ трудомъ можетъ повѣрить этому, или даже вообще повѣрить, что существуетъ дѣйствительный Маратъ, въ натурѣ, а не только въ печати. О министрѣ

Бюзо.

Дантонъ, который хочетъ отказаться отъ министерскаго портфеля, ради членскаго мѣста, ужъ нечего и говорить. Парижъ охваченъ выборной горячкой; провинція тоже не отстаетъ: Барбару, Ребекки и пламенные патріоты пріѣзжаютъ изъ Марселя. Собирается семьсотъ сорокъ пять человѣкъ (въ дѣйствительности, сорокъ девять, такъ какъ Авиньонъ посылаетъ четверыхъ); собралось ихъ много, но разойдется меньше!

Адвокатъ Карье изъ Орильяка, бывшій священникъ Лебонъ изъ Арра, оба составятъ себѣ имя. Гористая Овернь вновь избираетъ своего Ромма, отважнаго земледѣльца, бывшаго профессора математики, который безсознательно втайнѣ вынашиваетъ замѣчательный Новый календарь, съ Мессидорами, Плювіозами и т. п. и, выпустивъ его въ свѣтъ, умереть такъ называемой римской смертью. Является и бывшій членъ конституанты, Сіесъ, составлять новыя конституціи, сколько понадобится; впрочемъ, осмотрѣвшись своими зоркими, осторожными глазами, онъ притаится во многихъ случаяхъ, когда убѣдится, что молчать безопаснѣе. Пріѣзжаетъ молодой Сенъ-Жюстъ, депутатъ сѣверной Эны болѣе похожій на студента, чѣмъ на сенатора, авторъ нѣсколькихъ книгъ; это юноша, которому еще нѣтъ двадцати четырехъ лѣтъ, обладающій стройной фигурой, сладкимъ голосомъ, восторженнымъ смуглымъ лицомъ и длинными черными волосами. Изъ далекой долины Оркъ, въ отрогахъ Пиренеевъ, пріѣзжаетъ Феро, пылкій республиканецъ, которому суждена слава, по крайней мѣрѣ, послѣ смерти.

Шарль-Жакъ Барбару.

Съѣзжаются всякаго рода патріоты: учителя, сельскіе хозяева, священники настоящіе и бывшіе, купцы, доктора; но болѣе всего говоруновъ, или адвокатовъ. Есть и акушеры, какъ Левассеръ изъ Сарты; художники: толстый Давидъ съ распухшей щекой, долго рисовалъ съ порывистой геніальностью, а теперь будетъ законодательствовать. Распухшая щека, заглушающая его слова, при самомъ ихъ зарожденіи, дѣлаетъ его совершенно негоднымъ, какъ оратора; но его кисть, голова и смѣлое, горячее сердце съ порывистой геніальностью окажутся на мѣстѣ. Это человѣкъ съ тѣлеснымъ и умственнымъ флюсомъ, рыхлый, непропорціонально раздавшійся въ ширину, а не въ вышину; при этомъ слабый въ конвульсивномъ состояніи, и не сильный въ спокойномъ; но пускай и онъ съиграетъ свою роль. Не забыты и натурализованные благодѣтели рода человѣческаго. Орнскій департаментъ избираетъ Пристлея, который отказывается; Па-де-Кале,— мятежнаго портного Пэна,—который принимаетъ мандатъ.

Жакъ-Луи Давидъ.

Дворянъ избирается немного, но все же они есть. Одинъ изъ нихъ, Поль-Франсуа Барра, „благородный, какъ всѣ Барра, и старый, какъ скалы Прованса". Этого безпечнаго человѣка, столько разъ терпѣвшаго крушенія, судьба выбрасывала то на берегъ Мaледивскихъ острововъ, что было давно, въ бытность его матросомъ и солдатомъ, въ качествѣ индійскаго воина; то впослѣдствіи,

когда онъ былъ парижаниномъ на пенсіи, алчнымъ до наслажденій, на разные острова Цирцеи, гдѣ онъ пребывалъ въ временномъ очарованіи, или въ временномъ скотскомъ или свинскомъ состояніи. Его послалъ теперь въ Парижъ отдаленный Варскій департаментъ. Это человѣкъ горячій и торопливый, лишенный дара слова, и даже не имѣющій, что сказать, но не лишенный сообразительности и мужества, хотя и скоропреходящаго, который, если фортуна будетъ благопріятна ему, можетъ пойти далеко въ такія времена. Онъ высокаго роста, красивой наружности, „хотя лицо немного желтовато“, но, „въ пурпуровой мантіи и съ трехцвѣтнымъ плюмажемъ, въ торжественныхъ случаяхъ“, онъ будетъ очень представителенъ [1]). Лепельтье Сенъ-Фаржо, бывшій членъ конституанты, тоже своего рода дворянинъ, и страшный богачъ; и онъ также попалъ сюда — не для того ли, чтобы добиться отмѣны смертной казни? Несчастный эксъ-парламентаристъ! Среди шестидесяти бывшихъ членовъ конституанты, мы видимъ даже Филиппа Орлеанскаго, принца крови! Но теперь онъ уже не d'Orléans: онъ проситъ своихъ достойныхъ друзей, парижскихъ избирателей, дать ему новое имя по ихъ выбору, такъ какъ феодализмъ сметенъ съ лица земли; въ отвѣтъ на это, прокуроръ Манюэль, въ качествѣ ученаго любителя антитезъ, предлагаетъ имя Равенство Egalité. Итакъ, въ конвентѣ, предъ лицомъ земли и неба, будетъ засѣдать Филиппъ Эгалите.

Поль-Франсуа Барра, графъ.

Таковъ собирающійся конвентъ. Все это сердитыя куры въ періодъ линянія, съ которыми Брауншвейгскіе гренадеры и канониры не станутъ долго церемониться. Лишь бы погода,—какъ все еще молится Бертранъ,—исправилась немножко [2]).

Напрасно, Бертранъ! Погода не исправится ни капли; но если бъ даже она исправилась? Дюмурье Полиметъ проснулся въ утро 29-го августа, послѣ короткаго сна, въ Седанѣ, чтобы дѣйствовать украдкой быстро и смѣло, — чего Бертранъ не знаетъ. На четвертое утро послѣ того, герцогъ Брауншвейгскій, широко раскрывъ глаза, замѣчаетъ, что всѣ Аргонскіе проходы заняты; завалены срубленными деревьями, укрѣплены лагерями;—словомъ, что ловкій и проворный Дюмурье перехитрилъ его!

Этотъ маневръ, пожалуй, будетъ стоитъ Брауншвейгу „потери трехъ недѣль“, что, при данныхъ обстоятельствахъ, можетъ имѣть роковыя для него послѣдствія. Между нимъ и Парижемъ лежитъ горный хребетъ въ сорокъ миль длиной, который онъ долженъ былъ бы занять раньше;—но какъ завладѣть имъ теперь? Вдобавокъ ежедневно льетъ дождь; и мы находимся въ голодной, вшивой Шампани, въ странѣ, гдѣ земля вся пропитана водой изъ канавъ. Какъ перейти черезъ этотъ Аргонскій горный хребетъ; или что тутъ дѣлать?— Начинаются маршировки, шлепанье по мокрымъ крутымъ тропинкамъ, съ проклятіями и гортанными восклицаніями; штурмованія Аргонскихъ проходовъ, которыхъ, къ несчастью, нельзя взять штурмомъ. Въ лѣсахъ раздается эхо солдатскихъ залповъ, похожее на музыку чудовищнаго гонга, или на литавры Молоха; вздувшіеся потоки сердито рокочатъ у подножія скалъ, неся блѣдные трупы людей. Напрасно! Деревня Илеттъ, со своей колокольней, стоитъ невредимо въ горномъ проходѣ среди обнявшихъ ее высотъ; форсированные марши и ка-

[1]) Dictionnaire des Hommes Marquans, § Barras.

[2]) Bertrand Moleville, Memoires, II, 225.

рабканья превратились въ форсированныя скатыванія и паденія. Съ вершинъ холмовъ видны только нѣмые утесы и безконечные мокрые, словно плачущіе, лѣса; клермонтская Vache (огромная корова) по временамъ показывается [1]), сбрасывая съ себя свой облачный покровъ, и снова натягиваетъ его, закутываясь въ пелену дождя. Аргонскіе проходы не поддаются штурму, приходится обходить ихъ.

Можно себѣ представить, какъ потускнѣлъ блескъ вельможныхъ эмигрантовъ; наврядъ ли ихъ „пѣхотный полкъ, съ красными отворотами и въ нанковыхъ шароварахъ", сохранилъ свой парадный видъ! На мѣсто гасконадъ, грозитъ наступить нѣчто вродѣ отчаянія и водобоязни отъ излишка воды. Молодой принцъ де Линь, сынъ храбраго ученаго де Линя, грозы франтовъ, падаетъ, убитый въ Гранъ-Пре, самомъ сѣверномъ изъ проходовъ. Брауншвейгскій герцогъ съ трудомъ пробирается вокругъ южной окраины Аргонъ. Четыре дня, подъ дождемъ, какъ во времена Ноева потопа,—безъ огня, безъ пищи! Чтобы развести огонь, срубаютъ зеленыя деревья и получаютъ только дымъ, а единственная пища состоитъ изъ зеленаго винограда, отъ котораго дѣлаются колики, заразительная дизентерія, ὀλέκοντο δὲ λαοί. Крестьяне убиваютъ васъ вмѣсто того, чтобы присоединяться къ вамъ; визгливыя женщины стыдятъ васъ, грозятся пустить противъ васъ въ ходъ свои ножницы! О, злополучные потускнѣвшіе аристократы и страдающіе водобоязнью, шлепающіе нанковые шаровары! Но въ десять разъ несчастнѣе вы, бѣдные ругающіеся гессенцы и уланы, лежащіе на спинахъ съ помертвѣлыми лицами и не имѣющіе никакихъ поводовъ умирать здѣсь, кромѣ принужденія и трехъ су въ день! Невесело и г-жѣ Ле-Бланъ изъ „Золотой Руки", въ ея бесѣдкѣ изъ мокраго камыша. Убійцъ изъ крестьянъ вѣшаютъ; бывшихъ членовъ учредительнаго собранія, хотя бы и почтеннаго возраста, возятъ въ телѣгахъ со связанными руками; таковы горестные плоды войны!

Такимъ образомъ совершается съ круженіемъ и спотыканіемъ обходъ по склонамъ и проходамъ Аргонскихъ горъ, во время котораго герцогъ Брауншвейгскій теряетъ двадцать пять несчастныхъ дней. Происходятъ стычки и сраженія, то съ тыла, то съ фронта, смотря по тому, какъ мѣняются позиціи; Аргонскій лѣсъ частью обходиться, частью штурмуется. Но какъ ни штурмуютъ, какъ ни обходятъ, а Дюмурье все стоитъ, какъ вросшій въ землю, поворачиваясь то на ту, то на другую сторону, всюду показывая фронтъ, и при томъ самымъ неожиданнымъ образомъ; и никакъ не соглашается убраться. Къ нему отовсюду стремятся рекруты полные мужества, но съ ними трудно управляться. За Гранъ-Пре, напримѣръ, находящимся на невыгодной для насъ сторонѣ Аргонъ, такъ какъ мы окружены теперь Брауншвейгомъ и онъ тѣснитъ насъ, во время одного изъ поворотовъ фронтомъ къ непріятелю, наши храбрецы вдругъ потеряли равновѣсіе, какъ нерѣдко бываетъ и съ храбрыми людьми. Поднялся крикъ sauve qui peut (спасайся, кто можетъ)! и началась паника, чуть было не погубившая все. Генералъ долженъ былъ поспѣшно прискакать, чтобы удерживать и собирать солдатъ громовыми словами, жестами и даже сабельными ударами, пока не удалось пристыдить ихъ [2]); ему пришлось даже схватить первыхъ крикуновъ и зачинщиковъ, приказать „выбрить имъ головы и брови", и прогнать ихъ въ предостереженіе остальнымъ. Въ другой разъ уже готовъ былъ вспыхнуть мятежъ, потому что порціи, дѣйствительно, были очень малы, а стояніе въ мокротѣ съ пустымъ желудкомъ портитъ настроеніе духа. Тогда снова появляется Дюмурье „передъ рядами" со своимъ штабомъ и эскортомъ изъ ста гусаръ. Онъ ставитъ позади непокорныхъ нѣсколько эскадроновъ, а съ фронта — артиллерію, и говоритъ: „Что касается до васъ, я не хочу называть васъ ни гражданами, ни солдатами, ни моими дѣтьми

---

[1]) Helen Maria Williams. Letters, III, 79—81.

[2]) Dumouriez, Mémoires, III, 29.

нихъ! Они утратили былую, отличавшую ихъ любовь къ королю и къ королевской мантіи; боюсь, утратили навсегда, и готовы даже сражаться, чтобъ избавиться отъ нихъ: таково, кажется, настроеніе ихъ теперь. Австрія также не можетъ похвастаться успѣхомъ, осада Тіонвилля не подвигается впередъ. Тіонвильцы дошли даже до такой дерзости, что выставили на стѣны деревянную лошадь съ привязаннымъ къ ней пучкомъ сѣна и съ надписью: „Возмете Тіонвилль, когда я съѣмъ свое сѣно" [1]). Вотъ, до чего дошло человѣческое безуміе!

Траншеи Тіонвилля могутъ замолчать; но что въ этомъ толку, если заговорятъ траншеи Лилля? Не улыбаются намъ ни земля, ни небо; послѣднее хмурится и плачетъ скучнымъ дождемъ досаднымъ. Оскорбляютъ насъ даже друзья наши; оскорбляютъ въ домѣ нашихъ друзей: „Его величество король прусскій имѣлъ съ собой пальто, когда пошелъ дождь, и (вопреки всѣмъ правиламъ вѣжливости) надѣлъ его, хотя у нашихъ двухъ французскихъ принцевъ, надежды ихъ страны, не было пальто!" Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ, какъ и Гёте признаетъ, можно было на это отвѣтить [2])? Холодъ, голодъ и оскорбленія, колики, дизентерія и смерть; и мы жмемся въ редутахъ, утративъ всякую внушительность, среди „косматыхъ сноповъ хлѣба и потоптаннаго жнива", на высотѣ грязной Луны, около скверной таверны того же названія!

Такова эта канонада у Вальми, во время которой міровой поэтъ производилъ изслѣдованія надъ пушечной горячкой, и во время которой французскіе санкюлоты не побѣжали, какъ куры. Она имѣла огромное значеніе для Франціи! Каждый солдатъ исполнялъ свой долгъ, и эльзасецъ Келлерманъ (который былъ много лучше стараго, отставленнаго Люкнера) началъ пріобрѣтать славу; и отличился здѣсь Egalite-fils, Эгалите младшій, исполнительный, мужественный штабъ-офицеръ, это тотъ самый неустрашимый человѣкъ, который теперь, подъ именемъ Луи-Филиппа, безъ Эгалите, борется, при печальныхъ обстоятельствахъ, за то, чтобы называться въ теченіе одного сезона королемъ французовъ.

ГЛАВА VIII.

Exeunt.

Это 20-е сентября великій день и въ другомъ отношеніи. Ибо, въ то самое время, какъ у мельницы въ Вальми подъ Келлерманомъ разорвало лошадь, наши новые національные депутаты, которые должны превратиться въ національный конвентъ, сходятся въ залѣ Ста Швейцарцевъ, съ цѣлью сорганизоваться!

На слѣдующій день, около полудня, архиваріусъ Камю занятъ „провѣркой ихъ полномочій", нѣсколько сотъ ихъ уже здѣсь. Затѣмъ торжественно является старое законодательное собраніе и, на подобіе феникса, пересыпаетъ свой старый пепелъ въ новый законодательный корпусъ, - послѣ чего всѣ также торжественно возвращаются въ залу манежа. Національный конвентъ въ полномъ или достаточно полномъ, составѣ семисотъ сорока девяти членовъ, открываетъ засѣданіе подъ предсѣдательствомъ Петіона и прямо приступаетъ къ дѣлу. Прочти отчетъ о дебатахъ этого дня, читатель; равныхъ имъ немного; даже скучный Moniteur, сообщая о нихъ, становится драматичнѣе Шекспира. Язвительный Манюэль встаетъ и говоритъ странныя вещи: что президентъ долженъ имѣть почетную стражу и жить въ Тюльери:—отвергнуто. Встаютъ и говорятъ Дантонъ, и Колло д'Эрбуа, и священникъ Грегуаръ, и хромой Кутонъ съ горы; и всѣ, въ короткихъ строфахъ, всего по нѣскольку строкъ каждая, вносятъ не мало предложеній: что краеугольный камень нашей новой конституціи есть дер-

---

[1]) Hist. Parl. XIX, 177.

[2]) Goethe XXX, 49.

жавная власть народа; что наша конституція должна быть принята народомъ, или она ничтожна; что народъ долженъ быть отмщенъ и долженъ имѣть справедливый судъ; что налоги должны взиматься по прежнему до новыхъ распоряженій; что земельная и всякая другая собственность должна быть священна навѣки; наконецъ, что „королевская власть во Франціи отнынѣ уничтожена". Все это утверждается, при восторженномъ одобреніи міра, еще раньше, чѣмъ пробило четыре часа [1]! Плоды были совсѣмъ зрѣлы; достаточно было только тряхнуть дерево, чтобы они посыпались желтой массой.

Что за движеніе поднимается въ мѣстности около Вальми, видимое съ нашихъ грязныхъ высотъ Луны, какъ только эти новости дошли сюда [2]! Что за ликованіе у французовъ, на противоположныхъ холмахъ; фуражки поднимаются на штыки, и слышится слово Республика, и слабо доносится по вѣтру—Vive la République!—На слѣдующее утро, до разсвѣта, герцогъ Брауншвейгскій связываетъ, такъ сказать, свои ранцы, зажигаетъ, сколько можетъ огней, и уходитъ безъ барабаннаго боя. Дюмурье находитъ страшные слѣды въ этомъ лагерѣ; „полныя крови latrines (отхожія мѣста)" [3]. Рыцарскій король Пруссіи, бывшій здѣсь, какъ мы видѣли, собственной персоной, можетъ долго сожалѣть объ этомъ днѣ, и относиться холоднѣе, чѣмъ когда либо, къ этимъ когда-то блестящимъ, но потускнѣвшимъ сеньерамъ и принцамъ—надеждѣ своей родины; можетъ и пальто свое надѣвать безъ всякой церемоніи, благо оно у него есть. Они уходятъ, уходятъ всѣ съ надлежащей поспѣшностью черезъ превратившуюся въ трясину Шампань, поливаемые жестокимъ дождемъ: Дюмуріе, при помощи Келлермана и Диллона, покалываетъ ихъ немного съ тыла. Онъ то покалываетъ, то вступаетъ въ переговоры, такъ какъ глаза Брауншвейга теперь открыты, и прусское королевское величество стало величествомъ кающимся.

Не повезло и Австріи: деревянный конь Тіонвилля не съѣлъ своего сѣна: городъ Лилль также не сдался. Лилльскіе траншеи, открывшіяся 29-го сентября, извергаютъ пули, гранаты и раскаленныя ядра, словно открылись не траншеи, а Везувій и самый адъ. Всѣ очевидцы говорятъ, что это было ужасно, но безрезультатно. Лилльцы дошли до страшнаго воодушевленія, особенно послѣ извѣстій изъ Аргоны и съ востока. Ни одинъ лилльскій санкюлотъ не сдался бы и за царскій выкупъ. Между тѣмъ раскаленныя ядра сыплются на городъ, и ночью ихъ было выпущено „шесть тысячъ" или около того, не считая бомбъ, „наполненныхъ скипидарнымъ масломъ, которое брызжетъ огнемъ", — преимущественно на дома санкюлотовъ и бѣдняковъ; богатые кварталы щадятся. Но санкюлоты берутся за ведра съ водой, образуютъ пожарныя команды: „ядро попало въ домъ Петра"! „ядро попало къ Ивану"! Они дѣлятся квартирами и припасами, кричатъ Vive la Republique, и не падаютъ духомъ. Пуля влетаетъ съ трескомъ въ залу городской ратуши, во время засѣданія коммуны. „У насъ непрерывное засѣданіе", говоритъ кто то хладнокровно, продолжая свое дѣло; и пуля, застрявшая въ стѣнѣ, вѣроятно, и до нынѣ [4]) засѣдаетъ тамъ непрерывно.

Эрцгерцогиня австрійская (сестра французской королевы) хочетъ посмотрѣть на пальбу раскаленными ядрами; и, отъ излишней поспѣшности удовлетворить ея желаніе, „двѣ мартиры разрываются и убиваютъ тридцать человѣкъ". Все тщетно; Лилль часто горитъ, но пожары всегда тушатся, и Лилль не хочетъ сдаваться. Даже мальчики ловко вырываютъ фитили изъ упавшихъ бомбъ: „одинъ человѣкъ накрываетъ катящуюся гранату своей шляпой, которая загорается; когда граната остываетъ, ее увѣнчиваютъ краснымъ колпакомъ. Стоитъ упомянуть также о проворномъ цирульникѣ, который, когда возлѣ него разорвалась

---

[1]) Hist. Parl. XIX, 19.

[2]) Williams, III. 71.

[3]) 1-е октября 1792 Dumouriez, III, 73.

[4]) Bombardement de Lille (Hist. Parl. XX, 63—71).

бомба, схватилъ осколокъ ея и, наполнивъ его мыльной пѣной, вскричалъ: „Voilà mon plat à barbe“, вотъ мой тазикъ для бритья! и тутъ же обрилъ „четырнадцать человѣкъ“. Браво, проворный брадобрѣй, ты достоинъ брить привидѣніе въ красной мантіи и находить клады! — На восьмой день этой безнадежной осады, въ шестой день октября, Австрія, признавъ ее безплодной, уходитъ, съ не совсѣмъ пріятнымъ чувствомъ, и уходитъ поспѣшно, такъ какъ сюда направляется Дюмурье; а Лилль, черный отъ дыма и тепла, но шумно ликующій, распахиваетъ свои ворота. Plat à barbe входитъ въ моду; „нѣтъ ни одного франта-патріота“, говоритъ Мерсье нѣсколько лѣтъ спустя, „который не брился бы изъ осколка Лилльской бомбы“.

Quid multa, къ чему многословіе? Непрошенные гости бѣжали; войско герцога Брауншвейгскаго, треть котораго погибла, обезкураженно бредетъ, спотыкаясь по вязкимъ дорогамъ Шампани, или разсыпается „по полямъ изъ липкой, губчатой красной глины“: „подобно Фараону, идущему черезъ Красное море грязи“, говоритъ Гёте; „вѣдь и здѣсь также валялись изломанныя повозки, и конница и пѣхота увязали вокругъ“ [1]). Утромъ, одиннадцатаго октября, міровой поэтъ, выбравшись на сѣверъ изъ Вердена, куда онъ вошелъ пять недѣль тому назадъ съ юга, въ совершенно другомъ порядкѣ, видѣлъ слѣдующее явленіе и составлялъ часть его:

„Около трехъ часовъ утра, не спавъ всю ночь, мы собирались садиться въ нашъ экипажъ, поданный къ воротамъ, какъ вдругъ обнаружилось непреодолимое препятствіе: непрерывный рядъ повозокъ съ больными ѣхалъ между вырытыми уже и сваленными по сторонамъ камнями мостовой, по превратившемуся въ болото городу. Пока мы стояли, разсуждая, что намъ дѣлать, нашъ хозяинъ, кавалеръ святого Людовика, протискался мимо насъ, не поклонившись“. Онъ былъ натаблемъ Калонна въ 1787 г., потомъ эмигрантомъ; и, ликуя, вернулся съ пруссаками къ себѣ домой; но долженъ былъ теперь снова отправляться на всѣ четыре стороны, „сопровождаемый слугой, несущимъ маленькій узелокъ на палкѣ“.

„Здѣсь съ блескомъ выказалась расторопность нашего Лизье и выручила насъ и въ этомъ случаѣ: онъ проскочилъ въ маленькій промежутокъ въ ряду повозокъ и задержалъ слѣдующую запряжку, пока мы не втиснулись въ эту давку съ нашими шестеркой и четверкой лошадей, послѣ чего я могъ вздохнуть свободнѣе въ моей легкой маленькой повозкѣ. Мы двинулись, наконецъ, въ путь, хотя и похороннымъ шагомъ. Разсвѣло; мы находились теперь у выѣзда изъ города, среди невообразимаго шума и сумятицы. Всевозможные экипажи, нѣсколько всадниковъ, безчисленные пѣшеходы встрѣчались и скрещивались на большой площади передъ городскими воротами. Мы повернули направо съ нашей колонной, направляясь къ Этену по узкой дорогѣ, окопанной съ обѣихъ сторонъ канавами. Въ такой чудовищной давкѣ чувство самосохраненія заглушало и состраданіе, и уваженіе къ чему бы то ни было. Неподалеку отъ насъ, впереди, упала лошадь, запряженная въ обозную повозку; ее оставили лежать, перерѣзавъ постромки. Когда же три остальныя не смогли сдвинуть своего груза, у нихъ также отрѣзали постромки, а тяжело нагруженный возъ бросили въ канаву; задержка была самая короткая, и намъ пришлось проѣхать прямо по лошади, которая какъ разъ собиралась встать; я видѣлъ ясно, какъ ноги ея затрещали и задрожали подъ колесами.

„Конные и пѣшіе старались выбраться съ узкой, трудной дороги на луга; но они тоже были испорчены дождемъ, залиты выступившими изъ береговъ канавами и сообщеніе между тропинками было всюду прервано. Четверо приличнаго вида, красивыхъ, хорошо одѣтыхъ французскихъ солдатъ брели одно время рядомъ съ нашей каретой; они были удивительно чисты и щеголеваты, и такъ искусно ставили свои ноги, что ихъ обувь только до лодыжки свидѣтельствовала о грязномъ паломничествѣ, которое совершали эти славные ребята.

---

[1]) Campagne in Frankreich, 103.

„Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ, въ канавахъ, на лугахъ, въ поляхъ и загонахъ, видно было много мертвыхъ лошадей; однако, мы вскорѣ замѣтили, что онѣ были ободраны и мясистыя части даже были вырѣзаны,— печальный признакъ всеобщаго бѣдствія.

„Такъ мы ѣхали, ежеминутно подвергаясь опасности, при малѣйшей остановкѣ съ нашей стороны, быть сброшенными съ дороги; при такихъ обстоятельствахъ, поистинѣ, нельзя было достаточно нахвалиться заботливостью и ловкостью нашего Лизье. Талантъ его проявился и въ Этенѣ, куда мы прибыли около полудня и увидѣли въ красивомъ, хорошо обстроенномъ городѣ, на улицахъ и въ скверахъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, умопомрачительную сумятицу: толпы народа стремились въ разныя стороны, сталкивались и мѣшали другъ другу. Неожиданно наша карета остановилась у красиваго дома на базарной площади; хозяинъ и хозяйка поклонились намъ съ почтительнаго разстоянія. Ловкій Лизье сказалъ, хотя мы этого не знали, что пріѣхалъ братъ прусскаго короля!

„Теперь, глядя изъ оконъ нижняго этажа на базарную площадь, мы видѣли передъ собой всю эту безконечную суету, могли почти осязать ее. Всякаго рода прохожіе, солдаты въ мундирахъ, мародеры, сильные, но унылые, горожане и крестьяне, женщины и дѣти, тѣснились и давили другъ друга среди всевозможныхъ экипажей: повозки съ аммуницiей, возы съ кладью, кареты, одиночныя, парныя и многоконныя, пестрая смѣсь сотни запряжекъ, нанятыхъ или взятыхъ подъ риквизицію, сталкивались, стараясь разъѣхаться, мѣшали другъ другу и катились направо и налѣво. Тутъ же пробирался и рогатый скотъ,— вѣроятно, стада, взятыя подъ реквизицію. Всадниковъ было мало; но бросались въ глаза изящные экипажи эмигрантовъ, разноцвѣтные, лакированные, золоченые и серебряные, видимо, отъ лучшихъ мастеровъ [1]).

„Самая большая давка начиналась немного далѣе, тамъ, гдѣ толпа съ базарной площади выливалась въ прямую, правда, хорошую, но сравнительно слишкомъ узкую улицу. Въ жизни своей я не видѣлъ ничего подобнаго; зрѣлище это, пожалуй, можно бы сравнить съ разлившейся рѣкой, затопившей луга и поля, и принужденной снова втиснуться въ узкій протокъ и течь по его ограниченному руслу. По длиной улицѣ, видимой изъ нашихъ оконъ, безпрерывно бушевалъ самый странный потокъ, надъ которымъ ясно выдавался высокій, двухмѣстный дорожный экипажъ. Мы подумали о красивыхъ француженкахъ, которыхъ видѣли утромъ. Однако, это были не онѣ, а графъ Хаугвицъ; я не безъ злорадства смотрѣлъ, какъ онъ подвигался шагъ за шагомъ“ [2]).

Такой-то безславной процессіей закончился Брауншвейгскій манифестъ! Даже хуже того, „переговорами съ этими злодѣями“, -переговорами, первое извѣстіе о которыхъ произвело такое потрясающее впечатлѣніе на эмигрантовъ, что нашъ всемірный поэтъ „опасался за разсудокъ многихъ изъ нихъ“ [3]). Дѣлать нечего: бѣдные эмигранты должны ѣхать далѣе, озлобленные на всѣхъ и на все, и озлобляя другихъ на себя, за несчастный путь, на который они вступили. Хозяева и хозяйки гостиницъ свидѣтельствуютъ за tables-d'hôte'ами, какъ несносны эти французы: какъ, несмотря на такое униженіе, бѣдность и даже возможность нищеты, между ними по прежнему происходитъ борьба за первенство и замѣчается прежняя притязательность, отсутствіе скромности. На почетномъ мѣстѣ, во главѣ стола, вы увидите не сеньора, а автомата, впавшаго въ дѣтство, но еще обожаемаго, за которымъ почтительно ухаживаютъ, котораго кормятъ. За разными столами сидитъ смѣсь солдатъ, коммиссаровъ, авантюристовъ, молча поглощающихъ свою варварскую пищу. „На всѣхъ лбахъ можно прочесть о суровой судьбѣ; всѣ молчатъ, потому что

---

[1]) Hermann und Dorothea (Goethe), Buch Kalliope.

[2]) Campagne in Frankreich, Goethe's Werke (Stuttgart 1829) XXX, 133—137.

[3]) Ibid. 152.

у каждаго свои страданія и каждый видитъ передъ собой нескончаемыя бѣдствія". Одного спѣшащаго путника, безъ ворчанія съѣвшаго, что ему подали, хозяинъ отпускаетъ, почти не взявъ съ него денегъ. „Это первый", прошепталъ мнѣ хозяинъ, „изъ этого проклятаго народа, который удостоилъ попробовать нашего чернаго нѣмецкаго хлѣба" ¹).

А Дюмурье въ Парижѣ, восхваляемый и чествуемый; онъ парадируетъ въ блестящихъ салонахъ, безконечныя толпы красавицъ, въ кружевныхъ платьяхъ, и модные фраки волнуются вокругъ него съ радостнымъ поклоненіемъ. Но вотъ, однажды вечеромъ, въ разгарѣ великолѣпія такой сцены, къ нему вдругъ обращается какая то неопрятная, хмурая личность, пришедшая безъ приглашенія и даже несмотря на препятствія со стороны лакеевъ,— крайне непріятная личность! Но она явилась „по спеціальному порученію отъ якобинцевъ", чтобы произвести строгое разслѣдованіе,— лучше теперь, чѣмъ позже,— касательно нѣкоторыхъ фактовъ: „выбритыхъ бровяхъ у добровольцевъ-патріотовъ, напримѣръ?" Также „о вашихъ угрозахъ изрубить въ куски?" И „почему вы не достаточно горячо преслѣдовали Брауншвейга?" Все это личность спрашиваетъ рѣзкимъ, хриплымъ голосомъ: — „Ah, c'est vous qu'on appelle Marat. А, это—вы, Маратъ! отвѣчаетъ генералъ и хладнокровно поворачивается на каблукахъ ²). Кружевныя платья трепещутъ, какъ осиновые листы, фраки скопляются вокругъ; актеръ Тальма (это происходитъ въ его домѣ) и чуть ли не самыя свѣчи въ салонѣ синѣютъ отъ страха, пока этотъ зловѣщій призракъ, мрачное, неземное видѣніе, не исчезаетъ въ породившей его ночи.

Франсуа-Жозефъ Тальма.

Черезъ нѣсколько короткихъ дней, генералъ Дюмурье снова уѣзжаетъ въ Нидерланды: онъ намѣренъ аттаковать Нидерланды, хотя стоитъ зима. А генералъ Монтескью, на юго-востокѣ, прогналъ сардинскаго короля и даже, почти безъ выстрѣла, отобралъ у него Савойю, жаждущую стать частью республики. Генералъ Кюстинъ на сѣверо-востокѣ бросился на Шпейеръ и его арсеналъ, а затѣмъ, не безъ приглашенія, на курфюрстскій Майнцъ, гдѣ есть нѣмецкіе демократы и нѣтъ и тѣни курфюрста, такъ что, въ послѣднихъ числахъ октября, Фрау Форстеръ, дочь Гейне, сама отчасти демократка, гуляя съ мужемъ за воротами Майнца, видитъ, какъ французскіе солдаты играютъ тамъ въ кегли пушечными ядрами. Форстеръ весело подталкиваетъ чугунную бомбу съ крикомъ: „Vive la République!" Чернобородый національный гвардеецъ отвѣчаетъ: „Elle vivra bien sans vous; она и безъ васъ проживетъ" ³).

¹) Campagne in Frankreich, Goethe's Werke (Stuttgart 1829), XXX, 210—12).

²) Dumouriez, III, 115. Сообщеніе Марата въ Débats des Jacobins и въ Journal de la République (Hist. Parl. XIX 317—21) признаетъ фактъ повертыванія на каблукахъ, но старается объяснить его иначе.

³) Johann Georg Forster's Briefwechsel (Leipzig, 1829) I, 88.

КНИГА II.

Цареубійство.

ГЛАВА I.

Конвентъ.

Итакъ, Франція вполнѣ закончила два дѣла: отбросила далеко за свои предѣлы непрошенныхъ киммерійскихъ гостей и въ то же время уничтожила свое внутреннее соціальное устройство, превративъ его до мельчайшихъ волоконъ въ обломки и разрушеніе. Все совершенно измѣнилось: отъ короля до сельскаго урядника, всѣ власти, чиновники, судьи, всѣ начальствующіе лица, должны были вдругъ измѣниться сообразно надобности, или вдругъ, не безъ насилія, подвергнуться измѣненію; объ этомъ позаботились патріотическій „Исполнительный совѣтъ министровъ", съ засѣдающимъ въ немъ Дантономъ, а затѣмъ и вся нація съ національнымъ конвентомъ. Нѣтъ ни одного общиннаго чиновника, даже въ самой захолустной деревушкѣ, который, какъ говорящій „De par le Roi" и проявляющій лояльность, не былъ бы вынужденъ уступить мѣсто новому улучшенному чиновнику, способному сказать De par la République.

Это такая перемѣна, что исторія должна просить своихъ читателей представить ее себѣ безъ описаній. Мгновенное измѣненіе всего политическаго тѣла, такъ какъ измѣнилась политическая душа—это такое измѣненіе, какое могутъ испытать немногія, политическія или иныя тѣла въ мірѣ. Это превращеніе, пожалуй, похожее на то, которое испытало тѣло бѣдной нимфы Семелы, пожелавшей, съ женскимъ любопытствомъ, во что бы то ни стало увидѣть своего Юпитера Олимпійскаго настоящимъ Юпитеромъ: одно мгновеніе—и бѣдная нимфа, только что бывшая Семелой, ужъ не Семела болѣе, а пламя, статуя изъ раскаленнаго пепла. Такъ и Франція: взглянувъ на демократію, увидѣла ее лицомъ къ лицу. Киммерійскіе враги снова соберутся, но въ болѣе скромномъ расположеніи духа, съ большимъ или меньшимъ счастьемъ; изъ обломковъ и разрушенія долженъ создаться новый соціальный порядокъ, насколько это окажется возможнымъ. Что же касается до національнаго конвента, который долженъ все устроить, то, если онъ покончитъ со всѣмъ этимъ „въ немного мѣсяцевъ", какъ ожидаетъ депутатъ Пэнъ и, вообще, вся Франція, то мы назовемъ его весьма искуснымъ конвентомъ.

По истинѣ, въ высшей степени странно видѣть, какъ этотъ подвижный французскій народъ внезапно кидается отъ Vive le Roi къ Vive la République, и кипитъ, и танцуетъ, стряхивая, такъ сказать, ежедневно и втоптывая въ пыль свои старыя соціальныя одежды, образъ мыслей, законы своего прежняго существованія, и беззаботно несется навстрѣчу беззаконію, неизвѣстности, съ сердцемъ полнымъ надеждъ и съ единственнымъ кликомъ: Свобода, Ра-

венство и Братство на устахъ. Два ли столѣтія, или только два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ вся Франція гремѣла и ликующіе клики ея: Да здравствуетъ Возстановитель французской свободы, неслись къ небу во время Праздника Пикъ? Всего три короткихъ года тому назадъ, еще былъ Версаль и былъ Oeil-de-Boeuf: а теперь у насъ охраняемая ограда Тампля, окруженная драконовскими глазами муниципаловъ, гдѣ, какъ въ предверіи могилы, заключена уничтоженная королевская власть. Въ 1789 г. конституціонный депутатъ Барреръ „плакалъ" въ своей газетѣ Заря, при видѣ примиреннаго короля Людовика; а теперь, въ 1792 г., депутатъ конвента Барреръ, совершенно безъ слезъ, можетъ быть обдумываетъ, слѣдуетъ ли гильотинировать примиреннаго короля Людовика, или нѣтъ!

Старыя одежды съ ихъ украшеніями спадаютъ (говоримъ мы) такъ скоро потому, что пришли въ ветхость и топчутся въ народной пляскѣ. А новыя? гдѣ же онѣ? гдѣ новые моды и законы? Свобода, Равенство, Братство — не одежды, а только пожеланія одежды. Нація въ настоящее время, выражаясь фигурально, обнажена; она не имѣетъ ни порядка, ни одежды, это обнаженная нація санкюлотовъ.

Вотъ въ чемъ и какимъ образомъ, выразилось торжество нашихъ патріотовъ Бриссо и Гаде. Іезекіилевы видѣнія Верньо о паденіи троновъ и коронъ, о которыхъ онъ говорилъ гипотетически и пророчески весною этого года, неожиданно сбылись осенью. Наши краснорѣчивые патріоты изъ законодательнаго собранія, подобно могущественнымъ волшебникамъ, однимъ словомъ устъ своихъ развѣяли по вѣтру королевскую власть съ ея старыми обычаями и формулами, и будутъ теперь управлять Франціей, свободной отъ формулъ. Свободной отъ формулъ! И все же человѣкъ не живетъ безъ формулъ, безъ привычекъ, способовъ дѣйствія и бытія: Ubi homines sunt modi sunt, гдѣ люди, тамъ обычаи, — нѣтъ изреченія, вѣрнѣе этого; это справедливо отъ чайнаго стола и шкапа портного, до верховныхъ сенатовъ, торжественныхъ храмовъ, и простирается на всѣ области ума и воображенія, до самыхъ крайнихъ предѣловъ надѣленнаго членораздѣльной рѣчью существа. Обычаи есть всюду, гдѣ есть люди. Это самый сокровенный законъ человѣческой природы, благодаря которому человѣкъ дѣлается ремесленникомъ, „употребляющимъ орудія животнымъ", не рабомъ импульсовъ, случайностей и дикой природы, а, до нѣкоторой степени, ихъ господиномъ. Поэтому двадцать пять милліоновъ людей, внезапно отрѣшившихся отъ своихъ обычаевъ и пляшущихъ на нихъ такимъ образомъ, — ужасная вещь для управленія!

Краснорѣчивымъ патріотамъ въ законодательномъ собраніи предстоитъ рѣшить именно эту задачу. Подъ именемъ и прозвищемъ: „государственныхъ мужей, hommes d'état", умѣренныхъ, modérantins, бриссотинцевъ, роландистовъ, и, наконецъ, жирондистовъ, они прославятся, рѣшая ее, на весь міръ. Вѣдь, двадцать пять милліоновъ, надѣленныхъ пылкимъ галльскимъ темпераментомъ, — полны надежды на невыразимое, на всеобщее братство и золотой вѣкъ; и въ то же время полны ужаса передъ невыразимымъ, въ видѣ собирающейся противъ насъ киммерійской Европы. Это задача, равныхъ которой мало. Правда, если бы человѣкъ, какъ хвалятся философы, могъ видѣть на нѣкоторое разстояніе впередъ и назадъ, то что, спрашивается, сдѣлалось бы съ нимъ во многихъ случаяхъ? Что, въ этомъ случаѣ, сдѣлалось бы съ этими семьюстами сорока девятью человѣками? Конвентъ, ясно видящій и впередъ и назадъ, былъ бы парализованнымъ конвентомъ, но видя ясно не далѣе собственнаго носа, онъ конвентъ не парализованный.

Для самого же конвента не подлежатъ сомнѣнію ни дѣло, ни способъ его совершенія: нужно создать конституцію, а до тѣхъ поръ защищать республику. Поэтому довольно быстро составляется „Конституціонный комитетъ". Сіесъ, бывшій членъ конституанты, составитель конституцій по призванію; Кондорсе, способный на лучшее; депутатъ Пэнъ, чужеземный благодѣтель рода человѣ-

ческаго, съ „краснымъ, прыщеватымъ лицомъ и черными, блестящими глазами“; Геро де Сешелль, бывшій членъ парламента, одинъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ Франціи, —эти лица, съ низшими собратьями по ремеслу, заботливо приступаютъ къ дѣлу, намѣреваясь еще разъ „составить конституцію“, —будемъ надѣяться, болѣе дѣйствительную, чѣмъ въ прошлый разъ. Ибо кто же сомнѣвается, что конституція можетъ быть составлена? Иначе, это означало бы, что евангеліе отъ Жанъ-Жака явилось въ міръ напрасно. Правда, наша послѣдняя конституція рухнула жалкимъ образомъ въ теченіи перваго же года. Но что же изъ того? Это значитъ только, что нужно очистить ее отъ мусора и сложить камни заново, лучше. „Надо, во-первыхъ, расширить основаніе“ до всеобщей подачи голосовъ, если понадобится; во-вторыхъ, исключить гнилой матеріалъ, королевскую власть и тому подобное; а вообще, стройте, невыразимый Сіесъ и компанія, стройте неутомимо! Пусть частые опасные обвалы подмостковъ и сложеннаго камня раздражаютъ, но не обезкураживаютъ васъ. Хотя бы и съ переломанными членами, но съ неповрежденными сердцами, начинайте сейчасъ же снова, отметая въ сторону обломки; стройте, говоримъ мы, во имя неба, —пока работа ваша не будетъ стоять прочно, или человѣчество не броситъ ее, и не вознаградитъ строителей конституціи смѣхомъ и слезами Значитъ, было предопредѣлено, что когда нибудь, въ теченіи вѣчности, долженъ быть испробованъ и этотъ Общественный договоръ. Поэтому конституціонный комитетъ долженъ потрудиться, съ надеждой и вѣрой, —не препятствуемый какимъ нибудь читателемъ этихъ страницъ.

Итакъ, составить конституцію и весело вернуться домой черезъ нѣсколько мѣсяцевъ: такъ пророчествуетъ самъ о себѣ національный конвентъ; по такой программѣ пойдутъ его дѣйствія и событія. Но какъ далеко отъ самой лучшей научной программы, въ подобномъ случаѣ, до ея дѣйствительнаго выполненія! Развѣ всякое собраніе людей не есть, какъ мы часто говоримъ, собраніе неисчислимыхъ вліяній; каждая единица его есть микрокозмъ вліяній, —какъ же можетъ наука что либо вычислить или предсказать? Наука, которая, со всѣми своими дифференціальными, интегральными и варіаціонными исчисленіями, не можетъ вычислить задачу о трехъ взаимно тяготѣющихъ тѣлахъ, должна молчать здѣсь и сказать только слѣдующее: въ этомъ національномъ конвентѣ имѣется семьсотъ сорокъ девять весьма своеобразныхъ тѣлъ, обладающихъ свойствомъ притяженія и многими другими, которыя, вѣроятно, совершатъ непостижимымъ образомъ предназначенное имъ небомъ.

Кое что можетъ быть разсчитано и предположено въ примѣненіи къ національнымъ собраніямъ, парламентамъ, конгрессамъ, засѣдающимъ долгое время, имѣющимъ длительный характеръ, а, главное, не такъ „ужасно серьезный“, но даже и они являются нѣкотораго рода тайной въ своемъ прогрессированіи, —благодаря чему газетные репортеры имѣютъ средства къ жизни; даже и они, отъ времени до времени, какъ безумные, соскакиваютъ съ колеи. Тѣмъ болѣе это относится къ бѣдному національному конвенту, надѣленному французской горячностью и побуждаемому дѣйствовать быстро, не имѣя ни опыта, ни колеи, ни слѣда или вѣхи; и вдобавокъ каждый членъ котораго такъ ужасно серьезенъ! Такого парламента не бывало буквально никогда и нигдѣ въ мірѣ. Члены его новички, несорганизованны; а между тѣмъ, они сердце и направляющій центръ Франціи, впавшей въ безумнѣйшее разстройство. Изо всѣхъ городовъ и деревень, съ самыхъ дальнихъ концовъ этой Франціи, съ ея двадцатью пятью милліонами горячихъ душъ, мутные потоки вліяній устремляются въ это сердце, Salle de Manège, и изливаются обратно: это огненное венозно-артеріальное кровообращеніе и есть функція этого сердца. Никогда, говоримъ мы, не засѣдало на землѣ 749 человѣческихъ существъ при болѣе оригинальныхъ обстоятельствахъ. Большинство изъ нихъ обыкновенные люди, или ушедшіе не далеко отъ обыкновенныхъ; однако, благодаря занимаемому ими положенію, они весьма достопримѣчательны. Какъ будутъ говорить и дѣйствовать эти люди,

предоставленные самимъ себѣ, въ дикомъ свистѣ и вихрѣ человѣческихъ страстей, среди окружающихъ ихъ со свистомъ и шумомъ смерти, побѣды, ужаса, храбрости и всего свѣтлаго и мрачнаго?

Читатели знаютъ уже, что этотъ французскій національный конвентъ (совершенно вопреки своей собственной программѣ) превратился въ предметъ удивленія и отвращенія человѣчества, въ родъ апокалипсическаго конвента, или мрачнаго сна, ставшаго дѣйствительностью! Исторія рѣдко говоритъ о немъ безъ междометій, повѣдая, какъ онъ покрылъ Францію горемъ, заблужденіемъ и безуміемъ; и какъ изъ лона его вышла смерть на блѣдномъ конѣ. Ненавидѣть этотъ бѣдный національный конвентъ легко, но и восхвалять и любить его также оказалось возможнымъ. Это, какъ мы сказали, парламентъ, находящійся въ крайне оригинальныхъ условіяхъ. Для насъ, на этихъ страницахъ, пусть онъ останется дымящейся огненной тайной, гдѣ верхъ встрѣтился съ низомъ, въ такой смѣнѣ яркаго свѣта съ чернымъ мракомъ, что бѣдные ослѣпленные люди не знаютъ, гдѣ низъ и гдѣ верхъ, и, неистовствуя, бросаются очертя голову, то туда, то сюда, какъ обыкновенно поступаютъ въ такихъ случаяхъ смертные. Конвентъ, которому суждено самоубійственно испепелить самого себя и превратиться въ мертвый пепелъ--вмѣстѣ съ его міромъ! Постараемся не проникать въ его темныя, запутанныя глубины, а постоимъ, не отвращая глазъ, и посмотримъ, какъ онъ тонетъ, и какія достойныя примѣчанія фазы и событія будутъ послѣдовательно появляться на поверхности.

Одно общее поверхностное обстоятельство мы отмѣчаемъ съ похвалой: это силу вѣжливости. Чувство культурности до такой степени проникло жизнь людей, что никакой Друэ, никакой Лежандръ, въ безумнѣйшей боевой схваткѣ, не можетъ отрѣшиться отъ него совсѣмъ. Дебаты ужасно-серьезныхъ сенатовъ рѣдко передаются открыто міру; иначе, быть можетъ, они очень удивили бы его. Развѣ самъ великій монархъ не прогналъ однажды своего Лувуа, размахивая парой щипцовъ? Но, читая цѣлые томы этихъ дебатовъ конвента, всѣ пѣнящіеся ужасной серьезностью, достигающей иногда серьезности жизни и смерти, скорѣе поражаешься степенью сдержанности, проявляемой его членами въ рѣчахъ, и тому, что, при всемъ этомъ дикомъ кипѣніи, всѣмъ управляетъ нѣчто вродѣ правилъ вѣжливости: формы общежитія никогда не исчезаютъ совершенно. Люди эти, хотя и грозятъ сжатыми кулаками, но не хватаютъ другъ друга за воротъ, не вытаскиваютъ кинжаловъ, или дѣлаютъ это развѣ только въ качествѣ ораторскаго пріема, да и то не часто; грубыя ругательства почти неизвѣстны, хотя протоколы довольно откровенны; мы находимъ въ нихъ только два проклятья, произнесенныхъ Маратомъ.

Однако, кто же сомнѣвается, что пренія ведутъ „горячо?“ Горячности много; декреты, принятые сегодня съ одобреніемъ, завтра съ шумомъ отмѣняются; настроеніе раздраженное, въ высшей степени измѣнчивое, всегда опрометчивое! „Голосъ оратора покрывается шумомъ“; сотня „почтенныхъ членовъ съ угрозами устремляются на лѣвую сторону зала“; президентъ, „разбивъ три колокольчика подрядъ“, надѣваетъ шляпу въ знакъ того, что отечество почти погибло. Пламенно-горячее древне-гальское собраніе!—Увы! смолкнутъ одинъ за другимъ эти злобные крики борьбы и жизни, которая сама есть борьба; сейчасъ они такъ громки, а немного погодя, будутъ такъ тихи! Бреннъ и древніе гельскіе вожди, несомнѣнно, вели такіе же горячіе дебаты, по пути въ Римъ, въ Галацію и въ другія страны, куда они обыкновенно ходили, одушевленные жаждой завоеваній, хотя этихъ дебатовъ не сообщаетъ никакой Moniteur. Эти Бренны ссорились на кельтскомъ нарѣчіи, и не были санкюлотами, скорѣе даже панталоны (bracсae, можетъ быть, изъ войлока, или невыдѣланной кожи) были единственной одеждой, которую они носили, такъ какъ Ливій говоритъ, что они были обнажены до пояса; но вотъ теперь они одѣлись въ камзолы и говорятъ въ носъ на подобіе исковерканнаго латинскаго языка, а мы видимъ, что они дѣлаютъ то же самое, и что это та же самая порода людей! Но, въ концѣ кон-

цовъ, развѣ время не окутаетъ забвеніемъ настоящій національный конвентъ, какъ оно окутало этихъ Бренновъ и древніе верховные сенаты въ войлочныхъ панталонахъ? Время несомнѣнно; и вѣчность тоже. Тусклые сумерки времени — или полдень, который будетъ сумерками; а потомъ наступаетъ ночь и безмолвіе, и время, со всѣми его злобными шумами, поглощается безмолвнымъ моремъ. Пожалѣй твоего брата, о, сынъ Адама! Вѣдь, самое злобное, пѣнящееся гнѣвомъ бормотанье его, въ сущности, значитъ не болѣе плача ребенка, который не можетъ сказать, что у него болитъ, но, видимо, въ душѣ чувствуетъ себя несчастнымъ, и потому долженъ кричать и плакать, пока Мать не возьметъ его на руки и—не укачаетъ!

Конвенту нѣтъ еще четырехъ дней, и мелодическія строфы, стряхнувшія королевскую власть, еще звучатъ въ нашихъ ушахъ, когда раздаются новые звуки—къ несчастью, на этотъ разъ, звуки раздора. Ибо рѣчь зашла о вещахъ, о которыхъ трудно говорить спокойно: о сентябрьской рѣзнѣ. Какъ поступить съ этими сентябрьскими избіеніями, и съ парижской коммуной, руководившей ими. Съ ненавистной и страшной парижской коммуной, передъ которой бѣдное, безсильное законодательное собраніе должно было трепетать и сидѣть смирно? А если теперь молодой, всемогущій конвентъ не захочетъ такъ трепетать и сидѣть смирно, то какіе онъ долженъ предпринять шаги? Нанять департаментскую гвардію, отвѣчаютъ жирондисты и друзья порядка:—гвардію національныхъ добровольцевъ, посланную всѣми 83 или 85 департаментами, спеціально съ этой цѣлью; эта гвардія будетъ держать сентябристовъ и буйныя коммуны въ должномъ подчиненіи и подкрѣпитъ власть конвента. Такъ отвѣтили въ своемъ докладѣ друзья порядка, засѣдающіе въ комитетѣ, и даже былъ утвержденъ декретъ въ требуемомъ смыслѣ. Нѣкоторые департаменты, какъ, напримѣръ, Варскій или Марсельскій, только въ ожиданіи и увѣренности, что такой декретъ выйдетъ, отправили уже свой отрядъ волонтеровъ: храбрые марсельцы, 10-го августа бывшіе впереди всѣхъ, не хотятъ оставаться позади и теперь; „отцы дали своимъ сыновьямъ по мушкету и по 25 луидоровъ", говоритъ Барбару, „и велѣли имъ отправляться".

Можетъ ли что нибудь быть цѣлесообразнѣе? Республика, желающая основываться на справедливости, должна разслѣдовать сентябрьскія избіенія; конвентъ, называющійся національнымъ, развѣ не долженъ охраняться національными войсками?—Увы, читатель, повидимому, это такъ: однако, многое противъ этого можно сказать и возразить. Ты видишь здѣсь слабое начало спора, котораго не уладить чистой логикѣ. Два маленькихъ источника спора,—сентябрьскія событія и департаментская гвардія,—или, вѣрнѣе, одинъ и тотъ же, въ сущности, маленькій источникъ, который вздуется и разростется въ потокъ горечи; всякіе вспомогательные притоки и ручьи горечи вливаются въ него съ обѣихъ сторонъ, пока онъ не превратится въ широкую рѣку озлобленія, раздора и вражды, которыя могутъ прекратиться только въ катакомбахъ. Проектъ этой департаментской гвардіи, сначала принятый подавляющимъ большинствомъ, затѣмъ отмѣненный ради спокойствія и нежеланія обижать парижанъ, снова не разъ утверждается и даже, отчасти, осуществляется: и солдаты, которые должны войти въ составъ этой гвардіи, уже парадируютъ на парижскихъ улицахъ; причемъ, однажды кто-то изъ ея рядовъ въ нетрезвомъ состояніи, кричитъ: „A bas Marat, Долой Марата!" [1]). Тѣмъ не менѣе, столь часто утверждаемая гвардія столь же часто и отмѣняется, и, въ теченіе семи мѣсяцевъ, остается лишь гипотезой, вызывающей злобный шумъ, прекрасной возможностью, стремящейся сдѣлаться дѣйствительностью, но которой никогда не суждено стать ею; пока, послѣ безконечной борьбы, она не погружается въ мрачный покой,—увлекши съ собою многое. Такъ странны пути людей и почтенныхъ членовъ собраній!

[1]) Hist, Parl., XX, 184.

Но въ четвертый день существованія конвента, который приходится на 25 сентября 1792 г., появляется докладъ комитета объ этомъ декретѣ департаментской гвардіи и рѣчи объ отмѣнѣ его; появляются изобличенія въ анархіи и диктаторствѣ, —о которыхъ пусть поразмыслить неподкупный Робеспьеръ; появляются изобличенія нѣкоего Journal de la République, ранѣе называвшагося Ami du Peuple; и наконецъ, появляется, на виду у всѣхъ, на трибунѣ, собираясь говорить—воплотившійся призракъ Друга народа Марата! Кричите семьсотъ сорокъ девять! Это, дѣйствительно, Маратъ, а не кто другой,—не галлюцинація мозга, не воображаемый отпечатокъ типографскихъ листковъ, а существо изъ матеріи, плоти и крови, связокъ и нервовъ, составляющихъ маленькую фигурку; вы видите его, въ его темной неопрятности, —это живая часть хаоса и первобытной ночи, явно воплотившаяся и собирающаяся говорить. „Повидимому“, обращается Маратъ къ шумящему собранію, „у меня здѣсь очень много враговъ“.—„Всѣ! Всѣ!“ кричатъ сотни голосовъ,—достаточно, чтобы заглушить любого друга народа. Но Маратъ не хочетъ быть заглушеннымъ: онъ говоритъ и каркаетъ объясненія; каркаетъ съ такой разсудительностью, съ такимъ искреннимъ видомъ, что кающееся сострадание смягчаетъ злобу и крики стихаютъ, даже превращаются въ рукоплесканія. Къ несчастью, этотъ конвентъ—одна изъ самыхъ неустойчивыхъ машинъ: сейчасъ онъ съ непреклоннымъ упорствомъ показываетъ на востокъ, но стоитъ только искусно тронуть какую нибудь пружину, и вся машина, стуча и содрогаясь всѣми семьюстами частями, съ трескомъ, поворачивается и уже показываетъ на западъ! Такимъ образомъ, Маратъ, оправданный и даже стяжавшій рукоплесканія, выходитъ побѣдителемъ изъ этой схватки. Но затѣмъ дебаты продолжаются, на него снова нападаетъ какой-то ловкій жирондистъ, опять поднимаются крики и уже готовъ пройти декретъ о преданіи суду; тогда мрачный другъ народа снова входитъ на трибуну, еще разъ своимъ даромъ убѣжденія достигаетъ тишины, и декретъ о преданіи суду проваливается. Послѣ этого Маратъ вынимаетъ пистолетъ и, приложивъ его къ своей головѣ, вмѣстилищу великихъ думъ и пророчествъ, говоритъ: „Если бы они провели свой обвинительный декретъ, онъ, другъ народа, размозжилъ бы себѣ голову“. Другъ народа на это способенъ. Впрочемъ, что касается до двухсотъ шестидесяти тысячъ аристократическихъ головъ, Маратъ чистосердечно говоритъ: „C'est là mon avis, Это по моему совѣту“. И неоспоримо такъ: „Никакая земная сила не можетъ помѣшать мнѣ видѣть измѣнниковъ и изобличать ихъ“, вѣроятно, благодаря высшей организаціи моего ума [1]). Немногіе парламенты на землѣ имѣли друга народа, подобнаго этому.

Мы видимъ, что это первое нападеніе друзей порядка, какъ оно ни было рѣзко и неожиданно, однако, оказалось неудачнымъ. Не болѣе удачи имѣло и обвиненіе Робеспьера, вызваннаго на объясненіе толками о диктатурѣ и встрѣченнаго такимъ же шумомъ при появленіи на трибунѣ; однако, обвинить его и заключить въ тюрьму не удалось, несмотря на то, что Барбару открыто даетъ противъ него показанія и подписывается подъ ними. Съ какой святой кротостью подставляетъ неподкупный подъ ударъ свою зеленую щеку, возвышаетъ свой тонкій голосъ, говоритъ съ іезуитскимъ искусствомъ и добивается успѣха; въ концѣ концовъ, онъ благосклонно спрашиваетъ: „Какихъ же свидѣтелей можетъ представить гражданинъ Барбару въ подтвержденіе своихъ показаній?“—„Moi! кричитъ пылкій Ребекки, вставая и ударяя себя обѣими руками въ грудь, „Меня!“ [2]) Тѣмъ не менѣе зеленый снова говоритъ и опять все поправляетъ: продолжительный шумъ, „исключительно касающійся личностей“, когда столько дѣлъ общественнаго значенія лежатъ нетронутыми, кончился переходомъ къ очереднымъ дѣламъ. О, друзья изъ Жиронды, зачѣмъ вы наполняете ваши вы-

---

[1]) Moniteur №№ 271, 280, 294, Année première: Moore's Journale, II, 21, 157 (который, вѣроятно, какъ и въ этомъ случаѣ, есть перепечатка изъ газетъ).

[2]) Moniteur, ut supra. Séance du 25 Septembre.

сокія засѣданія жалкими личными спорами, въ то время какъ великое національное дѣло находится въ такомъ положеніи?—Жиронда коснулась въ этотъ день до гнилого, чернаго пятна своего прекраснаго Царства-Конвента; она наступила на него, но еще не попрала его ногами. Увы, какъ мы уже сказали, это черное пятно—источникъ, и его нельзя попрать!

ГЛАВА II.

Исполнительная власть.

Не слѣдуетъ ли, поэтому, предположить, что вокругъ этого великаго начинанія, составленія конституціи, возникнетъ весьма странная путаница, и вопросы и интересы такъ осложнятся, что и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ конвентъ устроитъ далеко не все? Увы, кипитъ и надвигается цѣлый потокъ вопросовъ, который все растетъ, и конца ему не видно! Среди нихъ, помимо вопроса о сентябрьскихъ событіяхъ и анархіи, отмѣтимъ три, поднимающіеся чаще другихъ и обѣщающіе сдѣлаться главными: это вопросы объ арміяхъ, о средствахъ существованія народа и, въ третьихъ, о развѣнчанномъ королѣ.

Что касается до армій, то общественная оборона, очевидно, должна быть поставлена на надлежащую высоту, такъ какъ Европа, повидимому, снова составляетъ коалицію; опасаются даже, что къ ней присоединится Англія. По счастью, Дюмурье удачно дѣйствуетъ на сѣверѣ; но, что, если онъ будетъ дѣйствовать слишкомъ удачно и превратится въ Liberticide, убійцу Свободы?—Дюмурье дѣйствуетъ успѣшно, несмотря на зимнее время; но не безъ горькихъ жалобъ. Скромный Пашъ, содержатель швейцарской школы, такъ скромно сидѣвшій въ своемъ переулкѣ, на удивленіе всѣмъ сосѣдямъ, недавно сдѣлался—какъ думаетъ читатель—чѣмъ? Военнымъ министромъ! Г-жа Роланъ, замѣтившая его скромныя манеры, рекомендовала его своему мужу въ секретари; скромный секретарь не нуждался въ жалованьи, такъ какъ былъ настроенъ истинно-патріотически; онъ приходилъ обыкновенно съ кускомъ хлѣба въ карманѣ, чтобы съэкономить время и обѣдъ, и, неторопливо пожевывая, въ одинъ день дѣлалъ то, на что другому понадобилось бы три дня; пунктуальный, молчаливый, скромный,—какъ лицемѣрный Тартюфъ, какимъ онъ и былъ. Благодаря этимъ качествамъ, Роланъ и рекомендовалъ его, во время послѣдняго переворота, на мѣсто военнаго министра. А теперь, похоже на то, что Пашъ тайно подкапывается подъ Ролана, играетъ въ руку болѣе горячимъ якобинцамъ и сентябрьской коммунѣ, и вообще не таковъ, чтобы, подобно строгому Ролану, быть Veto des Coquins! [1])

Какимъ образомъ скромный Пашъ подводилъ мины и контрмины, неизвѣстно, но за то извѣстно, что его военное министерство сдѣлалось притономъ воровъ и такой путаницы, что въ его дѣла страшно заглянуть. Извѣстно, что тамъ засѣдаетъ въ качествѣ главнаго секретаря гражданинъ Гассенфрацъ въ bonnet rouge (красномъ колпакѣ), хищный и грубый, съ кое-какими свѣдѣніями въ математическихъ исчисленіяхъ, и крайне дерзкій; что Пашъ, жующій кусочекъ хлѣба при старшихъ и младшихъ чиновникахъ, растратилъ всю военную смѣту; что подрядчики разъѣзжаютъ въ кабріолетахъ по всѣмъ округамъ Франціи и заключаютъ сдѣлки. Извѣстно, наконецъ, что армія почти совсѣмъ не получаетъ аммуниціи: ни сапогъ, хотя стоитъ зима, ни платья; у нѣкоторыхъ даже нѣтъ оружія. „Въ южной арміи“, жалуется одинъ почтенный членъ, „не хватаетъ тридцати тысячъ паръ панталонъ“—весьма скандальная недохватка.

Честная душа Ролана болѣетъ, при видѣ такого хода вещей; но что онъ можетъ сдѣлать? Держать въ строгости свое собственное министерство, выго-

---

[1]) Madame Roland, Mémoires, II, 237.

варивать и карать, гдѣ только возможно, по меньшей мѣрѣ, жаловаться? Онъ и жалуется въ письмѣ за письмомъ, жалуется и конвенту, и Франціи, и потомству, и всему міру, становясь все болѣе раздражительнымъ и негодующимъ; но не станетъ ли онъ, наконецъ, скучнымъ? Вѣдь, постоянное содержаніе его жалобъ, въ сущности, безплодно. Удивительно ли, что въ періодъ революціи и уничтоженія всѣхъ законовъ, за исключеніемъ пушечнаго закона, царитъ такое беззаконіе? Неустрашимый Роланъ, Вето мошенниковъ, ты, близорукій, честный, почтенный, методическій человѣкъ, работай такъ, какъ тебѣ подсказываетъ твоя природа, и исчезни; работа твоя будетъ хотя безрезультатной, но не безполезной —тогда, какъ и теперь! —Храбрая г-жа Роланъ, храбрѣйшая изъ всѣхъ француженокъ, начинаетъ питать опасенія: за республиканскимъ обѣдомъ у Ролановъ, фигура Дантона кажется ей слишкомъ „Сарданапальской“, Клоотсъ, представитель человѣчества, скучно говоритъ какія то нелѣпости о всемірной республикѣ, о соединеніи всѣхъ племенъ и народовъ въ одинъ братскій союзъ; къ несчастью, не видно, какъ связать этотъ союзъ.

Безспорнымъ, необъяснимымъ или объяснимымъ, фактомъ является также то, что хлѣба становится все меньше и меньше. Хлѣбные бунты, шумныя сборища, требующія установленія таксы на зерно, всюду происходятъ во множествѣ. Парижскому мэру и другимъ бѣднымъ мэрамъ, видимо, предстоятъ затрудненія. Петіонъ былъ вновь избранъ мэромъ Парижа, но отказался, такъ какъ законодательствуетъ теперь въ конвентѣ. Отказъ, разумѣется, былъ разуменъ, потому что, помимо вопроса о хлѣбѣ и всего прочаго, импровизированная революціонная коммуна переходитъ въ это время въ законно-избранную и заканчиваетъ свои счета—не безъ раздраженія! Петіонъ отказался; тѣмъ не менѣе многіе домогаются этой должности. Послѣ цѣлыхъ мѣсяцевъ разслѣдованій, баллотировокъ, разглагольствованій и споровъ, почетный постъ этотъ получаетъ нѣкій докторъ Шамбонъ, который продержится на немъ не долго, и, какъ мы увидимъ, будетъ буквально сброшенъ [1]) съ него.

Не забудьте, что и простому санкюлоту не легко во времена дороговизны хлѣба! По словамъ Друга Народа, хлѣбъ стоитъ „около шести су фунтъ, а дневной заработокъ всего пятнадцать су“; и къ тому же зима стоитъ суровая. Какъ бѣдный человѣкъ продолжаетъ жить и такъ рѣдко умираетъ отъ голода, — это положительно чудо! По счастью, въ эти дни, онъ можетъ записаться въ армію и умереть отъ рукъ австрійцевъ, съ необычайнымъ чувствомъ удовлетворенія оттого, что умираетъ за права человѣка. При такомъ стѣсненномъ положеніи хлѣбнаго рынка, при общей свободѣ и равенствѣ, комендантъ Сантерръ предлагаетъ черезъ газеты два средства, или, по крайней мѣрѣ, два палліатива. Первое, чтобы всѣ классы людей два дня въ недѣлю питались картофелемъ; и второе, чтобы всѣ повѣсили своихъ собакъ. Благодаря этому, думаетъ комендантъ, получится весьма значительная экономія, которую онъ высчитываетъ во столько-то кулей. Болѣе забавной формы изобрѣтательной глупости, чѣмъ у коменданта Сантерра, не найти ни въ комъ. Изобрѣтательная глупость, заключенная въ здоровье, мужество и добродушіе, весьма достойна одобренія. „Вся моя сила“, сказалъ онъ однажды въ конвентѣ,

Антуанъ-Жозефъ Сантерръ.

[1]) Dictionnaire des Hommes Marquans, § Chambon.

„денно и нощно находится въ распоряженіи моихъ согражданъ; если они найдутъ меня недостойнымъ, то уволятъ, и я опять буду варить пиво“ [1]).

Представьте себѣ, какую переписку долженъ вести бѣдный Роланъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, по поводу одного только вопроса о хлѣбѣ! Съ одной стороны, требуютъ свободной торговли зерномъ, недопущенія таксировки цѣнъ на него, съ другой, кричатъ, что фиксація цѣнъ необходима. Политическая экономія, читаемая министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, съ доказательствами, ясными какъ св. Писаніе, совершенно недѣйствительна для пустого національнаго желудка. Мэръ Шартра, котораго чуть не съѣдаютъ самого, взываетъ къ конвенту; конвентъ посылаетъ депутацію изъ почтенныхъ членовъ, которые стараются накормить толпу чудесной духовной пищей; но не могутъ. Толпа, не смотря на все ихъ краснорѣчіе, окружаетъ ихъ съ ревомъ, требуетъ, чтобы цѣны были назначены, и при этомъ умѣренныя, или же—почтенные депутаты будутъ повѣшены на мѣстѣ! Почтенные депутаты, докладывая объ этомъ дѣлѣ, сознаются, что, будучи на волосокъ отъ ужасной смерти, они назначили, или сдѣлали видъ, будто назначили, цѣны на зерно; за что конвентъ, — это тоже слѣдуетъ отмѣтить—конвентъ, не желающій, чтобы съ нимъ шутили, находитъ нужнымъ сдѣлать имъ выговоръ [2]).

Что же касается до происхожденія этихъ хлѣбныхъ бунтовъ, то развѣ не представляется вѣроятнымъ, что тутъ опять замѣшаны тайные роялисты? Въ Шартрскомъ бунтѣ глаза патріотовъ видѣли мелькающихъ священниковъ. И развѣ, въ самомъ дѣлѣ, „корень всего этого не лежитъ въ тюрьмѣ Тампль, въ сердцѣ вѣроломнаго короля“, какъ бы хорошо ни стерегли его [3]). Несчастный, вѣроломный король! И вотъ, мало по малу, около булочныхъ снова образуются хвосты, въ болѣе раздраженномъ, чѣмъ когда либо, настроеніи. Къ двери каждой булочной придѣлано кольцо съ концомъ веревки, за которую мы плотно держимся съ обѣихъ сторонъ, и образуемъ хвостъ; но злонамѣренные, коварные люди перерѣзаютъ веревку, и нашъ хвостъ превращается въ запутанный клубокъ; поэтому веревку приходится замѣнить желѣзной цѣпью [4]). Цѣны на хлѣбъ установлены; но теперь хлѣба уже нельзя купить и по этимъ цѣнамъ: хлѣбъ можно имѣть только по билету отъ мэра, нѣсколько унцій на ѣдока въ день, послѣ долгаго стоянья въ хвостѣ, ухватившись за цѣпь. А голодъ распространяется съ ужасающей быстротой; за нимъ идутъ злоба и подозрительность, обостренныя до неестественности; они пройдутъ по странѣ, подобно сверхъестественнымъ „тѣнямъ разгнѣванныхъ боговъ“, которыя проходили „среди зарева и мрака огненнаго океана“, когда падала Троя!

ГЛАВА III.

Развѣнчанный король.

Но, самый неотложный изо всѣхъ вопросовъ для нашихъ законодателей это третій: что дѣлать съ королемъ Людовикомъ.

Король Людовикъ, теперь король и его величество только для его собственной семьи, заключенной въ тюремныхъ аппартаментахъ, для остальной Франціи онъ только Людовикъ Капетъ и измѣнникъ-Вето. Заключенный въ оградѣ Тампля, онъ видѣлъ и слышалъ громкій водоворотъ событій: вопли сентябрьскихъ избіеній, военные громы Брауншвейга, смолкшіе въ пораженіи и разстроенномъ бѣгствѣ; видѣлъ, какъ пассивный зритель, ожидая, когда этотъ водово-

---

[1]) Moniteur (Hist. Parl. XX, 412).

[2]) Hist. Parl. XX, 431—440.

[3]) Ibid. XX, 409.

[4]) Mercier, Nouveau Paris.

ротъ захватитъ и его. Изъ сосѣднихъ оконъ, любопытные, не безъ состраданья, могутъ видѣть, какъ онъ ежедневно, въ извѣстный часъ, прогуливается по саду Тампля, съ своей королевой, сестрой и двумя дѣтьми,—все, что осталось у него на землѣ [1]). Онъ гуляетъ и ждетъ спокойно, потому что неособенно чувствителенъ и имѣетъ набожное сердце. Усталому, нерѣшительному человѣку теперь, по крайней мѣрѣ, не нужно ничего рѣшать. Обѣдъ, уроки сыну, ежедневныя прогулки по саду, игра въ ломберъ или шашки наполняютъ для него сегодняшній день, а завтрашній позаботится о себѣ самъ.

Да, завтрашній день позаботится; но какъ? Людовикъ спрашиваетъ, какъ? И Франція также, быть можетъ, даже съ еще большей озабоченностью, спрашиваетъ: какъ? Нелегко распорядиться судьбою короля, низложеннаго возстаніемъ. Если держать его въ заключеніи, то онъ сдѣлается тайнымъ центромъ недовольныхъ, ихъ безконечныхъ заговоровъ, ихъ попытокъ и надеждъ. Если

Семья Людовика Капета за обѣдомъ въ тюрьмѣ.

его выслать, онъ будетъ ихъ открытымъ центромъ; его королевское боевое знамя, со всѣмъ, что въ немъ осталось божественнаго, развернется, созывая міръ. Казнить его? Это тоже жестокій и сомнительный конецъ, и, однако, онъ наиболѣе вѣроятенъ при такихъ крайнихъ обстоятельствахъ со стороны мятежниковъ, жизнь и смерть которыхъ поставлена на карту: поэтому и говорится, что отъ послѣдней ступени трона до первой ступени эшафота очень недалеко.

Но, въ общемъ, мы должны замѣтить, что дѣло Людовика представляется теперь, когда мы смотримъ на него съ разстоянія сорока четырехъ лѣтъ, совершенно инымъ, чѣмъ оно представлялось тогда, во Франціи, гдѣ смута охватила всѣхъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, прошлое всегда обманчиво: оно кажется такимъ прекраснымъ, почти священнымъ „въ лунномъ свѣтѣ воспоминанія“; но оно только к а ж е т с я такимъ. Обратите вниманіе на то, что изъ прошлаго всегда исключается обманнымъ образомъ (и мы этого не замѣчаемъ) одинъ

---

[1]) Moore, I, 123; II, 224.

весьма важный элементъ: свирѣпый элементъ страха! Страха, неувѣренности, безпокойства нѣтъ теперь, но они были тогда; преслѣдовали, мучили, проходили подобно проклятому диссонансу черезъ всѣ тоны существованія своихъ современниковъ, превращая для нихъ всѣ формы времени въ одно настоящее! Такъ оно и есть по отношенію ко времени Людовика. Зачѣмъ добивать павшаго? спрашиваетъ великодушіе, находящееся теперь внѣ опасности. Онъ палъ такъ низко, этотъ нѣкогда высоко-стоявшій человѣкъ; онъ не преступникъ, не предатель, далеко отъ этого, а несчастнѣйшая изъ людскихъ ошибокъ. Если бы его судило абстрактное правосудіе, то оно превратилось бы, можетъ быть, въ конкретное состраданіе, и приговоромъ его были бы лишь вздохи и прощеніе!

Такъ разсуждаетъ смотрящее назадъ великодушіе: ну, а настоящее, смотрящее впередъ малодушіе? Читатель, ты никогда не жилъ, впродолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, подъ шорохъ веревокъ прусскихъ висѣлицъ; никогда не былъ частью національнаго вальса Сахары, когда двадцать пять милліоновъ въ безуміи бѣжали сражаться съ Брауншвейгомъ. Даже странствующіе рыцари, побѣдивъ великановъ, обыкновенно ихъ убивали; пощада давалась только другимъ странствующимъ рыцарямъ, знакомымъ съ вѣжливостью и правилами сраженія. Французская нація, общимъ, отчаяннымъ усиліемъ, и какъ бы чудомъ безумія, сломила самаго страшнаго Голіаѳа, достигшаго чудовищныхъ размѣровъ отъ тысячелѣтняго роста; и, хотя это гигантское тѣло лежитъ поверженное, покрывая цѣлыя поля, связанное веревками и приколоченное гвоздями, но она все же не можетъ повѣрить, что оно снова не встанетъ, пожирая людей; что побѣда—не сонъ. Страхъ сопровождается недовѣрчивостью; чудесная побѣда яростью мщенія. Затѣмъ, что касается до преступности, то развѣ распростертый великанъ, который пожретъ насъ, если встанетъ, — великанъ невинный? Священникъ Грегуаръ, въ дѣйствительности теперь конституціонный епископъ Грегуаръ, увѣряетъ, въ пылу краснорѣчія, что королевскій санъ, по самой природѣ своей, уже есть капитальное преступленіе и что королевскіе дворцы все равно, что логовища дикихъ звѣрей [1]). Наконецъ, подумайте о томъ, что въ лѣтописяхъ существуетъ процессъ Карла I! Этотъ отпечатанный Процессъ Карла Перваго теперь продается и печатается повсюду [2]). Quel spectacle! Вотъ какъ англійскій народъ судилъ своего тирана и сдѣлался первымъ изъ свободныхъ народовъ! Развѣ Франція, по милости судьбы, не можетъ соперничать теперь съ Англіей въ этомъ отношеніи? Скептицизмъ страха, ярость чудесной побѣды, возможность доставить величественное зрѣлище для вселенной, — все указываетъ на одинъ роковой путь.

Эти главные вопросы, — о сентябрьскихъ анархистахъ и департаментской гвардіи, о хлѣбныхъ бунтахъ, о жалобахъ министровъ вн. дѣлъ, объ арміяхъ и хищеніяхъ Гассенфраца, о томъ, что дѣлать съ Людовикомъ, и безчисленные случайные, осаждаютъ и сбиваютъ съ толку нашъ конвентъ, который гораздо охотнѣе занялся бы составленіемъ конституціи. И всѣ эти вопросы, такъ какъ мы часто на нихъ настаиваемъ, растутъ; они растутъ въ головѣ каждаго француза, и ростъ ихъ даже поддается наблюденію въ могучемъ ходѣ парламентскихъ дебатовъ и общественныхъ дѣлъ, которыя лежатъ на обязанности конвента. Возникаетъ вопросъ, вначалѣ незначительный, и откладывается, тонетъ среди другихъ; но потомъ снова всплываетъ, уже увеличившись въ объемѣ. Любопытный и необъяснимый ростъ имѣютъ такія вещи.

Однако, вернемся къ вопросу о королѣ Людовикѣ; судя по тому, какъ часто онъ всплываетъ и какъ быстро растетъ, можно предвидѣть, что этотъ вопросъ займетъ первенствующее мѣсто среди всего остальнаго. И, дѣйствительно, онъ будетъ первенствующимъ даже въ болѣе глубокомъ смыслѣ. Ибо, какъ жезлъ

[1]) Moniteur, Seance du 21 Semtembre, An 1-er (1792).

[2]) Moore's Journal, II, 165.

Аарона поглотилъ всѣхъ остальныхъ змѣй, такъ и этотъ вопросъ поглотитъ всѣ остальные вопросы и интересы; и изъ него, и изъ рѣшенія его, всѣ они, такъ сказать, родятся, или переродятся, и получатъ соотвѣтственный образъ, физіономію и судьбу. Рокъ рѣшилъ, что въ этомъ клокочущемъ, странно-растущемъ, чудовищномъ и поразительномъ хаосѣ дѣлъ конвента, великимъ основнымъ вопросомъ всѣхъ вопросовъ, споровъ, мѣропріятій и начинаній, которымъ суждено развиться здѣсь на изумленіе міру, долженъ быть вопросъ о королѣ Людовикѣ.

ГЛАВА IV.

Проигравшій платитъ.

Шестое ноября 1792 г. было великимъ днемъ для Республики: снаружи— по ту сторону границъ; внутри—въ залѣ манежа.

Снаружи, потому что Дюмурье, напавшій на Нидерланды, въ этотъ день пришелъ въ соприкосновеніе съ Саксенъ-тешенцами и австрійцами; Дюмурье, съ широко-распростертыми крыльями, и они, также съ широко-распростертыми крыльями, встрѣтились въ самой деревнѣ Жемаппъ и вокругъ нея, недалеко отъ Монса. Огненный градъ свиститъ тамъ вдоль и поперекъ, большія пушки и маленькія грохочутъ и много зеленыхъ холмовъ украшаются красной бахромой и огненной гривой. Дюмурье отброшенъ на этомъ флангѣ, отброшенъ на томъ, и уже похоже, что будетъ отброшенъ совсѣмъ, когда онъ бросается самъ въ битву; быстрый Полиметъ говоритъ одно или два быстрыхъ слова и затѣмъ чистымъ теноромъ „запѣваетъ Марсельезу, entanna la Marseillaise“ [1]); десять тысячъ теноровъ или басовъ присоединяются къ нему, или, вѣрнѣе, въ общемъ, сорокъ тысячъ, потому что всѣ сердца бьются сильнѣе при этой пѣснѣ, и подъ ритмическую, все ускоряющуюся мелодію марша, они собираются, идутъ впередъ и бросаются въ бой съ отчаяннымъ мужествомъ. Они берутъ батареи, редуты, все, что можно взять, и, подобно огненному вихрю, сметаютъ всякихъ австрійцевъ съ театра военныхъ дѣйствій. Итакъ, выражаясь фигурально, можно сказать, что руками Дюмурье Руже де-Лилль, какъ новый Орфей, одержалъ струнами своей марсельезы (fidibus canoris) чудеснымъ образомъ побѣду при Жемаппѣ и завоевалъ Нидерланды.

Повидимому, молодой генералъ Эгалите проявилъ въ этомъ дѣлѣ чудеса храбрости. Несомнѣнно, это храбрый Эгалите; однако, не говоритъ ли о немъ Дюмурье чаще, чѣмъ нужно? Якобинское общество имѣетъ на этотъ счетъ свои собственныя мысли. Что касается до старшаго Эгалите, то онъ въ это время летаетъ невысоко, онъ появляется ежедневно на полчаса въ конвентѣ, сидитъ съ краснымъ, озабоченнымъ или равнодушнымъ, почти презрительнымъ лицомъ и затѣмъ удаляется [2]). Нидерланды завоеваны, или по крайней мѣрѣ покорены. Якобинскіе миссіонеры, наши Проли, Перейри, слѣдуютъ въ хвостѣ армій; комиссары конвента тоже тутъ, они плавятъ церковное серебро, революціонизируютъ и переустраиваютъ все, среди нихъ Дантонъ, который въ короткое время дѣлаетъ невѣроятное количество дѣлъ, не забывая, разумѣется, при этомъ своего жалованья и торговыхъ барышей. Гассенфрацъ воруетъ дома, Дюмурье ворчитъ, въ чужихъ краяхъ также идутъ хищенія; грѣхи и внутри и снаружи.

Но въ тотъ самый часъ, когда была одержана побѣда при Жемаппѣ, въ залѣ конвента происходила другая, не менѣе важная вещь: читался длинный докладъ спеціально назначеннаго комитета о преступленіяхъ Людовика. Галлереи слушаютъ, затаивъ дыханье; успокойтесь, галлереи, депутатъ Валазе, до-

---

[1]) Dumouriez, Memoires, III, 174.

[2]) Moore, II, 148.

кладчикъ по этому дѣлу, считаетъ Людовика очень преступнымъ и находитъ, что слѣдуетъ предать его суду, если это окажется удобнымъ. Бѣдный жирондистъ Валазе! его самого будутъ современемъ судить! Пока все довольно утѣшительно. Мало того, второй докладчикъ комитета, депутатъ Майль, выступаетъ съ юридическими разъясненіями, которыя теперь скучно читать, но въ свое время было пріятно слушать, и заявляетъ, что по законамъ страны, Людовикъ Капетъ назывался неприкосновеннымъ только въ видѣ реторической фигуры, но, въ сущности, онъ совершенно прикосновененъ и подсуденъ, такъ что можетъ—и даже долженъ—быть судимъ. Вопросъ о Людовикѣ, такъ часто всплывавшій въ видѣ гнѣвной, смутной возможности и снова тонувшій, теперь всплылъ въ осязаемой формѣ.

Патріоты ревутъ отъ злорадства. Значитъ, такъ называемое царство равенства существуетъ не на словахъ только, а на дѣлѣ! Судить ли Людовика Капета? насмѣшливо восклицаетъ патріотизмъ: простые преступники попадаютъ на висѣлицу за отрѣзанный кошелекъ; а этотъ главный преступникъ, виновный въ ограбленіи всей Франціи, изрѣзавшій ее всю ножницами Клото и гражданской войны съ ея жертвами—„съ тысячью двумя стами отъ одного только десятаго августа",—лежащими въ катакомбахъ и удобряющими аргонскіе проходы, холмы Вальми и далекія поля;—онъ, этотъ главный преступникъ, не долженъ попасть даже на скамью подсудимыхъ?—Увы, о, патріотизмъ, прибавимъ мы, есть старая поговорка: п р о и г р а в ш і й п л а т и т ъ! Ему приходится платить в с ѣ долги, кто бы ихъ ни сдѣлалъ, на него падаютъ всѣ убытки и расходы, и тысяча двѣсти погибшихъ десятаго августа—не мятежные измѣнники, а жертвы и мученики: таковы правила борьбы.

Патріотизмъ, ничто же сумняшеся, слѣдитъ за этимъ вопросомъ о судѣ, теперь, къ счастью, вынырнувшемъ въ осязаемой формѣ, и хочетъ, съ соизволенія боговъ, видѣть его разрѣшеніе. Патріотизмъ слѣдитъ за нимъ съ напряженной заботливостью, возрастающей при каждомъ новомъ затрудненіи, такъ какъ жирондисты и ненадежные братья вызываютъ отсрочки; эта забота превращается, наконецъ, въ навязчивую идею, и патріотизмъ страстно желаетъ этого суда, и ничего въ мірѣ взамѣнъ его,—если равенство существуетъ не только на словахъ. Жажда равенства, скептицизмъ страха, опьяненіе побѣдой, возможность величественнаго зрѣлища для міра—все это сильные стимулы.

Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, этотъ вопросъ о судѣ чрезвычайно важенъ для всѣхъ и наполняетъ сомнѣніемъ иную законодательствующую голову! Цареубійство? спрашиваетъ почтенная жиронда: убить короля и сдѣлаться предметомъ ужаса для всѣхъ порядочныхъ націй и людей? Но, съ другой стороны, спасти короля, значитъ, потерять всякую почву у рѣшительныхъ патріотовъ, тогда какъ нерѣшительные, какъ они ни почтенны, представляютъ лишь гипотетическую тину, а не твердую почву?—Вопросъ крайне спѣшный и трудный и люди вертятся между его рогами; никто не можетъ рѣшить его, кромѣ общества Мать и ея сыновъ. Они рѣшили и идутъ прямо къ дѣлу; остальные вертятся безпокойно на этой рогатой дилеммѣ и не находятъ выхода.

ГЛАВА V.

Растяженіе формулъ.

Было бы излишне описывать здѣсь, какъ вопросъ о судѣ надъ королемъ медленно и съ трудомъ росъ и созрѣвалъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, до той минуты, когда онъ былъ высказанъ и понятъ. Онъ всплывалъ и тонулъ среди путаницы другихъ безчисленныхъ вопросовъ. Вето-мошенниковъ пишетъ жалобныя письма объ анархіи; „тайные роялисты", при содѣйствіи голода, устраиваютъ хлѣбные бунты. Ахъ, всего недѣля тому назадъ, эти жирондисты сдѣлали новое жестокое нападеніе по поводу сентябрьскихъ избіеній.

Однажды, въ послѣднихъ числахъ октября, Робеспьеръ, вызванный на трибуну новымъ намекомъ на старую клевету о диктатурѣ, говорилъ и защищался, со все большимъ и большимъ успѣхомъ, пока, воодушевившись, ни воскликнулъ храбро: Есть ли здѣсь кто-нибудь, кто осмѣлится спеціально обвинять меня? „Мо і!“ восклицаетъ кто-то. Пауза глубокаго молчанія: сухая, сердитая фигурка, съ широкимъ, лысымъ лбомъ, торопливо подошла къ трибунѣ, вынимая изъ кармана бумаги: „Я обвиняю тебя, Ребеспьеръ, — я, Жанъ Баптистъ Луве!“ Зеленый позеленѣлъ еще больше и отступилъ въ уголъ трибуны. Дантонъ крикнулъ: „Говори, Робеспьеръ, здѣсь много добрыхъ гражданъ, которые слушаютъ тебя“, но языкъ Робеспьера отказывался повиноваться. Тогда Луве рѣзкимъ голосомъ прочелъ и послѣдовально перечислилъ всѣ его преступленія: диктаторскій характеръ, стремленіе къ исключительной популярности, застращиванье на выборахъ, процессіи во главѣ черни, сентябрьскія избіенія,— пока весь конвентъ снова не разразился криками, и тутъ же чуть не предалъ суду неподкупнаго. Никогда еще не находился онъ въ такомъ рискованномъ положеніи. Луве, до самой смерти своей будетъ жалѣть, что жиронда не проявила большей смѣлости и тогда же не уничтожила Робеспьера.

Однако, она этого не сдѣлала. Неподкупному, котораго чуть не обвинили такъ внезапно, нельзя отказать въ недѣльной отсрочкѣ. За эту недѣлю онъ не бездѣйствуетъ; не бездѣйствуетъ и якобинскій клубъ, гнѣвно трепещущій за своего любимаго сына. Въ назначенный день, у него готова писанная рѣчь, гладкая, какъ іезуитская диссертація, и убѣждающая нѣкоторыхъ. А теперь? Почему лѣнивый Верніо не встаетъ съ громами Демосѳена? Бѣдный Луве неподготовленъ и почти ничего не можетъ сдѣлать; Барреръ предлагаетъ покончить съ этими сравнительно незначительными „личностями“ и перейти къ порядку дня! Предложеніе принимается. Барбару не можетъ даже добиться, чтобы его выслушали, хотя онъ устремляется къ рѣшеткѣ и требуетъ, чтобы его выслушали, какъ подателя петиціи [1]). Но конвентъ, жаждущій заняться общественными дѣлами (такъ какъ вопросъ о судѣ надъ королемъ только что опредѣлился), отклоняетъ эти сравнительно мелочи, и сердитому Луве приходится переваривать свою злобу и жалѣть всю жизнь объ этой неудачѣ; Робеспьеръ, возлюбленное дѣтище патріотизма, становится для него еще дороже послѣ перенесенныхъ опасностей.

Это вторая крупная попытка нашихъ жирондистскихъ друзей порядка уничтожить черное пятно въ своемъ царствѣ; но мы видимъ, что они сдѣлали его еще чернѣе и шире, чѣмъ оно было раньше! Анархія, сентябрьскія избіенія лежатъ у всѣхъ на сердцѣ, какъ нѣчто отвратительное, въ высшей степени возмутительное, — въ особенности для нерѣшительнаго, почтеннаго патріота, — и къ этому нужно возвращаться при всякой возможности. Возвращайтесь, изобличайте, топчите, вы, жирондистскіе патріоты; и все же, смотрите, черное пятно не затаптывается; оно только становится, какъ мы сказали, чернѣе и шире. Глупцы вы: вѣдь, это не поверхностное черное пятно, а бьющій изъ глубины источникъ! Всмотритесь въ него хорошенько: въ немъ просвѣчиваетъ, какъ вода сквозь тонкій ледъ: — царство мрачной преисподней, какъ оно просвѣчиваетъ сквозь вашу тонкую оболочку жирондистской порядочности и почтенности: не топчите его, не то оболочка разорвется, и тогда...

Правда,—если бы наши друзья жирондисты понимали ее, —заключается въ томъ, что неизвѣстно, гдѣ былъ бы французскій патріотизмъ, со всѣмъ его краснорѣчіемъ, въ эту минуту, если бы эта самая великая преисподня Бедлама, фанатизма и народной ярости и безумія не поднялась неудержимо десятаго августа? Французскій патріотизмъ былъ бы краснорѣчивымъ воспоминаніемъ, болтающимся на прусскихъ висѣлицахъ. Болѣе того: гдѣ бы онъ былъ черезъ

---

[1]) Louvet, Mémoires (Paris 1823) p. 52; Moniteur (Séances 29 Octobre, 5 Novembre 1792); Moore, II, 178.

нѣсколько мѣсяцевъ, если бъ эта самая великая преисподня закрылась? Даже, какъ вспоминаютъ читатели газетъ, самое это отвращеніе къ сентябрьской бойнѣ, отчасти, возникло уже позже; читатели газетъ могутъ сослаться на Горза и нѣсколькихъ бриссотинцевъ, которые одобряли сентябрьскія избіенія въ то время, какъ они происходили, и называли ихъ спасительной местью [1]). Такъ что не было ли дѣйствительнымъ поводомъ къ озлобленію не столько справедливое отвращеніе, сколько утрата собственной власти? Несчастные жирондисты!

Поэтому, рѣшительный патріотъ жалуется въ клубѣ якобинцевъ, что есть люди, которые ради своего личнаго честолюбія и вражды, готовы погубить Свободу, Равенство и Братство: они тормозятъ духъ патріотизма, нагораживаютъ на его пути чурбаны, и вмѣсто того, чтобы подталкивать его плечами, стоятъ праздно и злобно кричатъ: какая плохая колея, и какъ сильно намъ приходится толкать! На это клубъ якобинцевъ отвѣчаетъ злобнымъ ревомъ и злобнымъ крикомъ, потому что тамъ есть и гражданки, плотно набившіяся въ галлереяхъ. Это знаменитыя Tricoteuses, патріотическія вязальщицы, которыя приносятъ съ собой шитье или вязальныя спицы, и кричатъ или вяжутъ, сообразно съ обстоятельствами. Какая нибудь Mère Duchesse, или Дебора, тетка изъ предмѣстій, задаетъ тонъ. Клубъ якобинцевъ измѣнился и продолжаетъ измѣняться. Тамъ, гдѣ теперь сидитъ Mère Duchesse, сидѣли настоящія герцогини. Нѣкогда сюда приходили нарумяненыя дамы, осыпанныя драгоцѣнностями и блестками; теперь, вмѣсто драгоцѣнностей, можно брать вязальныя спицы и пренебречь румянами; румяна мало по малу уступаютъ мѣсто естественной смуглости, вымытой или неумытой: и даже самую дѣвицу Теруань здѣсь съ позоромъ сѣкутъ плетьми. Странно! Вѣдь, это та самая трибуна, поднятая высоко надъ головами, съ которой нѣкогда гремѣли великій Мирабо, великій Барнавъ и аристократы Ламеты; постепенно уступившіе мѣсто нашимъ Бриссо, Гаде, Верніо, болѣе горячей породѣ патріотовъ въ bonnet rouge; раскаленный пылъ, можно сказать, замѣнилъ свѣтъ. Теперь наши Бриссо и бриссотинцы, роландисты и жирондисты, въ свою очередь, становятся лишними, должны бѣжать изъ засѣданій, или быть изгоняемыми; свѣтъ могущественной Матери горитъ теперь не краснымъ, а синимъ пламенемъ! Провинціальныя филіальныя отдѣленія громко порицаютъ эти дѣла; громко требуютъ скорѣйшаго возвращенія на мѣста краснорѣчивыхъ жирондистовъ, скорѣйшаго „изъятія Марата, radiation de Marat“. Общество Мать, поскольку можетъ предсказать здравый смыслъ, видимо, само себя губитъ. Однако, какъ оказалось при всѣхъ кризисахъ, въ немъ есть сверхъ-естественная жизнь, и оно не погибнетъ.

Между тѣмъ, черезъ двѣ недѣли рѣшеніе великаго вопроса о преданіи суду короля, надъ которымъ усидчиво, но молчаливо работаетъ подобающій комитетъ, неожиданно ускоряется. Наши читатели помнятъ склонность бѣднаго Людовика къ слесарному ремеслу, и какъ въ добрыя старыя времена нѣкій версалецъ, сьёръ Гаменъ, имѣлъ обыкновеніе приходить и учить его дѣлать замки; говорятъ, онъ даже часто бранилъ его за неумѣлость. Тѣмъ не менѣе, царственный ученикъ научился кое-чему изъ его ремесла. Злосчастный ученикъ, вѣроломный учитель! Теперь, 20-го ноября 1792 г., этотъ грязный слесарь Гаменъ является въ парижскій муниципалитетъ къ министру Ролану и намекаетъ, что онъ, слесарь Гаменъ знаетъ одну вещь: въ прошломъ маѣ, когда измѣнническая переписка велась такъ оживленно, онъ и царственный ученикъ его сдѣлали „желѣзный шкапъ“, искусно вдѣланный въ стѣну королевской комнаты въ Тюльери и незамѣтный подъ панелью, гдѣ онъ, несомнѣнно, находится и до сихъ поръ! Вѣроломный Гаменъ, въ сопровожденіи надлежащихъ властей, находитъ панель, которую никто другой не могъ бы отыскать, вскрываетъ ее и обнаруживаетъ желѣзный шкапъ — полный писемъ и бумагъ! Роланъ вы-

---

[1]) Hist. Parl. XVII, 401; газеты Горза и другихъ (тамъ же, 428).

нимаетъ ихъ, завертываетъ въ салфетки и относитъ въ усердный комитетъ, засѣдающій рядомъ. Въ салфетки, говоримъ мы, и безъ нотаріальной описи,— упущеніе со стороны Ролана.

Здѣсь, однако, достаточно писемъ, съ очевидностью обнаруживающихъ корреспонденцію предательскаго, поглощеннаго личнымъ самосохраненіемъ двора; и корреспонденцію не только съ измѣнниками, но и съ такъ называемыми патріотами! Обнаруживается измѣна Барнава изъ переписки съ королевой и дружескихъ совѣтовъ ей со времени бѣгства въ Вареннъ; счастье, что Барнавъ благополучно находится въ Гренобльской тюрьмѣ съ прошлаго сентября, такъ какъ онъ давно уже внушалъ подозрѣнія! Измѣна Таллейрана и многихъ другихъ, если и не вполнѣ, то почти доказывается этими бумагами. Обнаруживается также измѣна Мирабо, въ виду чего бюстъ его въ залѣ конвента „окутывается флеромъ", пока мы не убѣдимся въ измѣнѣ. Увы, въ этомъ слишкомъ легко убѣдиться! Бюстъ его въ залѣ якобинцевъ, послѣ изобличенія Робеспьера съ высокой трибуны, не окутывается флеромъ, а мгновенно разбивается вдребезги; одинъ патріотъ быстро влѣзаетъ по лѣстницѣ и сбрасываетъ его на полъ, среди громкихъ криковъ, испускаемыхъ имъ и нѣкоторыми другими [1]). Вотъ какова теперь и х ъ награда и окладъ жалованья: по закону спроса и предложенія. Слесарь Гаменъ, несоотвѣтственно вознагражденный въ настоящее время, является черезъ пятнадцать мѣсяцевъ со скромной просьбой: онъ сообщаетъ, что, какъ только онъ кончилъ этотъ важный шкапъ, Людовикъ (какъ онъ теперь припомнилъ) далъ ему большой стаканъ вина, каковой стаканъ вина произвелъ на желудокъ сьера Гомена самое ужасное дѣйствіе и, видимо, имѣлъ цѣлью причинить ему смерть, но онъ былъ своевременно излеченъ при помощи рвотнаго; однако, онъ всетаки въ конецъ разстроилъ здоровье сьера Гамена, такъ что онъ (какъ онъ теперь убѣдился) не можетъ содержать семью своимъ трудомъ. Въ награду за э т о ему дается „пенсія въ 1,200 франковъ" и „почетный отзывъ". Вотъ, какъ въ разныя времена бываетъ различно соотношеніе спроса и предложенія.

Такимъ образомъ, среди препятствій и стимулирующихъ поощреній, вопросъ о суде растетъ, всплывая и погружаясь, питаемый заботливымъ патріотизмомъ. О рѣчахъ, произнесенныхъ по поводу его, объ измышляемыхъ съ трудомъ формахъ веденія процесса, о юридическихъ доводахъ въ пользу его законности и обо всѣхъ нескончаемыхъ потокахъ юридическихъ и иныхъ изобрѣтательности и краснорѣчія, мы не скажемъ здѣсь ни слова. Изобрѣтательность юристовъ—хорошая вещь: но какую пользу можетъ она принести здѣсь? Если говорить правду, о, августѣйшіе сенаторы, то единственный законъ въ данномъ случаѣ—это: V a e V i c t i s, проигрывающій платитъ! Рѣдко Робеспьеръ говорилъ умнѣе, чѣмъ въ тотъ разъ, когда въ рѣчи своей по этому поводу намекнулъ, что излишне говорить о законѣ; что здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, наше право—сила. Эта рѣчь восхитила якобинскихъ патріотовъ почти до экстаза: кто станетъ отрицать, что Робеспьеръ человѣкъ, идущій на проломъ, и смѣлый, по меньшей мѣрѣ, въ логикѣ? Въ томъ же смыслѣ, и еще яснѣе, говорилъ молодой Сенъ-Жюстъ, черноволосый, сладкорѣчивый юноша. Дантонъ, во время этой предварительной работы, находится въ командировкѣ въ Нидерландахъ. Остальные, читаемъ мы, путаются среди разсужденій о международномъ правѣ, объ общественномъ договорѣ, среди юридическихъ и силлогическихъ тонкостей,—безплодныхъ для насъ, какъ восточный вѣтеръ. Дѣйствительно, что можетъ быть безплоднѣе зрѣлища 749 изобрѣтательныхъ людей, старающихся всѣми силами и со всевозможнымъ искусствомъ, въ теченіи долгихъ недѣль, сдѣлать, въ сущности, слѣдующее: растянуть старую формулу и юридическую фразеологію такъ, чтобы онѣ покрыли новую, противорѣчащую, совершенно н е покрываемую вещь? При этомъ бѣдная формула только т р е-

[1]) Journal des Debats des Jacobins (Hist. Parl. XXII, 296).

щитъ,—а съ нею и честность растягивающаго. Докажешь ли ты, посредствомъ силлогизмовъ, что вещь, которая горяча на осязаніе и горитъ, на самомъ дѣлѣ замерзшая смѣсь? Это растягиваніе формулъ, пока онѣ не треснутъ, представляетъ, особенно въ періоды быстрыхъ перемѣнъ, одну изъ печальнѣйшихъ задачъ, выпадающихъ на долю бѣднаго человѣчества.

ГЛАВА VI.

Передъ судомъ.

Между тѣмъ, по истеченіи приблизительно пяти недѣль, вопросъ о судѣ снова всплываетъ, на этотъ разъ, въ болѣе практической, чѣмъ когда-либо, формѣ.

Во вторникъ, 11-го декабря, судъ надъ королемъ всплылъ весьма рѣшительнымъ образомъ на улицахъ Парижа, въ образѣ зеленой кареты мэра Шамбона, въ которой сидитъ самъ король съ провожатыми, направляясь въ залъ конвента! Въ зеленой каретѣ его сопровождаютъ мэръ Шамбонъ, прокуроръ Шометтъ и снаружи:—коммендантъ Сантерръ, съ пушками, кавалеріей и двойнымъ рядомъ пѣхоты; всѣ секціи подъ ружьемъ, сильные патрули объѣзжаютъ улицы; такъ ѣдетъ Людовикъ подъ скучнымъ, моросящимъ дождемъ, и около двухъ часовъ мы видимъ, какъ онъ спускается, въ „орѣховаго цвѣта сюртукѣ, redingote noisette“, по Вандомской площади къ залѣ манежа, чтобы выслушать обвинительный актъ и подвергнуться судебному допросу. Таинственная ограда Тампля выдала свою тайну, которую теперь люди видятъ, облеченную въ орѣховаго цвѣта сюртукъ. Это ѣдетъ тотъ самый Людовикъ, который нѣкогда былъ Желаннымъ; злосчастный король направляется теперь къ пристани: его плачевные разъѣзды и путешествія подходятъ къ концу. Долгъ, который ему еще осталось выполнить—долгъ спокойнаго терпѣнія—вполнѣ въ его силахъ.

Странная процессія подвигается въ молчаніи, говоритъ Прюдоммъ, или среди рокота марсельезы; въ молчаніи входитъ въ залъ конвента, причемъ Сантерръ поддерживаетъ Людовика подъ руку. Людовикъ оглядывается съ спокойнымъ лицомъ, желая посмотрѣть, что это за конвентъ и парламентъ. Дѣйствительно, перемѣнъ много: все измѣнилось съ февраля, два года тому назадъ, когда засѣдавшая въ то время конституанта разстилала для насъ бархатъ съ цвѣтами лиліи, и мы пришли сказать милостивое слово, послѣ котораго всѣ вскочили и поклялись въ вѣрности; тогда же поднялась и поклялась вся Франція, устроившая Праздникъ Пикъ, кончившійся вотъ этимъ! Барреръ, нѣкогда „плакавшій“, смотря съ репортерской конторки, теперь смотритъ съ президентской каѳедры, держа листъ съ пятьюдесятью семью вопросами, и говоритъ съ сухими глазами: „Людовикъ, вы можете сѣсть“. Людовикъ садится; говорятъ, это то же самое кресло, то же дерево и та же обивка, на которомъ онъ, годъ тому назадъ, среди танцевъ и иллюминацій, принялъ конституцію. Дерево осталось тѣмъ же, но какъ измѣнилось многое другое! Людовикъ сидитъ и слушаетъ съ спокойнымъ лицомъ и съ спокойными мыслями.

Изъ пятидесяти семи вопросовъ мы не приведемъ здѣсь ни одного. Это вопросы, коварно касающіеся всѣхъ главныхъ документовъ, захваченныхъ десятаго августа, или найденныхъ впослѣдствіи въ желѣзномъ шкапу, и всѣхъ главныхъ событій исторіи революціи, и сводятся они, по существу, къ слѣдующему: Людовикъ, бывшій королемъ, виновенъ ли ты въ томъ, что, до извѣстной степени, старался, посредствомъ дѣйствій и письменныхъ документовъ, остаться королемъ? Въ отвѣтахъ тоже мало достойнаго замѣчанія. Это, большею частью спокойныя отрицанія; обвиняемый просто ограничивается однимъ нѣтъ: я не признаю этого документа; я не совершалъ этого поступка, или совершилъ его

согласно съ дѣйствовавшимъ тогда закономъ. Когда, часа черезъ три, всѣ пятьдесятъ семь вопросовъ и документы, въ количествѣ ста шестидесяти двухъ, исчерпаны, Барреръ кончаетъ допросъ словами: „Людовикъ, приглашаю васъ удалиться“.

Людовикъ удаляется съ эскортомъ муниципалитета въ сосѣднюю комнату комитета, попросивъ передъ оставленіемъ суда, чтобы ему дали защитника. Въ комитетской комнатѣ ему предлагаютъ подкрѣпиться, но онъ отказывается, а потомъ, видя какъ Шометтъ ѣстъ кусочекъ хлѣба, которымъ подѣлился съ нимъ гренадеръ, говоритъ, что ему тоже захотѣлось хлѣба. Пять часовъ, а онъ плохо позавтракалъ въ это утро, полное тревоги и барабаннаго боя. Шометтъ разламываетъ свой ломтикъ; король съѣдаетъ корку, садится, продолжая ѣсть, въ зеленую карету, и спрашиваетъ, что ему дѣлать съ мякишемъ. Писецъ Шометта беретъ его у него и выбрасываетъ на улицу. Людовикъ говоритъ: жаль выбрасывать хлѣбъ во время такой дороговизны. „Моя бабушка“, замѣчаетъ Шометтъ, „обыкновенно говорила: малютка, никогда не бросай зря ни одной крошки хлѣба, ты, вѣдь, не можешь его сдѣлать“.—„Мосье Шометтъ“, замѣчаетъ Людовикъ, „ваша бабушка, повидимому, была разсудительная женщина“ [1]). Бѣдный, безобидный человѣкъ: какъ спокойно онъ ждетъ своего жребія; съ этой задачей, по крайней мѣрѣ, онъ справится; для нея достаточно одной пассивности, безъ активности! Онъ говоритъ еще о томъ, что ему хочется когда-нибудь проѣхаться по всей Франціи, чтобы имѣть представленіе о ея топографіи и географіи, такъ какъ онъ всегда любилъ географію. Ограда Тампля снова принимаетъ его и закрывается за нимъ; глазѣющій Парижъ можетъ отправляться къ своимъ очагамъ и кофейнямъ, клубамъ и театрамъ; спускается сырой мракъ и съ нимъ замолкаютъ барабаны и патрули этого страннаго дня.

Людовикъ отдѣленъ теперь отъ королевы и своей семьи, предоставленъ собственнымъ размышленіямъ и ресурсамъ. Мрачно стоятъ вокругъ него каменныя стѣны; изъ тѣхъ, кого онъ любитъ, нѣтъ никого. „Въ этомъ состояніи неопредѣленности“, онъ пишетъ завѣщаніе, чтобы обезпечить себя на случай самаго худшаго. Это документъ, который можно прочесть и сейчасъ, полный спокойствія, простодушія, набожной кротости. Конвентъ, послѣ долгихъ дебатовъ, разрѣшилъ ему имѣть защитника по собственному выбору. Адвокатъ Тарже чувствуетъ себя „слишкомъ старымъ“, такъ какъ ему пятьдесятъ четыре года, и отказывается. Нѣкогда онъ стяжалъ большую славу, защищая кардинала ожерелья, Рогана, но здѣсь онъ не хочетъ стяжать ее. Адвокатъ Тронше, лѣтъ на десять старше его, не отказывается. А старикъ Малербъ самъ вызывается и добровольно выступаетъ на поле своего послѣдняго сраженія. Добрый старый герой! Ему семьдесятъ лѣтъ, и волосы его побѣлѣли, но онъ говоритъ: „Я дважды призывался въ совѣтъ моего монарха, когда весь міръ домогался этой части, и я обязанъ ему этой услугой теперь, когда многіе считаютъ ее опасной“. Эти двое, и болѣе молодой Дезезъ, котораго они выбираютъ для защитительной рѣчи, принимаются за пятьдесятъ семь обвинительныхъ пунктовъ и за сто шестьдесятъ два документа; Людовикъ помогаетъ имъ, насколько можетъ.

Итакъ, готовится къ разбирательству крупное дѣло, и все человѣчество, во всѣхъ странахъ, слѣдитъ за нимъ. Въ какой формѣ и какимъ способомъ поведетъ его конвентъ, чтобы на него не пало даже тѣни порицанія? Трудно будетъ это! Конвентъ, находящійся дѣйствительно въ большомъ затрудненіи, обсуждаетъ и совѣщается. Каждый день, съ утра до ночи, съ трибуны гремятъ рѣчи по этому дѣлу, нужно растянуть старую формулу такъ, чтобы она покрыла новое содержаніе. Патріоты съ горы, ожесточающіеся все сильнѣе, требуютъ, главнымъ образомъ, быстроты; единственная хорошая форма—это та, которая всѣхъ быстрѣе. Тѣмъ не менѣе, конвентъ совѣщается; трибуна гремитъ,

---

[1]) Газета Прюдомма (Hist. Parl. XXI, 314).

Людовикъ XVI передъ судомъ конвента, 26 декабря 1792 г.

заглушаемая иногда тенорами и даже дискантами; весь залъ вокругъ нея вопитъ въ частыхъ вспышкахъ ярости и возбужденія. Громы и крики продолжались цѣлыхъ двѣ недѣли, становясь все рѣзче и сильнѣе, пока, наконецъ, мы не рѣшаемъ, что въ среду, 26-го декабря, Людовикъ долженъ выступить и защищаться. Защитники его жалуются, что такая поспѣшность можетъ быть роковою, на что они, въ качествѣ адвокатовъ, имѣютъ право; но жалобы ихъ тщетны: для патріотизма время тянется безконечно долго.

Итакъ, въ среду, въ восемь часовъ утра, когда еще темно и холодно, всѣ сенаторы на своихъ мѣстахъ. Правда, они согрѣваютъ холодный часъ сильной горячностью, вошедшей теперь въ обыкновеніе; какой-нибудь Луве или Бюзо нападаютъ на какого-нибудь Талліена, Шабо, и затѣмъ вся гора возбуждается противъ всей жиронды. Едва успѣваетъ это кончиться, какъ въ девять часовъ въ залу входятъ Людовикъ и трое его адвокатовъ, сопровождаемые звономъ оружія національной гвардіи Сантерра.

Дезезъ развертываетъ свои бумаги и, съ честью выполняя свою опасную миссію, говоритъ въ теченіе трехъ часовъ. Его защитительная рѣчь, „составленная почти въ одну ночь“, мужественная, но обдуманная, не лишена талантливости и мягкаго патетическаго краснорѣчія; Людовикъ бросился къ нему на шею, когда они удалились, и воскликнулъ сквозь слезы: „Mon pauvre Desèze!“ Самъ Людовикъ, прежде чѣмъ удалиться, прибавилъ нѣсколько словъ, „быть можетъ, послѣднихъ, которыя онъ скажетъ своимъ судьямъ“: больше всего, говоритъ онъ, угнетаетъ его сердце то, что его считаютъ виновнымъ въ кровопролитіи 10-го августа, или въ какомъ бы то ни было пролитіи, или желаніи пролитія, французской крови. Сказавъ это, онъ удалился изъ зала, покончивъ здѣсь со своей задачей. Для многихъ странныхъ дѣлъ приходилъ онъ въ этотъ залъ, но самое странное—это послѣднее.

А теперь, почему же конвентъ медлитъ? Вотъ обвинительный актъ и доказательства, вотъ защита,—развѣ остальное не вытекаетъ само собой? Гора и патріоты вообще все громче требуютъ поспѣшности, непрерывнаго засѣданія, пока дѣло не будетъ кончено. Тѣмъ не менѣе, сомнѣвающійся, боязливый конвентъ рѣшаетъ, что надо сначала обсудить дѣло, и всѣмъ членамъ, желающимъ говорить, предоставляется слово. Поэтому, къ пюпитрамъ, краснорѣчивые члены! Выкладывайте свои мысли и отголоски мыслей; настало время показать себя: Франція и весь міръ слушаютъ васъ! Члены не заставляютъ долго просить себя: рѣчи, устные памфлеты слѣдуютъ одни за другими, со всѣмъ доступнымъ краснорѣчіемъ; списокъ президента все удлиняется именами желающихъ говорить; изо дня въ день, ежедневно и ежечасно, гремитъ неутомимая трибуна,—крикливыя галлереи, съ большимъ разнообразіемъ, поставляютъ теноровъ и дискантовъ. Иначе было бы, пожалуй, слишкомъ однообразно.

Патріоты, на горѣ и въ галлереяхъ, или, по ночамъ, въ зданіяхъ секцій и въ якобинскомъ клубѣ, совѣщаются среди крикливыхъ Tricoteuses, слѣдя за всѣмъ происходящимъ рысьими глазами и подавая голосъ, въ случаѣ надобности, иногда даже очень громко. Депутатъ Тюріо, бывшій адвокатъ и избиратель Тюріо, видѣвшій съ вершины Бастиліи, какъ Сентъ-Антуанъ поднялся на подобіе океана,—этотъ Тюріо можетъ растягивать формулы съ такимъ же усердіемъ, какъ и всякій другой. Жестокій Бильо не молчаливъ, если задѣть его. Не молчитъ и жестокій Жанъ-Бонъ—тоже іезуитъ своего рода, имя его не слѣдуетъ писать, какъ часто встрѣчается въ словаряхъ, Jambon, что значитъ просто Ветчина!

Но, вообще, пусть ни одинъ человѣкъ не считаетъ возможнымъ, чтобы Людовикъ былъ не виновенъ. Единственный вопросъ, представляющійся или представлявшійся разумному человѣку, это слѣдующій: Можетъ ли конвентъ судить Людовика? Или его долженъ судить весь народъ, въ народномъ собраніи, и, слѣдовательно, съ отсрочкой? Все отсрочки! Вы, жирондисты, фальшивые государственные люди! реветъ патріотизмъ, почти теряя терпѣніе.—Но, въ самомъ дѣлѣ,

что же дѣлать этимъ бѣднымъ жирондистамъ? Высказать свое мнѣніе, что Людовикъ—военноплѣнный и не можетъ быть казненъ, безъ несправедливости, ошибки и опасности? Но высказать такое мнѣніе значило бы потерять окончательно всякую опору у рѣшительныхъ патріотовъ? Да, собственно говоря, это даже не убѣжденіе, а только предположеніе и туманный вопросъ. Сколько есть бѣдныхъ жирондистовъ, увѣренныхъ только въ одномъ: что всякій человѣкъ, и жирондистъ также, долженъ имѣть почву подъ ногами и твердо стоять на ней, сохраняя хорошія отношенія съ почтенными людьми! Вотъ, въ чемъ они убѣждены и во что вѣрятъ. Имъ приходится мучительно извиваться на этой рогатой дилеммѣ [1]).

А тѣмъ временемъ Франція не бездѣйствуетъ и Европа также. Мы сказали уже, что конвентъ—это сердце, изъ котораго исходятъ и въ которое входятъ различныя вліянія. Казнь короля, называть ли ее мученичествомъ, или достойной карой, оказала бы большое вліяніе! Въ двухъ отношеніяхъ конвентъ уже оказалъ вліяніе на всѣ націи, и притомъ къ большому своему вреду. 19-го ноября онъ издалъ одинъ декретъ, который затѣмъ потвердилъ, развивъ его детально; это декретъ о томъ, что всякая нація, которая пожелаетъ стряхнуть съ себя цѣпи деспотизма, этимъ самимъ становится, такъ сказать, сестрой Франціи и можетъ разсчитывать на ея помощь и поддержку. Этотъ декретъ, поднявшій шумъ среди дипломатовъ, публицистовъ и профессоровъ международнаго права и котораго не можетъ одобрить никакая „цѣпь деспотизма“, никакая власть, былъ внесенъ депутатомъ Шамбономъ, жирондистомъ, въ сущности, быть можетъ, просто какъ красивая риторическая формула.

Второе вліяніе, о которомъ мы говоримъ, имѣетъ еще болѣе жалкое происхожденіе; оно возникло въ безпокойной, громко-скрипучей, но бѣдной содержаніемъ головѣ нѣкоего Жакоба Дюпона изъ департамента Луары. Конвентъ обсуждалъ какъ разъ проектъ національнаго обученія, и депутатъ Дюпонъ сказалъ въ своей рѣчи: „Я долженъ признаться, г. президентъ, что лично я атеистъ“ [2]),—думая, вѣроятно, что міру это интересно знать. Франція приняла это заявленіе безъ комментарій, или съ комментаріями неслышными, такъ какъ во Франціи въ это время и безъ того было шумно. Но остальныя страны приняли его безъ опроверженій, съ ужасомъ и изумленіемъ [3]), и вліяніе его, или впечатлѣніе, было въ высшей степени печальнымъ! А теперь, если къ этимъ двумъ впечатлѣніямъ прибавить еще третье, которое пульсируя, обойдетъ весь земной шаръ,—если прибавить еще цареубійство?

Въ процессъ Людовика вмѣшиваются иностранные дворы: Испанія, Англія; но ихъ не слушаютъ, хотя они являются, по крайней мѣрѣ, Испанія,—съ оливковой вѣтвью въ одной рукѣ, и съ обнаженнымъ мечомъ, въ другой. Но и дома, какія бурно-пульсирующія вліянія вливаются въ сердце конвента изъ окружающаго его Парижа и всей Франціи! Сыплются петиціи; просьбы о равномъ правосудіи въ царствѣ, такъ называемаго, Равенства. Живые патріоты умоляютъ:—О, вы, національные депутаты, развѣ къ вамъ не взываютъ мертвые патріоты? Развѣ тысячу двѣсти мертвецовъ, зарытые въ холодныхъ могилахъ, не умоляютъ васъ нѣмой пантомимой смерти краснорѣчивѣе, чѣмъ словами? Увѣчные патріоты ковыляютъ на костыляхъ вокругъ зала манежа, требуя справедливости. Раненые десятаго августа, вдовы и сироты убитыхъ являются въ полномъ составѣ съ петиціей, ковыляя и проходя, въ краснорѣчивомъ безмолвіи, по залу: одного раненаго патріота, который не можетъ даже ковылять, приносятъ сюда на кровати и проносятъ, наравнѣ съ головами, въ горизонтальномъ положеніи [4]). Трибуна конвента, смолкшая было при этомъ зрѣли-

[1]) См. Извлеченія изъ газетъ (Hist. Parl. XXI, 1—38).

[2]) Moniteur, Séance du 14 Décembre, 1792.

[3]) Mrs. Hannah More, Letter to Jacob Dupont (London, 1793).

[4]) Hist. Parl. XXII, 131; Moore.

щѣ, начинаетъ снова гремѣть юридическими громами. А снаружи Парижъ завываетъ все сильнѣе. Слышится зычный голосъ Сенъ-Гюрюжа и истерическое краснорѣчіе Mère Duchesse: „Варле, апостолъ Свободы“, съ пикой и въ красномъ колпакѣ, бѣжитъ, неся складной ораторскій стулъ. Кара измѣннику! кричитъ весь патріотическій міръ. Подумайте также и о другомъ крикѣ, громко оглашающемъ улицы: „Дайте намъ хлѣба, или убейте насъ! Хлѣба и Равенства! Кара измѣннику, чтобы мы имѣли хлѣбъ!“

Умѣренные или нерѣшительные патріоты становятся противъ рѣшительныхъ. Мэръ Шамбонъ слышитъ о страшной свалкѣ въ Національномъ Театрѣ: дѣло дошло до ссоры, а затѣмъ и до драки между рѣшительными и нерѣшительными патріотами изъ за новой драмы, подъ названіемъ Ami des Lois (Другъ Законовъ). Это одна изъ самыхъ слабыхъ, когда либо написанныхъ драмъ, но съ поучительными намеками, вслѣдствіе которыхъ залетали пудреные парики друзей порядка и черные волосы съ якобинскихъ головъ, и мэръ Шамбонъ спѣшитъ съ Сантерромъ, надѣясь усмирить расходившіяся страсти. Но вмѣсто успокоенія, нашего бѣднаго мэра такъ „тискаютъ“, говоритъ отчетъ, и такъ бранятъ и позорятъ, говоримъ мы,—что онъ, съ сожалѣніемъ, окончательно покидаетъ свой кратковременный постъ, „такъ какъ у него слабыя легкія“. Эта несчастная драма Ami des Lois дебатируется въ самомъ конвентѣ: такъ вспыльчивы и раздражены другъ противъ друга умѣренные и неумѣренные патріоты [1]).

А мало ли среди этихъ двухъ классовъ людей явныхъ и тайныхъ аристократовъ, шпіоновъ, бѣгущихъ въ Лондонъ съ важными пакетами, или дѣлающихъ видъ, что бѣгутъ? Одинъ изъ послѣднихъ, по имени Віаръ, утверждалъ, что можетъ обвинить Ролана, или даже жену Ролана, къ великой радости Шабо и горы. Но жена Ролана, будучи вызвана, тотчасъ явилась въ залъ конвента, и, съ своей свѣтлой безмятежностью, немногими ясными словами разсѣяла въ прахъ обвиненіе Віара при рукоплесканіяхъ всѣхъ друзей порядка [2]). Такъ завываетъ одичалый Парижъ среди театральныхъ бунтовъ, криковъ: „хлѣба, или убейте насъ!“ среди ярости, голода и неестественной подозрительности. Роланъ становится все раздраженнѣе въ своихъ посланіяхъ и письмахъ и доходитъ почти до истеричности. Маратъ, которому никакая земная сила не можетъ помѣшать видѣть насквозь измѣнниковъ и Ролановъ, три дня лежитъ въ постели; неоцѣнимый Другъ Народа чуть не умираетъ отъ сердечнаго сокрушенія, лихорадки и головной боли: „O peuple babillard, si tu savais agir, О, болтливый народъ, если бъ ты умѣлъ дѣйствовать!“

И, въ довершеніе всего, побѣдоносный Дюмурье пріѣзжаетъ въ эти новогодніе дни въ Парижъ,—какъ опасаются, съ недобрыми намѣреніями. Онъ заявляетъ, будто пріѣхалъ жаловаться на министра Паша и на хищенія Гассенфраца, а также и для того, чтобы обсудить планъ весенней кампаніи. Однако, находятъ, что онъ слишкомъ много вращается среди жирондистовъ. Ужъ не замышляютъ ли они вмѣстѣ заговора противъ якобинцевъ, противъ равенства и наказанія Людовика? Имѣются его письма къ конвенту. Не желаетъ ли онъ играть роль Лафайета, этотъ новый побѣдоносный генералъ? Пусть онъ снова удалится, но изобличенный [3]).

А трибуна конвента продолжаетъ гремѣть юридическимъ краснорѣчіемъ и предположеніями, не переходящими въ дѣйствіе; и въ спискѣ президента все еще значатся пятьдесятъ ораторовъ. Эти жирондистскіе президенты какъ будто оказываютъ предпочтеніе своей партіи: мы подозрѣваемъ, что они плутуютъ со спискомъ,—ораторовъ съ горы не слышно. Гремятъ весь декабрь до января и новаго года, а конца все не видно! Парижъ толпится и воетъ вокругъ все гром-

---

[1]) Hist. Parl. XXIII, 31, 48.

[2]) Moniteur. Seance du 7 Decembre, 1792.

[3]) Dumouriez. Mémoires. III, 4.

че; воетъ, какъ вихрь. Парижъ хочетъ „привезти пушки съ Сенъ-Дени"; поговариваютъ о томъ, чтобы „закрыть заставы"—къ ужасу Ролана.

Вслѣдъ за тѣмъ, трибуна конвента внезапно перестаетъ гремѣть: мы обрываемъ сразу, кто бы ни стоялъ въ спискѣ, и кончаемъ. Въ будущій вторникъ, 15-го января 1793 г., приступятъ къ поименному голосованію, и тѣмъ или инымъ путемъ, эта великая игра, наконецъ, разыграется!

ГЛАВА VII.

Три голосованія.

Виновенъ ли Людовикъ Капетъ въ заговорѣ противъ свободы? Долженъ ли нашъ приговоръ быть окончательнымъ, или онъ нуждается въ ратификаціи, путемъ обращенія къ народу? Если Людовикъ виновенъ, то какое должно быть наказаніе? Такова форма, принятая послѣ смятенія и „многочасовой нерѣшительности"; таковы три послѣдовательныхъ вопроса, относительно которыхъ предстоитъ теперь высказаться конвенту. Парижъ волнуется вокругъ его зала, толпится и шумитъ. Европа и всѣ народы ждутъ его отвѣтовъ. Каждый депутатъ, вызываемый поочереди, долженъ отвѣтить: виновенъ или невиновенъ?

Относительно виновности, какъ указано выше, въ душѣ патріотовъ нѣтъ сомнѣній. Подавляющее большинство высказывается за виновность; конвентъ единогласно постановляетъ „виновенъ", за исключеніемъ какихъ нибудь двадцати восьми человѣкъ, которые высказываются не за невиновность, а совсѣмъ воздерживаются отъ голосованія. Второй вопросъ также не возбуждаетъ сомнѣній, вопреки расчетамъ жирондистовъ. Развѣ обращеніе къ народу не окажется просто междуусобной войной, только подъ другимъ названіемъ? Большинствомъ двухъ противъ одного отвѣчаютъ, что обращенія къ народу не должно быть: значитъ, и это установлено. Шумные патріоты теперь, въ десять часовъ вечера, могутъ умолкнуть на ночь и отправиться спать не безъ надежды. Вторникъ прошелъ хорошо. Завтра рѣшится: какое наказаніе! Завтра—рѣшительный бой!

Можете вообразить себѣ, какое стеченіе патріотовъ на слѣдующій день въ среду; весь Парижъ поднимается на носки, и всѣ депутаты на мѣстахъ Семьсотъ сорокъ девять достойныхъ членовъ; изъ нихъ около двадцати отсутствуютъ, находясь въ командировкахъ; Дюшатель и семеро другихъ отсутствуютъ по болѣзни. Однако, ожидающимъ патріотамъ и стоящему на носкахъ Парижу приходится запастись терпѣніемъ: эта среда опять проходитъ въ дебатахъ и волненіи; жирондисты предлагаютъ требовать „большинства двухъ третей"; патріоты яростно противятся имъ. Дантонъ, только что вернувшійся изъ командировки въ Нидерланды, добивается отнесенія предложенія жирондистовъ „къ порядку дня"; онъ добивается потомъ даже того, чтобы вопросъ рѣшался безотлагательно, sans désemparer, въ непрерывномъ засѣданіи, пока не кончимъ.

И вотъ, наконецъ, въ восемь часовъ вечера, начинается это изумительное голосованіе посредствомъ вызова по именамъ, appel-nominal. Какое наказаніе? Нерѣшительные жирондисты, рѣшительные патріоты, люди, боящіеся короля, люди, боящіеся анархіи, должны отвѣчать здѣсь и сейчасъ же. Безчисленное множество патріотовъ волнуется въ тускло освѣщенныхъ лампами коридорахъ, тѣснится во всѣхъ галлереяхъ, во что бы то ни стало, желая слышать. Пристава громко вызываютъ каждаго депутата по имени и департаменту; каждый долженъ взойти на трибуну и дать отвѣтъ.

Очевидцы изобразили эту сцену третьяго голосованія, и голосованій, вытекающихъ изъ него, какъ самую странную во всей революціи; сцену, растянувшуюся до безконечности, продолжавшуюся, съ немногими, короткими переры-

вами, отъ среды до воскресенья утра. Длинная ночь переходитъ въ день, утренняя блѣдность покрываетъ всѣ лица, и снова спускаются зимнія тѣни и зажигаются тусклыя лампы; но днемъ и ночью, во всѣ смѣняющіеся часы, члены одинъ за другимъ, непрерывно поднимаются по ступенямъ трибуны, останавливаются тамъ на нѣкоторое время, въ болѣе яркомъ освѣщеніи наверху, и произносятъ свое роковое слово; затѣмъ снова ныряютъ въ сумракъ и тѣсноту. Въ полуночный часъ они похожи на призраковъ, на выходцевъ ада! Никогда президенту Верніо, и никакому другому президенту на землѣ, не приходилось руководить ничѣмъ подобнымъ. Жизнь короля и многое другое, зависящее отъ нея, дрожа, колеблется на вѣсахъ. Одинъ за другимъ члены конвента поднимаются на трибуну; шумъ стихаетъ, пока не произнесено: смерть; изгнаніе; пожизненное заключеніе. Многіе говорятъ: смерть, но въ самыхъ осторожныхъ, строго-обдуманныхъ фразахъ, съ поясненіями, подкрѣпленіями, какія только могутъ придумать, и со слабыми ходатайствами о помилованіи. Многіе говорятъ: изгнаніе, все, только не смертная казнь. Вѣсы колеблются, никто не можетъ еще предсказать, куда они склонятся. Патріоты въ безпокойствѣ и ревутъ; пристава не могутъ усмирить ихъ.

Въ виду такого яростнаго рева патріотовъ, многіе изъ бѣдныхъ жирондистовъ говорятъ: смерть, мотивируя это столь непріятное для нихъ слово краткой казуистикой и іезуитскими измышленіями. Даже Верніо говоритъ: смерть, и также приводитъ іезуитскіе мотивы. Богатый Лепеллетье Сенъ-Фаржо сначала принадлежалъ къ дворянству, потомъ къ патріотической лѣвой въ конституантѣ; много говорившій и вносившій доклады, и тамъ, и въ другихъ мѣстахъ, противъ смертной казни, тѣмъ не менѣе, теперь говоритъ: смерть, — слово за которое онъ дорого поплатится. За то Манюэль, въ прошломъ августѣ опредѣленно принадлежавшій къ рѣшительнымъ патріотамъ, но съ сентября и съ сентябрьскихъ событій все болѣе отстававшій отъ нихъ, высказывается за изгнаніе. Но ни одно слово его не могло бы встрѣтить сочувствія въ этомъ конвентѣ, и онъ въ нѣмой злобѣ покидаетъ это собраніе навсегда. Въ коридорѣ его сильно толкаютъ. Филиппъ Эгалите вотируетъ, по совѣсти и по душѣ, за смерть; при этомъ словѣ, произнесенномъ имъ, даже патріоты качаютъ головой, и по залѣ суда проносится ропотъ и содроганіе. Мнѣніе Робеспьера не можетъ подлежать сомнѣнію; рѣчь его длинна. Поднимается фигура Сіеса и, едва остановившись, почти на ходу, кричитъ: „La mort sans phrases, Смерть безъ разговоровъ“, и исчезаетъ, какъ привидѣніе, или выходецъ ада!

Однако, если читатель думаетъ, что вся эта процедура носитъ погребальный, печальный, или хотя бы только серьезный характеръ, то онъ сильно ошибется. „Пристава въ отдѣленіи горы“, говоритъ Мерсье, „превратились въ оперныхъ капельдинеровъ“: они открываютъ и закрываютъ галлереи для привилегированныхъ лицъ, для „любовницъ д'Орлеана Эгалите“, или для другихъ разряженныхъ знатныхъ дамъ, шуршащихъ кружевами и трехцвѣтными лентами. Галантные депутаты постоянно навѣдываются сюда, угощая ихъ мороженымъ, прохладительными и болтовней; разряженныя красавицы киваютъ въ отвѣтъ; нѣкоторыя принесли съ собой карточки и булавки и отмѣчаютъ проколами „Да“ и „Нѣтъ“, какъ при игрѣ Rouge-et-Noir. Выше царитъ Mère Duchesse со своими ненарумяненными амазонками; она не можетъ удержаться отъ протяжныхъ га—га! когда подается голосъ не за смерть. Въ галлереяхъ закусываютъ, пьютъ вино и водку, „какъ въ открытой тавернѣ, en pleine tabagie“. Во всѣхъ сосѣднихъ кофейняхъ держатся пари. Но въ залѣ конвента, уже на всѣхъ лицахъ выражаются усталость, нетерпѣніе, крайнее переутомленіе; лица оживляются только изрѣдка, при новомъ оборотѣ игры. Нѣкоторые члены засыпаютъ; пристава ходятъ и будятъ ихъ, когда имъ надо голосовать; другіе члены разсчитываютъ, не успѣютъ ли они сбѣгать пообѣдать. Фигуры поднимаются, какъ призраки блѣдные, въ тускломъ свѣтѣ лампъ, и говорятъ съ этой трибуны только одно слово: Смерть. „Tout est optique“, говоритъ

Мерсье, „весь міръ представляетъ оптическую тѣнь [1])". Поздно ночью въ четвергъ, когда голосованіе кончено, и секретари подсчитываютъ голоса, больной Дюшатель, больше всѣхъ похожій на призракъ, является, несомый на стулѣ, завернутый въ одѣяла, „въ халатѣ и въ ночномъ колпакѣ", и вотируетъ за помилованіе: вѣдь, и одинъ голосъ можетъ перетянуть чашку вѣсовъ.

Нѣтъ! Среди глубочайшаго молчанія, президентъ Верніо, полнымъ скорби голосомъ принужденъ сказать: „Заявляю отъ имени конвента, что наказаніе, къ которому присужденъ Людовикъ Капетъ, есть—смерть". Смертная казнь присуждена незначительнымъ большинствомъ пятидесяти трехъ голосовъ. Мало того, если мы откинемъ съ одной стороны двадцать шесть голосовъ, сказавшихъ: смерть, но связавшихъ съ нею слабое ходатайство о помилованіи, и прибавимъ ихъ къ противной сторонѣ, то получится большинство всего одного голоса.

— Итакъ, приговоръ гласитъ: Смерть! Но какъ онъ будетъ приведенъ въ исполненіе? Онъ еще не исполненъ! Едва объявленъ результатъ голосованія, какъ входятъ трое защитниковъ Людовика съ протестомъ отъ его имени и съ просьбой объ отсрочкѣ для обращенія къ народу. Дезезъ и Тронше ходатайствуютъ объ этомъ въ краткихъ, краснорѣчивыхъ словахъ, а старый Малербъ ходатайствуетъ съ краснорѣчивымъ отсутствіемъ краснорѣчія, прорывающимися фразами, съ волненіемъ и рыданіями; благородный старецъ съ его сѣдой энергіей, смѣлымъ умомъ и честностью, не въ силахъ справиться со своими чувствами и заливается нѣмыми слезами [2]). Обращеніе къ народу отвергается, такъ какъ объ этомъ уже состоялось постановленіе. Что же касается до отсрочки, которую они называютъ Sursis, то это будетъ подвергнуто обсужденію и поставлено на голосованіе завтра: сейчасъ засѣданіе закрывается. Въ отвѣтъ на это, патріоты съ горы „свистятъ"; но деспотическое „большинство" такъ рѣшило, и засѣданіе откладывается.

Значитъ, еще четвертое голосованіе, ворчитъ негодующій патріотизмъ, а потомъ еще, Богъ вѣсть, сколько другихъ, и всякихъ отсрочекъ, и все дѣло будетъ оставаться въ неопредѣленности! И при каждомъ новомъ голосованіи эти іезуиты-жирондисты, даже тѣ, кто голосовалъ за смерть, будутъ стараться найти какую нибудь лазейку! Патріотизмъ стоитъ на стражѣ и неистовствуетъ. Одно деспотическое закрытіе засѣданія уже было, а теперь еще и другое, въ полночь, подъ предлогомъ усталости;—вся пятница проходитъ въ колебаніяхъ, въ торгованьи, въ пересчетѣ голосовъ, который оказался правильнымъ, какъ и былъ! Патріоты ревутъ все громче; отъ долгаго ожиданія они впали почти въ бѣшенство, и глаза ихъ налились кровью.

„Отсрочка: да или нѣтъ?" — вопросъ этотъ голосуется въ субботу, весь день и всю ночь. Нервы у всѣхъ истощены, всѣ сердца въ отчаяніи; наконецъ-то дѣло близится къ концу. Верніо, несмотря на ревъ, осмѣливается сказать: да, отсрочка, хотя голосовалъ за смерть. Филиппъ Эгалите, по душѣ и совѣсти, говоритъ: нѣтъ. Слѣдующій, поднимающійся на трибуну членъ говоритъ: „Разъ Филиппъ говоритъ нѣтъ, я, съ своей стороны, говорю: Да, moi je dis Oui". Вѣсы продолжаютъ колебаться. Наконецъ, въ три часа утра, въ воскресенье, президентъ объявляетъ: Отсрочка отвергнута большинствомъ семидесяти голосовъ: Смерть въ двадцать четыре часа!

Министръ юстиціи Гара долженъ отправиться въ Тампль съ этой мрачной вѣстью; онъ нѣсколько разъ восклицаетъ: „Quelle commission affreuse! Какое ужасное порученіе!" [3]) Людовикъ проситъ духовника и еще три дня жизни, чтобы приготовиться къ смерти. Духовника разрѣшаютъ; три дня и всякія отсрочки отвергаются.

---

[1]) Mercier, Nouveau Paris, VI, 156—9; Montgaillard, III, 348—87; Moore и т. п.

[2]) Moniteur (Hist. Parl. XXIII, 210). См. Boissy d'Anglas, Vie de Malesherbes, II, 139.

[3]) Biographie des Ministres, 157.

рыданія принцессъ усиливались и продолжались нѣсколько минутъ; потомъ король опять начиналъ говорить“ [1]). Итакъ, наше свиданье и наше разставанье кончаются! Конецъ огорченіямъ, которыя мы причиняли другъ другу; конецъ жалкимъ радостямъ, которыя мы вѣрно дѣлили; конецъ всей нашей любви и страданіямъ и всѣмъ нашимъ суетнымъ земнымъ трудамъ! Добрая душа, я никогда болѣе, никогда во вѣки, не увижу тебя!—Никогда!—Читатель, знакомъ ли тебѣ жестокій смыслъ этого слова?

Агонія эта продолжается около двухъ часовъ, потомъ они отрываются другъ отъ друга. „Обѣщай, что ты еще увидишься съ нами завтра“. Онъ обѣщаетъ:—О, да, да; еще разъ; а теперь идите, милые, любимые; молите Бога за себя и за меня! Тяжелая сцена кончилась; онъ не увидитъ ихъ завтра. Проходя по передней, королева взглянула на стоящихъ на стражѣ муниципальныхъ церберовъ и, съ женской несдержанностью, воскликнула сквозь слезы: „Vous êtes tous des scélérats“! Всѣ вы злодѣи!

Король Людовикъ крѣпко спалъ до пяти часовъ утра, когда Клери, согласно его приказанію, разбудилъ его. Клери причесалъ его; въ это время Людовикъ снялъ съ часовъ кольцо и съ трудомъ надѣлъ его на палецъ; это было его обручальное кольцо, которое онъ хотѣлъ вернуть королевѣ въ видѣ нѣмого прощальнаго привѣта. Въ половинѣ седьмого онъ причастился и продолжалъ молиться и бесѣдовать съ аббатомъ Эджвортомъ. Онъ не хочетъ видѣть свою семью, это было бы слишкомъ тяжело.

Въ восемь часовъ входятъ члены муниципалитета: король передаетъ имъ свое завѣщаніе, порученія и вещи, которыя они сначала грубо отказываются принять; потомъ даетъ имъ свертокъ золотыхъ, сто двадцать пять луидоровъ: ихъ нужно возвратить Малербу, который одолжилъ ему ихъ. Въ девять часовъ Сантерръ говоритъ: пора. Король проситъ позволенія удалиться еще на три минуты. По прошествіи трехъ минутъ, Сантерръ повторяетъ, что пора. „Топнувъ правой ногой о полъ, Людовикъ отвѣчаетъ: „Partons, ѣдемъ“. — Какъ отдается, сквозь бастіоны и укрѣпленія Тампля, бой барабановъ въ сердцѣ царственной жены, которая скоро останется вдовой! Значитъ онъ ушелъ, не повидавшись съ нами? Королева, сестра короля и его дѣти горько плачутъ. Надъ всѣми ими также паритъ смерть: всѣ погибнутъ ужаснымъ образомъ, за исключеніемъ одной, — герцогини Ангулемской, которая останется жить, но не на счастье.

У воротъ Тампля слышатся нѣсколько слабыхъ криковъ: „Grace! Grace!“ Можетъ быть, то были голоса сострадательныхъ женщинъ. На остальныхъ улицахъ царитъ гробовая тишина. Не допускается ни одинъ невооруженный человѣкъ; вооруженные, если даже и испытываютъ состраданье, не смѣютъ выражать его, потому что каждый страшится своихъ сосѣдей. Всѣ окна закрыты, изъ нихъ никто не смотритъ. Всѣ лавки заперты. Въ это утро, по этимъ улицамъ не проѣзжаетъ никакихъ экипажей, кромѣ одного. Восемьдесятъ тысячъ вооруженныхъ людей стоятъ рядами, подобно вооруженнымъ статуямъ; стоятъ пушки, канониры съ зажженными фитилями, но безъ словъ, безъ движенія: это городъ, чарами превращенный въ безмолвіе и камень; единственный звукъ—это громыханье медленно катящагося экипажа. Людовикъ читаетъ по молитвеннику молитвы умирающихъ; громыханье кареты, этотъ похоронный маршъ, проникаетъ въ его ухо, среди великой тишины: но мысль тщетно пытается обратиться къ небу и забыть землю.

Часы бьютъ десять; взгляните на Площадь Революціи, нѣкогда Площадь Людовика Пятнадцатаго: около стараго пьедестала, на которомъ когда то стояла статуя этого короля, теперь возвышется гильотина! На далекое разстояніе вокругъ, все покрыто пушками и вооруженными людьми; позади тѣснятся зрители; Орлеанъ Эгалите пріѣхалъ въ кабріолетѣ. Быстрые гонцы, hoquetons,

[1]) Разсказъ Клери (Лондонъ 1798) приводится у Вебера, III, 312.

спѣшатъ каждыя три минуты въ городскую ратушу; неподалеку засѣдаетъ конвентъ,—мстящій за Лепеллетье. Не обращая ни на что вниманія, Людовикъ продолжаетъ читать молитвы умирающихъ,—онъ кончаетъ ихъ еще черезъ пять минутъ; тогда экипажъ открывается. Въ какомъ настроеніи осужденный? Десять различныхъ свидѣтелей даютъ на этотъ счетъ десять различныхъ показаній. Теперь, когда онъ прибылъ къ черному Мальстрему и пучинѣ Смерти, въ немъ борются всѣ настроенія: скорбь, негодованіе, покорность, старающаяся быть покорной. „Позаботьтесь о г. Эджвортѣ", коротко поручаетъ онъ сидящему съ нимъ офицеру и затѣмъ оба выходятъ изъ экипажа.

Барабаны бьютъ: „Taisez vous, Замолчите" кричитъ король „страшнымъ голосомъ (d'une voix terrible)". Онъ всходитъ на эшафотъ, не безъ замедленія; на немъ коричневый камзолъ, сѣрые панталоны, бѣлые чулки. Онъ снимаетъ камзолъ и остается въ бѣломъ фланелевомъ жилетѣ съ рукавами. Палачи подходятъ къ нему, чтобы связать его, онъ отталкиваетъ ихъ и противится; аббатъ Эджвортъ вынужденъ напомнить ему, что Спаситель, въ котораго вѣруютъ люди, покорился и далъ себя связать. Руки короля связаны, голова обнажена: роковая минута наступила. Онъ подходитъ къ краю эшафота, „съ очень краснымъ лицомъ", и говоритъ: „Французы, я умираю безвинно: говорю вамъ это съ эшафота, готовясь предстать передъ Богомъ. Я прощаю своихъ враговъ; желаю, чтобы Франція..." Генералъ на конѣ, Сантерръ или какой другой, выскакиваетъ впередъ съ поднятой рукой: „Tambours!" Барабаны заглушаютъ голосъ осужденнаго. „Палачи, исполняйте свою обязанность!" Палачи, опасаясь быть убитыми сами (если они не сдѣлаютъ того, что имъ приказано, то Сантерръ и его вооруженные ряды бросятся на нихъ), хватаютъ несчастнаго Людовика: на эшафотѣ происходитъ отчаянная борьба одного противъ шестерыхъ и его привязываютъ наконецъ къ доскѣ. Аббатъ Эджвортъ, нагнувшись, напутствуетъ его: „Сынъ Святого Людовика, отъиди на небо!" Топоръ падаетъ: жизнь короля пресѣклась. Это происходитъ въ понедѣльникъ, 21 января 1793 г. Королю было тридцать восемь лѣтъ, четыре мѣсяца и двадцать восемь дней [1]).

Палачъ Самсонъ показываетъ голову, дикій крикъ „Vive la République!" разносится, все усиливаясь; машутъ шляпами, фуражками, поднятыми на штыки; студенты изъ коллегіи четырехъ націй подхватываютъ этотъ крикъ на набережной, и онъ разносится по всему Парижу. Орлеанъ уѣзжаетъ въ своемъ кабріолетѣ; совѣтники городской ратуши потираютъ руки, говоря: „Кончено, кончено?" Кровью короля смачиваютъ носовые платки, концы пикъ. Палачъ Самсонъ,—хотя впослѣдствіи онъ отрицалъ это [2]) -продаетъ пряди его волосъ; кусочки коричневаго камзола долго еще носятъ въ кольцахъ [3]). Такимъ образомъ, въ какіе нибудь полчаса все сдѣлано, и толпа вся разошлась. Пирожники, продавцы кофе и молока выкрикиваютъ свои обычные ежедневные возгласы. Въ этотъ вечеръ, говоритъ Прюдоммъ, патріоты въ кофейняхъ пожимали другъ другу руки сердечнѣе обыкновеннаго. И только черезъ нѣсколько дней, по словамъ Мерсье, обыватели поняли, какое серьезное дѣло эта казнь.

Безспорно, это дѣло серьезное, и не останется безъ послѣдствій. На слѣдующее утро Роланъ, давно уже по горло сытый огорченіями и отвращеніемъ, подаетъ въ отставку. Отчеты его всѣ готовы, точно переписаны чернымъ по бѣлому до послѣдняго сантима; онъ желаетъ только, чтобы ихъ приняли, чтобы затѣмъ удалиться подальше, во мракъ, въ деревню, къ своимъ книгамъ. Но отчеты никогда не будутъ приняты, и онъ никогда не удалится туда.

Роланъ подалъ въ отставку во вторникъ. Въ четвергъ происходятъ похороны Лепелльтье Сенъ-Фаржо и помѣщеніе его останковъ въ Пантеонѣ Вели-

---

[1]) Газеты, муниципальные акты и пр. (Hist. Parl. XXIII, 298 — 349); Deux Amis IX 369—373; Mercier, Nouveau Paris III, 3—8.

[2]) Письмо его въ газетахъ (Hist. Parl., ubi supra).

[3]) Forster's Briefwechsel. I, 473.

КНИГА III.

Жирондисты.

ГЛАВА I.

Причина и дѣйствіе.

Огромное революціонное движеніе, которое мы сравниваемъ съ взрывомъ ада и преисподней, смело королевскую власть, аристократію и жизнь короля. Теперь вопросъ заключается въ томъ, что оно сдѣлаетъ въ ближайшемъ будущемъ, въ какую форму оно выльется? Сформируется ли оно въ царство законности и свободы, согласно съ привычками, убѣжденіями и стараніями образованныхъ, состоятельныхъ, уважаемыхъ классовъ? То есть взорвется ли выбившійся описаннымъ образомъ вулканическій потокъ лавы и потечетъ ли согласно формулѣ жирондистовъ и предустановленнымъ законамъ философіи? Благо нашимъ друзьямъ-жирондистамъ, если это будетъ такъ.

Однако, не правдоподобнѣе ли предположить, что теперь, когда не осталось никакой внѣшней силы, королевской или иной, которая могла бы контролировать это движеніе, оно пойдетъ своимъ собственнымъ путемъ, и, вѣроятно, весьма своеобразнымъ? И далѣе, что руководительства имъ достигнутъ человѣкъ или люди, лучше всего понимающіе внутреннія его тенденціи, и которые сумѣютъ дать имъ выраженіе и дѣйственное осуществленіе? Наконецъ, какъ движеніе, по самой природѣ своей лишенное порядка, возникшее внѣ и ниже предѣловъ порядка, не должно ли оно дѣйствовать и развиваться, не какъ нѣчто упорядоченное, а какъ хаосъ, разрушительно и само-истребительно, до тѣхъ поръ, пока не появится нѣчто, заключающее въ себѣ порядокъ, и достаточно сильное, чтобы снова подчинить себѣ это движеніе? Можно также предположить, что это нѣчто будетъ не формулой, съ философскими предложеніями и судебнымъ краснорѣчіемъ, а дѣйствительностью, и, быть можетъ, съ мечомъ въ рукѣ!

Что касается до формулы жирондистовъ, предлагающей почтенную республику для среднихъ классовъ теперь, когда всякія аристократіи достаточно разгромлены, то мало основаній ожидать, чтобы дѣло остановилось на этомъ. Свобода, Равенство и Братство—таковъ выразительный, пророческій лозунгъ. Можетъ ли быть осуществленіемъ ихъ республика для почтенныхъ, умытыхъ среднихъ классовъ? Главными двигателями французской революціи, какъ всегда будетъ при подобныхъ революціяхъ и во всѣхъ странахъ, были голодъ, нагота и тяжелый кошмарный гнетъ, давившій двадцать пять милліоновъ существъ, а не оскорбленныя самолюбія или спорныя воззрѣнія философствующихъ адвокатовъ, богатыхъ лавочниковъ и земельнаго дворянства. Фео-

дальныя Fleurs-de-lys сдѣлались изъ рукъ вонъ плохимъ походнымъ знаменемъ, и должны были быть разорваны и истоптаны; но денежный мѣшокъ Маммона (ибо въ тѣ времена „почтенная республика для среднихъ классовъ“ означала именно это) еще хуже. Въ сущности, это, дѣйствительно, самое худшее и низменное изъ всѣхъ знаменъ и символовъ власти среди людей; и оно возможно только во времена общаго атеизма и невѣрія по отношенію ко всему, за исключеніемъ грубой силы и чувственности; гордость происхожденіемъ, чиновная гордость, и всякая иная, лучше гордости кошелькомъ. Свобода, Равенство, Братство—санкюлоты будутъ искать этихъ вещей не въ денежномъ мѣшкѣ, а въ другомъ мѣстѣ.

Поэтому мы говоримъ, что революціонная Франція, лишенная контроля извнѣ, лишенная высшаго порядка внутри, превратится въ одно изъ самыхъ бурныхъ зрѣлищъ, когда либо видѣнныхъ на землѣ, и котораго не сможетъ регулировать никакая жирондистская формула. Это—неизмѣримая сила, составленная изъ многихъ, разнородныхъ соединимыхъ и несоединимыхъ силъ. Говоря болѣе ясными словами, Франція неминуемо должна раздѣлиться на партіи, изъ которыхъ каждая будетъ стараться пріобрѣсти власть; отсюда возникнутъ противорѣчія, ожесточеніе, и одна партія за другой будутъ приходить къ убѣжденію, что онѣ не могутъ не только дѣйствовать совмѣстно, но и совмѣстно существовать.

Что касается до числа партій, то, строго говоря, партій будетъ столько же, сколько мнѣній. Согласно этому правилу, въ самомъ національномъ конвентѣ, не говоря уже о Франціи вообще, число партій дожно быть семьсотъ сорокъ девять, ибо каждая единица имѣетъ свое собственное мнѣніе. Но такъ какъ каждая единица имѣетъ въ то же время индивидуальную натуру, или потребность идти собственнымъ путемъ, и общественную натуру, или потребность видѣть себя идущею бокъ о бокъ съ другими,—то, что тутъ можетъ образоваться, кромѣ разложенія, опрометчивости, безконечной сумятицы притяженій и отталкиваній, пока, наконецъ, главный элементъ не окрѣпнетъ и дикое алхимическое броженіе не уляжется?

Однако, до семисотъ сорока девяти партій не доходила ни одна нація. Въ дѣйствительности же никогда не бывало многимъ больше двухъ партій сразу;—такъ непобѣдима въ человѣкѣ потребность къ единенію, при всѣхъ его тоже непобѣдимыхъ стремленіяхъ къ разъединенію! Обычно бываетъ, говоримъ мы, двѣ партіи единовременно: когда борятся эти двѣ партіи, всѣ меньшіе оттѣнки партій соединяются подъ сѣнью наиболѣе подходящей къ нимъ по цвѣту; когда же одна изъ двухъ побѣдитъ другую, то она, въ свою очередь, раздѣляется, сама себя разрушая; и, такимъ образомъ, процессъ продолжается, сколько понадобится. Таково теченіе революцій, возникающихъ подобно французской, когда такъ называемыя общественныя узы разрываются, и всѣ законы, являющіеся не законами природы, превращаются въ ничто, оставаясь лишь простыми формулами.

Но оставимъ эти нѣсколько отвлеченныя соображенія и предоставимъ исторіи разсказать намъ о конкретной дѣйствительности, представляемой улицами Парижа въ понедѣльникъ 25 февраля 1793 года. За долго до разсвѣта въ это утро, улицы были шумны и озлоблены. Довольно было петицій, довольно обращались съ просьбами къ конвенту. Только вчера приходила депутація прачекъ съ петиціей, жалуясь, что нельзя получить даже мыла, не говоря уже о хлѣбѣ и приправахъ къ хлѣбу. Крикъ женщинъ жалобно раздавался вокругъ зала манежа: „Du pain et du savon! Хлѣба и мыла“ [1]).

А теперь, съ шести часовъ утра въ этотъ понедѣльникъ, можно замѣтить, что хвосты возлѣ булочныхъ необыкновенно велики и озлобленно волнуются. Не одни уже булочники, но по два комиссара отъ секцій, съ трудомъ справ-

---

[1]) Moniteur (Hist. Parl. XXIV, 332—348).

ляются съ ежедневной раздачей порцій. Булочникъ и комиссары вѣжливы и предупредительны въ это раннее утро, при свѣчахъ, и однако блѣдная холодная февральская заря занимается надъ сценой, не обѣщающей ничего хорошаго. Возмущенныя патріотки, частью уже снабженныя хлѣбомъ, устремляются къ лавкамъ, заявляя, что желаютъ получить и бакалейныхъ товаровъ. Бакалейныхъ товаровъ много: бочки съ сахаромъ выкатываются на улицу, гражданки-патріотки отвѣшиваютъ сахаръ по справедливой цѣнѣ въ одиннадцать пенсовъ за фунтъ; то же самое происходитъ съ ящиками съ кофе, мыломъ, корицей и гвоздикой, съ aqua vitae и другими спиртными напитками,—все по справедливой цѣнѣ, которой нѣкоторые не уплачиваютъ; блѣдный бакалейщикъ безмолвно ломаетъ руки. Что дѣлать? Распредѣляющія товаръ citoyennes несдержанны въ словахъ и жестахъ, ихъ длинные волосы висятъ космами, какъ у эвменидъ; за поясами ихъ торчатъ даже пистолеты, а у нѣкоторыхъ, говорятъ, видны даже бороды—это патріоты въ юбкахъ и ночныхъ чепчикахъ. И раздача эта кипитъ цѣлый день на улицѣ Ломбардовъ, Пяти Алмазовъ и большей части другихъ; ни муниципалитетъ, ни мэръ Пашъ, хотя онъ еще недавно былъ военнымъ министромъ, не высылаютъ войскъ, чтобы прекратить это, и до семи часовъ, или даже позже, ограничиваются только краснорѣчивыми увѣщаніями.

Въ понедѣльникъ, пять недѣль тому назадъ было 21-е января, и мы видѣли, что Парижъ, обезглавливая своего короля, стоялъ безгласно, подобно окаменѣвшему заколдованному городу; а теперь, въ этотъ понедѣльникъ, продавая сахаръ, онъ такъ шумитъ! Города, особенно города въ состояніи революціи, подвержены такимъ превращеніямъ; скрытыя теченія гражданскихъ дѣлъ и жизни кипятъ и шумятъ, представляя такимъ образомъ конкретное явленіе для глаза. Нелегко найти философскую причину и дѣйствіе этого явленія, когда интимное въ жизни людей дѣлается публичнымъ, выставляется на улицѣ. Каковы, напримѣръ, могутъ быть дѣйствительные философскіе смыслъ и значеніе этой продажи сахара? Откуда произошли и куда ведутъ событія, разыгрывающіяся на улицахъ Парижа?

Что въ этомъ замѣшанъ Питтъ, или золото Питта, это ясно для всякаго разумнаго патріота. Но тогда является вопросъ, кто же агенты Питта? Варле, апостола Свободы, недавно опять видѣли съ пикой и въ красномъ колпакѣ. Депутатъ Маратъ, жалуясь на горькую нужду и страданія народа, дошелъ, повидимому, до ярости и напечаталъ въ этотъ самый день въ своей газетѣ слѣдующее: „Если бы ваши права человѣка были чѣмъ нибудь, кромѣ клочка писанной бумаги, то ограбленіе нѣсколькихъ лавокъ, и одинъ или два барышника, повѣшенные на дверной притолокѣ, положили бы конецъ такому ходу вещей“ [1]. Развѣ это не ясныя указанія, говорятъ жирондисты? Питтъ подкупилъ анархистовъ; Маратъ агентъ Питта: отсюда и продажа сахара. Съ другой стороны, для якобинскаго клуба ясно, что нужда искусственная; это дѣло жирондистовъ и имъ подобныхъ, дѣло кучки людей, частью проданныхъ Питту и всецѣло преданныхъ своему личному честолюбію и жестокосердому педантству; они не хотятъ установить таксы на хлѣбъ, а педантически болтаютъ о свободной торговлѣ, потому что хотятъ толкнуть Парижъ на насилія и поссорить его съ департаментами: отсюда и продажа сахара.

Но что, если къ этимъ двумъ достопримѣчательностямъ—къ этому факту и теоріямъ его—мы прибавимъ еще третье? Вѣдь, французская нація, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вѣрила въ возможность, даже въ неизбѣжное и скорое наступленіе всемірнаго золотого вѣка царства Свободы, Равенства и Братства, въ которомъ человѣкъ человѣку будетъ братомъ, и горе и грѣхъ исчезнутъ съ земли. Нѣтъ хлѣба для ѣды, ни мыла для стирки, а царство полнаго счастія уже у порога, разъ Бастилія пала! Какъ горѣли наши сердца на праздникѣ Пикъ, когда братъ бросался на грудь къ брату, и въ

[1]) Hist. Parl. XXIV, 353—356.

свѣтломъ ликованіи двадцать пять милліоновъ разразились кликами и пушечнымъ дымомъ! Надежда наша была тогда ярка, какъ солнце: теперь она стала злобно красной, какъ пожирающій огонь. О, Боже, что за чары, что за дьявольское навожденіе дѣлаютъ то, что полное счастіе, которое такъ близко, что до его рукой подать, никогда, однако, нельзя схватить, а вмѣсто него получаются только раздоры и нужда? Одна шайка предателей за другой! Трепещите, измѣнники; бойтесь народа, называющагося терпѣливымъ, многострадальнымъ, онъ не можетъ всегда покоряться тому, чтобы у него вытаскивали такимъ путемъ изъ кармановъ Золотой вѣкъ!

Да, читатель, въ этомъ то и чудо. Изъ этого гнилостнаго мусора скептицизма, чувственности, сентиментальности, пустого маккіавелизма дѣйствительно выросла такая вѣра, пылающая въ сердцѣ народа. Цѣлый народъ, живущій въ глубокой невзгодѣ, проснувшись къ сознательности, вѣритъ, что онъ у предверія братскаго рая на землѣ. Онъ протягиваетъ руки, стремится обнять невыразимое и не можетъ сдѣлать это по извѣстнымъ причинамъ. Рѣдко бываетъ, чтобы про цѣлый народъ можно было сказать, что онъ имѣетъ какую нибудь вѣру, за исключеніемъ вѣры въ тѣ вещи, которыя онъ можетъ ѣсть и которыми можетъ дѣйствовать. А когда онъ получаетъ какую нибудь вѣру, то исторія его становится захватывающей, замѣчательной. Но съ того времени, когда вся вооруженная Европа разомъ содрогнулась при словѣ отшельника Петра и ринулась къ гробу, въ которомъ лежалъ Господь, не было сколько нибудь замѣтнаго всеобщаго импульса вѣры. Съ тѣхъ поръ, какъ смолкло протестанство, ни голосъ Лютера, ни барабанъ Жижки не возвѣщали болѣе, что Божья Правда не дьявольская ложь; съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній изъ камероніанцевъ (Ренвикъ было его имя; слава имени храбраго!) палъ, убитый на крѣпостномъ холмѣ въ Эдинбургѣ, среди націй не было даже частичнаго импульса вѣры, пока, наконецъ, вѣра не проснулась во французской націи. Въ этомъ, говоримъ мы, въ этой изумительной вѣрѣ ея, и заключается чудо. Это вѣра, несомнѣнно, самаго чудеснаго характера, даже среди другихъ вѣръ, и она воплотится въ чудеса. Она душа этого мірового чуда, называемаго французской революціей, передъ которой міръ до сихъ поръ исполненъ изумленія и трепета.

Впрочемъ, пусть никто не проситъ исторію объяснить посредствомъ изложенія причинъ и дѣйствій, какъ шло дѣло съ этихъ поръ. Борьба горы съ жирондой и все послѣдующее есть борьба фанатизма съ чудесами, причины и послѣдствія которой не поддаются объясненію. Шумъ этой борьбы представляется уму, какъ гулъ голосовъ обезумѣвшихъ людей; даже долго прислушиваясь и вникая, въ немъ различаешь мало членораздѣльного, а только шумъ сраженія, клики торжества, вопли отчаянія. Гора не оставила мемуаровъ; жирондисты оставили ихъ, но эти мемуары жиронды слишкомъ часто представляютъ не болѣе, какъ протяжные возгласы: „Горе мнѣ“ и „Будьте вы прокляты!“ Если исторія можетъ философски изобразить всѣ стадіи горѣнія зажженнаго брандера, она можетъ попытаться рѣшить и эту задачу. Здѣсь былъ слой горной смолы, тамъ слой сѣры, а вотъ въ какомъ направленіи проходила жила пороха, селитры, скипидара и порченнаго жира: это исторія могла бы отчасти знать, будь она достаточно любознательна. Но какъ всѣ эти вещества дѣйствовали и воздѣйствовали подъ деками, какъ одинъ слой огня воздѣйствовалъ на другой, благодаря собственной своей природѣ и искусству человѣка, теперь, когда всѣ руки въ яростномъ движеніи, и пламя лижетъ паруса и мачты, высоко взвиваясь надъ ними,—въ это пусть исторія и не пытается проникнуть.

Брандеръ этотъ—старая Франція, старая французская форма жизни; экипажъ его—цѣлое поколѣніе людей. Дико звучатъ ихъ крики и неистовства, похожіе на крики духовъ, мучимыхъ въ адскомъ огнѣ. Но развѣ они не отошли уже въ область прошлаго, читатель? Брандеръ и они сами, пугавшіе міръ, уплыли прочь; пламя его и его громы исчезли въ пучинѣ времени. Поэтому исторія сдѣлаетъ только одно: она пожалѣетъ людей, всѣхъ людей, ибо всѣхъ

постигла горькая доля. Даже зеленому, неподкупному не будетъ отказано въ состраданіи, въ нѣкоторомъ человѣколюбивомъ участіи, хотя это и потребуетъ усилія. А теперь, разъ такъ многое уже совершенно достигнуто, остальное пойдетъ легче. Въ глазахъ равнаго ко всѣмъ братскаго состраданія, безчисленныя извращенія разсѣиваются; преувеличенія и проклятія отпадаютъ сами собой. Стоя внимательно на безопасномъ берегу, мы смотримъ, не окажется ли чего нибудь для насъ интереснаго и къ намъ примѣнимаго.

ГЛАВА II.

Люди въ штанахъ и санкюлоты.

Гора и жиронда теперь въ полной ссорѣ; ихъ взаимное озлобленіе, говоритъ Тулонжонъ, превращается въ „блѣдную“ злобу. Замѣчательное, печальное явленіе: у всѣхъ этихъ людей на устахъ слово республика, въ сердцѣ каждаго изъ нихъ живетъ страстное желаніе чего-то, что онъ называетъ республикой: и, однако, посмотрите, какая между ними смертельная борьба! Такъ именно созданы люди. Они живутъ въ недоразумѣніи, и разъ судьба бросаетъ ихъ вмѣстѣ, недоразумѣнія ихъ могутъ дойти до крайностей, до раздоровъ, просто потому что недоразумѣнія ихъ различны или кажутся имъ различными! Слова людей—плохой показатель ихъ мыслей; даже мысль ихъ плохой показатель внутренней не называемой тайны, изъ которой рождаются и мысль, и дѣйствіе. Ни одинъ человѣкъ не можетъ объяснить себя, не можетъ быть объясненнымъ; люди видятъ не другъ друга, а искаженные призраки, которые они называютъ другъ другомъ; они ненавидятъ ихъ и борятся съ ними; ибо вѣрно сказано, что всякая борьба есть недоразумѣніе.

Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, сравненіе съ брандеромъ нашихъ бѣдныхъ братьевъ-французовъ, такихъ пламенныхъ и дѣйствующихъ тоже въ элементѣ огня, не лишено значенія. Обдумавъ его хорошенько, мы найдемъ въ немъ тѣнь истины. Человѣкъ, опрометчиво предавшійся республиканскому или иному трансцендентализму и борющійся фанатично среди такой же фанатичной націи, становится какъ бы окутаннымъ окружающей его атмосферой трансцендентальности и безумія: его индивидуальное я растворяется въ чемъ то, что не онъ и что чуждо ему, хотя и не отдѣлимо отъ него. Странно подумать, что платье, повидимому, облекаетъ того же самаго человѣка, а между тѣмъ человѣкъ не здѣсь, воля его не здѣсь, точно такъ же, какъ и источникъ его дѣлъ и мыслей; вмѣсто человѣка и его воли, передъ нами кусокъ фанатизма и фатализма, воплотившійся въ его образѣ. Онъ, злополучный воплощенный фанатизмъ, идетъ своимъ путемъ; никто не можетъ помочь ему, и самъ онъ меньше всѣхъ. Это удивительное, трагическое положеніе;—положеніе, которое языкъ человѣческій, не привыкшій имѣть дѣло съ такими вещами, такъ какъ предназначенъ для обихода обыденной жизни, старается изобразить фигурально. Матеріальный огонь не болѣе неукротимъ, чѣмъ огонь фанатизма, и хотя видимый для глазъ, онъ не болѣе реаленъ. Воля, въ своемъ увлеченіи, прорывается невольно, и въ то же время добровольно; движеніе свободныхъ человѣческихъ умовъ превращается въ яростный шквалъ фанатизма, слѣпой, какъ вѣтеръ; и гора и жиронда, придя въ сознаніе, одинаково удивляются, видя, куда онъ занесъ и бросилъ ихъ. Вотъ какимъ чудеснымъ образомъ люди могутъ дѣйствовать на людей; сознательное и безсознательное неисповѣдимо перемѣшано въ нашей неисповѣдимой жизни, и свободная воля окружена безконечной необходимостью.

Оружіемъ жирондистовъ служатъ: государственная философія, порядочность и краснорѣчіе. Послѣднее—можете назвать его риторикой—дѣйствительно, высшаго порядка. Верніо, напримѣръ, такъ красиво закругляетъ періоды, какъ ни одинъ изъ его современниковъ. Оружіе горы—оружіе чистой природы: смѣ-

лость и пылкость; онѣ могутъ превратиться въ свирѣпость, какъ у людей съ твердымъ убѣжденіемъ и рѣшимостью, которые въ извѣстномъ случаѣ должны, какъ сентябристы, или побѣдить, или погибнуть. Почва, за которую сражаются, есть популярность; искать ее можно или съ друзьми свободы и порядка, или же только съ друзьями свободы; съ тѣми и другими одновременно, къ несчастію, невозможно. У первыхъ, и вообще у департаментскихъ властей, у людей, читающихъ парламентскіе дебаты, почтенныхъ, миролюбивыхъ и состоятельныхъ, пользуются популярностью жирондисты. У крайнихъ же патріотовъ, у неимущихъ милліоновъ, особенно у парижскаго населенія, которое не столько читаетъ, сколько слышитъ и видитъ, жирондисты не имѣютъ успѣха и популярностью пользуется гора.

Въ эгоизмѣ и умственной низменности нѣтъ недостатка ни съ той, ни съ другой стороны; особенно же со стороны жирондистовъ, гдѣ инстинктъ самосохраненія, слишкомъ сильно развившійся благодаря обстоятельствамъ, играетъ весьма печальную роль, и гдѣ изрѣдка проявляется даже нѣкоторая хитрость, доходящая до увертокъ и обмана. Это люди искусные въ адвокатскомъ словопреніи. Ихъ прозвали іезуитами революціи [1]), но это слишкомъ жестокое названіе. Должно также признать, что эта грубая, шумливая гора сознаетъ, къ чему стремится революція, чего краснорѣчивые жирондисты совершенно не сознаютъ. Для того ли дѣлалась революція, для того ли сражались французы съ міромъ въ теченіе четырехъ тяжелыхъ лѣтъ, чтобы осуществилась какая то формула, чтобы общество сдѣлалось методическимъ, доказуемымъ логикой, и исчезло бы только старое дворянство съ его притязаніями? Или она должна была принести лучъ свѣта и облегченіе двадцати пяти милліонамъ, сидѣвшимъ въ потемкахъ и обремененнымъ налогами, пока они не поднялись съ пиками въ рукахъ? По крайней мѣрѣ, нельзя ли было думать, что она принесетъ имъ хотя хлѣбъ для пропитанія? И на горѣ, тутъ и тамъ у друга народа Марата, даже у неподкупнаго зеленаго, какъ онъ вообще ни сухъ и не формалистиченъ, имѣется искреннее сознаніе этого послѣдняго факта;—а, безъ этого сознанія, всякія другія сознанія представляютъ здѣсь ничто, и изысканнѣйшее краснорѣчіе не болѣе, какъ мѣдь звенящая и кимвалъ бряцающій. Съ другой стороны, жирондисты относятся очень холодно, очень покровительственно и несерьезно къ „нашимъ болѣе бѣднымъ братьямъ,—къ этимъ братьямъ“, которыхъ часто называютъ собирательнымъ именемъ „массы“, какъ будто они не люди, а кучи горючаго, взрывчатаго матеріала, для снесенія Бастилій. По чистой совѣсти, развѣ революціонеръ такого сорта не заблужденіе? Это существо, непризнанное ни природой, ни искусствомъ, заслуживающее только быть уничтоженнымъ и исчезнуть! Несомнѣнно, для нашихъ болѣе бѣдныхъ парижскихъ братьевъ, все это жирондистское покровительство звучитъ смертью и убійствомъ, и тѣмъ фальшивѣе, тѣмъ ненавистнѣе, чѣмъ красивѣе и чѣмъ неопровержимо логичнѣе оно высказывается.

Да, несомнѣнно, добиваясь популярности среди нашихъ болѣе бѣдныхъ парижскихъ братьевъ, жирондисту приходится вести трудную игру. Если онъ хочетъ склонить на свою сторону почтенныхъ лицъ въ провинціи, то онъ долженъ напирать на сентябрьскія событія и тому подобное, стало быть, говорить не въ пользу Парижа, въ которомъ онъ живетъ и ораторствуетъ. Трудно говорить передъ такой аудиторіей! Поэтому возникаетъ вопросъ: не переселиться ли намъ изъ Парижа? Попытка эта дѣлается два раза, или даже болѣе. Если не мы сами, думаетъ Гаде, то, по крайней мѣрѣ, наши Suppleans могли бы переселиться. Ибо каждый депутатъ имѣетъ своего suppleant или замѣстителя, который занимаетъ его мѣсто, въ случаѣ надобности: не могли ли бы они собраться, скажемъ, въ Буржѣ, мирномъ епархіальномъ городѣ; или въ мирномъ Берри, въ добрыхъ сорока миляхъ отсюда? Въ этомъ случаѣ, какая польза

[1]) Dumouriez, Mémoires, III, 314.

была бы для парижскихъ санкюлотовъ оскорблять насъ, когда наши замѣстители, къ которымъ мы можемъ бѣжать, будутъ мирно засѣдать въ Буржѣ? Да, Гаде думаетъ, что даже съѣзды избирателей можно было бы созвать вновь, и выбрать новый конвентъ, съ новыми мандатами отъ державнаго народа; и Ліонъ, Бордо, Руанъ, Марсель, до сихъ поръ простые провинціальные города, были бы очень рады привѣтствовать насъ въ свою очередь и превратиться въ своего рода столицы, да кстати и поучить этихъ парижанъ уму-разуму.

Прекрасные планы; но всѣ они не удаются! Если сегодня, подъ вліяніемъ пылкихъ краснорѣчивыхъ доказательствъ, они утверждаются, то завтра отмѣняются съ криками и страстными комментаріями [1]). Стало быть, вы, жирондисты, хотите раздробить насъ на отдѣльныя республики, вродѣ швейцарцевъ, или вашихъ американцевъ, такъ, чтобы не было больше, ни метрополіи, ни нераздѣльной французской націи? Ваша департаментская гвардія, повидимому, къ тому и клонилась? Федеративная республика? Федералисты? Мужчины и вяжущія женщины повторяютъ Fédéraliste, понимая или не понимая значеніе этого слова; но повторяютъ его, какъ обычно въ такихъ случаяхъ, пока смыслъ его не станетъ почти магическимъ, и не начнутъ обозначать имъ тайну всякой несправедливости; слово Fédéraliste становится своего рода заклинаніемъ и Apage-Satanas. Но, подумайте, какая „отрава общественнаго мнѣнія“ распространяется въ департаментахъ этими газетами Бриссо, Горза, Карита-Кондорсе. А затѣмъ, какое еще худшее противоядіе преподносятъ газета Гебера Pére Duchesne, самая пошлая изъ когда либо издававшихся на землѣ, газета Жоффруа Rougiff, „зажигательные листки Марата“! Не разъ, вслѣдствіе поданной жалобы и возникшаго волненія, постановлялось, что нельзя одновременно быть законодателемъ и издателемъ газеты; что нужно выбирать ту или другую изъ этихъ функцій [2]). Но и это,—что, дѣйствительно, мало помогло бы,—отмѣняется или обходится, и остается только благочестивымъ пожеланіемъ.

Между тѣмъ, посмотрите, вы, національные представители, вѣдь, между друзьями порядка и друзьями свободы всюду поднялось раздраженіе и соперничество, заражающія лихорадкой всю республику! Департаменты, провинціальные города возбуждены противъ столицы; богатые противъ бѣдныхъ, люди въ штанахъ противъ санкюлотовъ; человѣкъ противъ человѣка. Изъ южныхъ городовъ приходятъ адреса почти обвинительнаго характера, потому что Парижъ долго подвергался газетной клеветѣ. Бордо съ пафосомъ требуетъ законности и порядочности, подразумѣвая жирондистовъ. Марсель также съ пафосомъ требуетъ того же. Отъ Марсели получаются даже два адреса: одинъ жирондистскій, другой – якобинско-санкюлотскій. Пылкій Ребекки, заболѣвшій отъ работы въ конвентѣ, уступилъ мѣсто своему замѣстителю и уѣхалъ домой, гдѣ тоже, при такихъ раздорахъ, много работы, отъ которой можно заболѣть.

Ліонъ, городъ капиталистовъ и аристократовъ, находится въ еще худшемъ состояніи, почти въ возстаніи. Городской совѣтникъ Шалье, якобинецъ, дошелъ буквально до кинжаловъ, въ спорѣ съ мэромъ Ніевръ-Шолемъ, moderantin, однимъ изъ умѣренныхъ, можетъ быть, аристократическихъ, роялистскихъ, или федералистскихъ мэровъ! Шалье, совершившій паломничество въ Парижъ, „посмотрѣть на Марата и гору“, воспламинился отъ священной урны: ибо 6-го февраля, исторія или молва видѣла, какъ онъ взывалъ къ своимъ ліонскимъ братьямъ-якобинцамъ, совершенно трансцендентальнымъ образомъ, съ обнаженнымъ кинжаломъ въ рукѣ; онъ совѣтовалъ (говорятъ) простой сентябрьскій способъ, такъ какъ терпѣніе истощилось, и братья-якобинцы должны бы сами экспромптомъ приняться за гильотину! Его можно еще видѣть на рисункахъ: онъ стоитъ на столѣ, вытянувъ ногу, изогнувъ корпусъ, лысое, грубое, разъяренное лицо собачьяго типа, съ покатымъ лбомъ, вылѣзающими изъ орбитъ глазами,

---

[1]) Moniteur, 1793, № 140.

[2]) Hist. Parl. XXV, 25.

въ мощной правой рукѣ поднятый кинжалъ, или кавалерійскій пис[illegible], какъ изображаютъ нѣкоторые; внизу, вокругъ него пылаютъ дру[illegible]ачьи лица:— это человѣкъ, который едва ли хорошо кончитъ! Однако, гильотина не была поставлена экспромптомъ, въ тотъ же день „на мосту Сенъ-Клеръ", или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а продолжала ржавѣть на своемъ чердакѣ [1]). Ніевръ-Шоль явился съ войсками, безтолково погремѣлъ пушками, и „девятьсотъ заключенныхъ" не получили ни щелчка. Вотъ какъ безпокоенъ сталъ Ліонъ, съ его громыхающими пушками. Туда немедленно нужно отправить комиссаровъ конвента: удастся ли имъ внести успокоеніе и оставить гильотину на чердакѣ?

Наконецъ, обратите вниманіе, что при такихъ безумныхъ раздорахъ въ южныхъ городахъ и во Франціи вообще, едва ли предательскій классъ тайныхъ роялистовъ не притаился на сторожѣ и не выжидаетъ, готовый напасть въ удобную минуту. Вдобавокъ, все нѣтъ ни хлѣба, ни мыла; патріотки распродаютъ сахаръ по справедливой цѣнѣ въ двадцать два су за фунтъ! Граждане представители, было бы по истинѣ очень хорошо, чтобы ваши ссоры кончились и началось царство полнаго благополучія.

ГЛАВА III.

Положеніе обостряется.

Вообще нельзя сказать, чтобы жирондисты измѣняли себѣ, насколько у нихъ хватаетъ доброй воли. Они усердно колятъ въ больныя мѣста горы, изъ принципа, а также и изъ іезуитства.

Кромѣ сентябрьскихъ избіеній, изъ которыхъ теперь мало, что можно сдѣлать, за исключеніемъ волненій, мы замѣчаемъ два больныхъ мѣста, отъ которыхъ гора часто страдаетъ: это—Маратъ и Эгалите. Неопрятный Маратъ постоянно подвергается нападкамъ, и лично, и за гору; его показываютъ Франціи, какъ грязное, кровожадное чудовище, подстрекавшее къ грабежу лавокъ, и слава этого дѣла пусть падетъ на гору! Гора не въ духѣ и ропщетъ: что ей дѣлать съ этимъ максимумомъ патріотизма: признавать, или не признавать его? Что касается до самого Марата, то онъ, со своей навязчивой идеей, неуязвимъ для такихъ вещей; значеніе Друга Народа даже замѣтно растетъ по мѣрѣ того, какъ поднимается дружественный ему народъ. Теперь уже не кричатъ, когда онъ начинаетъ говорить, иногда даже рукоплещутъ, и это поощреніе придаетъ ему увѣренности. Въ тотъ день, когда жирондисты предложили издать „декретъ о преданіи его суду (décréter d'accusation, какъ они выражаются) за февральскую статью о „повѣшеніи одного или двухъ скупщиковъ на дверныхъ притолокахъ", Маратъ предложилъ издать „декретъ о признаніи ихъ безумными" и, сходя по ступенькамъ трибуны, произнесъ въ высшей степени не парламентскія слова: „Les cochons, les imbécilles, свиньи, болваны". Онъ часто выкаркиваетъ ѣдкіе сарказмы, потому что у него дѣйствительно жесткій шершавый языкъ и глубокое презрѣніе къ изящной внѣшности; а одинъ или два раза онъ даже смѣется, „разражается хохотомъ, rit aux éclats" надъ манерностью и утонченными пріемами жирондистовъ, „этихъ государственныхъ мужей", съ ихъ педантствомъ, благовидностями и трусостью. „Два года", говоритъ онъ, „вы хныкали о нападеніяхъ, заговорахъ и опасностяхъ со стороны Парижа, а вѣдь не можете показать на себѣ ни одной царапинки" [2]). Дантонъ изрѣдка сердито пробираетъ его, но Маратъ остается по прежнему максимумомъ патріотизма, котораго нельзя ни признать, ни отвергнуть!

---

[1]) Hist. Parl. XXIV, 385—93; XXVI, 229.

[2]) Moniteur, Seance du 20 mai 1793.

Второе больное мѣсто горы—это ненормальный монсеньёръ Эгалите, принцъ Орлеанскій. Посмотрите на этихъ людей, говоритъ жиронда, съ бывшимъ принцемъ Бурбонскимъ въ ихъ средѣ: это креатуры Орлеанской партіи; они хотятъ сдѣлать Филиппа королемъ; не успѣли гильотинировать одного короля, какъ на его мѣсто готовъ уже другой! Изъ принципа и изъ іезуитства, жирондисты предложили—Бюзо предлагалъ уже давно,—чтобы вся раса Бурбоновъ была изгнана съ почвы Франціи, и этотъ принцъ Эгалите вмѣстѣ съ другими. Предложенія эти производятъ нѣкоторое впечатлѣніе на публику, и гора въ смущеніи, не знаетъ, что дѣлать.

А что дѣлать самому бѣдному Орлеану-Эгалите? Вѣдь, можно пожалѣть даже и его? Непризнаваемый ни одной партіей, всѣми отвергаемый и толкаемый туда и сюда,—въ какой уголокъ природы можетъ онъ пристать теперь съ нѣкоторыми видами на успѣхъ? Осуществимой надежды для него не остается; неосуществимая надежда, съ блѣднымъ сомнительнымъ сіяніемъ, можетъ еще появляться изъ лагеря Дюмурье, но скорѣе запутывая, чѣмъ подбодряя или освѣщая. Если не разрушенный временемъ Орлеанъ Эгалите, то, можетъ быть, молодой, не изношенный Шартръ Эгалите можетъ сдѣлаться своего рода королемъ? Защищенный, если это можетъ быть защитой, въ ущельяхъ горы, бѣдный Эгалите будетъ ждать: одно прибѣжище онъ имѣетъ въ якобинцахъ, другое—въ Дюмурье и въ контръ-революціи,—развѣ это уже не два шанса? Однако, говоритъ г-жа Жанлисъ, взоръ его сталъ пасмуренъ, на него грустно смотрѣть. Силлери, мужъ Жанлисъ, который вертится около горы, но не на ней, тоже на плохомъ пути. Г-жа Жанлисъ на дняхъ пріѣхала изъ Англіи, изъ Бюри Сентъ Эдмондъ, въ Рэнси, вмѣстѣ со своей питомицей, мадмуазель Эгалите, по приказанію Эгалите-отца, изъ опасенія, чтобы мадмуазель не причислили къ эмигрантамъ и не обошлись съ нею сурово. Но дѣло оказывается запутаннымъ. Жанлисъ и ея воспитанница должны вернуться въ Нидерланды и ждать на границѣ недѣлю или двѣ, пока монсеньоръ, при помощи якобинцевъ, не распутываетъ его. „На слѣдующее утро", говоритъ г-жа Жанлисъ, „монсеньоръ угрюмѣе, чѣмъ когда либо, подалъ мнѣ руку, чтобы вести меня къ каретѣ. Я была очень разстроена, мадмуазель залилась слезами; отецъ ея былъ блѣденъ и дрожалъ. Когда я сѣла, онъ неподвижно стоялъ у дверцы кареты, устремивъ на меня глаза; его печальный, страдальческій взглядъ, казалось, молилъ о состраданіи;—„Adieu, Madame!" сказалъ онъ. Измѣнившійся звукъ его голоса совершенно лишилъ меня самообладанія; не будучи въ силахъ произнести ни слова, я протянула руку, онъ крѣпко сжалъ ее, потомъ отвернулся, быстро подошелъ къ почтальонамъ, подалъ имъ знакъ, и мы покатили" [1]).

Нѣтъ недостатка и въ примирителяхъ, изъ которыхъ мы отмѣтимъ также двухъ: одного, твердо установившагося на вершинѣ горы, другого—не установившагося еще нигдѣ: это Дантонъ и Барреръ. Изобрѣтательный Барреръ, бывшій членъ учредительнаго собранія и журналистъ, со склоновъ Пиренеевъ, одинъ изъ полезнѣйшихъ, въ своемъ родѣ, людей въ этомъ конвентѣ. Истина можетъ лежать на обѣихъ сторонахъ, на одной, или ни на какой; друзья мои, вы должны давать и брать; впрочемъ, всякаго успѣха побѣждающей сторонѣ! Таковъ девизъ Баррера. Онъ изобрѣтателенъ, почти геніаленъ, сообразителенъ, гибокъ, любезенъ,—словомъ, человѣкъ, который добьется успѣха. Едва ли самъ Духъ Лжи, въ собравшемся Пандемоніумѣ, могъ бы быть пріятнѣе для зрѣнія и для слуха. Необходимый человѣкъ—этотъ Барреръ; въ великомъ искусствѣ лакированія, въ немъ, какъ говорятъ, онъ едва ли найдетъ себѣ равнаго. Если произошелъ взрывъ, какихъ бываетъ много, смятеніе, неблаговидность, о которой никто не хочетъ говорить, на которую никто не хочетъ взглянуть, то поручите это Барреру; Барреръ будетъ докладчикомъ комитета по этому дѣлу, и вы увидите, какъ оно превратится въ нѣчто упорядоченное, въ прекрасное и

[2]) Genlis, Memoires (London 1825) IV, 118.

правильное, какъ и требуется. Могъ ли бы существовать конвентъ безъ такого человѣка, спрашиваемъ мы? Не называйте его, подобно все преувеличивающему Мерсье, „величайшимъ лгуномъ Франціи“: нѣтъ, можно даже возразить, что въ немъ нѣтъ настолько правды, чтобы сдѣлать изъ нея настоящую ложь. Назовите его, вмѣстѣ съ Бёркомъ, Анакреономъ гильотины и человѣкомъ полезнымъ конвенту.

Другой, названный нами примиритель,—Дантонъ. Помиритесь, помиритесь другъ съ другомъ! кричитъ онъ довольно часто. Развѣ мы, маленькая кучка братьевъ, не стоимъ противъ міра? Смѣлый Дантонъ любимъ всей горой; но его считаютъ слишкомъ благодушнымъ, недостаточно подозрительнымъ: онъ стоялъ между Дюмурье и многими порицавшими его, боясь раздражить нашего единственнаго генерала. Въ шумной суматохѣ сильный голосъ Дантона гремитъ, призывая къ единенію и умиротворенію. Устраиваются свиданія, обѣды съ жирондистами: вѣдь, такъ настоятельно важно добиться согласія. Но жирондисты высокомѣрны и благоприличны: этотъ титанъ Дантонъ не человѣкъ формулъ, и на немъ лежитъ тѣнь сентября. „Ваши жирондисты не имѣютъ ко мнѣ довѣрія“,—таковъ отвѣтъ, полученный отъ него посредникомъ Мельяномъ; на всѣ доводы и просьбы этого примирителя Дантона одинъ отвѣтъ: „Ils n'ont point de confiance“ [1]). Шумъ все усиливается, ярость начинаетъ блѣднѣть.

Въ самомъ дѣлѣ, какой ударъ для сердца жирондиста эта первая, даже слабая, возможность, что презрѣнная, антифилософская. анархическая гора, въ концѣ концовъ, можетъ восторжествовать! Грубые сентябристы, какой нибудь Талліенъ изъ пятаго этажа, „какой нибудь Робеспьеръ, безъ мысли въ головѣ, безъ чувства въ сердцѣ“, какъ говоритъ Кондорсе,—и мы, цвѣтъ Франціи, не можемъ противостоять имъ! Смотрите, скипетръ уходитъ отъ насъ и переходитъ къ нимъ! Краснорѣчіе, философія, порядочность не помогаютъ: „съ глупостью сами боги тщетно борятся“.

„Mit der Dummheit kampfen Gotter selbst vergebens!“

Громко жалуется Луве; все его тощее существо отравлено злобой и противуестественной подозрительностью. Молодой Барбару тоже гнѣвенъ,—гнѣвенъ и полонъ презрѣнія. Безмолвная, похожая на королеву съ аспидомъ у груди, сидитъ жена Ролана; отчеты Ролана все еще не приняты, имя его обратилось въ посмѣшище. Таковы капризы фортуны на войнѣ, особенно при революціи. Великая бездна ада и десятаго августа раскрылась при волшебномъ звукѣ вашего краснорѣчиваго голоса; а теперь, смотрите, она уже не хочетъ закрываться по вашему голосу. Такое волшебство—опасная вещь. Ученикъ волшебника завладѣлъ запретной книгой и вызвалъ духа: Plaît-il, что угодно? сказалъ духъ. Ученикъ, нѣсколько пораженный, приказалъ ему принести воды; проворный духъ притащилъ воды, по ведру въ каждой рукѣ, но не пожелалъ перестать носить ее. Ученикъ, въ отчаяніи, кричитъ на него, бьетъ его, разрубаетъ пополамъ: смотрите, теперь воду таскаютъ два духа, и домъ будетъ снесенъ Девкаліоновымъ потопомъ.

ГЛАВА IV.

Отечество въ опасности.

Пожалуй, эта депутатская война могла бы продолжаться долго, и партіи, давя и душа другъ друга, могли бы уничтожить и задушить одна другую окончательно въ обычной безкровной парламентской войнѣ; но это могло бы быть лишь при одномъ условіи: чтобы Франція была въ состояніи, по крайней мѣрѣ,

---

[1]) Memoires de Meillan, Representant du Peuple (Paris, 1823) 51.

существовать все это время. А мы видимъ, что этотъ державный народъ надѣленъ пищеварительными органами и не можетъ обойтись безъ хлѣба. Кромѣ того, у насъ и внѣшняя война, и мы должны побѣдить въ войнѣ съ Европой, съ рокомъ и съ голодомъ; между тѣмъ, весной этого года всякая побѣда бѣжитъ отъ насъ прочь.

Дюмурье продвинулъ свои передовые посты до Аахена, и составилъ прекраснѣйшій планъ нападенія на Голландію, съ военными хитростями, плоскодонными судами и съ быстрой неустрашимостью, въ чемъ онъ пока и успѣлъ; но, къ несчастію, не могъ продолжать съ тѣмъ же успѣхомъ дальше. Аахенъ потерянъ; Маастрихтъ не желаетъ сдаваться одному дыму и шуму: плоскодоннымъ судамъ снова приходится спускаться на воду и возвращаться по тому же пути, по какому они пришли. Будьте же стойки, быстрые, неустрашимые люди, отступайте съ твердостью, подобно пареянамъ! Увы, вина ли то генерала Миранды, военнаго ли министра, или самого Дюмурье и фортуны, но только ничего не остается, кромѣ отступленія; и хорошо еще, если оно не превратится въ бѣгство, ибо пораженныя ужасомъ когорты и отсталые показали тылъ, не дожидаясь приказаній, и около десяти тысячъ человѣкъ бѣгутъ въ отчаяніи, не останавливаясь, пока не завидѣли Франціи [1]). Можетъ быть, даже хуже: Дюмурье едвали самъ не склоняется втайнѣ къ измѣнѣ? Тонъ, въ которомъ онъ пишетъ нашимъ комитетамъ, очень рѣзокъ. Коммисары и якобинскіе грабители принесли неисчислимый вредъ; Гассенфрацъ не присылаетъ ни патроновъ, ни платья; сапоги получились, „подбитые, обманнымъ образомъ, деревянными и картонными подошвами". Короче, все въ безпорядкѣ. Дантонъ и Лакруа, въ бытность свою коммисарами, желали присоединить Бельгію къ Франціи, тогда какъ Дюмурье сдѣлалъ бы изъ нея хорошенькое маленькое герцогство для своего личнаго тайнаго употребленія! На все это генералъ сердитъ и пишетъ намъ рѣзкія письма. Кто знаетъ, что задумалъ этотъ пылкій маленькій генералъ? Дюмурье, герцогъ бельгійскій или брабантскій и, скажемъ, Эгалите младшій—король Франціи,—конецъ бы тутъ нашей революціи! Комитетъ обороны смотритъ и качаетъ головой: кто, кромѣ Дантона, лишеннаго подозрительности, можетъ еще сохранять какую-нибудь надежду?

А генералъ Кюстинъ возвращается съ Рейна; завоеванный Майнцъ будетъ отнятъ, пруссаки стягиваются къ нему, чтобы бомбардировать его ядрами и картечью. Майнцъ оказываетъ сопротивленіе, коммисаръ Мерленъ, изъ Тіонвилля, „дѣлаетъ вылазки, во главѣ осажденныхъ;"—онъ можетъ бороться до смерти, но не долѣе. Какой грустный оборотъ для Майнца! Славный Форстеръ и славный Люксъ сажали тамъ прошлой зимой, въ метель, Деревья свободы, подъ музыку ç a-i r a; основывали якобинскіе клубы и присоединили территорію Майнца къ Франціи; потомъ они пріѣхали въ Парижъ въ качествѣ депутатовъ или делегатовъ и получали по восемнадцати франковъ въ день: и вотъ, прежде чѣмъ Дерево свободы покрылось какъ слѣдуетъ листвой, Майнцъ превратился во взорвавшійся кратеръ, извергающій огонь и пылающій огнемъ!

Ни одинъ изъ этихъ людей не увидитъ больше Майнца; они прибыли сюда только для того, чтобы умереть. Форстеръ объѣхалъ кругомъ свѣта; видѣлъ, какъ Кукъ погибъ подъ палицами овайгійцевъ, но подобнаго тому, что онъ видѣлъ и выстрадалъ въ Парижѣ, онъ не видѣлъ нигдѣ. Бѣдность преслѣдуетъ его, изъ дома ничего не можетъ придти, кромѣ вѣстей, приходившихъ къ Іову; восемнадцать франковъ въ день, которыя онъ съ трудомъ получаетъ здѣсь, въ качествѣ депутата или делегата, выдаются бумажными ассигнаціями, быстро падающими въ цѣнѣ. Бѣдность, разочарованіе, бездѣйствіе и упреки медленно надламываютъ доблестное сердце. Таковъ жребій Форстера. Впрочемъ, дѣвица Теруань улыбается вамъ на вечерахъ; у нея „прекрасное лицо, обрамленное темными локонами", и порывистый характеръ, которые помогаютъ ей

[1]) Dumouriez, IV, 16—73.

держать собственный экипажъ. Пруссакъ Тренкъ, бѣдный, подпольный баронъ, бормочетъ и бранится весьма не гармоническимъ образомъ. Лицо Томаса Пэна покрыто красными волдырями, „но глаза его необыкновенно блестящи". Депутаты конвента весьма любезно приглашаютъ Форстера обѣдать, и „мы всѣ играли въ plumpsack" [1]). „Это взрывъ и созданіе новаго міра", говоритъ Форстеръ; „а дѣйствующія лица въ немъ маленькіе, незначительные субъекты, жужжащіе вокругъ васъ, какъ рой мухъ".

Въ то же время у насъ война съ Испаніей. Испанія продвинется сквозь ущелья Пиренеевъ, шурша бурбонскими знаменами, гремя артиллеріей и угрозами. Да и Англія надѣла красный мундиръ и маршируетъ съ его королевскимъ высочествомъ герцогомъ Іоркскимъ, котораго иные подумывали въ свое время пригласить быть нашимъ королемъ. Настроеніе это теперь измѣнилось, и все болѣе мѣняется, пока не оказывается, что нѣтъ ничего въ мірѣ ненавистнѣе уроженца этого тиранническаго острова; конвентъ, въ своей горячности, даже объявляетъ декретомъ, что Питтъ—„врагъ рода человѣческаго, L'ennemi du genre humain"; а затѣмъ, какъ это ни странно, издается приказъ, чтобы ни одинъ борецъ за свободу не давалъ пощады англичанину. Однако, борцы за свободу исполняютъ этотъ приказъ лишь отчасти. Значитъ, мы не будемъ брать плѣнныхъ, говорятъ они; всякій, кого мы возьмемъ, будетъ считаться „дезертиромъ" [2]). Это—безумный приказъ, и сопровождающійся неудобствами. Вѣдь, если мы не будемъ давать пощады, то естественно не можемъ разсчитывать на нее и мы сами, стало быть, дѣло отъ этого нисколько не выигрываетъ. Нашимъ „тремъ стамъ тысячамъ рекрутовъ", — цифра набора на этотъ годъ, — должно быть придется изрядно поработать.

Сколько враговъ надвигается на насъ! Одни пробираются сквозь горныя ущелья; другіе плывутъ по соленому морю; ко всѣмъ пунктамъ нашей территоріи устремляются они, потрясая приготовленными для насъ цѣпями. Но хуже всего то, что врагъ объявился и на нашей собственной территоріи. Въ первыхъ числахъ марта почта изъ Нанта не приходитъ; вмѣсто нея приходятъ только предположенія, опасенія, дурные слухи. И самые дурные оказываются вѣрными. Фанатичное населеніе Вандеи не желаетъ больше подчиняться; пламя возстанія, съ трудомъ сдерживаемое до сихъ поръ, снова вспыхиваетъ огромнымъ пожаромъ послѣ смерти короля; это уже не мятежъ, а междуусобная война. Эти Кателины, Стоффле, Шаретти оказались не тѣми, чѣмъ ихъ считали; смотрите, какъ идущіе за ними крестьяне, въ однѣхъ рубахахъ и блузахъ, съ своимъ первобытнымъ оружіемъ, нестройными рядами, но съ фанатической яростью и дикимъ боевымъ кличемъ „За Бога и Короля!" бросаются на насъ, подобно свирѣпому урагану, и обращаютъ нашихъ дисциплинированныхъ національныхъ солдатъ въ паническій sauve-qui-peut! Они одерживаютъ побѣду за побѣдой, и конца этому не видно. Посылаютъ коменданта Сантерра, но пользы отъ этого мало! Онъ могъ бы безъ ущерба вернуться и варить пиво.

Становится рѣшительно необходимымъ, чтобы конвентъ пересталъ говорить и началъ дѣйствовать. Пусть одна партія уступитъ другой и сдѣлаетъ это поскорѣе. Это уже не теоретическое предположеніе, а близкая неизбѣжность разоренія; нужно позаботиться о томъ самомъ днѣ, въ который мы живемъ.

Въ пятницу, 8 марта, эта ужасная вѣсть была получена національнымъ конвентомъ отъ Дюмурье, но еще раньше ей предшествовало и потомъ сопровождало ее много другихъ ужасныхъ вѣстей. Большинство лицъ побѣлѣло. Мало пользы теперь отъ того, будутъ ли наказаны сентябристы или нѣтъ, если Питтъ и Кобургъ идутъ съ равнымъ наказаніемъ для всѣхъ насъ; вѣдь, между Парижемъ и тиранами теперь нѣтъ ничего, кромѣ сомнительнаго Дюмурье съ безпорядочно отступающими войсками! Титанъ Дантонъ поднимается въ этотъ

---

[1]) Forster's Briefwechsel, II, 514, 460, 631.
[2]) См. Dampmartin, Evénemens II, 213—30.

часъ, какъ всегда, въ часъ опасности, и звученъ его голосъ, разносящійся изъ подъ купола. Граждане-представители, не должны ли мы въ такой часъ испытанія отложить всѣ наши несогласія? Репутація: О, что значитъ репутація того или другого человѣка? „Que mon nom soit flétri, que la France soit libre, пусть имя мое будетъ опорочено, лишь бы Франція была свободна!“ Необходимо, чтобы Франція снова поднялась для быстрой мести, чтобы поднялся милліонъ ея правыхъ рукъ, какъ одинъ человѣкъ и одно сердце. Нужно немедленно произвести наборъ въ Парижѣ; пусть каждая его секція поставитъ свои тысячи солдатъ; пусть то же сдѣлаетъ каждая секція Франціи! Девяносто шесть коммисаровъ изъ нашей среды, по два на каждую изъ сорока восьми секцій, пусть отправятся сейчасъ же и скажутъ Парижу, что родина нуждается въ его помощи. Пусть восемьдесятъ другихъ немедленно разъѣдутся по всей Франціи разнесутъ по ней огненный крестъ и созовутъ всю нашу боевую силу. Эти восемьдесятъ должны уѣхать еще до закрытія этого засѣданія и пускай они хорошенько обдумаютъ дорогой, какое порученіе возложено на нихъ. Нужно какъ можно скорѣе устроить лагерь на пятьдесятъ тысячъ душъ между Парижемъ и сѣверной границей, потому что скоро начнутъ притекать парижскіе волонтеры. Плечомъ къ плачу, ударимъ мы на врага въ могучемъ безстрашномъ подъемѣ, и отбросимъ этихъ сыновъ ночи, и Франція вопреки всему міру, будетъ свободна! [1]) Такъ гремитъ голосъ Титана во всѣхъ секціяхъ, во всѣхъ французскихъ сердцахъ. Секціи засѣдаютъ непрерывно въ эту же ночь, вербуя и записывая волонтеровъ. Коммисары конвента быстро катятъ изъ города въ городъ, разнося огненный крестъ, пока не вспыхиваетъ вся Франція.

И вотъ, на городской ратушѣ развѣвается флагъ: Отечество въ опасности; съ вершины собора Парижской Богоматери спускается черный флагъ; читаются прокламаціи, произносятся пламенныя рѣчи; Парижъ снова стремится опрокинуть своихъ враговъ. Понятно, при такихъ обстоятельствахъ, что онъ не въ кроткомъ настроеніи духа. На улицахъ волненіе, особенно вокругъ зала манежа. Фельянская терраса кишитъ озлобленными гражданами и еще болѣе озлобленными гражданками; Варле скитается съ своимъ складнымъ стуломъ; изъ всѣхъ сердецъ, со всѣхъ устъ срываются не особенно умѣренныя восклицанія, о коварныхъ краснобаяхъ Hommes d'état, друзьяхъ Дюмурье, тайныхъ друзьяхъ Питта и Кобурга. Драться съ врагомъ! Да, и даже „заморозить его отъ страха, glacer d'effroi“; но сначала наказать домашнихъ измѣнниковъ! Кто тѣ, которые, соперничая и ссорясь, съ своей іезуитской, сдержанной манерой, стараются сковать патріотическое движеніе? Кто поселяетъ раздоръ между Парижемъ и Франціей и отравляетъ общественное мнѣніе въ департаментахъ? Кто угощаетъ насъ лекціями о свободной торговлѣ зерномъ, когда мы просимъ хлѣба и установленія максимальной цѣны? Можетъ ли человѣческій желудокъ удовлетвориться лекціями о свободной торговлѣ; и какъ мы будемъ сражаться съ австрійцами, умѣреннымъ или неумѣреннымъ способомъ? Конвентъ долженъ быть очищенъ.

„Назначьте быстрый судъ надъ измѣнниками и максимальныя цѣны на зерно“, энергично говорятъ патріоты-добровольцы, дефилируя по залѣ конвента передъ отправленіемъ къ границамъ; они ораторствуютъ съ героическимъ краснорѣчіемъ Камбиза, вызывая восторженные клики со стороны галлереи и горы, и ропотъ со стороны правой и равнины. Не мало бываетъ и чудесъ: напримѣръ, когда одинъ капитанъ секціи Пуассоньеръ пылко разглагольствуетъ о Дюмурье, максимальныхъ цѣнахъ и тайныхъ роялистахъ, и его отрядъ вторитъ ему, размахивая знаменемъ, одинъ изъ депутатовъ вдругъ различаетъ, на cravates, или полосахъ этого самаго знамени, королевскія лиліи! Капитанъ секціи и отрядъ его въ ужасѣ кричатъ и „топчутъ знамя ногами“; навѣрно, это опять дѣло ка-

---

[1]) Moniteur (Hist. Parl., XXV, 6)

кого нибудь тайнаго роялиста. Весьма возможно [1]), или, можетъ быть, это просто *старое* знамя секціи, сдѣланное раньше для десятаго августа, когда такія полосы предписывались закономъ! [2]).

Просматривая мемуары жирондистовъ и стараясь отдѣлить истину отъ болѣзненной игры воображенія, исторія находитъ, что эти мартовскіе дни, особенно воскресенье 10 марта, играютъ большую роль. Заговоры и заговоры, между прочимъ, заговоръ объ убійствѣ депутатовъ-жирондистовъ, съ каковой цѣлью анархисты и тайные роялисты заключили, будто бы, между собой адскій союзъ! Большая часть этого заговора—плодъ больной фантазіи; однако, безспорно, что Луве и нѣкоторые изъ жирондистовъ опасались, что ихъ убьютъ въ субботу, и не пошли на вечернее засѣданіе, а совѣщались между собой, побуждая другъ друга къ какому нибудь рѣшительному поступку, чтобы покончить съ этими анархистами, на что, однако, Петіонъ, открывъ окно и найдя, что ночь очень сыра, отвѣтилъ только „*Ils ne feront rien*“ и „спокойно взялся снова за свою скрипку“ [3]), говоритъ Луве, чтобы нѣжнымъ прикосновеніемъ къ медійскимъ струнамъ оградить себя отъ снѣдающихъ заботъ. Почему-то Луве считалъ, что ему особенно грозитъ опасность быть убитымъ; впрочемъ, и многіе другіе изъ жирондистовъ не ночевали дома въ эту ночь; однако, всѣ остались живы. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что къ журналисту Горза, депутату и отравителю департаментовъ, и къ его типографщику ворвалась въ домъ шайка патріотовъ, среди которыхъ, несмотря на мракъ, дождь и бунтъ, можно было узнать Варле въ красномъ колпакѣ, и американца Фурнье; они перепугали ихъ женъ, разломали станки, перепортили шрифты и находившійся тамъ матеріалъ, такъ какъ мэръ не вмѣшался своевременно; Горза пришлось спасаться, съ пистолетомъ въ рукѣ, „по крышѣ черезъ заднюю стѣну дома“. На слѣдующій день было воскресенье, день праздничный, и на улицахъ царило болѣе сильное возбужденіе, чѣмъ когда либо: ужъ не замышляютъ-ли анархисты повторенія сентябрьскихъ дней? Правда, сентябрьскіе дни не повторились; однако, этотъ истерическій страхъ, въ сущности, довольно, естественный, почти достигъ своего апогея [4]).

Верніо жалуется и скорбитъ въ мягкихъ, закругленныхъ періодахъ. Секція Bonconseil, *Добраго Совѣта*, а не Mauconseil, *Дурного Совѣта*, какъ она называлась нѣкогда, вноситъ замѣчательное предложеніе: она требуетъ, чтобы Верніо, Бриссо, Гаде и другіе обвиняющіе патріотовъ краснобаи - жирондисты, въ числѣ двадцати двухъ, были взяты подъ арестъ! Секція Добраго Совѣта, названная такъ послѣ десятаго августа, получаетъ строгую отповѣдь, словно секція Дурного Совѣта [5]); но она сказала свое, и слово ея упало не на безплодную почву.

Въ самомъ дѣлѣ, насъ поражаетъ одна особенность въ этихъ бѣдныхъ жирондистахъ: это ихъ роковая близорукость и роковая слабохарактерность; въ этомъ корень зла. Они словно чужіе народу, которымъ хотѣли бы управлять, чужіе тому дѣлу, за которое взялись. Сколько бы ни работала природа, имъ открывается во всѣхъ ея трудахъ только неполная схема ихъ: формулы, философскія истины, разныя почтенныя вещи, написанныя въ книгахъ и признанныя культурными классами. И они ораторствуютъ, разсуждаютъ, взываютъ къ друзьямъ законности, когда дѣло идетъ не о законности или незаконности, а о томъ, чтобы жить, или не жить. Они педанты революціи, если не іезуиты. Ихъ формализмъ великъ, но великъ и эгоизмъ. Для нихъ Франція, поднимающаяся, чтобы сражаться съ австрійцами, поднялась только вслѣдствіе заговора 10 марта, и съ тѣмъ, чтобы убить двадцать два изъ *нихъ*! Это чудо революціи, развивающееся

---

1) Choix des Rapports, XI, 277.

2) Hist. Parl. XXV, 72.

3) Louvet, Memoires, 72.

4) Meillan, 23, 4; Louvet, 71—80.

5) Moniteur (Seance du 12 Mars), 15 Mars.

по своимъ собственнымъ законамъ и по законамъ природы, а не по законамъ ихъ формулы, и выросшее до такихъ страшныхъ размѣровъ и формъ, непонятно имъ невѣроятно, какъ невозможность, какъ „дикій хаотическій сонъ". Они хотятъ республики, основанной на томъ, что они называютъ добродѣтелями, что мы называемъ приличіями и порядочностью, и никакой другой. Всякая другая республика, посланная природой и реальностью, должна считаться недѣйствительной, чѣмъ то вродѣ кошмарнаго видѣнія, несуществующей, отрицаемой законами природы и формулы. Увы! дѣйствительность туманна для самыхъ зоркихъ глазъ; а что касается до этихъ людей, то они не хотятъ и смотрѣть на нее простыми глазами, а смотрятъ сквозь „граненые очки" педантизма и оскорбленнаго тщеславія, показывающіе обманчивый, чудовищный призракъ. Постоянно негодуя и жалуясь на заговоры и анархію, они сдѣлаютъ только одно: докажутъ съ очевидностью, что дѣйствительность не укладывается въ ихъ формулы,—что она, дѣйствительность, въ мрачномъ гнѣвѣ, уничтожитъ и формулу, и ихъ самихъ! То, что человѣкъ з н а е т ъ, онъ м о ж е т ъ. Но гибель человѣка начинается съ того, что у него отнимается зрѣніе; что онъ видитъ не дѣйствительность, а ложный призракъ ея, и, слѣдуя за нимъ, ощупью идетъ, съ меньшей или большей быстротой, къ полному мраку, къ гибели, которая есть великое море мрака, куда безпрестанно вливается прямыми, или извилистыми путями всякая ложь!

Мы можемъ отмѣтить это 10 марта, какъ эпоху въ судьбѣ жирондистовъ; озлобленіе ихъ дошло до ожесточенія, ложное пониманіе положенія до умственнаго затменія. Многіе изъ нихъ не являются на засѣданія, иные приходятъ вооруженные [1]). Какой нибудь почтенный депутатъ долженъ теперь, послѣ завтрака, не только дѣлать отмѣтки, но и смотрѣть, въ порядкѣ ли его пистолеты.

Между тѣмъ, дѣла Дюмурье въ Бельгіи обстоятъ все хуже. Вина ли то опять генерала Миранды, или кого нибудь другого, но несомнѣнно, что „битва при Нервинденѣ" 18 марта проиграна, и наше поспѣшное отступленіе сдѣлалось черезчуръ поспѣшнымъ. Побѣдоносный Кобургъ, съ своими подгоняющими насъ австрійцами, виситъ, какъ черная туча, надъ нашимъ арріергардомъ. Дюмурье день и ночь не сходитъ съ коня; каждые три часа происходятъ стычки; все наше разстроенное войско, полное ярости, подозрѣній, паники, поспѣшно стремится назадъ, во Францію! Да и самъ то Дюмурье—какія у него намѣренія? Недобрыя, повидимому! Его депеши къ комитету открыто обвиняютъ партійный конвентъ за зло, принесенное Франціи и ему, Дюмурье. А рѣчи его? Вѣдь, онъ говоритъ напрямикъ! Казнь деспота этотъ Дюмурье называетъ убійствомъ короля. Дантонъ и Лакруа, поспѣшившіе къ нему снова, въ качествѣ коммисаровъ, возвращаются съ большими сомнѣніями; даже Дантонъ поддается теперь сомнѣнію.

Къ Дюмурье поспѣшно отправляются еще три посланца якобинцевъ, Проли, Дюбюиссонъ и Перейра, по порученію бдительной Матери патріотизма; они нѣмѣютъ отъ изумленія, слыша рѣчи генерала. Конвентъ, по его словамъ, состоитъ изъ трехсотъ подлецовъ и четырехсотъ идіотовъ: Франція не можетъ существовать безъ короля. „Но мы же казнили нашего короля". „А какое мнѣ дѣло", запальчиво кричитъ этотъ генералъ, не умѣющій молчать. „Не все ли мнѣ равно, будутъ ли звать короля L u d o v i c u s или J a c o b u s?"—Или P h i l i p p u s", возражаетъ Проли, и спѣшитъ донести о ходѣ дѣлъ. Такъ вотъ на что надѣются по ту сторону границъ.

---

[1]) Meillan, Memoires 85, 24.

ГЛАВА V.

Санкюлоты экипировались.

Однако, посмотримъ на великій внутренній санкюлотизмъ, на это чудо революціи,—движется ли оно, растетъ ли? Вѣдь, въ немъ въ одномъ заключается еще надежда для Франціи. Такъ какъ съ горы исходятъ декретъ за декретомъ, подобные творческимъ fiats, то, согласно природѣ вещей, чудо революціи быстро выростаетъ въ эти дни, развиваетъ одинъ членъ за другимъ и принимаетъ страшные размѣры. Въ прошломъ мартѣ, 1792 года, мы видѣли, какъ вся Франція, объятая слѣпымъ ужасомъ, бѣжала запирать городскія заставы, кипятила смолу для разбойниковъ; въ нынѣшнемъ мартѣ мы счастливѣе, потому что можемъ взглянуть ужасу прямо въ лицо, такъ какъ у насъ есть творческая гора, которая можетъ сказать fiat! Наборъ рекрутовъ совершается съ ожесточенной быстротой; однакó наши волонтеры медлятъ выступленіемъ, пока измѣна не будетъ наказана дома; они не стремятся къ границамъ, а мечутся взадъ и впередъ, съ требованіями и изобличеніями. Гора вынуждена говорить новое fiat и новые fiats.

И развѣ она не дѣлаетъ этого? Возьмемъ для перваго примѣра, такъ называемые, Comites Rêvolutionnairs для арестованія подозрительныхъ лицъ. Революціонные комитеты, состоящіе изъ двѣнадцати выборныхъ патріотовъ, засѣдаютъ въ каждой городской ратушѣ Франціи, допрашиваютъ подозрѣваемыхъ, ищутъ оружія, призводятъ домашніе обыски и аресты,—словомъ, заботятся о томъ, чтобы республика не потерпѣла какого нибудь вреда. Члены ихъ, избранные всеобщей подачей голосовъ каждый въ своей секціи, представляютъ своего рода квинтъ-эссенцію якобинства; около сорока четырехъ тысячъ такихъ лицъ неусыпно бодрствуютъ надъ Франціей! Въ Парижѣ и во всѣхъ городахъ, каждая домовая дверь должна быть снабжена четкой надписью съ фамиліями квартирантовъ, „на высотѣ, не превышающей пять футовъ отъ земли"; каждый гражданинъ долженъ предъявлять свою Carte de Civisme, подписанную президентомъ секціи; каждый долженъ быть готовъ дать отчетъ о своихъ убѣжденіяхъ. Поистинѣ, подозрительнымъ лицамъ лучше бѣжать съ этой почвы свободы! Но и уѣзжать не безопасно: всѣ эмигранты объявлены измѣнниками; имущество ихъ обращается въ національную собственность; они „мертвы передъ закономъ",—за исключеніемъ, впрочемъ, того, что для нашихъ надобностей они будутъ „живы передъ закономъ еще пятьдесятъ лѣтъ", такъ какъ выпадающія за это время на ихъ долю наслѣдства также признаются національной собственностью! Безумная жизненная энергія якобинства, съ сорока четырьмя тысячами центровъ дѣятельности, циркулируетъ по всѣмъ фибрамъ Франціи.

Весьма замѣчателенъ также Tribunal Extraordinaire [1]), декретированный горой; при чемъ нѣкоторые изъ жирондистовъ противились этой мѣрѣ, такъ какъ подобный судъ несомнѣнно противорѣчитъ всякой формулѣ;—другіе же изъ ихъ партіи соглашались, даже содѣйствовали принятію ея, потому что... о, парижскій народъ, развѣ не всѣ мы одинаково ненавидимъ измѣнниковъ? Трибуналъ Семнадцатаго, учрежденный минувшей осенью, дѣйствовалъ быстро, но этотъ будетъ еще быстрѣе. Пять судей, постоянные присяжные, которые назначаются изъ Парижа и окрестностей, во избѣжаніе потери времени на выборы;—судъ этотъ не подлежитъ апелляціи, исключаетъ почти всякія процессуальныя формы, но долженъ какъ можно скорѣе „убѣждаться" и, для большей вѣрности, обязанъ „голосовать во всеуслышаніе" для парижской публики. Таковъ Tribunal Exstraordinaire, который, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, среди самой оживленной дѣятельности своей, будетъ переименованъ въ Tribunal Rêvolutionnaire, какъ онъ уже съ самаго начала назвалъ себя. Съ

---

[1]) Montieur, № 70 (du 11 mars), № 76.

Германомъ или Дюма, въ качествѣ предсѣдателя, съ Фукье-Тенвилемъ, въ качествѣ генеральнаго прокурора, и съ присяжными, состоящими изъ людей, въ родѣ гражданина Леруа, давшаго самому себѣ прозвище Dix Août, „Леруа—Десятое Августа", судъ этотъ сдѣлается чудомъ міра. Въ лицѣ его санкюлоты создали себѣ острый мечъ, волшебное оружіе, омоченное въ адской водѣ Стикса, для лезвія котораго всякій щитъ, всякая защита, силой ли, или хитростью, окажется слишкомъ слабой; онъ будетъ косить жизни и разбивать чугунные ворота; взмахъ его будетъ наполнять ужасомъ сердца людей.

Но, говоря о сформированіи аморфнаго санкюлотизма, не слѣдуетъ ли намъ, прежде всего, опредѣлить, какимъ образомъ безформенное получило голову? Не будетъ метафорой, если мы скажемъ, что существующее революціонное правительство продолжаетъ находиться въ весьма анархическомъ состояніи. Имѣется исполнительный совѣтъ министровъ, состоящій изъ шести членовъ; но они,—особенно послѣ ухода Ролана,—едва ли сами знали, министры они или нѣтъ. Высшую инстанцію надъ ними составляютъ комитеты конвента, всѣ равные между собою по значенію; комитеты: Двадцати Одного, Обороны, Общественной Безопасности, назначаются одновременно или одинъ за другимъ, для спеціальныхъ цѣлей. Всемогущъ одинъ конвентъ, — особенно, если коммуна заодно съ нимъ; но онъ слишкомъ многочисленъ для административнаго корпуса. Поэтому, около конца марта, въ виду опаснаго положенія республики, находящейся въ быстромъ коловращеніи, намъ даютъ маленькій Comité de Salut Public [1]), повидимому для различныхъ случайныхъ дѣлъ, требующихъ неотложности,—на дѣлѣ-жъ оказывается для нѣкотораго рода всеобщаго надзора и всеобщаго порабощенія. Члены этого новаго комитета должны еженедѣльно давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, но совѣщаются втайнѣ. Числомъ ихъ — девять, и всѣ стойкіе патріоты, одинъ изъ нихъ—Дантонъ; составъ комитета долженъ обновляться каждый мѣсяцъ; однако, почему не переизбрать ихъ, если они окажутся удачными? Суть дѣла въ томъ, что ихъ всего девять, и что они засѣдаютъ втайнѣ. На первый взглядъ, этотъ комитетъ кажется незначительной вещью; но въ немъ есть задатки для развитія! Благопріятствуемый счастьемъ и внутренней энергіей якобинцевъ, онъ сведетъ всѣ комитеты и самый конвентъ къ нѣмому подчиненію себѣ, превратитъ шестерыхъ министровъ въ шесть прилежныхъ писцовъ и будетъ нѣкоторое время исполнять свою волю на землѣ и подъ небесами. Передъ этимъ „Комитетомъ Общественнаго Спасенія" міръ до сихъ поръ содрогается и кричитъ.

Если мы назвали этотъ революціонный трибуналъ мечомъ, который санкюлоты выковали сами для себя, то „законъ о максимальной цѣнѣ" можно назвать провіантскимъ мѣшкомъ или котомкой, въ которой, какъ никакъ, все же можно найти порцію хлѣба. Правда, это опрокидываетъ политическую экономію, жирондистскую свободу торговли—и всякіе законы спроса и предложенія, но, что дѣлать? Патріотамъ нужно жить; а у алчныхъ фермеровъ, видимо, нѣтъ сердца. Поэтому законъ о максимальной таксѣ на зерновой хлѣбъ, послѣ безконечныхъ усилій, проходитъ [2]) и постепенно распространится на всѣ роды пищевыхъ продуктовъ, но можно себѣ представить, послѣ какихъ схватокъ и кутерьмы! Что дѣлать, напримѣръ, если фермеръ не хочетъ продавать свой товаръ? Тогда его нужно принудить къ этому. Онъ долженъ дать установленнымъ властямъ точныя свѣдѣнія объ имѣющемся у него запасѣ зерноваго хлѣба, и пусть онъ не преувеличиваетъ, потому что въ этомъ случаѣ его доходы, такса и контрибуціи соотвѣтственно повысятся; но пусть и не преуменьшаетъ, потому что тогда, къ назначенному дню, положимъ въ апрѣлѣ, въ амбарахъ его должно оставаться менѣе одной трети объявленнаго количества, а болѣе двухъ тре-

---

[1]) Moniteur, № 83 (du 24 mars 1793), № 86, 98, 99, 100.

[2]) Moniteur (отъ 20 апрѣля и пр. до 20 мая 1793).

тей должны быть обмолочено и продано. На него могутъ донести и съ него возьмутъ штрафъ.

Вотъ такимъ запутаннымъ переворотомъ всѣхъ торговыхъ отношеній хотятъ санкюлоты поддержать свое существованіе, разъ это стало невозможнымъ иначе. Въ общемъ, дѣло приняло такой оборотъ, что, какъ сказалъ однажды Камиллъ Демуленъ, „пока санкюлоты сражаются, господа должны платить". Затѣмъ являются Impôts progressifs, прогрессивные налоги, съ быстро возрастающей прожорливостью поглощающие „излишекъ доходовъ" у людей: имѣющіе свыше пятидесяти луидоровъ въ годъ, уже не изъяты отъ обложенія; если доходы исчисляются сотнями, то дѣлается основательное кровопусканіе; а если тысячами и десятками тысячъ, то кровь льется ручьями. Потомъ появляются реквизиціи, „принудительный заемъ въ милліардъ", на который, разумѣется, всякій, имѣющій что нибудь, долженъ подписаться. Безпримѣрное явленіе: Франція дошла до того, что стала страной не для богачей, а для бѣдняковъ! А затѣмъ, если кто нибудь вздумаетъ бѣжать,—то что пользы? Смерть передъ закономъ, или жизнь въ теченіи еще пятидесяти лѣтъ, для ихъ проклятыхъ надобностей! Такимъ образомъ, все идетъ кувыркомъ, подъ пѣніе ça-ira;—въ то же время происходятъ безконечныя продажи эмигрантскаго національнаго имущества; а Камбонъ сыплетъ ассигнаціями изъ неизсякаемаго рога изобилія. Торговля и финансы санкюлотовъ, и гальваническое существованіе ихъ при максимальныхъ цѣнахъ и хвостахъ у булочныхъ, при жадности, голодѣ, доносахъ и бумажныхъ деньгахъ; ихъ начало и конецъ,—остаются самой интересной главой политической экономіи, которой еще предстоитъ быть написанной.

Развѣ все это не находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ формулами? О, друзья жирондисты; мы получимъ не республику добродѣтелей, а республику Силъ, добродѣтельныхъ и иныхъ!

ГЛАВА VI

Измѣнникъ.

Но что же дѣлаетъ Дюмурье, съ его бѣгущимъ войскомъ, съ его королемъ Ludovicus'омъ или королемъ Philippus'омъ? Вотъ гдѣ кризисъ; вотъ въ чемъ вопросъ: революціонное чудо, или контръ-революція?—Одинъ громкій крикъ наполняетъ сѣверо-восточную область. Охваченные яростью, подозрѣніями и ужасомъ, солдаты стремятся во всѣ стороны; мужъ совѣта Дюмурье, день и ночь не слѣзающій съ коня, не можетъ придумать ничего, кромѣ того, чего лучше было бы не придумывать вовсе, именно: соединиться съ Кобургомъ, двинуться на Парижъ, уничтожить якобинство и, съ какимъ нибудь новымъ королемъ Людовикомъ или королемъ Филиппомъ, возстановить конституцію 1791 года! [1]).

Ужъ не покинутъ ли Дюмурье мудростью и фортуной? Принциповъ политическихъ или иныхъ вѣрованій, за исключеніемъ нѣкоторыхъ казарменныхъ убѣжденій и офицерской чести, за нимъ не водилось; но, какъ бы то ни было, а квартиры его арміи въ Буръ Сентъ-Аманѣ и неподалеко главная квартира въ деревнѣ Сентъ-Аманъ де-Бу превратились въ Бедламъ; туда сбѣгаются и съѣзжаются національные представители и якобинскіе миссіонеры. Изъ „трехъ городовъ": Лилля, Валансьена или даже Конде, которые Дюмурье желалъ бы захватить для себя, не удается захватить ни одного. Офицера его впускаютъ, но городскія ворота запираются за нимъ, а затѣмъ, увы, запираются за нимъ и ворота тюрьмы, и „солдаты его бродятъ по городскимъ валамъ". Курьеры скачутъ во весь опоръ; люди ждутъ, или какъ будто ждутъ, чтобы начать убивать, или быть убитыми самимъ; батальоны, близкіе къ безумію отъ

---

[1]) Dumouriez, Memoires, IV, c. 7, c. 10.

подозрѣній и неувѣренности, среди Vive la République и Sauve qui-peut, устремляются туда и сюда; а гибель и отчаяніе, въ лицѣ Кобурга, залегли неподалеку въ траншеяхъ.

Госпожа Жанлисъ и ея прелестная принцесса Орлеанская находятъ, что этотъ Буръ Сентъ-Аманъ—совсѣмъ неподходящее для нихъ мѣсто; покровительство Дюмурье хуже, чѣмъ отсутствіе всякаго покровительства. Г-жа Жанлисъ энергична; это одна изъ самыхъ энергичныхъ женщинъ, словно надѣленная девятью жизнями, ее ничто не можетъ сокрушить; она укладываетъ свои чемоданы, готовясь бѣжать частнымъ образомъ. Свою возлюбленную принцессу она хочетъ оставить здѣсь, съ принцемъ Эгалите Шартрскимъ, ея братомъ. На зарѣ холоднаго апрѣльскаго утра мы видимъ г-жу Жанлисъ, соотвѣтственно ея плану, въ наемномъ экипажѣ, на улицѣ Сентъ-Аманъ; почтальоны только что хлопнули бичами, готовясь тронуться, — какъ вдругъ выбѣгаетъ молодой принцъ - братъ, неся принцессу на рукахъ, и поспѣшно кричитъ, чтобы подождали. Онъ схватилъ бѣдную дѣвушку въ ночномъ платьѣ, не успѣвшую спасти ничего изъ своихъ вещей, кромѣ часовъ изъ подъ подушки; съ братскимъ отчаяніемъ онъ бросаетъ ее въ экипажъ между картонками, въ объятія Жанлисъ: „Не покидайте ее, ради самого Бога!“ Бурная сцена, но непродолжительная:—почтальоны хлопаютъ бичами и трогаются. Ахъ, куда? По проселочнымъ дорогамъ и крутымъ горнымъ ущельямъ, отыскивая по ночамъ дорогу съ фонарями, минуя опасности: австрійцевъ, Кобурга и подозрительныхъ французскихъ національныхъ солдатъ, женщины попадаютъ, наконецъ, въ Швейцарію, благополучно, но почти безъ денегъ [1]). Храброму молодому Эгалите предстоитъ въ высшей степени бурное утро; но теперь ему придется бороться съ затрудненіями, по крайней мѣрѣ, одному.

Дѣйствительно, около деревни, называемой отъ своихъ цѣлебныхъ грязей Сентъ-Аманъ де-Бу, дѣла обстоятъ худо. Около четырехъ часовъ пополудни, во вторникъ, 2 апрѣля 1793 г., во весь опоръ прискакиваютъ два курьера: Mon Général! Четыре національныхъ представителя, съ военнымъ министромъ во главѣ, ѣдутъ сюда изъ Валансьена, слѣдомъ за нами,—съ какими намѣреніями можно догадаться! Курьеры еще не кончили доклада, какъ военный министръ, національные представители и старый архиваріусъ Камю, въ качествѣ предсѣдателя, уже пріѣзжаютъ. Mon Général едва успѣлъ приказать гусарскому полку де-Бершиньи построиться и ожидать по близости, на всякій случай. А въ это время уже входитъ военный министръ Бёрнонвилль съ дружескими объятіями, такъ какъ онъ старый пріятель Дюмурье; входитъ архиваріусъ Камю и трое остальныхъ.

Они предъявляютъ бумаги и приглашаютъ генерала на судъ конвента только для того, чтобы дать одно или два разъясненія. Генералъ находитъ это не подобающимъ, чтобы не сказать невозможнымъ, и говоритъ, что „служба пострадаетъ“. Затѣмъ начинаются разсужденія; голосъ стараго архиваріуса повышается. Но возвышать голосъ съ Дюмурье — праздная задача; онъ отвѣчаетъ лишь злобными непочтительностями. И вотъ, среди штабныхъ офицеровъ, въ плюмажахъ, но съ пасмурными лицами, среди опасностей и неувѣренности, бѣдные національные посланцы спорятъ и совѣщаются, уходятъ и возвращаются въ теченіи двухъ часовъ, и все безъ результата. Наконецъ, архиваріусъ Камю, совсѣмъ уже разгорячившійся, объявляетъ отъ имени національнаго конвента, ибо онъ на это уполномоченъ, что генералъ Дюмурье арестованъ. „Будете ли вы повиноваться распоряженію конвента, генералъ?“—Pas dans ce moment-ci. Не въ данную минуту“, отвѣчаетъ генералъ, тоже громко; затѣмъ, взглянувъ въ другую сторону, произноситъ повелительнымъ тономъ нѣсколько неизвѣстныхъ словъ; повидимому, нѣмецкую команду [2]). Гусары хватаютъ четырехъ національныхъ представителей и военнаго министра Бёрнонвилля; выводятъ ихъ

[1]) Genlis, IV, 139.

[2]) Dumouriez, IV, 159.

изъ комнаты, изъ деревни, за французскіе сторожевые посты, и въ двухъ экипажахъ отвозятъ ихъ въ ту же ночь къ Кобургу, въ качествѣ заложниковъ и военноплѣнныхъ; ихъ долго будутъ держать въ Маастрихтѣ и австрійскихъ крѣпостяхъ![1]) Jacta est alea.

Въ эту ночь Дюмурье печатаетъ свою „прокламацію"; въ эту ночь и завтра армія Дюмурье, опутанная мракомъ и яростью, въ полу-отчаяніи должна сообразить, что дѣлаетъ генералъ и что дѣлать ей самой. Судите, была ли эта среда для кого нибудь радостнымъ днемъ! Но въ четвергъ утромъ, мы видимъ Дюмурье съ небольшимъ эскортомъ, съ Шартръ Эгалите и немногими офицерами штаба, ѣдущимъ по большой дорогѣ въ Конде: можетъ быть, они ѣдутъ въ Конде попытаться убѣдить тамошній гарнизонъ; во всякомъ случаѣ, ѣдутъ на свиданье съ Кобургомъ, который, согласно уговору, ждетъ въ лѣсу, въ этой мѣстности. Недалеко отъ деревни Думе, три національныхъ баталіона, люди, преисполненные якобинства, проходятъ мимо насъ; они идутъ довольно быстро—повидимому, по недоразумѣнію, такъ какъ мы не приказывали имъ идти по этой дорогѣ. Генералъ слѣзаетъ съ коня, входитъ въ избу, нѣсколько отступя отъ дороги, и хочетъ дать батальонамъ письменный дневной приказъ. Чу! что за странный рокотъ, что это слышится за лай и вой, и громкіе крики: „Измѣнники!" и „Арестовать!" Національные батальоны сдѣлали поворотъ и стрѣляютъ! На коня, Дюмурье, и скачи во весь опоръ! Онъ и его штабъ глубоко вонзаютъ шпоры въ бока лошадямъ, перескакиваютъ черезъ канавы на поля, которыя оказываются болотами; барахтаются и ныряютъ, спасая свою жизнь; вслѣдъ имъ несутся проклятія и свистятъ пули. По поясъ въ грязи, съ лошадьми или безъ нихъ, потерявъ нѣсколько слугъ убитыми, они спасаются изъ подъ выстрѣловъ въ австрійскій лагерь генерала Макка. Правда, на слѣдующее утро они возвращаются въ Сентъ Аманъ, къ вѣрному, иностранному полку Бершиньи, но какая въ томъ польза? Артиллерія взбунтовалась и ушла въ Валансьенъ; всѣ взбунтовались, или готовы взбунтоваться; за исключеніемъ одного иностраннаго полка Бершиньи, какихъ нибудь несчастныхъ полутора тысячъ человѣкъ, никто не хочетъ слѣдовать за Дюмурье противъ Франціи и нераздѣльной республики: карьера его кончена[2]).

Въ этихъ людяхъ такъ крѣпко укорененъ инстинктъ французской крови и санкюлотства, что они не послѣдуютъ, ни за Дюмурье, ни за Лафайетомъ, ни за кѣмъ изъ смертныхъ въ такомъ дѣлѣ. Будутъ крики Sauve-qui-peut, но будутъ и крики Vive la République. Пріѣзжаютъ новые національные представители, новый генералъ Дампьеръ, вскорѣ послѣ того убитый въ сраженіи; новый генералъ Кюстинъ; возбужденныя войска отступаютъ въ лагерь Фамара и, насколько могутъ, оказываютъ сопротивленіе Кобургу.

Итакъ, Дюмурье въ австрійскомъ лагерѣ; драма его завершилась такимъ, скорѣе печальнымъ, образомъ. Это былъ весьма ловкій, гибкій человѣкъ, одинъ изъ Божьихъ ратниковъ, которому недоставало только дѣла. Пятьдесятъ лѣтъ незамѣчаемыхъ трудовъ и доблести; одинъ годъ трудовъ и доблести на виду у всѣхъ странъ и вѣковъ; и затѣмъ еще тридцать лѣтъ, опять незамѣчаемыхъ, прошедшихъ въ писанія мемуаровъ, въ полученіи англійской пенсіи, въ безполезныхъ планахъ и проектахъ. Прощай, Божій ратникъ! Ты былъ достоинъ лучшей участи.

Штабъ его разбредается въ разныя стороны. Храбрый молодой Эгалите добирается до Швейцаріи и домика г-жи Жанлисъ, куда приходитъ съ крѣпкой узловатой палкой въ рукѣ и съ сильнымъ сердцемъ въ груди. Этимъ ограничиваются теперь всѣ его владѣнія. 6-го апрѣля Эгалите-отецъ сидѣлъ въ своемъ дворцѣ Эгалите въ Парижѣ и игралъ въ вистъ, когда вошелъ сыщикъ. Гражда-

---

[1]) Разсказъ военноплѣнныхъ, записанный Камю (у Тулонжона III, 60—87).

[2]) Mémoires, IV, 162—80.

смертельной опасности Маратъ обратится къ вамъ съ вопросомъ: Ты тоже одинъ изъ нихъ. Если Роланъ проситъ позволенія уѣхать изъ Парижа, то переходятъ къ очереднымъ дѣламъ. Что тутъ дѣлать? Приходится освободить помощника прокурора Гебера и апостола Варле, чтобы ихъ увѣнчали дубовыми гирляндами. Комиссія двѣнадцати распускается въ собраніи конвента, переполненномъ ревущими секціями; а на завтра возстанавливается, когда въ конвентѣ преобладаютъ соединившіеся жирондисты. Такимъ образомъ, этотъ темный хаосъ, или разбушевавшееся море, всѣми элементами своими, крутясь и накаляясь, стремится что-нибудь создать.

ГЛАВА IX.

Погасли.

И вотъ, въ пятницу, 31-го мая 1793 года, въ сіяніи лѣтняго солнца, происходить одна изъ самыхъ странныхъ сценъ. Въ Тюльерійскій залъ конвента являются мэръ Пашъ съ муниципалитетомъ, за которыми послали, такъ какъ Парижъ находится въ видимомъ броженіи, и приносятъ необычайныя извѣстія.

Пашъ разсказываетъ: на зарѣ, въ то время, какъ мы находились въ непрерывномъ засѣданіи въ городской ратушѣ, радѣя объ общемъ благѣ, вошли точь въ точь какъ десятаго августа, какіе-то девяносто шесть неизвѣстныхъ лицъ, которыя объявили, что они находятся въ состояніи возмущенія, и что они, уполномоченные коммисары сорока восьми секцій, - секцій или членовъ—державнаго Народа, также находящихся въ состояніи возмущенія; и что, именемъ этого монарха, мы отрѣшаемся отъ должностей. Мы сняли тогда шарфы и удалились въ прилегающій залъ свободы. Затѣмъ, черезъ минуту или двѣ, насъ позвали обратно и возстановили въ должностяхъ, такъ какъ державный народъ соблаговолилъ найти насъ достойными довѣрія. Благодаря этому, принесши новую присягу по должности, мы внезапно оказались революціонными властями, съ особымъ состоящимъ при насъ комитетомъ изъ девяноста шести членовъ. Гражданинъ Ганріо, обвиняемый нѣкоторыми въ участіи въ сентябрьскихъ убійствахъ, назначается генералиссимусомъ національной гвардіи, и съ шести часовъ утра набатъ звонитъ и барабаны бьютъ. Въ виду такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, мы спрашиваемъ: Что соблаговолитъ приказать намъ августѣйшій конвентъ? [1]).

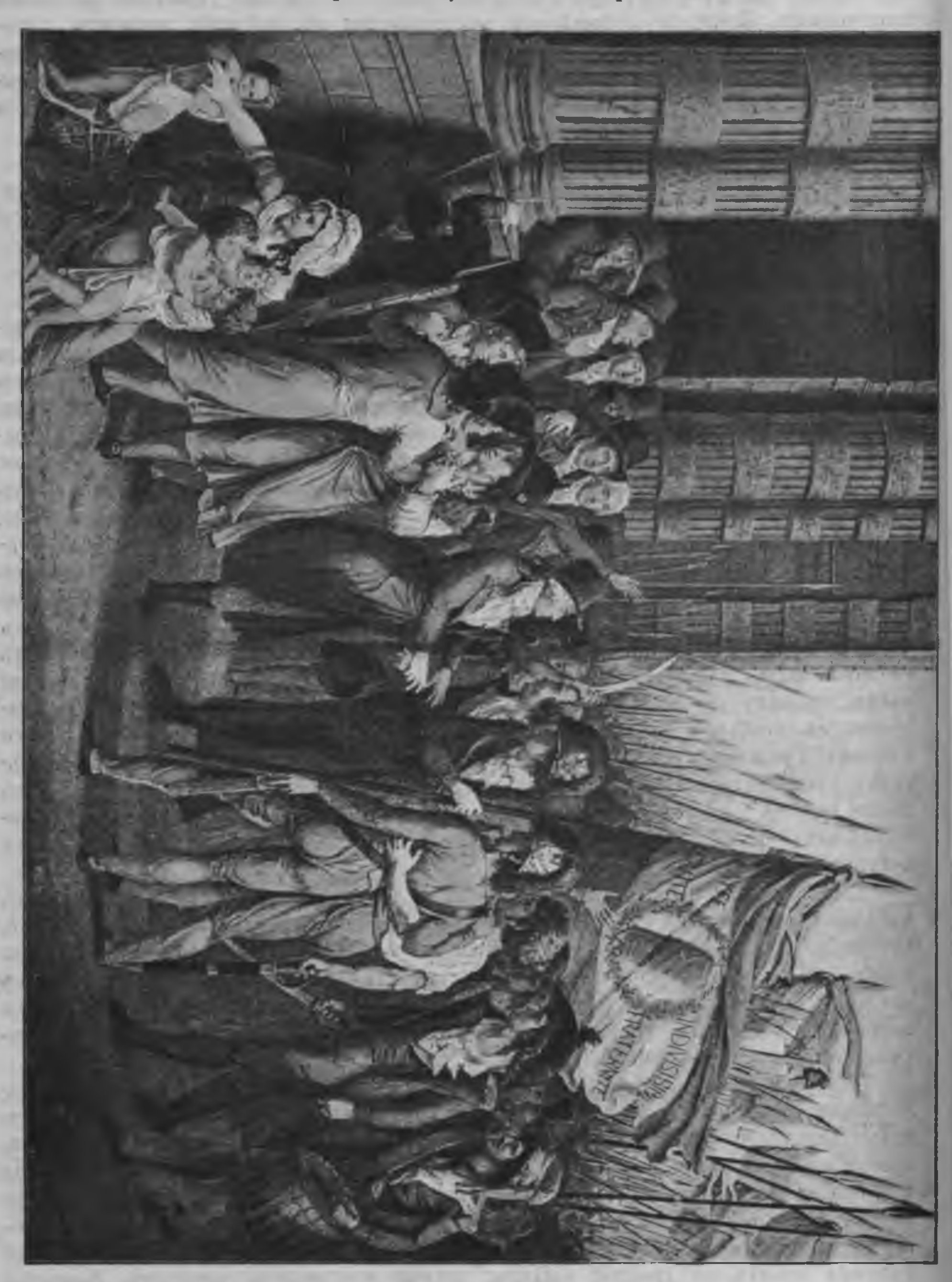
Да, это, дѣйствительно, вопросъ! „Распустить революціонныя власти“, отвѣчаютъ нѣкоторые съ запальчивостью. Верніо желаетъ, по крайней мѣрѣ, чтобы „народные представители умерли на своихъ постахъ“. Всѣ клянутся въ этомъ при громкомъ одобреніи. Но что касается до разгона инсуррекціонныхъ властей, то, увы!.. Что за звукъ доносится до насъ, пока мы дебатируемъ этотъ вопросъ? Это громъ тревожной пушки на Понъ-Нёфъ, за стрѣльбу изъ которой, помимо нашего приказанія, законъ караетъ смертью!

Тѣмъ не менѣе, она продолжаетъ гремѣть, вселяя трепетъ во всѣ сердца. А набатъ отвѣчаетъ мрачной музыкой, и Ганріо съ своими войсками окружаетъ насъ! Депутаціи отъ секцій слѣдуютъ одна за другой впродолженіи всего дня, требуя съ краснорѣчіемъ Камбиза и звяканьемъ ружей, чтобы двадцать два или болѣе измѣнниковъ были наказаны, и чтобы комиссія двѣнадцати была окончательно распущена. Сердце жиронды замираетъ: семьдесятъ два добропорядочныхъ департамента далеко, а этотъ пылкій муниципалитетъ близко! Барреръ стоитъ за средній выходъ: нужно что нибудь уступить. Комиссія Двѣнадцати заявляетъ, что, не дожидаясь, чтобы ее распустили, она распускаетъ себя сама и болѣе не существуетъ. Докладчикъ Рабо охотно сказалъ бы

---

[1]) Debats de la Convention (Paris, 1828), IV, 187—223; Moniteur 152, 3, 4, An 1-er.

свое и ея послѣднее слово, но его прогоняютъ ревомъ. Счастье еще, что двадцать два остаются до сихъ поръ неприкосновенными! — Верніо, доводя законы учтивости до крайнихъ предѣловъ, къ изумленію многихъ, предлагаетъ конвенту заявить, что „секціи Парижа заслужили благодарность отечества“. Вслѣдъ

Народная толпа передъ конвентомъ.

за тѣмъ, поздно вечеромъ, заслужившія благодарность секціи расходятся, каждая по своимъ мѣстамъ. Барреръ долженъ составить докладъ о событіяхъ дня. Работая головой и перомъ, онъ одиноко сидитъ за своимъ дѣломъ; въ эту ночь ему не придется спать. Такъ окончилась пятница послѣдняго дня мая.

Секціи заслужили благодарность отечества, но не могли ли бы онѣ заслужить еще большую? Вѣдь, если жирондистская крамола въ данную минуту и повержена, то развѣ не можетъ она возродиться въ другую, болѣе благопріятную минуту, и сдѣлаться еще опаснѣе? Тогда придется снова спасать республику. Такъ разсуждаютъ патріоты, все еще „непрерывно засѣдающіе"; такъ разсуждаетъ на другой день и Маратъ, фигура котораго виднѣется въ туманномъ мірѣ секцій; и эти разсужденія дѣйствуютъ на умы людей! Въ субботу, вечеромъ, когда Барреръ окончательно обработалъ свой докладъ, просидѣвъ надъ нимъ цѣлые сутки, и готовится отправить его съ вечерней почтой, вдругъ снова начинаетъ звонить набатъ. Барабаны бьютъ сборъ, вооруженные люди располагаются на ночь на Вандомской площади и на другихъ пунктахъ, снабженные провизіей и напитками. Здѣсь, въ мерцаніи лѣтнихъ звѣздъ, они будутъ ждать всю ночь надлежащаго сигнала отъ Ганріо и отъ городской ратуши, чтобы дѣлать, что имъ велятъ.

На бой барабановъ конвентъ спѣшитъ обратно въ свой залъ, но лишь въ количествѣ ста человѣкъ; онъ дѣлаетъ мало дѣла, откладывая ихъ на завтра. Жирондисты не являются; они ищутъ надежнаго убѣжища и не ночуютъ въ своихъ домахъ. Бѣдный Рабо, возвращаясь на слѣдующее утро на свой постъ съ Луве и нѣсколькими другими, по охваченнымъ волненіемъ улицамъ, ломаетъ себѣ руки, восклицая „Illa suprema dies!"[1]). Настало воскресенье, второй день іюня 1793 года, по старому стилю; а по новому, перваго года Свободы, Равенства и Братства. Мы подошли къ послѣдней сценѣ, заканчивающей исторію жирондистскаго сенаторства.

Сомнительно, чтобы какой нибудь конвентъ на землѣ собирался при такихъ обстоятельствахъ, при какихъ собирается въ этотъ день нашъ національный конвентъ. Звонитъ набатъ; заставы заперты; весь Парижъ на улицѣ, отчасти вооруженный. Людей съ оружіемъ насчитываютъ до ста тысячъ: это національныя войска и вооруженные волонтеры, которые должны были спѣшить къ границамъ и въ Вандею, но не спѣшили туда, потому что измѣна была еще не наказана, и только метались во всѣ стороны. Массы солдатъ подъ ружьемъ окружаютъ національное Тюльери и садъ. Тутъ и конница, и пѣхота, и артиллерія, и бородатые саперы; артиллерію съ походными печами можно видѣть въ національномъ саду; она раскаляетъ ядра и держитъ зажженные фитили наготовѣ. Ганріо, съ развѣвающимся плюмажемъ, разъѣзжаетъ, окруженный штабомъ, также съ плюмажами; всѣ посты и выходы заняты; резервы стоятъ до самаго Булонскаго лѣса; отборнѣйшіе патріоты находятся ближе всѣхъ къ мѣсту дѣйствія. Замѣтимъ еще одно обстоятельство: заботливый муниципалитетъ, не поскупившійся на походныя печи, не позабылъ и о повозкахъ съ провіантомъ. Ни одному члену державнаго народа не нужно ходить домой, чтобы пообѣдать: всѣ могутъ оставаться въ строю, такъ какъ обильная ѣда раздается всѣмъ безъ всякихъ хлопотъ. Развѣ этотъ народъ не понимаетъ возстанія? Вы, не неизобрѣтательные Gualches!

Національному представительству, „уполномоченнымъ державнаго народа", не мѣшаетъ поразмыслить объ этихъ обстоятельствахъ. Изгоните вашихъ двадцать два члена и вашу комиссію двѣнадцати; мы будемъ стоять здѣсь, пока это не будетъ сдѣлано! Депутація за депутаціей является съ этимъ требованіемъ, формулируемымъ въ выраженіяхъ все болѣе и болѣе рѣзкихъ. Барреръ предлагаетъ средній выходъ: не согласятся ли обвиняемые депутаты удалиться добровольно, великодушно выйти въ отставку, принеся себя въ жертву благу родины? Изнаръ, раскаивающійся въ томъ, что допускалъ возможность вопроса, на какомъ берегу рѣки стоялъ Парижъ, заявляетъ, что онъ готовъ выйти въ отставку. Готовъ и Te-Deum Фоше; а старый бастилецъ Дюзо, котораго Маратъ называетъ „vieux radoteur, старый болтунъ", готовъ на это даже съ удовольствіемъ.

---

[1]) Louvet, Memoires, 89.

Зато бретонецъ Ланжюине заявляетъ, что есть человѣкъ, который никогда не согласится добровольно подать въ отставку, но будетъ протестовать до послѣдней возможности, пока у него есть голосъ. И онъ начинаетъ протестовать, среди яростныхъ криковъ; Лежандръ кричитъ, наконецъ: „Ланжюине, убирайся съ трибуны, не то я сброшу тебя съ нея, ou je te jette en bas“. Дѣло дошло до крайностей. Нѣкоторые ретивые члены горы уже вцѣпляются въ Ланжюине, но не могутъ сбросить его, потому что онъ „впивается въ рѣшетку“, и „на немъ разрываютъ платье“. Доблестный сенаторъ, достойный сostраданья! Барбару также не хочетъ уходить; онъ „поклялся умереть на своемъ посту и хочетъ сдержать эту клятву“. Тогда галлереи бурно поднимаются; нѣкоторые размахиваютъ оружіемъ и выбѣгаютъ, крича: „Allons, мы должны спасти отчизну!“ Таково засѣданіе въ воскресенье второго іюня.

Церкви въ христіанской Европѣ наполняются и потомъ пустѣютъ; но нашъ конвентъ все это время не пустѣетъ: это день криковъ и споровъ, день агоніи, униженія и раздиранія ризъ; illa surpema dies! Кругомъ стоятъ Ганріо и его сто тысячъ, обильно подкрѣпляемые пищей и питьемъ: Ганріо „раздаетъ даже каждому по пяти франковъ“; мы, жирондисты, видѣли это собственными глазами; пять франковъ, чтобы поддержать въ нихъ настроеніе! А безуміе вооруженнаго мятежа заграждаетъ наши двери, шумитъ у нашей рѣшетки; мы плѣнники въ нашемъ собственномъ залѣ: епископъ Грегуаръ не могъ выйти для besoin actuel безъ четырехъ жандармовъ, слѣдившихъ за каждымъ его шагомъ! Во что превратилось значеніе національнаго представителя? Солнечный свѣтъ падаетъ, уже желтѣя, на западныя окна, трубы отбрасываютъ болѣе длинныя тѣни, но ни подкрѣпившіяся сто тысячъ, ни тѣни ихъ не двигаются! Что предпринять? Вносится предложеніе излишнее, какъ понятно всякому: чтобы конвентъ вышелъ въ полномъ составѣ, дабы собственными глазами убѣдиться, свободенъ онъ или нѣтъ.

Геро де Сешель.

Согласно этому предложенію, изъ восточныхъ воротъ Тюльери выходитъ угнетенный конвентъ; впереди шествуетъ красивый Геро Сешель, въ шляпѣ, въ знакъ общественнаго бѣдствія; остальные съ непокрытыми головами; они идутъ къ Ганріо и его украшенному плюмажемъ штабу. „Именемъ національнаго конвента, посторонитесь!“ Ганріо не сторонится ни на вершокъ. „Я не принимаю приказаній, пока не будетъ исполнена воля вашего и моего Суверена“. Конвентъ протискивается впередъ: Ганріо, съ своимъ штабомъ, отскакиваетъ шаговъ на пятнадцать назадъ. „Къ оружію! Канониры, къ пушкамъ!“ Онъ выхватываетъ свою саблю; штабъ и гусары дѣлаютъ то-же. Канониры размахиваютъ зажженными фитилями, пѣхота беретъ ружья... но, увы, не на караулъ, а въ горизонтальномъ положеніи, какъ для стрѣльбы! Геро, въ шляпѣ, ведетъ свое растерянное стадо черезъ тюльерійскій загонъ, черезъ садъ, къ воротамъ на противоположной сторонѣ. Здѣсь фельянская терраса, здѣсь нашъ старый залъ манежа; но изъ этихъ воротъ, ведущихъ на Pont-Tournant, также нѣтъ выхода. Пытаются пройти въ другія, въ третьи ворота,—нѣтъ выхода ни откуда. Мы бродимъ въ отчаяніи между вооруженными рядами, которые, правда, привѣтствуютъ насъ криками: „Да Здравствуетъ Республика!“ но также и криками „Смерть Жирондѣ!“ Другого такого зрѣлища заходящее солнце еще не видывало въ первый годъ свободы.

Смотрите: навстрѣчу намъ идетъ Маратъ, такъ какъ онъ не примкнулъ къ нашему просительному шествію, а собралъ около себя человѣкъ сто отбор-

Вотъ исторія Шарлотты Корде; самая точная, самая полная, ангельски-демоническая, подобная звѣздѣ! Адамъ Люксъ идетъ домой въ полу-бреду, чтобы излить свое поклоненіе ей на бумагѣ и въ печати и предложить поставить ей статую съ надписью: Болѣе великая, чѣмъ Брутъ. Друзья указываютъ ему на опасность; Люксъ равнодушенъ. Онъ думаетъ, что было бы прекрасно умереть вмѣстѣ съ нею.

ГЛАВА II.

Междоусобная война.

Въ эти же самые часы работаетъ другая гильотина надъ другимъ существомъ! Сегодня Шарлотта умираетъ въ Парижѣ за жирондистовъ, завтра Шалье падаетъ въ Ліонѣ отъ руки жирондистовъ.

Отъ грохота провозимыхъ пушекъ по улицамъ этого города дѣло дошло до стрѣльбы изъ нихъ, до бѣшенной схватки. Ніевръ Шоль и жирондисты торжествуютъ, а за спиной ихъ, какъ и повсюду, является роялистская партія, выжидающая удобнаго момента, чтобы выступить. Много волненій въ Ліонѣ и господствующая партія побѣдоносно одерживаетъ верхъ. Въ самомъ дѣлѣ, весь югъ на ногахъ; заключаетъ въ тюрьму якобинцевъ; вооружается за жирондистовъ, въ виду чего созванъ „Ліонскій конгресъ“, учрежденъ „Революціонный Ліонскій трибуналъ“, трепещите анархисты! Такъ Шалье скоро былъ признанъ виновнымъ въ якобинствѣ, въ заговорѣ убійцъ, въ томъ, что „обратился съ рѣчью, обнаживъ шпагу, 6-го минувшаго февраля“; и на завтра онъ совершаетъ свой послѣдній путь по улицамъ Ліона „рядомъ со священникомъ, съ которымъ онъ горячо разговариваетъ“. Топоръ уже сверкаетъ невдалекѣ. Этотъ человѣкъ плакалъ въ былые годы и „падалъ на колѣни на мостовую“, благословляя небо, при видѣ объявленій федераціи или чего либо подобнаго; но послѣ того онъ ѣздилъ въ Парижъ на поклоненіе Марату и горѣ, и вотъ теперь, и Маратъ и онъ, оба погибли: мы говорили, что онъ не кончитъ хорошо. Якобинцы стонутъ втайнѣ въ Ліонѣ, но не смѣютъ высказаться громко. Шалье, когда судъ вынесъ ему приговоръ, отвѣтилъ: „Моя смерть будетъ дорого стоить этому городу“.

Городъ Монтелимаръ не погребенъ подъ своими развалинами, но Марсель дѣйствительно выступаетъ въ походъ, подъ командой „Ліонскаго конгреса“, и заключаетъ въ тюрьму патріотовъ; теперь и роялисты снимаютъ маски. Противъ нихъ сражается генералъ Карто, хотя съ малыми силами; и съ нимъ артиллерійскій маіоръ, по имени Наполеонъ Бонапартъ. Этотъ Наполеонъ, чтобы доказать, что марсельцы не имѣютъ вовсе успѣха, не только сражается, но и пишетъ; онъ публикуетъ свой „Ужинъ Бокэра“, діалогъ, ставшій любопытнымъ [1]). Несчастный городъ, сколько въ немъ противорѣчій! За насиліе платится насиліемъ въ геометрической пропорціи; роялизмъ и анархизмъ, оба разомъ выступаютъ;—кто сможетъ подвести конечный итогъ этихъ геометрическихъ рядовъ?

Желѣзныя перила еще никогда не плавали въ Марсельской гавани, но тѣло утопившагося Ребекки было найдено плавающимъ въ ней. Пылкій Ребекки, видя, какъ увеличивалась смута и почтенные люди заражались роялизмомъ, почувствовалъ, что для республиканца не осталось другого убѣжища, кромѣ смерти. Ребекки исчезъ: никто не зналъ куда, пока, однажды утромъ, не нашли его пустой оболочки, или тѣла, всплывшаго внизъ головой и носившагося по соленымъ волнамъ [2]) и не поняли, что Ребекки не стало. Тулонъ также заключаетъ въ тюрьму патріотовъ; посылаетъ делегатовъ въ конгрессъ, заводитъ

---

[1]) См. Hazlitt, II, 529—41.

[2]) Barbaroux, стр. 29.

интриги, на случай необходимости, съ роялистами и англичанами. Монпелье, Бордо, Нантъ, вся Францiя, не находящаяся подъ властью Австрiи и Киммерiи, кажется, предалась безумiю и самоубiйственному уничтоженiю. Гора работаетъ подобно вулкану въ жаркой вулканической странѣ. Учрежденные конвентомъ комитеты безопасности, спасенiя заняты день и ночь. Коммисары конвента быстро мчатся по всѣмъ дорогамъ, неся оливковую вѣтвь и мечъ, или теперь, быть можетъ, одинъ только мечъ. Шометтъ и муниципалитеты ежедневно являются въ Тюльери съ требованiемъ конституцiи. Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ Шометтъ рѣшилъ въ ратушѣ, что депутацiя должна ходить каждый день и требовать конституцiю, пока ее не получатъ [1]); посредствомъ ея могла бы соединиться и примириться предающаяся самоубiйству Францiя,—вещь, несомнѣнно, весьма желательная.

Такъ вотъ какiе плоды пожали антианархическiе жирондисты, поднявъ эту войну въ Кальвадосѣ? Только эти, можно сказать, и никакихъ другихъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ пала голова Шарлотты или Шалье, кальвадоская война разсѣялась какъ сонъ, въ мгновенье ока. Съ семидесятью двумя департаментами на нашей сторонѣ, можно было бы надѣяться на лучшее. Но оказывается, что эти почтенные департаменты, хотя и охотно подаютъ голоса, но не желаютъ сражаться. Обладанiе всегда даетъ по закону девять шансовъ изъ десяти, а въ юридическихъ процессахъ этого рода даже девяносто девять. Люди дѣлаютъ то, что они привыкли дѣлать, и обладаютъ неизмѣримой нерѣшительностью и инертностью: они повинуются тому, кто обладаетъ атрибутами, требующими повиновенiя. Посмотрите, что означаетъ въ современномъ обществѣ одинъ этотъ фактъ: метрополiя заодно съ нашими врагами; метрополiя, мать-городъ, справедливо названная такъ: всѣ остальныя только ея дѣти, ея питомцы. Вѣдь, это не кожанный дилижансъ, съ почтовымъ мѣшкомъ и ящикомъ подъ козлами для багажа, медленно выѣзжаетъ изъ нея: это громадный пульсъ жизни; она сердце всего. Отрѣжьте одинъ этотъ кожанный дилижансъ, какъ много будетъ отрѣзано! Генералъ Вимпфенъ, смотрящiй на дѣло практически, не можетъ найти другого выхода, кромѣ возвращенiя къ роялизму; нужно войти въ сношенiя съ Питтомъ! Онъ дѣлаетъ темные намеки въ этомъ родѣ, отъ которыхъ жирондисты содрагаются. Онъ поступаетъ, какъ его помощникъ по командованiю, нѣкiй ci-devant графъ Пюизэ, совершенно неизвѣстный Лувэ и сильно имъ подозрѣваемый.

Пьеръ-Гаспаръ Шометтъ.

Мало войнъ начиналось когда либо такъ неудовлетворительно, какъ эта кальвадоская война. Кто интересуется подобными вещами, тотъ можетъ прочесть подробности о ней въ мемуарахъ того же самаго ci-devant Пюизэ, человѣка много испытавшаго и роялиста: мы узнаемъ изъ этихъ мемуаровъ, что жирондистскiя нацiональныя войска, выступившiя при громѣ духовой музыки, вошли, около стараго замка Брекуръ, въ лѣсистую мѣстность близъ Вернона, чтобы встрѣтить нацiональныя войска горы, идущiя изъ Парижа; что пятнадцатаго iюля, пополудни, они встрѣтились, обоюдно закричали, послѣ чего обѣ стороны обратились въ бѣгство безъ потерь; что Пюизэ, послѣ этого,—такъ какъ нацiональныя войска горы бѣжали первыя и мы сочли себя побѣдителями,—былъ поднятъ со своей теплой постели въ замкѣ Брекуръ и принужденъ скакать безъ

[1]) Deux Amis X, 345.

сапогъ; наши національныя войска, стоявшія на ночномъ караулѣ, неожиданно бросились спасаться, кто куда могъ:—однимъ словомъ, кальвадоская война потухла въ самомъ началѣ, и теперь осталось рѣшить только одинъ вопросъ: куда бѣжать и гдѣ укрыться [1])!

Національные волонтеры разбѣгаются по домамъ быстрѣе, чѣмъ пришли. Семьдесятъ два почтенныхъ департамента, говоритъ Мельянъ, „всѣ поворачиваютъ къ намъ спину и покидаютъ насъ въ двадцать четыре часа". Несчастные тѣ, которые, какъ, напримѣръ въ Ліонѣ, зашли слишкомъ далеко, чтобы возвращаться! „Однажды утромъ" мы нашли на нашемъ домѣ управленія прибитый декретъ конвента, который объявляетъ насъ внѣ закона. Онъ прибитъ нашими канскими должностными лицами: ясный намекъ, что и мы должны исчезнуть. Но куда? Горза имѣетъ друзей въ Реннѣ; его спрячутъ тамъ,—къ несчастью, онъ не хочетъ сидѣть спрятаннымъ. Гаде, Ланжуине находятся на перепутьи и направляются въ Бордо. Въ Бордо! кричитъ общій голосъ,—голосъ доблести и отчаянія. Кое какія знамена почтеннаго жирондизма еще развѣваются тамъ, или мы думаемъ, что развѣваются.

Итакъ, туда; каждый, какъ умѣетъ! Одиннадцать изъ этихъ злополучныхъ депутатовъ, среди которыхъ мы насчитываемъ какъ двѣнадцатаго литератора Ріуффа, дѣлаютъ оригинальную вещь: надѣваютъ мундиръ національныхъ волонтеровъ и отступаютъ къ югу съ батальономъ бретонцевъ въ качествѣ простыхъ солдатъ этого корпуса. Эти храбрые бретонцы стояли за насъ вѣрнѣе, чѣмъ всѣ другіе. Однако въ концѣ перваго или второго дня, они также становятся нерѣшительными, раздѣляются; мы должны оставить ихъ; и съ какой нибудь полдюжиной солдатъ, въ качествѣ конвоя, или проводниковъ, отступать сами по себѣ,—одиноко шествующимъ отрядомъ черезъ обширныя области Запада [2]).

ГЛАВА III.

Отступленіе одиннадцати.

Это отступленіе одиннадцати одно изъ самыхъ замѣчательныхъ, какія только представляетъ исторія: горсточка покинутыхъ законодателей, отступающихъ непрерывно съ ружьями на плечахъ и туго набитыми патронташами, среди золотистыхъ покрововъ осени! Сотни миль отдѣляютъ ихъ отъ Бордо; населеніе становится все враждебнѣй, подозрѣвая правду; броженіе и темные слухи идутъ со всѣхъ сторонъ и постоянно растутъ. Луве сохранилъ дорожный дневникъ этого отступленія, вещь стоящая всего остального, что онъ когда либо написалъ.

О, доблестный Петіонъ со своей рано посѣдѣвшей головой, о, мужественный молодой Барбару, неужели дошло до этого! Утомительныя дороги, изношенныя башмаки, пустой кошелекъ;—вокругъ опасности, какъ на морѣ! Революціонные комитеты находятся въ каждомъ городскомъ округѣ якобинскаго характера; всѣ наши друзья запуганы; наше дѣло проиграно. Въ мѣстечкѣ Монконтуръ, по несчастной случайности, базарный день; зѣвающей публикѣ подозрительно такое прохожденіе одиноко шествующаго отряда; намъ необходимы энергія, быстрота и удача, чтобы добиться позволенія пройти. Торопитесь вы, усталые странники! Страна подымается; молва о двѣнадцати путникахъ, одиноко пробирающихся такимъ таинственнымъ образомъ, слѣдуетъ за вами по пятамъ; широкая волна любопытнаго и преслѣдующаго говора растетъ, пока весь Западъ не приходитъ въ движеніе. „Кюсси мучаетъ подагра. Бюзо слишкомъ толстъ для ходьбы" Ріуффъ, съ окровавленными, покрытыми пузырями ногами, можетъ ходить только наноскахъ; Барбару хромаетъ, но все еще веселъ, полонъ надеждъ и муже-

---

[1]) Mémoires de Puisaye (Лондонъ 1803), II, 142—67.

[2]) Louvet, стр. 101—137; Meillan, стр. 81, 241—70.

ства. Вѣтренный Луве озирается робкимъ взоромъ, но въ сердцѣ его нѣтъ боязни. Невозмутимость добродѣтельнаго Петіона „была всего лишь разъ омрачена“ [1]). Они спятъ въ скирдахъ соломы, въ лѣсныхъ чащахъ; самый жесткій соломенный матрацъ, брошенный на полу у тайнаго друга, уже роскошь. Они захвачены среди ночи якобинскими мэрами съ барабаннымъ боемъ, но отдѣлываются, благодаря своему рѣшительному виду, бряцанію мушкетовъ и находчивости.

Пытаться дойти до Бордо черезъ объятую пламенемъ возстанія Вандею и остающіяся длинныя географическія пространства, было бы безуміемъ: хорошо, если бы можно было достичь Кемпе на морскомъ берегу и сѣсть тамъ на корабль. Скорѣе, скорѣе! Подъ конецъ пути, рѣшено было идти всю ночь, такъ велико было возбужденіе въ странѣ. Они такъ и поступаютъ; подъ мирнымъ покровомъ ночи, они съ трудомъ пробираются впередъ;—и однако что же это, молва опередила ихъ. Въ жалкой деревушкѣ Карэ (да будетъ она долго памятна путешественникамъ своими соломенными лачугами и бездонными торфяными болотами) они съ удивленіемъ замѣчаютъ еще мерцаніе огней: граждане бодрствуютъ съ горящими ночниками, въ этомъ уголкѣ земной планеты; когда мы быстро проходимъ по единственной жалкой улицѣ, слышится голосъ, говорящій: „Вотъ они идутъ! Les voila qui passent!“ [2]). Скорѣе, вы, двѣнадцать, осужденные, хромые: бѣгите прежде, чѣмъ они успѣютъ вооружиться; достигайте лѣсовъ Кемпе до наступленія дня и лежите тамъ притаившись.

Осужденные двѣнадцать такъ и дѣлаютъ, хотя съ трудомъ, съ потерей дороги, съ ночными опасностями въ незнакомой мѣстности. Въ Кемпе есть друзья жирондистовъ, которые, вѣроятно, укроютъ бездомныхъ, пока бордосскій корабль не подниметъ якоря. Измученные дорогой, съ усталымъ сердцемъ, въ мучительной нерѣшимости, пока будутъ увѣдомлены кемпскіе друзья, они лежатъ тамъ, притаившись подъ густымъ мокрымъ кустарникомъ, подозрѣвая каждое человѣческое лицо. Пожалѣйте этихъ отважныхъ несчастныхъ людей! Несчастнѣйшіе изъ законодателей! Думали ли вы какихъ нибудь двадцать или сорокъ мѣсяцевъ назадъ, когда, уложивъ свой багажъ, сѣли въ кожанную повозку, чтобы сдѣлаться римскими сенаторами возрожденной Франціи и пожать безсмертные лавры,—думали ли вы, что ваше путешествіе приведетъ васъ сюда? Кемпскіе самаритяне находятъ ихъ, притаившихся, поднимаютъ ихъ, чтобы помочь и ободрить, и прячутъ въ надежныхъ мѣстахъ. Оттуда имъ помогутъ ускользнуть постепенно; или же они могутъ сидѣть тамъ спокойно и писать свои мемуары, пока не распуститъ паруса бордоскій корабль.

Итакъ, въ Кальвадосѣ все усмирено; Роммъ выпущенъ изъ тюрьмы и обдумываетъ свой календарь; зачинщики заключены въ его комнату. Въ Канѣ семья Корде, молча, плачетъ; домъ Бюзо представляетъ кучу праха и развалинъ, и среди обломковъ стоитъ столбъ съ такой надписью: Здѣсь жилъ измѣнникъ Бюзо, замышлявшій противъ республики. Бюзо и другіе скрывшіеся депутаты объявлены, какъ мы видѣли, внѣ закона, они могутъ быть лишены жизни тамъ, гдѣ будутъ найдены. Хуже всего приходится бѣднымъ арестованнымъ парижскимъ депутатамъ. „Домашній арестъ“ грозитъ превратиться въ „заключеніе въ Люксембургѣ“; а гдѣ кончится? Кто, напримѣръ, этотъ блѣдный худой человѣкъ, ѣдущій по направленіи къ Швейцаріи, въ качествѣ невшательскаго купца, и арестуемый въ городѣ Муленѣ? Революціонному комитету онъ кажется подозрительнымъ. Для революціоннаго комитета онъ, очевидно, депутатъ Бриссо! Назадъ! подъ арестъ, бѣдный Бриссо, или въ строгое заключеніе, куда суждено послѣдовать и другимъ. Рабо выстроилъ себѣ фальшивую внутреннюю стѣну въ домѣ друга; живетъ въ непроглядной темнотѣ, между двухъ стѣнъ. Этотъ арестъ кончится въ тюрьмѣ и въ революціонномъ трибуналѣ.

---

[1]) Meillan стр. 119—137.

[2]) Louvet, стр. 138—164.

Не должны мы забывать и Дюперре, и печати, наложенныя на его бумаги изъ-за Шарлотты. Тамъ есть одна бумага, способная причинить довольно бѣдствій:—это тайный торжественный протестъ противъ suprema dies второго іюня; нашъ бѣдный Дюперре составилъ этотъ тайный протестъ въ ту же недѣлю со всею ясностью выраженія, выжидая время, когда можно будетъ опубликовать его: подъ этимъ тайнымъ протестомъ стоитъ ясно написанная подпись его и подписи не малаго числа другихъ жирондистскихъ депутатовъ. Что если печати будутъ сняты, когда гора еще господствуетъ? Всѣ протестующіе, Мерсье, Бальель, по слухамъ, еще семьдесятъ три депутата, все, что еще осталось отъ почтеннаго жирондизма въ конвентѣ, должны трепетать при этой мысли!..—Вотъ плоды поднятой междоусобной войны.

Мы находимъ также, что въ эти послѣдніе іюльскіе дни знаменитая осада Майнца окончена; гарнизонъ долженъ выйти съ военными почестями и не сражаться противъ коалиціи впродолженіи года. Любители живописнаго и Гёте стояли на майнцскомъ шоссе и смотрѣли съ должнымъ интересомъ на процессію, выходившую со всей подобающей торжественностью.

„Первымъ вышелъ сопровождаемый прусской кавалеріей французскій гарнизонъ. Трудно представить себѣ болѣе странное зрѣлище: колонна марсельцевъ, тонкихъ, загорѣлыхъ, пестрыхъ, въ заплатанныхъ одеждахъ, вышла скорымъ шагомъ, словно король Эдвинъ открылъ гору и выпустилъ изъ нея свое войско карликовъ. Затѣмъ слѣдовали регулярныя войска: серьезныя, сумрачныя,—хотя не унылыя и не пристыженныя. Но самымъ замѣчательнымъ явленіемъ, поразившимъ всѣхъ, были конные егеря. Они приблизились въ полномъ молчаніи къ тому мѣсту, гдѣ мы стояли, и тогда ихъ оркестръ заигралъ Марсельезу. Это революціонное Te Deum заключаетъ въ себѣ что-то грустное и пророческое даже при быстромъ темпѣ; но теперь его играли медленно, соотвѣтственно тихому аллюру егерей. Было что-то трогательное, жуткое и очень серьезное въ зрѣлищѣ этихъ всадниковъ, длинныхъ, тонкихъ, людей пожилого возраста, съ выраженіемъ лицъ, соотвѣтствующимъ музыкѣ, когда они мѣрнымъ шагомъ подвигались впередъ. По одиночкѣ ихъ можно было сравнить съ Донъ-Кихотомъ; въ массѣ они имѣли въ высшей степени благородный видъ.

Затѣмъ выходитъ одинъ отрядъ, который привлекаетъ особенное вниманіе: это—коммисары или представители. Мерленъ де-Тіонвиль въ гусарскомъ мундирѣ, выдѣляющійся своимъ дикимъ видомъ и бородой, имѣетъ по лѣвую руку другое лицо въ подобномъ же костюмѣ; при видѣ послѣдняго толпа съ яростью кричитъ имя одного якобинскаго горожанина и клубиста; она дрогнула, чтобы схватить его. Мерленъ, потянувъ узду, напоминаетъ объ его достоинствѣ, какъ французскаго представителя; о мести, которая послѣдовала бы за всякое нанесенное оскорбленіе, и совѣтуетъ всѣмъ успокоиться, потому что его видятъ здѣсь не въ послѣдній разъ. Такъ выѣхалъ Мерленъ, угрожающій въ самомъ пораженіи. Но что остановитъ теперь эту волну пруссаковъ, направляющуюся черезъ открытый сѣверо-востокъ? Счастье, если укрѣпленныя линіи Вейсембурга и непроходимость Вогезовъ ограничатъ ее французскимъ Эльзасомъ, удержатъ отъ наводненія самаго сердца страны!

Кромѣ того, въ эти же самые дни окончена осада Валансьена, павшаго подъ раскаленнымъ градомъ Іорка! Конде уже палъ нѣсколько недѣль тому назадъ. Киммерійская коалиція подвигается впередъ. Слѣдуетъ замѣтить, что во всѣхъ этихъ занятыхъ непріятелемъ французскихъ городахъ развивается знамя не съ роялистскими лиліями, во имя новаго претендента Людовика, а съ австрійскимъ орломъ, словно Австрія предполагаетъ удержать ихъ всѣ за собою. Не можетъ ли генералъ Кюстинъ, который находится еще въ Парижѣ, дать какія-нибудь объясненія относительно паденія этихъ укрѣпленныхъ городовъ? Мать патріотизма громко реветъ съ трибуны и галлерей, что онъ долженъ

---

[1]) Belagerung von Mainz (Goete's Werthe, XXX, 315.

сдѣлать это, однако съ желчью замѣчаетъ, что „господа изъ Пале-Рояля“ кричатъ многія лѣта этому генералу.

Мать патріотизма, избавленная теперь послѣдовательными очистками отъ всякой тѣни жирондизма, пріобрѣла большой авторитетъ: можно назвать ее щитоносцемъ или питомникомъ, или даже предводителемъ самаго очищеннаго національнаго конвента. Якобинскіе дебаты публикуются въ Moniteur, подобно парламентскимъ.

ГЛАВА IV.

О, природа!

Но, заглянемъ пристальнѣе въ городъ Парижъ: что такое замѣчаетъ тамъ исторія 10-го августа перваго года Свободы, „по старому стилю 1793 года“? Хвала небу, новый праздникъ Пикъ!

„Ежедневная депутація“ Шометта добивалась своего результата: конституціи. Это была одна изъ наиболѣе быстро составленныхъ конституцій, написанная, какъ иные говорятъ, въ недѣлю Геро-Сешелемъ и другими; вѣроятно, это была достаточно искусная, годная къ примѣненію конституція; впрочемъ, на этотъ счетъ мы не считаемъ себя призванными составить положительное сужденіе. Искусна была, или нѣтъ эта конституція, но сорокъ четыре тысячи французскихъ общинъ подавляющимъ большинствомъ поспѣшили принять ее, обрадованныя хотя какой-нибудь конституціей. Въ Парижъ явились делегаты отъ департаментовъ изъ почтенныхъ республиканцевъ съ порученіемъ торжественно изъявить согласіе на принятіе ея, и теперь, все, что еще остается, это публично провозгласить послѣднюю конституцію и присягнуть ей на праздникѣ Пикъ? Департаментскіе депутаты пріѣхали нѣсколько времени тому назадъ, и Шометтъ очень безпокоится за нихъ, какъ бы жирондистскіе господа, ихъ маклера или даже Filles de joie (Веселыя дѣвы) жирондистскаго направленія не испортили ихъ нравственности [1]. Этотъ день, десятаго августа,—безсмертная годовщина, почти болѣе великая, чѣмъ іюльская годовщина взятія Бастиліи.

Художникъ Давидъ не лѣнился. Благодаря ему и французскому генію, въ этотъ день выступаетъ на свѣтъ безпримѣрная сценическая фантасмагорія, о которой исторія, занятая реальными фантасмагоріями, говоритъ очень немного.

Одну вещь исторія можетъ отмѣтить съ удовольствіемъ: на развалинахъ Бастиліи сооружена статуя Природы, колоссальная, изливающая воду изъ своихъ грудей. Это не сонъ, а дѣйствительность, осязаемая, очевидная. И стоитъ она, изливаясь, великая Природа, въ сѣрыхъ предразсвѣтныхъ сумеркахъ; но лишь только восходящее солнце окраситъ пурпуромъ востокъ, какъ начинаютъ приходить безчисленныя толпы, стройныя и нестройныя. Приходятъ департаментскіе делегаты, приходятъ Мать патріотизма и ея Дочери; приходитъ національный конвентъ, предводительствуемый красивымъ Геро-Сешелемъ; нѣжная духовая музыка льется звуками ожиданія. И вотъ, какъ только великое свѣтило разсыпало свою первую горсть огней, позлативъ холмы и верхушки трубъ, Геро-Сешель уже у ногъ великой Природы (она просто изъ гипса); онъ поднимаетъ въ желѣзной чашѣ воду, струящуюся изъ священной груди; пьетъ ее съ краснорѣчивой языческой молитвой, начинающейся словомъ: „О, природа!“ и всѣ департаментскіе депутаты пьютъ за нимъ вслѣдъ, каждый съ наиболѣе подходящимъ къ случаю восклицаніемъ или пророческимъ изреченіемъ, какія кому приходятъ на умъ; все это среди вздоховъ, переходящихъ въ бурю духовой музыки; громъ артиллеріи и ревъ людскихъ глотокъ,—такимъ образомъ завершается первый актъ этого торжества.

---

[1]) Deux Amis, XI, 73.

Праздникъ единенія, 10 августа 1793 г.

Затѣмъ слѣдуютъ процессіи вдоль бульваровъ: депутаты и должностныя лица, связанные вмѣстѣ одной длинной трехцвѣтной лентой; далѣе идутъ „члены Державнаго Народа“, идутъ въ безпорядкѣ, съ пиками, молотами, съ орудіями и эмблемами своихъ цеховъ, среди которыхъ мы замѣчаемъ плугъ и древнихъ Филемона и Бавкиду, сидящихъ на плугѣ и везомыхъ своими дѣтьми. Нестройные и гармоническіе звуки множества голосовъ наполняютъ воздухъ. Многіе направляются черезъ Тріумфальныя арки и у подножія первой мы замѣчаемъ,—кого бы ты думалъ?—героинь возстанія, женщинъ, энергичныхъ дамъ рынка, онѣ сидятъ здѣсь (Теруань отсутствуетъ; опасаются, что она слишкомъ больна, чтобы быть здѣсь) съ дубовыми вѣтками, трехцвѣтными украшеніями, плотно усѣвшись на своихъ пушкахъ. Красивый Геро-Сешель, остановившись полюбоваться ими, обращается къ нимъ съ льстивой, краснорѣчивой рѣчью, послѣ которой онѣ встаютъ и присоединяются къ шествію.

А теперь, посмотрите, на площади Революціи, кому посвящена эта другая величественная статуя, закутанная въ холстъ, который быстро поднимается посредствомъ блока и веревки? Статуя Свободы! Она тоже изъ гипса, но, надѣются, что будетъ изъ металла; стоитъ она на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стояла статуя деспота Людовика XV. „Три тысячи птицъ“ выпущены на волю, въ Божій міръ, съ билетиками вокругъ шеи: Мы свободны; подражайте намъ. Жертвоприношенія изъ роялистской мишуры и ci-devant, какую еще могли найти, уже совершены; красавецъ Геро произноситъ пышную рѣчь; возносятся языческія молитвы.

И затѣмъ впередъ, за рѣку, гдѣ находится новое огромное изваяніе, цѣлая гора гипса: Народъ-Геркулесъ, съ поднятой, всепобѣждающей палицей; „многоголовый драконъ жирондистскаго федерализма, поднимающійся изъ зловоннаго болота“, требуетъ новаго потока краснорѣчія отъ Геро-Сешеля. Ужъ не говоримъ о Марсовомъ полѣ, о находящемся тамъ Алтарѣ отечества, съ урной, содержащей прахъ убитыхъ защитниковъ равенства передъ закономъ; о столькихъ изліяніяхъ, жестахъ и рѣчахъ, что губы Геро-Сешеля, вѣроятно, побѣлѣли и языкъ его сталъ прилипать къ гортани [1].

Около шести часовъ, усталый президентъ и парижскіе патріоты садятся за общественную трапезу, какая найдется, и съ бокалами пѣнящагося вина открываютъ новую и новѣйшую эру. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не готовъ уже новый календарь Ромма? На всѣхъ выступахъ домовъ мелькаютъ маленькіе трехцвѣтные флаги; флагштокомъ служитъ пика съ шапкой Свободы. На стѣнахъ всѣхъ домовъ, такъ какъ ни одинъ не подозрѣваемый патріотъ не захочетъ отстать отъ другихъ, виднѣются напечатанныя слова: Республика, единая и нераздѣльная, Свобода, Равенство, Братство или Смерть.

Что касается до новаго календаря, то въ этомъ отношеніи скорѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было, мыслящіе люди давно уже поражались неравенствами и несоотвѣтствіями, и необходимость замѣны стараго календаря новымъ была давно рѣшена. Марешаль, атеистъ, почти десять лѣтъ тому назадъ предложилъ новый календарь, свободный, по крайней мѣрѣ, отъ суевѣрія: парижскому муниципалитету оставалось только принять его теперь, за неимѣніемъ лучшаго. Во всякомъ случаѣ, съ календаремъ ли Марешаля, или другимъ лучшимъ, а новая эра наступила. Петиціи въ этомъ смыслѣ посылались уже неоднократно, и прошлый годъ всѣ общественныя учрежденія, журналисты и патріоты вообще отмѣчали первымъ годомъ республики. Вопросъ этотъ не безъ трудностей, но конвентъ взялся за него, и Роммъ, какъ мы видѣли, трудился надъ нимъ; не новый календарь Марешаля, а лучшій, новѣйшій календарь Ромма будетъ принятъ. Роммъ, которому помогаютъ Монжъ, Лагранжъ и другіе, доставляетъ математическія вычисленія; Фабръ д'Эглантинъ придумываетъ поэти-

---

[1]) Choix des Rapports, XII, 432—42.

ческія наименованія, и пятаго октября 1793 года, послѣ многихъ волненій, они представляютъ свой новый республиканскій календарь въ законченномъ видѣ, и онъ входитъ въ силу законнымъ порядкомъ.

Четыре равныхъ времени года, двѣнадцать равныхъ мѣсяцевъ по тридцати дней каждый; это составляетъ триста шестьдесятъ дней; остается пять лишнихъ дней, которые необходимо распредѣлить. Эти пять лишнихъ дней мы отводимъ на праздники и называемъ ихъ пятью санкюлотидами, или днями безштанными. Праздникъ Генія; праздникъ Труда, Дѣйствія, Вознагражденія, Мнѣнія,—такъ называются пять санкюлотидъ. Ими великій кругъ, или годъ, законченъ; въ каждый четвертый годъ, прежде называвшійся високоснымъ, мы вводимъ шестую санкюлотиду и называемъ ее праздникомъ Революціи. Что касается до начала, представляющаго наибольшія затрудненія, то не есть ли это одно изъ счастливѣйшихъ совпаденій, что республика сама началась 21 сентября, какъ разъ въ день осенняго равноденствія? Въ осеннее равноденствіе, въ полночь по парижскому меридіану, въ нѣкогда христіанскомъ 1792 году, начинаетъ свой счетъ новая эра. Vendemiaire, Brumaire, Frimaire (Виноградный, Туманный, Морозный): это три нашихъ осеннихъ мѣсяца. Nivose, Pluviose, Ventose (Снѣжный, Дождливый, Вѣтреный) составляютъ нашу зиму. Germinal, Floréal, Prairial (Проростающій, Цвѣтущій, Луговой), это наше весеннее время года. Messidor, Thermidor, Fructidor,—dor по гречески даръ—(Жатвенный, Жаркій, Плодовый), составляютъ республиканское лѣто. Эти двѣнадцать мѣсяцевъ своеобразно дѣлятъ республиканскій годъ. Что касается болѣе мелкихъ подраздѣленій, то мы дерзаемъ принять ваше десятичное дѣленіе, и вмѣсто древней, какъ міръ, недѣли, или седьмицы, сдѣлать десятидницу или декаду (Decade), и не безъ результата. Въ каждомъ мѣсяцѣ тогда получается три декады, что очень правильно; и Decadi, или десятый день, долженъ быть всегда „днемъ отдыха". А христіанское воскресенье въ такомъ случаѣ?—Исчезнетъ само собой!

Таковъ вкратцѣ новый календарь Ромма и конвента, вычисленный по парижскому меридіану и евангелію Жанъ Жака. Этотъ календарь составляетъ не послѣднее неудобство для нынѣшнихъ британскихъ читателей французской исторіи, смущая ихъ душу Мессидорами и Преріалями, такъ что приходится, наконецъ, въ видахъ самозащиты, составить какую нибудь основную схему, или таблицу, соотношеній между новымъ и старымъ стилями, и держать ее подъ рукою. Такую таблицу, почти истрепавшуюся на нашей службѣ, но все еще годную для чтенія и печати, мы предлагаемъ теперь читателю въ примѣчаніи, потому что календарь Ромма глубоко запечатлѣлся въ газетахъ, мемуарахъ и офиціальныхъ актахъ того періода времени; новою эрой, которая длится двѣнадцать слишкомъ лѣтъ, нельзя пренебрегать[1]). Итакъ, пусть читатель, съ такой основной схемой,

[1]) 22-е сентября 1792 г. это 1-е Вандемьера года Перваго, и новые мѣсяцы всѣ состоятъ изъ 30 дней каждый; итакъ

Къ числу дней въ	прибавить	У насъ число дней въ	дней
Vendemiaire	21	Сентябрь	30
Brumaire	21	Октябрь	31
Frimaire	20	Ноябрь	30
Nivose	20	Декабрь	31
Pluviose	19	Январь	31
Ventose	18	Февраль	28
Germinal	20	Мартъ	31
Floréal	19	Апрѣль	30
Prairial	19	Май	31
Messidor	18	Іюнь	30
Thermidor	18	Іюль	31
Fructidor	17	Августъ	31

поможетъ себѣ, гдѣ надо, перевести новый стиль на старый, называемый также „рабскимъ стилемъ, Stile-esclave“;—мы же, на этихъ страницахъ, будемъ придерживаться, насколько возможно, только послѣдняго.

Такъ, съ новымъ праздникомъ Пикъ и новой эрой, или новымъ календаремъ, приняла Франція свою новую конституцію, самую демократическую изъ когда-либо написанныхъ на бумагѣ. Какъ-то она будетъ дѣйствовать на практикѣ? Патріотическія депутаціи, отъ времени до времени, просятъ разрѣшенія пользоваться ею; просятъ, чтобы она была приведена въ дѣйствіе. Всегда, однако, это кажется сомнительнымъ, для даннаго момента неудобнымъ. Наконецъ, черезъ нѣсколько недѣль комитетъ общественнаго спасенія извѣщаетъ черезъ Сенъ-Жюста, что, при настоящихъ тревожныхъ обстоятельствахъ, Франція находится въ состояніи революціонномъ и правительство ея должно быть революціоннымъ, пока не наступитъ успокоеніе. Слѣдовательно, эта бѣдная новая конституція должна существовать только какъ бумага и какъ надежда; въ этомъ видѣ мы можемъ вообразить ее даже теперь лежащею, съ безконечнымъ множествомъ другихъ вещей, въ этой темницѣ подлуннаго міра. Болѣе, чѣмъ бумагой, ей и не суждено было сдѣлаться.

ГЛАВА V.

Острый мечъ.

Франціи, дѣйствительно, нужны теперь не бумажныя теоріи, а нѣчто совсѣмъ другое: ей нужны желѣзо и смѣлость.

Вѣдь, Вандея еще пылаетъ, — увы, въ буквальномъ смыслѣ; негодяй Россиньоль сжигаетъ даже мельницы. Генералъ Сантерръ ничего не могъ сдѣлать тамъ; генералъ Россиньоль, въ слѣпой ярости, часто пьяный, можетъ сдѣлать только менѣе, чѣмъ ничего. Мятежъ распространяется, становится все безумнѣе. Къ счастью, тѣ тощія фигуры Донъ-Кихотовъ, которыя мы видѣли выходящими изъ Майнца, „обязавшіяся не служить противъ коалиціи въ продолженіи года“, прибыли въ Парижъ. Національный конвентъ упаковываетъ ихъ въ почтовые дилижансы и повозки и проворно отправляетъ въ Вандею. Тамъ, мужественно сражаясь въ безвѣстныхъ битвахъ и схваткахъ подъ командой бездѣльника Россиньоля, пусть они, не увѣнчанные лаврами, спасутъ республику и „будутъ постепенно вырѣзаны всѣ до послѣдняго“ [1]).

Развѣ коалиція не разливается внутри Франціи, подобно огненному потоку: Пруссія черезъ открытый сѣверо-востокъ, Австрія съ своей стороны, Англія черезъ сѣверо-западъ? Генералъ Гушаръ имѣетъ не болѣе успѣха, чѣмъ Кюстинъ: пусть онъ хорошенько подумаетъ объ этомъ! Черезъ восточныя и западныя Пиренеи проникаетъ Испанія и развертывается по лицу южной Франціи, шурша бурбонскими знаменами. Зола и пепелъ хаотической жирондистской междоусобицы уже покрыли всю эту область. Марсель подавленъ, но не усмиренъ, и будетъ усмиренъ только потоками крови. Тулонъ, охваченный ужасомъ, слишкомъ далеко зашедшій, чтобы возвращаться, бросился,—вы, праведныя державы,—въ объятія англичанъ! На тулонскомъ арсеналѣ развѣвается флагъ, — даже не съ лиліями Людовика-Претендента, а съ крестомъ св. Георгія англичанъ и адмирала Гуда! Все, что еще оставалось у Франціи отъ ея военнаго флота, боевыхъ судовъ, арсеналовъ, канатныхъ заводовъ, предалось „этимъ врагамъ человѣческаго рода“. Осаждайте ихъ, бомбардируйте ихъ, вы, коммисары Барра, Фре-

---

Значитъ, 5 санкюлотидъ, а въ високосный годъ—еще шестая, прибавляемыя къ концу Фруктидора. Новый календарь окончился 1-го января 1806 г. Смотри Choix des Rapports XIII, 83—99; XIX, 199.

[1]) Deux Amis, XI, 147; XIII, 160—92 etc.

ронъ, Робеспьеръ-младшій; и вы, генералы Карто и Дюгомье,—особенно же ты, замѣчательный артиллерійскій маіоръ, Наполеонъ Бонапартъ! Гудъ укрѣпляется, запасается провизіей, очевидно намѣреваясь сдѣлать изъ Тулона новый Гибралтаръ.

Но. глядите, что это за столбъ пламени внезапно взвился надъ городомъ Ліономъ осенней, поздней ночью, въ концѣ августа, наполнивъ окрестность оглушительнымъ шумомъ. Это — ліонскій арсеналъ, съ четырьмя пороховыми башнями, загорѣлся отъ бомбардировки и взлетѣлъ на воздухъ, увлекая за собой сто семнадцать домовъ. Можно себѣ представить это сіяніе, подобное полуденному солнцу, этотъ грохотъ, уступающій развѣ только грому трубы послѣдняго суда Все спящее живое на далекое пространство вокругъ было разбужено. И какое зрѣлище представилось глазамъ исторіи въ этомъ неожиданномъ ночномъ блескѣ Крыши злосчастнаго Ліона со всѣми его куполами и шпицами мгновенно освѣтились; воды Соны и Роны вдругъ явственно засверкали; и все вокругъ стало видимо: горы и долины, деревушки, и гладкое жнивье, и холмы, увы, всѣ изрытые окопами, траншеями, редутами осаждающихъ и осажденныхъ; и голубые артиллеристы, и маленькіе чертенята съ порохомъ, занимающіеся своимъ адскимъ дѣломъ въ эту неблагоуханную ночь! Пусть мракъ скроетъ все это опять; это слишкомъ печалитъ взоръ. Поистинѣ, смерть Шалье дорого стоитъ этому городу. Коммисары конвента, ліонскіе конгрессы появлялись и исчезали; однѣ мѣры смѣнялись другими, противуположными; дурное становилось все худшимъ; пока не дошло до того, что коммисаръ Дюбуа-Крансе, съ „семидесятью тысячами войска и артиллеріей изъ нѣсколькихъ провинцій“, бомбардируетъ Ліонъ день и ночь

Дюбуа де-Крансе.

Но впереди еще худшее. Въ Ліонѣ голодъ, разореніе и пожаръ. Осажденные дѣлаютъ отчаянныя вылазки; храбрый Преси, ихъ національный полковникъ и командиръ, дѣлаетъ все, что въ силахъ человѣкъ, сражается отчаянно, но безуспѣшно. Провіантъ отрѣзанъ; ничего больше не попадаетъ въ городъ, кромѣ пуль и гранатъ! Арсеналъ взлетѣлъ на воздухъ; даже госпиталь бомбардируется, и больные будутъ погребены заживо. Черный флагъ, вывѣшенный на этомъ послѣднемъ зданіи, взываетъ къ состраданію осаждающихъ: вѣдь, хотя они и обезумѣли, но все же наши братья. Однако, въ своей слѣпой ярости, осаждающіе принимаютъ этотъ флагъ за знакъ вызова и еще ожесточеннѣе направляютъ туда свой огонь. Дурное становится все худшимъ; и какъ остановить это ухудшеніе, пока оно не дойдетъ до самаго ужаснаго? Коммисаръ Дюбуа не хочетъ слушать никакихъ доводовъ, никакихъ переговоровъ, кромѣ одного: обѣщанія безусловной сдачи. Въ Ліонѣ находятся усмиренные якобинцы, господствующіе жирондисты и тайные роялисты. И теперь, когда муниципалитетъ окруженъ кольцомъ глухаго ко всему безумія и артиллерійскаго огня, не бросится ли онъ съ отчаянія въ объятія самого роялизма? Король Сардиніи долженъ былъ помочь, но помощь не приходитъ. Эмигрантъ д'Отишанъ, отъ имени двухъ принцевъ-претендентовъ, идетъ съ помощью черезъ Швейцарію, но также еще не пришелъ: Преси поднимаетъ знамя съ лиліями!

При видѣ его, всѣ вѣрные жирондисты грустно опускаютъ оружіе.—Пусть наши трехцвѣтные братья берутъ насъ приступомъ и убиваютъ въ своей ярости: съ вами мы не побѣдимъ. Умирающія съ голоду женщины и дѣти высланы изъ города: неумолимый Дюбуа отправляетъ ихъ обратно и, въ безумномъ ожесточеніи, посылаетъ имъ только градъ ядеръ. Наши „редуты изъ хлоп-

;атобумажныхъ мѣшковъ" взяты и отбиты; Преси, подъ своимъ знаменемъ съ лиліями, дерется съ храбростью отчаянія. Что станется съ Ліономъ? Эта осада длится семьдесять дней [1]).

На той же недѣлѣ, въ далекихъ западныхъ водахъ, смѣло разрѣзаетъ волны Бискайскаго залива грязный и мрачный купеческій корабль шотландскаго шкипера, подъ палубой котораго обезкураженно сидитъ послѣдняя, покинутая горсть жирондистовъ-депутатовъ изъ Кемпе! Часть ихъ разсѣялась, кто куда могъ. Бѣдный Ріуффъ попалъ въ когти революціоннаго комитета и въ парижскую тюрьму. Остальные: сѣдовласый Петіонъ, сердитый Бюзо, подозрительный Луве, храбрый молодой Барбару и другіе, сидятъ здѣсь въ трюмѣ. Они бѣжали изъ Кемпе на этомъ жалкомъ суднѣ и теперь плывутъ, угрожаемые опасностями со всѣхъ сторонъ; грозятъ имъ и волны, и англичане, но пуще всего грозятъ ихъ братья-французы. Загнанные небомъ и землею въ чрево этого купеческаго корабля шотландскаго шкипера, среди бушующаго вокругъ Атлантическаго океана, они направляются въ Бордо, если случайно для нихъ еще остается тамъ надежда. Не входите въ Бордо, о, друзья! Кровожадные представители конвента, Тальенъ и ему подобные, уже прибыли туда со своими декретами, со своей гильотиной. Почтенный жирондизмъ загнанъ подъ землю; якобинцы господствуютъ наверху. Съ этой пристани Реоля, или мыса Амбесъ, какъ будто блѣдная смерть машетъ вамъ своимъ острымъ революціоннымъ мечемъ, совѣтуя направиться въ другое мѣсто!

Шотландскій шкиперъ, ловкій, грязный человѣкъ, съ трудомъ причаливаетъ къ одной изъ сторонъ этого мыса Амбесъ и высаживаетъ своихъ пассажировъ. Наведя необходимыя справки, они быстро прячутся подъ землю; и, такимъ образомъ, въ подземныхъ проходахъ, въ чуланахъ, погребахъ, на чердакахъ амбаровъ своихъ друзей и въ подземеліяхъ св. Эмиліоня и Либурна избѣгаютъ жестокой смерти [2]). Несчастнѣйшіе изъ сенаторовъ!

ГЛАВА VI.

Возставшіе противъ деспотовъ.

Что можетъ противупоставить якобинскій конвентъ всѣмъ этимъ неисчислимымъ затрудненіямъ, ужасамъ и бѣдствіямъ? Неспособный разсчитывать духъ якобинства и неформулированное безуміе санкюлотства! Наши враги тѣснятъ насъ, говоритъ Дантонъ, но покорить насъ имъ не удастся; „скорѣе мы обратимъ въ пепелъ Францію".

Комитеты общественной безопасности и общественнаго спасенія поднялись „на высоту обстоятельствъ". Пускай всѣ сдѣлаютъ то же. Пусть сорокъ четыре тысячи секцій съ ихъ революціонными комитетами заставятъ трепетать каждую фибру республики; чтобы каждый французъ почувствовалъ, что онъ обязанъ дѣйствовать, или умереть. Они, эти секціи и комитеты, артеріи якобинства: Дантонъ, посредствомъ органа Баррера и комитета общественнаго спасенія, издаетъ декретъ, чтобы въ Парижѣ, по постановленію закона, еженедѣльно собирались по два митинга секцій, и чтобы бѣднымъ гражданамъ платили за участіе въ нихъ, дабы они не теряли своихъ сорока су дневного заработка [3]). Это и есть знаменитый „законъ о сорока су", горячо побуждающій къ санкюлотизму, способствующій обращенію жизненныхъ соковъ якобинства.

Двадцать третьяго августа комитетъ общественнаго спасенія, по обыкновенію, черезъ Баррера, обнародовалъ въ словахъ, которыя стоитъ запомнить, свое поста-

---

[1]) Deux Amis, XI, 80—143.
[2]) Louvet, стр. 180—199.
[3]) Moniteur, Séance du 5 Septembre 1793.

новленіе, скоро сдѣлавшееся закономъ: о поголовномъ ополченіи. „Вся Франція, сколько бы она ни заключала въ себѣ людей и денегъ, должна быть поставлена подъ реквизицію“, говоритъ Барреръ поистинѣ словами Тиртея, краснорѣчивѣе которыхъ мы у него не знаемъ. „Республика, это одинъ громадный осажденный городъ“. Двѣсти пятьдесятъ кузницъ должны быть устроены на этихъ дняхъ въ Люксембургскомъ саду, вокругъ внѣшней стѣны Тюльери, чтобы выдѣлывать ружейные стволы предъ лицомъ земли и неба! Изъ всѣхъ деревушекъ, по направленію къ ихъ департаментскому городу; изъ всѣхъ департаментскихъ городовъ, по направленію къ указанному лагерю, или очагу войны, пойдутъ сыны свободы, на знамени которыхъ будетъ написано: „Le Peuple Français debout contre les Tyrans, французскій народъ, возставшій противъ деспотовъ. Молодые люди пойдутъ въ битву; ихъ задача—побѣждать; семейные люди будутъ ковать оружіе, возить обозъ и артиллерію, доставлять провіантъ; женщины будутъ шить одежду воинамъ, дѣлать палатки, служить въ госпиталяхъ; дѣти будутъ щипать корпію изъ стараго полотна; пожилые люди будутъ объѣзжать публичныя мѣста и своими рѣчами возбуждать храбрость молодыхъ, проповѣдывать ненависть къ королямъ и единеніе съ республикой“ [1]. Эти слова Тиртея, которыя отдаются во всѣхъ французскихъ сердцахъ.

Вотъ въ какомъ настроеніи, разъ, что никакое другое не помогаетъ, ринется Франція на своихъ враговъ! Ринется, очертя голову, не исчисляя издержекъ и послѣдствій, не руководствуясь никакимъ другимъ закономъ и правиломъ, кромѣ одного верховнаго закона:—спасенія народа! Оружіемъ послужитъ все желѣзо, находящееся во Франціи; силою—всѣ мужчины, женщины и дѣти Франціи. Тамъ, въ своихъ двухстахъ пятидесяти кузницахъ, въ саду Люксембурга и Тюльери, пусть они выковываютъ ружейные стволы предъ лицомъ земли и неба.

Но геройская отвага въ отношеніи чужеземнаго врага не можетъ заглушить черной ненависти къ врагу домашнему. Въ то время, какъ циркуляція жизненныхъ соковъ въ революціонныхъ комитетахъ была ускорена закономъ о сорока су, депутатъ Мерленъ, не Тіонвиль, котораго мы видѣли выѣзжающимъ изъ Майнца, а Мерленъ изъ Дуэ, прозванный впослѣдствіи Мерленомъ Suspect (подозрительнымъ),—выступаетъ, около недѣли спустя, со своимъ всемірно извѣстнымъ закономъ о подозрительныхъ, предписывающимъ всѣмъ секціямъ, черезъ ихъ комитеты, немедленно арестовывать всѣхъ подозрительныхъ лицъ, и объясняющимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, кто именно долженъ считаться подозрительнымъ и подлежащимъ аресту. „Подозрительны, говоритъ онъ, всѣ тѣ, кто своими дѣйствіями, сношеніями, рѣчами, сочиненіями и, короче говоря, чѣмъ бы то ни было, навлекли на себя подозрѣніе [2]. Мало того, Шометтъ, разъясняя предметъ далѣе въ своихъ муниципальныхъ плакатахъ и прокламаціяхъ, договорился до того, что подозрительнаго почти можно узнать на улицѣ и, схвативъ его, тащить въ комитетъ и въ тюрьму. Слѣдите хорошенько за своими словами, наблюдайте тщательно за своими взглядами: если вы не подозрительны ни въ чемъ другомъ, то можете сдѣлаться, какъ вошло въ поговорку, „подозрѣваемымъ въ подозрительности!“ Ибо не находимся ли мы въ состояніи революціи?

Болѣе ужасный законъ никогда не управлялъ ни одной націей. Всѣ тюрьмы и арестные дома на французской землѣ переполнились людьми до самой кровли; сорокъ четыре тысячи комитетовъ, подобно сорока четыремъ тысячамъ жнецовъ и собирателей колосьевъ, очищаютъ Францію, собираютъ свою жатву и складываютъ ее въ эти дома. Это—жатва аристократическихъ плевелъ! Мало того: изъ опасенія, что сорокъ четыре тысячи, каждая на своемъ собственномъ жатвенномъ полѣ, окажутся недостаточными, учреждается на подмогу имъ стран-

---

[1]) Debats, Séance du 23 Août 1793.

[2]) Moniteur, Séance du 17 Septembre 1793.

ствующая „революціонная армія“ въ шесть тысячъ человѣкъ, подъ командой надежныхъ капитановъ; она будетъ обходить всю страну и вмѣшиваться тамъ, гдѣ найдетъ, что жатвенная работа ведется не довольно энергично. Такъ просили муниципалитетъ и Мать патріотизма, такъ постановилъ конвентъ [1]). Да исчезнутъ всѣ аристократы, федералисты, господа! Да вострепещетъ все человѣчество! „Почва свободы должна быть очищена“—местью!

И революціонный трибуналъ не отдыхаетъ. Бланшландъ за потерю Санъ-Доминго, „орлеанскіе заговорщики“ за „убійство“, за нападеніе на священную особу депутата Леонарда Бурдона, многіе другіе, имена которыхъ неизвѣстны, но которымъ жизнь была дорога, уже погибли. Ежедневно великая гильотина получаетъ свою порцію. Подобно мрачному призраку, ежедневно, подъ вечеръ, скользитъ колесница смерти среди пестрой толпы. Пестрая улица на мгновеніе содрогается при видѣ ея, но въ слѣдующее мгновеніе забываетъ о ней: Аристократы! Они были виноваты передъ республикой; ихъ смерть, хотя бы только потому, что ихъ имущество будетъ конфисковано, принесетъ пользу республикѣ; Vive la République!

Въ послѣдніе дни августа скатилась болѣе знаменитая голова: генерала Кюстина. Онъ обвинялся въ жестокости, въ неспособности, въ измѣнѣ, и во многомъ другомъ, но оказался виновнымъ, можно сказать, только въ одномъ: въ томъ, что не имѣлъ удачи. Услышавъ свой неожиданный приговоръ, „Кюстинъ упалъ предъ Распятіемъ“ и не произносилъ ни слова впродолженіи двухъ часовъ; онъ ѣхалъ на площадь Революціи съ влажнымъ молящимся взоромъ; взглянувъ наверхъ, на сверкающій топоръ, онъ быстро поднялся на эшафотъ [2]) и быстро былъ вычеркнутъ изъ списка живыхъ. Это былъ гордый, отважный человѣкъ, онъ сражался въ Америкѣ, и судьба привела его сюда.

Второго числа того же мѣсяца, въ три часа утра, повозка съ опущенными шторами выѣхала изъ Тампля по направленію къ тюрьмѣ Консьержери. Въ ней находились два должностныхъ лица и Марія-Антуанетта, бывшая королева Франціи! Тамъ, въ этой Консьержери, въ позорной, мрачной камерѣ, оторванная отъ дѣтей, родныхъ, друзей и надежды, она сидѣла долгія недѣли, ожидая, когда наступитъ конецъ [3]).

Мы замѣчаемъ, что гильотина приходитъ все въ болѣе быстрое движеніе, по мѣрѣ того, какъ ускоряется ходъ другихъ дѣлъ; она служитъ показателемъ общей ускоренной дѣятельности республики. Звонъ ея громаднаго топора, который періодически поднимается и падаетъ какъ бы страшно пульсирующее сердце, есть только часть всего огромнаго движенія жизни и пульсаціи санкюлотской системы!—„Орлеанскіе заговорщики“ и оскорбители должны умереть, несмотря на многія просьбы и слезы, такъ священна особа депутата. И однако, священное можетъ быть лишено своего священнаго значенія: даже депутатъ оказывается не важнѣе гильотины. Бѣдный журналистъ Горза, тоже депутатъ, котораго мы видѣли спрятавшимся въ Реннѣ, когда кальвадоская война ознаменовалась неудачей въ самомъ началѣ, пробрался потомъ, въ августѣ, въ Парижъ и нѣсколько недѣль прятался около бывшаго Пале-Рояля; но однажды онъ былъ узнанъ, схваченъ и, какъ лишенный уже покровительства закона, безъ церемоніи, отправленъ на площадь Революціи. Онъ умеръ, поручивъ свою жену и дѣтей состраданію республики. Это было девятаго октября 1793 года. Горза—первый депутатъ, погибшій на эшафотѣ; онъ не будетъ послѣднимъ.

Бывшій мэръ Бальи въ тюрьмѣ; бывшій прокуроръ Манюэль, Бриссо и наши бѣдные арестованные жирондисты также сидятъ въ тюрьмѣ и надъ ними тяготѣетъ обвиненіе. Универсальное якобинство съ криками требуетъ наказа-

---

[1]) Moniteur, Seance du 5, 9, 11 Septembre.

[2]) Deux Amis XI, 148—188.

[3]) Смотри Memoires Particuliers de la Captivite à la Tour du Temple (герцогини Ангулемъ, Парижъ 21 января 1817).

нія ихъ. Печати на бумагахъ Дюперре—сняты. Въ одинъ несчастный день, внезапно вносится докладъ о семидесяти трехъ депутатахъ, подписавшихъ тайный протестъ, и всѣ они признаны виновными; двери конвента были „предусмотрительно заперты“, чтобы никто изъ замѣшанныхъ не могъ ускользнуть. Счастливы тѣ изъ нихъ, которые случайно отсутствовали! Кондорсе исчезъ во мракѣ неизвѣстности, быть можетъ, и онъ, подобно Рабо, сидитъ между двухъ стѣнъ въ домѣ друга.

ГЛАВА VII.

Марія Антуанетта.

Въ понедѣльникъ, четырнадцатаго октября 1793 года, въ зданіи суда, въ новой революціонной палатѣ, разбирается дѣло, подобному котораго никогда еще не были свидѣтелями эти старыя каменныя стѣны. Нѣкогда блистательнѣйшая изъ королевъ, теперь поблекшая, подурнѣвшая, покинутая, стоитъ здѣсь передъ судейскимъ столомъ Фукье-Тенвиля и даетъ отчетъ въ своей жизни. Обвинительный актъ былъ врученъ ей прошлою ночью! [1] Какими словами выразить чувство, вызываемое такими перемѣнами человѣческой судьбы? Его можно выразить только молчаніемъ.

Мало встрѣчается печатныхъ листовъ такого трагическаго, даже страшнаго значенія, какъ эти простыя страницы бюллетеня революціоннаго трибунала, которыя носятъ заглавіе: Процессъ вдовы Капетъ. Мрачны, мрачны, какъ зловѣщее затменіе, какъ блѣдныя тѣни царства Плутона, эти плутоническіе судьи, плутоническій Тенвиль, окруженные девять разъ Стиксомъ и Летой, огненнымъ Флегетономъ и Коцитомъ, названнымъ такъ отъ воплей! Сами вызванные свидѣтели подобны привидѣніямъ: оправдывающіе, обвиняющіе,—надъ всѣми ими самими занесена рука смерти и рока; они рисуются въ нашемъ воображеніи, какъ добыча гильотины. Не избѣжать ея ни этому высокому бывшему вельможѣ графу д'Эстэнъ, старающемуся показать себя патріотомъ; ни Бальи, который, когда его спросили, знаетъ ли онъ обвиняемую, отвѣчаетъ, съ почтительнымъ поклономъ въ ея страну, „о, да, я знаю Madame“. Есть здѣсь и эксъ-патріоты, съ которыми обращаются рѣзко, какъ, напримѣръ, съ прокуроромъ Мануэлемъ; есть и эксъ-министры, лишенные своего блеска. Мы видимъ холодное аристократическое безстрастіе у людей, вѣрныхъ себѣ даже въ аду; видимъ яростную глупость патріотическихъ капраловъ и патріотическихъ прачекъ, которые имѣютъ многое поразсказать о заговорахъ, измѣнахъ, о десятомъ августа. о возстаніи женщинъ. Вѣдь, все идетъ на счетъ проигравшей ставку.

Марія Антуанетта, эта царственная женщина, не измѣняеть себѣ и въ эти часы полнаго одиночества и безпомощности. Говорятъ, взоръ ея оставался спокоенъ, когда ей читали гнусный обвинительный актъ, и „иногда она шевелила пальцами, какъ будто играя на клавесинѣ“. Вы не безъ интереса видите изъ самаго этого мрачнаго революціоннаго бюллетеня, что она держалась съ достоинствомъ королевы. Ея отвѣты быстры, толковы, подчасъ лаконически кратки; въ ея спокойныхъ словахъ слышится рѣшимость, не безъ оттѣнка презрѣнія, но не въ ущербъ достоинству. „Такъ вы упорствуете въ отрицаніи?“—„Мое намѣреніе не отрицать: я сказала правду и настаиваю на ней“. Низкій Геберъ даетъ свидѣтельское показаніе, какъ относительно многаго другого, такъ и относительно одной вещи, касающейся Маріи Антуанетты и ея маленькаго сына,—вещи, которою лучше не осквернять болѣе человѣческой рѣчи. Королева возражала Геберу,—и одинъ изъ судей проситъ замѣтить, что она не отвѣтила на это. „Я потому не отвѣтила“, восклицаетъ она съ благороднымъ волненіемъ, „что природа отказывается отвѣ-

---

[1]) Proces de la Reine (Deux Amis XI, 251—381).

чать на подобныя обвиненія, взводимыя на мать: я призываю въ свидѣтели всѣхъ матерей, находящихся здѣсь". Робеспьеръ, услышавъ объ этомъ инцидентѣ, разразился почти ругательствами по поводу животной глупости этого

Королева Марія Антуанетта на судѣ.

Гебера [1]), на гнусную голову котораго обрушилась его же грязная ложь. Въ среду, въ четыре часа утра, послѣ двухъ сутокъ допросовъ, судебныхъ рѣчей и другихъ затемненій дѣла, постанавливается рѣшеніе: смертный приговоръ. „Имѣете

[1]) Villate, Causes secrètes de la Révolution de Thermidor (Paris, 1825), стр. 179.

ГЛАВА VIII.

Двадцать два.

Кого теперь, о, Тенвиль! Теперь слѣдуютъ люди другого цвѣта: наши бѣдные жирондистскіе депутаты, т. е. тѣ изъ нихъ, которыхъ удалось задержать; это были: Верньо, Бриссо, Фоше, Валазе, Жансонне, нѣкогда цвѣтъ французскаго патріотизма, двадцать два счетомъ: сюда, къ судейскому столу Тенвиля приведены они въ силу обстоятельствъ, изъ подъ „защиты французскаго народа", изъ Люксембургскаго заключенія, изъ тюрьмы Консьержери. Фукье-Тенвиль долженъ дать о нихъ отчетъ, какой онъ можетъ.

Несомнѣнно, что этотъ процессъ жирондистовъ—важнѣйшій изъ всѣхъ, какой приходилось ему разбирать. Передъ нимъ выстроены въ рядъ двадцать два человѣка, все республиканскіе вожаки,—краснорѣчивѣйшіе во Франціи; къ тому же адвокаты, и не безъ друзей среди присутствующихъ. Какъ докажетъ Тенвиль виновность этихъ людей въ роялизмѣ, въ федерализмѣ, въ заговорѣ противъ республики? Краснорѣчіе Верньо пробуждается еще разъ и, какъ говорятъ, „вызываетъ слезы". Журналисты пишутъ отчеты, процессъ затягивается изо дня въ день; „грозитъ сдѣлаться вѣчнымъ", какъ ворчатъ многіе. Якобинцы и муниципалитетъ являются къ Фукье на помощь. Двадцать восьмого того же мѣсяца Геберъ и другіе приходятъ, въ качествѣ депутаціи, извѣстить потріотическій конвентъ, что революціонный трибуналъ совсѣмъ „скованъ формальностями судебнаго производства"; что потріотическіе присяжные должны имѣть „власть прекращать пренія, разъ, что они чувствуютъ себя убѣжденными". Это внушительное предложеніе о прекращеніи преній поспѣшно превращается въ декретъ.

Итакъ, въ десять часовъ вечера, тридцатаго октября, эти двадцать два, вызванные въ судъ еще разъ, увѣдомляются, что присяжные, чувствуя себя убѣжденными, прекратили пренія и вынесли свое рѣшеніе: обвиняемые признаны виновными и приговорены, всѣ до единаго,—къ смертной казни съ конфискаціей имущества.

Громкій невольный крикъ вырывается у бѣдныхъ жирондистовъ и поднимается такое волненіе, что для подавленія его приходится позвать жандармовъ. Валазе закалывается кинжаломъ и падаетъ мертвымъ на мѣстѣ. Остальные, среди громкихъ криковъ и смятенія, уводятся обратно въ Консьержери; Ласурсъ восклицаетъ: „Я умираю въ тотъ день, когда народъ потерялъ свой разсудокъ; а вы умрете, когда онъ вновь обрѣтетъ его" [1]). Ничто не помогаетъ! Уступая силѣ, осужденные запѣваютъ Марсельезу,—и съ пѣніемъ возвращаются въ свою тюрьму.

Ріуффъ, который былъ ихъ товарищемъ по заключенію въ эти послѣдніе дни, съ любовью описываетъ, какъ они умерли. По нашему мнѣнію, это не назидательная смерть. Веселое, сатирическое Pot-pourri, составленное Дюко; написанныя стихами сцены трагедіи, въ которыхъ Барреръ и Робеспьеръ разговариваютъ съ сатаной; вечеръ передъ смертью, проведенный „въ пѣніи и веселыхъ выходкахъ", съ „рѣчами о счастьѣ народовъ",—все это и тому подобное мы можемъ принимать только за то, чего оно стоитъ. Такимъ образомъ, жирондисты справляли свою послѣднюю вечерю. Валазе, съ окровавленной грудью, спитъ въ холодныхъ объятіяхъ смерти, не слышитъ пѣнія. У Верньо есть доза яда, но ея недостаточно для его друзей, а достаточно только для него одного, поэтому онъ выбрасываетъ ее и предсѣдательствуетъ на этомъ послѣднемъ ужинѣ жирондистовъ съ блескомъ отчаяннаго краснорѣчія, съ пѣніемъ, весельемъ. Бѣдная

---

[1]) Δημοσθένους εἰπόντος, 'Αποκτενοῦσί σε' Αθηναῖοι Φωκίων. 'Αν μανῶσιν, εἶπε, σε δ' ἐὰν σωφρονῶσι.—Plut. Opp. t. iv. стр. 310, ed. Reiske, 1776.

человѣческая воля силится заявить свою самостоятельность не тѣмъ, такъ другимъ путемъ [1]).

На другой день утромъ весь Парижъ на улицахъ; толпа, какой еще не видывалъ ни одинъ человѣкъ. Колесницы смерти, съ холоднымъ трупомъ Валазе, вытянутымъ среди еще живыхъ двадцати одного, тянутся длиннымъ рядомъ по улицамъ Парижа. Осужденные съ обнаженными головами, со связанными руками, въ однѣхъ рубашкахъ и брюкахъ, прикрыты свободно накинутыми на плечи плащами. Такъ ѣдутъ представители краснорѣчія Франціи, сопровождаемые говоромъ и криками. На крики Vive la République! нѣкоторые изъ нихъ отвѣчаютъ криками же Vive la République. Другіе, какъ, напримѣръ, Бриссо, сидятъ, погруженные въ молчаніе. У подножія эшафота они вновь затягиваютъ марсельезу съ соотвѣтствующими случаю варіаціями. Представьте себѣ этотъ концертъ! Живые еще поютъ, но хоръ быстро таетъ. Топоръ Самсона проворенъ: въ каждую минуту падаетъ по головѣ. Хоръ слабѣетъ и слабѣетъ и, наконецъ, смолкаетъ. Прощайте, жирондисты, на вѣки! Te-Deum Фоше умолкъ навсегда; мертвая голова Валазе отрублена; серпъ гильотины пожалъ всѣхъ жирондистовъ. „Краснорѣчивые, молодые, прекрасные и отважные!“ восклицаетъ Ріуффъ. О, смерть, какое пиршество готовится въ твоихъ мрачныхъ чертогахъ!

Увы, не лучше судьба жирондистовъ и въ далекомъ бордосскомъ округѣ. Цѣлые мѣсяцы уныло тянутся въ пещерахъ Сентъ-Эмиліона, на чердакахъ и въ погребахъ; одежда износилась, кошелекъ пустъ, а подходитъ холодный ноябрь; съ Тальеномъ и его гильотиной всякая надежда теперь исчезла. Опасность все приближается, препятствія тѣснятъ все сильнѣе; жирондисты рѣшаются раздѣлиться. Прощаніе было трогательное: высокій Барбару, самый веселый изъ этихъ отважныхъ людей, наклоняется, чтобы обнять своего друга Луве: „Гдѣ бы ты ни нашелъ мою мать“, восклицаетъ онъ, „постарайся быть ей вмѣсто сына: нѣтъ средствъ, которыхъ бы я не раздѣлилъ съ твоей женой, если бы когда нибудь случай свелъ меня съ нею“ [2]).

Луве отправился съ Гаде, Саллемъ и Валади; Барбару съ Бюзо и Петіономъ. Валади вскорѣ отдѣлился и пошелъ своей дорогой на югъ. Два друга и Луве провели, четырнадцатаго ноября 1793 года, тяжелыя сутки: измученные сыростью, усталостью и голодомъ, они стучатся на утро, прося помощи, у дома друга, въ деревнѣ; трусливый другъ отказывается принять ихъ, и они остаются стоять подъ деревьями, подъ проливнымъ дождемъ. Съ отчаянія Луве рѣшается идти въ Парижъ и выступаетъ въ путь, расплескивая грязь вокругъ себя, съ новой силой, вызванной яростью или безуміемъ. Онъ проходитъ деревни, находя „часовыхъ, заснувшихъ въ своихъ будкахъ подъ проливнымъ дождемъ“, онъ проходитъ раньше, чѣмъ его успѣваютъ окликнуть. Онъ обманываетъ революціонные комитеты, проѣзжаетъ въ закрытыхъ и открытыхъ телѣгахъ ломовыхъ извозщиковъ, спрятанный подъ кладью; проѣзжаетъ однажды по улицамъ Орлеана подъ ранцами и плащами солдатскихъ женъ, въ то время, когда его ищутъ; испытываетъ такія приключенія, которыя наполнили бы три романа; наконецъ, попадаетъ въ Парижъ къ своей прекрасной подругѣ, бѣжитъ съ нею въ Швейцарію и ждетъ тамъ лучшихъ дней.

Бѣдные Гаде и Салль были оба вскорѣ схвачены и умерли въ Бордо на гильотинѣ; барабанный бой заглушилъ ихъ голоса. Валади также схваченъ и гильотинированъ. Барбару и двое его товарищей выдержали долѣе, до лѣта 1794 года; но недостаточно долго. Въ одно іюльское утро, мѣняя свое убѣжище, какъ они это часто дѣлали, „приблизительно въ трехъ миляхъ отъ Сентъ-Эмиліона, они замѣтили большую толпу поселянъ“: безъ сомнѣнія, это якобинцы пришли схватить ихъ? Барбару вынимаетъ пистолетъ и застрѣливается наповалъ. Увы! это были не якобинцы, а безобидные поселяне, шедшіе на храмовой

---

[1]) Memoires de Riouffe (въ Mémoires sur les Prisons, Paris, 1823), стр. 48—55.

[2]) Louvet, стр. 213.

Богу извѣстно, что ужасовъ и террора было достаточно и тогда, но фактъ былъ еще неполонъ, даже, собственно говоря, это вовсе не былъ фактъ, а скорѣе тѣнь, отрицательная сторона его. Теперь же, въ новой стадіи дѣла, когда исторія, переставъ кричать, должна бы попытаться подвести этотъ удивительный фактъ подъ свои старыя формы рѣчи и мышленія для того, чтобы какой нибудь признанный наукой законъ природы былъ достаточенъ для объясненія неожиданнаго продукта природы, и исторія могла бы заговорить о немъ членораздѣльно, извлекая изъ него выводы и пользу для себя,– въ этой новой стадіи исторія, надо признаться, только бормочетъ и запинается еще болѣе мучительнымъ образомъ. Возьмите, напримѣръ, самыя послѣднія разсужденія, которыя предложилъ намъ въ послѣдніе мѣсяцы, какъ самыя подходящія къ предмету, почтенный г. Ру, въ своей Histoire parlementaire. Это новѣйшее и самое странное опредѣленіе гласитъ, что французская революція была крайнимъ усиліемъ,—послѣ восемнадцати столѣтій подготовленія,–осуществить христіанскую религію [1]. Слова: Единеніе, Нераздѣльность, Братство или Смерть, дѣйствительно, были написаны на домахъ всѣхъ живыхъ людей, такъ же, какъ на кладбищахъ, или жилищахъ мертвецовъ, по приказанію прокурора Шометта, было написано: Здѣсь вѣчный сонъ [2]); но христіанская религія, осуществляемая гильотиной и вѣчной смертью, „подозрительна мнѣ", „m'est suspect, какъ обыкновенно говорилъ Робеспьеръ.

Увы, нѣтъ, г. Ру! Евангеліе братства не согласно съ евангеліями четырехъ древнихъ евангелистовъ, призывающихъ людей раскаяться и исправить свою собственную дурную жизнь, чтобы спасти душу; это скорѣе евангеліе въ духѣ новаго пятаго евангелиста Жанъ-Жака, призывающее каждаго исправлять дурную жизнь всего міра, и спастись составленіемъ конституціи. Это двѣ вещи, совершенно различныя и раздѣленныя одна отъ другой цѣлымъ небомъ toto coelo и далѣе если возможно! — Впрочемъ, исторія, какъ и вообще человѣческіе рѣчь и разумъ, стремится, подобно праотцу Адаму, вначалѣ его жизни, давать названія новымъ вещамъ, которыя она видитъ среди произведеній природы,—и часто стремится довольно неудачно.

Но что, если бы исторія хотя разъ допустила, что всѣ извѣстныя ей названія и теоремы не подходятъ къ предмету; что это великое произведеніе природы было велико и ново именно тѣмъ, что оно не подходитъ подъ извѣстные законы природы, а открываетъ какіе-то новые? Въ такомъ случаѣ, исторія, отказавшись отъ претензіи сейчасъ же дать названіе явленію, стала бы добросовѣстно присматриваться къ нему и называть въ немъ только то, что она можетъ назвать. Всякое, хотя приблизительно вѣрное названіе, имѣетъ цѣну; разъ настоящее названіе найдено, предметъ становится извѣстнымъ; мы овладѣваемъ имъ, можемъ пользоваться имъ.

Но, конечно, не осуществленіе христіанства, или чего либо земного, замѣчаемъ мы въ этомъ царствѣ террора, въ этой французской революціи, которой онъ является завершеніемъ. Скорѣе мы замѣчаемъ разрушеніе всего, что можетъ быть разрушено. Словно двадцать пять милліоновъ людей, вставъ, наконецъ, въ состояніи пиѳіи, поднялись одновременно, чтобы заявить громовымъ голосомъ, проносящимся черезъ далекія страны и времена, что ложь существованія сдѣлалась невыносимой. О, вы, лицемѣріе, благовидность, королевскія мантіи, бархатныя епанчи кардиналовъ; вы, догматы, формулы, благонравіе, красиво расписанные склепы полные костей мертвецовъ,—смотрите, вы кажетесь намъ воплощенною ложью! Но наша жизнь не ложь, наши голодъ и нищета — не ложь! Смотрите, всѣ мы, двадцать пять милліоновъ, поднимаемъ правую руку,—и призываемъ въ свидѣтели небо, землю и самый адъ въ томъ, что или вы перестанете существовать, или мы!

---

[1]) Hist. Parl. (Introd.), I. 1 et seqq.

[2]) Deux Amis, XII 78.

Клятва нешуточная; это, какъ уже часто говорено, самое замѣчательное дѣло за послѣднюю тысячу лѣтъ. За нимъ слѣдуютъ и будутъ слѣдовать результаты. Исполненіе этой клятвы означаетъ мрачную, отчаянную борьбу людей со всѣми условіями и окружающимъ,—борьбу, увы, вмѣстѣ съ грѣхомъ и мракомъ, находящимся въ нихъ самихъ, такъ же какъ и въ другихъ; таково царство террора. Смысломъ его, хотя и безсознательнымъ, было трансцендентальное отчаяніе. Мы всегда видимъ лживыя надежды на братство, на наступленіе политическаго милленіума и т. д. Но незримое сердце всего, трансцедентальное отчаяніе, не было лживо, и не должно было оставаться безъ послѣдствій. Отчаяніе, зашедшее такъ далеко, завершаетъ кругъ, такъ сказать, и становится своего рода источникомъ продуктивной надежды.

Ученіе о братствѣ, унаслѣдованное отъ стараго католицизма, дѣйствительно, неожиданно спускается въ колесницѣ Жанъ-Жакова евангелія со своей облачной небесной тверди, и изъ теоріи собирается перейти въ практику. Но то же самое бываетъ у французовъ со всѣми вѣрованіями, намѣреніями, обычаями, знаніями, идеями и явленіями: они внезапно сваливаются на людей. Католицизмъ, классицизмъ, сентиментализмъ, каннибализмъ—всѣ измы, составляющіе человѣка во Франціи, съ грохотомъ рушатся въ эту бездну; и теорія становится практикой, и то, что не можетъ плавать, тонетъ. Не одинъ евангелистъ Жанъ-Жакъ. Нѣтъ ни одного сельскаго учителя, который не внесъ бы своей лепты; развѣ мы не говоримъ „ты“ другъ другу, подобно свободнымъ народамъ древности? Французскій патріотъ, въ красной фригійской шапкѣ Свободы, называетъ своего бѣднаго маленькаго наслѣдника Катономъ,—цензоомъ, или какъ онъ тамъ былъ, Утическимъ. Бабёфъ, издающій газету,—сталъ Гракхомъ; Муцій Сцевола—кожевникъ, съ подобной же геройской душой, предсѣдательствуетъ въ секціи Муція Сцеволы; короче сказать, весь міръ здѣсь перемѣшался, чтобы испытать, что всплыветъ.

Поэтому мы, во всякомъ случаѣ, назовемъ это царство террора очень страннымъ. Господствующій санкюлотизмъ расчищаетъ себѣ, такъ сказать, поприще; это одно изъ самыхъ странныхъ состояній, въ какомъ когда-либо находилось человѣчество. Цѣлая нація съ массой потребностей и безъ обычаевъ! Старые обычаи обветшали и покинуты, такъ какъ они стали стары: люди, движимые нуждой и пифійскимъ безуміемъ, хотятъ тотчасъ найти способъ удовлетворенія этой нужды. Обычное рушится; въ силу подражанія и изобрѣтенія, поспѣшно создается необычайное. Все, что содержитъ въ себѣ французская національная голова, проявляется наружу и, если результатъ получается не великій, то, навѣрное, одинъ изъ самыхъ странныхъ.

Но читатель не долженъ воображать, что царство террора было сплошь мрачнымъ; далеко до этого. Сколько кузнецовъ и плотниковъ, пекарей и пивоваровъ, чистильщиковъ и прессовщиковъ во всей этой Франціи продолжаютъ отправлять свой обычный вседневный трудъ безразлично, имѣетъ ли Франція правительство ужаса, или правительство радости! Въ этомъ Парижѣ каждый вечеръ открыты 23 театра и, какъ иные насчитываютъ, до шестидесяти танцовальныхъ залъ [1]). Драматическіе писатели фабрикуютъ пьесы строго республиканскаго содержанія. Всегда свѣжіе вороха романовъ, какъ въ старину, поставляетъ передвижная библіотека для чтенія [2]). „Сточная яма ажіотажа“ теперь, во времена бумажныхъ денегъ, работаетъ съ быстротой безпримѣрной, невообразимой; извергаетъ изъ себя „неожиданныя богатства“, подобныя дворцамъ Аладина, и въ этихъ удивительныхъ фато-морганахъ вы можете временно жить. Терроръ подобенъ песчаной почвѣ, на которой вырисовываются самыя разнообразныя сцены. Великое, смѣшное, ужасное въ ошеломляющихъ переходахъ,

---

[1]) Mercier, II. 124.

[2]) Moniteur за эти мѣсяцы, passim.

въ сгущенныхъ краскахъ, слѣдуютъ одно за другимъ, или вѣрнѣе сопровождаютъ одно другое въ безпорядочной толкотнѣ.

Итакъ, здѣсь, скорѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, „сотня языковъ", которыхъ часто просили старые поэты, оказали бы величайшую услугу! За неимѣніемъ у насъ такого органа, пусть читатель заставитъ работать свое собственное воображеніе, а мы постараемся подмѣтить для него ту или другую значительную сторону явленій, въ наиболѣе удобномъ порядкѣ, какой только намъ доступенъ.

ГЛАВА II.

Смерть.

Въ первые ноябрьскіе дни нужно отмѣтить одно мимолетное обстоятельство: послѣдній путь въ свой долговѣчный домъ Филиппа Орлеанскаго-Эгалите. Филиппъ былъ „обвиненъ" вмѣстѣ съ жирондистами, къ удивленію ихъ и своему собственному; но не былъ судимъ одновременно съ ними. Они были уже осуждены и казнены дня три тому назадъ, когда Филиппъ, послѣ своего полугодового заключенія въ Марселѣ, былъ привезенъ въ Парижъ. Это происходило по нашему вычисленію 3-го ноября 1793 г.

Въ этотъ же самый день заключены подъ стражу двѣ знаменитыхъ женщины: г-жа Дюбарри и Жозефина Богарне. Несчастная Дюбарри, нѣкогда графиня, возвратилась изъ Лондона, и ее схватили, не только какъ бывшую любовницу покойнаго короля и уже поэтому подозрительную; но также по обвиненію въ томъ, что она „снабжала эмигрантовъ деньгами". Одновременно съ нею заключена въ тюрьму жена Богарне, которой скоро суждено сдѣлаться вдовой; это Жозефина Таше Богарне, будущая императрица Жозефина Бонапартъ; чернокожая прорицательница подъ тропиками давно предсказала ей, что она будетъ королевой и даже болѣе того. Въ тѣ же самые часы, бѣдный Адамъ Люксъ, почти помѣшавшійся и, по словамъ Форстера, „не принимавшій пищи въ послѣднія три недѣли", отправляется на гильотину за свою брошюру о Шарлоттѣ Корде: „онъ взбѣжалъ на эшафотъ и сказалъ, что умираетъ за нее съ великой радостью". Вотъ съ какими спутниками пріѣзжаетъ Филиппъ. Называется ли мѣсяцъ брюмеромъ, года второго свободы, или ноябремъ 1793 года рабства, работа гильотины не прекращается. Guillotine va toujours.

Обвинительный актъ Филиппа быстро составленъ; судьи его быстро убѣждены. Онъ обвиненъ въ роялизмѣ, заговорѣ и многомъ другомъ; ему поставлено въ вину даже то, что онъ подалъ голосъ за казнь Людовика, хотя онъ отвѣчаетъ: „я подавалъ голосъ по убѣжденію и совѣсти". Онъ приговоренъ къ немедленной смерти; наступающій мрачный день шестого ноября—послѣдній, который суждено ему видѣть. Выслушавъ приговоръ, Филиппъ, говоритъ Монгальяръ, пожелалъ позавтракать: онъ съѣлъ „изрядное количество устрицъ, пару котлетъ, выпилъ добрую часть бутылки превосходнаго кларета", и все это съ видимымъ удовольствіемъ. Затѣмъ явился революціонный судья, или офиціальный эмиссаръ конвента, и заявилъ ему, что онъ можетъ оказать нѣкоторую услугу государству, открывъ правду относительно какихъ нибудь заговоровъ. Филиппъ отвѣтилъ, что послѣ всего происшедшаго, государство, какъ ему кажется, имѣетъ мало правъ на него; но, тѣмъ не менѣе въ интересахъ свободы, онъ, еще располагая свободнымъ временемъ, согласенъ, если ему зададутъ разумный вопросъ, дать разумный отвѣтъ. Онъ облокотился, какъ говоритъ Монгальяръ, на каминную доску и по наружности съ большимъ спокойствіемъ разговаривалъ вполголоса съ эмиссаромъ, пока не истекли данныя ему свободныя минуты, послѣ чего эмиссаръ ушелъ.

Въ дверяхъ Консьержери осанка Филиппа была увѣрена и непринужденна, почти повелительна. Прошло пять лѣтъ безъ нѣсколькихъ дней съ тѣхъ поръ,

какъ Филиппъ подъ этими же каменными сводами стоялъ съ любезнымъ видомъ и спрашивалъ короля Людовика: „Было ли то парламентскимъ засѣданіемъ подъ предсѣдательствомъ короля, или судбищемъ?“ О, небо!—Трое простыхъ разбойниковъ должны были ѣхать на казнь вмѣстѣ съ нимъ и нѣкоторые утверждаютъ, что онъ протестовалъ противъ такой компаніи, и ихъ пришлось втащить на повозку [1])! Но это не правдоподобно... Протестовалъ онъ, или нѣтъ, а наводящая ужасъ повозка выѣзжаетъ. Костюмъ Филиппа отличается изяществомъ: зеленый кафтанъ, жилетъ изъ бѣлаго пике, желтыя лосиныя брюки, блестящіе, какъ зеркало, сапоги; его осанка по прежнему спокойна, безстрастна и холодно непринужденна. Повозка медленно проѣзжаетъ среди проклятій улицу за улицей, мимо дворца Эгалите, нѣкогда Пале-Рояля! Жестокая чернь останавливаетъ ее здѣсь на нѣсколько минутъ: говорятъ, г-жа Бюффонъ выглянула здѣсь посмотрѣть на него, въ головномъ уборѣ Іезавели. На стѣнѣ изъ дикаго камня были напечатаны огромными трехцвѣтными буквами слова: *Республика единая и нераздѣльная; Свобода, Равенство, Братство или Смерть:* Національная Собственность. Глаза Филиппа блеснули на мгновеніе адскимъ огнемъ, но огонь тотчасъ погасъ, и Филиппъ продолжалъ сидѣть безстрастный, холодно-вѣжливый. На эшафотѣ, когда Самсонъ собирался снять съ него сапоги, осужденный сказалъ: „Оставьте; они лучше снимутся послѣ, а теперь поспѣшимъ, dépêchons nous!“

Значитъ, и у Филиппа Эгалите были свои добродѣтели? Упаси Боже, чтобы былъ хотя одинъ человѣкъ безъ нихъ! Онъ имѣлъ уже ту добродѣтель, что прожилъ весело до сорока пяти лѣтъ;—а изъ другихъ, можетъ быть, и были какія, но мы не знаемъ. Несомнѣнно только, что ни о комъ изъ смертныхъ не разсказывали такъ много фактовъ и такъ много лжи, какъ о немъ. Онъ былъ якобинскимъ принцемъ крови,—подумайте, какая комбинація. Къ тому же онъ жилъ въ вѣкъ памфлетовъ, а не въ вѣка Нерона или Борджія. Этого съ насъ довольно; хаосъ далъ и взялъ его обратно; пожелаемъ, чтобы онъ долго или никогда болѣе не производилъ ему подобнаго!—Храбрый молодой Орлеанскій Эгалите, лишенный всего, за исключеніемъ жизни, отправился въ Куръ въ кантонѣ Граабюнденѣ, подъ именемъ Корби, преподавать математику. Семья Эгалите опустилась до Надира.

Гораздо болѣе благородная жертва слѣдуетъ за Филиппомъ: одна изъ тѣхъ, память о которой живетъ вѣка,—Жанна Марія Флипонъ, жена Ролана. Царственной, великой въ своей молчаливой скорби казалась она Ріуффу въ своей тюрьмѣ. „Что-то большее, чѣмъ обыкновенно находишь во взорахъ женщинъ, отражалось [2]) въ ея большихъ черныхъ глазахъ, полныхъ выраженія и мягкости. Она часто говорила со мной черезъ рѣшетку; мы всѣ вокругъ внимали ей съ восторгомъ и удивленіемъ, она говорила такъ правильно, гармонично и выразительно, что рѣчь ея походила на музыку, которой никогда не могъ достаточно насладиться слухъ. Ея бесѣды были серьезны, но не холодны; рѣчи этой прелестной женщины были искренни и мужественны, какъ рѣчи великаго мужчины“. „И, однако, ея горничная говорила намъ: „Передъ вами она сдерживается; но въ своей комнатѣ она сидитъ иногда часа по три, облокотясь на окно, и плачетъ“. Она находилась въ тюрьмѣ съ 1-го іюня, однажды освобожденная, но снова задержанная въ тотъ же часъ. Дни ея проходили въ волненіи и неизвѣстности, которая скоро перешла въ твердую увѣренность,—въ неизбѣжности смерти. Въ тюрьмѣ Аббатства она занимала комнату Шарлотты Корде. Здѣсь, въ Консьержери, она бесѣдуетъ съ Ріуффомъ, съ ех-министромъ Клавіеромъ, называетъ двадцать два обезглавленныхъ „Nos amis, нашими друзьями“ за которыми мы скоро послѣдуемъ. Впродолженіе этихъ пяти мѣсяцевъ были написаны ея мемуары, которые еще и теперь читаетъ весь міръ.

---

[1]) Forster, II, 628; Montgaillard, IV, 141—57.

[2]) Memoires (Sur les Prisons) стр. 55—7.

праздникъ. Два дня спустя Бюзо и Петіонъ были найдены на нивѣ; ихъ тѣла были наполовину обглоданы собаками [1]).

Таковъ былъ конецъ жирондизма. Эти люди поднялись, чтобы возродить Францію, и совершили это. Увы, какова бы ни была причина нашей ссоры съ ними, развѣ ихъ жестокая судьба не загладила все? Только состраданіе все переживаетъ. Сколько прекрасныхъ геройскихъ душъ послано въ царство тѣней и сами жирондисты отданы на добычу псамъ и разнымъ птицамъ! Но и здѣсь также исполнилась Высшая Воля, какъ сказалъ Верньо: „Революція, подобно Сатурну, пожираетъ своихъ собственныхъ дѣтей".

¹) Recherches Historiques sur les Girondins (Memoires de Buzot), стр. 107.

КНИГА V.

Терроръ въ порядкѣ дня.

ГЛАВА I.

Низверженіе.

Итакъ, мы прибыли на край мрачной бездны, къ которой давно стремились всѣ событія и откуда теперь они низвергаются съ головокружительнаго обрыва, въ безпорядочномъ паденіи, опрометью, въ перемежку, все ниже и ниже,—пока санкюлотизмъ не уничтожитъ самъ себя; и въ этой удивительной французской революціи, какъ въ день Страшнаго суда, цѣлый міръ будетъ—если не вновь созданъ, то разрушенъ и низвергнутъ въ пропасть. Терроръ долго былъ ужасенъ; но самимъ дѣятелямъ теперь стало ясно, что принятый ими путь — путь террора; и они говорятъ: Да будетъ терроръ въ порядкѣ дня! „Que la Terreur soit à l'ordre du jour".

Сколько вѣковъ подрядъ, считая только отъ Гуго Капета, скоплялась, передаваемая съ наростаніемъ отъ одного столѣтія другому, сумма злобы, обмана, притѣсненія человѣка человѣкомъ! Грѣшили короли, грѣшили священники и народъ. Явные негодяи шествовали, торжествуя, украшенные діадемами, коронами, митрами; еще вреднѣе были тайные негодяи со своими прекрасно звучащими формулами, благовидностью, благонравіемъ и пустотою внутри. Раса шарлатановъ сдѣлалась многочисленной, какъ песокъ на морскомъ берегу, пока, наконецъ, не скопилась такая масса шарлатанства, что, короче говоря, имъ стали тяготиться и земля, и небо. День расплаты, казалось, медлитъ, приближаясь незамѣтно среди трубныхъ звуковъ и хвастовства придворной жизни, завоевательнаго героизма, наихристіаннѣйшаго великаго монархизма, возлюбленнаго помпадурства; однако, смотрите, онъ все приближается и вдругъ насталъ неожиданно для всѣхъ! Жатва на нивѣ, вспаханной долгими столѣтіями, вдругъ созрѣла и пожелтѣла, и въ послѣднее время такъ быстро снимается, словно ее спѣшатъ сжать въ одинъ день въ этомъ царствѣ террора и свезти домой, въ царство тѣней! Несчастные сыны Адама: всегда бываетъ такъ; и никогда они не знаютъ этого и не желаютъ знать. Съ веселыми, ласковыми лицами, день за днемъ и поколѣніе за поколѣніемъ, они кричатъ другъ другу: Богъ на помощь! и трудятся, сѣютъ вѣтеръ. И однако, какъ Богъ святъ, они пожнутъ бурю; ничто другое, говоримъ мы, невозможно, пока Богъ есть истина, и его міръ—истина.

Однако, исторія, разбираясь въ этомъ царствѣ террора, встрѣчаетъ свои затрудненія. Въ то время, какъ этотъ фактъ существовалъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, просто какъ „ужасы французской революціи", была масса вещей, о которыхъ можно было говорить и кричать, съ пользой или безъ пользы,

Но вотъ, 8-го ноября, „одѣтая въ бѣлое“, разсказываетъ Ріуффъ, „со своими длинными черными волосами, ниспадающими до пояса“, она отправляется въ залу суда. Возвращаясь быстрыми шагами, она подняла палецъ, чтобы показать намъ, что она осуждена: ея глаза, казалось, были влажны. Вопросы Фукье Тенвиля были „грубы“; оскорбленная женская честь бросала ихъ ему обратно съ гнѣвомъ, не безъ слезъ.

Теперь, когда короткія приготовленія кончены, предстоитъ и ей совершить свой послѣдній путь. Съ нею ѣхалъ нѣкій Ламаршъ, „завѣдовавшій печатаніемъ ассигнацій“; Жанна Роланъ старается ободрить его, поднять упавшій духъ его. Прибывъ къ подножью эшафота, она проситъ дать ей перо и бумагу, „чтобы записать странныя мысли, явившіяся у нея“ [1])—замѣчательное требованіе, но въ которомъ ей было отказано. Посмотрѣвъ на стоящую на площади статую свободы, она съ горечью замѣтила: „О, свобода, какія вещи совершаются твоимъ именемъ!“ Ради Ламарша, она хочетъ умереть первой, „чтобы показать ему, какъ легко умирать“. Это противорѣчитъ приказу, возразилъ Самсонъ.—„Полноте, неужели вы откажете женщинѣ въ ея послѣдней просьбѣ?“ Самсонъ уступилъ.

Благородное бѣлое видѣніе съ гордымъ царственнымъ лицомъ, мягкими, гордыми глазами, длинными черными волосами, ниспадающими до пояса; и съ отважнѣйшимъ сердцемъ, какое когда либо билось въ груди женщины! Подобно бѣлой греческой статуѣ, законченно-ясная, она сіяетъ, надолго памятная среди мрачныхъ развалинъ окружающаго. Хвала великой природѣ, которая, въ городѣ Парижѣ, въ эпоху дворянскихъ чувствъ и помпадурства, смогла создать Жанну Флипонъ и воспитать въ ней чистую женственность, хотя и на логикахъ, энциклопедіяхъ и евангеліи по Жанъ-Жаку! Біографы будутъ долго помнить ея просьбу о перѣ „чтобы записать странныя мысли, которыя пришли ей на умъ“. Это какъ бы маленькій лучъ свѣта, проливающій теплоту и что-то священное надо всѣмъ, что предшествовало. Въ ней также было нѣчто неопредѣлимое; она также была дочерью безконечнаго; существуютъ тайны, о которыхъ и не снилось философіи!—Она оставила длинную рукопись съ наставленіями своей маленькой дочери, и говорила, что мужъ ея не переживетъ ее.

Еще болѣе жестокой была судьба бѣднаго Бальи, президента національнаго собранія и перваго мэра города Парижа, осужденнаго теперь за роялизмъ, лафайетизмъ, за дѣло съ краснымъ флагомъ на Марсовомъ полѣ; можно сказать, вообще, за то, что онъ оставилъ астрономію и вмѣшался въ революцію. 10-го ноября 1793 г., подъ холоднымъ мелкимъ дождемъ, бѣднаго Бальи везутъ по улицамъ; ревущая чернь осыпаетъ его проклятьями, забрасываетъ грязью; размахиваетъ въ насмѣшку предъ его лицомъ горящимъ или дымящимся краснымъ флагомъ. Безвинный старецъ сидитъ молча, ни въ комъ не возбуждая состраданія. Повозка, медленно двигаясь подъ мокрой изморозью, достигаетъ Марсова поля. „Не здѣсь!“ съ проклятіями вопитъ чернь; „такая кровь не должна пятнать Алтаря отечества; не здѣсь; вонъ на той кучѣ мусора, на берегу рѣки!“ И власти слушаются ея. Гильотина снята окоченѣвшими отъ мокраго снѣга руками и перевезена на берегъ рѣки, гдѣ опять медленно устанавливается оцѣпенѣлыми руками. Усталое сердце старика еще отбиваетъ ударъ за ударомъ, впродолженіи долгихъ часовъ; среди проклятій, подъ леденящимъ дождемъ! „Бальи, ты дрожишь!“ замѣчаетъ кто-то. „О т ъ х о л о д а, д р у г ъ м о й“, отвѣчаетъ Бальи. Болѣе жестокаго конца не испыталъ ни одинъ смертный [2]).

Нѣсколько дней спустя, Роланъ, получивъ извѣстіе о томъ, что произошло 8-го ноября, обнимаетъ своихъ дорогихъ друзей въ Руанѣ, оставляетъ ихъ гостепріимный домъ, давшій ему убѣжище, и уѣзжаетъ послѣ прощанья, слишкомъ печальнаго для слезъ. На другой день, утромъ, 16-го ноября „въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Руана, по дорогѣ къ Парижу, близъ Буръ-Бодуана, въ „Аллеѣ

---

[1]) Memoires de Madame Roland (Introd.) I, 68.

[2]) Vie de Bailly (въ Мемуарахъ), I, стр. 29.

Нормана“, виднѣется сидящая, прислонившись къ дереву, фигура человѣка съ суровымъ, морщинистымъ лицомъ, застывшаго въ неподвижности смерти; въ груди его торчалъ стилетъ и у ногъ лежала записка такого содержанія: „Кто бы ни былъ ты, нашедшій меня лежащимъ здѣсь, почти мои останки. Это останки человѣка, посвятившаго всю жизнь на то, чтобы быть полезнымъ, и умершаго, какъ онъ жилъ, добродѣтельнымъ и честнымъ. Не страхъ, а негодованіе заставило меня покинуть мое уединеніе, узнавъ, что моя жена убита. Я не желалъ долѣе оставаться на землѣ, оскверненной преступленіями“ [1]).

Барнавъ держалъ себя передъ революціоннымъ трибуналомъ въ высшей степени мужественно, но это не помогло ему. За нимъ послали въ Гренобль, чтобы онъ испилъ одну чашу съ другими. Напрасно краснорѣчіе, судебное или всякое другое, предъ безгласными сотрудниками Тенвиля. Барнаву еще только 32 года, а онъ испыталъ уже много превратностей судьбы. Еще недавно мы видѣли его на верху колеса фортуны, когда его слова были закономъ для всѣхъ патріотовъ, а теперь онъ уже на самомъ низу колеса, въ бурныхъ преніяхъ съ трибуналомъ Тенвиля, обрекающимъ его на смерть [2]), Петіонъ, нѣкогда принадлежавшій къ крайней лѣвой и прозванный добродѣтельнымъ Петіономъ,—гдѣ онъ теперь? Умеръ гражданской смертью въ пещерахъ Сентъ-Эмильона, и будетъ обглоданъ собаками. А Робеспьеръ, котораго народъ несъ рядомъ съ нимъ на плечахъ, засѣдаетъ теперь въ комитетѣ общественнаго спасенія, граждански живой еще, но и онъ не будетъ жить вѣчно. Такъ-то головокружительно быстро несется и кружится съ дикимъ ревомъ это неизмѣримое tormentum революціи! Взоръ не успѣваетъ слѣдить за нимъ. Барнавъ на эшафотѣ топнулъ ногой, и слышно было, какъ онъ произнесъ, взглянувъ на небо: „Такъ это моя награда?“

Виконтъ Александръ де-Богарне.

Депутатъ и бывшій прокуроръ Манюэль уже умеръ; скоро за нимъ послѣдуетъ и депутатъ Осселенъ, также прославившійся въ августѣ и сентябрѣ, и Рабо, измѣннически открытый въ своемъ убѣжищѣ между двухъ стѣнъ, и братъ Рабо. Не мало жертвъ изъ національныхъ депутатовъ! Есть и генералы: сынъ генерала Кюстина не можетъ возстановить честь своего отца, такъ какъ и сынъ уже гильотинированъ. Кюстинъ, бывшій дворянинъ, былъ замѣненъ плебеемъ Гушаромъ; но и онъ не имѣлъ удачи на сѣверѣ, и для него также не было пощады; онъ погибъ на площади Революціи, послѣ покушенія на самоубійство въ тюрьмѣ. И генералы Бировъ, Богарне, Брюне также неудачники; и непреклонный старый Люкнеръ, со своими начинающими слезиться глазами; и эльзасецъ Вестерманнъ въ Вандеѣ, храбрый и дѣятельный,—никто изъ нихъ не можетъ, какъ поетъ псалмопѣвецъ, избавить свою душу отъ смерти.

Какъ дѣятельны революціонные комитеты и секціи съ ихъ ежедневными сорока полу-пенсами! Арестъ за арестомъ слѣдуютъ быстро, непрерывно, сопровождаемые смертью. Ех-министръ Клавіеръ покончилъ самоубійствомъ въ тюрьмѣ. Ех-министръ Лебренъ, схваченный на сѣновалѣ въ одеждѣ рабочаго, немедленно преданъ смерти [3]). Барреръ мѣтко назвалъ это „чеканкой монеты на площади Революціи“, такъ какъ всегда „имущество виновнаго, если онъ имѣетъ таковое“,

---

[1]) Mémoires de Madame Roland (Introd.), I, 88.

[2]) Forster, II, 629.

[3]) Moniteur, 11, 30 декабря 1793; Louvet, стр. 287.

Засѣданіе революціоннаго комитета во время террора.

конфискуется. Во избѣжаніе случайностей. издается даже законъ, въ силу котораго самоубійство не должно обездоливать націю: преступникъ, покончившій самоубійствомъ, ни въ какомъ случаѣ не избавляется отъ конфискаціи его имущества. Поэтому, трепещите всѣ виновные, и подозрѣваемые, и богатые,—словомъ, всѣ категоріи людей въ брюкахъ! Люксембургскій дворецъ, нѣкогда королевскій, превратился въ огромную, отвратительную тюрьму; дворецъ Шантильи, нѣкогда принадлежавшій Конде,—также; а ихъ владѣльцы—въ Бланкенбергѣ, на другой сторонѣ Рейна. Въ Парижѣ теперь около двѣнадцати тюремъ; во всей Франціи около сорока четырехъ тысячъ: туда, густой толпой, какъ пожелтѣвшіе листья осенью, съ шумомъ направляются подозрѣваемые, стряхиваемые революціонными комитетами; они сметаются туда, какъ въ кладовую,—въ видѣ запасовъ для Самсона и Тенвиля. „Гильотина работаетъ исправно, „La guillotine ne va pas mal“.

ГЛАВА III.

Разрушеніе.

Горе подозрительнымъ! но горе, въ особенности, явнымъ мятежникамъ: жирондистскимъ южнымъ городамъ! Революціонная армія выступила подъ предводительствомъ драматическаго писателя Ронсена въ количествѣ шести тысячъ человѣкъ: „въ красныхъ колпакахъ, трехвѣтныхъ жилетахъ, черныхъ брюкахъ и такихъ же курткахъ изъ грубаго сукна, съ огромными усами, огромными саблями, словомъ, въ полномъ карманьольскомъ снаряженіи“ [1]), имѣя въ запасѣ передвижныя гильотины. Депутатъ Карріе достигъ Нанта, обогнувъ пылающую Вандею, которую Россиньоль буквально сжигаетъ. Карріе хочетъ развѣдать, кто попался въ плѣнъ. какіе у плѣнныхъ сообщники, роялисты или жирондисты; его гильотина и „рота Марата“ въ вязаныхъ колпакахъ работаютъ безъ отдыха. Гильотинируютъ маленькихъ дѣтей и стариковъ. Какъ ни быстро работаетъ машина, она не управляется съ массой работы; палачъ и его помощники выбились изъ силъ и объявляютъ, что человѣческіе мускулы не могутъ болѣе выдержать [2]). Приходится прибѣгнуть къ разстрѣливанію. за которымъ, быть можетъ, послѣдуютъ еще болѣе ужасные способы.

Жанъ Батистъ Карріе.

Въ Брестѣ, съ подобною же цѣлью, орудуютъ Жанъ-Бонъ Сентъ-Андре съ арміей красныхъ колпаковъ. Въ Бордо дѣйствуетъ Талліенъ съ своимъ Изабо и его помощниками; многочисленные Гаде, Кюсси, Салль и другіе погибаютъ; окровавленные пика и колпакъ представляютъ верховную власть; гильотина чеканитъ деньги. Косматый рыжій Талліенъ, нѣкогда способный редакторъ, еще молодой, сдѣлался теперь мрачнымъ, всевластнымъ Плутономъ на землѣ, обладающимъ ключами Тартара. Замѣчаютъ, однако, что нѣкая синьорина Кабаррюсъ, или вѣрнѣе синьора замужняя и еще не овдовѣвшая г-жа де-Фонтенэ, красивая брюнетка, дочь испанскаго купца Кабаррюса, нашла секретъ смягчать рыжую, щетинистую физіономію Талліена и не безуспѣшно ходатайствуетъ за себя и своихъ друзей. Ключи отъ Тартара и всякаго рода власть значитъ кое-что для женщины,

---

[1]) Смотри Louvet, стр. 301.

[2]) Deux Amis, XII, 249—51.

а самъ мрачный Плутонъ не равнодушенъ къ любви. Подобно новой Прозерпинѣ, г-жа Фонтенэ плѣнена этимъ рыжимъ мрачнымъ богомъ и, говорятъ, смягчаетъ немного его каменное сердце.

Менье въ Оранжѣ на югѣ, Лебонъ въ Арра на сѣверѣ становятся предметомъ удивленія для всего міра. Якобинскіе народные суды съ національными представителями возникаютъ по мѣрѣ надобности, то здѣсь, то тамъ, быть можетъ, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно находился жирондистскій трибуналъ. Разные Фуше, Менье, Барра, Фрероны очищаютъ южные департаменты, подобно жнецамъ, своими серпами-гильотинами. Работниковъ много, жатва обильна. Сотнями, тысячами скашиваются человѣческія жизни и бросаются въ общій костеръ подобно головнямъ.

Талліенъ (Жанъ Ламбертъ).

Талліенъ Тереза (Кабаррюсъ).

Марсель взята и объявлена на военномъ положеніи. Что это за грязный рыжій колоссъ, который тамъ срѣзаютъ? Мы подразумѣваемъ дороднаго мужчину съ мѣдно-краснымъ лицомъ и большою бородой кирпичнаго цвѣта. Клянусь Немезидой и Парками это Журданъ-головорѣзъ! Его схватили въ этомъ округѣ, находящемся на военномъ положеніи, и безпощадно скосили „національной бритвой“. Низко упала собственная голова палача-Журдана, такъ же низко, какъ головы Д.‿тюта и Вариньи, которыя онъ надѣлъ на пики во время возстанія женщинъ. Его не будутъ болѣе видѣть разъѣзжающимъ, подобно мѣдно-красному зловѣщему призраку, по городамъ юга; не будутъ видѣть сидящимъ въ роли судьи, съ т‿бкой и стаканомъ водки, въ Ледяной башнѣ Авиньона. Всепокрывающая земля приняла и его, зазнавшагося бородача, и дай Богъ, чтобы намъ никогда болѣе не приходилось знать человѣка, подобнаго ему! — Журданъ одинъ названъ, сотни другихъ не названы. Увы! они, подобно разрозненнымъ вязанкамъ лежатъ, собранные въ кучу, передъ нами, считаются количествомъ телѣгъ; и, однако, нѣтъ ни одной отдѣльной лозы среди этихъ вязанокъ, которая не была бы когда то живой, и не имѣла своей исторіи, и была бы срѣзана безъ такихъ же мукъ, какія испытываютъ и монархи, когда умираютъ!

Менѣе всѣхъ другихъ городовъ можетъ ждать пощады Ліонъ, который мы видѣли въ страшномъ заревѣ въ ту осеннюю ночь, когда взлетѣла на воздухъ пороховая башня. Ліонъ видимо и неизбѣжно приближается къ дурному концу. Что могли сдѣлать отчаянная храбрость и Преси, когда Дюбуа-Крансе, неумолимый, какъ судьба, жестокій какъ рокъ, захватилъ ихъ „редуты изъ хлопчатобумажныхъ мѣшковъ“, и тѣснитъ ихъ все сильнѣе своей лавой артиллерійскихъ ядеръ? Никогда не прибудетъ этотъ ci-devant д'Оттишанъ; никогда не явится помощь изъ Бланкенберга! Ліонскіе якобинцы попрятались въ погребахъ; жирондистскій муниципалитетъ поблѣднѣлъ отъ голода, измѣны и адскаго огня. Преси и около пятнадцати тысячъ съ нимъ вскочили на коней, обнажили сабли, чтобъ пробить себѣ дорогу въ Швейцарію. Они бились яростно, и были яростно перебиты; не сотни, а едва ли даже нѣсколько единицъ изъ нихъ когда-либо увидѣли Швейцарію! Девятаго октября Ліонъ сдается безусловно и обреченъ на

гибель [1]). Аббатъ Ламуретъ, теперь епископъ Ламуретъ, нѣкогда членъ законодательнаго собранія, прозванный Baiser-l'Amourette или Поцѣлуй Далилы, схваченъ и отвезенъ въ Парижъ, чтобы быть гильотинированнымъ. Говорятъ, „онъ перекрестился", когда Тенвиль объявилъ ему смертный приговоръ, и умеръ, какъ краснорѣчивый конституціонный епископъ. Но горе теперь всѣмъ епископамъ, священникамъ, аристократамъ и федералистамъ, находящимся въ Ліонѣ. Прахъ Шалье требуетъ умилостивленія; республика, дошедшая до безумнаго состоянія Сивиллы, обнажила свою правую руку. Смотрите! Представитель Фуше, этотъ Фуше изъ Нанта, имя котораго пріобрѣтетъ громкую извѣстность, отправляется съ толпой патріотовъ, удивительною процессіей, вынуть изъ могилы прахъ Шалье. Оселъ въ священномъ облаченіи съ митрой на головѣ, съ привязанными къ хвосту церковными книгами, въ числѣ которыхъ называютъ даже библію, шествуетъ по улицамъ Ліона, сопровождаемый многочисленными патріотами и криками, какъ въ театрѣ, по направленію къ могилѣ мученика Шалье. Тѣло вырыто и сожжено; пепелъ собранъ въ урну для почитанія парижскими патріотами. Священныя книги составили часть погребальнаго костра и пепелъ былъ развѣянъ по вѣтру. Все это при крикахъ: „Месть! месть!" — которая, пишетъ Фуше, будетъ удовлетворена [2]).

Ліонъ фактически обреченъ на разрушеніе; отнынѣ на его мѣстѣ будетъ только „Commune affranchie", свободная община: самое имя его должно исчезнуть. Этотъ большой городъ будетъ стертъ съ лица земли, если сбудется якобинское пророчество, и на развалинахъ его будетъ воздвигнутъ столбъ съ такою надписью: Ліонъ возсталъ противъ республики; Ліонъ не существуетъ болѣе. Фуше, Кутонъ, Колло, представители конвента, слѣдуютъ одинъ за другимъ: здѣсь есть работа для палача, и есть работа для каменьщика, но не строительная. Самые дома аристократовъ обречены уничтоженію. Параличный Кутонъ, принесенный въ креслѣ, ударяетъ по стѣнѣ эмблематическимъ молоткомъ, говоря: „La Loi te frappe, законъ уничтожаетъ тебя", и каменщики, киркой и ломомъ, начинаютъ разрушеніе. Грохотъ паденія, сѣрые развалины и тучи пыли разносятся зимнимъ вѣтромъ. Если бы Ліонъ былъ изъ болѣе мягкаго матеріала, онъ весь исчезъ бы въ эти недѣли, и якобинское пророчество исполнилось бы. Но города строятся не изъ мыльной пѣны, городъ Ліонъ построенъ изъ камня, и хотя онъ и возмутился противъ республики, однако существуетъ до нынѣшняго дня.

Жозефъ Фуше.

Жанъ-Мари Колло д'Эрбуа.

Точно также и ліонскіе жирондисты имѣютъ не одну шею, чтобы можно было покончить съ ними однимъ ударомъ. Революціонный трибуналъ и военная комиссія, находящіеся тамъ, гильотинируютъ, разстрѣливаютъ, дѣлаютъ

[1]) Deux Amis, XI, 145.

[2]) Moniteur (du 17 Novembre 1793).

нет 545-546

скія укрѣпленныя линіи будутъ вдвинуты внутрь, и Гудъ и наши естественные враги должны будутъ на слѣдующій же день отплыть въ море, или превратиться въ пепелъ. Коммисары вопросительно, съ сомнѣніемъ, поднимаютъ брови. Кто этотъ молодой человѣкъ, который считаетъ себя умнѣе всѣхъ насъ? Однако, храбрый ветеранъ Дюгомміе полагаетъ, что эта идея заслуживаетъ вниманія: онъ распрашиваетъ молодого человѣка, убѣждается и въ результатѣ говоритъ:— Попробуйте.

Когда всѣ приготовленія сдѣланы, бронзовое лицо молчаливаго офицера становится мрачнѣе и сосредоточеннѣе, чѣмъ когда либо; видно, что умъ работаетъ горячо въ этой головѣ. Видишь этотъ фортъ Эгильетъ: нуженъ отчаянный, львиный прыжекъ, но онъ возможенъ, и долженъ быть испробованъ въ этотъ же день! Проба сдѣлана, и оказалась удачной. Благодаря хитрости и храбрости, осаждающіе, прокрадываясь по оврагамъ, бросаясь въ самую бурю огня, овладѣваютъ фортомъ Эгильетъ; когда дымъ разсѣивается, мы видимъ на этомъ фортѣ трехцвѣтное знамя; смуглый молодой человѣкъ былъ правъ. На слѣдующее утро, Гудъ, видя, что внутреннія линіи подвергнуты огню, а внѣшнія, оборонительныя, отброшены къ нимъ, приготовляется къ отплытію. Взявъ съ собой на корабль тѣхъ роялистовъ, которые желаютъ уѣхать, онъ поднимаетъ якорь, и съ этого дня, девятнадцатаго декабря 1793 г., Тулонъ вновь принадлежитъ республикѣ!

Канонада прекратилась въ Тулонѣ: теперь могутъ начаться гильотинированіе и разстрѣлы. Правда, гражданская война ужасна, но, по крайней мѣрѣ, смыто безчестіе англійскаго господства. Нужно устроить гражданское празднество во всей Франціи; такъ предлагаетъ Барреръ, или художникъ Давидъ; и конвентъ долженъ присутствовать на празднествѣ въ полномъ составѣ [1]). Въ довершеніе всего, эти безсовѣстные англичане (принимая во вниманіе скорѣе свои интересы, чѣмъ наши) подожгли, какъ говорятъ, передъ отплытіемъ всѣ наши склады, арсеналы и военные корабли Тулонской гавани, около двадцати прекрасныхъ военныхъ кораблей, единственные, которые у насъ были! Однако, эта попытка не удалась: хотя пламя распространилось повсюду, но сгорѣло не болѣе двухъ кораблей; даже каторжники съ галеръ бросались съ ведрами тушить эти самые гордые корабли. Корабль „Orient“ и остальные должны везти молодого артиллериста въ Египетъ и не смѣютъ превратиться до времени ни въ пепелъ, ни въ морскихъ нимфъ, ни въ ракеты, ни сдѣлаться добычей Англичанъ!

Итакъ, во Франціи всенародный гражданскій праздникъ и ликованіе, а въ Тулонѣ людей разстрѣливаютъ массами изъ мушкетовъ и пушекъ, какъ въ Ліонѣ; и „смерть изрыгается широкимъ потокомъ, Vomie à grands flots“; и двѣнадцать тысячъ каменщиковъ вытребованы изъ окрестностей, чтобы срыть Тулонъ съ лица земли. Онъ долженъ быть срытъ весь,—такъ заявляетъ Барреръ, за исключеніемъ національныхъ корабельныхъ заведеній, и впредь долженъ называться не Тулономъ, а Горнымъ Портомъ. Оставимъ его теперь въ мрачномъ облакѣ смерти, но съ надеждой, что и Тулонъ построенъ изъ камня, и даже двадцать тысячъ каменщиковъ не смогутъ снести его съ лица земли прежде, чѣмъ пройдетъ вспышка гнѣва.

Становится уже тошно отъ „изрыгаемой потоками смерти“. Тѣмъ не менѣе, развѣ не слышишь ты, читатель (вѣдь, эти звуки достигаютъ черезъ столѣтіе), въ глухія декабрьскія и январьскія ночи, надъ городомъ Нантомъ,—неясный шумъ, какъ будто выстрѣлы и крики ярости и рыданія, смѣшивающіеся съ ропотомъ и стонами водъ Луары? Городъ Нантъ погруженъ въ сонъ, но депутатъ Каррье не спитъ, и рота Марата въ шерстяныхъ колпакахъ не спитъ. Зачѣмъ снимается съ якоря въ двѣнадцатомъ часу ночи это плоскодонное судно, эта барка съ сидящими въ ея трюмѣ девяносто священниками? Они отправляются на Бель-Иль? Посредини Луары, по данному сигналу, дно судна раз-

[1]) Moniteur 1793, Nos. 101 (31 декабря) 95, 96, 98 etc.

Потопленія въ р. Луарѣ, по приказанію Каррье, 6 и 7 декабря 1793 г.

двигается, и оно погружается въ воду со всѣмъ своимъ грузомъ. „Приговоръ къ изгнанію“, пишетъ Каррье, „былъ исполненъ вертикально“. Девяносто священниковъ съ ихъ гробомъ баркой лежатъ на днѣ рѣки! Это первая изъ Noyades, которыя мы можемъ назвать потопленіями Каррье, сдѣлавшимися знаменитыми на вѣки.

Гильотинированіе продолжалось въ Нантѣ, пока палачъ не отказался, выбившись изъ силъ. Затѣмъ послѣдовали разстрѣлы „въ долинѣ Сенъ-Мовъ“; Разстрѣливались маленькія дѣти и женщины съ грудными дѣтьми; тѣхъ и другихъ убивали по сто двадцати, разстрѣливали по пятисотъ человѣкъ за разъ, такъ горячо было дѣло въ Вандеѣ; пока сами якобинцы не возмутились и всѣ, кромѣ роты Марата, не стали кричать: „Остановитесь“! Поэтому и придумали потопленіе. Въ ночь 24 фримера, года второго, которое приходится на 14 декабря 1793 г., мы видимъ вторую нояду [1]), стоившую жизни ста тридцати восьми человѣкъ.

Но зачѣмъ жертвовать баркой? Не проще ли сталкивать въ воду со связанными руками, и осыпать свинцовымъ градомъ все пространство рѣки, пока послѣдній изъ барахтующихся не пойдетъ на дно? Не спящіе больные города Нанта и окрестныхъ деревенъ слышать стрѣльбу, доносимую ночнымъ вѣтромъ, и удивляются, что бы это могло значить? Въ баркѣ были и женщины, которыхъ красные колпаки раздѣвали до нога, какъ ни молили онѣ, чтобы съ нихъ не снимали юбокъ. И маленькія дѣти были брошены туда, несмотря на мольбы матерей: „это волчата“, отвѣчала рота Марата; „изъ нихъ выростутъ волки“.

Потомъ и дневной свѣтъ становится свидѣтелемъ ноядъ; женщинъ и мужчинъ связываютъ вмѣстѣ за руки и за ноги и бросаютъ. Это называютъ „республиканской свадьбой“. Жестока пантера лѣсовъ, самка, лишенная своихъ дѣтенышей; но есть въ человѣкѣ ненависть, болѣе жестокая, чѣмъ эта. Окоченѣлыя, не знающія больше страданія, блѣдныя, вздутыя тѣла жертвъ безпорядочно несутся къ морю волнами Луары; приливъ отбрасываетъ ихъ обратно; тучи вороновъ затемняютъ рѣку; волки бродятъ по отмелямъ: Каррье пишетъ, „Quel torrent révolutionnaire; какой революціонный потокъ“! Человѣкъ свирѣпъ и время свирѣпо. Таковы нояды Каррье; ихъ насчитываютъ двадцать пять, потому что все сдѣланное во мракѣ ночи рано или поздно выходитъ на свѣтъ Божій [2]) и не забывается въ продолженіи вѣковъ.—Мы обратимся теперь къ другому виду завершенія санкюлотизма, оставивъ этотъ, какъ самый мрачный.

Но, въ самомъ дѣлѣ, всѣ люди свирѣпы такъ же, какъ и время. Депутатъ Лебонъ, въ Арра, обмакивая свою шпагу въ кровь, текущую съ гильотины, восклицаетъ: „Какъ мнѣ это нравится!“ Говорятъ, по его приказанію, матери должны были присутствовать, когда гильотина пожирала ихъ дѣтей. Оркестръ музыки поставленъ вблизи и, при паденіи каждой головы, начинаетъ играть Ça-ira [3]). Въ Буръ-Бедуенъ, въ Оранжскомъ округѣ, дерево свободы было срублено ночью. Депутатъ Менье, услышавъ объ этомъ, сжигаетъ мѣстечко до послѣдней собачій конуры и гильотинируетъ жителей, не успѣвшихъ спрятаться въ погребахъ или въ горахъ [4]). Республика единая и нераздѣльная! Она новѣйшее порожденіе огромнаго неорганическаго чрева природы, которое люди называютъ адомъ, хаосомъ, первобытною ночью, и знаетъ одинъ только законъ:—законъ самосохраненія. Tigresse Nationale: не задѣньте даже кончика ея уса!—Быстръ ея отвѣтный ударъ; посмотрите, какую она вытянула лапу; состраданіе не закрадывалось въ ея сердце.

Прюдоммъ, глупо-хвастливый типографщикъ, неспособный редакторъ,—пока якобинскій, замышляетъ сдѣлаться ренегатомъ и опубликовать объемистые

---

[1]) Deux Amis, XII, 266—72; Moniteur, du 2 janvier 1794.

[2]) Procès de Carrier (4 tomes, Paris 1795).

[3]) Les Horreurs des Prisons d'Arras (Paris, 1823).

[4]) Montgaillard, IV, 200.

тома, на такую тему: Преступленія революціи, прибавляя къ нимъ безчисленную ложь, какъ будто не достаточно одной правды. Мы, съ своей стороны, находимъ болѣе назидательнымъ запомнить, разъ навсегда, что эта республика и національная тигрица—новое нарожденіе, фактъ, созданный природой среди формулъ, въ вѣкъ формулъ, и, молча, присматриваться, какъ такое естественное проявленіе природы будетъ вести себя среди формулъ. Вѣдь, послѣднія только отчасти естественны, отчасти же призрачны, предположительны; мы называемъ ихъ метафорически правильно вылитыми формами, изъ которыхъ иныя еще имѣютъ тѣло и въ нихъ теплится жизнь; но большинство, согласно нѣмецкому писателю, представляетъ внутри пустоту: „стеклянные глаза, смотрящіе на васъ съ призрачной жизнью, а внутри только не чистое скопленіе трутней и пауковъ“! Но не забывайте, что это фактъ, естественный, праведный фактъ, ужасный въ своей правдивости, какъ сама смерть. Все, что такъ же правдиво, можетъ встрѣтить его лицомъ къ лицу, и пренебречь имъ;—а что не правдиво?

ГЛАВА IV.

Полная карманьола.

Одновременно съ этимъ адско-черным зрѣлищемъ развертывается другое, которое можно назвать адски-краснымъ: уничтоженіе католической религіи, а въ данное время уничтоженіе религіи вообще. Мы видѣли, что новый календарь Ромма установилъ десятый день отдыха, и спрашивали: что станется съ христіанскимъ воскресеніемъ? Едва прошелъ мѣсяцъ съ выхода новаго календаря, какъ все это опредѣлилось. Странно вспомнить, замѣчаетъ Мерсье, что въ послѣдній праздникъ Тѣла Господня въ 1792 г., вся Франція и всѣ верховныя власти шествовали въ религіозной процессіи съ самымъ набожнымъ видомъ; мясникъ Лежандръ, заподозрѣнный въ непочтительности, едва не былъ убитъ въ своей двуколкѣ, когда процессія проходила мимо. Галликанская іерархія, церковь и церковныя формулы, казалось, цвѣли, хотя съ нѣсколько пожелтѣвшими листьями, но не болѣе желтыми, чѣмъ въ прежніе годы или декады; цвѣли повсюду, среди симпатіи чуждаго софистики народа, вопреки философамъ, законодателямъ и энциклопедистамъ. Но, увы, цвѣли подобно темнолиственной vallombrosa, которую первый же ноябрьскій вихрь обнажаетъ въ одинъ часъ. Со времени этого праздника Тѣла Господня прошли: Брауншвейгъ, эмигранты, Вандея и восемнадцать мѣсяцевъ; всему цвѣтущему, особенно растенію съ темными листьями, приходитъ, хотя бы и медленно, конецъ.

7-го ноября нѣкій гражданинъ Паранъ, викарій изъ Буасси-ле-Бертранъ, пишетъ конвенту, что онъ всю свою жизнь проповѣдывалъ ложь и что она наскучила ему, вслѣдствіе чего онъ хочетъ теперь отказаться отъ званія священника и отъ пенсіи и проситъ высочайшій конвентъ дать ему какое нибудь другое дѣло, которымъ можно было бы жить. Дать ему „Mention honorable“ (почетный отзывъ)? Или рекомендацію въ министерство финансовъ? Едва это рѣшено, какъ простоватый Гобель, конституціонный парижскій епископъ, является со своимъ капитуломъ, съ муниципальнымъ и департаментскимъ эскортомъ въ красныхъ колпакахъ, чтобы поступить по примѣру Парана. Гобель признаетъ, что „нѣтъ религіи, кромѣ свободы“, поэтому снимаетъ свои священическія облаченія и заключается въ братскія объятія. Все это совершается къ великой радости департаментскаго депутата Моморо, муниципаловъ Шометтовъ и Геберовъ, Венсана и революціонной арміи. Шометтъ спрашиваетъ, не слѣдуетъ ли при такихъ обстоятельствахъ прибавить къ санкюлотизму праздникъ Разума [1])?

Конечно, слѣдуетъ! Да возрадуются атеисты Марешаль, Лаландъ и маленькій Нежонъ! Предстатель человѣчества Клоотсъ можетъ представлять конвенту съ благодарностью свои „Доказательства магометанской религіи“, работу, доказывающую ничтожество всѣхъ религій. Теперь, думаетъ Клоотсъ, будетъ всемірная республика и „только одинъ Богъ—Народъ“.

Французы—нація стадно-подражательнаго характера; ей былъ необходимъ только сигналъ для движенія въ этомъ направленіи, и простофиля Гобель, побуждаемый муниципалитетомъ и силою обстоятельствъ, подалъ его. Какой священникъ захочетъ остаться позади священника изъ Буасси; какой епископъ отстанетъ отъ епископа парижскаго? Епископъ Грегуаръ, правда, мужественно уклоняется; ему говорятъ: „Мы не принуждаемъ никого; пускай Грегуаръ спроситъ свою совѣсть“. Но и протестанты, и католики сотнями изъявляютъ желаніе присоединиться. Отовсюду, въ ноябрѣ и декабрѣ, пока дѣло не довершено, получаются ренегатскія письма, приходятъ священники съ цѣлью выучиться ремеслу плотника; пріѣзжаютъ викаріи со своими недавно обвѣнчанными монахинями; словомъ, день разума занялся и очень быстро сталъ полднемъ? Изъ отдаленныхъ округовъ получаются адреса, прямо заявляющіе, хотя и на мѣстномъ діалектѣ, что подписавшіеся не хотятъ имѣть ничего общаго съ чернымъ животнымъ, называемымъ „кюре“, animal noir appelé Curay“ [1]).

Кромѣ того, получаются патріотическіе подарки изъ церковной утвари. Оставшіеся колокола, за исключеніемъ набатныхъ, снимаются съ колоколенъ и отправляются въ плавильные тигли для выдѣлки изъ нихъ пушекъ. Кадильницы и всѣ священные сосуды разломаны на куски: серебряные годятся для обѣднѣвшаго монетнаго двора; изъ оловянныхъ же пусть отливаютъ пули, чтобы разить „враговъ человѣческаго рода“. Плюшевые стихари послужатъ для брюкъ тѣмъ, у кого ихъ нѣтъ; полотняныя эпитрахили будутъ перекроены на рубашки для защитниковъ родины: старьевщики, евреи и язычники ведутъ самую бойкую торговлю. Процессія съ осломъ къ могилѣ Шалье въ Ліонѣ была только прообразомъ того, что происходило въ эти самые дни во всѣхъ городахъ. Насколько быстро можетъ дѣйствовать гильотина, настолько же быстро дѣйствуютъ теперь во всѣхъ городахъ и округахъ топоръ и отмычка; ризницы, налои, напрестольныя пелены обобраны и содраны, церковныя книги изорваны на бумагу для патроновъ: люди пляшутъ карманьолу каждую ночь вокругъ праздничныхъ костровъ. По всѣмъ большимъ дорогамъ звенятъ возы съ металлической церковной утварью, разбитой въ куски и посылаемой въ конвентъ для терпящаго нужду монетнаго двора. Рака доброй святой Женевьевы снесена, увы, чтобы быть взломанной на этихъ дняхъ и сожженной на Гревской площади. Рубашка св. Людовика сожжена,—развѣ не могли бы отдать ее защитнику страны? Въ городѣ Сенъ-Дени—теперь уже не Сенъ-Дени, а Франсіадѣ,—патріоты даже разрывали могилы и революціонная армія грабила ихъ. Поэтому, вотъ что видѣли улицы Парижа:

„Большинство этихъ людей были еще пьяны отъ вина, выпитаго ими изъ потировъ, и закусывали макрелями на дискосахъ! Усѣвшись верхомъ на ословъ, одѣтыхъ въ рясы священниковъ, они правили священническими орарями, сжимая въ той же рукѣ чашу причастія и освященныя просфоры. Они останавливались у дверей тавернъ; протягивали дароносицы, и хозяинъ, съ бутылью въ рукѣ, долженъ былъ трижды наполнять ихъ, затѣмъ показались мулы тяжело нагруженные крестами, канделябрами, кадильницами, сосудами для святой воды и травой иссопомъ. Это напоминало жрецовъ Цибелы, корзины которыхъ, наполненныя предметами ихъ богослуженія, служили въ то же время кладовой, ризницей и храмомъ. Въ такомъ видѣ приблизились эти нечестивцы къ конвенту. Они вошли туда безконечной лентой, выстроившись въ два ряда, всѣ задрапированные, подобно актерамъ, въ фантастическія священническія одѣянія,

[1]) Analyse du Moniteur (Paris 1801) II, 280.

неся носилки съ наваленной на нихъ добычей: дароносицами, канделябрами, золотыми и серебрянными блюдами“ [1]).

Адреса мы не приводимъ, такъ какъ онъ былъ, разумѣется, въ стихахъ и пропѣтъ viva voce, всѣми присутствующими; Дантонъ сильно хмурится, сидя на своемъ мѣстѣ, и проситъ, чтобы говорили прозой и вели себя сдержаннѣе на будущее время [2]). Тѣмъ не менѣе обладатели такою spolia opima, отуманенные ликеромъ, просятъ позволенія протанцовать карманьолу здѣсь же на мѣстѣ, на что развеселившійся конвентъ не можетъ не согласиться. Мало того, „многіе изъ членовъ“, продолжаетъ преувеличивающій Мерсье, который не былъ свидѣтелемъ-очевидцемъ, такъ какъ находился уже въ преддверіи ада въ качествѣ одного изъ семидесяти трехъ, имена которыхъ стояли подъ протестомъ Дюперре, „многіе изъ членовъ, покинувъ свои курульныя кресла, взяли за руки дѣвушекъ, щеголявшихъ въ священническихъ облаченіяхъ, и протанцовали съ ними карманьолу“. Вотъ, какой античный священный вечеръ былъ у нихъ въ этомъ году, прежде называвшемся тысяча семьсотъ девяносто третьимъ годомъ отъ Рождества Христова!

Среди такого паденія формулъ, безпорядочно низвергаемыхъ въ грязь и попираемыхъ патріотическими танцами, не странно ли видѣть возникновеніе новой формулы? Человѣческаго языка недостаточно, чтобы выразить то, что происходитъ въ человѣческой природѣ, подпавшей одуряющему вліянію пошлости. Можно понять Мумбо-Юмбо чернокожихъ, еще больше можно понять Вау-Вау индѣйцевъ; но кто пойметъ этого прокурора Анаксагора, нѣкогда Жана Пьера Шометта? Мы можемъ сказать только: человѣкъ рожденъ идолопоклонникомъ, поклонникомъ видимаго, такъ онъ чувственно-впечатлителенъ, и такъ много общаго имѣетъ съ природой обезьянъ.

Дѣло въ томъ, что въ тотъ же самый день, едва окончился веселый танецъ карманьолы, какъ явился прокуроръ Шометтъ съ муниципалами и представителями департаментовъ, и съ ними странный багажъ: новая религія! Въ залъ конвента вносятъ на плечахъ, въ паланкинѣ, г-жу Кандейль, изъ Оперы, красивую, когда она хорошо подкрашена, женщину, въ красномъ вязаномъ колпакѣ и голубомъ платьѣ; увитая гирляндами изъ дубовыхъ листьевъ, она держитъ въ рукѣ пику Юпитера-Народа; ей предшествуютъ молодыя женщины въ бѣлыхъ платьяхъ, съ трехцвѣтными поясами. Пусть міръ посмотритъ на это! О, національный конвентъ, чудо вселенной, это наше новое божество: богиня Разума, достойная, единственно достойная поклоненія! Отнынѣ мы будемъ поклоняться ей. Вѣдь, не будетъ слишкомъ смѣло просить верховное національное представительство, чтобы и оно также отправилось съ нами въ ci-devant соборъ Богоматери и исполнило нѣсколько строфъ въ честь богини Разума?

Президентъ и секретари даютъ поочереди богинѣ Кандейль, обносимой вокругъ ихъ эстрады, братскій поцѣлуй, послѣ чего она, по положенію, подносится къ президенту и садится по правую руку его. Потомъ, послѣ надлежащаго отдыха и цвѣтовъ краснорѣчія, конвентъ, собравъ своихъ членовъ, пускается въ путь въ требуемой процессіи, по направленію къ собору Богоматери. Богиня Разума опять сидитъ въ своемъ паланкинѣ, несомая впереди, конечно, людьми въ римскихъ тогахъ и сопровождаемая духовой музыкой, красными колпаками и безуміемъ человѣчества. Богиню Разума сажаютъ на высокій алтарь собора, и требуемое поклоненіе, или quasi поклоненіе, говорятъ газеты, совершается; національный конвентъ поетъ „гимнъ Свободѣ, слова Шенье, музыка Госсека“. Это первый праздникъ Разума; первое общественное богослуженіе новой религіи Шометта.

„Соотвѣтствующій фестиваль въ церкви св. Евстахія, говоритъ Мерсье, имѣлъ видъ празднества въ большой тавернѣ. Внутренность клироса представляла пей-

---

[1]) Mercier IV, 134. Смотри Moniteur, Seance du 10 Novembre.

[2]) Смотрите также Moniteur, Seance du 26 Novembre.

зажъ, украшенный хижинами и группами деревьевъ. Вокругъ клироса стояли столы, уставленные бутылками, колбасами, свиными сосисками, пирогами и другими кушаніями; гости входятъ и выходятъ во всѣ двери; кто бы ни являлся, всякій отвѣдывалъ вкуснаго угощенія. Восьмилѣтнія дѣти, мальчики и дѣвочки, отвѣдывали яствъ въ честь Свободы и пили вино изъ бутылокъ; ихъ быстрое опьяніе вызывало смѣхъ. Богиня возсѣдала на возвышеніи въ лазоревой мантіи, съ невозмутимо спокойнымъ видомъ; канониры, съ трубкою во рту, прислуживали ей въ качествѣ церковныхъ служителей; а на улицѣ, продолжаетъ преувеличивающій писатель, безумныя толпы танцовали вокругъ костровъ, сложенныхъ изъ балюстрадъ предѣловъ, священническихъ и каноническихъ скамеекъ; и танцующіе,—я ничего не преувеличиваю,—танцующіе были почти безъ брюкъ съ обнаженными грудью и шеей, со спущенными чулками. Все это неслось и кружилось вихремъ, подобно облакамъ пыли, предшествующимъ бури и разрушенію" [1]). Въ церкви св. Жерве „ужасно пахло сельдями". Секція или муниципалитетъ не позаботились о пищѣ, предоставивъ это случаю. Другія мистеріи, повидимому, кабирическаго или паѳійскаго характера, мы оставляемъ подъ завѣсой, которая была благоразумно протянута „вдоль колоннъ боковыхъ придѣловъ", и не будемъ отдергивать ее рукой исторіи.

Андре Шенье.

Но есть одна вещь, которая интересуетъ насъ болѣе всего другого: что думалъ объ этомъ самъ разумъ впродолженіи всего этого торжества? Какія именно слова произнесла бѣдная г-жа Моморо, когда она перестала быть богиней, и, вмѣстѣ со своимъ мужемъ, мирно сидѣла дома за ужиномъ? Вѣдь, книгопродавецъ Моморо былъ человѣкъ серьезный; онъ имѣлъ понятіе объ аграрномъ законѣ. Госпожа Моморо, какъ признано, представляла собою одну изъ самыхъ лучшихъ богинь разума, хотя зубы ея были немного испорчены. Если читатель уже составилъ себѣ понятіе о томъ, что такое было это видимое поклоненіе Разуму, происходившее во всей республикѣ въ эти ноябрьскія и декабрьскія недѣли, пока всѣ церковныя деревянныя издѣлія не были сожжены, и дѣло не было довершено и въ другихъ отношеніяхъ, то онъ, быть можетъ, уже достаточно ясно уразумѣлъ, что это было за республиканская религія, и охотно покинетъ эту сторону предмета.

Принесенные дары изъ награбленной церковной утвари были главнымъ образомъ дѣломъ революціонной арміи, созданной, какъ мы уже сказали, нѣсколько времени тому назадъ. Командовалъ этой арміей, имѣвшей при себѣ переносную гильотину, драматическій писатель Ронсенъ со страшными усами, а также стоявшій въ нѣкоторой неопредѣленной тѣни привратникъ Мальяръ, старый бастильскій герой, предводитель менадъ и сентябрьскій „человѣкъ въ сѣромъ". Клеркъ Венсанъ изъ канцеляріи военнаго министерства, одинъ изъ старыхъ клерковъ министра Паша, „человѣкъ съ воображеніемъ, разгоряченнымъ чтеніемъ древнихъ ораторовъ", имѣлъ въ этой арміи вліяніе на назначенія, по крайней мѣрѣ, на назначенія штабныхъ офицеровъ.

Но для описанія походовъ и отступленій этихъ шести тысячъ не существуетъ Ксенофонта. Ничего, кромѣ нечленораздѣльнаго ропота, проклятій мрачнаго безумія, не сохранится о нихъ смутно въ памяти вѣковъ. Они рыщутъ вокругъ Парижа, ища, кого бы посадить въ тюрьму; собираютъ реквизиціи; наблюдаютъ,

[1]) Mercier IV, 127—146.

чтобы декреты исполнялись, чтобы фермеры работали достаточно; снимаютъ церковные колокола и металлическихъ Богородицъ. Отряды постепенно подвигаются по направленію къ отдаленнымъ частямъ Франціи; кромѣ того, понемногу возникаютъ, то здѣсь, то тамъ, словно соотвѣтственныя группы облаковъ въ насыщенной электричествомъ атмосферѣ, провинціальныя революціонныя арміи, какъ, напримѣръ, рота Марата у Каррье, какъ бордосскіе отряды Талліена. Говорятъ, Ронсенъ признавался въ минуту откровенности, что его войска были квинтъ-эссенціей негодяевъ. Ихъ видятъ проходящими черезъ базарныя площади, забрызганныхъ дорожной грязью, со всклокоченной бородой, въ полномъ карманьольномъ видѣ. Первымъ подвигомъ ихъ обыкновенно было низверженіе какого-нибудь монархическаго или церковнаго памятника, распятія или чего нибудь въ этомъ родѣ, что только попадется; затѣмъ наведеніе пушки на колокольню, чтобы снять колоколъ, не лазая за нимъ; колоколъ и колокольню вмѣстѣ. Впрочемъ, какъ говорятъ, это зависѣло отчасти отъ величины города; если городъ имѣлъ много жителей и эти послѣдніе считались ненадежными, вспыльчиваго характера, то революціонная армія исполняла свою работу деликатно, съ помощью лѣстницы и отмычки; мало того, случалось даже, что она брала свой билетъ на постой, совсѣмъ не работая въ этомъ родѣ, и, подкрѣпившись немного водкой и сномъ, проходила дальше, къ слѣдующему этапу [1]). Съ трубкой въ зубахъ, съ саблей при бедрѣ, она шествовала въ полномъ карманьальномъ снаряженіи.

Такія вещи уже бывали и могутъ быть снова. Карлъ второй выслалъ своихъ горцевъ противъ западныхъ шотландскихъ виговъ; Ямайскіе плантаторы выписали собакъ съ испанскаго материка, чтобы охотиться съ ними на бѣглыхъ негровъ: Франція также раздираема діавольской сворой, лай которой, на разстояніи полувѣка, все еще звучитъ въ нашихъ ушахъ.

ГЛАВА V.

Подобно грозовой тучѣ.

Но великую и, поистинѣ, существенно главную и отличительную особенность конца террора намъ еще предстоитъ увидѣть; вѣдь, прищурившаяся исторія по большей части всегда только небрежно пробѣгала глазами эту особенность, эту душу цѣлаго, ту особенность террора, которая дѣлала его страшнымъ врагамъ Франціи. Пусть это примутъ въ соображеніе деспоты и киммерійская коалиція. Всѣ французы и все французское имущество находятся въ состояніи реквизиціи; четырнадцать армій поставлены подъ ружье; патріотизмъ, со всѣмъ, что онъ имѣетъ пригоднаго въ сердцѣ, головѣ, душѣ и тѣлѣ или въ карманахъ брюкъ, бросается къ границамъ, чтобы побѣдить или умереть! Карно сидитъ въ комитетѣ общественнаго спасенія, занятый, со своей стороны, „организаціей побѣдъ". Не быстрѣе пульсируетъ гильотина въ своемъ ужасномъ сердцебіеніи на площади Революціи, чѣмъ поражаетъ мечъ патріотизма, оттѣсняя Киммерію назадъ, въ ея собственныя границы, со священной почвы.

Фактически, правительство можно по справедливости назвать революціоннымъ; нѣкоторые изъ его членовъ стоятъ „à la hauteur", на высотѣ обстоятельствъ; а другіе не стоятъ à la hauteur, и тѣмъ хуже для нихъ. Но анархія, можно сказать, организовалась сама собою: общество буквально перевернуто вверхъ дномъ; его старыя силы работаютъ съ бѣшенной энергіей, но въ обратномъ порядкѣ: разрушительно и саморазрушительно.

---

[1]) Deux Amis, XII, 62—5.

Любопытно видѣть, какъ все обращается еще къ какой-нибудь власти, или источнику ея; даже анархія должна имѣть центръ, чтобы вращаться вокругъ него. Вотъ уже шесть мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ началъ существовать комитетъ общественнаго спасенія, и около трехъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Дантонъ предложилъ, чтобы ему была предоставлена вся власть и „сумма въ 50 милліоновъ“, и чтобы „правительство было объявлено революціоннымъ“. Самъ онъ съ этого дня не принимаетъ въ немъ никакого участія, хотя его просятъ объ этомъ много разъ, но занимаетъ свое мѣсто на горѣ частнымъ образомъ. Съ этого дня девять человѣкъ, или, хотя бы число ихъ дошло и до двѣнадцати, сдѣлались безсмѣнными, всегда избираемыми вновь, когда истекалъ ихъ срокъ; комитеты спасенія и безопасности приняли свои позднѣйшія формы и порядокъ дѣйствія.

Комитетъ общественнаго спасенія—въ качествѣ верховнаго; общественной безопасности—въ качествѣ подчиненнаго, они подобно малому и большому совѣтамъ, дѣйствуя до сихъ поръ вполнѣ единодушно, сдѣлались центромъ всего. Они несутся въ этомъ вихрѣ, вознесенные силой обстоятельствъ страннымъ, нечувствительнымъ образомъ на эту ужасную высоту,—и управляютъ этимъ вихремъ, или кажется, что управляютъ. Болѣе страннаго собранія Юпитеровъ-громовержцевъ никогда еще не видѣла земля. Робеспьеръ, Бильо, Колло, Кутонъ, Сенъ-Жюстъ; не называя еще менѣе значительныхъ: Амара, Вадіе и др. въ комитетѣ общественной безопасности, вотъ ваши Юпитеры-громовержцы! Сколько-нибудь выдающійся умъ необходимъ, но гдѣ его искать среди нихъ, за исключеніемъ головы Карно, занятой организаціей побѣдъ. У нихъ не умъ, а скорѣе инстинктъ, способность угадывать, чего желаетъ этотъ великій безгласный вихрь; способность безумнѣе другихъ желать того, чего желаютъ всѣ, способность не останавливаться ни передъ какими препятствіями; не обращать вниманія ни на какія соображенія, Божескія или человѣческія; твердо знать, что божественное или человѣческое нужно только одно: торжество республики, уничтоженіе враговъ республики! При этомъ единственномъ духовномъ дарѣ и такомъ маломъ количествѣ другихъ даровъ у этихъ людей, странно видѣть, какъ безгласный, безформенный, бушующій вихрь самъ вкладываетъ свои возжи въ ихъ руки и приглашаетъ, даже принуждаетъ ихъ быть его руководителями!

Жанъ-Никола Бильо-Варенъ.

Рядомъ засѣдаетъ муниципальный совѣтъ Парижа; всѣ въ красныхъ колпакахъ съ четвертого ноября; это собраніе людей, стоящихъ вполнѣ „на высотѣ положенія“, или даже выше его. Здѣсь ловкій мэръ Пашъ, не упускающій изъ вида своей безопасности среди этихъ людей; здѣсь Шометтъ, Геберъ, Варле, и великій полководецъ Ганріо, не говоря о Венсанѣ, клеркѣ изъ военнаго министерства, о Моморо, Добсанѣ и другихъ: всѣ они стремятся разрушать церкви, поклоняться разуму, истреблять подозрительныхъ и обезпечить торжество революціи. Быть можетъ, они заходятъ въ этомъ слишкомъ далеко? Слышали, какъ Дантонъ ворчалъ на гражданскіе стихи и рекомендовалъ прозу и сдержанность. Робеспьеръ тоже ворчитъ, какъ бы, уничтожая суевѣрія, не вздумали создать религію изъ атеизма. Въ самомъ дѣлѣ, Шометтъ и компанія представляютъ родъ сверхъ-якобинства, или неистовую „партію бѣшеныхъ, des Enragés“, которая возбуждаетъ въ послѣдніе мѣсяцы нѣкоторое подозрѣніе у ортодоксальныхъ патріотовъ. „Узнавать подозрительнаго на улицѣ“,—развѣ это не

значитъ придать самому Закону о подозрительныхъ дурной оттѣнокъ? Тѣмъ не менѣе, люди, наполовину безумные, люди, ревностные сверхъ мѣры, трудятся здѣсь, въ своихъ красныхъ колпакахъ, безъ отдыха, быстро исполняя то, что опредѣлила имъ жизнь.

И сорокъ четыре тысячи другихъ округовъ, каждый съ революціоннымъ комитетомъ, основаннымъ на якобинской Дочери - патріотизма, просвѣщеннымъ духомъ якобинства, поощряемымъ сорока су въ день!—Французская конституція всегда пренебрегала чѣмъ-либо подобнымъ двумъ палатамъ,—а, смотрите, не получились ли у нея, въ дѣйствительности, двѣ палаты? Національный конвентъ, избранный, въ качествѣ одной; Мать - патріотизма, самоизбранная, въ качествѣ другой! Дебаты якобинскаго общества печатаются въ Moniteur, какъ важные государственные акты,—каковыми они, безспорно, и являются. Мы назвали якобинское общество второй законодательной палатой, но не походило ли оно скорѣе на тотъ старый шотландскій корпусъ, называемый Lords of the Articles (Лорды Уставовъ), безъ почина и сигнала котораго такъ называемый парламентъ не могъ провести ни одного билля, ни выполнить никакой работы? Самъ Робеспьеръ, слово котораго—законъ, не устаетъ раскрывать свои неподкупныя уста въ якобинской залѣ. Члены большаго совѣта,—общественнаго спасенія, и меньшаго—общественной безопасности, равно какъ и всѣхъ дѣйствующихъ партій, приходятъ сюда произнести свои рѣчи; опредѣлить предварительно, къ какому рѣшенію они должны придти, какой судьбы должны ожидать. Что отвѣтить, если бы поднялся вопросъ, которая изъ этихъ двухъ палатъ сильнѣе—конвентъ или лорды устава? Къ счастію, они пока еще идутъ рука объ руку.

Что касается до національнаго конвента, то, поистинѣ, онъ сталъ очень степеннымъ корпусомъ. Потушенъ прежній пылъ; семьдесять три депутата упрятаны подъ стражу; нѣкогда шумные друзья жирондизма всѣ превратились теперь въ безмолвныхъ членовъ—„долины“, прозванныхъ даже „болотными лягушками“. Поступаютъ адреса, революціонная церковная добыча; приходятъ депутаціи съ прозой и стихами: всѣхъ ихъ конвентъ принимаеть. Но сверхъ этого, главная обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы выслушивать предложенія комитета общественнаго спасенія и говорить: да.

Однажды утромъ, Базиръ, при поддержки Шабо, не безъ горячности заявилъ, что такой конвентъ нельзя назвать собраніемъ свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. „Должна существовать партія оппозиціи, правая сторона!“ кричитъ Шабо.—„Если никто не хочетъ составлять ее, то я составлю. Народъ говоритъ мнѣ: всѣ вы будете гильотинированы въ свою очередь,—сначала вы и Базиръ, затѣмъ Дантонъ, а потомъ и Робеспьеръ“ [1]). Громко кричитъ это разстриженный попъ, а черезъ недѣлю Базиръ и онъ сидятъ въ тюрьмѣ Аббатства, на пути, какъ можно опасаться, къ Тенвилю и гильотинѣ; и то, что говорилъ народъ, повидимому, готово сбыться. Кровь Базира была возбуждена революціонной горячкой, крѣпкимъ кофе и лихорадочными грезами [2]). А Шабо,—какъ онъ былъ счастливъ со своей богатой женой, австрійской еврейкой, бывшей Fräulein Frey! Но вотъ онъ сидитъ въ тюрьмѣ; и его два шурина, австрійскіе евреи, банкиры Фрей сидятъ вмѣстѣ съ нимъ, ожидая своего жребія. Пускай же національный конвентъ приметъ это предостереженіе и сознаетъ свои обязанности. Пусть онъ, весь, какъ одинъ человѣкъ, примется за работу; но не потоками парламентскаго краснорѣчія, а другимъ болѣе цѣлесообразнымъ способомъ!

Коммисары конвента, „представители въ командировкѣ“, мчатся, подобно посланнику боговъ Меркурію, во всѣ концы Франціи, развозя ваши приказы. Въ своихъ „круглыхъ шляпахъ, украшенныхъ трехцвѣтными перьями и развѣвающейся трехцвѣтной тафтой; въ узкихъ курткахъ, въ трехцвѣтныхъ шарфахъ, со шпагой при бедрѣ и въ жокейскихъ ботфортахъ“, эти люди могуществен-

---

[1]) Debats du 10 Novembre 1793.

[2]) Dictionnaire des Hommes Marquans, I, 115.

нѣе королей или императоровъ. Они говорятъ каждому, кого бы ни встрѣтили: дѣлай,—и онъ долженъ дѣлать. Все имущество гражданъ въ ихъ распоряженіи, такъ какъ Франція—огромный осажденный городъ. Они разоряютъ людей реквизиціями и принудительными займами; они имѣютъ власть надъ жизнью и смертью. Сенъ-Жюстъ и Леба приказываютъ богатымъ жителямъ Страсбурга „снять сапоги" и послать ихъ въ армію, гдѣ нужны „десять тысячъ паръ сапогъ". Приказываютъ также, чтобъ въ двадцать четыре часа „тысяча постелей" были готовы [1]), завернуты въ рогожи и отправлены, такъ какъ время не терпитъ!—Подобно стрѣламъ, вылетающимъ съ мрачнаго Олимпа общественнаго спасенія, несутся эти люди, большею частью по двое; развозятъ ваши громовые приказы по Франціи; дѣлаютъ Францію одной огромной революціонной грозовой тучей.

ГЛАВА VI.

Исполняй свой долгъ.

Наряду съ кострами изъ церковныхъ балюстрадъ и звуками растрѣла и потопленій возникаетъ другой родъ огней и звуковъ: огни кузницъ и пробные залпы при выдѣлкѣ оружія.

Республика, отрѣзанная отъ Швеціи и остального міра, должна выучиться сама выдѣлывать для себя стальное оружіе и, съ помощью химиковъ, она научилась этому. Города, знавшіе только желѣзо, теперь знаютъ и сталь; изъ своихъ новыхъ темницъ въ Шантильи аристократы могутъ слышать шумъ новаго горна для стали. Колокола превращаются въ пушки, желѣзныя подпорки—въ холодное оружіе (armee blanche) посредствомъ оружейнаго мастерства. Колеса Лангре визжатъ среди огненнаго вѣнца искръ, шлифуя только шпаги. Наковальни Шарлвиля звенятъ отъ выдѣлки ружей. Что говоримъ мы—Шарлвиля? Двѣсти пятьдесятъ восемь кузницъ находятся подъ открытымъ небомъ въ самомъ Парижѣ, сто сорокъ изъ нихъ на эспланадѣ Инвалидовъ, пятьдесятъ четыре въ Люксембургскомъ саду: вотъ сколько кузницъ въ ходу! Черные кузнецы отбиваютъ и выковываютъ замки и дула. Вызваны по реквизиціи часовщики, чтобы продѣлывать отверстія для запаловъ, спаивать и исполнять пильную работу. Пять большихъ баржъ качаются на якорѣ въ водахъ Сены, среди шума буравленія; большіе гидравлическіе коловороты терзаютъ слухъ окружающихъ своимъ скрипомъ. Искусные мастера-рѣзчики скоблятъ и долбятъ, и всѣ работаютъ соотвѣтственно своимъ знаніямъ: на языкѣ надежды это означаетъ „изготовленіе по тысячѣ мушкетовъ въ день" [2]). Химики республики научили насъ чудесамъ быстраго дубленія кожъ [3]); сапожникъ прокалываетъ и тачаетъ сапоги—не изъ „дерева и картона", иначе онъ отвѣтитъ передъ Тенвилемъ! Женщины шьютъ палатки и куртки, дѣти щиплютъ корпію, старики сидятъ на рынкахъ; годные люди—въ походѣ; всѣ завербованы; отъ города до города развѣвается по вольному вѣтру знамя со словами: „Французскій народъ возсталъ противъ деспотовъ!"

Все это прекрасно. Но является вопросъ: какъ быть съ селитрой? Прерванная торговля и англійскій флотъ прекратили къ намъ доступъ селитры, а безъ селитры нѣтъ пороха. Республиканская наука опять сидитъ въ размышленіи: открываетъ, что селитра находится здѣсь и тамъ, хотя въ незначительномъ количествѣ; что старая штукатурка стѣнъ содержитъ нѣкоторое количество ея;—что въ почвѣ парижскихъ погребовъ есть частицы ея, среди обыкно-

---

[1]) Moniteur du 27 Novembre 1793.

[2]) Choix des Rapports, XIII, 189.

[3]) Ibid. XV, 360.

веннаго мусора, и если бы все это было вырыто и промыто, то селитра была бы получена. И вотъ, смотрите, граждане со сдвинутыми на затылокъ или снятыми красными колпаками, съ мокрыми отъ пота волосами, усиленно роютъ, каждый въ своемъ погребѣ, чтобы получить селитру. Передъ каждой дверью нарастаетъ куча земли, гражданки корытами и ведрами уносятъ ее прочь; граждане, напрягая каждый мускулъ, выбрасываютъ землю и копаютъ: ради жизни и селитры копайте, mes braves; и да будетъ вамъ удача! Республика не будетъ нуждаться въ необходимомъ количествѣ селитры.

Завершеніе санкюлотизма имѣетъ много особенностей и оттѣнковъ; но самый яркій оттѣнокъ, поистинѣ, солнечнаго или звѣзднаго блеска: это тотъ, который представляютъ арміи. Тотъ самый пылъ якобинства, который внутри наполняетъ Францію ненавистью, подозрѣніями, эшафотами и поклоненіемъ Разуму,—на границахъ выказываетъ себя какъ славное Pro patria mori. Со времени отступленія Дюмурье, три представителя конвента состоятъ при каждомъ генералѣ. Комитетъ общественнаго спасенія часто посылалъ ихъ только съ такимъ лаконическимъ приказомъ: „Исполняй свой долгъ, Fais ton devoir". Замѣчательно среди какихъ препятствій горитъ, какъ и другіе подобные огни, этотъ огонь якобинства. У этихъ солдатъ сапоги деревянные и картонные, или же они обуты въ пучки сѣна въ глухую зиму; они накидываютъ на плечи лыковую цыновку и вообще терпятъ всякія лишенія. Что за бѣда! Они борятся за права французскаго народа и человѣчества: несокрушимый духъ здѣсь, какъ и вездѣ, творитъ чудеса. „Со сталью и хлѣбомъ", говоритъ представитель конвента, „можно достичь Китая". Генералы, справедливо или нѣтъ, быстро идутъ на гильотину одинъ за другимъ. Какой же выводъ отсюда? Такой, между прочимъ, что не-успѣхъ—это смерть, что только въ побѣдѣ жизнь! Побѣдить или умереть является не театральной фразой въ такихъ обстоятельствахъ, а практической истиной и необходимостью. Всякіе жирондизмы, половинчатости, компромиссы сметены. Впередъ, вы, солдаты республики, капитанъ и рядовой! Ударьте со своимъ гельскимъ пыломъ на Австрію, Англію, Пруссію, Испанію, Сардинію, Питта, Кобурга, Іорка, на самого дьявола и весь міръ! Позади насъ только гильотина; впереди побѣда, апоѳеозъ и золотой вѣкъ безъ конца!

Смотрите, какъ на всѣхъ границахъ сыны мрака въ изумленіи отступаютъ послѣ краткаго тріумфа; а сыны республики преслѣдуютъ ихъ съ дикимъ Ça ira или Aux armes! Марсельцы преслѣдуютъ съ яростью тигрицы или воплощеннаго дьявола, которой ни одинъ сынъ мрака не можетъ противостоять! Испанія, хлынувшая черезъ Пиренеи, шумя знаменами Бурбоновъ, и побѣдоносно шествовавшая кое-гдѣ впродолженіи года, вздрагиваетъ при появленіи этой тигрицы и отступаетъ назадъ; счастлива была бы она теперь, если бы Пиренеи оказались непроходимыми. Генералъ Дюгоммье, завоеватель Тулона, не только оттѣсняетъ Испанію обратно, онъ самъ наводняетъ эту страну. Дюгоммье вторгается въ нее черезъ восточныя Пиренеи; генералъ Мюллеръ долженъ вторгнуться черезъ западныя. Долженъ, вотъ настоящее слово: комитетъ общественной безопасности произнесъ его; делегатъ Кавеньякъ, посланный туда, долженъ наблюдать, чтобы оно было исполнено. Невозможно! кричитъ Мюллеръ.—Необходимо! отвѣчаетъ Кавеньякъ. Слова: трудно, невозможно,—безполезны. „Комитетъ глухъ на это ухо", отвѣчаетъ Кавеньякъ, „n'entend pas de cette oreille là. Сколько людей, лошадей, пушекъ нужно тебѣ? Ты получишь ихъ. Побѣдимъ ли мы, или будемъ побѣждены и повѣшены, мы должны идти впередъ" [1]. И все исполняется, какъ сказалъ делегатъ. Весна слѣдующаго года видитъ Испанію наводненной; редуты взяты, какъ и самые крутые про-

[1]) У Прюдомма разсказывается объ ужасной жестокости, à la капитанъ Киркъ, этого Кавеньяка, которая была занесена въ словари des Hommes Marquans, Biographie Universelle etc.; но въ этомъ нѣтъ не только нѣтъ правды, но, что особенно странно, можно еще доказать, что въ этомъ разсказѣ нѣтъ никакой правды.

ходы и высоты. Испанскіе штабъ-офицеры онѣмѣли отъ удивленія передъ такой отвагой тигрицы; пушки забываютъ стрѣлять [1]). Пиренеи заняты; городъ за городомъ распахиваютъ свои ворота, понуждаемые ужасомъ или ядрами. Въ будущемъ году Испанія запроситъ мира; признаетъ свои грѣхи и республику; мало того, въ Мадритѣ миръ будетъ встрѣченъ съ ликованіемъ, какъ побѣда.

Мало кто имѣлъ большее значеніе, повторяемъ мы, чѣмъ эти представители конвента; ихъ власть превышала королевскую. Да въ сущности, развѣ они не короли въ своемъ родѣ, эти способнѣйшіе люди, избранные изъ семиста сорокапяти французскихъ королей съ такимъ предписаніемъ: Исполняй свой долгъ! Представитель Левассеръ, маленькаго роста, по профессіи мирный врачъ-акушеръ, долженъ усмирять мятежи. Разъяренныя войска (возмущенныя до неистовства судьбой генерала Кюстина) бушуютъ повсюду; Левассеръ одинъ среди нихъ; но этотъ маленькій делегатъ—твердый, какъ кремень, который также носитъ въ себѣ огонь! При Гондшутенѣ, далеко за полдень, онъ заявляетъ, что битва еще не потеряна, что она должна быть выиграна, и сражается самъ своей родовспомогательной рукой; лошадь убита подъ нимъ, и этотъ маленькій, желчный делегатъ, спѣшившись по колѣно въ водѣ прилива, наноситъ и отражаетъ удары шпагой, бросая вызовы землѣ, водѣ, воздуху и огню! Естественно, что его высочеству герцогу Іоркскому приходится отступить, даже во весь опоръ, словно изъ боязни быть поглощеннымъ приливомъ; и его осада Дюнкирхена сдѣлалась сномъ, послѣ котораго осталось одно только реальное—большія потери превосходной осадной артиллеріи и отважныхъ людей [2]).

Генералъ Гушаръ, какъ озывается, прятался за заборомъ во время этого дѣла при Гондшутенѣ, вслѣдствіе чего онъ уже гильотинированъ. Новый генералъ Журданъ, бывшій сержантъ, принимаетъ вмѣсто него начальство, и въ нескончаемыхъ бояхъ при Ватиньи, „убійственнымъ артиллерійскимъ огнемъ, соединяющимся со звуками революціонныхъ боевыхъ гимновъ", заставляетъ Австрію вновь отступить за Самбру, и надѣется очистить почву Свободы. Съ помощью жестокой борьбы, артиллерійскаго огня и пѣнія Ça-ira, это будетъ сдѣлано. Въ теченіе слѣдующаго лѣта, Валансьенъ увидитъ себя осажденнымъ; Конде также осажденнымъ; все, что еще находится въ рукахъ Австріи, окажется осажденнымъ, подвергнутымъ бомбардировкѣ: мало того, декретомъ конвента, мы даже приказываемъ имъ всѣмъ „или сдаться въ теченіи двадцати четырехъ часовъ, или подвергнуться поголовному истребленію"; громкія слова, которыя, хотя и остаются неисполненными, однако показываютъ состояніе духа.

Жанъ-Батистъ Журданъ.

Представитель Друэ, въ качествѣ стараго драгуна, могъ сражаться такъ, какъ будто бы война была его второй натурой: но ему не посчастливилось. Въ октябрѣ, во время ночного нападенія при Мобёжѣ, австрійцы захватили его въ плѣнъ живымъ. Они раздѣли его почти до нага, говоритъ онъ, показывая его, какъ главнаго героя захвата короля въ Вареннѣ. Его бросили въ телѣгу и отправили далеко вглубь Киммеріи, въ крѣпость Шпильбергъ на берегу Дуная, гдѣ предоставили ему на высотѣ около ста пятидесяти футовъ предаваться своимъ горькимъ размышленіямъ... но также и замысламъ! Неукротимый старый драгунъ

---

[1]) Deux Amis, XIII, 205—30; Toulongeon etc.

[2]) Levasseur, Mémoires, II, c. 2—7.

устраиваетъ летательный снарядъ изъ бумажнаго змѣя, перепиливаетъ оконную рѣшетку и рѣшается слетѣть внизъ. Онъ завладѣетъ лодкой, спустится внизъ по теченію рѣки, высадится гдѣ нибудь въ татарскомъ Крыму, въ предѣлахъ Чернаго моря или Константинополя a la Синдбадъ. Итакъ, подлинная исторія, заглянувъ далеко вглубь Киммеріи, смутно различаетъ необъяснимое явленіе. Въ глухую ночную вахту, часовые Шпильберга едва не падаютъ въ обморокъ отъ ужаса: громадный, неясный, зловѣщій призракъ спускается въ ночномъ воздухѣ. Это національный представитель, старый драгунъ, спускается на бумажномъ змѣѣ,—спускается, увы! слишкомъ быстро. Друэ взялъ съ собой маленькій запасъ провизіи, фунтовъ двадцать вѣсомъ, или около того, который ускорилъ паденіе; драгунъ упалъ, сломавъ себѣ ногу, и лежалъ, стеная, пока насталъ день, и стало возможно ясно различить, что это не призракъ, а бывшій делегатъ [1]).

Или посмотрите на Сенъ Жюста, на линіяхъ Вейсембуга: по натурѣ это робкій, осторожный человѣкъ, а какъ онъ со своими наскоро вооруженными эльзасскими крестьянами бросается въ атаку! Его торжественное лицо сіяетъ среди пламени; его черные волосы и трехцвѣтная тафта на шляпѣ развѣваются по вѣтру! Наши линіи при Вейсембургѣ были уже захвачены; Пруссія и эмигранты прорвались черезъ нихъ; но мы вновь завладѣли окопами Вейсембурга, и пруссаки съ эмигрантами бѣгутъ обратно быстрѣе, чѣмъ пришли, отброшенные атаками штыковъ и бѣшенымъ Ça-ira.

Луи-Антуанъ Сенъ-Жюстъ.

Ci-devant сержантъ Пишегрю, ci-devant сержантъ Гошъ, возвышенные теперь до чина генерала, дѣлали чудеса на театрѣ войны. Высокій Пишегрю предназначался къ духовному сану; былъ нѣкогда учителемъ математики въ бріенской школѣ, — самымъ замѣчательнымъ ученикомъ его былъ мальчикъ Наполеонъ Бонапартъ. Затѣмъ онъ, нельзя сказать, чтобы въ миролюбивомъ настроеніи поступилъ въ солдаты, промѣнялъ ферулу на мушкетъ; достигъ служебной степени, за которой уже нечего больше ожидать; но бастильскія заставы, падая, пропустили его, и теперь онъ здѣсь. Гошъ помогалъ окончательному разрушенію Бастиліи; онъ былъ, какъ мы видѣли, сержантомъ Gardes Françaises, растрачивающимъ свое жалованье на почники и дешевыя изданія книгъ. Разверзаются горы, заключенные въ нихъ Энцелады выходятъ на свободу; а полководцы, званіе которыхъ основано на четырехъ дворянскихъ грамотахъ, унесены со своими грамотами ураганомъ за Рейнъ, или въ преддверіе ада!

Пусть вообразитъ себѣ читатель, какіе высокіе военные подвиги совершались въ этихъ четырнадцати арміяхъ; какъ, изъ за любви къ свободѣ и надежды на повышеніе, низко рожденная доблесть пробивала себѣ дорогу къ генеральству; и какъ отъ Карно, сидѣвшаго въ центрѣ комитата общественнаго спасенія, до послѣдняго барабанщика на границахъ люди боролись за свою республику. Снѣжные покровы зимы, цвѣты лѣта продолжаютъ окрашиваться кровью борцовъ. Гельскій пылъ растетъ съ побѣдами, къ духу якобинства присоединяется національное тщеславіе. Солдаты республики становятся, какъ мы и предсказывали, истинными сынами огня. Съ босыми ногами, съ обнаженными плечами, но съ хлѣбомъ и желѣзомъ можно достичь Китая! Здѣсь одна нація противъ всего міра, но нація, носящая въ себѣ то, чего не побѣдить цѣлый

[1]) Его разсказъ (въ Deux Amis, XIV, 177—86).

міръ! Удивленная Киммерія отступаетъ болѣе или менѣе быстро, всюду вокругъ республики поднимается пламенѣющее, какъ бы магическое кольцо мушкетныхъ залповъ и Ça-ira. Король Пруссіи, какъ и король Испаніи, со временемъ признаетъ свои грѣхи и республику, и заключитъ базельскій миръ.

Заграничная торговля, колоніи, факторіи на востокѣ и на западѣ попали или попадаютъ въ руки господствующаго на морѣ Питта, врага человѣческаго рода. Тѣмъ не менѣе, что за звукъ слышимъ мы перваго іюня 1794 г., звукъ подобный грому войны, страшно громко раздающійся со стороны океана? Это громъ войны съ водъ Бреста: Вилларе Жуайезъ и англійскій Гоу, послѣ долгихъ маневровъ, выстроились тамъ другъ противъ друга и изрыгаютъ огонь. Враги человѣческаго рода находятся въ своей стихіи и не могутъ быть побѣждены, не могутъ не побѣдить. Яростная канонада продолжается двѣнадцать часовъ; солнце уже склоняется къ западу сквозь дымъ битвы: шесть французскихъ кораблей взяты, битва потеряна; всѣ корабли, которые еще въ состояніи поднять паруса, обращаются въ бѣгство! Но что же такое творится съ кораблемъ Vengeur? Онъ не стрѣляетъ болѣе и не унываетъ. Онъ поврежденъ, онъ не можетъ плыть, а стрѣлять не хочетъ. Ядра летятъ на него, обстрѣливая его носъ и корму со стороны побѣдившихъ враговъ; Vengeur погружается. Сильны вы, владыки морей, но развѣ мы слабы? Глядите! всѣ флаги, знамена, гюйсы, всякій трехцвѣтный клочекъ, какой только можетъ подняться и развѣваться, съ шумомъ взвивается вверхъ: вся команда на верхней палубѣ—и съ общимъ, доводящимъ до безумія ревомъ, кричитъ: Vive la République, — погружаясь и погружаясь въ воду. Корабль вздрагиваетъ, накренивается, кружится въ вихрѣ водоворота; бездонный океанъ разверзается и Vengeur скрывается въ безднѣ, непобѣдимый, унося въ вѣчность свой крикъ: Vive la République! [1]). Пускай иностранные деспоты подумаютъ объ этомъ! Есть что-то непобѣдимое въ человѣкѣ, когда онъ стоитъ за свои человѣческія права; пускай всѣ деспоты, всѣ рабы и народы знаютъ это; и только у тѣхъ, кто опирается на человѣческую несправедливость, это вызываетъ трепетъ! Вотъ, что написала исторія, ничто же сумняшеся, о гибели корабля Vengeur.

Вилларе Жуайезъ.

Читатель! Мендезъ Пинто, Мюнхгаузенъ, Каліостро, Салманассаръ были великіе люди; но не самые великіе. О, Барреръ, Барреръ, Анакреонъ гильотины! Должна ли любознательная и живописующая исторія, въ новомъ изданіи, еще разъ спросить: „Какъ же было съ Vengeur“, при этомъ славномъ самоубійственномъ потопленіи? И, мстительнымъ ударомъ, покрыть позорнымъ слоемъ сажи тебя и его? Увы, увы! Le Vengeur, послѣ храброй битвы, погрузился точно такъ же, какъ это дѣлаютъ всѣ другіе корабли: капитанъ и болѣе 200 человѣкъ команды весьма охотно спаслись на британскихъ лодкахъ, и это безпримѣрное вдохновенное дѣло и страшно пронзительный крикъ обращаются въ нѣчто огромное не существующее, не находящееся нигдѣ, за исключеніемъ мозга Баррера! Дѣйствительно такъ [2]). Все это, основанное, подобно самому міру, на фикціи, подтвержденное донесеніемъ конвенту, его торжественными декретами и предписаніями и деревянной „моделью корабля Vengeur'a“, все это, принятое

[1]) Сравни Барреръ (Choix des Rapports, XIV, 416—21); Lord Howe (Annual Register, 1794, стр. 86) etc.

[2]) Carlyle's Miscellanies, § Sinking of Vengeur.

на вѣру, оплаканное, воспѣваемое всѣмъ французскимъ народомъ до этого часа, должно разсматриваться, какъ мастерская работа Баррера; какъ величайшій, наиболѣе воодушевляющій образецъ blague (лжи) изо всѣхъ, созданныхъ за эти нѣсколько столѣтій какимъ бы то ни было человѣкомъ или націей. Только, какъ таковое, а не иначе, будетъ это памятно отнынѣ.

ГЛАВА VII.

Огненная картина.

Такимъ образомъ, пламенѣя безумнымъ огнемъ всевозможныхъ оттѣнковъ, отъ адски-краснаго до звѣздно-сверкающаго, сіяетъ это завершеніе санкюлотизма.

Но сотая часть того, что сдѣлано, и тысячная того, что было проектировано и предписано сдѣлать, утомили бы языкъ исторіи. Статуя Peuple Souverain, вышиной со Страсбургскую колокольню, бросающая тѣнь отъ Понъ-Нёфъ на Національный садъ и залъ конвента,—громадная въ воображеніи художника Давида! Не мало и другихъ такихъ же громадныхъ статуй осуществились только въ бумажныхъ декретахъ. Такъ и самая статуя Свободы на площади Революціи остается еще гипсовой. Затѣмъ, уравненіе мѣръ и вѣсовъ десятичнымъ дѣленіемъ; учебныя заведенія, музыка и всякое другое обученіе вообще; школа Искусствъ, Военная школа, Elèves de la Patrie, нормальныя школы—все это среди такого сверленія пушечныхъ дулъ, сжиганія алтарей, выкапыванія селитры и сказочныхъ усовершенствованій въ кожевенномъ дѣлѣ, все это остается еще въ проектахъ!

Но что дѣлаетъ этотъ инженеръ Шаппъ въ Венсенскомъ паркѣ? Въ этомъ паркѣ и далѣе въ паркѣ убитаго депутата Лепеллетье Сенъ Фаржо и еще дальше до высотъ Экуана и за ними, онъ установилъ подмостки, поставилъ столбы; деревянныя фигуры, на подобіе рукъ съ изогнутыми локтями, болтаются и движутся въ воздухѣ, чрезвычайно быстро, таинственнымъ образомъ! Граждане сбѣгаются и глядятъ подозрительно. Да, граждане, мы подаемъ сигналы: это хитрая выдумка, достойная республики; мы назовемъ ее дальне-писаніемъ безъ помощи почтовыхъ мѣшковъ; по-гречески это будетъ названо телеграфомъ.—Télégraphe sacré! отвѣчаютъ граждане: чтобы писать измѣнникамъ, Австріи?—и разносятъ его. Шаппъ принужденъ былъ скрыться и добыть новый законодательный декретъ. Тѣмъ не менѣе, онъ осуществилъ свою идею, этотъ неутомимый Шаппъ: его дальне-писаніе, со своими деревянными руками и изогнутыми локтями, можетъ понятно давать сигналы и для него установлены ряды столбовъ до сѣверныхъ границъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ одинъ осенній вечеръ, года второго, когда дально-писатель только что извѣстилъ, что городъ Конде сдался намъ, конвентъ послалъ съ тюльерійскаго холма слѣдующій отвѣтъ въ формѣ декрета: „Имя Конде измѣняется на Nord-Libre, Свободный Сѣверъ. Сѣверная армія не перестаетъ быть достойной родины“. Всѣ дивятся. А черезъ какіе-нибудь полчаса, когда конвентъ еще засѣдаетъ, получается слѣдующій отвѣтъ: „Извѣщаю тебя, гражданинъ президентъ, что декретъ конвента, повелѣвающій измѣнить названіе Конде на Свободный Сѣверъ, и другой, объявляющій, что сѣверная армія не перестаетъ оставаться вполнѣ достойной родины, переданы и объявлены по телеграфу. Я приказалъ моему ординарцу въ Лиллѣ препроводить ихъ въ Свободный Сѣверъ съ нарочнымъ. Подписано Шаппъ“ [1]).

Или посмотрите надъ Флерюсомъ, въ Нидерландахъ, гдѣ генералъ Журданъ, очиститвъ теперь почву Свободы и зайдя очень далеко, какъ разъ соби-

---

[1]) Choix des Rapports, XV, 378, 384.

рается приступить къ сраженію и смести, или быть сметеннымъ; не виситъ ли тамъ подъ небеснымъ сводомъ какое то чудо, замѣчаемое австрійцами простымъ глазомъ и въ подзорныя трубы:—чудо, похожее на огромный воздушный мѣшокъ съ сѣткой и огромной чашкой, висящей подъ нимъ. Это вѣсы Юпитера, о, вы, австрійскія подзорныя трубы! Одна изъ чашекъ вѣсовъ, ваша бѣдная австрійская чашка, отскочила совсѣмъ вверхъ, за предѣлы зрѣнія! Клянусь небомъ, отвѣчаютъ подзорныя трубы, это воздушный шаръ Монгольфье, баллонъ, и онъ подаетъ сигналы. Австрійская баттарея лаетъ на этотъ воздушный шаръ, какъ собака на луну, съ такимъ же результатомъ: шаръ продолжаетъ подавать сигналы; обнаруживаетъ, гдѣ можетъ находиться австрійская засада, и спокойно спускается [1]). Чего только не выдумаютъ эти воплощенные дьяволы!

Въ общемъ, о, читатель, не одна ли это изъ самыхъ странныхъ, когда либо вырисовывавшихся огненныхъ картинъ, вспыхивающая тамъ на фонѣ мрака гильотины? А вечеромъ—тридцать три театра и шестьдесятъ танцовальныхъ залъ, полныхъ веселыхъ Egalité, Fraternite и Карманьолы. И сорокъ восемь секціонныхъ комитетскихъ залъ, пропахнувшихъ табакомъ и водкой, подкрѣпляемыхъ ежедневными сорока су, задерживаютъ подозрительныхъ. И двѣнадцать тюремъ для одного Парижа, не пустующихъ и даже переполненныхъ! И для каждаго шага вамъ необходимо ваше „свидѣтельство о гражданствѣ“, хотя бы только для того, чтобы войти или выйти; болѣе того, безъ него вы не получите и за деньги вашу ежедневную порцію хлѣба. Около булочныхъ двигаются вереницы въ красныхъ колпакахъ и не въ молчаніи, такъ какъ цѣны на все еще высоки (maximum), поддерживаемыя обѣднѣніемъ и смутой. Лица людей омрачены взаимной подозрительностью. Улицы остаются не метенными; дороги не исправляются. Законъ закрылъ свои книги и говоритъ мало, или экспромтомъ, устами Тенвиля. Преступленія остаются не наказанными; только не преступленія противъ революціи [2]). „Число подкинутыхъ дѣтей“, какъ вычисляютъ нѣкоторые, „удвоилось“.

Молчитъ теперь роялизмъ; молчитъ аристократизмъ и все почтенное сословіе, державшее свои кабріолеты. Почестью и безопасностью пользуется теперь бѣдность, а не богатство. Гражданинъ, желающій слѣдовать модѣ, выходитъ на прогулку, подъ руку со своей женой, въ красномъ вязанномъ колпакѣ, грубомъ черномъ кафтанѣ и полной кармальонѣ. Аристократизмъ прячется въ какое только еще осталось убѣжище, подчиняясь всѣмъ требованіямъ, непріятностямъ, вполнѣ счастливый, если ему удается спасти жизнь. Мрачные замки смотрятъ на васъ по сторонамъ дороги, безъ крышъ, безъ оконъ; національный разрушитель разграбилъ ихъ для свинца и камня. Прежніе владѣльцы въ отчаяніи бѣгутъ за Рейнъ, въ Конде, представляя любопытное зрѣлище для міра. Ci-devant сеньеръ, съ утонченнымъ вкусомъ, сдѣлался превосходнымъ ресторраннымъ поваромъ въ Гамбургѣ; ci-devant madame, от[illegible]паяся изяществомъ туалета,—хорошо торгующею marchande des modes въ Лондонѣ. Въ Ньюгеть-Стритѣ, вы встрѣчаете маркиза M. le Marquis, съ тяжелой доской на плечахъ, стругомъ и рубанкомъ подъ мышкой; онъ принялся за столярное ремесло; нужно же чѣмъ нибудь жить (faut vivre [3]). Болѣе всѣхъ другихъ французовъ преуспѣваютъ торговцы процентными бумагами, въ дни бумажныхъ денегъ. Фермеры также процвѣтаютъ: „Дома фермеровъ, говоритъ Мерсье, стали похожи на лавки ростовщиковъ“; здѣсь скопились всѣ предметы комнатной обстановки, костюмы, золотые и серебряные сосуды; теперь дороже всего хлѣбъ. Доходъ

---

[1]) 26-го іюня 1794 г. (смотри Rapport de Guyton Morveau sur les aerostats, въ Moniteur du 6 Vendemiaire, An. 2).

[2]) Mercier, V 25; Deux Amis, XII, 142—199.

[3]) Смотри Deux Amis, XV, 189—192. Memoires de Genlis. Основатели французской республики.

фермера — бумажныя деньги, и онъ одинъ изъ всѣхъ имѣетъ хлѣбъ: фермеръ чувствуетъ себя лучше, чѣмъ лендлордъ, и самъ сдѣлается лендлордомъ.

И каждое утро, какъ мы уже сказали, подобно мрачному призраку, молчаливо проѣзжаетъ среди этой суеты революціонная повозка, словно пишущая на стѣнахъ свое Mene, Mene, Ты взвѣшенъ и въ тебѣ найденъ недовѣсъ! Къ этому призраку люди относятся равнодушно, къ нему уже привыкли, жалобъ не слышно изъ этой колесницы смерти. Слабыя женщины и ci-devants, въ своемъ поблекшемъ опереніи, сидятъ безмолвно, уставившись глазами впередъ, какъ бы въ темное будущее. Иногда тонкія губы искривляются ироніей, но не произносятъ ни слова, и телѣга движется дальше. Виновны они или нѣтъ передъ небомъ, но, конечно, виновны передъ революціей. Притомъ, развѣ республика не „чеканитъ деньги" изъ нихъ своимъ большимъ топоромъ? Красные колпаки ревутъ съ жестокимъ одобреніемъ; остальной Парижъ смотритъ если со вздохомъ, то ужъ и этого много; нашимъ ближнимъ, которыми завладѣли мрачная неизбѣжность и Тенвиль, вздохи уже не помогутъ.

Отмѣтимъ еще одну или, вѣрнѣе, двѣ вещи, не болѣе: бѣлокурые парики и кожевенное производство въ Медонѣ. Много было толковъ объ этихъ бѣлокурыхъ парикахъ, Perruques blondes. О, читатель, они сдѣланы изъ волосъ гильотированныхъ женщинъ! Локонамъ герцогини, такимъ образомъ, можетъ быть, случится покрывать черепъ кожевника; ея бѣлокурому германскому франкизму—его черный гельскій затылокъ, если онъ плѣшивъ. Или, быть можетъ, эти локоны носятся съ любовью, какъ реликвіи, дѣлая носящаго подозрительнымъ? Граждане употребляютъ ихъ не безъ насмѣшки, скорѣе каннибальскаго сорта.

Еще глубже поражаетъ сердце человѣка эта кожевня въ Медонѣ, не упомянутая среди другихъ чудесъ кожевеннаго дѣла! „Въ Медонѣ, спокойно говоритъ Монгальяръ, существовала кожевня для выдѣлки человѣческихъ кожъ; изъ кожи тѣхъ гильотинированныхъ, которыхъ находили достойными обдиранія, выдѣлывалась замѣчательно хорошая кожа въ родѣ замши", служившая для брюкъ и для другого употребленія. Кожа мужчины, прибавляетъ онъ, превосходила прочностью и другими качествами кожу серны; женская же кожа почти ни на что не была годна,—ткань ея была слишкомъ мягка! Исторія, оглядываясь назадъ, на каннибализмъ, въ Пилигримахъ (Purchas's Pilgrims) и всѣ раннія и позднѣйшія упоминанія о немъ, едва ли найдетъ въ цѣломъ мірѣ каннибализмъ болѣе отвратительнаго сорта. Вѣдь, это утонченный, изящный сортъ, такъ сказать, perfide, коварный! Увы! цивилизація все еще только внѣшняя оболочка, сквозь которую проглядываетъ дикая, адская природа человѣка. Онъ все еще остается созданіемъ природы, въ которой есть, какъ небесное, такъ и адское

КНИГА VI.

Термидоръ.

ГЛАВА I.

Боги жаждутъ.

Что же это за явленіе, называемое революціей, которое, подобно ангелу смерти, нависло надъ Франціей, топя, разстрѣливая, сражаясь, сверля дула, выдѣлывая человѣческія кожи? Слово революція—это только буквы азбуки, въ извѣстномъ сочетаніи; революція же, это—явленіе, которымъ нельзя овладѣть, которое нельзя запереть подъ замокъ. Гдѣ оно находится? что оно такое? Это безуміе, которое живетъ въ сердцахъ людей. Оно и въ томъ, и въ другомъ человѣкѣ; какъ ярость, или какъ ужасъ, оно во всѣхъ людяхъ. Невидимое, неосязаемое, и однако никакой черный Азраиль, распростершій крылья надъ половиной материка и размахивающій мечомъ отъ моря до моря, не могъ бы быть большей дѣйствительностью.

Объяснять, какъ вообще понимается объясненіе, развитіе этого революціоннаго правительства, не наша задача. Человѣкъ не можетъ объяснить этого. Паралитикъ Кутонъ, спрашивающій якобинца: „Что ты сдѣлалъ, чтобы быть повѣшеннымъ, если бы побѣдила контръ-революція?"; мрачный Сенъ-Жюстъ, не достигшій еще двадцати шести лѣтъ, объявляющій, что „революціонеры найдутъ покой только въ могилѣ"; зеленолицый Робеспьеръ, превратившійся въ уксусъ и желчь; кромѣ того, Амаръ и Вадіе, Колло и Бильо:—какъ знать, какія мысли, предопредѣленія, или предвидѣнія могли быть въ головахъ этихъ людей! Упоминанія объ ихъ мысляхъ не осталось; смерть и мракъ окончательно смели ихъ. Но если бы мы и знали ихъ мысли, всѣ, которыя они могли бы ясно выразить намъ, какая бы это была незначительная часть всего того, что осуществилось, что было предписано, по данному ими сигналу! Уже не разъ говорилось, что это революціонное правительство было не сознательное, а слѣпое, роковое. Каждый человѣкъ, окунувшійся въ окружающую атмосферу революціоннаго фанатизма, стремится впередъ, увлекаемый и увлекающій, и становится слѣпой, грубой силой; да, для него нѣтъ отдыха, кромѣ какъ въ могилѣ! Мракъ и тайна ужасной жестокости скрываютъ его отъ насъ въ исторіи, какъ и въ природѣ. Эта хаотическая грозовая туча, со своей непроглядной темнотой, со своимъ громомъ ослѣпительныхъ молній, падающихъ зигзагами, въ мірѣ, наполненномъ электричествомъ: кто возьмется объяснить намъ, какъ это подготовлялось, какія тайны скрывались въ темныхъ нѣдрахъ тучи; изъ какихъ источниковъ, съ какими особенностями, молнія, содержащаяся тамъ, падала въ смутномъ блескѣ террора, разрушительная и саморазрушающаяся, пока это не кончилось? Не подобна ли въ сущности природа самоизводящагося санкюлотизма мраку Эреба, который, волею провидѣнія,

поднялся бы на время въ царство лазури? Можно только различить, что изъ этого мрака Эреба исходятъ въ извѣстной послѣдовательности, почти безвольно, но въ силу великой необходимости, то ослѣпительная молнія, то огненный потокъ, разрушительные и саморазрушающіеся, пока не наступитъ конецъ.

Роялизмъ уничтоженъ, „погруженъ", какъ говорятъ, „въ тину Луары"; республиканизмъ господствуетъ внутри и внѣ. Что же мы видимъ 15-го марта 1794 г.? Арестъ, неожиданный, какъ громъ изъ голубого неба, постигаетъ такихъ жертвъ, какъ Геберъ (Père Duchesne), книгопродавецъ Моморо, клеркъ Венсанъ, генералъ Ронсенъ, все высоко-патріотичные кордильеры, наряженныя въ красные колпаки, должностныя лица Парижа, почитатели разума, командующіе революціонной арміей! Какихъ нибудь восемь дней тому назадъ ихъ клубъ кордильеровъ гремѣлъ, болѣе чѣмъ когда-либо, патріотическими рѣчами. Геберъ, „сдерживалъ свой языкъ и негодованіе впродолженіи этихъ двухъ мѣсяцевъ, при видѣ умѣренныхъ, тайныхъ роялистовъ, Камилловъ, scelerats въ самомъ конвентѣ; но не могъ сдерживаться долѣе; прибѣгнулъ бы, если бъ не оказалось другого средства, къ священному праву возстанія". Такъ говорилъ Геберъ въ собраніи кордильеровъ, при рукоплесканіяхъ, отъ которыхъ дрожали своды зала [1]. Это было какихъ нибудь восемь дней тому назадъ: а теперь уже! Они протираютъ глаза: нѣтъ, это не сонъ, они находятся въ Люксембургѣ. Простофиля Гобель также; и это они, которые сжигали церкви! Самъ Шометтъ, могущественный прокуроръ, agent national, какъ его называютъ теперь, который могъ „узнавать подозрительныхъ по лицу", остается на свободѣ только три дня; на третій день и онъ также брошенъ въ тюрьму. Осунувшійся, посинѣвшій, входитъ этотъ agent national въ это преддверіе ада, куда онъ послалъ столько людей. Заключенные толпятся вокругъ него, издѣваясь: „Верховный національный агентъ", говоритъ одинъ, „въ силу твоей безсмертной прокламаціи, смотри! Я подозрителенъ, ты подозрителенъ, онъ подозрителенъ, мы подозрительны, вы подозрительны, они подозрительны!"

Что же все это значитъ? А то, что открыть заговоръ съ самыми обширными развѣтвленіями, всѣ нити котораго уже находятся, однако, въ рукахъ Барера. Что могло вызвать такія скандальныя явленія, какъ сжиганіе церквей и атлетическіе маскарады, способные сдѣлать революцію отвратительной, какъ не золото Питта? Питтъ, несомнѣнно, онъ — какъ показываетъ сверхъестественно-проницательное изученіе предмета, — подкупилъ эту партію Enragés, чтобы они разыгрывали свои фантастическія плутни; гремѣли въ своемъ клубѣ кордильеровъ противъ умѣренныхъ; печатали своего Père Duchesne; поклонялись Разуму въ голубомъ платьѣ и красномъ колпакѣ; грабили алтари, — и приносили намъ награбленное!

Еще болѣе несомнѣнно, и очевидно даже для простого человѣческаго глаза, что клубъ кордильеровъ сидитъ блѣдный отъ злобы и страха; и что онъ „предалъ забвенію права человѣка", — безъ результата. Но и якобинцы, видимо, находятся въ большомъ смущеніи и заняты „самоочисткой", какъ они это неоднократно дѣлали во времена заговоровъ и народныхъ бѣдствій. И не одинъ Камиллъ Демуленъ навлекъ на себя подозрѣнія, слышится ропотъ и противъ самого Дантона; но Дантонъ окрикомъ заставилъ замолчать обвинителей, и Робеспьеръ положилъ конецъ недоразумѣнію, „обнявъ его на трибунѣ".

Кому же можетъ теперь довѣриться республика и ревностно охраняющая ее Мать патріотизма, въ эти времена соблазновъ и сверхъестественной проницательности? Такъ какъ существуетъ заговоръ иностранцевъ, заговоръ умѣренныхъ, заговоръ неистовыхъ, всевозможные заговоры, ясно, что мы вращаемся среди сѣтей, протянутыхъ повсюду; среди смертоносныхъ западней и ловушекъ,

---

[1]) Moniteur, du 17 Ventose (7-го марта) 1794.

созданныхъ золотомъ Питта! Неподкупный Робеспьеръ устранилъ оратора человѣчества Клоотса, съ его „доказательствами Магометанской религіи" и лепетомъ о всемірной республикѣ, и баронъ Клоотсъ, вмѣстѣ съ мятежнымъ портнымъ Пэномъ, уже два мѣсяца сидитъ въ Люксембургѣ,—какъ члены заговора иностранцевъ. Делегатъ Филиппо изгнанъ; онъ возвратился изъ Вандеи съ дурнымъ отзывомъ о бездѣльникѣ Россильолѣ и о нашемъ способѣ подавленія возстанія. Отрекись отъ своихъ словъ, Филиппо, отрекись, умоляемъ тебя! Но Филиппо не хочетъ отречься, его устраняютъ. Депутатъ Фабръ д'Эглантинъ, знаменитый сотрудникъ календаря Ромма, изгнанъ изъ конвента и заключенъ въ Люксембургскую тюрьму. Его обвиняютъ въ злоупотребленіи своимъ депутатскимъ званіемъ для мошенническихъ операцій „съ деньгами Индійской компаніи". Въ томъ же обвиняются Шабо и Базиръ, и всѣ трое ждутъ въ тюрьмѣ своей участи. Исключенъ и Вестерманъ, другъ Дантона; онъ предводительствовалъ марсельцами десятаго августа и со славою сражался въ Вандеѣ, но также не хорошо отозвался о негодяѣ Россиньолѣ, и счастье его, если и онъ не попадетъ въ Люксембургъ! А съ Проли и Гуцманомъ, сообщниками заговора иностранцевъ, уже покончено, равно какъ и съ Перейрой, хотя онъ и бѣжалъ; „его взяли переодѣтымъ поваромъ въ тавернѣ". Я подозрителенъ, ты подозрителенъ, онъ подозрителенъ!

Великое сердце Дантона измучено всѣмъ этимъ. Онъ уѣхалъ въ родной Арси на короткое время, чтобы отдохнуть отъ этихъ мрачныхъ паутинныхъ тенетъ, отъ этого міра жестокости, ужаса и подозрѣній. Привѣтствую тебя, безсмертная мать природа, съ твоей весенней зеленью, твоими милыми семейными привязанностями и воспоминаньями! Ты одна не измѣняешь, когда все измѣняетъ! Титанъ, молча, бродитъ по берегамъ журчащей Оби, въ зеленѣющихъ родныхъ уголкахъ, знавшихъ его еще мальчикомъ; и размышляетъ, каковъ можетъ быть конецъ всего этого.

Камиллъ Демуленъ.

Всего удивительнѣе то, что исключенъ Камиллъ Демуленъ. Приведенный выше вопросъ Кутона можетъ служить образчикомъ этого якобинскаго очищенія: „Что ты сдѣлалъ, чтобы быть повѣшеннымъ въ случаѣ побѣды контръ-революціи?" Камиллъ имѣлъ, что отвѣтить на этотъ вопросъ, и, однако, онъ исключенъ! Правда, Камиллъ, въ началѣ прошлаго декабря, началъ издавать новый журналъ, или серію памфлетовъ, озаглавленную „Veux Cordelier", Старый Кордельеръ. Камиллъ, не боявшійся когда-то „обнимать Свободу на кучѣ смертныхъ тѣлъ", начинаетъ теперь спрашивать: не долженъ ли, среди столькихъ арестующихъ и карающихъ комитетовъ, существовать „комитетъ милосердія?" „Сенъ-Жюстъ, замѣчаетъ онъ, чрезвычайно торжественный молодой республиканецъ, который носитъ свою голову, какъ св. Дары, или какъ истинное вмѣстилище св. Духа". Камиллъ, этотъ старый кордельеръ, — Дантонъ и онъ были изъ первыхъ кордельеровъ, — мечетъ сверкающими стрѣлами въ новыхъ кордельеровъ, этихъ Геберовъ, Моморо, съ ихъ крикливымъ безчеловѣчіемъ и низостями, какъ богъ-солнце (бѣдный Камиллъ былъ поэтъ) въ змѣю, рожденную изъ грязи.

Естественно, гебертистская змѣя шипѣла и извивалась, угрожала „священнымъ правомъ возстанія"—и, какъ мы видѣли, попала въ тюрьму. Мало того, Камиллъ, со своимъ прежнимъ остроуміемъ, находчивостью и граціозной ироніей, переводя „изъ Тацита о царствованіи Тиверія", пускаетъ шпильки въ самый „законъ о подозрительныхъ", дѣлая его ненавистнымъ. Два раза въ де-

каду выходять его кипучія страницы, полныя остроумія, юмора, гармоничной простоты и глубины. Эти страницы—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій той темной эпохи; онѣ смѣло поражають сверкающими стрѣлами безобразія въ родѣ головы, носимой, какъ св. Дары, или идоловъ Юггернавто, къ великой радости Жозефины Богарне и другихъ пяти слишкомъ тысячъ подозрительныхъ, наполняющихъ двѣнадцать парижскихъ тюремъ, надъ которыми еще брезжетъ лучъ надежды! Робеспьеръ, сначала одобрявшій, не знаетъ, наконецъ, что и думать, а затѣмъ рѣшаетъ со своими якобинцами, что Камиллъ долженъ быть исключенъ. Истинный республиканецъ по духу этотъ Камиллъ, но съ самыми безразсудными выходками; аристократы и умѣренные искусно развращаютъ его; якобинизмъ находится въ крайнемъ затрудненіи, весь опутанный заговорами, подкупами, западнями и ловушками врага человѣческаго рода Питта. Первый номеръ журнала Камилла начинается словами „О, Питтъ!"—послѣдній помѣченъ 15-ымъ плювіозомъ, года второго, т. е. 3-мъ февраля 1794 г., и оканчивается слѣдующими словами Монтецумы: „Les dieux ont soif, Боги жаждутъ".

Но какъ бы то ни было, гебертисты сидятъ въ тюрьмѣ всего девять дней. 24-го марта революціонная колесница везетъ среди уличной суеты новый грузъ: Гебера, Венсана, Моморо, Ронсена, всего девятнадцать человѣкъ: замѣчательно, что съ ними сидитъ и Клоотсъ, ораторъ человѣчества. Всѣ они собраны въ кучу, въ смѣшеніе неописуемыхъ жизней, и совершаютъ теперь свой послѣдній путь. Ничто не поможетъ: всѣ они должны „посмотрѣть въ маленькое окошко"; всѣ должны „чихнуть въ мѣшокъ" „éternuer dans le sac"; какъ они заставляли это дѣлать другихъ, такъ заставятъ теперь ихъ самихъ. Святая гильотина, думается мнѣ, хуже чѣмъ святые древнихъ суевѣрій, это святая, пожирающая людей. Клоотсъ, все еще съ видомъ тонкаго сарказма, старается шутить, излагаетъ „аргументы матеріализма" и требуетъ, чтобы его казнили послѣднимъ; „онъ хочетъ установить нѣкоторые принципы", изъ которыхъ философія, кажется, до сихъ поръ не извлекла никакой пользы. Генералъ Ронсенъ все еще смотритъ впередъ съ вызывающимъ видомъ, повелительнымъ взоромъ; остальные оцѣпенѣли въ блѣдномъ отчаяніи. Бѣдный книгопродавецъ Моморо, ни одинъ аграрный законъ еще не осуществился, они могли бы съ такимъ же успѣхомъ повѣсить тебя въ Эвре, двадцать мѣсяцевъ назадъ, когда жирондистъ Бюзо помѣшалъ этому. Геберъ Père Duchesne никогда болѣе не прибѣгнетъ въ этомъ мірѣ къ священному праву возстанія: онъ сидитъ уныло, съ опущенной на грудь головой: красные колпаки кричатъ вокругъ него, пародируя его газетныя статьи: „Великій гнѣвъ Père Duchesne'a!" Всѣ они погибаютъ и мѣшокъ принимаетъ ихъ головы. Впродолженіе нѣкотораго періода исторіи мелькаютъ девятнадцать призраковъ, невнятно крича и бормоча, пока не поглотитъ ихъ забвеніе.

Сама революціонная армія распущена на недѣлю по домамъ, такъ какъ генералъ сдѣлался призракомъ. Такимъ образомъ и заговоръ неистовыхъ сметенъ съ республиканской почвы, и здѣсь также удалось безъ вреда для себя уничтожить наполненныя приманками ловушки этого Питта, и снова господствуетъ радость по поводу открытаго заговора. Стало быть, правда, что революція пожираетъ своихъ собственныхъ дѣтей? Всякая анархія, по своей природѣ, не только разрушительна, но и само разрушительна.

ГЛАВА II.

Дантонъ, мужайся!

За Дантономъ, между тѣмъ, спѣшно послали въ Арси: онъ долженъ возвратиться немедленно, кричалъ Камиллъ, кричалъ Фелиппо и друзья, чуявшіе опасность въ воздухѣ. Опасность не малая! Дантонъ, Робеспьеръ, главные

продукты побѣдносной революціи, очутились теперь лицомъ къ лицу, и должны выяснить, какъ они будутъ жить вмѣстѣ, управлять вмѣстѣ. Легко понять глубокое различіе, раздѣлявшее этихъ двухъ человѣкъ; легко понять, съ какимъ страхомъ и чисто женской завистью глядѣла жалкая зеленоватая формула на колоссальную дѣйствительность и становилась, глядя на нее, все зеленѣе!—Дѣйствительность, съ своей стороны, старалась не думать дурно объ этомъ главномъ продуктѣ революціи; но чувствовала въ глубинѣ души, что продуктъ этотъ мало чѣмъ отличается отъ большого пузыря, широко раздутаго популярностью; не человѣкъ это былъ, по жалкій, неподкупный педантъ, съ логической формулой вмѣсто сердца; іезуитскаго или методистко-священническаго хорактера; полный искренняго ханжества, неподкупности, язвительности, трусости; безплодный, какъ восточный вѣтеръ. Двухъ такихъ главныхъ продуктовъ было слишкомъ много для одной революціи.

Друзья, дрожа при мысли о послѣдствіяхъ ссоры между ними, заставляютъ ихъ встрѣтиться. „Справедливо", сказалъ Дантонъ, скрывая сильное негодованіе, „обуздывать роялистовъ, но карать мы должны только тогда, когда этого требуетъ польза республики, и не должны смѣшивать невиннаго съ виновнымъ".—„А кто сказалъ вамъ", возразилъ Робеспьеръ съ ядовитымъ взглядомъ,—„что погибъ хотя одинъ невинный"?—„Quoi", сказалъ Дантонъ, круто повернувшись къ своему другу Пари, прозвавшему себя Фабриціемъ, присяжному въ революціонномъ трибуналѣ: „Quoi, ни одного невиннаго не погибло? Что ты скажешь на это, Фабрицій"[1]! —Друзья, Вестерманъ, этотъ Пари и другіе убѣждали его показаться, подняться на трибуну и дѣйствовать. Но Дантонъ не былъ склоненъ показываться,—дѣйствовать или возбуждать народъ ради своей безопасности. Это была безпечная, широкая натура, склонная къ оптимизму и покою; онъ могъ сидѣть цѣлыми часами, слушая болтовню Камилла, и ничего такъ не любилъ, какъ это. Друзья и жена уговаривали его бѣжать: „Куда бѣжать"? отвѣчалъ онъ: „Если свободная Франція изгоняетъ меня, гдѣ же найдется для меня другое убѣжище? Нельзя унести съ собой свою родину на подошвахъ сапогъ"! И Дантонъ продолжалъ сидѣть. Даже арестъ друга его, Геро-Сешеля, члена комитета общественнаго спасенія, арестованнаго по приказу самого комитета, не можетъ поднять Дантона. Въ ночь 30-го марта присяжный Пари прибѣжалъ къ нему съ явно написанной въ глазахъ тревогой: одинъ клеркъ изъ комитета общественнаго спасенія сообщилъ ему, что приказъ о задержаніи Дантона уже подписанъ, и его должны арестовать въ эту же ночь! Бѣдная жена, Пари и другіе друзья въ страхѣ, умоляютъ его бѣжать. Дантонъ помолчалъ, потомъ отвѣтилъ: „Ils n'oseraient, они не посмѣютъ"; и не захотѣлъ принимать никакихъ мѣръ. Бормоча: „Они не посмѣютъ", онъ по обыкновенію идетъ спать.

Однако, на другой день, утромъ, по городу Парижу распространяется странный слухъ: Дантонъ, Камиллъ Демуленъ, Фелиппо, Лакруа наканунѣ вечеромъ арестованы! И это правда. Коридоры Люксембурга были переполнены: заключенные толпились въ нихъ, чтобы увидѣть гиганта революціи, входящаго къ нимъ. „Messieurs", вѣжливо сказалъ Дантонъ, „я надѣялся въ скоромъ времени освободить всѣхъ васъ отсюда; но вотъ я самъ здѣсь; и не извѣстно, чѣмъ это кончится".—Слухъ разносится по всему Парижу; конвентъ разбивается на группы,—которыя шепчутся съ широко раскрытыми глазами: „Дантонъ арестованъ"! Кто же въ такомъ случаѣ въ безопасности? Лежандръ, поднявшись на трибуну, произноситъ, съ опасностью для себя, слабую рѣчь въ его защиту, предлагая выслушать его (Дантона) у этой эстрады до преданія суду; но Робеспьеръ сердито обрываетъ его: „Выслушали вы Шабо или Базира? Или у васъ двѣ мѣры и два вѣса?" Лежандръ, съежившись, сходитъ съ трибуны. Дантонъ, подобно другимъ, долженъ покориться своей судьбѣ.

---

[1]) Biographie des Ministres, Danton.

Было бы интересно знать мысли Дантона въ тюрьмѣ; но ни одна изъ нихъ не стала извѣстной: въ самомъ дѣлѣ, немногіе изъ такихъ замѣчательныхъ людей остались настолько неясными для насъ, какъ этотъ титанъ революціи. Слышали, какъ онъ произнесъ: „Въ это же время, двѣнадцатъ мѣсяцевъ назадъ, я предложилъ учредить этотъ самый революціонный трибуналъ. Теперь я прошу прощенія за это у Бога и у людей. Они всѣ братья Каина; Бриссо желалъ, чтобы меня гильотинировали, какъ желаетъ этого теперь Робеспьеръ. Я оставляю дѣло въ страшной путаницѣ (gachis épouvantable); ни кто изъ нихъ ни чего не смыслитъ въ управленіи страной. Робеспьеръ послѣдуетъ за мною; я увлекаю Робеспьера. О, лучше быть бѣднымъ рыбакомъ, чѣмъ вмѣшиваться въ управленіе людьми“. Молодая прелестная жена Камилла, обогатившая его не одиѣми деньгами, бродитъ день и ночь вокругъ Люксембурга, подобно безплотному духу. Еще сохранились тайныя письма къ ней Камилла, покрытыя слѣдами его слезъ [1]. Слышали, какъ Сенъ-Жюстъ пробормоталъ: „Я ношу свою голову, какъ Св. Дары, а Камиллъ, пожалуй, будетъ носить ее, какъ Св. Денисъ“.

Люциль Демуленъ.

Несчастный Дантонъ, и ты, еще болѣе несчастный, легкомысленный Камиллъ, нѣкогда веселый Procureur de la Lanterne, вотъ и вы также дошли до предѣла мірозданія, подобно Одиссею на границѣ Ада; смотрите въ туманную пустоту за предѣлами міра, гдѣ человѣкъ видитъ тѣнь своей матери, блѣдную, не реальную, и думаетъ: какъ непохоже настоящее на тѣ дни, когда мать кормила и пеленала меня! Дантонъ, Камиллъ, Геро, Вестерманъ и другіе, странно смѣшанные съ Базиромъ, съ плутомъ Шабо, съ Фабромъ д'Эглантинъ, съ банкиромъ Фрей, въ одну пеструю кучу — „Fournee“, какъ будутъ называть такія группы—стоятъ, выстроенные въ рядъ передъ эстрадой Тенвиля. Было это 2-го апрѣля 1794 г. Дантону пришлось только три дня просидѣть въ тюрьмѣ, такъ какъ время не терпитъ.

Какъ ваше имя? Мѣсто жительства? и тому подобное, спрашиваетъ Фукье-Тенвиль, какъ требуютъ формальности. „Мое имя Дантонъ“, отвѣчаетъ титанъ,— „имя довольно извѣстное въ революціи; моимъ мѣстопребываніемъ скоро будетъ ничто (le Néant); но я буду жить въ Пантеонѣ исторіи“. Человѣкъ старается въ этомъ случаѣ сказать что нибудь сильное, все равно въ характерѣ его это, или нѣтъ! Геро-Сешель заявляетъ эпиграмматически, что онъ „сидѣлъ въ этомъ залѣ, ненавистный парламентскимъ дѣятелямъ“. Камиллъ отвѣчаетъ: „Мой возрастъ, — это возрастъ bon Sanculotte Jésus, роковой для революціонеровъ“. О Камиллъ, Камиллъ! И, однако, вѣдь въ этомъ божественномъ событіи заключался, между прочимъ, самый роковой упрекъ, когда либо сдѣланный на землѣ мірскому правосудію; „важнѣйшій фактъ“, какъ это называетъ набожный Новалисъ, „признаніе правъ человѣка“. Истинный возрастъ Камилла, кажется, тридцать четыре года. Дантонъ годомъ старше.

Какихъ нибудь пять мѣсяцевъ тому назадъ, процессъ двадцати двухъ жирондистовъ былъ важнѣйшимъ, какой когда-либо приходилось вести Фукье. Но вотъ ему приходится вести еще болѣе важный, требующій всей его изворотливости, заставляющій трепетать его сердце, такъ какъ голосъ Дантона раздается теперь подъ этими сводами въ страстныхъ рѣчахъ, потрясающихъ своей дикой

---

[1]) Aperçus sur Camille Desmoulins (см. Vieux Cordelier, Paris 1825, стр. 1—29).

искренностью, окрыленныхъ гнѣвомъ. Показанія важнѣйшихъ изъ свидѣтелей онъ разбиваетъ въ прахъ однимъ ударомъ. Онъ требуетъ, чтобы члены комитета сами выступили въ качествѣ свидѣтелей и въ качествѣ обвинителей; онъ „покроетъ ихъ безчестіемъ". Онъ поднимается во весь свой огромный ростъ, встряхиваетъ своей огромной черной головой; глаза его мечутъ молніи, зажигающія всѣ республиканскія сердца,—такъ что сами галлереи, хотя заполненныя по билетамъ, шепчутся сочувственно и какъ бы готовы броситься внизъ и поднять народъ, чтобы освободить Дантона! Онъ громко жалуется на то, что его причислили къ разряду Шабо, мошенниковъ, биржевыхъ спекулянтовъ; что его обвинительный актъ—рядъ пошлостей и ужасовъ. „Дантонъ прятался 10-го августа!" возражаетъ онъ подобно реву льва въ тенетахъ. „А гдѣ тѣ люди, которые побуждали его показаться въ этотъ день? Гдѣ тѣ возвышенныя души, у которыхъ онъ черпалъ энергію? Пусть они покажутся, эти мои обвинители; я вполнѣ владѣю собою, требуя этого, я сорву личины съ трехъ пошлыхъ негодяевъ", les trois plats coquins, Сенъ-Жюста, Кутона, Леба, „которые раболѣпствуютъ передъ Робеспьеромъ и ведутъ его къ погибели. Пусть они явятся сюда; я обращу ихъ въ ничтожество, изъ котораго имъ никогда не подняться!" Взволнованный президентъ звонитъ, призываетъ къ порядку строгимъ голосомъ: „Что тебѣ до того, какъ я защищаюсь!" кричитъ Дантонъ: „право осудить меня останется за тобою. Голосъ человѣка, защищающаго свою честь и жизнь, заглушитъ звонъ твоего колокольчика!" Такъ гремитъ Дантонъ все сильнѣе и сильнѣе, пока его львиный голосъ не „замираетъ въ горлѣ": слова не могутъ выразить того, что есть въ этомъ человѣкѣ. Галлереи зловѣще ропщутъ. Первое дневное засѣданіе окончено.

Фукье-Тенвиль.

О, Тенвиль, и ты, президентъ Германъ, что вы будете дѣлать? По строго революціонному закону процессъ можетъ продолжиться еще два дня; но галлереи уже ропщутъ. Что, если этотъ Дантонъ прорветъ ваши сѣти! — Въ самомъ дѣлѣ, интересно было бы посмотрѣть. Вѣдь, все виситъ на волоскѣ. И что за кавардакъ произошелъ бы тогда! Судьи и подсудимый помѣнялись бы мѣстами; и вся исторія Франціи пошла бы другимъ путемъ! Вѣдь, одинъ Дантонъ могъ бы еще попытаться управлять Франціей. Только онъ, этотъ неукротимый безформенный титанъ, — да развѣ еще тотъ смуглый артиллерійскій офицеръ въ Тулонѣ, котораго мы оставили дѣлать свою карьеру на Югѣ.

Вечеромъ второго дня, такъ какъ дѣло все болѣе грозило принять дурной оборотъ, Фукье и Германъ, растерянные, бросаются въ комитетъ общественнаго спасенія. Что тутъ дѣлать? Комитетъ проворно издаетъ новый декретъ, въ силу котораго лица, оскорбляющіе судей, „могутъ быть устранены отъ преній". Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не существуетъ „заговора въ Люксембургской тюрьмѣ?" Ci-devant генералъ Диллонъ и другіе подозрительные вступили въ заговоръ съ женой Камилла съ цѣлью раздавать ассигнаціи, чтобы открыть тюрьмы и ниспровергнуть республику. Гражданинъ Лафлоттъ, самъ подозрительный, но желающій получить свободу, донесъ объ этомъ заговорѣ, и доносъ этотъ можетъ принести пользу! На другой день, утромъ, послушный конвентъ утверждаетъ новый декретъ, и комитетъ бросается съ нимъ на помощь къ Тенвилю, поставленному почти въ безвыходное положеніе. И такъ hors de Débats, безъ преній, вы, дерзкіе! Стража, исполняй свой долгъ! Такимъ образомъ, благодаря крайнимъ усиліямъ комитета, Тенвиля, Германа, Леруа-Dix-Août и всѣхъ слав-

ныхъ присяжныхъ, приложившихъ къ этому весь умъ и всѣ силы, судъ присяжныхъ становится достаточно освѣдомленнымъ, приговоръ постановленъ, посланъ съ офиціальнымъ лицомъ, изорванъ и растоптанъ ногами: смерть въ этотъ же день. Это было 5-го апрѣля 1794 г. Бѣдная жена Камилла можетъ перестать бродить около тюрьмы. Даже болѣе: пусть она поцѣлуетъ своихъ бѣдныхъ дѣтей и приготовится сама войти въ нее, чтобы послѣдовать за мужемъ!

Дантонъ гордо держался на колесницѣ смерти. Не то Камиллъ: прошла всего одна недѣля—и все перевернулось вверхъ дномъ: ангелъ-жена оставлена плачущей; любовь, богатство, революціонная слава,—все оставлено у рѣшетки тюрьмы; кровожадная чернь реветъ теперь вокругъ. Все это очевидно, и однако такъ невѣроятно, словно бредъ сумасшедшаго! Камиллъ борется и вырывается; движеніями плечъ онъ сбрасываетъ съ себя камзолъ, который виситъ на немъ привязанный; руки связаны. „Успокойся, мой другъ", говоритъ ему Дантонъ; „не обращай вниманія на эту подлую чернь (laissez-la cette vile canaille)". У подножья эшафота слышали, какъ Дантонъ произнесъ: „О, моя жена, моя дорогая возлюбленная, я никогда не увижу тебя больше"! Но онъ прервалъ себя словами: „Дантонъ, мужайся!" Онъ сказалъ Геро-Сешелю, подошедшему обнять его: „Наши головы встрѣтятся тамъ", въ мѣшкѣ палача. Его послѣднія слова были обращены къ самому палачу Самсону: „Ты покажешь мою голову народу; она стоитъ этого".

Такъ, подобно гигантской массѣ доблести, тщеславія, ярости, страстей, дикой революціонной силы и мужества, отходитъ этотъ Дантонъ въ невѣдомый міръ. Онъ родился въ Арси-на-Обѣ, въ „хорошей фермерской семьѣ". У него было много пороковъ, но не было худшаго: шарлатанства. Не пустой формалистъ, обманывающій себя и другихъ, чуждый естественному чувству, былъ онъ, а настоящій человѣкъ, со всѣми своими недостатками; человѣкъ пылко-реальный, словно вышедшій изъ великаго огненнаго чрева самой природы. Онъ спасъ Францію отъ герцога Брауншвейгскаго; онъ шелъ прямо своей крутой дорогой туда, куда она вела его, и будетъ жить въ памяти людей впродолженіи многихъ поколѣній.

ГЛАВА III.

Телѣги.

Не далѣе, какъ черезъ пять дней, 10 апрѣля, слѣдуютъ новыя девятнадцать жертвъ,—въ томъ числѣ Шометтъ, Гобель, вдова Гебера, вдова Камилла Дюмулена. И они также проѣзжаютъ свой роковой путь навстрѣчу мрачной смерти. Робкая вдова Гебера плачетъ, вдова Камилла сторается ободрить ее. О, вы, благія небеса, лазурныя, прекрасныя, вѣчныя за вашими временными бурями и тучами, неужели у васъ нѣтъ жалости ко всѣмъ этимъ людямъ? Гобель, повидимому, раскаялся, онъ просилъ отпущенія грѣховъ у священника,—и умеръ такъ хорошо, какъ только могъ умереть Гобель. Что касается до Анаксагора Шометта, до этой лысой головы, лишенной теперь своего краснаго колпака, то какая можетъ быть для него надежда? Развѣ только та, что смерть есть „вѣчный сонъ"? Жалкій Анаксагоръ! Богъ тебѣ судья, а не я!

Итакъ, Геберъ погибъ, погибли и гебертисты, грабившіе церкви и поклонявшіеся голубой богинѣ Разума въ красномъ колпакѣ! Великій Дантонъ и дантонисты также исчезли. Они безмолвствуютъ въ глубинѣ катакомбъ. Ни одинъ парижскій муниципалитетъ, ни одна секта или партія того или другого оттѣнка не смѣютъ теперь противиться волѣ Робеспьера и комитета общественнаго спасенія. Мэръ Пашъ, недостаточно поторопившійся донести объ этихъ заговорахъ Питта, можетъ поздравлять теперь съ открытіемъ ихъ: но какъ бы искренно ни дѣлалъ онъ это, а пользы для него отъ этого мало. Его путь также лежитъ въ Люксем-

бургъ. Временнымъ мэромъ на его мѣсто назначенъ нѣкто Флёріо-Леско, „архитекторъ изъ Бельгіи“; какъ говорятъ, это человѣкъ, на котораго можно положиться! Новымъ же національнымъ агентомъ сталъ Пайанъ, бывшій присяжный, креатура Робеспьера.

Такимъ образомъ, мы замѣчаемъ, что это безпорядочное электрическое облако Эреба, революціонное правительство, измѣнило нѣсколько свою форму. Двѣ массы, или крыла, принадлежатъ къ нему: верхняя—электрическая масса бѣшенныхъ кордельеровъ и нижняя—электрическая умѣренныхъ дантонистовъ и людей, доступныхъ милосердію; эти двѣ массы, осыпая другъ друга молніями, такъ сказать, уничтожили одна другую. Какъ мы не разъ замѣчали, облако Эреба имѣетъ самоубійственное свойство и, при неправильности зигзаговъ, попадаетъ своими молніями въ самое себя. Но теперь, когда эти двѣ несходныхъ массы уничтожили одна другую, облако Эреба какъ бы достигло внутренняго спокойствія и только низвергаетъ свой адскій огонь на міръ, лежащій подъ нимъ. Проще говоря, терроръ гильотины никогда не былъ такъ ужасенъ, какъ теперь. Топоръ Самсона періодически постукиваетъ все быстрѣе и быстрѣе. Постепенно обвиненія утрачиваютъ благовидную форму; Фукье выбираетъ изъ двѣнадцати тюремъ то, что онъ называетъ „Fournées“, охапками, десятка два или болѣе человѣкъ заразъ, и велитъ своимъ присяжнымъ открывать по нимъ огонь рядами, feu de file, пока почва не будетъ очищена. Доносъ гражданина Лафлотта о заговорѣ въ Люксембургѣ принесъ свои плоды. Если не существуетъ никакого повода къ обвиненію человѣка или группы людей, то у Фукье всегда есть въ запасѣ: заговоръ въ тюрьмѣ. И Самсонъ работаетъ все проворнѣе и проворнѣе, отправляя, наконецъ, до шестидесяти и болѣе человѣкъ въ одинъ разъ. Это праздникъ смерти: вѣдь, только мертвые не возвращаются.

О, мрачный д'Эпремениль, что это за день 22 апрѣля,—твой послѣдній день! Этотъ залъ дворца тотъ самый, гдѣ ты, пять лѣтъ назадъ, стоялъ, въ утреннихъ сумеркахъ, ораторствуя среди безконечныхъ, полныхъ паѳоса рѣчей мятежнаго парламента, приговоренный, вмѣстѣ съ д'Агу, къ ссылкѣ на Гіерскіе острова. Эти стѣны все тѣ же, но остальное: люди, мятежъ, паѳосъ, краснорѣчіе, смотри!—все это исчезло подобно смутной толпѣ духовъ, подобно фантасмагоріи умирающаго мозга. Съ д'Эпременилемъ, въ томъ же ряду телѣгъ, ѣдетъ смѣшанная печальная группа людей: здѣсь Шапелье, бывшій популярный президентъ учредительнаго собранія, котораго менады и Мальяръ встрѣтили въ собственной каретѣ на Версальской дорогѣ. Здѣсь Туре, также бывшій президентъ, авторъ конституціонныхъ законовъ; когда-то давно, мы слышали, какъ онъ сказалъ громкимъ голосомъ: „Учредительное собраніе исполнило свою миссію“! Здѣсь и благородный старикъ Малербъ, который, защищая Людовика, потерялъ способность говорить, подобно сѣдой старой скалѣ, неожиданно растаявшей, превратившись въ воду: онъ, молча, ѣдетъ на смерть вмѣстѣ со своими родными дочерями, сыновьями и внуками своими, Ламуаньонами и Шатобріанами. Только одинъ молодой Шатобріанъ бродитъ теперь среди племени начезовъ, подъ ревъ Ніагарскаго водопада и ропотъ безконечныхъ лѣсовъ. Привѣтъ тебѣ, великая природа, дикая, но не фальшивая, не злая, не чудовищная мать. Ты не формула, не бѣшенный споръ гипотезъ, парламентскаго краснорѣчія, статей конституціи и гильотины. Говори со мною, мать-природа, и пой моему больному сердцу твою мистическую, вѣчную колыбельную пѣсню, и пусть все остальное останется далеко!

Вотъ и другой рядъ телѣгъ, въ которомъ находится Елизавета, сестра Людовика. Ея процессъ былъ похожъ на всѣ остальные: заговоры и заговоры! Это была одна изъ самыхъ кроткихъ, самыхъ невинныхъ женщинъ. Съ нею сидѣла, среди двадцати четырехъ другихъ, когда-то трусливая, а теперь мужественная маркиза де Крюссоль, относившаяся къ ней съ живѣйшею преданностью. У подножія эшафота, Елизавета, со слезами на глазахъ, благодарила эту мар-

кизу, выказывая печаль, что ничѣмъ не можетъ наградить ее. „Ахъ, Madame, если бы ваше королевское высочество удостоили поцѣловать меня, то всѣ мои желанія были бы исполнены“.—„Очень охотно, маркиза, и отъ всего моего сердца“ [1]). И вотъ онѣ у подножія эшафота! Королевская семья сократилась до двухъ членовъ: дѣвочки и маленькаго мальчика. Мальчикъ, нѣкогда называвшійся дофиномъ, былъ отнятъ отъ своей матери еще при ея жизни и отданъ нѣкоему Симону, сапожнику по ремеслу, служившему тогда при тюрьмѣ Тампля, чтобъ воспитать его въ принципахъ санкюлотизма. Тотъ научилъ его пить, ругаться, пѣть карманьолу. Симонъ попалъ теперь въ муниципалитетъ, а бѣдный мальчикъ, спрятанный въ одной изъ башенъ Тампля, изъ которой онъ отъ страха, растерянности и ранней разслабленности, не хочетъ выходить, лежитъ, умирая среди грязи и мрака, въ рубашкѣ, не мѣнявшейся впродолженіи шести мѣсяцевъ. Такъ плачевно [2]) умираютъ, никѣмъ неоплаканныя, только бѣдныя дѣти, работающія на фарикахъ, и другіе подобные бѣдняки.

Весна посылаетъ свои зеленые листья и ясную погоду; свѣтлый май—свѣтлѣе, чѣмъ когда либо; а смерть не отдыхаетъ. Знаменитый химикъ Лавуазье долженъ умереть; химикъ Лавуазье былъ въ свое время генеральнымъ откупщикомъ, а теперь „всѣ генеральные откупщики арестованы и должны дать отчетъ въ своихъ доходахъ, и умереть за то, что „отмачивали для большаго вѣса табакъ“ [3]). Лавуазье просилъ дать ему еще двѣ недѣли жизни, чтобы закончить нѣкоторые опыты, но „республика не нуждается въ таковыхъ“; топоръ долженъ исполнять свое дѣло. Циникъ Шамфоръ, читая надписи: Братство или Смерть, замѣчаетъ: „Это братство Каина“; его арестуютъ, потомъ освобождаютъ; потомъ, узнавъ, что его намѣрены снова арестовать, этотъ Шамфоръ наноситъ себѣ раны, зарѣзывается безумной, невѣрной рукой, и не безъ труда достигаетъ убѣжища смерти. Кондорсе былъ хорошо спрятанъ въ продолженіи этихъ мѣсяцевъ, но глаза аргуса подстерегаютъ, ищутъ его. Убѣжище его сдѣлалось опаснымъ и для другихъ, и для него самаго; онъ долженъ снова бѣжать, прятаться въ окрестностяхъ Парижа, въ лѣсахъ и каменоломняхъ. И вотъ въ деревнѣ Кламаръ, въ одно пасмурное майское утро, появляется фигура оборванца, съ всклокоченной бородой, изнуренная голодомъ, и требуетъ себѣ завтракъ въ тавернѣ. По виду подозрительный! „Слуга безъ мѣста, говоришь ты?“ Президентъ комитета сорока су находитъ при немъ Горація по латыни: „Не изъ тѣхъ-ты ci-devants, которые привыкли держать слугъ? Подозрительный!“ Его тащутъ немедленно, не давъ окончить завтрака, въ Буръ-ла-Ренъ, пѣшкомъ; онъ лишается чувствъ отъ истощенія; его сажаютъ на крестьянскую лошадь; бросаютъ въ сырую тюремную камеру; на утро, вспомнивъ о немъ, входятъ: Кондорсе лежитъ мертвый на полу. Знаменитые люди Франціи быстро исчезаютъ одинъ за другимъ, гаснутъ подобно затушеннымъ огнямъ въ театрѣ.

Антуанъ-Лоранъ Лавуазье.

При такихъ обстоятельствахъ, не странно ли, даже не трогательно ли видѣть, какъ городъ Парижъ высыпаетъ въ мягкія майскія ночи на улицы для гражданской церемоніи, которую называютъ „Souper Fraternel“, Братскимъ ужи-

[1]) Montgaillard, IV, 200.

[2]) Duchesse d'Angoulême, Captivité à la Tour du Temple, стр. 37—71.

[3]) Tribunal Révolutionnaire du 8 mai 1794 (Moniteur. № 231).

Смерть Кондорсе.

номъ? Добровольно, или отчасти добровольно, это дѣлается по вечерамъ двѣнадцатаго, тринадцатаго и четырнадцатаго мая. На улицѣ Сентъ-Оноре и на другихъ главныхъ улицахъ и площадяхъ каждый гражданинъ выноситъ на вольный воздухъ свой ужинъ, какой состряпать далъ возможность ему суровый maximum, и присоединяетъ его къ ужину своего сосѣда; и за общимъ столомъ, съ веселыми огоньками и съ подобающимъ количествомъ граненаго стекла и другого убранства и лакомствъ, обыватели скромно ужинаютъ вмѣстѣ, подъ кроткимъ сіяніемъ звѣздъ [1]. Взгляни на это, о, ночь! Съ веселой заздравной чашей вина, чокаясь за царство свободы, равенства и братства, со своими женами, наряженными въ лучшія ленты, со своими малютками, рѣзвящимися вокругъ, сидятъ граждане за скромнымъ праздникомъ любви. Ночь, въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ, нигдѣ болѣе не видитъ ничего подобнаго. О, братья, отчего же царство братства не пришло? Оно пришло, оно должно придти, говорятъ граждане, скромно чокаясь.—Но, увы! Эти вѣчныя звѣзды, не глядятъ ли онѣ внизъ, „подобно яснымъ взорамъ, горящимъ вѣчнымъ состраданіемъ къ жребію человѣка“!

Одно печально, однако: это то, что отдѣльныя личности покушаются на убійства представителей народа. Представитель Колло, членъ самаго комитета общественнаго спасенія, возвращаясь домой около часу ночи, вѣроятно отуманенный ликеромъ, какъ это обыкновенно съ нимъ бываетъ, встрѣченъ на лѣстницѣ крикомъ „Scelerat“! и щелканьемъ пистолета, который, при выстрѣлѣ, даетъ осѣчку, освѣтивъ на мгновенье пару свирѣпыхъ расширенныхъ зрачковъ, смуглое, страшно искаженное лицо, въ которомъ можно узнать нашего маленькаго сосѣда, гражданина Амираля, бывшаго „клерка въ отдѣлѣ лотерей“! Колло кричитъ: „Убійство“! такимъ голосомъ, который способенъ разбудить всю улицу Фаваръ. Амираль спускаетъ курокъ вторично и пистолетъ опять дастъ осѣчку; затѣмъ бросается въ свою квартиру и тамъ послѣ еще нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ мушкета съ такимъ же результатомъ, сначала въ себя, потомъ въ арестующаго его, онъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму [2]. Негодующій человѣкъ, этотъ маленькій Амираль, съ южнымъ темпераментомъ и комплекціей, „съ значительной мускульной силой“. Онъ не отрицаетъ, что намѣревался „очистить Францію отъ тирана“, даже сознается, что слѣдилъ за самимъ неподкупнымъ, но избралъ Колло, какъ болѣе доступнаго!

Много было шума объ этомъ случаѣ; много напыщенныхъ поздравленій Колло и братскихъ объятій въ клубѣ якобинцевъ и въ другихъ мѣстахъ. И, однако, духъ убійства какъ будто заразителенъ. Спустя всего два дня, 23-го мая, около 9 часовъ вечера, Сесиль Рено, дочь писчебумажнаго торговца, молодая женщина, съ кроткимъ, цвѣтущимъ лицомъ, является къ токарю въ улицѣ Сентъ-Оноре и говоритъ, что желаетъ видѣть Робеспьера. Робеспьера нельзя видѣть. Она непочтительно ворчитъ. Ее задерживаютъ, она оставила корзинку въ ближайшей лавкѣ; въ корзинкѣ находятъ перемѣну женскаго платья и два ножа! Бѣдная Сесиль, допрошенная комитетомъ, объявляетъ, что она хотѣла посмотрѣть, „на что похожъ тиранъ“. Перемѣна же платья была „для моей собственной надобности въ томъ мѣстѣ, въ которое я навѣрное направлюсь“.—„Какое мѣсто?“—„Тюрьма и затѣмъ гильотина“, отвѣчаетъ она. Такіе факты являются слѣдствіемъ поступка Шарлоты Корде у народа, склоннаго къ подражанію и мономаніи! Смуглые, желчные люди пробуютъ совершить подвигъ Шарлотты, но ихъ пистолеты не стрѣляютъ; кроткія, цвѣтущія женщины пробуютъ то же самое и, только въ половину рѣшившись, оставляютъ свои ножи въ лавкѣ.

О, Питтъ, и вы, заговорщики въ чужихъ краяхъ, неужели республика никогда не будетъ имѣть покоя; но постоянно будетъ раздираема полными при-

---

[1] Tableaux de la Révolution, § Soupers Fraternels; Mercier II, 150.

[2] Riouffe, стр. 73; Deux Amis, XII, 298—302.

манокъ силками и проволоками взрывчатыхъ снарядовъ? Смуглый Амираль, прелестная молодая Сесиль, и всѣ знавшіе ихъ, и многіе изъ тѣхъ, кто совсѣмъ не зналъ ихъ, сидятъ подъ замкомъ, ожидая разслѣдованія Тенвиля.

ГЛАВА IV.

Мумбо-Юмбо.

Что такое готовится въ національномъ саду, бывшемъ Тюльерійскомъ, въ день декады, замѣнившей воскресенье, двадцатаго преріаля, или восьмого іюня по старому стилю?

Весь городъ здѣсь въ праздничныхъ одеждахъ [1]). Грязное бѣлье исчезло вмѣстѣ съ гебертистами, хотя Робеспьеръ, напримѣръ, никогда не имѣлъ неопрятнаго вида, его всегда видѣли элегантнымъ и завитымъ, даже не безъ тщеславія; и комната его была вся вокругъ украшена зеленолицыми портретами и бюстами. Какъ мы сказали, всѣ безчисленные граждане и гражданки одѣты въ праздничныя платья; погода солнечная, веселое ожиданіе озаряетъ всѣ лица. Присяжный Вилатъ даетъ завтракъ многимъ депутатамъ въ своемъ офиціальномъ помѣщеніи, въ бывшемъ павильонѣ Флоры, и радуется благопріятной декадѣ, глядя на веселую толпу, на пышную іюньскую зелень. Въ этотъ день, если будетъ угодно небу, мы получимъ новую религію, основанную на усовершенствованныхъ анти-Шометтовскихъ принципахъ.

Максимиліанъ Робеспьеръ.

Разъ, что католицизмъ выжженъ, а поклоненіе разуму гильотинировано, надо же было придумать какую-нибудь новую религію. Неподкупный Робеспьеръ, законодатель свободнаго народа, хочетъ быть, какъ у древнихъ, также священнослужителемъ и пророкомъ. Онъ облачился въ заказанный для этого случая голубой камзолъ, бѣлый шелковый жилетъ, вышитый серебромъ, черные шелковые брюки, бѣлые чулки и башмаки съ золотыми пряжками. Какъ президентъ конвента, онъ заставилъ его декретировать признаніе „Верховнаго Существа“ и безсмертія души. Эти утѣшительные принципы объявлены указомъ, какъ основа раціональной республиканской религіи, и вотъ въ эту благословенную декаду,

---

[1]) Vilate, Causes Secrètes de la Revolution du 9 Thermidor.

съ помощью неба и художника Давида, долженъ произойти первый актъ поклоненія новому божеству.

Итакъ, смотрите: послѣ того, какъ декретъ утвержденъ и произнесена по этому поводу „самая тощая изъ пророческихъ рѣчей, когда либо произнесенныхъ“, магометъ Робеспьеръ, въ голубомъ камзолѣ и черныхъ брюкахъ, завитой и напудренный въ совершествѣ, неся въ рукѣ букетъ цвѣтовъ и колосьевъ, гордо выходитъ изъ зала конвента; члены его слѣдуютъ за нимъ, однако, какъ замѣчаютъ, на нѣкоторомъ разстояніи. Сооружено нѣчто въ родѣ амфитеатра или, вѣрнѣе, возвышенія, на которомъ сложены отвратительныя статуи атеизма, анархіи и тому подобнаго, возбуждающія, благодаря небу и художнику Давиду, отвращеніе во всѣхъ сердцахъ. Къ несчастью, однако, возвышеніе слишкомъ тѣсно и на вершинѣ его не можетъ умѣститься и половина любопытныхъ, вслѣдствіе чего поднимается неприличная толкотня и даже непочтительная воркотня. Тише, ты, Бурдонъ съ Уазы! Молчи, или тебѣ придется еще хуже!

Зеленолицый первосвященникъ беретъ факелъ, подаваемый художникомъ Давидомъ; бормочетъ еще нѣсколько пышныхъ, безсодержательныхъ словъ, которыхъ, къ счастью, нельзя разслышать; потомъ дѣлаетъ нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ предъ лицомъ ожидающей Франціи и прикладываетъ свой факелъ къ атеизму и компаніи, которые, будучи сдѣланы изъ картона и облиты скипидаромъ, быстро сгораютъ. Изъ подъ нихъ поднимается, „посредствомъ механизма“, несгораемая статуя мудрости, которая, по несчастной случайности, оказывается немного закоптѣлой; но тѣмъ не менѣе она стоитъ на виду съ невозмутимой ясностью.

А затѣмъ? Ну, затѣмъ слѣдуютъ другія процессіи, другія безсодержательныя рѣчи и вотъ нашъ праздникъ въ честь l'Etre Suprême состоялся; наша новая религія, худшая или лучшая, явилась!—Брось на это одинъ взглядъ, читатель, не болѣе. Это самая жалкая страница человѣческихъ лѣтописей:—или тебѣ извѣстны еще болѣе жалкія? Мумбо-Юмбо африканскихъ лѣсовъ кажется мнѣ почтеннымъ рядомъ съ этимъ новымъ божествомъ Робеспьера, такъ какъ это сознательное Мумбо-Юмбо, знающее, какая механика подведена подъ него. О, зеленолицый пророкъ, несчастнѣйшій изъ пузырей, надутый до того, что почти готовъ лопнуть, въ какую безумную химеру среди реальностей превращаешься ты! Такъ этотъ смоляной факелъ изъ картона для зажиганія фейерверковъ изображаетъ чудодѣйственный жезлъ Аарона, который ты хочешь простереть надъ объятой кошмаромъ и адомъ Франціей, и приказать ея египетскимъ казнямъ прекратиться? Исчезни ты вмѣстѣ съ нимъ! „Avec ton Etre Suprême, сказалъ Бильо,—tu commences m'embeter; ты начинаешь надоѣдать мнѣ съ твоимъ высшимъ существомъ“ [1]).

Съ другой стороны, Катерина Тео, бывшая служанка, 73 лѣтъ, изстари привыкшая пророчествовать и сидѣть въ Бастиліи, сидитъ теперь въ мезонинѣ улицы Контрескарпъ, внимательно изучая книгу Откровенія по отношенію къ Робеспьеру, и находитъ, что этотъ удивительный, высоко могущественный Максиміліанъ, дѣйствительно, тотъ человѣкъ, которому, по словамъ пророка, суждено обновить землю. Съ нею сидятъ набожныя старыя маркизы, ci-devant почтенныя дамы, среди которыхъ неизбѣжно присутствуетъ и бывшій членъ учредительнаго собранія, тупоголовый Домъ Герль. Сидятъ они тамъ въ улицѣ Контрескарпъ, въ таинственномъ обожаніи: Мумбо есть Мумбо, и Робеспьеръ пророкъ его. Замѣчательный человѣкъ этотъ Робеспьеръ. У него есть своя лейбъ-гвардія, состоящая изъ Tappe-durs, скажемъ жестоко бьющихъ, пылкихъ патріотовъ, вооруженныхъ палками съ желѣзными наконечни-

---

[1]) Смотри Vilate „Causes Secrètes“. (Разсказъ Вилата очень любопытенъ; но его не слѣдуетъ принимать за достовѣрный, безъ подтасовки; такъ какъ въ сущности, несмотря на свое названіе, это не разсказъ, а защитительная рѣчь).

ками, и якобинцы цѣлуютъ край его одежды. Многіе восхищаются имъ, а иные и поклоняются ему, и онъ вполнѣ достоинъ удивленія всѣхъ людей.

Однако, главный вопросъ и надежда вотъ въ чемъ: является ли этотъ праздникъ Мумбо-Юмбо въ Тюльери предвѣстіемъ, что дѣятельность гильотины ослабѣетъ? Увы, до этого еще далеко! Какъ разъ на другой день послѣ празднества, Кутонъ, одинъ изъ трехъ „пустоголовыхъ негодяевъ", велитъ поднять себя на трибуну и предъявляетъ пачку бумагъ. Онъ предлагаетъ, чтобы, въ виду не прекращающихся заговоровъ, законъ о подозрительныхъ получилъ болѣе широкое толкованіе и чтобы аресты продолжались съ усиленной настойчивостью и были облегчены. А такъ какъ и работы будетъ при этомъ болѣе, то революціонный трибуналъ долженъ быть расширенъ; вѣрнѣе, раздѣленъ на четыре трибунала, каждый со своимъ президентомъ, со своимъ Фукье или замѣстителемъ Фукье. Всѣ четыре будутъ работать одновременно и всѣ остатки формальностей и затяжекъ будутъ устранены. Такимъ образомъ, быть можетъ, еще удастся справиться съ этимъ дѣломъ. Таковъ этотъ нашумѣвшій въ свое время декретъ отъ 22-го преріаля, предложенный Кутономъ. При чтеніи его у самой горы захватило дыханіе отъ ужаса, и Рюанъ рѣшился сказать, что если этотъ декретъ пройдетъ безъ отсрочки и преній, то онъ, Рюанъ, какъ одинъ изъ представителей, „разнесетъ себѣ черепъ". Напрасныя слова! Неподкупный сдвинулъ брови, сказалъ нѣсколько пророческихъ, роковыхъ словъ,—и законъ преріаля вошелъ въ силу. Опрометчивый Рюанъ радъ, что черепъ его остался на своемъ мѣстѣ. Значитъ, смерть и смерть! Фукье расширяетъ помѣщеніе своего суда, чтобы было мѣсто для 150 человѣкъ за разъ, и добываетъ усовершенствованную гильотину, работающую быстрѣе; онъ велитъ поставить ее въ закрытомъ помѣщеніи возлѣ своего суда. Тутъ ужъ самъ комитетъ общественнаго спасенія призналъ нужнымъ вмѣшаться и обуздать его. „Ты хочешь деморализировать гильотину", спросилъ Колло съ упрекомъ, „démoraliser le supplice".

Въ самомъ дѣлѣ, этого можно опасаться; если бы республиканская вѣра не была такъ глубока, слова Колло уже оправдались бы. Посмотрите, напримѣръ, „охапку" отъ 17-го іюня, въ 54 человѣка за разъ! Здѣсь смуглый Амираль, пистолетъ котораго далъ осѣчку; здѣсь молодая Сесиль Рено со своимъ отцемъ, семьей, всѣми близкими и родней, и вдова д'Эспремениля и старый де Сомбрейль изъ дома инвалидовъ, со своимъ сыномъ,—бѣдный старый Сомбрейль 73 лѣтъ! Дочь спасла его въ сентябрѣ, но только для этого! Пятьдесятъ четыре изъ заговора иностранцевъ! Въ красныхъ рубашкахъ и юбкахъ, какъ убійцы и члены заговора иностранцевъ, они проѣзжаютъ словно страшныя красныя видѣнія, направляющіяся въ страну тѣней.

Между тѣмъ, народъ на площади Революціи и обитатели улицы Сенъ-Оноре начинаютъ смотрѣть все мрачнѣе на эти вѣчные ряды телѣгъ. Вѣдь и у республиканцевъ есть сердце. Гильотину переносятъ въ одно мѣсто, потомъ въ другое и, наконецъ, устанавливаютъ на отдаленной юго-восточной окраинѣ [1]. Полагаютъ, что у жителей предмѣстій Сентъ-Антуанъ и Сенъ-Марсо, если и есть сердца, то очень жесткія.

ГЛАВА V.

Тюрьмы.

Пора, однако, бросить взглядъ въ тюрьмы. Когда Демуленъ предложилъ свой комитетъ милосердія, въ двѣнадцати парижскихъ тюрьмахъ сидѣло пять тысячъ человѣкъ. Съ тѣхъ поръ число это постепенно возрастало и дошло уже

[1]) Montgaillard, IV, 237.

до двѣнадцати тысячъ. Тамъ находятся ci-devants, роялисты; по большей части они республиканцы различныхъ жирондистскихъ, лафайетистскихъ, антиякобинскихъ оттѣнковъ. Навѣрное, никакое человѣческое жилье или тюрьма не сравнялись бы въ отношенiи грязи и отвратительнаго ужаса съ этими двѣнадцатью арестными домами. Существуетъ воспоминанiе о нихъ, написанное по личному опыту: Memoires sur les prisons; это одна изъ самыхъ странныхъ главъ въ бiографiи человѣка.

Любопытно наблюдать, какъ, при всѣхъ условiяхъ существованiя, между людьми устанавливаются извѣстные порядки, и, гдѣ бы ни собралось хотя два—три человѣка, тамъ уже образуются формы совмѣстной жизни, привычки, правила; являются даже любезность и удовольствiя. Гражданинъ Куатанъ подробно описываетъ, какъ скудный обѣдъ изъ травъ и падали съѣдался съ благовоспитанными прiемами и какъ при этомъ мѣста уступались дамамъ; какъ сеньоръ и чистильщикъ сапогъ, герцогиня и кукольная портниха собирались въ перемежку и разсаживались согласно правиламъ этикета. Въ тотъ часъ, когда „гражданки принимались за рукодѣлiя, мы, уступая имъ стулья, стоя, старались любезно бесѣдовать, или даже немного пѣть и играть на арфѣ“. Въ ревности, во враждѣ недостатка не было такъ же, какъ и во флиртѣ, и не безрезультатномъ.

Но, увы, постепенно даже рукодѣлья прекратились; начались тюремные заговоры, созданные гражданиномъ Лафлотомъ и вѣчной подозрительностью. Подозрительный муниципалитетъ отнимаетъ у насъ всѣ необходимыя принадлежности, всѣ деньги и имущество; всѣ металлическiя вещи безцеремонно отнимаются, причемъ обыскиваются карманы, подушки, тюфяки; коммисары въ красныхъ колпакахъ входятъ въ каждую камеру. Женскiя сердца полны негодованiя, даже отчаянiя, когда у нихъ отнимаютъ наперстки. Старыя монахини спорятъ, пронзительно кричатъ, просятъ, чтобы ихъ тотчасъ убили. Крикъ не поможетъ! Лучше поступили два изобрѣтательныхъ гражданина, которые, желая сохранить одну или двѣ принадлежащiя имъ вещи, хотя бы только трубкочистку, или иголку для штопанья штановъ, рѣшились защищаться табакомъ. Заслышавъ, какъ хозяйничаютъ въ коридорѣ свирѣпые красные колпаки, хлопавшiе дверьми, производя обыскъ, два гражданина тотчасъ начинаютъ раскуривать свои трубки. Густой дымъ окутываетъ ихъ. Красные колпаки, отворивъ дверь камеры и вдохнувъ этого дыма, разражаются кашлемъ и ругательствомъ. „Что съ вами, господа, кричатъ два гражданина, развѣ вы не курите? Развѣ трубка непрiятна?“ Но красные колпаки, ограничившись поверхностнымъ обыскомъ, убѣгаютъ, хлопнувъ дверью. „Такъ вы не любите курить?“ кричатъ имъ вслѣдъ два гражданина [1]). Бѣдные мои братья, граждане! Ужъ конечно, въ царствѣ братства не васъ двоихъ сталъ бы я гильотинировать.

Жестокость усиливается, превращается въ ужасную тиранiю; тюремные заговоры зрѣютъ: эти заговоры въ тюрьмахъ, какъ мы уже сказали, стали у Тенвиля стереотипной формой обвиненiя, если за кѣмъ нибудь не находилось никакой вины. Его судъ сдѣлался чѣмъ-то невѣроятнымъ, признаннымъ посмѣшищемъ, считавшимся только калиткой, черезъ которую люди проходятъ къ смерти. Его обвиненiя излагаются на бланкахъ; имена вписываются потомъ. У него есть свои moutons, отвратительные предатели, шакалы, которые доносятъ и даютъ показанiя, чтобы продлить не надолго собственную жизнь. Его „Fournées, говоритъ безстыжiй Колло, ни въ какомъ случаѣ не должны превышать шестидесяти“; это его maximum. Ночью прiѣзжаютъ его телѣги въ Люксембургъ съ роковымъ барабаннымъ боемъ и со спискомъ завтрашней Fournée. Заключенные бросаются къ рѣшеткѣ, слушаютъ, не находится ли въ спискѣ ихъ имя. Глубокiй вздохъ, если ихъ имени тамъ нѣтъ; еще одинъ день жизни! Однако, два или нѣсколько десятковъ именъ всегда стоятъ въ немъ. Обреченные поспѣшно прижимаютъ къ сердцу своихъ близкихъ въ послѣднiй разъ, и съ ко-

---

[1]) Maison d'Arret de Port-Libre, par Coittant, etc. (Memoires sur les prisons, II).

роткимъ „прости“, съ влажными или сухими глазами, садятся въ телѣгу и уѣзжаютъ. Эта ночь—въ Консьержери; а завтра, черезъ дворецъ, ложно называемый дворцомъ Правосудія, на гильотину.

Вызовъ послѣднихъ жертвъ террора.

Безпечность, вызывающая легкомысліе, стоицизмъ, если не силы, то слабости, овладѣли всѣми сердцами. Слабыя женщины и ci-devants, со своими

локонами, еще не передѣланными въ бѣлокурые парики, съ кожей, еще не выдѣланной на брюки, привыкли „представлять гильотинированіе" для препровожденія времени. Въ фантастическомъ одѣяніи, въ тюрбанахъ изъ полотенецъ, въ горностаевыхъ мантіяхъ изъ одѣялъ, сидитъ шуточный синедріонъ судей; мнимый Тенвиль говоритъ рѣчь; преступникъ осужденъ и гильотинированъ на двухъ опрокинутыхъ стульяхъ. Иногда мы продолжаемъ это далѣе: самъ Тенвиль, въ свою очередь, осужденъ и не только на гильотину: рогатый и косматый сатана, съ чернымъ лицомъ, хватаетъ его, кричащаго; указываетъ ему протянутой рукой и словами на огонь, который не угасаетъ, на змѣю, которая не умираетъ, на однообразіе мукъ ада; и на вопросъ его: сколько времени? отвѣчаетъ,— вѣчность! [1]).

А тюрьмы все болѣе и болѣе наполняются, и все быстрѣе работаетъ гильотина. По всѣмъ большимъ дорогамъ тянутся партіи арестованныхъ, направляемыя въ Парижъ. Теперь ужъ не роялисты,—самые крикливые изъ нихъ уничтожены,—теперь очередь за республиканцами. Они идутъ скованные по двое, и, въ минуту отчаянія, распѣваютъ свою марсельезу. Сто тридцать два человѣка изъ одного Нанта идутъ въ эти дни въ Парижъ, и это республиканцы, даже якобинцы до мозга костей; но якобинцы, не одобрявшие потопленія [2]). Проходя по улицамъ городовъ, они кричатъ: „Vive la Republique!" и ночуютъ въ невыразимо отвратительныхъ вертепахъ, набитыхъ до невозможности дышать; одинъ или два изъ нихъ лежатъ мертвыми на другое утро. Они измучены дорогой, истерзаны душой и могутъ только кричать: да здравствуетъ республика, за которую они умираютъ въ какомъ-то ужасномъ непонятномъ кошмарѣ.

Около четырехсотъ священниковъ, о которыхъ также упоминается, стоятъ на якорѣ на рейдахъ острова Э, въ продолженіи долгихъ мѣсяцевъ, и смотрятъ на безплодные, безлюдные пески Олерона, слушая вѣчно стонущій прибой. Въ лохмотьяхъ, грязные, голодные, ставшіе тѣнью отъ истощенія, они ѣдятъ свою грязную порцію пальцами, сидя на палубѣ, кружками по двѣнадцати человѣкъ; они выколачиваютъ свои зловонныя одежды между двумя камнями; задыхаются отъ ужасныхъ испареній, запираемые въ трюмъ на всю ночь, по семидесяти человѣкъ въ одной каютѣ, такъ что „одинъ старый священникъ былъ найденъ мертвымъ на утро, въ молитвенной позѣ" [3]).—Долго ли, о, Боже!

Не вѣчно; нѣтъ. Всякая анархія, всякое зло, несправедливость, по своей природѣ, подобны зубамъ дракона, самоубійственны и не могутъ длиться.

ГЛАВА VI.

Завершеніе террора.

Замѣчательно, что со времени праздника Верховнаго Существа и торжественныхъ ночей по поводу его, которыя начинали надоѣдать Бильо, Робеспьеръ рѣдко появляется въ комитетѣ общественнаго спасенія и держится въ сторонѣ, какъ будто чѣмъ-то недовольный. Дѣло въ томъ, что внесенный докладъ о пророчествахъ старой Катерины Тео насчетъ человѣка, который возродитъ Францію, составленъ не совсѣмъ въ благопріятномъ для него духѣ. Въ комитетѣ дѣлаютъ видъ, что усматриваютъ въ тайнѣ Тео заговоръ, но отзываются объ этомъ дѣлѣ сатирически, съ непочтительной насмѣшкой, и не только по отношенію къ одной этой старухѣ, но и по отношенію къ самому возродителю

---

[1]) Mongaillard, IV, 218; Rionffe, p 273.

[2]) Voyage de Cent Trente-deux Nantais (Prissons, II, 288—335).

[3]) Relation de ce qu'ont suffert pour la Religion les Pretres depor'es en 1794 dans la rade de l-île d'Aix (Prissons, II 387—485).

Франціи. Быть можетъ, тутъ замѣшано бойкое перо Баррера. Докладъ этотъ, прочитанный торжественно гнусавымъ голосомъ стараго Вадье изъ комитета общественной безопасности, видимо оказалъ свое дѣйствіе: лица республиканцевъ скривились въ ужасную усмѣшку. Развѣ допустимы подобныя вещи?

Отмѣтимъ далѣе, что среди заключенныхъ въ двѣнадцати тюрьмахъ находится знакомая намъ синьора Фонтенэ, рожденная Кабаррюсъ, красивая Прозерпина, которою представитель Талліенъ, подобно Плутону, завладѣлъ въ Бордо—не безъ послѣдствій для себя! Талліенъ уже давно возвратился, отозванный изъ Бордо, и находится въ самомъ плачевномъ положеніи. Тщетно тянетъ онъ громче чѣмъ когда-либо ноту якобинства, чтобы скрыть свои грѣхи: якобинцы исключаютъ его; Робеспьеръ дважды произнесъ противъ него съ трибуны конвента зловѣщія слова. А теперь его прекрасная Кабаррюсъ, схваченная по доносу, сидитъ въ тюрьмѣ, заподозрѣнная, несмотря на всѣ его усилія.— Запертая въ ужасную овчарню смерти, синьора тайно пишетъ своему кровавомрачному Талліену самыя настойчивыя просьбы и заклинанія: спаси меня; спаси себя. Развѣ ты не видишь, что твоя собственная голова осуждена; ты слишкомъ горячъ и отваженъ; притомъ же дантонистъ; тебя не пощадитъ клевета. Развѣ не всѣ вы осуждены, какъ въ пещерѣ Полиѳема; самый низкопоклонничающій рабъ изъ васъ будетъ только съѣденъ послѣднимъ!—Талліенъ съ содроганіемъ чувствуетъ, что это правда. Онъ уже получилъ предостереженіе; и Бурдонъ получилъ; и Фрерона ненавидятъ такъ же, какъ и Барра: „каждый ощупываетъ свою голову, держится ли она еще на плечахъ".

Между тѣмъ Робеспьеръ, какъ мы сказали, рѣдко показывается въ конвентѣ и никогда не показывается въ комитетъ; говоритъ онъ только въ своей якобинской палатѣ лордовъ, среди своихъ тѣлохранителей, прозванныхъ Tappedurs. Впродолженіи этихъ „сорока дней", такъ какъ у насъ теперь уже конецъ іюля, онъ не показывалъ глазъ въ комитетъ и вліялъ на его дѣла только черезъ своихъ трехъ пустыхъ негодяевъ, поддерживавшихъ страхъ передъ его именемъ. Самъ же неподкупный сидитъ въ сторонѣ, или бродитъ по пустыннымъ полямъ, погруженный въ глубокую задумчивость: нѣкоторые замѣчаютъ, что „бѣлки его глазъ въ красныхъ крапинкахъ" [1],—слѣдствіе разлитія желчи. Безконечно жалкая зеленолицая химера, бродящая по землѣ въ этомъ іюлѣ! О, злосчастная химера; вѣдь и у тебя была жизнь и было сердце изъ плоти,—къ чему привели тебя суровые боги, какъ будто улыбавшіеся тебѣ всю дорогу? Не ты ли, немного лѣтъ назадъ, былъ обѣщающимъ молодымъ адвокатомъ, который скорѣе отказался бы отъ своей судебной карьеры въ Арра, чѣмъ приговорилъ къ смерти хотя одного человѣка?

Каковы могутъ быть его мысли? Его планы, чтобы покончить съ терроромъ? Никто этого не знаетъ. Носятся смутные слухи относительно аграрнаго закона: побѣдоносный санкюлотизмъ становится земельнымъ собственникомъ; престарѣлые солдаты живутъ въ національныхъ богадѣльняхъ и госпиталяхъ, въ которые обращены дворцы Шамбора и Шантильи; миръ купленъ побѣдами, трещины замазаны праздникомъ Etre Suprême; итакъ, черезъ моря крови къ равенству, умѣренности, трудовому благосостоянію, братству и добродѣтельной республикѣ. Благословенный берегъ, виднѣющійся изъ моря аристократической крови! Но какъ пристать къ нему? Съ послѣднимъ валомъ: съ валомъ крови развращеннаго санкюлотства, измѣнниковъ или полу-измѣнниковъ, членовъ конвента, мятежныхъ Тальеновъ, Бильо, которымъ я надоѣлъ съ моимъ Etre Suprême; съ моей апокалипсической старухой, предметомъ насмѣшекъ! Вотъ, что въ головѣ у этого жалкаго Робеспьера, похожаго на зеленолицый призракъ среди цвѣтущаго іюля! О проектахъ его носятся смутные слухи, но каковы были эти проекты или идеи въ дѣйствительности, этого люди никогда не узнаютъ.

---

[1] Deux Amis XII, 347—73.

Поговариваютъ, что очищаются новыя катакомбы для страшной одновременной бойни: конвентъ будетъ перебитъ, весь до последняго человека, генераломъ Ганріо и компаніей: якобинская палата лордовъ станетъ господствующей и Робеспьеръ сделается диктаторомъ [1]). Правда или нетъ, но говорятъ, будто уже составленъ списокъ, въ который удалось заглянуть парикмахеру, когда онъ завивалъ волосы неподкупнаго. Каждый спрашиваетъ себя: Не тамъ ли и я?

Какъ передаетъ преданіе и анекдотичный слухъ, въ одинъ жаркій день у Баррера былъ достопримечательный холостой обедъ. Не сомневайся, читатель, Барреръ и другіе давали обеды; имели „дачи въ Клиши", съ довольно роскошной обстановкой, и вообще наслаждались жизнью [2]). На обеде, о которомъ мы говоримъ, такъ какъ день былъ очень жаркій, то все гости сняли свои камзолы и оставили ихъ въ гостиной, после чего Карно, незаметно проскользнувъ туда, обыскалъ карманъ Робеспьера и нашелъ списокъ сорока и свое собственное имя среди нихъ. Безотлагательно, въ тотъ же день, онъ объявилъ за чашей вина: Проснитесь, друзья! Вы, оцепенелыя болотныя лягушки, немыя съ техъ поръ, какъ палъ жирондизмъ, даже вы должны теперь заквакать, или умереть. Происходятъ ночныя совещанія, таинственныя, какъ смерть, на которыхъ объясняются знаками и словами. Не тигръ ли Максимиліанъ крадется тамъ, молчаливый, какъ всегда, съ зелеными глазами, въ красныхъ пятнахъ, съ выгнутой спиной и ощетинившейся шерстью? Пылкій Талліенъ, со своимъ порывистымъ темпераментомъ и смелой речью, готовъ первый поднять тревогу. Назначьте день и не откладывайте, иначе будетъ поздно!

Но вотъ, еще до назначеннаго дня, восьмого термидора, 24-го іюля 1794 года, Робеспьеръ самъ появляется въ конвенте и всходитъ на трибуну! Желчное лицо его мрачнее обыкновеннаго: судите, съ интересомъ ли слушаютъ его Талліены, Бурдоны. Это голосъ, предвещающій жизнь или смерть. Нескончаемо, немелодично, подобно крику совы, звучитъ этотъ пророческій голосъ: разлагающееся состояніе республиканскаго духа, развращенный модератизмъ; сами комитеты спасенія и безопасности заражены; отступленіе замечается то съ той, то съ другой стороны: я, Максимиліанъ, одинъ остаюсь неразвращеннымъ, готовымъ умереть, чтобы подать примеръ. Какое же можетъ быть средство противъ всего этого? Гильотина, подкрепленіе энергіи все исцеляющей гильотины; смерть изменникамъ всехъ оттенковъ! Такъ звучитъ пророческій голосъ, подъ отражающими звуки сводами конвента. Старая песня... Но сегодня, о, небо! Разве своды перестали отражать? Нетъ отзвука въ конвенте! Ответомъ только учащенное дыханіе; даже какой-то неопределенный скрипъ! Лекуантръ, старый торговецъ сукнами въ Версале, въ такихъ сомнительныхъ обстоятельствахъ, не видитъ более безопаснаго выхода, какъ подняться и „вкрадчиво" предложить, согласно установившемуся обычаю, чтобы речь Робеспьера „была напечатана и разослана по департаментамъ". Но, слышите? Что это за резкіе звуки, даже диссонансы? Почтенные члены какъ будто несогласны; члены комитетовъ, обвиненные въ речи, протестуютъ, требуютъ „отсрочки печатанія". Диссонансъ слышится все явственнее; издатель Фреронъ даже вноситъ запросъ: „Что сталось со свободой мненій въ этомъ конвенте?" Принятое было постановленіе о напечатаніи и разсылке отменено. Робеспьеръ, позеленевшій более, чемъ когда-либо, принужденъ удалиться побежденнымъ; онъ понялъ, что это мятежъ, что беда близка!

Мятежъ явленіе самое роковое въ какихъ бы то ни было предпріятіяхъ: явленіе, не поддающееся расчету; быстрое, ужасное, съ которымъ нельзя бороться, р о б е я; но мятежъ въ конвенте Робеспьера въ особенности, это – огонь, вспыхнувшій въ пороховой камере корабля! Одинъ отчанно-смелый прыжокъ, и вы еще можете затоптать его; но промедлите одно мгновенье, и корабль, и ка-

---

[1]) Deux Amis, XII, 350—8.
Смотри Vilate.

питанъ его, команда и грузъ разлетятся далеко и путешествіе корабля неожиданно кончится между небомъ и землей. Если Робеспьеръ успѣетъ въ эту же ночь поднять Ганріо и компанію и заставить ихъ исполнить свой планъ, онъ и санкюлотизмъ еще могутъ существовать нѣкоторое время; если нѣтъ, то имъ, вѣроятно, конецъ! Когда передъ Кромвелемъ выступилъ изъ рядовъ агитаторъ-сержантъ и началъ, въ качествѣ представителя многихъ тысячъ, излагать жалобы на обиды, Кромвель, своими свирѣпыми глазами, тотчасъ сообразилъ, какъ обстоитъ дѣло: онъ выхватилъ изъ кобуры пистолетъ и уничтожилъ агитатора, и мятежъ прекратился въ одно мгновеніе. Кромвелю было по плечу такое дѣло.

Что касается Робеспьера, то онъ пробирается вечеромъ въ свою якобинскую палату лордовъ, распространяется тамъ, вмѣсто соотвѣтствующаго рѣшенія, о своихъ горестяхъ, о своихъ необыкновенныхъ добродѣтеляхъ и неподкупности, о своей отвергнутой, зловѣщей рѣчи; потомъ читаетъ ее вновь и объявляетъ, что онъ готовъ умереть ради примѣра. Ты не долженъ умирать! кричитъ якобинство своими тысячами голосовъ. „Робеспьеръ, я выпью ядъ вмѣстѣ съ тобой", кричитъ художникъ Давидъ, „Je boirai la cigue avec toi"; вещь несущественная, исполнять которую нѣтъ необходимости, но которая, въ пылу мгновенья, естественно могла быть сказана.

Итакъ, якобинскій резонаторъ дѣйствуетъ! Громъ рукоплесканій покрываетъ отвергнутую конвентомъ рѣчь, глаза горятъ огнемъ ярости на всѣхъ якобинскихъ лицахъ: возстаніе — священный долгъ; конвентъ долженъ быть очищенъ! Съ помощью всевластнаго народа, предводимаго Ганріо и муниципалитетомъ, мы устроемъ новое второе іюня. Къ твоимъ шатрамъ, Израиль! Вотъ въ какомъ тонѣ поетъ якобинство, въ полномъ смятеніи возстанія. Вонъ Талліена и всю оппозицію! Колло д'Эрбуа, хотя членъ верховнаго комитета спасенія, еще недавно едва не растрѣлянный, осыпанъ бранью, толчками и радъ, что успѣваетъ ускользнуть живой. Когда онъ вошелъ, весь растрепанный, въ залъ комитета, находившійся тамъ въ числѣ другихъ мрачный Сенъ-Жюстъ спросилъ вкрадчивымъ голосомъ: „Что происходитъ у якобинцевъ?"—„Что происходитъ?" повторяетъ Колло, въ нешуточномъ настроеніи Камбиза.—„Бунтъ происходитъ вотъ, что! Бунтъ и всякіе ужасы! Вамъ нужны наши жизни: но вы не получите ихъ!" Сенъ-Жюстъ бормочетъ что-то, запинаясь, при такой Камбизовской рѣчи, и беретъ свою шляпу, чтобы удалиться. Докладъ, о которомъ онъ говорилъ въ комитетѣ, докладъ о республиканскихъ дѣлахъ вообще, который долженъ быть прочитанъ на другой день въ конвентѣ, онъ не можетъ показать имъ въ эту минуту: онъ оставилъ его у друга; онъ достанетъ его и пришлетъ, какъ только вернется домой. Но, придя домой, онъ посылаетъ не докладъ, а извѣщеніе, что онъ не пришлетъ его и что комитетъ услышитъ его завтра съ трибуны.

Итакъ, пусть каждый, согласно извѣстному благому совѣту, „молится Богу и держитъ свой порохъ сухимъ!" Завтра Парижъ увидитъ нѣчто. Проворные развѣдчики носятся незамѣтные или невидимые всю ночь, изъ одного комитета въ другой, отъ собранія къ собранію, отъ якобинскаго клуба въ ратушу. Можетъ ли сонъ спуститься на вѣки Талліена, Фрерона, Колло? Могущественный Ганріо, мэръ Флеріо, судья Коффингаль, прокуроръ Пайанъ, Робеспьеръ и всѣ якобинцы держатся наготовѣ.

ГЛАВА VII.

Паденіе.

На другое утро, девятаго термидора, „около девяти часовъ", глаза Талліена блестятъ: онъ видитъ, что конвентъ собрался. Парижъ полонъ слуховъ; но, по крайней мѣрѣ, мы собрались здѣсь, въ законномъ конвентѣ; мы не были схвачены, ни группами, ни по одиночкѣ; не были остановлены въ дверяхъ очищаю-

щей метлой. „Allons, храбрые депутаты долины, недавнія болотныя лягушки!“ кричитъ Талліенъ, входя и пожимая руки. Съ трибуны слышится звучный голосъ Сенъ-Жюста; игра началась.

Сенъ-Жюстъ дѣйствительно читаетъ свой докладъ; зеленая месть въ образѣ Робеспьера подстерегаетъ вблизи. Посмотрите, однако: едва успѣлъ Сенъ-Жюстъ прочесть нѣсколько фразъ, какъ начинаются перерывы, идущіе crescendo. Вскакиваютъ Талліенъ, потомъ Бильо, потомъ тотъ или другой изъ депутатовъ. Наконецъ, Талліенъ, вторично поднимается со словами: „Граждане, вчера вечеромъ, у якобинцевъ, я дрожалъ за республику. Я сказалъ себѣ, что если конвентъ не рѣшится низложить тиранна, то сдѣлаю это я, и съ помощью вотъ этой вещи, если понадобится!“ Онъ обнажаетъ сверкающій кинжалъ и потрясаетъ имъ: сталь Брута, какъ это называется. Тутъ всѣ вскакиваютъ, потрясаютъ кулаками, кричатъ: „Тираннія! Диктатура! Тріумвиратъ!“ И члены комитета спасенія обвиняютъ, всѣ обвиняютъ, кричатъ или горячо аплодируютъ. Сенъ-Жюстъ стоитъ неподвижно съ блѣднымъ лицомъ; Кутонъ произноситъ: „Тріумвиръ?“ бросивъ взглядъ на свои параличныя ноги. Робеспьеръ пытается говорить, но президентъ Тюріо звонитъ въ колокольчикъ, мѣшая ему; и весь залъ шумитъ, какъ чертогъ Эола. Робеспьеръ поднимается на трибуну, но долженъ сойти; онъ уходитъ и возвращается, его душитъ ярость, ужасъ, отчаяніе... Значитъ, порядокъ дня мятежъ! [1]).

О, президентъ Тюріо, ты, который былъ избирателемъ Тюріо; изъ бойницъ Бастиліи ты видѣлъ Сентъ-Антуанъ, поднимающійся подобно приливу океана, видѣлъ съ тѣхъ поръ и многое другое:—видѣлъ ли ты когда-либо что нибудь подобное этому засѣданію? Звонъ колокольчика, чтобы помѣшать Робеспьеру говорить, едва слышенъ среди этого шума Бедлама; люди неистовствуютъ, борясь за свою жизнь. „Президентъ убійцъ“, кричитъ Робеспьеръ, „я требую отъ тебя слова въ послѣдній разъ!“ Оно не можетъ быть дано. „Къ вамъ, добродѣтельные люди долины“, снова кричитъ онъ, улучивъ минуту тишины: „къ вамъ взываю я!“ Добродѣтельные люди долины сидятъ безмолвно, какъ скалы. А колокольчикъ Тюріо продолжаетъ звонить, и залъ гудитъ, какъ чертогъ Эола. Покрытыя пѣной губы Робеспьера посинѣли; сухой языкъ его прилипаетъ къ небу. „Кровь Дантона душитъ его“, кричатъ въ залѣ. „Обвиненіе! Декретируйте обвиненіе!“ Тюріо быстро ставитъ этотъ вопросъ. Обвиненіе проходитъ; неподкупный Максимиліанъ обвиненъ.

„Я прошу позволенія раздѣлить участь моего брата; я всегда старался быть такимъ, какъ онъ“, кричитъ Августинъ Робеспьеръ-младшій. И онъ также обвиненъ. И Кутонъ, и Сенъ-Жюстъ, и Леба; всѣ они обвинены и уведены, но не безъ труда: пристава повиновались почти съ трепетомъ. Тріумвиратъ и компанія отправлены въ помѣщеніе комитета общественнаго спасенія; языки ихъ прилипли къ гортани. Теперь остается только созвать муниципалитетъ, уволить и арестовать командира Ганріо и, выполнивъ всѣ формальности, передать Тенвилю новыя жертвы. Полдень: чертогъ Эола освободился, и звучитъ теперь побѣдоносно, гармонично, какъ непреодолимый вихрь.

Значитъ, дѣло кончено? Такъ думаютъ, но это не вѣрно. Увы, кончился только первый актъ; слѣдуютъ еще три или четыре акта, а затѣмъ невѣдомый еще финалъ. Огромный городъ полонъ смятенія; вѣдь, въ немъ семьсотъ тысячъ человѣческихъ головъ, изъ которыхъ ни одна не знаетъ, что дѣлаетъ ея сосѣдъ, ни даже того, что сама она дѣлаетъ.—Посмотрите, напримѣръ, около трехъ часовъ пополудни, на командира Ганріо, какъ, вмѣсто того, чтобы быть смѣненнымъ и арестованнымъ, онъ галопируетъ по набережнымъ въ сопровожденіи муниципальныхъ жандармовъ и „давитъ нѣсколькихъ человѣкъ“. Въ ратушѣ совѣщается городской совѣтъ, открыто возмутившійся; городскія заставы велѣно запереть; тюремщикамъ приказано не принимать въ этотъ

---

1) [illegible]

день ни одного обвиненнаго, и Ганріо скачетъ въ Тюльери, чтобы освободить Робеспьера. На набережной Феррельери, одинъ молодой гражданинъ, прогуливающійся со своей женой, говоритъ громко: „Жандармы, этотъ человѣкъ не командиръ вашъ болѣе: онъ находится подъ арестомъ". Жандармы сбиваютъ съ ногъ молодого гражданина плашмя шашекъ [1]).

Самихъ представителей (какъ напр. Мерленъ Тіонвилля), которые обращаются къ Ганріо, онъ приказываетъ отвести на гауптвахту. Онъ мчится по направленію къ Тюльери, въ помѣщеніе комитета, „чтобы поговорить съ Робеспьеромъ". Пристава и тюльерійскіе жандармы, обнаживъ сабли, съ трудомъ задерживаютъ его и успѣваютъ убѣдить его жандармовъ не сражаться. Наконецъ, Робеспьера и компанію усаживаютъ въ наемные экипажи и отправляютъ подъ конвоемъ въ Люксембургъ и другія тюрьмы. Значитъ теперь конецъ! Нельзя ли утомленному конвенту отсрочить засѣданіе, чтобы отдохнуть и подкрѣпиться теперь, въ пять часовъ?

Утомленный конвентъ такъ и дѣлаетъ—и раскаивается въ этомъ. Конецъ еще не наступилъ. Это только конецъ второго акта. Слышите: пока усталые депутаты закусываютъ въ этотъ лѣтній вечеръ, на всѣхъ колокольняхъ раздается звонъ набата, къ которому примѣшивается барабанный бой. Судья Коффингаль скачетъ съ новымъ отрядомъ жандармовъ въ Тюльери освобождать Ганріо, и освобождаетъ его! Могущественный Ганріо вскакиваетъ на лошадь, держитъ рѣчь къ тюльерійскимъ жандармамъ, совращаетъ ихъ и увлекаетъ за собою къ ратушѣ. Увы, Робеспьеръ не въ тюрьмѣ: тюремщикъ не посмѣлъ, подъ страхомъ смерти, нарушить приказъ не принимать ни одного узника; и наемныя кареты Робеспьера, среди этой безпорядочной суеты и раздора нерѣшительныхъ жандармовъ, благополучно прибываютъ въ ратушу! Тамъ сидятъ Робеспьеръ и компанія, окруженные муниципалами и якобинцами, пользующимися священнымъ правомъ возстанія; они редактируютъ прокламаціи, велятъ звонить въ набатъ и сносятся съ секціями и съ Матерью-обществомъ. Развѣ это не эффектный третій актъ настоящей греческой драмы? Развязку стало еще труднѣе предсказать.

Конвентъ опять поспѣшно собирается при надвигающейся зловѣщей ночи. Президентъ Колло,—такъ какъ его очередь предсѣдательствовать—входитъ большими шагами, съ блѣднымъ лицомъ; надѣвъ шляпу, онъ говоритъ торжественнымъ тономъ: „Граждане, вооруженные негодяи осадили помѣщеніе комитета и завладѣли имъ. Для насъ насталъ часъ умереть на своемъ посту!" „Да", отвѣчаютъ всѣ: „Мы клянемся въ этомъ!" Теперь это не хвастливая фраза, а грустный, неизбѣжный фактъ: мы должны дѣйствовать на своемъ посту или умереть. Поэтому они тотчасъ объявляютъ Робеспьера, Ганріо и муниципалитетъ мятежниками, лишенными покровительства закона, Hors la Loi. Больше того: мы утверждаемъ Барра командующимъ всѣми вооруженными силами, какія найдутся; посылаемъ депутатовъ во всѣ секціи и кварталы проповѣдовать и набирать войска; умремъ, по крайней мѣрѣ, въ своихъ доспѣхахъ.

Какая тревога въ городѣ! Скачутъ верховые, бѣгутъ пѣшіе съ докладами, со слухами; это часъ родовыхъ мукъ; дитя не можетъ быть названо, пока не явилось на свѣтъ! Бѣдные узники въ Люксембургѣ слышатъ шумъ и трепещутъ, опасаясь повторенія сентябрьскихъ дней. Они видятъ людей, дѣлающихъ имъ знаки, указывающихъ на слуховыя окна и крышу: очевидно, это какъ будто знаки надежды, но какъ угадать, что именно означаютъ они [2])? Однако, мы видимъ, подъ вечеръ, колесницы смерти, по обыкновенію, ѣдущія на юго-востокъ, черезъ Сентъ-Антуанское предмѣстье къ заставѣ Трона. Грубыя сердца сентъантуанцевъ смягчаются; они окружаютъ повозки, говорятъ, что этого не должно

---

[1]) Precis des évenements du Neuf Thermidor; par C. A. Meda, ancien Gendarme (Paris, 1825).

[2]) Mémoires sur les Prisons, II, 277.

быть. О, небо, вѣдь это правда! Но Ганріо и жандармы, очищающіе улицы, кричатъ, размахивая саблями, что такъ должно быть. Оставьте же надежду, вы, бѣдные осужденные. Повозки трогаются далѣе.

Въ этомъ ряду телѣгъ слѣдуетъ замѣтить двѣ вещи: присутствіе одной замѣчательной личности и отсутствіе другой, также значительной. Замѣчательная личность—это генералъ-лейтенантъ Луазроль, человѣкъ благородный по рожденію и по характеру, жертвующій своею жизнью за сына. Въ тюрьмѣ Сенъ-Лазарь, въ предыдущую ночь, бросившись къ рѣшеткѣ, чтобы услышать чтеніе списка смерти, онъ разслышалъ имя своего сына. Тотъ спалъ въ эту минуту. „Я Луазроль", крикнулъ старикъ передъ эстрадой Тенвиля. Ошибка въ крестномъ имени мало значитъ: возраженій почти не было. Отсутствующимъ значительнымъ лицомъ былъ депутатъ Пэнъ. Онъ сидѣлъ въ Люксембургѣ съ января, и о немъ, казалось, забыли; но Фукье намѣтилъ его, наконецъ. Когда тюремщикъ со спискомъ въ рукѣ отмѣчалъ мѣломъ наружныя двери камеръ для завтрашней „Fournée", наружная дверь Пэна случайно стояла отворенной и обращенной внѣшней стороною къ стѣнѣ; тюремщикъ отмѣтилъ ее на ближайшей къ нему сторонѣ и поспѣшилъ далѣе; другой тюремщикъ пришелъ и захлопнулъ дверь, и такъ какъ теперь не стало видно никакой отмѣтки мѣломъ, то „Fournée" уѣхало безъ Пэна. Онъ еще не на дорогѣ къ смерти.

Пятый актъ этой настоящей греческой драмы, съ ея обязательными единствами, можетъ быть набросанъ только въ общихъ чертахъ; въ нѣкоторомъ родѣ, такъ, какъ одинъ древній художникъ, доведенный до отчаянія, изобразилъ п ѣ н у. Въ эту благодатную іюльскую ночь слышенъ сильный шумъ и великое смятеніе, и топотъ идущихъ войскъ; секціи направляются въ ту или другую сторону; делегаты конвента читаютъ прокламаціи при свѣтѣ факеловъ; делегатъ Лежандръ, набравъ кое гдѣ войско, изгоняетъ якобинцевъ изъ ихъ клуба и бросаетъ ключи отъ него на столъ конвента, говоря: „Я заперъ ихъ дверь; ее отворитъ только добродѣтель". Парижъ, какъ мы сказали, возсталъ противъ самого себя и мечется безпорядочно, какъ встрѣчныя теченія въ океанѣ, какъ огромный Мальштрёмъ, ревущій во мракѣ ночи. Въ конвентѣ непрерывное засѣданіе, въ ратушѣ также, и еще продолжительнѣе. Бѣдные узники слышатъ звонъ набата и шумъ и стараются уяснить себѣ знаки, очевидно, надежды. Мягкія сумерки, которыя должны смѣниться разсвѣтомъ и завтрашнимъ днемъ, стелятся и серебрятъ сѣверную кайму ночи, распространяя все далѣе и далѣе свой мягкій свѣтъ, подобно молчаливому пророчеству, по далекой окраинѣ неба. Мирное, вѣчное небо! А на землѣ смятеніе и вражда; разногласія, бурныя смѣны мрака и яркаго блеска и „судьба все еще пребываетъ въ нерѣшимости, потряхивая своею загадочною урной".

Около трехъ часовъ утра, враждебныя вооруженныя силы встрѣтились. Войска Ганріо выстроены на Гревской площади, и туда же приходятъ войска Барра; вотъ они стоятъ лицомъ къ лицу, съ пушками, направленными противъ пушекъ. Граждане! кричитъ голосъ благоразумія достаточно громко: прежде чѣмъ начать кровопролитіе и безконечную гражданскую войну, выслушайте постановленіе конвента: „Робеспьеръ и всѣ бунтовщики объявляются внѣ закона!" Внѣ закона? Въ этихъ словахъ ужасъ. Мирные граждане спѣшатъ разойтись по домамъ. Муниципальные канониры, охваченные паникой, разомъ, съ криками, переходятъ на сторону конвента. Услыхавъ эти крики, Ганріо, по словамъ иныхъ, сильно пьяный, спускается изъ своей комнаты въ верхнемъ этажѣ, и находитъ Гревскую площадь пустою; жерла пушекъ повернуты п р о т и в ъ него. Теперь катастрофа наступила!

Вбѣжавъ обратно въ комнату, несчастный отрезвившійся Ганріо восклицаетъ: „Все потеряно!" „M i s é r a b l e, это ты погубилъ все!" кричатъ ему и выбрасываютъ его въ окно,—или онъ самъ выбрасывается. Онъ падаетъ съ довольно значительной вышины, на каменную кладку, въ ужасную помойную яму; но не убивается на смерть; ему суждено худшее. Августинъ Робеспьеръ

Фукье оставалось только удостовѣриться въ личностяхъ, такъ какъ его плѣнники были уже внѣ закона. Никогда еще улицы Парижа не были такъ запружены народомъ, какъ въ четыре часа этого дня. Отъ зданія суда до площади Революціи, такъ какъ телѣги опять ѣхали прежнимъ путемъ, стояла сплошная масса народа. Изо всѣхъ оконъ, даже съ крышъ и кровельныхъ коньковъ, глядѣли любопытные со странными радостными лицами. Колесницы смерти, съ пестрой группой объявленныхъ внѣ закона, около двадцати трехъ человѣкъ, отъ Максимиліана до мэра Флеріо и сапожника Симона, продолжаютъ свой путь. Всѣ глаза устремлены на телѣгу Робеспьера, гдѣ онъ, со своей челюстью, перевязанной грязной тряпкой, сидитъ возлѣ своего полумертваго брата и полумертваго Ганріо, которые лежатъ разбитые, въ ожиданіи близкаго конца ихъ „семнадцати-часовой агоніи". Жандармы указываютъ на Робеспьера шашками, чтобы народъ зналъ, который онъ. Одна женщина вскакиваетъ на подножку телѣги и, держась одной рукой за край ея, другою размахиваетъ подобно Сивиллѣ, и восклицаетъ: „Твоя смерть радуетъ меня до глубины моего сердца, m'enivre de joie"; Робеспьеръ открываетъ глаза: „Scélérat, отправляйся въ адъ, проклинаемый всѣми женами и матерями!" У подножія эшафота его кладутъ на землю въ ожиданіи очереди. Когда его подняли, онъ опять открылъ глаза и взглядъ его упалъ на окровавленную сталь. Самсонъ сорвалъ съ него камзолъ; сорвалъ грязную тряпку съ его лица и челюсть безсильно отвисла; тутъ изъ груди жертвы вырвался крикъ,—крикъ ужасный, какъ и самое зрѣлище. Самсонъ, поспѣши!

Какъ только работа Самсона исполнена, воздухъ оглашается крикомъ одобренія, и крикъ этотъ разносится не только по Парижу, но и по всей Франціи, по всей Европѣ и далѣе, а во времени—вплоть до настоящаго поколѣнія. Заслуженно, и въ то же время незаслуженно. О, несчастнѣйшій адвокатъ изъ Арра, чѣмъ ты былъ хуже другихъ адвокатовъ? Болѣе твердаго человѣка въ своей формулѣ, въ своемъ credo, въ своемъ ханжествѣ, а также и въ честности, благосклонности, въ знаніи цѣны добродѣтели и тому подобнаго, не жило въ ту эпоху. Въ болѣе счастливыя времена такой человѣкъ былъ бы одной изъ тѣхъ честныхъ, безплодныхъ личностей, которыя ставятся въ примѣръ и получаютъ по смерти мраморную доску и надгробную рѣчь. Бѣдный хозяинъ его, токарь въ улицѣ Сентъ-Оноре, любилъ его; братъ умеръ за него. Да будетъ же Богъ милосердъ къ нему и къ намъ!

Таковъ конецъ царства террора! Новая славная революція, называемая термидорской, произошла 9-го термидора, года 2-го, что, въ переводѣ на старый рабскій стиль, означаетъ 27-го іюля 1794 г.; терроръ кончился; кончится и смерть на площади Революціи, когда будетъ казненъ „хвостъ Робеспьерра", что быстро исполняетъ Фукье большими охапками.

КНИГА VII.

Вандемьеръ.

ГЛАВА I.

Распаденіе.

Мало кто предполагалъ, что это былъ конецъ не только Робеспьера, но и самой революціонной системы! Менѣе всѣхъ предполагали это взбунтовавшіеся члены конвента, которые возстали только съ той цѣлью, чтобы продолжать національное возрожденіе, сохраняя собственныя головы на плечахъ. И, однако, это было дѣйствительно такъ. Незначительный камень, который они вынули, такой незначительный во всякомъ другомъ мѣстѣ, оказался здѣсь краеугольнымъ; весь сводъ зданія санкюлотизма сталъ расшатываться, осѣдать, давать трещины и обваливаться по частямъ довольно быстро, пока бездна не поглотила его всего, и на поверхности земли не стало санкюлотизма.

Какъ бы ни былъ презрѣненъ самъ Робеспьеръ, но смерть его была сигналомъ, по которому массы людей, бывшихъ до сихъ поръ нѣмыми отъ ужаса передъ терроромъ, вышли изъ норъ, гдѣ они прятались, и, заговоривъ, стали излагать свои жалобы. Тысячами, милліонами насчитываются пострадавшіе отъ жестокой несправедливости. Все громче поднимается эта жалоба массъ, переходитъ въ непрерывный всенародный крикъ, который называютъ общественнымъ мнѣніемъ. Камиллъ требовалъ „комитета милосердія" и не могъ добиться его; но теперь вся нація обращается въ комитетъ милосердія: нація испытала санкюлотизмъ и находитъ, что пора покончить съ нимъ. Сила общественнаго мнѣнія! Какой король или конвентъ могутъ противостоять ему? Борьба напрасна: то, что сегодня отвергнуто, какъ „клевета", на другой день, будетъ съ торжествомъ принято за истину. Боги и люди объявили, что санкюлотизмъ не можетъ долѣе существовать. Онъ самоубійственно раздробилъ себѣ нижнюю челюсть въ ночь на 9 термидора, и лежитъ въ корчахъ, чтобы никогда болѣе не подняться.

Въ теченіе слѣдующихъ пятнадцати мѣсяцевъ мы видимъ, такъ сказать, его предсмертную агонію. Санкюлотизмъ, анархія по евангелію Жанъ Жака, проникнувъ довольно глубоко, должны погибнуть въ новой особенной системѣ „кюлотизма" и порядка. Порядокъ необходимъ человѣку; хотя бы этотъ порядокъ былъ основанъ только на первобытномъ евангеліи силы, со скипетромъ въ видѣ молота. Пусть будетъ методъ, пусть будетъ порядокъ, кричатъ всѣ люди, хотя бы это былъ порядокъ солдатской муштровки! Сноснѣе—обученный рядъ штыковъ, чѣмъ необузданная гильотина, неудержимая, какъ вѣтеръ. Теперь намъ нужно обозрѣть бѣглымъ взглядомъ, съ надлежащаго разстоянія, какъ санкюлотизмъ, корчась въ предсмертныхъ мукахъ, пытался еще раза два-три подняться на ноги, но падалъ, снова опрокинутый, и, наконецъ, испустилъ духъ и

не двигался болѣе. Мы сдѣлаемъ это, и тогда,—о, читатель!—ободрись, я вижу берегъ!

Мы должны отмѣтить двѣ первыя мѣры, естественно принятыя конвентомъ послѣ термидора: во-первыхъ, обновленіе и пополненіе комитетовъ общественной безопасности и общественнаго спасенія, опустошенныхъ гильотиной. Конечно, пополняютъ ихъ Талліенами, Фреронами и другими побѣдителями термидорскихъ дней. Еще болѣе кстати постановленіе, чтобы комитеты, какъ это предписываетъ законъ, обновлялись отъ времени до времени не на словахъ только: четвертая часть членовъ должна выходить ежемѣсячно. Конвентъ не будетъ болѣе находиться въ рабствѣ у комитетовъ подъ страхомъ смерти, а будетъ свободно руководствоваться своими собственными сужденіями и общественнымъ мнѣніемъ Не менѣе естественно и второе постановленіе,—чтобы заключенные и обвиненные имѣли право требовать свой „обвинительный актъ", чтобы знать, въ чемъ они обвиняются. Все это мѣры вполнѣ естественныя, предвѣстники сотень другихъ, такихъ же.

Роль Фукье Тенвиля, ограниченная декретомъ о предъявленіи обвинительнаго акта и законныхъ доказательствъ, почти утратила всякое значеніе и дѣйствительна еще только для „хвоста Робеспьера". Тюрьмы отдаютъ своихъ подозрительныхъ, выпускаютъ ихъ все чаще и чаще! Комитеты, осаждаемые друзьями заключенныхъ, жалуются, что имъ мѣшаютъ работать. Заключенные рвутся на волю, подобно людямъ, выходящимъ изъ переполненнаго мѣста, которые тѣснятся въ дверяхъ и задерживаютъ другъ друга. Счастье перемѣнилось: узники выливаются потоками, а тюремщики, moutons и прихвостни Робеспьера, идутъ туда, куда они привыкли посылать другихъ! Сто тридцать два нантскихъ республиканца, которыхъ мы видѣли идущими въ оковахъ, прибыли въ Парижъ, но число ихъ сократилось до девяносто четырехъ; пятая часть погибла дорогой. Они приходятъ и неожиданно видятъ себя не ходатаями за свою жизнь, а обвинителями, грозящими смертью другимъ. Ихъ процессъ сулитъ имъ оправданіе и даже болѣе. Этотъ процессъ, подобно трубному звуку, даетъ широкую огласку жестокостямъ царства террора. Впродолженіи девятнадцати дней дѣянія Карръе, роты Марата, потопленія, луарскія свадьбы—все это, совершавшееся во мракѣ, торжественно выходитъ на свѣтъ. Звонокъ голосъ этихъ бѣдныхъ воскресшихъ нантцевъ; и журналы, и рѣчи, и всеобщій комитетъ милосердія достаточно громко отзываются на нихъ, чтобы быть услышанными всѣми ушами и сердцами. Приходитъ депутація изъ Арра съ жалобами на жестокости, совершаемыя делегатомъ Лебономъ. Присмирѣвшій конвентъ дрожитъ за свою собственную жизнь, однако, какъ помочь дѣлу? Делегатъ Лебонъ, делегатъ Карръе должны быть привлечены къ революціонному трибуналу; никакіе извороты, никакія отсрочки не помогутъ: голосъ народа преслѣдуетъ ихъ все громче и громче. Ихъ также долженъ уничтожить Тенвиль, если только самъ Тенвиль не будетъ уничтоженъ.

Мы должны отмѣтить, кромѣ того, дряхлое состояніе, въ которое впало всемогущее нѣкогда якобинское общество Мать. Лежандръ бросилъ ключъ отъ его клуба на столъ конвента, въ термидорскую ночь; его президентъ гильотинированъ вмѣстѣ съ Робеспьеромъ. Нѣкогда могущественная Мать патріотизма, нѣкоторое время спустя, съ покорнымъ видомъ проситъ возвратить ей ключи; они возвращены, но прежняя сила не можетъ быть возвращена: она исчезла навѣки. Увы, ея время прошло. Напрасно якобинская трибуна звучитъ по прежнему: для слуха всѣхъ она стала ужасной и даже скучной. Вскорѣ принятіе новыхъ членовъ въ якобинское общество запрещается; могущественная Мать неожиданно видитъ себя бездѣтной; плачетъ, какъ только можетъ плакать такая охрипшая Рахиль.

Революціонные комитеты, не имѣя подозрительныхъ, чтобы охотиться за ними, быстро погибаютъ отъ истощенія. Въ Парижѣ прежніе сорокъ восемь комитетовъ сокращены до двѣнадцати; плата членамъ по сорока су отмѣнена; еще немного, и революціонные комитеты перестанутъ существовать; такса на

продукты, Maximum, также будетъ отмѣнена; санкюлотизмъ можетъ питаться, чѣмъ хочетъ [1]). И нѣтъ теперь никакого муниципалитета, никакого центра въ ратушѣ. Мэръ Флеріо и компанія погибли, и мы не спѣшимъ замѣстить ихъ. Городской совѣтъ чувствуетъ, что власть его подорвана, что онъ поставленъ въ подчиненное положеніе, и не знаетъ, къ чему все это приведетъ; знаетъ только, что онъ сталъ слабъ и долженъ повиноваться. Что, если бы мы раздѣлили Парижъ, скажемъ, на двѣнадцать отдѣльныхъ муниципалитетовъ, неспособныхъ къ соглашенію! Съ секціями было бы тогда легко управляться; или не упразднить ли и самыя секціи? Тогда у насъ остались бы только двѣнадцать послушныхъ и мирныхъ городскихъ округовъ, безъ центра и подраздѣленій [2]); и священное право возстанія стало бы выморочнымъ.

Многое отмѣняется такимъ образомъ и перестаетъ существовать. Вѣдь и пресса говоритъ, и человѣческій языкъ говоритъ; журналы, увѣсистые и легкіе, высказываются въ филиппикахъ и сатирѣ; и ренегатъ Фреронъ, и ренегатъ Прюдоммъ гремятъ попрежнему, только въ противоположномъ духѣ. И ci-devants появляются, даже почти выставляютъ себя на показъ, воскресшіе какъ бы отъ мертваго сна, и повѣдаютъ въ печати, какія страданія перенесены ими. Даже болотныя лягушки квакаютъ напыщенно. Семьдесятъ три члена конвента, подписавшіе извѣстный протестъ, освобождаются изъ тюрьмы, хотя и не безъ нѣкоторыхъ усилій, и возвращаются на свои мѣста. Ваши Луве, Изнары, Ланжюине и остатки жирондизма, естественные враги террора, вызванные изъ сѣноваловъ и погребовъ Швейцаріи, снова займутъ свои мѣста въ конвентѣ [3]).

Въ немъ и внѣ его господствуютъ теперь термидорскіе Тальены и отъявленные враги террора. Обузданная гора становится все молчаливѣе, а умѣренность возвышаетъ голосъ все громче, но не бурно, не съ угрозами; а скорѣе, какъ волна могучаго органнаго звука, какъ оглушающая сила общественнаго мнѣнія, гармонично исходящаго изъ двадцати пяти милліоновъ народныхъ устъ, которыя всѣ принадлежатъ теперь къ комитету милосердія. Какія же отдѣльныя группы въ силахъ противостоять этому?

ГЛАВА II.

Дочь Кабаррюса.

Гдѣ же устоять этому жалкому національному конвенту, разрозненному, сбитому съ толку долгимъ терроромъ, тревогами и гильотиной. Притомъ же у него нѣтъ кормчаго, нѣтъ даже Дантона, который отважился бы направить его куда нибудь среди такого напора бури. Самое большее, что растерявшійся конвентъ можетъ сдѣлать, это перемѣнить направленіе, поставить паруса по вѣтру и стараться держаться такъ, чтобы не потонуть. Безполезно было бы бороться, ставить руль на подвѣтренную сторону и командовать: поворотъ! Растерявшійся конвентъ пытался плыть противъ вѣтра, но его быстро повернуло обратно, такъ силенъ напоръ перемѣнившагося вѣтра. Онъ дуетъ теперь все сильнѣе и сильнѣе, съ теплаго юго-запада; опустошительный сѣверо-восточный вѣтеръ и бурные порывы вихря совсѣмъ стихли. Все санкюлотское исчезаетъ и замѣняется кюлотскимъ.

Взгляните, напримѣръ, на покрой одежды, этотъ незначительный видимый признакъ, свидѣтельствующій о тысячѣ вещей невидимыхъ. Зимою 1793 года мужчины ходили въ красныхъ колпакахъ и сами муниципалы носили деревянные башмаки. Даже гражданки принуждены были подавать прошеніе объ отмѣнѣ

---

[1]) 24-го декабря, 1794 (Moniteur, № 97).

[2]) Октябрь, 1795 (Dulaure, VIII, 454—6).

[3]) Deux Amis, XIII, 3—80.

такого головного убора. А теперь, въ эту зиму 1794 г., куда дѣвался красный колпакъ?—Онъ унесенъ потокомъ, какъ и многое другое. Нашъ зажиточный гражданинъ обдумываетъ, какъ бы ему одѣться поизящнѣе? Не одѣться ли, какъ одѣвались свободные народы древности? Болѣе отважная гражданка уже такъ и поступила. Посмотрите на нее, на эту предпріимчивую гражданку: она въ костюмѣ древнихъ грековъ, въ такомъ греческомъ костюмѣ, какой могъ предлагать художникъ Давидъ; ея распущенные волосы перехвачены блестящимъ античнымъ обручемъ; на ней яркаго цвѣта туника, какія носили гречанки; маленькія ножки ея, обнаженныя, какъ у античныхъ статуй, и обутыя въ однѣ сандаліи, привязанныя лентами, бросаютъ вызовъ морозу.

Жажда роскоши овладѣла всѣми. Эмигранты не увезли съ собой своихъ отелей и замковъ съ ихъ обстановкой, и при быстрой смѣнѣ владѣльцевъ, благодаря чеканкѣ денегъ на площади Революціи, поставкамъ на армію, продажѣ эмигрантскихъ, церковныхъ и королевскихъ земель, а также благодаря ажіотажу съ бумажными деньгами, этой лампѣ Аладина,—такіе отели не замедлили найти новыхъ жильцовъ. Старое вино изъ погребовъ аристократовъ вливается въ новыя глотки. Парижъ подметенъ и освѣщенъ; салоны, ужины, не братскіе,— опять сверкаютъ подобающимъ блескомъ, хотя особеннаго оттѣнка. Красавица Кабаррюсъ, освобожденная изъ тюрьмы, повѣнчалась со своимъ рыжимъ и мрачнымъ богомъ ада, съ которымъ она обращается, какъ говорятъ, очень надменно. Она даетъ блестящіе вечера; вокругъ нея собирается новая республиканская армія гражданокъ въ сандаліяхъ, аристократокъ и другихъ; собираются всѣ пережитки стараго лоска. Правой рукой г-жи Талліенъ служитъ въ такихъ случаяхъ прелестная Жозефина, вдова Богарне, хотя находящаяся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; обѣ задались цѣлью смягчить безобразіе республиканской строгости и перецивилизовать человѣчество.

Перецивилизовать совсѣмъ попрежнему: волшебствомъ смычка Орфея, ритмомъ Евтерпы, граціей, улыбками. На этихъ вечерахъ бываютъ и термидорскіе депутаты: Фреронъ, издатель Orateur du Peuple; Барра, умѣвшій танцовать не только карманьолу; и суровые генералы республики, въ огромныхъ воротникахъ и галстукахъ, пригодныхъ для защиты отъ сабельныхъ ударовъ, съ волосами, собранными въ узелъ „подъ гребенку и ниспадающими на спину“. Среди этихъ послѣднихъ мы узнаемъ маленькаго артиллерійскаго офицера изъ Тулона, съ бронзовымъ цвѣтомъ лица, возвратившагося изъ итальянскаго похода. У него мрачный видъ, жестокое, почти свирѣпое выраженіе лица, такъ какъ онъ имѣлъ непріятности и былъ боленъ; притомъ же онъ въ немилости, какъ человѣкъ, выдвинутый — все равно, по заслугамъ, или нѣтъ,—террористами и Робеспьеромъ-младшимъ. Но развѣ Барра не знаетъ его? Развѣ Барра не замолвитъ слова за него? Да,—если когда нибудь для Барра будетъ выгодно сдѣлать это. Стоитъ этотъ артиллерійскій офицеръ и смотритъ своими глубокими, серьезными глазами въ будущее, которое представляется ему безнадежно пустымъ. Онъ молчаливъ, но, когда его расшевелятъ, онъ высказываетъ своеобразныя мысли, мѣткія бросающія свѣтъ, какъ молнія;—вообще, это человѣкъ „необщительный“, скорѣе опасный. Необщительность дѣлаетъ его предметомъ страха и антипатіи для всякаго рода фантазеровъ, такъ какъ онъ—сама реальность! Стоитъ онъ здѣсь безъ дѣла и надежды, какъ бы отчужденный, однако посматриваетъ нерѣдко въ ласковые глаза Жозефины Богарне. На все остальное онъ смотритъ строго, съ открытыми глазами и съ сомкнутыми губами, какъ бы выжидая, что будетъ далѣе.

Всякій можетъ замѣтить, что балы имѣютъ въ эту зиму совсѣмъ новый видъ. Не карманьолу видимъ мы, этотъ грубый „вихрь лохмотьевъ“, какъ назвалъ ея Мерсье, „предвѣстницу бури и разрушенія“, а мягкія іоническія движенія, гармонирующія съ легкими сандаліями и греческой туникой! Лихорадка роскоши вышла наружу; люди разбогатѣли, прибавилось много новыхъ богачей, а при террорѣ нельзя было танцовать, иначе, какъ въ лохмотьяхъ. Среди без-

численныхъ баловъ разнаго рода, обращаемъ вниманіе читателя на одинъ родъ: на такъ называемые балы жертвъ, Bals à victime. У всѣхъ танцующихъ надѣтъ черный крепъ на лѣвой рукѣ. Чтобы быть допущеннымъ на такой балъ, нужно, чтобы вы были жертвой террора, или чтобы вы потеряли кого нибудь изъ родственниковъ во время террора. Миръ усопшимъ; будемъ танцовать въ память ихъ! Такъ какъ, во всякомъ случаѣ, надо танцовать.

И замѣчательно, какія разнообразныя формы принимаетъ это великое занятіе—танцы. „Женщины", говоритъ Мерсье, „это—нимфы и султанши; иногда Венеры, Юноны, даже Діаны. Онѣ кружатся, плаваютъ, съ легкой, безупречной стройностью, серьезныя, молчаливыя, видимо поглощенныя своимъ дѣломъ. И зрители какъ бы сливаются съ танцующими, образуютъ кольцо вокругъ различныхъ контрадансовъ, однако не мѣшая имъ. Рѣдко случается, чтобы султанша, въ подобныхъ обстоятельствахъ, испытала хотя малѣйшій толчокъ. Ея хорошенькая ножка появляется на вершокъ отъ вашей, и вотъ ея уже нѣтъ: она унеслась, какъ яркая искра; но скоро темпъ танца возвращаетъ ее на прежнее мѣсто. Подобно блистательной кометѣ, она несется, кружась, по своему элипсису, какъ бы подчиняясь двоякому дѣйствію тяготѣнія и притяженія" [1]). Заглянувъ немного впередъ, тотъ же Мерсье видитъ Merveilleuses въ „шароварахъ тѣлеснаго цвѣта", съ золотыми браслетами на ногахъ; настоящихъ танцующихъ гурій искусственнаго рая Магомета, слишкомъ уже Магометанскаго. Монгальяръ замѣчаетъ своимъ меланхолическимъ взоромъ не менѣе странную вещь: каждая свѣтская гражданка, которую вы встрѣчаете, находится въ интересномъ положеніи. Великій Боже, каждая! Настоящія подушки! прибавляетъ этотъ язвительный человѣкъ;—такова мода во время уменьшеніе народонаселенія вслѣдствіе войнъ и гильотины [2]). Не вникайте глубже въ качества этой моды.

Взгляните теперь на эти новыя группы на улицахъ, вмѣсто прежнихъ страшныхъ Tappe-durs Робеспьера. Это молодые люди, одѣтые не въ черныя куртки карманьолы изъ грубаго сукна, а въ изящное habit carré, или фраки съ прямыми фалдами, съ изящнымъ, анти-гильотиннаго фасона воротникомъ; волосы ихъ заплетены на вискахъ и, свернутые сзади узломъ, ниспадаютъ на военный манеръ; это такъ называемые muscadin (щеголи) или денди. Феронъ нѣжно называетъ ихъ jeunesse dorée, золотая или позолоченная молодежь. Эта золотая молодежь появилась какъ бы воскресши изъ мертвыхъ. Тѣ изъ ея числа, которыя были жертвами, носятъ крепъ на лѣвой рукѣ. Мало того, они носятъ палки, налитыя свинцомъ; и видъ у нихъ сердитый. Если съ ними встрѣтится какой-нибудь Tappe dur, или остатокъ якобинства, то ему придется плохо. Они много страдали; ихъ друзья были гильотинированы; ихъ удовольствія, шалости, тончайшіе воротнички, безжалостно преслѣдовались:—горе подлымъ краснымъ колпакамъ, которые дѣлали это! Красавица Кабаррюсъ и армія греческихъ сандалій улыбаются одобрительно. Въ театрѣ Фейдо храбрая молодежь во фракахъ съ прямыми фалдами любуется красавицами въ греческихъ сандаліяхъ и воспламеняется отъ ихъ взглядовъ. Долой якобинство! Никакіе якобинскіе гимны или демонстраціи, кромѣ термидорскихъ, не будутъ болѣе терпимы; мы свергнемъ якобинство нашими свинцовыми палками.

Пусть всякій, кто всматривался въ буйную природу этихъ денди, особенно въ стадномъ состояніи, представитъ себѣ, какой элементъ составляла эта золотая молодежь при „священномъ правѣ возстанія"! Ссоры и побоища; война безъ перемирія и безъ мѣры! Санкюлотизмъ ненавистенъ, какъ смерть и ночь! А денди, дѣйствительно, развѣ они не кюлоты, развѣ они не одѣтые въ силу самого закона своего существованія; это—„животное одѣтое, которое живетъ, движется и проводитъ свое существованіе въ одеждѣ"?

[1]) Mercier, Nouveau Paris, III, 138, 153.

[2]) Mongaillard, IV, 436—42.

Такъ идутъ дѣла. Люди вальсируютъ, ссорятся; красавица Кабаррюсъ старается чарами Орфея вновь цивилизовать человѣчество. И не безуспѣшно, какъ мы слышимъ. Какая суровость, хотя бы и республиканская, можетъ устоять передъ греческими сандаліями въ іоническихъ движеніяхъ, съ золотыми кольцами даже на большихъ пальцахъ ногъ [1])? Постепенно возникаетъ неоспоримая новая благовоспитанность и быстро растетъ. Однако, возродился ли и по нынѣшній день тотъ непередаваемый тонъ общества временъ старыхъ королей, когда порокъ „утратилъ свое безобразіе" (съ выгодой или безъ выгоды для людей), и легкомысленная пустота получила право гражданства и утвердилась такъ прочно, какъ никогда? Или же, не утраченъ ли онъ безвозвратно? [2]). Такъ ли это, или нѣтъ, а міръ долженъ продолжать свою борьбу за существованіе.

ГЛАВА III.

Киберонъ.

Не обнаруживаютъ ли безсознательно эти ниспадающіе волосы золотой молодежи въ полу-военномъ костюмѣ другого, болѣе важнаго стремленья? Республика, проникшаяся отвращеніемъ къ гильотинѣ, любитъ свою армію.

И не безъ основанія. Если въ свое время военная доблесть почетна, а въ глазахъ массы даже почетнѣе всего, то въ описываемую эпоху военная доблесть была своевременнѣе и важнѣе, чѣмъ когда-либо. Эти сыны республики поднялись, въ безумной ярости, чтобы освободить ее отъ рабства и Киммеріи. И развѣ они не достигли этого? Изъ приморскихъ Альпъ, изъ проходовъ Пиренеевъ изъ Нидерландовъ, изъ долины Рейна Киммерія отброшена далеко назадъ со священной родной земли. Сыны ея, пылкіе, какъ пламень, пронесли ея трехцвѣтное знамя надъ головами всѣхъ ея враговъ и оно побѣдоносно развивается и надъ крутыми горами, и надъ пушечными батареями. У этой республики подъ ружьемъ одиннадцать милліоновъ воиновъ; а въ одинъ исключительный моментъ у нея было, какъ полагаютъ, по крайней мѣрѣ „семнадцать милліоновъ" [3]). Подобно кольцу молній, опоясываютъ они свою страну отъ одного берега до другого, давая залпы и распѣвая ça-ira. Киммерійская коалиція деспотовъ отступаетъ, охваченная удивленіемъ и страхомъ.

Огню, пылающему въ сердцахъ этихъ гельскихъ республиканцевъ, никакая коалиція не можетъ противустоять! Ими предводительствуютъ не обладатели гербовъ съ четырьмя поколѣніями дворянства, а бывшіе сержанты, вырвавшіе свой генеральскій чинъ изъ жерла пушекъ: Пишегрю, Журданъ, Гошъ. У нихъ есть хлѣбъ, у нихъ есть желѣзо, а „съ хлѣбомъ и желѣзомъ можно дойти до Китая". Посмотрите на солдатъ Пишегрю въ эту суровую зиму: оборванные, обтрепанные, „въ башмакахъ изъ жгутовъ соломы, въ плащахъ изъ лыковыхъ рогожъ", они наводняютъ Голландію, словно орда демоновъ, когда ледъ перекинулъ мосты черезъ всѣ воды, и съ криками стремятся отъ побѣды къ побѣдѣ! Корабли на Текслѣ захвачены конными гусарами; герцогъ Іоркскій бѣжалъ; штатгальтеръ также бѣжалъ, довольный тѣмъ, что удалось ускользнуть въ Англію и оставить Голландію брататься съ французами [4]). Огонь, пылающій въ этихъ гельскихъ сердцахъ, подобенъ пламени горящихъ травы и сухого хвороста; ни одинъ смертный не можетъ противустоять ему въ первую минуту.

И все также будетъ горѣть онъ и стремиться впередъ, уничтожая все; и отъ Кадикса до Архангельска безумный санкюлотизмъ, превратившійся теперь, бла-

---

[1]) Ibid., Mercier (ubi supra).

[2]) De Staël, Considerations, III, c. 10 etc.

[3]) Toulongeon III, c. 7; v. c. 10 (p. 194).

[4]) 19-го января 1795 (Mongaillard, IV. 287—311).

годаря обученію, въ солдатство, предводительствуемый какимъ-нибудь солдатомъ демократіи (положимъ молчаливымъ артиллерійскимъ офицеромъ), жестоко наступитъ на шею своихъ враговъ; и его побѣдные клики, а ихъ вопли, огласять міръ!—Вотъ какой пожаръ зажгли вы, поспѣшно соединившіеся короли, будучи сами лишены огня и имѣя солдатъ, воодушевляемыхъ только учащими ихъ сержантами, нравоученіями въ общихъ столовыхъ и барабанщиками! Однако, дѣло начато и будетъ продолжаться цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Вотъ какъ долго этотъ гельскій огонь, среди своей послѣдовательной смѣны цвѣта и характера, будетъ горѣть по лицу Европы и мучить, и обжигать людей:—пока онъ не раздражитъ всѣхъ, не зажжетъ другого рода огня: тевтонскаго, и не будетъ поглощенъ, такъ сказать, въ одинъ день! Бываютъ пожары, вспыхивающіе внезапно и ярко, подобно горѣнію хвороста и травы; и бываютъ другіе, которые трудно разжечь, какъ уголь, или даже антрацитъ, но, которые разъ разгорѣвшись, не поддаются никакимъ усиліямъ потушить ихъ. Ярко вспыхивающій гельскій огонь мы замѣчаемъ не только въ войскахъ Пишегрю, но не менѣе въ безчисленныхъ Вольтерахъ, Расинахъ, Лапласахъ, такъ какъ французъ, сражается ли онъ, поетъ ли, или думаетъ, всегда сохраняетъ ту совокупность человѣческихъ свойствъ, которая даетъ отличный жаръ для печенія яицъ, во всякомъ смыслѣ. Тевтонскій же антрацитовый огонь, какъ мы видимъ въ Лютерахъ, Лейбницахъ, Шекспирахъ, предпочтителенъ для плавленія металловъ.

Какъ счастлива наша Европа, что у нея есть оба рода топлива, но какъ бы то ни было, а республика явно торжествуетъ. Весной этого года, городъ Майнцъ снова видитъ себя осажденнымъ и опять перемѣнитъ хозяина; правду сказалъ Мерленъ-де-Тіонвилль, „съ дикимъ взглядомъ и бородой“, что его видѣли тамъ не въ послѣдній разъ. Курфюрстъ Майнцкій обращается къ своимъ братьямъ государямъ со слѣдующимъ умѣстнымъ вопросомъ: Не благоразумнѣе ли начать переговоры о мирѣ? Да! отвѣчаютъ въ душѣ многіе другіе курфюрсты. Но, съ другой стороны, Австрія колеблется и, наконецъ, отказывается, получивъ субсидію отъ Питта. Что касается послѣдняго, то, кто бы ни колебался, а онъ, пріостановивъ у себя дѣйствіе своего Habeas Corpus, прекративъ платежи звонкой монетой, остается непреклоннымъ, несмотря ни на перевороты въ другихъ государствахъ, ни на свои домашнія затрудненія, со стороны шотландскаго національнаго парламента и англійскихъ друзей народа, которыхъ онъ принужденъ судить, вѣшать, или даже видѣть оправданными и торжествующими; жесткій, непреклонный человѣкъ! Его величество король Испаніи, какъ мы и предсказывали, заключаетъ миръ, тоже дѣлаетъ и король прусскій; и составляется базельскій договоръ [1]). Договоръ съ мрачными анархистами и цареубійцами! Увы, какъ помочь дѣлу? Вы не можете повѣсить эту анархію; пожалуй, она повѣситъ васъ самихъ; волей неволей, приходится вступить въ переговоры съ нею.

Между тѣмъ, генералу Гошу удается замирить Вандею. Негодяй Россиньоль и его „адскія колонны“ исчезли; Гошъ достигъ мира твердостью, справедливостью, разсудительностью и умными мѣрами. Набирая свои „подвижныя колонны“ не изъ адскихъ элементовъ, оцѣпляя ими страну, прощая покорныхъ, казня оказывающихъ сопротивленіе, онъ шагъ за шагомъ усмиряетъ возстаніе. Ларошжакленъ, послѣдній изъ дворянъ, палъ въ бою; Стоффле самъ вступаетъ въ переговоры; Жоржъ Кадудаль возвращается въ Бретань, къ своимъ шуанамъ: ужасная гангрена Вандеи повидимому окончательно искоренена. Она стоила, какъ высчитываютъ въ круглыхъ цифрахъ, ста тысячъ жизней; а съ потопленіями, поджогами и адскими колоннами, число жертвъ не поддается вычисленію. Такова вандейская война [2]).

---

[1]) 5-го апрѣля, 1795 (Mongaillard, IV, 319).

[2]) Histoire de la guerre de la Vendée, par M. le comte de Vauban; Mémoires de Madame de la Rochejacquelin etc.

Однако, немного мѣсяцевъ спустя, она вспыхиваетъ вновь, но уже въ последній разъ, раздутая Питтомъ и нашими ci-devant Пюизе изъ Кальвадоса и другими. Въ іюлѣ 1795 г., англійскіе корабли вступаютъ на рейдъ въ Киберонѣ. Тамъ предполагается высадка воинственныхъ ci-devants, роялистовъ, добровольцевъ изъ военноплѣнныхъ, страстно желающихъ дезертировать; выгружаются огнестрѣльное оружіе, прокламаціи, аммуниція и звонкая монета. Но и республиканцы быстро вооружаются, идутъ въ полночь тайкомъ по побережью Киберона и штурмуютъ фортъ Пантьевръ; громъ войны смѣшивается съ ночнымъ ревомъ моря и утренняя заря освѣщаетъ рѣдкую картину. Высадившіеся бросаются обратно въ свои лодки или въ морскія волны и съ воплями погибаютъ. Словомъ, ci-devant Пюизе терпитъ здѣсь такую же неудачу, какъ и въ Кальвадосѣ, когда онъ мчался изъ Вернонскаго замка безъ сапогъ [1]).

Лазарь Гошъ.

Такимъ образомъ, и это дѣло стоило жизни многихъ храбрыхъ людей, въ числѣ которыхъ всѣ оплакиваютъ храбраго сына Сомбрейля. Злополучная семья! Отецъ и младшій сынъ погибли на гильотинѣ; героиня дочь, доведенная до нищеты, прячетъ свое горе отъ исторіи; старшій сынъ погибаетъ здѣсь, на Киберонѣ, разстрѣлянный военнымъ трибуналомъ, какъ эмигрантъ, самъ Гошъ не можетъ спасти его. Если всѣ войны, гражданскія или другія, суть плоды недоразумѣній, то гдѣ же скрывается разумѣніе?!

ГЛАВА IV.

Левъ не умеръ.

Конвентъ, несомый теченіемъ судьбы по направленію къ чужой побѣдѣ и гонимый сильнымъ вѣтромъ общественнаго мнѣнія къ милосердію и роскоши, такъ быстро несется, что нужно все искусство кормчаго, и даже болѣе, при такой быстротѣ.

Интересно смотрѣть, какъ мы поворачиваемъ и кружимся, и всетаки принуждены плыть по вѣтру. Если, съ одной стороны, мы вновь принимаемъ въ конвентъ семьдесять трехъ протестовавшихъ, то, съ другой, принуждены согласиться на довершеніе апоѳеоза Марата: взять его тѣло изъ церкви кордильеровъ и перенести въ Пантеонъ великихъ людей, вырывъ прахъ Мирабо, чтобы очистить мѣсто. Все напрасно: напоръ общественнаго мнѣнія не ослабѣваетъ! Золотая молодежь, въ заплетенныхъ косичкахъ, сбрасываетъ бюсты Марата въ театрѣ Фейдо; топчетъ ихъ ногами; бросаетъ ихъ съ яростными криками въ сточную яму Монмартра [2]). Снесена его часовня на Карусельной площади; сточная яма Монмартра принимаетъ даже прахъ его. Ни одинъ обоготворенный человѣкъ не оставался божествомъ болѣе короткое время. Какихъ нибудь четыре мѣсяца въ Пантеонѣ, храмѣ всѣхъ безсмертныхъ, — и затѣмъ въ сточную яму, великую клоаку Парижа и міра! „Число бюстовъ Марата достигло одно время до четырехъ тысячъ". Изъ храма безсмертныхъ въ клоаку! Такъ бросаетъ судьба бѣдныя человѣческія существа!

---

[1]) Deux Amis, XIV, 94—106; Puisaye, Memoires III—VII.

[2]) Moniteur, du 25 Septembre 1794, du 4 Fevrier 1795.

Рядомъ съ этимъ поднимается вопросъ, когда войдетъ въ силу конституція девяносто третьяго года, т. е. 1793 г.? Разсудительные умы думаютъ про себя, что конституція девяносто третьяго года никогда не вступитъ въ дѣйствіе. Пусть теперь другіе люди займутся составленіемъ лучшей.

Опять же, гдѣ теперь якобинцы? Бездѣтная, дряхлая, какъ мы видимъ, сидитъ теперь, когда-то могущественная Мать патріотизма, скрежеща не зубами, а пустыми деснами, на предательскій термидорскій конвентъ и на весь ходъ вещей. Бильо, Колло и компанія дважды обвинялись въ конвентѣ Лекуантромъ и Лежандромъ и во второй разъ обвиненіе не было признано клеветой. Бильо съ якобинской трибуны говоритъ: „Левъ еще не умеръ, онъ только спитъ". Его спрашиваютъ въ конвентѣ, что онъ подразумѣваетъ подъ пробужденіемъ льва? И въ бывшемъ дворцѣ Эгалите начинаются безконечныя столкновенія между Tappedurs и золотой молодежью. Раздаются крики: „Долой якобинцевъ, Jacoquins"! coquin означаетъ негодяй. Съ высокой трибуны раздается боевой звукъ, но отвѣтомъ служатъ только молчаніе и тяжелое дыханіе. Въ правительственныхъ комитетахъ поговариваютъ о пріостановкѣ якобинскихъ собраній. Но, что это? Въ день Всѣхъ Святыхъ, или наканунѣ этого дня, въ ci-devant ноябрѣ, 1794 года отъ Р. Х.—печальный канунъ для якобинцевъ—градъ камней съ проклятіями летитъ въ окна якобинскаго клуба. Якобинки, знаменитыя Tricoteuses, съ вязальными спицами въ рукахъ, обращаются въ бѣгство, но у дверей ихъ встрѣчаетъ золотая молодежь съ „толпой въ четыре тысячи человѣкъ", которые преслѣдуютъ ихъ съ гиканьемъ, пинками, насмѣшками; сѣкутъ ихъ лозами самымъ скандальнымъ образомъ, задравъ юбки, пока онѣ, доведенныя до истерики, не успѣваютъ скрыться. Выходите теперь вы, мужчины! Якобинцы выходятъ; но только для боя, пораженія и полнаго разстройства. Пришлось вмѣшаться вооруженной власти, и не только въ этотъ, но и на другой день, послѣ чего якобинскія собранія прекратились навсегда [1]). Якобинцы исчезли среди бури смѣха и рева. На мѣстѣ ихъ клуба явилась нормальная школа, первая школа этого рода; потомъ она уступаетъ мѣсто „Рынку девятаго термидора"; потомъ рынку Сентъ-Оноре, гдѣ и понынѣ мирно торгуютъ домашнею птицей и овощами. Пышные храмы, самъ великій земной шаръ,—все это сооруженія безъ основанія! Развы мы и этотъ нашъ міръ не созданы изъ того же матеріала, какъ и сны?

Максимальныя таксы отмѣнены, торговля должна быть свободной. Увы, торговля, стѣсненная, перевернутая вверхъ дномъ, какъ мы видѣли, и теперь вдругъ снова предоставленная самой себѣ, не можетъ воспользоваться свободой: торговли, можно сказать, не существуетъ вовсе въ это время. Ассигнаціи, давно падающія и выпущенныя въ такомъ огромномъ количествѣ, падаютъ теперь съ безпримѣрной быстротой. „Combien?" спросилъ нѣкто у извощика: „сколько возьмешь?" „Шесть тысячъ ливровъ", отвѣтилъ тотъ, около трехсотъ фунтовъ стерлинговъ ассигнаціями [2]). Давленіе таксы устранено, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ и товары, на которые она была наложена. „Двѣ унціи хлѣба ежедневно",—таковъ пожалованный кусочекъ! Далеко тянутся хвосты передъ булочными и лица печальны; дома фермеровъ превратились въ лавки ростовщиковъ.

Можно представить себѣ, при такихъ обстоятельствахъ, съ какимъ чувствомъ санкюлотизмъ рычалъ про себя „La Cabarus" и смотрѣлъ на возвратившихся и танцующихъ ci-devants, на термидорскую лихорадку цивилизированія, на балы въ шароварахъ тѣлеснаго цвѣта. Тамъ греческія туники и сандаліи; рои франтовъ, щеголяющихъ со своими свинцовыми палками, а здѣсь мы, отверженные, внушающіе отвращеніе, „собираемъ крохи на улицахъ" [3]),

---

[1]) Moniteur, Seance du 10—12 Novembre, 1794; Deux Amis, XIII, 43—49.

[2]) Mercier, II, 94. (1-ое февраля 1796: на биржѣ Парижа, золотой луидоръ въ 20 фр. серебромъ стоитъ 5,300 фр. ассигнаціями. Mongaillard V, 419).

[3]) Fantin Desodoards, Histoire de la Revolution, VII, c. 4.

волнуемся, стоя въ хвостахъ передъ булочными изъ за нашихъ двухъ унцій хлѣба! Не проснется ли якобинскій левъ? Вѣдь, говорятъ, онъ тайно собирается въ красныхъ колпакахъ и съ заряженными пистолетами во дворцѣ архіепископства. Повидимому, не проснется. Наши Колло, Бильо, Барреръ, Вадье въ эти послѣдніе мартовскіе дни 1795 г. признаны заслуживающими ссылки за моря, и будутъ пока отвезены въ крѣпость Гамъ. Левъ умеръ,—или бьется въ предсмертной агоніи!

Посмотрите, какое оживленіе царитъ опять на парижскихъ улицахъ двѣнадцатаго жерминаля (называемаго также первымъ апрѣля, не очень счастливый день). Толпы голодныхъ женщинъ и грязныхъ, также голодныхъ, мужчинъ кричатъ: „Хлѣба, хлѣба и конституціи девяносто третьяго года!“ Парижъ поднялся еще разъ, подобно приливу океана, и толпами течетъ къ Тюльери за хлѣбомъ и конституціей. Тюльерійская стража дѣлаетъ все, что можетъ, ничто не помогаетъ; приливъ уноситъ ее прочь; наводняетъ самую залу конвента съ ревомъ: „хлѣба и конституціи!“

Несчастные сенаторы, несчастный народъ! Послѣ всѣхъ усилій и ссоръ, нѣтъ ни хлѣба, ни конституціи! Du pain, pas tant de longs discours!“ „Хлѣба, а не потоковъ парламентскаго краснорѣчія!“ Такъ стонали менады Мальяра болѣе пяти лѣтъ тому назадъ; такъ взываете и вы въ эту минуту! Конвентъ, неизвѣстно что думающій, невозмутимо остается на своихъ мѣстахъ среди этого ревущаго хаоса; на павильонѣ Единенія звонитъ набатъ. Секція Лепеллетье, прежняя Filles Saint-Thomas, состоящая преимущественно изъ мѣнялъ, и золотая молодежь бѣгутъ на выручку и снова сметаютъ хаосъ штыками. Парижъ объявленъ „въ осадномъ положеніи“. Пишегрю, завоеватель Голландіи, который случайно находится здѣсь, назначенъ командующимъ до подавленія мятежа. Онъ подавляетъ его, такъ сказать, въ одинъ день; отправляетъ въ ссылку Бильо, Колло и компанію и разсѣиваетъ всякую оппозицію „двумя пушечными выстрѣлами“ холостыми зарядами и страхомъ, который внушаетъ его имя. Сдѣлавъ это и донеся съ лаконизмомъ, которому слѣдовало бы подражать: „Представители, ваши предписанія исполнены“ [1]), онъ слагаетъ съ себя командованіе.

Шарль Пишегрю.

Итакъ, возстаніе жерминаля стихло, какъ подавленный вопль. Заключенные сидятъ въ надежномъ мѣстѣ, въ Гамѣ, въ ожиданіи кораблей; около девяти сотъ „главныхъ террористовъ въ Парижѣ“ обезоружены. Санкюлотизмъ, сметенный штыками, скрылся со своей нищетой въ глубинѣ предмѣстій Сентъ-Антуана и Сенъ-Марсо. Было время, когда сторожъ Мальяръ съ менадами могли измѣнять направленіе законодательства, но это время миновало. У законодателей теперь штыки, секція Лепеллетье взялась за оружіе не въ нашу защиту! Мы удаляемся въ наши мрачныя трущобы; наши крики голода названы заговоромъ Питта. Салоны сверкаютъ, шаровары тѣлеснаго цвѣта вальсируютъ по прежнему. Значитъ, мы сражались за дочь Кабаррюса, за ея франтовъ и мѣнялъ? Значитъ, для баловъ въ тѣлеснаго цвѣта шароварахъ мы схватили за бороду феодализмъ и дѣйствовали, и дерзали, и проливали свою кровь, какъ воду? Что можно отвѣтить на это, кромѣ выразительнаго молчанія!

---

[1]) Moniteur, Séance du 13 Germinal (2-е апрѣля) 1795.

Эксъ-депутаты Бильо-Варенъ, Колло д'Эрбуа и Барреръ отправляются въ ссылку.

ГЛАВА V.

Левъ вытягивается въ послѣдній разъ.

Представитель Каррье погибъ на гильотинѣ въ декабрѣ минувшаго года, заявляя, что онъ дѣйствовалъ по предписаніямъ. Революціоному трибуналу, послѣ того, какъ онъ истребилъ все, осталось теперь только, какъ это бываетъ со всѣми анархическими явленіями, уничтожить самого себя. Въ первые майскіе дни люди видятъ замѣчательное зрѣлище: Фукье-Тенвиль защищается передъ судомъ, въ которомъ главенствовалъ когда-то онъ самъ. Вмѣстѣ съ нимъ привлечены къ суду его бывшіе главные присяжные: Леруа Десятаго августа, Вилатъ и еще шестнадцать человѣкъ; всѣ они защищаются горячо, ссылаясь на то, что они дѣйствовали согласно предписаніямъ, но все напрасно. Съ этими людьми покончитъ топоръ, которымъ они совершали ненавистныя дѣла; топоръ самъ сталъ ненавистенъ. Впрочемъ, Фукье умеръ довольно твердо. „Гдѣ твои „охапки?“ ревѣлъ народъ.—„Голодная сволочь“, отвѣчалъ Фукье, развѣ твой хлѣбъ сталъ дешевле оттого, что ихъ нѣтъ болѣе?“

Замѣчателенъ этотъ Фукье: нѣкогда это былъ просто стряпчій, подобный другимъ стряпчимъ, этимъ судейскимъ ищейкамъ, которыя жадно охотятся на людей; теперь же онъ сталъ и останется самымъ замѣчательнымъ изъ стряпчихъ, какой когда-либо жилъ и охотился на землѣ! Ибо въ этомъ земномъ бѣгѣ времени должно было явиться воплощеніе крючкотворства. Небо сказало, пусть будетъ воплощеніе не божественнаго духа, а продажнаго духа стряпчаго, который слѣдитъ только за сдѣлками,—и вотъ оно явилось, и другіе стряпчіе, въ свою очередь, выслѣдили его. Исчезни же ты, воплощеніе духа стряпчаго съ крысиными глазами, которое въ сущности было только подобно другимъ стряпчимъ и слишкомъ алчнымъ сыномъ Адама! Присяжный Вилатъ упорно боролся за свою жизнь и опубликовалъ изъ тюрьмы остроумную книгу, не безъизвѣстную намъ; но это не помогло, онъ также долженъ былъ исчезнуть, и отъ него осталась только эта книга о тайныхъ причинахъ термидорскаго переворота,—книга, полная лжи, но съ частицами правды, которыхъ нигдѣ болѣе не найдешь.

Съ революціоннымъ трибуналомъ покончено; но месть еще не утолена. Депутатъ Лебонъ, послѣ долгой борьбы, преданъ суду обыкновенной судебной палатѣ и гильотинированъ ею. Мало того, въ Ліонѣ и другихъ мѣстахъ воскресшій модератизмъ, въ своей жаждѣ мести, не хочетъ ждать медленнаго судебнаго разбирательства, но врывается въ тюрьмы, поджигаетъ ихъ; сжигаетъ около шестидесяти заключенныхъ якобинцевъ, погибающихъ жестокой смертью, или душитъ ихъ „дымомъ горящей соломы“. Такъ бродятъ мстительныя, жестокія „Дружества Іисуса“, и „Дружества Солнца“, убивая якобинцевъ всюду, гдѣ бы они ни встрѣтились, бросая ихъ въ воды Роны, которая опять несетъ къ морю страшный грузъ. Между тѣмъ, въ Тулонѣ якобинцы возстаютъ и собираются повѣсить національныхъ представителей. Каково бѣдному конвенту справляться съ такими противоположными теченіями! Онъ какъ бы помѣщенъ въ центрѣ борящихся вѣтровъ и волнъ, на морѣ, взволнованномъ сильной бурей, и плыветъ со скрипомъ и сумятицей. Корабль республики, то вздымаемый наверхъ, то исчезающій въ безднѣ между двумя волнами, нуждается въ самомъ искусномъ кормчемъ.

Какой парламентъ въ этомъ подкупномъ мірѣ пережилъ столько превратностей судьбы, какъ этотъ національный парламентъ Франціи? Онъ собрался, чтобы составить конституцію, но ему не было суждено создать ничего, кромѣ разрушенія и смуты. Онъ выжегъ католицизмъ и аристократизмъ; поклонялся разуму, откапывалъ селитру и титанически сражался съ самимъ собою, какъ и съ цѣлымъ міромъ. Онъ былъ опустошенъ гильотиной: десятая часть его членовъ подставила свою шею подъ топоръ. Стѣны его видѣли танцующихъ карманьолу, поющихъ патріотическія строфы, среди награбленной въ церквахъ до-

бычи; видѣли раненыхъ десятаго августа, дефилирующихъ на носилкахъ, и въ пандемоническую полночь видѣли дамъ Эгалите въ трехцвѣтныхъ костюмахъ, пьющихъ лимонадъ; видѣли призракъ Сіеса, поднимающійся, произнося: Смерть безъ разговоровъ! Этотъ конвентъ горѣлъ и леденѣлъ; краснѣлъ отъ ярости и блѣднѣлъ отъ нея же, сидѣлъ съ пистолетами въ карманѣ, выхватывалъ шпагу (въ минуту вспышекъ) и то гремѣлъ на всѣ стороны голосомъ Дантона: „Проснись, о, Франція, и порази тиранновъ!“, то застывалъ въ безволіи при Робеспьерѣ, и отвѣчалъ на его похоронный голосъ только задыхающимися звуками. Убиваемый, опустошаемый, закалываемый, разстрѣливаемый въ ваннахъ, на улицахъ, на лѣстницахъ, онъ былъ ядромъ хаоса. Слыхалъ онъ и звонъ набата въ полночь; совѣщался, окруженный сто тысячной вооруженной толпой съ артиллерійскими печами и повозками съ провіантомъ. Оглушенный набатомъ, штурмуемый, наводненный грязнымъ потокомъ санкюлотизма, онъ слышалъ пронзительные крики: Х л ѣ б а и м ы л а! И это все потому, что, какъ мы сказали, онъ былъ ядромъ хаоса, центромъ санкюлотизма; онъ раскинулъ свой шатеръ надъ зіяющей бездной, гдѣ нѣтъ ни дороги, ни маяка, ни дна, ни берега. Въ истинной доблести, талантливости, искренности и вообще въ силѣ и мужествѣ, онъ, вѣроятно, немногимъ превосходилъ средній уровень парламентовъ, но въ прямотѣ стремленія къ цѣли и въ исключительности положенія едва ли найдется равный ему. Еще одно санкюлотское наводненіе, или самое большее два,—и этотъ усталый корабль конвента достигнетъ берега.

Возмущеніе двѣнадцатаго жерминаля окончилось, какъ напрасный вопль; умирающій санкюлотизмъ былъ сметенъ обратно въ незримое и лежалъ тамъ, стеная, эти шесть недѣль:—стеная, но не переставая строить планы. Якобинцы, разоруженные, прогнанные со своей высокой трибуны, принуждены были придумывать, какъ помочь себѣ, въ тайныхъ подпольныхъ совѣщаніяхъ. И вотъ въ первый день преріала, или 20-го мая, 1795 г. опять забили барабаны: тракътакъ-такъ! къ оружію! къ оружію!

Санкюлотизмъ снова возсталъ со своего смертнаго одра, возсталъ дикій, опустошительный, какъ безплодное море. Сентъ-Антуанъ на ногахъ. „Хлѣба и конституціи 93 года!“ такъ гудитъ толпа, такъ написано мѣломъ на шляпахъ мужчинъ. У нихъ есть пики, есть винтовки, знамена, печатныя прокламаціи, изложенныя въ офиціальной формѣ:—принимая во вниманіе это и принимая во вниманіе то, многострадальный верховный народъ возсталъ; онъ хочетъ хлѣба и конституціи 93 года. Заставы закрыты, барабаны бьютъ сборъ, набатъ нестройно звонитъ тревогу. Темный потокъ людей наводняетъ Тюльери, не обращая вниманія на часовыхъ; само святилище наводнено; вмѣсто порядка дня, вторгается толпа женщинъ съ растрепанными волосами, кричащихъ: „хлѣба, хлѣба!“ Тщетно президентъ покрываетъ голову и звонитъ съ свой небольшой колоколъ въ „павильонѣ Единенія“,—государственный корабль снова получаетъ сильную качку и течь, и готовъ погрузиться, заливаемый волной.

Какой опять день! Женщины вытѣснены, мужчины неудержимо ломятся внутрь; заполняютъ всѣ коридоры, гремятъ у всѣхъ рѣшетокъ. Депутаты, высунувъ головы, умоляютъ, заклинаютъ, но Сентъ-Антуанъ неистово реветъ: „Хлѣба и конституціи!“ Распространился слухъ, будто „конвентъ убиваетъ женщинъ“;—напоръ и трескъ, шумъ и неистовство! Дубовыя двери, словно дубовые тамбурины, трещатъ подъ топорами, штукатурка обваливается, дерево съ трескомъ расщепляется; двери сорваны и толпа врывается съ неистовымъ ревомъ, съ обрывками знаменъ, съ прокламаціями, барабаннымъ боемъ, на удивленіе глазамъ и ушамъ. Жандармы—вѣрнѣе, секціонеры—вторгаются черезъ другую дверь, но ихъ оттѣсняютъ; мушкеты разряжаются: сентъ-антуанцевъ не удается вытѣснить. Тщетно депутаты умоляютъ толпу имѣть уваженіе къ президенту, не приближаться къ нему; тщетно депутатъ Феро протягиваетъ руки, обнажаетъ свою грудь, покрытую рубцами въ испанскихъ войнахъ, умоляетъ, грозится и сопротивляется. Мятежный депутатъ верховнаго народа, ты сражался, а развѣ

мы не сражались? У насъ нѣтъ хлѣба, нѣтъ конституціи! Они хватаютъ бѣднаго Феро, бьютъ, топчутъ его, ярость увеличивается при видѣ собственнаго дѣла. Они вытаскиваютъ его въ коридоръ, мертваго или умирающаго, отрубаютъ ему голову и надѣваютъ ее на пику. Ахъ, неужели недоставало безпримѣрному конвенту еще такихъ ударовъ судьбы? Окровавленную голову Феро несутъ на пикѣ. Дѣло началось; Парижъ и міръ ждутъ, чѣмъ оно кончится.

Толпа свободно бушуетъ теперь во всѣхъ коридорахъ, внутри и снаружи; такъ далеко, насколько хватаетъ глазъ, невидно ничего, кромѣ Бедлама и разверзшагося ада! Президентъ Буасси д'Англа сидитъ подобно скалѣ; остальные члены конвента оттиснуты „къ верхнимъ скамейкамъ"; секціонеры и жандармы еще выстроены въ залѣ, образуя родъ стѣны между ними и толпой. А возставшіе неистовствуютъ, бьютъ въ барабаны, хотятъ читать свои жалобы, требуютъ изданія такого-то и такого-то декрета. Президентъ Буасси не уступаетъ и сидитъ, покрывшись, подобно скалѣ среди бушующаго моря. Ему угрожаютъ, въ него прицѣливаются изъ мушкетовъ; онъ не уступаетъ, къ нему протягиваютъ окровавленную голову Феро; онъ склоняется передъ нею съ серьезнымъ, строгимъ видомъ, и не уступаетъ.

Буасси д'Англа.

Страшный шумъ не позволяетъ прочесть жалобъ; — барабаны бьютъ, глотки орутъ и возстаніе, словно музыка сферъ, заглушается собственнымъ шумомъ. Постановите то, постановите это. Кто-то кричитъ впродолженіи часа, во всѣхъ перерывахъ: „Je demande l'arrestation des coquins et des lâches, я требую ареста мошенниковъ и подлецовъ". Это одна изъ наиболѣе понятныхъ петицій, когда-либо внесенныхъ въ парламентъ; въ этотъ часъ она заключаетъ въ себѣ все, чего можно разумно требовать отъ конституціи года перваго, съ гнилыми мѣстечками, съ баллотировочнымъ ящикомъ или съ другими чудесами политическаго кивота завѣта, установленнаго для васъ до скончанія міра! И я также требую ареста всѣхъ подлецовъ и мошенниковъ, и ничего болѣе. Національное представительство, затопленное грязнымъ санкюлотствомъ, выскальзываетъ вонъ чтобы найти себѣ гдѣ-нибудь помощь и безопасность; здѣсь оно безпомощно.

Къ четыремъ часамъ пополудни въ залѣ остаются всего какихъ-нибудь шестьдесятъ членовъ, истинныхъ друзей народа, или даже тайныхъ руководителей его, остатокъ гребня горы, парабощенный и вынужденный къ молчанію термидорскимъ переворотомъ. Теперь пришло ихъ время, теперь или никогда; пусть они спустятся и говорятъ. Они спускаются, эти шестьдесятъ, приглашенные санкюлотизмомъ: Роммъ—авторъ новаго календаря, Рюль, разбившій дароносицу, Гужонъ, Дюкнуа, Субрани и другіе. Санкюлотизмъ радостно окружаетъ ихъ. Роммъ занимаетъ предсѣдательское мѣсто и начинается принятіе резолюцій и дектретовъ. Быстро слѣдуютъ декретъ за декретомъ послѣ чередующихся краткихъ преній или, вѣрнѣе, строфъ и антистрофъ: они удешевятъ хлѣбъ, пробудятъ спящаго льва. И при каждомъ новомъ декретѣ санкюлотизмъ кричитъ: „постановлено, постановлено!" и бьетъ въ барабаны.

Работа, требующая мѣсяцевъ, исполняется въ нѣсколько часовъ. Вдругъ входитъ фигура, въ которой, при свѣтѣ лампъ, всѣ узнаютъ Лежандра, и произноситъ слова, достойныя быть освистанными! А затѣмъ, смотрите, входитъ секція Лепеллетье или другая секція Muscadin, и золотая молодежь, съ штыками и съ такимъ видомъ, который явно свидѣтельствуетъ о готовности пронизать ими людей. Слышится топотъ ногъ, сверкаютъ при свѣтѣ лампъ штыки-

Что тутъ остается дѣлать народу, измученному долгимъ бунтомъ, упавшему духомъ, темному, голодному, какъ ни бѣжать, ни прятаться, куда только можно? Даже въ окна приходится прыгать, чтобы спастись. Секціи мѣнялъ и золотая молодежь сметаютъ его стальными метлами далеко въ глубь предмѣстій. Новая побѣда! Декреты шестидесяти не только отмѣнены, но объявлены несуществующими. Роммъ, Рюль, Гужонъ и другіе руководители, въ числѣ тринадцати, отданы подъ судъ. Непрерывное засѣданіе оканчивается въ три часа утра [1]). Санкюлотизмъ, еще разъ отброшенный, лежитъ, вытягивая свои члены, вытягивая ихъ въ послѣдній разъ.

Таково было первое преріаля, 20-е мая, 1795 г. Второго и третьяго преріаля санкюлотизмъ все еще продолжалъ вытягиваться, и вдругъ неожиданно забилъ въ свой набатъ и сталъ сходиться вооруженный, но это не помогло ему. Что пользы въ томъ, что мы, съ нашими Роммомъ и Рюлемъ обвиненными, но еще не арестованными, учреждаемъ новый „истинно-національный конвентъ", свой собственный, въ восточной части Парижа, и объявляемъ другихъ внѣ закона? Что пользы, что мы выстраиваемся вооруженные и выступаемъ? Военная сила и секціи Muscadin, въ числѣ около тридцати тысячъ человѣкъ, окружаютъ этотъ ложный конвентъ, и намъ остается только переругиваться, перебрасываться насмѣшливыми прозвищами: „Muscadins" противъ „Кровопійцы, Buveurs de sang". Убійца Феро, захваченный съ окровавленной рукой, приговоренный къ смерти и отправляемый на гильотину на Гревской площади, отбитъ, отведенъ обратно въ Сентъ-Антуанское предмѣстье:—но все напрасно. Секціонеры конвента и золотая молодежь приходятъ, согласно декрету, искать его, и даже болѣе: разоружить Сентъ-Антуанъ! И его разоружаютъ, благодаря привозу пушекъ, отбитію орудій у мятежниковъ, военной отвагѣ и страху передъ закономъ. Сентъ-Антуанъ отдаетъ свое оружіе; Сантерръ даже совѣтуетъ сдѣлать это, опасаясь за свою жизнь и за пивоварню. Убійца Феро бросается съ высокой крыши: и все потеряно [2]).

Видя это, старый Рюль прострѣлилъ изъ пистолета свою старую сѣдую голову; разбилъ свою жизнь на куски, какъ онъ это сдѣлалъ съ дароносицей въ Реймсѣ. Роммъ, Гужонъ и другіе стоятъ передъ наскоро назначеннымъ военнымъ трибуналомъ. Услышавъ приговоръ, Гужонъ вынулъ ножъ, пронзилъ имъ свою грудь и, передавъ его своему сосѣду Ромму, упалъ мертвымъ. Роммъ и почти всѣ остальные сдѣлали то же самое: римская смерть пронеслась здѣсь, какъ бы въ электрической цѣпи, прежде чѣмъ успѣли вмѣшаться ваши судебные пристава! Гильотина получила только остальныхъ.

Это были Ultimi Romanorum. Бильо, Колло и компанію теперь велѣно было приговорить къ смерти, но они оказались уже уѣхавшими, отплывшими въ Синамарри, и къ горячимъ грязямъ Суринама. Тамъ Бильо окружитъ себя стаями ручныхъ попугаевъ, а Колло получитъ желтую лихорадку и, выпивъ цѣлую бутылку водки, сожжетъ себѣ внутренности [3]). Санкюлотизмъ не расправляетъ болѣе своихъ членовъ. Спавшій левъ — теперь мертвъ; и теперь, какъ мы видимъ, всякое копыто можетъ лягать его.

ГЛАВА VI.

Жареныя сельди.

Такъ умираетъ санкюлотизмъ, плоть санкюлотизма; или такъ онъ видоизмѣняется. Его пиѳійская карманьола въ лохмотьяхъ превратилась въ пиррій-

[1]) Deux Amis, XIII, 129—46.

[2]) Toulongeon, V, 297; Moniteur, Nos. 244, 5, 6.

[3]) Dictionnaire des Hommes Marquans, §§ Billaud, Collot.

скіе танцы баловъ дочери Кабаррюса. Санкюлотизмъ умеръ, уничтоженный новыми измами такого рода, которые были его же собственнымъ естественнымъ порожденіемъ; и похороненъ, можно сказать, съ такимъ оглушительнымъ ликованіемъ и дисгармоніей похороннаго звона, съ ихъ стороны, что только спустя полстолѣтіе, или около того, начинаютъ ясно понимать, почему онъ когда-либо существовалъ.

И, однако, въ немъ есть смыслъ: санкюлотизмъ дѣйствительно жилъ, какъ новое порожденіе своего времени и даже продолжаетъ жить и теперь; онъ не умеръ а только видоизмѣнился. Духъ его живъ и дѣйствуетъ въ ширь и въ даль, переходя изъ одного тѣлеснаго образа въ другой, менѣе уродливый, какъ это вообще дѣлаетъ время съ новыми порожденіями, -- пока, въ какой нибудь совершенной формѣ, онъ не обниметъ весь міръ. Уже и теперь умный человѣкъ повсюду понимаетъ, что онъ долженъ опираться на свое человѣческое достоинство, а не на украшенія къ нему. Кто въ эти эпохи нашей Европы опирается на украшенія, формулы, кюлотизмъ какого бы то ни было сорта, тотъ рядится въ стародавнюю одежду, въ овчину, и не можетъ долго существовать. Но что касается до плоти санкюлотизма, то она умерла и погребена,—и, надо надѣяться, что не воскреснетъ въ своей первоначальной уродливой формѣ еще тысячу лѣтъ.

Былъ ли онъ страшнѣйшимъ явленіемъ, когда либо порожденнымъ временемъ? Былъ, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ самыхъ страшныхъ. Этотъ конвентъ, теперь ставшій антиякобинскимъ, съ намѣреніемъ оправдаться, упрочиться, опубликовываетъ списки преступленій, совершенныхъ царствомъ террора: списки гильотинированныхъ. Эти списки неполны, кричитъ желчный аббатъ Монгальяръ. Сколько же въ нихъ стояло именъ? думаетъ читатель.—Двѣ тысячи безъ малаго. Ихъ было свыше четырехъ тысячъ, кричитъ Монгальяръ, считая гильотинированныхъ, разстрѣлянныхъ, потопленныхъ, преданныхъ жесточайшей смерти; въ томъ числѣ девятьсотъ женщинъ [1]. Это ужасная сумма человѣческихъ жизней, господинъ аббатъ:—такое же число людей, увеличенное въ десять разъ, было законно разстрѣляно на поляхъ битвъ и доставило славную побѣду съ молебствіями. Это почти двухсотая часть того, сколько погибло во всю семилѣтнюю войну, а этой семилѣтней войной великій Фридрихъ отнялъ Силезію у великой Терезы, и г-жа Помпадуръ, язвимая жаломъ эпиграммъ, убѣдилась, что она не можетъ быть Агнессой Сорель! Голова человѣка—это странная, пустая и гулкая оболочка, господинъ аббатъ, которой не приноситъ пользы изученіе пѣтушинныхъ боевъ.

Но что если бъ исторія услышала о существованіи гдѣ нибудь на этой планетѣ націи, третьей части которой не хватаетъ, впродолженіи тридцати недѣль ежегодно, третьей части картофеля, нужнаго ей для прокормленія? [2]). Исторія, въ такомъ случаѣ, чувствуетъ себя обязанной признать, что голодъ есть голодъ; что голодъ изъ года въ годъ заставляетъ предполагать многое; исторія дерзаетъ утверждать, что французскіе санкюлоты 95 года, которые, пробудившись послѣ долгаго мертваго сна, могли сразу устремиться на границы и умирать, сражаясь за безсмертную надежду и вѣру въ освобожденіе для себя и для своихъ, были несчастнѣйшими людьми только второй степени. Развѣ ирландскій безкартофельникъ (Sans-potato) безчувственъ, бездушенъ? Горько было и ему умирать отъ голода въ своемъ холодномъ, темномъ жилищѣ! Горько было и ему видѣть своихъ дѣтей голодающими! Горько было сознавать себя нищимъ, лжецомъ и плутомъ. Мало того: если это ледяное дыханіе безпросвѣтной нищеты, переходившее долгіе годы въ наслѣдство отъ отца къ сыну, довело его до нѣкотораго рода оцѣпенѣнія, притупило его чувства настолько, что онъ не замѣчалъ и не сознавалъ его,—то было ли это, для созданія, имѣющаго душу, нѣкоторымъ облегченіемъ, или величайшимъ изъ несчастій?

---

[1]) Mongaillard, IV, 241.

[2]) Докладъ ирландской комиссіи закона о бѣдныхъ. 1836.

Таковы были обстоятельства; такими они и остаются, только въ мирномъ молчаніи,—и санкюлотизмъ покоряется имъ. Исторія, оглядываясь на эту Францію за долгіе годы назадъ, ко временамъ Тюрго, напримѣръ, когда безгласная чернорабочая масса нерѣшительно приблизилась къ королевскому дворцу и среди громаднаго моря блѣдныхъ лицъ, грязи и развѣвающихся лохмотьевъ, подала свои написанныя іероглифами жалобы и, вмѣсто отвѣта, была повѣшена на „новыхъ висѣлицахъ, сорока футовъ вышиной“,—исторія съ грустью признается, что нельзя найти такого періода времени, въ который всѣ двадцать пять милліоновъ французскаго народа страдали бы менѣе, чѣмъ въ тотъ періодъ, который называется царствомъ террора! Но въ ту пору эти страдающіе милліоны не были нѣмы; тысячи, сотни и единицы изъ нихъ говорили, кричали, печатали свои требованія и заставляли міръ отзываться на свое горе, какъ они могли и должны были дѣлать: вотъ въ чемъ великая особенность той эпохи. Самыми страшными порожденіями времени бываютъ не тѣ, которыя кромко кричатъ, они скоро умираютъ, а тѣ, которыя молчатъ; эти могутъ жить изъ вѣка въ вѣкъ. Анархія, ненавистная, какъ смерть, противна самой природѣ человѣка; и поэтому сама должна скоро умереть.

Поэтому, пусть будетъ извѣстно всѣмъ то низкое и возвышенное, которое открывается еще въ человѣкѣ, и пусть всѣ со страхомъ и съ удивленіемъ, со справедливыми симпатіей и антипатіей, съ яснымъ взоромъ и открытымъ сердцемъ вникаютъ въ это и дѣлаютъ свои выводы, а ихъ можетъ быть безчисленное множество. Однимъ изъ первыхъ выводовъ можетъ быть, напримѣръ, тотъ, что „если боги этого подлуннаго міра будутъ возсѣдать на своихъ блистающихъ тронахъ, безпечные, какъ боги Эпикура, не обращая вниманія на живой хаосъ, валяющійся въ грязи у ихъ ногъ, и гладить по головкѣ паразитовъ, проповѣдующихъ: Миръ, миръ, когда мира нѣтъ“, то темный хаосъ можетъ подняться, какъ уже и поднимался. Не изъ вашихъ ли кожъ—о, Боже!—онъ дѣлалъ себѣ брюки? Для того, чтобы не было на землѣ второго санкюлотизма впродолженіи тысячи лѣтъ, намъ надо хорошо понять, чѣмъ былъ первый, и постараться, чтобы бѣдные и богатые изъ насъ жили и поступали иначе. Но вернемся къ нашему повѣствованію.

Секція щеголей въ радости; на балахъ дочери Кабаррюса кружатся: развѣ мы не разрѣшили почти неразрѣшимую задачу, —республика безъ анархіи?—Законъ „братства или смерти“ исчезъ; химерное: получай, кто нуждается, превратилось въ практическое: держи, кто имѣетъ. Анархическая республика бѣдности смѣнилась методическою республикой роскоши, которая будетъ продолжаться такъ долго, какъ только можетъ.

На Банковскомъ мосту и на Гревской площади, подъ длинными навѣсами, Мерсье видѣлъ въ эти лѣтніе вечера ужинающихъ рабочихъ. Отмѣриваемая ежедневная порція хлѣба уменьшилась до полуторы унціи. „На каждой тарелкѣ лежало по три жареныхъ селедки, посыпанныхъ рубленнымъ лукомъ и политыхъ уксусомъ; къ этому было прибавлено нѣсколько штукъ вареннаго чернослива и чечевицъ, плавающихъ въ жидкомъ соусѣ; за столами съ этимъ скуднымъ ужиномъ, съ шипящей возлѣ рѣшеткой для жаренія и съ кипящимъ на огнѣ котелкомъ, подвѣшеннымъ между двухъ камней, я видѣлъ сотни рабочихъ, истреблявшихъ свое скудное кушанье, слишкомъ умѣренное для ихъ аппетита и пустыхъ желудковъ“ [1]). Вода Сены, въ изобиліи струящаяся подъ рукою, пополняла недостающее.

Стало быть, тебѣ, труженникъ, твоя борьба и отвага, впродолженіи этихъ долгихъ шести лѣтъ возстаній и бѣдствій не принесли никакой пользы? Ты по прежнему ѣшь свою селедку и запиваешь водой въ благословенный золотисто-багряный вечеръ. О, зачѣмъ земля такъ прекрасна, облитая румянцемъ заката, въ сгущающіеся сумерки, если взаимныя отношенія между людьми дѣлаютъ ее

[1]) Nouveau Paris, IV, 118.

долиной нужды, слезъ и даже не тихихъ слезъ? Разрушенie Бастилiи, пораженie герцога Брауншвейгскаго, смѣлое выступленie противъ королей и князей, противъ земли и ада, все, на что ты дерзалъ и что претерпѣлъ,—неужели все это дѣлалось только для республики салоновъ Кабаррюсъ? Терпѣнie! ты долженъ имѣть терпѣнie: конецъ еще не наступилъ.

ГЛАВА VII.

Залпъ картечи.

Въ сущности, какое положенie могло бы быть естественнѣе этого и даже неизбѣжнѣе, какъ переходное послѣ санкюлотства? Безпорядочное разрушенie республики бѣдности, окончившейся царствомъ террора, улеглось въ такую форму, въ какую только могло улечься. Евангелie Жакъ Жака и большинство другихъ ученiй утратили довѣрie людей и что же еще оставалось имъ, какъ не вернуться къ старому евангелiю Маммона? Общественный договоръ не то правда, не то нѣтъ; „братство есть братство или смерть"; а на деньги всегда можно купить стоющее денегъ; въ хаосѣ человѣческихъ сомнѣнiй одно осталось несомнѣннымъ: это то, что удовольствiе прiятно. Аристократiя феодальныхъ грамотъ рухнула съ грохотомъ и теперь, въ силу естественнаго хода вещей, мы пришли къ аристократiи денежнаго мѣшка. Это путь, которымъ идутъ въ этотъ часъ всѣ европейскiя общества. Значитъ, это болѣе низкiй сортъ аристократiи? Безконечно болѣе низкiй; самый низкiй изъ всѣхъ извѣстныхъ.

Въ ней, однако, есть то преимущество, что, подобно самой анархiи, она не можетъ продолжаться. Замѣчалъ ли ты, насколько мысль сильнѣе артиллерiйскихъ парковъ, и какъ она (черезъ полвѣка ли послѣ смерти и мученичества, или черезъ двѣ тысячи лѣтъ) пишетъ и переписываетъ парламентскiе акты, сдвигаетъ горы, лѣпитъ мiръ, какъ мягкую глину? И замѣчалъ ли ты, что началомъ всякой мысли, достойной этого имени, бываетъ любовь, и что никогда еще не существовало мудрой головы безъ благороднаго сердца? Небо не перестаетъ изливать свои благости, оно посылаетъ намъ великодушныя сердца въ каждомъ поколѣнiи. А какое великодушное сердце можетъ вѣрить, что приверженность къ денежному мѣшку—чувство благородное? Маммонъ, кричитъ великодушное сердце во всѣ вѣка и во всѣхъ странахъ, самый презрѣнный изъ извѣстныхъ боговъ и даже изъ извѣстныхъ демоновъ. Какое въ немъ достоинство, передъ которымъ можно было бы преклониться. Никакого. Онъ не внушаетъ даже страха, а, самое большее, внушаетъ омерзѣнie, соединенное съ презрѣнiемъ! Великодушныя сердца, замѣчая, съ одной стороны, широко распространившуюся нищету, темную снаружи и внутри, смачивающую свои полторы унцiи хлѣба слезами; а съ другой, только балы въ тѣлеснаго цвѣта шароварахъ, пустоту и безплодie блеска этого сорта, могутъ только восклицать: Слишкомъ много, о, божественный Маммонъ; ужъ слишкомъ много! И голосъ ихъ, разъ раздавшись, влечетъ за собой f i a t и p e r e a t для всего земнаго.

Между тѣмъ, мы ненавидимъ анархiю, какъ смерть, каковою она и есть; а все, что еще хуже анархiи, должно быть ненавидимо еще с и л ь н ѣ е. По истинѣ, плодотворенъ только миръ. Анархiя—это разрушенie, сжиганie, положимъ, всего ложнаго и нестерпимаго, но сжиганie, оставляющее послѣ себя пустоту. Знай также, что изъ мiра безразсудства ничего не можетъ выйти, кромѣ безразсудства. Приведи его въ порядокъ, построй изъ него конституцiю, просѣй черезъ баллотировочные ящики, если хочешь,—оно есть и останется безразсудство,—новая добыча новыхъ шарлатановъ и нечистыхъ рукъ, и конецъ его будетъ едва ли лучше начала. Кто можетъ получить что-нибудь разумное отъ неразумныхъ людей? Никто. Разъ, что для этой Францiи наступили пустота и всеобщее упраздненie, что можетъ прибавить къ этому анархiя? Пусть будетъ

порядокъ, хотя бы подъ солдатскими саблями, пусть будетъ миръ, чтобы благость неба не пропала даромъ; чтобы та доля мудрости, которую оно посылаетъ намъ, принесла намъ плоды въ свое время! Остается посмотрѣть, какъ усмирители санкюлотизма были сами усмирены и священное право возстанія было взорвано порохомъ, чѣмъ и кончается эта странная, полная событій исторія, называемая французской революціей.

Конвенту, подгоняемому въ его дѣятельности, въ эти три года, такимъ бурнымъ вѣтромъ и противуположными теченіями, то съ кормчимъ, то безъ кормчаго, наскучило свое собственное существованіе; онъ видитъ, что оно и всѣмъ наскучило и сердечно желаетъ разойтись. До конца онъ долженъ былъ бороться съ противорѣчіями, и еще не знаетъ покоя даже теперь, когда конституція почти выработана. Какъ мы уже сказали, Сіесъ составляетъ конституцію еще разъ и она почти готова. Наученный опытомъ, великій архитекторъ многое измѣняетъ и многое прибавляетъ. Въ результатѣ получаются: различіе между активными и пассивными гражданами, то есть денежный цензъ для избирателей; двѣ палаты: „совѣтъ старѣйшихъ", а также „совѣтъ пятисотъ". Въ подобномъ же духѣ, избѣгая рокового само-отрицательнаго постановленія стараго учредительнаго собранія, мы постановляемъ, что настоящіе члены конвента не только могутъ быть избираемы вновь, но что двѣ трети изъ нихъ должны быть вновь избираемы. Активные граждане-избиратели могутъ теперь выбирать только одну треть національнаго собранія. Включивъ это постановленіе объ обязательномъ переизбраніи двухъ третей, мы представляемъ нашу конституцію на разсмотрѣніе всѣмъ округамъ Франціи и говоримъ: Примите то и другое или отвергните то и другое. Какъ ни непріятно такое добавленіе, однако округи подавляющимъ большинствомъ принимаютъ и утверждаютъ его. Съ директоріей изъ пяти членовъ, съ двумя палатами, въ каждой изъ которыхъ двѣ трети членовъ назначаются нами самими, можно надѣяться, что эта конституція будетъ послѣдней. Она пойдетъ, вѣдь ногами ей будутъ служить переизбираемыя двѣ трети, а онѣ уже на лицо и способны ходить. Сіесъ смотритъ на свое бумажное производство со справедливой гордостью.

Но теперь посмотрите, какъ несговорчивыя секціи, и секція Лепеллетье прежде всѣхъ, натыкаются на шипы! Развѣ не нарушеніе избирательныхъ правъ человѣка и верховнаго народа это добавленіе о переизбираемыхъ двухъ третяхъ? Алчные тираны, вы хотите увѣковѣчить себя!—Дѣйствительно, эти люди зазнались отъ своей побѣды надъ Сентъ-Антуаномъ и надъ священнымъ правомъ возстанія! Мало того, эта побѣда повредила всѣмъ. Вѣдь, подумайте: прежде всякій могъ надѣяться получить то, чего онъ желаетъ; а теперь не должно быть такой надежды; теперь каждый долженъ пользоваться именно вотъ этимъ.

Какое неясное броженіе поднимется въ людяхъ, испорченныхъ продолжительнымъ правомъ возстанія, разъ зашевелятся языки! Журналисты — Лакретели, Лагарпы—орудуютъ; ораторы изливаются въ краснорѣчіи, въ которомъ слышится и роялизмъ, и якобинизмъ. На западной границѣ, Пишегрю, рискнувъ положиться на свою армію, ведетъ въ глубокой тайнѣ переговоры съ Конде; а въ парижскихъ секціяхъ разглагольствуютъ волки въ овечьихъ шкурахъ, замаскированные эмигранты и роялисты [1]). Каждый, какъ мы сказали, надѣялся, что выборы сдѣлаютъ что нибудь для него лично, а теперь нѣтъ болѣе выборовъ, или есть только третья часть ихъ. Черные соединились съ бѣлыми противъ этой оговорки о двухъ третяхъ, и къ нимъ присоединились всѣ непокорные элементы, которые видятъ свое дѣло почти проиграннымъ, благодаря этой статьѣ конституціи.

Секція Лепеллетье, послѣ многихъ адресовъ, находитъ, что такая статья есть явное посягательство на свободу, и просто на просто отказывается подчи-

---

[1]) Napoleon, Las Cases (въ Choix des Rapports, XVII, 398—411).

довщина бунта менадъ шесть лѣтъ тому назадъ: вотъ, какъ мы далеко подвинулись со священнымъ правомъ возстанія!

Секція Лепеллетье захватила церковь Сенъ-Рошъ; заняла Понъ-Нёфъ; нашъ пикетъ, стоявшій тамъ, отступилъ, не стрѣляя. Шальныя пули возставшихъ залетаютъ въ Тюльери, стучатъ по каменной лѣстницѣ. Съ другой стороны, приближаются женщины съ растрепанными волосами и кричатъ: Миръ Борцы Лепеллетье, позади нихъ, машутъ шляпами въ знакъ своей готовности побрататься съ войсками. Смѣлѣй! Артиллерійскій офицеръ твердъ, какъ бронза, а при надобности, быстръ, какъ молнія. Онъ посылаетъ самому конвенту восемьсотъ мушкетовъ съ запасомъ патроновъ; почтенные члены могутъ дѣйствовать ими въ случаѣ крайности, на что они смотрятъ довольно серьезно. Бьетъ четыре часа пополудни [1]); секція Лепеллетье, ничего не добившись черезъ своихъ делегатовъ и призывовъ къ братанію, разсыпается вдоль южной набережной Вольтера, вдоль улицы и проходовъ, съ утроенной быстротой, и приступаетъ къ настоящему штурму! Тогда изъ бронзовыхъ устъ артиллерійскаго офицера вылетаетъ: „Пали!“ и начинается непрерывный, перекатывающійся громъ пушекъ подобный вулканическому изверженію. Стрѣляетъ его большая пушка въ тупикѣ Дофина противъ церкви Сенъ-Рошъ; стрѣляютъ его большія пушки на Королевскомъ мосту; стрѣляютъ всѣ его большія пушки, взрывая на воздухъ до двухсотъ человѣкъ, главнымъ образомъ, около церкви Сенъ-Рошъ! Секція Лепеллетье не можетъ выдержать такой игры; ни одинъ секціонеръ не можетъ устоять, сорокъ тысячъ отступаютъ со всѣхъ сторонъ, и бѣгутъ, ища прикрытія. „Около сотни изъ нихъ засѣли въ театрѣ Республики, но нѣсколько гранатъ выгѣснили ихъ оттуда. Къ шести часамъ все было кончено“.

Корабль сошелъ съ мели и свободно плыветъ къ берегу среди криковъ и виватовъ. Гражданинъ Бонапартъ „выбранъ единогласно командиромъ военныхъ силъ внутренней Франціи“; усмиренныя секціи, волей-неволей, должны разоружиться: священное право возстанія отмѣнено на вѣки! Конституція Сіеса можетъ высадиться и пойти. Чудесный корабль конвента достигъ берега и превратился, говоря образно, какъ корабли эпическихъ поэмъ, въ своего рода морскую нимфу, чтобы никогда болѣе не плавать и представлять собою чудо исторіи.

„Неправда, говоритъ Наполеонъ, что мы стрѣляли сначала холостыми зарядами; это было бы напрасной тратой людей“. Да, это неправда: пальба производилась самыми разрушительными снарядами: для всѣхъ было ясно, что это не шутка. До сихъ поръ видны разбитые ими въ щепы жолоба и плинтусы церкви Сенъ Рошъ. Странно: прежде, во времена Брольи, шесть лѣтъ тому назадъ, такими залпами картечи грозили, но не могли исполнить угрозу: да это и не помогло бы тогда. Только теперь настало для этого время, и явился нужный человѣкъ. Вотъ онъ пришелъ къ вамъ; и явленіе, которое мы спеціально называемъ французской революціей, развѣяно имъ въ прахъ, и стало дѣломъ прошлаго!

ГЛАВА VIII.

Finis.

Эпосъ Гомера, какъ замѣчено, подобенъ барельефу скульптуры: онъ не имѣетъ заключенія, а просто обрывается. Таковъ, на самомъ дѣлѣ, и эпосъ самой всеобщей исторіи. Во Франціи, директорія, консульство, имперія, реставрація, буржуазное королевство чередуются одно за другимъ, вытекаетъ одно изъ другого. Однако, прародительница ихъ всѣхъ, можно сказать, разсѣялась въ воздухѣ тѣмъ путемъ, который мы описали. Возстаніе Бабёфа, въ слѣдующемъ

---

1) Moniteur, Séance du 5 Octobre 1795.

году, умреть при рожденіи, задушенное солдатами. Сенатъ, если онъ получить роялистскій оттѣнокъ, можетъ быть очищенъ солдатами; и восемнадцатаго фруктидора онъ уступаетъ при одномъ появленіи штыковъ [1]). Мало того, солдатскіе штыки могутъ быть примѣнены къ сенату и a posteriori; могутъ заставить его прыгать въ окно,—даже безъ кровопролитія, и вызвать восемнадцатое брюмера [2]). Нужныя перемѣны должны произойти: но онѣ подготовляются интригами, кознями, а затѣмъ и правильными приказами, почти какъ обыкновенныя перемѣны министерства. Не благодаря священному праву возстанія вообще, а все болѣе и болѣе мягкими способами будутъ отнынѣ совершаться событія французской исторіи.

Признано, что эта директорія, обладавшая вначалѣ только тремя вещами: „старымъ столомъ, листомъ бумаги и банкой чернилъ", безъ всякихъ признаковъ денегъ, или денежныхъ сдѣлокъ [3]), совершила чудеса. Франція, замиренная со времени царства террора, стала новой Франціей, очнувшейся, подобно великану, отъ оцѣпенѣнія, и продолжала свою внутреннюю жизнь съ непрерывнымъ прогрессомъ. Что касается до внѣшняго образа и формъ жизни, то что же мы можемъ еще сказать, кромѣ того, что отъ питанія получается сила, а отъ безразсудства не можетъ получиться мудрости? Обманчивое сожжено; мало того,—что также является особенностью Франціи,—самыя названія обманчиваго уничтожены. Новыя реальности еще не явились. Ахъ, нѣтъ, пока имѣются только призраки, бумажные образцы, соблазнительные прототипы ихъ! Во Франціи теперь четыре милліона земельныхъ собственностей; извѣстный мрачный прообразъ аграрнаго закона какъ бы осуществленъ. Еще болѣе странно то, что всѣ французы имѣютъ право дуэли: извощикъ можетъ вызвать на дуэль пэра, если тотъ нанесетъ ему оскорбленіе; таковъ законъ общественнаго мнѣнія. Равенство, по крайней мѣрѣ, въ смерти! Форма правленія—мѣщанскій король, въ котораго не разъ уже стрѣляли, но еще не попали.

Гракхъ Бабёфъ.

Итакъ, въ общемъ, не исполнилось ли то, что было предсказано, ex-post-facto правда, архи-шарлатаномъ Каліостро или другими? Онъ, дивясь на все происходящее, въ экстатическомъ прозрѣніи сказалъ [4]): „Га! что это? Ангелы, Уріель, Анахіель и вы, другіе пятеро; пятиугольникъ омолодѣнія; сила, уничтожающая первородный грѣхъ; земля, небо и ты, внѣшняя темница, которую люди называютъ адомъ! Не царство ли обмана колеблется, вспыхиваетъ тамъ въ сверкающемъ блескѣ, разсыпая лучи свѣта изъ своего темнаго лона; какъ оно корчится,—не въ родовыхъ, а въ смертныхъ мукахъ! Да, лучи свѣта, пронизывающіе, яркіе, привѣтствующіе небо,—вотъ они зажигаютъ это царство лжи; ихъ сіяніе становится яркимъ, словно адскій огонь!

„Обманъ въ пламени, обманъ сгорѣлъ: одно красное море огня, дико вздымающееся, покрываетъ міръ; своими огненными языками лижетъ самыя звѣзды. Троны низвергнуты въ него, и митры Дюбуа, и пребендныя скамейки, съ которыхъ льется жиръ, и—что вижу я?—всѣ кабріолеты на свѣтѣ: все! все! Горе мнѣ! Никогда со времени колесницъ фараона въ Красномъ морѣ, не было еще

[1]) Moniteur, du 4 Septembre, 1797.

[2]) 9-е ноября 1799 (Croix des Rapports, XVII, 1—96).

[3]) Bailleu, Examen critique des Considerations de Madame de Staël, II, 275.

[4]) Diamond Necklace, Бриллiантовое ожерелье (Carlyle's Moscellanies).

подобнаго этому уничтоженія повозокъ въ морѣ огня. Уничтоженные, какъ пепелъ, какъ газы, будутъ они носится по вѣтру.

„Все выше и выше разгорается огненное море; треща свѣжими, вывороченными деревьями; обжигая глаза и кожу. Металлическіе образа расплавились; мраморныя изображенія превратились въ известку; каменныя горы угрюмо разверзаются. Благоприличіе, со всѣми его кабріолетами, зажженными для погребальнаго костра, рыдая, покидаетъ землю; не съ тѣмъ, чтобы возвратиться невредимымъ при новомъ Аватарѣ. Горитъ обманъ впродолженіи поколѣній; сгорѣлъ онъ, уничтоженъ на время. Міръ черенъ, какъ зола;—ахъ, когда онъ зазеленѣетъ? Всѣ образа превращены въ безформенную коринѳскую мѣдь; всѣ жилища людей уничтожены; самыя горы обнажены и расщеплены; долины мрачны и мертвы: это пустой міръ! Горе тѣмъ, кто будетъ рожденъ тогда! Король, королева (о, горе!) были ввергнуты туда; зашелестѣли и съ трескомъ взлетѣли вверхъ, подобно свертку бумаги. Искаріотъ-Эгалите также былъ ввергнутъ; и ты, жестокій де-Лонэ, со своей жестокой Бастиліей; цѣлыя семьи съ ихъ близкими; пять милліоновъ истребляющихъ другъ друга людей. И это потому, что настало конецъ царства обмана (который есть мракъ и густой дымъ), и сжигаются неугасимымъ огнемъ всѣ побрякушки на свѣтѣ". Развѣ не исполнилось и не исполняется это пророчество? спрашиваемъ мы.

Теперь, читатель, пришло время разстаться намъ. Утомительно было наше совмѣстное путешествіе, и не безъ непріятностей, но оно кончено. Для меня ты былъ какъ бы любимой тѣнью, безтѣлеснымъ или еще не воплощеннымъ духомъ брата. А я для тебя былъ только голосомъ. И однако наши взаимныя отношенія были въ нѣкоторомъ родѣ священны; вѣрь мнѣ! Ибо какимъ бы пустымъ звукомъ ни сдѣлалось все священное, но когда голосъ человѣка говоритъ съ человѣкомъ, развѣ онъ для тебя не живой источникъ, изъ котораго истекаетъ и будетъ истекать все священное? Человѣкъ, по своей природѣ, можетъ быть опредѣленъ какъ „воплощенное слово". Не дѣлаетъ мнѣ чести, если я сказалъ тебѣ какую нибудь ложь; но и тебѣ слѣдовало понимать меня вѣрно. Прощай.

